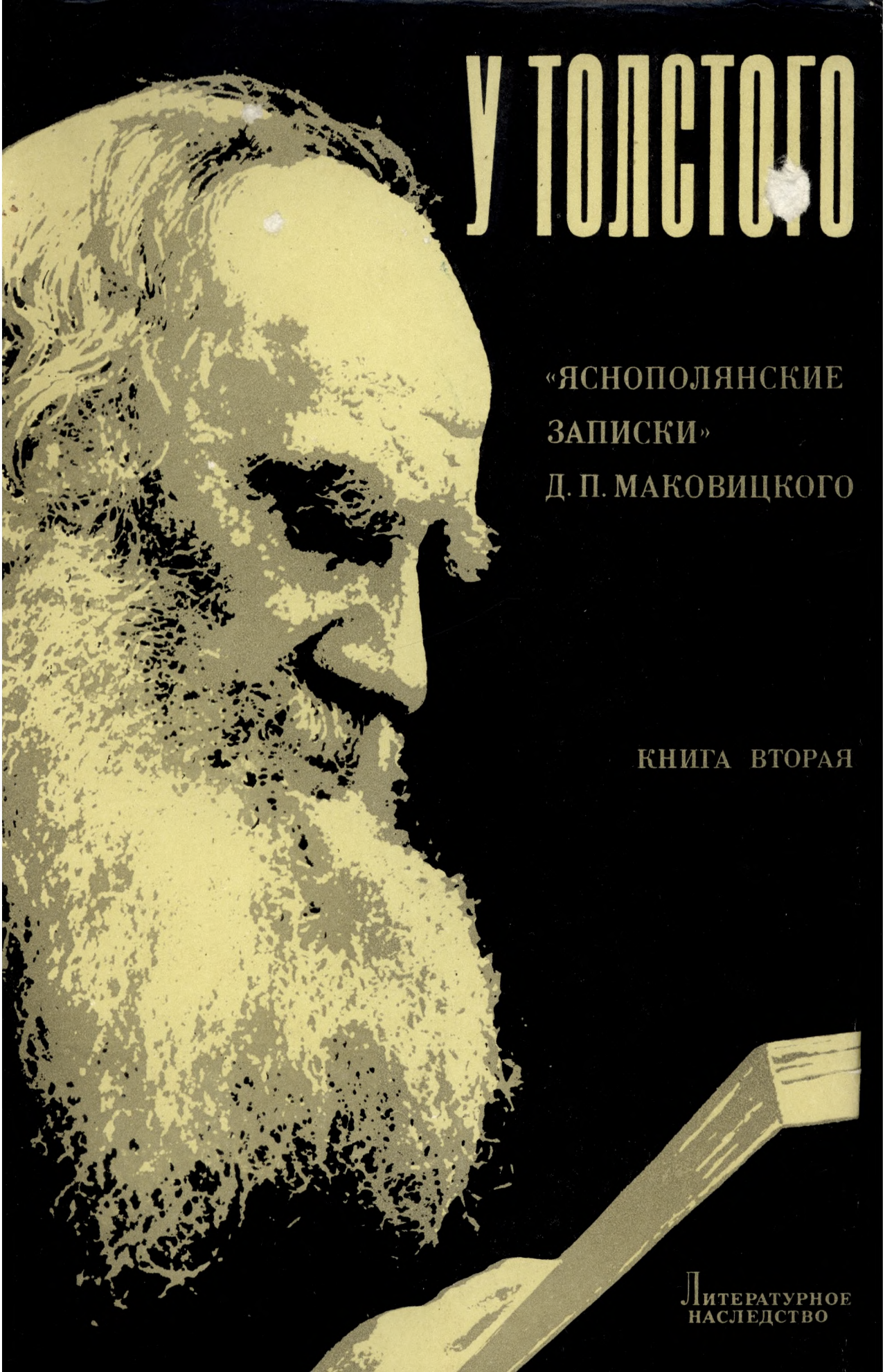


У ТОЛСТОГО

«ЯСНОПОЛЯНСКИЕ ЗАПИСКИ» Д. П. МАКОВИЦКОГО

КНИГА ВТОРАЯ

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

Настоящий том «Литературного наследства», в четырех книгах, посвящен публикации обширного дневника - хроники о Л. Н. Толстом его домашнего врача, секретаря и друга, словака по национальности, Д. П. Маковицкого. Он прожил в Ясной Поляне с конца 1904 по 1910 г. и сопровождал Толстого в его последней поездке, прервавшейся в пути болезнью и смертью писателя на станции Астапово. Маковицкий дал своему дневнику название «У Толстого 1904—1910». Но в литературе он получил известность под именем «Яснополянские записки».

Дневник Маковицкого — документ единственный в своем роде, источник первостепенной важности. Это летопись всего, что на протяжении своей жизни в Ясной Поляне, возле Толстого, видел и слышал Маковицкий; это хронограф жизни Толстого не только по дням, но часто буквально по часам; это широкая панорама быта яснополянского дома. Это и исторический памятник эпохи, своеобразно отражающий те годы, в которые он создавался,— годы русско-японской войны, первой русской революции и последовавшей, вслед за ее поражением, полосы реакции. Главная и ценнейшая особенность дневника Маковицкого — множество приведенных в нем разговоров и высказываний Толстого, записанных либо синхронно их произнесению, «стенографически», либо по свежей памяти, «протокольно». «Яснополянские записки» — единственный источник, в котором с таким изобилием и с такой документальной достоверностью воспроизведена устная речь писателя, почти непрерывно звучит его живой голос.

Часть записанных Маковицким разговоров и высказываний Толстого падает на бытовые и автобиографические темы, в том числе ретроспективного содержания; другая — относится к невообразимо широкому кругу идейных интересов писателя. В этих высказываниях — отклики Толстого на вопросы морали, религии, философии, искусства, литературы, истории, науки, и больше всего на острейшие социальные и политические вопросы современности.

Вступительные статьи к публикации осмысляют основное содержание дневника в системе мировоззрения Толстого, определяют место и значение «Яснополянских записок» среди других дневников и мемуаров о Толстом, знакомят читателя с личностью и биографией Маковицкого, а также с историей создания «Записок». Публикация сопровождается примечаниями к отдельным местам текста и комментированными указателями. Последние помещаются в заключительной, четвертой, книге тома.

Как всегда в томах «Литературного наследства», издание «Яснополянских записок» богато иллюстрировано.

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

У ТОЛСТОГО

«ЯСНОПОЛЯНСКИЕ ЗАПИСКИ» Д. П. МАКОВИЦКОГО

КНИГА ВТОРАЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
им. А. М. ГОРЬКОГО

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ТОМ ДЕВЯНОСТЫЙ

В ЧЕТЫРЕХ КНИГАХ

РЕДАКЦИЯ
Г. П. БЕРДНИКОВ, Д. Д. БЛАГОЙ, А. Н. ДУБОВИКОВ,
И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН, А. С. КУРИЛОВ, С. А. МАКАШИН,
К. Д. МУРАТОВА, П. В. ПАЛИЕВСКИЙ, Л. А. СПИРИДОНОВА
Л. И. ТИМОФЕЕВ, Н. А. ТРИФОНОВ,
М. Б. ХРАПЧЕНКО, В. Р. ЩЕРБИНА (ГЛАВ. РЕД.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 · 9 · МОСКВА · 7 · 9

ХРАНИТЬ НАСЛЕДСТВО - ВОВСЕ НЕ ЗНАЧИТ
ЕЩЕ ОГРАНИЧИВАТЬСЯ НАСЛЕДСТВОМ
ЛЕНИН

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

У ТОЛСТОГО
1904—1910

«ЯСНОПОЛЯНСКИЕ ЗАПИСКИ» Д. П. МАКОВИЦКОГО

КНИГА ВТОРАЯ
1906—1907

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 · 9 · МОСКВА · 7 · 9

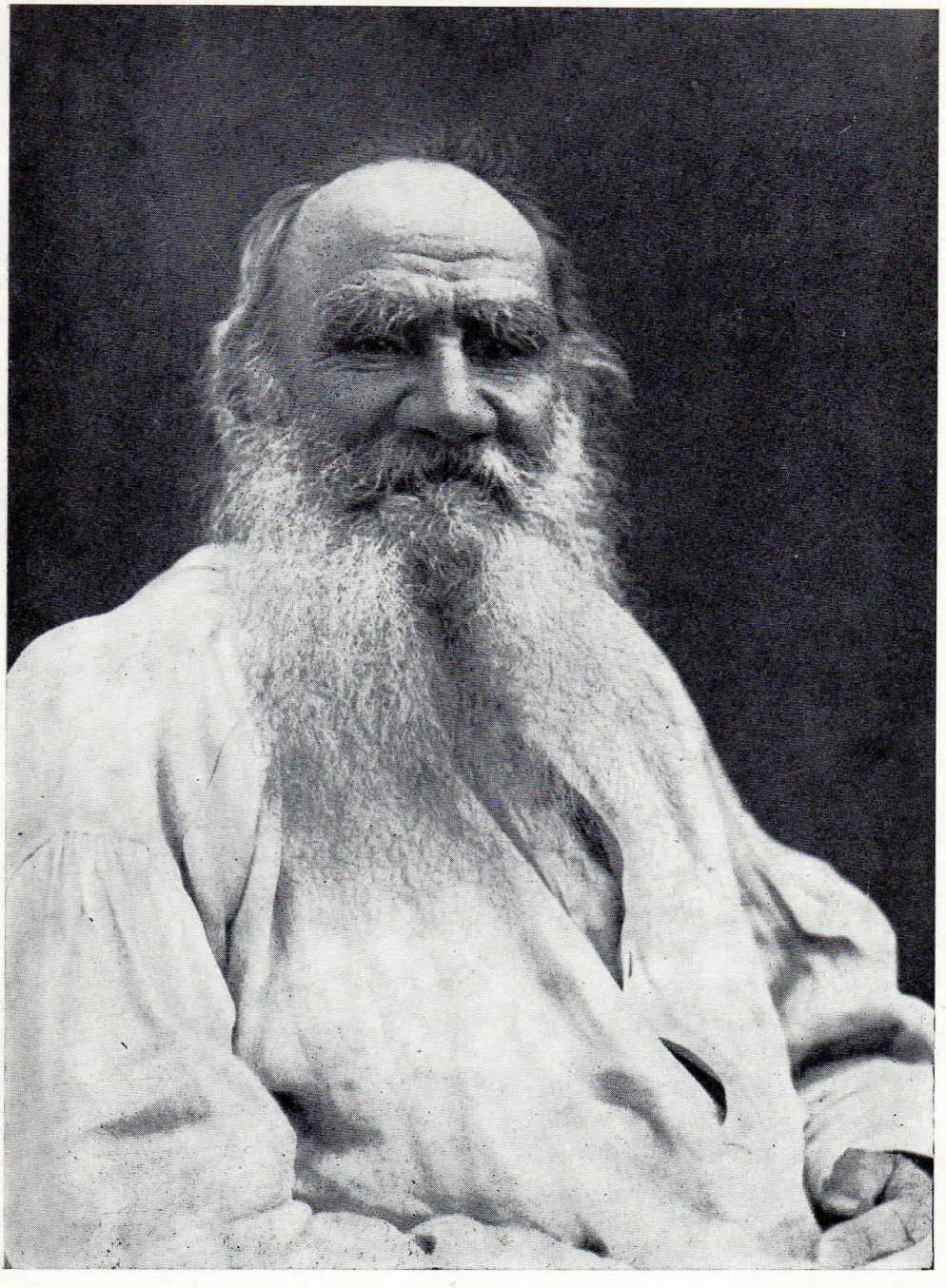
Издание «Яснополянских записок»
подготовлено при участии
Государственного музея Л. Н. Толстого (Москва),
Карлова университета (Прага),
Института литературоведения Словацкой Академии наук
(Братислава)

Редакционная комиссия издания
С. А. МАКАШИН, М. Б. ХРАПЧЕНКО, В. Р. ЩЕРБИНА

ГОД ИЗДАНИЯ СОРОК ДЕВЯТЫЙ

Л $\frac{70202-127}{042(02)-79}$ БЗ—29—27—78 3603020440

© Издательство «Наука», 1979



Л. Н. ТОЛСТОЙ
Фотография, 1907

ДНЕВНИК

Подготовка текста и примечания О. А. Голиненко и И. А. Покровской

1906

1 января. Л. Н. поблагодарил меня за гостинец — перегородки для книг на полке. Спрашивал о родных, особенно о 82-летнем старике-отце, о его духовной, религиозной жизни. Спросил, как немцы судят об остзейских событиях (погромах баронских усадеб батраками). Я ответил, что в берлинском журнале «Die Wage» читал передовую статью русского немца-барона, в которой он приписывает восстание латышей-земледельцев необдуманному (с его точки зрения) без переходных мер, освобождению русским правительством крестьян в России с землей *.

Л. Н. переспросил:

— Остзейских?

— Нет, русских [1].

Л. Н.: Гм! Sehr... plausibel **.

Потом я рассказал Л. Н-чу, что у нас среди австро-венгерских славян со страхом ожидаются нападения немцев на южных славян. Не будь нынче обостренной борьбы из-за венгерского сепаратизма, поход на Солунь, вероятно, уже происходил бы [2].

Л. Н. слушал внимательно, но вряд ли считал возможным, чтобы это случилось.

Я передал Л. Н. просьбу двух друзей, чеха и словака, о том, чтоб он написал предисловие к статье Шкарвана «Словаки». Л. Н. сказал, что постарается. Статья должна была появиться книжкой в «Посреднике», но не появилась отчасти из-за ее недостатков, отчасти по заваленности «Посредника» работой более неотложной. Л. Н-чу рукопись и не была доставлена.

Л. Н., спрашивая о словаках, между прочим задал вопрос, сколько земледельцев среди словаков. Я ответил:

— Семьдесят пять процентов.

Л. Н.: Это хорошо.

Л. Н. спрашивал о характере словаков, об их политическом положении. Я ответил, что они мягкие, мягче великороссов, такие, как малороссы.

Л. Н.: Блаженны кроткие, ибо они унаследуют землю [3]. Мягкость — это сила и у животных. Да, и у животных кроткие побеждают.

Л. Н. спросил, есть ли словацкие большие города, и какие.

Л. Н.: Получаю ежедневно письма от русских помещиков о «Великом грехе». Пишут с раздражением, злобой: «Предлагаете такую меру, а вы сами как же поступили с вашими десятью тысячами десятин?» [4] Это отчасти неприятно, отчасти хорошо: видно, задело за живое.

---

* Остзейские (т. е. латышские и эстонские) крестьяне были освобождены немецкими баронами без земли, и эта неправда до сих пор не исправлена. См. об этом так мало известный, не оцененный труд (1868) Ю. Ф. Самарина «Окраины России», изданный в Берлине.

** Очень... убедительно (*нем.*).

2 января. Вечером приехал кн. Д. Д. Оболенский. Рассказывал, как всегда, бойко, живо, интересно новости: о том, как русские войска («карательная экспедиция») в Остзейском крае поступают с крестьянами, делают их бродягами. Кто от солдат убежит, дом того сжигают; сожгли целые деревни. Кажется, и расстреливают тех, у кого находят оружие. Оболенский рассказывал, что в Москве, во время вооруженного восстания, пленных бесцеремонно расстреливали. Далее Оболенский рассказывал Л. Н., что́ читал у Руссо о Петре — что он имел talent d'imitation *, а более Руссо ни в чем не признает его великим [1].

Л. Н.: Как во всем совпадаю с Руссо! Петр был пьянствен, легкомыслен, кощунствен. У него пюпитр с Евангелием. Истинные православные сторонились его, и он выдвинул льстецов, которые остались около него и около его преемников, около Екатерины, вплоть до нынешнего Николая.

Д. Д. Оболенский: Из шведских архивов исходят сведения о Петре. Шкиперы ездили в Великий Новгород и говорили: «Прежде в большом городе на Охте была торговля, ездили туда, теперь — разврат».

Л. Н. спрашивал, что слышно.

Д. Д. Оболенский: Я был у Хомякова в Богучарове. Он надеется, что вы, Лев Николаевич, еще вернетесь к православию... О Витте, у которого теперь нет никого, кто его одобрял бы, говорит, что в нем демон.

Л. Н.: Демон — дьявол — отсутствие религии. Как в человеке нет бога — он животное. Баба, которая верит в..... ** — это ужасно. Но все-таки у нее религия, у теперешних же людей ее нет, нет бога, они животные. Так оно и есть. У Константина Леонтьева — у него есть хорошие рассказы [2], надо было бы их прочесть,— есть описания местностей, где поселился демон.

В газетах о Стасове, что с ним третий удар [3]. Ему 82 года. Л. Н. собрал книги и рукописи (тайные манускрипты о декабристах), которые получил от него (Стасову их дал кто-то, Л. Н. не помнит, кто, думает, что помощник библиотекаря должен знать), и послал их ему через М. М. Сухотина, кавалергарда-вольноопределяющегося [4].

У Л. Н. слабый голос, а когда он говорил, был страшный шум. Я увещевал молодых людей, но не вняли.

4 января. Читали вслух «Три неправды». М. А. Шмидт возражала Л. Н., что того не может быть, чтобы мужики могли не повиноваться властям,— ведь они смотрят на правительство, как на священное, непогрешимое.

Л. Н.: Теперь есть два правительства — другое революционное, или одно раздвоенное. Народ не знает, которому повиноваться. Выход: не повиноваться ни одному и для выгоды и по смыслу нравственности, религиозности.

Мария Александровна противоречила, опять утверждая, что народ считает правительство непогрешимым.

Л. Н.: Нет. Мужики рассуждают. Солдаты не повинуются.

Л. Н. вспомнил про войска в Сибири, куда посылают генерала Ренненкампфа.

Л. Н.: От поездки генерала Ренненкампфа в Сибирь усмирять войска я ожидаю страшных происшествий [1]. По военному закону, неповинующихся солдат нельзя иначе, как расстреливать. Он того и хочет. Если солдаты это узнают, дойдут до крайностей.

5 января. За обедом М. С. Сухотин, Оболенские, Александра Львовна говорили о поездке за границу. Едут Михаил Сергеевич и Александра

---

* дар подражания (*франц.*).

** Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

Львовна в Рим, потом в Канн, Париж. Оболенские — в Канн. Кто-то сказал, что Рим Александре Львовне наскучит. Л. Н. на это отозвался:

— Рима на полгода хватит: искусство, художественные памятники. — И Л. Н. разговорился о своем пребывании в Риме [1]. Как занятно рассказывал! Сызнова переживал те времена сильных впечатлений молодости. Сходился в Cafè Greco с русскими художниками (вспомнил брата Александра Иванова — Сергея, еще назвал кого-то) и с каким-то лысым художником *. Потом его кто-то из них водил по Риму. Вместе обедали в дешевой харчевне, и они его устроили в дешевой квартире. (Михаил Сергеевич спросил, где; Л. Н. не помнил, не помнил и того, в гостинице ли или в меблированных комнатах. Михаил Сергеевич предположил, что где-то на Via Sistina или около нее.) Вечерами опять бывал с ними. Вместе работали они, занимались. Ходил в Риме по ателье испанских, французских художников. Раз зашел на Monte Pincio: там светское тщеславие, противно ему стало.

Зашла речь о какой-то семье за границей (m-me Helbig, урожд. кн. Шаховская), посетить ли ее Александре Львовне?

Л. Н.: Непременно.

Александра Львовна сказала, что стесняется идти, потому что не умеет хорошо говорить по-французски, и что она лучше не откроет рта, чем станет плохо говорить.

Л. Н.: Читай уже теперь вслух, а там учись, говори, как умеешь. Я с англичанами смело говорю, но перед Чертковым не могу. Я отослал его, когда мне пришлось говорить с англичанином. Германия, Франция благодаря знанию языка были мне так интересны. Англия же (из-за незнания языка) потеряла значение для меня.

По-итальянски Л. Н. говорил кое-как. И теперь просматривает письма и брошюры, книги и юмористически-сатирическую часть иллюстрированного итальянского журнала, который регулярно ему присылают [2].

Татьяна Львовна рассказала про жизнь на парижских улицах, об итальянских трамваях. Разговоры, aimabilité ** парижан.

Л. Н.: В Москве едут в трамваях с таким настроением, как если бы провожали покойника. Я раз пробовал нарушить тишину, обратился к соседу. «А вам что за дело?» — ответил он. И еще другой подобный случай рассказал.

Л. Н. (Сухотиной (Н. М.), старшей сестре и воспитательнице десятилетнего Дорика): Наташа, читай Дорику и разъясняй «Мысли мудрых людей» ***. Это из самых лучших вещей. Я прочел три дня. Содержание такое, что Дорик поймет. Надо ежедневно обращать внимание на религиозно-нравственное. Я читал письмо Ромма, написанное его питомцу Строганову. Какие пошлые, дурные наставления ему дает [3]. Надо обращать внимание на серьезное.

Говоря все Наталье Михайловне, Л. Н. как бы мимоходом вспомнил, что кто-то (я не расслышал — кто) читает детям ежедневно Евангелие, а уж хуже Евангелия трудно найти что-нибудь читать подряд. Книга Евангелий дурно составлена. Гете говорил, что нет хуже составленной книги, чем Евангелие. Сергей Львович заметил, что в «Мыслях мудрых людей» больше всего мыслей из Талмуда, а они нехороши.

Л. Н.: Нет, они хороши. — И прочел вслух первую, какая ему попалась: «4 января. Не осуждай ближнего своего, пока не будешь на его

---

* А. А. Риццони (?). Он был лыс, и он мог быть с Л. Н. Он старожил римский (догадка М. С. Сухотина).

** любезность (*франц.*).

*** Эта книга лежит открытой на столе в гостиной, проходной комнате в кабинет. Л. Н. иногда днем, чаще вечером, когда там раздевается, читает ее прежде, чем потушить лампу.

ТОЛСТОЙ

Офорт Л. О. Пастернака 1906 г. с портрета 1901 г.

месте (Талмуд)» [4]. Больше всего — из Рёскина,— продолжал Л. Н.— Сожалею, что Рёскин труден для детей. Имея в виду детей, надо переделать «Мысли мудрых людей».

На другой день Л. Н. спросил Михаила Сергеевича, не имеет ли он чего-либо против того, чтобы Дорик читал «Мысли мудрых людей». Л. Н. говорил это так, словно извинялся.

Сегодня вечером и в предыдущие дни Л.Н. едва мог говорить, такой был шум. Когда он разговаривал с Марией Александровной и другими, сидящими около него, игравшие в карты (среди них М. С. Сухотин) шумели. Вчера я М. С. Сухотину сделал замечание, но Александра Львовна заступилась за него, и продолжали шуметь. Ужасное невнимание к Л. Н. Такого, кажется, еще никогда не было, как в эти дни: его не слушали и перекрикивали. А у Л. Н. голос очень слаб, нездоровится ему.

Л. Н., увидев в какой-то раскрытой газете портрет С. Н. Трубецкого, сказал:

— Какое жалкое лицо и какой почерк! По моей графологии, очень даровит и психически ненормален [5].

Ночью приехали Абрикосовы. Уравновешенные, спокойные. Хрисанф Николаевич работает с рабочими, занят хозяйством. Утром приехали из

Москвы К. А. Михайлов и С. Д. Николаев. Рассказывали про бои 6—18 декабря в Москве, стрельба продолжалась 12 дней. Еще третьего дня искавшим своих близких полиция показывала груды трупов (наверно мерзлых) в сараях за Пресней. Революционеры исходом революции, т. е. тем, что проявили такую силу, не недовольны. Михайлов и Николаев жалеют, что печать — малые, до десяти листов издания — опять стеснена, что они не воспользовались временем и не напечатали хоть «К рабочему народу». Прошли ведь такие вещи, как Записки Кропоткина [6]. С. Д. Николаев сожалеет о стеснении печати еще и потому, что опять нахлынет заграничная подпольная печать. Об этом говорилось и утром за чаем без Л. Н. и вечером при нем. Л. Н. задумчиво, молча слушал. Переспросил со страдальческим выражением лица, полусаркастически:

— Сколько же (думали напечатать «К рабочему народу») — три тысячи экземпляров?! А девяносто девять из ста печаталось возбуждающего... По французской пословице: есть говорящий и слушающий, а того, сотого, не слушают.

Разговоры были очень оживленные, интересные. Много, быстро говорили. Каждый знал что-нибудь интересное и важное для сообщения, торопился вставить. В этих многолюдных, шумных беседах яснополянских попадается премного интересного, мне кажется — самого интересного, такого, что не прошло через газеты, но все-таки большинство разговоров — отклики на то, о чем пишут в газетах. Большинство посетителей — все-таки люди партийные, политизирующие. Все сыновья Л. Н. и большинство друзей Л.Н. таковы; таковы Николаев и Михайлов. Исключение — Оболенский, Абрикосов: они не партийные. Л. Н. хвалил статью С. Смирновой, появившуюся раньше в фельетонах «Нового времени», а теперь книжкой: «Царство толпы» [7]. Эту статью читали вслух третьего дня. Она цитирует много из Тэна. Потом Л. Н. говорил о Ромме, воспитателе Строганова. Как он с друзьями, всех их было шестеро приговоренных к смерти, сами покончили с собой. Ромм первый вонзил себе кинжал в сердце, другой вырвал и вонзил его в себя... [8] Они (Ромм и другие) переняли у Руссо одно внешнее, в остальном их характеризует безумие и бессердечность.

6 января. Вечер. Л. Н. вышел в 10.30, сел и сказал:

— Читал книгу «Contrite Hearts» Бернштейна [1]. Мне жутко от нее.

Л. Н. опять советовал Наташе читать и разъяснять Дорику «Мысли мудрых людей». Открыл 6 января и прочел: «Грех всего мира есть, в сущности, грех Иуды. Люди не верят в своего Христа, а продают Его» [2]. (Л. Н. разъяснил, что человек не верит в своего бога, продает его за удобство, тщеславие и т. д.)

Л. Н.: Если буду здоров, переделаю, своими словами изложу (труднопонятные мысли Рёскина и других).

Л. Н. спросил: кому отдать 600 р., которые получил из разных мест для голодающих. Андрей Львович рекомендовал в Ефремов (Ефремов — центр голода в Тульской губернии), Михаил Сергеевич — своему сыну. Но Л.М. Сухотин оказывает помощь деньгами, а Л.Н. рекомендует столовые.

Л. Н.: Самая лучшая форма — столовые. Самая скромная. Равняет всех. Сначала богатые стыдились. Вопрос, где открывать столовую? У самых бедных. Там и отходы употребятся. Первая столовая (когда Л. Н. помогал в Бегичевке) была у вдовы; прекрасно готовила [3].

Мне кажется, что Л. Н-чу все-таки такая помощь — даром давать — кажется неморальной. Лучше доставлять заработок. Когда заходил разговор о помощи голодающим, Л. Н. неохотно говорил о своем участии, он не был удовлетворен своей деятельностью; говорил, что это была такая малая, недостаточная помощь. Он даже бросил не докончив, уехал.

Sir Tollemache Sinclair прислал Л. Н. статью о мальтузианстве [4].

7 января. Вечером концерт Гольденвейзеров [1]. В моцартовских вещах есть мотивы чешских народных песен.

Уехали Е. В. Оболенская с А. Л. Долинино-Иванской и внучкой. Утром поедут Сергей Львович, М. С. Сухотин с семьей, Оболенские и Александра Львовна в Тулу на дворянское собрание.

Говорилось о нем как о последнем, как если бы ехали на похороны этого собрания.

8 января. Воскресенье. Л. Н. дал мне сербское письмо по поводу «Конца века», написанное на основании английского реферата об этой статье.

Л. Н. сказал, что в «The Review of Reviews» есть реферат о «Конце века», очень слабый, в котором не понято и не подчеркнуто самое существенное [1].

Л. Н. рассказал, что, гуляя с Гольденвейзером, встретили свадьбу — десять саней. Выпивший мужик стал говорить, что их возбуждают против господ, но что они не будут громить. Говорил это так, будто они могут, но по своей доброте не будут этого делать.

9 января. Понедельник. Л. Н. расспрашивал Александру Львовну о том, что происходило на вчерашнем дворянском съезде в Туле. Под вечер возвратился Николай Леонидович с Тульского дворянского съезда. Постановления реакционные: выразить Дубасову благодарность за подавление вооруженного восстания в Москве.

Л. Н.: Ужасно!

Николай Леонидович: Просьба к губернатору, чтобы имел достаточно войска, казаков, выписать их на свой, губернский счет.

Л. Н.: Ужасно!

Николай Леонидович: Закрытие сельскохозяйственной школы в Богородицке и смещение учителей-социалистов.

Л. Н. с выражением горечи в глазах:

— Войско, полиция... Эти средства материальные, физические не действуют, одни духовные действуют. Поставить своих учителей — религиозных, где их взять, а механические средства ничего не помогут.

Николай Леонидович рассказал про 15-летнюю дочь Грушецкого, революционерку, которая ужасалась, что Аля Сухотин не принадлежит ни к какой партии.

Л. Н.: Самый серьезный возраст (15—16 лет): в нем являются вопросы жизни, особенно у мальчиков, и по внушению серьезный...

Сидели в зале: Л. Н., Софья Андреевна, Татьяна Львовна, Мария Львовна, Николай Леонидович, Юлия Ивановна, А. Б. и А. А. Гольденвейзеры и я.

Александр Борисович играл Шумана, Шуберта и много Шопена. Татьяна Львовна хвалила Шумана, Л. Н. сказал, что он неблагородный(?) [1]. А о Шопене — что у него предопределенность; что он выражает, как оно уже сложено в душе человека, и только снимает лишнее.

В американском еженедельнике «The Independent» 4 января 1906 г. опубликовано письмо будто бы Л. Н. к царю и его помощникам, в котором за то, что происходит в России, обвиняет единственно правительство. Это письмо подложное, «faux», как выразился Л. Н. Он поручил Марии Львовне написать Эрнесту Кросби, чтобы опровергнуть это («that that is a mistake» *) [2].

Л. Н. рассказывал о смерти декабриста Волконского, Записки которого читал.

— Много этих Записок, и таких, которые не изданы до сих пор,— сказал Л. Н.— У него были опухшие ноги, но ходил. Вечером лег спать. При-

---

* «что это ошибка» (*англ.*).

званный доктор сказал, что умирает, так и не проснулся [3]. Ему было 78 лет, как мне. Молодой человек,— сказал Л. Н серьезно. Потом Л. Н. вспомнил, что Достоевский умер после бестолкового разговора со своей сестрой.

Софья Андреевна: Так умереть скоропостижно лучше, я так желала бы. И пусть со мной случится на лестнице, лучше чем на кровати.

Николай Леонидович рассказал новость из Тулы о скоропостижной смерти Писарева.

Вечером Л. Н. играл в шахматы с Гольденвейзером и потом сам пожелал, чтобы играли в винт.

Когда Гольденвейзеры уехали, Л. Н. рассказывал, где гулял — хотя дурно себя чувствует, голова болит,— он гулял через деревню переулком к купальне.

— Чуть меня огромная собака Герасимова не съела: ухватила за подол,— сказал Л. Н.

Не знаю, по какому поводу Л. Н. вспомнил, что Н. Н. Страхов говорил, что весь Восток, Китай застегивает поддевки на левой стороне, как в России одни женщины. Потом говорил:

— У меня на столе фотографии трех братьев. Как живо о них вспоминаю! Николай Николаевич — большой нос и свислые плечи, подвижник, герой. Героями бывают телесно слабые люди.

Софья Андреевна: Тушин.

Л. Н.: Ромм [4]; брат был бы на то же способен, Орлов — физически исполин — трус.

Мария Львовна спросила:

— Никто из детей не похож на Николая Николаевича?

Л. Н.: Андрюша — немного носом. Это грубо, но так есть, как метко выразился Тургенев о Николае, что он имеет все добрые свойства, чтобы быть писателем, но не имеет недостатков, нужных для этого,— тщеславия, желания выделиться [5]. А у Льва, наоборот, только недостатки и есть: этот зуд, нетерпеливость, только поскорее бы высказаться [6].

Софья Андреевна: Как Николай Николаевич хорошо рассказывал!

Л. Н.: Он имел художественное чувство, искусство речи, но был скромен. Этим довольствовался.

10 января. У Л. Н. голова меньше болит, но расстройство желудка, печени продолжается.

— Я думаю,— сказал Л. Н.,— что в старости все болезни, которыми страдаешь, чаще бывают и дольше, и промежутки здоровья реже. Скучно бывает, когда есть хорошая работа — а не можешь. Но стараюсь привыкать к этому состоянию.

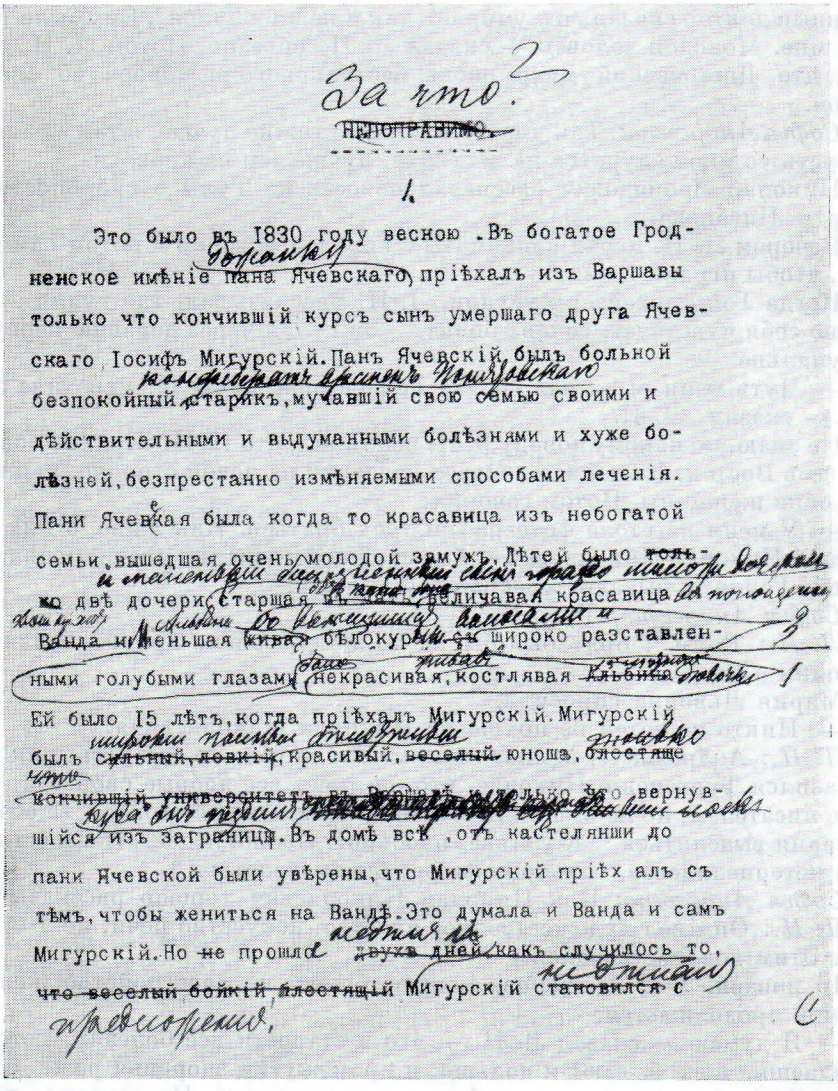
Юлия Ивановна говорила Л. Н., что Маша хочет советоваться с докторами о хирагре. Николай Леонидович против этого; если нужны доктора, то лучше поехать в санаторий.

Л. Н.: Я тоже не за докторов. Еще в зависимости от докторов жить!

Л. Н. (*к Юлии Ивановне*): Писем накопилось! — и показал рукой кучу в полтора аршина.— Боюсь, что там и такие накопились, на которые надо ответить и которых я не отметил. Стараюсь отмечать, но иногда бываю в дурном, ленивом расположении. Надеюсь на вас, что вы отложите такие письма.

Л. Н. вспомнил письмо Юшко (который за участие в созыве съезда Всероссийского крестьянского союза вместе с другими находился под арестом; они объявили на 7 января голодовку): самоуверенность, самомнение и, главное, озлобление [1].

Татьяна Львовна говорила о том, что хочет продать лес. Л. Н. советовал ей самой его свести, нанять мужика, который был у лесопромышленника.



За что?

НЕПОПРАВИМО.

I.

Это было въ 1830 году весною. Въ богатое Гродненское имѣніе пана Ячевскаго пріѣхалъ изъ Варшавы только что кончившій курсъ сынъ умершаго друга Ячевскаго Іосифъ Мигурскій. Панъ Ячевскій, былъ больной безпокойный старикъ, мучавшій свою семью своими и дѣйствительными и выдуманными болѣзнями и хуже болѣзней, безпрестанно измѣняемыми способами леченія. Пани Ячевская была когда то красавица изъ небогатой семьи, вышедшая очень молодой замужъ. Дѣтей было только двѣ дочери, старшая Ванда и меньшая живая бѣлокурая съ широко разставленными голубыми глазами, некрасивая, костлявая Ей было 15 лѣтъ, когда пріѣхалъ Мигурскій. Мигурскій былъ сильный, ловкій, красивый, веселый, юноша, блестяще кончившій университетъ въ Варшавѣ, только что вернувшійся изъ заграницы. Въ домѣ всѣ, отъ кастеляншки до пани Ячевской были увѣрены, что Мигурскій пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобы жениться на Вандѣ. Это думала и Ванда и самъ Мигурскій. Но не прошло двухъ дней, какъ случилось то, что веселый бойкій блестящій Мигурскій становился съ

НАЧАЛО РАССКАЗА «ЗА ЧТО?» (ЧЕТВЕРТЫЙ ВАРИАНТ)

Машинопись с исправлениями Толстого, 1906

«Л. Н. ...дал Наталье Михайловне читать вслух из книги Максимова «Сибирь и каторга» о польской чете, жившей в Уральске после 1831 г. ...».— Запись от 20 января 1906 г.

— Купеческие дела гораздо лучше налажены, чем хозяйственные,— сказал Л. Н.

11 января. Приехала М. А. Шмидт. Рассказывала Л. Н., как говорил крестьянин из Ягодного с новоколпенским мельником Зябревым и еще другим кулаком: «Работаю о хлебе и щах, от зари до ночи круглый год, на подати и пошлины. Я земли купить не могу. Через Крестьянский банк покупают ее богатые мужики, и будет миллион новых помещиков из крестьян, которые нас будут больше жать, чем старые». Мария Александровна говорила по обыкновению горячо, взволнованно. Л. Н. слушал и в разговоре высказал мысль, что Крестьянский банк ничего доброго не сделает. Мария Александровна сказала:

— Пошлю Витте ваше письмо к Бондареву [1].

Л. Н.: Пошлите Витте; секретарь бросит его в корзинку.

Вечером, после чаю, огорчительный спор между Л. Н. и Николаем Леонидовичем. Без меры спорили и не уступали. Л. Н. задыхался. Началось с разговора о государственных долгах России. Дунаев полмесяца тому назад утверждал, что есть восемь миллиардов долгов и еще три миллиарда частным банкам, которые не фигурируют в росписи. Л. Н. заметил:

— Когда это будет, что люди откажутся платить государственные долги, заключенные Екатериной на завоевание и удерживание Польши, Маньчжурии, которые не нужны народу, а это стоит миллиарды.

Николай Леонидович возразил, что не могут отказаться, что другие государства принудят их платить. Спор был ужасный; больно было слушать; сидишь, как на иголках; спорят не для того, чтобы убедить, а чтобы не уступить. Знаешь, что у Л. Н. печень болит и видишь, как ему трудно, как горячится, и никто не знает, как вступиться, прекратить.

Л. Н. сдавленным голосом, почти всхлипывая, с трудом выговаривает:

— Как же я, сидя у других на плечах, могу быть нравственным? От мужиков научился жить. Нравственность возможна только при работе, при простоте жизни. Когда это узнал, это был мой путь в Дамаск. Это пробудило мою религиозную жизнь. Стыд и страдание от барской жизни.

Л. Н. видит на своих детях, куда ведет изнеженная, господская жизнь. Он вынужден проповедовать обратное: здоровую, целесообразную, активную, трудолюбивую жизнь (не на плечах других).

12 января. Татьянин день. Завтра уезжают Оболенские, М. С. Сухотин и Александра Львовна.

Л. Н. сегодня кончил «К правительству, революционерам и народу». Читали вслух в ремингтонной комнате. Читала Александра Львовна. Л. Н. ей сказал: «Как ты хорошо понимаешь! Читаешь точно с теми интонациями, как нужно».

Когда кончилась статья, наступило гробовое молчание. Л. Н. ждет замечаний от Марии Александровны и, главное, от Михаила Сергеевича. Михаил Сергеевич встал и ушел.

После Л. Н. отвел в сторону Александру Львовну и сказал ей:

— Михаил Сергеевич молчит, ну что ж он может сказать; он не может сочувствовать этой статье.

За чаем, увидя декадентскую коробку на столе, Л. Н. сказал:

— На моей памяти искусство живописи перешло от неестественного к естественному, реальному, а теперь от реального к фантастическому, декадентскому. Но у неестественного были свои законы — классическое; в декадентском их нет.

Юлия Ивановна: Я признаю декадентское в декорациях. Декоративное, если художник талантливый, хорошо выходит.

13 января. Прощались и уезжали за границу Оболенские, Михаил Сергеевич и Александра Львовна. Все, и Л. Н., очень плакали при расставании. Л. Н. дал Александре Львовне в путь книжку «Мысли мудрых людей». Мария Львовна уезжала больная (хирагра). Остались: Л. Н., Софья Андреевна, Татьяна Львовна с падчерицей Натальей Михайловной, пасынком Дориком и с дочкой, Юлия Ивановна и я.

Вечер. Тихое, семейное, любовное настроение.

Морозный день. Утром — 15°, вечером — 17°. Привезли телеграмму с тульской почты: «Reynold's Newspaper» из Лондона спрашивает Л. Н., что он думает о результате выборов в английский парламент.

Л. Н. спросил про них; я сказал, что победили либералы против тори и юнионистов.

Л. Н.: Гороховые шуты! Отвечу: «Ни те, ни другие мне неинтересны» *.

Л. Н.: Получил от Черткова письмо. Советует написать в газеты, чтобы тот, кто издает мои сочинения, не издавал их с пропусками, а чтобы обращался за оригинальными текстами к нему. Исполню [2].

К чаю Л. Н. не выходил. Читал у себя в кабинете Записки Волконского.

14 января. За обедом: Л. Н., Софья Андреевна, Татьяна Львовна, Наталья Михайловна, Дорик, Юлия Ивановна и я. Софья Андреевна говорила о предстоящей ей ночью поездке в Москву и о концертах, на которые пойдет. Татьяна Львовна говорила, что ей Шуберт не нравится.

Л. Н.: Я люблю простоту, наивность. А гениальность и наивность всегда совпадают. А у Шумана и Шуберта ее нет.

Татьяна Львовна: У Шопена есть. Он выше всех.

Л. Н.: Нельзя Шопена сравнивать.

Потом мне говорил, что получил от Шкарвана письмо, хорошее и очень спокойное. Жалеет, что мне раньше писал жалобу на Черткова. Чешский перевод «Круга чтения» появляется, и он не мог бы два перевода сразу делать. Редактора на первую половину немецкого перевода имеет. Редактирует его Шмит. Гонораром поделятся [1].

Л. Н.: Появится ли первый том «Круга чтения»? Нецензурен в религиозном отношении. Могут его остановить**. Одна надежда — прокурор Синода. Как это странно: Алеша Оболенский управляет попами![2] Я его знал мальчиком, с отцом его знаком был. Он неглупый и имеет взгляд на православие. У него православие по Соловьеву — высшее, очищенное.

Л. Н. (*к Юлии Ивановне*): Если мне будет работаться, как вчера, то поправлю письмо в газеты и «К правительству, революционерам и народу», и их сегодня отвезет Софья Андреевна в Москву [3]. Надоела мне эта статья! Все одно и то же, что в «Конце века», только с другой стороны. Если бы появилась в России, могла бы быть полезной. Но вряд ли найдет издателя.

Л. Н. вспоминал с Софьей Андреевной каких-то знакомых и заметил:

— Сколько людей мне пишут, а от старых знакомых писем нет, хотя желал бы, чтобы писали. Они по скромности не пишут.

Юлия Ивановна сказала, что много людей арестовывают — и крестьян, особенно в Саратовской губернии.

Л. Н.: И в Ламинцове *** арестовали семь человек.

Софья Андреевна: Они хотели сжечь усадьбу.

Л. Н.: Там помещик Кривцов виноват. Он как поступает: поднял пруд, чтобы прибавить колесо на мельнице, этим затопил луга крестьянские. Крестьяне судились пять лет, ничего не добились. Тогда прокопали плотину, Кривцов починял ее. Бабы — они считаются безнаказанными — напали на рабочих и прогнали их. Суд приговорил крестьян к 500 рублей штрафа. Крестьяне не платили. Пришел становой отнимать скот, начал с крайней избы. Мужик не дал отнять коров, остановил лошадь станового. За это присудили его на три года в острог ****. Пока там сидел, баба ходила за помощью и рассказала, что сгорела.

---

* Но Л. Н. забыл ответить и только 19-го вспомнил про телеграмму. Сказал: «Мне всегда жаль, что пропадут деньги за ответную телеграмму (тут за 80 слов 14 рублей). Сегодня в санях я придумал ответ».— И Л. Н. продиктовал его мне: «I have no opinion whatever on the general election in England. T o l s t o y» («Я не имею никакого мнения о всеобщих выборах в Англии. Т о л с т о й») [1].

** В «Посреднике» печатают. Хотя И. И. Горбунов осторожен, опускает то, что может задеть цензуру.

*** Село в 12 верстах от Ясной. Многие из жителей-крестьян работают на оружейном и патронном заводах в Туле.

**** Похожее Л. Н. описал в «Воскресении». Только там баба схватила лошадь за узду [4].

ТОЛСТОЙ ВЕРХОМ НА ТАРПАНЕ
Картина (масло) Ю. И. Игумновой, 1905—1909 гг.
Музей-усадьба Ясная Поляна

Софья Андреевна: Ведь мужики были правы.

Л. Н.: Совершенно правы. Нужно удивляться их терпению.

Л. Н. сказал, что Дорик плохо читает.

Татьяна Львовна: Да, как шестилетний, а ему десять.

Л. Н.: Поспеет. Не надо налегать. Это такая ошибка! Ребенок растет, развивается в одну сторону, от него хотят, чтобы развивался в другую сторону — умственную.

Софья Андреевна уезжала в Москву. Поручила наблюдать за Л. Н., особенно спрашивать, куда ходит гулять: «Это у меня кошмар — где-нибудь упадет и не скоро найдут его».— И вспоминала про дороги его обычных прогулок. До сих пор спрашивали его Мария Львовна, Татьяна Львовна или Софья Андреевна. Л. Н. один день ходит пешком верст семь, другой день ездит верхом верст 12—20, любит делать кругообразные прогулки. Иногда по таким местам леса Засеки, куда, кроме него, никто не заглядывает. Зимой, разумеется, может ходить и ездить только по дорогам. Но и тут ездит по многочисленным следам, по отводам, откуда дрова возят, и часто блуждает.

Я сообщил Л. Н. свои замечания к «Правительству, революционерам и народу». Л. Н. их все уважил и, кроме того, сказал, что хорошо было бы вставить то, что он мне говорил лет 12 тому назад,— что крестьяне, предоставленные сами себе, лучше развиваются, чем под опекой интеллигенции и правительства, взымающего с них подати.

Я сказал Л. Н., что либералы (и другие государственные люди) приблизительно такие же, как попы. Хорошие между ними стремятся служить народу тем, что желают делать меньше зла, чем их сотоварищи.

Л. Н.: И прежде всего в религиозной жизни. Прогресс происходит вопреки правительству, оно задерживает его. Либералы имеют оправдание, что делают меньше зла, чем правительственные люди.

Л. Н-ча знобит.

15 января. Л. Н. получил из «Посредника» народные издания: «Крестник», «Три старца», «Работник Емельян и пустой барабан», «Сестры» (Мопассана) и так обрадовался им, как если бы это были первые издания лет 20 тому назад*[1]. «Сестры»[2] дал читать Юлии Ивановне и через четыре дня спросил ее, как ей понравилось, и сказал восторженно-страдающим тоном:

— Я это без волнения не могу читать никогда.

Л. Н. рассказывал:

— Сегодня был у меня крестьянин из деревни Великокняжеской. Из девяти стогов увезли четыре, это должна была быть их отава. В прошлом году поздно косили, отавы не было, потому в нынешнем году увезли четыре стога. За это сено и за фазанов принудили казаками общество отказаться от семи. Это новая безнравственная мера уже и потому, что их наделы захватят богатые мужики. Это их и склоняет поступать так. Хотел бы написать письмо к народу, что земельный вопрос поднят, ему (народу) надо только смирно ждать [3]. Как во время освобождения два года прошло, пока осуществилось, так и теперь может продлиться. Крестьянские бунты только на руку реакции. Во время освобождения возникли бунты в Казанской губернии, и партия помещиков, которая была против освобождения, указывала на них как на предвестников того, что будет. Чуть удалось против них провести освобождение. Уже третьи мужики были у меня, и все поняли это сравнение и согласились, что надо соблюдать мир.

Л. Н. получил от Черткова новую посылку книг. Просматривая их, сказал Наталье Михайловне о Библии (Сэндерленда):

— Хорошая книга. Ты бы прочла ее, обучаешь Дорика.

Наталья Михайловна: Он мне задает вопросы, на которые трудно ответить.

Л. Н.: Ты не отвечай ему неправду, уже и по той причине, что, как только он заметит, что ты не уверена в правоте того, что ему отвечаешь,— потеряешь авторитет.

Л. Н. вялый, и знобит его. Не обедал. Только в 10 часов вечера, перед чаем, съел суп.

16 января. Приехал И. К. Дитерихс. Рассказывал, что в газетах пишут о новых крестьянских волнениях и о новых волнениях солдат во Владивостоке, Харбине. В имении Языковых (20 верст от Ясной Поляны) казаки забили одного крестьянина до смерти. Потом в Туле они пьянствовали, и все потчевали их.

День рождения Н. М. Сухотиной. Л. Н. подарил ей «О вере, разуме и молитве» и «Мысли о воспитании и обучении» (изд. Черткова) с собственноручными надписями, имея в виду, что она учит Дорика.

Урядник принес Л. Н. бумаги.

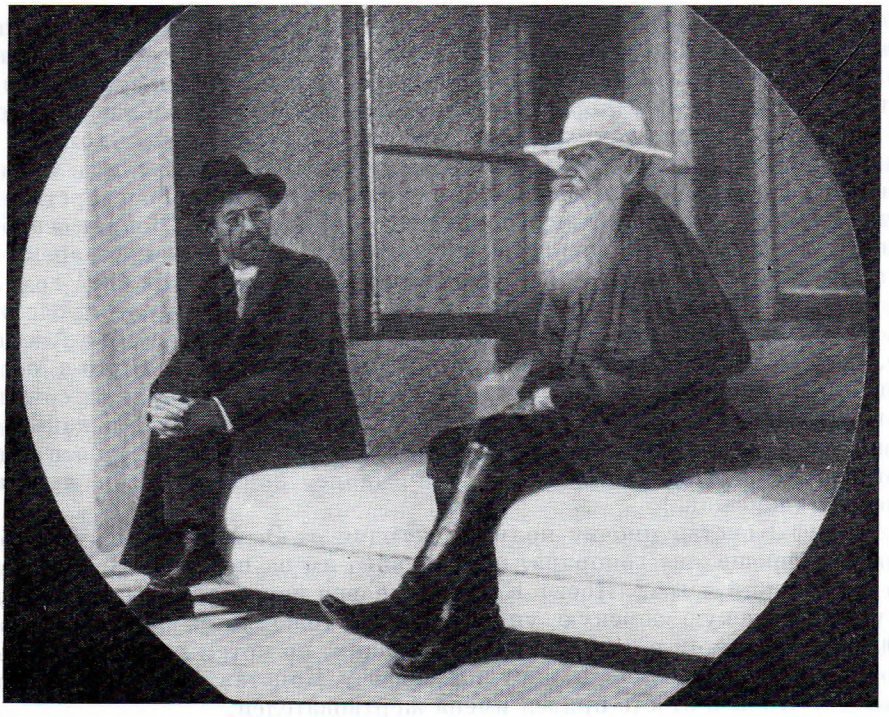
Л. Н.: Как только официальные бумаги — ничего не понимаешь.— Но Татьяна Львовна прочла вслух, поняла и показала Л. Н., где подписать. Л. Н. пошутил:

— Нельзя ли написать вместо «получил» — «поздравляю с праздником»?

Бумаги были о том, что Л. Н. поручается за Ландера, что не убежит, когда выпустят его из-под ареста, и дает две тысячи рублей залога [1].

---

* Народные рассказы Л. Н. были запрещены не только в народных копеечных изданиях, но даже отдельной книгой. Печатались только в полном собрании сочинений.



ТОЛСТОЙ И ЧЕХОВ
Гаспра, 1901
Фотография П. А. Сергеенко
«Сергеенко привез много фотографий. Показывая Чехова с Л. Н., сказал: «Какая ценная теперь, а тогда как вы были недовольны, Софья Андреевна, что я снимал». — Запись от 22 января 1906 г.

Л. Н. получил сегодня письмо харьковского помещика В. А. Шейермана. Чувствуя братство, равенство с крестьянами и чувствуя греховность отстаивания своей помещичьей земли, он созвал сходку, разъяснил крестьянам положение, отдал землю, 860 десятин, обществу и стал его членом, получив надел. Письмо это послал, как пишет в письме к Л. Н., в «Русские ведомости» и «Русское слово», но его не напечатали [2].

Л. Н.: Две либеральные газеты, не какие-нибудь случайные, отказали. Газетная деятельность самая скверная. Им только нужно вздор писать; как только серьезное сообщение — им не нужно. В этом письме нет ничего, кроме хорошего. Но газетам нужны платформа, пропаганда. Я как раз нынче получил севастопольскую газету... Все это так написано. Директор тульской гимназии называл адвокатов прелюбодеями слова; газетная деятельность — такое же прелюбодеяние мысли.

Потом И. К. Дитерихс читал вслух «Открытое письмо к землевладельцам» В. А. Шейермана.

Л. Н.: Какое сердечное, правдивое! И это письмо не напечатано! Это удивительно, то есть неудивительно, потому что это не платформа. Что же, тут, кроме хорошего, ничего нет.

Л. Н. помолчал, ожидая, какое мнение выскажут другие. Все пришли в восторг и умиление от письма.

Л. Н.: Подает руку крестьянам с доверием, искренне обращается к ним, разъясняет им и мирит их с господами. Михаил Сергеевич, хороший, правдивый человек, сказал после дубасовского усмирения: «Что же делать:

словами толковать с ними нельзя, иного не остается, как нагайки, оружие». Как легко сказано: «Словами разъяснять нельзя».— «Именно вам надо разъяснять,— сказал я ему,— открытыми письмами или найдите себе газету, найдите людей, которые растолковали бы народу значение манифеста 17 октября. Послать таких людей, как вы, Абрикосовы, или хотя бы каких-либо правдивых людей, а не становых. Крестьянам объяснить, что царь обещал решать земельный вопрос и что будет это делать Государственная дума; что сразу этого нельзя сделать, надо мирно ждать». Вопрос освобождения крепостных был поднят Александром Николаевичем во время его вступления на престол в 1856 году и был решен только в 1861 году.

— Мне, вам, а может быть, и Душану Петровичу,— продолжал Л. Н.,— живущим в стороне, в тихом месте,— спокойно; Софье Андреевне, милой Тане волноваться нечего, они должны радоваться, что в Москве революционеров разгромили, потому что с этим связан вопрос их собственного благополучия. Дубасов защищает их жизнь богатую, к какой они привыкли. Когда Михаил Сергеевич утверждает: «Да, но вот на это я могу вот что возразить»,— и он делает замечание, за которым я чувствую Кочеты (помещика).

Иосиф Константинович получил сегодня от Э. Моода тысячу рублей для голодающих из гонорара, полученного им за перевод «Воскресения» на английский язык [3]. Иосиф Константинович передал их Львову в Тульскую губернскую земскую управу. Л. Н. тоже хотел послать Львову 600 р., которые он получил для голодающих, но потом решил послать их Бобринской в Ефремов и поручил Иосифу Константиновичу попросить Львова, чтобы в отчете привел имена жертвователей.

Л. Н. с Иосифом Константиновичем ушли в кабинет. Там, как мне говорил Иосиф Константинович, по поводу предложения М. С. Сухотина на дворянском собрании, которое было на днях в Туле, переселять крестьян вместо того, чтобы приговаривать их к каторге, Л. Н. сказал:

— Он в оправдание этой жестокости говорит, что из двух зол это все-таки меньшее, потому что за бунты они отвечают каторгой. По поводу этого мне вспомнилось: один мягкий, добрый человек [4] в старое время предлагал выкалывать глаза каторжникам на том основании, что с каторги бегут люди и их за это бьют плетьми, и будет гуманнее лишить их возможности бежать и получать жестокие наказания. То, что предлагает Михаил Сергеевич, напоминает мне эту меру.

Говорили о Чаге. Л. Н. сказал:

— Я знаю, что его вернули из ссылки, но где он, он мне не писал. Чага принадлежит к тем редким по совести людям, которые не хотят со своим *я* возиться и навязываться кому-нибудь. Вот и этот Шейерман, который мне прислал письмо. Письмо это прекрасное, но я ответил ему: может ли он сам себе ответить, сделал ли он это для бога или для славы людской? Я думаю, что еще много препятствий стоит на его пути. Но это удивительно напоминает время перед освобождением крепостных, когда тоже находились лица, которые решили порвать с рабовладельчеством, и к ним тоже относились отрицательно, недоброжелательно.

Иосиф Константинович рассказывал Л. Н. о пьянстве, о многочисленных шинках в деревнях, и что он думает, что без монополии не было бы такого пьянства.

Л. Н.: Запрещенный плод. На моей памяти в Малороссии можно было вольно вино курить и продавать водку, и пьянства было меньше.

За вечерним чаем в зале Иосиф Константинович рассказывал, с какими большими лишними тратами ведутся земские работы в одном из уездов Тульской губернии, где голод. (Теперь ему поручили ведение их.)

Л. Н.: Это ужасно. Народ голодающий опекают никуда не годящиеся люди, за полторы тысячи рублей жалованья.

Иосиф Константинович рассказал про предложение вышедшего в отставку министра Кутлера выделить из государственных земель и лесов наделы для крестьян [5].

Л. Н.: Ко мне приходят крестьяне спрашивать, покупать ли им землю. Я им говорю: покупайте обществом. Что купит общество, это будет верно ваше, а что купит товарищество, это перейдет в руки богатых мужиков.

18 января. Л. Н., Татьяна Львовна, Наталья Михайловна, Дорик, Юлия Ивановна и я. Иосиф Константинович пополудни уехал. Л. Н. кофе не пил и мало ел за завтраком и обедом. Сказал:

— Не хочется сладкого, жирное — противно. Слабость. Тоскливое состояние и умственно-ленивое. Борюсь. Сердился на лошадь: она ужасно пугливая, палка лежит — шарахается. Нервное состояние.

Три дня тому назад Л. Н. послал Н. В. Давыдову в Москву «К правительству, революционерам и народу», чтобы поместил где-нибудь. У Л. Н. мало надежды, что в России кто-нибудь издаст это. Нового писать еще не начал. После окончания каждой работы так проводит несколько дней в отдыхе, нерешимости, что́ начать. Сегодня переписывал февраль «Круга чтения», позже озаглавленный «На каждый день», для народа и молодежи. Сказал, что ждет в эти дни И. И. Горбунова, потому что должен выйти первый том «Круга чтения». Несколько дней тому назад сказал, что скучает по Буланже.

Татьяна Львовна за обедом рассказала о Вене и о Гадерсдорфе возле Вены, где посетила Григоровича [1]. Л. Н. вспоминал Сашу и Машу. «Где они сегодня?»

Вечером Л. Н. пришел к чаю поздно, когда нас уже не было.

19 января. Л. Н. получил от Марии Львовны письмо из Москвы. Настроение там нервное, подавленное. Дунаев и другие нервны, удручены. Студент пошел просто из любопытства — смотреть Пресню. Его задержали, нашли у него какую-то бумагу, избили его до смерти. Говорят, что на Ходынке каждый день расстреливают революционеров.

За обедом: Л. Н., Татьяна Львовна, Юлия Ивановна, Наталья Михайловна, Дорик и я. Л. Н-чу сегодня хуже вчерашнего. Все-таки поехал верхом в Овсянниково (туда и обратно 13 верст) и, не нашедши Марии Александровны дома, напрасно дожидался ее приезда с поездом из Тулы на станции Козлова-Засека. Там ему рассказывал начальник станции М. П. Случевский об увольнении железнодорожных чиновников и телеграфистов. «Этим могут вызвать новую беду»,— сказал Случевский. Л. Н. ответил ему: «От этого беды государству не будет».

Татьяна Львовна спросила шутя:

— Начальник станции простил тебя? (Начальник станции нагрубил Л. Н. летом.)

Юлия Ивановна спросила Л. Н., все ли собаки ходили гулять с ним.

Л. Н.: Все, кроме Белки.

Юлия Ивановна: А Карая не обижали? — И пошло о собаках, потом о коровах. О животных. У Толстых очень любят животных и так тонко наблюдают, знают их характер!

Л. Н. вспомнил, что сегодня был у него молодой человек с таким вопросом: «Я слышал, что вы заводите новую веру и награждаете».

Л. Н.: Какой хороший рассказ Новикова, запасного солдата, «На войну» — превосходный. Как это сильно! Я читал его раньше в рукописи и только сегодня напечатанным. Следовало бы его перевести, напишите Шкарвану. Надеюсь, сумею написать — никогда не обещаю вперед — маленькое предисловие. Это обратит внимание — по заслуге. Думаю, наверное, напишу [1]. И другая вещь Новикова: «Голос крестьянина» как хороша! Вы читали? — спросил меня [2].

Л. Н. рассказал, что читал книгу Максимова «Сибирь и каторга» [3]. Бежавших каторжников приковывали к тачкам или к стене. Несколько человек сидели в одной комнате, но по деревянным каморкам. Длины цепей хватало, чтобы могли голову на порог положить. Рассказывали себе сказки. Какое благодеяние правительства!.. Лунина, декабриста, тоже приковали к тачке, и умер так.

Я спросил, приковывают ли до сих пор.

Л. Н.: Нет, но и теперь что за зверства! Маша писала, что на Ходынке расстреливают пойманных революционеров. Довольно того, что рассказывают.

Л. Н. сильно протестовал против разговоров о Всероссийском крестьянском союзе, которому приписывали большое значение.

— На 100 миллионов крестьян там ⟨на съезде⟩ было 100 представителей,— сказал Л. Н.

20 января. Приехал Орлов, сын друга Л. Н., сотрудник «Русского слова», спросить, что Л. Н. пишет. Л. Н. обстоятельно с ним говорил, вместе гуляли. Орлов незастенчивый, простой и, кажется, сведущий человек. Интервью будет писать неохотно, потому что Л. Н. сам лучше напишет, что́ хочет сказать. Орлов вечером уехал. Л. Н. не позабыл дать ему отправить ответную телеграмму «The Reynold's Newspaper», London.

Софья Андреевна вернулась из Москвы. Рассказывала, что была в театре на «Франческа да Римини» [1].

Л. Н.: Что ей не дают покоя столько столетий!

Софья Андреевна рассказала содержание, давно потерявшее значение. Одна постановка красива.

Заговорили о Шаляпине.

Л. Н.: Я не слышал Шаляпина. Хорошо рекомендует его — смелость *[2].

Письмо Шейермана и сопроводительное письмо Л. Н. не напечатали ни в «Русских ведомостях», ни в «Русском слове», куда их Л. Н. послал.

Софья Андреевна с Натальей Михайловной играли в четыре руки Гайдна [3]. Вспомнили, что Танеев, первый пианист мира, должен приехать с Гольденвейзерами играть на двух фортепьянах.

Л. Н. вышел к чаю, когда Татьяна Львовна собиралась уходить.

— Погоди, Таня, погоди,— сказал Л. Н. и дал Наталье Михайловне читать вслух из книги Максимова «Сибирь и каторга» о польской чете, жившей в Уральске после 1831 г. Как жена везла в гробу будто бы кости двух детей, умерших в ссылке, а там был спрятан ее муж; как в Саратове это заметили, его сослали в Нерчинск. Она последовала за ним, там умерла от чахотки. Эту книгу Софья Андреевна привезла для Л. Н. из Москвы **.

Читали из той же книги о Сироцинском, Шакальском, как они в Омске создали тайное общество и готовили восстание Сибири. Заговор был раскрыт. Вождей держали четыре года под следствием в тюрьме, потом наказали: давали до семи тысяч палок. Один Шакальский выдержал палки [5]. Л. Н. много говорил о самой книге. Очень трогал его, между прочим, рассказ о татарах, вотяках, черемисах.

— За благодетеля Александра II восемнадцать тысяч поляков сослано в Сибирь! — закончил Л. Н.

Л. Н. после утренней прогулки почти каждый день сам читает Дорику «Мысли мудрых людей». Пересказывает их ему самым простым, народным

---

* Шаляпин недавно пел в театре «Дубинушку», публика с ним. На это ли намекал Л. Н. или на что-то другое?

** Потом по этому рассказу Л. Н. написал повесть «За что?» [4].

ТУЛА. РЫНОК
Фотография, 1900-е гг.

языком, избегая иностранных слов, и так записывает их для начатого им нового «Круга чтения» для народа и детей.

Л. Н.: Иностранные слова, как они ни неприятны, но они полностью покрывают понятие, а при переводе этих слов один конец (понятия) торчит. И они очень важны тем, что сближают людей. Esprit, дух, Geist, mind, spirit— у каждого свой оттенок. Делаю второй месяц «Круга чтения» для народа. Приходится вместо иностранных слов вставлять русские Хоть всегда можно, но иногда в ущерб смыслу, например: «хронический» так и хочется оставить, «постоянный» — не то. «Спорадический» — «порывами».

Разговор о том, как соблюдение субботы делается суеверием, хотя Христос сказал: «Не человек для субботы, а суббота для человека» [6].

Л. Н.: Соблюдение субботы не вредно, пока не переходит в фанатизм. Но как делается угольным камнем, как люди расходятся из-за него — вредно. Для грубых, нравственно, религиозно низкостоящих людей соблюдение субботы — даже подвиг, но для людей высшей нравственности суббота не важна — каждый час молись.

Л. Н.: Получил от Евгения Шмита «Aufruf» — призыв к рациональной христианской религии. Очень хороший. Прочтите. Стоило бы перевести по-русски.

Когда я вошел с Л. Н. в кабинет за письмом Шмита и сказал, что сам его найду, что знаю его почерк, Л. Н. сказал:

— Я не узнал его почерка, но по моей графологии определил, что это умный человек и очень честолюбивый. Думаю, так и есть.

— Да, верно.

Говорили об Оболенских, о больной Марии Львовне, что она хочет не в Рим, а к морю.

Л.Н.: Болезнь — дурно, а боязнь болезни — того хуже.

Татьяна Львовна: Болеть дурно тем, что другим в тягость.

Л. Н.: Веди себя так: можешь — ходи, не можешь — лежи. Как же бояться болезни? Болезнь приводит к смерти. К тому же приводит жизнь.

Татьяна Львовна говорила о Монако, что она и за едой думала, какие номера ставить.

Л. Н.: Ты загадываешь и веришь, что это имеет значение. Упорный порок суеверия. Потому ты и упорный, страстный игрок.

Софья Андреевна говорила про концерты и потом про Аренского, который живет в Финляндии, чахоточный, потом про его сына [7].

Л. Н.: Мне не нравятся ни отец, ни сын.

Софья Андреевна говорила, что кто-то просил ее достать отчет Кузминского о Баку.

Л. Н.: Орлов (из «Русского слова») говорил, что никакого вызова бакинского погрома со стороны властей не было.

Татьяна Львовна: Это теперь про гомельский погром евреев, по сообщениям газет, учиненный казаками, «Русские ведомости» пишут, что подстрекательства, в чем вошло в обычай обвинять власти, никакого нет.

Л. Н.: В Житомире, где погибло 80 евреев и два христианина, было не расовое, а антиреволюционное.

Софья Андреевна: Давыдов говорил, что советует твоей статьи не печатать, так как правительственные газеты выберут и перепечатают только те части ее, которые против революционеров, а остальное замолчат. Я эту статью тоже ни за что бы не напечатала.

21 января. Суббота. Л. Н. вчера только около дома гулял. Сегодня ему все еще не совсем хорошо, но поел, пришел к нашему завтраку и гулял поодаль от дома по дорожкам, которые проложил треугольником Дорик. Татьяна Львовна прочла из «Русских ведомостей», что то, что происходит в Гомеле, превосходит все предыдущие ужасы [1].

Потом я рассказал Л. Н., что полковник Корф, вынужденный отдать приказ стрелять в ливонских крестьян, залпом убил двадцать двух и там же, перед войском, застрелился.

Л. Н.: Ужасно и интересно! Желал бы прочесть. Где это было?

Я должен был это отыскать в «Новом времени», но не нашел. Прочел Л. Н-чу о фон Сиверсе, как он за три дня в Феллине расстрелял без суда 70 крестьян *[2]. Многих по одному подозрению. Ночью их арестовывали, брали с постелей, а на заре расстреливали. Как других пороли (по 200 плетей), у бежавших сжигали усадьбы, а у одного бежавшего застрелили двух сыновей. И это делали немецкие офицеры, командовавшие русским войском. Л. Н. прочел в «Новом времени» 19 января открытое письмо эстов из Юрьева об этом [4]. Когда дочитал, проговорил:

— Вспоминаешь слова Христа, что одни были овцы без пастыря [5]. Метались. Ужасно!

Л. Н. поехал верхом на Кабардинце. Тот пошел мелкой иноходью, но так тряс, что Л. Н. должен был ехать шагом.

После обеда Л. Н. читал «Письма из Вандеи» [6] и сказал о них: «Очень ловко написано».

Татьяна Львовна, вспомнив автора этих «Писем», Штевен, сказала, что она в один день 70 (!) школ открыла и что она радикалка [7].

Л. Н.: Она написала эту статью очень консервативно.

Потом Л. Н. принес Юлии Ивановне из кабинета толстый альбом, в твердом картонном переплете, чтобы переписать из него то, что написал «без ладу и складу», как он сказал [8]. Вынес из кабинета сочинения Екатерины II и просил их положить в библиотеку. Принес еще письмо И. В. Гуляева (молодого друга Л. Н.), спрашивающего, можно ли доверять

---

* Позднее, около 15 февраля, писали в «Новом времени», что двадцать из расстрелянных сидели под арестом случайно, по другим причинам, не за участие в бунте; почему-то и их расстреляли [3].

обещанию Сухонина дать в приложение ко «Всемирному вестнику» почти все запрещенные сочинения Л. Н-ча. Л. Н. поручил ему ответить, что Сухонин не обманет, но цензура может не пропустить [9]. Таких писем Л. Н. получает много, т. к. разные периодические издания обещают напечатать «все» или «все вышедшие за границей» сочинения Л. Н. и не сдерживают слова.

Вечером Софья Андреевна и Л. Н. играли в четыре руки на фортепьяно первый и третий квинтеты Моцарта. Л. Н. играл в левой руке. За чаем рассказывала Татьяна Львовна про Италию. Зашла речь об итальянских ослах. Юлия Ивановна удивлялась их маленьким ногам-копытам, как могут они тяжелых мужчин носить.

Л. Н.: Когда я с Сережей покупал ослов в Оренбурге на меновом дворе, высокий киргиз садился на осла, чтобы показать силу его. Ноги до земли доставали, осел свалился под ним.

22 января. Приехала М. А. Шмидт. Спрашивала о судьбе статьи Л. Н. «К правительству, революционерам, народу». Софья Андреевна ей ответила, что Давыдов не советует печатать ее, что народ статьи не поймет, а интеллигенция говорит, что при нынешних порядках неосуществимо то, что Л. Н. предлагает.

Л. Н.: Остаться при теперешнем государственном порядке — так моя статья не нужна. Так все запутано, что нужно что-то новое, и об этом новом я пишу. Я не пишу про настоящее, а я пишу о будущем. Вот до чего должен дойти народ в будущем.

Софья Андреевна: Ведь не одни революционеры, а сами либералы против твоей статьи.

Л. Н.: Еще бы, я их обличаю самым жестоким образом.

Л. Н. поспал перед обедом от 5.15 до 7.

Приехал М. П. Новиков, крестьянин из Лаптева.

— Как вы постарели! — сказал, здороваясь с Л. Н. Привез рукопись «Земельный вопрос в крестьянском разумении». Л. Н. позвал его к себе в кабинет. А вечером с 8 до 9.15 читал ее и сказал, что начало очень ядристое, характерное; дальше растянуто, повторение и озлобление. Проекта Генри Джорджа не понял. Отвергает его потому, что будто отнимает у крестьян их полоски, к которым привыкли. Предлагает или купить по 70 р. десятин пятнадцать, или выехать всем в апреле пахать с края.

— Вся статья пахнет кровью,— говорил о ней Л. Н. Марии Александровне.— Он говорит, чтобы с весны все мужики выехали пахать землю. Его захватило социалистическое движение.

Л. Н. говорил Марии Александровне, что впечатление от Новикова тяжелое. Он озлоблен против господ. Главный пункт его статьи, чтобы помещики снизили цену на землю с 150 до 60—70 р., сколько крестьяне могут заплатить. «Крестьянин уже не хочет только ту землю, которую он может обработать?!» — вопросительно, с удивлением приводил слова Новикова.

П. А. Сергеенко, приехавший в этот же вечер:

— Как он просто предлагает, чтобы мужики пахали, где попало.

Л. Н.: Этого не будет. Сжечь усадьбу — да... Кто же будет пахать? А кто будет сеять?

Петр Алексеевич: Что посеет, будет ли его?

Л. Н.: Я спрашивал мужиков о политическом положении и получил ответ от Тараса и других: «Да не разберешь»,— то есть они не примкнули ни к тем, ни к другим, а в раздумье. К черной сотне — грубые, к революционерам — честолюбивые, а самая масса в раздумье. С точки зрения их выгоды: от революционеров не получат земли, а от правительства надеются получить. У народа «забастовщик» имеет смысл «бунтовщик» — ругательное.

Михаила Петровича не было при этой беседе в зале. Он после длинного чтения и беседы в кабинете ушел в библиотеку. Софья Андреевна не терпит, чтобы Л. Н. приводил в ее присутствии в залу мужиков.

Петр Алексеевич принес и прочел вслух о защите Л. Н. солдата Шибунина [1]. Еще Петр Алексеевич читал вслух письмо Шейермана. Я ужасно устал, слушая чтение этих длинных статей, а каково Л. Н.! Ушел от Сергеенко в час ночи.

Говорили еще о статье Новикова «На войну». Л. Н. сказал, что напишет к ней предисловие.

Л. Н. за чаем говорил Сергеенко:

— Люблю, когда в исторических книгах на полях годы. Читаешь про Строганова и думаешь, сколько ему тогда лет было?

Меня попросил найти описание пути от Уральска до Саратова *, спрашивал, надо ли переезжать реку Урал? Сколько верст это будет?

— Около четырехсот.

— Я думал, ближе.

— Татьяна Львовна говорила, что десятинедельная Танечка уже узнает ее и что сама она хотела днем уснуть, лежала три часа и не уснула.

Л. Н.: Не надо думать о том, что хочу спать,— просто лежать. Как подумаешь, что хочешь спать,— кончено.

Сегодня Л. Н. с Татьяной Львовной катался на санях и выпал. Татьяна Львовна на другую сторону выпрыгнула. Она всегда, когда опасно, выпрыгивает.

П. А. Сергеенко вспоминал о том, чем занимались заключенные в Шлиссельбургской крепости, чтобы не сойти с ума, не погибнуть,— выращиванием огурцов и т. п. Кто-то из них, когда после 20 лет узнал, что должны его выпустить, просил, чтобы его оставили. Потерял связи с родными, друзьями, зачем ему в мир?

Л. Н.: Просто для пожилого человека страшно в эту суету.— Л. Н. рассказывал о французском профессоре, авторе книги «Париж в Америке», что он, читая лекции по истории, сравнивал падение Римской империи с падением империи Наполеона и ежегодно в одном месте не мог сдерживать слез [2].— Над этим не надо смеяться,— сказал Л. Н. — Когда он в первый раз о том говорил, вызвало в нем жалость, а второй, третий раз — воспоминание **.

Сергеенко принес с собой 33 написанных вопроса к Л. Н. и успел задать вчера и сегодня три.

Сергеенко привез много фотографий. Показывая Чехова с Л. Н., сказал:

— Какая ценная теперь, а тогда как вы были недовольны, Софья Андреевна, что я снимал.

Сегодня ни московских, ни петербургских газет не получили. Сергеенко думает, что, быть может, Дубасова убили и из-за этого осложнение. Сергеенко просит десять характерных писем из получаемых Л. Н.

Л. Н. спрашивал его о семье; у него девять человек детей, и он подробно рассказывал. Самый младший ребенок родился семи месяцев. Мать полгода с ним все ночи не спала, по двадцать раз вставала к нему, и выходила его. Теперь трехлетний, нормальной величины. А был такой маленький, что, например, обе ножки сразу мать ему во рту грела. Сколько матери посвящают забот детям! Отцы не выдержали бы и не имели бы терпения.

Л. Н. соглашался и добавил, что и у животных из нежных, слабых вырастают сильные, крепкие.

---

* Нужно было Л. Н. для рассказа о польском беглеце в «Круге чтения» («За что?»).

** Ср. проповедника Кизеветтера в «Воскресении».

Л. Н. получил книжку о новом, всемирном языке: «idiom neutral», которую просмотрел с интересом. Из нее же узнал, что есть около 8 000 слов, которые употребляются в нескольких языках. Очищение языков от иностранных слов Л. Н. считает естественным, но думает, что оно удаляет народы от сближения. Странно, когда такие близкие языки, как славянские, отделяются друг от друга.

Просматривая полученную им польскую брошюру, Л. Н. сказал:

— Польские слова можно понять, но латинские буквы делают слова странными, затрудняют чтение.

Сергеенко подарил много фотографий Софье Андреевне, Татьяне Львовне, Юлии Ивановне и мне.

Софья Андреевна звала его опять приехать. Кажется, настал перелом. До сих пор относилась к нему недружелюбно и с негодованием.

23 января. Вторник. Под вечер приехали к Л. Н. сын и зять Баташева, тульского богача-старообрядца. Третьего дня молодой Баташев, брат приехавшего, застрелил жандарма-шпиона. Оба были выпивши. Баташев шел вечером домой, жандарм схватил его за руку и он (Баташев) тремя выстрелами из револьвера убил его. Боятся, что брата расстреляют. Теперь это скоро — судят и исполняют. Пришли за советом к Л. Н., что́ им делать. Л. Н. посоветовал им ехать хлопотать в Петербург к Трепову, царице, через их мать. Дал им адрес Льва Львовича.

— До чего они невежественны,— удивлялся Л. Н. — Они старообрядцы, вместе с тем пьют и курят, и социалисты-революционеры. Думают, что будет лучше от этих убийств. Когда я им сказал, чтобы читали Евангелие, ответили, что «ваше» (то есть православное) Евангелие читать нельзя, оно испорченное. Нужно читать только «наше», с замечаниями Иосифа. В православном пишется Иисус вместо Исус. А сказано: кто прибавит или отнимет одну букву из Святого Писания,— анафема.

Потом Л. Н. рассказывал об их оригинальном дяде-пьянице:

— Раз ехал он с попом, который сдерживал его порывы, встретил меня на шоссе и воскликнул: «Вот он, человек! С фонарем ищу человека, вот он един, которому поклониться надо!» А проехав подале, обернулся и крикнул: «Чтоб тебе ни дна, ни покрышки не было!» Раз в Туле я ехал на извозчике. Встретил его. Он правил парой через окно кареты. Поравнявшись, закричал мне что-то. Я сказал извозчику: «Поезжай скорей!» Извозчик обернулся и сказал: «Он повернул за нами, догоняет нас». Мы повернули на Дворянскую, он за нами, обогнал нас и загородил путь и.....*

— Он из своего имущества (два миллиона) дал 700 тысяч на благотворительные цели и гордится этим. Давыдов воспользовался — на устройство приюта ** дал дом, землю и 30 тысяч.

Софья Андреевна с Натальей Михайловной играли в четыре руки сонаты Моцарта и «Венгерские танцы» Брамса. Татьяна Львовна их насвистывала. Потом рассказывали Марии Александровне о чешском квартете (Vihan, Suk, Hoffman, Nedbal), как играли в Хамовниках, между прочим сочинение Танеева. Такое было воодушевление! Но ведь такого исполнения нет ни у кого. Чехи — это боги. С. И. Танеев им сказал, что в их исполнении исчезают недостатки его сочинения [1].

Сегодня вечером Л. Н. был очень мало с нами. Читал книги о декабристах.

24 января. За обедом Наталья Михайловна сказала о Дорике:

— Захотелось ему поскорее вырасти.

Л. Н., обратившись к Дорику:

— Напротив, желай, чтобы потихоньку.

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

** Для юных преступников.

Разговор о Танечке, которую мать кормит. Л.Н. говорил Татьяне Львовне, чтобы бросила чтение книг о питании ребенка и вперед не боялась за него.

Л. Н. хвалил книгу великого князя Николая Михайловича о Долгоруких [1]. Просматривал альбом портретов выставки в Таврическом дворце [2]. О каждом знал, кто он, и давал короткие характеристики. Говоря о 23-хлетнем Долгоруком и его товарищах, основавших тайное общество, о том, как они обдумывали все государственные вопросы («плохо, слабо») и о том, присоединить ли Грузию или нет.

Я сказал Л. Н., что Шкарван пишет, что второй выпуск «Круга чтения» в чешском переводе конфискован из-за места о солдатчине, но что по этому делу будет запрос в парламенте, и затем вновь, если ответ на запрос будет положительным, книгу уже свободно напечатают и распространят [3]. Шкарван спрашивал Л. Н. о названии в «Круге чтения» недельного чтения «Христианство и католицизм»: верно ли оно или его так переименовал И. И. Горбунов из цензурных соображений? В таком случае надо бы прибавить примечание, что протестантизм — только реформированный католицизм. Основы обоих тождественны. Л. Н. согласился и сказал:

— «Круг чтения» крестьянский все поправляю, и дописываю, и дополняю. Сколько в нем недостатков!

26 января.

Л. Н. (*за обедом мне*): Передала вам Юлия Ивановна два письма? Одно очень милое: прочел «Царство божие», отказался от офицерства. Послать ему «В чем моя вера». Другое — немецкое от Альберта Лангена. Цитирует письмо Хесса и спрашивает, правда ли, что он будет отдавать часть гонорара за немецкие переводы мне и получать первым манускрипты? Ответьте ему, что я с 1881 года отказался от гонорара даже за русские издания [1].

Татьяна Львовна: День короток.

Л. Н.: А у меня силы коротки.

Татьяна Львовна: Читай.

Л. Н.: Чтением и занимаюсь. Я потерял сегодня в лесу при новой дороге записную книжку, до половины записанную*. Завтра поеду ее искать. Делир тем хорош, думать на нем можно. Тихий шаг у него.

Л. Н.: В..... ** статье о международных языках N. N. (Л. Н. назвал автора статьи) предпочитает эсперанто. Я даю первенство «idiom neutral» [2].

Татьяна Львовна: Он ведь романский.

Л. Н.: Чужие слова, которые неприятны, тут делают услугу. А сколько их... Этот язык сам собою вырабатывается.

Татьяна Львовна говорила, как ей Сергеенко льстил.

Л. Н.: Сергеенко мне, должен сказать, тяжел. Когда он рассказывает, он самым тихим голосом скажет что-нибудь необыкновенное: «Там все дети погибли», «Москва дотла разрушена»,— проговорил Л. Н. тихо, равномерно, почти слащаво, подделывая голос Сергеенко.

— Чертков пишет, что книжный магазин Суворина в Петербурге продает его издания,— сказал Л. Н., читая приложение к письму [3].

Татьяна Львовна: Теперь все позволительно.

Л. Н.: Я не разрешил бы ни за что.

Л. Н. рассказал, как во времена Екатерины мужья изменяли женам и наоборот, как с этим шутили. Екатерина сказала Нарышкину, что его

---

* Записная книжка нашлась в зимней одежде.

** Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

ЯСНОПОЛЯНСКИЙ ДОМ И ДЕРЕВО БЕДНЫХ
Фотография П. А. Сергеенко (?). 1903

Арвиков есть «objet de la flamme de sa femme»*. Такие мелочи мне пригодны, интересны.

Татьяна Львовна говорила с другого стола, где шила.

Разговор шел о супружеской неверности.

Л. Н.: Что же можно делать — как терпеть, переносить?!

Замолкли. Татьяна Львовна у другого стола посвистывала.

— Не свисти! — сказал ей Л. Н. довольно решительно. Татьяна Львовна представляла Н. Н. Страхова, как он ее срамил, когда свистела.

Татьяна Львовна рассказала, что Дорик говорил ей, что он не будет барином, но что будет где-нибудь в избушке жить на клочке земли и жить с нее и с какого-нибудь ремесла. Сегодня гадала на картах, и он спросил, сбудется ли его замысел.

Л. Н.: Дорик серьезный. Есть у него самобытность. Есть люди, которые умеют хорошо думать, но своих мыслей у них нет, берут их из книг. А другие есть, у которых есть что-то свое, а мысли ходят туго. Я предпочитаю второе.

Татьяна Львовна: Я тоже.

Л. Н. заглянул в газеты:

— Аресты сделаны у Вернадского в Ефремовском уезде [4]. Там живет Ильинский, друг Саши. Сперва был обыск у него.

У Л. Н. пополудни разболелась левая нога в ступне и в колене. В полночь Софья Андреевна пришла мне сказать об этом. Л. Н. читал текст

---

* «предмет страсти его жены» (*франц.*).

Альбома портретов в Таврическом дворце и очень следил, чтобы не помарать его, не загнуть угла листа. Л. Н. с книгами и со всякими вещами — платьем — очень аккуратен и бережлив. Софья Андреевна принесла камфорного масла. Я помассировал Л. Н. ступню. Л. Н. охал, больно ему было. Повязал. Л. Н. очень любит массаж и верит, что помогает.

27 января. Утром я спросил Л. Н., как нога.

— Удивительно! Вчера ночью еле дошел до кровати, а сегодня ничего не чувствую.

Л. Н. дал мне письмо Горбунова и статью Шкарвана «Словаки» и спрашивал о поисках в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. Я искал статью о польском восстании и не мог найти [1].

За ужином Л. Н. шутил; почти все, что говорилось, обращал в шутку. Татьяна Львовна и Наталья Михайловна говорили о Риме. Получили оттуда письма от Михаила Сергеевича и Александры Львовны. Уговаривали Софью Андреевну, чтобы туда поехала полечиться от насморка и бронхита. Говорили об Александре Львовне, что не знает ничего о Риме.

Л. Н.: Я читал, что́ мне советовал Боткин, но не было на пользу.

Татьяна Львовна разговорилась о достопримечательностях Рима, между прочим, о статуе Микеланджело «Моисей».

— «Моисей» на тебя похож, только нос у него длиннее,— сказала Татьяна Львовна Л. Н.

Софья Андреевна: У Л. Н. был еще короче, опустился.

Татьяна Львовна заговорила о картине Микеланджело «Сотворение мира».

Л. Н.: «Сотворение мира» никогда не понимал. Ужасная гадость! Это и его же «Страшный суд» — из фальшивых репутаций [2].

В 9 вечера спросил меня:

— Где эта статья Шкварвана о словаках? Дайте мне ее. Я как раз думал над вопросом о маленьких народах, об их отношении к жизни.

Отдавая, я похвалил особенно первую главу — «О душе словаков».

Л. Н. через четверть часа пришел ко мне в залу:

— Статья, первая глава, кажется, хороша. Что же их ⟨словаков⟩ число не уменьшается?

Я: Оно неизменно.

— Вы мне говорили — уменьшается.

— Число жителей долин (Северной Венгрии), обжитых словаками, постоянно, но состав их меняется. Были чисто словацкие, теперь между ними 5—15% чужих: евреев, мадьяр и других. Сами же словаки усиленно эмигрируют в Америку, Вену, Будапешт, где англизируются, мадьяризируются.

— Что же, они не теряют личности?

— Я видел второе поколение онемеченных словаков. Говорят по-немецки, а по характеру — словаки: простодушны.

— А-а.

В полночь Л. Н. вышел в залу, принес статью Шкарвана.

Л. Н.: Неясно, что хочет в ней сказать. Она без практических указаний, что́ делать словакам. Надо бы высказать: не подчиняться правительству. Описание души (первая глава) хорошее, хотя написано с пристрастьем, а это подрывает доверие. Эту часть и этнографическую — она поверхностная — надо обработать, дополнить для «Посредника». А другую часть — о том, как поступать словакам, которая писана для словаков,— исключить. Лучше обдумать и написать подробнее, как практически поступать, и издать для словаков. Очень сложный вопрос. Пусть переработает [3].

Помолчав, Л. Н. спросил:

— Где же гнет правительственный сильнее: в Познани или у вас?

Я: Одинаковый. Только в Познани по законам, а у нас — произвольный. А у поляков самооборона сильнее.

Л. Н.: То есть противодействие, создание организации, применяющей насилие, которая пока служит освобождению нации от гнета другой, а потом сама собою, своим существованием, будет угнетать как чужих, живущих среди них, так и своих. Сколько поляков в Галиции?

Л. Н.: Венгерцы организовались для насильственного избавления от немцев-австрийцев, а теперь эта создавшаяся власть сама угнетает других. Вы и Шкарван сознательно против этой деятельности национальных вождей, но большинство захвачено ею.

28 января. К обеду приехал Сергей Львович. Рассказывал Л. Н-чу как в их кружке либералов рассуждают о земельном вопросе.

Л. Н.: Новиков написал статью о земельном вопросе, бойко, сильно, но нехорошо. Читал в Брокгаузе о крестьянстве. Очень хорошая статья; очень хорошо изложена вся история освобождения. Мне хотелось узнать, каких крестьян больше всего дарила Екатерина [1].

Сергей Львович: Государственных. Раздарила их 400 тысяч, а было тогда ревизских душ 12 миллионов.

Л. Н.: И Павел дарил. Павлу внушали, что положение с переходом в крепостные улучшится. Хотелось ⟨бы⟩ узнать, какое было управление государственными крестьянами? Что их грабили — непременно, но каким путем? Но этого там * не нашел.

Сергей Львович: Об этом прочтешь в книге.

Л. Н.: У тебя она есть?

Сергей Львович: Да.

Л. Н.: У тебя «Первый декабрист Раевский»? Не помню, чья — маленькая книга [2].

Сергей Львович: Нет.

Л. Н.: Беркенгейм прислал мне список книг о декабристах, их 150 [3]. Тут трудно выбирать.

Сергей Львович: Самые лучшие: Саблуков [4], Чарторижский.

Л. Н.: Чарторижский у меня по-английски [5].

Софья Андреевна: Мы с Наташей каждый вечер играем в четыре руки.

Наталья Михайловна: При Сергее Львовиче играть не буду.

Л. Н.: При двух закрытых дверях очень хорошо.

Играли «La flûte enchantée».

Л. Н.: Содержание — нелепость, рассказать нельзя [6]. Но «Хор жрецов» — такая торжественная, прелестная музыка.

За чаем Сергей Львович к отцу:

— Я виделся с Львовым. Нет у них денег. Просит, чтобы ты ему посылал, что̀ получаешь. Кормит семь тысяч детей в Епифанском уезде молоком, кашей; три с половиной копейки обходится в день. Нанимают коров. Дают книжки с купонами.

Л. Н.: Получил на днях по 50 копеек именно для детей с трогательным письмом.

Сергей Львович: Давыдов сообщил мне, что твою статью «К правительству, революционерам, народу» можно печатать только с сокращениями.

Л. Н.: Можно бы ее дать в новую газету Трубецкого. Они пишут, что будут ее издавать при моем сотрудничестве [7].

После обеда Л. Н. сказал, что в «Новом времени» Меньшиков пишет о возможности восстания в Финляндии и захвата Петербурга.

— Мне интересно: как можно это писать,— сказал Л. Н. и попросил Наталью Михайловну, чтобы прочла статью вслух («Финский нож» —

---

* В Энциклопедическом словаре.

«Новое время», № 10729, 26 января). Когда читала, Л. Н. ей поправлял ошибки в ударении. Когда же читала, что надо увеличить войска, стоящие в Петербурге, Л. Н. покачивал головой, недоумевая и не одобряя.— Поразительно, поразительно! — сказал Л. Н., когда Наталья Михайловна кончила читать.

Потом сам Л. Н. прочел вслух в «Новом времени» от 24 января статью «Маниловщина» о своем и шейермановском письмах [8]. Когда дочитал до конца, сказал, казалось, с сожалением:

— Сергеенко говорит, что Давыдов послал мое письмо с Шейермановым письмом в «Русские ведомости», «Русское слово», «Русский листок», «Русь», «Новое время», а напечатали его одни «Новости дня» *.

Ушел на минуту в кабинет, вернулся и сказал о статье Меньшикова «Финский нож»:

— Она до того бойка и глупа! Увеличивать войска и посылать войска в Петербург, Финляндию! Почему не в Казань, татар и чувашей сдерживать? Силой держать то, что распадается! — Потом о статье «Маниловщина»: — Это, отказ Шейермана от имения в пользу крестьян, становиться на ровную ногу с ними, это маниловщина! А Сиверс, который расстреливает крестьян, жжет их дворы — это не маниловщина? — Л. Н. потом с огорчением говорил о непонимании того, что земельная собственность пережиток, и о боязни, что добровольный отказ от земли способствует тому, чтобы и другие лица добровольно, а правительство по закону, так же поступали.— Как это напоминает,— продолжал Л. Н.,— времена освобождения крестьян! Тогда Александр все стоял за помещиков, назначил Орлова, архикрепостника, в председатели Крестьянского комитета. Гагарин, Панин были влиятельны. Потом Киселеву («le général Kisselev») удалось восторжествовать [9].

Сергей Львович: И Герцен содействовал.

Л. Н. (*ко мне о вчерашнем разговоре по поводу статьи Шкарвана «Словаки»*): Если христианский элемент (в словацком народе) таков, почему его вместе держать? Пусть он рассеивается и в Америке и в других местах и там действует. Судьба христианства такова. Хотеть его (словацкий народ) вместе держать, его сплотить — это эгоизм.

Относительно привязанности к своему языку маленьких славянских народов, которые придают родному языку огромное значение, Л. Н. сказал:

— Нам, русским, поставленным в такие счастливые условия, что нас другие не угнетают, не приходится об этом рассуждать. Не подчиненным другому народу легко об этом рассуждать. А поляки, когда им запрещают говорить на родном языке, естественно, противятся этому. Если народ хочет освободиться, перенимает те самые способы порабощения другого народа, а потом из них сам себе вьет веревку. Это мне хочется написать Шкарвану,— докончил Л. Н.

Л. Н. вышел к чаю с томом портретов Таврической выставки:

— Упиваюсь описанием портретов. Кончил. Прочтем описание Анны Ивановны Коновницыной,— сказал добродушно, восторженно улыбаясь и показывая нам всем ее портрет.— Какое лицо, руки! И портрет ее мужа! — Л. Н. начал читать, но не мог сдержать смеха и передал Татьяне Львовне.— Читай, Таня, я не могу: буду хохотать.

Ее характеристика — цитатами из ее писем к мужу, находившемуся в русском походе на Париж,— действительно, жива [10].

Л. Н.: Характерные подробности, анекдоты...

Сергей Львович: Эти описания, вероятно, составлены разными лицами.

---

* Через несколько дней Л. Н. узнал, что «Русский листок» тоже напечатал в № 19.

Л. Н.: Нет, вероятно, одним. Я чувствую там тон один общий *[11].

Софья Андреевна: Следовало бы поблагодарить Николая Михайловича за издание. Напиши ему.

Татьяна Львовна: Я напишу, если хочешь [12].

Потом Л. Н. просматривал почту из Тулы. Сначала просматривал адреса. Подержал в руке письмо с адресом рукой П. А. Сергеенко и сказал:

— С моей графологией сказал бы, что пишущий это — характера того же, что Сергеенко.

Дал Татьяне Львовне читать письмо от двух 17-летних реалистов — друзей, влюбленных в двух девиц их же возраста и желающих жениться. Чувствуют, что любовь не та. А девицы им говорят, что это естественные потребности тела. Обращаются к Л. Н. с доверием. Л. Н. охал, когда Татьяна Львовна это письмо читала.

— Они предлагают себя!

Софья Андреевна: Так теперь все эти гимназистки. Ненавижу курсы!

Л. Н. сначала было посмеялся, пошутил, а когда Татьяна Львовна шутливо отнеслась к содержанию письма, сказал:

— Стараюсь относиться серьезно.

С почтой получены две великолепные по изданию, пустые по содержанию книги американские.

Л. Н.: Желал бы знать статистику: сколько книг и особенно газет печатается в мире? Рёскин говорил о квадратных милях листов [13].

Софья Андреевна: В последнем издании собрания твоих сочинений в 15 тысячах экземпляров было семь с половиной миллионов печатных листов — не страниц, а листов по 16 страниц каждый [14].

Л. Н. (*окинув взглядом ворох журналов, газет и книг*): В этой массе много хорошего, но найти это очень трудно, пропадает это.

В январском номере анархистского журнальчика «L'Ere Nouvelle» Л. Н. похвалил и посоветовал Наталье Михайловне прочесть «L'art de la création» — перевод статьи Edw. Carpenter [15].

Взял почту (письма), как всегда попрощался со всеми за руку, с родными — целуясь, захватил чашку чаю и в 11.30 ушел к себе.

Как получается почта: 1) С железнодорожной станции Козлова-Засека ежедневно утром привозит верховой: газеты, простые бандероли, простые письма русские и иностранные, которые адресованы в Козлову-Засеку или в другие места — все попадают сюда. 2) Из почтового отделения Ясенок приблизительно раз в неделю, иногда два-три раза в неделю, а иногда раз в три недели, привозит ее приказчик, иногда случайный человек, но чаще всего сам Л. Н. съездит верхом за этой почтой. Она необильная. Сюда получается и заказная корреспонденция, посылки, деньги. 3) Из Тулы — раз в неделю, иногда раз в десять дней, т. е. тогда, когда посылают кучера за провизией. Иногда привозит ее кто-нибудь другой, например, сын, или кто другой из близких, или гость, проезжающий через Тулу в Ясную. Этой почтой получаются еще и заграничные телеграммы, если не оплачен нарочный. Как из Ясенок, так и из Тулы от заказной корреспонденции и от неоплаченных писем, посылок, денег получаются сперва одни повестки, и только в следующий раз, после предъявления подписанных повесток, выдают самые заказные письма и прочее. Так что заказ-

---

* Л. Н. увлекался, возился с этим томом портретов. Вряд ли кому был он так дорог. Пересматривал и перечитывал по много, много раз и рассказывал о многих. Почти всех лиц знал по другим источникам: некоторых, вероятно, и лично или их потомков знал. Любитель русской бытовой старины и истории, Л. Н. из всех получаемых журналов читает постоянно только один «Русский архив», а потом «Былое». Эти журналы, как получал почту, оставлял у себя и читал каждую книгу «Былое» и сызнова перечитывал. Из прочих же журналов брал со стола в столовой, где лежали, чаще всего «Вестник Европы» и «Русское богатство».

ная корреспонденция, посылки лежат на почте в Ясенках или в Туле обыкновенно никак не меньше, чем по восемь дней, а то по тринадцать и больше. Телеграммы же, если не оплачен нарочный, лежат в Туле обыкновенно даже до семи дней. Иногда случается, что какая-нибудь добрая душа на почтово-телеграфном отделении в Туле на конверте телеграммы напишет адрес: Козлова-Засека и отправит; тогда получается на следующий день. Почту же из Ясной Поляны отправляют: простую и заказную корреспонденцию в Козлову-Засеку; посылки, деньги — в Ясенки или в Тулу; телеграммы за границу — в Тулу. Русские газеты и журналы адресуют главным образом в Засеку (и московские получаются на следующее утро), русские телеграммы — в Засеку, Ясенки, Тулу. Заграничные телеграммы — и в Москву, Петербург; корреспонденция — больше в Ясную Поляну; заграничная — часто в Москву, редко в Крым, в Петербург, а изредка (из Америки) просто в Россию или даже просто в Европу. К Л. Н. попадает много заграничных писем и бандеролей с неразборчиво написанным чужим адресом, а также адресованных и в Ясную Поляну, Красную Поляну, Длинную Поляну, Козлов.

29 января. Приехали Буланже и маньчжурский корреспондент лондонской «Tribune» доктор медицины Cunnard, М. В. Булыгин с девицей; уехал Сергей Львович.

Л. Н. приглашал Михаила Васильевича с собой верхом, но потом сказал:

— Лучше нет, будем говорить, закружатся у нас головы. Как перепела: до того кричат, пока не закружатся головы и не упадут, так говорил Тургенев.

Вечером было очень шумно. Л. Н. сел играть в винт. П. А. Буланже, служащий на железной дороге, говорил о своих служебных путешествиях — обследованиях. Начальник станции в Нижнем Новгороде не дал отпуск сторожу ни когда жена родила, ни когда ребенок умер. В служебном отношении ценный, а какой он в человеческом — не считают.

Л. Н.: Это всегда так бывает.

Павел Александрович привез народный «Круг чтения» с 1 января по 30 июня. Печатный экземпляр, поправленный самим Л. Н. для народа и молодежи [1].

Доктор Cunnard хочет путешествовать два года по России и обновить книгу Wallace Mackenzie [2]. Он спросил Л. Н., был ли у него Гладстон.

Л. Н.: Нет.

Л. Н. сказал ему:

— Если хотите знать крестьянский быт, читайте славянофилов: Хомякова, Самарина, Аксакова (о мире — сельской общине).

Cunnard спросил Л. Н., какого он мнения о петербургской газете «Наша жизнь»?

Л. Н.: Не читаю газет, чувствую себя так, как когда я перестал курить,— освежела мысль.

Л. Н. через Булыгина посылал Данилову, приехавшему к нему из Нижнеколымска Якутской области, «Великий грех», «Конец века», генриджорджевские статьи и говорил о нем, что он поехал в Петербург с проектом о решении земельного вопроса.

Л. Н. рассказал о судьбе письма Шейермана, что не напечатали его:

— А письмо правдивое, прекрасное; говорит: при теперешних условиях владеть землей — значит рассчитывать на убийства. Ни одна газета не потрудилась напечатать это письмо *.

Л. Н. рассказал еще про статью Новикова о земле: что сильно, бойко, но озлобленно и превратно толкует Генри Джорджа.

---

* Гуляев пишет мне из Воронежа, что напечатали его в «Русском листке», № 19 [3].

Речь зашла об исторических книгах, которые Сергей Львович мог бы достать в Москве. Тут Л. Н. сказал о Екатерине:

— Нельзя не презирать эту гадину. Раздарила любовникам, которых меняла, как чулки, 400 тысяч крестьян, то есть из вольных людей сделала рабов. Глупая, тщеславная, нерусская шкура!

Сергей Львович: Николай Николаевич (Ге?) говорил: «История русская — это история насилия над русским народом».

Л. Н. согласился, притакнул.

30 января. Приехала С. А. Стахович. Говорила, что в Петербурге все тихо, как было прежде. Вообще, кто будет судить о революции по газетам, тому она покажется сильнее, чем она есть. Русские, живущие за границей, судя по письмам, например, Чертковых, воображают ее себе преувеличенной. Иностранцы, приезжающие — тоже.

Вечер за чаем.

Л. Н.: Читал американскую книгу университетского профессора «The Universal Kinship» о возможном родстве не только людей, но и животных [1]. Материалистическая книга, все обставлено наукой, дарвинизмом. Сухая, вредная книга. Об этике диких народов (своего не убивать, чужого — да), римлян, вплоть до нашего времени.

С. А. Стахович рассказала, что пробовала читать Карлейля «Sartor Resartus» и не могла.

Л. Н.: Скучная книга, я тоже не мог дочитать. А его «Hegoes» еще менее стоящая. «Past and Present» — добрая. Не нравятся мне его мысли, выпускаю их в корректуре «Круга чтения». Они бойки и злобны, главное — бойки и неискренни... Боткин говорил про ⟨Д. А.⟩ Милютина, что ему, чтобы действовать, надо было озлобление.

Софья Александровна рассказала про исполнение «Моцарта и Сальери» Пушкина [2]. В монологе проходят слова: «Моцарт, ты бог». Как хорошо пел Шаляпин, какой он умный и с каждым годом становится умнее.

— Желала бы, чтобы вы его видели и слышали,— сказала Софья Александровна.

Л. Н.: Шаляпин мне неинтересен.

Софья Александровна рассказала о Репине, что развелся с женой и женился на другой. Осрамился, стыдно за него. Ему за 60 лет.

Татьяна Львовна: Он всегда так жил.

Л. Н.: Жалко его. Старший сын, должно быть, сильно страдает от этого.

Софья Андреевна жаловалась Софье Александровне, что сегодня ночью обокрали ледник; что подозрение на И. Цветкова, которому вчера дала три рубля, и вообще давно поддерживает семью Цветкова. И возмущалась воровством.

Л. Н.: Надо так отнестись, как рассказано в рассказе Лескова о краже под праздник [3]. — Л. Н. хотел было прочесть вслух этот рассказ, но оказалось, что он отдал его Илье Васильевичу, а тот уже лег спать.

Я подал Л. Н. вырезку из эдинбургской газеты «The Scotsman» — сообщение о вступительной лекции осенью 1905 г. профессора Эдинбургского университета Ch. Sarolea о французском языке. Сравнивал русскую революцию с Французской, говорил о России. Л. Н. читал внимательно, медленно. Дойдя до середины, сказал:

— Очень хорошо и верно.— Когда дочитал: — Очень умно. Какой умный малый!

31 января. М. Н. Грюнер спрашивает, какие книги Л. Н. считает лучшими для детей [1].

Л. Н.: Это трудно ответить. Если бы спросили: «Это и это хорошо?»— могу ответить, а самому вспомнить трудно. Это вопрос: сто лучших английских книг. Мы пытались его разрешить, но опять: кому читать? Для

кого? Авторов переименовать недостаточно. У одного есть и хорошие книги и невыдающиеся. А хорошие книги есть и у малоизвестных авторов. Как составить указатель хороших книг для детей, решительно не знаю.

За обедом С. А. Стахович рассказала, что прочитала в полученном сегодня «Новом времени» (№ 10732, 29 января), как в Петербурге в гостинице происходила сходка боевой дружины «Союза русского народа», а рабочие противной партии бросили бомбу и стреляли по бежавшим.

Л. Н.: Чувствуют, они завладели властью.

Софья Александровна с осуждением вспомнила о Короленко, напечатавшем открытое письмо статскому советнику Филонову, командующему войсками, введенными в Полтаву; об ответе Филонова Короленко и как его ⟨Филонова⟩ на шестой день убили [2]. (После письма Короленко Филонов получил 30 угрожающих писем.) Короленко — фаворит у нынешних революционеров.

Л. Н.: Как же, преемник Михайловского.— Через несколько минут:— Его дело с вотяками сомнительное. Он защищал их, доказывая, что не было человекоубийства ради языческого жертвоприношения. Я читал это дело, и мне казалось, что скорее это они сделали, это было изуверство. Разумеется, было хорошо избавить их от каторги [3].

Софья Александровна заговорила об искусстве. Юлия Ивановна вспомнила, что́ рассказал Репин: «Шел я по улице. Рабочие тянут тяжелое судно. На нем пять рабочих поют, а тянущие их с удовольствием тянут, так как те их подбадривают пением». Вот искусство прибавляет сил человеку.

Л. Н.: Только тех, которые поют, уже слишком много.

Юлия Ивановна: Да, но как поют!

Татьяна Львовна заговорила о труде воспитания девочки: кормлении, качании, недосыпании.

— Хорошо с трудом лицо в лицо столкнуться! — сказал Л. Н.— Какое действие оказывает на человека упорный труд, который считается ничем! — сказал он. Л. Н. говорил с восхищением и признательностью, воодушевился, глаза у него заблестели и устремились куда-то вдаль. Плечи приподнялись. После сказал:— Генри Джордж, если не ошибаюсь, говорит: «⟨Есть⟩ три способа жить: трудом, воровством, милостынею. И потому, что последними способами живут слишком многие, то живущим первым способом становится трудно» [4].

Софья Андреевна суетилась, уезжала в Москву. Уехала парой гуськом в санях на Козловку. С прешпекта вернулась и послала за Л. Н. наверх. Л. Н. встал быстро, как молодой человек, пошел к сходу лестницы и крикнул сверху:

— Что, Соня?

— Я с тобой не попрощалась, вернулась.

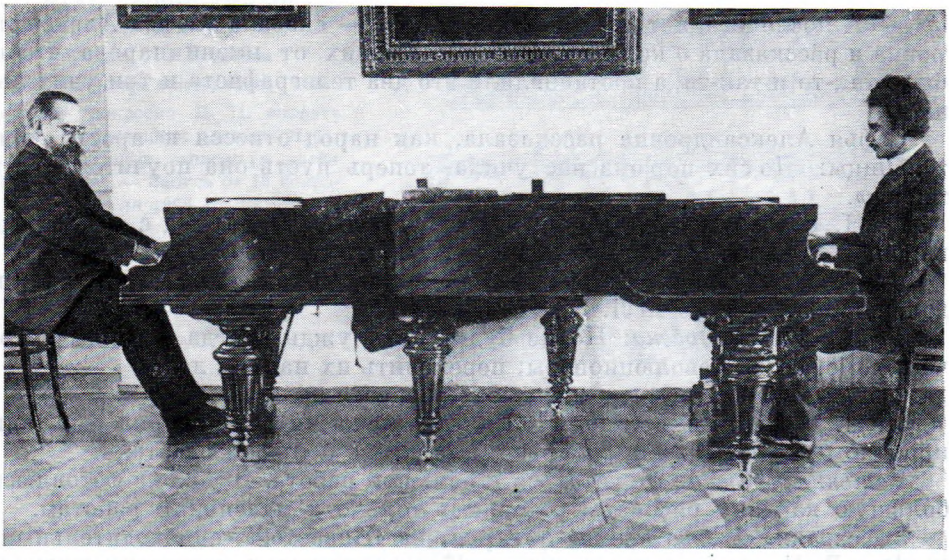
1 февраля. Л. Н., Татьяна Львовна, Юлия Ивановна, я, Наталья Михайловна, Дорик и С. А. Стахович. Л. Н. заработался. Не выходил к завтраку из кабинета до четырех. Потом поехал на Делире в лес. Я пошел за ним по направлению к колодцу. Тишина, белизна снеговая, вдали чернеется лес.

За обедом Наталья Михайловна сказала, что Мария Львовна из Рима пишет, что была у доктора и он ей сказал, что ей надо больше ходить.

Л. Н.: Вот как! Это до того доктора, который скажет наоборот, что ей надо больше лежать. Сегодня читал газеты. Шлиссельбургскую крепость уничтожили, потому что дорого обходилось: 14 узников — 200 тысяч рублей в год [1].

Софья Александровна: Она была лучше Петропавловской.

Л. Н. спросил Софью Александровну:



С. И. ТАНЕЕВ И А. Б. ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕР ЗА РОЯЛЯМИ В ЗАЛЕ ЯСНОПОЛЯНСКОГО ДОМА
11 февраля 1906 г.
Фотография С. А. Толстой

«С. И. Танеев и А. Б. Гольденвейзер... играли на двух фортепьяно Моцарта,.. Бетховена... Аренского... Мендельсона... Шуберта, Вебера...». — Запись от 9 февраля 1906 г.

— Читали вы Максимова знаменитую книгу «Сибирь и каторга»? Историческое описание ссылки, каторги до нового времени. Прочтите. Какие люди ужасы делают! Животные не могут того делать, что правительство делает.

Софья Александровна: Но собаки?

Л. Н.: Собаки развращены людьми.

Софья Александровна: Почему?

Л. Н.: Потому что они домашние животные. А дикие не так жестоки к своим. Там во время случки самцы погрызутся, и загрызутся два самца.

Потом Софья Александровна начала рассказывать об американских, английских, французских тюрьмах. Тошно.

Л. Н.: Я сегодня утром читал — Бутурлин мне послал в письме вырезку из газеты,— как расстреливали 27 революционеров-рабочих около Москвы. Ужасно мне было и — дорожу утренними часами — бросил читать [2].

Софья Александровна: Вы не читали фельетон в «Новом времени»? Буренин распекал Горького за его статью о вас и Достоевском, цитируя из нее. Горький упрекает вас и Достоевского, считая, что его учение сводится к «смиряйся», а ваше — к «совершенствуйся» [3].

— Какие глупости! — иронически улыбаясь, сказал Л. Н.

Наталья Михайловна вспомнила о Парагвае, Юлия Ивановна — об Аргентине, что оттуда больше всего просят автографов у Л. Н.

Л. Н.: Парагвай, Урагвай — мы их не знаем. Через сто лет это будет историческая страна. Вся Южная Америка — прелестная страна.

Вечером Л. Н. хотел что-нибудь прочесть вслух, но не нашел, что. Разговаривал с Софьей Александровной. Рассказал про кружок Строганова — как молодые 23-летние люди решали государственные вопросы. Совещались о том, какое ведомство какому должно быть подчинено,— это было их старание о благе народа [4].

— А после ста лет то же повторяется, — сказала Софья Александровна и рассказала о комитетах, потребовавших от имени народа, чтобы было так-то и так-то, а постановляли это два телеграфиста и три учительницы.

Софья Александровна рассказала, как народ отнесся к аресту учительницы: «До сих пор она нас учила, теперь пусть она поучится, пусть терпит».

Л. Н. сказал, что лет сорок тому назад он заметил — а с тех пор не изменилось, — что между ними (народом) и нами — пучина.

— На мои, ваши хлопоты за них они смотрят так, как будто это так и должно быть, — сказал Л. Н.

Софья Александровна: Но не будут нам чужды, когда свершится то, чего домогаются революционеры: переменить их на наш лад?

Л. Н.: Избави бог, чтобы мы всех развратили.

Л. Н. сегодня был слаб. Перед чаем лежа читал. Говорил еще, как приятно приготовляться, собирать материал к большой работе.

Татьяна Львовна: Не готовься к большой работе. Я уже не готовлюсь большую картину рисовать, готовлюсь только к маленьким работам.

2 февраля. «Новое время» цитирует из «Новостей» «снисходительный» отзыв о Л. Н., что его новая статья «К правительству, революционерам и народу» лишь тем интересна, что ее писал Толстой, — иначе мизерная статья [1]. Сегодня Л. Н. получил длинное письмо от рабочего железной дороги из Брянска. Смысл такой: вы для нас перестали быть ценным, наши герои — Балмашев, Дейч, а не вы [2].

Л. Н. (*о нем*): Интересное письмо. Он мыслей тех не знает, которые осуждает. Какая самоуверенность. Он человек подчинявшийся: теперь начитался революционной литературы; рад, что вышел из мрака. Ему некогда обдумывать. Это тип людей, который теперь образовался.

Мария Александровна: Он исковерканный, хотя говорит, что он из народа.

Л. Н.: Он из народа — самый далекий от народа, потому что прямо презирает серого мужика. Аристократы петербургские ближе к народу, чем эти люди, вышедшие из народа. Гораздо лучше слушать паломницу, которая рассказывает про⟨чудеса⟩, чем читать то, что пишут Гольцев, Короленко, Тан...

Софья Александровна вставила:

— В Курске доктор вел крестьян разрушать усадьбы и исчез. Крестьян арестовывают, секут.

Л. Н.: Лет 50 тому назад, когда я еще был молод и глуп, глупее чем теперь, я написал комедию «Зараженное семейство» [3]. Тогда это начиналось и на моих глазах разрослось. Религию уничтожили и не поставили ничего на ее место. Рана заживает так, что на месте разрушающегося новое растет, изнутри вырастает то, что ее соединяет. А тут (без религии) осталась зияющая рана. Сколько новых газет развелось! Сколько их теперь, этих платформ!

Мария Александровна: Что?

Л. Н.: Известное воззрение политическое — это платформа.

Л. Н. попросил Татьяну Львовну читать вслух переписку Александра I со Строгановым [4].

Л. Н.: Очень характерная. Видно из нее, какая обаятельная личность был Александр I. Строганов говорит на русско-французском.

Софья Александровна стала рассказывать о Тенишеве и сказала, что он глуп.

Л. Н.: Все умные, все глупые. Я не знаю, кто умный, кто глупый.

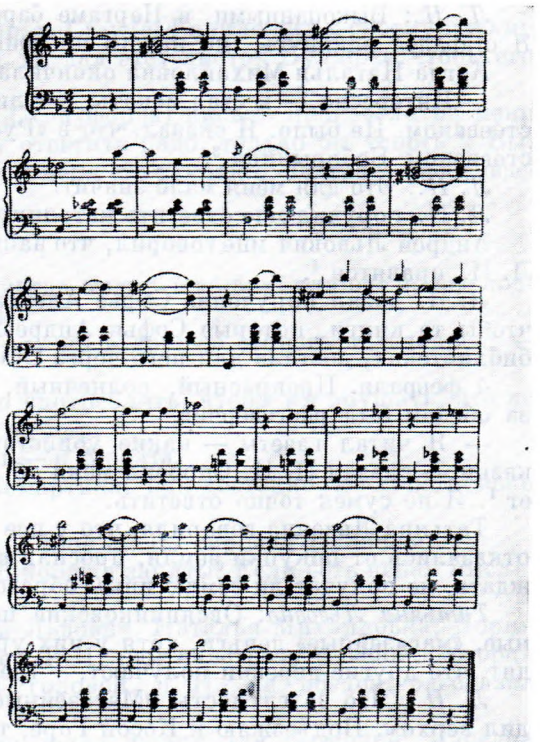
Потом говорили о М. А. Стаховиче. Л. Н. сказал Софье Александровне о нем:

ВАЛЬС, СОЧИНЕННЫЙ ТОЛСТЫМ

Запись С. И. Танеева

«Толстовский ежегодник», 1912

«Танеев попросил Л. Н. сыграть свою композицию: вальс. Л. Н. сыграл. Танеев записал [и] затем сыграл его». — Запись от 10 февраля 1906 г.



— Ваш брат Михаил в самом лучшем возрасте — 45, когда начинают серьезно относиться к жизни.

Л. Н. в другой раз сказал сегодня:

— В молодости ничего хорошего.

3 февраля. Л. Н. не выходил гулять: слаб, и спина у него болит. Андрей Львович, вернувшийся вчера ночью, рассказывал о том, что творилось в Тамбовской губернии, о тамошних губернаторе, дворянах.

Л. Н. просматривал иллюстрированное приложение к «Новому времени» и «Искры». В обоих портреты Достоевского и статьи по поводу 25-летия со дня его смерти. Глядя на портрет работы Перова, Л. Н. говорил душевным, выразительным, чистым голосом:

— Как хорошо! Я его никогда не видал. Так и видишь.

Заметив раскрытую книгу, лежавшую на столе, Л. Н. спросил:

— Кто это читал из Мериме?

— Читаю русские сказки,— ответил я.

Л. Н.: А-а, славянские песни. Мериме собирался путешествовать по славянским землям, деньги истратил и остался в Париже и там сочинил славянские песни. Пушкин перевел их по-русски; думал, что это настоящие народные, славянские песни. У Мериме есть «Кармен» , знаменитый роман, к которому Бизе сочинил музыку и переделал в оперу.

В приложении к «Новому времени» Л. Н. увидел «Воспоминания о Тургеневе» немецкого профессора Фридлендера. Попросил Наталью Михайловну, чтобы прочла их вслух. Л. Н. спросил, как начало «Вешних вод»[1]. Никто не помнил.

В статье о Тургеневе упомянуто, что он увлекался пергамскими барельефами. Я спросил:

— Чем?

Л. Н.: Выкопанными в Пергаме барельефами. Он мне показывал их. Я старался вникнуть, но ничего не понял [2].

Когда Наталья Михайловна окончила чтение, Л. Н. сказал:

— Интересно,— и стал искать, нет ли еще чего прочесть, искал о Достоевском. Не было. Я сказал, что в «Русском слове» есть фельетон о Достоевском Боборыкина [3].

Л. Н.: Это для меня мало значит.

Л. Н. поручил мне ответить католику в Брянск на два вопроса о вере.

Андрей Львович мне говорил, что написал воспоминания детства и что Л. Н. нравятся [4].

Л. Н. давал поручение Софье Александровне в Петербург, прося ее, чтобы те книги, которые Софья Андреевна не раздобудет в московских библиотеках, достала для него через Стасова.

4 февраля. Прекрасный, солнечный, морозный, синий день. Л. Н. за обедом был разговорчив.

— Я читал газеты — какие убийства в Остзейском крае, убийства, казни,— сказал Л. Н. Спросил меня об Алжесирасе: кто и что там делает [1]. Я не сумел точно ответить.

Татьяна Львовна говорила, что у нее были овсянниковские крестьяне, отказались от покупки земли, просили ее на год в аренду. Хотят подождать, не получат ли землю иным образом.

Татьяна Львовна: Овсянниковские получили теперь продовольственные, «магазейные» деньги, хотя у них урожай был великолепный Но видят, что другие деревни получают,— требовали.

Л. Н.: Что за глупость! «Магазейные» выдают в голодный год. Я ездил верхом. Подъезжаю к Косой Горе, там куча крестьян: «Вот, ужó будет на таких лошадях ездить!» Может быть, я не расслышал хорошо, я глух. Петр Осипов * — он мне не кланяется. Что-то у них есть.

Потом, наедине Л. Н. сказал мне:

— Если поломают эти рамы, портреты — мне ничуть не будет жаль. Только за Софью Андреевну. А будет жаль, если их ⟨крестьян⟩ будут наказывать.

Вчера получил Л. Н. книжку Д. А. Хомякова «Самодержавие (Опыт схематического построения этого понятия. Приложение к сочинению А. С. Хомякова. Рим, 1899 г.)» [2]. Очень заинтересовался. Сказал о ней:

— Есть тут одно «только»: если бы он признавал христианство свободным, евангельским, а не в форме православия. Славянофилы, как всегда, правы, что русский народ не участвует во власти, а передал власть — обязанность — царю. Хомяков и пишет, что русские смотрят на власть, как на обязанность. Хомяков говорит, что «государственность — продукт грехопадения». Упоминает и меня, что отвергаю государство и что говорю, что только дураки могут верить в грехопадение, и забываю, что к числу дураков приходится отнести и Канта. А как ни думают о Канте, дураком почесть его «трудненько». Я только что третьего дня записал в дневник: «Кант, защищая грехопадение, приносит дань догматизму» [3].

Буланже: Что же, вы Канта можете читать? Я не могу.

Л. Н.: Кант очень тяжелый. Голова болит.

Буланже рассказал, что в Москве (в «Посреднике») напечатано «О жизни» и будут печатать «Исповедь», «В чем моя вера», «Царство божие» [4].

Л. Н. рассказал:

— Из Австралии пишет Henry Crawford. Там лига людей, видящих, какими подкупами, обманами совершаются выборы и кому служат депута-

---

* Яснополянский крестьянин, сын молочной сестры Л. Н. и ученик его первой школы. Считался очень умным. Много читал, особенно любит Сенеку и греческих философов.

ты (трестам): не участвуют в выборах. Crawford приложил к своему письму листок о the folly election *.— Л. Н. дал этот листок Буланже, чтобы его перевести [5].

Л. Н.: «Самодержавие» и его (Крауфорда) письмо произвели на меня сильное впечатление. Крауфорду ответить надо, только бы успеть [6]. Вы, молодые, швыряетесь временем, а у меня его так мало: завтра — восемьдесят лет.

Потом Л. Н. спросил Буланже:

— Что ваши ребята?

Буланже сказал о дочке, что, когда ходит в школу, влияют на нее подруги, она занимается политикой.

Л. Н.: Не надо (влиять) ни в ту ни в другую сторону и, главное, — вести хорошую жизнь.

Буланже: Мне много сил надо употреблять, чтобы им внушать, что не надо ненавидеть царя за то, что он царь.

Л. Н.: Жалеть, не ненавидеть — и Марата.

Буланже: Я с детьми читал Ламартина; как достойно, по-христиански вел себя Людовик XVI!

Л. Н.: Читайте с ними Тэна.— Еще Л. Н. спросил Буланже:

— А что, изложением Генри Джорджа заняты? Если есть ясная мысль, надо ее высказать.

5 февраля. Пополудни Андрей Львович, Наталья Михайловна, Дорик и я катались на санях по Засеке. Л. Н. нам навстречу с бабой, которая привезла мальчика с разбитой головой. Л. Н. за обедом рассказал про нее:

— Жили с мужем хорошо, он делал ящики для гармоний. Изредка пил. Раз выпил в Туле, это было осенью, и ехал вместе с таким, который, когда выпьет, любого убьет. По пути подрались, и он ее мужа убил. Осталась с двумя девочками — тех «бог прибрал» — и с двумя мальчиками. Теперь она без родителей, свекрови, деверя, одинешенька. Сказала: «Признаюсь, грешным делом, водкой торгую».

Л. Н.: Все читаю газеты. Сергея Терентьевича Семенова взяли [1]. Куда их сажают, берут стольких и крестьян, и докторов, и адвокатов...

Я высказал удивление, что его арестовали.

Л. Н.: Он был дурно настроен и политически озлоблен. В газетах, я видел, пишут, что переход земли в крестьянские руки разорит Россию.

Я заметил, что по статистике, приводимой газетами, у помещиков родится на десятине на 18—30 процентов больше хлеба.

Л. Н.: Эти рассуждения можно без конца делать.

В другой раз, возражая на этот же довод, Л. Н. показал на примере, что в Ясной Поляне урожаи лучше у крестьян; они старательнее обрабатывают землю.

В «Daily Chronicle» напечатано интервью Стивенсона с Л. Н.**

Л. Н.: Ах, как хорошо пишет! Но после разговоров со мной описывает русскую деревню, брожения, бунты и врет по-ирландски. Мне нравилось у него, что об англичанах говорил без озлобления, хотя он держится своего ирландского патриотизма.

Андрей Львович: Не понимаю, папа̀, как тебе может нравиться книга Хомякова о самодержавии, когда проповедуешь непризнание никакой власти?

Л. Н. ответил:

— Самодержавие пока свойственно народу. Самодержавие не есть абсолютизм, прочти Хомякова [2]. Русский народ верит в православие и

---

* безумии выборов (*англ.*).

** Был в Ясной в декабре 1905 г.

царя. Русскому народу дороже внутреннее спокойствие, чем политиканство. Он обязанность властвования отдал царю, а сам не принимает участия во власти, на которую смотрит не как на свое право, а как на обязанность. Но вместе с тем в народе идет внутренняя духовная работа. Тарас Ильич, Афанасий (Агеев) не верят в православие. Ивану Ивановичу посоветую издать «Самодержавие» в «Посреднике» [3].

Андрей Львович: Как же Тарас Ильич ходит в церковь?

Л. Н.: По инерции ходит, а все-таки не такой православный, как был его дед. Истинное христианство пробуждается в народе, и, по-моему, близко время, когда народ сознает, что он — христианский, а не православный. Уходят твои года, а все представляешь себя молодым. Придет время — сразу, в очень короткое время, сознаешь, что ты стар. Самодержавие разрушается с двух сторон: развитием империализма и развитием истинного христианства. Благо было чувствовать народу единство с царем при Алексее Михайловиче. Но теперь и цари чужды — немцы. И они присоединили народы, государства чуждые, которые держать в единстве (с Россией) можно только убийствами. И народ поймет, для чего нам Польша, Финляндия, Маньчжурия (там кровь проливать)... Не будет повиноваться ⟨поддерживать правительство⟩ солдатами, податьми.

Андрей Львович: Ведь ты виноват в революции; тебе, твоим взглядам приписывают, что она происходит.

Л. Н: Революция — низвержение правительства силой, захват его и установление своего. Я, старик, думал: мне восемьдесят лет, и что выяснилось мне, о том и должен говорить. Мои мысли действуют, как действуют мысли других десятков, миллионов людей. Русский народ может жить без правительства. Если его не станет, в захолустьях, в Арзамасском и других уездах, деревенская жизнь также пойдет лучше, чем при правительстве. Как наше время подобно тому — перед освобождением! Только тогда был и царь не такой и были Милютин, Блудов, Ростовцев, Константин Николаевич. Константин Николаевич был соперником Александра II, он подкапывался под него, а Александр не хотел дать подвести себя. Были живы декабристы, они действовали... Ростовцев изменил декабристам и хотел искупить грех. Теперь же нет партии, которая бы хотела земельной реформы (в духе Л. Н.).

6 февраля. Вернулась Софья Андреевна из Москвы. Л. Н. сегодня совсем здоров. День морозный, ясный. Л. Н., гуляя, прошел восемь верст. За обедом говорил:

— Получил пропасть писем: 1) «Я пишу стихи, посылаю...», 2) «Я влюблен...», будет просить денег... Так и не дочел. У меня пропасть чтения: Софья Андреевна привезла мне мемуары, русские и немецкие книги о декабристах.

Л. Н. вечером просматривал карикатуры Каран д'Аша в приложении к «Новому времени» о бациллах в носу и о носовых платках. Прочел вслух стоящим вокруг него [1]. Привезли еще почту из Тулы. В бандероли книги «Glimpes of Ruskin» [2] было скрыто письмо. Л. Н. был озадачен находкой, в недоумении посмотрел на Татьяну Львовну и после нескольких секунд как бы опомнился и сказал:

— В общественных делах надо быть особенно честным, только так возможны общественные учреждения.

Татьяна Львовна сказала, что тоже ненавидит обман. Л. Н., обращаясь к Андрею Львовичу, вспомнил случай:

— Вместе ехал... («Я знаю, ты мне это уже рассказывал»,— перебил его Андрей Львович.) Ехал вместе с Бибиковым. На заставе он, повысив голос, сказал: «Чиновник акцизного ведомства».— Л. Н., говоря это, испытывал при одном воспоминании чувство стыда.

Л. Н.: У нас народ не злоупотребляет в этом отношении так, как ин-

теллигенция. А что у нас больше злоупотреблений, чем у других, это оттого, что столько несправедливостей.

Л. Н. просматривал номер «Vrede» (голландского толстовского журнала, кажется, самого первого толстовского журнала).

— Как это дурно у них, оглавления в этом номере нет,— заметил Л. Н. (Негодует на книги без оглавления.)

Мне сказал:

— У меня просьба к вам, злоупотребляю вашей добротой, узнать границы местности, на которой было польское восстание, захватило ли Гродненскую губернию? В Брокгаузе в статье о польской революции нет этого [3].

7 февраля. Татьяна Львовна хвалила «Против власти» перевод с польского, чертковское издание [1]. Потом говорила о статье Черткова «О революции» [2].

Л. Н.: Очень хорошо! Но слишком он основательно, подробно, так что тяжело.

Вспоминали о Келлере, которого Л. Н. привез из Иены, что он, глядя на иконы, хохотал.

Л. Н.: Мы к ним привыкли, а ему были смешны.

Андрей Львович негодовал, что Келлер мог смеяться над тем, что для других священно.

Л. Н.: Ему казалось комичным. По Шопенгауэру — комизм, где ожидаешь одно, а встретишь другое. Он ожидал «икону», а встретил черного урода.

Вечер. С 7 до 8 Л. Н. играл с Натальей Михайловной в четыре руки сонаты Гайдна, а с 11 до 12 с Софьей Андреевной*. Вечером Л. Н. читал вслух примечания в книге «Самодержавие» и любовался тем, как Хомяков хорошо пишет. Против него у Л. Н. только два возражения: 1) христианство не есть постоянное status quo, в форме православия, а движется с развитием человечества. Христианство движущимся признавали и Соловьев и... (Л. Н. назвал еще двоих); 2) самодержавие, хотя прежде и было подходяще людям, но они отходят в обратную сторону: в христианство. Самодержавие само по себе более и более извращается и подходит к империализму. Развитие самовластия, степень стеснения, которую производит власть, требует все больше и больше поступков против совести, а совесть становится все более чуткой.

8 февраля. Приехали И. Ф. Наживин и С. Д. Николаев в поисках земли — купить или нанять, где бы жить с семьей, работать и кормиться с земли. Ездили в Пирогово. Л. Н. одобрял их намерение.

Л. Н.: Богатый не войдет в царство божие [1] — как просто, все в этом сказано! Мужик едет за дровами — сам работает и лошадь заставляет работать для других. Как Генри Джордж теоретически прав, приписывая земельному труду основное значение, так практически — жизнь земледельческая — настоящая. Все наши недовольства, искания происходят от богатства, от праздной жизни. Жизнь профессоров, писателей, министров — не жизнь (праздная, скучная).

За обедом Софья Андреевна говорила, что получила обстоятельное письмо от А. М. Кузминского, рекомендует читать его доклад о ревизии в Баку и пишет об Одессе [2].

Л. Н. рассказывал Наживину и Николаеву о «Самодержавии».

Л. Н.: «Самодержавие» вызвало во мне ряд мыслей, хотелось бы записать их [3]... «К правительству, революционерам, народу» была послед-

---

* Прежде Л. Н. часто играл в четыре руки с Софьей Андреевной Гайдна (которого он очень любил), особенно его симфонии. Переплетенные ноты этих симфоний, лежащие в зале на столе, от частого употребления все истрепались.

няя политическая статья — так думаю. Чертков советует смягчить «К революционерам» [4].

Николаев посоветовал напечатать «К правительству, революционерам и народу» у Суткового в Петербурге. Л. Н. согласился и просил Николаева предложить Сутковому издать статью [5].

Наживин рассказал некоторые ужасы дней московского восстания. Видел, как господа в перчатках застрелили трех городовых и как городовой застрелил студента, который перевязывал раненого.

Л. Н. рассказал о солдате, который вчера приходил просить помочь вернувшимся из Маньчжурии. Он в японцев не стрелял: «Ведь их тоже так, невольных, загоняли на войну, как нас. Лежишь, трясешься. Говорили нам: «За веру, за царя». Ведь японцы веру с нас не снимали».

Л. Н.: Прежде такого солдата нельзя было найти в России, а теперь их много.

Л. Н.: Горбунов мне пишет, что «Донская речь» напечатала статью о том, что Нагорная проповедь ничего не стоит [6]. Мою «Солдатскую памятку» продают в Москве. Одну распространять — это дурно. Вместе со всем — да.

С. Д. Николаев рассказал, какие брошюры распространяют революционеры о Толстом, приписывают ему то, чего он не проповедует. Например, перепечатают интервью из «Daily Chronicle», а потом переводчик незаметно продолжает подавать свое, как будто бы Толстого.

Л. Н.: В «Review of Reviews» дурной реферат о «Конце века» [7]. Цитирует положение о линчевании и сводит к нему «безвластие»... Люди (в обществе без правительства) будут заставлять других подчиняться общественному мнению, некоторых насилием, как теперь в Самарской (сдерживают) конокрадов-киргизов. Но это насилие будет одна сотая того, что теперь при уголовном законе [8].

Л. Н. (*о «мире» — сельском сходе*):«Мир» — не соглашающиеся уходят и подчиняются решению «мира». У поляков: если хоть один скажет «не позволям» — ⟨все подчиняются⟩. В парламентских выборах решает большинство голосов. Каким обманом большинство приобретается!

9 февраля. Четверг. Ночью приехал Танеев, утром — Гольденвейзеры. За обедом очень шумно. Л. Н. был разговорчив и внимателен к Танееву. Спрашивал его об Аренском — играют ли его сочинения за границей. Рассказывал, что Александра Львовна пишет, что была на приеме у папы[1]. Выходит нарядная, в средневековых костюмах garde du pape *, кардиналы. Папа всех благословляет и всем им и их родственникам прощает грехи. Александра Львовна поцеловала его перстень. Потом рассказал, как Маклаков с Плевако пошли в Ватикан, просто в сад ватиканский, хотели видеть папу. Там им сказали, что могут видеть папу на приеме. Маклаков пошел с женой. Были француженки, швейцарки, было их человек двадцать. Растворились двери, все пали на колени, Маклаков остался стоять, хотел полиберальничать. Кардиналы ему махали, махали, чтоб опустился на колени — не устоял. Первой стояла на коленях дама. Когда папа ее благословил и простил ей грехи, просила и за родственников, потом за..... **, папа сказал: «Per tutti»***. Вторым стоял на коленях Плевако. Начал по-латыни говорить. Папа его слушал, слушал, так и не понял. Тогда Плевако просто подал ему карточку, и папа подписал ее. Маклаков сделал так же.

С. И. Танеев и А. Б. Гольденвейзер (он сегодня стал профессором консерватории) играли на двух фортепьяно Моцарта — сонату и фугу,

---

* папская гвардия (*франц.*).
** Пропуск в подлиннике.— *Ред.*
*** «Для всех» (*итал.*).

Бетховена — симфонию, Аренского — симфонию (Л. Н. о ней: «Удивительно цельное»), Мендельсона увертюру ко «Сну в летнюю ночь». (Л. Н.: «Это не так хорошо»), Шуберта, Вебера «Фрейшютц».

Л. Н. говорил Танееву:

— Душан Петрович и его друг Шкарван знают много мотивов. У словаков бесчисленное количество песен. Тут есть их песни («Травницы»).

Говорили о г-же Виардо, сестре Мануэля Гарсиа, который до сих пор живет в Лондоне и ему больше ста лет. Берс — врач, тесть Л. Н., рассказывал ему, что когда г-жа Виардо падала в обморок, а он, Берс, здоровый весельчак, гладил ее по волосам, это ее успокаивало; а когда Тургенев — вздрагивала. Берс приписывал это магнетизму.

Л. Н.: Я думаю, что она плутовала.

10 февраля. Танеев, Гольденвейзеры. Л. Н. за обедом говорил о своем университетском товарище В. И. Якоби («Очень милый») и о его брате Аркадии Ивановиче:

— Прелестный человек. Он замечательный. Изучал математику, потом медицину. Был профессором гигиены в Харькове, потом это оставил, его потянуло к инородцам в Сибирь. Ныне служит в земстве казанском. Это чистый тип благородного либерала: должен служить доброму делу. Многие берут на себя эту роль, но неискренно.

Играли Бетховена, Аренского («Savant», «Coquette», «Polichinelle», «Rêveur», «Danseuse»). Танеев рассказывал, что у них в Москве был кружок Баха. Играли его композиции у Танеева дома.

Л. Н.: Бах — это целый океан.

Потом сказал о «Волшебной флейте»:

— Прелестна эта опера. Я ее слышал в Веймаре — Лист дирижировал [1].

Танеев попросил Л. Н. сыграть свою композицию: вальс. Л. Н. сыграл. Танеев записал и затем сыграл его [2].

Л. Н.: Вальс сомнительный. Мы его сочинили с Зыбиным, который играл на виолончели.

Л. Н. говорил с Танеевым (он материалист, но ведет, как говорит Гольденвейзер о нем, христианскую жизнь) о вечном, о смерти. Читал ему из «Круга чтения». Говорил о предсмертных мгновениях, что человек тогда искусством интересоваться не будет.

Танеев: Моцарт, умирая, просил ему играть.

Л. Н. не одобрил, осудил Моцарта за это.

Потом Л. Н. показывал Танееву свою комнату.

11 февраля. Вечер. Играли девятую симфонию Бетховена, сюиту Аренского. Когда сыграли первую часть симфонии, Л. Н. не был доволен, сказал:

— Трудно очень, боюсь, что это не музыка, а то, что погубило музыку.

Гольденвейзер уверял Л. Н., что дальше будет лучше; так и было. Но Л. Н. сказал о всей симфонии:

— Напускное трагическое в ней.

Потом, за чаем, разговор о музыке. Л. Н. говорил приблизительно в том смысле, что музыка вызывает уверенность и надежду. Музыка пусть остается в своей сфере; не надо примешивать к ней драматическое, поэтическое. Она — самое высшее искусство, неясное, неопределенное. Где поэтическое примешано к музыке, по воздействию оно относится как 1 : 100. Цыгане поют слова удобные к раскрытию рта, но без смысла.

Гольденвейзер возразил, что в былинах словесное содержание—важное.

Л. Н.: В былинах больше эпического, музыка на втором плане, мелодии однообразны, просты.

Гольденвейзер еще возражал, что в настоящем вокальном произведении музыка соответствует словесному содержанию.

Л. Н.: К грустным словам грустный напев. Но что музыка выше и главное — это показывает «Волшебная флейта», где текст ничтожный.

Гольденвейзер: Гете находил его глубокомысленным, хотел написать продолжение.

Л. Н.: Гете! Вторую часть «Фауста»..... *

Потом Л. Н. с Танеевым говорил о кружке Клечковского в Москве, в котором учат взрослых и детей без принуждения.

Л. Н.: Как нельзя кормить ребенка, когда ему не хочется есть, так нельзя и принуждать учиться, когда ребенок не хочет. Математику учат преждевременно, когда тут,— Л. Н. показал на лоб, — не готово, а через год-два — будет легко.

Потом Л. Н. показывал Татьяне Львовне и Гольденвейзерам книгу портретов выставки 1905 г. Прочел вслух про Коновницыну.

Л. Н. дал Танееву три экземпляра «Круга чтения» с автографами, один — ему, другой — его племяннику, третий — Аренскому, которому надписал: «Прошу читать». И сказал:

— Аренскому может быть полезно.

Потом, явно устав, Л. Н. дал читать Гольденвейзеру вслух из книги Д. А. Хомякова «Самодержавие» примечание о земских правах женщин. Когда Гольденвейзер прочел, Л. Н. сказал:

— Остроумно, хорошо **. Эту книгу («Самодержавие») и все славянофильские труды правительство запретило [1]. Они гораздо опаснее для правительства, чем социалистические.

Танеев: Алексей Степанович Хомяков, говорят, был славный диалектик.

Л. Н.: Он был блестящий, общительный человек, а Дмитрий Алексеевич — бирюк. Я у Свербеева, славянофила, в Москве видел Хомякова. Ему было 55, мне — 27 лет. Он спорил с Ешевским. Потом он позвал меня к себе — они жили на Собачьей площадке,— вероятно, чтобы узнать взгляды молодого литератора [2]. Милое впечатление осталось.

12 февраля. После обеда Л. Н. дал читать вслух Наталье Михайловне из «Дневника» Порошина, воспитателя Павла Петровича, когда ему было 10 лет. Подробные записки ежедневного обихода: что делал, кто приходил, о чем говорили. Нравилось и слушателям и Л. Н. К месту, где кто-то рассказывает, что ребенок в животе женщины вскрикнул и что сам он это слышал [1], Л. Н. заметил, шутя: «Очевидец!». Вчера говорил: «У очевидцев плохое зрение, а у старожилов слабая память бывает».

Гольденвейзер сегодня уже не играл. Когда в 11 ночи уехали Гольденвейзеры, Л. Н. спрашивал о погоде. Было пасмурно, ветер, минус 11°. Он сидел в халате за столом у самовара.

— Как хорошо! Когда недоволен был и повернешь, станет так радостно,— сказал Л. Н.

Заговорили о Марии Львовне и Александре Львовне, о том, когда они вернутся.

Л. Н., шутя, обратился к Наталье Михайловне:

— Поедем в Тулу. В четыре часа пешком на Рвы и по железной дороге, на почту, в Чернышевскую гостиницу, там будем в бильярд играть. И в 10 часов — назад.

Когда в 11.15, попрощавшись, все стали расходиться, я спросил Л. Н., не простужен ли он.

— Нет. Вдруг ослаб.

Мы ушли, а Л. Н. пошел к себе в кабинет с тем, чтобы еще вернуться в залу чай пить. Л. Н. иногда уходит к себе записывать, когда ему уясняются какие-то мысли.

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

** Хомяков говорит, что женщинам не следует участвовать во власти.

13 февраля. Сегодня метель, какой не было ни в эту, ни в прошлую зиму. Слава богу, что не вчера, в последний день масляной: столько пьяных замерзло бы в поле, где занесло все дороги. Больных в приемной не было. Л. Н. не выходил. В метель вообще не ходит гулять. Вид у него не совсем здоровый. Л. Н. говорил, что получил длинное письмо от Владимира Григорьевича, критику на статью «К правительству, революционерам, народу» и с советами, как поправить.

Л. Н.: Мне не хочется изменять статью. Я становлюсь на точку зрения правительства, рассматривая революционеров, народ. Я становлюсь на точку зрения народа, рассматривая правительство и революционеров. Чертков хочет, чтобы я высказал свою точку зрения [1].

Л. Н. принес в залу 15-й номер еженедельника «Япония и Россия» и, подавая его мне, сказал:

— Революционная газета. Я пересмотрел — перечел всю. Одна статья («Из путевых набросков. Ноябрь 1905 года») довольно хороша обличительностью: о причинах погрома во Владивостоке, учиненного солдатами, недовольными действиями офицеров и поставщика флота Гинсбурга [2].

Потом говорили о романе японца Токутоми, присланном в английском переводе.

— Он писал мне или был у меня? — спросил Л. Н., неохотно поворачивая объемистый роман в руках. Наконец, сказал: — Посмотрю.

Получена еще одна японская книга: «The Twelve Men» [3]. Мне дал просмотреть книгу, присланную из Лондона: «Christianity and Progress» by J. W. Petavel [4] и номер болгарской газеты «Лев Толстой» [5].

Сегодня Л. Н. получил открытку от крестьянина: спрашивает, выбирать ли ему в Думу и к какой партии примкнуть: к социал-демократам или к революционерам? [6] Л. Н. сказал шутя:

— Я ему отвечу, что это все равно, как если бы спросил: пить ли ему вино, водку или пиво.

Еще Л. Н. получил письмо от Сергеенко. Он сказал, что хотел бы ему помочь, т. к. ему нужно для заработка; можно дать ему письма к Урусову, Страхову, Анненкову [7].

Заговорили о том, как обычно пишут биографии. Л. Н. сказал:

— Как можно описывать внешнюю жизнь человека: что он пьет, ест, ходит гулять, когда в человеке есть самое важное — это его духовная жизнь. Описание внешней жизни так не соответствует тому громадному значению, какое имеет в жизни внутренняя работа.

Андрей Львович, вернувшись из Тулы, за обедом рассказывал, как лгут «Русские ведомости». В газете сообщали, например, что три члена тульской земской управы сосланы на четыре года в Архангельскую губернию, а другие подальше [8].

— Затем и пишут, чтобы раздражать,— сказал Л. Н. и спросил его, что с Баташевым.

Андрей Львович: Не слышал.

Ваня-лакей вставил, что его две недели тому назад расстреляли, хотя жандарм был только ранен. Юлия Ивановна не верила, что Баташева все-таки расстреляли, несмотря на то, что жандарм остался жив [9].

Л. Н.: И Никифорова расстреляли, хотя он городового только ранил [10]. Баташев шел со свадьбы выпивши, а жандарм, тоже выпивший, приставал к нему, и жандарм этот уже давно следил за ним...

Л. Н.: Я сегодня читал в «Новом времени», что в архиве III Отделения есть дело Пушкина, куча в аршин. Николай его боялся и следил за ним. Пушкин тяготился цензорством Николая. О нем ⟨Пушкине⟩ кто-то сказал: «Il n'est pas dangereux, il aime les jeux et les filles» *[11].

* «Он не опасен, он любит карты и женщин» (*франц.*).

Л. Н. получил сегодня французское письмо от 22-летнего турка из Царьграда, который писал, что был заключен в тюрьму за то, что перевел и издал несколько статей Л. Н. Просит, чтобы Л. Н. прислал ему некоторые сочинения и чтобы его письмо уничтожил [12]. Л. Н. просил меня выбрать «более существенные» и послал ему «Le carnet du soldat» и «Le salut est en vous» *.

Я: Как странно, что от турка такое хорошее письмо. Привыкли в турках видеть башибузуков.

Л. Н.: Как много перегородок есть, мешающих людям жить разумной жизнью! Одна перегородка — расовые различия, другая — правительственные, третья — религиозные, и не только у магометан шииты ненавидят суннитов. Потом научная рамка и то, что считается цивилизацией.

Андрей Львович: Если эти рамки уничтожить, появятся новые.

Л. Н.: Почему ты знаешь, что будет? Уже теперь все больше и больше видишь людей, освобождающихся от этих рамок.

Выйдя к чаю, Л. Н. сказал о японском романе, который сегодня получил:

— В новом духе, очень слабое подражание европейскому и особенно американскому (выскочке), подражание во всех подробностях. Хотя скучно, но одолею дочитать. Интересно, что японские офицеры берут взятки, и грубый аристократизм японцев.

Л. Н. рассказал содержание романа до того места, до которого прочел.

Андрей Львович попросил отца надписать ему «Евангелие».

Л. Н.: Мне это кажется глупо и ridicule **.

Андрей Львович: А почему другим надписываешь?

Л. Н.: Другим — это понятно. А с тобой отношения серьезные.

Написал ему на «Круге чтения»: «Андрюше от отца. Читай, пожалуйста, каждое утро. Л. Т о л с т о й. 14 февраля 1906 года».

Л. Н. сказал Дорику, что к вечеру всегда нужно обдумать, как поступал днем,— дурно или хорошо.

14 февраля. Приехал Oskar Bassiner (?), старик красивый и холеной наружности, представился профессором несуществующей кафедры Варшавского университета. Едет с московского съезда Союза 17 октября. Много, много говорил Л. Н-чу о политике: о партии, о варшавских событиях после 17 октября. Рассказывал обстоятельно и старался говорить с пафосом. Если Л. Н. пробовал что-либо заметить, он сейчас же перебивал его, не давая досказать. Было тяжело, неловко за Л. Н., тем более, что у Л. Н. обычай противоположный. Л. Н. не только не перебивает, но, выслушав собеседника до конца, ждет, не скажет ли собеседник чего-нибудь еще, и только потом высказывается. Просил Л. Н. ходатайствовать о заключенных и стал развивать их идеи, за которые попали в тюрьму.

Л. Н. сказал, что эти убеждения совершенно чужды ему. Профессор, очевидно, ничего не читавший, не понимающий взглядов Л. Н., не понял этих слов, смутился и стал говорить, что он не поляк, что он русский, но лютеранин и итальянского происхождения. Л. Н. спросил его, чем отличается одна политическая партия от другой, и, терпеливо, кротко выслушав его, еще раз объяснил мягко, внятно, почему он не участвует в политической борьбе и изложил свои религиозные воззрения.

Вечер. Приехал Илья Львович. Тоже рассказывал про московский съезд Союза 17 октября. Привез рукопись новой своей повести и прочел ее вслух Л. Н-чу; ему понравилось [1].

---

* «Солдатскую памятку» и «Царство божие внутри вас» (*франц.*).

** смешно (*франц.*).

15 февраля *. После полудня приехала С. Э. Дмитриева-Мамонова, говорила:

— Мой брат ** очень высокого мнения о китайцах.

Л. Н.: Англичанин мне пишет, что присылает мне книгу китайца, принявшего только внутреннюю свободу, откидывая все внешнее. Я очень рад книге, буду книгу читать [1]. Из романа Токутоми я получил представление о жизни высших японских сословий, о самураях, о военном духе. Они parvenus de bacivilisation ***. В романе ни одного мотива нравственного.

Когда уезжала Софья Эммануиловна, Л. Н. дал ей японский роман Токутоми в английском переводе. Кроме того, книгу Д. А. Хомякова «Самодержавие», и поощрял ее перевести на английский язык, т. к. она сама высказала такое намерение.

16 февраля. Ночью приехал Сергей Львович. За обедом Л. Н., обращаясь к Татьяне Львовне, Юлии Ивановне и Наталье Михайловне, сказал:

— Читали вы письмо Маши? Трогательное. Протест против всего тона ниццких дам: одежды, крашенья лица [1].

Сергей Львович вспомнил двух милых старушек Сыромятниковых, которые живут бедно. Каждый год варили много варенья, в прошлом году не варили, потому что «все равно японцы придут, отнимут». Вспомнил их брата, который пришел к помещику Р. с тем, чтобы выкупить крепостную девку и на ней жениться. Тот вознегодовал, что дворянин на холопке хочет жениться, и на другой же день выдал ее замуж. Она убежала от мужа к Сыромятникову, и они вместе застрелились в бане. Это описал Тургенев.

Л. Н.: Жаль, что не описал так, как случилось. Трагическое.

Все старались вспомнить, как Тургенев это описал <?>, но никто не мог вспомнить.

Л. Н. (*к Сергею Львовичу*): Не видел ты Бутурлина? Поблагодари его за присланную мне книгу; хотел ему писать, что получил и возвращу. Прислал мне: Sorel «La mort de Paul» [2]. Вчера читали вслух. Как описано!

Сергей Львович: Вышел следующий том Истории Ключевского, до Екатерины II (включительно) [3].

Л. Н.: Ключевский бездарный. А Соловьев — архибездарный. У французов какие историки! Сорель: и умно, и художественно, и легко. У Соловьева чувствуется вся тяжесть изложения событий. А Маколей как легко читается! Я читаю теперь Порошина: дневник о десятилетнем Павле. Он был его учителем. «Его высочество встали. Попрыгали». Кто приходил, о чем говорилось за обедом. Какой богатый материал! И как мило описано, и хороший русский язык. Жаль, что описал только один год.

Сергей Львович: Умер Аренский [4].

Л. Н.: Я только что послал ему «Круг чтения». Он один из самых лучших композиторов.

Сергей Львович: Я думаю, что слава его будет расти.

Л. Н.: Я тоже.

С 8 до 9 вечера Л. Н. читал из Порошина, выбирал смешные места. Л. Н., читая, смеялся от души. Над некоторыми местами так хохотал, что слезы выступили на глазах. Останавливался и делал замечания:

— Это было в 1762 году, Петр умер в 1725, еще были помнившие

---

* Перепечатано мной с черновых записей через семь с половиной лет.

** Управлявший до боксерского восстания русским банком в Пекине.

*** выскочки цивилизации (*франц.*).

Серія неизданныхъ въ Россіи сочиненій
Графа Льва Николаевича
ТОЛСТОГО.
№ 2.
Къ политическимъ дѣятелямъ.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе редакціи журнала „Всемірный Вѣстникъ".
1906.

«К ПОЛИТИЧЕСКИМ ДЕЯТЕЛЯМ.
СЕРИЯ НЕИЗДАННЫХ В РОССИИ СОЧИНЕНИЙ ГРАФА ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО»
СПб. 1906
Издание журнала «Всемирный вестник»
Обложка
Книга была запрещена цензурой

Петра. «Отчесть» * — какой глагол! — Всегда «роль» мужского рода. Прекрасный русский язык. Вместо «этаж» говорит: «Дом в четыре жилья».— Он (Порошин), должно быть, очень хороший, умный был. Какой Павел маскарад сочинил! Ему было ⟨немногим⟩ больше десяти лет. Очень, очень умный, образованный был. Читал ежедневно «Histoires choisies»[5]. Просто милый, умный, веселый мальчик. Читали историю ассирийских королей и получили пять арбузов. Павел сказал: «Вот из пяти арбузов два хорошие, а из 30 ассирийских королей ни один не был хорош». Чрезвычайно любознательный мальчик был. Удивительно какой précoce **.

Л. Н. читал, сидя у большого круглого стола под бюстом работы Ге. Около него, справа Дорик перелистывал «Review of Reviews», рассматривая картинки; слева Наталья Михайловна раскладывала карты; напротив Сергей Львович раскладывал карты и довольно крепко хлопал ими о стол, а Софья Андреевна шила и шелестела бельем. Л. Н. время от времени взглядывал на них, но не говорил им ничего, и они не замечали и не переставали шуметь. Л. Н., когда читает вслух, любит, чтобы было тихо, и особенно, когда ему нездоровится и не может напрячь голос. Он чаще-то и читает тогда, когда нездоровится. Как в каждое дело, так и в чтение вкладывает всю душу и все силы: старается читать внятнее, вернее, отчетливее. Так и кажется, что действуют сами лица — чтеца не замечаешь.

---

* «Отсчитать». — *Ред.*
** не по летам развитый (*франц.*).

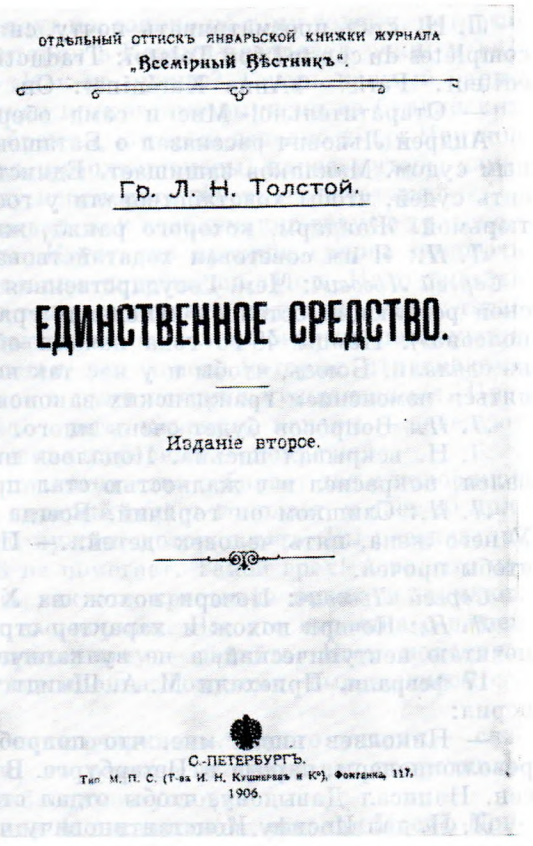
Л. Н. ТОЛСТОЙ. «ЕДИНСТВЕННОЕ СРЕДСТВО». ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ. СПб., 1906

Отдельный оттиск из январской книжки журнала «Всемирный вестник»

Обложка

Книга была запрещена цензурой

«Ко «Всемирному вестнику» за 1905 г. издатель Сухонин обещает приложение: 50 нелегальных статей Л. Н.». — Запись от 31 декабря 1905 г.


ОТДѢЛЬНЫЙ ОТТИСКЪ ЯНВАРЬСКОЙ КНИЖКИ ЖУРНАЛА „Всемірный Вѣстникъ".

Гр. Л. Н. Толстой.

ЕДИНСТВЕННОЕ СРЕДСТВО.

Изданіе второе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1906.

Татьяна Львовна уходила к Танечке. Л. Н. останавливал ее, как он это часто делает. Любит, когда Татьяна Львовна около него. Софья Андреевна спросила:

— Почему Порошин писал дневник только один год? [6]

Л. Н.: Очень рано его спихнули. Он энциклопедист, приближалось время... Руссо, Монтескье... (я не расслышал).

Софья Андреевна: Видно, что Порошин Павла очень любил и хорошо влиял на него. Какой Павел был находчивый, забавный мальчик — как Сережа Сережин.

Л. Н.: Его этакая манера находить неожиданно смешную сторону.

Сергей Львович: Чей он был сын?

Л. Н.: Почти наверное, Салтыкова. Есть предположение — это едва ли справедливо — будто бы он сын какого-то чухонца, что у Екатерины детей не было, а он был подмененный. Этим объясняется ее нелюбовь к нему. Как это часто бывает, именно когда готовится какое-нибудь странное событие — наступает смерть. Она хотела объявить наследником внука, Александра Павловича, как внезапно умерла. Безнравственность того времени была необыкновенная. У Александра Павловича была жена, его фавориткой была Нарышкина, но он и этой был неверен, о неверности жене и не говорили.

Л. Н. ушел в свою комнату. Вернулся в 9.30 и сидел с Сергеем Львовичем у стола. Приехал Андрей Львович из Тулы, привез почту и подарки Дорику на завтрашние именины, между прочим, прибор слесарных инструментов. Л. Н. похвалил и сказал:

— Я хочу сделаться маленьким, чтобы получить такие инструменты.

Л. Н. стал просматривать почту, снял бандероль с тома XV «Œuvres complètes du comte Léon Tolstoï: Traduction de J. W. Bienstock. P. V. Stock éditeur. Paris.— «Anna Karénine». Он бросил книгу на стол и сказал:

— Отвратительно! Мне и сама обертка противна *.

Андрей Львович рассказал о Баташеве: завтра будут его судить военным судом. Маклаков защищает. Единственное, что может сделать, просить судей, чтобы ходатайствовали у государя заменить смертную казнь тюрьмой. Жандарм, которого ранил, жив.

Л. Н.: Я им советовал ходатайствовать у царя.

Сергей Львович: Чем Государственная дума займется? После Французской революции осталось изменение гражданских законов («Кодекс Наполеона»). Немцы 48-го года начали обсуждать конституцию и ничего не сделали. Боюсь, чтобы и у нас так не вышло. Следовало бы Думе заняться изменением гражданских законов, закона о крестьянах.

Л. Н.: Вопросов будет очень много. Думаю, что этим займется.

Л. Н. вскрывал письма. Попалось письмо от Шейермана [8]. Заволновался, покраснел и с жадностью стал просматривать его.

Л. Н.: Слишком он горячий. Всегда мне страшно, когда это так. У него жена, пять человек детей...— Подал письмо Сергею Львовичу, чтобы прочел.

Сергей Львович: Почерк похож на Хилкова.

Л. Н.: Почерк похож и характер страстный, вулканический. Я предпочитаю нептунический, а не вулканический характер.

17 февраля. Приехали М. А. Шмидт и И. К. Дитерихс. Л. Н. им говорил:

— Николаев писал мне, что попробует напечатать «Правительство, революционеры, народ» в Петербурге. В Москве цензура строга. Я согласен. Написал Давыдову, чтобы отдал статью Николаеву [1].

Л. Н. дал Иосифу Константиновичу читать «Самодержавие» и спросил его о книге.

Иосиф Константинович: Хорошо противопоставлены западные взгляды на власть с восточными.

Л. Н.: Я записал о «Самодержавии» Хомякова: вопрос во времени — те, западные, пережили, мы переживаем... Русский землепашец охотнее будет переносить неприятности от власти, чем самому туда ездить и участвовать в ней, ⟨хотя⟩ теперь сообщение железнодорожное — легче. Русские люди должны понять, что западные правительства думали об одном: деньги нажить, а эти (правители России) — положение себе приобрести. Выходит круг. Из него выход — не повиноваться ни тем, ни этим.

Л. Н. показывал книжку, присланную ему Новоселовым, изданную им в его серии нравственно-религиозных книжек.

Л. Н.: Новоселов был блестящий студент, разделял мои взгляды, ушел в православие, издает «Религиозно-философскую библиотеку». Напечатал мои статьи «О религии и нравственности», «Об образовании» [2], рядом — статьи Тихомирова и «Беседа отца Серафима».

Л. Н. читал вслух части этой «Беседы»: доброе, перемешанное с церковной болтовней. Понравилось ему выражение: «стяжание духа божья», как есть «стяжание почестей». Л. Н. вспоминал письма Марии Львовны из Cannes о Монте-Карло, как там отвратительно ведут себя люди, и Александры Львовны из Женевы о студентках. Пишет о том, что русские студентки за границей носят фуражки-береты, как студенты, и что в Женеве устроили забастовку против профессоров, что-то там неслыханное [3].

Л. Н.: Как это заманчиво — забастовка! Покорялся и сразу — я

---

* На обложке неудачное изображение Л. Н. Кроме того, переводы Бинштока плохие (Л. Н. тонко знает французский язык) [7].

один устрою. Есть люди, которые идут постоянно по тому толчку, который им дан извне: фуражка... Мне татарин в Казани предлагал очки; я ему сказал, что мне не нужны, а он: «Как не нужны? Теперь каждый барин очкам носит». Сергеенко мне прислал прекрасные выписки из буддийских книг и из Рамакришны [5]. Это был брамин, который недавно умер. Чертков писал мне о статье «Правительство, революционеры, народ», чтобы изменить ее. Я ответил ему, что не буду переменять, пусть не печатают.

Иосиф Константинович рассказывал, как необдуманно ведут в тульском земстве дело помощи голодающим. Крестьяне просили сперва помогать кормом одному скоту, сами крестьяне перебьются. Нет. Надо спасать жизнь людей, детей. Скоту только теперь начинают подвозить корм, тогда как скоро не будет путей. Дрова дают всем, не только бедным, пользуются больше богатые. Лишь одна шестая тех денег, которые отпускаются на помощь нуждающимся, попадает в руки истинно нуждающимся. Предоставлением работ для заработка — рыть колодцы, канавы — заведуют неспособные люди. В 23 из 56 русских губерний — неурожай.

Л. Н.: Меня всегда поражает: правительство собирает два с половиной миллиарда с этого самого народа, который теперь голодает, и дает 20 миллионов. Ведь это капля в море той нужды, которая есть. Вы рассказали, как мужики, одна деревня другой не помогает. Такой грех! А то, что ненуждающиеся тоже берут помощь, так это крестьяне видят и думают: «Вы не можете нам помогать: мы вас кормим. Все это игрушка с вашей стороны. Хотите давать по двугривенному — давайте. Всем поровну».

Л. Н. говорил о хорошем письме японца Токутоми, выражающем сочувствие и единомыслие:

— Пишет, что написал по-японски очерки.....* моего учения,— сказал Л. Н.— Он был христианином, но раньше не признавал непротивления злу; теперь видит, что это необходимое условие.

18 февраля. Утром уехала Мария Александровна, остался Иосиф Константинович. Л. Н. написал пять писем [1]. После обеда остался в зале. Говорили о разном.

Л. Н.: Сережа показал мне в газете, что 20 тысяч духоборов и молокан покидают Канаду и переезжают на Гавайские острова. Число преувеличено, но что уезжают — очень вероятно. Ходоки туда ездили. Мне жаль, что покидают Канаду.

Иосиф Константинович: Сережа предсказал, что духоборы больше пяти лет в Канаде не проживут. А Канада — здоровая, там нет почти никаких эпидемических болезней. Помню, когда Веригин спросил бабу, она ответила ему: «Петюшка, здесь детки дюже добре водются, почти никакие не помирают».

Л. Н.: На Гавайских островах европейцы слабеют, не могут ходить.

Л. Н. вспомнил про письмо Русанова. У него был обыск [2]. Производивший его артиллерийский офицер поворачивался спиной, видно ему было совестно. Иосиф Константинович рекомендовал Л. Н. прочесть защитительную речь Небогатова на суде [3].

— Что же? — говорил Иосиф Константинович,— потопить суда ради Андреевского флага, чтобы скрыть все грехи, недостатки судов?

Л. Н.: Я слышал о ней, но не хотел читать; знаю, что в таких защитительных речах все придумано для оправдания. Они готовятся за два месяца вперед: фраза «потопить...» придумана адвокатом. Мне этот мир был и есть чужд. Не хочу в него вмешиваться, так и умру.

Л. Н. ушел к себе. В 9 опять вышел в столовую. Л. Н. спросил Иосифа Константиновича, не намеревается ли он поселиться на земле вместе с Николаевым и Наживиным.

---

* Пропуск в подлиннике. — *Ред.*

Иосиф Константинович: Нет. А они должны бы возле Булыгина поселиться.

Потом сказал о сыне М. В. Булыгина, что он тоже революционер. Для Л. Н. это было новостью. Он заметил:

— Старшие сыновья Булыгина, Сергеенко и Скороходова — три нравственных юноши.

Л. Н. прислали вырезку из «С.-Петербургских ведомостей» от 7 февраля со статьей «Голос армян против революционеров в Турции» [4].

К разговору, возникшему по поводу этой статейки, Л. Н. заметил:

— Влияние школ; революционерство повальное. У молодого человека тысяча вопросов, между ними и вопрос государственный, но он имеет преобладающее влияние.

Ждали М. С. Сухотина и Александру Львовну из-за границы. Приехали в час ночи. Л. Н. тоже не ложился, ждал. Александра Львовна приехала оживленная, веселая, стрекотала о женевских друзьях, о растрепанных русских студентках, о приключениях в таможне.

Софья Андреевна: Что же, ты довольна, что съездила?

Александра Львовна: Как же, видела, сколько нам ⟨до Европы⟩.

Л. Н.: Почему же нам доходить до Европы? Избави бог! Не нужно.

Александра Львовна: Как же, как там таможенные чиновники, полицейские, кондуктора учтивы, приятны, чисты. А наши не чисты, ругаются.

Л. Н., видимо, не был равнодушен к суждению Александры Львовны.

19 февраля. Л. Н. ездил на Делире. За обедом разговоры о заграница. Александра Львовна:

— Когда буду большая, поеду жить в Швейцарию.

Говорили о Г. Вульфе. Михаил Сергеевич сказал, что он страдает отсутствием воли.

Л. Н.: Отсутствием того, чего нет.

К чему-то Л. Н. сказал по-французски, что всегда надо ожидать неожиданное [1]. Л. Н. рекомендовал Михаилу Сергеевичу читать «Самодержавие» и сказал, что Хомяков ошибается, считая самодержавие и православие постоянными. Самодержавие уходит в абсолютизм, православие — в другую сторону (уясненного христианства). То, что было возможно совершать православным раньше, невозможно теперь. А «быт» — пустое слово [2].

Михаил Сергеевич рассказал:

— В заграничных газетах была такая телеграмма: «Нас поражает известие, что здоровье Горького все ухудшается, а Толстого — улучшается». Что тут поразительного? — спросил иронически Михаил Сергеевич.

Л. Н.: Для них поразительны эти два имени. Когда говорят обо мне, непременно и о Горьком.

За чаем Александра Львовна говорила, что Шкарван находит в «Круге чтения» ошибки — например, о гневе не из Сенеки, а из Плутарха.

Л. Н.: Теперь я выброшу всех авторов, а изложу своими словами их мысли. Можно подписать: «Из Эмерсона». И расположу по важности, начиная от жизни, бога...

Л. Н. говорил о книге «Christian Hsi», английский перевод с китайского:

— Прочел введение. Английский cant *, религиозное, фарисейское красноречие. Не мог дальше читать.

Александра Львовна: Газеты писали, что Шейерман продал имение.

Л. Н.: Приврали. Его письмо ко мне горячее.

Александра Львовна рассказывала, что в кантоне Тессин 160 человек

---

* лицемерный тон (*англ.*).

отказались явиться на военные обучения, но не по религиозным причинам, а просто не хотели отрываться от работы. Л. Н. было приятно это известие. Помолчав, он сказал:

— Не доживу я, а они,— показал головой на Дорика, Александру Львовну, Наталью Михайловну,— доживут до великого переворота.

«Новое время» 18 февраля пишет, что Победоносцев становится близким Толстому и в доказательство приводит цитату из появившейся в Мюнхене новой статьи Толстого: «Конец одной эпохи» («Конец века»). Переводит с немецкого перевода, но об этом не упоминает [3]. Стыдно за «Новое время» и другие газеты: ни одна редакция не имеет в своей редакционной библиотеке сочинений Л. Н. последних 25 лет и не знают, что́ пишет Толстой. Подобно «Новому времени» и другие газеты иногда переводят с иностранных языков те сочинения, которые уже появились в русском оригинале.

Софья Андреевна уезжает в Москву. Л. Н. дал ей около 40 книг, главным образом, исторических, много номеров журнала «Русская старина» вернуть в московские библиотеки.

В комнате у Александры Львовны собралась вся прислуга, чтобы слушать о заграннце. Няня ей сделала выговор: «Тут наших попов не уважаешь, ругаешь, а там чужому попу * перстень целовала, на колени перед ним становилась. Нехорошо, страм».

20 февраля. У Л. Н. болит печень. Не завтракал — несколько недель изредка завтракает. На обед ел только половину обыкновенного. Татьяна Львовна сказала ему, что мало ест, как старики.

Л. Н.: Всё, как должно быть.

В 11.30 ночи, когда вставал с кресла, попросил поддержать кресло и тяжело поднялся. Я еще не видал его таким усталым, слабым.

Михаил Сергеевич: Как вы раскисли, точно вам 77 лет.

Л. Н.: Точно, недостает двух с половиной лет до восьмидесяти.

Михаил Сергеевич спросил, нет ли у него перебоев.

Л. Н.: Нет.

Михаил Сергеевич: А у меня есть.

Л. Н.: Покажите, когда будут.

После обеда Л. Н. играл с Михаилом Сергеевичем «последний раз гамбит». К чаю вышел в начале 11-го. Михаил Сергеевич рассказывал о сегодняшнем заседании земства в Туле. Как там напали на Львова; потом рассказывал о докторе, шефе саниты **, отчаянном политикане. Л. Н. сказал на это, что доктора, ветеринары обращают все внимание на материальную науку: думают, что в других отраслях все улажено.

— Исключение — Пирогов,— говорил Л. Н.— Как трудно было ему выйти из этого узкого мира! Дмитрий Васильевич — редкое исключение.

Михаил Сергеевич рассказал про депутацию тульских дворян, бывшую у царя и просившую его о дворянских делах. Оратор поцеловал царю руку. Царь выхватил ее и сказал, что теперь хочет заботиться о крестьянах. Л. Н., видимо, был рад этому известию. Л. Н. недавно попросил Наживина найти, кто заведовал государственными крестьянами, как они были устроены. Сегодня Л. Н. сказал, что нашел прекрасную статью об этом в Брокгаузе, и что вообще «Россия», занимающая почти два тома, хорошо составлена. Три четверти часа Л. Н. читал нам вслух Порошина. Когда он устал, продолжал читать Михаил Сергеевич. Л. Н. восхищался Порошиным: «Какие подробности! Художественно описано!» Л. Н. говорил, что ему, готовящемуся писать о том же времени, чтение доставляет большое удовольствие и полезно:

---

* римскому папе

** санитарной части (от словацк. sanita).

— Как живой, передо мной этот мальчик Павел,— сказал он.

Говорили о Елизавете Петровне, что она брала пример с Елизаветы Английской, жившей за 150 лет до нее, и о Марии-Терезии, что она была противоположностью Екатерине: родила 16 детей.

Сегодня был у Л. Н. раввин из Орла.

21 февраля. Л. Н. плохо спал и был до того слаб, что утром вместо прогулки просидел на террасе, но пополудни уже пошел пешком на Козловку; шел, перегнувшись на бок (от слабости или от боли в печени). Кучер Степан поехал ему навстречу на новую дорогу.

Приехали Мария Александровна и Н. П. Иванова. Михаил Сергеевич съездил в Тулу на земское собрание и вернулся.

Л. Н. говорил об истории России Шишко:

— Такая скучная тема — история, а тут так живо описано, что не хочется отрываться от нее. Порабощение крестьян как шло — постепенно, незаметно. Сперва дворяне должны были воевать, а за это им служили крепостные; потом на крепостных сложили все подати; потом у них отняли землю; потом на них наложили военную службу; потом сняли военную службу с дворян, с крестьян же работу не сняли, а прикрепили крестьян к земле: нельзя им было переселяться. Крутое обращение с крестьянами подробно описано; хорошо это помнит. И бунты Стеньки Разина, Пугачева. Но промелькнула мысль — он западник,— что панацея для него — конституция [1].

Татьяна Львовна сегодня продала землю овсянниковским крестьянам. Они платили ей аренду по четыре с половиной рубля с десятины. Теперь получит в Крестьянском банке по 100 рублей за десятину. Татьяна Львовна вспоминала брошюру Николая Хомякова, написанную для крестьян. Он вычисляет, сколько помещичьей земли приходится на душу: полдесятины.

Л. Н.: Хоть полсажени — все равно.

Татьяна Львовна: И что из-за этого не стоит им помещичью землю отнимать. И что у крестьян русских и так гораздо больше земли, чем за границей, а там крестьяне с нее живут.

Л. Н.: Это повторение. У Параши есть свои мысли, у него — никаких.

Л. Н. с Михаилом Сергеевичем играли в шахматы. Привезли почту из Тулы. Получен пакет чертковских изданий: 50 экземпляров «Конца века», прислал мой брат. Цензура не задержала. За чаем говорили о том, что «Солдатская памятка» напечатана в России и продается.

Кто-то сказал:

— Удивительно, что ее не запретят.

Л. Н.: Я бы ее запретил. Надо, чтобы это (т. е. отказ от воинской службы) вытекало из религиозного жизнепонимания, а не из того, чтобы содействовать революции. Я крестьянину дал бы ее читать, а солдату — нет. Солдату, как ни поступит, тяжко будет. Повинуется — будет убивать людей; перестанет повиноваться — его будут судить за нарушение присяги. Лучше отказаться, пока не взяли в солдаты.

Л. Н. принес письмо Архангельского, прочел его вслух. Он пишет, что обращение народа к правительству за помощью — это то же, как если бы изнутри напирать на дверь, которая открывается внутрь. Надо отступить назад, потянуть на себя — и тогда все просто сделается [2].

Вспоминали жену N. N., за которой ухаживал японский посланник. Александр III сам сказал N. N.: «Разведись». Он развелся. По этому поводу Л. Н. сказал:

— Все они (короли, цари) — младенцы невинные в сравнении с окружающими их мерзавцами. Наполеон, когда был у него Гете, советовал ему поучиться у Расина. Спросил его, женат ли он? Гете не был обвенчан, жил так со своей возлюбленной и сейчас же женился на ней. «Oh, ein gros-

ser Geist» *,— сказал мне проводник в Веймаре [3]. Мария Павловна, которая была замужем за веймарским герцогом, была дура отпетая... Это маленькие черты. Но нет мерзости, которой бы придворные не совершали. Пушкина, после того, как был на приеме у Николая, спросил знакомый: «Что вы в это время чувствовали?» — «Подлость во всех жилах» [4].

Михаил Сергеевич сказал о «Руси», что это самая лживая газета, и рассказывал про Лазарева.

Л. Н. рассказывал о 15-летнем мальчике Куна, который говорил отцу, что надо подать петицию о том и о том. Отец ответил ему: «Хоть бы ты знал, как петицию написать!»

— Революционеры — полудети,— сказал Л. Н.

22 февраля. Л. Н. спрашивал Ф. А. Страхова, что нового. Федор Алексеевич рассказал, между прочим, о дочке, которая в пансионате в Москве и не захвачена революционным духом; подруги смеются над ней, что не принадлежит ни к какой партии. И еще, что в ресторане слышал разговор гостя с рестораторам. Гость упрекал ресторатора, что не принадлежит ни к какой политической партии.

Л. Н., помолчав, сказал:

— Моя платформа широкая, я на ней один.

Федор Алексеевич заговорил о печатании сочинений Л. Н. во «Всемирном вестнике» [1].

Л. Н.: Как это правительство браунингов боится, а мыслей — нет. Брошюры о конституции в три месяца всем надоедят. Страшно это говорить, но если хорошенько подумать, то должен сказать, что все, что происходит,— к лучшему, в смысле распространения и уяснения истины.

— Как? Что убивают людей, это к лучшему? — испуганно, задыхаясь, скороговоркой, прохрипела Мария Александровна, остановив свои огромные глаза на Л. Н.

Л. Н.: Как падение листьев в осени в чем..... ** или как распутица, грязь в осени..... ** Что было скрыто, всплыло наружу. Западные народы, особенно англичане, самодовольны. У них одна часть общества с другой постоянно в борьбе.

Л. Н.: От молодого человека из Австралии получил печатный листок: «The fallacy of elections» — о том, чтобы не участвовать в выборах, так как это участие в насилии правительственном [2]. Писал мне англичанин, что есть китаец Hsi, истинный христианин, и он написал книгу, которая меня наверное будет интересовать. Я с нетерпением ждал книги, а она такая, что нельзя читать: бог послал сына, чтобы нас спасти, искупить грех и..... ** А сегодня получил печатное: все епископы, пасторы английские хотят в назначенный день молится богу, чтобы их исправил.

Л. Н. спросил Н. П. Иванову, продолжает ли учиться играть на фортепьяно.

Надежда Павловна. Да, но считаю это за грех.

Л. Н.: При вашем способе жизни — это безобидное занятие, доставляющее удовольствие.

Страхов заговорил о музыке, о концерте Танеева с Гольденвейзером.

Л. Н.: Я не хотел тогда говорить... Девятая симфония Бетховена — гадость. Почувствовал отвращение. А фуга Моцарта — что-то ужасающее. Аренского — хорошо было, особенно «Polichinelle» и «Coquette».

Сегодня Александра Львовна продала 87 десятин телятинской земли крестьянам.

Михаил Сергеевич: По 200 рублей купила за десятину, по 100 — продает.

---

* «О, великий ум» (*нем.*).

** Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

Вечер. Л. Н., Михаил Сергеевич, Александра Львовна и Грушецкий играли в винт. Л. Н. с Ф. А. Страховым говорили о нравственном прогрессе в области половых отношений. Говорили о том, как на это смотрели декабристы, как братья Л. Н.

Л. Н.: Николая развращал Фонвизин. Николаю это не было нужно, он отдавался этому, потому что считалось, что так должно быть. Мне француз в этой комнате открыл глаза на то, что женщина — не предмет удовольствия, а человек. По этому поводу я говорил французу о статье Шопенгауэра, он нападал на нее. Шопенгауэр утверждает, что проституция — это вроде громоотвода, чтобы другие женщины были неприкосновенны и чисты *[3].

Федор Алексеевич: Шопенгауэр говорил это иронически?

— Нет,— ответил Л. Н. и сказал затем:— Когда я с Массеном (?) об этом говорил, я был уже женатый.

Михаил Сергеевич: Я думаю, что раньше тоже были неразвращенные юноши. Теперь знаю троих,— и назвал имена трех из аристократов,— а между моими коллегами тоже были.

Л. Н.: Тогда уже переворот начался. В мое время было так: 1 : 10 000; в ваше — 5 : 10 000; теперь 10 : 10 000.

Федор Алексеевич: Меня развращали люди 40—50-летние, преподаватели гимназии.

— На трех вопросах: нравственности, вегетарианстве, отношении к войне виден прогресс,— сказал Л. Н.— Они на одном уровне находятся. Лучшие люди признают эти вопросы. На моей памяти крестьяне ходили в лаптях, в самодельной одежде; на полушубках сзади пришитые из черного сукна петушки; избы деревянные, крытые соломой; чаю, табаку, сахару не знали. Совершившаяся внешняя перемена видна, а внутренняя тоже идет.

Л. Н.: Вы, Душан Петрович, когда состаритесь, будете болтливы, как я. Меня свели у Чичериных с баронессой Раден, которая считалась очень умной женщиной. Мы провели вечер, и она не сказала ни слова. Я убедился, что она действительно умна.

В 10.30 Федор Алексеевич, прочитав «К правительству, революционерам, народу», спросил Л. Н., можно ли внести поправки? У него на листках были замечания стилистические, сокращение периодов. Смысла не изменял. Л. Н. был добр и терпеливо стал слушать их, но это раздражало его. Он встал и сказал:

— Свеж бываю только с утра до обеда, вечером мысль не работает.— Потом еще добавил в том смысле, что надо оставить: статья его, и не надо раздражать его поправками.

23 февраля. Четверг. Речь о Спиридоновой, смертельно ранившей вице-губернатора. Михаил Сергеевич рассказывал, как левые газеты раздувают эту историю: все печатают письма женщин, возмущающихся тем, как с ней обращались [1].

Л. Н.: Девушка из пистолета убила... Ужасные люди, которые это поощряют. Все это сделала Шарлотта Корде.

Ее (Спиридоновой) портрет в иллюстрированном приложении к «Руси». Л. Н-чу он не понравился. Увидев портреты железнодорожников, убитых в Голутвине, Л. Н. сказал:

— Лица обыкновенные, но когда узнаешь, что это люди, которых убили другие, ужасно смотреть.

За чаем Л. Н. читал комедию Буренина «Горе от глупости» [2], которую ему сам автор прислал (через Льва Львовича и Федора Алексеевича).

---

* Во время разговора вошла Татьяна Львовна и мыла молочную посуду для ребенка. Разговор и при ней продолжался.

М. С. СУХОТИН, М. А. СТАХОВИЧ И ТОЛСТОЙ
Ясная Поляна, 30 марта 1906 г.
Фотография С. А. Толстой

Смеялся от всего сердца. В это же время Софья Андреевна и Наталья Михайловна играли в четыре руки. Софья Андреевна, немного поиграв, остановилась и сказала с упреком:

— Сразу и играть и читать вслух!

Л. Н.: Не хочу мешать, помилуй бог!

— Богатый язык, хороший, все слова из «Горя от ума». Остроумно, ловко,— сказал Л. Н. о комедии. Потом, когда все сидели за столом, он читал более серьезно третью часть, страницы с 17 по 22. Пришел Федор Алексеевич, Л. Н. позвал его и меня к себе в кабинет и прочел нам из дневника, что́ записал после того, как прочитал «Самодержавие». Советовал «Самодержавие» издать в «Посреднике», а он разработает в предисловие то, что прочел из дневника [3]. — У Хомяковых, отца и сына, ценная мысль, что власть — бремя [4],— сказал Л. Н.

Л. Н.: Краткую историю России Милюкова... (Михаил Сергеевич поправил: «Собственно, Шишко») советую всем читать. Есть в ней закваска революционная. Я посоветовал бы ему ее выкинуть.

Когда Ф. А. Страхов уехал, Л. Н. говорил с Михаилом Сергеевичем о новом манифесте царя, о Государственной думе и Государственном совете [5]. Л. Н. задавал вопросы, Михаил Сергеевич отвечал.

Л. Н.: На сколько лет выберут председателя?

Михаил Сергеевич: На время сессии, а это неопределенно; государь будет распускать Думу по усмотрению. Думу созывают, главное, чтобы она заключила заем; заграничные банки не хотят иначе дать взаймы денег.

Л. Н.: Воображаю себе ⟨сколько⟩ будет вопросов решать Думе! How not to do it?* (О моем христианском вопросе и не говоря.) О польском, финляндском, об окраинах. Зацепятся за один вопрос и будут тянуть. Явятся и обструкционисты. Помню карикатуру на английский парламент: оратор стоит на возвышенном месте — преглупая морда, скучно глядеть на него... Вопросы отступят на задний план, а будут подшпиливать друг друга, а партийная борьба... Маклаков, бойкий, будет длинные речи говорить...

Получаются письма от немцев, англичан, французов, финнов, чехов, которые пишут, что учатся по-русски, чтобы читать сочинения Л. Н. в оригинале.

24 февраля. Михаил Сергеевич и Софья Андреевна, намедни, вернувшись из Москвы, говорили, что опять будет восстание и забастовки, каких еще не было, что дом за домом захватывает озлобление на правительство.

Михаил Сергеевич: Сужу об этом по тому, как «Русь» пишет.

Л. Н.: Вы поразили меня этим. (Прямо страдал от этого неожиданного известия.)

Михаил Сергеевич: Уже десять дней изо дня в день письма о Спиридоновой: от матерей, от жен, от рабочих.— Прочел вслух некоторые. Кончаются клятвой, что ее смерть будет отомщена. В письмах ни слова о том, что она убила, а только о том, как ее истязали во время следствия.

Л. Н.: Есть и иные девушки, вот Страхова (Наташа), а сегодня получил письмо от 20-летней, трогательное, желал бы ответить ей. Эти тихие (не пишут в газетах), а их большинство. Пишет: окончила гимназию, поступила на историко-филологический факультет, но там только réticence**, обиняком говорят, что нет бога, нет смысла жизни. А ей узнать смысл жизни — главное [1].

25 февраля. За обедом Наталья Михайловна рассказывало о вчерашнем земском собрании в Туле. Сергей Львович говорил против..... *** с точки зрения греха, Илья Львович — с точки зрения государственной.

Л. Н.: Это очень хорошо: с точки зрения греха ****.

После обеда Л. Н. сказал мне:

— Я читал письмо Фельтена и Суткового к вам *****. Сутковой пишет без «ъ» («ера», вместо «ѣ» пишет «е», вместо «и» — «і». Против «і» — выделяется лучше, чем «и» — и опускания «ера» ничего нельзя сказать, а «ять» имеет некоторое основание.

В «Церковной газете»,— сказал затем Л. Н.,— она свободомыслящая— есть статейка (Л. Н. показал ее) «Л. Н. Толстой перед судом». Вы читали?

— Нет.

---

* «Как не делать этого». Кажется, это слова Диккенса о деятельности английского парламента.

** намеренное умолчание (*франц.*).

*** Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

**** На Западе в парламентах с этой точки зрения не говорят.

***** О том, что Фельтен хочет издать «К правительству, революционерам, народу».

Л. Н. прочел мне ее: «Из-за появившихся в первой январской книжке «Всемирного вестника» некоторых произведений Льва Толстого, считавшихся до последнего времени нелегальными и напечатанных раньше за границей, возникли в С.-Петербургской судебной палате некоторые разногласия. Содержание некоторых статей дает право предъявить к редактору журнала обвинение по пунктам 100, 103, 128 и 129, но представители прокуратуры отказываются начинать уголовное преследование, находя, что возбуждать процесс против статей Льва Толстого равносильно мировому скандалу».

Михаил Сергеевич: В «Новом времени» пишут, что ожидается вооруженное восстание, но мы сомневаемся, чтобы оно произошло. «Русь» защищает лейтенанта Шмидта *, приговоренного к смертной казни. Михаил Сергеевич прочел вслух письмо Спиридоновой, напечатанное в № 27 «Руси». Л. Н-чу было тяжело слушать. Когда Михаил Сергеевич дочитал, Л. Н. сказал:

— Она из тех женщин — на днях получил от такой письмо,— у которых нет никакого мировоззрения — пусто, и они кидаются на какую угодно — тут на социал-революционную деятельность. Надо было спасать Луженовского, когда в него стреляли, а ее — когда ее ловили.

Л. Н. понимает причину освирепения казаков в первую минуту, хотя, разумеется, не одобряет, не допускает этого.

Андрей Львович, бывший в Тамбове, когда это там случилось, говорил, что доктор Богородицкий, лечивший Луженовского, получал анонимные письма с угрозами. Заговорили о министре внутренних дел Дурново. Александр III отстранил его от должности директора Департамента полиции за то, что вскрывал письма испанского посланника. Но т. к. он человек дельный и знающий сложные вопросы службы, он стал опять министром.

Л. Н.: Дельный и знающий — я это понимаю, что это очень сложный механизм и что нужно знать.

Софья Андреевна варила чай на спиртовке. Л. Н. сказал ей:

— Тебе нужно было выйти замуж за Робинзона.— И потом стал вспоминать место из «Робинзона», о том, как тот доил ламу.

Софья Андреевна: Терпеть не могу доение.

Л. Н.: Руссо говорил о «Робинзоне Крузо», что это лучшая книга (Л. Н. добавил: «Для детей») [1]. Я согласен с мнением Руссо. Есть «Robinson suisse» [2], но это слабое произведение. Я все хотел написать — когда рожусь в другой раз, напишу — русского Робинзона: описать такую общину, которая бы переезжала из Тамбовской губернии через степи к границам Китая. Охарактеризовать ее выдающихся членов. Это было бы интересно для детей, чтобы они знали происхождение каждой вещи, которой они пользуются. Они не знают происхождения ни шкапа, ни печки, ни чугуна — все это рассказать. Дефо не был выдающимся журналистом. Раз вернулся в Англию матрос, проживший одинаким на острове некоторое время. По его рассказам Дефо написал «Робинзона». Нравственная часть — помните? — обратился Л. Н. к Михаилу Сергеевичу,— вопросы и ответы — скучна.

Я заметил:

— На днях в «Русских ведомостях» в фельетоне об Урге говорилось, что все лучшие уголки этого края заселены «нашими колонистами» [3].

Л. Н.: Там горы и плато в три-четыре тысячи футов.

Потом Л. Н. спросил меня о содержании статьи. Я рассказал, между прочим, и то, что там летом, когда ездил туда автор, жили два далай-ламы:

---

* Он руководил севастопольским восстанием в декабре 1905 г. и был казнен за это в марте 1906.

ургский (монгольский) и тибетский, бежавший туда из Лхассы перед приходом англичан *.

Л. Н. негодовал на захваты англичан. Он сказал:

— Русские попробовали то же в Маньчжурии — тут не удалось, в Хиве — да; русские делают это грубо. Англичане — ловко и тем отвратительнее.— Л. Н. пожелал прочесть фельетон в «Русских ведомостях».

Л. Н. спросил меня, не попадались ли где рецензии на «Круг чтения».

— Я смотрел, ничего нигде не нашел. Наверно думают... старик ушел в себя,— сказал Л. Н.

Я сказал, что кто-то говорил или писал, кажется Лев Львович, что Буренин хочет написать.

Л. Н. говорил, что получил письмо о жене доктора, которая ревнует мужа, «что лезет под юбки», «вычитала у вас и у Вересаева, что доктора такие».

— Сам отвечу,— сказал Л. Н. [4]

26 февраля.

Л. Н.: Жаль, что есть наука: Менделеев вычислил центр России, центр в смысле густоты населения, и он оказался в Моршанском уезде Тамбовской губернии, и передвигается на восток. В Америке центр передвигается на запад. Из этого заключение, что Тихий океан будет в будущем мировой океан [1].

Татьяна Львовна: А как я страдаю от науки! Все изучаю искусственное кормление ребенка, все новые и новые методы, и узнаю, что выживает только 20 процентов детей, выкормленных искусственно.— И Татьяна Львовна, как обыкновенно, начала грустить о своей девочке, которая уже только три раза в день берет грудь, и приходится переходить на искусственное питание.

Л. Н. вспомнил про сказку о мальчике и о волке [2] и сказал:

— Преувеличивать ты умеешь: сама себя пугаешь тем, что может произойти. Сергей Николаевич ездил в Париж к знаменитому врачу спросить: не опасно ли это, что он всегда здоров?

Михаил Сергеевич: Успокоил он его?

Л. Н.: Успокоил. Читали вы, Михаил Сергеевич, статью о Менделееве во вчерашнем иллюстрированном приложении к «Новому времени»? Член такого-то и такого-то ученого общества — две страницы — и не член Академии. Толстой Дмитрий Андреевич был его враг, хотел его и в Сибирь сослать. Потом уже ему предложили членство в Академии, он отказался.

Л. Н. говорил, что читал Шильдера «Николая I» и прочел там, что есть еще Бенкендорфа Записки о Николае, в которых он пишет о французской революции 1830 г., что народ там выше короля и что не надо в России образовывать народ [3] (то же самое — Победоносцев).

Потом Л. Н. играл в шахматы с Михаилом Сергеевичем. Л. Н. ушел. Софья Андреевна играла в четыре руки с Натальей Михайловной. Л. Н. снова вышел в 11 часов, все читал Шильдера «Историю Николая I».

— Бездарная,— сказал о ней Л. Н.,— и точка зрения — справедливость, рыцарство. Николай Павлович был рыцарем в сравнении с австрийским ⟨императором⟩, германскими ⟨королями⟩ — эти были совсем запуганы Наполеоном. И в сравнении с Александром Павловичем. Он был целиком «за право и порядок»— как Андрюша, Офросимов, а Александр Павлович колебался, принадлежал к «Союзу 17 октября»[4]. Беранже в пятидесятых годах обожал Наполеона и сочувствовал французской революции 30-го года. Некоторые вещи Беранже очень поэтичны, например,

---

* В 1904 г. ими была предпринята военная экспедиция для утверждения их влияния в Тибете.

Е. Ф. ЮНГЕ
Ясная Поляна, 1906
Фотография С. А. Толстой
«Утром приехала троюродная сестра Л. Н., единственная его кузина». — Запись от 7 марта 1906 г.

в одном стихотворении жалеет, что нет у него младенческого суеверия [5]. — Л. Н. произнес наизусть некоторые стихи Беранже и сказал: «Хорошо пишут стихи французы и русские».

Михаил Сергеевич хочет почитать, спросил, есть ли Беранже в библиотеке.

Л. Н.: Есть два тома из четырех, с маленькими картинками [6]. Мне тогда очень нравились.

Л. Н. рассказывал Михаилу Сергеевичу про сегодняшнего мужика из Косого:

— Я не мог сдержать смеха. Настоящий «злоумышленник»: «Они смаклачили». О земском говорил, что он слабоумный. Община решила поделить землю по наличным душам, через это лишился двух наделов, протестует [7].

В елисаветградских «Южных новостях», которые редакция регулярно посылает Л. Н., в фельетонах появляется «Исповедь» Л. Н. Там же объявление о книге Тенеромо-Файнермана «Воспоминания о Толстом и его письма»[8].

27 февраля. Вчера и сегодня гуляли по насту в Засеке. Волчьи следы.

Л. Н. подал мне письмо Шкарвана, которое сегодня пришло, и свой ответ Шкарвану. Шкарван перевел на немецкий язык несколько рассказов из «Круга чтения» и «Ассархадона» и издал в Штутгарте у Franckh. Bruno Cassirer, прежде издавший «Ассархадона», грозит судом. (Л. Н. ему ответил, чтобы к нему с этим не обращались) [1].

Л. Н.: Как он может сомневаться в отношении моем или Черткова к праву на перепечатку! Если тут напутано, то напутали издатели. Пусть он меня побережет и больше мне об этом не пишет.

Самуил Штефанович, словак, прислал Л. Н. свои книжки «Наша политика» (по-словацки) и «Кормошияда» (на немецком). Я прочел и рассказал о них Л. Н. Он ничего не сказал о них.

За обедом Л. Н. рассказал о какой-то книге о Иерусалиме, что она нравится ему [2]. Первая книга, которую он читал об Иерусалиме, была «Voyage en Syrie» par Vogüé [3]. В церквах католики поют всегда везде медленно, но там, у гроба господня, служат особенно медленно, а это для того, чтобы их служение продолжалось дольше, потому что оно одно угодно богу. А был там в келье во время католического служения православный архимандрит; тот опять гневался, что там католики оскверняют место.

Михаил Сергеевич спросил Л. Н.:

— Откуда вы взяли рассказ «Два старика»?

— Это легенда давнишняя, русская.

— Где это написано?

— Не знаю, я прямо рассказ слышал [4].

— Сергеенко прислал мне выписки из книги Мюллера «Рамакришна»,— сказал Л. Н.— Выписал удивительные изречения. Рамакришна умер лет 50 тому назад. Мудрец замечательнейший.

Л. Н. прочел некоторые вслух. По поводу изречения: «Кто не вытравит из себя *я*, не имеет бога», Л. Н. сказал:

— Евангельское «Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради меня сбережет ее» [5]. Я прибавил бы только: в той степени, в какой вытравлено *я*, пребывает бог.

Сегодня Ювачев прислал оттиски из «Исторического вестника» о своем заключении в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях. Строил Шлиссельбургскую его знакомый радикал, а прокурор, который его предал военному суду, был тоже бывший радикал. Он хотел поиграть с ним, как кошка с мышью, спросил его, какому суду должен его предать. Ювачев отвернулся от него. Предал его военному. А тот приговорил его к смерти за знакомство с людьми, которых он не знал; военный суд не производил следствия. Царь смилостивился и заменил 15-летней каторгой. Четыре года продержали его в Шлиссельбурге. Был на Сахалине.

Л. Н. дал их читать вслух Наталье Михайловне. Чрезвычайно трогательные описания. Все внимательно слушали.

Л. Н.: Как хорошо, просто написано, сердечно! Волькенштейн (которая сидела 13 лет) холодно написала [6].

Михаил Сергеевич заговорил о рассказе Авиловой в «Круге чтения» [7].

Л. Н.: Авилова хорошие темы находит.

Потом Л. Н. дал читать Наталье Михайловне вслух Ювачева: «Монастырь-тюрьма» [8].

Михаил Сергеевич: Таких сектантов, как наши самосожигатели, скопцы, хлысты, в Европе нет.

Л. Н.: Назарены в Сербии.

1 марта. За обедом Л. Н. очень смешлив. Рассказал про мужика «злоумышленника», который «косо глядит и из Косого»:

— Он был второй раз у меня. Я не могу без смеха с ним разговаривать. Первый раз я направил его к Андрюше, теперь к Михаилу Сергеевичу. Начал рассказывать: «Они смаклачили. Разделили землю вновь по наличным душам, вместо, как была, по дворам». У него были три десятины, они и остались, так что ему нет причины протестовать.

Татьяна Львовна стала цитировать из «Злоумышленника».

Л. Н.: «Злоумышленник» — превосходный рассказ. Я его прочел сто раз.— «Тоже судьи» *.

Софья Андреевна говорила, что повару пишет целые «сочинения»; что сегодня писала ему: «Л. Н. больной, потому манное пирожное».

---

* Этими словами кончается рассказ Чехова.

Вечер. Л. Н., как обыкновенно, зашел к Татьяне Львовне проведать Танечку, потом зашел ко мне и спросил, не холодно ли мне, так как Андрей Львович открывает дверь на балкон, а Л. Н. об этом узнал. Сегодня метель. Я хвалил лошадь, на которой ездил в Головеньки, Воздремы и Хотунку. Какая умная, как перепрыгивала речку!

Л. Н.: Я ездил на Козловку. Когда поднимался влево в лес, дорога была занесена. Но прошла собака, и лошадь пошла по ее следу, зная, что справа и слева оступится в глубокий снег.

Сегодня читал Л. Н. для себя Ювачева — о сектантах. Вечер. Не было Михаила Сергеевича, уехал в Москву. Вместо шахмат с ним. Л. Н. играл в четыре руки на фортепьяно с Софьей Андреевной. В 10.30 Л. Н. вынес из кабинета оттиски статей Ювачева из «Исторического вестника»: 1) «В Шлиссельбургской тюрьме» (февраль 1906 г.); 2) «Закавказские сектанты» (январь 1904 г.); 3) «Распечатанные алтари» (январь 1906 г.); 4) «Монастырь-тюрьма» (март 1905 г.) [1].

Л. Н.: Ювачев описывает «субботников». Русские люди переняли еврейскую веру: Старый закон и Талмуд, обряды (на голову надевают рухопитель [2]), раввины, у них есть обрезание. Есть у вас, за границей, жидовствующие?

Я: Нет.

— Удивительное это явление — искание правды — у русского народа. Метание в ту и другую сторону.

— Но Талмуда, кажется, у них нет.

— Есть и Талмуд. Сами не в состоянии самостоятельно..... *

Л. Н. сегодня держал корректуру для «Круга чтения» (сентябрь). Сказал:

— Читал в «Круге чтения» — «Назарены». Слабо вышло. Зато «Смерть Сократа» — великолепно [3]. Это самохвальство, так как я ее перекроил.

Потом мне поручил:

— Напишите Бодуэну де Куртенэ, чтобы прислал историю польского восстания 1831 года, написанную с польской точки зрения. У Шильдера сказано, что русские были несколько раз разбиты поляками; поляков было 80 тысяч, русских войск 180 тысяч [4]: может быть, и нет? В истории и мемуарах мне нужны характеристические подробности [5].

Л. Н. взял чешский перевод «Круга чтения» (начал появляться выпусками и весь вышел в свет раньше русского)[6], просматривал и читал около 15—20 минут. Я спросил Л. Н., занимался ли он когда-нибудь каким-либо из славянских языков, польским, может быть **.

Л. Н.: Польским—нет, чешским — немного. Читал «Краледворскую рукопись». Не понравилась мне, как и «Нибелунги» и грузинская «Барсова кожа»,— знаете? А русские эпические песни, былины нравились — может быть, оттого, что я русский. Одно время интересовался эпосами.

Читая «Kruh četby», Л. Н. сказал:

— Алфавит латинский так смущает! У Валишевского в «Истории Екатерины II» (Л. Н. читал ее по-французски), русские слова, написанные латиницей, с затруднением понимал. Надо было ⟨бы⟩ писать славянам одинаково. Надо было сделать прежде, теперь уже этого не будет.

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

** Л. Н., кроме славянского (церковно-славянского) языка, знает немного малорусский и польский языки. В «Казаках», «Двух стариках» есть малорусские фразы, в «За что?» — польские, которые Л. Н. сам написал по-польски. Для проверки я их посылал Бодуэну де Куртенэ. Л. Н. мог выучиться по-польски в армии. Интересно было бы знать, на каком языке беседовал Л. Н. с Лелевелем, на русском и на польском или на одном польском? У Лелевеля Л. Н., вероятно, виделся и с другими поляками, а также и у Герцена.

Л. Н. не уставал, все читал и читал, и заметил неточный перевод (вместо «хотя и» — «pouze»*). Спрашивал у меня значение некоторых слов. Одно и то же слово два раза никогда не переспрашивал. Очень быстро овладевал чтением.

Л. Н.: С помощью можно бы скоро выучиться. По-голландски больше понимаю, есть у меня словарь **.

Л. Н. все читал и читал. Похвалил хорошее издание. Наконец, посмотрел обложку и прочел: «Крук четбы» и заметил:

— Два «к» смущают. А эти декадентские буквы: «k» и «h» — не различишь.

Было обидно за издателя, что книгу сочинений Л. Н. обезобразил декадентщиной.

— Теперь я уже не могу учиться языкам. Думаю, что у меня уже нет места,— это сказал Л. Н. уже в дверях.

Софья Андреевна: Да и не нужно.

Л. Н. вернулся из кабинета и стал говорить о Фельтене и Сутковом.

Л. Н.: Получил сегодня «К либералам» [7], второй номер их издания («Обновление»). Все такие продолжают издавать и выбирают задорные.

Я: Нарочно издают эти — о политических и общественных вопросах, так как «Исповедь», «В чем моя вера» печатает «Посредник», а за ним будут печатать другие.

Л. Н.: Что Фельтен может печатать, распространять эти статьи, то я тому радуюсь. Революционеры думают, что это они сделали то, что можно печатать мои сочинения.

В 11 я простился и хотел уйти. Вошли в зал Александра Львовна и Наталья Михайловна.

Л. Н.: Девицы идут. Не уходите.

Стали говорить о пчелах, шмелях, осах, муравьях.

Л. Н.: С тех пор, как я занимался пчеловодством, замечаю: когда летит пчела мимо ушей — жужжит, как пуля.

Юлия Ивановна говорила о муравейнике, как муравьи таскают ветки и прочее то туда, то сюда, и это кажется нецелесообразным.

Л. Н.: Как революция кажется высшим существам, которые относятся к нам, как мы к муравьям.

Л. Н. рассказывал о пчелах и осах много очень интересных подробностей. Видно, как хорошо знает их. Сказал и это:

— Короли для своего оправдания приводят пример, что у пчел есть матка — королева. Только матка плодит работниц.

2 марта. Выпало прóпасть снегу. Поехали на лошади за водой к колодцу и должны были вернуться. Л. Н. ездил на Делире. Делир оступился и увяз по брюхо в снегу. Л. Н. за обедом говорил:

— Получил письмо от крестьянина, он прочитал выдержки из «Правительство, революционеры, народ» (полностью статья еще не вышла). Спрашивает, почему упрекаю революционеров?

Л. Н.: Наша чтица прочтет рассказ Вересаева «Ломайло»[1]. Ужасный рассказ!

---

* только (*чеш.*).

** У Л. Н. на полке, у письменного стола, в кабинете среди двух-трех словарей — словарь голландский. Во второй половине 90-х годов учение Л. Н. вызвало в Голландии искренний и сильный отклик среди рабочих и пасторов. Организовано книгоиздательство и журнал (появляющийся два раза в месяц) — «Vrede»: первый толстовский журнал вообще. Какое распространение имеют религиозно-общественные сочинения Л. Н., видно из того, как много, прекрасно и дешево их издают: «Царство божие» — первое издание — напечатали в четырех тысячах экземпляров. Были отказы от воинской службы. К Л. Н. стали приходить письма и издания из Голландии, Зондских островов, Юго-Восточной Африки.

За чаем прочел нам его вслух сам Л. Н.

— Живо описано. Тургеневский стиль у Вересаева,— сказал Л. Н.

Андрей Львович похвалил описание. Говорил, что у китайцев не было злобы, всегда грусть. Показывал фотографии. Что-то прекрасное.

Вересаев в одном месте рассказа говорит: «Какими вернутся эти полмиллиона солдат в Россию?!»

Л. Н.: Они увезли с собой разврат, он в душах их остался.

Л. Н.: Я прочел два рассказа польские (в «Мире божьем»)[2].

Я: Андрей Сиротинин утверждает, что современная польская беллетристика стоит выше современной русской *.

Л. Н.: Я не нахожу. И эти рассказы Жеромского очень слабые.

Л. Н.: Получил письмо из Чикаго, полное непристойных слов, и из Норвегии от Шульца — бестолковое [3].

3 марта. Приехали М. А. Шмидт и И. К. Дитерихс. Л. Н. получил хорошее письмо от И. П. Накашидзе о том, что происходит в Гурии [1]. Л. Н. написал пропасть писем [2].

Еще Л. Н. сказал, что получил письмо от П. И. Бирюкова. Спрашивает, можно ли напечатать в «Былом» письмо Л. Н. к Александру III относительно события 1 марта и письмо к Л. Н-чу Победоносцева [3].

— Он жив, нельзя, надо его спросить, — сказал Л. Н. Потом Л. Н. рассказал:

— Читал в «Спапк» остроумное: как сестра молилась, чтобы ее сестре удалось убить кухарку,— ⟨то же, что молитвы⟩ в церкви о победе над врагами.

4 марта. Утром встретился с Л. Н. в передней, он одевался на утреннюю прогулку. После завтрака Александра Львовна, вся молодежь и я сгребали и увозили снег от подъезда к дому. Л. Н. сказал нам, что мы торопимся, что рабочие работают спокойно и выносливо.

За обедом. Софья Андреевна заболела **. После обеда Л. Н. зашел к ней, а потом к себе в кабинет. Вышел к чаю, налил себе чашку и взял с собой:

— Я пойду к себе; ждет меня занимающее о Павле Петровиче,— сказал Л. Н.

В 10.30 Л. Н. вышел в залу, но не сел к столу.

— Все читаю о Павле Петровиче,— и рассказывал о нем.— Чудо, какой милый мальчик! Рассказал Порошину, что он влюблен, но что и от матери скрыл — в кого. Драгоценнейшая книга!

Л. Н. вскоре ушел и, когда опять вышел, сказал Наталье Михайловне:

— Хочу присоединить к Дорику несколько мальчиков, вместе им излагать «Мысли мудрых людей».

Наталья Михайловна: Мы ведь дней через пять-шесть уедем.

Л. Н.: Тем скорее.

Л. Н. пошутил с Александрой Львовной и простился.

5 марта. Воскресенье. Вчера и сегодня мы убирали и увозили снег от подъезда к дому. Софья Андреевна больна, осталась в постели. Под вечер застал ее сидящей и читающей «Круг чтения». Вошел Л. Н., и Софья Андреевна показала ему места, которые, по ее мнению, неправильные. Особенно много опечаток. Спросила, примет ли во внимание ее замечания?

---

* Без Л. Н. Толстого.

** Начало той болезни, от которой была впоследствии оперирована.

Л. Н.: Всякие указания на недостатки охотно приму; буду исправлять для второго издания. (То то, что казалось Софье Андреевне неправильным: *гордость* вместо *тщеславия*, *апатия* вместо *равнодушие*, Л. Н. не признал неправильным.) Вечером Софья Андреевна пришла в залу, попила черного кофе, побеседовала с Михаилом Львовичем. Боли усилились, ушла к себе. Жалела, что целые сутки ничего не делала. Она очень трудолюбива и трудоспособна. Теперь занята историей своей жизни. Дописала ее до 24-го года своей жизни.

Л. Н.: Сегодня в газете письмо Бодуэна де Куртенэ о пытках в варшавской полиции. Преувеличено, неправдивый тон. Публикует в «Руси» письмо, присланное человеком, которого пытали [1]. Сегодня смотрел «Новое время» и «Образование». Буренин ругается. Читали? О чем пишет? Ругает Шкловского *, Бикермана и других евреев, которые хотят бойкотировать Думу, хотят революцию и пишут, что это — желание русского народа [2]. В «Образовании» я читал внутреннее обозрение **. Все это ужасно тем, что в игривом тоне пишут обо всех этих убийствах, взрывах.

Я обратил внимание Л. Н. на катастрофу в каменноугольных копях в Ланси (север Франции), 1200 жертв. Л. Н. ужаснулся и прочел статью вслух [3]. Как только кончил читать, Софья Андреевна и Татьяна Львовна разболтались о каких-то пустяках.

Потом Л. Н. прочел нам вслух Порошина. Сперва рассказал о Павле Петровиче:

— А мой Павел Петрович — он влюблен. Говорил: «Я страшно ревнив, а если я буду женат,— по-французски сказал,— я не разрешу, чтобы мне ставили рога». Порошину: «Ах ты мой Сенюшка, как я тебя люблю!» И выражал свою любовь в математических уравнениях: свою любовь к В. сравнивал с любовью Порошина к его любезной. Павел : В. = Порошин : А.— «Кто лучший математик?» — Порошин назвал какого-то немца.—«Нет, лучший математик Семен Порошин, а потом — Павел Романов».

6 марта. Л. Н. ездил верхом поздно. В 6 часов вернулся. За обедом рассказывал с восторгом и умилением о Павле Петровиче; он сказал гувернеру Панину, что хочет выучить контрданс, чтобы плясать vis-à-vis со своей возлюбленной. Панин спросил: «А pas умеете?» — «Умею».— «Спляшите».— «Не могу, потому что не совсем хорошо знаю»,— ответил Павел.

Александра Львовна: Как я это понимаю! Я тоже перед другими не могу играть, например, перед Гольденвейзером.

Михаил Львович, приехавший к обеду, рассказывал сначала о лошадях, как они, когда на скачках сломают ноги, тонким голосом пищат. Александра Львовна напомнила ему о лошади, которая была у него, которая пищала от удовольствия, когда на ней ездили. Потом — как он кору сосал десятилетним мальчиком. Он же вспомнил, как улиток ел. Татьяна Львовна уши себе затыкала при этом. Л. Н. рассказал, как он червя съел. Мальчиком удил рыбу, бежал по проспекту к пруду: в одной руке черный хлеб, в другой — черви. Вместо хлеба откусил червя — вкус навоза. Л. Н. просил Александру Львовну и Наталью Михайловну, чтобы сыграли Баха и венгерские песни. Вчера Л. Н. поплясал под звук венгерских танцев Брамса.

За чаем Наталья Михайловна говорила о сомнамбулизме Александры Львовны и что она во сне по-французски говорит.

---

* Дионео.

** Л. Н. читал в январской книжке статью «Родные картины». Автор ее Александр Яблоновский.

Л. Н. вспомнил:

— Сижу с тетенькой в гостиной, тихо. Двенадцатый час ночи. Из-под лестницы слышится звонкий, тонкий голос Михея Иваныча (лакея). Наяву никогда не пел. Пел верно: можно попадать ближе — дальше нот. Он точь в точь попадал,— это как верный шаг сомнамбулиста [1]. Отсутствие воображения дает возможность точно исполнить то, о чем думал.

— Сегодня думал,— сказал затем Л. Н.,— завтра предстоит мне говорить по-французски, приедут Саломон и Карбонель. Случалось, когда говорил, подумаю: «Как славно я говорю»; как только подумал — пропали слова.

7 марта. Утром приехала троюродная сестра Л. Н., единственная его кузина, Е. Ф. Юнге с сыном. После них пришел пешком с Козловки Н. Н. Александри — бессарабский помещик, близкий по духу Л. Н., очень симпатичный. Желает переводить сочинения Л. Н., познакомить с ним румын. Он сам румын, воспитанный по-русски. Спросил Л. Н., с чего начать, чтобы был сразу успех и привлечено внимание. Л. Н. посоветовал ему перевести «Круг чтения». Н. Н. Александри думает, что «Круг чтения» будет непонятен. Румынская интеллигенция легкомысленна, любит развлечения. Александри рекомендовал Л. Н. книгу: «Записки глупца» Евгения Ноэля [1], о том, что можно и хорошо сочетать умственный труд с земледелием, пастушеством. Александри хочет заняться земледелием и устраивает у себя в своем имении нечто вроде общества людей, желающих жить одинаково (не общины, т. к. каждый будет работать отдельно — для себя). К нему переселяются Дмитриев, Крупский (оба приехали с ним) и С. Д. Николаев с семьей. Л. Н. читал им вслух письмо И. П. Накашидзе о гурийском движении. Л. Н. о нем: «Первоначальное христианское неучастие в делах власти изуродовалось». Накашидзе пишет, как грузинские крестьяне в Гурии начали просто отрицательно относиться к правительству, не обращать внимания на присутственные места, не обращаться к ним. Поселились на помещичьих землях. Потом пошли за социалистами, и как движение было после подавлено казаками.

Вечер. В 7 приехали Саломон с Карбонелем, секретарем французского посольства. Л. Н. побеседовал с ними в зале до 8.30. Потом пришел в мою комнату проститься с Александри, Дмитриевым и Крупским. Рассказал, что, когда говорил Карбонелю, что надо работать на земле, тот ответил ему насмешливо: «Ridicule! * — всем нельзя».

— Непременно всем. Это мы ведем такую сложную жизнь, что нам трудно сразу повернуть,— сказал Л. Н.

В разговоре о том, что жен трудно заставить, Л. Н. сказал:

— Женщин нельзя упрекать за то, что они не хотят жить на земле. У них нет никакого мотива, который побуждал бы к тому.

Л. Н.: Hunter ** в книге «On Poverty» пишет, что в Соединенных Штатах 10 миллионов людей бедных. Описывает, сколько должен зарабатывать американец, чтобы иметь соответственную пищу, без которой он будет считаться бедным (голодным). Для той работы, какую он должен делать, требуется пища дорогая (мясо, виски). Русскому на щах, хлебе той работы не сделать. Русский, у которого есть щи и хлеб, еще не считается голодающим, американец — да. Бедность относительная [2].

Л. Н. рекомендовал Дмитриеву журнальчик «The Crank» (C. W. Daniel) и советовал переводить из него. Еще дал ему книгу Хёнтера, чтобы сделал выборки из нее и перевел.

---

* «Смешно!» (*франц.*).

** Американец, бывший у Л. Н.

Крупский (проживший пять лет в Якутской области) рассказывает, что в Петербурге мальчики продают «Стыдно» [3], выкрикивая: ««Стыдно Семеновскому полку» Л. Н. Толстого!!!» Семеновский полк 75 лет тому назад первый решил не наказывать палками, а теперь усмирял революционеров в Москве. Разговорились о влиянии политических общественных статей-брошюр Л. Н.

Л. Н.: Иван Иванович не хочет напечатать «К правительству, революционерам, народу». Ему «К революционерам» — часть статьи моей — не нравится, потому, что он сам склонен к революционерам. Он все нападает на правительство за то, что оно делает, сильно осуждает его [4].

Крупский попросил портрет с подписью. Л. Н. отказал. Когда гости ушли (опять пешком на станцию), Л. Н. сказал мне о Дмитриеве:

— Какой горячий, решительный! Ничего не жду от их житья на земле: шансов 999 из 1000 — разойдутся.

Л. Н. вернулся к французским гостям, которые уезжали в 11 часов к полуночному поезду.

Л. Н. в разговоре спросил Карбонеля, пишут ли дипломаты мемуары.

Карбонель: Теперь не пишут.

Ночью приехал М. С. Сухотин. Л. Н. был сегодня усталый от стольких гостей, по духовному облику различных. На утренней прогулке встретился с Александри, Дмитриевым и Крупским и беседовал с ними. В течение дня было еще несколько напряженных бесед. Несколько раз беседовал с живой, умной, оригинальной старушкой Юнге, старательно, внимательно, с большим удовольствием и, по-моему, с интересом.

За обедом и вечером с французами и со всеми. Л. Н. шел всем навстречу. Каждый «выуживал» Л. Н. по-своему, и Л. Н. отвечал и напутствовал каждого соответственно его пониманиям — иначе дипломата, иначе революционера и так далее. Л. Н. не жалеет себя. Я сегодня мало был дома из-за больных *.

---

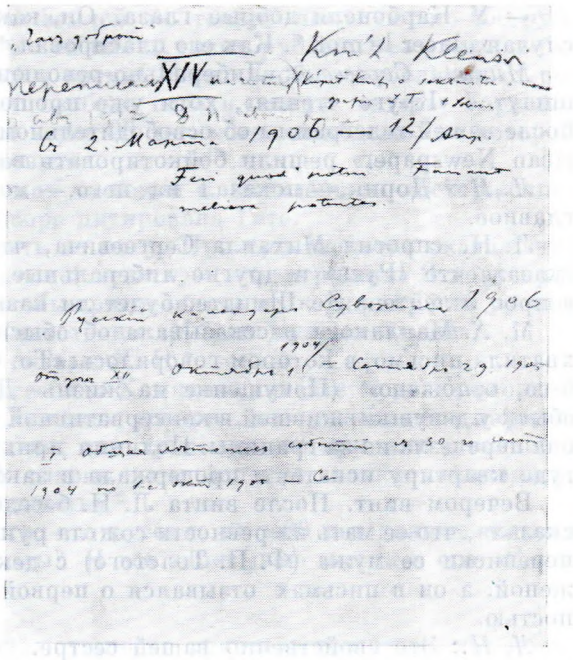
* Далее Маковицкий приводит запись из дневника С. Л. Дмитриева:

«Запишу эти строки, находясь с Н. Н. Александри в доме великого старца после прогулки, во время которой он с ним беседовал. Приближаясь к дому, мы издали увидели двух бедно одетых прохожих, выходивших из столбов яснополянского имения. Вслед за ними показался Л. Н. При виде его мой спутник схватил меня за руку и остановился, полный чувства великой радости. Он мечтал о Л. Н. десятки лет; посвятив большую часть своей сознательной жизни воплощению в жизнь его идей чистого христианства, он увидел своего учителя в первый раз. Между тем, странники прошли мимо нас, и сам Л. Н. был от нас уже в нескольких шагах. Выйдя вперед, я поздоровался с Л. Н. и тут же представил ему своего спутника, лицо которого светилось и улыбкой и смущением. Л. Н. встретил нас радушно. Узнав, что Николай Николаевич приехал из Бессарабии, он начал кричать уже порядочно отошедшим прохожим, чтобы они вернулись назад.

«Они тоже из Бессарабии,— пояснил нам Л. Н.— Они тут узнали от кого-то, что тут живет добрый барин, помогающий бедным, вот и прервали свое путешествие по святым местам и зашли попросить помощи».— Л. Н. не замедлил предложить нам сделать в пользу бедняков складчину. Николай Николаевич заговорил с ними по-молдавански. Л. Н. внимательно прислушивался к незнакомому наречию. Когда мы распрощались со странниками, Л. Н. повел нас к себе, и по дороге мы сообщили ему о том, что скоро намереваемся ехать в Бессарабию и заняться землей. Л. Н. был очень заинтересован. Одобряя наше решение, он все же предостерег нас, что впереди нас ожидают не только радости, но и разочарования. Говоря о жизни в деревне да и вообще о жизни, Л. Н. заметил, что он понимает жизнь человеческую как постоянное усилие, как постоянное самосовершенствование, улучшение своего внутреннего *я*.— «Не надо бояться лишений, голода, холода, вшей,— пояснил он нам,— но нужно бояться самодовольства, пресыщенности».— Зашел разговор о пропаганде. Л. Н. сказал, что он все в страхе за участь тех, которые, не будучи внутренно готовыми для восприятия и распространения идеи, посвящают ей свою жизнь и, в конце концов, изменяют своей идее, считая ее нежизненной и поэтому невыполнимой. Л. Н. также высказался против устройства всякого рода коммун, основанных на искусственном сближении людей. По его мнению, духовный рост личности прямо пропорционален ее внутренней работе

ТЕТРАДЬ МАКОВИЦКОГО С ЗАПИСЯМИ ОТ 2 МАРТА — 12 АПРЕЛЯ 1906 г.

Внутренняя сторона обложки



8 марта. Тает. Уехал Юнге, тихий, очень застенчивый, симпатичный молодой человек. За обедом: Л. Н., Софья Андреевна, Татьяна Львовна с семьей, Александра Львовна, Юлия Ивановна, Е. Ф. Юнге, М. А. Маклакова. Наталья Михайловна мне говорила, что вчера Карбонель и Саломон разговаривали с Л. Н. о русской политике. Карбонель говорил, что борьба — хорошее дело. Это Л. Н. огорчило.

Л. Н. заметил:

над собой и вовсе не зависит от окружающей обстановки. «И хотя, — добавил Л. Н.,— пропаганда хорошей идеи без внутренней работы над собой может дать с внешней стороны кажущиеся хорошие результаты,— на самом же деле эти результаты преходящие и не повышают духовный уровень жизни народа». Л. Н. привел два примера процесса перерождения, которые могут быть наблюдаемы в жизни. Один процесс подобен извержению вулкана, другой — нептунический, основанный на медленном видоизменении не только формы, но и вещества. С личности Л. Н. перешел на имущество. «Центральная цель в вопросе об имуществе и его устройстве,— заметил Л. Н.,— есть сохранение любовных отношений. Если бы я не разделил своего имущества между своими близкими, я озлобил бы их против себя». Мы пришли в комнату Душана Петровича. Л. Н. предложил нам кофе, а сам направился наверх, чтобы приняться за обычную утреннюю работу».

Н. Н. Александри впоследствии так записал конец своего разговора с Л. Н.:

«Когда мы — Л. Н., Дмитриев, Крупский и я—уже подходили к дому, я сказал, что у меня остался тоже Лев Николаевич, мой старший 18-летний сын.

— В каких отношениях вы с ним? — спросил Л. Н.

— Ни в каких. Я уже давно разошелся со своей семьей; она живет за границей.

Л. Н. ужасно взволновался:

— Как это семья за границей?! — сказал он.

— Если бы меня кто убедил, чтобы я жил с ними, а так не могу,— сказал я.

— Представьте себе, что то же самое у меня, — сказал Л. Н.— Я хотел сохранить их чувство ко мне — и потерял свое чувство к ним.

Как это Л. Н. мог мне сказать про себя такое интимное! И сейчас же я начал выкладывать ему свою душу, а он мне — свою.

Как это ни странно, но когда мы вошли в комнаты (я с 17 лет хотел его видеть, а тогда мне было 46 лет), мы больше с ним не поговорили. Дмитриев потащил меня в лес. Только что мы ушли, Л. Н. сошел вниз и стал говорить с Крупским и говорил с ним 2 часа».

— У Карбонеля добрые глаза. Он, как настоящий дипломат, ждет случая placer le mot *. Как его пласировал **, опять молчит.

Михаил Сергеевич: Либерально-революционные газеты ни слова не пишут о «Круге чтения», хотя уже прошел месяц, как появился. Они после вашей телеграммы об освободительном движении в «The North American Newspaper» решили бойкотировать вас молчанием.

Л. Н.: Дорик,— показал на него,— меня одобряет. Вот для меня главное.

Л. Н. спросил Михаила Сергеевича, что нового. Михаил Сергеевич сказал, что «Русь» и другие либеральные газеты назойливо повторяют вопрос о лейтенанте Шмидте, будет ли казнен?

М. А. Маклакова рассказывала об обысках в Москве. Полиция перехватила письмо, в котором говорилось: «То, что должно было совершиться 6-го, отложено». (Покушение на жизнь Дубасова.) Полиция сделала обыск у девушки, жившей в консервативной семье. Нашли бомбу, которую она перевезла из-за границы. Полиция прихватила и тех, которые пришли туда квартиру искать, и продержала в заключении десять часов.

Вечером винт. После винта Л. Н. беседовал с Е. Ф. Юнге. Она рассказала, что ее мать из ревности сожгла рукописи и ящик в вышину стола переписки ее мужа (Ф. П. Толстого) с декабристами: она была второй женой, а он в письмах отзывался о первой жене с любовью и благодарностью.

Л. Н.: Это свойственно вашей сестре.

Е. Ф. Юнге: И вы хороши!

Л. Н.: В ином, только не в этом.

Е. Ф. Юнге рассказала преинтересную историю женитьбы Костомарова [1].

Л. Н.: Действительность всегда интереснее романического.

Юнге говорила о поэзии Пушкина, какая она простая, правдивая.

Л. Н.: Новые стихотворения, какие они гладкие, технически отделанные, а недостает им брюлловского «чуть-чуть»[2]. Как в игре на скрипке есть математическая точка тона и математическое время долготы тона, которые вполне не достигаются, но истинный художник к ним близок, так и во всем искусстве.

Юнге: Брюллов говорил еще: «Эта картина пóтом пахнет, а этого не должно быть». Нынешние поэты подбирают слово к слову.

Л. Н.: Почему нет? И Пушкин кропотливо работал.

Е. Ф. Юнге рассказывала о магнетизме. Когда ей было 14 лет, она видела человека в каталепсическом состоянии. Несколько человек повисли на его протянутой руке; как оцепенелый, падал он затылком на землю и не ушибался и т. п. Муж-врач [3] упрекал ее, когда она об этом говорила, просил ее при нем не говорить вещей, несогласных с медицинской наукой. Через несколько лет он был на сеансе в Москве, где видел загипнотизированную особу, которая проделывала то же самое.

Л. Н.: Ничего необыкновенного не случается в мире. Со времен Сократа, Платона... Всегда была область, которой приписывали таинственность: месмеризм, магнетизм...

10 марта. Л. Н. ездил верхом. Просóвы [1]. За обедом Л. Н. разговаривал с Юнге.

Л. Н.: Встретил мужиков, которые покупают землю за Хотункой. Один задержался со мной, другие на подводах далеко вперед ушли. Я ему сказал, чтобы он крикнул им, чтобы его дождались. Он им махнул рукой: все гурьбой побежали к нам. «Земля!» Восторженные, возбужденные, хо-

---

* вставить слово (*франц.*).

** вставил (от франц. placer).

тели ждать; думали, наделят их землей, но теперь покупают по 150 рублей десятину и с усадьбой, всего за шесть тысяч рублей. Без усадьбы барыня не хотела продавать. Какое время! Много злобы, озлобления от революции, но и пропасть добра: свобода печати, могут читать Герцена, декабристов. Все это скажется через 20 лет, когда молодежь, от которой это было скрыто, будет действовать.

Л. Н. рассказывал о мужиках, о земле с оживлением, восторженно, радостно. Е. Ф. Юнге в разговоре цитировала Гете.

Л. Н.: Я вашего Гете терпеть не могу. Про христианство сказал, что оно недраматическое. Надо такое <сказать>— для игрушки! Я хочу пригласить мальчиков из школы, чтобы присоединить их к Дорику для уроков по вопросам нравственности (читать им «Мысли мудрых людей»).

Потом Михаил Сергеевич сказал Л. Н.:

— Брошюру Дмитрия Алексеевича Хомякова читайте: первая половина скучна, вторая — интересна. Хомяков говорит, что у западных народов была выработана своя мифология, они христианство приняли с внешней стороны, а не с внутренней. У славян же мифология только начиналась, они переняли сущность христианства [2].

Л. Н.: А не вспоминает того, что русские на 400 лет дольше читают Евангелие, чем западные народы? Я все записываю мысли о его «Самодержавии» [3].

Михаил Сергеевич: Нет.

Л. Н.: Правда, что у славян сущность христианства схвачена: молокане, духоборы; у чехов были моравские братья, у сербов — назарены.

Е. Ф. Юнге рассказывала, что учит рисовать, дорожит этим и с любовью учит.

Л. Н.: У каждого человека есть что-то особое,— говорит Эмерсон, — чем он может служить человечеству. У каждого есть известное сочетание ума и сердца. Вы говорите,— Л. Н. обратился к Екатерине Федоровне,— что нет того, чтобы один закат солнца походил на другой: так и люди.

Л. Н. просил Екатерину Федоровну достать ему La Bruyère «Pensées» и Montesquieu «Lettres persanes». Говорил с восхищением о Монтескье. Екатерина Федоровна рассказала о барышне, которая у нее живет, снимает комнату:

— Какая жалкая, несчастная! Дает уроки, поддерживает сестру, брата-студента. Сама ничего не ест, кроме творогу и хлеба. Ожидает, что получит домик в саду. Когда я ей сказала, что это будет, может быть, через сто лет, она заплакала. Когда ее упрекала, как может верить в социалистические утопии, она ответила: «Но ведь другие, умные, так думают». На что такие валят в Москву? Лучше бы им дома оставаться.

Л. Н.: Не проходит дня, чтобы не получал от таких писем: «Хочу образоваться», «быть учительницей».

Михаил Сергеевич привез Л. Н. из Москвы книгу Ламба (Lamb) о польском восстании 1831 г. на немецком языке, очень обстоятельную. Но Л. Н. ею недоволен, между прочим потому, что автор ее был в штабе русского войска.

Софья Андреевна жаловалась на свое настроение. Л. Н. сказал ей:

— Поспорим с тобой в настроении. Я в дурном.

— Я борюсь со злобой,— сказала Софья Андреевна.

— Так и надо,— сказал Л. Н.

Л. Н.: Смотрел «Былое» ...

Татьяна Львовна: Ваня * страшный революционер. О Шмидте очень сокрушался. Раньше всех нас читает газеты.

Софья Андреевна спросила меня:

---

* Шураев, молодой лакей.

— Вы читали? Обокрали «Общество взаимного кредита» (Купеческий банк). Украли 800 тысяч рублей.— И Софья Андреевна рассказала об этом событии со всеми подробностями и остротами ликующих по этому поводу.

Л. Н.: Как они хохотали над удачей! Давайте напишем в газеты, что я умер, чтобы не было никакого отношения людей ко мне.

Софья Андреевна: И так уж перестали писать о тебе *.

Михаил Сергеевич: Ах, Лев Николаевич! Приедут ведь на похороны. Дмитрий Алексеевич Хомяков знает, что у вас были крестины внучки и что вы присутствовали на них. (*Что неправда.*) Ему доносит священник-выкрест.

Л. Н. (*за чаем Михаилу Сергеевичу*): Не ездите в Тулу ради выборов, а поезжайте в Кочеты и не читайте газет. Лучше подарю вам стаю гончих или борзых собак.

Михаил Сергеевич: Разве это лучше?

Л. Н.: Без сравнения. Или играйте в винт. Обедни и вечерни тоже лучше митингов. То, что мне рассказали (грабеж в банке в Москве) и что я читал в «Былом» о Мышкине [4], и газеты — возбуждают недоброжелательные чувства к людям, тревогу, беспокойство, нарушают душевное состояние.

Л. Н. прочел нам вслух из Записок Порошина конец, где автор описал, как ему Павел Петрович рассказал, что́ помнит из детства. Л. Н. умилялся и удивлялся, какие подробности Порошин замечал и записал.

Л. Н.: Порошин перестал писать Записки, потому что потребовала их читать Екатерина, а его после сместили, послали в армию на юг полковником.

Пругавин просил позволения напечатать, наверное, в «Былом», письмо Л. Н. к Александру III, чтобы не казнили участников покушений, и письмо К. П. Победоносцева к Л. Н.[5]

Л. Н.: Хотят воспользоваться для революционных целей моим письмом к Александру III. Чертков чуток. В его письме, которое завтра получу, наверное, советует не давать их им [6]. Бирюков попался.

Уехала Е. Ф. Юнге.

11 марта. Суббота. Татьяна Львовна с Михаилом Сергеевичем, ездившие сегодня в Тулу, рассказывали про выборы: выборщиков не баллотируют, а выбирают их по жребию. Выборщики же из своей среды будут выбирать члена в Государственную думу.

Александра Львовна: А если бы Филечка попал? (Филечка — простодушный, глупый конюх.)

Л. Н.: Что же, Филечка лучше Сипягина.

После обеда Л. Н. позвал меня и дал мне два письма, просил ответить.

— Я злоупотребляю вашей добротой не из лени,— сказал Л. Н.,— а самому нельзя ответить коротко, а вы можете.

Просматривая письма, Л. Н. сказал:

— Тут юноша мне пишет: «Прочел вашу «Исповедь», она теперь пропущена в России, хочу приехать к вам работать». Этому сам отвечу [1].— Отдав мне письма, сказал: — Еще были письма для ответов, одно с векселем — его отдал Юлии Ивановне. Так что я все более склонен исполнить мой план: написать в газеты, что я помер и похоронен.

Потом, встретив меня внизу у лестницы, когда шел под своды проведать Танечку, Л. Н. сказал:

— Вы письма уже написали? А я теперь два дня в ужасно скверном расположении. Иногда бывает настроение очень высокое, духовное,

---

* Иногда еще пишут. Сегодня в приложении к «Новому времени» очень искусственное, нудное сообщение о «Круге чтения».

а иногда одно плотское, животное остается. Бог скрылся, физическое, эгоизм, выступает. Надо его побороть нравственно. Пробовал всячески — не идет. Очень интересная борьба. Стараюсь помогать другим, отвращать внимание от себя и обращать его на других.— Но говорил с веселым, даже радостным выражением лица. Я ни вчера, ни сегодня не замечал, чтобы Л. Н. был не в духе.

Приехал П. А. Сергеенко с дочерью. Привез от душеприказчицы покойной графини А. А. Толстой портреты Софьи Андреевны (ее сестры), записные книжки с инициалами Александры Андреевны и свой экземпляр русского перевода Талмуда [2]. А показать привез письма Л. Н. к А. А. Толстой, написанные лет 50 тому назад. Л. Н. смотрел портреты. С одним подошел ко мне:

— Какой хороший портрет! Кажется, что видишь это лицо, схвачено самое милое выражение лица.— К Юлии Ивановне: — В самом деле, не пишут теперь так! — Смотря на один из портретов: — Просто мне хотелось бы с ним жить. Юнге восхитилась бы.

За чаем Л. Н. спросил:

— Что нового в Москве?

П. А. Сергеенко: Ограбление банка...

Л. Н.: Я не удивляюсь, что Мария Александровна этим грабежом так смущена. Отвратительное, страшное...

П. А. Сергеенко: Но лучше, чем убийство.

Л. Н.: Это самое убийство и есть. Совершается ведь под угрозой убийства и во имя «Цель оправдывает средства». Развращению тогда нет предела.

П. А. Сергеенко: В Варшаве одного из грабителей поймали. Были простые жулики, не революционеры.

На круглом столе в зале лежал роман Токутоми. Л. Н. показал его П. А. Сергеенко и сказал, что художественно — подражание «европейским писателям и мне», нравственно — низок. Герой — моряк, сражающийся отважно...

Л. Н.: Токутоми — самый выдающийся японский писатель, я грешен, я ему не ответил. По-английски надо, а трудно.

П. А. Сергеенко говорил о выставке передвижников, на которой есть портрет Стасова, в один сеанс сделан — лучший портрет кисти Репина [3].

Л. Н.: Что Стасов?

П. А. Сергеенко: Стасов поправился после удара, но очень постарел. Жалуется: «Взойду на третий этаж — задыхаюсь!». 82-летний старик.

Л. Н.: Я брату Сереже говорил: «Старость чувствуется так: в ваши года — 40 лет — один день из шестидесяти, а чем старше, тем чаще». В некоторые дни я совершенно такой, как в 40 лет, в смысле физическом: не устаю, не задыхаюсь.

П. А. Сергеенко говорил Л. Н., что во «Всемирном вестнике» печатаются сочинения Л. Н. в искаженном, сокращенном виде, не отмечаются пропуски.

Л. Н. читал в присланном ему издании «Посредника» для народа «Емельян Пиляй» Горького [4]. Очевидно, был усталый (от беспрерывных вопросов Петра Алексеевича и вообще сегодня в дурном настроении), поэтому принес и читал нам — и как! художественно! Когда читал в средине — сцену в степи с чабанами,— похвалил: «Как художественно, хорошо!» — А дальше, как поджидал под мостом почту, чтобы ее ограбить, а пришла девушка топиться, сказал: «Фальшиво. В мое время эту вещь не пропустили бы без критики: теперь все возможно».

Юлия Ивановна спросила Л. Н., куда деть Талмуд.

Л. Н.: В библиотеку.— Но так как она несла его, шесть тяжелых томов, в охапке и встала с ним в дверях гостиной и тут был принесший его

в дар Петр Алексеевич, то, чтобы не обидеть его, сказал:— Впрочем, положите сюда на стол, в гостиной.

12 марта. Утром уехали Наталья Михайловна и Дорик (жили здесь четыре месяца), Сергей Львович с П. А. Сергеенко и его дочерью Наташей. Приехали М. А. Шмидт и Н. Г. Русанов.

Я сегодня ездил по больным и не слышал разговоров. Андрей Львович мне передавал, что Л. Н. сидел долго за чаем и рассказывал, что сегодня не занимался (ничего не писал), читал «Новое время». Меньшиков пишет, что надо вооружаться против японцев [1]. В «Русских ведомостях», № 67, 10 марта читал статью о Гурии. Пишет бывший кутаисский губернатор [2].

13 марта. Сегодня Л. Н. получил письмо с вырезками из «Нашей жизни», чтобы отозвался на истязания Спиридоновой [1]. Сказал на это:

— Неужели меня в мои года и в моем положении не оставят в покое?

За обедом: Л. Н., Софья Андреевна, Татьяна Львовна, Андрей Львович, Юлия Ивановна и я. Татьяна Львовна говорила о письмах Л. Н. к А. А. Толстой:

— Как ты хорошо предсказал, что выйдет из детей: Маша вечно будет искать; обо мне — что я на твою мать похожа [2].

Л. Н.: О Пете не писал, как будто бы чувствовал, что помрет. Получил письмо от Фельтена. Пишет то же, что Иван Иванович, Чертков: статья хороша, но остра, против революционеров [3]. Я нарочно прочел ее, и ничего нельзя убавить...

Через некоторое время Л. Н. договорил мысль:

— Фельтену в городе трудно устоять, со всех сторон влияние раздражающее. Газеты вносят ужасное раздражение. Они все ворочают к партийности, гипнотизируют. Одни за правительство, другие — за революцию.

Л. Н. сознался, что сегодня не работал, не писал. Прочел все «Новое время» за 11 марта. Узнал много интересного (нового).

Еще Л. Н. сказал:

— Для того, чтобы уничтожить форму правительственную, есть сила физическая и есть сила духовная — новое мировоззрение, а пользоваться этой духовной силой никто никому не может препятствовать.

— В английском парламенте предложил кто-то завести пошлину на русский керосин в ответ на заведение русскими пошлин на цейлонский чай. Министр сказал: «Уже ответили, завели пошлины на русский сахар». Господа ⟨ссорятся⟩, а у мужиков головы трещат. Правительства ⟨ссорятся⟩ — народ плати.

Андрей Львович: Ты читал статью Меньшикова? Начнут японцы новую войну?

Л. Н.: Думаю, не начнут. А никто не может предсказать. Маклаков, Долгоруковы и другие забаллотированы. Пока один Иван Ильич Петрункевич (единственный либерал) прошел в Думу. В Торжке живет долго, наверно имеет большое влияние. Выбраны консерваторы — знак несочувствия крайним взглядам. Какой переворот деется! Дёминские * — товариществом купили землю, больше всех нынешний арендатор (Ерухов); у него будет 60 десятин. Предлагают усадьбу с 10 десятинами леса, луга и поля Николаеву. Сколько плугов везут из Тулы! земство тысячи продало.

Ваня-лакей: И Зябрев между ними. Купил 14 десятин.

Л. Н.: Где взялись у него деньги?

Ваня: Ни он, ни его сын не пьют, а сын извозчиком.

Л. Н.: Молодцы! Как только не пьют, сейчас богатеют, но, главное, потому богатеют, что у них самые простые потребности.

---

* *Дёминка* — деревня в пяти верстах от Ясной Поляны.

Татьяна Львовна: Телятинские мнутся, хотят подождать Думы, не получат ли земли от нее.

Л. Н.: Разумеется, Дума ничего не сделает.

Потом дал мне письма отвечать, которые отобрал из папки «Для ответа».

— Многие отлежались,— сказал Л. Н. — Под первым впечатлением хотел на них ответить — например, Токутоми, а когда вникнешь хорошенько, не содержат ничего важного,— лучше не отвечать.

Сегодня с 7 до 9 вечера у Юлии Ивановны в комнате Андрей Львович пел русские и цыганские песни под гитару, и все пели.

14 марта. Приехал Наживин. Его жену, еврейку, врача, выслали из Москвы потому, что практикой не занимается. Приказали «немедленно» ей выехать. Иван Федорович возражал, говорил, что у нее грудной ребенок, квартира. «Это нас не касается»,— ответили ему. Они приехали к Марии Александровне.

Л. Н. сегодня опять не работал. Вчера все-таки письма писал. Читал присланные ему кем-то описания усмирения — расстрела железнодорожных служащих на станциях Уральской железной дороги, близ Москвы.

— К известиям из «Руси» надо относиться особенно,— сказал Л. Н. (вырезки о расстрелах были из «Руси»).— Непосредственное впечатление — что сильно преувеличивают, неправдивы. (Однако Н. Е. Фельтену Л. Н. говорил, что не мог заниматься в тот день именно потому, что прочел эти статьи, которые произвели на него очень сильное впечатление.) Потом спросил И. Ф. Наживина:— Неужели не ошибаетесь, что в Москве готовится восстание?

Иван Федорович: Нет. Готовится. А уж в Финляндии совсем наверное. Там уже приготовились. Из Москвы лучше уезжать.

Л. Н.: Грядет распад. 50 лет тому назад в России — была скована — никто и не думал, что может разъединиться, а теперь...

Иван Федорович: И офицеры этому сочувствуют.

Л. Н.: Мальчишки, продающие «Солдатскую памятку» и «Сумасшедший дом» (о Спиридоновой, которая 40 дней находится в сумасшедшем доме) — они сильнее распространяют просвещение, чем попечители, университеты...

Л. Н.: Получил письмо от Фельтена. Он, как и Иван Иванович, сочувствует революционерам. Он спрашивает: «Вероятно, для революционеров у вас совсем другая мерка, чем для правительства? С революционеров вы больше спрашиваете, чем с правительства, так как вы ставите их нравственно несравненно выше правительства». Но он уже решил, что сравнения никакого нет, что революционеры лучше [1].

Иван Федорович: Зависит от того, как определить революционеров. Теперь это понятие стало очень широким.

Л. Н.: Я старался определить революционеров в самом широком смысле: людей, желающих переменить внешний строй и, должно быть, знающих, как лучше (его) устроить.

Иван Федорович: Картушин, Сутковой и Фельтен начали издавать ваши статьи по 25 тысяч экземпляров. Фельтен готовится сидеть в тюрьме. Ожидает, что его привлекут к ответственности и посадят на четыре месяца в тюрьму. «Москвич» издал «Солдатской памятки» [2] 60 тысяч экземпляров, все разошлись, правительство отняло десять экземпляров.

Л. Н.: Они, найдя браунинг, почти смертью карают, а этот браунинг пропускают, а он куда опаснее для них.

Иван Федорович: Они не могут всех изданий остановить. Издателей стало тысячи. Есть брошюры, в которых призывают солдат убивать своих

офицеров. Эти забирать кажется им нужнее, чем вашу «Солдатскую памятку».

Л. Н. ездил верхом в Тулу стричься. Когда, вернувшись, слезал с лошади, зашатался. Очень устал. Туда поехал в 1.35 и вернулся в 4.50. Объездил и проходил 30 верст. Лошадь оставил на постоялом дворе, сам в тяжелой одежде ходил в парикмахерскую.

В Туле Л. Н. виделся с И. К. Дитерихсом.

За обедом: Л. Н., Татьяна Львовна, Юлия Ивановна и я.

Зашла речь о Наживиной.

Л. Н. (*мне*): Вы слышали, ее выслали.

Татьяна Львовна: Приказать так «немедленно» выехать из Москвы! У нее один ребенок, а если бы было пять, как у Николаевых? Я бы не послушалась, подождала бы, пока они (жандармы) не проводили бы меня на вокзал. Ничего другого не сделают.

Л. Н.: Ох, если бы ты прочитала гору вырезок о происшествиях в Перове и на станциях Рязанско-Уральской железной дороги! Говорят с ужасом о каторжнике, у которого пять душ на совести. А там офицер двадцать человек и больше сам приговорил к смерти и велел расстрелять! В присутствии матери расстреляли сына! Суд, тюрьма, казнь — вина разложена на многих, а тут страшно, ужасно то, что сделал это один человек. Сначала решил не читать, но теперь рад, что прочел, на серьезные мысли наводит.

Я рекомендовал Л. Н. прочитать фельетон Меньшикова в «Новом времени» от 12 марта. Л. Н. спросил о содержании.

Я ему рассказал. «Выбирайте в Государственную думу трезвых. Алкоголь в истории России: Иван Грозный, Петр Великий — алкоголики. Наследство алкоголизма: Манилов, Обломов, Тентетников, одичание стиля литературы, ругань, внешнее связывание мыслей у публицистов, писателей. Глеб Успенский, Решетников погибли».

Л. Н.: Решетников, Глеб Успенский — это капли в море; из народа сколько даровитых людей пропадает! Один француз утверждал, что французы деградируют из-за алкоголизма, абсента. Швеция была страной, где более чем где-либо пили, а теперь самая абстинентная *.

Л. Н. принес из кабинета письмо Бирюкова и сказал:

— Благодарит меня, что я согласился на напечатание в «Былом» письма к царю Александру III о 1 марта и что и Чертков согласился. А Чертков в письме ко мне высказался, что не надо печатать этого письма, да и Бирюков теперь получит письмо от меня (оно в пути), чтобы не печатать [3]. Я держусь теории: умер и похоронен.

За чаем: Л. Н., Татьяна Львовна, Юлия Ивановна и я. Разносчик телеграмм принес известие, что Николаевская железная дорога забастовала. Татьяна Львовна ахала; говорила, что же опять будет? Ее пасынок — Миша — кавалергард, могут его заставить идти против бастующих; Саша — сестра — в Калуге — может застрять. Л. Н. удивился, что ее это беспокоит.

Татьяна Львовна: Меня мучает, главное, то, что будет опять литься кровь, насильственное подавление.

Л. Н.: Вот то-то и есть.

Татьяна Львовна: А они рассчитывают теперь на большую поддержку и победу, на достижение цели.

Юлия Ивановна: Начали опять в беспутицу. Хотят препятствовать, чтобы собралась Дума.

Л. Н.: Не то.— После минутного молчания: — Все хорошо, хорошо... Право, хорошо.

---

* воздерживающаяся от спиртных напитков (от лат. abstinentis).

Татьяна Львовна заговорила о Танечке, потом о финиках, которые посадил Л. Н. Из одного выросло дерево в рост человека.

Л. Н.: Я заказал ящик с землею. Посажу апельсиновые семена.

Татьяна Львовна: Жаль, что не посадили четыре месяца тому назад, тотчас, как Танечка родилась. — Разговорились об апельсинах, финиках, о смоковницах. Татьяна Львовна рассказывала о тихом, скромном городе Ассизи, где родился Франциск Ассизский. Пробыли там с мужем, семьей и Сабатье * неделю. Жили в чистой гостинице. Давали им свежие смоквы и черствый хлеб. Сабатье с коричневатыми живыми глазами, румяный, седой, подвижной. Ему францисканцы не давали читать всех рукописей монастырской библиотеки. Он негодовал. Как художественно описывала Татьяна Львовна Ассизи и окрестности! Л. Н. с наслаждением слушал и вспоминал свое пребывание в Италии.

Л. Н.: Он не католик?

Татьяна Львовна: Кажется, нет. Наверное, нет. И какой там большой, богатый монастырь францисканцев! Какой контраст!

Л. Н.: Всегда так бывает, как бы в насмешку.

Татьяна Львовна: Он был основан еще при жизни Франциска.

Л. Н.: Помнишь «радость совершенную»? — И Л. Н. рассказал содержание [4]. — Все тут: и революция... Ничто внешнее не даст спокойствия. Только смирение. Я только недавно хорошо понял это. Всегда трогало меня, но в сущность не вникал.

Татьяна Львовна сказала, что прочла шесть книг об уходе за грудными детьми и поняла, что медицинская наука мало знает.

— Думалось,— сказала она, — столько людей этим занимается, должно бы быть больше опытов, наблюдений, а во всех книгах одно и то же.

Л. Н.: То же самое в истории. Читаешь исторические книги по какому-нибудь вопросу, и все они возвращаются к тем же источникам.

Л. Н.: Танечка напоминает мне тургеневскую обезьянку **. Ухватит меня за палец, смотрит, глаз не спускает с меня. В ней уже соображение работает.

Танечка, когда видит Л. Н., протягивает обе ручки и хватается за него. Л. Н. ходит проведать ее, ходил и нынче к ней. Татьяна Львовна рассказала:

— Вошла кухарка, Танечка посмотрела на нее и начала плакать.

Л. Н.: Танечка видит — она женщина, а не мать и не няня, и беспокоится. А нас, мужчин, не боится.

— Опять прочел письмо Токутоми и смотрел роман «Намико». Хотел ему ответить. Не ответил, оно неискренно... Он затрагивает и непротивление... — сказал Л. Н.

Рано, в 10.30 разошлись. Ждали Андрея Львовича, что приедет. Нет, загулял.

15 марта. Л. Н. промок на прогулке. Вечером вял.

16 марта. Л. Н. после нескольких дней вялости сегодня первый день работал и ездил верхом. Жаловался, что второй том «Круга чтения» так медленно печатают. Мысль его работает в этом направлении. Л. Н. знает почти наизусть сочинения, которые пишет, и те, которые печатаются. Ему хочется поправить и дополнить, и корректуры так и дожидается.

Пополудни приехали Фельтен (от П. А. Сергеенко из Клина) и М. А. Шмидт. Фельтен приехал предложить изменения в статье «Правительство, революционеры, народ». Нашел противоречие: в «Предисловии к статье В. Г. Черткова «О революции»» Л. Н. пишет о некоторых революционерах как о нравственных людях (о Перовской), идущих на убий-

---

* Автор книги «Франциск Ассизский».

** В рассказе Тургенева «Морское плавание» (есть в «Круге чтения»)[5].

ство, а в «Правительство, революционеры, народ» всех революционеров осуждает. Л. Н. сказал ему, что не хочет никого обижать, и просил показать ему поправки, стилистически обработал и некоторые принял [1].

В разговоре с Фельтеном Л. Н. говорил, между прочим, следующее:

— Сергеенко привез мне мои письма к Александре Андреевне Толстой. Я читал в них, какой я был в молодости, как горячился из-за суда надо мной, когда бык забодал пастуха, хотел оставить Россию и так далее [2]. Я понимаю чувство обиды, даже мести, у молодых людей.

Фельтену Л. Н. сказал:

— Жалею, что ваша деятельность так коротка будет, что вас скоро заточат в тюрьму.

Фельтен рассказал о своем одиночном заключении в предварительной тюрьме в Петербурге. Самая скверная тюрьма, потому что самая усовершенствованная. Но теперь он хотел бы отдохнуть. Ездит через день за чертковскими изданиями в Финляндию, перевозит их на себе. Нервничает.

Л. Н. говорил, что читал Ашенбреннера в «Былом» и нравилось ему. Л. Н. сказал, что нет большой разницы между тюрьмой и не тюрьмой [3]. Делал ли Ашенбреннер конфетки в тюрьме (12 штук) или Абрикосов (владелец кондитерской фабрики) перед Рождеством на 40 тысяч рублей — все равно. Дело в том, что заинтересован чем-то.

Фельтен: «Хаджи-Мурата» не издаете?

Л. Н.: Не знаю. Мне не нужно. Когда понадобится Черткову, а мне не надо [4].

Заговорили о С. Т. Семенове, и Л. Н. сказал:

— У Семенова образность, талант небольшой, но нравственные основы верные. В последнее время он начал портиться. Помню Семенова с тех пор, как он, будучи мальчиком в керосиновой лавке, прочел «Чем люди живы» и пришел ко мне. Он поехал в деревню жить крестьянином, женился; руки в мозолях; к нему ходили крестьяне на беседы; его ругали, что в церковь не ходит. Чего же лучше такой жизни? Была закваска. Но он вступил в кружок народных писателей. Заразился кружковством, подчинился внешним обстоятельствам. Тургенев говорил: «Schrecklicher aller Schrecken ist ein «Кружок»»* [5]. Потом участвовал в Крестьянском союзе. В «Дон-Кихоте» одна из лучших сцен — как осел Санчо Пансо издох, а Санчо над ним вопит. А в следующей главе Санчо на нем верхом едет — реалистически неверно, психологически верно. Содержание драмы Семенова — горьковское, психологически неверное.

Андрей Львович прочел вслух из «Нового времени» от 14 марта статью Меньшикова: «Империя в опеке».

Л. Н.: Ловко пишет — и глупо. Главная мысль, что при самодержавии страна слаба и надо конституцию, чтобы стала сильной. А это неправда: при Николае, Александре Втором, даже Третьем, Россия была сильна.

Андрей Львович: Но правда, что самодержавные государства — в зависимости от конституционных.

Фельтен просил надписать Н. П. Сергеенко «Круг чтения». Л. Н. надписал, но без эпиграфа.

— Не придумал ничего,— сказал Л. Н.— Скажите ей, что весь «Круг чтения» сосредоточен в притче о талантах [6].

Л. Н. дал Фельтену поручение к Стасову, просить его достать книги о польском восстании 1831 г.[7] Сказал:

---

* «Ужаснее всех ужасов» (*нем.*).

ТОЛСТОЙ И Н. Г. РУСАНОВ (?)
Ясная Поляна, 13 марта 1906 г.
Фотография П. А. Сергеенко

— Надо прочесть много книг, чтобы написать пять строк, разбросанных по всему рассказу.

Когда Фельтен уехал, Андрей Львович заговорил о нем.

Л. Н.: Я боюсь, что его посадят.

Андрей Львович: Раз он хранит вещи революционеров, то этим он способствует косвенно насилию.

Л. Н.: Да, это верно. Но он это делает не для того, чтобы способствовать революционерам. И есть революционеры, которые не за насилие.

Намедни Л. Н. говорил кому-то (кажется, П. А. Сергеенко), что появился «Круг чтения» и встречен единодушным молчанием. Ни одна газета и не заикнулась о нем.

Кто-то: Нет, в «Нашей жизни» был отзыв. (И я знаю, что был в последнем номере «Иллюстрированного приложения» к «Новому времени», но какой позорно серый.) [8]

Л. Н.: Вы меня разочаровали. Мне было бы приятнее, если бы написали: «Старик выжил из ума».

17 марта. Без гостей. Андрей Львович сообщил две интересные новости: Витте уходит в отставку по болезни, и не пришли петербургские газеты.

Л. Н.: У меня к Витте чувства более дурные, чем к Сипягину. Как ты?

Андрей Львович: У Сипягина было убеждение, а у Витте никакого нет, старается угождать то тем, то другим.

Л. Н. сказал мне:

— Милый Бодуэн мне прислал книги о польском восстании. Возьмите их на свое попечение, чтобы, когда прочитаю, назад возвратить [1]. Сегодня получил только одно хорошее письмо от семинариста.

Л. Н. (*за чаем*): Читаю про революцию польскую 1831 года. Похоже на нынешнюю и на Французскую. Вообще все революции похожи друг на друга. Революционеры осуждают правительство за его жестокости, а оно осуждает революционеров.

Андрей Львович прочел вслух из «Журнала для всех» стихи, призывающие к кровопролитию [2].

Л. Н.: Восьмой класс устроил Дмитрий Андреевич Толстой, и это очень глупо. В мое время были в гимназии все дети, а теперь в восьмом классе уже бородатые, и их заставляют повторять пройденное. Это им скучно и ненужно, и они поневоле занимаются политикой.

18 марта. Приехала М. А. Шмидт. После обеда Л. Н. принес мне книгу: D-r Johannes Müller. «Die Bergpredigt verdeutscht und vergegenwärtigt». München, 1906 [1].

Л. Н.: Остроумно, красноречиво пишет о положениях (заповедях) Нагорной проповеди, одно за другим разбирает их, и в конце выходит, что так можно будет жить когда-нибудь, а теперь, о военной службе и не говоря, нужны суды и ⟨надо⟩ все эти обязанности исполнять. Все делает так, чтобы из его рассуждений ничего не вышло. Просмотрите, очень интересная книга, и как хорошо напечатана, переплетена!

За чаем с 10 до 11.30 Александра Львовна рассказала, что в деревне взволнованы, обижены. К рождеству приходили ясенские мужики к Софье Андреевне просить земли в аренду. Она обещала им. Приказчик был против. Теперь, уезжая, она ему сказала, чтобы им дал каких-нибудь 25 десятин, чтобы им зажать рот. Это они — их 80 дворов — отказались взять. Надо их удовлетворить,— говорила это Александра Львовна, взволнованно и с жалостью. Л. Н. молчал. Тогда Александра Львовна его спросила, не будет ли из этого зла? Л. Н. ответил, из чего я слышал только отрывистые фразы: «Все будет хорошо...»

Л. Н. дал мне два письма: крестьянин ярославский, который уже получил книжки, раньше посланные ему, просит разъяснения, признает ли Л. Н. Христа богом [2]. Он в журнале «Старообрядец» читал, что Л. Н. против Христа. Л. Н. поручил послать ему «О вере, разуме и молитве» и «Как читать Евангелие». Я первой книжечки не нашел, а вторую статью нашел в издании «Обновление», где она издана вместе с «Ответом Синоду». Л. Н. пошел — это было в половине двенадцатого ночи — в свою комнату искать и со свечой в руке искал. С трудом пересмотрел около 200 книжек и нашел «О вере, разуме и молитве». Через 10 минут пришел ко мне вниз. Мучило его то, что простой крестьянин получит вместе с «Как читать Евангелие» и «Ответ Синоду». «Ответ» хотел оторвать.

— Если бы было можно отделить. Это («Ответ Синоду») его растревожит,— сказал Л. Н.

А так как оторвать нельзя было, потому что на одной странице кончался «Ответ» и на другой начиналось «Как читать Евангелие», то Л. Н. хотел не посылать. Но у меня нашлось отдельное (чертковское) издание «Как читать Евангелие», и оно было послано.

А вчера поручил мне дать прохожему социал-демократу книжки, которые бы и он сам мог читать и продавать. Я ему дал издание «Обновления» №№ 1—6 («Обращение к духовенству», «Письмо к либералам», «Ответ Синоду», «Патриотизм и правительство», «К политическим деятелям», «Приближение конца») и другие статьи, некоторые издания «Посредника» и другие. Л. Н. встретился с ним, а может быть нарочно пошел за ним, просмотрел книги, которые я дал ему, взял их у него — побоялся, что собьют его с толку, и дал ему другие.

Заговорили о собаках. Кто-то сказал, что Белка не хочет идти в дом — наверное, ее кто-нибудь ударил.

Л. Н.: Умная собака! Из прошедшего выводит руководство к жизни.

Александра Львовна побежала попробовать звать ее. Никак не шла.

Л. Н.: Все эти лайки самостоятельны. У нее самостоятельный характер, оригинальный.

Было слышно, как Белка лает.

Л. Н.: У нее звучный, приятный голос, как будто зовет лаем... Они (собаки) бывают в разном расположении духа.

19 марта. Утром вернулась из Москвы Софья Андреевна. В полдень приехала В. С. Толстая. Славная христианская душа — другая Мария Александровна. Сидели с Марией Александровной в зале, когда пришел Л. Н. Встретил Веру Сергеевну с такой радостью, с какой никого еще не встречал при мне. Л. Н. собирался было посетить их (Веру Сергеевну и мать ее). Намедни говорил о том.

Татьяна Львовна говорила об Илье Львовиче. Вера Сергеевна спросила, почему живут в Калуге, а не в имении.

Татьяна Львовна: Для воспитания или для развращения детей.

Л. Н.: Да, да.

Александра Львовна: Для образования.— Александра Львовна хвалила Илюшка (Ильича), хотела бы его свести с Дориком.

Л. Н.: Я гулял с ним, и тяжело было. Он рассказывал, как вор воровал, как надо вора поймать, убить. Что его отец кормил медведя, а потом его убил.

Татьяна Львовна: На пятом году ребенок выучивается грамоте.

Л. Н.: Матери торопятся учить, а это нехорошо. Пусть дети в таком возрасте еще не читают.

Л. Н. хвалил старшего сына Булыгиных и его мать (Анну Максимовну). Сказал:

— Она перегоняет мужа. Ей сдается несправедливым пользоваться 30 десятинами. (А раньше она негодовала на влияние Л. Н. на ее мужа.)

Вера Сергеевна уехала в 7 часов. Вечером пришел сын сторожа из Телятинок за лекарствами для отца и просил у Л. Н. книг. Л. Н. сам ему выбирал издания «Посредника».

Марии Александровне на ее вопрос о здоровье Л. Н. ответил:

— Давно не продолжалось дурное состояние — в физическом смысле — так долго, как теперь. Изжога, желчь выливается, знобит. Сегодня читал одни газеты. Вечером хорошо читал историю Николая [1].

Мне Л. Н. сказал вечером:

— Уж совестно мне утруждать вас! Найдите мне историю Соловьева, томы о Екатерине II, о разделе Польши [2].

Л. Н. дал мне прочесть (трудный почерк) немецкое письмо И. Мюллера, от которого на днях получил книгу «Die Bergpredigt».

Л. Н.: Я ему не буду писать. Если бы ему писал, написал бы daß das Buch zu klug ist *. Два года тому назад ему уяснилось Wiedergeburt **.

---

* что книга слишком умная (*нем.*).

** второе рождение (духовное) (*нем.*).

Весь смысл Евангелия в этом Werden *, как сказано в беседе с Никодимом [3]; к галатам же: что вера без дела мертва [4].

Л. Н. читал вслух из «Былого» о декабристах: о Пестеле и показывал нам его портрет [5]. Слушали: Софья Андреевна, Мария Александровна и Юлия Ивановна.

Софья Андреевна настаивала, чтобы я полечил Л. Н. Я пошел к нему. Он отклонил.

— Бисмарк сказал, что после 40 лет приходят слабости и их нечем лечить. Я для себя лучший врач,— сказал Л. Н.

Софья Андреевна сердилась на Сергеенко за то, что просил читать дневники, письма. Не дала ему.

Л. Н. сегодня вечером принес коробку с виноградом, чтобы нас угостить. Когда нес ее, шел совсем по-стариковски, широкой, покачивающейся походкой. Мужик дёминский, не видавший Л. Н. пять лет, сказал мне: «Постарел, борода поредела и стала вся белая. У него борода была густая и с рыжинкой».

Софья Андреевна говорила о предстоящем новом издании сочинений Л. Н. в 15 томах, о статьях закона, наказывающих издателя. Она хочет подчиниться им и исключать нецензурное. Советники ее: Н. В. Давыдов и Макаренко, оба судьи.

20 марта. Л. Н. после обеда пошел гулять, перед крыльцом встретил Жарову, вдову, вернулся и спросил меня:

— Я вам ничего не должен? Есть у вас два рубля? Сегодня был у меня юноша, прекрасный человек; жаль, что вы его не застали. Служит на Московской железной дороге. Нарочно приехал. Говорил: «Я прочитал «О жизни», это меня спасло. Я готовился идти убивать людей». Я ему дал много книг и записочку к Николаеву [1].

Вечером говорил об этом же юноше:

— Ему тягостно жалованье, которое получает, потому что несоответственно высоко оплачивается его труд в сравнении с крестьянским. Бывшие же несколько дней тому назад телеграфисты желали повышения жалованья.

Уехала Мария Александровна.

Л. Н. говорил:

— Как вышел, ждет баба из Телятинок, брат умер... Тот, в лохмотьях, сапожник, который, когда его спросил: «Смерти боишься?» — ответил: «Чего бояться, разве от Него уйдешь?...» Ждал Фаддей, дочь двух лет умерла, он ее воспитал после смерти матери, белый хлеб покупал ей... Ждала Жарова, просила помощи... На Косой Горе встретил высокого сторожа, нес ковригу хлеба из Тулы, жена помирает в чахотке, четверо детей. От нее не может отлучиться на заработок.

С болью в сердце Л. Н. сказал:

— Сколько нужды!

Татьяна Львовна: Моя девичья мысль была детский приют устроить. И теперь желала бы.

Л. Н.: Что ты! Заплаты!

Татьяна Львовна: Деревенский приют.

После обеда.

Михаил Сергеевич: То, что Дмитрий Алексеевич Хомяков и вы говорите, что мужики не желают власти, оказалось на этих выборах ** неверным. Мужики жадны до власти, выбирают только мужиков.

Л. Н.: Тут начинается развращение народа. Но разврат касается, слава богу, небольшой части.

---

* становлении (*нем.*).

** Выборах избирателей депутатов в Первую Государственную думу.

Михаил Сергеевич: Один мужичок говорил: «Бог покажет, кого выбирать». Встал другой и говорит ему: «Бог-то покажет, да ты, дурак, не увидишь».

Мы расхохотались. Л. Н. заметил:

— Это препирательство. Дурак — не mon honoré préopinant * — имел успех, хотя не сказал ничего умного.

Вечер. Л. Н. просил найти ему в библиотеке Соловьева о Петре [2]. А когда я ему принес, сказал: «Ах, благодарствую!»

Л. Н. говорил Татьяне Львовне о Софье Андреевне, что все сочиняет целый день. А у нее нет того, что Брюллов называл «чуть-чуть», одно внешнее; копировать может. Критики могут писать, писать — им все ясно, видят одно внешнее — именно потому, что у самих нет ничего художественного (сами не художники), не знают, как трудно творить.

Александра Львовна была в Туле, рассказала, что незнакомый помещик из-под Крапивны ей говорил, что крестьяне, арендующие его землю 11 лет, хотели откупить ее, и он им сказал, чтобы сами оценили и предложили ему цену. Предложили 200 р. за десятину. Он им сказал: «Этого не стоит, возьму 175».

Л. Н.: Такое отношение к землевладению! Начинается такое, какое было к крепостному праву.

Александра Львовна: В Туле, говорят, крестьянам посоветовал директор Крестьянского банка не давать больше 100 рублей, так как землю теперь везде продают охотно.

Татьяна Львовна: Это соврал.

23 марта. Был здесь с вчерашнего дня Л. М. Сухотин. Утром вернулся Андрей Львович и рассказывал про избирательную кампанию.

Л. Н. поручил мне ответить Петру Романовскому в Тамбов о присланной рукописи его статьи: «В чем польза медицины». Л. Н. просил ему ответить: «Мне кажется, мысль верна, но не новая» [1].

Александра Львовна сказала мне, что средства ее оскудели, чтобы лечебницу (как называют амбулаторию в Ясной Поляне) содержать.

Вечер. Винт.

24 марта. Пятница. Ночью Андрей Львович стонал от воспаления толстой кишки. Днем его все навещали: Л. Н., Татьяна Львовна, Александра Львовна; Софья Андреевна много раз у него была и читала ему письма. После обеда Михаил Сергеевич, вернувшись наверх и садясь за шахматы с Л. Н., сказал ему, что Андрюше скучно в Ясной Поляне, а чтобы в Петербурге или Москве веселиться — недостает денег.

Л. Н.: Удовольствия, чтобы они ими были, увеличиваются в арифметической прогрессии, а напряжение, чтобы их доставлять, должно увеличиваться в геометрической.

Л. Н.: Я читал казнь Шмидта по описанию священника. Страшна! Ни на чем ⟨так⟩ не видна несовместимость христианства с насилием, как на этом.

Михаил Сергеевич: Один из матросов сказал: «Лучше водки подали бы, чем вас (священников) присылать».

Л. Н.: Но это сказал один из них накануне. А потом были рады, плакали.

Михаил Сергеевич: Через три дня будут значительные дни для России: выборы в Первую Государственную думу.

Вечером в 9 часов вошел ко мне Л. Н. и сказал:

— Напишите Фельтену, что если он не начал печатать статью, то лучше не печатать. Не то, чтобы запретить, а если можно без убытка прекратить, то лучше не печатать [1].

* мой уважаемый предыдущий оратор (*франц.*).

Почему? Получил ли письмо от Черткова? Не хочет ли перед созывом Думы огорчать революционеров — не знаю.

Пополудни Л. Н. спросил меня:

— Андрюша не дал вам спать ночью?

— Не очень.

— До которого часа?

— Я ложился в полтора часа.

Юлия Ивановна и Александра Львовна расхохотались.

Л. Н.: Надо сказать: в половине второго.— А вечером Л. Н. сказал Юлии Ивановне: — Душан Петрович сегодня ложился в два с полтиной.

Хохот.

Вечером за чаем Л. Н. говорил Михаилу Сергеевичу про книгу о декабристе Раевском, которую читает, хвалил ее [2]. Потом рассказывал предлинно о В. И. Алексееве, бывшем учителе Сергея Львовича. (Пять лет жил у них, пока они не переехали жить в Москву, пока Сергей Львович не поступил в университет.)

Василий Иванович был народоволец из кружка Чайковского, не такой, как теперешние революционеры, а типа Лизогуба. Л. Н. рассказывал подробно всю жизнь его, о его ссылках. Как entrait dans le mariage * с дочерью кучера из Вологды — места первой ссылки. В отношении к ней не было ничего дурного, привез ее в Петербург, там она училась, он ее воспитывал и там с ней сошелся. Были дети. Потом его схватили и сослали в Архангельск. Там сошелся с дочерью Пругавина. Когда он с Чайковским, Фреем и другими поехали в Америку основать общину, присоединились к нему обе жены. Он предложил Маликову жениться на первой, тот согласился. Как это бывает в общинах, на первом месте выступает половой вопрос. Старую форму брака бросили... новое... В Канзасе жили самой суровой жизнью.

Софья Андреевна: Из-за этих женщин община распалась.

Л. Н.: Община распалась из-за жены N. (Л. Н. назвал, я не запомнил.) У нее был грудной ребенок, и у нее в грудях пропало молоко. Решили прикладывать ребенка к корове, и это делалось по несколько раз в день, и она держала корову в огороде. У коровы убавилось молока. А это была единственная корова общины, в которой было несколько семей с детьми и питались одной кукурузной мукой, забеленной молоком. Из-за коровы вышел раздор, и распалась община. Со второй женой (Алексеев) разошелся,— продолжал Л. Н.— Потом жил он у нас, прекрасный математик и кузнец, столяр, сапожник, пахарь... Потом он женился на старой девушке.

Софья Андреевна: Не старой.

Л. Н.: Стареющей девушке, ей было 26 лет, самого аристократического воспитания. Через нее получил место инспектора Чижовской школы в Костромской губернии (Чижов, купец, пожертвовал два миллиона на устройство школ), и теперь из него вышел bourgeois в красном галстуке.

Софья Андреевна: Как могла третья жена в него влюбиться?

Л. Н.: Почему же нет? Премилейший, предобрейший человек. Я бы в него влюбился. Когда у него не было занятий, я ему посоветовал составить русский словарь вроде Larousse, такого до сих пор нет. У вас есть,— спросил Л. Н. меня,— немецкий?

— Нет.

Л. Н.: В Англии каждый ученик, выходя из школы, получает такой словарь (о значении слов). Он начал его писать и оставил.

Л. Н. сказал еще о В. И. Алексееве:

---

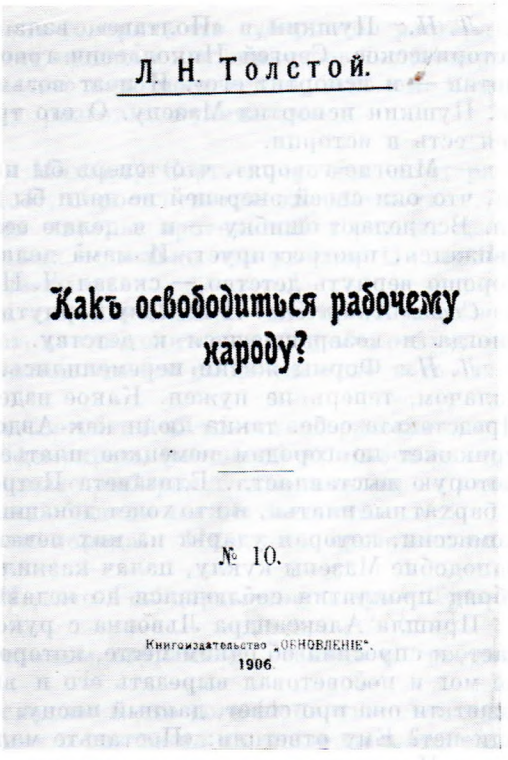
* вступал в брак (*франц.*).

Л. Н. ТОЛСТОЙ. «КАК ОСВОБОДИТЬСЯ РАБОЧЕМУ НАРОДУ?» КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «ОБНОВЛЕНИЕ». СПб., 1906

Обложка

В июне 1906 г. на брошюру Петербургской судебной палатой был наложен арест

«Л. Н. говорил... что... его самые резкие сочинения печатают соступившиеся молодые люди «Обновления» в Петербурге и, кроме них, многие ему неизвестные люди».— Запись от 30 марта 1906 г.


Л. Н. Толстой.

Какъ освободиться рабочему народу?

№ 10.

Книгоиздательство „ОБНОВЛЕНИЕ".
1906

— Вот мой друг, которому я многим обязан. Мы с ним вместе много пережили. Софья Андреевна ревновала его.

Софья Андреевна (*об Алексееве*): Он имел большое влияние на Льва Николаевича в смысле упрощения жизни, на Сережу — в смысле революции. Он был добрый, никогда ни с кем не ссорился.

Л. Н. сегодня ответил Вимпфену, желавшему посетить его, вежливо прося не приезжать [3]. Писал Ольге Константиновне. Ее и Анны Константиновны письма, вчера полученные, Л. Н. принес больному Андрею Львовичу читать, и самые тяжелые места сам ему прочел [4].

Л. Н.: Можно со своим имением поступить так, чтобы его дешевле продать крестьянам или земству. Андрей прав — недоволен тем, что это имение, которое он устраивал для детей, решили продать земству дешево, без его ведома. Или будет разгром или будут исправно платить. Середины я себе никакой не могу представить.

Михаил Сергеевич: У меня серединка. Поле в аренде у четырех деревень. Один староста отказался подписать условия, потому что, если подпишет, должен заплатить аренду, если нет — нет, а рожь посеяна на поле.

Л. Н.: Надо с них взять перед уборкой.

25 марта. Первый весенний день. Заря красная. Вечер. Л. Н. принес книгу, сел к Татьяне Львовне за круглый стол и читал письмо Мазепы к Головину о Карле XII. Рассказывал про Мазепу:

— Он был беспринципный человек. Карл склонил его к себе. Мазепа пристал к нему по расчету. Знал, какой он полководец — разбил Петра при Нарве. Когда Карл пришел в Полтаву, Мазепа пристал к нему. Старый Кочубей и Искра, молодой казак, донесли на него Петру. Петр не поверил, а пытал их, не хотели ли они, будучи сами Карловы, возбудить недоверие к Мазепе, лишить его гетманства и выбрать гетманом приверженца Карла.— И Л. Н. рассказал, как Кочубея пытали [1].

Л. Н.: Пушкин в «Полтаве», взяв из этого трагическое, испортил историческое. Сергей Николаевич говорил: «Бетховен возьмет хороший мотив — и испортит его». И поэт возьмет хорошую вещь — и испортит ее. Пушкин испортил Мазепу. О его трагической любви к дочери Кочубея есть в истории.

— Многие говорят, что теперь бы надо Петра или Николая Павловича, что они своей энергией не дали бы дойти туда революции, куда дошла. Все делают ошибку — и я делаю ее: думаем, что жизнь стоит, а она движется, прогрессирует. И мама делает ошибку, что она говорит, что хорошо вернуть детство,— сказал Л. Н., обращаясь к Татьяне Львовне.

Софья Андреевна: Я не хочу вернуть детство, а невольно вспоминаешь иногда и возвращаешься к детству.

Л. Н.: Формы жизни переменились. Человек, который был хорошим палачом, теперь не нужен. Какое издевательство это было над народом! Представьте себе: такие люди как Авдотья Васильевна*, няня, а Петр прикажет по городам немецкое платье носить, шить платье по кукле, которую выставляет... Елизавета Петровна запрещает носить шелковые и бархатные платья, и кто хочет донашивать такие старые, пусть принесет комиссии, которая ударит на них печать на незаметное место... Сделали наподобие Мазепы куклу, палач казнил ее, и архиерей проклинал. Этот обряд проклятия соблюдался до недавнего времени.

Пришла Александра Львовна с рукописью Л. Н., которую переписывает, и спросила об одном месте, которое не может разобрать. Л. Н. тоже не мог и посоветовал вырезать его и вклеить в копию. Он спросил ее, знает ли она про совет, данный писцу, спросившему, поставить запятую или нет? Ему ответили: «Поставьте маленькую».

— И я иногда ставлю маленькую,— сказал Л. Н.— Я дополнил бы пунктуацию, она недостаточна. Теперь не помню, именно как.

Татьяна Львовна: Двоеточие надо разных оттенков и знаки введения перед другим предложением. Л. Н. с этим согласился.

Фельтен прислал «Одумайтесь» (9-й номер «Обновления»). Л. Н. недоумевал, как это не конфискуют.

Бирюков прислал Л. Н. свою статью о смертной казни.

Л. Н.: Очень хорошо, не знаю, печатать ли, нет ли. В «Былое» мне не хочется отдать, такой задорный журнал.

Юлия Ивановна: Можно в другой.

Л. Н.: А в другой — обидишь «Былое», как его, этого, Пругавина [2].

Я принес от Наживина «Конец века». Л. Н. взял в руки:

— Чудеса, чудеса! Этому я очень рад. Вместо «Одумайтесь» ему бы издать «Единое на потребу» [3]. Как это пропускают — удивительно! Или не замечают? Фельтен осторожно поступает, рассылает по провинции, а в Петербурге только после 14 дней пускает в продажу. Или, скорее, в эти времена не хотят поднимать шум.

Л. Н. спрашивал о крестьянах в Венгрии. Было ли крепостное право и чья была земля.

Л. Н.: В России это закрепление медленно совершалось. Раньше не было вопроса о земле. Было просторно.

26 марта. Дома Л. Н., Софья Андреевна, Татьяна Львовна, Андрей Львович, Александра Львовна, Юлия Ивановна, Аля Сухотин, Н. П. Иванова. Утром телеграмма от М. С. Сухотина, что избран в Думу. Под вечер приехал. Все сбежались в переднюю ему навстречу.

Михаил Сергеевич: Избран вместе с помещиком-земцем, врачом Гвоздевым и тремя крестьянами.

---

* Экономка, 60 лет, очень похожа на Агафью Михайловну в «Детстве». Все для других, о себе не думает. Любит животных, и они ее. Над каждой курицей, которую приходится отдавать на зарез, горько плачет.

Вышли в залу. Михаил Сергеевич говорил, что губернатор растерян: получает телеграммы, везде проходят «кадеты» и мужики-революционеры. Кадеты обещают им землю. Но ведь это надо постепенно, законом. Будет революция. Государственную думу разгонят пулеметами.

Пришел Л. Н.

— И рад и не рад,— сказал он Михаилу Сергеевичу, когда тот рассказал ему, что избран и с кем. Л. Н. спросил, какие это крестьяне.

Михаил Сергеевич: Один из них писарь, прогнанный с разных мест, другой — самый образованный из них — только что уволен. Он из Петербурга, где продавал и читал газеты.

Л. Н.: Который газеты продает, это finis Russiae *. Я сравнил бы вас с стариком Шеншиным **. Он знает, как обходиться с людьми; разумный, честный, добрый... Скорее мне приятно, что вас выбрали, в вас есть сдерживающий центр.

За обедом и после кофе Михаил Сергеевич обстоятельно рассказал про выборы в Туле. Конституционные демократы («кадеты») пригласили крестьян-«избирателей» на три дня раньше выборов и склоняли их на свою сторону. Приглашали их письмами, обещали им обеспечение.

Л. Н.: Какие это представители народа!.. Никакого представительства воли народа.

Михаил Сергеевич сказал Л. Н., что Государственную думу Трепов разгонит пулеметами.

Л. Н.: Захотят быть Учредительным собранием, заявлять требования, которые идут crescendo.

За чаем Михаил Сергеевич рассказывал, что есть 41 партия. Аля принес кипу книжек и брошюр о партиях и разложил их около себя на столе.

Михаил Сергеевич: Шипов сказал, что партии исчезнут и останутся только правая, левая и центр.

Л. Н.: Эти книжки, эти разделения на партии — по-заграничному — тут ничего своего нет.

Михаил Сергеевич: Есть. Вопрос земельный у конституционных демократов...

Л. Н.: За границей у социалистов есть.

Михаил Сергеевич: Нет. Положим, у конституционных демократов это ложь: насильно или выкупом отнять землю у помещиков, так же и обещанная автономия Финляндии, Польши. Могут дать федерацию.

Л. Н.: Федерация желательна. Трудно будет писать историю России за этот и прошедший год.

Михаил Сергеевич: Варшавер (директор банка в Туле) спросил меня, как насчет еврейского вопроса. Я ему сказал, что я за разрешение евреям прав получения высшего образования, но за ограничение в расселении и покупке мужицких земель. Община распадается, крестьяне станут продавать, пропивать землю, покупать ее будут, главным образом, евреи.

Л. Н. сказал, что закон, ограничивающий евреев, безобразный. Полное равноправие должно быть в основе законов.

Михаил Сергеевич: Нужна некоторая защита крестьян, которые становятся собственниками земли.

Л. Н.: Надо оградить законом продажу крестьянской земли, но не одним евреям, а и русским.

28 марта. Утром пришел Лебрен. Л. Н-чу нездоровится.

Лебрен: Меньшиков, что и сколько, как машина, пишет.

Л. Н.: Ушел в писательство (главное ему—писать за деньги, профессия).

---

* конец России (*лат.*).

** Он был 30 лет предводителем, а Михаил Сергеевич — 18 лет.

Л. Н. после обеда читал нам вслух из «Истории» Соловьева про Аввакума [1]. Прослезился. С большим уважением и любовью говорил об Аввакуме. Хвалил выдержки из Аввакума* и другие, приводимые Соловьевым: «Коротко и образно».

Александра Львовна играла и пела в «угловой» комнате, внизу (где другое фортепьяно). Софья Андреевна с Надеждой Павловной в зале играли Моцарта.

Л. Н. (*за чаем*): Получил письмо из Чикаго от Набокова, русского, о бегаизме **, центре его в Чикаго. Сын основателя секты бегаизма, казненного в Персии, живет в Акке в Сирии. Английская брошюрка, коротенькая: изложение бегаизма [2].

Лебрен: Бегаизм — очищенное магометанство?

Л. Н.: Да, рационалистическое. Набоков пишет мне,что есть сходство их учения с моими взглядами.

Л. Н. вспомнил что-то из истории.

Лебрен: Я все желаю систематически прочесть историю. Нужно ли это?

Л. Н.: Нет, и не только историю, но и критику, географию не надо. Забудете, как забыли систематически изученный греческий, латинский языки. Что знаете из греческого языка? Учиться для того, чтобы в обществе могли о том говорить? Можно промолчать. Надо изучать тогда, когда возник вопрос. Я теперь о крестьянах изучаю историю основательно. Как она писана?! История содержит почти только то, что не нужно. Теперь я читаю всю историю, чтобы найти хоть немного сведений о крестьянах, что нужно знать. Теперь знаем, что народ составляют труженики, которые кормят и нас, а раньше о народе в истории не писалось, а о царях, боярах, ратных людях, гостях (купцах). Есть Садко богатый гость.

Л. Н. рано, в 10.30, ушел к себе. И другие рано разошлись.

29 марта. Л. Н. утром и вечером подолгу беседовал с Лебреном на веранде. Лебрен читал утром программу социалистов-революционеров. Основа хорошая: признают божественную природу человека; земли, фабрики — народу.

Л. Н.: Это все слова. Вот в чем ложь. Если бы были искренни, первое — старались бы слезть с плеч народа. Кто начинает,— продолжал Л. Н.,— начинает с самого начала. Это — программа — путь славы людской; всегда примешивается к настоящему делу.

В 7 вечера Андрей Львович пошел на тягу на Воронку, с ним зрителями Михаил Сергеевич, Александра Львовна, Юлия Ивановна. Вечером приехали князь Г. Е. Львов — председатель Тульской губернской земской управы, Арбузов — член управы, Гаярин и Лопухин. Эти два были в Маньчжурии. Сперва говорили одни с Л. Н. и Софьей Андреевной. Через три четверти часа вошли в залу мы, остальные. Львов говорил красиво, умно о политике; что будет раскол между конституционными демократами; что часть их пойдет вправо; что много крестьян прошло в Думу. Л. Н. говорил Львову о Генри Джордже:

— Если есть лучшее решение, милости просим. В этом, генриджорджевском, решении отношение бар и земледельцев к земле одинаковое. А если нет такого решения — лучше ничего не делать, лучше вопрос так оставить, не трогать. Заплаты не помогут. Со мной шел крестьянин, заговорил о земле: «У вас не отымут, вы сами работали на ней». Но чувствовалась неискренность, снисхождение. Я наблюдаю двоякий тип крестьян. Один — Тарас Фоканычев — хороший хозяин, семью в порядке

---

* Вероятно, из его автобиографии — «Жития протопопа Аввакума» (замечательный образец меткого, сильного, сжатого русского языка).

** Л. Н. произносил в слове «бегаизм» согласный звук «г» голосовым, как он слышится в словах: «господь», «благо», «тогда», «бог».

держит, его отец, дед были таковы. Другой — Михаил Петрович Новиков — положительно умен. Этот тип по своему достоинству не попадет в Думу. Попадут средние между этими двумя: эти — приличные и красноречивые. Что же, перемена формы, ничего не сделает. Если я могу извнутри действовать, не оглядываясь на форму, могут и десятки, сотни. Форма есть последствия.

И Л. Н. вспомнил изречение из «Круга чтения» о жидкости в посуде, реке, принимающей разные формы [1].

Л. Н.: Религия — такое мировоззрение, которое одинаково свойственно Канту и.....* Ничего не предвижу. Il faut attendre l'inattendu **. Это и самое интересное.

Лопухин: Есть опасение, что разгонят Думу.

Л. Н. пожал плечами и повторил:

— Ничего не предвижу.

Л. Н. советовал Лопухину написать историю продовольственной помощи пострадавшим от недорода в Тульской губернии. Потратили на Тульскую губернию 12 миллионов рублей. В этом году дало правительство 77 миллионов на продовольственное дело, а в 1891 — 156 миллионов. Из них возвратили 7.

Лопухин: Развращают народ, дают не одним бедным, а поголовно, а мужики берут.

Львов: У крестьян развились хищнические требования земли.

Л. Н.: Отличающая черта: они недовольны.

Л. Н. читал вслух Саблукова «Воспоминания о Павле Петровиче» в «Историческом вестнике» (1906, № 2). Как Нелидова бросила башмаком в Павла. Л. Н. хвалил Порошина, Саблукова, что с любовью они описывают Павла Петровича.

Гости уехали в 10.25. Были милы, приятны Л. Н. и всем. После их отъезда винт: Л. Н., Татьяна Львовна, Андрей Львович, Михаил Сергеевич. Этой зимой до сих пор процветает игра в волан в зале. Л. Н. тоже играет, и ловко.

30 марта. Утром приехали М. А. Стахович, избранный в Думу, и С. А. Владимиров, предводитель орловского дворянства. Михаил Александрович рассказывал, как выборная кампания волнует. В Орловской губернии выбрали в Думу только двух не крестьян, а шесть — крестьян.

Михаил Сергеевич: У нас была борьба с крестьянами острая, но не было того, что в Подольской губернии. Там никого из дворян не избрали — вражда между крестьянами-малороссами и дворянами-поляками. Все тринадцать — крестьяне, два неграмотные, один кучер, один зовется Бий, какая фамилия! По сообщению «Русских ведомостей», выбранные не принадлежат ни к одной партии, т. е. еще не опропагандированы кадетами.

Л. Н.: У них своя партия есть — против дворян. Аля (обратился Л. Н. к А. М. Сухотину), этой нет в списках партий?

— Нет.

— Это одна настоящая партия, ее в списках и нет.

Перед обедом Л. Н. с Владимировым говорили о воспитании.

Л. Н.: Главное — религиозная основа. Тогда можно себе сказать:«Я сделал, что мог». Воспримут ли дети — это не в нашей власти. Французский, английский языки, география, геометрия — второстепенны. Надо единство убеждений (пример детям).

Л. Н. спросил Юлию Ивановну, найдено ли письмо Чернавина?

— Нет.

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

** Надо ожидать неожиданного (*франц.*).

Л. Н. (*ко мне*): Но вы-то отвечали ему?

Я не мог вспомнить.

Л. Н.: Ну, бог с ним! (*К Владимирову*): Нехорошее чувство, но выскажу его. Иногда колеблешься: ответить или не ответить на письмо, — и ответишь. Потом получишь ответ с упреками... и... ⟨попадешь⟩ в такую кашу, что жалеешь, что отвечал. Во втором письме пишет: «Получил «В чем моя вера», но тут нет ответа на мои вопросы» [1].

Была речь о Кабардинце, вороной лошади, подаренной Л. Н-чу Глебовым. Горячая и притом шалящая и пугливая лошадь. Л. Н. остерегал Александру Львовну и других ездить на ней. Сам он ездит, но гораздо охотнее на Делире. Сегодня Михаил Александрович видел, как Кабардинец под Л. Н. бросился в сторону перед быстрым ручьем. Михаил Александрович остерегал, чтобы не давать ездить Л. Н. на нем. Убьет.

Когда должны были садиться за стол обедать, Л. Н. заметил: «Не хватит приборов». Л. Н. рассказал про отца приезжавшего вчера Ф. И. Гаярина. Он был директором гимназии в Туле и получил приглашение к царскому обеду: Александр II был в Туле. Гаярин рассказал ученикам о том, как царь уважает гимназию, и пошел ⟨на обед⟩. Там встретил его Шувалов (?), просил простить, что вышла ошибка: нет приборов. В это время вошел Александр. Гаярин первый пошел за ним.

— Отлично поступил: как какого-нибудь мальчишку его бы прогнали,— сказал Л. Н.

Вспоминали Дьякова, который, не будучи естественником, занял место преподавателя естественных наук в женской гимназии в уездном городе Костромской губернии. Ученицы смеялись над ним: принесли кирпич в школу. Андрей Львович и другие осуждали его за это.

Л. Н.: Прекрасно поступил. Своим трудом кормится. Если и не естественник, он умный человек, выучится.

Говорили, что Михаил Сергеевич сам не курит, но любит, когда его окуривают.

Л. Н.: Когда болен, иногда думаю о курении.

После обеда Л. Н. с Михаилом Сергеевичем — в шахматы. Софья Андреевна читала сегодня М. А. Стаховичу историю своей жизни. Распорядится не печатать ее раньше, чем через 50 лет после своей смерти. Но при жизни дает ее читать знакомым. Приехал И. К. Дитерихс.

Вечером М. А. Стахович с юмором рассказывал о крестьянах, о том, что говорят о московских событиях, и т. д. С. А. Владимиров и М. С. Сухотин рассказывали о выборах предводителя дворянства, что они были последние, что это предводительство доживает последние дни, не продержится и трех лет. Л. Н. советовал записывать современное. Это будет драгоценнейший исторический материал. С. А. Владимиров обстоятельно рассказывал о своем зяте, который признает вполне «Что такое искусство?» и старается в архитектуре дать выражение нравственности.

Л. Н. говорил, что наше искусство не может быть настоящим: оно выросло из паразитарного класса, а настоящее искусство должно соответствовать широким слоям. Искусственность дорогого дворца Николая раздражает нас, потому едут в Швейцарию, в деревню, тут простота изб... искусство.

Л. Н.: Увезли моего сотрудника (Дорика). Мне так жалко, что я его лишился. Я с ним читал ежедневно пять минут «Мысли мудрых людей», он не соскучился, с большим удовольствием приходил заниматься. Я ему говорил понятным языком, иные трудные мысли пропускал. Дети гораздо способнее нас в вопросах религиозно-нравственно-философических.

— Советую вам,— сказал Л. Н., обращаясь к Владимирову,— с детьми читать «Мысли мудрых людей» или «Круг чтения».

Л. Н. говорил Владимирову и Стаховичу (уже раньше с каждым из

Л. Л. ТОЛСТОЙ
Рисунок (уголь, сангина) И. Е. Репина
Куоккала, 19 апреля 1905 г.

«Лев Львович рассказал о Репине. Написал его (Л. Л-ча) портрет цветным карандашом... Жена недовольна портретом. Некрасив, худ вышел». *Л. Н.*: Должно быть, хорошо написал».— Запись от 4 апреля 1906 г.

них отдельно, без посторонних, по полчаса поговорил) о том, что заказанные книги исторические Готье (московский книжный магазин) не выписывает иначе, чем с подачей прошения в цензуру, а его (Л. Н.) самые резкие сочинения печатают соступившиеся молодые люди «Обновления» в Петербурге и, кроме них, многие ему не известные люди. Л. Н. дал Владимирову издания «Обновления». Потом прочел сегодняшнее из «Круга чтения» (30 марта, Эпиктет) [2].

Л. Н.: Мне Страхов (Николай Николаевич) послал Эпиктета (в 1882 г.). Я прочел. «Все сам знаю»,— подумал. Проскользнуло, не оставило никакого следа [3]. А теперь не могу читать без восхищения. Излагает так просто, понятно, как если бы здесь, между нами сидел. Поучительно для меня.

М. А. Стахович: Почему?

Л. Н.: Когда сам хочешь как писатель передать что-нибудь, другой не понимает, у него направлена мысль на другое. Так со мной было, когда первый раз читал Эпиктета. Не надо сердиться на это.

Л. Н. обстоятельно говорил с Владимировым об управлении — самодержавием ли или..... *

— Что может быть вреднее,— сказал Л. Н.:— не оправдавшее себя управление малоумного царя или борьба партий, целью которой является не благо народа, а борьба интересов партий?

Потом говорил об установлении равных прав всех на землю. Стахович сказал, что насчет аграрного вопроса надо повернуть влево.

Владимиров: Земля обеспложивается. Надо все больше труда и капитала, чтобы она давала доход.

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

Л. Н.: Когда будет доступна земля всем, у кого охота и любовь возделывать ее, тогда будет то, что вы говорите, то есть затратят труд. Переход такой, который произведет меньше пертурбаций, — медленный.

Л. Н. дал Владимирову брошюры Генри Джорджа. Разошлись в 12.30. Уехали: Стахович в 11.30, Владимиров с Алей в 1.30. Завтра утром в 8 уезжают М. С. Сухотин с Александрой Львовной.

31 марта. И. К. Дитерихс уехал к Марии Александровне. Л. Н. вял, и холодно ему. За обедом: Л. Н., Софья Андреевна, Татьяна Львовна, Андрей Львович, Юлия Ивановна.

Татьяна Львовна: Начинаю беспокоиться, что Миша в Думе. Болен сердцем, волноваться будет. Что они будут делать?

Л. Н.: Комическая роль! Николай II, какой он ни на есть, воспитан. Привыкли к существующему строю. А теперь в Думе будут сидеть: еврей, Петрункевич, неграмотный мужик, которые будут издавать законы, и нам, населению, придется подчиниться. Население такое, которое не умеет репрезентоваться * достойно.

Я читал вслух вечером у Ореховых-Ромашкиных «Солдаткино житье». Марфа (55 лет) смеялась; говорила, что эта сказка сначала совсем на их двор похожа. Потом я прочел «Рассказ мужика о том, за что он старшего брата своего любит» [1]. Марфа сказала: «Мой брат старший (Макаров, жив, до сих пор в Ясной) пошел служить за младшего брата, по просьбе матери. Прослужил 15 лет. Оставил дома дочь и сына». Когда кончил чтение и похвалил сказку, младший сын Марфы, Коля, девяти лет, лучший ученик Л. Н., возразил: «Это не сказка, это правда».

Л. Н. нездоровится. К чаю не выходил.

1 апреля. Великая суббота. Л. Н. вышел гулять в 9.30 и очень немного гулял. Возвратившись, зашел в залу. Юлия Ивановна спросила его:

— Как вы чувствуете себя?

— Скверно.

— Вчера вечером спали?

— Да, все время спал.

К полудню приехал Сергей Львович. Ликует по поводу торжества кадетов:

— Мелкие лавочники, почтальоны шли с ними; они чувствовали, что это торгово-промышленная партия. «Союз 17 октября» — это господа.

Он (Сергей Львович) не выступил выборщиком, потому что не сочувствует их аграрной программе. Софья Андреевна предупредила Сергея Львовича, чтобы с отцом о политике не разговаривать. Вышел Л. Н. с усталым видом. Вчера и третьего дня был северный, очень сильный ветер. В деревне снес половину крыш. И холод. Кажется, тоже дурно действует на Л. Н-ча. Л. Н. спросил Сергея Львовича, видел ли общих знакомых: Бутурлина, Дунаева, Ивана Ивановича, Николаева, Буланже, и почему опоздал поезд: был, наверное, наплыв пассажиров? Андрей Львович прочитал частную телеграмму в «Русских ведомостях», из Тифлиса, что войска стреляли в офицеров [1]. Л. Н. как бы механически повторил слышанные слова. Потом принял почту от Юлии Ивановны. Посмотрел «Былое», сказал:

— Благодарю бога, что тут не участвовал. «Былое» — совсем революционного направления. Пругавин обратился ко мне, можно ли поместить мое письмо к Александру III (по поводу убийства Александра II). Потом Бирюков. Я отказал телеграфически [2]. И слава богу, вот куда я попал бы!

Вдруг Л. Н. заметил статью о себе. Подпись под ней: А. Х и р ь я к о в. Сказал:

---

* представительствовать (от франц. représenter).

— И не заметил. Но хоть не прямое мое участие [3].

Л. Н.: Прочел «Записки Екатерины» [4]. Советую, Соня, тебе прочесть.

Софья Андреевна: Что ж, ради указаний, как мне писать свою историю жизни?

Л. Н.: Нет, а интересны. Нет сомнения, что она сама их писала. Тут есть и указания на связь ее с Салтыковым и что Павел — сын Салтыкова. Как выказывается женщина: идут важные события — война с Пруссией, пишет о ней и о том, какое платье надеть, и этому посвящает больше внимания.

Сергей Львович: Есть такой адвокат Сахаров. Готовит сборник против смертной казни, просит, чтобы ты написал туда; получил ведь от него письмо? [5]

Л. Н.: Нет. Что мне туда писать? Во всех моих писаниях есть это.

Сергей Львович: В Москве продают «В чем моя вера?» [6] Купил и привез.

Л. Н.: Фельтен издал семь самых резких моих статей.

Л. Н., открывая почтовые посылки, достал толстую книгу: «Masonia. Ein Blick in eine andere Welt. Von Diedrich Bischoff. Leipzig, 1905».

Я напомнил Л. Н., что Bischoff писал ему об этой книге, что это — философия масонства [7]. Л. Н., подержав несколько времени в руке, отложил:

— Читать не буду. Смотрел «Былое», там между прочим три портрета N. N., это так ужасно: прямо «преступный тип Ломброзо»... Про декабристов там интересное. И странно: чем больше подробностей узнаешь о декабристах, тем более разочаровываешься.

Софья Андреевна посмотрела этот № «Былого» и про одно лицо сказала: «Обезьяна».

Кто-то поддакнул.

— Почему вы это говорите? — сказал Л. Н.— Все мы люди.

За обедом: Л. Н., Софья Андреевна, Сергей Львович, Татьяна Львовна, Андрей Львович, Юлия Ивановна.

Принесли телеграмму: «Скорым Щекино. Л е в а». В 7.30 вечера приехал. Похудел. Л. Н. вышел из кабинета ему навстречу и был с ним особенно мил, наверное, вспоминая прошлогоднее его пребывание в Пасху — два дня, и внезапный отъезд: уехал огорченный тем, что не одобряли его воинственного настроения — за продолжение войны с Японией.

Лев Львович рассказал, как ехал с мужиками, рабочими, какая ненависть к господам. Потом о выборах в Петербурге. Он считал голоса. Был в партии 17 октября, проиграли, но не жалеет. Теперь, кажется, кадет.

Л. Н.: Дума комическая.— Спросил Стаховича, почему Новиков не избран в Думу? Стахович сказал: «Он неправославный».—Стало быть, серезные, действительно свободные люди туда не вошли.

Стахович рассказал про мужика, вернувшегося из Москвы, где работал. Ходил на митинги, «а то заметят, что не ходишь». Стоял. «Орателя — им-то легко орать, они сменные, а нам стоять и слушать не то. Когда закричали: «Долой самодержавие!», — тогда полегчало — знал, можно домой». Этот рассказ рисует положение.

Сергей Львович тоже вспомнил, что это весна и что позже, когда «революция пройдет», начнется борьба конституции с самодержавием, с Государственной думой и народа — с господами. Вспоминали, что Илья Львович говорил речь в Брянске на кадетском собрании.

Л. Н.: Мне противно название «кадеты», и, кажется, оно уже принялось.

Л. Н. ходил по зале, обеспокоенный, что его сыновья и невестки так увлечены политикой, хотя они ему ближе, чем год тому назад. Л. Н. ушел к себе в кабинет. Разговор на политические темы продолжался долго.

Сергей Львович: Интересно, что Лев Николаевич теперь то самое говорит, что в 1862 году в предисловии к «Декабристам» [8].

Софья Андреевна: Он всегда все отрицает.

Лев Львович: Он стар, для него весна прошла, а мы в весне.

Когда Л. Н. вернулся, Лев Львович рассказал, что приходят священники в его лавку покупать «Ответ Синоду» и поговорить с ним. Есть священники-революционеры.

Л. Н.: Как же, семинаристы!

Лев Львович рассказал, что в Петербурге церкви полны, как никогда не бывали.

Л. Н.: Я этому очень верю. На днях сошел в девичью искать Сашу. Там няня, Дуняша, Ольга, иконы, горят три лампадки. Это поэзия религии, они ею живут, не просто зрители, как мы. От нее отстать можно только при глубоком религиозно-нравственном понимании. Но как же нам отнять ее у них, старушек, у народа? Она вызывает невинное доброе чувство в них.

Сергей Львович стал говорить о том, что южнее Орла сеют, никаких крестьянских волнений нет *.

Л. Н. был сговорчивый. Сыновья ему ближе, чем год тому назад. Но вышел спор с Сергеем Львовичем. Сергей Львович, видимо, сдерживался, а Софья Андреевна и Лев Львович успокаивали, так что так далеко не зашло, как при прежних спорах. Л. Н. советовал всем читать Записки Екатерины и читал из них кое-что вслух. Андрею посоветовал читать вслух maman; в неделю-две прочтут. Задерживал Татьяну, когда уходила, и Льва. Сергея попросил сыграть сочинение Сони Мамоновой — нравилось ему — и Аренского. Л. Н. сегодня вечером гораздо легче, чем вчера. Мне говорил о письме немца, который возражает на «Единое на потребу» [9] и сказал:

— Он материалист: мир ⟨в его представлении⟩ идет по материальным законам, а нам — бороться междоусобно. Мне хочется написать, что, кроме того, существует другая сторона жизни, что́ показали Кант, Шопенгауэр.

Сергей Львович: Но как к этой правде народу добраться? Тут надо свергнуть, что́ мешает просвещению (самодержавную систему).

Сегодняшний день очень недостаточно записан.

Лев Львович спрашивал, какое направление выйдет из революции.

Л. Н.: Ничего не предвижу. Самоуверенность. Я ничего не знаю, что́ будет. Главное — субъективная личная жизнь, важнее внешней. Что же, по внешнему, величественнее соединения Германии? А Бисмарк перед смертью сказал: «Все это стоит между мной и богом» [10]. Человек в середине шара, от него радиусы к поверхности дотрагиваются разных мест: отношение к семье, друзьям, и так далее, и маленькое местечко занимает государственная деятельность, а теперь эту вознесли.

На дальнейшие возражения Льва Львовича Л. Н. сказал (иронически):

— Ты и «Новое время» — вы всегда правы.

Во время этого разговора Л. Н. взволнованно ходил по зале. Ему было тяжело, что его сыновья так увлечены политикой. Потом он остановился и сказал:

— Пришло мне в голову сравнение: из пруда хлынула вода, загаженная, вонючая и все люди берут оттуда, несмотря на ее грязь, потому что ее много, и не идут к ключам за свежей водой.

---

* Теперь кажется, что это само собой разумелось. Но тогда были удивлены, что весенние полевые работы спокойно начались. Ожидали и того—трудно себе это теперь представить, но так было,— что крестьяне не станут обрабатывать барских земель, даже и своих, что потребуют отдачи им земли.

Сергей Львович: Но ведь власть нужна?

— Власть над собой,— ответил Л. Н. и ушел к себе в кабинет.

2 апреля. Светлое христово воскресенье. Чудный весенний, ясный, теплый день. Травка пробивается, зеленеет. Пчелы летают. Дрозды свистят; иные наподобие соловьев. Журавли кричат, летя на север. В деревне поют. Колокол. У Л. Н. удрученное состояние (нездоров). Все-таки ездил на Делире.

Л. Н. получил от Шкарвана его с Е. Г. Шмитом немецкий перевод «Круга чтения» («Für alle Tage»). Л. Н. сравнивал и находит перевод хорошим.

Л. Н.: Некоторые выражения казались мне неправильными по-немецки, и я приписывал бы их неточному знанию немецкого языка, но когда тут Шмит... чему я очень рад. Шкарван отыскал подлинники: тут четверостишия Гете, которые у меня в прозе. Издание прекрасное.— Л. Н. показывал его Сергею Львовичу, а потом понес к столу Татьяне Львовне [1].

Л. Н. спросил меня, что нового в газетах.

— Я сегодня не читал, опять решил бросить. Не знаю, долго ли выдержу.

Л. Н.: Это хорошо. Что вам пишет Страхов?

— Пишет, что Битнер в «Неделе» хочет печатать еженедельно 96 страниц ваших сочинений. Страхов ему посоветовал начать с социально-религиозных, как с более интересных. Но Битнер просит авторизации от вас, чтобы его издание, которое должно быть точным (пропуски будут обозначены точками), выделялось среди других.

Л. Н. прочел письмо Страхова и сказал, чтобы В. В. Битнер издавал его сочинения, что он очень рад этому. Но письма не напишет [2]. Издатели этим пользуются — хотя этого не предполагает о Битнере. Снял с полки моодовский перевод «Resurrection» [3] и показал на четвертой странице обложки напечатанное факсимиле: «This English version of «Resurrection» is published by Dodd, Mead and Company by my authority» * и сказал:

— Выходит двусмысленно. Можно думать, что именно это издание — единственно авторизованное. Эта книга заставила меня дать себе слово, чтобы никогда не писать ничего поощряющего издателей.

Л. Н.: Я сегодня получил три религиозных письма. Одно из Канады от духоборца — что обряды венчания и крестин не нужны, что это противорелигиозное [4]. Мелкое, но на религиозном основании. Второе — от молоканского периодического издания (с Кавказа), хорошее [5]. Третье — от брата Сиксне из Пскова, отказавшегося от воинской службы, приговоренного в дисциплинарный батальон на два года, но полковник смягчил на год. Но от розог не освобожден. Подчиниться — быть солдатом — не намерен. Придется ему терпеть [6].

За чаем разговоры о Петербурге. Лев Львович говорил, какая пустая и отвратительная жизнь там: одни театры, концерты, цирки, гулянья, карты. Лауниц, градоначальник, запретил женщинам посещать игорные клубы. Разговор о «Былом». Несколько недель тому назад Л. Н. читал в нем Ашенбреннера. О редакторе «Былого», Пругавине, Л. Н. сказал, что он нерелигиозный. О письме Токутоми Л. Н. сказал:

— Они, японцы, такие учтивые, готовы приятное сказать, но есть в них что-то льстивое, неискреннее. О царе — что он склонен к реакционерству.

Сыновья с Л. Н. играли в винт.

---

* «Этот английский перевод «Воскресения» публикуется Доддом, Мидом и Компанией, мною авторизован» (*англ.*).

Вчера, сегодня с Л. Н. мы были близки (друг с другом). Меня удивляет, как мало внимания в последнее время обращают журналы, газеты, «общество» на Л. Н. Даже и его друзья все меньше о нем заботятся — например, московские, кавказские, петербургские. Ему это пренебрежение, скорее, мило.

Вчера Карай брехал под окнами Л. Н. и не унимался. После пяти минут Л. Н. вышел на балкон, засвистел тихо и крикнул: «Перестань!». Утих.

3 апреля. Теплый день. Белка, сибирская лайка, несколько раз купалась в Воронке. На прудах лед еще не растаял. Л. Н. пешком гулял. Лев Львович застрелил двух вальдшнепов. Вспоминал, как Тургенев застрелил одного и не нашел. Л. Н. застрелил тогда нескольких. Тургенев ему сказал: «Вы во всем счастливы». Л. Н. заметил какую-то неисправность в воспоминаниях Льва Львовича, сказал:

— Раз в воспоминаниях ошибся, соединив вымышленное с правдой,— кончено: будущие разы все будешь ошибаться.

Пересматривали японскую книжку Токутоми о Л. Н.

Л. Н.: Так я ему и не написал. Жаль. Но не мог.

Винт до 12 ночи. Я читал proceedings * в «Annales of Anglo-Russian Society» [1] и «Review of Reviews».

Л. Н. (*мне*): Хуже газет! (Т. е. в том смысле, что баламутят голову.)

4 апреля. Прекрасный день. Л. Н. в 9 часов выходил гулять. Вернувшись, посидел в зале, посмотрел почту.

— Halpérine обижается на Bienstock,— сказал Л. Н. и отдал мне длинное письмо.— Не нужно отвечать [1].

Я прочел письмо Фельтена о «Едином на потребу». Присылает отмеченные места, которые типографщики не берутся печатать, приблизительно 1/18 всего. Л. Н. посмотрел: — Пускай пропустит их [2].

Л. Н. вскрыл и «Daily Chronicle» — единственную заграничную газету, которую ему присылают. На первой странице просмотрел «Summary of news» ** и на одном месте улыбнулся, прочел мне его: «More beautiful gowns and coats, made in London for Princess of Battenberg's trousseau are described» ***. Просматривал дальше письма. Одна спрашивает, что с ее рукописью. Л. Н. спросил, был ли послан ей ответ, и если не был, рукопись вернуть [3]. Рабочему, просящему книги — послать издание «Посредника» и Фельтена [4]. В 9.45 ушел к себе и писал до 3.45.

Сегодня опять ясный, теплый день. Софья Андреевна ходит около дома, смотрит клумбы — она любительница цветов; те, которые кажутся ей сухими, посыпает снегом. Сергей Львович сочиняет романсы за фортепьяно. Юлия Ивановна рисует обезьян. Лев Львович ездил верхом. Решил приехать жить в Ясную с семьей на лето. Намерен написать сатирическую пьесу «Братья-помещики».

Сергей Львович вспоминал о Чехове. Он его видел перед отъездом в Баденвейлер, где тот скончался. Был скелет. Тогда происходили «черносотенные» манифестации в начале войны. Чехов заметил: «Вот к чему приучают людей: будут громить». О царе: «Одни говорят, что он малоумный, другие — что он идиот. Я его видел несколько раз: он просто гвардейский поручик». Лев Львович припомнил слова Чехова о Горьком: «О чем он будет писать?!» (т. е., что он узкий, повторяется), и о себе (Льве Львовиче): «С ним стало можно обо всем говорить».

Зашла речь о Ювачеве (Миролюбове), бывшем недавно в Ясной и оставившем такое хорошее впечатление. Л. Н. о нем с приятными воспоминаниями говорил.

---

* Труды (*англ.*).

** «Обзор новостей» (*англ.*).

*** «Описаны еще более красивые платья и пальто, сшитые в Лондоне для приданого принцессы Баттенберг» (*англ.*).

Л. Н. намедни сказал:

— Давно так долго не длилось дурное физическое состояние. Прежде думал: так и помрешь, потом проходило.— У него лицо усталое, но прояснённое, одухотворенное. Глаза голубые, открытые, не в глубине под бровями, как обыкновенно. Брови с рыжинкой, седая борода начинает желтеть.

За обедом: Л. Н., Софья Андреевна, Сергей, Лев Львович и Татьяна Львовна, Юлия Ивановна. Л. Н. говорил, что читал Дашкову. Екатерина писала свои мемуары, пока была великой княгиней, а Дашкова дальше о Екатерине, Орлове... [5]

Л. Н.: Дашкова была везде. У Вольтера в Ферне, ему, 86-летнему, заболевшему, кровь пускали. За границей дороги грязные. Возят на лошадях, быках. Екатерина II на троне какая была! Но эти мужчины около нее — вот кто хуже и отвратительней.

Сергей Львович: Таких подбирала.

Л. Н.: Насколько менее распущенность была при Александре I, Николае Павловиче, Александре II! А Александр III и Николай Александрович нравственно живут.

Сергей Львович: У Николая Александровича — Кшесинская.

Л. Н.: Что же, до брака.

Сергей Львович: Нет, и после.

Речь о перноспоре [6] яблонь. Сергей Львович говорил, будто на сибирских диких яблонях ее нет. Чтобы яблони родили, надо их глубоко сажать. Так делают в Калифорнии. Л. Н. с этим мнением не соглашался.

Потом заговорили о Генри Джордже и о том, что свободный, независимый дух американцев проистекает оттого, что у них на Западе есть свободные земли. То же у русских — на Востоке. Сергей Львович спросил, что будет делать Дума с земельным вопросом. Конституционные демократы обещали отдать землю крестьянам: кому из них и где ее взять?

Л. Н.: Надо установить равное отношение к земле всех людей и постепенно, переход не будет заметный. Поставить вопрос правильно — будет решен. По Генри Джорджу ли, иначе ли. А поставить вопрос неправильно — как разделить землю, у кого ее отнимать — будут бесконечные споры.

Сергей Львович: Правительство решило, что земельная собственность неприкосновенна; значит, у помещиков отнимать ее не будут, и что община будет уничтожена.

Л. Н.: Пусть. Крестьяне сложатся в новые общины, артели. Что духоборы в Канаде зажили деревнями, а не отдельными фермами, это не потому, что они духоборы, а потому что они русские крестьяне... Создадут условия, на основе которых устроят общее землепользование. Какие законы это будут — не знаю, не предвижу.

Сергей Львович: Но недостаточно национализировать одну землю: надо и капитализм уничтожить.

Л. Н.: Дело не в капитализме, а в устранении несправедливости земельной собственности. Это несправедливее, чем капитал; капитал не всегда происходит от привилегий, иногда от сбережений.

Сергей Львович: Подоходный налог должен быть.

Л. Н.: Подоходный налог будет иметь смысл после устранения земельной собственности.

Сергей Львович: В Сибири, где много земли, вопрос о земле не существует. Как ее становится меньше, образуется община. Так что община двигается с запада на восток. Около Никольского * крестьяне купили

---

* Чернского уезда, Тульской губернии, где имение Сергея Львовича.

землю по дворам и так разделили ее. Через три года разделили сызнова — по душам. Не знают иного владения, кроме общинного.

— Все стесняющие меры надо снять. Сложатся новые,— сказал кто-то.

Сергей Львович: Как уничтожится община, настанет скупка земли кулаками. Я в Никольском уже могу показать людей из крестьян, будущих скупщиков.

Л. Н.: Как мне это ни неприятно — такой порядок, а должен стоять за устранение стеснений.

На столе лежала японская книга Токутоми с заглавием, напечатанным и по-английски: «The Twelve Men of Letters».

Л. Н.: Интересно бы знать, кто эти двенадцать? Если бы меня спросили, я бы им посоветовал двенадцать или двадцать писателей или книг, которые им, японцам, годились бы. Гете написал 42 тома, всего нельзя рекомендовать читать. А к Токутоми начал писать — но не шло, не окончил. Не на что отвечать. Неискренно его письмо, а все-таки я не вправе судить, письмо доброе, надо ответить и послать книгу.

Лев Львович рассказал о Репине. Написал его, Льва Львовича, портрет цветным карандашом. Купила Галерея [7]. Жена недовольна портретом. Некрасив, худ вышел.

Л. Н.: Должно быть, хорошо написал.

Лев Львович говорил о Репине, что он женат на финской шведке, ламаистке-вегетарианке (десять лет живет с ней). У нее культ Репина. Собирает все его портреты. Л. Н. спросил про сына Репина.

Лев Львович: Женился на некрасивой горничной. Кроме отца, никто из родных не был на свадьбе.

Л. Н.: Наверно, женился по нравственному долгу.— Л. Н. еще о нем отозвался с любовью, похвалой.

Лев Львович говорил о тяге и что мне (бывшему с ним) не было жаль убитого вальдшнепа. И что он сам, когда идет на охоту, не думает, что делает, не жалеет.

Л. Н.: Вот и надо думать, что убиваешь.

5 апреля. Софья Андреевна предлагала Сергею Львовичу заняться изданием последних томов сочинений Л. Н., т. е. тех сочинений, которых в ее издании нет [1]. Говорила ему, что ей не хочется ни текст составлять, ни в цензуре хлопотать, ни корректора искать, ни денег наживать.

— Может, пять тысяч дохода будет, возьми его себе, только мне— покой.— Сергей Львович обещал.

Софья Андреевна: Как повернешь к «вышке», там береза с корнями вывалилась и нагнулась на другую. Если бы она была молода, можно бы ее назад поставить, а двухсотлетнюю остается только срубить.

— Может ли быть, чтобы березам в парке было по 200 лет? — спросил я.

Л. Н.: Николай Дмитриевич, наш дядька — он был на сорок лет старше меня [2],— нам рассказывал, что березовую аллею сажали по копейке за посаженное деревцо. Если ему было тогда 10 лет, то сажали около 1800 года.

Привезли почту из Тулы. Одни просьбы об автографах.

Л. Н.: Ничего нет.

Л. Н. ждал книгу Валишевского, посылал подписанную повестку [3]. Но так как пришлось бы заплатить 1 р. 80 коп., кучер Адриан без разрешения графини не посмел ее взять. Л. Н. было жалко и досадно, но подавил в себе. За книги из-за границы, получаемые не бандеролями, а посылками, взимают таможенный сбор, если они переплетены. Но случается иногда, что и за непереплетенные требуют пошлины, и совсем несоразмерно: иногда треть стоимости. Л. Н. приходится платить иногда за книги, присылаемые ему для подписи (автографа). И утренняя почта из

Засеки была сегодня небольшая. Случайность или предстоящее открытие Думы? Софья Андреевна выражала удивление, что так мало гостей было на Святой (неделе). «Темных» не было. За чаем Сергей Львович рассказывал о Верне.

Л. Н.: Как посредственные писатели — Дюма, Верн — имели влияние на читателей! Тургенев говорил о Верне — он раз был у мадам Виардо,— что это самый глупый человек во всем французском государстве. Но тут Тургенев преувеличивал.

Сергей Львович вспоминал «роман будущего» Анатоля Франса [4].

Л. Н.: Я все их («романы будущего») терпеть не могу.

Сегодня, сдается, Л. Н. не писал. Вчера порядочно: предисловие к «Самодержавию».

6 апреля. Пополудни я сел на лошадь, чтобы проводить Александру Львовну в Телятинки. Л. Н. вышел без шапки, дал мне советы о стремени, как его примерить, сам его вытянул по руке, как в нем ногу держать, как поводья держать. (Л. Н. держит так: поводья проходят сначала между безымянным пальцем и мизинцем, потом под средним и указательным и выходят между указательным и большим пальцами.)

Приехали П. А. Сергеенко, Д. Д. Оболенский, И. К. Дитерихс. Говорили о современных событиях. Через три недели станет заседать Дума. Что будет?

Л. Н.: Я ничего из ничего не жду. Внешние события не имеют той важности, как внутреннее отношение к жизни. У человека столько отношений: к семье, труду, науке; отношение к государству занимает последнее место между ними. А теперь все только об том думают: ветеринары, гимназисты только этим заняты. Массовый гипноз. Когда другой человек горячится, горячишься и ты. Общее возбуждение — и ты ему поддаешься. Я отдавна замечаю, что политикой, общественными делами больше всего занимаются люди, у которых их дела плохо ведутся. И понятно. Наделал долгов, надо платить, изменяешь жене, жена тебя поносит, все это видно, а что делаешь в политике — все последствия этого в будущем. От Думы не будет лучше, а только хуже.

Л. Н. (*к И. К. Дитерихсу*): Черткова, может быть, обидел. Жду его ответа, как он отнесется к моему письму. Он предлагает выпустить некоторые места из «К революционерам». Я всегда рад его указаниям и всегда соглашался, теперь первый раз нет [1]. В отношении к революции есть благоговение — «awe» *, никто не смеет осуждать революционеров **. Царя можно ругать, Петрункевича нельзя.

Сергеенко: Какой Петрункевич революционер?

Л. Н. ушел в кабинет. Пока он там оставался, один из присутствующих зло пошутил над Петрункевичем, вспоминая, как он проявил нетерпение, что Л. Н. не умирает. В то время, когда Л. Н. в Крыму был очень плох—казалось, кончится, по мнению одного ялтинского доктора, не проживет и полчаса, Петрункевич уезжал, но остался ждать кончины. Но прошло полчаса и больше [2].

Л. Н. сказал о своей болезни: «В Крыму был упадок сил, я был близок к смерти, выдержал».

Л. Н.: Когда мне было 15 лет, я любил Руссо. Носил медальон с его изображением. Самый «страшный» писатель: не надо ни суда, ни правительства. Не читают его.

---

* «благоговейный трепет» (*англ.*).

** В «Обращении к русским людям» Л. Н. пишет, что под революционерами он подразумевает всех тех людей, «начиная от самых миролюбивых конституционалистов до самых воинственных революционеров», которые хотят заменить существующую правительственную власть другою, иначе организованной и составленной из других лиц властью...»

Л. Н. возмущался разгромом усадеб. П. А. Сергеенко рассказывал, что в Тамбовской сожгли живыми пять тысяч овец в загонах, а тамбовский делегат на Всероссийском крестьянском съезде говорил: крестьяне не обижали никого, кроме скотины. Это самое худшее.

Л. Н.: «Без стыда лица не износишь». Я сказал эту пословицу мужику, а он добавил: «Как платье без пятна». Надо бы ее записать.

7 апреля. Утром у Л. Н. три учителя из Тулы и Наживин. Пополудни Л. Н. просил достать ему из библиотеки исторические книги о Петре. Приходили бабы из села Ламинцова, мужья которых в тюрьме из-за громления усадьбы, просить помощи — у одной пять человек детей — и прошение написать. Л. Н. выполнил — за него Сергеенко написал. Потом были еще другие, между прочим рабочий с самоварной фабрики в Туле. За обедом Л. Н. говорил о нем:

— Искренний, серьезный, тяготится своим положением и работой, хочет жить земледелием, поехать в Сибирь. (Л. Н. ему советовал осторожно поступать.) Дядя у него старообрядец, начетчик. Требует, чтобы он в церковь ходил и прочее. Он не хочет, ему это неприятно. Не верит в обряды. Спросил: как быть?

Л. Н. его спросил, как он с солдатчиной. Ему ведь это куда противнее, а не противится. В церковь ходить — гораздо меньшее зло, отношения к дяде не надо портить, говорил ему Л. Н. Гораздо хуже, когда не исполнил более важное.

Л. Н.: Я читал историю. История поучительна; как ни плохо живем, в сравнении с тем, как жили, все-таки прогресс.

П. А. Сергеенко: Петр собственноручно казнил 70 стрельцов.

Л. Н.: Был особенный зверь.

8 апреля. Л. Н. днем от слабости лег на диван и поспал. За последнее время Л. Н. похудел. За обедом рассказал:

— С нижнего пруда вытаскивали пни и увозили. К одному тяжелому позвали на помощь девок. Пели «Дубинушку», и каждым разом новое (новый стих). Я не устоял и стал с ними тянуть канат и ухать. Что думаете: как его подняли?

Андрей Львович: Подставили валки? Крышку с телеги?

Л. Н.: Нет, колеса.

После обеда Юлия Ивановна с Марией Александровной, приехавшей с И. К. Дитерихсом перед обедом, проверяли копии писем Л. Н. (нужно их переписать и перевести). Л. Н. расспрашивал Иосифа Константиновича о Булыгиных. Он хвалил сыновей М. В. Булыгина, что они помощники отцу (по хозяйству работают, как рабочие). Л. Н. с удовлетворением констатировал, что молодое поколение серьезно относится к простой жизни, соглашается исполнять черную работу: сын П. А. Сергеенко, Репина и прочие.

Приехала невестка Софьи Андреевны, жена В. А. Берса, с мальчиком и дочкой (приятная, милая, умная). Говорила, что Петербург веселится без конца. Не думает ни о голоде, ни о чем. Все деньги идут на итальянских певцов. Софья Андреевна прочла в газетах, что Горького с Андреевой не приняли несколько гостиниц в Нью-Йорке [1].

На прошлогодней передвижной выставке Репин вывесил картину: Л. Н. Толстой с Горьким. Один пожилой офицер синим карандашом провел линию между ними.

9 апреля. Утром уехали Мария Александровна и И. К. Дитерихс. Л. Н. вышел в 9 часов на прогулку; попросил найти в библиотеке книгу Ливанова «Раскольники и острожники» [2]. Пополудни вышел ко мне, поблагодарил за книжку Ливанова:

— Она мне пригодилась. Что читаете?

— «Samostatnost» (чешский радикальный орган).

— Пишут много про русские дела?

— Да. Но радуются победе кадетов, революционеров [2].

Вчера Л. Н. поручил Сергею Львовичу выписать «Исторический вестник». Сказал: «Теперь будет интересный».

Перед обедом пришел киевский журналист, стихотворец, талмудист Баскин-Серединский. Спрашивал Л. Н. о непротивлении злу, декадентстве, говорил о Талмуде. Читал ему свои стихи. Просил автограф на портрете. Принес два экземпляра роскошного издания книги стихотворений Ратгауза [3]. Л. Н. пробыл с ним около часу. Вечером Л. Н. не выходил до одиннадцати.

10 апреля. Извержение Везувия. Землетрясение в Сан-Франциско, Калифорния. Погибших 10 тысяч, два с половиной миллиарда убытка, Рокфеллер пожертвовал 100 тысяч.

Пополудни играли в городки. За обедом Л. Н. говорил со свояченицей. Она хвалила своего мужа, В. А. Берса.

Л. Н.: Мужа хвалить нельзя, как и себя.

— Что будет? — спросила Берс.— Ожидается, что Думу взорвут. Все депутаты взволнованы.

Л. Н.: Не предполагаю никогда ничего, что́ будет. Но скорее думаю, что Думой не кончится, что Дума не удовлетворит всех. Сегодняшний номер иллюстрированного приложения «Нового времени» интересен. Статья Мопассана об искусстве, афоризмы Альфонса Карра — некоторые из них я знал [1]. Юлия Ивановна! видели картинку «Храм обезьян в Индии» с посетившим его Уэльским принцем? — И Л. Н. прочел подпись.

Я спросил Л. Н., чем знаменит Альфонс Карр.

Л. Н.: Это был в моей молодости известный романист времен Людовика-Филиппа. Чрезвычайно остроумный, даже глубокий.— Л. Н. прочел вслух несколько его афоризмов [2].

Юлия Ивановна показала в иллюстрированном приложении «Нового времени» картинку: люди взломали дверь церкви, вынесли статую св. Анны, носили ее процессией, были в экзальтации, избили встречных, недостаточно почтительно преклонявшихся [3].

Л. Н.: И эти люди будут конституцию писать и сами собой управлять!

Л. Н. спросил тринадцатилетнюю Любочку Берс, не было ли у них в школе «революции». Любочка ответила, что ограничились пением «Марсельезы», проходя мимо городового, и что шесть дней не ходили в гимназию, бастовали.

Л. Н. скоро, в половине седьмого, ушел к себе.

11 апреля. Утром много посетителей. Между прочим, самарский усатый мужчина, по-моему профессиональный попрошайка. Ждал Л. Н. и требовал от него побольше поддержки. Л. Н. не мог отказать.

За обедом Л. Н. спросил Илюку Берс о гимназии. Услышав, что греческий язык вообще не учат, один только латинский, сказал:

— Как это глупо! Греческий только и нужен русскому. Латинский совсем не нужен. И греческая литература прекрасна. Отдавна это так?

Илюка: Четыре года.

Л. Н.: Прочел Меньшикова. Хорошо пишет о молодежи, что раньше увлекалась поэзией, естественными науками, а теперь одной борьбой, революцией [1].

Потом Л. Н. пересказал, что́ слышал от Татьяны Львовны: в Швейцарии дошло до того, что в объявлениях о сдаваемых комнатах пишут: «Pas des Russes» *.

---

* «Не для русских» (*франц.*).

— В православную церковь в Женеве пришли к пасхальной заутрене в шапках, шумели, курили. Даже швейцарцы на это негодуют,— сказал Л. Н.— Происходит это революционерство молодежи оттого, что ни у родителей, ни у молодежи нет религиозных основ.

Илюка: Александр Михайлович Кузминский, когда производил сенаторскую ревизию в Одессе, спросил отца еврейского гимназиста-забастовщика, почему не поучает сына? «Я не могу насиловать политические убеждения моего сына»,— а сыну 10 лет, ходит в первый класс.

Разговор зашел о евреях.

Л. Н.: У них задор потому, что не имеют тех прав, как другие. Это привлекает и русских на их сторону. Я против ограничения в школах, против черты оседлости. Весь народ, живущий на земле, имеет право жить там, где хочет. Почему нам можно жить в Ясной Поляне, а другим надо в Мамадыше? Я за уничтожение всех исключительных законов, касающихся евреев. Безобразие эти законы!

А. А. Берс: Они (евреи) полезны.

Л. Н.: Полезны ли, этого я не знаю, а ограничивать права людей нельзя. Лучший из евреев, которых я знал, был Лондон *. Есть три разряда евреев: первый — Лондон, евреи, не отступающие от своей религии и верующие, берущие из Талмуда нравственное учение. Второй разряд — атеисты — евреи, которые отстали от еврейства, не пристали к христианству, sans foi ni loi **—Варшавер—самый неприятный тип, но он всегда за евреев. Третий — космополиты, для которых все люди равны, как Беркенгеим.

Андрей Львович: Таких ведь нет.

Л. Н. подумал и не мог вспомнить других. Потом назвал жену Наживина.

Л. Н.: Но хоть к этому (космополитизму) надо стремиться евреям, отходящим от Талмуда и не пристающим к христианству. Баскин-Серединский мог бы быть таким.

Потом Л. Н. поговорил с А. А. Берс и с детьми о религии. После сказал, что Илюка, как и его отец, не религиозен, Любочка, как и ее мать, религиозна. Она, когда Л. Н. начал говорить с матерью, хотела уйти, чтобы не мешать. Л. Н. побеседовал с ними внимательно и долго.

Л. Н.: Детей не надо муштровать, чтобы они вели себя, как взрослые. В известном возрасте сами поймут, что это необходимо.

Приехал Михаил Сергеевич из Москвы. Рассказывал, что делали кадеты с Минором и Рафаловичем у Фальера, Клемансо, Жореса, ратуя за то, чтобы французы не давали русскому правительству займа. Этого не добились, но курс понизился. Тем принесли русскому государству 80 миллионов убытка. Они это скрывают, но Нелидов прислал фотографию кадетов с Минором и Рафаловичем вместе. М. А. Стахович сказал, если бы правительство этим воспользовалось, могло бы у мужиков доверие к кадетам подорвать. Но оно вяло.

Л. Н.: Еще может сделать.

Потом Михаил Сергеевич рассказал, как тульский крестьянин пишет в «Новости дня», что выдавали гнилой продовольственный овес. Мужики потребовали губернатора и «наклали ему в шею». Решено, что царь приедет в Думу — Петрункевич настоял, — а не Дума, в Петергоф. И Михаил Сергеевич рассказывал много подробностей — главное, о борьбе партий.

Л. Н.: Мне это интересно с другой стороны: серьезные вопросы, которые предстоят, они уже теперь загромождаются такими мелочами, как Стахович рассказал — борьбой партий, приемом царя. Клемансо — мой

* Служил в банке в Туле. Переселился с семьей в Америку.

** нет ничего заветного (*франц.*).

УГОЛОК ПАРКА У НИЖНЕГО ПРУДА
Ясная Поляна, 1906
Фотография С. А. Толстой

«Л. Н.: «Удивительная весна, как быстро наступает! Вот-вот соловьи запоют». И действительно, сегодня вечером запели». — Запись от 14 апреля 1906 г.

приятель, я его знал. Я его знал просто как человека, но никак не ожидал, чтобы он мог быть министром внутренних дел [2].— Л. Н. ахал над этим.

Юлия Ивановна: В Северной Франции забастовки (по газетам). Убито 50 солдат. Солдаты не стреляли.

Разговор о том, что в Саратовской губернии девять миллионов убытка, в Самарской — три миллиона.

Л. Н.: Я спорил с Колей, что убыток от аграрных беспорядков составляет очень маленький процент сравнительно с тем, что тратит правительство.

Михаил Сергеевич: Витте подал в отставку [3]. Нервен.

Л. Н. сказал на это:

— Сергеенко очень хорошо говорил о Витте. Говорил о нем, что по пятибалльной системе ему можно за ум поставить четыре. Потом, очень хорошо говорит, политически честен — например, взяток не берет, закон издает — исполняет, трудолюбивый, может 24 часа работать.

Михаил Сергеевич: Только у него нет никакого политического идеала, это его недостаток. Хочет угодить всем.

Татьяна Львовна: Мне жаль Витте. Я консерваторша. Его наследник будет хуже.

Л. Н.: Вероятно.

Михаил Сергеевич: На его место хотят поставить 80-летнего графа Палена, который не знает русского языка. Бывший министр юстиции.

Л. Н.: Екатерина Ивановна сама подняла уровень, пришла к доброте, а Варя от природы добра, поэтому она не может быть удовлетворена. У че-

ловека, стремящегося и достигающего нравственного развития, является удовлетворение. Вместе с тем у человека же, самого по себе стоящего на известном нравственном уровне, этого удовлетворения быть не может.

12 апреля. Утром спросила Александра Львовна:

— Как тебе, папа?

Л. Н.: Как будто легче.

Л. Н. пришел к завтраку и рассказал мне:

— Интересны сны, так как в них нет личности, времени, пространства. Вы (*к Михаилу Сергеевичу*) будете в Думе говорить pro или contra, это не важно, это уже есть. Время и пространство — только в отношении, в движении.

Л. Н. прочел вслух письмо Сиксне-брата, приговоренного за отказ в дисциплинарный батальон. Хорошее, трогательное. Потом вспомнил, что получил письмо от Arthur St. John [1] и что написал к Токутоми. Поручил послать ему из учтивости «Конец века» (по-английски) [2].

Приблизительно к 12 апреля 1906 г. *

Разговор об общей школьной повинности. Л. Н. против нее.

Л. Н.: Школы с правительственной (определенной) программой, они все зловредны. Между ними, просветителями через такие школы, и нами — пучина. Избави господи, чтобы мы всех крестьян развратили!

Л. Н.: Если друг женится, бывает особенное хорошее, дружеское отношение к его жене. Что стоит на пути дружбы мужчины к женщине, тут того нет (оно не мешает), и отношения бывают просты.

Софья Андреевна: Вот дружба Дьякова ко мне.

Дома Л. Н., Татьяна Львовна, Александра Львовна и Андрей Львович, Юлия Ивановна и я. Софья Андреевна в Москве.

Л. Н. здоров, бодр, весел, но мало участвует в разговорах, молчалив, созерцателен уже долгое время.

Л. Н. спрашивал про жертвы землетрясения в Сан-Франциско, и, как бы не веря сообщениям русских газет, открыл «Daily Chronicle», прочел оттуда, что погибших пять тысяч. И успокоился насчет надежности известия.

За обедом Л. Н. спрашивал, в каком парламенте (английском, французском, австрийском) по сколько членов. Говорилось о том, какие сложные и дорогостоящие были выборы в Думу в России.

Л. Н.: Слово «воля» гораздо верней и понятней для народа и хорошее слово русское. Означает и liberté** и volonté ***. А «свобода» для народа непонятна.

Михаил Сергеевич: Поэтому и не так понимают мужики свободу, которую дали теперь. «Свобода» — «теперь свобода» — народ понял в смысле, что все можно делать.

После посещений «политиками» (друзьями, родными) Л. Н. не читает газет.

Л. Н. хотелось проверить, что́ есть в стариках. Л. Н. пригласил на чай Курзика 84-летнего и Адриана Фоканычева 74-летнего, яснополянских крестьян. Посидели с 8 до 9 все в кабинете. В то же время Андрей Львович затеял цыганские и русские песни на гитарах в комнате Юлии Ивановны.

Вечер. Л. Н. с Михаилом Сергеевичем сыграли партию в шахматы на прощание, потом винт.

---

* Отсюда до конца дня — вставка, введенная Маковицким по его отметке 17 декабря 1911 г..— *Ред.*

** свободу (*франц.*).

*** волю (*франц.*).

13 апреля. Утром уехал М. С. Сухотин и вернулась из Москвы Софья Андреевна. Сейчас взялась укладывать новые книги в библиотеку. За обедом рассказывала об А. А. Берс, как она была счастлива своим пребыванием в Ясной. Хвалила всех, Сашу.

За обедом Софья Андреевна показывала иллюстрированный каталог Московской художественной выставки [1]. Портреты Стасова, Левы — Репина, Маковского — «Дети». Л. Н. понравились.

— Кому это нужно? Голые женщины? — сказал Л. Н., просматривая множество таких картин.

Л. Н. прочел в только что полученной корректуре «Круга чтения» из Рёскина об искусстве (31 августа), что плата за искусство только развращает людей; несколько настоящих художников будут творить и голодая; теперь расходуются версты печатной бумаги.

Л. Н. подарил Ване Шураеву книгу стихотворений Ратгауза, роскошное издание, которую получил в двух экземплярах. О Баскине-Серединском, который привез их, Л. Н. сказал:

— На днях был здесь лирик-старик, который привез эти книги своего друга. Он читал и свои стихи. Я,— сказал Л. Н. иронически,— очень люблю стихи и особенно ⟨стихи⟩ евреев. Но у него* талант.

Л. Н. говорил:

— Ездил к Кулешеву спросить, не могут ли там осенью жить Чертковы [2]. Можно будет. Там видел земского инженера, фотографировал пруд для какой-то работы. На что? Как бросают деньги! В Новой Колпне, где живет несколько богатых людей, у которых по 100 тысяч, земство выкопало два колодца, которые обошлись в две тысячи рублей. В другой деревне, где река, выкопало колодец за 600 рублей.

В 7 часов приехала С. А. Стахович. Приняли ее, как всегда, сердечно и торжественно. Села к столу, а все кругом. Обедали и беседовали. Она сразу заявила, что приехала только на полтора дня, что она будет слушать в Ясной Поляне, а не рассказывать.

Л. Н.: Из книг, которые вы мне достали в Петербурге, две вам верну, а одну еще подержу.

Софья Александровна: Вы все историю читаете?

Л. Н.: Забирает меня Смутное время.

Софья Александровна: И теперешнее?

Л. Н.: А теперешнее ничего.

С. А. Стахович говорила о брошюре Хомякова «Православие», которую она послала Л. Н. Потом говорили о книге «Самодержавие». Я ушел в библиотеку. По словам Андрея Львовича, Л. Н. говорил, что самодержавие хорошо тогда, когда не видят его недостатков, когда идет ровная жизнь. Но когда оно начинает безумствовать, как при Петре,— оно становится невыносимым. Тогда люди стремятся к новому, но этим возвращаются к старому, что еще хуже, так что нужно искать что-нибудь другое.

С. А. Стахович: Дмитрий Хомяков любит самодержавие.

Л. Н.: Его можно любить, как детство. Но как нельзя детство возвратить, так и самодержавие. Мы уже доросли до того, что нам не надо ни самодержавия, ни конституции, от которой там, где она есть (в Европе, Австралии), лучшие умы уже уходят.

О брошюрах Д. А. Хомякова — о «Самодержавии» и о «Православии» — Л. Н. сказал:

— Каждый чувствует, что это новые, свои мысли, а не версты печатной бумаги, как говорит Рёскин. Дмитрия Хомякова я уважаю: самобытный, новое сообщает, остроумный, как и его отец. Никто из русских не имел на меня, для моего духовного направления, воспитания такого

---

* Баскина-Серединского.

влияния, как славянофилы, весь их строй мыслей, взгляд на народ: Аксаковы — отец и Константин, Иван — менее, Самарин, Киреевские, Хомяков.

За чаем, пока Л. Н. не вышел, Софья Александровна читала из американских и английских газет о Горьком и Андреевой в Америке: как Горький говорил речь перед статуей Свободы, как его приветствовали, а потом из отеля выселили, потому что выдавал Андрееву, жену железнодорожного чиновника, за свою жену. Когда Л. Н. вошел, он слышал выражение радости по поводу скандала с Горьким в Америке.

Л. Н.: Мне это очень жаль. Знаете...— Л. Н. начинает говорить, его перебивают. Он замолкает. Если мысль очень важна для собеседников, после некоторого времени опять пробует ее высказать, но обыкновенно не добивается возможности сказать. Так сегодня было три раза.

Опять показали Л. Н. в иллюстрированном каталоге художественной выставки какую-то картину. Понравилось ему, сказал, что репродукция эта ему больше нравится, чем сама картина, если бы увидел ее в красках.

Л. Н.: «Тайную вечерю» Ге я знал по репродукции; когда я увидел ее в красках, меня разочаровало.

Юлия Ивановна: Портреты хороши так, а пейзажи требуют красок.

Л. Н. согласился. Речь зашла о картине Касаткина.

Л. Н: У Касаткина манера сильная... Син-Джон прислал роман «Jean» b. Blair [3]. Написал рабочий английский. Пьющая семья. Посмотрел в середине — так интересно, что не оторвался, пересмотрел до конца. История обыкновенная, простая.

Л. Н. рекомендовал прочесть эту книгу Татьяне Львовне. По поводу темы этой книги вышел спор Андрея Львовича с Л. Н. Андрей Львович твердил, что бедные люди не могут быть счастливы, только богатые.— «Я богатых знаю счастливых»,— говорил он. Л. Н.— наоборот. Спорили остро. К концу Л. Н. сказал:

— Кощунство — твои речи. Тошно, переворачивает от них.

Андрей Львович в задорный, раздражительный тон не вошел и скоро замолк. Он всегда, споря с отцом, сдерживается. Юлия Ивановна заявила, что она без денег спокойна.

Андрей Львович: Но вы бы согласились, если бы имели в месяц вместо 50 рублей 150.

Л. Н.: Она употребила бы их не для себя.

С. А. Стахович передала Л. Н. предложение ее брата напечатать без пропусков «Правительство, революционеры и народ» в «Маленькой газете» Столыпина, которая расходится в 13 тысячах. Она сказала, что, по ее мнению, Л. Н. теперь менее всех влияет, он не находится в современном круговороте мыслей.

Л. Н.: Было бы отсутствие смирения думать, чтобы это («Правительство, революционеры, народ», предисловие к «Самодержавию») повлияло.— Дальше Л. Н. говорил, что он сомневается, принесет ли он пользу тем, что он ее (статью) написал, и будут ли ее читать. Dans le doute abstiens-toi *. Что я и делаю. Печатать предложил Фельтен. Его изданий — удивительное дело! — не трогают. Они (цензора) ко мне относятся иначе, чем к другим.

Потом Л. Н. еще сказал, что не хочет печатать в «Маленькой газете», она бестолкового направления.

Л. Н.: Хотели напечатать по поводу 1 марта мое письмо к Александру III в «Былом», я отклонил. «Былое» такого революционного направления, определенного. Прочел книги №№ 1 и 2.

---

* В сомнении — воздержись (франц. поговорка).

С. А. Стахович привезла книгу Le Bon: «Psychologie du socialisme» и читала вслух отрывки против университетов и против ученого пролетариата [4]. Л. Н. похвалил.

Софья Александровна: Мы думаем, что только мы, русские, славяне, в упадке, а Лебон показывает то же во Франции: как немцы завоевывают ее коммерчески. Это удается им потому, что французы ленивее и недобросовестнее. Лебон указывает, как латинские народы приходят в упадок. Лебон пишет против социализма. И Евгений Рихтер. Читали вы его брошюру о будущем социалистическом государстве в русском переводе? [5]

Л. Н. знал ее.

Л. Н. принес «Историю России» Соловьева. Очень долго искал и прочел вслух о еретичке, которую мучили в Москве вместе с другими при Петре. Удивлялся ее убеждениям («все равно, что духоборческие») и выдержке: она вытерпела мучение дольше, чем мужчины. Потом Л. Н. показывал, как это «вывязать на дыбу», и как ее били кнутом четыре раза по 30 ударов.— «Ведь это подумать! А-а?!» — Лицо у Л. Н. было бледно, глаза шире раскрылись и выражали недоумение и ужас. Сказал:

— Каков бы ни был прогресс, теперь такое немыслимо.

Л. Н.: 30 лет тому назад я читал Соловьева, все книги заложены листами.

Л. Н. принес книгу мистика Силезиуса, которую ему привез, сдается, Сергеенко: Des Angelus Silesius. «Cherubinischer Wandersmann». (Verlegt bei Eugen Diederichs. Iena und Leipzig, 1905). В этой книге Л. Н. сделал на широких полях много пометок и своих переводов, в прозе, немецких религиозных двустиший [6]. Сегодня днем искал немецкий словарь; не понимал некоторых слов, например: Lauterkeit *, Ledigkeit **. Силезиус ему очень нравится своей глубиной и лапидарностью. Л. Н. замечательно знает французский язык, хорошо немецкий и английский, менее — итальянский и голландский. И все продолжает учиться. Попадется непонятное английское слово—никогда не ленится поискать его в словаре.

Л. Н.: Как неверно ожидали весной беспорядков и говорили про это! Я езжу, и невольно подъезжаешь к мужикам и говоришь с ними. Они все так добродушны и так ушли в свою работу, им ничего больше ⟨не нужно⟩. Другое дело — зимой, в праздники, особенно если монополия близко.

Я в 11.15 ушел, остальные еще не расходились.

14 апреля.

Л. Н.: Удивительная весна, как быстро наступает! Вот-вот соловьи запоют.

И действительно, сегодня вечером запели. Много ужей. И на балконе Л. Н-ча. Авдотья Васильевна их прогоняет палкой, стуча возле них и уговаривая, чтобы слезали. Но сама их палкой не трогает, не может по своей доброте к животным.

С. А. Стахович (за обедом): Заметили вы в «Самодержавии», что Хомяков коснулся вас, что вы говорите, что Кант глуп?

Л. Н.: Я не сказал, что Кант глуп. Он к глупости догматов подвел Канта. Я как раз накануне чтения «Самодержавия» записал себе в дневник: «Как жаль, что Кант поддался требованиям оправдать существующие догмы [1]».

С. А. Стахович: Опять был у вас посетитель, который читал вам стихи? Я видела, как он держал широко раскрытую рукопись и вам читал.

Л. Н.:. Представьте себе, этот сочинитель— рабочий из Орла. У него восемь человек детей. Просил помощи. Я ему советовал от моего имени обратиться к Михаилу Александровичу Стаховичу, предводителю дво-

---

* чистота (*нем.*).

** безбрачие (*нем.*).

рянства. «Он теперь не поможет,— ответил мне,— он теперь за царя и порядок, он не пожалеет рабочего». Мне это очень не понравилось,— заметил Л. Н.

Все встали из-за стола и ушли. Остались Л. Н., С. А. Стахович и я. Софья Александровна говорила о Пушкине, что у него речь в стихах так легко течет, что мысль не страдает от того, что выражена в стихах, а не в прозе. Сказала Л. Н-чу:

— Итак, вы не вполне правы, когда ставите в упрек поэтам, что они ради формы жертвуют ясностью мысли.

Л. Н.: Это так. И есть высшие темы, которые не подлежат поэтам. Вчера я читал Силезиуса мистические рифмованные изречения, и на них видно, что поэт их... *

Софья Александровна: Женщины, читая Послесловие к «Душечке», говорят с радостью: «Вот как думает Лев Николаевич о женщинах».

Л. Н.: Получил письмо-циркуляр от журнала «Krytyka» [2] из Кракова. Спрашивают мое мнение о самостоятельности Польши с сеймом и войском и об отторжении ее от России. Я им отвечать не буду.

С. А. Стахович: Ответ им будет в «За что?» Последние строки о Николае [3].

Л. Н.: Осуждать раздел Польши могу, но решать, как должны устроиться,—не берусь. Я думаю, что Польшу восстановить нельзя, не те идеалы. Разрушение исторической Польши был грех. За Екатерину, за три раздела мы платимся.

С. А. Стахович: Но и другие — и Пруссия...

Л. Н.: Немцы, боюсь, этой несправедливости не чувствуют. Мы, русские, чувствительнее.

Л. Н. (мне): Получил письмо от Хирьякова. Хочет издавать газету, посвященную религиозно-нравственным вопросам. Просит статью Павла Ивановича **, мое письмо о 1 марте. Я в сомнении, не знаю, какая это будет газета. Я знаю, что он более близок к христианским взглядам, чем другие. Не знаю, как решить,— сказал Л. Н. в мучительном раздумье [4].— Сколько новых газет! — сказал со вздохом, выражающим удивление,— и все это ни к чему.

Л. Н. пожелал читать книгу Лебона. Софья Александровна сегодня дочитает и оставит ему.

Л. Н. (мне): Иван Иванович Горбунов — его жена мне пишет — издергался нервами [5]. Я понимаю, как его тормошит это разросшееся дело, а у него никого нет из практических людей. Алексеев? Гусев?

— Я читал Валишевского. Искусственный язык. К концу истории Петра пишет о русской истории, чего мы, русские, не замечаем. Сперва легенды, хроники, которым придают историческое значение: Олег, Игорь; потом: варяги, татарское иго, завоевание России татарами, Москвы — поляками; Россия как государство перестала существовать; потом Романовы. А мы предполагаем, что Россия все время, от Рюрика, была. Было время, когда не было русского государства, русский народ же жил полной жизнью [6].

Вечер. Л. Н. лежал на кушетке в зале.

— Мне точно семьдесят лет,— сказал Л. Н. В разговоре не участвовал, только изредка отвечал или замечал, что-то вроде: «Как некоторые люди — я в том числе — пристрастны к лошадям!».

15 апреля. Утром, в 9, Л. Н. пришел в зал. Сказал мне:

— Все как было. Ничего особенного, так и должно быть. Я теперь по-стариковскому вслух говорю. Иду и говорю: «Как скверно! Как сквер-

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

** Бирюкова — против смертной казни; статья предназначена в «Былое».

но!», а через некоторое время, напротив: «Прекрасно!» Точно в мире два человека. Высшему, божескому физические страдания в пользу. Когда нездоров, мысль не работает; но как нездоровье проходит, наступает convalescence *, тут мысль особенно сильно работает. Все прекрасно. Все хорошо. У меня часы наклонно стояли. Был осьмой, а мне показался девятый час. Проснулся, встал. А то мог еще заснуть.— Л. Н. пересматривал письма: получены сразу два от Марии Львовны, одно из Лозанны, другое из Баден-Бадена. Пересмотрел и полученный «Журнал для всех».

Л. Н.: Какие теперь эти журналы стали скучные, все одна и та же нота. «L'Ere Nouvelle» — тут горизонт шире.

За завтраком С. А. Стахович рассказала, что когда около 20 марта убили бомбой Слепцова, тверского губернатора, возвращавшегося с земского собрания, кто-то предложил выразить в этом собрании сострадание и сожаление. Петрункевич встал и говорил против, потому что этим осуждалось бы политическое убийство. (Л. Н. не верилось.) В ответ на это в «Новом времени» кто-то из выборщиков Петрункевича писал, что выходит из партии кадетов, которая требует прекращения смертной казни, а сама за политические убийства. Последовало письмо Петрункевича в «Речи» или в «Стране», что поводом к его возражению была неуверенность в том, не вызвано ли убийство Слепцова личной местью [1].

Л. Н.: На это может возразить Танечка.

Андрей Львович (*матери*): Вот твои конституционные демократы!

Софья Андреевна: Этот—дурак...

Софья Александровна: Петрункевич — самый умный и добрый человек. Гучков предсказал ему в октябре, что он и его партия будут аплодировать убийствам. И, читая левые газеты, это и чувствуешь.

Л. Н.: Виноваты все мы, которые в такой среде вращаемся. Сегодня читал в «L'Ere Nouvelle» воспоминания Luigi Galleani об Elisée Reclus [2]. Galleani был уставшим, Reclus советовал ему отдохнуть. В это время кухарка принесла карточки пришедших к Elisée Reclus — Freycinet и Floquet **. Elisée Reclus им велел сказать, что не примет их: «Je ne veux voir ces crapules» ***. Потом кухарка вызвала Galleani; его искал товарищ, идеалист, возвратившийся из Италии, оборванный, без обуви. Galleani дал ему адрес своей квартиры, чтобы он туда пошел прибраться. Reclus, услышав, кто пришел, позвал его.— «Crapules» **** их не надо называть, но не надо с ними общаться. Это будет так.

Татьяна Львовна: Это будет через 150—500 лет.

Андрей Львович прочел итоги убытков, причиненных отдельным губерниям крестьянскими погромами.

Л. Н.: Как это интересно и как это сравнительно мало с тем, что тратится правительством.

Л. Н. читал из «Нового времени»: состав до сих пор избранных членов Думы по партиям, вероисповеданию, национальности, занятиям [3]. Есть и учителя, и неграмотные и восемь магометан. Л. Н. был доволен составом, пестротою, соответствующей пестроте населения.

Татьяна Львовна: Митя Олсуфьев выбран в Государственный совет.

Л. Н.: Я рад.

Татьяна Львовна: Он может сказать то же, что Петрункевич, только с другой стороны, то есть насилия правительства оправдать.

Л. Н.: Да, у него есть задор.

Андрей Львович прочел интервью Долгорукова. Он отказывается от кандидатуры в Думу в пользу Герценштейна [4]. Л. Н. цитировал сегодня

---

* выздоровление (*франц.*).

** Министры.

*** «Я не хочу видеть этих негодяев» (*франц.*).

**** «Негодяями» (*франц.*).

из «Мыслей мудрых людей» на 15 апреля следующую: «Только духовные идеалы достигаются без борьбы людей между собою, а, напротив, достигаются тем скорее, чем более соединены люди любовью. В наше же время закон борьбы признан законом жизни человеческой: доказательство того, что идеалы нашего времени — идеалы не духовные». Джон Р ё с к и н.

Вчера приехала М. А. Рыдзевская, урожденная Стахович. Обе сестры очень приятны, и все были им очень рады. С каким восторгом, радостью они едут навстречу брату, гвардейскому полковнику, возвращающемуся с войны, с Дальнего Востока.

Винт: Л. Н., Татьяна Львовна, М. А. Рыдзевская, Андрей Львович. Говорили о Самарине.

Л. Н.: Когда ему было лет пятьдесят, я его видел [5] и удивился, как он похудел. Это от американского лечения: ел одно мясо и пил вино. Потом уехал за границу, заболел чирьями-карбункулами, лег в Берлине в больницу — это скромность: был из замечательнейших русских людей и богатый,— и там умер.

С. А. Стахович сказала, что их знакомую, лечившуюся в Берлине, выслали. Почему — не знала. Из Германии в это время вообще периодически массами высылают русских и австрийских подданных: особенно евреев, поляков, чехов, словаков. Л. Н. заинтересовался этим: «Неужели?» — не верилось ему.

Когда С. А. Стахович, уезжая с сестрой в полночь, надевала шляпу, Л. Н. сострил:

— Когда будем привязывать ботинки сбоку к ногам так, как вы привязываете, а не надеваете шляпу?

Л. Н. за обедом рассказал, что на балконе есть ужи.

— Слышу Дунечку на балконе. «С кем она говорит?» — думаю. «Уйдите, иди, иди же» — и палкой стучит. Думаю: кого она гонит? Она стоит над двумя ужами.

Л. Н. рассказал про прибавление к статье И. М. Трегубова, появившейся в «Полтавщине», где Иван Михайлович говорит про христианское отношение к политике: редактор вставил, что христиане поступают так, как сторонники партии «Народной свободы» [6].

16 апреля. Письмо от Гончаренко из Сибири [1]. Отказался от военной службы, но не переносит кротко тюрьму и лишения. Отчаивается, и письма к Л. Н. дышат отчаянием. Теперь, сдается, подружился с писателем Сорокиным и при русской взаимопомощи между друзьями, знакомыми не бедствует хоть материально. Это первый из всех тех многих десятков отказавшихся в Венгрии, южных славянских землях, России и других, коих мне посчастливилось узнать, который не несет свой крест терпеливо. Л. Н. сильно страдает за него, жалеет его и огорчается, что внутренно не готовый пошел на внешний подвиг.

Утром в лечебницу заехал Владимиров с письмом от И. И. Горбунова, чтобы устроить ему свидание с Л. Н-чем. Л. Н. в это время, как обыкновенно после 8 утра, гулял и поговорил с ним в аллее. Владимиров приехал за статьей в сборник против смертной казни, который составляет адвокат И. Н. Сахаров, просивший статью туда у Л. Н. уже раньше письменно. Л. Н. сразу не знал, с кем имеет дело, только когда вскрыл письмо, которое принес Владимиров, где писалось о нем, что это тот самый Владимиров, который оказал неоценимые услуги в деле Спиридоновой и других.

— Я рад, что не проговорился,— сказал мне после Л. Н.— «Я не могу писать туда,— сказал я ему.— Все мои сочинения — против смертной казни».— Владимиров возразил, что ведь надо сжато высказаться вместе в сборнике. Л. Н. ему на это, что сборник никому разом не вобьешь в голову. Написано в разных сочинениях: кто не хочет читать их, и в сборнике не будет.

Татьяна Львовна рассказала, что возле станции Засека казна будет копать для дачников пруд за три тысячи рублей.

Л. Н.: Казенные деньги швыряют для роскоши, для богатых людей. При Петре при 10-миллионном населении был 10-миллионный бюджет, теперь при 130-миллионном населении — 2 миллиарда, на душу 17 рублей. Впрочем, тогда был рубль дороже.

Л. Н. получил письмо от Гончаренко.

Л. Н.: Какое раздраженное письмо от Гончаренко! — И дал мне его прочесть. Увидел на конверте одного письма марку с Мальты:—Первое письмо с Мальты.— Оказалось эсперантским — об автографе. Л. Н. прочел вслух, все можно было понять.

Вечер. Запели соловьи. Андрей Львович позвал меня на террасу перед бывшей библиотекой. Роса падала. Андрей Львович спросил:

— Кто идет по аллее?

— Толстой.

— Лев Николаевич?

— Так точно.

Показалась черная фигура с белым пятном на груди: бородой. Пришли Александра Львовна с Надеждой Павловной на террасу. Л. Н. с балкона указал на Льва в зодиаке:

— Напротив мой тезка. Четыре звезды в трапеции. А в зените Большая Медведица, хвост на юг. Есть китайское изречение: «Весной хвост Большой Медведицы — на восток, летом — на юг, осенью — на запад, зимой — на север».

За чаем Л. Н. говорил:

— Я ехал по шоссе, раздал богомолкам книги и малому дал книжку о вреде пьянства, над чем тот засмеялся. Потом видел мужика, как он..... *

Андрей Львович: Самое желательное для народа — чтобы перестал пьянствовать. Финляндия уничтожила пьянство. Я понимаю, когда пьют за столом, за разговором, а не понимаю, когда отравляют себя таким путем.

Л. Н.: В Малороссии была вольная, не обложенная акцизом продажа вина, и тем не менее было меньше пьянства.

Когда Андрей Львович спросил, почему, Л. Н. сказал:

— Не знаю.

Андрей Львович: Если бы настала вольная продажа водки, тогда, очевидно, первое время было бы больше пьянства.

Л. Н.: Совершенно верно, так же, как после крепостного права, когда откупы уничтожили, когда кабак имел право открывать всякий, тогда как раньше кабаки имели право открывать только в назначенных местах. Я помню, когда Ермилин держал кабак, я спросил, как не совестно таким грешным делом заниматься, на что он ответил: «Да ведь царская печать на нем». Тем, что правительство участвует в продаже водки, оно этим поощряет пьянство. Искоренить пьянство может только общественное мнение лучших людей.— Л. Н. спросил Андрея Львовича:— Ты бываешь в разных домах, существует ли предобеденная водка?

Андрей Львович сказал, что везде.

Л. Н. сказал по этому поводу, что при Петре было сильное пьянство, и он его поощрял, и напаивал даже женщин, которые валялись пьяные. Перешел разговор на евреев. Андрей Львович рассказал, что он слышал от одного человека, жившего долгое время среди евреев, что если еврей дурной, то он совсем дурной, а если хороший, то очень хороший.

Л. Н.: Да, это так. Я ехал, не помню, кажется, к Черткову, в третьем классе, и было несколько евреев. Один был пьяный, что редко бывает, и

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

шутил со священником очень остроумно. Другой же — молодой, интеллигентный, силач. Я с ним заговорил о религии, на что он мне ответил, что религии никакой нет, только бы не входить в столкновение с законами. На что я сказал ему: «С вами опасно пойти в лес: потому что вы убьете и ограбите». На что он сказал: «Да отчего же нет, если можно скрыть». Какова откровенность?!

Андрей Львович: Все люди похожи друг на друга, а евреи имеют свои особенности.

Л. Н.: Нет, это неверно, так как все национальности имеют свои особенности.

Андрей Львович: Все национальности могут обрусеть, а евреи остаются евреями.

Л. Н.: Я думаю, они могут обрусеть — например, этот кузнец на Косой Горе.

Надежда Павловна: Он крещеный мальчиком, он из кантонистов.

Л. Н.: Они такие потому, что они везде чувствуют себя стесненными.

17 апреля. К завтраку вышел Л. Н., рассказал, что он сейчас читал в английском журнале, каким образом спириты читают мысли. Вопросы пишутся на твердой бумаге, которая влагается в конверт и заклеивается. Письмо это положат перед собой, смажут жидкостью, которая сделает бумагу прозрачной и вскоре бесследно испарится. И так прочтут. Или дают пластинку, смазанную веществом, на котором отпечатывается. На пластинку кладут бумагу и пишут на ней, и эту бумагу прячут себя в карман. Спирит же прочтет отпечатавшееся на пластинке. Разумеется, он делает всякие фокусы над головой спрашиваемого, чтобы отводить внимание. Л. Н. рассказал еще про несколько более сложных обманных приемов. Важно это разоблачение. Сколько людей приводится спиритами в недоумение, в заблуждение!

— Иван Михайлович Трегубов,— сказал еще Л. Н.,— прислал мне статью (из полтавской газеты) о том, что Думе надо заняться вопросом об отказывающихся от воинской повинности. Не совсем согласен, изменю и припишу несколько слов и пошлю Ивану Ивановичу [1].

За обедом Л. Н. рассказал:

— Читаю в «Daily Chronicle» на первой странице Summary of day *. Вчера там было: 1) Англичане в прошлом году сделали военную экспедицию в Тибет и теперь требуют издержки с китайского правительства — 300 тысяч фунтов стерлингов. (Л. Н. изумился этому бесстыдству.) 2) Приехали в Лондон 4—15-летние наследники чикагского богача. Их доход ежегодный — 12 миллионов рублей.

Юлия Ивановна: Столько истратить! Ведь надо подумать, как.

Л. Н.: Это и при меньших доходах... В малых размерах не видно, в больших размерах видно, что деньги владеют человеком — не человек деньгами. Когда деньги есть, ведь надо их израсходовать.

Л. Н. принес новый номер «The Monist» и показывал на первой странице картинки японские и стихи на японском и английском языках о том, что надо врагу нанести сильный, решительный, смертельный удар, но в то же время помнить, что надо любить врага.

— Как это соединить? — спросил Л. Н.

За чаем Татьяна Львовна чувствовала себя слабой.

Л. Н.: И я сегодня слаб. Дурно себя чувствую. Сергею Николаевичу понравилось, что я говорил о старости. Физическая слабость, дурное расположение духа, когда 30 лет, бывает два раза в год; когда 35 — четыре раза; а 40 — шесть раз, и так далее. Постепенно прибавляются периоды

---

* Сводку событий дня (*англ.*).

Т. А. КУЗМИНСКАЯ И С. А. ТОЛСТАЯ
Верхняя библиотека яснополянского дома, 1906
Фотография П. А. Сергеенко

слабости. Я тогда говорил, что мне точно 70 лет, а теперь это — три раза в неделю.

Л. Н. (*Андрею Львовичу*): Завтра будешь в Туле, спроси, неужели правда, что правительство дало заказ на ружья за границу и прекращает работу на тульском оружейном заводе, а в патронном рассчитывают половину рабочих? По какой причине? Скорее всего потому, что за границей в частных заводах им дешевле обойдется; работа на казенных заводах всегда дорого обходится. В этом ничего худого нет. Что Витте и.....* хотели по образу заграничных государств, сделать из России промышленную страну, это не нужно. Пусть русские производят хлеб, кожи и за них покупают заграничные произведения. Надо самому удовлетворять свои потребности. Хлеб и кожа, наверное, всегда будут нужны, а браунинги, ружья и шелковые материи будут ли нужны — это вопрос. Часть этих рабочих вернется к земледельческой работе и тем более вернется при выгодном распределении земель.

Л. Н. говорил, что читал Le Bon: «La psychologie du socialisme» — хорошая книга; что посоветует Лебрену сделать извлечения на русском языке. Лебон утверждает, что социализм — вера. Что рассуждениями нельзя его опровергнуть. Что есть философия социализма — рабочие фанатически верят в него; что слабые достигнут справедливости. Как это может сделаться, не знаю. Le Bon сам — агностик.

18 апреля, вторник. Вчера и сегодня была знойная погода, к ненастью. Татьяна Львовна от нее совсем раскисла. Л. Н., Софья Андреевна, Александра Львовна, Андрей Львович поехали в Тулу. Л. Н. ездил верхом. Написал прибавление к статье И. М. Трегубова по поводу отказавшихся от военной службы, присуждаемых в дисциплинарные батальоны, что этим надо заняться Думе, дать им другую, не военную, службу. В прибав-

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

лении Л. Н. говорит, что правительство имеет два пути перед собой: или уничтожить воинскую повинность, или уничтожить христианство, остатки христианства.

Лебрен спросил Л. Н., слабеет ли христианство? Л. Н. утверждал, что да.

За обедом Лебрен. Говорили, что̀ в газетах: Гапона убили [1]. Нельзя разобраться, кому служил Гапон и кто его убил.

Л. Н.: Одно средство: не слушать. Можно не читать.

Убийства продолжаются. Убиты где-то опять городовые, полицмейстер.

После обеда Лебрен пошел к Л. Н-чу. Л. Н. ему посоветовал сделать извлечения из Le Bon: «La psychologie du socialisme» и продолжать за началом, которое сделал Л. Н., переписывать для народа «Мысли мудрых людей» [2]. Читали вслух статью сокращенную И. М. Трегубова и что̀ к ней приписал сегодня Л. Н.

Вечер. Л. Н. вышел в залу на полчаса. Лебрен прочел вслух рецензию на «Историю» Шишко из «Исторического вестника» [3].

19 апреля. В полдень ушел Лебрен, взял с собой «Мысли мудрых людей» — экземпляр, который начал переписывать для народа Л. Н., и немецкую брошюру о Спире (Шпире) [1].

За обедом получена телеграмма, что Гаярина с Дубасовой (женой московского генерал-губернатора, сестрой министра Сипягина) отложили приезд. Легче стало и Софье Андреевне и Александре Львовне. Софья Андреевна сказала Л. Н., что звала Гаярину, чтобы приехала с дочерьми.

Л. Н.: Дубасов, историческая личность, будет покрыт позором.

Софья Андреевна возразила Л. Н., что его посещают революционеры, например, Файнерман, Щербаков.

Л. Н.: Файнерман не революционер, а Щербаков был против насилия и говорил, что будет действовать, чтобы мужики насилия не допускали.

Л. Н., однако, признал, что правительственных лиц и революционных одинаково надо сторониться.

Потом Л. Н. рассказал:

— Получил 30 рублей, чтобы их раздать многодетным вдовам, у которых нет коровы.

Сегодня были у него две бабы из Пирогова, у одной шесть, у другой четверо детей. У одной пала корова и лошадь. Сперва им дал Л. Н.— той, что с шестью детьми,— два рубля, другой — рубль. За ними пришел погорелый, знающий их, и подтвердил, что̀ они говорили. Л. Н. дал одной 30 рублей, а другой три и этой сказал: «Смотри, не завидуй ей».— А у нее восторгом лицо сияло,— рассказывал Л. Н.—что ее более бедная подруга получила эти деньги. «Как же завидовать! Она со мной молочком поделится» [2].

Л. Н. спросил, знаю ли я лично Бодуэна де Куртенэ, и сказал:

— Корректуру «За что»? пошлем ему [3]. Там имена исторические, может быть, что-нибудь историческое неверно.

Л. Н. просил вчерашнюю вырезку из «Daily Chronicle» со статьей Bryce о «Garden Cities», где написано, что в Англии $^{6}/_{7}$ жителей живет в городах, а только $^{1}/_{7}$ в деревнях. Л. Н., читая про этих $^{6}/_{7}$, произнес вслух: «Back to land!» *

Вечер. Городки, потом с Андреем Львовичем верхом. Андрей Львович сегодня потерял по дороге из Тулы, в экипаже, золотой портсигар. За чаем Юлия Ивановна рассказала, что Танечке привела Белку (сибирскую лайку). Танечка (ей полгода) смотрела на нее, была поражена, Белка же была смущена.

---

* «Назад к земле!» (*англ.*).

Л. Н. рассказал:

— Ехал из Горелой Поляны. Там снесли сторожку, остался фундамент, а напротив него низкая качалка. Под ней увидел что-то черное. Я близорукий, не разузнал, что̀. Подъехал: лежит собака, старая, голодная. Стала лаять и побежала за мной, лаючи. Как она лежала, свернувшись клубком! Наверно, старая домашняя собака, которая не уходит с места, где стоял дом. Завтра поеду посмотреть ее и привезу ей хлеба.

Л. Н. спрашивал об эстонцах: не помнит, чухонцы ли они? О Сиксне — эстонец ли он? Потом говорил, что в апрельской книжке «Исторического вестника» три страницы заглавий конфискованных изданий [4].

— До моих сочинений, изданий Фельтена, не доходят, потому что других — революционных — так много, которые им кажутся опаснее,— сказал Л. Н.

Там же Фаресова статья о настроении в псковской деревне [5]. Об этой статье Л. Н. сказал, что она нехороша, неверная, все на известный лад подобрано (односторонне), разговоры крестьян искусственны. Л. Н. удивлялся, что цензура пропустила ее: там места, касающиеся царя.

Л. Н. общение с людьми предпочитает своему писанию.

20 апреля. Зеленеет не по дням, а по часам. Пополудни (в 2.30) Л. Н. поехал верхом на Горелую Поляну. Мы с Александрой Львовной через час за ним. Должны были встретиться на Горелой Поляне, но встретились за ней, у моста через Воронку. Л. Н. рассказал, что был у пчельника, но напали пчелы, лошадь — Делир — горячилась. Одна укусила Л. Н. в лоб: слез с лошади, потер землей. Видно было на лбу, когда вернулся домой, забыл смыть. В бороду залезли. С нами опять туда поехал. Ехали по молодняку, подымались и спускались и опять подымались. Остановились далеко от пчельника. Л. Н. позвал пчеловода — худенького старика Михаила Васильевича, бывшего семинариста. В 1866 г., когда Софья Андреевна родила Илью, был переписчиком «Войны и мира» у Л. Н.

— Вы рассказывали, я писал,— вспоминал он в разговоре с Л. Н.

Л. Н. поскакал ближайшим путем домой: предложила ему это Александра Львовна, чтобы мог дольше быть один, думать. Как он ловко ездит через молодую поросль, на бегу круто поворачивает.

Л. Н. (*за обедом*): Получил раздраженное письмо от Ивана Ивановича— Чертков не ждет, пока второй том «Круга чтения» выйдет по-русски, и издает новые рассказы по-английски [1].

Софья Андреевна: Темные грызутся между собой — Шкарван, Чертков, Бирюков, Моод. Если бы ты мне предоставил издание, было бы спокойно. Теперь Аскарханов, который голых женщин рисует и находится под судом, издает твои сочинения [2].

В 9 вечера Л. Н. пришел ко мне. Я лежал.

— Ах, виноват! — сказал, заметив меня, поднимающегося с кровати, и взял меня за плечо, уложил.— Лежите, лежите, голубчик! Они вас замучили сегодня. Мы потом с вами о польском вопросе поговорим.

Л. Н. пошел гулять по саду. Теплый вечер, месяц светит, соловьи поют.

Вернувшись, Л. Н. сказал:

— Гулял по саду. Как хорошо! Думал о революции. Люди обязаны быть счастливы. Бог все дал. Надо стараться так жить, чтобы другим, хоть Белке, делать добро и себе. Думал о революционерах: они не так поступают.

Софья Андреевна: Как же, Андрюша несчастлив, весь день скучает, потому что нет денег.

Л. Н.: Это что портсигар потерял? Бог на него, как на Вареньку, оглянулся [3].

К чаю Л. Н. принес Мохнацкого историю польского восстания 1831 г. (в «Русской старине» или «Историческом вестнике»?) [4] и прочел вслух польские цитаты; кажется, некоторые хочет использовать в «За что?».

Л. Н.: Мохнацкий — радикал польский — пишет о Лелевеле, что он был двуличный; не уважает его.

Л. Н. знал Лелевеля уже стариком. Потом Л. Н. хотел узнать, какие области требовали поляки присоединить к Польше в переговорах с Константином Павловичем во время восстания.

Л. Н.: Они восстали из-за глупостей, которые делал Константин Павлович, но эту причину не называли, а выставляли другую: присоединить бывшие польские владения: Литву, Белоруссию, Малороссию к Польше, но чтобы Польша оставалась при России.

Работа Мохнацкого Л. Н. нравится.

Л. Н. спросил Татьяну Львовну про Анненкову.

Татьяна Львовна: Она в Москве.

Л. Н.: Несчастные люди в Москве! И их счастье, спокойствие духа зависит от того, которая партия победит.— Помедлив немного, продолжал:

— Мне ясно, что кадеты и победили потому, что они себе присвоили все выборные приемы европейские.

Татьяна Львовна перебила:

— Они устраивают квартиры в Петербурге для выборщиков-крестьян, будут их кормить, поить, только бы они шли с ними. Теперь увидят другие партии, при будущих выборах будут и они так же поступать.

Юлия Ивановна вспомнила письмо (статью?) Ратгауза о том, что газеты не содействуют миру, а ссорят народы, и о его желании, чтобы Л. Н. об этом писал.

Л. Н. сказал:

— Что об этом писать! Незаметно пройдет.

Потом спросил Юлию Ивановну:

— Помните Христа? Беседу, которую кончил, народ разбежался, никто не слушал. У Анатоля Франса есть рассказ: преемник Пилата с ним (Пилатом) разговаривает в Риме о Палестине. Вспоминает красавицу Магдалину, которая ходила за чудаком Иисусом. «А что с ним?» — «Его, кажется, повесили» [5].

Как современники не замечали, не понимали Христа! Подобно как теперь Л. Н-ча, его разъяснения (истины), предостережения. Люди уничтожают остатки христианства. А может случиться то, что с Христом: через несколько десятилетий или столетий им, Л. Н-чем, будет жить мир.

21 апреля 1906 г. я с Михаилом Львовичем уехал к ним в Чифировку и вернулся ночью с 22 на 23.

23 апреля. Л. Н. вышел к утреннему чаю в одной нижней белой полотняной рубашке, с расстегнутым воротником, как иногда в жаркие дни ходит (сегодня с утра знойно).

— Я вам сказал? — спросил меня,— получил от Иван Ивановича раздраженное письмо, а теперь получил второе, хорошее; жалеет, что пенял на Черткова [1].

Я дал Л. Н. письмо Ch. Sarolea, спрашивающего, может ли приехать по поводу своей книги о Л. Н. на четыре дня в Ясную.

Л. Н.: Лучше отказать. Чтобы пожил тут — ничего, но мне будет тяжело, и это ни к чему.

Л. Н. теперь всем (исключения редки) желающим посетить его и пишущим ему об этом, отвечает, чтобы не приезжали. Стал прямо тяготиться посетителями. Раньше делал усилия, принимал всех, но т. к. почти все приходящие к Л. Н. люди теперь опропагандированы политически, загипнотизированы, полемизируют с Л. Н., ему тяжело, и обыкновенно находит бесполезным с ними беседовать.

За обедом (третий день на веранде): Л. Н., Татьяна Львовна, Александра Львовна, Юлия Ивановна, Мария Александровна. Разговоры шли шуточные, простые, милые. Меня отозвали к больным в село Ламинцово. По пересказу Марии Александровны Л. Н. говорил: «Кто живет личной жизнью, тому хочется перемены политической, общественной деятельности; а если она ему не удается, он винит препятствия (правительство). Нам с вами, старикам, у которых есть внутренняя жизнь, живется здесь хорошо; а Андрюше, Саше хочется перемены (Александра Львовна только что поехала к Звегинцевой, а Андрей Львович—в Москву). Люди, живущие внутренней жизнью, не участвуют в общественной жизни».

Л. Н. просил Ваню Шураева, молодого лакея, сетью снять с нижнего и среднего прудов шульки с берез, которые туда нападали, чтобы вода не загнивала и осталась все лето чистой, прозрачной.

24 апреля. Понедельник. Сегодня вечером Л. Н. сказал то же самое Федору Кочеткову, дворнику, что́ вчера Ване. Сегодня были трое погорелых и две старушки-мещанки из Тулы, просить на «бедность». Одна из них показала Л. Н. письмо сына, высылаемого из Тулы. Просит дорогих папашу и мамашу, что̀ ему приготовить к отъезду.

Л. Н. (*о письме этом*): Какое озлобленное: «Их, всю сволочь: Трепова, Дурново, истребить надо».

За обедом на веранде Л. Н-ча, Татьяну Львовну, Юлию Ивановну донимали огромные шершни. Л. Н. рассказал, куда ходил гулять:

— Засекой к Судакову. Все новые виды, овраги, черемуха рано расцвела, пахнет как! Дуб развернулся...

Я спросил Л. Н., может ли это быть, чтобы волки домашнее стадо не трогали, а только по сторонам ловили, что мне вчера рассказал работник, который вез меня в Ламинцово. Л. Н. сказал, что да; что волки там, где живут, не ловят и что бросаются только тогда, когда начнут на них нападать. Поэтому крестьяне не любят, когда охотятся на волков: они тогда и там, где до сих пор жили и покой был от них, нападают на скотину.

— Слышали ли что-нибудь про ламинцовских революционеров? — спросил Л. Н.

— Старался узнать у везшего меня, но не добился толку. Он говорил, что от господ землю отнимать нельзя; что они ее себе заработали или давно живут на ней; что крестьяне ходили в Ламинцове с красным флагом.

Л. Н.: Это (первое) для господ. А что ходили с красными флагами, это может быть. Я так думаю, что русский народ или равнодушен к политике, или жестоких воззрений.

Я рассказал про статью Меньшикова в «Новом времени» 23 апреля [1]; об уходе Витте и товарищей министра; что Витте — талантливый государственный человек, жаль его, но что с уходом его и приходом нового министерства Государственной думе нельзя будет критиковать правительство и этим исчерпывать все задачи Думы. Должна будет заниматься более важными и трудными делами.

Л. Н.: Ни в одном государстве нет — может быть, было когда-то — столько дел Думе, как у нас. С чего начать? Бесчисленное количество вопросов, и все изменять от основ, невзирая на партийные споры, которые сами себе создают. О земле, войске, печати, законодательстве рабочих, окраинах: Польше, Финляндии... Всеми этими учреждениями, как они есть, недовольны. Не сумеет Дума сладить с этими задачами. Будет полное фиаско Думы.

Л. Н.: Получил письмо от Сиксне *. Пишет: «Книги получены, завтра еду в дисциплинарный батальон, и радуюсь этому» [2].

---

* Через несколько месяцев кончил земное поприще, умер от чахотки в военно-тюремной больнице в Маньчжурии.

Принесли третью еду.

Л. Н.: Много едим. Четыре блюда. Должно бы быть довольно двух... Стасов мне пишет: «Не могу приехать, нездоров; нельзя будет рассказать про глупости и отвратительности, которые совершаются». Что́ он считает глупостями и отвратительностями — не знаю [3].

Татьяне Львовне принесли к столу Танечку, веселую, жизнерадостную. Л. Н. щелкал языком и играл с ней. Вечером в восемь часов Л. Н. поехал верхом на Кабардинце на шоссе, в елки поручика *. Вернувшись, застал меня с Юлией Ивановной сидящими под вязом, названным П. А. Сергеенко «деревом нищих». Посоветовал Юлии Ивановне туда пройтись, а мне предложил сесть на Кабардинца, и пожалел, что не позвал меня с собой.

Художница Юлия Ивановна, приглядывавшаяся к Л. Н., когда подъехал верхом, теперь, когда ушел к себе в дом наверх, заговорила о своей картине: Л. Н. верхом на Тарпане. Намеревается кончить ее и повесить у себя. Картина висит в Кузминском доме, а туда приедет скоро жить на лето Лев Львович с семьей. Юлия Ивановна пишет по памяти, Л. Н. ей не позировал. На выставку ее не пошлет. Нет самолюбия; что́ ей было дорого — сделала. На картине, по-моему, почти готово лицо Л. Н. и голова и перед лошади **

Л. Н. пришел кчаю в халате. Халат днем или по вечерам надевает только когда ему нездоровится.

Александра Львовна рассказала ему про своих пчел в Телятинском имении, что некоторые ульи—воровки.

Л. Н.: Это признак, что в них непорядок, матка стара.

Татьяна Львовна посоветовала Саше книгу о пчеловодстве достать себе. У нее, Татьяны Львовны, их с пятнадцать, все прочла, больше чем о питании ребенка.

Потом о коровах, масле. Л. Н. поддерживал разговор может и с тем, чтобы не охлаждать интереса Александры Львовны к хозяйству. Сегодня била масло в Телятинках сама, новым способом, сварив сливки.

Юлия Ивановна спросила Л. Н., что́ сделает для учителя? В селе Ламинцове побили станового. Арестовали девять человек, в том числе и учителя-крестьянина. Потом его выпустили. На днях в Тросне бросили бомбу в квартиру станового; бомба никому не сделала вреда. Ламинцовского учителя опять арестовали. Сегодня приходил его дядя к Л. Н., говорил, что учитель тут не при чем. Л. Н. обещал ему поговорить с губернатором или лично, когда приедет посетить Л. Н., или через Андрея Львовича. (Л. Н., что́ обещал, не забывает исполнить.)

Л. Н. спросил, поеду ли еще в Ламинцово. После моего отрицательного ответа, сказал:

— Хорошая деревня, ловкий, умный народ, потому и попал в революционеры.

Л. Н.: Читаю Валишевского «Pierre le Grand». Интересно. Его язык французский искусственен.

25 апреля. Л. Н. вышел к нашему завтраку. Вид у него хороший. Похлебал супу и съел только пирожок.

---

* Поручиком зовут лесничего М. М. Морозова, живущего в $1^1/_4$ версте от пересечения Киевского шоссе большаком. Супротив поручика — питомник, один из самых больших в Центральной России. Тут любит Л. Н. посидеть под старыми деревьями, посредине питомника оставленными.

** Юлии Ивановне не пришлось ее теперь кончать, а в 1909 г., когда уже не жила в Ясной, а в Москве, кончала по памяти, но тут, не видав год Л. Н., доканчивая его лицо, при обработке изменила к худшему то хорошее, верное выражение, какое было запечатлено на картине года три тому назад. Картину подарила в 1911 г. вегетарианской столовой в доме княгини Шаховской в Газетном переулке в Москве [4].

Л. Н.: Надо не есть. И пирожок напрасно съел.

<Л. Н.?>: В английском журнале читал: американский пастор проповедует, что христианину надо быть реформатором и только реформатор — христианин. А тот, кто исполняет одни обряды и не заботится об улучшении общественных учреждений,— не христианин.

Юлия Ивановна рассказала о Белке, какая она хорошая. Когда на прогулке идет впереди и на перекрестке пойдет другой дорогой, чем Юлия Ивановна, то сейчас начнет что-нибудь таскать или копать, чтобы сделать вид, что она за тем туда пошла. Иногда останавливается на перекрестке и смотрит как бы в сторону, но она следит за движениями Юлии Ивановны, куда она намерена идти. Или если она побежит вперед, а ты возвратишься, какая она смущенная.

— Замечали вы это, Лев Николаевич?

— Да. Иногда хочешь возвратиться домой и ради них еще дальше гуляешь. Это — нет другого названия — разум. Разум, соображение о том, что было и будет.

Вечером мы с Юлией Ивановной сидели на ступеньках каменной террасы. Л. Н. липовой аллеей возвращался с прогулки. Юлия Ивановна спросила, видел ли ландыши: уже цветут. (Л. Н. любитель цветов.)

— Сорвала цвет дикой груши: навозом пахнет,— сказала Юлия Ивановна.

Л. Н.: Это бывает, а у яблони нежный запах.

— Как вы себя чувствуете? — спросила его Юлия Ивановна.

— Прекрасно. Воздерживаюсь в пище. Хорошо думается. Радуешься на жизнь.

Л. Н. спросил меня (третий день спрашивает), купался ли я?

За вечерним чаем Л. Н., Юлия Ивановна, недолго Александра Львовна, после Татьяна Львовна. Александра Львовна говорила про хозяйство в Телятинках:

— Как трудно хозяйничать. Бык двухлетний брухается; приходится его резать, а я не могу. За то, что он брухается и что перепрыгнул забор и побежал к телятинскому стаду, его избили.

Л. Н. (*неодобрительно*): Этим раздражают его; он будет помнить, что люди ему это сделали. Я всегда любил животных. На выставке купил барана для породы. Он брухался. В Никольском на пастбище побежал на меня, я удирал от него, успел захлопнуть калитку.

Александра Львовна говорила, как в Телятинках читают прокламации. Принесла две социал-революционеров тульских: одна — к рабочим, другая — к крестьянам. В них об Учредительном собрании, уничтожении правительства, отказе платить подати.

Л. Н.: Не платить подати — не подходит к прочему революционному содержанию.

Александра Львовна передавала разговоры с мужиками телятинскими. Один ей говорил об N.: «Пьяный, готовится сжечь усадьбу. Такие люди, как он, как Петр Цыганков, которые живут конокрадством (землю сдают в аренду, изба только на топливо годна, N. трех рублей за нее не получит), ничего не теряют. Посидеть под арестом ему — ничего. Мне же — у меня лошади, коровы, овцы — нельзя того делать».

Юлия Ивановна сказала про Ваню, какой он революционер. Как сегодня с восторгом передавал известия, что было покушение на Дубасова [1]. Потом говорил, что из Тулы выслали трех рабочих — верно, тех, для которых просили вчерашние тульские старушки. Потом говорила о появившемся памфлете, в котором пишется, что Толстой против помощи голодающим, и цитируются его письма.

Л. Н. вставил:

— Я ведь помогал голодающим.

Еще Юлия Ивановна говорила о каком-то фельетоне (какого-то посетителя Ясной Поляны), что Толстой хочет казаков привести [2].

Татьяна Львовна: Ванька — революционер; нянька говорит, надо бы пострелять всех революционеров; Авдотья Васильевна жалеет Дубасова и революционеров. Илья Васильевич жалеет и тех и других.

Л. Н.: Авдотья Васильевна — продукт прежней жизни. Рядом с ней живут совершенно иного воззрения люди, откуда же ее воззрение взялось? В старые года, когда скоро умирать... Мне совершенно ясно, что ключ к христианству — непротивление, а они откинули его, христианами же себя мнят. Его же (непротивление) надо соблюдать и против быка и против Дубасова.

Юлия Ивановна: Теперь Дубасова не приедет.

Л. Н.: Я просил и Софью Андреевну и Михаила Сергеевича, чтобы ее не звали. Брат Каракозова просил позволения переменить фамилию свою. Дубасов — будет такое же имя. Михаил Сергеевич мне ответил, что не может Дубасова ⟨отвечать⟩ за мужа. Не принял ли бы я и мужа Спиридоновой?..... *

Л. Н. сказал приблизительно так:

— Началось японской войной и продолжается революцией... Престиж русского государства (могущества) потерян. Одно светлое впереди из теперешнего безыдейного брожения: ослабление центральной власти. Французская революция проявилась..... * Наполеоновские войны были за величие Франции; это соответствовало тогдашнему идеалу, и подъем сил происходил вследствие революции. У нас же идет к распадению России. Польша, Финляндия отпадут. Федерализм имеет основание в обороне против соседа. Русскому народу будет только легче без них. Величие государства желательно тем, кто стоит у власти.

— Читаю историю Швеции [3],— говорил далее Л. Н.— Какое это было могущественное государство! Все считались с ним. Потом — Карл XII, страстный, легкомысленный, Полтава — ⟨могущество⟩ ослабело. Швеции от этого только лучше стало. Ей теперь лучше, легче. На моей памяти, в пятидесятых годах, в Германии было много самостоятельных культурных центров, она шла впереди мира в искусстве, в науке. После семидесятого года, после соединения, уровень умственного, духовного развития понизился. В последнее время не было и нет ни одного выдающегося ⟨немца⟩.

Я вспомнил Вирхова.

Л. Н.: Да, Вирхова я хотел назвать. Самые известные ⟨писатели⟩ — реклама им делается, — Фогаццаро, Сенкевич, английские (а не немецкие).

В продолжении беседы я сказал, что распад России пока не предвидится, а настал конец только русификации.

Л. Н.: Русификации никогда не было.

Я: Натуральной, расселением русских среди инородцев и смешением их. На Кавказе и в Туркестане русский элемент дальше теперешних границ не распространится. А могущество России может еще расти, пример — Соединенные Штаты.

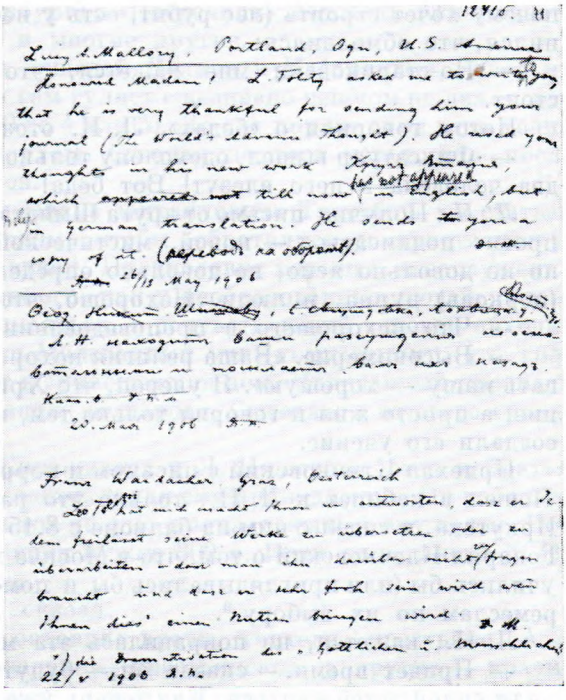
Л. Н.: У них это от изолированности. Мне интересен распад России и упадок центрального правительства. Он повсеместно должен совершаться; в одной только России не может настать (разве лишь ее бы покорили).

Л. Н.: Завтра приедет Софья Андреевна и привезет кого-нибудь из добрых людей. Теперь время им видеть природу.

В половине первого ночи Л. Н., видя свет у меня, прошел через мою комнату погулять. Через десять минут возвратился.

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*



ЛИСТ С ЗАПИСЬЮ МАКОВИЦКОГО: ПЕРЕЧЕНЬ ПИСЕМ, НАПИСАННЫХ ИМ ПО ПОРУЧЕНИЮ ТОЛСТОГО, МАЙ 1906 г.

Вложен в тетрадь XIV. Письма на английском, русском и немецком языках

26 апреля. Софья Андреевна возвратилась из Москвы. За завтраком рассказала про свадьбу, на которой была с Елизаветой Валерьяновной, Михаилом Сергеевичем, Андреем Львовичем [1]. Андрей Львович был обаятелен. Л. Н. заметил про его огромный чемодан, в котором возит платье, чтобы не мялось: «Так бросает деньги!»

Софья Андреевна: За разговор по телефону с Мери уплатил 11 рублей.

Татьяна Львовна заступалась за него, говоря, что у него мало долгов.

Л. Н.: Безнадежный! Помнишь, что Фет говорил про..... * Приехал к нему с 58 людьми и 20 лошадьми.— «Почему не отправишь своих лошадей? Обойдется в 20 рублей в день».— «Это что мне! У меня полтора миллиона долгов». Видит, что его состояние непоправимое.

За обедом разные шутки, остроты насчет рассказов Софьи Андреевны о концертах, кто как пел. За чаем Л. Н. отправлял книги о польском восстании 1831 г. библиотеке Академии наук (Бодуэн де Куртенэ распорядился, чтобы их ему выслали) и другие книги в другие места. На книгах библиотеки Академии наук не означено, чьи они. У Л. Н. есть такие: посылал Историческому музею в Москве, думая, что принадлежат ему, вернули их. Теперь не знает, куда их послать. Никто не помнит, откуда получены, потому что Л. Н. получает книги из многих мест (из публичных библиотек и других).

За чаем Л. Н. не было. Просил поискать в домашней библиотеке Ясной Поляны Мережковского роман из времен Петра Первого (в журналах «Новый путь» и «Вопросы жизни» [2]) и Посошкова историческое дело (?) о Петре Первом [3]. Этого в библиотеке не нашлось.

27 апреля. Четверг. Опять прекрасный весенний день. У Л. Н. был молодой иркутянин Никандр Можаров. За обедом Л. Н., Софья Андреевна, Татьяна Львовна, Александра Львовна шутили. Татьяна Львовна рассказала о ремонте домов и о даче, которую хочет построить в Овсянникове. Л. Н. ей сказал: «Глупости». Татьяна Львовна привела доводы,

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

почему хочет строить (лес рубит, есть у нее из чего строить). Л. Н. извинился, что обмолвился:

— По-стариковски мне кажется, что то, что наклонилось, крепче стоит.

Потом говорили о «бедах». Л. Н. отозвался иронически:

— Фиксатуар вышел, одеколону только полбутылки, сундук такой, что два человека в него влезут! Вот беда!

Л. Н.: Получил письмо от друга Шмидта * и «Aufruf» ** — под которым просит подписаться — новой, мистической религии [1]. Все справедливо, но не довольно ясно, не довольно определенно. Говорит, что и религия (церковь) дурна, и люди. Нехорошо, что хочет проповедовать.

— Что нехорошего в проповедовании? — спросил я.

— Высокомерие. «Ваша религия нехороша, а мы вам будем проповедовать нашу — хорошую». Я уверен, что Христос не проповедовал свое учение, а просто жил и говорил только тем, кто спрашивал, и по его жизни создали его учение.

Приехал Клечковский с письмом и корректурой от Ивана Ивановича [2]. Пошел в кабинет к Л. Н., только что расставшемуся с Можаровым из Иркутска, и сидел с ним на балконе с 8.15 до 9.30, а потом до 11.30 ночи. Говорил Клечковский о том, что в Москве хотят основать школу, где дети учились бы (или приглядывались бы и помогали) по возможности разным ремеслам по их выбору [3].

Л. Н., кажется, не понравилась эта мысль.

— Придет время, — сказал он,— будут удивляться тому, что заставляли силой детей учиться. Как теперь уже признаем, что не надо пичкать пищей ребенка, когда ребенку не хочется есть, так и обучать его не нужно, когда он не желает учиться. Ребенку час учиться — столько, как нам десять часов работать. Десять минут заниматься одним предметом, уже много, пять минут достаточно ***.

Татьяна Львовна: Какому ребенку?

Л. Н.: Ребенку до десяти лет. Поэтому надо программу обучения приспособить, то есть учить сути вещей и живо передать вкратце, ибо ребенок с интересом, внимательно будет короткое слушать. Кросби мне писал, что ему говорил учитель, преподающий по яснополянскому способу, что успехи лучше, чем в других школах [4]. Люди будут удивляться, как мучали детей в школах — как мы удивляемся пытке. Ведь занятие школьное нынешнее — долгое сидение в школе, вынужденная внимательность, обучение латинскому языку — каторга.

Татьяна Львовна с Клечковским говорили о воспитании детей, спорили. Клечковский за свободу детей, не насиловать их. Татьяна Львовна за то, чтобы отучать их от злых привычек, приучая их к добру строгостью, последовательностью. Л. Н. больше молчал. Еще до беседы о воспитании Л. Н. спросил Клечковского о теории музыкальных композиций. Клечковский изложил.

Л. Н. сегодня докончил обработку статьи И. М. Трегубова: обращение к Думе о христианах, отказавшихся от военной службы, и послал его М. С. Сухотину, члену Думы [5]. Сегодня открытие Думы. В Туле почта, магазины закрыты, как в праздник.

Л. Н. принес книжку, на обложке стоит: «Земля и труд» (так называется серия изданий), издание Беляева. Содержит: «Что такое религия». Цена 7 коп. Опять прибыло новое издание сочинений Л. Н. Сейчас печатают их: «Всемирный вестник» (журнал), «Северное сияние» (журнал),

---

* От К. Краузе.

** «Воззвание» (*нем.*).

*** Л. Н. занимался с Дориком, читая и пересказывая ему «Мысли мудрых людей», приблизительно пять минут.

«Неделя», «Обновление» (Петербург) и «Посредник» (Москва), Аскарханов, Метальников (в Петербурге) и многие другие.

28 апреля. Л. Н. пожалел лошадей Делира и Кабардинца, велел их расковать и пустить в табун, а сам гуляет ежедневно пешком по два — два с половиной часа (от 2 или 2.30 до 4 или 5). До сих пор же один день ходил пешком, а другой — ездил верхом. Сегодня до того устал, что после прогулки пролежал до 7 часов.

Л. Н.: Получил письмо от Ивана Михайловича Трегубова со статьей Малеванного: воззвание к людям, чтобы обратились к христианству, и предисловие Ивана Михайловича[1]. Предисловие хорошее, незаслуженно хвалит меня, а статья Малеванного, как у необразованных людей, содержит такое, над чем можно посмеяться, а сочувствующий человек находит хорошим. Трегубов пишет, что Малеванный учит тому самому, что Толстой, только его за это сажают в сумасшедший дом. Малеванный просидел 15 лет! Я научился тому, что̀ знаю, от народа, Сютаева; а от всего синедриона профессоров — ничему.

Приехал М. П. Новиков. Спрашивает у Л. Н. совета: отец и братья желают его вытурить и не дать части, какая ему принадлежит. Он работает на всех, кормит жену брата, а тот не дает принадлежащей ему части. Что ему делать? На избу в семь аршин нужно 300 р. Идти ли в лакеи? Л. Н. ему посоветовал примириться.

Обращаясь ко мне, Л. Н. сказал:

— Говорят, есть разные сословия: врачи, учителя, крестьяне. А я говорю: есть только одно сословие — крестьянское, а другие — врачи, учителя — постольку, поскольку крестьянскому сословию нужны.— Обращаясь к Новикову:

— Вы свободно проживете так век, а то идти делать — и весь век делать — ненавистную, такую, которую не одобряете, работу.

Новиков, читавший за три часа до прихода Л. Н. «Конец века», а в нем о русском народе как о чем-то добром, упрекал Л. Н., что идеализирует русский народ. Если бы он (Новиков) был богом, он бы заморил всех. Это завистники, смотрят, как бы другого угнести и стать на его место, пьяницы, теперь суются в стражники. А бабы-крестьянки — нет между ними ни одной хорошей.

Л. Н.: То самое между императрицами. (*Смех.*) А насчет крестьян — вы из-за деревьев леса не видите. Из-за пороков их не видите Сютаева, Малеванного. Ведь как трудна их жизнь! Вы теперь говорили, что вы, если вас выделят, останетесь как бы выброшенным — тсно стеало, сгибают спину, заискивают. Да, как крестьян портят и закабалением земли, и податями, и водкой. А бабы — подчинение их мужьям домостроевское кончилось, а равенства нет. Они в презрении, будто бы в подчинении, а они властвуют. Сегодня говорил с телятинским мужиком, пришла его баба: «Что он понимает, он у меня такой глупый»,— и подобные примеры.

Новиков признал, что бабы ведут верх в крестьянских семьях. Новиков спрашивал Л. Н. о Ренане.

Л. Н.: Время Ренана прошло. Он сорок лет тому назад был в ходу.

Я: Это был гипноз. Читали его люди, которым до серьезных книг дела не было.

Л. Н.: Да, гипноз, мода. Ренан сочувственно, с любовью относился к Христу, а Штраус с озлоблением относился к Христу, отрицает Христа.

Л. Н. поговорил сначала с Новиковым на веранде с 7 до 8, потом внизу в бывшей библиотеке.

Вечер. Приехал Андрей Львович из Петербурга. Л. Н. простился с Новиковым.

Андрей Львович рассказывал про петербургские события. Главное, подробно про покушение и борьбу полиции с революционерами, об откры-

тии Думы, о Лаунице и других, об императоре. Теперь намечены на убийство великий князь Николай Николаевич, потом Лауниц.

За чаем Андрей Львович предложил прочесть вслух из принесенных им «Русских ведомостей» об открытии Государственного совета и Думы [2].

Л. Н.: Коли все хотят, читай.

Андрей Львович читал. На тронную речь государя Л. Н. сказал: «Трудно слушать». На речи Фриша и Петрункевича сказал то же самое: «Однако трудно слушать». Выразил удивление, что царь полез на трон: «Как это он мог туда сесть!» Повторил: «Однако трудно слушать». Андрей Львович читал предложение Петрункевича об амнистии.

29 апреля. Л. Н. получил письмо из села Патровки, Бузулукского уезда, Самарской губернии от И. Белоусова, что Андрей Кудрин, один из наших братьев, «был взят земными властями за отказ от военной службы» и отправлен в Тулу. Просит посетить его и написать о нем [1].

Л. Н.: Он будет из молокан. Там живут молокане, и среди них есть движение от формы к христианству.

Я ездил в Тулу отыскать Кудрина. В Туле встретил М. В. Булыгина, пошли вместе в канцелярию воинского начальства. С готовностью отнеслись к поискам, но Кудрина в Туле не оказалось.

В Туле в земском книжном магазине «Круга чтения» нет! Появился с новыми рассказами Л. Н. полгода тому назад [2].

За обедом: Л. Н., Софья Андреевна, Татьяна Львовна, Александра Львовна, Андрей Львович, Юлия Ивановна. Александра Львовна говорила, что Дума ее интересует, и говорила о политике с Татьяной Львовной.

Л. Н.: Какое внушение производит печатное слово!

Татьяна Львовна: Видим здесь этих корреспондентов, какие они жалкие люди. А когда напишут, хоть как наврут, с этим считаются.

Л. Н.: Я перестал читать газеты, и интерес пропал. В мои года особенно видна вся эта лживость, а в сущности глупость, злоба, когда вижу причину.

Вечером за чаем Татьяна Львовна собиралась сокслетовские бутылки мыть, молоком наполнить и ложиться спать.

— Как хочется спать и как скоро засыпаю!

Л. Н.: Я боюсь — не боюсь, а не желаю — смерти из-за этого приятного состояния, когда вечер, ложишься спать, ничего не болит, мысли хорошие.

Софья Андреевна: Для меня это самая тяжелая минута, скучно.

Л. Н.: Мы с Душаном Петровичем, чем старше становимся, тем лучше живется, тем больше сознаешь. Вы, Душан Петрович, не заметите, как год за годом пройдут и сразу почувствуете себя стариком. На моем веку русский народ из молодого стал старым. В моем детстве народ ходил в домотканой одежде, петушки на спинах; когда привозили большую бочку с водой из Груманта, около нее сходилась дворня, там было место свидания; мать ходила к нижнему пруду смотреть на большую дорогу, шли коляски, волами тянутые возы, а теперь — Государственная дума.

Зашла речь о М. В. Булыгине, с которым я вчера ходил насчет Кудрина. Юлия Ивановна восхищалась им. Л. Н. удивлялся его правдивости:

— Он такие вещи о себе станет рассказывать, что никто не рассказывает. Добрые люди не знают о своей доброте, правдивые — о своей правдивости, скромные — о своей скромности.

Говорили о ранней и необыкновенно теплой весне, хвалили, как цветут яблони, сирень. Л. Н. позвал нас к себе на балкон слушать соловьев. Не переставая поют пять-шесть.

Софья Андреевна: Слышат они друг друга?

Л. Н.: Слышат, и они возбуждают друг друга.

30 апреля. Приехал Сергей Львович. У Л. Н. был пьяненький мужичок, будто бы сосланный из Петербурга. Поговорив с ним, Л. Н. послал ему несколько гривенников и книжечек посредниковского издания.

За обедом Сергей Львович вспоминал, что утром приедет Сережа Сергеевич с Miss Gentsch из Ялты.

Сергей Львович рассказывал о картежничестве, что, чтобы выигрывать, надо уметь хорошо играть, к тому нужна практика. Говорил, что в Москве много картежных клубов, и в частных домах рулетки, а в Петербурге еще больше.

Л. Н.: Следовало бы запретить.

Софья Андреевна: Как? В частных домах?

Л. Н.: Отчего же нет?

Разговор о велосипедах, о ранней весне. С 1784 г. (?) не было-де такой.

Сергей Львович рассказал о князе Долгорукове, который хотел быть болгарским князем, и был бы им, если бы его поддержало русское посольство.

Вечером Л. Н. поощрял Сергея Львовича играть на фортепьяно. Мне казалось, не хотел, чтобы речь зашла про Думу, про политику.

Сергей Львович сыграл две вещи Грига. Л. Н. о первой: «Это не музыка, а какое-то изображение поэтическое». О второй: «Это прекрасное». — Потом Сергей Львович играл из «XX века» Глазунова композицию «Деятелям думы». О ней Л. Н.: «Нет музыкального вдохновения» [1].

Л. Н. взял в библиотеке Некрасова. Потом заговорил о нем:

— Невозможно его читать!

Софья Андреевна: А раньше как его читали!

Л. Н.: Как он подгоняет рифмы и мотивы!

1 мая. Пополудни был молодой рабочий из Тулы, старообрядец. Л. Н. поговорил с ним от 3 до 3.30. Жаловался, что ему тягостно жить с дядей, старообрядческим наставником, и молиться по четыре часа в сутки. Желает уехать в Сибирь или в колонию. Л. Н. ему советовал ужиться. О колонии обещал списаться и написать ему. Спросил Л. Н-ча:

— Правда ли, что говорят товарищи: что, чтобы жить по-вашему, надо быть глубоко разумным, а это мало кому дано, а массе доступно устроиться социалистически, что не требует глубокого разума.

Л. Н.: Разум дает понимание жизни — с ним человек родится. Ум — как сделать машину.

Л. Н. пошел на обычную прогулку, но просил на полдороге встретить его (собственно, на половине круга). Л. Н., гуляя, делает обыкновенно круг: идет одной дорогой, вернется другой. Этот раз пошел через сад, поле, лес на Черту, потом вдоль Воронки, возле Кудеярова колодца к большому мосту на шоссе. Сюда поручил выехать на шарабане. Вернулись по шоссе (потом большаком). Круг в восемь-девять верст. Л. Н. радовался на цветы: горчишник, незабудку, лютик.

— В этой лощине были белые тюльпаны, их нет. Должно быть, они вывелись.

— Думал о Думе, — говорил мне Л. Н., — чем это разрешится. Скорее всего, свержением Романовых и провозглашением республики. Молодой рабочий из Тулы говорил мне две недели тому назад, что была сходка в Засеке (в лесу). Государственная дума — мало, хотят осуществления социализма. Одни будут хотеть социалистическую, другие — государственную республику, будет резня. У меня нет никакого предположения, желания, воображения о будущем. Но из вероятнейших — предположение, что будет наполеоновская диктатура Куропаткина или кого... Давайте я поправлю, — Л. Н. натягивал вожжи и крутил их в руках.

В 7 вечера пришли Лебрен с Наживиным. Была речь о ранней весне, засухе. В 8 вечера приехали из Тулы Сергей и Илья Львовичи. Разговоры

на политические темы. Спор Л. Н. с Ильей Львовичем был острым, говорил мне Андрей Львович. Меня не было. Потом с Сергеем Львовичем о Генри Джордже. Сергей Львович, которому освобождения земли по способу Генри Джорджа мало, требует и обобществления капитала; Л. Н. доказывал, что это освобождение земли — первый шаг, после которого нельзя остановиться, что Думе надо установить одинаковое отношение к земле всех людей. Таковое — рента Генри Джорджа.

— Если знаете другое — милости прошу,— сказал Л. Н.

Наживин: Но Дума, кадетская партия, о Генри Джордже слышать не хочет. Я послал в «Русские ведомости» заметку о том, что «Public» собирает фонд для издания «Великого греха» в миллион экземпляров. Не поместили [1].

Л. Н.: Что они делают! Теперь во втором или первом номере «Голоса» напечатано, что если Дума не даст крестьянам земли, будет такая революция, такое зарево, какой свет не видал [2]. Видели вы газету Хирьякова? — спросил Л. Н.— Такая либеральная, не отличается от других, тон озлобленный.

Наживин: Когда в Петербурге издается, трудно быть мирному тону.

Л. Н.: Думал, будет примиряющей обе стороны, а в ней повальное осуждение правительства. А это плохо. (Есть поступки правительства омерзительные.) В английской газете читал речь Рузвельта. Верно говорит, что повальное осуждение действий правительства портит деятельность правительства [3].

Разговор шел о том, что теперь кадетов от террористов нельзя размежевать. О страшной силе газет, внушении с их стороны; что либеральные политические дела первые, самые важные, о подавленности, несмелости людей не этих мнений. Наживин говорил Л. Н., что он должен именно теперь поднять голос.

Л. Н.: Комариный писк! Мой голос не будет слышен. Трепет перед либералами есть и у Черткова. Я ему писал об этом, ему это — awe *. Я освободился от него [4]. Царя можно ругать, но... Петрункевича нельзя. Шаховского, Долгорукова...

Наживин: Их можно. «К рабочему народу» очень читают, и действует.

Л. Н.: Это написано шутливым тоном, а в «К правительству, революционерам, народу» сказано — не участвовать во всем этом.

В разговоре о капитале Л. Н. произнес:

— В «Public» читал конец речи, что богатство надо различать. Есть нажитое трудом, справедливо, а есть — плутовством. Мысль верна. Но кто их там разберет! Малые ⟨состояния⟩ можно так нажить, миллионные — нельзя. Само состояние богатого безнравственно.

2 мая. Утром Л. Н. сказал мне:

— Печень болит, от этого зол и делаюсь. Стараюсь держаться.

На предложение полежать и диктовать Л. Н. сказал:

— Заниматься сейчас не буду, не могу. Буду читать.

Не выходил пополудни. В 4 часа я зашел к нему в кабинет. Читал Le Bon «La psychologie du socialisme». Книга эта ему нравится.

Л. Н.: Давно не было таких болей. Как вздохну, так заколет. Наощупь не болит. (Причина вчерашних споров с Ильей и Сергеем Львовичами — печень и утомительные, слишком продолжительные разговоры с 6 вечера до 11.30 ночи беспрестанно.)

Ради Л. Н. обедали в столовой, а не на веранде. Вечером холод — плюс 7°. Л. Н. пришел за чаем, но не разговаривал. Взял чашку с собой.

---

* благоговейный трепет (*англ.*).

РАССКАЗЫ ТОЛСТОГО В ИЗДАНИЯХ «ПОСРЕДНИКА» (МОСКВА, 1900-е] ГОДЫ)
Обложки (монтаж)

3 мая. Л. Н. бледный и немножко желтый. В 4 часа пополудни ходил с собаками недалеко гулять. После обеда тоже. С почтой получил книгу: Haig. «Uric Acid. An Epitome of the Subject» [1].

Л. Н. заговорил о Хэйге, что он вегетарианец, враг яиц и стручковых: бобов, чечевицы. Свои основные положения он строит на научных и нравственных доводах.

— Я говорил о нем Щуровскому, — сказал Л. Н., — он его утверждениям придавал мало значения. Я на себе нахожу подтверждение их.

Сергей Львович предложил Л. Н. некоторые книги о сектантах и раскольниках. В разговоре о них Л. Н. вспомянул каких-то двух братьев, поселившихся при Петре в Олонецкой губернии, разбогатевших, подкупавших в Петербурге (чиновников), шедших на компромисс. Потом из их общины выделились «странники», вполне рационалисты.

— Я много о сектантах нахожу у Соловьева,— говорил Л. Н.— Я в молодости имел отвращение к истории, теперь же, чем старше, тем глубже роюсь в додревнейших и древнейших — допетровских временах. У Петра был Перри, англичанин. Описал приазовские степи. Азов одно время, до Петра, был русским, потом опять уступлен туркам. Перри служил 15 лет, не заплатили ему, чуть голову не срубили. Петр был суровый, бестолковый, пьяный. Как Перри приехал, поручил ему копать канал между Волгой и Доном, дал ему 30 тысяч рублей. Потом поручил ему копать Мариинскую водную систему [2].

4 мая. Пополудни, идучи с Сергеем Львовичем купаться на Воронку, встретили Л. Н. верхом без седла на рабочей лошади. Л. Н. усталый, встретил работника Александры Львовны с лошадью и сел на нее. Л. Н. третьего дня и сегодня не в духе с просителями и нищими. На вопрос, как себя чувствует, Л. Н. ответил, что так же, как было, нехорошо; думает, что серьезное. Боли в боку, аппетита нет... И сейчас, чтобы кончить разговор о здоровье, спросил о чем-то, а затем спросил, что за толстое письмо я получил.

— От Фельтена. «Единое на потребу» не берется издавать, наборщики отказываются; посоветовал «Донской речи» издать его.

Л. Н. не сказал ничего. Фельтен послал это письмо через Е. Д. Вагнер, бывшую учительницу у духоборов. Она только что отсидела три месяца в тюрьме по делу Крестьянского союза. Фельтен пишет о ней, что она уважает Л. Н., хотя, по-видимому, его сочинения мало читала.

Л. Н.: Это обыкновенное: уважают, но не читают. Читали письмо Михаила Сергеевича? [1] Попросите его у Тани. Передает мрачное впечатление, которое произвели на него Дума и прием у императора. Это вместе с убийствами (Гапона и рабочим вице-адмирала К. П. Кузмича[2]) на меня произвело сильное действие.

С тем Л. Н. ушел с веранды наверх в свой кабинет.

Вечером Л. Н. гулял по шоссе с пчеловодом М. В. Дагаевым. Приехал оттуда на шарабане. Сказал, что старость чувствуется, когда трудно на лошадь садиться. Сегодня первый раз почувствовал это: тяжело подымал ногу и заметил, как просто и приятно без напряжения везтись (в экипаже): не устаешь, передвигаешься быстро.

Вечер. К чаю Л. Н. пришел на короткое время. Были Сергей Львович, Татьяна Львовна, Юлия Ивановна, miss Gentsch. Андрей Львович уехал в Чифировку, Софья Андреевна с Александрой Львовной — в Тулу на концерт.

Сергей Львович из-за засухи опасается голода. Ржи совсем плохи.

Я заметил, что в атласе России 1800 г. есть много озер, которых теперь уже нет. В поле яснополянском есть название Озерки, которых уже нет.

Л. Н. сказал, что он охотился на бекасов в болотах, которые уже высохли. Сергей Львович рассказал то же про Никольское, где на карте озерки, там их уже нет. Нужно заводить пруды, водоемы для снежной воды.

Л. Н. говорил о том, что в старину было больше роскоши и искусного изящества, чем теперь, только не было так распространено. Приводил примеры: бриллиантами обшитые одежды, кареты в десять тысяч рублей (Павел Петрович запретил их ввоз из-за границы), шестерни лошадей, ефрейторы и т. д.

Сергей Львович просматривал книгу Boyer «Langue russe» [3] и похваливал. Я сказал Л. Н., что Буайе взял в свою книгу 60 страниц рассказов из его «Книг для чтения» и констатирует, что в них не менее 2 700—3 000 разных слов. А во всем Шекспире, насколько помню, четыре ⟨!⟩ тысячи[4] — а его язык считается богатым выражениями.

Л. Н.: Неужели 2700? Я старался коренной русский язык употреблять.

Сергей Львович пожалел, что нет «Кавказского пленника» в книге Буайе. Татьяна Львовна говорила про Горбуновых, что решили детей учить в Германии, т. к. тут нельзя: школы закрыты, и мальчики будут терроризированы коллегами, принуждены стать революционерами.

Л. Н.: Это временно, не могут так остаться закрытыми.

Л. Н. сегодня, да и вчера и третьего дня, был неразговорчив. Скоро взял чашку чаю с собой — ушел к себе. Заметно похудел и как бы осунулся.

5 мая. Теплый весенний день. Л. Н., кажется, много работал [1] — по крайней мере, Александра Львовна много переписывала. Л. Н., пришедши к обеду,— я не встал ему навстречу — сам пришел ко мне поздороваться за руку. Как мне неловко, стыдно стало! У Толстых обычай утром и днем, когда впервые видятся, здороваться, и вечером, когда расходятся спать, прощаться. Дети с родителями и между собой целуются, также и с близкими родственниками, и женщины с подругами. Постоянно живущим у них и гостям пожимают руки.

Л. Н. дал мне письмо А. М. Хирьякова [2], в котором тот извиняется за революционный тон «Голоса», где в первом и втором номерах появилась статья П. И. Бирюкова «Л. Н. Толстой и 1 марта». Пишет, что он не в состоянии добиться у сотрудников иного тона; что надо быть начальством требовательным, а он к этому не приспособлен. Л. Н. поручил ответить Хирьякову, что он, видя его газету («Голос» от 1 и 2 мая), действительно, пожалел, что не дал статью в «Былое». Но что ему приятно было видеть, что он (Хирьяков) сам это чувствует. Еще у Л. Н. отлегло от сердца потому, что он посылал письмо не прямо в редакцию.

К обеду приехала М. А. Шмидт. Л. Н. принес мне в подарок полотняную шляпу с широкими полями, сшитую ему Татьяной Львовной. Л. Н. носил ее в Крыму и снят в ней с Чеховым на балконе в Гаспре.

Вечером сидел на балконе, потом гулял по саду и садился. Потом посидел на нижнем балконе, в 10 часов пришел к чаю. Сергей Львович играл Шопена и других. Сергей Львович спросил отца, читал ли в «Современности» за апрель описание врачом казни китайцев в Маньчжурии [3].

Л. Н.: Я начал читать, но показалось ужасным, бросил не дочитав. «Хоа» — оцепенение, происходит и в нас, когда читаешь описание этой казни, кажется ужасно, и все-таки дочитаешь.

Мария Александровна заговорила о Думе. Л. Н. достал полученный сегодня номер «Нового времени» от 3 мая и прочел вслух в статье А. Суворина цитату из Кропоткина о недостатках избирательной системы: как кандидаты льстят толпе и покупают голоса [4]. Потом взял газету к себе:

— Может быть, мне будет нужна.

Мария Александровна заговорила об ужасах в Петербурге, что император после приема членов Думы плакал.

Л. Н.: Он просто напуган. Около него люди, как Андрюша, то есть консерваторы, которые видят все черно.

Мария Александровна спросила Л. Н., почему не издает статью «К правительству, революционерам, народу». Надо обличать революционеров. Л. Н. ответил ей, что говорить — серебро, молчать — золото. Что промолчать — и станет ненужным твой голос, само изменится.

Л. Н. хотел налить себе чаю и стеснялся из деликатности ко мне. Я ему третьего дня на диетном листке не рекомендовал чая. Налил себе, извиняясь, очень слабого и ушел к себе в кабинет.

6 мая. Утром приехал А. Б. Гольденвейзер. За обедом Л. Н. спросил меня, читал ли я письмо Хирьякова.

— Он одинаково чувствует с Михаилом Александровичем Стаховичем. Михаил Сергеевич пишет, что Михаил Александрович сказал ему, выходя из Думы, что ему стыдно [1]. А Хирьяков пишет, что сильнейшее чувство у него за свою газету, когда видит, что кто-то покупает ее: стыдно, стыдно. Я ему ответил, что если бы я знал, что его газета будет такая революционная, не отдал бы в нее свое письмо к Александру III. Он мне писал, что хочет издавать газету умиротворяющую, религиозную, христианскую, а издает точь-в-точь «XX век». Не может устояться — давление со всех сторон.

Гольденвейзер: Это такой гипноз, как был дрейфусовский.

После обеда приехали М. С. Сухотин, И. И. Горбунов и три врача: Никитин, Беркенгейм, Бутурлин. Михаил Сергеевич рассказывал про Думу. Торги. Депутатам-крестьянам избиратели сказали: «Если нам не достанете земли, убьем вас, а если ее дадите евреям скупать, тоже вас убьем». А кадеты не хотят иначе добиваться крестьянам земли, только если депутаты-крестьяне дадут свободу покупать землю и евреям. Они, крестьяне, уже отголосовали: 106 — против, 6 — за равенство прав.

А. С. Бутурлин, И. И. Горбунов с Л. Н. спорили, утверждая, что Дума — выразитель народа (так она сама себя зовет в ответе кадетов на тронную речь). Л. Н. говорил, что там не народ, а 300—400 людей, которых там заразят духовным сифилисом и что они уже сильно заражаются этим сифилисом.

Бутурлин: Но это ведь представители крестьян! Ведь нарочно делали выборные законы такие, чтобы больше консерваторов выбирали. Если же выбирали свободомыслящих...

Л. Н.: Выбирали тех самых, которые уже начали загнивать, которые наполовину уже сгнили. Народ — тот, который делает эти платья, полы, хлеб, все то, чем мы пользуемся, и которому некогда заниматься этими глупостями; а этот народ они душат. Тут никаких представителей народа нет.

Михаил Сергеевич сказал, как его случайно выбрали.

Л. Н.: Тут (в выборах депутатов крестьянских) — ряд случайностей и ряд интриг, которые не имеют ничего общего с народом.

Горбунов защищал депутатов. Л. Н. назвал их фарисеями.

Л. Н.: Это желание устраивать жизнь других — за это берутся особенно такие, которые не умеют устроить своей жизни. Фарисейство, а общее увлечение политикой — гипноз эпидемический.

Михаил Сергеевич изображал Думу: соседа-татарина, который на каждую сильную фразу аплодирует; кадетов-торгашей, которые насильно удерживают стариков-крестьян, желающих садиться вправо, стращая их, что им не дадут земли.

Гольденвейзер уехал. Л. Н. с 7.15 до 12.15 постоянно был с гостями, гулял с ними по саду, на крыльце слушал представление Михаила Сергеевича, беседовал, спорил.

За чаем Бутурлин говорил:

— Я должен сознаться откровенно, что я одобряю убийства политические. Если убивают знакомого — жалею, но одобряю.

Л. Н. поглядел на него сбоку и как будто вздрогнул. Бутурлин рассказывал про сына, приехавшего из Колымска. Тот рассказывал об одном политическом ссыльном в Колымске, который единственный после 17 октября там остался. Он там, под Полярным кругом, вырастил ячмень и овощи. Суслики у него поедали плоды, он их лопатой отгонял, но не убивал. Они это поняли и бросались на него. А такой человек, который сусликов не убивает, вегетарианец, сослан за вооруженное сопротивление власти! Действительно что-то такое, оборона в квартире была.

Иван Иванович рассказал про книгу доктора Картамышева [2]. Живет под Москвой и годы делает опыты с пересаживанием, выращиванием хлебов — и замечательные результаты. Издал научную книгу о своих опытах. Принес несколько экземпляров в книжный магазин «Посредника», но потом пришел просить барышню, чтобы их крестьянам не продавали, т. к. «Московские ведомости» по поводу его опытов написали, что крестьянам больше земли не нужно, а нужно им так растить хлеба, как он указывает.

Л. Н.: Получил телеграмму от жены Моода. Желает в среду приехать на несколько часов.

Софья Андреевна: Ты ее пригласил? Но сиди ты с нею, это не мой гость, а твой.

Л. Н. рассказал о ней и ее муже, как они точно и основательно переводят его сочинения. К «Севастопольским рассказам» приложили план Севастополя, указатели, оглавление. В статье «Об искусстве» французские стихи Бодлера перевела по-английски в стихах.

Бутурлин похвалил. Любит, умеет оценить такие книги. Потом Бутурлин рассказал, какие тяжелые, глупые стихи — 50 страниц прочел! —

перевод с польского; читал в книжках «Знания», где печатается Горький. Там же прочел «Дети солнца». Очень не нравятся ему [3].

Л. Н.: Самомнение у него. Мировоззрения (нового, религиозно-нравственного) у него нет. Сочинить его нельзя, а он думал, что его можно сочинить. И у милого Тургенева никакого мировоззрения не было; он описывал, что́ есть. Он просто откликался.

Бутурлин: В Америке не повезло ему (Горькому), жаль его.

Л. Н. спросил, почему Горький выдавал Андрееву за свою жену?

Бутурлин: Он откровенно поступал. Если бы наняли отдельные комнаты, избежали бы (преследований).

Л. Н. движением головы выразил согласие с мнением Бутурлина и сказал:

— Жаль ее.

Л. Н.: Иван Михайлович просил меня написать предисловие к сочинению Малеванного, просидевшего 15 лет в доме умалишенных. Он убедительный, хороший учитель речью, но в писаниях его есть места, которые можно на смех поднять.

Л. Н. тут вспомнил Сютаева, что у него изречения глубокие, но доводы не по ним.

Бутурлин: И у Христа так, например: не клянись ни небом, ибо оно престол божий, ни землей, ибо она подножие ног его [4]. Почему же не клясться землей?

Л. Н.: Христос хорошо сделал, что не писал сочинений, что ученики из его слов выводили его учение.

Приходила сирота-девочка из Ясной с двумя билетами по рублю из мошеннической лавки башмачной, продавать их. Татьяна Львовна объяснила Л. Н., в чем дело: купит за рубль билет, на это получит двенадцать билетов; и если их продаст и принесет за них 12 рублей, то получит товару на 12 рублей. Кто купит у нее билет, опять их получит 12 и должен их продавать (?).

Л. Н.: За это в острог не сажают.— А потом добавил: — Это хуже Думы.

7 мая. Воскресенье. Л. Н. пришел в половине второго к нам под вязы («на крокет») и завтракал творогом с молоком. Разговаривали, сидели: М. С. Сухотин, А. С. Бутурлин, Сергей Львович, Татьяна Львовна, Юлия Ивановна.

Бутурлин сказал, что Кропоткин собирается приехать в Россию.

Л. Н.: Я бы желал его видеть. Читал его мало. И должен сказать, что «Fields, Factories and Workshops» [1] меня не интересовало и «Conquête du pain». Слишком узкое, экономическое. Пишет, что революция в Париже (Коммуна) не удалась потому, что привоз съестных припасов прекратился. Усовершенствованным земледелием два ближайших департамента могут прокормить Париж.

Бутурлин: А мне его «Записки» (революционера) не особенно интересны.

Разговор о Кропоткине продолжался, у меня не записан.

Л. Н. сказал о своем предисловии к статье Хомякова «Самодержавие» [2], что он его переработал и упоминание о самодержавии выкинул. Остались одни мысли о власти, которые вызвала статья.

Л. Н. любит дарить Евангелие (синодальное) вместе с «Как читать Евангелие» (издание Чертковых, а не издание Фельтена, где оно в одной тетради напечатано вместе с «Ответом Синоду») [3]. Не любит внушать свои взгляды.

Л. Н. говорил, что получил письмо от крестьянина К. Н. Похвалова из Кириллова, Новгородской губернии — о религии [4]. Очень хорошее письмо.

— Это тип крестьянина, который еще есть,— сказал Л. Н.

Л. Н. сегодня первый раз купался в Воронке, ходил шесть верст. После, за чаем на веранде, разговор о разном. Бутурлин спросил Л. Н., есть ли поэт, который бы просто, без лишних слов ради рифмы, выражал мысли. Л. Н. не смог ответить. Бутурлин назвал некоторых. Л. Н-ч Некрасова порицал, Шиллера похвалил некоторые вещи и Гете короткие стихотворения и введение к «Фаусту». О второй части «Фауста» сказал, что это чепуха, что не понимает ее, хотя он в тех летах, в которых Гете ее писал. Ему, в его старые годы, хочется все яснее и проще, а не мистически. Любит Беранже.

Л. Н. спросил, крепнет ли социализм или слабеет. Бутурлин, Никитин ответили — крепнет; Беркенгейм утверждал, напротив, что слабеет.

8 мая. Ночью приехала Н. М. Сухотина и утром М. С. Сухотин, днем пришел Лебрен. Никитин сегодня освидетельствовал Л. Н. Сегодня заметен цианоз губ и лица, приписывает рефлекторному влиянию печени, которая немного увеличена, особенно левая часть ее, на сердце.

Никитин в раздумье: оставаться ли ему в земстве или баллотироваться при Московском университете. Пишет диссертацию о тифе. Я ему предложил: не хочет ли вернуться врачом к Л. Н., сказав, что я охотно уступлю ему. Ответил, что пока не хочет, и спросил, не тяготит ли меня господская жизнь. Его тяготила. У него желание заниматься своим делом при больнице.

Л. Н. сегодня третий вечер гулял со всеми гостями и семьей. Главное лицо, с кем на этих прогулках разговаривал, был Бутурлин. Тема: современные общественные события, политическая борьба с правительством, и Л. Н. в этих беседах подал в форме ответов Бутурлину то, что в новейшей статье, над которой сейчас работает, написал [1]. Как бы проверяя и перерабатывая их в споре с таким даровитым, убежденным, искренним человеком, как Бутурлин, Л. Н. творил в этих беседах, говорил убедительно, иногда горяча ими всех собеседников, не понимающих его или не разделяющих его взглядов, исключая разве Лебрена, который свободен от политических и общественных соображений. Эти беседы были одни из лучших, какие я слышал.

За чаем Бутурлин говорил про «Жизнь и труды Погодина», издаваемые Барсуковым на средства Шереметева и дошедшие до 20 тома [2], и сказал:

— Хоть Погодин неприятный, а Барсуков глупый, все-таки дело это очень замечательное, и рекомендую вам, Лев Николаевич, читать его.

Л. Н. сказал, что он рад его прочитать *.

Бутурлин: Интересны письма Герцена, споры его со славянофилами в 1841, 1844, 1859—61—62 годах. Погодин оставил свой дневник в десятках томов, все письма, которые получал от друзей, оставил в переплетах. Конца этому делу не будет. А дневник Пирогова, Лев Николаевич, знаете? Он его начал писать стариком в 1881 году. Говорит, что человек — «орган божий». Он был против вивисекции. Цитирует какого-то немецкого врача XVIII века, впавшего в меланхолию, который приписывает эту свою болезнь укорам совести за то, что он мучил животных.

— Это ужасно — вивисекция, но нельзя без нее,— закончил Бутурлин.

Л. Н.: Пирогова части (дневника) читал [3]. Я его знал. В Севастополе он читал лекции по анатомии врачам. Долгорукий — один из 300 назначенных Николаем Павловичем изучать медицину — облокотился на мышку трупа, чтобы меня удивить. Пирогов — умное лицо—секцировал** труп и показывал операцию, которую врачам приходилось делать. Пирогов

---

* Но не пришлось ему читать их, т. к. никто не догадался тогда приобрести и доставить их, а после, наверно, все позабыли о высказанном желании. (И я в том числе.)

** рассекал (от лат. sectio).

много доброго сделал.— Л. Н. говорил о Пирогове с симпатией и уважением.

Бутурлин вспомнил: где-то есть письмо Петра Андреевича Толстого о том, как поймали Алексея. Это и как Екатерина II поймала княжну Тараканову (жила в Италии, Алексей Орлов женился на ней, подставной священник повенчал, привез в Россию) показывают, что мы менее безнравственны, чем тогда были. Когда болгарские офицеры плыли с пойманным Баттенбергом на пароходе по Дунаю, спросили телеграфически Александра III: «Что́, если бы Баттенберг нечаянно утонул?» Александр ответил, что этого не смеет допустить. Хоть Баттенберг был ему врагом [4].

Л. Н. знал письмо П. А. Толстого к Петру [5].

Зашла речь о романе Мережковского из времен Петра.

Л. Н.: Я читал конец. Мережковский не художник.

Дальше говорил о нем, что некоторые события описывает по источникам художественно, а потом рассказывает от себя как историк — не выдерживает художественного тона. Он очень умный и образованный, но не художник. В первом томе трилогии, в «Юлиане Отступнике», описывает борьбу язычника и не знает христианства, уравнивает его с православием, католичеством.

Бутурлин: И странные названия дает своим сочинениям. За границей его читают, переводят по-французски. В сочинении «Толстой и Достоевский» вас критикует [6].

Л. Н. заметил что-то, из чего видно было, что знает это сочинение, но не досадует на него и не приходит ему на ум нападать на него. Дальше Л. Н. сказал, что жена Мережковского, Гиппиус, скорее художница; читал ее рассказ (Л. Н. назвал его, но я не запомнил какой) — «художественный».

Бутурлин говорил об Артемьеве, редакторе, историке, у которого рассуждения плохи, но много фактов [7].

Л. Н.: Я говорю об Артемьеве, что он кран: повернешь — и текут и горячая и холодная вода, и... и... и...

Перед отъездом Бутурлин сказал Софье Андреевне, что благодарит и что еще раз приедет, потому что Л. Н. ему позволил, пригласив его приехать еще раз перед отъездом в Углич, куда он ездит на лето. Кроме Бутурлина, Л. Н. ни с Лебреном, ни с кем не говорил. Уже устал. Третий вечер постоянные разговоры с одними и теми же гостями. А, может быть, его удручает (наверное, узнал про него) вечернее происшествие: Андрей Львович велел арестовать трех прохожих, которые вели себя подозрительно, подстрекали мужиков поджечь усадьбу.

9 мая. В сегодняшней газете программа Конституционно-демократической партии по земельному вопросу, или, как они, кадеты, его называют, по аграрному вопросу [1]. Михаил Сергеевич стал излагать ее. Она состоит в отчуждении кабинетных, казенных, монастырских, церковных земель — безвозмездно; частновладельческих по усмотрению комитетов с вознаграждением от казны.

Л. Н. получил книгу от Александра Пе́тровича: «Wahrheit und Trug im Sozialismus».

Л. Н.: Видна начитанность, эрудиция, но даже слишком много ее. Не проверяет факты; утверждает, что всех на жалованье живущих людей на земле два процента. Это мало, скорее четыре процента. О социализме пишет верно, что он в стремлении людей к благу, но что политико-экономическая сторона социализма — ничтожная часть его, а учение Будды, Конфуция, пророков, Христа, есть социализм. Он сам анархист, хороший анархист. К концу восхваляет меня... (Л. Н. это не нравится, и потому велел остановить отсылку письма автору, в котором благодарил и похвалил книжку) [2].

10 мая. Утром вернулись из-за границы Оболенские. В 7 вечера приехала госпожа Моод с сестрой, мисс Шанкс. Оболенские веселы. Мария Львовна похудела. Подагра у нее стала слабее. Николай Леонидович хвалил чистоту германских городов и осуждал нечистоту романских городов.

Сегодня были у Л. Н. две бабы из Мясоедова. Их мужья погибли на броненосце «Александр III». Были три-четыре бабы ламинцовские, просили хлопотать за мужей и сыновей в тюрьмах. Был паломник, идущий в Иерусалим.

За обедом Л. Н. разговаривал с Оболенскими. Николай Леонидович рассказывал о заграничных евреях, как они интересуются событиями в России и какие пошлые анекдоты циркулируют у них насчет правительства.

Л. Н.: Россия дорого расплачивается за свои грехи, за черту оседлости.

Оболенские привезли книги Валишевского, те, которых у Л. Н. нет.

Л. Н.: Валишевский немногими штрихами живо передает главное, характерное. Соловьев, наоборот, заваливает материалом.

С госпожой Моод Л. Н. был очень учтив, внимателен, мил. Спросил ее о Петавеле и сказал: из его книги видно, что его отношение к христианству неопределенное, наполовину христианское, наполовину церковное. Петавел просит, чтобы Л. Н. рекомендовал его книгу «Христианство и прогресс» на английском языке.

Л. Н. привел английских дам в залу, где Софья Андреевна писала за круглым столом, и подвел их к ней. Софья Андреевна сначала делала вид, что не замечает их, потом, не вставая, подала им руку и опять продолжала писать.

Вечером Л. Н. уговаривал Михаила Сергеевича, чтобы в Думе проронил слово, что убийства оправдывать нельзя. Михаил Сергеевич трусит и говорит, что это не произведет никакого впечатления.

Л. Н.: Эта Дума в истории не оставит впечатления, потому что она не выразитель воли народа.

Много комаров на крокете и на веранде; они невыносимы. Но я никогда не видал, чтобы Л. Н. отмахивался от них или убивал. Недавно говорил про муху, которая залезла в какую-то сетку в его комнате, что думал: надо ее освободить, забывал, и сегодня увидел, что она «умерла». Л. Н. старается жить по воззрению — all life is one *.

11 мая. Л. Н. пришел к завтраку в сандалиях. Пересматривал иллюстрированное приложение к «Новому времени», потом пошел в библиотеку на втором этаже, где теперь по утрам работает. Дал мне письма для ответа и посылок книг и сказал:

— Читал в корректуре Хельчицкого; как хорошо! Удивительно, что так мало известен [1].

Уехали в Петербург: Михаил Сергеевич — утром, Сергей Львович — пополудни; Оболенские — в Пирогово; Наталия и Сергей Сухотины — в Кочеты. Приехали: Лев Львович с семьей на все лето. С Сережей Сергеевичем ходил купаться. Пришел Л. Н., поплавал недолго, потом пошел вниз по Воронке и кругом домой. Разговор о детях.

Л. Н.: Как трудно новые существа происходят! Апельсиновые зерна выпускают корешки вниз, потом пробивают верхний слой земли, потом становятся прямо.

После обеда я остался с Л. Н. один. Л. Н. о Сереже Сергеевиче:

— Странный у него язык, литературный («Я согласен»).

---

* одна жизнь во всех (*англ.*).

ТОЛСТОЙ СРЕДИ РОДНЫХ И БЛИЗКИХ
Стоят: Толстой, Ю. И. Игумнова, Т. Л. Сухотина, С. Л. Толстой и М. Гентш; сидят: няня с Таней Сухотиной на руках, С. А. Толстая и Сережа Толстой
Ясная Поляна, май 1906 г.
Фотография П. А. Сергеенко

Л. Н. спросил про Хэйга, что нового в его новой книге, есть ли где резюме и сказал:

— Я перестану пить чай и кофе.— Вспомнил какого-то француза: его утверждение, что кофе дает иллюзию энергии. Правда, человек, выпивший кофе, пишет, пишет, может много быстро сочинять, а все ни к чему.

Л. Н.: В.....* читал хорошую статью — как в «Crank», только там не окончена и не так ясна,— о том, что, когда не будет монополии земли, тогда капитал получит соответствующее значение, будет служить обработке земли.

За чаем Лев Львович рассказывал про Думу — берут верх социал-демократы и социалисты-революционеры над кадетской партией. Гучков выразился о Думе: социалисты-революционеры и социал-демократы хотят крестьянам всю землю, рабочим — все фабрики.

Л. Н.: Теперешняя Дума—комическая, первая сцена из пятиактовой драмы. Крестьян успели раздражить, то есть верхние слои крестьян. Сегодня был старик; начал: «Земли мало», и так далее, общие речи.

Вечер был приятный, как бы торжественный. Софья Андреевна была очень рада приезду Льва Львовича с семьей. Дора Федоровна была спокойная, довольна приготовленным помещением (Кузминский дом). Татьяна Львовна поговорила с Дорой Федоровной о детях. Л. Н. старается быть еще более приветливым — может быть, потому, что в прошлую Пасху не отнеслись мягко к Льву Львовичу после его писем за войну. Лев Львович перебивал отца, говорил громко в то время, когда Л. Н. говорил с

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

другими. Софья Андреевна позвала меня в другую комнату и просила, чтобы я ходил с Л. Н. купаться, чтобы узнавал, куда идет гулять. Это ее кошмар, представляет себе, что Л. Н. может где-нибудь в глуши упасть. Софья Андреевна уезжает в Москву. Л. Н., простившись, ушел, а потом нарочно вернулся:

— Душан Петрович, я с вами не простился.

После разговора о Хэйге Л. Н. и я перестали пить чай.

12 мая. С 9 до 5 в амбулатории.

Был Вильям Инглиш из штата Нью-Йорк с двумя сестрами Струнскими, рекомендовал их Горбунов [1]. Все к ним отнеслись внимательно, водили их по окрестностям и т. д.

У Л. Н. был погорелый, здоровенный мужик из Тамбовской губернии. Л. Н. сказал ему:

— Почему не работаете? Ведь вы в день больше выработаете, чем то, что я вам дал.

Он ответил:

— Раньше работал, а когда земля будет, опять буду работать; долго ждали, теперь уж скоро будет.

Александра Львовна была в Туле. Вернувшись, рассказала новости из газет. Амнистия провинившимся до 17 октября... [2]

Л. Н. пополудни шел на Воронку — задумавшись, ударился о сук до крови; возвратился домой, обмылся и опять пошел гулять.

Вечером говорили об Инглише. Л. Н. сказал, что он ему приятен, потому что он друг Hunter. Инглиш — жених старшей сестры Струнской, которая сама писательница и привезла свою книгу о любви [3].

— Мне было приятно,— сказал Л. Н.,— что хотел сам рассказать про ее книгу, но дал ей рассказывать и слушал ее.

Татьяна Львовна посмеивалась над Марией Александровной, припоминая ей, как она была влюблена в врача.

Мария Александровна не вспомнила, хотя старалась. Удивлялись ей. Тогда Л. Н. сказал:

— Вы, молодые, охваченные любовью, и Юлия Ивановна и Душан Петрович. Только мы двое старики. Я бывал много раз влюблен, но могу сказать, что о любви никогда не вспоминаю. О дружбе, отношении к людям, об охоте, о работе живо думается — и особенно о работе — воспоминания очень живы, а о влюблении, любви, без всякого кривляния говорю, не вспоминаю. Должно быть, оно неважное дело. Как еду овсяным полем и русак выскочит, вспомню об охоте, и особенно о работе вспоминаю.

Утром уехали miss Gentsch, воспитательница Сережи Сергеевича, с ним же.

13 мая. В полдень приехал князь Тенишев. Рассказывал про выборы в Орловской губернии. Прошли семь крестьян и М. Стахович. М. Стахович говорил крестьянам: нельзя ли сделать так, чтобы от больших землевладений с десятины налогу бралось больше, чем с малых (прогрессивный поземельный налог). Тенишев назвал это переделкой Генри Джорджа и сказал, что Стахович этим склонил на свою сторону крестьян. Говорил о том, что Илья Львович приезжал в Брянск агитировать за партию кадетов.

Л. Н.: Должен сказать, что меня это совсем не интересует. Прогрессивная подать несправедлива.

Тенишев: В Австралии она есть.

Л. Н.: Нет, в Австралии ее нет. Я знаю это хорошо. То, что теперь делается, это комическое интермеццо в серьезной (грозной) драме, которая еще не началась.

Тенишев: А какая она будет, что произойдет?

Л. Н.: Если бы я ее знал, я бы не смотрел.....*

Тенишев: Ведь теперь, после установления конституции, можно ожидать мира, работы. Так было в других странах.

Л. Н.: История не повторяется. Беда, ⟨что⟩ у них ничего нет своего, все по-западному.

Тенишев: Да ведь, может быть, мы настолько отстали, что у нас надо сперва то делать, что у них уже сделано.

Л. Н.: Нет, рост идет у всех народов. Как ребенок — один растет в первом, другой больше во втором году — так и отдельные народы. Наш в духовном росте опередил другие народы. Даже такой вопрос, как земельный, в котором им следовало бы идти впереди России, и в том они позади.

Тенишев сказал Л. Н., что он читал его статью [1].

Л. Н.: Жалею, что ее напечатал. Золотое слово — несказанное. Я читал анархические книги, которые теперь появились в России с пропусками: Кропоткина, Бакунина, Эльцбахера (пока четыре главы: Годвин, М. Штирнер, Бакунин, Прудон). Читаю эти брошюры анархистские [2], что̀ пропускают! Кропоткин пишет: «Строят памятники царям, а следовало бы строить их героям крестьянских восстаний».

Тенишев (*за обедом*): Какое впечатление производит на вас Дума?

Л. Н.: Комическое.

Л. Н. говорил Тенишеву, что, может быть, будет диктатура: вроде Буланже, Гамбетты.

Третьего дня Л. Н. на вопрос, что будет делать правительство, сказал:

— Нельзя предсказать. Оно мечется. Для шоферов автомобилей есть известные правила, когда встречают прохожих, куда объезжать, когда сдерживать ход и так далее. Когда же встречается старуха, никаких правил нет: она мечется непонятно куда, то в ту, то в иную сторону, так и русское правительство.

Л. Н. говорил, что он до взрослых лет думал по-французски. С теткой по-французски переписывался [3].

14 мая. Приехали Е. В. Молоствова и Мария Александровна. 10-летний юбилей со дня свадьбы Льва Львовича. Погода обещает дождь. После речей о Думе, амнистии и т. д. Л. Н. заметил:

— Как странно: меня ни Дума, ни дождь не интересуют! Как должно быть, так будет.

Чрезвычайно интересный разговор Л. Н. с Молоствовой, Лебреном, Тенишевым. Присутствовали: Юлия Ивановна, Мария Александровна и я. Андрей Львович, Александра Львовна, Анна Ильинична не слушали.

Л. Н.: Паскаль говорил: чтобы забыть вопросы жизни, человек гоняется за зайцем. Дай ему четырех зайцев — ему не нужны, а нужно забытье. Дума — тоже заяц.

15 мая. Л. Н. здоров. Не завтракал, но за обедом много ел и простоквашу мечниковскую опять пил.

Лев Львович (*отцу*): Ты сохнешь, мало питаешься.

Л. Н.: Это старость, а сил у меня много, удивляюсь. Сегодня проехал (верхом) верст 30, теперь ходил к поручику в питомник, там сидел.

Это любимое место Л. Н.

Татьяна Львовна и Лев Львович говорили о барском бросании денег Андреем Львовичем.

Л. Н.: Мне очень жалко. Говорил Андрюше: почему Семену ухаживать, а не тебе. Семену 25 рублей в месяц — лишняя трата. Но он это нужным считает, как великий князь.

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

— Прощайте, милые, добрые люди,— простился Л. Н. со всеми, уходя в 12-м часу в кабинет, сделав рукой жест, как делают артисты, уходя со сцены.

16 мая.

Юлия Ивановна: Лев Николаевич, как вы себя чувствуете?

Л. Н.: Не знаю, как. Умственных сил мало, не мыслится, не работается.

Горбов, Николаев (?) *

Л. Н.: Пусть будет отношение к земле всех людей одинаково, а одному сословию давать и у другого отнимать — это глупо и зло.

Мужики очень хорошо понимают Генри Джорджа. Граф Рибопьер продает в Потемкине, селе в 20 верстах от Ясной Поляны, землю, далекую от его имения. Мужики спорят о ней — три соседние деревни и с ними его бывшие мужики: «Как это они хотят нашу землю покупать?» То же самое происходит и с Селезневской землей в Спасском. Там мужики не хотят позволить Крестьянскому банку продавать землю не мужикам. Овсянниковские же — один из них собирался к царю это сказать — за то, чтобы разделять землю по Генри Джорджу, говорят: «Как же тут будет другой дележ! Разве я не знаю, где земля лучше: туда пойду пахать, а другие тоже». Такая война будет — хуже японской.

Л. Н. (*о 79-летнем бывшем крепостном крестьянине А. С. Хомякова*): Писал мне из Иркутска.....** Боже, открой мне истину. Хорошо рассказывал про свою старуху. Он пахать не может, но еще косит. На трех наделах один с работником управляется. Сыновья подают.

Татьяна Львовна: Софья Андреевна писала, что в Москве раздражение, слух: Трепов будет диктатором, и в Туле раздражение. 16-летний гимназистик убил директора.

Л. Н.: К тому дойдет.

— Время уже пришло?

Л. Н.: Приходит.

Татьяна Львовна: Треповым извозчики, дворники не будут довольны.

Л. Н.: Полицеймейстер—звание (?) ..... ** Это раздражение давно началось. Читали «Былое»? Волкенштейн, Фигнер... Добрые чувства к людям, а вместе с тем убийство [1].

Л. Н.: Хомяковский крестьянин спросил: был ли Дмитрий настоящий царевич или нет. Он осилил три тома Соловьева из 12. Я ему сказал: «Да, был». Последние исследования показывают, что Гришка Отрепьев был настоящий Дмитрий [2].

Пришел меня посетить Л. Н. Мне нездоровится.

18 мая. Утром к чаю вышел Л. Н. Сел против Е. С. Денисенко, которая приехала с дочкой вчера. Перед ним на столе лежала куча газет, только что полученных с почты, «Новое время» разложено наверху. Л. Н. тронул их ладонью таким жестом, как если бы их оттолкнул:

— Экая гадость!

Елена Сергеевна: «Новое время»?

Л. Н.: Нет, все.

Елена Сергеевна: Ваня тоже его не читает. Читал «Русские ведомости», а теперь «Русское слово», а «Новое время» считает гадостью.

Л. Н.: Не скажу. Оно многостороннее, есть в нем и о литературе... А «Русские ведомости» — перечень событий в известном направлении.

За обедом Л. Н. сказал, что ездил в Тулу на Запорожце обстричься. Прочел мне с балкона письмо Краморева (благодарит меня за письмо, ответ на письмо к Л. Н.) [1].

---

* Отсюда до конца дня — текст вставки, введенной Маковицким при обработке дневника.— *Ред.*

** Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

Вечером пришел ко мне Лебрен. Л. Н., слыша говор, зашел к нам.

— О чем вы рассказываете? — спросил он.

Я: В чешском журнале «Naše Doba» («Наше время») пишут, что родина Вед — арктическая земля.

Л. Н.: Вот пустая наука! Кому это нужно? Какое заглавие журнала?

Потом Л. Н. поинтересовался содержанием этого журнала. Я прочитал. Там была «Исповедь доктора К. Крамаржа». Л. Н. спросил, нет ли в ней чего духовного?

— Нет. Чисто политическое: ошибки младочешской партийной политики.

Поинтересовался статьей «К истории Чешского братства», спросил о содержании. Я не смог ответить: пересмотрел статью, но не сумел пересказать содержание. О статье «Петр Россеггер и его религиозное credo» Л. Н. спросил, против папизма ли он?

— Нет, он католик (но опять не смог верно пересказать).

Л. Н.: Читаю Лебона. Некоторые главы совсем выпустил бы. Есть у него очень слабые места. Он смотрит на учреждения как на неизменимые. (Он так рассматривает жизнь человеческих обществ, как будто люди совсем не в состоянии изменить порядка своей жизни.) Это не моя книга *, а то бы я отметил части, которые можно выпустить при переводе [3].

Вечер за чаем. Л. Н. принес апрельскую книгу «Былого» с описанием каракозовского кружка [4], покушения на Александра II, казни Каракозова, его портретом и рассказал, что каракозовский кружок 1864 г. был первый затеявший убийство царя и влиятельных правительственных лиц, чтобы тем добыть свободы России.

— Лицо у Каракозова хорошее и симпатичное.— И Л. Н. прочел его характеристику. Потом Л. Н. сказал от себя: — Каракозов был с хорошими стремлениями, но недалекий. Подчинялся влиянию других (террористов).

После Л. Н. рассказал историю Комиссарова, спасшего Александра II от нападения Каракозова. Как его сделали дворянином, встречали его овациями, имениями наградили. Он поступил в гусары и спился.

Татьяна Львовна негодовала на статью Герценштейна в полученных сегодня «Русских ведомостях» [5]. Как это может не понимать Генри Джорджа! Она рассказала про Генри Джорджа няне, и та сразу поняла, а господа в «Русских ведомостях» и в Думе не понимают и пишут, как Герценштейн.

Татьяна Львовна обратилась к отцу:

— Не хочешь читать, какие глупости пишет? — Л. Н. махнул рукой, что нет.— Это ниже всякой критики.

Лебрен: Как это можно про земельный вопрос столько болтать, писать, усложнять, запутывать его?!

Л. Н.: Потому что, когда что ясно, просто, тогда приходится это делать (проводить в жизнь), а тут не надо ничего делать, только рассуждать без конца.

Лебрен говорил про «Круг чтения», как он незаметно прошел **.

Л. Н.: Не к этому говорю, а вообще: как понизился умственный уровень! Теперь серьезным духовным не интересуются. Читают, что говорят Аникин и Аладьин, а они говорят то, что Чемберлен: нападают на правительство, а правительство отбивается. Происходит та же самая ругань, десятки лет ни к чему не ведущая, как между мужиками и приказчиком: я слышал их крик сегодня.

---

* Принадлежит С. А. Стахович. Как деликатен Л. Н. к чужим книгам! То же было раз с другой книгой.

** Ни в одной газете не было отзыва и критики «Круга чтения». Слышно было, что Буренин собирается написать, но не написал.

года, как знаю Льва Николаевича, и теперь, как простился с ним, и жить мне будет радостно, и умирать. Могу сказать, как Симеон: «Ныне отпущаеши раба твоего» [2].

Л. Н. дал ему два совета. Первый: «Своим писаниям не придавайте значения; пишите только тогда, когда вам очень ясно и хочется высказать, и пишите так, как если бы это никто не узнал, как только после вашей смерти, чтобы слава людская вас не заставляла кривить ⟨душой⟩. Второй..... *».

Когда я вернулся, был вечерний чай. Л. Н. мне сказал:

— Меня всегда трогают старики, которые не окостенели. Обыкновенно старики бывают непоколебимы в своих взглядах, а он движется. Я очень рад, что он вам понравился.

На днях Л. Н. говорил, что религиозные, самобытные люди, старики редеют.

Л. Н. сегодня свеж, работалось ему. К обеду опоздал, проспал, потому что слишком много ходил. Л. Н. гуляет с половины третьего до половины пятого, иногда дольше, один день пешком, другой—верхом. За чаем читал вслух часть письма С. В. Бодни, 18-летнего крестьянина из Полтавской губернии, узнавшего и признавшего христианство [3]. Как начал читать, Андрей Львович, только час тому назад приехавший из Москвы и рассказавший про раздраженное настроение крестьян, встал из-за стола. Л. Н. спросил его, почему не слушает.

— Мне это неинтересно.

После него встал прямо демонстративно Лев Львович и ушел. Анна Ильинична дочла письмо вслух. Когда Андрей Львович рассказывал про настроение крестьян, Л. Н. заметил:

— Я не думал, что будет такое раздражение.

20 мая. Утром Л. Н. гулял с Ефимом Дымшицем. Вышедши на утреннюю прогулку, Л. Н. встретил этого молодого человека и, поговорив с ним, пригласил его с собой, продолжал с ним гулять. Вернувшись, сказал мне:

— Этот молодой человек — еврей, он против революции. Дал мне читать свои мысли — превосходные, какие могут быть у 22-летнего! Хочет отказаться от военной службы. В сентябре написал об этом воинскому начальнику, что в случае призыва не явится в присутствие. Теперь едет в Витебск отказываться. Ему как еврею будет особенно тяжело. Не поверят ему.

Мне говорил, что таких, как он, между евреями-друзьями есть несколько. Молчаливый; очевидно, бедный. Оборванный. Когда я приглашал его поесть, не пошел, ушел в Козловку.

Л. Н. не работалось. Когда взялся за работу («Две дороги») — Л. Н. пишет на четвертушках и, пока работа не разрастется, не номерует их,— листы разлетелись от ветра; и покамест искал и с трудом складывал — один полетел в спальню,— у него прошла охота к работе. Послал Анну Ильиничну за Дымшицем ко мне в лечебницу, чтобы с ним поговорить. Узнав, что он ушел, сказал:

— Удивительная скромность!

Мне Л. Н. говорил, что прочел из его рукописей разбор Нагорной проповеди: хороший, и что его рукописи надо отдать Горбунову, чтобы выбрать пригодное для печати [1].

До полудня пришел А. Офицеров из Самарской губернии. Девять дней пешком, три дня — по железной дороге, где его везли даром. Говорит только о духовном.

— Весь горит этим огнем,— сказал Л. Н.

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

Пополудни на террасе был разговор, меня не было. Андрей Львович пересказал мне слова Л. Н. о Тургеневе: «Тургенев сказал: «Если бы мне выпустить из сочинений все места, которые не нравятся людям, тогда бы ничего не осталось»».

Л. Н.: Вот, Андрюша, когда Аникины, Аладьины кончатся, тогда явятся Наполеоны, начнут всех вешать.

После обеда играли в лаун-теннис, и Л. Н. немного играл. Лев Львович подавал ему так низко и в такие места, что Л. Н. не мог принимать, а так хотелось ему! (И здесь проявился характер Льва Львовича. Поэтому Л. Н. бросил скоро играть.)

С 7 до 8 часов Л. Н. ходил гулять с Офицеровым.

Вечер. Письмо от Моррисона-Давидсона; пишет почти то же, что писал Кросби, т. е. что Россия пойдет впереди мира и что в Думе разочаровывается за то, что копирует ⟨Запад⟩ [2]. Еще письмо от Токутоми из Порт-Саида. Едет посетить Л. Н. [3]

— Он считает себя христианином,— сказал о нем Л. Н.

Елене Сергеевне, когда она говорила, что ее муж ни одной газетой не доволен, Л. Н. сказал:

— Пусть их бросит читать. Я, как их бросил, свет увидал.

Л. Н. в полночь пришел к нам — к Андрею Львовичу и мне. Сказал:

— Я взволнован письмами Моррисона-Давидсона и Токутоми и тем, что вчера и сегодня были такие хорошие посетители: Быков, Дымшиц, Офицеров.

21 мая. Троицын день. Утром Л. Н. зашел в деревню к Ромашкиным, к А. Офицерову. Довольно долго с ним беседовал. Приехал скульптор Андреев. За завтраком Л. Н. рассказал, что получил письмо от И. М. Трегубова, присылает благодарственное письмо крестьян Шейерману; в нем пишут, что они не признают землю своей собственностью [1].

Татьяна Львовна: Это говорил и один из депутатов-крестьян, что земля не может быть собственностью.

Пополудни лег до 5.30. Перед домом водили хороводы бабы, девки, дети и парни деревенские. Играли песни, плясали под пение и гармошку. Пестрота костюмов и цветов. Некоторые щеголихи-девки носят уже кофточки, большинство еще расстегаи и сарафаны.

Л. Н. ходил гулять и купаться.

Вечером Л. Н. мало говорил. Приехал Михаил Львович. Балалайка, гитара, песни, пляски, фортепьяно, скрипка. Все Толстые музыкальны. Михаил Львович играет без нот и почти одни народные песни, и, по-моему, он самый даровитый. Андрей Львович плясал «Барыню» с Татьяной Львовной, потом с Анной Ильиничной. Татьяна Львовна — японский танец. Михаил Львович представлял виртуозно негритянский танец. Играли чудно. После «Камаринской» я заметил:

— Это можно слушать без конца.

Л. Н.: Это славянская — наша общая.

Татьяна Львовна: И «Барыня» не надоест!

Л. Н.: И «Под яблоней»... Сыграйте «Под яблоней».

Около половины 12-го Л. Н. взял чашку воды с лимоном и ушел к себе, улыбаясь на пение и пляску. Когда слышал новый танец, выходил смотреть. Видимо, любовался, даже подтягивал пению. Раз Л. Н. сказал (приблизительно так), что если бы не был писателем, был бы танцором. И действительно, его движения при пляске других очень ловки.

22 мая. Понедельник, после Троицы. Пополудни опять хороводы под вязом перед домом. Приехал и вечером уехал Иосиф Константинович. Кабардинец, верховая лошадь, подаренная Л. Н-чу Глебовым, перед канавкой заартачилась и сбросила Иосифа Константиновича. И Л. Н. с нее падал. Решено завтра же отправить лошадь к Глебовым.

Л. Н. поехал в Овсянниково, повез корректуры «Круга чтения» Ивану Ивановичу.

За обедом очень шумно. Кроме Ильи Львовича и Марии Львовны, все братья и сестры дома; кроме того, Е. С. Денисенко с дочерью, Мария Александровна, Анна Ильинична.

После обеда Лев Львович доказывал полезность мясной пищи. Сергей Львович спорил с ним.

Л. Н.: Поставить вопрос с нравственной точки — и не нужно будет рассуждений о полезности.

Рассуждали, что будет: лишат ли земли, будут ли вешать помещиков.

Л. Н.: Нельзя предсказать, что будет, но если будет лишение земли, денег, оно будет одно облегчение.

Андрей Львович возражал:

— Папà, ты стар, тебе легко говорить, а молодым?

Мария Александровна: Будет больше любви. Нужда и бедствия соединяют людей.

Андрей Львович: А я думаю, от лишения будет больше раздражения у лишенных.

Л. Н.: В новом периодическом издании «Tolstoy House» читал из Рёскина. Он перед смертью жалел, что не раздал все свое имение, а только половину.

Вечером с 7 до 9 Л. Н. гулял в саду. Встретились.

От друзей Кудрина (Григория Миронова из села Алексеевки Самарской губернии) Л. Н. получил известие, что Андрей Кудрин переведен из Тулы в Харьков, там под арестом, духом спокоен. Поручил послать им все книги, какие у нас есть. И он сам напишет им [1].

Зашла речь об Офицерове. Я сказал, что в нем вижу себя, каким был лет 15 тому назад.

Л. Н.: Вы такой и остались. А когда вижу горячего, боюсь за него, скоро охладеет.

Л. Н. сказал Сергею Львовичу, что сидел в аллее, и там слышна была его игра.

— Там ясно, божественно, спокойно, а что ты играл — то страсти, возбуждение, мешало там. В комнате люблю...

Л. Н.: В «Tolstoy House» — это женщины устроили — есть хорошие мысли о бедности, смирении, желал бы прочесть Марии Александровне, но трудно.

Маленькая Таня Денисенко простилась — шла спать. Л. Н. спросил ее:

— Скажи, что думаешь, ты умрешь?

— Когда-то умру.

Л. Н.: Николай Николаевич Страхов рассказывал, что спросил Татьяну Андреевну: умрет ли? «Вот глупости»,— ответила ему.

Софья Андреевна спросила Л. Н., что он замечает, идя в городе по улице. Она замечает детей и наряды, Саша — лошадей, сбрую.

Л. Н.: А я стариков.

Андрей Львович потом прибавил:

— И лошадей. Папà ни одной лошади не пропустит.

23 мая. Состязания на трапеции. Лев Львович делает некоторые тяжелые упражнения — например, поднимается на одной руке и держится несколько времени. Он помнит, что Л. Н. делал «Ивана Михайловича». Так называлось следующее упражнение: повиснуть на руках, просунуть между ними ноги и, приподнявшись кверху, сесть на перекладину. Лев Львович и я не можем этого сделать. Л. Н-чу было тогда около 50 лет и не был легок. Какой, должно быть, был он гимнаст!

Лев Львович говорил, что амнистия не дана, даже заметно усиление преследований.

Л. Н.: Если амнистия, так дать ее четырем дёминским, укравшим фанеру.

Л. Н. дал отчет, куда ходил, и рассказал про этих дёминских крестьян, посаженных в острог.

Л. Н.: Одни из первых, которые для достижения известных целей допускали убийства,— каракозовцы.

Вспоминали именины и дни рождения. Между прочим, Л. Н. сказал:

— Когда будут столы ставить, Авдотье Васильевне будет тяжело. Еще Сергеенко приедет с аппаратом. Чик.

Говорили о Сергеенко, что продал свою коллекцию фотографий Л. Н. и видов Ясной Поляны Сойкину. Будут издавать альбом [1]. Потом говорили о характере Сергеенко.

Л. Н.: Я, кроме хорошего, ничего не видел от Сергеенко. Правда, бывает тяжелый. А я знаю его семью; у него восемь человек детей, живут в деревне, мальчик не учится, живет дома; тяготился домашней господской жизнью, хотел уйти из дому — тут, под влиянием Фельтена, я ему советовал остаться.

24 мая. Л. Н. о книге «The Son of Man», что она хороша [1]. Хвалил письмо М. С. Сухотина, в котором описывает настроение и речи в Думе [2]. Была учительница-писательница.

Л. Н. с Лебреном говорил о свободе воли и о том, что идеи есть сущность.

В «Новом времени», иллюстрированном приложении, с № 10838 начала появляться «Автобиография гр. Льва Толстого». Скверный перевод с иностранного перевода бирюковской «Биографии» [3].

25 мая. Л. Н. говорил о статье Успенского, которую читал в рукописи: «О веротерпимости» [1]. Очень недоволен.

Л. Н. говорил о ком-то: «Кидал деньги в нищих. В этом самом смысл юродства и есть».

Л. Н.: Беспокойство о земле. Телятинские мужики остановили меня: «Дума не добыла земли?»

Лев Львович говорил о том, что, может быть, вспыхнет настоящая революция: неповиновение солдат, захват помещичьих земель крестьянами. И если правительство не совладает с ними, то заграничное войско заставит нас восстановить порядок.

Л. Н.: Что же нас заставлять! Это то самое, что погубило Францию и выдвинуло Наполеона. Рассчитывать на это плохо.

Л. Н. говорил про сны, что они психологически верны. Сновидение — мгновение между пробуждением и бодрствованием. В крепком сне сновидений не бывает.

В полдень ушел А. Офицеров. Лебрен говорил, что третьего дня Л. Н. у них (Лебрен работает у Марии Александровны) был веселый, каким он его еще не видал. Когда уезжал на Делире, то хотел перепрыгнуть через ворота (они высотою по грудь) и сказал: «Это мы перескочим». Но Лебрен не допустил, быстро раскрыл их. Вечером, когда Лебрен приходил в Ясную, на прешпекте встретил пять тульских мальчиков, которые крикнули ему: «Здравствуй, товарищ». Спросил их, кто они и где были.— «У Льва Николаевича».— «Кто вас надоумил?» — «Мы сами хотели с ним поговорить и книжек попросить».

Лебрен рассказывал:

— Лев Николаевич спросил, какое впечатление произвел на него Офицеров. Он ответил: «Очень хорошее, снизу вверх мне на него смотреть; он куда лучше меня, только шатается без дела».

Л. Н.: Есть три способа пропитания: милостыней, грабежом, трудом.

ТОЛСТОЙ
Ясная Поляна 2 или 3 июня 1906 г.
Фотография Н. Любошица
«Под вечер приехал английский журналист, иллюстратор N. E. Luboshey. Он снял Л. Н-ча».—Запись от 2 июня 1906 г.

Все люди живут всеми тремя. Если трудом живем на 51, а другими двумя на 49 частей, это уже хорошо [2].

Л. Н. за обедом спросил меня, у каких больных я был в Овсянникове.

26 мая. Утром Л. Н. сказал Лебрену:

— Науку нельзя противопоставить религии. Обе одно — просвещение.

После обеда были две барышни. Л. Н. дал им «Как читать Евангелие». Вечером Л. Н. просил Елену Сергеевну поиграть на фортепьяно.

Лев Львович говорил о статье Меньшикова, в которой требует ответственных министров [1].

Л. Н.: Рёскин или Карлейль пишет: «Как это читать газеты утром, когда мысль свежа,— загадить ум». Надо перескакивать разные отделы. Я каждый день читаю «Круг чтения» и «Мысли мудрых людей». Сегодня

хорошее — Эпиктета.— И Л. Н. передал мысль, что человек не может осуждать людей [2].

27 мая. Сегодня пополудни очень жарко и душно. Л. Н. купался в Воронке. Гроза. Лев Львович боялся ее, перешли с балкона в залу. Л. Н. поздно пришел к чаю.

Татьяна Львовна говорила, что в Думе терроризируют. Приходят крестьяне, посланные из уездов, и грозят своим депутатам-крестьянам, если будут против выкупа земли: «Я справлюсь с тобой дома!» Стахович три слова по-своему не смеет сказать, виляет. Михаил Сергеевич еще не говорил, не посмел.

Лев Львович: По Стишинскому, будет то же отчуждение, только чересполосное. В Ясной Поляне не отнимут.

Л. Н. качал головой над «отчуждением». Сказал о кадетском отчуждении земли, о том, что крестьяне к трем десятинам получат четвертую:

— Понятия «норма продовольствия», «норма вымера» я не понимаю. Ведь обработка какая, земля какая, огород может прокормить семью.

Лев Львович спросил его о Генри Джордже.

Л. Н.: Принеси апрельский (?) номер сиднейского «Standard».

Татьяна Львовна прочла по-английски, а Л. Н. тотчас же переводил короткие, ясные четыре пункта проекта Генри Джорджа, высказанные редактором «Standard» [1].

Татьяна Львовна взяла «Standard» для перевода. Сказала, что она целый день о политике думает — то царю пишет письмо о Генри Джордже, то ответ Герценштейну.

Л. Н.: Правительству одно спасенье: идти впереди, с ним пойдет народ, а не в хвосте партий. И революции не будет.

Татьяна Львовна: Царя бы надо убедить. Это можно?

Л. Н.: Нельзя...

Тут его Лев Львович перебил.

Л. Н.: Это решение не одного земельного вопроса, а всех экономических вопросов. Труд не будет обложен податьми, собирание податей не будет дорого (как теперь).

Татьяна Львовна: Рента с земли сама будет устанавливаться; как только она будет слишком высока, никто ту землю брать не будет; станет видно, что надо понизить подать.

Л. Н.: Раздражение народа какое! Я не могу теперь говорить с крестьянами, с Тарасом — затаенная злоба. Я чувствительнее других — может быть, потому не могу.

Елена Сергеевна спросила:

— Скажи, революция прошла или будет?

Л. Н.: Она теперь в разгаре. Леруа-Болье определил: «Vous en avez pour 50 ans» *. Французы в этом эксперты. Великая французская революция продолжалась пять лет (1789—1794).

Л. Н. встал, хотя ему, видно, тяжело было вставать и ходить, пошел в свою комнату, принес книжку Кропоткина, большую, в красной обложке, которую как раз читает [2], и прочел около двух страниц: признаки, предшествующие революции.

— Написано в 1881 году, а совершенно подходит к тому, что происходит у нас,— сказал Л. Н.— Тут и правительство хорошо описано и то, как шла революция во Франции.

Елена Сергеевна: А что будет у нас?

Л. Н.: Предсказать нельзя. История не повторяется. Il faut attendre l'inattendu **. У Кропоткина закваска революционная портит его писа-

---

* «Вам ее на 50 лет хватит» (*франц.*).

** Надо ожидать неожиданного (*франц.*).

ния. Характеристика беспомощности государственного строя — великолепно.

Л. Н. удивлялся его описанию и спрашивал про Кропоткина. Лев Львович его знает. Подвижный, суетливый.

Лев Львович спросил, когда появится книга для всего человечества, которую положишь на стол и сможешь сказать: «Тут единая религия».

Л. Н.: Единая религия — избави бог! Она есть в сердцах всех людей. Откинуть суеверия.

Л. Н. прочел «Савойского викария» из «Круга чтения» [3].

— Ведь это написано уже 200 лет, а люди не знают.

Л. Н. прочел вслух из книги Александра Пѣтровича «Wahrheit und Trug im Socialismus» цитату из Вед.

Л. Н. с Е. С. Денисенко поздно вечером.

Елена Сергеевна: Как успокоиться, когда помрет единственный ребенок?

Л. Н.: Решение одно. Если цель жизни — самосовершенствование, приближение к богу, тогда потеря ребенка только усиливает это приближение.

Л. Н.: Есть умные, чуткие ⟨люди⟩, такие, которые за других чувствуют, страдают; они конфузливые, религиозные. Умные делают успехи в науке, так как их ничто не связывает. Между чуткостью и религиозностью разница мне не совсем ясна. Разумные люди — те, которые знают, что̀ важно. Они притом и не бывают умные. У Вари Нагорновой чуткость — 4, ум — 1, разумность — 1. У Елизаветы Валерьяновны чуткости меньше, разумности больше и ума больше. У Сухотиных ума много. Я с Дориком каждый день читаю «Мысли мудрых людей» (и «Круг чтения»), Дорик с напряжением ждет чтения. Продолжается пять минут. Выбираю подходящее ему философское, религиозно-нравственное. Все понимает. О литературе, искусстве я пропускаю. Советую тебе (Елене Сергеевне) читать так с твоими детьми. Дети ходят около цветов и говорят: «Их нельзя рвать» — слышали от старших, родителей, которым доверяют, им внушено, и это у них остается. Слышал, что бог сотворил мир в шесть дней, и это остается до тех пор, пока ему не придется разувериться. А настоящие религиозные, нравственные положения, что свойственно душе, запечатлеваются навсегда.

28 мая. После вчерашней грозы свежо. Приехали: Илья Львович, вечером С. А. Бибикова, М. С. и А. М. Сухотины.

Михаил Сергеевич вместо того, чтобы рассказывать про Думу, прочел последнее свое письмо от 26 мая к Татьяне Львовне [1]. Содержание приблизительно такое: у крестьян видны жадность к земле, желание воспользоваться выгодным положением, временем. Если они захватят власть — беда. Они не такие, как Л. Н. их описывает в «Народе» («Обращение к русским людям...»). Л. Н. заметил на это, что он пишет, чтобы они не подчинялись власти, а сколько тут, в Думе, скверных страстей! Да то и не крестьяне, а ниже их среднего уровня.

Михаил Сергеевич говорил, что Думу не интересует справедливость, но все, что может, старается достичь. Крестьянские аппетиты требуют скорого отчуждения и получения в собственность удельных земель, помещичьих земель. Национализация — медленный процесс, потому о ней нет речи. Правительство слабеет, войска в провинции развращены, распропагандированы. Сама гвардия слаба. Если правительство разгонит Думу, западные банкиры денег не дадут взаймы. Царь окружен людьми, которые хотят вешать. В комиссиях распоряжаются кадеты, пропускают туда много революционеров и мало из правых, а из них — тех, которых сами кадеты выбирают.

Л. Н. кивал головой утвердительно. Потом принес из кабинета Кропоткина «Речи бунтовщика».

— Это необходимо прочесть после вашего письма.— И дал Але Сухотину прочесть о партийной, задорной деятельности парламента. Он состоит из людей ниже среднего нравственного уровня [2].

Михаил Сергеевич опять поддакивал Кропоткину:

— Это так в Думе.

Л. Н.: Это было написано в 1881 году.

Между Татьяной Львовной и Ильей Львовичем зашел спор о Генри Джордже. Л. Н. входил в это время. Отозвал меня в кабинет, дал мне письма отвечать и сказал на разговор в зале:

— Неинтересный, буду читать.

Вернувшись из кабинета в залу, Л. Н. принес Михаилу Сергеевичу статью Успенского (из Харькова), по мнению Л. Н.— адвоката. Сказал:

— Статью вам дам для Думы. Он с очень глубокой и широкой точки зрения рассматривает вопрос о веротерпимости, хочет хлопотать о внесении его в Думу. Я ему возразил только на слова: «Амнистию распространить на отказавшихся от военной службы» — это я вычеркнул. Ведь они не преступники, зачем на них так смотреть, смешивать их с преступниками.

Л. Н. говорил И. И. Горбунову, что приходят люди и письма с вопросами о вере. Такие, что раньше молчали, сами про себя думали, ныне, читая его сочинения — они стали теперь доступными,— отзываются.

Л. Н.: Что̀ читаете?

Я: Бирюкова, вашу биографию на чешском языке [3].

Л. Н.: Мы не можем, а он может ее читать! Скоро ли выйдет по-русски?

Иван Иванович: Кончается и у нас [4]. Читал Дымшица, очень хорошее.

Л. Н.: Превосходно.

Иван Иванович: Следовало бы напечатать.

Л. Н.: Непременно! Все у него выходит из одного центра. Он, видимо, способный. Давал уроки гимназистам, бросил. «Гимназии — погибель. Что̀ подготовлять туда молодежь»,— сказал он. Я ему, как обыкновенно,— что ведь надо жить чем-нибудь. Все живем трудом, грабежом, милостыней. В наше время иначе нельзя — ведь земельным трудом жить — надо плуг, лошадь (уже грабеж). Только надо нам стараться, чтобы процент труда был больше, чем грабежа, милостыни. Но, видимо, он (Дымшиц) этим (преподаванием) *не может* заниматься. У него приятное лицо, хотя еврейское, белокурый. Он из Екатеринослава *. Адреса не знаете? Как это странно! Прежде старые архиереи писали такие вещи, а теперь молодой еврей, а архиереи подделывают под правительственные условия свою веру.

Иван Иванович сказал, что печатают Бондарева. Какое это сильное! Мужицкие доводы, некуда податься. Выйдет его статья «Горжество земледельца» [5], Письмо Л. Н. к французу о труде и из «Круга чтения» — тоже о труде [6].

Л. Н. был очень рад этой вести; спросил, будет ли приложен портрет Бондарева и нет ли статьи Великанова о нем. Великанов иногда хорошо пишет.

Л. Н.: У Бондарева язык чистый, народный, короткие положения, шутка... Равняется русскому языку Аввакума. Нам нельзя освободиться от примеси литературного языка.

Иван Иванович: У Великанова просили, не ответил.

Л. Н. советовал Ивану Ивановичу издать книжечку о Сютаеве [7]. Речь зашла о друзьях. Кто-то сказал про Трегубова, что он нерелигиозный, что его поглощает внешняя христианская деятельность.

---

* Он приехал из Екатеринослава, где живет, а родился в Витебской губернии.

Л. Н.: Трегубов о себе не думает, он очень добрый и полезный.

Л. Н.: У Андрюши искренность... Может увлекаться всей душой.

Разговор о Москве, какая там революционная атмосфера. Беркенгейм там, дома, слывет черносотенцем, а в Ясной — революционером.

1 июня. Декламировали стихи. Вызвали Дору Федоровну, чтобы она декламировала по-шведски, а я — по-мадьярски. Коснулись Брюсова. Л. Н. сказал:

— Некоторые стихи недурны.

Еврейская фабрика сигар просит позволения назвать сорт сигар именем Л. Н.[1]

Пишущие письма к Л. Н. так обращаются к нему: «Великий учитель истины», «Дорогой учитель», «Dear great leader of men!» *. Некоторые пишут благодарственные письма, лестные, но искусственные, и не подписываются.

За обедом обсуждался вопрос о вегетарианстве. В разговоре участвовали многие, и он долго длился.

Л. Н.: Больше всего помешало мне в утренней работе резание курицы. Ее крик, битье о землю, обтирание кровавого ножа о траву. Как это можно делать — курицу есть!

Лев Львович: Все-таки очень вкусно.

Софья Андреевна: Попробуй не дать прислуге мяса.

Л. Н.: Это их дело — сами едят ли мясо, режут ли для себя. Но не надо их заставлять для других.

Л. Н. говорил с таким огорчением и трогательностью, что у него горло защемило и слезы стояли в глазах.

Л. Н. смотрел в Брокгаузе процент земледельцев среди населений разных европейских государств и читал о зависимости России от Германии[2].

2 июня. Л. Н. на мой вопрос ответил:

— Сегодня здоров. Очень много работал.

Завтракали на террасе, ели ягоды.

— Земляника лучше клубники,— сказал Л. Н.

Л. Н. написал статью о земельном вопросе для корреспондента, который сегодня приедет.

— У Саши будет много переписки; статью ему отдам, чтобы не переврал разговор.

Л. Н. (*мне*): Получил брошюру Бодуэна де Куртенэ, очень материалистична. Он русских не признает славянами[1].

Л. Н.: Есть красивый тип владимирский, с орлиными носами. Эти будут славяне, и вообще те, у кого выговор на «о».

Татьяна Львовна уходила с веранды. Л. Н. спросил ее, снести ли на Козловку ее письма.

Татьяна Львовна: Они не написаны.

Л. Н. (*шутя*): Таких и у меня есть много.

Под вечер приехал английский журналист, иллюстратор N. Lubosheу. Он снял Л. Н-ча. Л. Н. попросил его послать по снимку Бирюкову и Сергеенко[2].

Александра Львовна встречала Гольденвейзеров, приехавших на лето в Телятинки, и поспорила с Александром Борисовичем о революционерах. Он оказался на их стороне, так же, как Бутурлин, который откровенно сказал, что преклоняется перед Спиридоновой, одобряет ее поступок.

Вечером пришел к Л. Н. колбасник из Москвы. Поклонился Л. Н. в ноги, чего тот не любит и после чего его обращение становится жестким.

---

* «Дорогой великий вождь людей!» (*англ.*).

Спрашивал, почему проиграна война. «Ведь мы, русские, были *дружны*» (дружно бились). Л. Н. понравилось это выражение.

Л. Н.: Душан Петрович, вас можно спрашивать про медицину, этнографию, статистику. Сколько во Франции, Баварии, Пруссии земледельцев?

Я прочел Л. Н. данные из речи Гурко в Государственной думе [3].

Л. Н.: А в Испании, Португалии? По Лебону, в этих странах прироста населения нет, государственные финансы в упадке, голод... Лебон приписывает это упадку латинской расы. Раньше она была первенствующая — пока требовалось мужество, храбрость, владение словом; теперь же решают не войны — и народы не терпят столько от поражений в войнах, сколько от поражений в промышленности и коммерции, а промышленность, коммерция — это упорный труд, выдержка, аккуратность в изготовлении товаров, честность. Французы не только вытесняются немцами с чужих рынков, но и дома. Французские фирмы покупают немецкие товары и перепродают их как свои изделия (например, фотографические аппараты).

Л. Н. играл в шахматы с Михаилом Сергеевичем. В 11 вечера Л. Н. спросил, о чем я читал.

— О новом способе добывания селитры из азота воздуха; способ этот уже применяется в Норвегии.

Спустя некоторое время Л. Н. сказал:

— Ваше сообщение меня не интересует. Такие изобретения, кажущиеся важными, усовершенствования возможны только при нашей извращенной жизни. Этих моторов, бициклетов и других технических изобретений, я уверен, при нравственной жизни не было бы, а были бы совсем другие изобретения, какие — не можем знать. Те изобретения, которые теперь делаются, возможны только при разделении людей на господ и рабов, когда есть рабы, которых гибнут тысячи в каменноугольных копях. Поучительное в этом чтение Лебона: он видит, что Европа отдана промышленности, сама себя кормить не может (что она рубит сук, на котором сидит). Но он смотрит на эти условия как на нормальные, хоть видит, что все народы не могут так жить.

3 июня. Вернулся Андрей Львович с садков на зайцев у вел. князя Николая Николаевича. Николай Николаевич — дядя Николая II. Меня поразило, что в разговоре с Андреем Львовичем он не спрашивал про Л. Н

Л. Н. мне за завтраком:

— Какой трогательный был сегодня утром молодой человек! Он из Новгородской губернии, живет в Ялте, студент технологического училища, чахоточный. «Прежде разделял ваши взгляды, но теперь, после ужасов, которые происходят, нельзя обойтись без террора. Я за него». Но он мягкий, добрый, поддается (на доводы, которые я приводил). Жаль его.

Юлия Ивановна: Вы книжки ему дали?

Л. Н.: Нет, он все читал. Пришел так, меня видеть.

Когда это рассказывал, заметили, что по дикой лозе балкона пробиралась мышь. Смотрели на нее; разумеется, никто ее не трогал.

Сегодня был еще странник, бледный, слабый. Когда Л. Н. его спросил, почему он такой сгорбленный и слабый, ответил:

— На мне пуд железа (т. е. вериги).

Другой был на Сахалине. Когда ему было 16 лет, участвовал в убийстве еврейского семейства, трех человек, в Туле. Пять товарищей померли на каторге, он 20 лет пробыл на Сахалине. Попал в японский плен, шрапнелью ранен в спину. О японцах, как все, хорошо отзывается.

Еще был сегодня вчерашний Любошиц-Любошей. Опять фотографировал Л. Н., Софью Андреевну, М. С. Сухотина и его семью.

БЕРЕЗОВЫЙ МОСТИК В НИЖНЕМ ПАРКЕ
Ясная Поляна, 1905—1906
Фотография В. Г. Черткова

Когда вышли к чаю, Софья Андреевна, Лев Львович и Гольденвейзер (сегодня приехал в Ясную Поляну) оживленно говорили.

— От бывшего вчера колбасника я слышал замечательное слово. Он пошел из Москвы на юг. В Туле встретил знакомого, который сказал ему: «Нынче такое время, что всем надо быть в Москве» (т. е подготовляться к восстанию). Есть задор, люди, которые задирают, которые хотят восстания и сделают его,— рассказывал Л. Н.

Татьяна Львовна: Я сегодня в Туле видела реалистов, покупавших кавказские ножи.

Михаил Сергеевич: Прокламация черносотенная показывает, что готовятся обе партии.

Л. Н. (*ко всем, но, по-моему, как бы по адресу Александра Борисовича, который начал рассказывать Л. Н.: «Слышали, что в Риге между казненными из восьми — шесть было невинных, доказано их алиби»*): Можно ли этому верить? Газеты как врут! У тех, которые метали бомбы в Севастополе, тоже было алиби. После смерти о том писать.

Михаил Сергеевич: В Думе кто-то поправил оратора, когда утверждал неправду. На него за это напали, говоря, что это бестактно и несвоевременно — защищать правительство от подозрения, обвинения.

Л. Н.: Как в Севастополе хотели убить Неплюева [1] и убили 20 посторонних или в Мадриде вместо королевской молодой четы — 30 посторонних [2], так и правительство не всегда попадает на настоящих. Но нельзя брать сторону ни той ни другой стороны: идет свалка; теперь один внизу, другой — сверху, и нельзя говорить, потому что он внизу, что он прав:

в ближайшем моменте он может быть наверху, выхватит нож... Идет свалка, оба виноваты. Я всегда рассказываю анекдот про вырванную бороду.

Л. Н. взял «Былое», майскую книгу, и сказал:

— «Былое» — самый революционный журнал. Если бы я был молод, то после чтения «Былого» я взял бы в обе руки по револьверу. — И Л. Н. приподнял руки, смеясь. Потом сказал:

— Как я стар! Тут об убийстве Мезенцова (в 70-х годах). Мезенцов был мой знакомый, друг, пел тонким голосом. Непривычно читать такие вещи по-русски: и грубо, и задорно, и неприлично писано [3]. Вчера читал в «L'Ere Nouvelle» по-французски — другое, там прилично. Каляев убил бомбой московского генерал-губернатора, великого князя Сергея Александровича. В «Былом» о нем: когда пред казнью пришел к нему священник, сказал ему: «Я не верю ни в какие обряды. Но вы добрый человек, который пришел утешить меня; позвольте вас поцеловать» [4].

Сегодня Л. Н. получил письмо и рукопись от доктора-юриста Гольдберга из Петербурга. Присылает немецкий перевод драмы Алексея Толстого, чтобы Л. Н. его пересмотрел и поправил [5].

Л. Н. (*мне*): Вы читали, знаете, о чем речь?

— Нет.

Л. Н.: Высший суд нашел, что в сочинениях моих, ни в религиозном, ни в политическом содержании, нет преступления против 129-й статьи закона, что печатание их в России не подлежит стеснению (преследованию) [6].

Лев Львович говорил, что он об этом писал царю и говорил с высшим цензором [7]:

— Я им объяснял, что твои взгляды, писания — противореволюционные и что не следует их преследовать. Царю написал в письме — наверно запомнил и сказал слово.

Л. Н.: Они этого не понимают.

Я сказал Софье Андреевне, чтобы теперь поскорее печатала *полное* собрание сочинений Л. Н.

Софья Андреевна: Печатают столько издателей, мне нельзя с ними конкурировать. А печатание стало дорогим. У Кушнерева забастовка.

Вчера узнали о выходе «Недели» Битнера с 96-страничным приложением сочинений Л. Н., выпуск — 10 копеек. Это приблизительно десятое (разумеется, неполное) издание сочинений Л. Н.

Говорили о земле. Татьяна Львовна и Александра Львовна негодовали на чиновников Крестьянского банка, что продажу их земли крестьянам с февраля до сих пор не устроили. Мужики землю поделили промеж себя, обрабатывают, а она ими еще не куплена. В этом году очень много куплено земли крестьянами. Михаил Сергеевич сказал, что местами крестьяне купили землю, но нет у них инвентаря, лошадей и т. д.

Л. Н.: Вопрос об отчуждении земли неправильно поставлен (кадетами), что «есть нужда в земле, которую надо удовлетворить». Можно быть без земли богатым, а с землей — бедным. Надо поставить его так: равное отношение к земле всех.

Л. Н. вспомнил телятинского мужика, который с сыном сейчас рубит на дрова березы в саду. Зарабатывает в месяц 30 р. Он свою землю сдает в аренду и живет посторонним заработком.

Сегодня Софья Андреевна получила от Бирюкова английский перевод биографии Л. Н. [8]

Эггер-Линц из Тироля послал Л. Н. олеографию своей картины «Wallfahrer». Красивые пустертальские типы женщин и мужчин. Понравилась [9].

Михаил Сергеевич: Напрасно написал Христа так *низко* на кресте висящим; ведь ему на копье губку с уксусом подавали.

Л. Н.: Это могли и так. Ренан писал об этом. Ге исследовал этот вопрос.

Михаил Сергеевич: Христос был распят сидя. Сухожилия разорвали.

Л. Н. вчера и сегодня переводил из «Standard» короткое изложение редактором проекта Генри Джорджа, приписал свое — приготовил для сотрудника «Нового времени» (который вчера должен был приехать)—чтобы не переврал. А о политике (что будет говорено) там уж переврет (как почти все интервьюеры).

4 июня. Л. Н. за завтраком:

— Я огорчу Душана Петровича на всю его жизнь. Я хотел есть картошку, а он ее съел. Я, по Хэйгу, перестал есть яйца, и мне хорошо. В последние дни могу немного работать.

За обедом ни о чем интересном не говорилось.

Вечером в 11 Л. Н. о Лебоне:

— Неосновательный, но много сведений, которые мне интересны именно теперь [1].

Потом прочел из немецкой брошюры вслух: «Хотя религия — дело частное, все-таки мы, марксисты, — атеисты» [2].

Л. Н.: Был здесь сын Николаева (?) — я не мог припомнить, потом припомнил,— с которым переписывался. Просил. «Что же я вам могу дать?» Я ему дал 10 копеек, как всем.

Татьяна Львовна: Ты бы ему дал хоть полтинник.

Л. Н.: Я этого не могу. После пришла вдова, той дал больше.

5 июня. Понедельник. Приехали И. В. Денисенко с 12-летним сыном Онисимом и Илья Львович. Известие, что Сергей Львович женится [1]. Приехал Юрий Беляев, корреспондент «Нового времени». Вечером Иосиф Константинович, Лебрен, Миша Булыгин. Вечером приехали А. Е. Звегинцева и М. А. Болдырева.

Л. Н. прочел из Лебона о том, как понижается нравственный уровень общества вследствие парламентских прений. Лебон интересный. Много знает, наводит на мысли [2].

Анне Евгеньевне на ее слова о Думе Л. Н. ответил, что .....* самоуверенность и..... * И Дума плоха, и старый режим плох. Но от Думы нельзя вернуться к старому режиму, а надо новое.

Илья Львович рассказал:

— В Калуге отказались солдаты взять ружья наперевес и вытеснить железнодорожных рабочих с платформы.

Анна Евгеньевна сообщила, что великий князь Николай Николаевич говорил, что земли (крестьянам) не дадут.

6 июня. После обеда Л. Н. на балконе с Ю. Д. Беляевым. Около полутора часов разговаривали. Потом гуляли. Л. Н. дал ему записку с переводом из сиднейского «Standard» о системе Генри Джорджа [1].

В 9 вечера Михаил Сергеевич на крыльце очень удачно представлял разных депутатов на трибуне и скамьях, Муромцева, как кавалергарды разгоняют Думу. Л. Н-чу больше всех нравился Недоносков. Остальным — депутат-татарин на скамье — как аплодирует. Все, и Л. Н. тоже, добродушно смеялись, и особенно дети Денисенко.

За чаем Л. Н., будучи слаб и нездоров (сердцем), сел к открытому окну.

— Только при открытом окне можно дышать, — сказал он.

В комнате было душно, и, думаю, Л. Н. вздремнул.

Беляев рассказал интересно, как революционеры напечатали в типографии «Нового времени» прокламации. Потом сообщил, что в Москве остановится на два дня — поговорить с типографщиками, которые опять

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

бастуют. Нужно будет удовлетворить их требования, а то испортят наборные машины. Внутренняя конструкция этих машин очень тонка. В Москве в редакции «Русской земли» есть три таких машины по 30 тысяч рублей.

Я говорил Беляеву, чтобы не переводили воспоминаний детства Л. Н. с английского, а достали оригинал у Горбунова, и чтобы завели в библиотеке редакции чертковские издания Л. Н., т. к. и «Новое время» и другие газеты иногда приводят цитаты из них по переводам с переводов.

Когда Беляев прощался, Л. Н. сказал ему:

— Кланяйтесь от меня Суворину, советую ему прочесть Хомякова «Самодержавие». Он ⟨Хомяков⟩ самобытный мыслитель. Можно с его мыслями не соглашаться, но они наводят на размышление, дают новые мысли. И спросите, не издаст ли Валишевского — книги интересные. В таком порядке, как он писал; начать с Екатерины.

Беляев: Нет, переводчики плохо переведут.

Л. Н.: Узнайте, не переводит ли кто-нибудь, и напишите мне. Я нашел бы переводчика — Машу; книги у меня есть. (Маша хочет заработать.)

Пожали руки. Когда Беляев уехал, говорили о нем, удивлялись, что ему только 27 лет.

Л. Н.: Не надо быть требовательным к 27-летнему. Кажется: дозрелый и должен все знать, что другие дозревшие и старые люди. Мы, когда нам 50 лет, видим разницу между нами, 50-летними, и 27-летними. Человек постоянно растет (духом) до 100 лет.

Потом Л. Н. говорил о том, как у Валишевского описана смерть Екатерины.

Л. Н.: Мы ее раздел Польши расхлебываем.

Потом Л. Н. говорил «О польском вопросе» Бодуэна де Куртенэ. И между прочим сказал, что он правильно советует о границах вперед не говорить, а дать автономию, и потом пусть население уездов выбирает — куда хочет быть присоединенным (к России или к Польше).

— Книга очень разумная, но тон материалистичный.

Лев Львович, когда была речь о старом Суворине, заметил, что Суворин не признает души, говорит: «Что о душе говорить, ее нет».

Л. Н.: Души нет, ах!? — И встал и пошел в кабинет.

Лев Львович: Он человек очень добрый.

— Он бессознательно добрый, не сознает души,— сказал из дверей Л. Н. А потом принес из кабинета книжку: «Wahrheit und Trug in materialistischer Philosophie» von einem Selbstdenker. И прочитал из нее сперва, что религия не начинается признанием бога, но самосовершенствованием, сознательным служением другим. Потом читал оттуда же: «Der grösste Hypnotiseur der Welt ist...* — кто? найдете, Душан Петрович? — ... die Wissenschaft» **,— и читал дальше Денисенкам, Михаилу Сергеевичу и мне.

Л. Н.: Какие хорошие мысли! Подписался Selbstdenker ***. Дума — не Selbstdenker, ни одной серьезной оригинальной мысли не было в ней высказано. Скажите, что? — обратился к Михаилу Сергеевичу. Тот качал головой.

Л. Н.: Говорит, что материалистическая нравственность — without legs — без основ; ее не может быть, она заимствована из духовной области. И в этой книге есть ложка дегтю. Автор — спирит. Верит в существование отдельных душ.

Потом Л. Н. еще перечитывал из немецкой брошюры Selbstdenker, а потом из «World's Advance Thought» — Денисенкам. Меня отозва-

---

* «Величайший гипнотизер мира...» (*нем.*).
** наука (*нем.*).
*** Мыслитель (*нем.*).

ли зашить рану двухлетнему мальчику. Когда я ее зашивал в моей комнате внизу, мальчик кричал. Наверху затих разговор. Л. Н. сошел: «Не могу ли помочь?» Но уж было готово. Потом послал через Юлию Ивановну молока и калач мальчику.

7 июня. За завтраком Л. Н. с Михаилом Сергеевичем.

Сухотин: Почему партии в Думе — это подражание? Люди соберутся и *по мнениям* разделятся.

Л. Н.: Но почему им вперед составлять партии? Это глупо и несвободно.

Михаил Сергеевич: Это один из старых, готовых в Европе приемов.

Л. Н. (*позже*): Когда читаю речи в Думе — как в грязь попадаю. (На днях кому-то выговаривал за чтение газет и особенно о Думе.)

За обедом Л. Н. задавал задачи о тростнике: смерить высоту тростника из данной длины части, находящейся над водой, и т. д. О косцах: были два луга, один вдвое больше другого, косцы скосили большой за полдня, потом половина их косила меньший луг полдня, и скосила столько, что на другой день его один косец докосил, и т. д.

Л. Н. был сегодня особенно прост, мил с Денисенками и с нами. Вечером ходил гулять в Елочки. Винт. Л. Н. спросил Александру Львовну, помнит ли Ch. G. Bonet-Maury:

— Он пишет о «Христианстве и патриотизме» и с французской любезностью уничтожает меня [1].

Михаил Сергеевич: Почему теперь? Ведь это давно написано.

Л. Н.: Должно быть, по-французски теперь появилось.

Вечером при шахматах Л. Н. спросил меня:

— Вы читали Талмуд?

— Нет.

— Кто это читал?

Елена Сергеевна: Я.

Л. Н.: Где ни откроешь — чепуха. «В субботний день...»

В яснополянской библиотеке имеются 6—7 томов Талмуда, издание Сойкина. Один из этих томов лежал открытым на столе.

И. В. Денисенко решил уехать завтра с семьей, боясь, что 10-го начнется стачка на железных дорогах.

Денисенко: Стачки раньше были незаконными, теперь позволены, но всегда можно их подвести под некоторые статьи.

Л. Н.: Стачки — сомнительные проступки; иногда нельзя сказать, что проступки, иногда — поступки. Теперь говорят, что где-то земледельческие рабочие хотят три рубля, женщины — два рубля в день. Давно пора! Только нельзя им не давать работать тем, которые хотят работать по 75 копеек, как и их, требующих три рубля, нельзя насилием заставлять работать за плату, которую другой установит. На стачки смотрю, как на пассивное сопротивление. Но как ⟨только⟩ они делаются из корыстных целей, так они становятся орудием борьбы.

Денисенко: У нас в стачечников стреляют.

Л. Н.: Во Франции, Америке тоже расстреливают.

Денисенко: После требования разойтись. На Западе первый залп холостыми, у нас — сейчас же боевыми.

Разговор Михаила Сергеевича, Михаила Львовича, Александры Львовны, Софьи Андреевны, Сергея Львовича и Льва Львовича о мужиках. Лев Львович утверждал, что порубки леса, главное за Воронкой, причиняют больше 10 тысяч убытка. Михаил Львович говорил, что у него собираются мужики косить для себя. Это допустит, но свозить — нет. Казаков!

Александра Львовна сказала, что где-то половину свезли барину, половину себе; она на это согласна.

Софья Андреевна: Я вчера исполнила их требования, у нас будет тихо.

Дора Федоровна опасалась, что в Ясной порежут господ. Софья Андреевна ее успокаивала. Но, кроме Л. Н., никто не считает невозможным поджог и ограбление. Татьяна Львовна полагает самым безопасным местом хутор в Овсянникове.

8 июня. Уехали Денисенки.

9 июня. Утром уехали Сухотины. Татьяна Львовна пробыла здесь с августа 1905 г. Тут у нее родилась Танечка, теперь со всей семьей уехала. Пополудни в 4 я с Александрой Львовной выехали верхами на Делире и Мушке в Пирогово. Там пробыли день 9 июня.

10 июня. Вернулись верхами из Пирогова в Ясную. Выехали утром в 6. Приехали С. А. Стахович с племянницей Евгенией Сергеевной * и Гольденвейзеры из Телятинок. Л. Н. вчера нездоровилось. Сегодня лучше. Лев Львович рассказывал, что̀ произошло в Государственной думе. Когда министр говорил: «За время беспорядков убито городовых 288, а ранено 383», раздались крики: «Мало».

Софье Александровне передавали, как Михаил Сергеевич изображает деятелей Думы. Л. Н. особенно понравился Недоносков и рассказал о нем, но заметил про смех:

— Нехорошо смотрим на это, с юмористической стороны.

Говорили о Столыпиных.

Л. Н.: Их отец был человек прямой, мужественный.

Софья Александровна говорила о Герценштейне и напомнила Л. Н.:

— Вы тогда, когда Герценштейн говорил в Москве, сказали о его речи: «С чисто профессорской тупостью...»

Л. Н. спросил Софью Александровну про племянников—студентов в Монпелье:

— Чему они ⟨там⟩ учатся, я понять не могу.

Л. Н. рассказывал о Лебона «Psychologie du socialisme»:

— Лебон материалист. Книга так растряслась, надо будет достать новую и вернуть вам,— сказал Софье Александровне, которая одолжила ему эту книгу.

Софья Андреевна каждое воскресенье в белом платье.

Племянница С. А. Стахович ушла с Александрой Львовной. Софья Александровна о них:

— Теперь политизируют, племянница страшно занята политикой. Она благовоспитанна, молчала за обедом, когда другие говорили о политике.

Л. Н.: Она кадетка?

— Нет, левей.

Л. Н.: Молодым нельзя не сочувствовать народу. Только пути нехороши. *Убийство нарушает религиозное чувство*. Был Миша и рассказал, что он в ссоре с Линой два дня. Поссорился из-за того: был у них Лопухин и говорил, что убийство полезно,— например, Плеве. И Лина сочувствовала. Когда есть религиозное чувство, *нельзя рассуждать* о пользе убийства Ивана Ивановича, Семена Семеновича. В этом — чему выражается сочувствие (сочувствие к убийствам) — qui pro quo. (Это говорил по адресу присутствующего Александра Борисовича, который сочувствует убийству правительственных лиц.)

Л. Н. спросил меня, устал ли я, когда ехал из Пирогова домой верхом.

— Да.

— Но теперь получил «шлюс» ** и équilibre ***.

---

* Н. Н. Гусевым здесь и ниже отчество исправлено на «Алексеевну».—*Ред.*

** устойчивость в седле (*нем.* Schluss).

*** равновесие (*франц.*).

Меня отозвали. Когда вернулся в залу, Л. Н. сидел за круглым столом с Гольденвейзерами, говорил им о партийности, о политике, что надо соблюдать спокойствие, не озлобляться и не вносить озлобления. Потом попросил «Русские ведомости» с отчетами о заседании Государственной думы и посмотрел речи Столыпина и Урусова [1]. Последнюю хвалил ему Александр Борисович, утверждая, будто бывший товарищ министра сознался, что погромы подготовлялись правительством.

— Это очень глупо, неясно, ничего определенного, какая-то группа лиц подозревается им и полно человеконенавистничества,— сказал смущенный Л. Н.

Софья Александровна пояснила, что «группа лиц» — Трепов и другие придворные, имеющие больше влияния на государя, чем министры.

Софья Александровна: А если это так, как он утверждает, то есть что погромы подготовлялись, то почему же он оставался тогда товарищем министра?

Лев Львович: Я Урусова знаю, он бестолковый человек и болтун.

Кто-то: Но он себе портит карьеру.

Л. Н.: Карьеры теперь через Николая II не делаются, а наоборот.

Софья Александровна рассказывала о том, что в Думе говорилось о погроме имения ее дяди; рассказывала и о письме своей матери, которое тут же получила и читала: о требованиях рабочих на время уборки: мужчинам — 25 р., бабам — 15 р.

Л. Н. это признавал:

— Только без насилия, чтобы они не прогоняли тех, которые хотят работать за меньшую плату.

Софья Александровна говорила, что все идет к худшему, к европейскому положению, подгоняют по рецепту.

Л. Н.: Я могу себе представить, что это приведет к хорошему; это нарыв, который вскрылся; течет гной, который там сидел. Если будет так, как в Европе, будет плохо. Там полное нагноение, просачивается. Этому я не верю, чтобы у нас стало, как в Европе.

Софья Александровна: До сих пор все идет к тому, даже и требования сельских рабочих туда ведут.

Л. Н. не согласился, а потом сказал:

— А может быть, что будет так. (Как в Европе.)

Л. Н. (*племяннице Софьи Александровны*): Поедете за границу, поедете учиться?

— Нет.

— Слава богу, а я испугался. Постоянно получаю письма от людей, которые хотят служить народу, а для этого им нужно идти на курсы, недостает одному 150, (другому) 300 рублей, и это я должен им дать.

В разговоре с Евгенией Сергеевной зашла речь о ее родственниках.

Л. Н.: Ехал по железной дороге, и в том же поезде ехал Барятинский с Шамилем к Орлову-Давыдову * в Отраду. Тут <?> один раз видел Шамиля [2].

Л. Н. (*о книге Лебона*): У него есть свои социологические законы, у Маркса — свои. Беспристрастно рассматривает людей, как животных. Он дерзок, смел.

Л. Н. спросил про Новую Зеландию, о ее пространстве, количестве жителей.

Лев Львович утверждал, что в Японии введен единый налог, и Меньшиков писал, что с того времени Япония подвинулась вперед [3].

Л. Н. не верится; сказал, что писали бы об этом приверженцы Генри Джорджа.

---

* Барятинский и Орлов-Давыдов — родственники Евгении Сергеевны.

Юлия Ивановна говорила Софье Александровне, что я страшный политик.

Л. Н.: Душан Петрович не политик, его склад духовный не такой. Из газет выбирает этнографическое.

Л. Н. вспомнил, что Миша рассказал, как решили: кто заговорит о политике, платит 20 коп. штрафу. Собрали 3 р.

— Так и мы сделаем,— сказал Л. Н.

Л. Н. позвал меня к себе, дал отвечать на письма и послать книги:

— Записывайте, кому какие книги посылаете. Бузулукские семинаристы просят опять книг, неизвестно, какие посланы в первый раз.— Просил найти данные об Англии, Франции, сколько там земледельцев, сколько хлеба производят (Англия только одну пятую нужного), найти в «Новом времени» речи Петражицкого и Стишинского [4]. Потом говорил:

— Получил эту брошюру (в красной обложке маленького формата). В ней подтверждения того, что мне писал Кросби: что в Америке две трети единого налога ляжет на города. Есть акры, которые стоят по 10 миллионов (наверно в Нью-Йорке, Чикаго), и что Single Tax * принесет в два раза столько, сколько нужно для расходов государства и коммун. Мы с Николаевым вычисляли для России и нашли, что в России (единый налог) покроет все государственные расходы.

Потом Л. Н. разговорился о Звегинцевой, которая против всяких требований свободы.

— Я ей сказал всю горькую правду,— заметил Л. Н.

Александра Львовна, переписывавшая статью, в 11.15 кончила и пришла к чаю. Л. Н. был рад, что дописала. Сказал:

— К концу плохо. Завтра снова напишу [5].— А потом, обратившись ко всем, удивляясь той медленности, с которой пишет эту статью в 20 страниц — три месяца, сказал: — Как карандаш, когда застрагиваешь и он обламывается, все сначала должен зачинять.

11 июня. Гости: С. А. Стахович с племянницей, вечером — Гольденвейзер, до половины десятого Звегинцева с Н. Н. Кровном (чиновником Министерства торговли).

За обедом Л. Н. с Софьей Александровной, между прочим о ее племяннице Евгении, которая социал-демократка, сказал:

— Блажен, кто смолоду был молод [1], наслаждался природой; интерес к политике говорит, что не молод... Старики, люди, которые пережили новую историю, могут политикой заниматься.

Звегинцева: Вы признаете, что наша культура выше крестьянской?

Л. Н.: Напротив.

Звегинцева: Николай Николаевич (Кровн) изучал этот вопрос и доказал, что крестьяне плохо обрабатывают землю; отдать им землю — будет беда (голод).

Л. Н.: В Ясной Поляне наша рожь, овес плохи, крестьянские — хороши.

Звегинцева: Если земля перейдет крестьянам, не будет такого урожая. Николай Николаевич изучал этот вопрос и доказал это.

Л. Н.: Неправда. Посмотрите нашу рожь, наш овес и крестьянские — крестьянские лучше.

Л. Н.: Мне постоянно стыдно, что у моих родственников есть земля.

Звегинцева: Какой выход будет — диктатор Трепов, Наполеон?

Л. Н.: Возврат к старому невозможен. Правительства нет, в сознании народа его нет. В России возможно неповиновение правительству. Повиновение человека человеку — грех.

---

* единый налог (*англ.*).

ТОЛСТОЙ, КЭНДЗИРО ТОКУТОМИ И А. Л. ТОЛСТАЯ
Ясная Поляна, 18 июня 1906 г.
Фотография С. А. Толстой
«Утром приехал Кэндзиро Токутоми... Приехал прямо из Японии». — Запись от 17 июня 1906 г.

А. Е. Звегинцева взяла с собой ветвь ольхи, которую ей сорвал и подал Л. Н., тем отводя речь от политики — на запах лип, на деревья, которые сажал, и прочее.

Вечером с 10.30 до 11.30 Л. Н. разговаривал с Евгенией Сергеевной, Софьей Александровной, Н. Н. Кровном у малого круглого стола. Евгения Сергеевна последние полгода ничего другого не делала, кроме чтения газет — «XX век», «Волна», «Вперед» — и социал-демократической литературы. Хотела изучить рабочее движение. Л. Н. ей говорил, что политика и политическая экономия имеют малое значение в занятиях человека.

— Если вообразить себе интересы людские шаром и в середине его человека, то очень маленький конус выпадет на долю политики. Внутренняя жизнь, дружба и так далее куда важнее политики. Самое главное — внутренняя жизнь, и воздействие на других через нее самое сильное. Из газет чему научитесь? Газеты врут, только представьте себе, что ни одна из них никогда не неправа! Через газеты не узнаете рабочего движения. Они вас только запутают. Я 80 лет прожил, а во мне пороков сколько; еще 80 лет прожить — и не избавишься от них всех, но хоть от немногих избавился. Они есть и в вас. Надо непосредственно выработать внутреннего человека, а посредством кадетов выработаете урода. Кадеты, социал-демократы — рабы западных учреждений. Читайте хорошие книги, хотя, кажется, Эмерсон сказал: «Нельзя прочесть всех хороших книг».

Л. Н. подарил ей «Речи и статьи», «Прогресс и бедность» Генри Джорджа и «Конец века».

Н. Н. Кровн не знал о существовании «Круга чтения».

12 июня. Вчерашние гости. Л. Н. сегодня очень слаб, но ездил верхом. Под вечер был ученик технического училища. Л. Н. дал ему книги. За обедом Л. Н. сказал про статью «О веротерпимости» Успенского, что хороша.

Л. Н.: Теперь мне пишет, что ни одна газета, куда я его посылал, не хотела ее напечатать [1]. То же самое было с письмом Шейермана. Прекрасное письмо, а его ни одна газета не напечатала. Все, что благоразумно, серьезно, правдиво,— им не нужно. Им нужно вранье. Успенский мне писал, что посетит Андрея Кудрина и Савелия Шнякина в Харькове. Они услыхали от Добролюбова, что убивать грех, и отказались от воинской повинности.

Л. Н. рассказал Софье Александровне о Добролюбове:

— Был у меня в лаптях, белокурый. Я с ним говорил около часу, не подозревая, что он не крестьянин (новгородский). Это был Добролюбов, который написал томик декадентских стихов. Он живет в Самарской губернии. Эти два (Кудрин и Шнякин) — молодые люди, отказавшиеся от военной службы под его влиянием. И два казака оренбургских (?) — тоже отказались от военной службы. Еще одна книга его, бестолковая, туманная, местами искусственная. Он ведет аскетическую жизнь, шесть месяцев просидел в Петербурге в тюрьме (из-за этих казаков) [2].

Александра Львовна: Он говорит всем *ты* и требует, чтобы и ему так говорили.

Софья Александровна говорила о забастовке крестьян и что они снимают чужих рабочих *без насилия*.

Л. Н.: Эта черта мне нравится.

Л. Н. (*после обеда*): Пойду читать Лебона. Прочту его за два года.

Вчера Л. Н. сказал А. Е. Звегинцевой, когда она спросила бывшего с ней молодого человека Н. Н. Кровна о револьверах (она всегда, приезжая, вынимает револьвер и кладет в передней на окно): «Бросьте в воду».

Вечером с 8.30 до 9 Л. Н. гулял с Софьей Александровной и Евгенией Сергеевной. Сегодня слышал о Евгении Сергеевне, что она, чтобы повидать Л. Н., когда родители не пускали ее, переоделась в крестьянское платье и тайком уехала.

К вечернему разговору опоздал. Писал Анне Константиновне.

Лев Львович говорил, что движение остановится на конституции, т. к. на Западе, кроме Французской республики, многие любят царя и не допустят его свержения.

Л. Н.: На конституции нельзя остановиться, как на реформации. Или ортодоксия, или свободное христианство.

Уехали Софья Александровна с Евгенией Сергеевной.

Русское «Свободное слово» (Петербург, Троицкая, 6) начало издавать первое полное собрание запрещенных сочинений Л. Н., 4 р., около 4 000 страниц.

13 июня. За обедом: Л. Н., Софья Андреевна, семья Льва Львовича, Александра Львовна, Юлия Ивановна. Л. Н. спросил Александру Львовну, как ей нравится Евгения.

Александра Львовна: Она милая, красивая.

Л. Н.: Меня удивила Софья Александровна, какая она строгая к племяннице.

Александра Львовна: Я ее (Софью Александровну) очень люблю, уважаю. Она очень умна, способна, но упряма и деспотична. С племянницами у нее беда — они клонятся к революции.

Л. Н.: Когда же японец приедет? Я его расспрошу про Японию, Китай. Если нарочно едет, пусть поживет.

Александра Львовна рассказала, что неудачно возила в Овсянниково чужую собаку, которая ощенилась в будке. Оказалось, что она не оттуда. Еще возила ее и в Козловку — напрасно. Уверена, что сумела бы всех шестерых щенят разместить, как это умеет каждый год Мария Александровна. Но Параша (дурочка) по приказанию Софьи Андреевны потопила их. Никита и Паля Львовичи, когда услышали про это, ужасно плакали.

Л. Н.: Подобное было с нами, когда мы были детьми. В овраге нашли убитых щенков и тоже плакали. Вероятно, мальчишки убили их камнями.

Лев Львович спросил отца:

— Что было бы, если б не топили щенят, не резали домашних животных? Как бы они расплодились!

Л. Н. (*спокойно*): Это касается домашних животных, их не надо ⟨разводить сверх меры⟩. Дикие сами себя ограничивают.

На чье-то возражение Л. Н. сказал:

— Идеальное положение — есть фрукты. Не надо ни яиц, ни кур, ни лошадей.

Лев Львович: Без домашних животных будет скучно, с ними приятно жить.

Л. Н.: Дикие будут, ⟨как⟩ во времена Франциска Ассизского, садиться на плечи.

Тут я ушел, еще слышал слова Л. Н.:

— Как неприятно убивать крыс, мух! На Соловецких островах птица и иной зверь не боятся людей *.

Александра Львовна рассказала: была у Надежды Павловны; там видела барышню, которой она год тому назад подарила Мушку. Шпиц с ней. Александра Львовна позвала Мушку, Мушка глядела, глядела на нее, затем кинулась ей на колени, вся дрожа, стала ее лизать в лицо. Барышня отнесла ее на руках.

Л. Н.: Память.

За чаем Л. Н. сказал:

— Я дочитал Лебона. У Лебона о трестах, что они хуже подорожных разбойников.

Я сегодня читал сначала «Христианское учение», которого не читал четыре года, теперь вполне понимаю. На другой день утром сказал об этом Л. Н-чу.

Л. Н.: Неужели вы не понимали до сих пор? Радостно, когда выяснится.

Я сегодня под яблоней записал (и он прочел приблизительно так): «Мы поставлены в необходимость делать (любовь ко всем), делание чего и для меня и для других к лучшему. Как это просто, и только в старости лет это ясно видишь» [1].

Л. Н.: Почему Иван Иванович не издает «Христианского учения»?

Я сказал, что появилось во «Всемирном вестнике» [2] и что теперь объявлено опять новое издание сочинений Л. Н. уже девятой, что ли, фирмой.

Л. Н.: Те мало распространяются, издать бы Ивану Ивановичу [3].

14 июня. Утром уехали Софья Андреевна с Дорой Федоровной к Михаилу Львовичу и Марии Львовне. Л. Н. их провожал с крыльца. Я опоздал к общему завтраку; пришел, когда завтракал Л. Н. (он всегда завтракает через час-полтора после всех, ему оставляют на столе).

Л. Н. отошел от холодного завтрака (сегодня забыли подогреть) и ушел к просителям. Я взял читать «Новое время». Л. Н., возвратившись, спросил, что читаю.

---

* У монахов там обычай не трогать птиц и зверей. Его соблюдают и палломники.

Фельетон Меньшикова о Рамишвили [1].

Л. Н. посмотрел и сказал:

— Очень хорошо рассуждает Меньшиков.— Некоторое время спустя добавил:

— Такую ложь и глупости вряд ли говорят в другом парламенте. В английском уже, наверно, нет. Но достаточно, что это рассуждение в «Новом времени», чтобы его девять десятых не читали (с ним не считались).

Л. Н. поехал купаться. В купальне встретились. Л. Н., быстро выкупавшись, ускакал галопом на Андрюшином Запорожце.

За обедом: Лев Львович, Александра Львовна и Юлия Ивановна. Александра Львовна спросила, может ли прочесть вслух из газет одно сообщение. Л. Н. поощрил ее. Она прочла о забастовке земледельческих рабочих (в Орловской губ.) и что они, кроме снимания с работ работающих, не производят никаких насилий. Это ей нравится. Л. Н. ничего не сказал.

Юлия Ивановна заметила, что пчелы с дикого винограда, вьющегося вокруг террасы, не берут цвета, а только пергу́ * на ножках. Ножки точно обернуты плотной пергой, трудно им лететь.

Л. Н.: Это пища детей. Желтая висит на ножке, и она всегда желтая в рыльце (цветка), откуда они берут ее.

Л. Н. играл с внуком Китой. После обеда читал на балконе. Подъезжала телега, Л. Н. спросил:

— Кого вам?

Мужики: Позволите проехать туды?

— Сделайте одолжение.

В 9 Л. Н. опять пошел гулять. В 10.15 вернулся с прогулки, сгорбленный, в суконном пальто. Сказал:

— Я ходил до шоссе и ужасно устал. Ходил потому, что холодно, пока согреюсь.

Вечером дал мне два письма, по которым следует послать книги, и собрал в кабинете со стола книги, которые нужно положить обратно в библиотеку. Еще приходил за горячей водой с лимоном. Смотрел издание И. М. Трегубова: Л. Н. Толстой. «О военной службе». С предисловием И. Трегубова. Полтава, 1906.

15 июня. Теплый день. Л. Н. ходил пешком гулять. После обеда звал всех верхом встретить Софью Андреевну с Дорой Федоровной. Но никто не поехал. Предпочли играть в теннис. Я сшивал сухожилия на пальце мужику, поранившемуся косой.

Утром был проситель: рабочий, чинивший котлы на патронном заводе. Испортил себе глаза на этой работе. Грозит ему увольнение. Просил ему посоветовать, как добиться помощи за потерянное зрение. Л. Н. ему дал записку в несколько строк к Гольденблату [1].

Перед обедом приехал Лебрен.

Лев Львович рассказывал, что идет сильная революционная пропаганда в войске; что восстание начнется в Петербурге в гвардии (третьего же дня Лев Львович говорил, что одна гвардия останется верной, не поддастся революционным пропагандистам). Разговор о ненадежности войск.

Л. Н.: Милютин-либерал с легкой руки ввел общую военную повинность. Военная служба дает нам равное право быть убийцами. Введение общей воинской повинности было глупо с точки зрения государственной обороны и с точки зрения обеспечения правительства. Сто солдат 15-летней службы стóят тысячи общей военной повинности. Одна Англия имеет хороших солдат; это тот самый дух либерализма, не доведенный до конца. Если либерализм довести до конца, то надо всякое государство уничто-

---

* цветочную пыльцу.

жить, чтобы человек действительно был свободный. В милитаризме нет духа правды, а только целесообразность. Введением общей воинской повинности сами себя гонят.

Лев Львович: Все-таки они (солдаты) пристанут к революционерам и переменят государственный строй.

Л. Н.: Переменять нечего. Может последовать только неповиновение власти. Это та garde nationale *, которая во время Коммуны вся восстала против правительства. Во Франции весь народ был с революционерами.

Л. Н.: Что видел, хватило бы на целый рассказ. Сегодня ездил в Судаково. Там перед домом на столе высокие букеты. Спросил, почему? «Царица небесная ходит». Если бы ее одну пустили, не стала бы ходить. Государственная дума, а рядом рудаковский священник ходит с царицей небесной. Вы у него были, Душан Петрович, он старый?

Я: Лет сорока — сорока пяти.

Л. Н.: А ведь ходит, ах! В Думе, что ли, поднять вопрос об этом хождении?! И рядом с этим — я дал подержать лошадь мальчику, водящему слепого нищего. Когда вернулся, сказал ему: «Ты бы сел на нее да и увел». А он: «А душа где?» Я ему дал гривенник. Он: «Этот гривенник дороже всего — это трудовой, а то ведь ходишь и грабишь людей. Недавно ко мне так приходила царица небесная; лакей мне сказал: «Одна глупость». Я поотошел, а он закричал: «Подай с постели простыню!»» (стлать священнику под ноги: как пройдет по ней, она — его). Так поступил, как те женщины, которые вышли с мужьями ждать конца мира и спрятали добро.

Рассказ, показывающий половинчатость веры у женщин, я слышал от Шкарвана, который его слышал от Л. Н. в 1896 г. В какой-то местности пошел слух, что наступает конец мира. В известный день все жители вышли на гору ждать его, причем мужчины постарались заранее пропить что можно было. Когда конца мира все-таки не было, мужчины стали жаловаться, что теперь нечем будет кормиться, так как все пропито. Но женщины утешали их, говоря: «Не бойтесь, мы припрятали».

Л. Н.: Вчера и сегодня я не мог заниматься, взял «Новое время» и прочел с начала до конца. Впечатление: «Руки вверх!» Убийства, убийства. Как страшно! Я читал мистика Силезиуса, мысли прелестные, а после того — «Новое время».

Вчера вечером я застал Л. Н. читающим Силезиуса. Отмечал в нем для «Круга чтения». Сказал: «Трудное, долго нельзя читать».

Л. Н. читал для себя «Мои воспоминания» Боборыкина («Русская мысль», февраль).

— Он был после меня в Казанском университете. Описывает тамошнюю жизнь, мне это интересно,— заметил Л. Н.

Л. Н. прочел вслух письмо горничной, читавшей его сочинения и нашедшей в них «христианскую веру», которая ей по душе. Просит книг. Л. Н. велел ей послать «Так что же нам делать?», «Неужели это так надо?» [2]

— Получил письма, просят опять книг. Мне это приятно.

Лебрену, когда тот говорил Л. Н. что-то о философии, Л. Н. сказал:

— Об этом буду писать, если буду жив, зимой. Вечера длиннее, тогда и по вечерам пишу, теперь хочется гулять да и уставши бываешь.

Сегодня и вчера Л. Н. искал статью-вырезку «Буддийские мысли», присланную ему Сергеенко для «Круга чтения»; не нашлась.

16 июня. За обедом: Л. Н., Софья Андреевна, семья Льва Львовича, Александра Львовна, Юлия Ивановна, Лебрен, Н. П. Иванова. Л. Н.

---

* национальная гвардия (*франц.*).

рассказывал, что́ слышал от урядника. Член Думы, крестьянин Тульской губернии говорил: «Бог знает что такое, только всё хотят мутить, а толку никакого нет». Потом Л. Н. рассказал об Алеше Горшке: [1]

— Все жалеет о жене. «И пары нет, — сказал, — сено убирать». На днях сам едва не лишился жизни: стоя на возу сена, привязывал жердь, — я помню, когда сам это делал, трудно, — веревка оборвалась, жердь его откинула и опрокинула. Несколько минут прошло, пока очнулся.

Л. Н. спросил меня о больном плотнике, вчера заболевшем холериной.

— Я не был сегодня у него.

Сегодня отсылал десять посылок с книгами — тем, кто просил их у Л. Н. В год, наверно, 300—400 посылок; кроме того, каждый день раздает сколько, иногда 100 экземпляров. Горбунов, Фельтен, Картушин, Сутковой, Чертков добросовестно снабжают Л. Н. изданиями его сочинений. Горбунов — еще книгами Семенова, Генри Джорджа и другими народными книжками религиозного содержания.

Л. Н. дает читать присылаемые ему рукописи Лебрену, доверяет его мнению. Лебрен очень рад, что по совету Л. Н. не пошел дальше учиться, вышел из гимназии, сохранил самобытный ум.

Вечером за чаем на террасе Л. Н. разговаривал с Марией Львовной и Николаем Леонидовичем.

Николай Леонидович, Мария Львовна рассказывали, как пироговские крестьяне покупают землю; как Крестьянский банк исключает тех, у которых земли достаточно, больше трех десятин на душу, и у которых нет лошадей — не по бедности — таким дает земли — а потому, что живут по городам и там у них достаточный заработок. Чиновники Крестьянского банка самовольно делают то, во что им не следует вмешиваться.

Л. Н.: По старому преданию опекают крестьян, думая, что опека им нужна, сами не сумеют свои дела решать. Регулирование сверху.

Мария Львовна рассказала, как знакомый старик хвалил крепостное время: хлеба были горы, сыты были, судов не знали, порядок был, а теперь суды, непослушание, забастовки.

Л. Н.: Читал Боборыкина. Пишет, что крепостное положение совсем не было ужасным. Это мне приятно было читать. Тогда все зло приписывали крепостному праву, как теперь правительству. Нападали на него, как теперь на правительство.

Л. Н.: Есть такой Молчанов, молодой человек, он мне пишет: «Хотя у меня правило — не писать тем, кто не отвечает, и вы два раза не ответили мне, все-таки пишу вам, и прошу написать мне, как вам живется при преступлениях, совершаемых правительством...» [2] Повальное внушение! Того, что делают революционеры, не видят. Не дать захватить себя ни той ни другой стороне, не участвовать.

Тут вошла Софья Андреевна, и разговор перешел на другое.

Софья Андреевна жаловалась, что сучья лип затеняют ее комнату. Михаил Зорин, очень ловкий 50-летний яснополянский крестьянин, влез на липу и срубил сначала те сучья, которых не нужно было рубить, а потом уже те, которые мешали. Всем было как-то жалко, и расставались с сучьями, как с живыми существами.

Осуждали Брайана за то, что с Аладьиным снимался, и еще раньше за то, что от Л. Н. поехал к папе и в своей книге поместил рядом портреты царя, Л. Н. и папы [3].

Л. Н.: Брайан — симпатичный, умный, мужественный, но, как европейские люди, малообразованный. У него шоры.

Мария Львовна: Его речи хорошие.

Л. Н.: Это его специальность.

ТОЛСТОЙ И В. Г. ЧЕРТКОВ
Ясная Поляна, 26—30 июля 1906 г.
Фотография С. А. Толстой

Николай Леонидович говорил о Думе, об убийствах, об Аладьине.

Софья Андреевна: Как это люди не понимают, что все люди одинаковые, с теми же страстями, слабостями, желаниями! Отделять правительственных, считая их совсем дурными, а противоправительственных — хорошими!

Николай Леонидович: Это психоз.

Л. Н.: Да, это болезнь. Видеть только то, что правительство делает, находить все злым... И Сережа...

Кто-то: Сережа ругает правительство за то, что провоцировало погром в Белостоке.

Софья Андреевна говорила о забастовках, снимании с работ в Ефремовском, Епифанском и Тульском уездах и что в Ясной не будет ничего. Но притом сказала, что имеет в Берлине на всякий случай положенные деньги, слава богу.

Николай Леонидович: А у Жекулиных (родителей его невестки) пришли к старику с хлебом-солью; говорят, что хотят его в члены Думы. До тех пор были самые хорошие отношения. Он уехал в Киев, на третий день сожгли все три имения. Пьянство и внушение агитаторов.

Софья Андреевна: Но не может случиться, чтобы меня из-за угла кто-нибудь убил.

Л. Н.: Лебон говорит: толпу легче обмануть, чем одиночек.

В 9.45 я ходил к больному на деревню. Мужики, едущие в ночное, с которыми поровнялся, говорили, что у Михаила Львовича забастовка, что сено возят себе мужики, что Толстой обижается (так говорил бывший ученик Л. Н. его первой школы), «а должен благодарить нас, что и мы так не поступаем».

Когда вернулся к чаю, Лев Львович рассказывал Доре Федоровне, что когда рассказывал отцу, что в Стокгольме на состязания женщин в плавании смотрят старики, Л. Н. сказал:

— Это варварство.

Дора Федоровна: В том ничего нет, они в костюмах, большее варварство это говорить.

Л. Н.: Это мне жаль.

Все мы рассмеялись на слова Доры Федоровны, как если бы их одобряли. Л. Н., наверно, почувствовал, какие мы ему далекие, как не придаем значения тому, чему он придает. Кажется, что больше ничего не говорил, раньше обыкновенного встал и ушел.

17 июня. Утром приехал Кэндзиро Токутоми. Л. Н. представил нас: «My friend — Dushan Macovicky, doctor. Mr. Tokutomi — my new friend» *. Токутоми лицом похож на японского микадо Муцухито и на Г. М. Беркенгейма. Приехал прямо из Японии. Японский роман в русском переводе, находящийся в нашей библиотеке Ясной Поляны оказался его [1].

Очень жаркий день. Л. Н. в полотняных портянках и сандалиях. Вышел в 2.30 позавтракать.

Токутоми — малый, низкого роста, широкобедрый, коротконогий. Голова наклонена вперед на короткой шее. Движения медвежьи, черные очки; благодарный. Илью Васильевича поблагодарил за уборку комнаты.

Л. Н. в последнее время под влиянием Хэйга перестал пить молоко и есть яйца. Утром пьет горячую воду с хлебом и маслом. Л. Н. часто не завтракает, даже чаще, чем завтракает, а иногда сядет к столу и поест, что́ остается холодное, не дожидаясь, пока согреют.

Л. Н. сел под вязами («на крокете»), ждал завтрака. Пришли Оболенские и Юлия Ивановна. Я пошел за Токутоми, он спал. Пока Токутоми пришел, Л. Н. говорил о японцах. Рассказал, как утром гулял с Токутоми, остановились около косца. Японец не видал такой большой косы, показывал, как у них маленькой косой — вероятно, серпом — косят, и Л. Н. повторил его быстрые движения, которые он при этом показывал. Л. Н. сам покосил, за ним японец — и хорошо. Удивительно, какой практический народ!

Пришел Токутоми, позавтракал и уехал с Л. Н. кататься.

Л. Н. долго гулял, с 2.30 до 6.15, и купался с Токутоми в Воронке. Токутоми долго купался. Л. Н. не хотел лишать его удовольствия и ждал.

Токутоми вегетарианец. За столом Лев Львович советовал Л. Н. прочесть письмо Достоевского, очевидно к еврейке, о повести о евреях («Новое время», 15 июня) [2].

---

* «Мой друг — Душан Маковицкий, доктор. Мистер Токутоми — мой новый друг» (*англ.*).

Николай Леонидович говорил про статью Розанова [3].

Разговор о Библии, Талмуде весь не расслышал.

Л. Н.: Талмуд — бедность мысли, чепуха. Я искал и ничего не мог найти. Есть выписки из него, ими я пользовался при составлении «Мыслей мудрых людей».

(В библиотеке есть только семь первых томов.)

Я спросил Токутоми, почему японцы могут так долго бегать. Ответил: «Потому что не едят столько мяса, как европейцы». На вопрос, почему так долго был в пути, три месяца, ответил: «Я христианин, пробыл три недели в местах, где проходила жизнь Иисуса». Его отец 85-летний читает каждый день правила Конфуция и сажает каждую весну деревца и другие растения.

Вечером приехал к Л. Н. юноша с матерью. Мать ждала в пролетке. Л. Н. о нем:

— Он в прошлом году был. Он удержался (т. е. не заразился революцией).

Вечером чай на террасе. Мария Львовна передавала свой разговор на сенокосе с яснополянскими мужиками. Старшие (Тарас Фоканов) были тише, младшие — особенно Евстигней — озлоблены. Знал, говорил и разделял все то, что пишет «Тульская жизнь». Осуждал правительство, надо убить Дубасова; есть умные, хорошие господа, которых целыми поездами выслали в Сибирь; правительство устроило белостоцкий погром; жидам надо равноправие; на землю жид не пойдет, а будет торговать в городах, он там нужен; Генри Джордж не годится, нужно отчуждение всей не крестьянской земли и отдача ее одним крестьянам. Мы еще терпим, но иногда выхода нет, кроме погромов усадеб.

Л. Н. очевидно страдал, слушая это, как вообще страдает во все время революции. Мария Львовна говорила еще что-то. После Л. Н. сказал:

— Тут доводами ничего не достигнешь, тут настроение надо изменить, а это можно только делами, жизнью, не словами. За его взглядами есть чувство злобы, ненависти. Тут как рогульки, наклоненные на себя и сцепленные — не разъединишь, расправляя одни концы, а надо расправить корни. Не Евстигнея, а Илюшу убедишь умственными доводами. Прошлый раз говорил про пытки...

Мария Львовна: Я чувствовала, что при Евстигнее о боге заговорить мне нельзя; при Тарасе и других говорила бы.

Лев Львович: Если б я был помещиком в Ясной Поляне, я отдал бы крестьянам половину дома, учил бы их детей вместе с моими, поле разделил бы и вместе работал бы.

Л. Н.: Что же тебе мешает это делать? Прекрасно. Это такое дело, на которое можно жизнь положить.

Лев Львович: У меня имения нет.

Л. Н.: Купи и делай.

Лев Львович: Связан детьми и семьей.

Мария Львовна еще говорила про речи Евстигнея: «Графа книжки я читал, пишет то... Да жизнь какова! Вы как живете, а мы как?»

Л. Н. на взгляды Евстигнея смотрел, скорее, с грустью. Потом заметил:

— Сознание народа растет так, как Паля будет расти; у него будут усы, так и религиозно-нравственное сознание растет. Что оно создаст, нельзя предсказать. К монархическому строю нельзя вернуться. По конституциональному — еще хуже... Анархисты: Бакунин, Кропоткин, Реклю очень хорошо критикуют несостоятельность правительства. Бакунин ничего не строит. Кропоткин, Реклю — очень недостаточно.

Софья Андреевна спросила, какой веры Токутоми.

Л. Н.: Христианской. Мать его — протестантка, отец — конфуцианец. У них несколько вер. Конфуцианство, буддизм. У народа — шинтоизм. Это боготворение Микадо, предков; нравственные законы — довольно необоснованы. Мне ему надо задать много вопросов, даже напишу их.

Николай Леонидович: Японцы готовятся к войне с нами, очень быстро, основательно. А другие страны: Англия, Германия, Франция, особенно Франция и Германия, не могут дальше вооружаться. Финансовых средств не хватает. Французский министр финансов прямо заявил, сколько миллионов не хватает и нельзя добыть.

Когда Софья Андреевна упрекала Л. Н., что мало ест, он сказал: «Каждый день упрекаю себя, что ел лишнее».

*13 июля. Четвертого дня уехали Оболенские. Юлия Ивановна уехала в Саки (Крым), ее работу исполняет Лебрен. После Токутоми были еще два японца. Один — журналист [1], другой — торговец шелком из Москвы.

Гостей было мало.

— Вчера вечером,— говорил мне Лев Львович, — был у меня и Андрюши тяжелый спор с отцом. Отец разгорячился на наше непонимание. Сегодня с ним не говорил, не виделся.

Л. Н. пришел ко мне, спросил, как мой отец, как я съездил. Вид у него здоровый.

— Как вы, Лев Николаевич, совсем оправились?

— Телесно хорошо, а нравственно дурно. Дурное расположение. Чертков при вас хотел приехать? Теперь 20-го приедет, один.— Л. Н. спросил о Венгрии.

Дождь льет четыре дня; боятся, что скошенный овес прорастет. Пасмурное настроение в Ясной, какого я еще ни разу не замечал, даже весельчак Лебрен приуныл. Одна Александра Львовна веселая.

За обедом: Л. Н., Софья Андреевна, Лев Львович с семьей, Александра Львовна, Лебрен. Лев Львович рассказал про петербургский зоологический музей. Чучела зверей расставлены в группах — лисицы словно играют, и т. д. Очень большой музей. Дора Федоровна сказала, что в Вене слониха родила слоненка, впервые в Европе. Л. Н. сказал, что этого добивались в Париже. Не удалось свести слона со слонихой на открытом месте, и из этого заключил, что, вероятно, у слонов развито чувство стыда.

Дора Федоровна говорила, что в Швеции у ее знакомой есть ручные ужи.

Л. Н.: Да, такие есть.

Софья Андреевна стала говорить Льву Львовичу о вчерашнем его споре с отцом. Л. Н. жаловался: неуважение к старости. (Лебрен мне после рассказал о вчерашнем споре. Началось с того, что Кристи рассказывал, как какой-то славянофил, член Думы, защищал смертную казнь [2]. Л. Н. ужаснулся тому, что славянофил, который стоит за христианство, мог это говорить. Тогда Андрей Львович стал защищать смертную казнь и Лев Львович тоже. Задели Л. Н. за живое, и пошло... до слез. Л. Н вышел, хлопнув дверью. Ужасно жалко было его, горько.)

Вечером, в 9, пришел Л. Н. ко мне. Увидел на столе фотографию моей матери, я теперь эту фотографию с собою привез, посмотрел ее. Сел между столом и постелью, спросил:

— Вы говорили, что у вас (у словаков) национальное сознание в народе пробудилось?

---

* 19 июня я выехал к больному старику-отцу в северную Венгрию, вернулся 13 июля. В это время Л. Н. болел, температура доходила до 38,4.

— Сознание бесправия, насильственного введения непонятного языка в присутственных местах, школах, на железных дорогах, почтах и так далее,— ответил я и рассказал о борьбе словаков с этим бесправием.

Л. Н.: Этому я мало сочувствую (это мне малоинтересно), я согласен с вами, но мне это теперь не так близко к сердцу, как было.

Л. Н. говорил, что он пишет о том — «разумеется, никто этого не будет читать,— что русское правительство мешает в..... * полякам, кавказцам..... * Им не надо повиноваться правительству; им можно вредить только потому, что они сами участвуют в правительственном насилии.

Л. Н.: Не участвовать во власти, не служить солдатами, податей не платить, и не будет народ угнетен. Когда я вижу это высшее средство, тогда низшие (кровавые) средства мне несимпатичны [3].

В то время, как Л. Н. говорил, он скатывал в клубок бечевку, брошенную на стол. На столе лежала вырезка из чешской газеты «Cas» с письмом Л. Н. в «Siècle» о еврейских погромах. Я спросил Л. Н., он ли писал это письмо.

— Нет.

В парижской газете «Siècle» появилось и другими газетами перепечатывается письмо, будто бы Л.Н., о погромах в Кишиневе, Киеве, Белостоке и других городах.

Л. Н.: Все вздор! Я это прямо написал французу, который об этом спрашивал (что Л. Н. писал письмо в «Siècle») [4].

Софья Андреевна говорила мне, что Л. Н. прежде вечерами не писал; что его дурное настроение духа оттого, что тут — показала себе на лоб — не клеится. У него ничего нового нет. Все одно и то же переделывается. По вечерам пишет, и много-много пишет — этого никогда не бывало.

14 июля. Утром ездил с Александрой Львовной к тифозному в Грумант. По пути рассказала про спор Льва Львовича и Андрея Львовича с отцом о смертной казни. Голос отца дрожал, и дошло до того, что у него перехватило голос и он прослезился. После Л. Н. говорил Александре Львовне в кабинете:

— Если б я был гадким поручиком, уважали бы меня.— Сыновья упрекали его в непоследовательности. Александра Львовна стала их стыдить: «Отцу легче было бы надеть лапти и работать, чем жить этой трудной жизнью умственной и тяжелой барской», и тоже расплакалась. Пришла мать и пошла к Л. Н. и долго с ним говорила. Александра Львовна все ждала, пока мать не ушла, после вошла проститься. Л. Н. ей сказал: «Нада буть добрум» (эти слова Миша, когда был маленький, написал на бумажке и носил в кармане) [1]. Потом разговаривали. И Л. Н. сказал, что прочел Франциска Ассизского «В чем радость совершенная» — «Покаяться, радоваться, когда гонят, не понимают вас [2]. Родные сыновья далеки, ты близка, счастье, что ты есть». Александра Львовна рассказывала это еще под сильным впечатлением происшедшего. В ее голосе чувствовалось страдание и тихая радость. Сегодня утром Л. Н. сказал ей: «Радуюсь, два дня не имел бога; вижу, что не надо осуждать людей, не имеющих бога и потому мечущихся».

Л. Н. почти не спал всю ночь, встал очень рано. Лебрену при встрече на лестнице сказал: «Осрамился как я вчера!»

Настроение Льва Львовича, Александры Львовны, Софьи Андреевны какое-то удрученное — и все последствие спора.

Приехал крестьянин-астроном. Он недавно был здесь. Л. Н. дал ему рекомендательные письма к разным лицам в Петербурге, но тот никого не нашел [3]. Он утверждает, что закон тяготения — пустяки, что он знает

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

иное, но что́ он выдумал — не говорит. Лебрен говорил о нем за обедом.

Л. Н.: В Америке выходил журнал, более чем десять лет — мне его присылали,— отстаивавший теорию, что мы находимся на поверхности земли, обращенной вовнутрь шара; что кругом земля, а солнце и другие небесные тела находятся внутри пространства, окруженного землей. У них были и экономические теории, и нравственные вопросы трактовались. Говорили, что ценность золота, серебра так же условна, как ассигнации; отношение цен золота и серебра было постоянное, но впоследствии оно нарушилось, когда открылись новые богатые источники серебра.

Вечером приехали И. И. Горбунов и И. К. Дитерихс. Л. Н. с Иваном Ивановичем о корректурах «Круга чтения». Иван Иванович рассказал, что усилена цензура на газеты, несколько газет запрещено. Сытин ему сказал, что в последние два года спрос на церковную литературу для народа упал на 60 процентов.

Л. Н.: Не трещит, а духовный переворот огромный совершается.

Иван Иванович (*о роспуске Думы*): Воззвание, чтобы не платили податей и не шли в солдаты, волнует [4].

Л. Н.: Не платить *этому* правительству, а когда *мы* будем правительством — нам платить подати. Ни к кому не идти в солдаты. За границей умные люди подумали о русских, которые за Думу: «Еще дураки попались на нашу дорогу!»

Иосиф Константинович говорил, что между депутатами ничего общего нет, ничем не соединены.

— Я здесь видел крестьянина,— заметил Л. Н. и рассказал про телятинского сапожника, который ходил в лохмотьях. Когда староста требовал податей, не дал [5].

Л. Н. встретился с его братом и спросил: «Что́, он тронулся немножко?» А брат говорит: «Нет, это он по древности * пошел, для бога»,— сказал о нем староста. Когда Л. Н. спросил сапожника: «Смерти не боишься?» — тот ответил: «Как же ее бояться? Разве я от Него отрекся?»

— Когда в нем случился духовный переворот, для него земное (по Эмерсону) потеряло значение...— сказал Л. Н. «По древности надо идти», юродивым быть, таких людей надо больше.

Иван Иванович рассказал очень интересные новости. Между прочим, о проповедовании анархизма, реброкрушительного, ницшеанского: столкни слабого, когда он тебе мешает.

Л. Н. получил письмо от женщины.

Л. Н.: Прежде на 80 страницах меня ругала за то, что нарушил ее православную веру, а теперь извиняется на 40 страницах [6].

Лебрен говорил о Картушине, который недавно был у Л. Н-ча. Картушин спросил Л. Н., продолжать ли издавать «Обновление»? «Это сами должны решать»,— ответил Л. Н. — «Мы сами-то решим,— сказал Картушин,— а мы желали бы знать, как вы на нашем месте поступили бы». Л. Н. помялся и сказал: «Я считаю, что в это время (бесправительственное) надо распространять христианские воззрения. Может быть, они укажут путь».

Картушин, смелый человек, пробил дорогу, теперь и другие стали издавать сочинения Л. Н-ча. Картушин дал 3 000 р., печатали по 18 000 экземпляров. Работали над изданием он и Сутковой, без помощников, сами на себе таскали бумагу в типографию, корректировали и быстро уносили из типографии отпечатанные экземпляры, оставляя для конфискации 1—2 тысячи экземпляров. Все издательство помещалось в маленькой комнате, где жили вдвоем, питаясь хлебом, картофелем, капустой и горохом с постным маслом.

---

* В старину, когда люди были более верующими, многие часто уходили странствовать и кормиться милостыней.

За обедом много смеялись Ваня с Лебреном и Александра Львовна. Л. Н. рассказал по этому поводу историю из Диккенса и добавил:

— Смех — лучшая музыка.

Иосиф Константинович спросил Л. Н. о студенте, который был две недели тому назад (П. Гайда). Какой он?

Л. Н.: Как все студенты. Добролюбов, Чернышевский, Михайловский — он впитал в себя эту мудрость и так ею начинен, что не может воспринять чего-нибудь другого. Разумеется, полная самоуверенность.

Лебрен рассказал про него — он негодовал на то, что Л. Н. будто бы «препятствует нашей свободе». Стал передо мною, развел руками: «Лев Николаевич говорит, что материя — пределы духа!.. Что с ним говорить». На это Лебрен не мог удержаться от смеха и ушел в кусты, где расхохотался. Лебрен рассказывал это так смешно, что мы все, с Л. Н. во главе, хохотали.

Александра Львовна: Он жил у Марфы Ореховой. Она о нем с негодованием говорила: «Поил Ваню водкой». Говорил ей: «Завтра вместе скосим овес. Каково ему косить!» Он живет в деревне и разжигает народ.

Л. Н.: Странное сочетание крайностей.

Иосиф Константинович говорил о Кавказе.

Л. Н.: Я сколько раз замечал, армяне хорошо говорят по-татарски.

Л. Н.: Еврейский жаргон — древненемецкий язык. Евреи удержали язык того времени, в которое жили между немцами. Филологи пользуются насчет корней немецкого языка ихним жаргоном.

Л. Н. сегодня пополудни не выходил из-за дождя и слаб. Видно, что Л. Н. приятно общество приехавших гостей. Иосиф Константинович целый день читал. Рассказал, что был в Петелине в сумасшедшем доме и так мирно там чувствовал себя. Не удивляется, что Л. Н. хочется ходить туда, чтобы отдыхать среди этих сумасшедших [7]. (Л. Н. любит разговаривать с сумасшедшими, но говорит с ними, как со здоровыми. Они это замечают и дорожат этим.)

Лев и Андрей Львовичи здороваются с отцом, но сами не заговаривают — видно, им совестно. Иосиф Константинович читал в «L'Ere Nouvelle» о коммунах. Л. Н. спросил, что читает?

Иосиф Константинович: Автор говорит, что людям, чтобы жить в коммуне, нужно перестать быть эгоистичными [8].

Л. Н.: Это так. Все-таки к этому идет постепенно.

Вечером приехал М. В. Булыгин с Верой Николаевной, классной дамой в гимназии. Михаил Васильевич спросил о «Круге чтения».

Л. Н.: Сегодня читал последние корректуры. Это самовосхваление: «Круг чтения» — просто спасительная вещь, особенно в моих годах. «Закон божий». Ежедневно читаю. Когда дурно расположен — успокоит. Хочу сократить для молодежи, народа. Не вошел в «Круг чтения» Ангелус Силезиус. Его вспоминают, цитируют Шопенгауэр, Амиель. Его основная мысль: соединение с богом.

Л. Н. прочел из Силезиуса около десяти мест, четверостиший по-немецки, тут же переводя на русский. Все в стихах.

Л. Н.: Малеванцы поют стихи. Иван Михайлович их записывал. Малеванцы — самобытные русские люди. Баптисты — подражание.

Разговор о русских крестьянах, как они теперь читают газеты.

Л. Н.: Я никогда не ожидал, чтобы крестьянина до такой степени начинили. Есть представление, что крестьяне — особые люди, как японцы, негры. Чем старше становишься, видишь — все люди одинаковы, нет никакой разницы.

Михаил Васильевич: Тенденция печати — будоражить.

Л. Н.: Общественное мнение у крестьян зиждется только на святых людях. Это фундаментальное, основное течение. Телятинский сапожник.

Лебрен: Таких людей мало, их побольше бы!

Л. Н.: Народ стомиллионный, есть хоть один — спасет. Содом могли спасти десять праведных.

Софья Андреевна: Но они не нашлись.

Л. Н.: Одно ⟨только важно⟩ — понимание истины, самой высшей, доступной человечеству... Кто выше: начитавшийся «XX века» или телятинский сапожник? Цивилизация не облагораживает.

Лебрен отстаивал цивилизацию и Французскую революцию.

Л. Н.: Во Франции перестали ⟨существовать⟩ lettres de cachet *, ⟨упразднили⟩ Бастилию (у нас Шлиссельбург)... и другое. Это идет попутно. С другого конца народилась буржуазия — власть, основанная на деньгах.

Л. Н.: Маленькая разница между самодержавием и конституцией. Не берусь судить, что́ менее негодно.

Михаил Васильевич жаловался Л. Н., как трудно ему живется и в хозяйстве и в семье; говорил, что он бросил бы все и ушел в батраки. Л. Н. ему ответил:

— Уйти нельзя, вы нарожали детей, нельзя порывать связи. Перенести до конца. Надо вам благодарить бога за то, что вы это видите, что вы грешны. Есть люди, которые этого не видят и поэтому гораздо более горячатся.

Иосиф Константинович перевел речь на Хельчицкого. Он читал очерк Л. Н. в первой части второго тома «Круга чтения», который Иван Иванович принес вчера. Удивлялся, что Хельчицкий малоизвестен.

Л. Н.: Все замечательные писатели малоизвестны.

Л. Н. перечислил нескольких, я расслышал только Лабоэти, Ламеннэ.

Л. Н.: Русский текст (изд. «Сеть веры» Петербургской академии) — не перевод, а сокращенное, но очень подробное, точное изложение оригинала,— мы с вами, Душан Петрович, сличали, и не было отступлений.

Зашла речь о Трегубове, который недавно был в Ясной. Теперь он в Москве.

Л. Н.: Он старается внести во взволнованный народ христианское настроение.

Не помню, в связи с чем, я рассказал, что мои племянники 15-ти и 13-ти лет воспользовались моей поддержкой во время моего пребывания дома и не ели мяса, к чему их принуждает мать.

Л. Н.: Дети чутки.

Я: Моего племянника, 15-летнего Владика, и еще другого, 11-летнего племянника исключили из гимназии за то, что они демонстративно говорили на улице по-словацки.

Л. Н.: Уэльский пастор, без вас был здесь,[9] рассказал, что 50 лет тому назад в Уэльсе наказывали учеников, говоривших по-уэльски.

Иосиф Константинович рассказал еще что-то в этом роде про англичан.

Л. Н.: Свободные англичане... Жестокость, деспотизм, самоуверенность, самодовольство. Думают о себе, что они хорошие. Читал Филдинга новую книгу, как англичане завоевали Бирму постепенным развращением. Филдинг признает моральное превосходство бирманцев, но хочет, чтобы в Бирме религия отступила на второй план [10].

Иосиф Константинович: Меня спросил один англичанин: «Каково вам, русскому, in free England?» ** Когда я ему напомнил про Ирландию, он сказал: «Эти ленивые, тупые ирландцы! Для них нужна палка; они не заслуживают свободы». Экое самодовольство!

---

* королевские указы о заточении без суда и следствия (*франц.*).

** в свободной Англии? (*англ.*).

«ВОЙНА». АЛЬБОМ РИСУНКОВ Э. ХОЛАРЕКА С ТЕКСТОМ ТОЛСТОГО И ДРУГИХ АВТОРОВ, КРАЙСЧЕРЧ, 1906

Был издан В. Г. Чертковым, под его редакцией на русском и английском языках

Обложка русского издания

«Владимир Григорьевич показывал Л. Н. эскизы нового цикла Холарека». — Запись от 24 июля 1906 г.

Л. Н.: Самодовольный, по Лихтенбергу, имеет одну выгоду — что не имеет соперника: «Der Selbstzufriedene hat den einen Vorzug, daß er keinen Nebenbuhler hat» [11].

Иосиф Константинович о sobbathbreaker'стве *.

Л. Н.: Более суеверного ничего нельзя себе представить, как сесть (в церкви) на скамейку и воображать, что служишь богу. Ограниченный человек — тот уэльский пастор. О чем ни заговори, ничего его не интересует. Его целью было сфотографировать меня; как это сделал — стал спокоен.

Л. Н. принес Карпентера «Цивилизация, ее причины и излечение» в переводе Наживина, полученное с сегодняшней почтой. Л. Н. читал вслух из нее по медицине, гигиене, о красоте. Хвалил Карпентера.

— Несогласен с ним в том, что он слишком налегает на здоровье,— заметил Л. Н.

Иосиф Константинович говорил Л. Н. про французский роман «Les civilisés», в котором изображены безвольные люди [12]. Разошлись в 11.30.

16 июля. Перед амбулаторией умер 39-летний крестьянин от воспаления легких, я не успел его еще осмотреть. Жена героически перенесла. В Груманте умирает 18-летний единственный сын от тифа и воспаления легких. Родители так же спокойно относятся к этому.

17 июля. В 2.45 на веранде Л. Н. спросил, как мои дела.

Я: Плохи. Парень в Груманте умер...

Л. Н.: Желал бы быть Душаном Петровичем! Ах, он все занят, всем нужен.

---

* нарушении святости субботы (*англ.*).

За обедом Л. Н. спокойный:

— Я через сад пошел, там идет такая оживленная работа, девки грушовку таскают в неимоверном количестве. Надо аркадов * купить для Марии Александровны. Нам, беззубым старикам, только они годятся. Нашел грибы в таком месте, где никогда не было.

Дора Федоровна сказала, что она сегодня купалась. Лев Львович упрекал ее.

Л. Н.: Сегодня не жарко, самое приятное купание.

Александра Львовна приехала поздно и вместо обеда ела одну брынзу и ощепки **, хвалила их; говорила, что, когда они есть, ничего более ей не нужно.

Л. Н.: А я, грешный человек, и сыр люблю и Душана Петровича люблю, а этот овечий сыр не люблю.

Александра Львовна приехала с Н. Б. Гольденвейзером. Л. Н. о нем Льву Львовичу:

— Очень умный человек, его больше люблю, чем Александра Борисовича, хотя меньше знаю.

Вечером с Гольденвейзерами.

Николай Борисович спросил, что делать, если собаки нападут на человека?

Л. Н.: Редко бывает. Нам в детстве рассказывали, что разорвали генерала, но мы этому плохо верили...— И тут сразу дал несколько советов.

Николай Борисович спросил, всегда ли нужно говорить с детьми серьезно, или можно отделаться шуткой от вопросов, недоступных их пониманию.

Л. Н.: Когда интересуются, задают серьезные вопросы: что будет после смерти, откуда взялся человек, отчего есть добрые и злые,— надо серьезно отвечать.

Николай Борисович: Меня спросил мальчик, смотревший на закат солнца за Кремлем и восхищаясь красотой: «А что, если этого нет, как того, что во сне видим?»

Лев Львович: Кантовский взгляд.

Николай Борисович: Что же детям давать читать? Журналы для детей?

Л. Н.: Еще Страхов говорил, как это смешно детям давать читать новости. Есть «Крузо».

Николай Борисович спросил, что еще.

Л. Н.: Мы мальчиками читали «Тысячу одну ночь». Отбросив чувственное, это хорошее чтение, мужественный тон, эпическое изложение.

Николай Борисович: Можно ли Купера, Верна?

Л. Н.: Помню, Тургенев рассказывал про Верна, которого ждали у Виардо,— и, подражая голосу Тургенева, сильно гнусавя, Л. Н. проговорил: «Поверьте, это самый глупый человек во всей Франции».

Николай Борисович: Он никогда не выезжал из Франции...

Л. Н.: Верн интересный, юмор у него... (помните), как крокодил Паганеля, исчисляющего логарифмы, не съел: показался ему очень худ.

Николай Борисович: Нужно ли молодежи больше читать или меньше?

Л. Н.: Как можно меньше читать! Не нужно читать... Пусть познают природу непосредственно, за трудом, а не в отражении (через писателя). Деревенские дети знают, как лягушки выводятся, как овес растет...

Николай Борисович: У Верна узнают и научное в произведении искусства.

Л. Н.: Это нельзя. Или искусство — или наука.

---

* Сорт мягких, сочных яблок.

** копченый овечий сыр.

Сегодня Л. Н. ради гостей с 6 до 12 почти неотлучно был на веранде (шахматы), на общей прогулке, в зале и старался всячески занимать и воспоминаниями из молодости, и севастопольскими. Очень внимательный, милый бывает к гостям.

К чаю я пришел поздно. Л. Н. говорил об «Изречениях Конфуция» Шиллера, которые сегодня перевел, и цитировал наизусть по-немецки и в переводе: «Mach dir die Gegenwart nicht zum Freund» [1] — это неясно.

Лебрен: «Не привязывайся к настоящему!» Вся же мудрость заключается в том, чтобы жить в настоящем, не предаваться мыслям о том, что будет в будущем.

Л. Н.: Я дорожу обратной мыслью: жизнь наша в настоящем. ⟨Но⟩ настоящее — соприкосновение прошлого с грядущим (настоящего нет).

Л. Н.: Переводчик («Confucius Sprüche») наставил ненужных слов [2]. У Шиллера нет лишних слов *. Я перевел прозой. Перевод прозой — точный, дословный — показывает всю силу поэта. Я помню, как перевод «Цыган» по-французски прозой (Тютчева?) мне открыл всю красоту «Цыган» [3]. В прозе вся сила.

Л. Н. процитировал что-то из Тютчева. Софья Андреевна дополнила. Александра Львовна принесла книгу [4], и Лев Львович прочел вслух. Потом заговорили о Тютчеве.

Л. Н.: Тютчев был придворный, был приближенным Марии Александровны. В очках, в старом пальто; мы познакомились ⟨после⟩ Севастополя [5]. «Сделайте мне честь, приезжайте ко мне». Поразило меня... Удивительно его владение русским языком. Хотя он лучше говорил по-французски...

Лев Львович: Прозу писал по-французски.

Л. Н.: Поразительно его славянофильство, и славянофильство самого дурного типа — государственное. Он был дипломат, приезжал в Веймар, там жил его свояк Мальтиц, я знал его — любитель Шиллера и Гете.

Еще вернулись к стихам Тютчева, которые Л. Н. цитировал. Л. Н. сказал, что мысли и слова вышли так, как нельзя лучше; что это предназначено, это предвечно.

Л. Н.: Фет рассказывал, что спросил мастера, который вырезывал из дерева чудные головы: «Как это делается?» Тот ответил: «Что лишнее, то снимаем». В деле слова и в музыке — то же самое. Шопен (что Шопен выразил) — это в тебе есть, и теперь много есть, что надо написать (композиторам).

Лев Львович побуждал Александру Львовну, чтобы писала.

Л. Н. (*к Николаю Борисовичу*): Что вы уедете, это уже есть. Стих уже есть, когда еще не написан.

Софья Андреевна: Пушкин писал кропотливо, все перемарывал, переписывал.

Александр Борисович: Моцарт писал только тогда, когда в голове все сложилось.

Лев Львович: Мопассан — так же, писал начисто.

— По Михайловскому: писать — это думать за письменным столом,— сказал Л. Н., удивляясь такой глупости.

Лебрен: Это плохо, тогда поздно: надо обдумать раньше.

Лев Львович: В России поэты перевелись. Первенствует Бальмонт.

Л. Н.: Престиж царя у народа упал. В 1840 г. при закладке храма Спасителя помню чувство восторга, был влюблен в царя; мы ждали, что царь выйдет из дворца. Тут кто-то закричал, что царь вышел с заднего

---

* Л. Н. несколько раз в 1904—1910 гг. просматривал немецкое издание Шиллера и всегда останавливал внимание на этом стихотворении.

крыльца, мы бросились туда, я первый. Извозчик чуть не задавил, выхватил меня... Тут видел Александра Николаевича (цесаревича) [6].

Николай Борисович: А Николая Павловича видели?

Л. Н.: Видел издалека.

Софья Андреевна и Лев Львович: Прежде цари говорили всем *ты*. Александр Александрович начал говорить *вы*. Теперь николаевский окрик: «На колени, мерзавцы!» [7] не был бы возможен.

Л. Н. рассказывал обстоятельно о своем участии в Севастопольской обороне. Ильинский обедал у штабного командира с Л. Н. Когда ушел, С. С. Урусов сказал Л. Н.: «Знаете ли, что Ильинский сделал? Велено было взорвать заминированную часть крепости. Но туда свозили раненых, и их было 500.— Ильинский пошел туда на лодке — было опасно — и взорвал. После этого спокойно обедал и после обеда спал в яме для палатки, палатка была снята». Я знаю, что это так было. Было ли известно Ильинскому, что там раненые, этого я не знаю. Это произошло 28 августа. Наши орудия топили в ..... * их нельзя было перевезти через мост. Я стоял со своими горными орудиями на Бельбеке.

18 июля. Был Макаренко. Л. Н. с ним гулял долго. Макаренко говорил о винограде и табаке в Крыму.

Л. Н.: Табак! Долина (назвал какая) прежде — фруктовые сады, теперь — табак. В Крым занес филоксеру N.N. — выписал лозы из Франции, потом уничтожил эту и соседнюю полосу, и остановили распространение. Площадь, где можно садить виноград, в России больше всей такой площади в Европе.

Л. Н. вспоминал, как был у Данилевского, друга Н. Н. Страхова, автора «России и Европы», в 20 верстах от Симеиза [1]. Ехал верхом с провожатым-татарином. Месяц. Настало затмение. Л. Н. не знал, что оно должно быть. Татарин боялся, молился.

Софья Андреевна (*о Доре Федоровне*): В каком она отчаянии, что у Пети в дизентерии 38,5 градусов; бегает по комнатам, проклинает Россию; говорит, что здесь все дураки, что возьмет Петю на руки и пешком пойдет к отцу...

Л. Н.: Евина дочь.

Софья Андреевна: Почему Евина дочь?

Л. Н.: Так, Евина дочь.

Уехал Макаренко. Л. Н. выписал брошюру Черкезова «Наука ли это?» (о марксизме) и Менделеева «Познание России».

19 июля. Л. Н. третий день какой-то грустный — наверно, нездоровится ему. До полудня Дора Федоровна поехала в Тулу за доктором Сухининым. Не мог приехать — сломал себе ногу. За обедом Л. Н. ей:

— Слышал, что ты ездила за доктором и что ты очень рада, что не приехал (потому что ребенку стало легче).

После полудня приехала госпожа из Черни [1] спросить Л. Н.: 1) надо ли ей идти на курсы — хочет быть полезной; 2) что́ переводить с французского; из журналов ли, и из каких, или сочинения? Я с ней гулял. Она мне рассказала, что на первый вопрос Л. Н. ответил, что ей следует делать обратное тому, что ей нравится; что, какие бы ни были причины, она не должна, не может оставлять детей (у нее маленькие дети) и должна их воспитывать. Хочет идти на курсы, чтобы быть полезной народу в теперешнем освободительном движении. Народ беден, безземелен, вследствие чего не может духовно образовываться, развиваться. В городах живет без куска земли под сад. Надо распределить землю, чтобы была у всех. Генри Джорджа не знает. О боге, самосовершенствовании, видимо, не думает. Л. Н-ча упрекает в том, что у него такое имение, и говорит, что

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

благодаря имению он может философствовать, критиковать и не участвовать в освободительном движении.

За чаем, за обедом или молчала, или ничего интересного не сказала, и Л. Н. тоже. В 8.30 Л. Н. пришел из сада, принес яблок, которые насбирал; часть предложил Илье Васильевичу, а часть оставил себе и предложил другим собирать с земли яблоки, чтобы не гнили. Потом беседовал с дамой на балконе, говорил ей о боге и о любви. И я сел недалеко под деревом. Когда пришел на балкон Лебрен, поднялся и я туда.

Л. Н. (*Лебрену*): Получил письмо от Малори, благодарит за «Für alle Tage». — Обратился к даме и сказал ей, кто Люси Малори.— Жаль, что все это основывается на спиритизме, которого я не могу.....* От нее много мыслей поместил в «Круг чтения», даже совестно было столько помещать рядом с Кантом. — Л. Н. поискал и прочел: «Когда мы чувствуем себя всего слабее телом, мы можем быть всего сильнее духом». — Это — так, и можно сказать наоборот: когда телом бодр, здоров, тогда дух не силен. Желал бы знать подробнее о ней, она наверно старушка, лет 15 присылает мне свой журнал, и желал бы видеть ее портрет. Душан Петрович, вы могли бы ей написать и послать мой портрет [2]**. Было другое письмо. Какое-то agence*** хочет знать мое мнение о роспуске Думы [3]. Вы тут не были, Душан Петрович. На следующий день после роспуска Думы получил от трех газет телеграфные запросы, что́ думаю о роспуске Думы. Мог ответить, что не имею никаких мыслей об этом.

Перед Л. Н. на полу лежала Белка и искала у себя блох.

— Сколько блох на собаке и как очистить ее, мне более интересно,— сказал Л. Н.

Даме, на ее второй вопрос, советовал переводить статейки, заметки из «L'Ere Nouvelle». Их в газетах охотно поместят, они, наверно, нигде не появляются, и советовал перевести книгу Лебона «La psychologie du socialisme».

— Наверно найдете издателя. По-английски не знаете?

— Нет, по-французски и немецки знаю.

Л. Н.: Советую вам научиться по-английски — про́пасть прекрасных сочинений серьезных (более чем на каком-нибудь другом языке) и вам практическое занятие. Язык изучать советую вам, как я сам делаю. Возьмите перевод знакомого вам сочинения, которое хорошо знаете, Евангелие или повесть, и прямо читайте. Посвятите все свободное время изучению языка и выучите английский язык за один — три месяца, если знаете немецкий и французский.

Я стал к Л. Н. невнимателен, говорю в его присутствии с другими, ни в чем ему не помогаю.

20 июля. Утром была дама из Пермской губернии. Лебрен говорит, что в эти три дня Л. Н. ужасно много пишет, едва выходит прогуляться. Сегодня была Мария Александровна. Вечером приехал Иосиф Константинович от Булыгиных, привез от Михаила Васильевича кадушку меду с надписью «Дорогому Льву Николаевичу от трудов пчелиных и своих. (В сухом и теплом месте держать)».

Александра Львовна ездила в Тулу. В 8.30 ей навстречу ходили Л. Н., Иосиф Константинович, Лебрен и я.

Л. Н.: Слыхали об убийстве Герценштейна? [1] Это хороший урок для тех, которые на словах осуждают евреев. Душану Петровичу надо всеми силами воздержаться. Убийца Плеве, убийца Герценштейна — одинаково жалки.

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

** После она писала Л. Н., благодарила его и прислала свой портрет. По портрету судя, ей не больше 45 лет.

*** агентство (*франц.*).

Л. Н.: Что мы все не перерезаны, что мы живы, тем обязаны нравственному закону, который в людях есть: в этих караульщиках сада, в нас; и очень страшно, когда высшие, передовые люди лишают себя и других этого закона.

Л. Н. ездил сегодня к Горбуновым. У них власти закрыли типографию за печатание христианского журнала Булгакова. Там были места которые Иван Иванович знал заранее, что нельзя печатать. Печатались, кроме того, «Царство божие», «Христианское учение» и другие. (Сегодня привезла Мария Александровна «Краткое изложение Евангелия», изданное «Посредником» [2].)

Л. Н. говорил, что Иван Иванович, должно быть, запутался в денежных делах. (В июле на 20 000 вексельных платежей.)

Л. Н. повел нас в сад к дереву с белыми яблоками, у которых аромат ромашки. Но очень скоро нас отозвал — видимо, не хотел, чтобы мы их много собирали: чужое имущество, арендатора.

Л. Н.: Завтра скажу Кочергину (арендатору), чтобы позволил собирать яблоки, которые валяются и гниют в траве, крестьянам — и тем их расположит к себе.

Такой урожай яблок, какого Л. Н. не помнит в своей жизни, и Л. Н. очень любуется садом (значительную часть его он сам насадил). Всех яблонь 7 900 корней.

Л. Н.: Был урожай на японца, а теперь на стриженую. Говорю шутя. Но были трогательны. Обе с тремя детьми, и обе хотят бросить мужей. Сегодняшняя, пермячка — жена начальника депо,— богато живущая. Тяготится тем, что воспитывает паразитов, а муж ей говорит, что эти толстовские теории хороши, но нельзя по ним жить. Видимо, он далек от них, не верит в них. Я ей сказал, что нужна основа, а не внешняя сторона.

Нужна добрая жизнь. Что будет из детей, это не от нее зависит — дети не наши. А может быть через 30 лет вспомнят: «Мать так говорила» (так жила). Добрая жизнь всегда имеет последствия.

Л. Н. говорил, что он уже видит плоды следствия своих писаний. Есть такие, которые переняли основу, и другие — которые воспользовались солдатской памяткой, чтобы ⟨отговорить⟩ солдат от послушания нынешнему правительству, «а нашего — слушаться». И эта дама хочет исполнять внешнюю сторону.

Л. Н.: Нынче читал газету. Столыпин по западному рецепту собирает либеральное министерство [3]. Хочет в семь месяцев ввести либеральные реформы, чтобы будущей Думе не осталось иного, как поддерживать правительство. За это время могли бы ввести единый налог. Удивляюсь, почему правительство не делает этот удачный ход.

Иосиф Константинович: Не хочет отчуждения удельных земель.

Л. Н.: Раньше или позже оно должно совершиться. Им единый налог кажется слишком смелым, страшным.

Встретили Александру Львовну с Надеждой Павловной. Обе близорукие. Мы шли четверо в ряд. Л. Н. с криком: «Пу, браунинг!», остановил. Они испугались, и Л. Н-ча Мушка (лошадь) чуть не задавила. Не узнали по голосу. Потом смеялись. Вечером Л. Н. сидел с 10 до 11 за чаем. Принес брошюру Кропоткина [4] и говорил Иосифу Константиновичу:

— У Кропоткина отрицательная сторона — обличение правительства — хороша, а положительная — ребячество. В моем положительном не сомневаются, а только говорят, что оно осуществимо через тысячу лет. Но как представить себе, что после уничтожения правительства насилием сразу установится мирное сосуществование?

Л. Н. прислали польский «Dziennik Powszechny» со статьей о Дрейфусе, в которой утверждается, что законы о конгрегациях и отделе-

нии церкви от государства обязаны своим происхождением процессу Дрейфуса.

Л. Н.: Почему это мне посылают, это бы следовало Душану Петровичу посылать.

Л. Н. в «Божеском и человеческом» описал те же чувства, мысли, которые были у Ювачева, когда он был заключен в Шлиссельбургскую крепость.

Л. Н. описал историю Масловой с сибирским купцом так, как была описана в судебной бумаге, присланной ему 28 апреля 1906 г. из Николаева. (Филарет с проституткой, приведенной евреем в номер гостиницы. Еврей обворовал Филарета, попала под суд проститутка.) [5] Как Л. Н. предугадывает, что случается в жизни.

21 июля. Был Александр Добролюбов из Самарской губернии. Неразговорчив, говорит *ты*, *брат*, *сестра*. На вид — крестьянин; видимо, совсем опростился. Лет девять тому назад издал декадентские стихи [1], год пробыл в Соловецком монастыре; красивое лицо. С Л. Н. говорил много, между прочим, о браке, о расторжимости брака. По его мнению, брак, когда становится тиранством одного другим и когда ведет к нечистому, т. е. когда в нем чистого ничего не остается, можно развязать. Не надо поддаваться словам кого-то о неразрывности брака.

Л. Н.: Основываться на том, что брак нечистый, нельзя: что одному нечистое, другому — чистое.

Л. Н. говорил, что он в своих сочинениях описал пережитое лично и решал его (вопрос о браке) для бога и решил не развязывать его, а остаться в нем, терпеть. Привел разговор с женщинами, вчерашней и позавчерашней. (Это я записал по пересказу Иосифа Константиновича.)

Добролюбов с Иосифом Константиновичем уехали перед обедом. Добролюбов поручил передать Л. Н. и Софье Андреевне: «Мир».

В «Русских ведомостях» известие о восстании матросов в Свеаборге [2].

Перед обедом приехал Н. В. Давыдов, пробыл до полуночи. Был очень мил, прост и сердечен, умен. Л. Н., видимо, было приятно с ним беседовать. Сказал ему о Добролюбове: «Настолько опростился, не отличишь от крестьянина. Его влияние — три человека отказались от военной службы по религиозному убеждению».

Добролюбов, когда уходил, сказал нам, что не удовлетворен разговором,— не договорились до конца. О Давыдове Иосиф Константинович сказал, что он ученик Л. Н. О ком еще это можно сказать? Об Офицерове и нескольких отказавшихся. Лебрен заметил, что между молодыми найдется побольше последователей. Сказал это Льву Львовичу, когда тот говорил о Л. Н. и упрекал его, что у него нет последователей. Лев Львович сказал: «Я считаю себя впереди своего отца. Как же можно не считаться с Думой и Японией? Если бы он одухотворил суды, школы — насколько лучше бы сделал».

Давыдов о свеаборгском восстании:

— Было подготовлено; предлог, что солдат с голоду помер,— газетная выдумка.— Об убийстве Герценштейна: — «Русские ведомости» негодуют, а недавно не хотели напечатать моей статьи против убийства городовых. Да и теперь одобряют эти убийства. В Москве убито 70 городовых.— О Думе: — Дума могла негодовать, но не ругаться.

Л. Н.: Руганье — психоз. Ругались потому, что публика такая, для которой говорили.

Л. Н.: Два мужика, скрывающихся от полиции из-за погрома усадьбы, были здесь — советоваться, что им делать. Я им сказал: «Силой ничего не сделаешь». «Но наши сидят, их рожь не убрана»,— ответили. Они дальше этого не видят.

Давыдов о программе Шипова [3]:

— Частичная амнистия, реформа избирательного права, суда и так далее — царь спокоен и понимает, что делается.

Л. Н.: .....* успокоят кадетов и рабочих (так называемых «безработных»). Шиповское организаторство (*Давыдов говорил о его организаторском таланте*) ничего не значит. Успокоение ста тысяч мальчишек (студентов), опропагандированных рабочих, офицеров, солдат ничего не значит. Они опираются на недовольство народа и затихнут, когда опора отпадет. Нужна земля. Этот вопрос стал ребром в России. Для меня радикальное решение — решение земельного вопроса.

— Его задерживают удельные земли — не хотят их лишиться,— заметил Давыдов.

Л. Н.: Раньше или позже отдать их надо. Разве они не могут понять, что они сами себя спасают?

Л. Н. вчера сказал:

— Пока у господ в Ясной Поляне будет 600 десятин, а у мужика — три, мужик будет смотреть, как бы достать эту землю, а только когда больше земли свободной не будет, станет совершенствовать хозяйство на своем куске. Решение — только решение вопроса о земле. Если деревня будет успокоена, они, оторвавшиеся от деревни (углекопы, фабричные рабочие) будут бессильны.

Л. Н.: Бога забыли. Так надо выразить состояние внешнее. Раньше, при моем отце, была православная вера (обряды, батюшка), дворянская честь, которая заставляла... руководила; потом увидели, что этого не нужно. Пришло католическое безверие (веры в католичестве нет, индульгенции), атеизм, который теперь есть (в русском обществе). На народном языке выражаясь: бога забыли.

Лев Львович протестовал.

Л. Н. (*раздраженно*): Вот люди,— и кивнул головой на Льва Львовича.— Совести, бога нет — ничего нет. Маша говорит — это все хорошо, что творится, ибо люди придут к сознанию, увидят свои ошибки.

Л. Н. думает, что мы должны пройти через это, чтобы понять, чего нам недостает.

Приехавший из Пирогова Андрей Львович рассказал, что у Михаила Львовича чужой мужик подстрекал поджечь усадьбу, и, когда не подожгли, сам он поджег забор среди деревни — его избили. В Николая Леонидовича хотели стрелять через окно.

Давыдов: Чем это кончится? Грехи!

Л. Н.: Маша рассказывала — видела аргентинца за границей. Тот говорил, что у них революция длилась сто лет. Явился человек, который перевешал всех, и сказали ему: «Спасибо, водворил порядок». У нас о Трепове скажут: «Это благодетель».

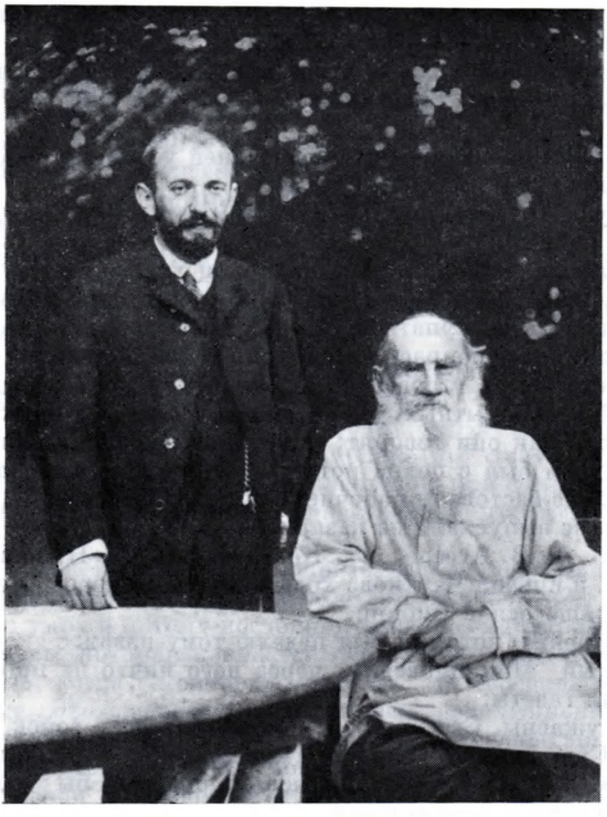
Л. Н.: В Думе об отказавшихся не говорили. Трегубов послал членам Думы и Муромцеву.....* Успенский послал проект [4]. Сегодня получил письмо от Сиксне.— Л. Н. прочел его вслух.— Спокойное, краткое, точно выражается. Он в дисциплинарном батальоне в Бобруйске. Какая перемена отношений к ним со времени Дрожжина [5]. Я знаю про шесть человек, которые теперь в дисциплинарных батальонах.

Разговор о Гучкове, которого прочили в министры. Л. Н. его знает. Он ездил к молоканам, у которых отняли детей, к бурам, армянам, в Маньчжурию.

Л. Н.: Гучков мне написал письмо (ответ на вопрос о религии) сумбурное. Мог просто сказать — не знаю... [6]

Давыдов рассказал о погроме, который учинили вернувшиеся домой

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*



ТОЛСТОЙ И Н. Л. ОБОЛЕНСКИЙ
Ясная Поляна, 26—30 июля 1906 г.
Фотография В. Г. Черткова

шахтеры. Л. Н. о другом — который учинили рабочие на патронном заводе в Ламинцове *.

Л. Н.: Университетского образования défauts** — выдумки нет; университетского образования выгоды — скромность; такому видно, какая литература есть о каждом предмете (а полуобразованные рабочие — Аладьины — того не знают и воображают себя всезнающими).

Играл Гольденвейзер. Андрей Львович уехал на три недели в Тамбов. Уехал Давыдов.

22 июля. Суббота. Первый безоблачный день, воздух, вода прозрачны. Вечером стлался туман над Воронкой. Не было гостей. Вечер на веранде.

Л. Н.: Читаю китайскую книгу. Когда европейские войска вошли в Пекин, требовали казней за Кеттелера [1].

Лебрен: Когда это видишь, сомневаешься, есть ли прогресс.

Л. Н.: Прогресс есть. Только не там, где его ищут. Не в действиях правительства — они умеют искусно прикрывать ..... *** (во имя цивилизации).

Л. Н. вечером пошел к арендатору сада:

---

* Ламинцово — деревня в 11 верстах от Ясной Поляны. Мужики работают на патронном заводе в Туле, проникнуты революционным духом.

** недостатки (*франц.*).

*** Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

— Иду к садовнику, хоть отдаст яблоки исполу, а то гниют на земле. Сколько людей желали бы иметь яблоки!

Кто-то из домашних сказал, что Стэд был в восторге, когда увидал в Кочаках деревенское стадо, которое паслось вместе. Никогда не видал [2].

23 июля. Л. Н. последние пять-шесть дней усиленно работал. Сегодня до 4 часов пополудни. Вечером сказал:

— Чувствую, что кончил «Две дороги». Статья короткая, ⟨а⟩ пять месяцев над ней работал.

Л. Н. купается. Говорил, что Захарьин утверждает, и он прав, что настоящее купанье начинается тогда (после Ильина дня), когда люди обыкновенно перестают купаться. Воздух посвежее, приятнее.

Л. Н., гуляя, все собирает и приносит домой яблоки.

В 5.30 приехал П. А. Сергеенко, а в 9 — Чертков. Сегодня было много посетителей и любопытных, около десяти солдат, которых не посылают усмирять бунты, как они говорят: «Мы заявили, что стрелять не будем». Еще такой случай был с целой ротой в Петербурге, которая отказалась идти на завод, где бастовали рабочие. Солдат разместили по другим ротам и целый месяц не выпускали из казарм.

Приходила А. В. Агеева из Казначеевки. Л. Н. написал письмо к ее мужу [1] и просил Черткова ходатайствовать через Трепова за него, все еще находящегося в Сибири.

Л. Н. о студенте, который был неделю тому назад:

— Заткнутый Михайловским, через него ничто не проходит.

Л. Н. читал газеты:

— Газеты ужасны. Свеаборг, Кронштадт, бунты войск и восемь казней. Письмо Суворина об убийстве Герценштейна («Маленькие письма», «Новое время», № 10902, 21 июля) очень хорошее, я бы только одну фразу выкинул оттуда, о патриотизме.

Сергеенко принес описание слежки за Л. Н., обыска у него в 1862 г. из архива III отделения. Л. Н-чу было многое новым [2]. О Долгорукове, шефе жандармов, сказал:

— Я его знал, этого Долгорукова, шефа жандармов; добрейший человек был и очень ограниченный, пустейший мот, консервативный.— Далее Л. Н. сказал:— Нельзя себе представить человека, более чуждого политике, чем я был в те времена. Это (обширность «Дела» — 53 номера — участие в нем министров, царя) мне подтверждает, какое количество глупостей делает теперь правительство.

Л. Н. (*Черткову*): Иван Михайлович был здесь.

Владимир Григорьевич: Какое впечатление произвел?

Л. Н.: Очень хорошее.... Ему немножко хочется что-то делать. Превосходный материал собрал о сектантах.

Владимир Григорьевич: Материал у меня остался. Гусев разрабатывает его.

Л. Н.: Это свойство русских людей — прилагать к жизни те верования, в которые они веруют.

Л. Н.: Читаю китайскую книгу о японской войне. Еще не дочел. Там написано: японцы бросили все, и своих жен, желая добиться того, чтобы европейцы не презирали их. Они добились своего. Он (писатель-китаец) выше японцев [3].

Владимир Григорьевич рассказывал о японце-социалисте, который прочел сочинения Л. Н. и сказал ему: «Не социализм, а это мне по душе. Этого я искал». Вернулся домой с тем, чтобы распространять христианские взгляды.

Л. Н. хвалил брошюру Черкезова о социализме «Наука ли это?» [4].

Владимир Григорьевич: Черкезов — друг Кропоткина. Кропоткин собирается приехать в Россию.

Мы сидели до 11. Я мало записывал, т. к. был усталый. Ездил с Александрой Львовной с 8 до 9.15 через лес на Телятинки. Ей во второй раз сломали купальню. Из леса днем возят дубы. Сегодня 4-х поймали.

Сергеенко вспоминал открытые письма Боборыкина и Ковалевского в «Стране» около 1 июля к Л. Н. по поводу фельетона Беляева в «Новом времени» от 16 июня («У Льва Николаевича Толстого»), где Беляев передал беседу с Л. Н. о Государственной думе и о проекте Генри Джорджа [5]. По словам Сергеенко, Боборыкин пишет с гневом, резко. Боборыкин ездил к Л. Н.— перестал ездить.

Сергеенко говорил Л. Н. о книге Сэндерленда «Библия». У них много общих положений, и они друга друг не знали.

Владимир Григорьевич говорил Лебрену, что Л. Н. пишет то, что русский человек уже чувствует в душе, только это сжато, ясно выражено. Надо направить писания Л. Н. куда следует, и они сделают свое дело. Он выразитель лучших религиозных, нравственных дум и мыслей русского народа.

Сергеенко: Лев Николаевич теперь самый непопулярный человек.

Л. Н. говорил сегодня Лебрену об ответственности (?):

— Я скоро умру и потому постоянно думаю о смерти; думаю о том, что такое эта жизнь, которая кончается смертью. И ответ только один (это очень старо, но, когда готовишься умирать, это особенно ясно) — жизнь есть служение. Это разрешит все вопросы революционные, политические. Ты должен сделать то, что хочет сила, пославшая тебя сюда. Это одно несомненно. А то, что мы говорили о свободе воли, так она в том, что человек может чувствовать себя рабом этой силы. (По записке Лебрена.)

24 июля. Владимир Григорьевич привез Л. Н. подарки: теплую, легкую фуфайку из верблюжьей шерсти, английские вегетарианские съестные припасы из муки, орехов и т. д., книги — несколько томов Канта в оригинале [1], издания «Free Age Press» и издания «Свободного слова».

Л. Н. бодрый, веселый. Петр Алексеевич — немного тяжелый, болтает; как Л. Н. скажет что-нибудь — и наступает пауза, Л. Н. еще продолжал бы, Петр Алексеевич вставит какую-нибудь фразу-балласт, и постоянно так. Когда в 11 часов уехал, тут начался настоящий связный, плавный, тихий и веселый разговор. Л. Н. говорил, другие говорили только то, что было необходимо.

Л. Н. с 8.30 до 9.30 у Владимира Григорьевича под сводами. Вечером шахматы с Гольденвейзером. За чаем Л. Н. принес книгу «Буши-до». Это кодекс японской нравственности, буколика рыцарства. У них служение государству и нравственность равноценны. У них способности к метафизике, отвлеченному нет. Только к прикладным наукам. Микадо их — неглубокий, но серьезный человек. Ито, властитель в Корее, развращенный человек.

Л. Н. опять жалел, что китайцев лично не знает. Читал из «Буши-до» о пяти формах взаимоотношений по Конфуцию: подданных — к правителю, детей — к отцу, супругов, меньших — к старшим братьям, друг — к другу.

Л. Н. читает две китайские книги — одну о японской войне, другую — о вторжении европейцев в Пекин: «Головы! головы!»*[2]

— Я чувствую, что я наслажусь ею (китайской книгой), — сказал Л. Н.

---

* Вильгельм II требовал головы китайцев в наказание за убийство Кеттелера.

Владимир Григорьевич говорил, что в Шанхай выписали несколько сот экземпляров «Евангелия» Толстого, и вообще много сочинений Толстого идет туда. Л. Н. вспомнил, что китаец в письме к нему цитирует из «Одумайтесь» [3].

— В «Одумайтесь» писал я старую правду, что все люди одинаковы,— сказал Л. Н.— В стариковские лета это яснее. Мужики, японцы, кафры... Она, истина, на известной глубине нова...

Л. Н.: Англичане какие дикие! Филдинг в новой книге своей описывает, с какой наглостью, насилием покорена англичанами Бирма. Он сочувствует бирманцам, но английскую цивилизацию ставит выше и радуется подчинению бирманцев. Бирманцы — рослый народ, религиозный, и там идет теперь индустриальное порабощение.

Л. Н.: Когда я жил с братом Николаем в Содене [4] — Соден тогда считался хорошим от чахотки,— мы бывали среди крестьян, косили с ними. У них очень схожие с русскими крестьянами черты. Все люди одинаковы. Ауэрбах, которого я любил, оценивал выше всех эти черты народа.

Дора Федоровна удивлялась, почему не надо любить отечество. Она любит Швецию, и боже сохрани, чтобы Швеция подчинилась России!

Лев Львович: В Швеции желания народа и правительства совпадают.

Л. Н.: Я всегда чувствовал ненависть к правительству, любовь к народу.

Владимир Григорьевич показывал Л. Н. эскизы нового цикла Холарека [5].

Л. Н.: Как он хорошо рисует, ах. как хорошо! — Над картиной «Утешитель» от души смеялся. О картине «Война» разговорился с Чертковым — я не записал.

25 июля. Днем тепло, под вечер холодно. Л. Н. с Владимиром Григорьевичем и Александрой Львовной ездили верхом к Гольденвейзерам. После обеда на веранде Л. Н. читал вслух неизданное письмо Достоевского («Новое время», 15 июня 1906 г.). Л. Н. с этим письмом несогласен, это прямо нехорошо — целый народ осуждать.

Л. Н.: Много доброго сделал мне Достоевский. Как раз я хотел с ним познакомиться, а он умер.

Л. Н. читал полученные письма. Одно, приятное, от А. Сорокина из Томска, о том, что «нет третьего выхода, кроме служения в войске (подчинения) или отказа» [1].

Владимир Григорьевич говорил о N. N., живущем в Ньюфоресте (огромный лес между Лондоном и Крайсчерчем). Он анархист, и большое влияние на него имел Спенсер.

Л. Н.: Спенсера никогда не мог дочитать. Знаю его только из сочинений о нем.

Владимир Григорьевич говорил о том, что̀ интересно у Спенсера.

Л. Н.: Как это люди свою жизнь отдают в распоряжение других (государства); что решают одиннадцать, тому подчиняются десять.

Л. Н. вечером играл в шахматы с Владимиром Григорьевичем и говорил о том, как перерабатывает на простой язык «Мысли мудрых людей» (уже готово), а «Круг чтения» только начал. Не придерживается хода мыслей авторов, а дает их по-своему, имен авторов и не приводит.

Владимир Григорьевич говорил о своей работе, спрашивал, как надо правильно мыслить.

Л. Н.: Весь прогресс — в очищении, упрощении, уяснении несомненных истин. Когда сам дойдешь до мысли, тогда она прочна (понятна, принята). «Les grandes pensées viennent de cœur» [2].

26 июля. Приехали под вечер: Горбунов, Мария Александровна, Иосиф Константинович, Томпсон (англичанин, друг Владимира Гри-

горьевича), Зиновьев, бывший тульский губернатор, описанный в «Царстве божием» [1], его зять Фере из Иконок, Михаил Львович с женой, Оболенские, старик А. Стахович с Софьей Александровной, Гольденвейзеры. Стаховичи вечером уехали.

Иосиф Константинович принес страшное известие: в «Правительственном вестнике» появилось правительственное сообщение о том, что община уничтожается, наделы переходят в собственность, которую можно продавать. Настанет быстрая пролетаризация крестьян. Но, кажется, новость неверна.

За обедом Зиновьев рассказывал про турок, какие они сильные. Несет на спине пианино по узкой улице, отстранят, но не ругает мешающих. Они не ругаются. Собак не обижают, обходят на улице лежащих (ногой не толкнут).

Л. Н.: Я на Кавказе и в Туле видал пленных турок [2]. Они поражали меня своим спокойствием и какой-то мудростью. Я уважаю мусульман. Они нравственно во многом выше христиан.

Лебрен: Молодежь — стариков, мужья — жен не ругают, работники честные, слово держат даже себе в убыток, не пьют, взятую работу исполняют, в половом отношении чисто живут.

Говорили о правительственном пособии пострадавшим от неурожая. Л. Н., Зиновьев и Фере утверждали, что правительственное пособие деморализует народ; нет пределов ни тому, сколько дать, ни тому, сколько взять.

27 июля*.

Л. Н.: Истина, которую я открыл, что все люди одинаковы, дважды два — четыре. А если я это могу понять, может и другой.

28 июля. Пятница. Спор с Николаем Леонидовичем и Михаилом Львовичем. Николай Леонидович говорил, что не может жить в Пирогове.

Л. Н.: «Не могу» нельзя сказать. Человек сам себя не знает. Можно сказать «не мог», но вперед решить «не могу» нельзя. Надо стараться быть спокойнее, не озлобляться.

Николай Леонидович очень расстроен политическими событиями и мелкими неприятностями — например, тем, что пироговские крестьяне каждую ночь воруют у его садовника фрукты, овощи.

Л. Н. советовал им, Оболенским, не изменять своего положения, продолжать жить в Пирогове. Об уезжающих за границу русских высказался неодобрительно, почти с презрением, что они, как англичане, скитаются.

Мария Львовна во время спора ушла. Николай Леонидович говорил, что он уехал из Пирогова потому, что опасается за свою жизнь и за Машу. Что ему противна неискренность. Он не вооружается револьвером из-за Маши, а желает этого. Но его кучер, который ночью сторожит, вооружен им, и он прибавил ему 3 р. жалованья за это, чем кучер очень доволен.

Л. Н. после спора пошел к Марии Львовне.

Под вечер приехал тульский губернатор М. В. Арцимович. Л. Н. о нем:

— Посмотришь на лицо этого человека, видишь, что это самый добрый человек. Он всю жизнь вел себя так, чтобы стать губернатором. Точно так же революционер ведет жизнь так, чтобы стать революционером. Нельзя их осуждать. Самое тяжелое свойство теперь у людей, что осуждают. Труднее всего переношу.

Л. Н. с Арцимовичем.

Л. Н.: Думают, что христианство — что-то такое, что может быть выражено внешним; а мы последствий никак не знаем: будем ли мы Николаями (царями) или камердинерами.

---

* Записано позднее.

О польском (Арцимович был раньше губернатором в Польше), потом о еврейском вопросе.

Л. Н.: Евреев нельзя исключать из пользования равными правами. На Кавказе Воронцов-Дашков устроил бега. N.N. привел английских лошадей, которые легко обогнали всех. Требовали исключить их. Если бега — бега всех. Или потом исключать кабардинских, потом других, останутся самые... клячи. Для христиан, какие они ни есть, совесть препятствует пользоваться известными законами правительства. Средство исправления, чтобы евреи не деморализировали, не властвовали,— не лишать евреев равных прав с другими, перемена общественного устройства и, главное, самих людей в себе. Я знал старых верующих евреев — Лондона, кассира банка Эфроса (уверявшего, что в Евангелии нет ничего нового, все это есть в Ветхом завете). Раз я ехал по железной дороге с евреем огромного роста, весельчаком. Меня интересовала религия, завел о ней разговор. Еврей смеялся над теми, кто в бога верует (теперешняя еврейская молодежь тоже смеется над ними). Я ему тогда: «Если вы меня встретите в лесу, вы меня убьете, чтобы ограбить?» Он со смехом: «Убью, почему же нет, если никто об этом не узнает».

Л. Н. сегодня, выйдя к играющим в теннис, оделся по-зимнему в тяжелую накидку и шел согнутый, медленно, осторожно. Пробыл недолго. Очень (азартно) интересовался игрой и проявлял сочувствие партнерам: Владимиру Григорьевичу с Александрой Львовной против Николая Леонидовича и Томпсона.

Вечером мне Л. Н. говорил, как хорошо в Елочках, каждый день там гуляет. Еще говорил по поводу сегодняшних разговоров, как все возбуждены. Я сказал, что похоже, как теперь нападают на правительство, так в 1876—77 гг. славяне нападали на турок. Возможно, было другое решение, чем война, как и теперь есть другое решение, чем революция,— Дума.

Л. Н.: Это самое я тогда чувствовал, что теперь: неискренность, фальшивость выдвигаемого предлога: любовь к народу (т. е., что теперь она побуждает к смене правительства, а тогда любовь к славянам — к войне с Турцией).

29 июля. Л. Н. вышел в три часа в бодром настроении, вид у него хороший. Работалось ему хорошо. Кончил вторично «Две дороги». Смотрел на играющих в теннис. Был Гольденвейзер, играл Шопена.

Я вечером отсутствовал. Спросил Черткова, о чем был разговор. Он спрашивал Л. Н. У него записаны вопросы, и по порядку задает их на прогулках, обыкновенно верхами.

Владимир Григорьевич: Вы говорили о революционерах («Правительство, революционеры и народ»), о поправках-пропусках в этой статье. Я говорил, что нельзя их (революционеров) осуждать, что мотивов деятельности людей бывает много, и разных, их побуждает желание добра». Лев Николаевич согласился на все поправки [1].

Владимир Григорьевич спросил Л. Н., изменил ли он свое мнение о медицине, когда во время болезни охотно принимал лекарства, и думает ли, что они помогли ему. Иногда сам желал, чтоб ему впрыснули морфин. Л. Н. ему ответил, что лекарства дают некоторое облегчение, но, кроме того, вредят. Что он свое выздоровление приписывает не лекарствам. Морфин желал вспрыскивать, когда ослабевала воля, для облегчения страданий. В медицине признает хирургическую помощь и некоторые простые приемы (массаж, компрессы и т. д.).

30 июля. За завтраком Л. Н. говорил, что хочет с Чертковым ехать в Ясенки смотреть кулишовский дом для Чертковых [1]. Хочет вечером прочесть свою новую статью («Две дороги»), а потом послать Ивану Ивановичу.

ТОЛСТОЙ
Ясная Поляна, 26—31 июля 1906 г.
Фотография С. А. Толстой

Л. Н.: Душан Петрович! Получил я письмо от немца Кифера, он писал и раньше [2]. Пишет о плохом влиянии политизирующей прессы, что пресса мелких городов хочет подражать большим газетам. В ней о политике даже больше и более извращено, преувеличено, чем в больших. Обвинения лиц во лжи, злодействе вносят раздражение, озлобляют людей, до тех пор мирных и, главное, таких, которые этому ничем не могут помочь. Желает внести христианские взгляды в провинциальную прессу и просит, нельзя ли мне написать о русских событиях, чтобы знали правду. Можно будет перевести и послать ему «Обращение к русскому народу», когда оно будет готово.

Вечером Л. Н. с Чертковым играли в шахматы. С 7.30 до 9 прочел вслух «Две дороги». Читал, как всегда, внятно, отчетливо, довольно бы-

стро и одним духом целые длинные предложения, очень экономя дыхание. Этим можно объяснить, что за час и 35 минут чтения не устал и не охрип. Но по голосу видно было, что волновался. «Даже не вспотел»,— сказал он, когда кончил. Слушали Софья Андреевна, Оболенские, Александра Львовна, Чертков, Горбунов, Лебрен, четверо Гольденвейзеров. Потом Л. Н. повел Ивана Ивановича в библиотеку посоветоваться о статье. Туда мало-помалу перешли и остальные. По обыкновению, слушавшие чтение делали замечания. Софья Андреевна возразила:

— Не вернешь человечество назад. Твой совет заниматься обработкой земли — регресс.

Л. Н.: Оно пошло назад (т. е. отошло от земли).

Н. Б. Гольденвейзер: Вся статья написана sub specie aeternitatis*. А люди не умеют смотреть с этой точки зрения. Вся статья о вечных истинах, которые никому не нужны.

Л. Н.: Да, большинство скажет: «Опять о боге, старо».

Лебрен: Вечные истины одни и нужны. Есть люди, которым они одни нужны.

Мария Львовна: Я скажу глупость. Не понимаю, что значит: «Ноги уходят в туловище».

И другие этого не поняли.

Л. Н. объяснил так, что ноги — крестьянство, туловище — не трудящиеся на земле. Туловище растет, ноги становятся тоньше [3].

Каждый делал свои замечания. Л. Н. сказал:

— Я рад каждому замечанию.

Чертков сказал:

— Есть люди в России, Англии и иных местах, сознательно возвращающиеся к земельному труду.

Л. Н.: Люди доведены своими ошибками до ⟨сознания⟩ своего греха.

Вернувшись в залу к чаю, Л. Н. сел не к столу, а на кресло между фортепиано и дверью гостиной. К нему подошел Н. Б. Гольденвейзер, и они говорили, сперва одни, потом в окружении подошедших, о философии. Л. Н. воскликнул выразительно:

— Как Герцен, имевший перед собой Евангелие (должен был быть толстый слой, закрывающий его), воспитанный в христианстве, ищет руководства в гегельянстве, это гипноз! Я очень люблю Герцена как силу, но он совсем нерелигиозный писатель.

Л. Н.: У Канта — разум, у Гегеля — ум. У Соловьева тоже только ум; умеет, как художник, изложить теорию, диалектик. Les extrêmes se touchent**. Философией занимаются и мудрые и глупые люди.

Н. Б. Гольденвейзер рекомендовал для издания в «Посреднике» Спинозу, «Tractatus theologico-politicus».

Л. Н.: Спиноза тяжелый. Надо бы перевести на русский язык Фейербаха «Das Wesen des Christenthums» [4]. Фейербах — это превосходный...

Вспоминали о Токутоми.

Л. Н.: Токутоми знал о Бондареве. Читал мое послесловие к нему [5]. Токутоми оригинальный. Другие два японца были обыкновенные. Корреспондент «Neue freie Presse» и корреспондент «Кокумин-но-Томо» — оба одинаковые. Токутоми привез английскую книгу китайца о европейско-китайской войне 1901 года, «головы, головы» [6].

Л. Н. рассказал эпизод из этой войны, который слышал от Дунаева о его знакомом подмосковном садовнике, обрусевшем французе Кутоне. Он был во французском отряде солдатом в эту войну и нес много награбленных драгоценностей. Встретил двух казаков; услышал, что один го-

---

* с точки зрения вечности *(лат.)*.

** Крайности сходятся *(франц. пословица)*.

ворит другому: «Этот француз набрал много, ты подойди сзади, я спереди, отнимем у него». Он повернулся и закричал на них: «Эй, вы, сукины дети!»

Л. Н. (*с Томпсоном*): У Фихте много общего с Гегелем, но у Фихте есть сочинения, более значительные и имевшие бóльшее влияние, чем сочинения Гегеля. Фихте, как Гегель.....* (Л. Н. сказал, что он недавно перечитывал некоторые сочинения Фихте.)

Л. Н. о значении Канта:

— Он философским языком передает христианские истины.— И привел примеры: «Поступай так, чтобы это могло быть общим правилом» (т. е. не делай другому того, чего не хочешь, чтобы тебе другие делали).— Лучшее его сочинение «Kritik der praktischen Vernunft», которое профессорами не признается — будто бы оно написано для его лакея. А признается «Kritik der reinen Vernunft». А эта была подготовительная работа для той. Для христианина Кант superfluous**. Его «Religion in Grenzen der blossen Vernunft» читайте. Разбивает догматы (божественность Христа) и суеверия.

Был разговор о диалектическом методе Гегеля. Л. Н. смеялся над крайней искусственностью философского языка Гегеля: «An sich sein», «Für andere sein», «An und für sich sein»***. Шопенгауэр только 40 лет как стал общеизвестен. У Шопенгауэра краеугольный камень нравственности — сострадание и духовное единство всех существ.

Я: Не только людей?

Л. Н.: Нет. Поэтому он и вегетарианец, по крайней мере теоретически.

Л. Н.: Шопенгауэр пишет о христианстве, как о противоположном церковности. Он сам не христианин.

Томпсон спрашивал о Ницше.

Л. Н. повторил, что̀ раньше уже говорил о нем. Нового для меня сказал то, что Ницше рассматривает христианство «объективно», смотрит на него, как на мечту, как на нечто неосуществимое. Далее Л. Н. сказал:

— Я поместил в «Круг чтения» изречения из посмертного трактата Ницше «Антихрист», превосходное. Нашел у Мережковского. Только мне кто-то сказал, что он это взял у меня, да и я нахожу свои мысли.

За обедом речь о письмах. О Меньшикове, который прислал письмо и телеграмму. Спрашивает, может ли приехать. Л. Н. ответил: «Приезжайте. Т о л с т о й». [7]

Л. Н.: По почерку Меньшиков, Трегубов и Великанов — одного характера, немного и Страхов, Колечка Ге. Очень правдивые, хорошие. Почерков совсем похожих нет, даже в гражданском законе почерк признается за identité**** человека. Меньшикова характер и почерк скорее похожи на Великанова.

Чертков: Меньшиков гораздо даровитее Ивана Михайловича.

Оболенский: Первое время Меньшиков популяризировал мысли Льва Николаевича, мне очень помогал. Он развивал мысли Льва Николаевича.

Л. Н.: Помню, было некоторое разочарование (мое в нем).

Оболенский: Меньшиков, как и Суворин, так страстно хочет, чтобы была конституция. Конституция для конституции.

Вечером Л. Н. долго не пил чай. Ждал калачей из Тулы. Но кучер Адриан долго не возвращался, так и не дождался.

Мистер Томпсон с Чертковым уезжают в Москву. Томпсону рекомендовали посмотреть там Третьяковскую галерею, вид с колокольни Ивана

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

** излишний (*англ.*).

*** «Быть в себе», «Быть для других», «Быть в себе и для себя» (*нем.*).

**** средство опознания личности (*франц.*).

Великого, с Воробьевых гор, торговые ряды, бани. Л. Н. же советовал the slums of Moscow * на Хитровом рынке.

Чертков попросил Л. Н., чтобы сказал Томпсону, какой message** посылает друзьям в Англию.

Л. Н. сказал, что он ему говорил о двух вещах, которые важны:

— Первое: притча Христа о человеке в саду. Что жизнь есть только служение; это для меня самая важная истина в христианстве. Второе: о смерти: я ничего другого не мог узнать лучше того, что сказал Христос на кресте: «В руки твои отдаю дух мой» [8]. Больше этого никто не может ничего сказать.

Потом Чертков попросил Михаила Львовича, Марию Львовну и Александру Львовну сыграть русские песни на балалайках и гитаре. Играли великолепно. Под «Камаринскую» Л. Н., сидя за столом, притопывал.

Чертков и Томпсон уехали. Томпсон растроган. Поцеловались с Л. Н., и Томпсон хотел ему еще руку поцеловать. Томпсон оставил хорошее впечатление. Л. Н. с ним помногу и подолгу беседовал ***.

Александра Львовна сообщила о воровстве близ Тулы.

Я рассказал, что̀ читал в «Зорьке»: между 11 и 16 июля в Польше было семь нападений на поезда; отцеплены и ограблены почтовые вагоны, несколько раз пассажирские. Грабители ни разу не пойманы.

Л. Н.: Подтверждает то, что говорю в статье («Две дороги»), что не правительство охраняет подданных, а охраняет сознание [9].

Когда я простился, но оставался еще, чтобы уложить газеты, слышал, что Л. Н. говорил Александре Львовне:

— Какой хороший обычай у Душана Петровича со всеми быть на *ты*. (Как раз сегодня были у Л. Н. люди, с которыми я был на *ты*.)

1 августа. Вчера и сегодня проверял с Марией Львовной копии дневников Л. Н. В одном месте написано: «Кто имеет обязанности, имеет права. Неправда. Человек имеет только обязанности» [1].

Л. Н. имеет одну записную книжечку в кармане, а другую — в спальне, на тумбочке. В первую он записывает на прогулках и сидя на лошади. В другую записывает ночью, иногда раз пять зажигает свет и записывает.

Л. Н. поехал в Ясенки, в волостное правление, по делу вдовы [2]. Полил дождь. Софья Андреевна ужасно беспокоилась и досадовала: «Скользко, лошадь может упасть».

Л. Н. (как он это делает, когда после долгого времени с гостями, в первый вечер свободен) вышел поздно к чаю. За обедом Л. Н. о статье Столыпина в «Новом времени» от 31 июля — «В погромной полосе» — о погромах в Пензенской губернии.

Л. Н.: Столыпин пишет хорошо и смешно.

Л. Н. вспомнил и разговорился о Пензенском крае. Какой чудный был, когда он там бывал; наверно теперь уже не такой. Сосновые леса, старые сосны с длинными голыми стволами и короткими макушками. Земля черная с камешками. Та самая, которую Селянинович (богатырь) пахал сохой (по камешкам поскребывал). И народ такой селяниновичский. Глушь. Там река Сура, лучшая стерлядь [3].

Л. Н.: Сегодня разговаривал с крестьянами в волости. Говорил им о едином налоге. Как они (Столыпины, Дума, правительство) обходят это решение! Никто и не заикнется о нем.

Софья Андреевна: Мне Генри Джордж надоел.

Мария Львовна: О нем как будто неприлично стало говорить.

---

* московские трущобы (*англ.*).

** напутствие (*англ.*).

*** Хотя на второй или третий день сказал о нем: «Если не ошибаюсь, он материалист и ограничен. Мне было жаль, как мне всегда бывает при разлуке, когда уехали. Хотя Чертков скоро вернется».

Л. Н.: Они (мужики в волости) говорили, что переход земли от помещиков к крестьянам был бы выгоден казне, потому что крестьяне больше податей платили бы. Я им сказал: «Давайте введем на всю землю единую подать». Поняли, согласились.

За чаем Николай Леонидович рассказал, что Столыпин теперь энергически ловит революционеров. Революция выдохлась. Еще пять месяцев тому назад какое было настроение, а теперь?!

Л. Н.: И мое то же впечатление, что революция выдохлась [4]. Я от народа не ожидал участия. Самые страшные — городские социал-революционеры, вот какие на днях были.

Николай Леонидович: Погромы усадеб — нигде не убивали помещиков.

Л. Н. желал бы, чтобы народ не участвовал в погроме ни усадеб, ни евреев.

Николай Леонидович: Как представляешь себе ближайшее будущее, чего можно ожидать? Анархизма? Веришь, что христианский анархизм наступит?

Л. Н.: Не верю. Но «il faut attendre l'inattendu» *. Но я бы очень желал, чтобы народ не давал податей, отказывался служить, не участвовал во власти. Анархизм при земледельческой жизни возможен. В крайнем случае, чтобы народ остался такой, какой он теперь есть, чтобы не участвовал в смутах.

Николай Леонидович: Во Франции в революции участвовал народ.

Л. Н.: Хотелось бы содействовать, внушить народу, по крайней мере, чтобы он смут не делал, оставался как он есть. Если бы он держался спокойно — значило бы, что ему правительство не нужно.

Перед чаем. За круглым столом Мария Львовна, Николай Леонидович.

Л. Н.(к Марии Львовне): Наверно долго не проживу. Думаю: как это будете жить без меня...

Кто-то на днях рассказал Л. Н., что великий князь Алексей Александрович в клубе не подал руки Долгорукову за то, что тот был в Париже против займа русскому правительству. Л. Н. вспомнил это и сказал:

— Мне теперь, в 80 лет, становится ясно, что самоуверенность, гордость — пропорциональны низменности и растут в обратно квадратном отношении с отсутствием достоинства. Хорошо об этом в дневнике: человек должен быть прав перед собой, чтобы мог жить [5]. Человек, у которого духовной жизни нет, всегда прав. Алексей Александрович давно забыл это. Он воровал — а горд, самоуверен. У кого же есть духовная жизнь, тот, когда подло поступает, сознает свой грех, но ему есть на что опираться.

Л. Н. был не совсем здоров, жевал крупу, пил один чай с лимоном.

2 августа. Теплый день с ливнем. Приятное купанье. Была Мария Александровна. После обеда на веранде.

Л. Н.: Смотрю на Шарика, как на отдельную личность, а это мы соединяем совокупность свойств, породу. Что нам представляется, как ум у собаки, с их (собачьей) точки зрения — совсем не ум: например, привязанность к человеку, а может быть, подлость. У собак главное чувство различия — обоняние, как у нас — зрение.

Л. Н.: Читал Менделеева «К познанию России». Данные интересны, но рассуждения плохие. Читал место, где ничего нельзя понять. Валяет с плеча; никакой обработки, чтобы мысль была ясно выражена. Я знаю, какой это труд — выражаться ясно. «Je suis orfèvre» (Molière) [1].

---

* «надо ожидать неожиданного» (*франц.*).

В. Г. ЧЕРТКОВ, А. Л. ТОЛСТАЯ, М. Л. ТОЛСТОЙ, Н. Л. ОБОЛЕНСКИЙ И НЕУСТАНОВЛЕННОЕ ЛИЦО

Пирогово, 7—10 августа 1906 г.

Фотография В. Г. Черткова

«Пополудни в 4 Л. Н., Александра Львовна, Чертков и я уехали в Пирогово на два-три дня». — Запись от 7 августа 1906 г.

Л. Н.: В «Круге чтения» на сегодня: «Мудрые не бывают учены. Ученые не бывают мудрыми (Лао-тзе)» [2]. Подходит к нему (Менделееву).

Потом дал читать Лебрену вслух две-три страницы, где Менделеев делает различие между работой и трудом. Определение работы — что она физическая, материальная. Земледелие, очевидно, считает работой. Труд ученых — трудом.

Лебрен: Здесь проглядывает оправдание высокого жалования профессоров.

Л. Н.: Какая чепуха!

Взял книгу «К познанию России», ушел с нею к себе и опять, в 10.45 вернувшись к чаю, дал прочесть очень неясное место об определении центра населенности России. Л. Н. не понял его. Центр популяции — теперь в Моршанске — подвигается на юго-восток. Географический центр — в Енисейской области.

Николай Леонидович: У Менделеева — стремление на восток...

Л. Н.: Главное: объяснить (оправдать) то, что есть... старое. Явная закваска гегельянства.

Л. Н. спорил с горячностью:

— Он и меня вспоминает. Я хотел ему написать. Идеал его — размножаться; а чтобы можно было прокормиться — заводить промышленность и добывать пищу фабричным путем. Земледелие второстепенное [3].

Николай Леонидович заступался за Менделеева, говорил:

— Размножение желательно. Семейное счастье — побольше детей иметь.

Л. Н.: Идеал не есть размножение (у кроликов — да), а совершенствование. Идеал — целомудрие. Франциск Ассизский, Иисус, Мария Александровна не женились...

А. Л. ТОЛСТАЯ, М. Л. ТОЛСТОЙ И М. Л. ОБОЛЕНСКАЯ
Пирогово, 7—10 августа 1906 г.
Фотография В. Г. Черткова

Николай Леонидович: Счастливы матери, семьи, где много детей.

Л. Н.: Не счастье, и не горе, что они есть. Счастье — не число детей, а качество их. Это и история показывает, что более плодятся невоздержанные, безнравственные народы.

Николай Леонидович: Нет, более нравственные, славяне.

Л. Н.: Киргизы больше плодятся, только у них больше детей умирает.

Я спросил Л. Н. о Гегеле.

Л. Н.: Гегельянство — оправдание того, что есть. «Alles was besteht, ist vernünftig»*. А лучшее в мире — государство. А прусское — самое лучшее.

Я сказал Марии Львовне:

— Мольер — самый милый из французских писателей.

Л. Н.: Мольер хорош.

Оболенские завтра уезжают.

Когда говорили о Zweikindersystem **, Софья Андреевна вставила:

— Модная Garkeinkindersystem ***.

Л. Н.: Ты говоришь о пороке (а не о воздержании).

3 августа. Утром уехали Оболенские. Остались: Л. Н., Софья Андреевна, Александра Львовна и Лебрен. Вечером уехал Лебрен к Булыгиным. За обедом были Гольденвейзеры.

Л. Н.: Приятное не бывает правдивым, правдивое — приятным [1].

Л. Н. говорил с Гольденвейзером о каком-то концерте Н. Г. Рубинштейна, который играл композиции своего брата.

— Были плохие. Мне непосредственное чувство подсказывало [2]. Музыканты этого не замечают (слабых сторон композиции). Они теряются в подробностях — как преодолеть трудности,— сказал Л. Н.

---

* «Все существующее разумно» (*нем.*).
** системе «два ребенка в семье» (*нем.*).
*** система «ни одного ребенка в семье» (*нем.*).

Гольденвейзер: Скоро вернусь в Москву, начнутся волнующие разговоры.

Л. Н.: Да, задорные разговоры. Сегодня читал «Новое время»: едет поезд к Кунавину (Нижний Новгород) и останавливается. Молодые люди, застрелив переодетого городового и жандарма, соскакивают [3]. Другое: Орленев, директор труппы, пишет сам в «Новом времени», как во время пожара в Сызрани (Софья Андреевна вставила: «Сгорело 190 человек») с труппой убежал, вытащив некоторые вещи, в поле. Там одна старуха сказала: «Вот они, поджигатели!» Тут же ехала пожарная команда. Из нее голоса: «Бей их!», и избили их. Остались лежать; одна старуха напоила их»...[4] Тут интересно то, что решение бить исходило от дисциплинированных государством людей.

Л. Н.: Читал новый «World's Advance Thought». Это номер слабый; потом — «Review of Reviews», и как всегда, очень тяжелое впечатление. Множество кратких статей, «комбинаций», Россия и Англия — в Азии... Читал, что Англия имеет три миллиона войска. Другой восхваляет, что настоящие люди были дерзкие, смелые: Кромвель, Наполеон, Бисмарк. Это беспринципность, глупость этого мира, так что и стыда нет никакого; все в этом роде [5].

Л. Н.: Герцен в своем мировоззрении отдал дань времени: признание права этого выгодного положения — и образовательного и денежного.

Я спросил Л. Н., сказал ли он на днях, что Герцен имел деморализующее влияние,— мне так показалось. Л. Н. не помнил, чтобы это говорил, и сказал:

— Наоборот, я всегда говорил, что если бы Герцен действовал в России, он вел бы, шли бы за ним, а не за Чернышевским, Михайловским. Он совершил круг через гегельянство, революционерство и возвратился к народу, к нравственным требованиям [6].

Гольденвейзер по привычке долго осаждал Л. Н. В 9.30, когда я вернулся, сидел у него в кабинете, разговаривая, и продолжал до 11.30. Вероятно, и между 7 и 9.30 большую часть времени с ним провел. Л. Н. мил, деликатен. Гольденвейзер не замечает, что это любезность со стороны Л. Н., которой не следует злоупотреблять, и не обращает внимания на то, какое драгоценное время отнимает у Л. Н.

4 августа. За обедом: Л. Н., Софья Андреевна, Лебрен и я. Сегодня у Звегинцевой пять тифозных больных.

Л. Н. рассказал, кто сегодня был: фабричные безработные с патронного завода; банковый чиновник — рассказал, что читал сочинения Л. Н. во «Всемирном вестнике», заинтересовался; после того читал у Геккеля, что «ни бога нет, ни души нет, ни нравственности», поколебался. Рассказывал, что в Михайлове возмущение среди купцов, газеты всех прямо мутят. Был фельдшер; просил, чтобы Л. Н. нашел ему место.

Софья Андреевна: Я ведь говорю, что, если бы я была царем, я запретила бы все газеты (кроме «Правительственного вестника») и водку *.

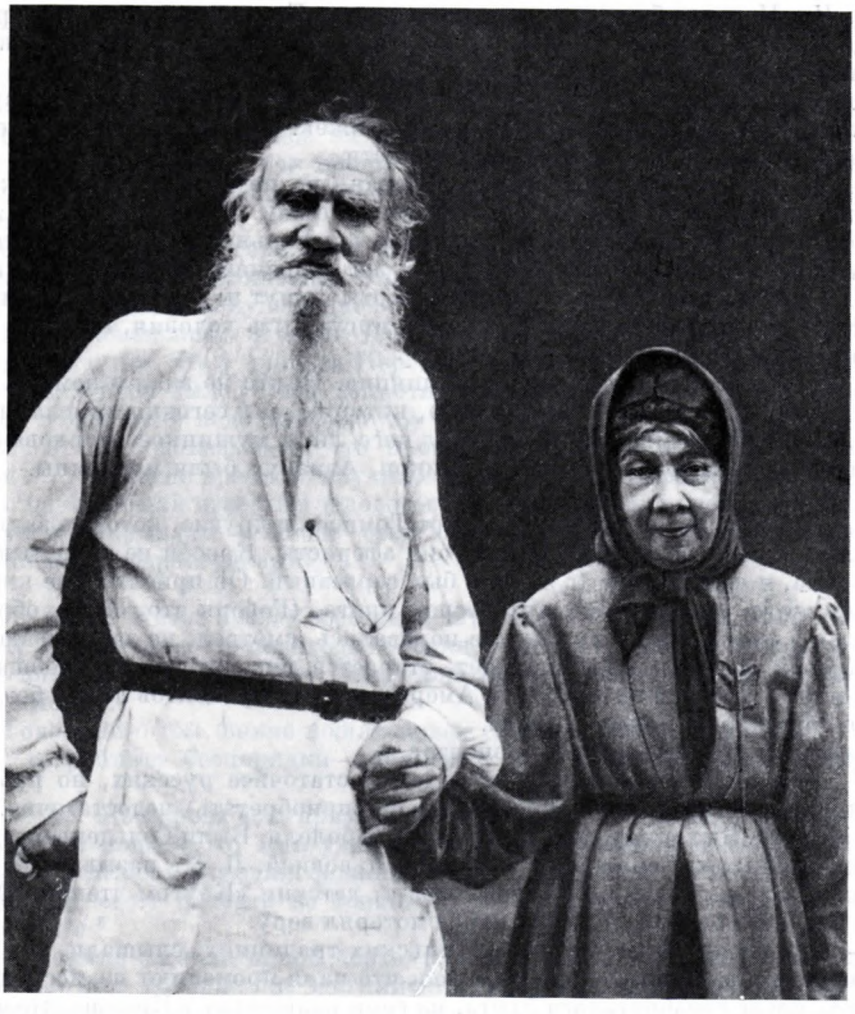
Л. Н.: Мясоедение такое же ненужное, как нюхание, курение табаку, и противное.

Лебрен и я подтвердили.

Л. Н.: До недавнего времени наука стояла за мясо. Это образец самоуверенности науки. Только лет 20 тому назад признала вегетарианство.

---

* Насколько мне известно, подобное запрещение (водки) уже было в конце войны в Маньчжурии. Пьянство строжайше преследовалось Линевичем, но не прекратилось.



ТОЛСТОЙ С ВДОВОЙ БРАТА СЕРГЕЯ НИКОЛАЕВИЧА — М. М. ТОЛСТОЙ
Пирогово, 7—10 августа 1906 г.
Фотография В. Г. Черткова
«Л. Н. съездил на Делире в Большое Пирогово... Свиделся с Марией Михайловной, вдовой Сергея Николаевича». — Запись от 9 августа 1906 г.

Л. Н.: Кросби мне пишет — его поразило, что в Думе о Генри Джордже никто не заикнулся [1].

Л. Н.: Книга Менделеева «К познанию России» очень интересна с разных сторон — данные. Но рассуждения его неосновательны.

Речь о Столыпиных — министре и сотруднике «Нового времени». Как министр Столыпин может оставаться министром: он ведь косвенно убийца. Л. Н. знал их отца. Правдивый человек был. Писал о военных делах большое сочинение и, придя к убеждению, что военное дело безнравственно, сжег это сочинение [2].

Л. Н.: Великанов мне пишет и присылает для «Круга чтения» цитату из Златоуста о присяге; постараюсь поместить [3]. Златоуст — он ведь оратор. Ориген, Тертуллиан допускали военную службу. Этот (Златоуст) против нехристиан.

Чертков: Об этом говорит Даймонд [4].

Л. Н.: Недавно был здесь корреспондент из Берлина, его поразила развращенность в России; на пристанях Волги продают порнографические картинки и покупают их обильно.

Софья Андреевна: Кони отстаивал в каком-то комитете, чтобы цензура осталась для неприличных картин и книжек. Все были против него, возражая, что свобода выше нравственности.

Л. Н.: Сегодня был здесь юноша оборванный, питается яблоками, картофелем, поэт. Был у Горького, рассказывал о нем. Я ему сказал, что желал бы быть ⟨скорей⟩ им («вы здоровы»), чем Горьким,— раздраженным, ницшеанцем. Принес стихи, недурные, на современные революционные темы. Я сказал ему: «Живем вечным, поэты пишут на вечные темы, увлекаться теперешними не надо. Какие это могут быть условия, которые могут заменить вечную жизнь?»

Л. Н. спросил о покушении на Аникина. Никто не знал о нем. Л. Н. читал мимоходом в «Киевской газете», которую ему сегодня прислали.

Л. Н.: Аникин мне симпатичен, у него лицо мужицкое, мордовское. Мордвины отличаются упорством: Никон, Аввакум были мордвины.

Л. Н.: Сколько англичан знаю, вот Томпсон и другие, которые заняты смыслом жизни, а американцы — они аферисты. Кросби не захватывает эта волна, и еще Hunter (с женой) был серьезный. Он прислал мне книгу «On Poverty» — серьезная, интересная книга. (Говоря это, Л. Н. оборачивался в мою сторону и, как мне показалось, смотрел, не записываю ли я.) Кросби всегда о многом пишет, старается мне интересное сообщать. Hunter жил с женой в slums *. В Америке десять процентов людей без достаточного крова, пищи, одежды.

Чертков: В Англии пять процентов.

Л. Н.: Они (американские рабочие), достаточнее русских, но работа там такая, что этой пищи (которую могут приобретать) недостаточно.

5 августа. Был при родах, вечером глаза болели. Были Гольденвейзеры, приехали Михаил Сергеевич с Татьяной Львовной. Л. Н. называет «Круг чтения», который теперь перерабатывает, детским «Кругом чтения». Михаил Сергеевич рассказал, как народ потерял веру:

— Мы, воспитанные в славянофильских традициях, слышали, что народ за бога и за царя. Я в Думе видел, что царя променяют на десятину. Теперь, после свеаборгского бунта, из семи казненных в Кронштадте матросов только один пожелал священника, шесть — нет, а из этих — один перед расстрелом запел легкомысленную песню. Этого солдата в какие-нибудь две-три недели студент распропагандировал. Какая же тут религиозная основа!

Л. Н.: Это шатающиеся, сами не имеющие нравственности, а присоединяющиеся к другим; таких большинство. Народ жил (духовно) жизнью саровских ⟨отшельников⟩. Когда начались рационалистические требования (и у образованных и у народа) и власть видела, что православие нужно ей, и начала требовать силой соблюдения внешнего (обрядов), тогда вера пошатнулась. Разрушители не Геккели, а Победоносцевы.

Михаил Сергеевич рассказывал закулисные подробности о Думе.

Л. Н.: Александр Александрович Стахович спокойно относится к совершающемуся. Переводит конные заводы («Не могу конюхам платить 25 рублей, когда лошадей продаю по 500»). Политикой не занимается. Одному моему знакомому, новосильскому помещику, советовал бы так же относиться к политике.

Шла речь о том, как сестре И. А. Беневского разорвало кисть руки и оторвало три пальца бомбой [1]; как дочь генерала Принца, родственница

---

* трущобах (*англ.*).

Каульбарса, несла бомбу, чтобы его убить, и покончила самоубийством [2]; как в Варшаве в один день убили 28 городовых [3].

Л. Н.: Что мы спокойно живем, чай покупаем,— это не оттого, что есть правительство, жандармы,— это лишнее, а от того, что есть общественное мнение, основанное на известной общественной нравственности. Когда оно нарушится, как теперь, тогда никакое правительство (никакая внешняя сила) не может обеспечить спокойную жизнь, как это видим теперь.

Софья Андреевна говорила, что Четвериковы вырубили деревья около дома, чтобы было безопаснее. Власти даже того сделать не могут, чтобы там не прятались покушающиеся.

Преображенский, студент Духовной академии, прислал Л. Н. диссертацию о том, что у пророка Иеремии есть места, доказывающие, что и в «Ветхом завете» было учение непротивления злу; есть там слова: «Ударившему тебя в щеку подставь другую» [4].

Л. Н.: Это доказывает, что прогресс состоит в очищении истин от слоя.....* (в наше время и научных засорений) и что вечные истины с самого начала были известны человечеству. Раньше были очевиднее (раньше их легче открывали — жизнь была простая; теперь они загромождены и научными предрассудками).

Л. Н.: В Китае (было) восстание тайпинов [5]. Причиной были миссионеры. В христианство переходят босяки, воры из-за денег или чтобы быть под покровительством; тем самым они подчиняются закону той страны, чья миссия.

Говорили о том, какие пошли новые слова в народе: «оратель» — оратор; «ограбные» беспорядки — аграрные; «хулиганы» — забастовщики и т. д.

Л. Н.: Из народа есть пример: телятинский сапожник, ⟨который⟩ «по древности пошел», то есть увидел, что цель жизни — не сапоги другим тачать, а любовь к людям, искание бога, сохранение связи с ним. (Когда спросили его:) «Смерти не боишься?» — (он ответил): «Разве я от Него отрекся?» [6]

Говорили о характерной черте русских крестьян — сообразительности. Чертков говорил об английских рабочих, что у них нет смысла, цели работы (сообразительности), что знают только специальную часть работы: копать и т. п. Русским можно все поручить и положиться на них.

Иосиф Константинович: Но сделают не так, как нужно, а когда им скажешь, что не так сделано, ответят: «Ну, это можно переделать»,— с потерянным временем не считаются.

При этом разговоре Л. Н. рассказал такой анекдот: у N. N. (Л. Н. назвал его) был управляющий-немец. Он различал двоякие мосты: романтические (из хвороста, соломы) и классические (каменные). И решил построить везде каменные — классические. Собрал и спросил стариков, до какой высоты поднимается вода, и построил выше показанного уровня на аршин. Вешние воды снесли мост. «Что вы мне показали?!» — сказал крестьянам. Ответили: «Еще такая ли вода бывает!»

6 августа **. Л. Н. смеялся над тем, что суд нашел, что самое составление «Выборгского воззвания» не составляет преступления, а только его распространение.

М. В. Булыгин: Закон — что дышло, куда ни поверни, все вышло.

Говорили о программах политических партий. На какой-то вопрос Л. Н. ответил:

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

** Записано по заметкам 15 сентября 1906 г.

— Программа у меня одна: чтобы протянуть ноги и нос кверху повернуть.

Л. Н. говорил, что читал английскую брошюру, в которой автор сравнивает русскую революцию с французской и говорит, что опасна для России не столько реакция, сколько анархия, и советует либеральный деспотизм. Сколько презрения у американцев к русскому народу! — сказал еще Л. Н. — Они зовут его «rotten» *.

Л. Н.: Дума сблизила господ с крестьянами.

Л. Н. читал вслух присланное ему Великановым место из Иоанна Златоуста: проповедь к приводящим и приводимым к присяге, которую решил включить в «Круг чтения» **.

7 августа. Пополудни в 4 Л. Н., Александра Львовна, Чертков и я уехали в Пирогово на два-три дня. Прибыли туда в 8 часов вечера. Л. Н. со вчерашнего дня не совсем здоров. Сегодня много поработал. Выехал на Делире и проехал на нем первые семь верст. В Мостовой зашел к вдове, живущей со своими детьми и с малолетними детьми от умершей сестры. Л. Н. записал себе в книжку для меня, чтобы попросить губернатора помочь ей из каких-то общественных фондов, т. к. она в исключительных обстоятельствах. (Л. Н. ему, наверно, теперь напишет, делая все, и самые маленькие дела, добросовестно и доводя до конца.) Баба позвала его в избу, чтобы посмотрел провалившийся потолок. В Мостовой сел в экипаж и почти до Иконских выселок ехал так. От Иконских выселок Л. Н. ехал опять верхом.

Когда он вечером у Оболенских рассказывал про эту бабу в Мостовой, а Мария Львовна затем рассказала о снявшем их сад богородицком садовнике-мещанине, не дающем нищей яблок, не платящем аренду, просящем на коленях ее уменьшения, Л. Н. сказал: «Не надо было уменьшать». — Л. Н. не дал студенту-озорнику, жившему в Ясной Поляне и просившему три рубля; когда пришли просить на погорелые места мужики не погорелые, а Николай Леонидович им дал по несколько гривенников, видя, что неправду говорят, Л. Н. сказал: «Я бы не дал». Здоровым, хорошо одетым просителям тоже не дает; он это может, потому что старается узнать и знает, где настоящая нужда, и там дает.

Л. Н. хочет в Пирогове докончить «Две дороги» [1]. Вечером чувствовал большую слабость. О том, что собирался делать завтра, говорил с оговоркой: «Если буду жив», — два раза так выразился.

Вечером приятный разговор единомышленников, не прерываемый противоречащими вставками Софьи Андреевны, совсем противоположно думающей и постоянно невоздержанной в выражении своего несогласия во всех беседах и разговорах Л. Н. Иногда при Л. Н. о нем самом говорит не соответствующее правде, высказывает свои мысли, приписывая их Л. Н., а т. к. Л. Н. не опровергает ее, то посторонние принимают это за правду и в корреспонденциях распространяют. Надо будет близким Л. Н. разоблачать и восстановлять истину.

Л. Н. ушел раньше обыкновенного. Разговор о нем. Владимир Григорьевич говорил, что Л. Н. переживет нас всех при его духовном и телесном складе и образе жизни. Дальше говорил, что Л. Н. женился на Софье Андреевне с одним пониманием жизни, теперь у него другое. У Софьи Андреевны же осталось ее старое.

8 августа. Л. Н. спал без просыпу, по крайней мере, ему так казалось. Утром сошлись в парке, перед домом, около столика. Л. Н. разговаривал с Николаем Леонидовичем и Чертковым; говорил о том, насколько лучше, способнее, умнее «нас» простые люди. Владимир Григорьевич спрашивал

---

* «испорченный» (*англ.*).

** Она туда не попала, потому что «Круг чтения» уже был отпечатан.

об этой усадьбе. Л. Н. вспомнил, что он выбирал место для нее, гулял здесь, увидел ключ и посоветовал тут посадить деревья, сделать аллеи. Ему было тогда 18 лет. Происходил дележ Пирогова между братом Сергеем Николаевичем и сестрой Марией Николаевной [1]. После многих лет зять Валерьян Петрович построил тут дом. Л. Н. говорил, что, когда стар становишься, видишь огромный круговорот внешней жизни и какую ты маленькую роль играешь в нем.

Л. Н. не завтракал с нами, а пошел завтракать к себе в комнату во втором этаже, из желания сэкономить время и не менять привычку. Мы, сидящие перед домом в соснах, особенно Чертков, стали тише говорить, чтобы не мешать Л. Н. работать. Николай Леонидович угомонял собак, лаявших на дроздов (в кроне деревьев). Пришли Мария Львовна и Александра Львовна. Чертков завел разговор о сочинениях Л. Н., заявив, что они — и дневники, и все написанное после известного дня 1881 г.,— должны стать достоянием всего человечества. Говорил о своем разговоре с Софьей Андреевной, которая желала бы непечатанное при жизни Л. Н.: дневники, сочинение о Петре *, о дьяволе **, «Труп» и т. д., исключить [2]. Кони ей говорил, что юридически это возможно отстоять наследникам. Чертков сказал:

— Я подыму голос от имени человечества, чтобы было по желанию Льва Николаевича. Конечно, правовой точки зрения в этом вопросе для нас нет.

Мария Львовна, Александра Львовна, Николай Леонидович согласились с ним. Из детей Л. Н. — дочери придерживаются убеждений отца.

Андрей Львович, который был при споре Владимира Григорьевича с Софьей Андреевной, говорил под влиянием минутного настроения, что он не будет против (хотя он не любит Черткова). Во время болезни в Крыму он своим участием был из сыновей самый близкий Л. Н.

Мария Львовна рассказывала Черткову и мне о споре Софьи Андреевны с Андреем Львовичем и сказала:

— Ведь Андрюша особенный человек.

Л. Н. (*ей*): Софья Андреевна тоже особенный человек и Таня. Только ты не особенный человек и я не особенный человек. Надо со всеми людьми обращаться с терпением, как с особенными людьми.

9 августа. Л. Н. съездил на Делире в Большое Пирогово, пробыл там с 2 до 4. Свиделся с Марией Михайловной, вдовой Сергея Николаевича, и Верой Сергеевной. Там же застал сестру свою Марию Николаевну с Варварой Валерьяновной. Утром и пополудни проверяли «Фальшивый купон», соответствующий «Карме» [1]. Александра Львовна сказала, что это ее самое любимое сочинение; чтобы его докончить, надо три года работать.

С 7 до 9, за обедом и после, Л. Н. беседовал с Чертковым и Оболенским. Чертков сказал, что скоро выйдет статья о Шекспире [2].

Л. Н. после некоторого молчания:

— Как это толпа любит глупое и слабое! Мне в 80 лет этому нечего удивляться. Гегель какой имел успех.

Л. Н.: Герцен — о Бакунине не говорю, его мало ценю,— но Герцен в молодые годы был под влиянием Гегеля. Под старость освободился от него. Герцен и другие — кружок Станкевича — споря со славянофилами, чтобы изучить их диалектику, изучали Гегеля.

Мария Львовна: Льву Николаевичу обстановка в Гаспре была очень тяжела, страдал от нее.— Вспоминала, как Л. Н. получил письмо от истопника в Гаспре с упреками, и был очень тронут им [3]. Как люди ждали Л. Н., воображали себе, какой он будет простой, а приехал барин, служили ему.

---

* о нем знает Чертков.

** о нем знает Мария Львовна.

10 августа. Л. Н. встал в 8.15 и попросил виши́, как и вчера и третьего дня. Кончил «Две дороги». Читал Анатоля Франса...

Л. Н. (*мне*): То, что вы мне дали читать, Гоустон Стюарт Чамберлен «Был ли Иисус евреем по племени» [1] и Анатоль Франс [2], дополняют друг друга. Павловское христианство другое, чем Христово, крикливое, подчиняется (подделывается к) власти.

Л. Н. ездил к Марии Михайловне и к Марии Николаевне. Пополудни приехал Михаил Львович, живущий в восьми верстах, со студентом Лопухиным. Л. Н. желает еще раз приехать к Оболенским, чтобы видеть Марию Николаевну. Она в этом году не собирается в Ясную — вероятно, не получив благословения отца Иосифа. Назад ехали: Александра Львовна на Делире, Л. Н., Владимир Григорьевич, я — в коляске. Владимир Григорьевич задавал Л. Н. вопросы о метафизике. Л. Н. отвечал охотно, спокойно и обстоятельно. Владимир Григорьевич говорил о молодых друзьях — Сутковом, Фельтене, А. П. Сергеенко, Лебрене: все серьезные; готовые на все; говорят, что между молодыми есть единомышленники.

Л. Н. с ним соглашался. О Лебрене сказал:

— Он умный, спокойный, твердо убежденный.

Чертков говорил о том, что ему тяжело было, когда Л. Н. не согласился на смягчение мест (осуждений) в статье «К революционерам» («Обращение к русским людям, к правительству, революционерам и народу») и что теперь согласился.

Л. Н.: Увлечение прошло (горячность), спокойнее гляжу на них.

Владимир Григорьевич советовал Л. Н. писать о революционерах так, чтобы вместо увлеченности слышно было сожаление к ним; писать, как молитву. Это подействует, как в «Еще трех смертях», колебание генерала при подписании смертного приговора.

Л. Н.: Об этом мне писала Татьяна Андреевна [3].

Л. Н.: Теперь у меня мысль (мало сказано), сильно осознанное руководство жизни: что я здесь для служения богу, и когда так думаю, то чувствую, что все люди занимают места, какие следует им занимать. Революционеры... К людям я стал менее требователен. И в католичестве, и в протестантстве, и в православии — бисер в разных оболочках. Марии Николаевне где же понимать метафизику! Ей это так же нельзя, как ребенку поднять десять пудов.

Л. Н. говорил Черткову, какие письма получает. Между прочим сказал:

— В последнее время многие просят книг, и мне приятно им посылать их.

(С тех пор, как Лебрен исполняет секретарские обязанности вместо уехавшей на воды Юлии Ивановны, на почтовые расходы для корреспонденции Л. Н. не просит у неохотно дающей Софьи Андреевны, а дает Александра Львовна.)

Чертков Александре Львовне, когда ехали из Пирогова, говорил, что надеется, что она не хочет жить и умереть со средствами.

Чертков всё недоразумения выяснял; хочет, чтобы все было ясно между Л. Н. и им.

Вернулись в Ясную Поляну.

11 августа. До полудня приехал Меньшиков. Л. Н. с ним на веранде в час дня.

Л. Н.: Баба, молящаяся богородице, выше Геккелей. Она стремится к лучшему.

Меньшиков: Как выше? Геккель ищет.

Л. Н.: Он лишен религиозного чувства. Он, как это сказал N.N., как ночная птица, видит в темноте, а как выйдет на солнце — не видит. Осо-

бенно дерзким стало суждение — что раньше казалось вне компетенции, то теперь смело обсуждают: и бога, и Евангелие,— а это происходит от недостатка образования. Материализм приводит к скептицизму. Анатоль Франс признает высшими raison et science *.

Л. Н.: Революция — я ничего не знаю — может усиливаться потому, что присоединяются все новые слои молодежи к ней. А быть черносотенцем или быть обруганным (названным) черносотенцем считается стыдом; стало быть, общественное мнение противуправительственное.

Пополудни в 4.30 на террасе Л. Н. с Меньшиковым; присутствовали Иосиф Константинович и я.

Л. Н.: Читали вы книгу Менделеева «К познанию России»?

Меньшиков: Еще нет. Какая она?

Л. Н. немного замялся:

— Довольно глупая... Остроумие, красноречие, ученость делают человека самоуверенным; думает, ему все сойдет. Мой брат был юморист, мог рассказывать про все с успехом и серьезные вопросы шутливо подавал. Так и Менделеев с плеча валяет. Его идеал — размножение жителей России и добывание им пищи промышленным образом.

Л. Н.: Признается наукой дребедень, а настоящая наука — религиозное миросозерцание — не признается наукой. Сведения — не наука.

Меньшиков: Ведь научные люди искренно жертвуют жизнью для науки.

Л. Н.: Жертвуют — нельзя сказать. ⟨Для?⟩ Шарко — слава, деньги. Одному — биллиард, другому — наука: должен ведь как-нибудь проводить досуг.

Меньшиков сказал что-то про метод в науке.

Л. Н.: Как в химии Бертело, Менделеев учат одному, так Лао-тзе, Будда, Конфуций, Христос учат одному — закону жизни.

Меньшиков: Я читал «Буддийские сутты» [1]; ведь буддизм учит истреблению бытия и истреблению корня бытия.

Л. Н.: Это есть отступление от буддизма, как учение об искуплении — от христианства, хотя буддисты, которые знают протестантизм, признают и думают: искупление присуще христианству.

Л. Н.: Как нельзя мужику, который на днях здесь был, изобрести в астрономии новое, то есть перевернуть астрономию, так нельзя вам перевернуть Евангелие.

Меньшиков сказал было, что, может быть, есть что-нибудь выше Евангелия.

Л. Н.: Не вы одни — целая артель ученых лишена религиозного чувства, ей недоступно религиозное миросозерцание — виновны в том, что делается теперь в России.

Спор был острый. Меньшиков перебивал и кончил словами:

— С вами нельзя спорить, простите!

Л. Н. вернулся на террасу в 6 и принес яблоки, предложил Меньшикову.

Меньшиков: Я не хотел уехать, не простившись с вами.

Л. Н. ему повторил, в чем их разногласие:

— Я говорил про самомнение ученых, что берутся решать религиозные вопросы, ⟨думают⟩, что они найдут лучшее, чем Иисус. Вы ответили, что это самомнение: утверждать, что Иисус, Будда нашли лучшее. Я: люди приняли от них, скромных учителей, чужих им людей, их учение. Вы (*мне*): что я количеством принявших христианство, буддизм людей хочу утверждать правоту христианства, буддизма.

---

* разум и науку (*франц.*).

Потом Л. Н. жалел, что погорячился, и сказал Иосифу Константиновичу и мне:

— Помешали вы и Душан Петрович. Вдвоем легче разговаривается, чем при других.

Л. Н.: Меньшиков соответственно поступил, написав об интервью Беляева со мной, что я ставлю упрек Думе, что подражает западным парламентам [2], а сам предлагаю Генри Джорджа — тоже западный проект. Это журналистская подтасовка. Я сейчас же по прочтении не спохватился. А я ведь предлагаю то, что на Западе не принято. Дума же ведет себя, как западные парламенты, которые не привели ни к чему.

Меньшиков спрашивал об Архангельском и говорил, что у него мысли и язык хороши, но жаль, что у него нет стремления проповедовать.

Л. Н.: Это хорошее свойство.— Потом рассказал, шутя, что у Архангельского жена франтиха. Архангельский начал с того, что ее бархатные шляпки употребил для переплета «В чем моя вера» и других. Изящно переписал и переплел.

Сегодня уезжает Чертков. Вечером было много народу. Пребывание здесь Черткова было очень приятно. Он не горячился, был спокойный, внимательный. Л. Н. с ним тоже не горячился, спокойно говорил.

Один из молодых друзей, ввиду того, что Чертков проводит здесь последний вечер и ему с Меньшиковым вместе неловко, велел лакею сказать Меньшикову, что лошадь ему подана. Меньшиков уехал в 9, Чертков же с Иосифом Константиновичем — в 11.

Сегодня Софья Андреевна заболела, лежала с 3 до 10 в постели, а потом на софе в столовой.

12 августа. Софья Андреевна еще больна, нет гостей, кроме Надежды Павловны.

Л. Н. о новом альбоме Холарека «Война», появившемся в издании «Свободного слова» в Англии [1]:

— Это бесполезно, оставляет холодным. Это такой трюизм, что война — зло. Военный дух держится не на разуме, а на внушении. Внушение это может быть разрушено только обратным внушением или религиозным чувством.

За обедом Л. Н. вспоминал, что ни Меньшиков, ни Л. И. Веселитская-Микулич не имеют «Круга чтения».

— Надо мной, наверно, будут смеяться, что я наряду с большими преступлениями — с убийством, войной — ставлю мясоедение,— сказал Л. Н. — Есть дикие люди (американцы, немцы), которые ничего не слыхали о вегетарианстве.

После обеда я смотрел «Новое время». Л. Н. спросил, что нового.

— С 3 ноября 1905 года по 5 августа 1906 года Крестьянским банком продано крестьянам 1 миллион 760 тысяч десятин и предложено банку 6 миллионов десятин [2].

Л. Н.: Все это обхождение вопроса. Все это паллиативные меры. Они дорого обойдутся, а не приведут к успокоению народа. Все не будет достаточно земли, все будет казаться, что ее у помещика больше, пока не заведут справедливого отношения к земле.

Софья Андреевна стала утверждать, что покупка земли через банк — прекрасное средство. Л. Н. потихоньку вышел из залы.

В 11 часов вечера Л. Н. пришел искать статью о Геккеле в июльской книжке какого-то переименовавшегося русского журнала [3]. И, увидев новую книжку «Исторического вестника», взял и ее. Он всегда читает «Исторический вестник».

13 августа. Воскресенье. Дома: Л. Н., Софья Андреевна, Александра Львовна, Лебрен, гостит Н. П. Иванова. Софья Андреевна жалуется на боли в животе, но играет на фортепьяно, варит варенье. Приходили два

ТОЛСТОЙ
Ясная Поляна, 20 августа 1906 г.
Набросок (карандаш)
М. В. Нестерова
«Пополудни приехали М. С. Сухотин, художник Нестеров». — Запись от 20 августа 1906 г.

молодых фабричных рабочих, ярые революционеры, участвовавшие в боевой дружине.

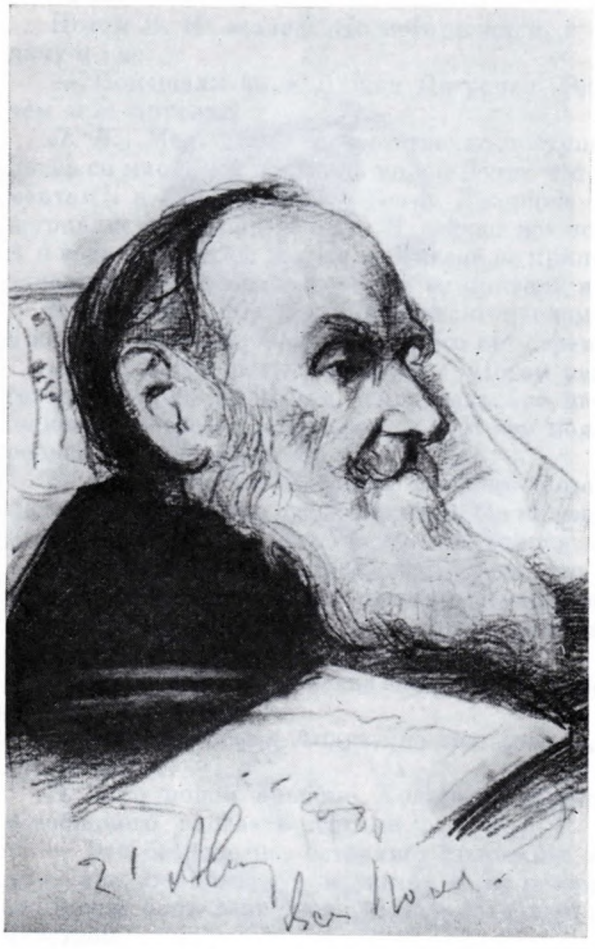
За обедом вспоминали, что садовник, снимающий сад, Кочергин, рассчитал сторожа, певшего «Марсельезу», и призвал урядника составлять протокол. Урядник отговорил Кочергина от этого. Л. Н. по поводу этого и разговора утром с двумя революционерами-босяками сказал:

— Молодые люди говорят не хуже того, что пишут газеты. Мне было полезно с ними поговорить. Мне сегодня стало ясно, что правительству надо уступить всем требованиям революционеров. Сейчас созвать новую Думу. Хуже теперешнего положения дел не будет. Теперь правительство в роли опекуна, мешающего взволнованному народу. Тогда сейчас же выделится новое правительство из их среды, революционеров. Правительство тем спасет себя — неизвестно, к чему приведет революция,— освободится от греха, очистится.

Л. Н.: Был в Овсянникове, видел Никифорова.

Лебрен: Он революционер?

Л. Н.: Его взгляды ближе к христианству. Он женат на Засулич, сестре Веры. Один сын — революционер сжег себя в тюрьме, другого повесили, третий на каторге (?) в Якутской области [1]. Муж третьей сестры (Засулич) Успенский повесился в тюрьме в Иркутске (?). Мне про него



ТОЛСТОЙ
Ясная Поляна, 21 августа 1906 г.
Рисунок (карандаш) М. В. Нестерова

рассказывал N.N., и я использовал это в «Божеском и человеческом». Повесился после разговора с молодыми революционерами. Старые были идейные [2].

Лебрен: Вы в один день сегодня с десяти до трех прочли корректуру «Круга чтения» (в листах с 439 страницы до 605, до конца) и сделали большие поправки. А мне понадобилось два дня, чтобы перенести из прежней вашей корректуры (в гранках были тоже очень большие поправки [3]). Вот работоспособность молодого поколения!

(Из сегодняшней корректуры надо было переписать на ремингтоне целые страницы — до такой степени были переработаны Л. Н.).

Л. Н. (*мне, встретив меня в библиотеке*): Никифоров дал мне книжку о земле и сказал: «Лучше Генри Джорджа». Но она — фантазия. Хочет единый налог и распределение земли по равным участкам. Как же поделить на равные участки? Некоторые крестьянские общества приобрели много земли, а другие мало.

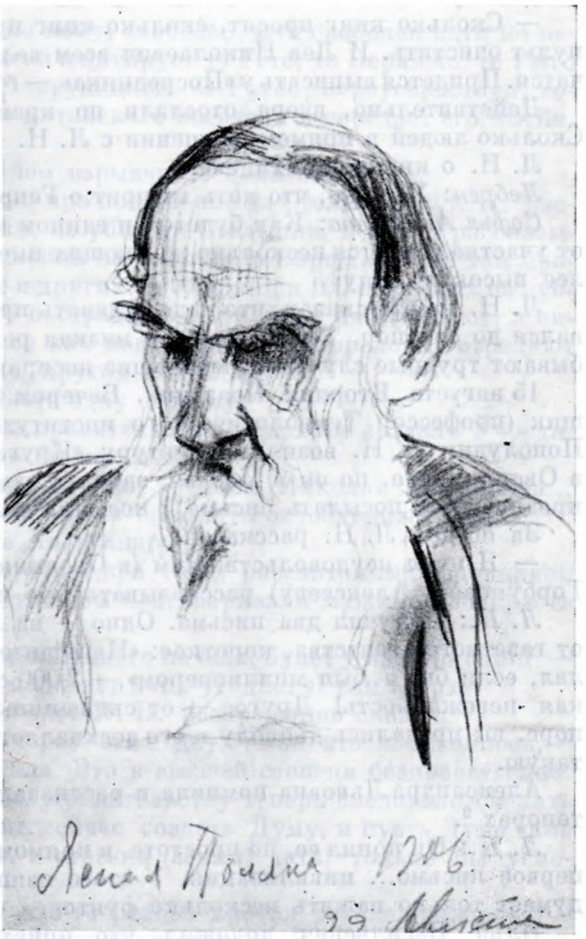
Книжка, о которой Л. Н. говорил,— «Право на землю» П. Вихляева [4].

Л. Н. искал сегодня газеты, читал «Новое время» и «Русские ведомости».

Александра Львовна спросила отца, переписать ли «Две дороги» совсем начисто или только дополнения.

Л. Н.: Начисто. Буду поправлять только одну главу. Ее можно опять начисто переписать. Семнадцатую главу пропусти.

ТОЛСТОЙ
Ясная Поляна. 22 августа 1906 г.
Рисунок (карандаш)
М. В. Нестерова
«Нестеров изучает внешность Л. Н. для какой-то картины — группы».— Запись от 22 августа 1906 г.



Л. Н. отдал мне кипу книг: одни положить обратно в библиотеку, другие, новые, вписать в каталоги. Между книгами были исторические: С. Соловьева «История России» (с отметками Л. Н.; раз вечером читал вслух об Аввакуме,— говорил мне Лебрен), о Петре, о раскольниках...

В саду не подобрано и половины яблок, гниют. Арендатор-садовник скупится на поденных, урожай необыкновенный. По этому поводу Л. Н. сказал:

— Сегодня думал, какая нелепость такой огромный сад. Фрукты гниют. Сам его садил. Следует каждой семье иметь маленький сад и за ним ходить.

14 августа. Понедельник. Приехал Андрей Львович. В московских газетах о покушении на Столыпина [1]. В приемной его дома бомбами убито 26 человек. Среди них четверо бросавших бомбы.

Утром, когда Л. Н. прочел о покушении на Столыпина, пришел в кабинет и сказал Лебрену:

— Я еще подумаю насчет этого покушения. Еще не понял ясно, что это такое.

Л. Н. поехал было гулять верхом, но пошел дождь; он вернул лошадь и пошел позже пешком.

— Какой у меня папаша несносный! Вчера переписала статью начисто, всю измарал! — сказала полушутя Александра Львовна.

— Сколько книг просят, сколько книг просят! Сегодня придется весь пульт очистить. И Лев Николаевич всем велит высылать. Скоро все кончатся. Придется выписать у «Посредника»,— говорила Александра Львовна.

Действительно, вчера отослали по крайней мере 250 экземпляров. Сколько людей в прямом сношении с Л. Н. уже через одно это.

Л. Н. о книжке Вихляева.

Лебрен: Хорошо, что хоть говорит о Генри Джордже.

Софья Андреевна: Как будет при едином налоге, когда один откажется от участка и явится несколько желающих иметь его и будут предлагать более высокую цену?

Л. Н. на это сказал, что надо отдавать предпочтение тому, кто пользовался до сих пор. Тогда слишком низкая рента. При всяком устройстве бывают трудные случаи и небольшие несправедливости.

15 августа. Вторник. Праздник. Вечером были: Джонс, соседний помещик (профессор Технологического института в Томске), Гольденвейзер. Пополудни Л. Н. возил корректуру «Круга чтения» Ивану Ивановичу в Овсянниково, но он в Москве, заболел там. Взял ее Алексеев. Л. Н. предпочитает посылать письма и посылки с оказиями.

За обедом Л. Н. рассказал:

— Я имел неудовольствие им (в Овсянникове: Марии Александровне, Горбуновой, Алексееву) рассказывать про покушение на Столыпина.

Л. Н.: Получил два письма. Одно — из Англии, красивым почерком, от газетного агентства, короткое: «Напишите нам на тему: «Что бы я делал, если бы я был миллионером»,— 2 000 слов, гонорар 3 фунта» [1]. Какая невежливость! Другое — от священника: «Читал вашу сказку о топоре, вы предались дьяволу и его восхваляете», я и не помню, писал ли я такую.

Александра Львовна помнила и рассказала ее: о золотом и серебряном топорах [2].

Л. Н.: Он понял ее, по простоте, в прямом смысле. Грубее, несомненно, первое письмо... цивилизация. У этого священника мотив честен. А тот думает только нажить несколько фунтов.

Илья Васильевич доложил, что приехал В. Н. Джонс. На лице Л. Н. появилось мгновенное выражение тягости, что приехал революционер, что придется с ним говорить, но принял его с добротой и вежливо. Расспрашивал, откуда приехал, про сына, про тех, с кем там был. Джонс говорил о Цугском озере, что там отдыхал, и стал рассказывать об удобствах западной цивилизации.

Л. Н.: Хорош мой китаец *! Как он критикует европейскую цивилизацию! Он переводчик и, вероятно, из известных писателей; ссылается на свои сочинения (на свои переводы их). ⟨Пишет⟩ о современной китайской войне; о вульгарности — хорошее определение — американской цивилизации, о законе, по которому иностранцы и христиане подчиняются законам чужих государств; о миссионерах и о том, как босяки, всякое отребье, переходят в христианское вероисповедание, и когда на этих свои нападают, это бывает casus belli **[3].

Джонс: Это у нас в Томской губернии из инородцев самые худшие — воры, разбойники принимают православие и приобретают покровительство властей. Ихние же их потом убивают, из-за этого возникают «религиозные бунты».

Л. Н.: Китаец пишет: иностранцы изумляются тому, что в китайском языке нет выражения для «свободы». Есть *Тао*, означающее путь, знание закона существования, то есть (просто) по-нашему «воля божья»; кто вы-

---

* Ku Hung-Ming.

** поводом к войне (*лат.*).

бирает этот путь и когда идет по нему, свободен, или свободен идти по нему. Беда, что он очень много читал и цитирует то Гете, то Беранже, то Гюго и так далее, il fait parade * эрудицией. О Руссо, переусердствуя, говорит, что тот читал сочинения китайского писателя и передает его мысли.

Л. Н. спросил Джонса:

— Вы химик, скажите, в чем взрывчатая сила бомб?

Джонс объяснил. Он не знал про покушение на Столыпина. Л. Н. рассказал ему. Джонс переспросил, не убит ли Столыпин, и начал рассказывать, перебивая Л. Н., о покушении на Скалона в Варшаве [4]. Он там проезжал. Там убито 39 городовых и других: двое убийц и 100 невинных из публики. И в Варшаве и в Томске пострадали не убийцы, они убегают, а окружающая публика. В Варшаве как покушение, так городовые стреляют там, где произошло покушение, кругом в публику.

Л. Н.: Вы напрасно обвиняете одну сторону.

Джонс (*перебивая*): Если бы правительство в октябре созвало Учредительное собрание, ничего этого бы не было.

Л. Н.: Причины возникали еще во времена Николая Павловича... декабристов — уже в те времена стали вызывать озлобление в людях.

Джонс: И даже во времена Александра I...

Л. Н. рассказал про двух сторожей сада, рассчитанных садовником Кочергиным потому, что они будто бы подговаривали мужиков обокрасть сад. Л. Н. с ними говорил:

— У них нет никакого сдерживающего начала; будет у них браунинг — будут стрелять; сейчас придет и скажет кому угодно: «Руки вверх».

На какое-то возражение Джонса Л. Н. раздраженно сказал:

— Мне совершенно ясно: через этих двух мне это объяснилось,— от насилия нет ничего, кроме зла. Это в высшей степени безнравственно. Нет никакой точки оправдания. Правительству теперь следовало бы дать все: и тайные прямые выборы, сейчас созвать Думу, и пусть Дума сама управится с теми «руки вверх», и отрезки (земли) дать, только бы успокоить.

Софья Андреевна вставила что-то резкое против революционеров:

— Подумайте, дочери Столыпина ноги оторвало!

Л. Н.: У них (революционеров) нет центральной организации. Спросите Милюкова — скажет: «Я не за насилие». Другой, третий так же. У правительства же есть центральная организация. Они могут остановить. Только они не видят, что подавить нельзя, 100 революционеров возьмут, а 200 новых заместят их. Подрастающее поколение — революционное: гимназисты, Ваня (слуга). Установилось общественное мнение: нельзя быть беспристрастным, — тем менее ⟨быть⟩ против революции. «Ах, ты черносотенец» (?!). Взрослый человек серьезный одолеет, не поддастся общественному мнению. Девушки, юноши поддаются. В покушениях и спорт, ухарство играет роль. Майнридство.

Джонс ратовал за конституционно-демократическую власть, но правительство не уступает, оно не хочет.

Л. Н. говорил, что Столыпину будет казаться: еще немного надавим — подавим революцию. И неудивительно.

Джонс: Он, только бы остаться у власти, готов на какую угодно программу.

Л. Н. говорил, что бывали времена, когда известному слою общества было выгодно правление насилием, тюрьмами, казнями. Этот способ для одного меньшинства целесообразен, но теперь нет этого.

Л. Н.: Подумать, кто он — бывший вице-губернатор, который метил на это место. Если он уступит, на его место готовы сто других вице-губер-

---

* он щеголяет (*франц.*).

наторов. Это машина. В упрямстве правительства играет роль и инерция.

Л. Н. читал сегодня в газете, что «Изложение Евангелия» [5], издание «Посредника», запрещено и наложен штраф в 500 р. на магазины, торгующие запрещенными книгами.

Лебрен из этого заключает, что «Две дороги» не появятся в России; ему очень жаль. Кажется, теперь у него главное желание, чтобы эта новая статья Л. Н. появилась в России и как можно больше распространилась.

Л. Н. рассказал далее про книгу китайца. Он оправдывает русских в том, что взяли Маньчжурию. Л. Н. спросил, что делается в Маньчжурии. Кто-то сказал, что японцы притесняют корейцев.

Л. Н.: Китаец пишет, что это очень цивилизованный в восточном смысле народ.

Лебрен: Какая у них религия? Конфуцианство?

Гольденвейзер: Конфуцианство, собственно, не религия.

Л. Н.: Конфуцианство — не религия, конфуцианство — мудрость и учение нравственности, которое соединяется с религией. В Японии — с буддизмом, шинтоизмом.

Гольденвейзер: В конфуцианстве бога нет?

Л. Н.: Есть небо и разум. Небо — правда, начало всего, в связи с нравственностью. В буддизме тоже бога нет, еврейский личный бог возник из многобожия соединением в одно.

Потом Л. Н. говорил о статье в июльской книжке «Русского богатства» о Геккеле и читал из нее вслух [6]. Говорил о ней:

— Образец научной нелепости... То, что миры возникают из туманностей и из миров — туманности, никому не нужно. При созидании миров много условий, которые мы не можем знать. И какой язык! Для каждого слова надо бы у него спросить определение.

Лебрен смеялся над статьей, над уверенностью человека, а ведь это гипотеза. Потом говорили о температуре, о звуке (Гольденвейзер, Лебрен). Л. Н. — об их определении:

— Это гипотезы, нужные для математического вычисления. В «Круге чтения» глубокое изречение Торо, что через микроскоп и телескоп видно неважное [7]. Микроскоп увеличивает во сто раз, а что будет видно, если будет увеличение в тысячу раз и так далее. Да и мы смотрим через инструмент — глаз; могут быть разные глаза. Все исследование материи — исследование наших представлений.

Л. Н. учил Шарика приносить ему шапку. Гольденвейзер вспомнил умного пуделя Шопенгауэра и что Шопенгауэр завещал на его содержание сумму.

Л. Н.: Хорошо поступил.

Софья Андреевна: Шопенгауэр ненавидел женщин, а любил собак.

Л. Н.: У Шопенгауэра хорошее место о единстве существ, оно в «Круге чтения» [8].— И, смотря на Шарика, сказал:

— Чувствуешь единство со всеми животными.

Л. Н. читал в 11.30 из книги Анатоля Франса по поводу русско-японской войны [9]. Взгляды очень похожие на мысли китайца о том же в его книге. (Я не присутствовал.)

Л. Н.: Меньшиков ничего не знает, ⟨так же⟩ как Катков, Суворин; ⟨Суворин⟩ как начал издавать «Новое время», ничего больше не читал. Не знает Эмерсона, Чаннинга, «Круга чтения». Ему некогда.

17 августа. Четверг. Утром приехали новобрачные: Сергей Львович с Марией Николаевной, урожденной Зубовой.

Л. Н. (*за обедом*): Ждали два молодых человека из Москвы, сказали: «Мы пострадали за убеждения». Я им дал, как всем, по гривеннику. Не приняли. Тогда еще дал погорело-му. Сказали: «Теперь будем о вас думать иначе, чем до сих пор».

Один из них, рыжий, выхоленный (об этом говорил мне Ваня) был в прошлом году и бросил 20 коп., которые дал ему Л. Н., и ругал его «сукиным сыном». Когда Л. Н. рассказывал про них, пришел Ваня и сказал, что четверо ждут. Л. Н. послал им.

Мария Николаевна рассказала про шавельских крестьян в Литве, где их имение. Там чересполосица. Нарочно сделана правительством, чтобы шляхта и крестьяне делали потравы и ненавидели друг друга. Там католики, народ забитый.

Л. Н.: Какая забитость! И какая сила была этой религии! Недавно получил письмо от католика из Киева, читавшего мои сочинения [1]. Он это считает прямо как подвиг: освобождение себя от католицизма.

Сергей Львович рассказывал про латышей в Курляндии, лютеран, какие они сознательные, работящие, чистоплотные.

Мария Николаевна рассказала про них, что она иногда получает от анонимного лица деньги, например, три рубля; пишет, что он украл у нее, например, дерево, говел, покаялся и возвращает убыток.

Л. Н.: Это черта важная. Какая у них вера ни есть, а есть вера, нечто вне их, обязывающее их, а у наших — carte blanche *, потому и возможно то, что происходит. (Намекал на разговор о том, что безработные, нанятые Московской управой для земельных работ, производят их нарочно не по плану, так что приходится после них переделывать; и еще разговор о грабежах, воровстве и лени в работе.)

Мария Николаевна и Сергей Львович говорили про латышей, эстонцев, которые без наделов, трезвые, солидные, упорно работающие. У литовцев обширные наделы.

Л. Н.: Имею большое уважение к латышам, эстонцам. Получаю от них письма с серьезными религиозными вопросами.— Упомянул нескольких, между прочим Сиксне и Леппардта [2] — матроса, умирающего от чахотки в лондонском госпитале.

Вечером Л. Н. говорил мне:

— Какие письма получаю! Из Москвы — молодой человек хотел отказаться от воинской повинности; согрешил с девушкой, что ему делать? Ведь какая трагедия! Я ему ответил, не мог иначе как так, как ему ответил [3].

Гольденвейзер: Лев Николаевич сделал для революции больше всех, и то, что больше не смотрят на церкви как на христианские, сделал он.

Указывая на лежащие у Юлии Ивановны на столе многочисленные письма Л. Н., которые он сегодня написал [4], Лебрен сказал:

— Перелет птиц совершился. Целая стая листков из кабинета Л. Н. сюда прилетела.

Вечером Л. Н. читал Софье Андреевне, Сергею Львовичу с женой, Андрею Львовичу и Александре Львовне Анатоля Франса [5].

19 августа. Утром уехали Сергей Львович с Марией Николаевной и Андреем Львовичем. Приехал Бирюков. Говорили о «Биографии» [1]. Немцы критикуют углубленно, французы — поверхностно. Нация в упадке. Мирбо и порнография. Жан Грав последовательный, но неталантлив как писатель.

В 9.30 вечера Л. Н. читал Карпентера в переводе Наживина о том, что основой..... ** является чувство, а не разум [3].

Бирюков удивлялся, что Карпентер и столько других умных, передовых людей проповедуют свободную любовь.

Л. Н.: Тут только что̀ с детьми?! В семье главное — воспитание детей. Христианство — ключ к разрешению всех затруднений. Она снова

---

* свобода от всяких обязательств (*франц.*).

** Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

выйдет замуж, он снова женится. Тут надо, тому кто более христианин, терпение.

Вечером в 10 Л. Н. пришел в халате в залу, спросил Павла Ивановича, какие люди бывали у него за границей. Павел Иванович рассказал между прочим про барона Буксгевдена, бывшего юрисконсульта адмирала Алексеева. Буксгевден говорил о том, что царица, бывшая лютеранка, очень православная.

Л. Н.: Это так бывает.

Павел Иванович: Буксгевден объясняет это психологически. В супружестве пережила столько потрясающего. Окружающие говорили ей, что это наказание за несоблюдение предписаний веры, церкви.

Потом рассказал про профессора Аничкова из Вольного русского университета в Париже. Он социал-демократ, без религии и определяющий религию как одни обряды. Заинтересовался сектантством.

Сегодня вечером я диктовал Александре Львовне «О значении революции» — новое название «Двух дорог». Л. Н. пользуется вчерашними разговорами, книгой Менделеева «К познанию России», статьями в новых номерах «Нового времени» (о революционном гипнозе).

Л. Н. был немного нервен, собственно, мрачен. В 10.45 ушел к себе, вероятно, от нездоровья.

20 августа. Пополудни приехали М. С. Сухотин, художник Нестеров [1]. Бирюков пополудни зашел к Л. Н. — без приглашения.

Л. Н. с Михаилом Сергеевичем. Михаил Сергеевич рассказал про убийства, грабежи, отсутствие безопасности в Москве. Л. Н. повернулся ко мне:

— Вы знаете, в Туле убит председатель суда.

Михаил Сергеевич рассказал, как Дунаева остановили двое: «Руки вверх!». Михаил Сергеевич говорил с Гучковым, Шиповым, Львовым, все они пессимистически смотрят на будущее.

Л. Н. (*помолчав*): Все хорошо. Раньше можно было предотвратить духовным воздействием это озверение, озлобление. Теперь заряд должен разрядиться, и это происходит на наших глазах. Хоть видим, что такое есть русское общество. Оно показывается в настоящем виде.

Л. Н.: Двое караульщиков месяц жили в саду, завели знакомство с Ваней, оба в розовых рубахах, один уже в лаптях, сапоги сносились, усики, улыбка, пришли за книжками. Но что я им ни говорил, ничто их не коснулось — остались непромокаемыми. Они (революционеры, готовые на все) были последней каплей, убедившей меня, что никакие репрессии не помогут. Правительство только ими глубже погружается. Если бы у меня спросили совета, я бы советовал: сейчас созвать Думу, выборы тайные, прямые, полную амнистию, уничтожение смертной казни, Учредительное собрание. Пусть правительство не компрометирует себя и уступит правление иным.

Михаил Сергеевич: Николай передал удельные земли Крестьянскому банку [2], не совещаясь с великими князьями, которые не одобряют этого. Говорят про возможность дворцовой революции.

Л. Н. вспомнил Записки Дашковой [3]: от чего зависит судьба страны.

Л. Н.: Поша очень хорошо рассказал про кантональный референдум и право петиций в Швейцарии. В кантоне Vaud, в глуши, население консервативное, оно против референдума, не пользуется им. Оно за самостоятельность, самоуправление общин (против вмешательства кантональных властей) — значит, анархистское. За централизацию там городское (либеральное и социал-демократическое) население.

Михаил Сергеевич: Во Франции якобинцы были за централизацию. Якобинцы были передовым элементом. То же самое, что в Швейцарии: передовые за централизацию.

За обедом: Л. Н., Софья Андреевна, Александра Львовна, Михаил Сергеевич, М. В. Нестеров, Лебрен, Бирюков.

Пришли Гольденвейзеры. Л. Н. приветливо встретил их и рассказал им новости: об убийстве тульского председателя суда (либерала, кассировавшего освобождение погромщиков имения) и другие новости в том же роде.

Л. Н.: Показатель, до какой степени правительство никого ни в чем не обеспечивает.

Л. Н. начал рассказывать, что государь передал удельные земли Крестьянскому банку по свой воле, думая, что он самовластный. Не слушали Л. Н. Он, чтобы вызвать внимание, сказал:

— Это очень интересно: государь вызвал большое недовольство великих князей. Это исправляет несправедливую точку зрения и представляет его в настоящем свете.

Л. Н. без повода со стороны кого-нибудь сказал:

— Очень легко мог не дождаться этой революции.

Лебрен: Хорошо, что дождались!

Л. Н. (*к Бирюкову*): Он (М. В. Нестеров), наверно, не знает про «Круг чтения»,— и обратился к нему: — Михаил Васильевич, есть такая книга «Круг чтения», знаете?

Михаил Васильевич: Не знаю. Чья, о чем? Давно появилась?

Л. Н.: Моя... На каждый день есть по одному философскому предмету и ряд изречений о нем. На воскресенья длинные чтения и мои новые рассказы.

Софья Андреевна: Михаил Александрович Стахович уехал за границу, чтобы быть в покое; просил, чтобы писем ему не посылали. И Муромцев поэтому же уехал. Как взволнованы теперь люди в России!

Михаил Сергеевич: Везде беспокойно, кроме Ясной: тут санатория. Мы решили в санатории мясной пищи не есть, не варить, кроме как для прислуги. Уставшему кучеру нельзя дать французской капусты.

Л. Н.: Можно — каши. Видели новую книгу о вегетарианстве? [4] Там вам дали название некрофагов.

Л. Н. вспомнил открытку с изображением прикованного к тачке.

— Какое страшное изображение! Злобное лицо. Должно быть, фотография.

Нестеров нашел неправильности и решил, что это фотография, сделанная с рисунка.

Приехал доцент Ильин, просит Л. Н. написать предисловие к его переводу Эльцбахера «Анархизм». Л. Н. отклонил. Ильин не настаивал. Уже есть три издания книги Эльцбахера, все очень плохие. Его перевод издают при книжном магазине «Труд» в Москве в серии анархических книг «Логос». Издательство идейное, неспекулятивное.

По поводу разговора о ком-то умершем кто-то сказал: «De mortuis aut bene aut nihil» *.

Л. Н.: Как раз наоборот (о живых говори доброе или ничего). Если об умерших одно доброе писать — неправильное понятие о них. Чужой грех скрой, два тебе простятся.

Кто-то: Заикающихся учат петь. В пении не заикаются. Они потом говорят нараспев [5].

Л. Н.: Заикание — это перерыв между мозговой деятельностью и нервами говорящего.

Михаил Сергеевич рассказывал, как в их уезде Л. Н. Яковлев, студент Технологического института, сын помещика-адмирала, уговаривает крестьян «выкуривать» помещиков, и сразу всех. Мужики говорят, что

---

* «О мертвых говори доброе или ничего» (лат. пословица).

в Тамбовской, Саратовской, как только сожгли усадьбы, сейчас явилась тьма казенных землемеров резать землю мужикам. Когда его спросили, с кого же начать, получили ответ: «С моего отца». Все были ошеломлены: не ловушка ли это?

Пошел разговор о готовности русских жертвовать собой за идею. Самосожжение Ковалева и его приверженцев. От этого разговора перешли к воспоминаниям о первой Думе.

Я перенес отметки Л. Н. на сочинениях Герцена (с экземпляра чертковского) в экземпляр Михаила Львовича. Л. Н. читал вслух когда-то зимой в начале 1906 г. из тома X Герцена (189 с.) Народ...*[6]

Л. Н. на днях сказал:

— Вкус риса должен быть китайцам, японцам приятен, мы его портим соусами.

21 августа. Понедельник. За обедом Нестеров говорил о фресках Микеланджело в Сикстинской капелле в Риме, что портятся. О «Сикстинской мадонне» — что поражает чистота (нечувственность).

Л. Н.: «Wer den Dichter will verstehen, muß in Dichters Lande gehen» [1]. Но и (должен проникнуть) в эпоху, в душу народа. Богородица нам непонятна. Нас это не трогает.

Разговор о Стасове, потом о старости. Л. Н. вспомнил, что Софье Андреевне будет завтра 62 года. Софья Андреевна роптала на старость.

Л. Н.: Старость — самый прелестный возраст; в чем хотите, все прекрасно.

Софья Андреевна: Все скверно.

Л. Н.: Говорю серьезно. Никогда в жизни не испытывал этого чувства. И когда один гуляешь в лесу, и когда ложишься спать, испытываешь такое спокойствие, благодарность. Я думаю, это свойственно всем старикам. Когда будете стариками, увидите.

Нестеров (*о Стасове*): Он хочет разгромить все искусство. По его мнению, оно должно быть более политическое, касаться тем общественных, революционных.

Л. Н.: А вот чудачина есть — Трубецкой. Какой чудак, какой даровитый...

Меня позвали в Ясенки. Вечером в 10 Нестеров рассказывал:

— На Соловках живут в лесу отдельно три старика. Вышла лисица из рощи, заманили ее едой, подошла к ним на три шага. Не убивают живой твари. Когда туда ехали, была буря. На пароходе много богомольцев. Один старик рассказывал нараспев старинную русскую притчу, что Христос везде с нами. Это казалось так верно, что думал: если оглянешься, увидишь Христа.

Л. Н.: Чертков привез «Историю христианства» Мауо. «История» Мэйо малосодержательна. Симеона Столпника называет идиотом. Когда я дошел до этого места, бросил дальше читать. Кто, как Христос, и делами осуществляет христианство, тот выше стоит. Он (Симеон Столпник) совершил высокий духовный подвиг. Человек, который это может, глубоко религиозный.

Л. Н. говорил Нестерову:

— Сюжет для картины был бы Мария Египетская,— и рассказал Нестерову ее историю.

У Нестерова вечером сделался жар 39,2. Его Л. Н. одел в свою верблюжью фуфайку и набрюшник.

Лебрен говорил Л. Н. про Кузьмина, который третьего дня был в Ясной Поляне. Высокий, крутил себе усики, когда говорил, щербатый,

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

революционер; намерен уклониться от военной службы, как это делается, с помощью подложного паспорта. Революционеры их изготовляют. Л. Н. это не нравилось. Говорил, что раньше преступники были люди низшей нравственности, теперь — высшей; что за уклонение от воинской повинности нельзя осуждать их, но что, если бы их тысяча уклонилась, это имело бы последствия; что правительство должно бы к ним как-нибудь отнестись.

Л. Н. немного лучше, думает, что дело идет на поправку.

22 августа. День рождения Софьи Андреевны. Никто ее не поздравлял. Заболела в половине 5-го утра страшной кишечной невралгией. Я был вынужден сделать три подкожные впрыскивания атропина. Л. Н. часто заходил к ней. Л. Н. с утра тоже хуже. Пополудни гулял пешком.

Утром приехала Н. М. Сухотина с Дориком.

Нестеров изучает внешность Л. Н. для какой-то картины — группы. Делает эскизы. Говорил мне, что Л. Н. в жизни, в обращении мягкий, ничего деспотичного. На картинах же Репина и других и в своих сочинениях кажется суровее; неверно изображают его; может быть, он такой был раньше.

За обедом Л. Н. говорил, что читает французскую книгу Ромена Роллана о Микеланджело [1], и разговаривал о нем с Нестеровым.

Л. Н.: Люди судят о людях, об их душе, об их религиозных испытаниях, до которых не могут дорасти.

Л. Н. вспоминал две фрески Микеланджело: «Страшный суд» и другую («Сотворение мира») — очевидно, правятся ему. Тоже нравится ему фреска Гвидо Рени «Аврора», где за колесницей солнца идут сопровождающие ее женщины [2].

Л. Н. выслушал Нестерова, рассказавшего о роскошной жизни Тициана, и сказал:

— Я не знаю его жизни, но терпеть его не могу, грубая чувственность.

Лебрен вспомнил Леонардо да Винчи, что был вегетарианцем.

Нестеров: Есть книга о нем, Мережковского [3]. Мережковский не художник. Где от себя пишет, скучен. Где у него материал, интересен.

Л. Н.: Вы правы.

Л. Н. на днях вечером сказал: «Меня вечером одна десятая, а то и одна сотая» (т. е. сил у меня).

23 августа. Среда. Сегодня были Мария Александровна и Иван Иванович. С 5 до 8 читали вслух Л. Н. «О значении русской революции», бывшее «Две дороги».

Л. Н. не совсем здоров. У Софьи Андреевны сильные боли прошли, жар есть небольшой.

За обедом Иван Иванович говорил, что революционеры печатают свои крайние брошюры в типографии «Московских ведомостей», где во время печатания им не грозит опасность обыска. Грингмут ругал «Воскресение», но одно время печатал его для железнодорожных служащих.

Л. Н.: Они компрометируют тот принцип, во имя которого они действуют.

Л. Н. вспомнил:

— Есть еще книга Паркера — рассуждения об унитарианстве, с эпиграфом из Кольриджа, который я оттуда взял для «Ответа Синоду» [1]. Книга большая, очень хорошая. Это свободное христианство. Жила у нас англичанка, очень духовная, отец прислал ей эту книгу. Теперь она сестрой милосердия.— Л. Н. советовал перевести по-русски и издать эту книгу, названия не помнил.

Иван Иванович удивлялся, что одновременно унитарии дали таких людей, как Чаннинг, Эмерсон, Гаррисон, Баллу и др. Баллу с Эмерсоном жили на своей ферме, и все эти друзья временами бывали у них.

Л. Н.: Это плеяда удивительная была: за освобождение рабов; унитарство — отрицание божества Христа, требование разумной религии. Вот прекрасная тема для писателя: написать об этом книжку. Я постоянно говорю об этом американцам. Это были удивительные писатели, но аудитория плоха. Для западных народов это было как о стену горох.

Л. Н. читает Ромена Роллана «La vie de Michel Ange».

Л. Н.: Ромен Роллану я раз писал [2]. Теперь мне прислал эту книжку. Он сделался известным писателем... Он очень слабый писатель. Его предисловие виртуозно.

Л. Н. прочел вслух последнюю страницу предисловия и сказал:

— Как он судит о христианстве со своей «высокой» точки зрения [3].

24 августа. Пополудни я ездил в Головеньки к отставному полковнику, участвовавшему в Севастопольской обороне, Турецкой войне.

Обедали: Л. Н., Андрей Львович, Александра Львовна, А. А. Гольденвейзер, Лебрен. Софья Андреевна лежит, я опоздал. После обеда Л. Н. мне сказал:

— Хотя вы меня отговаривали, я все-таки поехал в Тулу и не очень устал. На ливенцовских полях косят второй клевер, хороший клевер. У него хорошо вспаханы поля. Лошади сытые. Все хозяйство хорошо ведется. Когда встречу приказчика, скажу ему комплимент. Одно нехорошо, что у него эти бабы («манаенки») работают, а не мужики*. — После паузы: — В Туле нехорошо. Там лавочка, постоялый двор напротив винного склада. Вышел мужик и ругался бессмысленными неприличными словами с хозяином. Пришла девочка, красивая брюнетка, лет 12 с книжкой. Я спросил: «Из школы?» — «Из читальни».— «А какая книжка?» — «Ваша! Первый том сочинений».— «На доброе здоровье!»

Шарик, лежавший у ног Л. Н., встал и прыгнул ему передними лапами на грудь, хотел облизать лицо. Л. Н. с трудом отстранился.

Л. Н.: У собак бывают духовные мотивы деятельности, говорил Тургенев. Он сыт, ничего ему не нужно, тычет носом, это просто чтобы выразить свое чувство.— После, вечером, когда Шарика выпускали, Л. Н. его понукал словами и жестами идти вниз и наружу за Лебреном. Собака посмотрела на Л. Н. и поняла. Л. Н. сказал:

— Только не говорит!

Гольденвейзеру один его знакомый передал свой перевод в стихах псалмов Давида.

Л. Н.: сказал:

— Будет нехорошо, но посмотрю.— И посмотрел: на хорошей бумаге, отпечатано на ремингтоне. Прочел вслух что-то и сказал: — Это в прозе, наверно, сильнее сказано. Поэтическую прозу стихами переводить нехорошо. Там порядок слов имеет значение, и от перестановки слабеют выражения.

Л. Н.: Я заглянул в «Новое время». Там статья «Игра дьявола» Александра Столыпина, брата министра. Хороша.— Прочел часть вслух: — «И вот вопрос сводится к тому, дорожит ли еще народ духовными началами достаточно, чтобы остаться жизнеспособным? Когда-то Россия дорожила этими началами настолько, что создала себе великую участь среди окружающих дичи и варварства: те погибли, а она выдвинулась, но... сохранилось ли это?» [1] — Потом взял с собой в кабинет «Новое время». Уходя в кабинет,

---

* В последние годы вошло в обычай, что девушки и бабы села Манаенки и окрестных деревень уходят на все время полевых работ в помещичьи экономии и исполняют мужские работы.

ТОЛСТОЙ ДАЕТ ПОСЛЕДНИЕ УКАЗАНИЯ ДОЧЕРИ А. Л. ТОЛСТОЙ ПЕРЕД ОТПРАВКОЙ ПОЧТЫ
Слева внук Толстого Миша Толстой
Ясная Поляна, август 1906 г.
Фотография С. А. Толстой

Л. Н. продолжал говорить, что спасение русского народа в том, насколько сильны устои христианские, и что он не знал, что он (Столыпин) так серьезно думает, он легкомысленно жил (молодым человеком).

За чаем А. А. Гольденвейзер, Александра Львовна, Лебрен и я. В 10.45 Л. Н. пришел к чаю с почтой в руке; между прочим, принес с 1 по 19 номер «Голоса Москвы».

Л. Н.: Пишет мне о земельном вопросе — я удивился, когда прочел, кто — 13-летний мальчик. Il n'y a plus d'enfants *.

Анна Алексеевна и Лебрен начали читать вслух письмо и статейку [2]. Анна Алексеевна высказала надежду насчет будущего развития этого мальчика.

Л. Н.: Не ожидаю от преждевременно развитых ничего. Нет ли какого недостатка у него? Паскаль был телесно убогий, его все толкало в одну сторону. Был 15-летний мальчик с косым ртом, писал стихи, я возлагал большие надежды на него. Чертков занялся им, и вышел очень неприятный человек и недалекий. Совершенно верная мысль, что у крестьян недостаток своей земли, а будет достаток — тогда возвратятся к земле, и не будет городского пролетариата. Из его письма видно, что сознает свои дарования.

Лебрен хвалил мальчика, что о таких вещах рассуждает.

Л. Н.: Писание романов, преждевременное философствование вредно. Отсутствие труда.

---

* Нет уже больше детей (*франц.*).

Л. Н. принес восьмой номер «Всемирного вестника». Говорил, что там есть из его писаний. Потом «О преследовании христиан» (духоборов) Бирюкова. Любовался номером, очень разнообразно составленным, и прочее содержание нравилось ему:

— Статью Кошелева (славянофила) прочту, большей частью мои знакомые, Хомяков..... *, про коих пишет [3].

Лебрен: «Посредник» напечатал «Христианское учение» и держал его под спудом, а во «Всемирном вестнике» оно в то время появилось [4].

Анна Алексеевна: Знаете, что «Изложение Евангелия» в издании «Посредника» конфисковано?

Лебрен: Но оно быстро разошлось, не захватили.

Л. Н.: Мне это было очень приятно слышать (что такую серьезную книгу брали нарасхват). Пока его не запретили, получал письма: «Ваше «Евангелие»...», и ругают.

Анна Алексеевна рассказала о своей семье: муж наиболее правый, его брат левей, сестра еще левее.

Л. Н.: Это ваша сестра так (т. е. женщины).

Анна Алексеевна: У моего мужа Александра Борисовича христианские взгляды.

Л. Н.: Христианство — подъем выше того, где есть правые и левые.

Л. Н. пошутил с Анной Алексеевной, спросил, не боится ли «Руки вверх!», и рассказал: однажды, когда он учил в другом доме поздно вечером, мальчик (малоросс, очень ленивый, когда заметал лестницу и дошел до площадки, заснул) пришел сказать, что поймал вора. Это был высокий, крепкий мужчина, взявший шубу. Мальчик его догнал, привел в дом и запер. Он поддался.

На недоумение Лебрена, как такой силач последовал за мальчиком, Л. Н. разъяснил:

— Это робость, была у воров — сознание, что он делает дурное дело, а теперь вор — Наполеон (т. е. теперь воры уверены в правоте своего дела, как Наполеон).

25 августа. Пятница. Приехали Оболенские. Вечером отозвали меня на Косую Гору. Там урядник убил лавочника, а потом себя.

Софья Андреевна встала бледная, голос слабый, лежала на кушетке и занималась «Историей моей жизни».

Когда я вернулся, Л. Н. расспросил меня подробно. Его живо интересует все, что творится в окрестностях. Вчера расспрашивал про полковника: «Какие это люди»? — Л. Н. разговаривал больше с Софьей Андреевной. Потом велел Шарику: «Поди принеси шапку!».— Принес.

— Удивительная преданность,— сказал Л. Н.— Придет и ляжет к ногам. Вчера ездил в Тулу стричься, и он с Караем летали за мной и прибежали к парикмахеру.

Александра Львовна, Анна Алексеевна с Лебреном говорили о Рембрандте.

Л. Н.: У Рембрандта энергические, сильные лица, контраст между светом и тенью.

Л. Н. (*Анне Алексеевне*): Прочтите Роллана «Michel Ange». Это чистый художник, хороший.

Александра Львовна завтра собирается в Тулу.

Софья Андреевна: Дам тебе поручение — шампанского (к рождению Л. Н.).

Л. Н.: На что шампанского, не надо.

Александра Львовна поддержала его.

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

Софья Андреевна спросила Марию Львовну. Она ответила: «Не надо». И остальные тоже.

Л. Н.: Лучше пять рублей старухе отдать.

Говорили о статье Дюма в «Круге чтения», в которой говорится о будущей всеобщей любви [1].

26 августа.

Л. Н.: Получил «Metachristian Catechism» by Croft Hiller (кажется, прибавление к нему, аппендикс) [1]. Там есть и многое, с чем несогласен,— сопоставление павловского с христианским учением. Следовало бы перевести Маше. Павел против Евангелия. Ведь он не знал Евангелия, оно составлено после.

Лебрен пожалел, что это издание на английском языке. Л. Н. посоветовал ему изучить английский язык.

Лебрен: Я немецкий немного знаю, не учиться ли мне по-немецки вместо английского?

Л. Н.: Английский более интересен. Вам встретится больше нужного в английской литературе. Немецкий язык труднее.

Софья Андреевна послала телеграмму Снегиреву, просит совета. Л. Н. прибавил, но не написал, чтобы приехал,— предполагает, что и так приедет [2]. Это как если бы не хотели его тревожить, а дали ему самому решить: хочет ли приехать. Из телеграммы видно, что нужно приехать.

Софья Андреевна в 10 попросила к себе Александру Львовну и поручила ей на случай смерти передать ее дневники и историю ее жизни в Румянцевский музей. Больше ничего. Послали Лебрена за Снегиревым и доктором-хирургом Чеканом в Алексин.

27 августа. Пришла телеграмма от Снегирева, что приезжает с четырьмя ассистентами. За обедом шутили насчет них. Мне было досадно, что заварил такую кашу.

— Всякий на вашем месте так бы поступил,— утешал меня Л. Н. и спрашивал, устал ли.

Мария Львовна об «Appendix to Metachristian Catechism», что трудно его переводить.

Л. Н.: Трудно, но интересно — хороший. Раньше он мне прислал сам «Metachristian Catechism», тот не был хорош. Тут (в аппендиксе) защищает христианство и главным учением признает непротивление злу, но допускает противлением злу защиту божьей правды против человеческой .... Это не получается. Хорошо, где полемизирует о.....*

Л. Н. (*о своей статье*) [1]: Сегодня помарал последнюю главу и завтра еще буду конец перерабатывать. Это при каждой статье так, одинаковые приемы.

Л. Н. со Снегиревым говорили о забастовке студентов; о том, что студенты уже десять лет не учатся, как следует. Л. Н. спросил Снегирева:

— Есть ли выдающиеся медики?

Снегирев: Нет. Нет таких, как двадцать лет тому назад. Теперь есть институты, и в них работают коллективно.

Л. Н.: В философии, словесности — это я знаю — тоже нет. Переходят к работе коллективной, как вы сказали, или просто механической.

Снегирев: Теперь каждый студент занимается политикой. Дошло до пятнадцатилетних.

Л. Н.: Дошло до крестьян. Я каждый день получаю письма: хочу выйти из серой (крестьянской) среды и быть полезным, поступить на курсы, учиться.

28 августа. День рождения Л. Н.

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

Снегиреву пришла ночью мысль, что опухоль Софьи Андреевны может быть гнойником. Утром приехал еще один его ассистент, Алексей Митрофанович, бывший домашний учитель у Толстых [1]. В 11 уехали все. Снегирев хотел было не пугать Л. Н. и не говорить ему всей правды, но Л. Н. двумя-тремя вопросами навел его на суть и узнал, что хотел.

Л. Н. разговаривал с ним перед его отъездом в кабинете.

Александра Львовна мне сказала, что папа́ хохотал над докторами, что их семь штук и они ничего на знают.

Был учитель из Епифанского уезда, чтобы видеть графа. Радушный, 30-летний. «Он приятный, не суровый, как на изображениях»,— сказал о Л. Н. Получил кучу книг, поел яблок, получил и телесной и духовной пищи, не хотел беспокоить Л. Н., ушел.

Приехали: С. Т. Семенов, Поль Буайе, И. К. Дитерихс, Мария Александровна, Иван Иванович.

Сергей Терентьевич рассказал про правительственные меры, что его высылают в Олонецкую губернию на два года. Говорил с восхищением о людях, боровшихся на баррикадах в Москве, как не поддались на повторное приказание и угрозы офицера и когда уж скомандовали стрелять в них — падали с возгласами: «Да здравствует революция!» и т. п. Как выпившие рабочие нарочно дразнили городовых и в ссоре сперва дали им в себя выстрелить, а потом пустили в ход браунинги. Этому пренебрежению собственной жизнью приписывал геройское значение.

Л. Н.: Это самое обыкновенное явление. Это Gavroche, gamin de Paris *. Тургенев рассказывал, как расстреливали какого-то господина в цилиндре и в перчатках, привязали его к столбу, а он вызывающе подергивал ногой, его ранили, и он продолжал этот жест. Главное зло — что люди приписывают этому явлению что-то хорошее, а это низшая ступень, до которой может дойти человек. Эту черту воспитало в солдатах правительство, взрывая их на кораблях и окружая смерть таким ореолом доблести: за царя, отечество, и ее внесли в революцию. Разумеется, что спокойно принять смерть естественнее, достойнее, чем форсировать театральность, напускать на себя фанатизм.

Л. Н. рассказал про недавнее убийство урядником лавочника на Косой Горе. Оба выпили вместе бутылку вина, и урядник, выпивающий, дурно живущий, ни за что застрелил лавочника, а потом себя (четыре раза стрелял в себя).

Л. Н.: Не умеет жить, запутался, ищет всякий случай, чтобы кончить ее. Этому люди удивляются. Трудно делать доброе, а пагубное — легко.

Л. Н. с Буайе и остальными.

Л. Н.: Я уверен, что все репрессивные меры плодят только большее озлобление и усиливают движение против правительства. Я надеялся на Столыпина. Его отец был хороший мой знакомый, знаю его брата, его самого не знаю. Но когда видел усы кверху... Как он может оставаться на том посту, как он не откажется, ведь назад вернуть нельзя (чтобы было, как до войны). Кавеньяк с вымуштрованными солдатами сделал бы; у нас таких людей нет, слава богу.

Сергей Терентьевич: Мин был такой, и убит Коноплянниковой.

Л. Н.: Не найдутся и три таких человека. Консерваторы на словах желали бы перестрелять участников покушений, но скажите им: «Казните собственноручно»,— «Нет, лучше я от всего удалюсь».

Буайе: Царь не так глуп, как писали.

Николай Леонидович: В последние три года узнал многое.

Л. Н.: Я задаю себе вопрос и никак не могу решить его. Глупость от самоуверенности или самоуверенность от глупости?

---

* Гаврош — парижский уличный мальчишка (*франц.*).

Николай Леонидович: Глупость от самоуверенности.

Л. Н.: Я, когда был глуп, читал самую глубокую книгу (Эпиктета), не внял ей от самоуверенности. Царь-то самоуверен. Не скажет слова, которому бы не потакали, которому не приписывали бы глубокий смысл.

Л. Н.: Я читал Анатоля Франса «Sur la pierre blanche». Плохо. Где подтрунивает над социализмом — блестяще; где пишет свое положительное — плох. Глава о Павле хороша.

Говорилось о сочувствии левых газет убийствам. Сергей Терентьевич рассказал про..... *

Л. Н.: У революционеров нет центральной власти, которая могла бы остановить. Сказать вашему Крестьянскому союзу, Милюкову, Герценштейну: «Не убивайте»,— они скажут: «Мы против убийств». У правительства же есть центральная власть: царь.

Л. Н. написал А. Столыпину, брату министра, письмо, чтобы Семенова не ссылали, и поручил его Буайе, чтобы передал и переговорил от себя [2]. Семенов даже не просил Л. Н-ча. Л. Н. сам сделал.

За обедом довольно тихо и без суеты. Отсутствовала Софья Андреевна. Сидели: Л. Н., Буайе, Семенов, я, Горбунов, Мария Александровна, Иосиф Константинович, Александра Львовна. На другой стороне стола: Лебрен, четверо Гольденвейзеров, Андрей Львович, Оболенские. Мария Львовна — во главе стола. Разговор шел о том, что делается в России. Ни слова об учении, о стремлениях Л. Н. В прошлом году в этот день Л. Н. сказал М. В. Булыгину: «В этот день меня нет» (т. е. не могу с вами говорить). Л. Н. рассказал, что был с Буайе у свидетеля убийства лавочника урядником. Урядник пришел за долгом (70 коп.) в лавку; получив, послал купить водки на 25 коп., выпили, потом еще, потом встал и сказал: «Будем покойны»,— и выстрелил лавочнику в грудь, а сам пошел через сад и там в себя пустил четыре пули.

Л. Н.: Встретил Кочергина. Рассказал: его знакомый убил жену. Это такая эпидемия.

Семенов рассказывал про тюремщика из орловских крестьян, у которого содержались Горький, Андреев (?), Вересаев (?), с какой радостью рассказывал про погром Стаховичей: «Он наложил лапу на пять верст и еще развращает нас своей роскошной праздной жизнью».

«Le Temps», буржуазный орган, выступал за правительство, потом за Думу. Теперь переменил. Французы не дают денег взаймы не потому, чтобы они боялись за них, а из-за отношения к русскому правительству. Немцы, «Times» — за русское правительство.

Говорили об «Обрыве» Гончарова.

Л. Н.: В те времена приписывали большое значение литературному труду... «Обломов» (Иван Иванович хвалит его) мне не нравился. А «Обыкновенная история» — да.

Николай Леонидович: Гончаров был скромен. Я читал его письмо переводчику: советовал ему переводить произведения других, лучшие.

Разговор перешел на Писемского.

Л. Н.: Писемский мне никогда не нравился.

Николай Леонидович: Есть письмо, в котором ты хвалил его [3].

Л. Н.: В среде литераторов — из учтивости. Тургенев его всегда хвалил, я спорил с ним. Григорович, на которого нападали, его «Антон Горемыка» — хорошо [4]. Поэтическое, любовное отношение к крестьянину.

Софья Андреевна говорила, и у самого Л. Н. это записано где-то в дневнике, что вся литература ничего не стоит, что надо написать устав и порядок сельского хозяйства [5].

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

Опять разговор о революции.

Л. Н.: А вместе с тем совершается что-то огромное. Это похоронило отношение к литературе. Она (ведь и так) была господское занятие. Но это не только у нас. Теперь слышали (от Буайе), что и у них ничего нет: Анатоль Франс, Ромен Роллан... считают ум — esprit — самым высшим. Как иностранные слова не покрываются: esprit — не ум и не остроумие.

Кто-то: У нас нет патриотизма, а у немцев, французов — силен.

Л. Н.: У нас нет его; нашлось бы мало людей, которые стояли бы за единство России и Финляндии, и патриотизм придавлен (смят где-то) (как литература). Чувствуется, что-то такое перевалило, голос ломается. Может быть, будет хорошо, может быть, дурно.

В 11.30 разошлись.

29 августа. У Софьи Андреевны усилились боли. Л. Н. к ней часто заходил. Вечером разговор о ней. Л. Н. сказал гостям: «Была фальшивая тревога».

Вечером приехали: Булыгин с женой, Коншин, Sinet. И еще здесь Иосиф Константинович.

Коншин, Иосиф Константинович и Лебрен — любители французского и китайского огородничества — говорили о нем. Л. Н. было очень интересно. Коншин делал опыты с пересадкой и говорил, что не только от почвы, но и от другого много зависит. Почву надо подготавливать поколениями.

Л. Н. говорил приблизительно в том смысле, что надо, во-первых, дойти до того, до чего дошли китайцы (научиться той обработке, какой достигли китайцы), а потом заниматься — это уже дальнейший шаг — теоретическими изысканиями.

Говорили об искусственных удобрениях. Говорили и о многом другом.

Л. Н.: Как мало положительного об этом известно! Надо бы основательно изучить китайское огородничество.

Лебрен: Это так интересно, что этому можно бы посвятить всю жизнь.

Л. Н.: И написать понятное практическое руководство.

Картамышев опубликовал опыты по культуре хлебов. Он второй год производит опыты. Л. Н. знаком с этой брошюрой; сказал о ней, что она слишком отвлеченна, научна; что это лишний раз подтверждает то, что научные люди занимаются тем, чем не нужно. Они не изучили такого вопроса, как земледелие, которым тысячи лет живет человечество. Не делает никаких практических заключений. Это тонкости науки. А главный вопрос остается незамеченным, не обращается на него внимание.

Л. Н. спросил Коншина, стремится ли к уединению. Сказал, что оно нужно, желательно. Миклухо-Маклай жил в уединении между островитянами Новой Гвинеи. Живя с туземцами, влиял на них своим мужеством, целомудренностью, в противоположность европейским матросам, и непротивлением злу. Когда чужое племя взяло в плен из племени, у которого жил Миклухо-Маклай, старика, прислуживавшего ему, чтобы его убить, он пошел туда и внушил им, что нельзя убивать, и они отпустили старика. Миклухо-Маклай непротивление злу проводил на практике. Это никем не замечено, ни им самим. Потом Л. Н. сказал, что у этих островитян муж имеет свой шалаш, жена — свой и ходят друг к другу в гости.

В 7 вечера приехали и в 12 ночи уехали Булыгины с Сине, за ними Коншин с Иосифом Константиновичем.

Иосиф Константинович говорил про священников (Петрова и других).

Л. Н.: Не интересуют меня эти священники! Это люди нецельные.

Иосиф Константинович: Семья связывает их.

30 августа. Софья Андреевна лежит, ей легче, опухоль та же. Пополудни ее навестил Чекан. Дома: Л. Н., Оболенские, Александра Львовна, Лебрен, Андрей Львович (под вечер он уехал к Звегинцевой).

Л. Н. получил письмо от Черткова, который просит разрешения вставить в статью «Правительство, революционеры и народ», которую Чертков печатает, мысль Л. Н. о том, что правительство должно уступить революционерам во всем: дать равное и т. д. избирательное право, Учредительное собрание, амнистию [1]. Александра Львовна говорила, будто бы это письмо Л. Н. неприятно. По-моему, хронологически туда не годится: эта мысль пришла Л. Н. после покушения на Столыпина в августе 1906 г. А статья закончена в конце декабря 1905 г.

Софья Андреевна мне говорила, что Л. Н. возмущался, что повесили Коноплянникову, убившую Мина, командира Семеновского полка [2]. Действительно, Л. Н. был этим очень огорчен — произвело на него сильное впечатление. Этот приговор должен был утвердить и утвердил Николай Николаевич, который охотится тут недалеко.

— Это возмутительно, теперь я вижу, с кем имею дело,— сказал Л. Н.— Это не люди.

Был очень взволнован.

Третьего дня, когда были два босяка, Л. Н. говорил, что такое будет решение судьбы Коноплянниковой (великий князь Николай Николаевич как командующий войсками должен утвердить смертный приговор) и что это будет поворотной точкой в его взглядах на происходящее.

За обедом Л. Н. рассказывал:

— Сегодня были две бабы (просить на погорелое место) без письма от старосты. Как всегда, не принесли потому, что состоятельные: у них сгорели одни сараи, староста не дал бы им.

Был дождь, Л. Н. зашел к мужику в Дворики, были старые мужики, хвалил разговор. Один из них говорил пустые старые фразы, ничего своего. «Молодые избаловались», и т. д.

Лебрен спросил:

— А раньше жаловались ли на молодых, что курят?

Л. Н.: Никогда не слыхано было, чтобы молодые курили. Не позволяли старшие, чтобы пожаров не было.

Андрей Львович: А слышно, иногда хвалят крепостное время.

Л. Н.: Внешнее устройство ⟨хвалят⟩..., но крепостное право было возмутительно. Но зато не было этого равнодушия к страданиям, голоду. Отец услышал от нищего, что он из Ясной Поляны, пришел в отчаяние: «Как, нищий из Ясной Поляны!» — призвал управляющего. А это не потому, что отец был добрый человек, всякий другой помещик сделал бы это.

Николай Леонидович рассказал подобное про Сергея Николаевича: оставил такого нищего у себя.

Л. Н.: Во всей деревне было внешнее благосостояние лучше. Помещик смотрел, чтобы были две лошади на тягло, в ином дворе было шесть лошадей. Тогда зимой был извоз (в Москву), железных дорог не было. Теперь шесть зимних месяцев надо держать лошадей без работы.

Л. Н. рассказал, что встретил монашек, и разговорился о них. Сказал, что желал бы идти в «монашки».

Мария Львовна: У Коли то же желание, но не в монахи.

Л. Н.: У мужчин (монахов) нет этого желания покоя, тишины. А женщина — не вышла замуж — желает покоя. — И рассказывал про женский монастырь в Туле, как там уютно, чисто, тихо. Потом прибавил: — Если одна падет, подхватят и все говорят о том, а сто живет честно...

Вечером Л. Н. сидел в зале за круглым столом один и поправлял «Решение земельного вопроса» (переделка беляевского фельетона). Около

10.30 присел за длинный стол к нам чай пить. «Что будем пить, говорить, читать?!» — и просил Марию Львовну почитать вслух из книги «Повестей и рассказов» Б. Лазаревского рассказ с середины [3].

— Сергей Николаевич говорил, что читать с середины интересней: надо угадывать не только, что́ будет, но и что́ было раньше,— сказал Л. Н.

Мария Львовна читала, но ей показалось скучно. Л. Н. напротив.

— Есть такие подробности, которые переносят в действительность,— заметил Л. Н. Но, когда дошло до описания сновидения о целовании голой женщины и Николай Леонидович предсказал, что будет описание того, как смотрит через замочную скважину, как раздевается женщина, Л. Н. с разочарованием махнул рукой:

— Полноте!

Лебрен: Как это не стыдно писать и печатать такое!

Л. Н.: И кто это читает!

Мария Львовна: На железной дороге — забыть скуку.

Потом говорили, что это пишется из-за гонораров.

Л. Н. вспомнил, что ему за первый рассказ — «Детство» — заплатили по 50 р. за лист.

Мария Львовна: У Марии Николаевны есть письмо Некрасова к тебе о «Севастополе», что так он нецензурен, что надо прибавить патриотического, а ты пишешь, что если бы ты все так изменил, как он предлагает, то рассказ не был бы похож на оригинал [4].

Л. Н.: Он в измененном виде напечатан, и такой и остался.

Лебрен: Теперь платят с листа 150 рублей и Наживину.

Л. Н. (*с негодованием*): Как это ужасно много в сравнении с платой за другой (ручной, земледельческий) труд! Такой соблазн: «с строки», тогда прибавляют строки. Я бы стал прибавлять хоть ради того, чтобы нищему отдать.

Николай Леонидович: Боборыкин и особенно Дорошевич пишут короткие строки, и всё с новой. Боборыкин сказал Маклаковой, у которой учился по-гречески, что греческий язык лаконичен и что это ему испортит его способ писания. Потапенко пишет на краю стола, разговаривая с посетителями.

Разговор перешел на греческий язык и авторов.

Л. Н.: Я любил Гомера, Ксенофонта «Анабасис» и еще больше «Memorabilia» [5]. К концу «Анабазиса» как смешно Ксенофонт рассказывает, как на обратном пути, узнавши про богатого персиянина, напали на него, чтобы ограбить, но их поколотили. Это друг Эвклида, Сократа, в грабеже не видал ничего дурного.

Кто-то сказал:

— Геродот скучен.

Л. Н. согласился.

В 11.30 разошлись спать.

Вчера Иосиф Константинович по указанию Л. Н. перевел из английской книги китайца о «свободе» — Тао; сегодня Мария Львовна из журнала австралийского «Standard» (Sydney) — статью о едином налоге: «О разногласии между социализмом и синглитаксизмом» *.

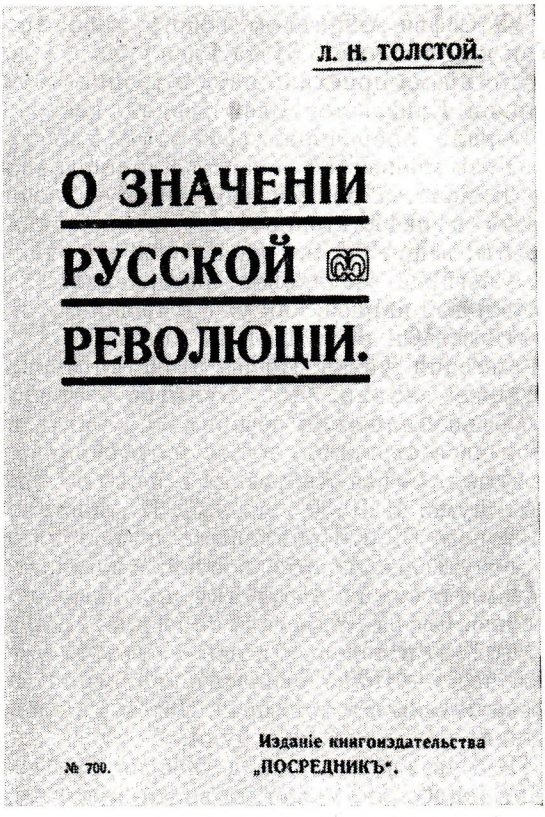
Л. Н.: Витте, Менделеев хотят из России сделать промышленную страну. Теперь видят, что от рабочих происходят озлобленность, смуты. Они беспокойны и мутят деревенских жителей. Теперь одни крестьяне остались спокойны в России. Если цель государства — нравственность, благо народа, тогда надо им стараться удержать крестьянское земледелие.

Л. Н.: «Русская мысль» скучна — сколько раз смотрел, нечего там читать.

---

* учением о едином налоге (от англ. Single Tax).

Л. Н. ТОЛСТОЙ «О ЗНАЧЕНИИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»
Издание «Посредника», Москва, 1906
Обложка
Московским Комитетом по делам печати на книгу был наложен арест, и по постановлению Сената (1908) она подлежала уничтожению



31 августа. Пополудни, во время приступа болей, Софья Андреевна просила маленькую иконку положить ей в постель и позвать попа. Поп приехал, но т. к. Софья Андреевна была в бреду (действие впрыснутого атропина), не ввели его к ней. Он попил чаю и уехал с тем, что пошлют еще раз за ним. На другой день утром приобщил Софью Андреевну. Софья Андреевна, хотя впрыснуто более трех миллиграмм атропина, не успокоилась, стонала. Я же морфий впрыскивать не решался, чтобы не изменить картину болезни, диагноз которой не был определен. В 8 вечера приехал Снегирев и сразу впрыснул полтора сантиграмма морфия. Успокоилась на короткое время, потом опять стонала, так что пришлось несколько раз ночью впрыскивать морфий. Снегирев склонен скорее всего к диагнозу абсцесса, Снегирев просил («Ради меня сделайте!») выписать гинеколога Феноменова из Петербурга. Л. Н. и Николай Леонидович не желали. Андрей Львович был со Снегиревым за приглашение Феноменова.

Приехал Михаил Львович, а ночью Татьяна Львовна пришла пешком из Засеки. Она ободрила мать.

1 сентября. У Софьи Андреевны вчера вечером была рвота, сегодня боли унялись. Снегирев уже вчера вечером установил дежурство врачей. Дочерей допускают редко и ненадолго. Мария Львовна недовольна этим и говорила мне, что Л. Н. это вторжение врачей, выставление материальных, лечебных условий на первый план, обидно. Л. Н. сказал, что то, самое важное — перемена в духовной жизни, духовное приготовление к переходу — заглушено медицинскими, материальными заботами.

Утром писали с В. Ф. Снегиревым историю болезни. Снегирев вносил только то, что он сам видел.

У Софьи Андреевны изжога, тошнота, тоска, изредка рвота. Морфий. Так как я ночью с 31 на 1 дежурил с 8 до 3.15, то я пополудни лег спать. В это время приехали пара и тройка с бубенчиками. Чекан с инструментаркой Елизаветой Васильевной, доктора Улитин и Гайчман из Москвы. Готовили операционную комнату и инструменты. Выписали и привезли из Тулы множество лекарств и принадлежностей. Работали много, долго — до 11 ночи, а начали еще вчера — значит, больше суток. Несистематически и недостаточно чисто, в пиджаках, двери в коридоры всегда раскрыты, вещи, стулья вносились, не очищенные предварительно от пыли.

Снегирев взволнован, нетерпелив. Я предлагал ему сделать предварительный наркоз, как уже в прошлом году предлагал, для более точного диагноза. Он и слушать не хотел.

Сегодня уехал Иосиф Константинович, приезжали Гольденвейзеры и тоже уехали, был Булыгин четверть часа. Целый день суматоха. У Софьи Андреевны вечером 38,3, опять инъекция морфину, а через полтора часа стрихнин, пульс на несколько минут усилился. С 9 вечера я дежурил. Софья Андреевна в полусне говорила, просыпалась при малейшем шуме. В 10.30 вошел Л. Н., постоял в дверях, потом столкнулся с доктором С. М. Полиловым, поговорил с ним, как бы не осмеливаясь вторгнуться в царство врачей, в комнату больной. Потом вошел тихими шагами и сел на табуретку подальше от кровати, между дверью и постелью. Софья Андреевна спросила: «Кто это?» Л. Н. ответил: «А ты думала кто?»— и подошел к ней. *Софья Андреевна:* «А ты еще не спишь! Который час?»— Пожаловалась и попросила воды. Л. Н. ей подал, поцеловал, сказал: «Спи» и тихо вышел. Потом в полночь еще раз пришел на цыпочках. Уходя, подал мне обе руки.

В 3 часа ночи пришла Александра Львовна с известием, что приехала Таня (спросила, может ли войти) и что Андрюша разбудил Чекана мне на смену. Татьяна Львовна в белом широком платье вошла и веселым, ободряющим тоном заговорила с матерью. Софья Андреевна ей тихим голосом давала советы, чтобы дети были дружны. Я вышел и, не дождавшись выхода Татьяны Львовны, ушел. Вошел туда Чекан. У Андрея Львовича я застал приехавшего Илью Львовича.

2 сентября. Ясный теплый день. Софье Андреевне предстоит сегодня лапаротóмия. Л. Н. в 10 часов уехал верхом. Софья Андреевна попрощалась со всеми, просила прощения у няни и т. д. у всех. Родные и прислуга приходили к ней. С 11.45 до часу наркоз эфиром в комнате Софьи Андреевны. И только когда наркоз начался, Снегирев осведомился, чтó приготовлено, какие растворы, и распоряжался, что кому делать.

Целый день была толкотня, приезжали, уезжали, приносили и отправляли телеграммы, выписывали вещи из Тулы, доктора убирали свои вещи. Софья Андреевна стонала, жаловалась, что ей не лучше, чем до операции; что не все вырезали, не оставили ли чего? Вечером приехал Феноменов. Я объясняю себе взволнованность Снегирева тем, что операцию пришлось делать при начинающемся перитоните и повышенной температуре — операция очень рискованна и, в случае неудачного исхода для жены Толстого, подорвала бы репутацию оператора.

Вечером Л. Н. сидел напротив Феноменова за длинным столом, занятым семейными и докторами. Л. Н. говорил мало, потому что Феноменов был невнимателен, так же и другие врачи, кроме Снегирева и Чекана. Л. Н. скоро ушел к себе.

Л. Н. стал увеличивать и переделывать свою статью о Генри Джордже и говорил вечером Лебрену содержание ее [1].

3 сентября. Приехала Елизавета Валерьяновна, уехали Сергей Львович и Феноменов. За обедом: Татьяна, Мария и Александра, Илья, Анд-

рей, Михаил Львовичи, Елизавета Валерьяновна, доктора. Л. Н. пришел поздно:

— Я за ночь отоспался.

Снегирев спросил Л. Н.:

— Где есть сильное религиозное движение? В России участвуете в нем вы, Соловьев, Достоевский. А за границей соответствующее есть?

Л. Н.: Оно есть, но с оттенками. В народе оно сильнее всего у славян: назарены, духоборы. У образованных — у англосаксов; там это в большинстве Джон Булли [1]; обрядовое празднование воскресенья и никакого внутреннего, духовного христианства. А редкие серьезно и глубоко поглощены христианством. У немцев — широкий протестантизм неподвижный, закостенелый или научный интерес. У американцев была плеяда замечательных писателей, начиная с Чаннинга, основателя унитаризма,— Баллу, Торо, Эмерсон... Не могу простить Тургеневу, что он просмотрел (это движение). В «Вестнике Европы» утверждал, что в Америке ничего нет [2].

Николай Леонидович: Еще есть квакеры.

Л. Н.: Здесь были Bellows и Brooks, лучшие из них. Брукс был человек денег. Беллоуз — очень милый и добрый. Но когда Буланже говорил его сыну, что христианину нельзя быть богатым, это Беллоузу не понравилось, и он постарался удалить Буланже. Он это сделал гладко, у них приемы выработанные и веротерпимость (выработанная). Настоящие великие люди не живут без религии, а у нас выдумали, что надо ее оставить. В Персии есть бабизм, учащий тому, чему учит рациональное христианство. Только они скрываются, а то отрубят голову. Бывший персидский посол у нас, потом участник Гаагской конференции мира писал мне, спрашивая..... * Я ему ответил длинным письмом, что на эти вопросы отвечает бабизм. Больше мне не писал [3]. Есть старые страны, Тибет; что́ там творится, не знаю. В Казани в больнице лежал по соседству со мной лама. На него в 30 верстах от Казани напали. Приставили ему дуло ружья ко рту. Он, по своей религии, не противился. Дробью ему пробили голову. Там лечился. Я тогда это не ценил, мы играли с ним в шахматы, он отлично играл, обыгрывал меня [4]. Каждый день получаю письма: «Для чего жить?» От евреев есть запросы. Сегодня письмо учителя об «Исповеди».

Л. Н. рассказал содержание письма [5].

4 сентября. Софья Андреевна кричит от боли. Членов семьи к ней еще не пускают. Приехала сиделка, так что здесь Снегирев, Полилов, Гайчман и она. Вечером приезжала из Тулы Елизавета Васильевна, инструментарка Чекана. Ко мне приехал на помощь для посещения тифозных (в Ясной Поляне переболело 64, в окрестных деревнях более 50 человек) военный фельдшер Ф. Н. Серегин от участкового врача. Участковый врач предложил лекарства для тифозных из земских средств. Уехала Елизавета Валерьяновна. Прощались Гольденвейзеры. Завтра уезжают с дачи. Приехали: Сергей Львович с женой, М. С. Сухотин с Танечкой. Елизавета Валерьяновна уехала в Пирогово к больной матери Марии Николаевне. У нее катар легких, ноги пухнут, лежать не может.

Л. Н. днем читал Лебрену из Послания Павла, как приводили Павла на суд к Галлиону (проконсулу) [1], и советовал прочесть об этом у Анатоля Франса «Sur la pierre blanche». А вечером Л. Н. опять читал вслух это место. В Послании Павла несколько строк о том, как Павел спорил со стариком о вере. У Анатоля Франса об этом длинные рассуждения.

Л. Н. играл с Гольденвейзером в шахматы. По какому-то поводу вспомнил:

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

— Когда в старину низший писал высшему, то писал «Милостивейший государь»; когда равные писали, то «Милостивый государь»; когда высший писал низшему, то «Милостивый государь мой». Закревский писал Мамонову и, чтобы показать, что он низший, написал: «Милостивый государь мой, мой, мой».

Когда все ушли в 11 часов вечера и остались только Лебрен, Л. Н. и я, Л. Н. просил найти в библиотеке воспоминания Гете. Давно читал их, но не нравились ему и плохо помнит. Лебрен спросил:

— Стоит ли читать «Фауста»?

Л. Н.: Нет. Там мистическое представление об искусстве. В первом путешествии в Италию ему казалось, что он открыл что-то новое в искусстве: красоту. Читайте «Германа и Доротею»— идиллия. Хороша. Есть в переводе Фета. Хороши «Werther's Leiden».

Я: Вам нужны воспоминания Гете еще для «Круга чтения»?

Л. Н.: Нет. Вечерами зимою хочу писать свои воспоминания [2], хотя у меня есть схема; хочу видеть, как он писал их; Гете — старик.

Л. Н. (*к Лебрену*): Уже самое название «Wahrheit und Dichtung», «Вымысел, поэзия и действительность»— нехорошо. Так помнится, что нет искренней передачи впечатлений и чувств [3].

5 сентября. Софья Андреевна все жалуется на боли. Ее очень берегут, и она чуть ли не привязана к постели. Снегирев говорит, что от такой нервной особы можно опасаться самого неожиданного: распорет себе живот. Когда вечером Андрей Львович рассказывал это Л. Н-чу, Л. Н. спросил:

— Нет средства, вроде морфия, впрыснуть и на 12 дней заснуть? Сделал бы себе.

Вечером Л. Н. говорил о том, что учение Павла — не учение Христа:

— У Павла задор, грубость. Он тип чисто революционный, практическое применение к жизни (компромисс с властью), обещает спасение. А в этом (споре о вере, который Л. Н. читал вчера) хорошо изображено, что Галлиону ⟨вера⟩ показалась сущим пустяком. Он никогда не мог представить себе, что из Павла выйдет человек, который полмира себе покорит.

Л. Н. рассказал про Гете, как на приеме у Наполеона последний спросил его, женат ли.—«Да»,— ответил Гете, и «sobald er nach Hause kam heiratete er». «Es war ein grosser Geist» *,— говорил о нем в Веймаре Л. Н-чу проводник.

7 сентября.

Л. Н. (*мне*): Я нынче прочел и всем говорил об этом, советую и вам прочесть в английском журнале «Review of Reviews», что во Фландрии, Бельгии деревенские жители — беднейшие. Все способные идут в города, в деревнях остаются одни слабые [1]. Второе (в «Open Court», September 1906), что японский министр просвещения издал циркуляр, что западные социалистические взгляды или учения пагубны, чтобы держались старинной нравственности. Удивительно, в самой плодородной стране, Бельгии, где эти взгляды привились, народ не может прокормиться с земли в деревнях. А японский министр видит эту опасность (к чему ведут эти взгляды) и предостерегает от них [2]. Как быстро заражается Япония дурной стороной цивилизации, что люди земледельческим трудом не хотят заниматься и не могут себя прокормить.

Кто-то спросил: «Кто поедет завтра в Тулу»? Ответили: «Братья-кадеты» (Сергей и Илья Львовичи).

Л. Н.: Не говорите такие неприличные слова.— И Л. Н. разговорился по этому поводу и рассказал, что в рассказе Слепцова сказано: «Я принц Ольденбургский».—«Такие слова за столом неприлично говорить» [3].—

---

* «как только вернулся домой, женился». «Это был великий ум» (*нем.*).

ЯСНАЯ ПОЛЯНА. ЛЮБИМАЯ СКАМЕЙКА ТОЛСТОГО
Фотография 1940 г.

Ведь этого уже нет, не пишется. Как скоро исчезли эти черты! Как скоро исчез русский язык, русский смысл и заменился этой чертой... Я читал рассказ Пешехонова. Как он пишет, все так пишут: ни одного народного выражения, правильного положения [4]. На днях был прохожий, сказал два слова: «политический», «агитация».

В 11 дня уехал Снегирев.

8 сентября. Уехала вся семья Ильи Львовича, я был в Туле.

Вечером Л. Н. играл в шахматы с Михаилом Сергеевичем.

Михаил Сергеевич: В «Новом времени» пишут, что господин Львов в «Образовании» выражает вам презрение за «непонимание великого революционного момента». В преступном всепрощении упрекает вас и восхваляет праведный гнев (террор). Это понял Горький, автор выдвигает его [1].

Л. Н. тихо улыбался и, подождав, сказал:

— Одно слово говорю каждый день: радуйся, когда ругают тебя. Это отводит от той области — мнения о себе.

Михаил Сергеевич говорил что-то о газетах.

Л. Н.: Не читайте их. Я читал Гете; Гете лучше, чем газеты. Читал «Wahrheit und Dichtung». Искусственно, неверно, но многое хорошо, интересно. Гете был мальчиком, когда начиналась Семилетняя война. Отец его был за Фридриха, дедушка, выдающийся человек,— за Габсбургов. В семье спорили две стороны. Десятилетним ходил во французский театр (во Франкфурте-на-Майне) и участвовал в дуэли на саблях.— И Л. Н. рассказывал подробности вроде этих.

— Гете,— сказал он,— хотел облегчить биографу ⟨возможность⟩ разобраться в том, что заставляло его писать известные сочинения. Мне эта точка зрения не нравится. Я описываю самые сильные впечатления своей жизни.

Вчера Илья Львович и Сергей Львович (кадеты), с одной стороны, а с другой — Андрей Львович (правый), Михаил Львович (беспартийный), Николай Леонидович (взглядов Л. Н.) спорили о политике.

Л. Н.: Вот Семилетняя война... — И рассказал сегодняшний разговор с Кочергиной. Сторож яблочного сада выстрелил дробью в лошадь яснополянской крестьянки. Л. Н. уговаривал Кочергину дать вознаграждение вдове, хозяйке лошади. Кочергина: «Тогда все будут пускать скот в сад. У них есть револьверы (в деревне есть шесть) и стреляют к нам через забор».

— Теперь считается необходимым иметь браунинги, как раньше — сапоги, цепочки с часами. Внушено, что надо вооружаться. Гвельфы стреляют с этой, гибеллины — с той стороны забора[2]. Овцы без пастырей, — сказал Л. Н.

Александра Львовна сказала Николаю Леонидовичу, что Л. Н. просит его прежде, чем она перепишет статью начисто, поправить ее.

Николай Леонидович (*робко*): Как же мне поправлять маститого писателя?

Александра Львовна: Лебрен целые абзацы вставляет, тут ведь надо поправлять технику [3].

Сегодня вечером в первый раз не впрыснули морфию Софье Андреевне, хотя она просила.

Михаил Сергеевич (*Л. Н-чу*): И мне и вам после воспаления легких ради сна впрыскивали морфий. Как это желанно, приятно! Вы сами ведь желали.

Л. Н.: Больше от тоски, чем от болей; или чтобы был сон.

Вечером уезжали Сергей Львович с Марией Николаевной; за столом остались одни семейные, и я ушел. Л. Н. рассказывал некоторые анекдоты. Об N. N. (Шереметеве): бросал деньги, а у него было два с половиной миллиона долгов.

— И всегда есть такой предел, при котором все равно, — сказал Л. Н. Про Жемчужникова: когда ему в гостинице принесли суп с волосом, позвал хозяина гостиницы и сказал ему: «Я люблю, чтобы суп подавали на особой тарелке, а волоса на особой».

Л. Н.: Я читал нынче «Молоканский вестник»— хороший.

9 сентября. Утром приехали Х. Н. Абрикосов и Юлия Ивановна, а я ушел в Тулу и вечером вернулся пешком.

Вечером Л. Н. говорил больше всего с Абрикосовым. Кроме него, с Оболенскими, Михаилом Львовичем и его женой, Михаилом Сергеевичем, Татьяной Львовной, Андреем Львовичем и Александрой Львовной.

Л. Н., хотя не совсем здоров, ездил к Булыгиным и не очень устал. За обедом его спросили про них.

Л. Н.: У них все хуже. Из кухни сделали гостиную, пиано́ есть.

Л. Н. спрашивал Юлию Ивановну про Крым, особенно про Бахчисарай, и притом вспоминал, как он вместе с казаком ездил верхом из Симеиза в Бахчисарай и ни одной души на Южном берегу Крыма не видали. (Жители боялись, что неприятель высадит войска, бежали.)

Л. Н.: Бахчисарай, я его знаю и люблю. Дворец небогатый, но с таким вкусом. Никого там не было, чтобы показать нам. Бассейн — там мы со Столыпиным-отцом купались [1]. — Потом вспоминали какую-то крымскую долину.

Л. Н.: Там были огороды и виноградники, а теперь — табачные поля.

Вечером, когда попили чаю, Л. Н. читал вслух выписки Лебрена из Герцена. Начал было читать одну, которую не дочел, и сказал:

— Лондон как хорошо описывает, но я хотел читать об его разочаровании в революции.

11 сентября. Вечером Л. Н. играл в шахматы с Михаилом Сергеевичем и почти час читал с жаром вслух Герцена о революции.

Л. Н.: Это совершенно относится к нашим. Русский народ не может удовлетвориться ограниченностью муромцевской «революции».

За чаем голосование: оставлять ли гореть свечи на чайном столе или нет. Перевес и по числу голосов и по годам был на стороне «тушить».

12 сентября. Вечером приехал Булыгин с Беневским. Л. Н. просил Беневского, едущего в Москву, посетить свою сестру в тюрьме, свезти Ивану Ивановичу новые статьи: «О значении революции» и «Единственное возможное решение земельного вопроса» — и просить не посылать ему корректуру второй статьи, а то опять займется переделыванием, а стилистические ошибки пусть сами исправят, а Николаеву послать проверить, нет ли неисправностей о Генри Джордже [1].

Л. Н.: Теперь печатают в переводе Николаева «Social Problems» *. Какая прелесть!

Михаил Сергеевич упрекал автора «посланий» к Тимофею, к Галатам, к Фессалоникийцам и к другим в неправдивости, когда он обращается к фиктивным лицам и приводит подробности: поздравить того и того, послать ему назад оставленную одежду. А теперь доказано, что эти «послания» были сочинены позже другим лицом [2].

Л. Н.: В том ничего худого нет. Писатель хотел произвести большее воздействие на читателей. Сережа возражал мне, что изменяю тексты в «Круге чтения». Кто хочет учености, пусть обращается к ученым. А мне надо только выразить наилучшим образом религиозно-нравственные истины.

Л. Н.: Какая судьба! Павел всегда мне был противен. Фальшивый сентиментальный тон, где он пишет о любви.

Разговор перешел на синайский кодекс Тишендорфа [3], его собрание разных текстов Евангелия.

Л. Н.: Я пользовался вариантами текста Евангелия, чтобы лучше передать смысл [4].

Потом Л. Н. прочел безграмотное письмо из захолустья — из Колывани Томской губернии, в котором спрашивали о том, какая вера истинная, о земле, о «Выборгском воззвании»; надо ли платить подати [5] и т. д. Л. Н. удивлялся, что Думский манифест там знают крестьяне и спрашивают о нем наравне с вопросами о земле и боге. Николай Леонидович говорил, что Крестьянский банк корчует 12 десятин посадки Сергея Николаевича и Бобринских, чтобы продавать землю под пашню мужикам. Л. Н. за обедом рассказывал, с кем встретился на прогулке.

— Русский язык пропадает. «А далече господь носил»? — спросил меня старик-цыган. Молодые бы спросили: «В какой дирекции гуляли?» Цыгане красивые, с выдержкой народ. Когда они с русскими смешиваются, дети похожи на них.

Л. Н.: Сегодня получил письмо от англичанина; пишет, что он тогда-то писал мне такое-то письмо: тема его — что я делал бы, если бы я был миллионером [6]. Я хочу ему ответить, что я отдал бы все миллионы за то, чтобы перевелись такие дураки. (*Смех.*)

Л. Н. советовал Беневскому снести сестре в тюрьму Ламеннэ «Les Evangiles». — Тут его комментарий к Евангелиям. Из них взято в «Круг чтения». Это лучшее из его произведений. «Слова верующего» риторичны [7].

Л. Н.: Карлейля «Sartor Resartus» пробовал, не мог дочитать. (В книге) «Герои» — и мысль нехороша. Лучше всех его короткая книга «Сфинкс»: превосходна [8].

Л. Н.: Читаю статью, что английским рабочим предстоит собраться и устроить «пугачевщину».

Л. Н. сказал приблизительно так:

— А тамошние революции? Вдруг окажется, что они (английские рабочие) перестали повиноваться. Если считать, кто это на деле делает

* Генри Джордж «Общественные задачи».

революцию, то у нас один на 200 тысяч, и дело удается не потому что напор силен, а потому что сила угнетающая слабеет, потому, что общественное мнение изменилось. Долгорукому стало стыдно иметь 10 тысяч десятин, и он в Государственной думе говорит за передачу земли крестьянам.

13 сентября. Получается ежедневно по несколько писем сочувствующих по поводу болезни Софьи Андреевны. Был Иосиф Константинович. Л. Н. обедал у Сухотиных, в «кузминском доме». Л. Н. ушел гулять в 2 часа и вернулся в 5. Устал, сел на пень и заснул. Не помнит, когда.

Сегодня я читал «О значении русской революции». Поражен ясностью и полнотой, на все вопросы, сомнения отвечает.

Л. Н. (*вечером*): Хочу писать китайцу. Послал мне свои английские книги (две), очень хороши [1]. Прочел в Брокгаузе о Китае. Очень плохая статья, фабричная ученость: выписано очень много источников, династий, география, а общего понятия не дает [2].

Лебрен: Китайцы так пашут, что на три-четыре семейства один буйвол, и все семьи корм собирают.

Л. Н. прибавил:

— Китайцы самыми первобытными земледельческими орудиями пользуются и достигают высшей культуры*. Машины им не годятся уже из-за починок. Пашут на мулах или на себе.

Андрей Львович говорил о жестокостях, казнях у китайцев.

Л. Н. говорил, что у нас есть другая жестокость: одиночное заключение. Вспомнил, как оружейники тульские чижей ловят,— одного привяжут, к нему слетаются другие. Не желтым откручивают головы. Из них похлебка хороша.

Л. Н. ездил на Делире, который уже оброс к зиме длинной и густой шерстью. Спал до 7. Вечером шахматы с Михаилом Сергеевичем. После Л. Н. сидел, низко сгорбленный, недвижимо и мало участвовал в оживленном разговоре. К чему-то заметил:

— Кропоткин (Л. Н. теперь читает его «La conquête du pain») [3] критикует Генри Джорджа и, возражая ему, говорит против того, чего Генри Джордж никогда не утверждал. Это простительно, когда какой-нибудь Илюша так взболтнет, а тут серьезный, ученый человек пишет книгу — и такая вещь.

Мария Львовна говорила, что Софья Андреевна сегодня тоскует по морфию, все у нее болит (вчера не получила морфия):

— Прав папá, когда говорит о впрыскивании морфия: ничего нельзя делать лучше и хуже. В первый день освобождает от болей, от тоски, на второй же день еще более невыносимо.

14 сентября. Я предложил Л. Н. девять поправок в статью «О значении русской революции». Л. Н. со всеми согласился, внес их и еще поблагодарил. Потом я еще сказал, чтобы к Чаннингу, Эмерсону, Карпентеру приписал и Давидсона-Моррисона. На это Л. Н. ничего не ответил. Пополудни зашел ко мне с письмом (приглашением к больному) и сказал мне:

— Давидсона-Моррисона туда нельзя. У Эмерсона положительное есть, а у Давидсона-Моррисона его нет. У него блестящее отрицательное [1].

Пополудни приехал Сергей Львович. В 3 часа Л. Н. сидел за чаем. Меня не было. Вечером винт. Я не слышал никаких разговоров, только Александра Львовна мне сказала, что Л. Н. принес ей много переписки: письмо к китайцу.

---

* Кто-то вставил, что у них почти нет железа и даже мотыги деревянные.

Вечером уехал М. Н. Покровский — врач, пробывший неделю у Софьи Андреевны.

15 сентября. Утром уехал Сергей Львович. Третий день идет снег, но тает. Л. Н. ездил в лес около Саломасова, Мясоедова.

Говорили о революции. Татьяна Львовна говорила, что революция, может быть, кончилась.

Л. Н. высказал мнение, что революция в России не кончилась:

— Прав Леруа-Болье: «Vous en avez pour 50 ans» *. Огромное государство расшатано, разваливается. Это как бы огромный храм, который разваливается и который надо совершенно развалить по кирпичам и потом построить новый. Все это требует очень долгого времени, тем более, что, может быть, и кирпича не хватит.

Михаил Сергеевич: Да, еще по новому плану надо строить.

Андрей Львович: Выписать мастеров из Германии, они быстро это сделают.

Л. Н. спросил Михаила Сергеевича:

— Что́ Миша?

Михаил Сергеевич: Он произведен в офицеры-кавалергарды и не хочет покидать службу.

Л. Н.: Я понимаю молодых людей, которые идут служить в кавалергарды для того, чтобы носить мундир, рейтузы. Это так свойственно молодости. Это лучше, чем заниматься политикой, устраиванием судьбы других людей с уверенностью, что они на это способны,— при этом Л. Н. посмотрел на Михаила Сергеевича.

Николай Леонидович: Теперь кавалергарду предстоит не только саблей побрякивать, а и в дело пускать: усмирять стачечников.

Л. Н.: Правда, раньше о том думать нечего было. Когда однажды на скачках убилась лошадь и хотели ее пристрелить, у всех городовых, револьверами которых хотели воспользоваться, револьверы оказались деревянные.

Андрей Львович вспомнил Александра Петровича, что его одел, что М. Д. (?) назвал его дармоедом, и т. д. Л. Н. вспомнил, что с Александром Петровичем знаком с 1878 г., за три года до московской переписи. Он пришел в Ясную Поляну.

Вчера Л. Н. смотрел в Брокгаузе, сколько было А. Д. Столыпину лет: 77, и умер в 1899 г. [1]

Сегодня Л. Н. сделал замечание кучерам, что плохо чистят лошадей.

Л. Н. в последнюю неделю-две молчалив, а в последние четверть или полгода меньше горячится, более мягок, терпелив.

Софья Андреевна месяц тому назад хотела было поручить Лебрену переписать на ремингтоне историю своей жизни и к ней отрывки из корреспонденции и дневников Л. Н-ча. Л. Н. отклонил это, не хочет, чтобы при его жизни дневники читали и переписывали. Софья Андреевна просила Лебрена приехать на три месяца.

Чертков зовет Лебрена к себе для работы над энциклопедией мыслей Л. Н., распределить их по темам и переписывать на ремингтоне.

16 сентября. Приехали: Мария Александровна, Илья Львович с Пильбаумом и Андрей Львович — с охоты. За обедом меня отозвали к угоревшим от самовара детям. Л. Н. вспомнил, что в сороковых годах во Франции часто прибегали к самоубийству газами. Смерть эта считалась легкой.

Гайчман: Она, действительно, легкая. Засыпают спокойно, не чувствуя перехода.

---

* «Вам ее на 50 лет хватит» (*франц.*).

Л. Н.: Ведь никто оттуда не возвращался, кто бы это подтвердил. Вам, врачам, ведь известно, что при наркозе бывают проявления болей, а больной не чувствует их. Но это может быть и в обратную сторону: не показывает болей, а чувствует их.

Илья Львович: Самый сильный угар бывает в каменных сырых избах, когда в первый раз топят, и запаху притом не бывает никакого. Углекислый газ не пахнет, пахнут примешанные другие газы.

Николай Леонидович: На это говорят, что «стены отходят».

Пильбаум говорил о том, о чем никто до сих пор у Толстых не говорил: какие кто имеет чины, какие титулы и т. п. Как верно Л. Н. описывает немцев! Мелочные материалисты, покоряющиеся властям, нравственно грубые.

Илья Львович и Пильбаум говорили об охоте.

Л. Н.: Как жалко, что нет такой охоты, чтобы не убивать.— Обращаясь к Марии Александровне и другим не охотникам, сказал:

— Вы не знаете, какое это чувство. Идешь лесом, и вдруг мелькнет из-за деревьев большой зверь: волк, медведь, лось. В другие разы, хотя ходишь по лесам, их ведь не увидишь.

Пильбаум рассказал, как его волк укусил в локоть, Илья — как волк, преследуемый собаками, подошел к нему на два шага, потом сделал то, что волк в таких случаях делает, и — в сторону.

Л. Н. рассказал про охоту на волков у киргизов. Киргиз берет двух лошадей; когда одна устает, перескакивает на другую. Махмуд Иванович рассказывал, как он гонялся за волком верст двадцать. Волк обессилел и упал. Он слез с лошади и тоже упал от слабости. Так лежали друг возле друга. Потом встал и убил волка.

Пильбаум: Там их бьют обухом, и очень ловко, с лошади.

Говорили об охоте на куропаток — как это притягивает.

Л. Н.: Это меня еще не так. А в болотах, в полях чудные места. Осенний день хороший... Когда идешь по узкой перекладине над речкой, собака пустится стремглав за тобой и собьет с ног. Это всегда так.

Л. Н. читает «Буддийские сутты» (Восточная библиотека, СПб., 1900) и «Сутта Нипата», с английского перевода профессора Дэвидса-Риса перевел И. Н. Герасимов (там же 3-й том. «Путь к истине»— Dhammapada — Восточная библиотека. СПб., 1899). Прислал к Л. Н. свои экземпляры Меньшиков. Л. Н. в них отметил места, которые ему понравились [1].

Китаец, которому вчера и сегодня писал Л. Н., прислал книги: 1) «Papers from a Viceroy's Yemen» by Ku Hung Ming. Shangai, 1901. Chinese plead for the Cause of Good Governement True Civilisation in China, 2) «Et nunc, reges, intelligite! The Moral Causes of the Russo-Japanese War» by Ku Hung Ming. 1906 (то же изд.) [2].

17 сентября. Именины Софьи Андреевны. Утром уехал Пильбаум. Мария Александровна говорила мне, что Л. Н. ей сказал: «У нас много народу, а не с кем поговорить». Мария Александровна сказала, что пойдет сегодня с Машей к нему поговорить. Я ей отсоветовал.

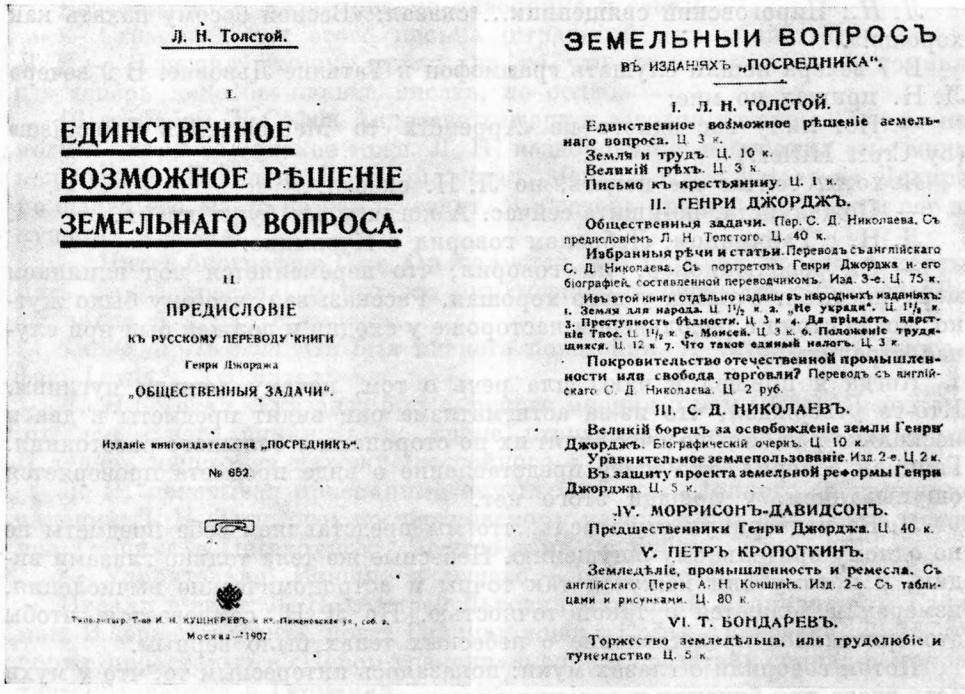
Мария Александровна: Я думаю, что он скучает. К Шарику — действительно ласковая собака — привязался; сказал, что с ним не чувствует так одиночество.

Утром приехали из Москвы Иосиф Константинович, Михайлов, Беневский, Кузьмин, Николаев. Л. Н. беседовал с ними три раза, но я отсутствовал, ездил в Варварку.

Л. Н. (*за обедом*): Когда ехал (ездил верхом на прогулку), сочинял предисловие к «Social Problems», которые перевел Николаев [1].

Лебрен заметил:

— В самое последнее время Л. Н. стал очень хорошо писать — например, о Паскале, Ламеннэ в «Круге чтения» [2].


Л. Н. Толстой.

I.

ЕДИНСТВЕННОЕ ВОЗМОЖНОЕ РѢШЕНІЕ ЗЕМЕЛЬНАГО ВОПРОСА.

II

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ КНИГИ

Генри Джорджа

„ОБЩЕСТВЕННЫЯ ЗАДАЧИ".

Изданіе книгоиздательства „ПОСРЕДНИКЪ".

№ 882.

Типо-литогр. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.

Москва—1907

ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ

ВЪ ИЗДАНІЯХЪ „ПОСРЕДНИКА".

I. Л. Н. ТОЛСТОЙ.

Единственное возможное рѣшеніе земельнаго вопроса. Ц. 3 к.
Земля и трудъ. Ц. 10 к.
Великій грѣхъ. Ц. 3 к.
Письмо къ крестьянину. Ц. 1 к.

II. ГЕНРИ ДЖОРДЖЪ.

Общественныя задачи. Пер. С. Д. Николаева. Съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. Ц. 40 к.
Избранныя рѣчи и статьи. Переводъ съ англійскаго С. Д. Николаева. Съ портретомъ Генри Джорджа и его біографіей, составленной переводчикомъ. Изд. 3-е. Ц. 75 к.

Изъ этой книги отдѣльно изданы въ народныхъ изданіяхъ: 1. Земля для народа. Ц. 1½ к. 2. „Не укради". Ц. 1½ к. 3. Преступность бѣдности. Ц. 3 к. 4. Да пріидетъ царствіе Твое. Ц. 1½ к. 5. Моисей. Ц. 3 к. 6. Положеніе трудящихся. Ц. 12 к. 7. Что такое единый налогъ. Ц. 3 к.

Покровительство отечественной промышленности или свобода торговли? Переводъ съ англійскаго С. Д. Николаева. Ц. 2 руб.

III. С. Д. НИКОЛАЕВЪ.

Великій борецъ за освобожденіе земли Генри Джорджъ. Біографическій очеркъ. Ц. 10 к.
Уравнительное землепользованіе. Изд. 2-е. Ц. 2 к.
Въ защиту проекта земельной реформы Генри Джорджа. Ц. 5 к.

IV. МОРРИСОНЪ-ДАВИДСОНЪ.

Предшественники Генри Джорджа. Ц. 40 к.

V. ПЕТРЪ КРОПОТКИНЪ.

Земледѣліе, промышленность и ремесла. Съ англійскаго. Перев. А. Н. Коншинъ. Изд. 2-е. Съ таблицами и рисунками. Ц. 80 к.

VI. Т. БОНДАРЕВЪ.

Торжество земледѣльца, или трудолюбіе и тунеядство. Ц. 5 к.

Л. Н. ТОЛСТОЙ «I. ЕДИНСТВЕННОЕ ВОЗМОЖНОЕ РЕШЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНОГО ВОПРОСА. II. ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ КНИГИ ГЕНРИ ДЖОРДЖА «ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЗАДАЧИ»

Издание «Посредника», Москва, 1907

Обложка (лицевая и внутренняя стороны)

18 сентября. За обедом Л. Н. говорил, что сегодня получил стихи от лавочника из Тамбовской губернии, возвеличивающие Спиридонову и призывающие к мести, крови. Тон: горьковское — cracher *[1].

Николай Леонидович: На днях Буренин в «Новом времени» писал о Горьком.

Л. Н.: Я читал. Грубо...

Николай Леонидович: Грубо и бездарно! Буренин исписался, но интересны карикатуры на Горького и цитата из письма Горького французам о том, что плюет на них... [2] Но французские писатели не реагировали [3]. Один Анатоль Франс попался. Он председатель союза, основанного Муромцевой для помощи русской революции [4].

Л. Н. недавно сказал, что он своими корреспондентами хорошо осведомлен о том, какими интересами живет Россия.

Л. Н.: Мне сегодня пришла мысль, что охота — пробуждение в человеке старого занятия (атавизм). То же самое будет с земледелием, оно уже и есть.

Андрей Львович: Земледелие — тяжелый труд, охота — не то.

Л. Н.: В сапогах в болотах... а пахать за хорошей лошадью — удовольствие.

Мария Львовна вспоминала, какое наслаждение было работать. Вспомнила, как с Осиповым свозила рожь: его жена или носила или рожала.

— Уже смеркалось, возвращалась домой, а тут папá вдруг как из земли вырос,— говорила Мария Львовна. Пришел ее искать.— Самая трудная работа — навоз бить; потом молотить; потом косить.

---

* плевать *(франц.)*.

Л. Н.: Пироговский священник... сказал: «Весной босому пахать как хорошо!».

В 7 вечера пошли слушать граммофон к Татьяне Львовне. В 9 вечера Л. Н. пришел ко мне:

— Нет ли у вас одного из «Appendix to Metachristian Catechism» (by Croft Hiller?)

Я хотел сейчас же искать, но Л. Н. сказал:

— Пожалуйста, не ищите сейчас. А когда у вас будет время.

Л. Н. с Гайчманом, Лебреном говорил о Кузьмине:

— Он революционер, но говорил, что переменяется под влиянием моих писаний. Улыбка у него хорошая. Рассказывал, что ему было жутко, когда стоял с револьвером настороже у сходки и должен был при случае стрелять.

Когда я пришел к чаю, шла речь о том, почему лошади пугливы. Кто-то утверждал, что из-за астигматизма они видят предметы в два и несколько раз больше и что видят их по сторонами с большого расстояния. Гайчман говорил, что наше представление о виде предмета проверяется ощупыванием, у лошади этого нет.

Л. Н. подчеркнул эту мысль, что мы представляем себе предметы не по одному зрительному ощущению. Небесные же тела только глазами видим, и потому они кажутся так точны и астрономические вычисления, измерения делаются с такой точностью. Но Л. Н. сомневается, чтобы это зрительное представление о небесных телах было верным.

Потом говорили о глазах мухи: показалось интересным то, что у мухи есть глаза для близких и дальних расстояний. Л. Н. попросил посмотреть в Брокгаузе. Лебрен принес; так было и о глазах пчелы. Л. Н. смотрел рисунок [5].

Л. Н. дал мне немецкое письмо, которое не мог прочесть, чтобы я его на досуге разобрал. Письмо раввина из Вены, написанное готическим и тяжелым для чтения почерком.

Л. Н.: Не проходит дня, чтобы не получил от еврея письма. Вчера от девушки, неприятное.

Я прочел из него вслух. На это Л. Н. ничего не заметил. Андрей Львович сказал, что читал в статье газеты «Око», как усилилась эмиграция евреев из России. С 1 июля 1904 по 30 июня 1905 г. эмигрировало 183 000 *. Из них половина не возвращается. Л. Н. спросил, куда эмигрируют.

Я: Главное, в Северную Америку и из Австрии евреи в той же пропорции эмигрируют, и тоже в Америку.

Л. Н. спросил, есть ли евреи, занимающиеся земледелием.

Я: В Бессарабии и восточной Венгрии. Знаю об этом понаслышке, самому не пришлось видеть.

Л. Н.: На юге России был у них с инспекцией N. N. Говорил, что делали вид, будто занимаются: стояли у плуга, но не умели пахать, сдавали землю крестьянам. Отсутствие поколениями корня в земледелии развращающе влияет на народ.

— Чем это объяснить?— спросил я.

Л. Н.: В общении с природой отношения простые, долг работы, кормления себя трудом... У живущих же не на земле развивается гордость, корыстолюбие, унижение.

Потом Л. Н. вспомнил, что у Глеба Успенского есть одна хорошая вещь: «Власть земли». И Л. Н. рассказал самую суть.

Л. Н. еще раньше говорил, что у работающих на земле нет борьбы за существование, кроме борьбы с природой. У живущих же в городах есть. Живут один за счет другого.

---

* Это преувеличено: 123 000.

Вечером Л. Н. читал письмо лавочника и стихи.

— Страшный тон этого письма (страшный дух убийства),— сказал Л. Н.— Я решил, что ему отвечу, да, то, что это нехорошо.— Вспомнил, что теперь надо бы письма писать, но ослаб.

19 сентября. У Софьи Андреевны вчера и сегодня вечером 37,5; беспокоится она, и ее близкие тоже. Л. Н. нездоровится и поранил себе мизинец дверью. Ездил на Вороном, устал. Меньше всего устает на Делире, но щадит его, часто на нем не ездит. В 9 вечера пришел в халате и лег на кушетку. Сказал:

— Читал биографию Гете. Он жалуется, что не умел играть в карты, мать ему запретила, и что это ему мешало в обществе. Впоследствии выучился и играл с мадам...

Татьяна Львовна Он был низкого поведения. Я читала его биографию Lewis [1]. Ты читал?

Л. Н.: Читал. Тургенев был высокого мнения о нем (Гете). Я поэтому пытался в него вникнуть и, кроме отвращения, ничего не испытал. И теперь ничего не нахожу (достойного в его личности).

Л. Н. показывал присланный ему первый том «Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого» по чертковскому изданию без пропусков, издание Герцика в Петербурге [2]. Четыре тома по рублю.

— Удивительно! Изящно и дешево,— произнес Л. Н.

Играли в винт: Л. Н., Андрей Львович, Николай Леонидович и Гайчман. В перерыве винта, когда Гайчман ушел к Софье Андреевне, Л. Н. говорил про статью в «Новом времени» о силе и средствах социал-демократических партий в Германии.

Л. Н.: По-моему, это совсем немного.— Л. Н. не импонировало ни количество членов, ни сумма капитала [3].

Николай Леонидович: Бебель был сначала против генеральной забастовки. Когда же увидал в России, что она возможна, стал за генеральную забастовку и за поддержку революционного движения в России [4].

Л. Н. ничего на это не сказал. Потом Л. Н. спрашивал Андрея Львовича и Николая Леонидовича про общее политическое положение. Они рассказывали, что политических убийств и аграрных беспорядков стало меньше; грабежей с убийствами — столько же. Между 15 и 20 сентября ожидалась вспышка революции, сначала в деревнях и — когда туда отведут войска из столиц — в столицах. Эти слухи распускали газеты и полицейские. Потом Николай Леонидович рассказал про партийные дрязги Гучкова, Шипова, Трубецкого. Л. Н. осуждал «Новое время», что пишет о слухах и партийных дрязгах Шипова, Гучкова, придавая им значение. «Новое время» должно было бы не замечать их.

Николай Леонидович: Это уже предвыборная агитация. «Новое время» за «Союз 17 октября». Гучков — председатель Московского комитета 17 октября, одобрил военно-полевые суды, Шипов поэтому вышел из Союза [5].

Потом говорили о Думе, о возможности отсрочки объявления выборов.

Л. Н.: Правительство делает ошибку тем, что оттягивает созыв Думы, раз оно обещало.

Потом Николай Леонидович говорил и Л. Н. расспрашивал о бумагах Крестьянского банка. (Они 4-хпроцентные и стоят 61 р.)

Когда Гайчман вернулся к винту, Л. Н. спросил его, не массирует ли он себе спину (Гайчман жаловался на ревматизм позвоночника).

Гайчман: Массаж тут ни к чему, так как не доберешься до суставов.

Л. Н.: Что же, гимнастику не делали?

Гайчман: Нет, а следовало бы.

Л. Н.: У меня есть гимнастика — стальные пружины — и прекрасная, пассивная, — и указал движение, которое он делает: полукруг вытянутыми руками сверху — назад — вниз и обратно.

Николай Леонидович вспомнил, что Марии Львовне рекомендовали гимнастику.

Л. Н.: Возьми у меня ⟨пружины⟩. Они мне не нужны.

Но Л. Н. по утрам делает гимнастику, я слышу в своей комнате, которая под его кабинетом, как у него по утрам при гимнастике скрипят сапоги. Пружины у него прикреплены к косяку дверей в гостиную.

Л. Н. получил книгу Либровича «О нерусском происхождении русских писателей» [6].

Андрей Львович рассказал, что великий князь Николай Николаевич (командующий войсками) пригласил его на охоту. Л. Н. спросил, поедет ли и кто там бывает.

— Между прочим, Дмитрий Борисович Голицын — товарищ Черткова.

Л. Н.: Да, я его помню. Когда провожал Черткова из Петербурга, он был у Черткова.

В 11.45 разошлись.

20 сентября. Приехали П. И. Бирюков, Беркенгейм, уехал Гайчман.

Л. Н. все нездоровится, за обедом одно блюдо не ел (Л. Н. обыкновенно много ест). Софья Андреевна в первый раз сидела в зале и обедала на кушетке.

Павел Иванович рассказал про врача Рудина в Плёсе, Костромской губернии, живущего с семьей крестьянской жизнью. Признает пользу знахарей, представителей народной медицины. У народа есть своя медицина. Свою землю, 100 десятин, отдал крестьянам «так»: «Земля божья». Работает с ними на ней сообща, продукты делят между собой. Причину болезней (например, кистомов) полагает в переедании. «Посредник» издал его книжку о заразных болезнях [1].

Л. Н.: Николаев рассказал мне много интересного и прислал мне брошюру Орлова с отмеченными местами. Прочтите, Душан Петрович. Орлов пишет, что русские крестьяне, община, какие бы подати на них ни налагали, разлагают их на землю — значит, то самое, что предлагает Генри Джордж [2].

Павел Иванович: Слышно, что какой-то земельный повышенный налог будет наложен на крупные землевладения. Как же министру финансов не думать, не взимать единый налог?

Николай Леонидович: Николаев сказал, что единый налог в России приносил бы 2 500 миллионов рублей.

Л. Н.: Я открыл сегодня Генри Джорджа и попал на место, где говорит, что это будет самый коренной экономический переворот, какой только может быть [3]. Они это чувствуют и не решаются на него.

Сегодня Павел Иванович рассказывал, что плакал, когда читал воспоминания Кони о Л. Н. [4]

В 8 вечера Андрей Львович сказал мне:

— Хотите знать, что делают мои родители? Вам ведь это интересно. Папа в добродушном настроении читает, мама ложится спать.

Л. Н. с Павлом Ивановичем говорили о «Посреднике», о беспорядочности, медлительности администрации «Посредника». Не стараются о распространении, а только о напечатании возможно большего количества. Нужен был бы им склад и в Петербурге. Между прочим, Павел Иванович сказал, что московский книжный магазин, открытый в Петровских линиях, развил дело «Посредника».

Татьяна Львовна: Продает одни посредниковские издания?

Л. Н.: Нет, и другие. У них есть на складе выбор хороших книг, catalogue raisonné *.

---

* каталог с пояснениями (*франц.*).

Павел Иванович: Стачки, революция с ее литературой им в этом году повредили.

Л. Н.: Революция сделала великое дело распространением книг, просвещения.

Л. Н.: Что наш еврей, который должен был явиться на призыв новобранца в Витебской губернии, не пишет. Может быть, он поддался и не хочется ему об этом сообщать. А я бы рад знать. Разумеется, никак не требую, чтобы он отказался. Какие хорошие его статьи! [5]

Павел Иванович: Теперь установлено: за отказ — от четырех до шести лет каторги или исправительных рот. До сих пор было неопределенно, было и 17 лет ссылки в Якутскую область. Это вызвано «Выборгским воззванием».

Павел Иванович рассказал про две лекции, которые читал в кружке Иван Иванович в Москве: одну о школе — что школа должна воспитывать людей свободными, нравственными, практичными, и вторую — о сектантах.

Л. Н.: Среда-то какая, которая воспитывает, в которую вернется ученик. Даже свободные свихнутся на те рельсы, которые есть. Все воспитание сводится к воспитанию самого себя. Наша среда извращена, далека от нормальной жизни. Первое, что мы требуем от воспитания в школе,— излишнее количество знаний. Надо будет как можно меньше требовать знаний; обучать и дожидаться, чтобы ребенок задавал свои вопросы.

Павел Иванович: Тогда он отстанет. Надо ему давать практические знания, чтобы проявились его способности.

Л. Н.: Пускай он отстанет. Если есть в нем задатки — они проявятся. Может быть, будет музыкант, философ, техник. Довольствоваться надо самым малым. Спуститься до самой скромной жизни и ограничиться в знаниях.

Павел Иванович говорил что-то про школу, которую хотят основать в Москве Иван Иванович, Клечковский, Николаев и другие. И как будто в программе Ивана Ивановича было: давать много знаний.

Л. Н.: Его жена старается спуститься как можно ниже и в знаниях. Пусть ребенок учится, когда сам захочет, в десять лет, а не как Танечка, чтобы в пять лет уже говорила на разных языках.

Павел Иванович: Обучать арифметике, рисованию, пению.

Л. Н.: Языкам.

Павел Иванович: Языкам, само собою разумеется.

Л. Н.: Надо два языка.

Павел Иванович: Игра, сознание долга, чем больше продуктивности, тем меньше потребности.

Л. Н.: Наше — господских классов — положение такое: разбойник хочет воспитать детей в справедливости.

Этот разговор о воспитании оборвался. На следующее утро Л. Н. сказал Павлу Ивановичу:

— Наша испорченная жизнь — это данное условие, это факт; но у тех, кого мы воспитываем, мы должны пробудить сознание (этой испорченности жизни) и дать им возможность бороться этим сознанием за лучшее.

Во время разговоров (участники: Л. Н., Николай Леонидович, Юлия Ивановна, Павел Иванович и я) Шарик, который все старается быть около Л. Н., вдруг встрепенулся, побежал в переднюю и принес Л. Н-чу шапку. Л. Н. обрадовался этому, отнял ее. Шарик потом выражал свои чувства тыканием носом в Л. Н., вспрыгивал, клал ему лапы на колени, и т. д. Николай Леонидович отозвал его. Л. Н. сказал: «Он поговорил». В 11 хотел его выпустить и сказал: «Он в возбужденном состоянии».

22 сентября. Пятница. Л. Н. получил письмо от Дудченко, жалуется на трудность жизни, на одиночество. Дудченко — один из тех интеллигентов, которые последовательно проводят трудовую жизнь до конца. Живет с семьей, работая на земле в бедности. После обеда приехал Михаил Сергеевич. Говорил Л. Н-чу о Д. А. Хомякове, о М. А. Стаховиче, о Шипове и о политике, что было неприятно Л. Н-чу. Л. Н. слушал молча и неохотно, потом встал и, положив ему руку на плечо, обратился к Бирюкову:

— Прощайте, Павел Иванович. Уже мы не увидимся. Умереть хотелось бы.

Михаил Сергеевич рассказал о требовании студентов Московского университета — собираться на политические сходки в университете. Ректор уступил, позволил. Хотя у студентов великая охота учиться, все-таки готовы были, в случае неисполнения этого требования, забастовать.

Л. Н.: Отчего это происходит? Людям не давали проявлять себя, а есть это желание участвовать в публичной, общественной жизни, проявлять себя.

Михаил Сергеевич рассказал про какое-то воровство. Л. Н. поправил его: «Экспроприация»,— и рассказал, что вчера читал в газете об осуждении кого-то за воровство, а газетчик прибавляет строку от себя, где жалеет, что приходится тому страдать за экспроприацию. Л. Н. сказал, что теперь нравственные понятия извращены.

Михаил Сергеевич говорил про Хомякова, что Аладьин ему милее — он цельный человек,— чем Шипов, от которого ничего не осталось в погоне за министерским постом, в меньшей мере — Стахович. О революции Хомяков говорил, что наступает le moment de lassitude *.

Юлия Ивановна привезла из Крыма от какого-то художника статую Л. Н., сделанную по картине Репина, где Л. Н. босой. Л. Н. похож на Серафима Саровского. Л. Н. сказал об этой статуе: «Безобидный человек»,— и пожелал убрать ее с окна столовой.

Пополудни за чаем Мария Львовна рассказывала Павлу Ивановичу о Л. Н., как он относился к болезни Софьи Андреевны. Л. Н. не был за операцию. От решения этого он отстранился. Говорил, что не важно, умрет или нет, а важно, как она живет, ее внутренняя жизнь. Нарушать медицинским вторжением это торжественное не следует. На второй или третий день после операции, когда Софья Андреевна все охала, кричала, Л. Н., придя от ее дверей, сказал: «Надо этих докторов прогнать. Она наверное умрет». Пришла Александра Львовна, которая тоже стояла у дверей Софьи Андреевны и слышала, как она кричала оттого, что ей капала холодная вода на ноги, и рассказала это. Л. Н. заметил: «Важно, что́ она пережила в эти дни и ка́к пережила, а не осталась ли жива. То, что осталась жива, важно для нас (а не для нее)» **.

23 сентября. Был Бирюков. Говорили о только что прорытом Симплонском туннеле. Л. Н. вспоминал, как с Боткиным шли пешком из Швейцарии через Сен-Бернар и пришли в Аосту; там виноградники, лозы арками. Шел с Боткиным, у него были громадные мышцы. Помер в белой горячке, но не от пьянства.

Л. Н.: С английской депутацией к Муромцеву приедет Моод.

Л. Н. (*о Беневском*): Более подходящего для удержания колоний отыскать нельзя.

Бирюков сказал Л. Н., что Комитет Нобелевской премии запросил Академию, кому ее дать. Академия предложила Л. Н.

Л. Н.: Придется отказаться,— сказал почти с досадой, что его будут тревожить этим [1].

---

* время усталости (франц.).

** Плохо записано со слов Марии Львовны.

Л. Н. (*о Екатерине II*): Давно хочу написать[2]. Не могу понять, как такая гадина стала во главе русского народа.

Л. Н. (*об «Очерках русской истории» Милюкова*): Попытка его писать историю народов, а не царей очень удалась[3].

Кто-то сказал Л. Н., как заметно его влияние в происходящем в России.

Л. Н.: Слишком рано. Через 30—40 лет будет виднее, чем и чему я содействовал.

Вечером винт. 44-я годовщина супружества Л. Н. и Софьи Андреевны. Перед уходом вечером Л. Н. сперва говорил о Гете.

На чей-то вопрос он ответил:

— Что я читаю? Гете «Wahrheit und Dichtung». Бестолковое, пустяшное,— и с презрением говорил об этом сочинении. Потом сказал:

— Сегодня остались мною недовольны двое безработных: ожидали больше денег. Письма, которые сегодня получил, были все просительные. Одно ругательное, другое от барыни полуругательное, раздраженное, к концу просительное. Почти решил не читать больше почты. Полчаса потерял.— Л. Н. говорил взволнованно, раздраженным тоном.

Николай Леонидович: Ты не должен сам ее читать, сделает другой.

24 сентября. Софья Андреевна похудела, помолодела, «выросла». За обедом Л. Н. разговаривал с Звегинцевой, приехавшей к Софье Андреевне, о событиях.

Л. Н.: Если бы два года тому назад рассказали о том, что теперь делается: смелые грабежи, убийства,— думали бы, что это Жюль Верн выдумал. Я только удивляюсь, что у нас здесь покой, тогда как ходит к нам столько разных людей.

Говорила больше Звегинцева, перебивая Л. Н. Больше всего говорила о своей охоте.

Потом Л. Н. читал вслух из «Круга чтения» 24 сентября о вегетарианстве.

— Это Плутарх писал! — сказал Л. Н. [1]

Вечером играли в винт со Звегинцевой.

25 сентября. Гуляли с Александрой Львовной, Натальей Михайловной, Дориком, Беркенгеймом к провалам. Пели песни. Л. Н. ходил пешком. Беркенгейм взял палку Л. Н.; когда Л. Н. возвратился, извинился перед ним.

Л. Н.: Мне было сначала досадно, а потом поборол это чувство досады — было радостно.

За обедом Л. Н. рассказал:

— Как я нынче беседовал с мужиками, с целой артелью! Я им читал бондаревское *[1]. Каждое слово понимают. Все охотно слушали, только один пьяный — это всегда так — обругал меня. Между ними были захаровские. Они по 10 рублей в круг платят за землю (там и паровая). Общий вопрос их не интересует, а частный. Они, два старика, сейчас же спросили меня: аренду им платить? Что будет с землей? Я им сказал: «За вас думают, будет что-то, а теперь надо смирно жить».

Л. Н.: В Засеке, куда ходил, в одном месте лежат березы, в четыре белые яркие сажени складывают их четыре мужика. Хорошо одеты, один высокий (Л. Н. назвал его, яснополянца с сыном) другой — Зорин с сыном; такие веселые, ну, думаю, как им нам завидовать. Здоровые, сильные, свежие. Все огромного роста. Они там ночуют, пробудут полторы недели.

После обеда пошли слушать граммофон к Сухотиным. Татьяна Львовна позвала всех и Л. Н-ча. Л. Н. сел напротив, подальше и не тронулся с места, внимательно и долго, больше часа, слушал.

---

* Письмо Л. Н. к Бондареву о Генри Джордже.

Л. Н. понравилась Варя Панина, балалайка Трояновского (сказал: «Хорошо»), «Маланья», полонез Соколова («Это очень хорошее»).

Л. Н. играл с Танечкой, учил ее шапку с его головы снимать и снова ему надевать.

Вечером приехал Михаил Сергеевич. Говорили о лошадях. Между прочим, вспоминали, что к Сергею Николаевичу через полтора года вернулась с жеребенком лошадь, которую угнали у него.

Л. Н.: Удивительно помнят лошади! Как они помнят!

Потом говорили о собаках. Шарик, когда никто ему не оказывает внимания, идет за шапкой. Об английских бульдогах, глупых и злых.

Л. Н.: Какие англичане породы собак воспитали!

26 сентября. Вторник, праздник. Приехали утром Д. В. Никитин, Николаев. Пополудни — С. А. Стахович. В два пришли Никитин и Беркенгейм помочь мне в амбулатории. Потом пошли с Александрой Львовной, Натальей Михайловной и Дориком к провалам между Мясоедовскими и Медвежьими казармами. Всю дорогу пели. Там встретились с Л. Н., он верхом. Показал нам кратчайшую дорогу назад. Холодный день. Эти провалы произошли на его памяти.

За обедом Николаев, привезший корректуры «О значении русской революции» и «Единственное возможное решение земельного вопроса», прочел по рукописи, только что написанное Л. Н. предисловие к «Общественным задачам». Николаев мне говорил: «Теперь джорджианцы оживут. Мне везет. Последние два года Л. Н. столько занимался Генри Джорджем, писал».

Софья Андреевна, лежавшая на кушетке, говорила, что ей предисловие к «Общественным задачам» очень понравилось, хотя она Генри Джорджем не интересуется.

Л. Н.: Мне самому это понравилось.

После обеда Николаев показывал Л. Н. некоторые места в корректурах. В статье «О значении русской революции» Магомет вместе с Христом, Буддой и магометанство вместе с христианством, буддизмом были вычеркнуты и опять вставлены. Николаев спросил: «Как с ними быть?»

Л. Н.: О магометанстве колеблюсь. Надо бы шире написать (поговорить). Я магометанство считаю христианством, вышедшим из апокрифических христианских преданий: борьба против троебожия, иконоборство. Что из христианства в нем, то хорошее. Что от Магомета — грубое. Учение магометанских сект, бабизма... чисто христианское.

Николаев предложил вставить слово «отчасти». Л. Н., подумав, согласился и прибавил: «отчасти магометанство (бабизм)» [1] и сказал, что он хотел бы, чтобы издание этой статьи и других двух задержалось, чтобы мог еще поправлять. И советовал, если согласится Иван Иванович, издать все три статьи сразу. «О значении революции» встретит препятствие, ее задержат, а потом придерутся и к другим двум.

Потом Л. Н. читал вслух цитату из Мадзини в статье «О значении русской революции» [2] и говорил о Ламеннэ.

— Душану Петровичу не нравится, а мне нравится,— сказал Л. Н.— Лучшие его (Ламеннэ) комментарии к Евангелиям. Оттуда взято в «Круг чтения».

Николаев: Ламеннэ писал и в революционном духе,— и Николаев процитировал...— Революционеры издают в четвертом издании его революционные писания [3].

Л. Н. этих цитированных Николаевым мест не знал.

Мне стало дурно, ушел полежать. За мной пришли Беркенгейм и Никитин.

Беркенгейм сел ко мне на кровать и сказал, что Николаев удивился, как Гарибальди мог быть революционером и христианином. Л. Н. ответил

ему хорошим сравнением: это как река Волга, она у Твери, Нижнего, Астрахани одна — и совершенно различна.

За обедом Иосиф Константинович рассказал, что читал повесть Скитальца в последней книге «Жизни» — «Огарки».

— Это апология пьянства. Все ждал, что к концу что-нибудь будет. Нет: до конца возводит в культ пьянство [4].

Л. Н.: Наживин пишет роман. Я ему вчера написал письмо [5].

И Л. Н. говорил приблизительно в том смысле, что писание романов — пережиток... Кончилось то серьезное отношение (к романам). Теперь пишут «на одно копыто», и нечего им — и французам, и англичанам — сказать, и некому их читать. Так нельзя теперь писать, что «была погода, он стоял под окном...» Есть что писать, так писать просто: «Я сидел за столом...» Теперь это кончилось, и слава богу. «И я, говорит, грешу, иногда напишу в этой форме. Это все пустяки, это как охота. На охоту можно поехать ради развлечения, если человек чувствует в этом удовольствие, а это чепуха. Так и я возьму да напишу что-нибудь романическое, а все от этого ничего не изменится; нужно помнить, что это (писание романов) несерьезное занятие».

Л. Н. вспомнил у Диккенса прекрасное место: описание сбора винограда в Швейцарии. Везде виноград, обилие его, собаки его едят...

Л. Н.: Тургенев говорил, что там ничего нет, что это манерность, что Диккенс исписался. Я с ним не согласился. Никак не исписался.

Николай Леонидович: Знаешь, где это и у тебя есть? В «Казаках» [6].

Л. Н.: Я просто подражал.

Л. Н. получил письмо от Зенгера из редакции «Руси» с приглашением принять участие лично или высылкой делегата в приеме английской делегации, едущей к Муромцеву. Л. Н., говоря об этом, сказал, что Моод едет в числе делегатов:

— Я написал ответ очень резкий, но потом, к счастью, не отослал, разорвал. Хорошо сделал, что разорвал, потому что зачем же людей раздражать, а мой ответ их бы только раздражил. Они бы не поняли ничего. Какие-то ёрники Милюковы и компания такие глупые люди, которые воображают, что действуют от имени русского народа, что они — представители русского народа [7], точно так, как какой-нибудь Моод вдруг представит собой английскую нацию. Получил «L'Ere Nouvelle»— новый формат: большой лист. Ничего, все прекрасно, кроме статей о libre amour *, гадость (многоженство). Считать, что это хорошо, — гадость. Это — ложка дегтю. Еще можно писать, чтобы правительство за это не наказывало!

Николаев рассказывал, что в Москве образовался маленький кружок семейных людей, которые желают воспитывать и обучать детей на совершенно новых началах, по системе Вентцеля, издавшего об этом брошюрку, названную «Дом свободного ребенка» (изд. «Посредника») [8]. Он сам участвует в этом обществе. Хотят маленьких детей собирать вместе в Доме свободного ребенка. Родители будут по очереди там заниматься с детьми, причем ради демократической тенденции желают обойтись без прислуги: будут сами топить, стирать и т. д.

По этому поводу Л. Н. сделал ряд замечаний и сказал, что по всему тому, что он слышит, ему кажется, что из этого ничего не выйдет, а если и выйдет, то что-нибудь очень плохое, наподобие заграничных детских садов, которые он когда-то за границей сам видел и которые произвели на него отвратительное впечатление, потому что дети там подвергались муштровке: делали все по команде, маршировали и прочими глупостями занимались. И Л. Н. даже думает, что для ребенка гораздо безвреднее, если мать, которой этот ребенок мешает работать, дергая ее за платье, когда

---

* свободной любви (*франц.*).

она стирает, дает ему подшлепника, чтобы его унять, чем если какая-нибудь педантичная дама, вроде институтской классной дамы, холодным голосом будет его останавливать, по несколько раз внушая ему какие-нибудь запрещения делать что-нибудь. Ему кажется, что этот кружок взялся за практически невыполнимое дело, т. е. воспитание маленьких детей не может быть ведено посторонними людьми, а есть дело самих родителей и, главным образом, матерей. А если бы они ограничились одним образованием, т. е. обучением, то это выполнимо. Это можно было бы устроить сообща, т. к. дети успешнее учатся вместе, чем порознь. И он сам из своей практики школьного дела помнит и знает, что, когда детей соберут в одну школу, то они как-то сами собой отберутся, более способные к более способным, менее способные к менее способным, и тогда само собой дело покажет, чем с кем заниматься. Ему кажется, что в данном случае наши московские друзья и, в частности, Горбуновы, слишком увлекаются, желая немедленно разрешить эту проблему воспитания своих детей. Так как они чувствуют свою несостоятельность в этом деле у себя в доме, то им, естественно, хочется избавиться от этих неблагоприятных домашних обстоятельств и где-то на стороне устроить что-то, что, по их мнению, будет полезнее для детей. Но для него это уж такой трюизм, что воспитание детей все сводится к самовоспитанию родителей. И вот, например, возвращаясь к тем же Горбуновым по поводу их желания, чтобы в этом доме, предназначенном для воспитания детей, не было прислуги: как же они хотят, чтобы дети не чувствовали фальши этого, когда у них в доме по-прежнему остается прислуга, которая исполняет всю черную работу? Детей обмануть нельзя, и ребенок сейчас поймет, что это обман, игра. Лучше не задаваться такими широкими, туманными и практически невыполнимыми замыслами, помня французскую поговорку «Qui trop embrasse, mal etreint» *. Вот обучению нельзя не сочувствовать по новому, свободному методу, т. к. у всякого честно мыслящего родителя естественно возникает желание избавить ребенка от тлетворного влияния нынешних школ и гимназий, которые только портят и развращают детей, и дать ему образование без всех этих глупостей, в виде суеверий религиозных, чудес, поклонения иконам и т. п. или патриотизма, обожания царя и прочее.

И Л. Н. прибавил:

— И вот, я очень рад, что, благодаря этой беседе, я сам для себя совершенно ясно и еще раз выяснил, что́ в этом вопросе, который пытаются разрешить в настоящее время наши московские друзья, есть хорошего и дурного, и если вы запомните, не забудете, то так вот именно и передайте мое мнение **.

27 сентября. Был М. Л. Оболенский, племянник Л. Н. Здесь: Иосиф Константинович и С. А. Стахович. В 9.30, когда я пришел в залу, Л. Н. говорил:

— Теперь приходится слышать про партии и про их программы, как Шипов откуда-то вышел и куда-то вошел, и все это совершенная чепуха. Они никуда не выходят и не входят, а совершают поступки под влиянием какого-то гипноза.

Иосиф Константинович: В Гельсингфорсе опять собрались и вынесли там свое постановление: одобрение «Выборгского воззвания», но невозможность тактики по нему [1].

Л. Н.: Гипноз — сила... Удивительно, что люди так мало считаются с этой величайшей силой гипноза. Гипнозу, разумеется, поддаются не все, особенно легко поддаются дети, идиоты и животные — словом, сущест-

---

* «Много желать, добра не видать».

** Записано по пересказу Иосифа Константиновича.

ва неразумные. Труднее всего или даже совсем не поддаются гипнозу самостоятельно мыслящие, стойкие, так называемые религиозные люди. Чем выше религиозно человек, тем меньше подвержен гипнозу... Семенов — как загипнотизирован. Он тут мне говорил про экспроприацию, стал кадетом. Они говорят известные слова. Кроме того, написал какую-то драму «Чигалдаева» [2] — ужасную чепуху. Ивану Ивановичу драма эта нравится, а я ничего там не нахожу: ужасно искусственно, бездарно. Кадетское-декадентское. Для меня эти кадеты и декаденты — даже по созвучию — схожи. Вообще, это люди, которые потеряли здравый смысл. И как при декадентстве мы не можем узнать, что̀ добро, что̀ зло, утрачено различие добра и зла в современности, так и в кадетской партии. Нам, людям другого склада ума, это все совершенно непонятно, неразумно.

Л. Н. рассказал историю Семенова. Семенов пришел к Л. Н. 15 лет тому назад, еще дворником:

— Такой простой, нежный, вдумчивый и в самых трогательных и простых словах выразил свое душевное состояние и то, что он читал из моих произведений, и что на него они имели большое влияние, и очень меня расположил к себе. Я ему посоветовал уйти в деревню, оставить город, заниматься сельской работой, и он так и сделал. А потом попал он в какой-то кружок молодых литераторов и поддался всецело уже их влиянию, их гипнозу, и теперь просто с трудом его выношу, так он мне неприятен и даже внешне, какой-то он стал жирный, толстый, самоуверенный и все с теми же заученными словами, как они все говорят: «экспроприации...» *[3]

Иосиф Константинович заметил, что видел его с дочкой, будет учительницей в Москве.

Л. Н.: Вот, вот! Они все хотят учиться, и, кажется, будет скоро больше учительниц, чем учащихся. Когда они все будут учительницами, куда они денутся? Сегодня встретил по дороге в Тулу дочерей урядника: уже они в шляпах, куда они денутся?

Софья Андреевна вставила:

— Как, куда они поденутся?

Л. Н.: Как? Ведь все они лезут,—и сделал жест вверх,— на плечи народу, и их ведь надо всех кормить. И они, конечно, не будут работать самой нужной работы, то есть хлебный труд.

Софья Александровна: Они все работают, у них швейные машинки.

Л. Н.: Сегодня был у меня такой жалкий юноша, просил материальной помощи — крестьянский сын. Хочет в учителя идти. Он женился, кажется, не совсем удачно, но он это переносит, как следует.

Л. Н.: У меня был приятель Орлов [4], который часто очень хорошо объяснял психологическое происхождение трех своих произведений. Это слабо написал, но хорошо рассказал. У Гете сказано,— продолжал Л. Н., письмо и печать есть слабое средство передачи чувств. Это подходит к брошюрке Орлова. Единственное выражение чувства есть ⟨живое⟩ слово, так как говорящий человек дополняет свои слова интонацией, выражением, мимикой. Гораздо интереснее этот мир (литературный), чем кадеты.

Л. Н. рассказал о Кузьмине, крестьянском сыне, бывшем студенте Сельскохозяйственной академии. Он написал директору, что он слишком дорого стоит народу и потому уходит из академии. Он одно время попал в революционные кружки, но скоро отшатнулся от них, насилие ему не нравилось.

Софья Александровна, которая тоже (как и Л. Н.) читает «Wahrheit und Dichtung»:

---

* По пересказу Иосифа Константиновича.

— Помните, как Гете нарядился бедным студентом и пошел к пастору эльзасскому? Как это грубо! Это можно написать в беллетристическом сочинении, но не в своей биографии.

Л. Н.: Гете тогда читал «Vicar of Wakefield» и хотел подражать тому, что там рассказано. Мелко, буржуазно, низменно. Это он потому сделал, что в «Vicar of Wakefield» какой-то богатый лорд переоделся бедняком и явился к священнику в дом, и в этом завязка всего романа. И Гете тоже, подражая ему, будучи богатым студентом, переоделся бедным студентом и целовал руку старшей дочери и какой-то.....* И зачем он это делал? Ведь он в то время совсем не был так известен, чтобы переодеваться с целью свое инкогнито сохранить. И в других местах Гете скучен, например, в «Письмах из Италии». Читая его «Wahrheit und Dichtung», понимаешь, как создавался «Фауст». У него мистицизм, кабалистика, будто бы философское объяснение богословия — ужасное. На этом основан «Фауст».

Софья Александровна: Я удивляюсь, что вы не любите «Фауста», я его люблю. А «Германа и Доротею», которые вам нравятся, я нахожу сентиментальными.

Л. Н.: Здесь сентиментальность на месте, описание простоты деревенской жизни.

Софья Андреевна: Ты любишь еще «Вертера».

Л. Н.: «Вертера» люблю и некоторые стихотворения.

Софья Александровна: А «Путешествие в Италию» читали?

Л. Н.: Прочел все его 42 тома. Тургенев так его превозносил, наговорил мне о нем, что я дал себе труд всего перечесть. Сколько людей — мои предшественники Тургенев с Герценом — воспитаны на Гете.

Потом речь о Флобере, о его «Мадам Бовари»; потом об А. Карре.

Л. Н.: Александра Андреевна пришла с императрицей в сад Альфонса Карра около Йера, чтобы смотреть розы, и он вышел к ним в каком-то белом балахоне и обращался с ними очень учтиво, как с дамами, но без всякого подобострастия, не как с императрицей. Императрица была немножко смущена этим, но вместе с тем признала его достоинство.

Л. Н. (*о Карре*): 1) Это простая грубая чувственность; 2) чувствительность, сознательно утонченная, сентиментальная; 3) чувствительность, вошедшая в религиозный экстаз.

Л. Н.: Что нужно читать людям материалистического мировоззрения, социалистам? Я посоветовал бы таким людям читать Карпентера, особенно Чаннинга и особенно Гаррисона. Только очень жаль, что Гаррисон так малоизвестен, и, если вы будете писать Черткову, то вы напишите от меня, что было бы очень хорошо, если бы он занялся переводом и распространением Гаррисона**.

28 сентября. Приехали Снегирев, Полилов, Андрей Львович. Снегирев уговаривает Софью Андреевну ехать в Гагры.

Андрей Львович передавал разговор с великим князем Николаем Николаевичем и характеризовал его: «Он совсем русский человек».

Л. Н. мог бы через Николая Николаевича и другого великого князя действовать, чтобы уничтожить дисциплинарные батальоны и одиночное заключение, но он этого не делает, а всякий раз, как узнает, что там находится отказавшийся, просит командиров отдельно о смягчении.

Сегодня Л. Н. получил письмо от отказавшегося [1]. Еще получил письмо от 18-летнего семинариста из Тулы, прочитавшего «О половом вопросе» и желающего чисто жить. (Л. Н. говорил об этом доктору Полилову.) Л. Н. советовал ему, кроме вегетарианства, не употреблять алкоголя;

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

** Часть мне рассказал Иосиф Константинович.

не обращать внимания на свою внешность; равномерную работу, которая действует сдерживающе, а, главное, верить в свою силу. Как начнешь сомневаться, что не победишь вполне, —пропал [2].

Когда вечером Снегирев с Полиловым уехали и Софья Андреевна легла спать, говорили о том, ехать ли Софье Андреевне на юг. Каждый по очереди сказал, как думает. Л. Н. сказал, что он думает, что Софье Андреевне это будет на пользу. На вопрос о том, поедет ли и он, сказал, что, может быть, да — бросить привычную жизнь, увидеть новое, а, главное, ради Софьи Андреевны.

Мария Львовна в последний месяц особенно старается каждому услужить, быть милой, внимательной. Какое хорошее свойство! Робких и застенчивых посетителей и просителей Л. Н-ча ее участие подбадривает. Мария Львовна подарила мне стеганое шерстяное одеяло, давно начала его стегать, много месяцев работала.

29 сентября. За завтраком: Оболенские, Юлия Ивановна и я. В 11.30 пришел ко мне Л. Н.:

— Брат Дымшица писал, что Дымщиц поехал в Петербург; заявил, что не будет служить. На это не обратили внимания, его отправят в Полоцк [1].

Л. Н. принес «Круг чтения» и читал вслух сегодняшнее о Макро- и Микромегасе [2].

— Не лучше ли, чем газеты читать? Не могу не поделиться радостью,— сказал Л. Н.

Л. Н. поручил Татьяне Львовне завтра, когда поедет в Тулу, обратить внимание губернатора на тяжбу судаковских мужиков с Лихвинской железной дорогой, чтобы он вступился за них и ускорил решение. Они подали прошение о том, что локомотив поджег четвертый раз деревню. Их прошение могут оставить без внимания, губернаторское — нет. Эта же самая железная дорога проведена уже сколько лет, и до сих пор не заплатила крестьянам за отчужденную землю.

За обедом: С. А. Стахович, Никитин, Оболенские, Александра Львовна, Юлия Ивановна, Андрей Львович. Л. Н. рассказывал Софье Александровне о Дымшице:

— Вот еврей! Заявил, что он как христианин (по своим христианским убеждениям) служить не может. Как это военная служба и христианство могут вместе существовать? Желал бы жить 300 лет.

Софья Александровна: Почему?

Л. Н.: Чтобы видеть, что будет. Что останется из двух: военная ли служба, христианство ли. У интеллигенции христианство кончилось.

Софья Александровна: Ведь в Евангелии сказано, что войны всегда будут.

Л. Н.: Такие предсказания в Новом и Старом завете апокалипсические.

Софья Александровна вспомнила, как Л. Н., увидав портреты Ковалевского, Муромцева и Шаховского в иллюстрированном «Новом времени», сказал: «Три самых глупых человека в России». Как она об этом с радостью рассказала братьям. Л. Н. вспомнил, что, когда видел Ковалевского молодым у Олсуфьевой, которая желала его в зятья, Л. Н. задал ему — не мог вспомнить какой — вопрос, хотел знать мнение о нем ученого, он только хохотал. Потом Л. Н. говорил, что у Ковалевского есть образованность. Смешивают ум и образованность. Где нет своего ума, там восприимчивость всяких знаний.

Александра Львовна принесла показать словацкий народный костюм (трнавский) на кукле Танечки. Разговор о том, что исчезает народный костюм в России. Спрашивали меня, как у нас, словаков, в такой ли мере исчезает?

Я: Нет.

Л. Н.: Я думаю, что у них это подавленная народность, которая отстаивает...

Л. Н. продолжает читать «Wahrheit und Dichtung» Гете, хотя его мнение о Гете — что тот низкого поведения человек, а о «Фаусте» — что пытался вникать в него и, кроме отвращения, ничего не испытал.

Я спросил Л. Н.:

— Мода в одежде не основана ли тоже на гипнозе?

Л. Н. согласился:

— Гипноз — общечеловеческое явление.

Л. Н. говорил о гипнозе в том смысле, что на него не обращают того внимания, какое он заслуживает.

30 сентября. Л. Н. выглядит хорошо. Мария Львовна спросила его, что́ он пишет.

Л. Н.: Ничего хорошего (т. е. ему не удается) [1].

Мария Львовна: Я видела твое письмо: «Милостивый государь», а под ним, «дорогой господин Гец» [2].

Л. Н. отвечал ему. Он был с Соловьевым у Л. Н., умный. Утверждал, что христианство и еврейство — одно и то же.

Л. Н. спросил Никитина:

— Что же, революционеры не устают?— Л. Н. думает, что должны устать.

Никитин говорил Л. Н. о Горбуновых, что там постоянно кто-нибудь есть, и рассказывал о их гостях. Потом о Доме свободного ребенка.

Нестеров прислал фотографии четырех своих картин: «Мечтатели», «Детство преподобного Сергия», «Отрочество преподобного Сергия», «Святая Русь». Л. Н. попросил найти письмо Нестерова, в котором он писал Л. Н-чу о них. О «Мечтателях» (монах и послушник за оградой Соловецкого монастыря) Л. Н. сказал:

— Это очень хорошо. Аскетизм православный.

Еще нравился Л. Н. мальчик Сергий («Детство преподобного Сергия»), «Святая Русь» совсем не понравилась. Читая к ней описание из письма Нестерова, Л. Н. сказал:

— Рассказывать это можно, а писать нельзя [3].

Л. Н. в десять ушел к себе, а около одиннадцати вышел и поговорил с Никитиным, который уезжал с тем, чтобы через недели две опять заглянуть.

С Никитиным расстались все очень сердечно, с истинной благодарностью.

Л. Н.: Читаю Гете [4]. Он влюблялся в барышень сразу в штук пять и наслаждался их влюбленностью и своей, а потом бросал. И это тогда считалось ничем. И Тургенев так. Помню в городе — где делают мутард (горчицу)...

Николай Леонидович: В Дижоне.

Л. Н.: В Дижоне, остановились в гостинице в одном номере [5]. Была горничная, вышла из номера, и Тургенев вышел. Потом вернулся: «А я ее поцеловал»,— сказал.

Вчера Никитину, сегодня мне Александра Львовна сказала:

— Я хочу закрыть лечебницу; мужики против нее; думают, что болезни завлекает в деревню. В прошлом году — в Ясной, в этом — в окрестных деревнях сильная эпидемия тифа. Говорили об этом на сходке.

Я ей ответил, что тогда я сам буду содержать лечебницу. Александра Львовна смущена:

— Как так?!

— Как же это могло бы быть, чтобы на месте был врач и не лечил бы! (Очевидно, ей было неловко, т. к. она сама покупает лекарства и снимает избу.)

1 октября. Воскресенье. Утром за чаем Александра Львовна рассказала:

— Вчера папа́ распушил меня. По недоразумению.

Софья Андреевна ворчала, Александра Львовна ушла и не показывалась. Л. Н. спросил ее об этом. Она пожаловалась, что мама́ не любит ее.

Л. Н.: Дело не в том, чтобы тебя любили, а чтобы ты любила. Когда все любят, легко быть приятным, но в тяжких случаях надо не осрамиться.

Первый раз я целый день провел дома, т. е. не ходил в лечебницу. Вписывал пропущенные дни в записник *. Пополудни, с 4 до 5, гулял в лесу на Черте. Тихо осенью, лес поредел; видел русака, дятлов, мышей, а в саду трех лошадей, между ними старая Серая. В ней никто не узнал бы бывшую рысистую, которая, по словам Александры Львовны, обгоняла любую лошадь в Москве. Не работают на ней, так доживает свой век.

Софья Андреевна беспокоится из-за вчерашнего крушения поезда около Серпухова. Не тот ли, на котором ехал Никитин и, вероятно, Сергей Львович?

За обедом: Л. Н., Софья Андреевна, Оболенские, Александра Львовна и Юлия Ивановна. Л. Н. спросил о крушении поезда Александру Львовну, ездившую на Козловку узнавать. Товарный налетел на местный пассажирский поезд, убито девять человек, один поезд сгорел от разлившейся нефти.

Софья Андреевна заговорила о С. М. Сухотине, на днях вернувшемся в Кочеты, что он погибший человек, что не может ничего делать. У него болит колено...

Л. Н.: Смотря по тому, что́ хочет делать. Глазом может моргнуть, так или отрицательно... Сегодня думал о том, что человек жив до тех пор, покуда у него есть свобода, покуда может поступать так или иначе. В агонии, сумасшествии человек не живет.

Л. Н. рассказал, что встретил урядника с шестью стражниками, и было ему неприятно; что говорил с мужиком из Ламинцова, сидевшим под арестом, и тот рассказал, что у них в Ламинцове был митинг...

Фриц Иосиф Халанда из Чехии просил у Л. Н. для какого-то музея автограф на бланке Школьной Матицы. Л. Н. написал: «Угождай людям, забывая о боге, и люди не будут любить тебя; угождай богу, забывая о людях, и люди полюбят тебя. 9 октября 1906 г. Я⟨сная⟩ П⟨оляна⟩. Л. Т о л с т о й» [1].

Л. Н. показывал, что́ он себе состроил: тоненькую лопатку-ножик, и связал гутаперчевыми колечками с карандашом.

Л. Н. спросил Николая Леонидовича, как «дела кадетские».

Николай Леонидович: Кадетские дела идут плохо.

Потом Л. Н:

— Я верхом ездил и думал. Понимаю, что правительство поставлено в то положение, что ему надо отвечать на заявленные ему требования. Для существующего правительства оправдание то, что оно старое, существует, и раз у него власть, оно должно отвечать на все эти требования. Ставить правительство на одну доску с разными политическими партиями невозможно, а вдруг Илья с Милюковым (Илья Львович на днях в Гельсингфорсе говорил речь на собрании кадетов)... Ну как Милюков нам скажет: «Я дам вам закон!»

Николай Леонидович: Английская депутация не приедет, «Times», «Morning Post» и другие газеты писали против вмешательства. Московский «Союз русского народа», «Московские ведомости» готовили антианглийскую демонстрацию. Министерство внутренних дел хотело, чтобы Извольский дипломатическим путем отклонил эту депутацию. Он отказался.

Л. Н.: Это понятно. Это дело не касается Министерства иностранных дел, как и Министерства путей сообщения. Это дело общественное. А он

---

* записную книжку (от словацк. zápisník).— *Ред.*

(Извольский) вмешался бы... Вот это новость, что не будет английской депутации, и хорошо.

2 октября. Как вчера, так и сегодня не было гостей, но очень много прохожих, погорелых. Уезжали садовники, сторожа. Все просили у Л. Н. книжек и, разумеется, получили. Был слепой: 25 лет, костромич, из Юрьевецкого уезда [1]. Л. Н. три раза с ним разговаривал. После второго разговора Л. Н. пришел наверх и сказал, что слепой упрекал его за богатство, за то, что берет гонорар за свои писания и что он должен с ним поделиться. Л. Н. рассказал это с некоторым неудовольствием. Но, наверно, ему стало от этого совестно, и он пошел в третий раз к слепому поговорить любовно. После его отъезда Л. Н. сказал: «Мы, наша роскошная жизнь, возбуждаем зависть» *.

Л. Н. встретил больного из Рвов, которого возили в больницу в Тулу и там не положили его. Послал меня к нему. Тиф.

Проходя мимо Л. Н., стоявшего у крыльца со странником-пастухом, я слышал, как Л. Н. сказал: «Если вы при этом не обижаете, не мучаете животных, это гораздо спасительнее, чем странствовать по святым местам».

У Софьи Андреевны с 6 часов вечера боли в подреберье с признаком желчной колики. Думала, что умирает. Говорила: «Кол там стоит, не дает мне дышать».— К 9.30 перестала жаловаться. Л. Н. и все ее успокаивали, Александра Львовна всполошилась.

Вечером за чаем разговаривали об этих болях. Софья Андреевна проявляет свои боли и страхи в преувеличенном виде и заставляет страдать всех окружающих ее. В противоположность Л. Н., который скрывает свои боли.

Л. Н. вспомнил, что в иллюстрированном «Новом времени» хорошие одно-два изречения Шамфора (француза) [2]. Николай Леонидович прочел их вслух.

Привезли почту из Тулы. Письма к Л. Н. первыми читали Оболенские. Дней десять тому назад я первый раз видел, что это делал не сам Л. Н., а тогда Беркенгейм, наверно, по его просьбе. Надоело ему столько писем читать.

Было французское письмо мадам Seuron о том, что хочет издать второй том воспоминаний о Л. Н., но они семье не понравятся. Разные намеки в письме, похожие на шантаж. Решили не отвечать [3]. Николай Леонидович говорил, что писала это письмо пьяная. Л. Н. шутя сказал Марии Львовне, чтобы ответила вежливо: «Ну вас к свиньям!»

Л. Н. показал из какой-то книги (кажется, из «The Open Court», Chicago) картинки японской скульптуры (мать с ребенком) и восхищался. Затем смотрели другие японские и китайские картинки.

Потом Л. Н. принес английскую книжку «Things more excellent» Honnor Morten и читал из нее вслух о женщинах (о модах?) [4].

Вечер из-за болезни Софьи Андреевны был неудачный. Ночью приехали М. С. и С. С. Сухотины.

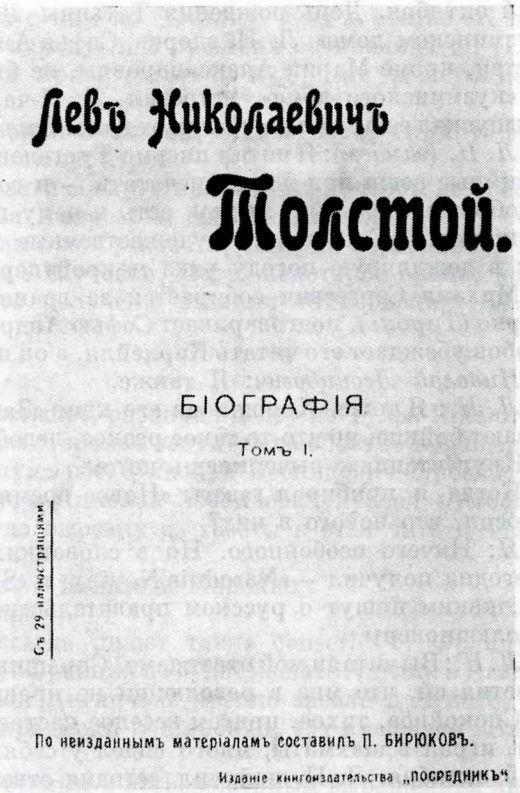
Мария Львовна написала Снегиреву и Щуровскому о сегодняшнем припадке болей Софьи Андреевны, но Л. Н. письмо к Снегиреву не понравилось. Беспокоился, что он может обидеться, так его сегодня и не послали.

3 октября. У Софьи Андреевны никаких болей. Л. Н. писал много писем — между прочим, длинное Черткову о предполагаемой новой работе [1]: простом изложении жизнепонимания. Л. Н. колеблется между писанием

---

* Этот слепой и раньше приезжал в Ясную, иногда жил по несколько дней. Он знал учение Л. Н. и приезжал с добрым намерением уличить его в барской жизни и убедить выйти из нее. Но делал это резко, злобно, выходил из себя. Иногда в Ясной и пищи не принимал. Был знаком с Бирюковым, Горбуновым и другими. Был из крестьян, не бедной семьи. Умел корзинки плести, но не занимался этим: прутья себе сам резать и приносить не мог, а никто ему в этом не помогал. Умер от чахотки, кажется, в 1910 г.

«ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ. БИОГРАФИЯ, Том I».
По неизданным материалам составил П. Бирюков
Москва, 1906
Издание «Посредника»
Обложка



воспоминаний, нового «Круга чтения» и художественного. Л. Н. далеко ездил.

В деревне пожар. Сгорели гумна и Степана и Прокофия Резуновых. Александра Львовна пришла с пожара к обеду, возмущена: «Мерзость! Кроме наших бочек и ведер, ни одной бочки. Мужики не помогали. Распоря́жался Петр Алексеевич (приказчик), он охранял соседний дом. Еще Тихон Агафоныч (священник) и учитель. Телятинские, грумантские приехали верхами, т. е. из любопытства, ни один не привез ведра». Л. Н. ничего не сказал.

Вечером Л. Н. играл с Михаилом Сергеевичем в шахматы. К чаю Л. Н. вышел в 10.30. Меня отозвали перевязать Софью Андреевну. Наталья Михайловна пересказала мне, что Л. Н. говорил, что он римского права не изучал (когда он учился — не было предметом) и не знает его. Об этом он говорил с С. С. Сухотиным, правоведом-юристом [2].

Речь о том, как развилось жульничество, Л. Н. сказал, что его удивляет, что религиозное чувство так быстро исчезло у русского народа.

У Л. Н. на круглом столе в кабинете лежит «Correspondance diplomatique de J. de Maistre», tt. I и II [3].

Л. Н. вернулся с прогулки на лошади и послал Ваню за шапкой. Иногда, возращаясь, в аллее нарочно роняет ее, чтобы Шарик поднял. Учит его, чтобы подымал ее, если нечаянно упадет.

Мария Львовна спросила Л. Н., где гулял. «Около Свинок»,— ответил Л. Н. и хвалил Шарика, что хотя он некрасив, но преданный. Заговорил о Белке (кобеле), которого тоже очень любит и который очень красив, и сказал: «Лайки, у них есть животный ум; а это (Шарик) — ни человек, ни животное».

4 октября. День рождения Татьяны Львовны. Бал для прислуги в «кузминском доме». Л. Н. здоров. Софья Андреевна бодра. Обедала с нами. Ростей, кроме Марии Александровны, не было. Вечером в 10, возвращаясь из «кузминского дома», встретил Л. Н-ча. Выносил в мышеловке мышь и выпускал ее в сад в ста шагах от дома. Был дождь, а он без верхней одежды.

Л. Н. (*за чаем*): Я читал письма Тургенева к Виардо. Не следует такие интимные вещи при жизни печатать,— и говорил приблизительно так, что недоброжелательным людям есть к чему придраться, в недобром смысле толковать.— Есть в них художественные подробности,— сказал Л. Н.,— как в дождливую погоду утка мокрой перепонкой ноги чешется... [1]

Михаил Сергеевич собирается за границу навестить сына и невестку в Арко (Тироль), подговаривает Софью Андреевну с ним ехать. Говорил, что Горбов убеждает его читать Карлейля, а он начинает и бросает.

Николай Леонидович: Я также.

Л. Н.: Я тоже. Хороша из его книг «Загадка сфинкса». Изречения его бывают бойкие, но что-то такое резкое, недоброе в них! Когда их поместишь в «Круг чтения», вычеркнешь потом.

Когда я прибирал газеты «Новое время», «Русские ведомости», Л. Н. спросил, что нового в них?

Я: Ничего особенного. Но в словацких и чешских газетах, которые я сегодня получил —«Národnie Noviny» и «Slovanský Přehled»,— неприятен тон, каким пишут о русском правительстве, совсем как крайние русские революционеры.

Л. Н.: Вы читали мой ответ даме? Спрашивала, на стороне ли революции я. Ответил ей, что́ мне в революции не нравится [2].

Спокойное, тихое, притом веселое настроение сегодня. Л. Н. мало говорил, играл в шахматы, много сидел у себя, очень общительный.

5 октября. Л. Н. получил сегодня ответ от Люси Малори. Ее портрет потерян из письма. Тон спиритический (теософский) [1]. Еще получил вторую часть второго тома «Круга чтения».

Л. Н. рассказал, что встретился и шел с ламинцовским мужиком-революционером:

— Он говорил, что правительство должно быть свергнуто, должно быть общее восстание, что это печально, но оно должно состояться. Когда я его спросил о боге, ответил: «Бог у каждого по-своему». Как сумели сделать ламинцовских революционерами! Рабочие из Тулы и студенты опропагандировали их... [2] Вся пресса, начиная с Чернышевского, революционная.

Сегодня были у Л. Н. жена с мужем. Она служила у домовладельца в Туле, который подговорил ее, чтобы его подожгла. Она подожгла на чердаке солому, но испугалась и позвала людей тушить. Арестовали ее; под арестом просидела полгода, заболела, отнялись у нее рука, нога и речь. Теперь предана суду, должны ее осудить. Только, может, смягчат приговор. Она самая была и в прошлом году.

Вечером Л. Н., получивший сегодня последний том «Круга чтения», но без последнего листа, сказал:

— Я прочел три-четыре дня с удовольствием, там хорошее: Хельчицкий и другое. Вот что бы следовало запретить. Но ведь никто не читает его [3].

Л. Н. читал второй фельетон Розанова о том, что Иисус был арийцем по происхождению [4].

6 октября. Михаил Сергеевич получил письмо от студента, отказавшегося от должности учителя Дорика. Он пишет, что должен остаться в университете, заниматься политикой, отстаивать науку от крайних партий. Одиннадцать орфографических ошибок, самоуверенный тон.

Л. Н.: Я чувствовал неприятное. В данном случае не подходили друг к другу. Не умеющий писать учил бы не умеющего читать. Какой же теперь студент, не занимающийся политикой! Такого нет, его разорвут другие.

Приехал Сутковой. Я гулял с ним по Чепыжу. Ему в статье «К правительству, революционерам и народу» и в прежних сочинениях Л. Н. не нравится резкий тон и против правительства, и против революционеров.

— Надо быть мягким,— говорил Сутковой,— из-за того, что хоть этим не оттолкнешь читателей-революционеров.

Сутковой стеснялся идти к чаю и обеду, я не настаивал, чтобы не обеспокоить Софью Андреевну. Софья Андреевна еще не окрепла.

Л. Н., придя к обеду и узнав про Суткового, сначала не поднял о нем разговора из внимания к Софье Андреевне. Через некоторое время, когда Юлия Ивановна вспомнила, что получены издания «Обновления», Л. Н. спросил:

— Почему он не обедает?

Я: Не хотел. Лег и спит.

Л. Н., помешивая суп, пока остынет, разбирал почту из Тулы. Посмотрел на заглавие серой книжки. Потом старался засунуть ее обратно в бандероль и, отложив в сторону, не заглянул в нее. Николай Леонидович спросил, что это за книга. Л. Н. подал ее ему, и Николай Леонидович прочел «Atrocities in Egypt» [1]. Потом вынул оттуда вырезку из газеты и стал читать. Л. Н. спросил, что̀ читает.

Николай Леонидович: «Figaro» о Египте и Марокко.

Л. Н.: Ах, «Figaro», что оно?

Николай Леонидович: Оно всегда пишет такие causeries *. Французы с англичанами заключили сделку. Франция не будет мешать Англии в Египте, а Англия, Франции — в Марокко. Англичане крепко засели в Египте, но, когда французы начали искать придирки к Марокко, тут вмешался Вильгельм.

Короткое молчание. Л. Н. с усталым и встревоженным выражением лица, как бы отмахиваясь сказал:

— Не хочется ⟨знать⟩ все эти ужасы, которые совершаются во Франции, Англии.

Возле Л. Н. сидела Мария Львовна и смотрела октябрьский номер «Review of Reviews» и удивлялась на нелепые картинки: Трепов с вооруженными дворниками; как он убивает человека; как вешают... Л. Н. повернулся к ней, посмотрел и мигом отвернулся, сказав:

— Что же тут разговаривать, это такая ложь, так в ней погрязли все, это как с пьяным разговаривать.

Софья Андреевна, не расслышав, переспросила. Л. Н. еще раз сказал и добавил:

— Англичане порицают действия правительства в России, а у них самих то же самое, даже жесточе.

Я сказал Л. Н., что у Суткового отличительная черта — мягкость, что он находит, что его (Л. Н.) нападки в предпоследних сочинениях не должны быть таким резкими.

Л. Н., во-первых, с похвалой отозвался о Сутковом; потом спросил, откуда он едет (из Сочи в Петербург); потом сказал:

— Мне тоже неприятна в них резкость осуждения правительства. Даже избегаю их раздавать.

После обеда.

Мария Львовна: Думаю, надо бы выпустить резкие места о правительстве из прежних сочинений. Папа̀ мог бы их изменить.

Я: Не нужно. Это историческое, то есть Лев Николаевич высказался в них так, как тогда думал.

Мария Львовна продолжала, обращаясь к мужу:

---

* легкие фельетончики (*франц.*).

Когда она молится, она так же признает выше себя духовное начало, как и Кант в конце своего учения говорит об этом...

Николай Леонидович: Кони пишет о Муромцеве в сегодняшнем письме.

Л. Н.: Одного слова не разобрал.

Николай Леонидович: «Противураскольничий». Намекает на его иск, о котором писал на днях Меньшиков [2]. Меньшиков сказал то, что следует сказать о нем. Он без основания не нападает. Вяземского как пробрал!

Л. Н. сказал приблизительно так, что Вяземский заслужил это. Из ничтожного человека хотели сделать какого-то героя [3]. Потом о Меньшикове сказал, что он очень даровитый.

Николай Леонидович: Он в последнее время не бывает так содержателен.

Л. Н.: Ведь каждый день писать нельзя. Выпишешься.

Мария Львовна вспомнила, что она сегодня переписывала письмо папá к Меньшикову, самое задушевное, братское. Посылал ему статью о голоде, около 1892 г. [4]

Николай Леонидович: А теперь, когда Меньшиков вдался в политику, тут надо нападать, защищаться и лгать.

Л. Н.: От этого надо уходить, как от драки, от пьянства. Борьба правительства с революционерами ни к чему не может привести. Жертвы с обеих сторон. Ламинцовский крестьянин ⟨сказал, что надо⟩ готовиться к вооруженному восстанию.

Мария Львовна: А если добьются демократической республики?

Л. Н.: (Великий князь) Николай Николаевич с Андрюшей не так скоро уступят.

Николай Леонидович: Вооруженное восстание не будет успешным. Победит правительство.

Л. Н.: Если одолеет правительство, оно все-таки задушить (восстание) не может, уйдет в себя это ожесточение, и будет продолжать усиливаться милюковское * ожесточение.

Николай Леонидович: Как уходить от этого?

Л. Н.: Уходить, делать свое дело пред богом. Но мне о том не говорить, о том пишу,— сказал, понижая голос [6].

Мария Львовна: Разве тебе это (говорить о том) мешает?

Л. Н.: Мешает.

Мария Львовна: Чай пить не будешь?

Л. Н.: Буду один.

Мария Львовна (*с милой, сердечной улыбкой*): Это нас тонко прогоняешь.

В 11.30 разошлись. Я еще после перевязывал Софью Андреевну. В 12.15 Л. Н. сошел, надел свитку и пошел с Шариком гулять.

7 октября. Пополудни спор Николая Леонидовича с Михаилом Сергеевичем о браке. Николай Леонидович признает браком сожительство мужчины с женщиной и говорил с точки зрения нравственной. Михаил Сергеевич признает брак общественной формой и говорил с точки зрения общества (церкви и государства), при этом волновался.

Михаил Сергеевич: Лев Николаевич потребовал от меня, чтобы я с Татьяной Львовной вступил в законный брак. Не дал мне Татьяну, чтобы так со мной уехала. Какая тут последовательность?

Николай Леонидович: Лев Николаевич сам непоследовательный. Я тоже заключил законный брак в церкви и крестил бы детей. Но если бы Маша вышла замуж за Бирюкова, от него не требовал бы Л. Н. обряда...

Я сегодня пересматривал «Круг чтения», октябрь и декабрь, и к радости нашел два недельных чтения Хельчицкого и о назаренах. Статью составил Абрикосов на основании статьи Ольховского «Назарены в Венгрии и Сербии»,

---

* Теперь Милюков во главе движения (Гельсингфорсское собрание), не Петрункевич [5].

а эта составлена на основании моей и Шкарвана статьи. Статью «Петр Хельчицкий» написал Яначек.

Л. Н. спросил Марию Львовну про яснополянского мужика:

— Сколько ему лет?

Мария Львовна: Сорок пять.

Л. Н.: Он второй школы будет [1].

За чаем Л. Н. с Михаилом Сергеевичем в шахматы до 10.

Александра Львовна вернулась из Тулы. Продавала телятинскую землю через Крестьянский банк. Рассказала, что торговец, исхудалый, бледный, просил ее заплатить ему, а не братьям долг: «А то приведете меня к самоубийству»... Приставал несколько раз на улице.

Л. Н.: Игрок.

Л. Н. был в Басове, в волостном правлении из-за погоревших судаковских мужиков [2]. Железная дорога дает 1 000 р., Л. Н. советовал созвать стариков, чтобы они распределили их и чтобы они определили свой настоящий убыток в настоящей цене, а не преувеличенно. Хочет просить Маклакова выхлопотать.

Л. Н. (*ко мне*): Читал книжку «Atrocities in Egypt». Ужасно!

По словам Николая Леонидовича, в этой книге рассказано о следующем. Весной 1905 г. английские офицеры в Египте стреляли голубей и из-за этого столкнулись с феллахами. Феллах ударил одного. Его убили. В свалке был убит офицер. Послали карательный отряд, который повесил в деревне пятерых, а 25 высекли.

Софья Андреевна рассказала, что читала статью Дорошевича в «Русском слове» о его снах на рассвете: ему снится, как в это время вешают. Доктор сказал ему, чтобы лечился. Он отстраняет эту мысль, он от этого не хочет лечиться. Софье Андреевне нравится, трогательно [3].

Николай Леонидович: Нравится, потому что давно его ничего не читала. А мне неловко читать Дорошевича.

Л. Н.: Я когда начал читать Дорошевича «Сахалин», скоро отложил, потому что сейчас же почувствовал неискренность [4].

Софья Андреевна: В сегодняшних газетах уже нет смертных приговоров. Полевые суды за те же преступления приговаривают теперь к десяти годам каторги.

(Третьего дня было, по газетам, 22 повешенных и расстрелянных [5], а обыкновенно по 7, 10, 12, 16 ежедневно, если газеты не преувеличивают.)

Мария Львовна говорила что-то о прогулке.

Л. Н.: Иногда говорю себе: «Зачем поехал?», а потом: «Ах, как хорошо!», начнешь благодарить бога. Куды ни едешь, хоть через деревню, везде прекрасно.

Александра Львовна говорила о музыке, что желала бы так выучиться играть, как Сережа; что она Сережиной игрой так же наслаждается, как Гольденвейзера.

Л. Н.: У Гольденвейзера, когда играет, чувствуется старание, нет легкости, бессознательности. У Сережи есть легкость — и мазня. А нужна середина.

Александра Львовна говорила, что желала бы учиться играть на флейте.

Разговор о флейте. Л. Н. вспомнил, что он учился. Когда уезжали из Казани и он уложил английскую книгу и флейту, Николай Николаевич сказал: «Ни по-английски не умеешь, ни на флейте играть».

Ваня (лакей) завтра женится. Прощался трогательно.

Сегодня я проверял с Николаем Леонидовичем вчера записанное. Когда записывал, казалось очень плохим, при проверке — не так.

8 октября. Л. Н. ездил на Вороном в Ясенки. Делир старый, слабеет.

Играли в лаун-теннис. Свадьба Вани. За обедом Михаил Сергеевич

рассказал, что пошло шиворот-навыворот: невеста смеялась, а жених плакал.

Софья Андреевна: Не она боится будущности, а он.

Л. Н.: Это, главное, от нервного возбуждения — отчего плачешь.

Михаил Сергеевич рассказал, какой необыкновенный случай прочел в газетах. В Кронштадте был суд над матросами. Публику не допускали. Солдат принес сверток, отдал караульному, чтобы тот отдал конвойному, а тот матросу. Это была бомба, очень сильная, которую должен был бросить один из матросов под стол судей. Солдат, конвойный и матрос были в заговоре. Арестованы и те, кто передал бомбу солдату [1].

— Ведь взорвало бы бросившего, всех подсудимых, их защитников, свидетелей — сто человек. Какая отчаянность!— сказал Михаил Сергеевич.

Л. Н.: Я объясняю, как войну. Это настроение молодечества, ухарства, их испугать ничем нельзя. Эти молодые люди знают, что их товарищи, люди восхвалят.

Л. Н. через некоторое время:

— Я тоже нашел в «Новом времени» объявление,— и попросил Марню Львовну подать номер и показал Михаилу Сергеевичу, чтобы про себя прочел на первой странице большое объявление (эротическое).— Это не смешно, это ужасно. В чем счастье людское состоит!

У Михаила Сергеевича взяла Софья Андреевна и прочла. Никто из них ничего не сказал.

В три четверти седьмого Л. Н. с Михаилом Сергеевичем стали играть в шахматы. Привезли почту из Тулы и из Ясенок. Л. Н. просил послушать. Прочел вслух открытку:

«Милый Лев Николаевич»! Я недавно прочел некоторые ваши произведения, в которых нашел много прекрасного, поучительного, чего прежде не находил во многих книгах. Трудитесь для народного блага, а в особенности для крестьян и рабочих, этих еще мало просвещенных масс. Бог вознаградит вас за труды. Еще бы попросил вас, брат Лев Николаевич, чтобы ваши произведения крупные и мелкие печатались на простой бумаге и были доступны *для бедных* по цене. О, как я рад, что читаю ваши сочинения, книги! Еще раз благодарю вас за все те произведения, прочитанные мною. Желаю от бога доброго здоровья. Крестьянин П. П о д м а р ь к о в». (Почтовый штемпель: Пенза, 6 октября 1906 г.)

— Вот какие стали теперь крестьяне,— сказал Л. Н.— Это тон вполне образованного человека. А ведь их, таких, теперь масса.

Я первый раз услышал от Л. Н. это вульгарное слово: «масса» вместо «много». (Оно встречается в открытке, и Лебрен так говорит.)

Приехал Андрей Львович, привез английскую борзую комнатную, дар Николая Николаевича (вел. кн.).

Вечер, за чаем Николай Леонидович:

— На днях была в газетах телеграмма, что в Польше полицейские стреляли в ехавших на извозчиках и застрелили двух женщин и троих детей. На следующий день телеграфная поправка, что это сделали не полицейские, а революционеры. На третий день, что ничего этого не было. Месяц тому назад была телеграмма, что в Вятской губернии восстало с оружием 70 деревень, побили столько-то и столько стражников, через несколько дней опровержение. Было что-то в одной деревне.

Л. Н.: Я уже не читаю телеграмм.

Андрей Львович: В Туле вырезали две семьи. Городская дума хочет ввести в Туле полевые суды. В Чулкове (окраинная часть, населена рабочими патронного и оружейного заводов и других) арестовано 40 человек бомбистов.

Софья Андреевна: Полевые суды не успокоят. Будет продолжаться cinquante ans (пятьдесят лет)... [2]

Андрей Львович: Николай Николаевич говорит, что лет через пять, а может быть три, будет все спокойно.

Л. Н.: Он плохой пророк.

Андрей Львович рассказывал про него, какой он добродушный, милый, деликатный человек, и разное.

Кто-то спросил, сколько ему лет. Андрей Львович: «Пятьдесят».

Л. Н.: В моем представлении Михаил Николаевич и Николай Николаевич («старший») — мальчики. Они пришли ко мне в Севастополе, чтобы познакомиться.

Кто-то спросил: «Как?»

Л. Н.: Как к писателю. Николай Николаевич был годов на пять моложе меня [3].

Андрей Львович рассказывал про охоту.

Говорили про собак. Л. Н. нравятся пегие борзые. Л. Н. говорил, как с ним бегают Шарик и Найденный (сеттер), хотелось бы ему вспугнуть зайца, когда ездит по полю, но ни разу не попался. Они (собаки) его не поймают.

9 октября. Л. Н. ходил гулять. Моросило, скользко, но ходил далеко через купальню на Горелую Поляну.

Мария Львовна, Николай Леонидович, Михаил Сергеевич и я тоже гуляли — вместе. Мария Львовна в последние 14 дней бодрая, веселая, как девочка, шутит, прыгает. Вчера играла в лаун-теннис. Завтра Оболенские должны были уехать к себе. Приехал за ними Николай-кучер и отдал им письмо, которое ему передал 16-летний пастух, сказавши, что ему дал незнакомый человек в деревне. В письме говорилось, чтобы они не приезжали, что хотят их убить. Мария Львовна предполагает, что это письмо написал сам пастух и употребил слово «убить» вместо «ограбить». Он дружил летом с распропагандированным садовым сторожем, который, как Оболенские подозревают, хотел сделать покушение. (Он спрашивал, где окно их спальни.) Оболенских в этом году два раза грабили: погреб и другое. Пастух скородумовский, а скородумовские слывут ворами. Письмо это, хотя никто ему не верил, все-таки подействовало удручающе. Николай Леонидович обдумывал, взвешивал, говорил, что им жить в Пирогове так, как они живут, т. е. ничего не делают, кроме чтения, смысла нет. Так можно жить в Ясной, в Петербурге.

За обедом Софья Андреевна заговорила об этом письме. Л. Н. попросил показать его и по тону и почерку заключил:

— Должно быть, он (т. е. пастушок) писал его.

После обеда обдумывали, ехать или нет Оболенским в Пирогово. Всем в Ясной они очень милы, удерживают их.

Л. Н. сказал, что не следует изменять жизнь потому, что мальчик струхнет. Завтра другой. Это слабость:

— Я получал письма с угрозой убить, не обращал никакого внимания [1].

Мария Львовна и Николай Леонидович резко спорили с Л. Н. (передавал мне Андрей Львович).

Михаил Сергеевич был менее резок. Он тоже боится жить в своем имении.

Николай Леонидович говорил потом:

— В деревне можно жить так, как Л. Н., не касаясь практической жизни. Ему все равно, что кругом него делается. Или как Звегинцева, воюющая с крестьянами. Середины нет. Пополудни за чаем Софья Андреевна вспомнила, как Л. Н. своими усилиями изменился. Это в нем надо уважать. Какой он был спорщик, задорный, как он кричал на Сережу, когда его учил, на приказчика.

Завтра должен состояться суд над угрюмовскими крестьянами, срубившими дубы. Л. Н. уже третьего дня говорил приказчику, а вчера Андрею

Львовичу, чтобы их простили. Приказчик решил настаивать, хоть для виду, на денежном штрафе, который они так и не заплатят.

Дней десять тому назад, когда был Николаев, он рассказал, что С. Т. Семенова ссылают в Олонецкую губернию и что он хочет приехать проститься с Л. Н. [2]

Л. Н.: Он мне тяжел, не знаю, что́ с ним говорить.

Оболенские не уехали. Как хорошо!

10 октября. За обедом: Л. Н., Софья Андреевна, Андрей Львович, Оболенские, Юлия Ивановна. Андрей Львович спрашивал, кто́ мать великого князя Николая Николаевича (младшего).

Кто-то ответил: «Русская».— Рассказал о мнении Николая Николаевича об аграрных беспорядках, что менее всего виноваты в этом мужики.

Л. Н.: Это хорошо.

Андрей Львович говорил, что Николай Николаевич не имеет понятия о Л. Н., думает, что он нетерпим.

Л. Н.: Да, так я и думал. Как он называл тебя?

— То Андрей Львович, то граф Толстой. (*Меня не было, рассказал мне Андрей Львович.*)

Андрей Львович мне рассказал про Николая Николаевича: «Самомнения, гордости в нем незаметно, сглаживает их. Проходят мимо мужики, они ведь знают, кто он, шапок не снимают. Никто им ничего не говорит, видно он этого не желает».

За чаем говорили о предстоящем дворянском собрании в Туле. Л. Н. поощрял Николая Леонидовича туда поехать. Михаил Сергеевич говорил, что, вероятно, будет предложение исключить Муромцева из дворян. (Он Новосильского уезда, Тульской губернии.)

Л. Н. спросил:

— Сколько дворян в России?

Принесли последнюю книжку «Исторического вестника», там Л. Н. прочел вслух: «225 тысяч семейств (1 200 000 человек). У немецких дворян земельная собственность увеличивается, у польских остается в той же мере, у русских уменьшается» [1].

Андрей Львович, получивши от великого князя, кроме английского борзого, комнатного кобеля, еще и трех борзых псовых (русская порода), показывал их поодиночке в зале. Л. Н. смотрел, обходил их, восхищался ими: «Как же можно с этими английских сравнивать!»

К Сухотиным приехал Юрий Базилевский, свояк их сына, лет 20, даровитый пианист, композитор. Играл романсы, цыганские песни. Потом Андрей Львович пел, с ним Мария Львовна, Александра Львовна. Гитару Андрей Львович передал Александре Львовне, у которой бронхит, но пела тем усерднее, и все подхватывали: «А пойду я молодой», вышло очень удачно. Л. Н. вышел и похвалил: «Хорошо!»

Все ушли. Остались: Л. Н., Андрей Львович, Юлия Ивановна и я. Андрей Львович рассказывал про сегодняшнюю охоту. Закалывая русака, поколол себе бедро.

— Как ты это мог сделать? — удивился Л. Н. (слышалось: «Я не так бы сделал»).

Говорили про собак, как они обучены.

Л. Н. сказал:

— У Киреевских (пикѐры *) собак сзывали рогом с самой гоньбы, когда бежали за зверем.

Шарик вился у ног Л. Н., хватал его за ногу и всячески ласкался. Л. Н. к нему: «Что, брат?»

---

* старшие псари (от франц. piqueurs).

Л. Н. встал и пошел со стаканом чаю к себе. Шарик сзади, просунув голову между его ног, так и вошел с Л. Н. в его комнату. Л. Н. шел, расставляя ноги осмотрительно. В полночь Л. Н. выводил Шарика.

Буайе в первое посещение Ясной Поляны, несколько лет тому назад, тут же записывал, разговаривая с Л. Н. Во второй приезд Л. Н. позвал его с собой верхом. Буайе не мог записывать и потому хуже описал беседу. Беседа его появилась в «Temps» и переведена в «Русском слове», 12 сентября: «Буайе у Толстого» [2].

В 36 номере «Искр», приложении «Русского слова», описание двух дней в Ясной Поляне П. А. Сергеенко [3].

11 октября. Утром был у Л. Н. молодой человек. Л. Н. вышел к завтраку, спросил Оболенских:

— Пойдете гулять?

Мария Львовна: Нет, разве на веранду.

Л. Н.: Я ходил в Елочки, так хорошо там!

Мария Львовна рассказала, что пришла Матреша из Пирогова; сказала, что кучер Николай расспрашивал пастушка, тот настаивает на том, что письмо дал ему чужой мужик. Мария Львовна думает, что скородумовский. Все мужики поражены и не одобряют.

Л. Н.: Такое правило: анонимных писем не читать.

Л. Н.: Что же тут?— и посмотрел газеты, разложенные на фортепьяно.— Все то же: казни, убийства.

Николай Леонидович рассказал, что читал статью Каутского о Брентано. В ней возражает Л. Н-чу на то, что в статье «Рабство нашего времени» он приписывает социалистическому учению мысль, что людям следует перейти в города. Это Беллами, который многое приписывает социализму, чего в нем нет.

Л. Н.: Ну, это у Каутского полемический прием. Где же это пишет?

Николай Леонидович объяснил, что статья неясная и перевод Величкиной плохой.

Л. Н.: Лучше не читать.

Потом Николай Леонидович приводил фразы, какие там попадаются, например: доход от издержек на сельское хозяйство и т. п., мало или совсем непонятные.

Л. Н.: Со мной так бывает: возьму статью о вопросе, мне интересном, философском, религиозном. Тут из своего хода мыслей — ясного — окунешься в запутанный ход мыслей, и логика у них другая, и язык — ученый жаргон — ничего не поймешь. Из области определенного попадешь в область неопределенного. И тут Каутский вместо возражения на главное, возражает на второстепенное: на концентрирование жизни в городах.

Николай Леонидович: Брентано говорит, что это естественно.

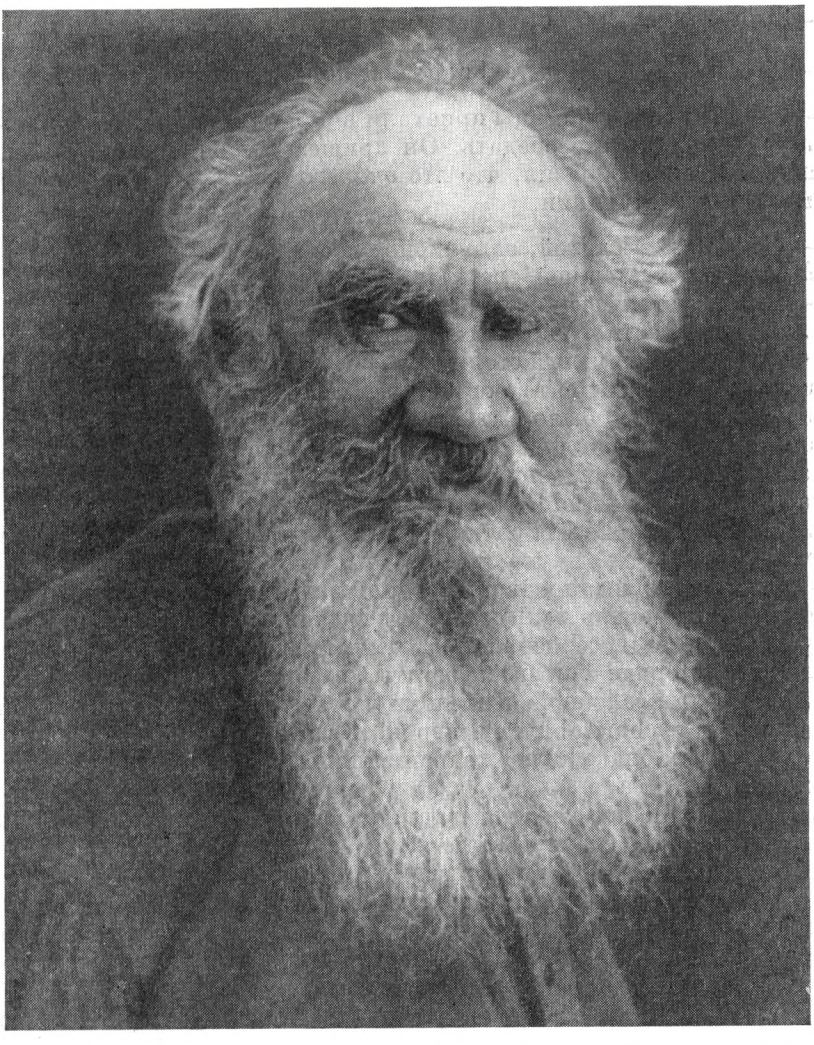
Л. Н.: Кропоткин говорит другое: появилось желание уйти из города в деревни. В Америке, где так энергически идет жизнь, в каких размерах концентрируется она в городах! А я думаю, что Брентано прав, что это закон природы: при теперешних экономических и земельных отношениях иначе быть не может [1].

Л. Н. говорил о письме мельника-купца и прочел его вслух. Брат хочет, чтобы он работал, а он не может: «Время тревожное, надо будет подать руку всем страдающим» и т. д.

Замечания Л. Н. о разных темах, которых касались в разговорах:

— Идут в курсистки, прислуги — теперешняя ступень жизни.

— Бетховен — это тоже выдуманнал репутация. Скука необыкновенная.



ТОЛСТОЙ
Ясная Поляна, 23—30 июля 1906 г.
Фотография В. Г. Черткова

— Сентиментальная любовь Гете — мерзость.

— Я не могу читать «Quo vadis». Это фальшь. Они этой фальши не чувствуют. Я хотел писать исторические романы: не мог восстановить исторической жизни, бросил. Гете в «Гёц фон-Берлихингене» верно изображает жизнь средних веков [2].

— Шиллера люблю, но его «Wallensteins Lager» не могу читать.

— Одно исключает другое: «настоящий художник» с презрением относится к цыганским песням. А вот мне и моим детям цыганские народные песни нравятся. Бетховен скучен, тоска — в ладони хлопают. Почему же эти (Бетховен, Шуман) не всем нравятся, а только тем, кто себе испортил вкус? Гайдна исключаю.

— Шиллера я люблю, это свой человек, а Гете — мертвый немец.

— Диккенс — не одна техника: и содержание художественное.

— Мейнингенские принцы приехали в Франкфурт, остановились в гостинице и позвали Гете обедать. Он пришел и нашел у них веймарских (принцев). И он вообразил, что это *они* его звали. Но они перед обедом ушли, он был в отчаянии.

— «Gil Blas» — лакей, закулисное господское.

12 октября. Сплошной снег. За обедом Л. Н. сказал:

— Гулял, устал очень: старость.

Л. Н. дочел Гете «Wahrheit und Dichtung». Отложено в библиотеку. После обеда сел за круглый стол, усталый, хотел читать вслух французское предисловие к «Vicar of Wakefield» (в издании Hachette для учащихся по-английски), но не было Татьяны Львовны, и он отложил до 9 часов, и тогда читал вслух французское предисловие сперва сам Л. Н., потом продолжал Николай Леонидович. Татьяна Львовна читала из английского текста «Vicar of Wakefield».

Л. Н. сказал, что Гете обратил его внимание на «Векфильдского священника»:

— Уже его раз читал и теперь второй раз. Хороший английский язык. Дай бог, чтобы теперь так писали! С наслаждением читаю эту книжку. Он тут описывает с сердечностью, нежностью своего отца.—Л. Н. рассказал его историю: они были богаты, разорились... Это теперь хорошо читать после этой злобной дребедени (последних лет). И тщеславный, и добродушный, и charitable *, и игрок, и застенчивый был «Vicar of Wakefield» — чисто, благородно, нравственно и содержательно, каждая глава содержит..... **

Л. Н. говорил, что сегодня гулял и сочинял стихи. Андрей Львович записал две строчки (меня не было).

— Чем ты увлекся? — спросила Мария Львовна.

Л. Н.: Смотрю «Неделю», их политические разные рассуждения.

Потом взял лежавший на столе журнал «Искры», на первой странице которого картина, как крестьянские семьи пришли к воротам тюрьмы, и над ней надпись: «Аграрные беспорядки».

Л. Н.: «Юмористический» журнал — с семьей у тюремных ворот! [1]

Л. Н.: Знаете, Душан Петрович, Стасов умер. Гинцбург мне писал за несколько часов до его смерти, что он умирает, а в газетах сообщается, что умер, — но не написал, в каком он был настроении перед смертью. Хочется спросить. Я написал его племяннице, приписал к Сашиному письму [2].

Стасов был, может быть, самый близкий из оставшихся в живых старых друзей Л. Н. Он подкупал Л. Н. своей любовью, но они мало сходились, он даже мало понимал Л. Н. Умер 84-х лет.

Софья Андреевна вспоминала Татьяну Александровну, которая умерла тоже старше 80 лет, и не знали, отчего [3]. Софья Андреевна говорила это с упреком и сожалением.

Л. Н.: Это и хорошо, что не добирались, от чего умерла.

Николай Леонидович: У стариков бывает воспаление легких без жару.

Александра Львовна жаловалась на боли в руках, от писания на ремингтоне и игры на фортепьяно, и на бронхит. Я советовал ей лечь.

Л. Н.: Согласен с вашей теорией лечиться отдыхом в теплой кровати. Организм справляется. Но я весь день не выдержу лежать. В Hières был

---

* щедрый (*англ.*).

** Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

немец знакомый, звал меня «Weltverbesserer»*. У него был хронический ревматизм, он ложился на два дня — ревматизм проходил.

Уезжал Ю. П. Базилевский, застенчивый, молчаливый. Л. Н. на прощание сказал ему что-то о талантливости и чтобы придерживался старых композиторов, не примыкал к новым. Сердечно простился с ним. Пополуночи Л. Н. пошел гулять с собакой (может быть, ходит ради нее: ее выпускает, чтобы не утруждать других).

13 октября. Утром Андрей Львович вошел ко мне и звал через дверь Николая Леонидовича в Тулу на дворянское собрание.

Андрей Львович: Папа́ узнал о том, что вы пишете дневник; он знал, что пишете, только не знал, что так подробно. Одобрил, сказал, что вы одних взглядов с ним, и рассказал, что есть такая книга «Босуэлл и Джонсон». Босуэлл вызывал Джонсона на разговоры — он был его друг — и записывал. И, когда напечатал, то оказалось, что эти разговоры интереснее всего, что написал Джонсон [1].

За чаем я с Юлией Ивановной. Просил ее сделать копию с читающего Л. Н.[2] Разговорились о том, почему она не пишет картины. Она хотела бы писать уже из-за того, что ей нужны деньги. «Займусь ширмочками, животных буду писать»,— сказала Юлия Ивановна. Л. Н. и Ясную Поляну не хочет писать, потому что выходило бы, что она пользуется этими темами из-за денег. «А ширмочки, животные, для этого надо уехать, а мне не хочется уезжать. Л. Н. может умереть, пока я возвращусь». Юлия Ивановна дорожит пребыванием в Ясной Поляне так же, как и я.

Вчера и сегодня снег. Л. Н., когда гулял, засунул бороду под воротник. Утром приехали: Иван Иванович, Анна Ильинична с третьим братом. Иван Иванович привез вторые корректуры, чтобы еще раз просмотреть: 1) «О значении русской революции», 2) Предисловие к «Общественным задачам» Генри Джорджа, 3) «Единственное возможное решение земельного вопроса», и — для беглого просмотра — 4) «Мысли о воспитании и первоначальном обучении» [3]. Говорил Л. Н-чу, что их составил по чертковскому изданию «Мыслей о воспитании», только расположил по другой системе и прибавил кое-что из четвертого тома и из «Круга чтения». Л. Н. с видимой радостью взял к себе и эту громадную корректуру с другими, всего до 300 страниц, а он сумеет просмотреть и прочесть и существенно поправить в несколько часов. В этом Л. Н. недосягаемый виртуоз.

Иван Иванович говорил мне, что набран Хельчицкий — «Сеть веры». Первые 500 — 1 000 экземпляров выйдут без предисловия Л. Н., а то обратят внимание и из-за предисловия конфискуют [4].

Иван Иванович говорил об издании «О значении русской революции». Чертков желает оттянуть издание, чтобы появилось одновременно у него и у Ивана Ивановича в «Посреднике». Но Иван Иванович говорит, что физически невозможно соразмерить выход обоих изданий, и что он торопится, чтобы не захватили статью, и что для «Times» есть ведь время, в «Посреднике» не появится раньше чем через 10 дней.

Л. Н.: По-моему, надо здесь издавать, но желательно было бы одновременно с Чертковым и в европейской печати одновременно появиться — имеет значение [5].

Иван Иванович сказал мне, что Владимир Григорьевич писал ему, нельзя ли больше не предлагать Л. Н. корректуры. Тут издательская жилка говорит у Владимира Григорьевича. Из-за Гейнемана. Вот что иногда может влиять на выражение мыслей Л. Н.: издательские соображения! Слава богу, теперь не повлияли, не в укор Владимиру Григорьевичу будь сказано.

---

* «исправитель мира» (*нем.*).

В 3 часа за чаем: Л. Н., Мария Александровна, Иван Иванович, Софья Андреевна, Юлия Ивановна, Мария Львовна, Николай Леонидович. Иван Иванович рассказывал про их школу Дом свободного ребенка. Там около 50 детей и православных, и католических, сектантских, еврейских.

Л. Н.: Преподавать им религиозные основы (нравственное учение), которые отвечали бы и православным, и католикам, и протестантам, и евреям. И оно возможно.

Софья Андреевна: Что выдумывать? Нас обучали по православному катехизису, и все родители были довольны.

Л. Н.: Время-то идет. Что было 50 лет тому назад, теперь невозможно. Надо отвечать детям на серьезные ихние запросы, а не на напущенные.

Иван Иванович говорил:

— Мальчик спросил, как избавиться говением от грехов, которые наделал.

Л. Н.: Это можно чувствовать, что тут напущено, и не надо отвечать. Точно поставленный вопрос был бы: «Как жить, чтобы не было грехов». Или: «Отчего я тут взялся?» Все дело в начале, которое внушают детям...

Л. Н. вспомнил про Кудрина и что часовой, который сторожил его, отказался служить [6].

Иван Иванович: Как Середа [7].

Л. Н. говорил об этом часовом с большим умилением.

— Его, разумеется, заперли и будут наказывать по новому закону, изданному вследствие «Выборгского воззвания»,— сказал Л. Н.— Искренно отказывающиеся понесут более тяжелое наказание.

Потом Л. Н. говорил о том, как умный, образованный человек не видит, что военная служба — грех, а какой-нибудь солдат с ружьем (часовой Кудрина) — видит. Вспоминал себя, как на Кавказе из пушек стреляли в горцев,— к счастью, не сделали им вреда.

— Как они перевалят через гребень горы на нашу сторону — стреляем,— рассказывал Л. Н. — Они увидят дымок и скрываются за гребень. Потом придумали обманывать их. Стреляли холостыми, дымок был, а без снаряда. По нескольку раз их так обманывали, они больше не прятались, а потом был сделан выстрел боевой.— Л. Н. говорил это к тому, какой он был нравственно грубый.

Л. Н.: Дожил до старости; почему одни — блондины, другие — брюнеты, одни — высокие, другие — низкие, горбатые,— понимаю, но почему тот религиозен, а этот нет, тот — человек, этот — нет, это странно, отчего это? Мы понять не можем этого. Мы не видим того, что человек умный, а он не человек, у него нет этого чутья (религиозного), а вдруг солдат какой-нибудь с ружьем...

Иван Иванович говорил, что С. Т. Семенов уехал за границу. Его старшие дети: девочка учится на учительницу, мальчик должен был поступить в сельскохозяйственную школу.

Л. Н.: Каждый день получаю письма: хотят уйти из деревни, чтобы стать полезнее народу, и просят денежной помощи.

В связи с Семеновым Иван Иванович рассказал о Дрожжине. Он продолжает жить в деревне, но сам не работает, пишет и содержательное, и пустое, критического ⟨отношения к себе⟩ у него нет.

Л. Н.: Он простой, он и выпивает [8].

В 4 часа пришел смуглый молодой человек с блестящими глазами, взволнованный. Спросил меня: «Примет меня граф?» В это время подошел Л. Н., и он ему сказал, что хотел бы отказаться от солдатской службы. Л. Н. пошел с ним погулять. Я спросил Л. Н. про него.

Л. Н.: Жалкий, он выпил немножко, пахнет вином, запутанный, никаких вопросов тут нет.

Вечером за чаем и за круглым столом: Л. Н., Софья Андреевна, Ма-

рия Александровна, Горбунов, Юлия Ивановна. Позже: Александра Львовна, Анна Ильинична. Горбунов рассказывал об обыске, произведенном на днях в «Посреднике». Взяли Успенского «О веротерпимости», искали «Краткое изложение Евангелия», не нашли его и хотели пронюхать, что другое печатается.

Л. Н.: Не позволить печатать Успенского — это ужас, что за глупость со стороны правительства [9].

Мария Александровна сказала:

— Как правительственным людям не бороться с людьми христианских взглядов!

Л. Н.: Что же, в далеком будущем будут опасны.— Потом вспомнил, что и в общине под Харьковом, где Беневский, был обыск, о чем писал Леврен [10]. И Л. Н. разговорился о Беневском, его глубокой религиозности, милой доброте. У него некоторые особенности: придает значение крестному знамению. Рассказал про смерть (самоубийство) его матери: у нее умер сын от чахотки, дочь искалечилась и попала в тюрьму и теперь в подавленном состоянии, желала бы на поруки, не пускают. Его мать, генеральша, любящая очень нашего Беневского; она показала ему место из Марка Аврелия: «Если жизнь тебе тяжела, можешь уйти из нее». Он ей объяснил, как он это понимает. Через короткое время приходит к нему отец: «С матерью что-то случилось».— Пошли в сад: лежит с огнестрельной раной в виске, мертвая.

Иван Иванович рассказал про А. Н. Добролюбова, у которого тоже свои странности. Его хотели убить (крестьяне, за его взгляды). Он поехал с Офицеровым в Сибирь искать землю. Он считает нужным быть угрюмым, в Москве такой вид соблюдал, но вдруг разразился смехом. Видно, что по природе веселый. Л. Н. сказал, что Офицеров не во всем сходится с Добролюбовым. Он трезвее, свободнее.

Мария Александровна стала смотреть фотографические репродукции картин Нестерова, лежавшие на столе. Ей не нравилось. И особенно не понравился Христос на картине «Святая Русь».

Л. Н. заметил, что в «видениях» плотные черные фигуры должны бы быть прозрачнее. Потом о самом Нестерове сказал:

— Он и понравился, и интересен мне тем, что он верующий. Последнее время переменился мой взгляд на религиозность: самая грубая религиозность мне приятнее безверия ученых материалистов.

Л. Н. сказал о сборнике «Мысли о воспитании и первоначальном обучении»:

— Превосходно составлено. Я одно исключил бы: о гармонии и красоте (это взято из четвертого тома сочинений Л. Н.). Запутано. Впрочем, я еще посмотрю.

Иван Иванович стал защищать, что они (понятия гармонии и красоты) у детей есть, что надо возвращаться к ним.

Л. Н.: Мне, старому человеку, это видно, как воспитание пошло назад. Электрическая станция — раньше свеча — это пошло вперед. Читал «Векфильдского священника»: каждое предложение содержит мысль настоящую; так же и у Руссо. Какие были требования у писателей и как они их удовлетворяли, а теперь что пишут! Правду сказал (Л. Н. назвал кого-то): «Пресса — великое орудие невежества».

Татьяна Львовна заговорила о педагогике. Иван Иванович принес ей несколько новых книг о воспитании детей, которым она обрадовалась. Говорила, вспоминая о себе, что в отроческом возрасте девочки злые, непокорные,— вроде сумасшедших. Мальчики отвратительные: травят зверей, отдаются порокам.

Л. Н.: Этому содействует праздность.

Татьяна Львовна: А напряженное учение в этом возрасте?

Л. Н.: Это одностороннее, ненормальное напряжение, а не работа.

Я вспомнил 13-летнего Ваську Орехова, как он уже занят домашними делами, скотиной и т. д., какой он помощник.

Софья Андреевна из-за другого стола прочла из газеты, что сегодня похороны Стасова и что скончался А. Н. Веселовский, историк литературы, академик, «великий русский ученый».

Л. Н. заметил о Веселовском:

— Неважный.— Немного погодя: — Чем дольше живу, тем мне яснее, что эти научные люди — компиляторы. Только когда нет своих мыслей, набиваешь себе голову чужими мыслями, разными знаниями и придаешь им значение. Студенты верят им и получают жвачку.

Л. Н.: Я все старину читаю, автобиографию Гете кончил третьего дня, не понравилась: скучно, педантично, буржуазно, с герцогами знакомства делает, этому приписывает важность и искусству.

Л. Н. (*о Стасове*).: Он против признанных классиками: Рафаэля...

Иван Иванович: Стасов против Шекспира.

Л. Н.: О Шекспире он колебался.

Л. Н., увидев повязанную руку у Александры Львовны и узнав, что она не может писать на реминтоне, сказал:

— Я сегодня, слава богу, не писал ничего.

Дней 14 тому назад умер в Бронницах Архангельский. Никто из нас не знал о том, что он тяжело, опасно болен. Его жена не написала, не посмела. Он был строгий человек, не любил людей беспокоить. Вдруг они приедут, а он поправился. Ивану Ивановичу принесли его рукопись: «Кому служить?», которую он так берег. (Позднее была издана по-русски в Бургасе, в Болгарии, издательством «Возрождение») [11]. Сколько лет он страдал! Десять лет тому назад оперировали у него почечную лоханку из-за камней; с тех пор жил с трубочкой. Последние слова его были после починки часов: «Ну, вот все-таки 30 копеек, вот нам на обед будет». Иван Иванович говорил, что он очень страдал последние дни.

Л. Н.: Очень страдал? Вот бы желал!

Иван Иванович говорил об умершем Архангельском:

— Вдове издательство будет давать по 10 рублей в месяц. Будут печатать Архангельского «Об истинном знании».

Л. Н.: Надо бы об Архангельском узнать, об его кончине. Глубокое религиозное чувство и приложение к делу убеждений. Всегда веселость, улыбающееся лицо... Бросил службу ветеринара... Он был сын дьячка Вятской губернии.

Мария Александровна: Сколько ремесел он знал и всеми жил!

Иван Иванович: Его книга о часовом мастерстве — классическая [12].— Вспомнил кого-то, жившего в Бронницах, где жил и умер Архангельский, на которого он имел большое, хорошее влияние и который считает своим долгом поддерживать вдову и написать биографию Архангельского [13]. Архангельский имел в Бронницах сильное влияние.

Л. Н.: Биография всякого человека интересна, а еще такого глубоко религиозного.

Иван Иванович: Коншин поехал с женой по делам невестки (американки) в Дакоту, посетит и духоборов. Я ему дал адреса Кросби и сына Генри Джорджа. Он посетит его и расскажет про движение Генри Джорджа у нас.— Л. Н. рад был этой вести.

— Нигде, как в России, нет такого оживления вокруг Генри Джорджа. Есть в Америке, в Берлине, в Шотландии, в Австралии посвященные ему журнальчики жиденькие,— сказал Л. Н.

Л. Н. вспомнил про английскую брошюру, которую взял Николаев, о противоположности учений Иисуса и Павла. «Очень хороша»,— сказал

Л. Н. Потом рассказал, что читал Чамберлена, Розанова, Анатоля Франса и эту английскую брошюру (кажется, Groft Hiller) [14].

Софья Андреевна: Тебе Павел всегда был противен.

Мария Александровна: Протестантизм выдвигает Павла.

Иван Иванович спрашивал про какую-то брошюру.

Л. Н.: У Черткова спросить. Его мать знала эту брошюру *. Во время американской войны за освобождение многие отказывались от службы, и тогда был вопрос, можно ли тех, кто по религиозным причинам отказывается, освобождать от службы.

Мария Александровна спросила Л. Н. о здоровье. Ответил ей:

— Живу, как вы, свыкся с болезнями.

У Л. Н. сегодня голова болела, не работалось ему. Потому так долго беседовал с Марией Александровной и Иваном Ивановичем.

В 11 уехал Горбунов. В 12 Л. Н. пошел гулять с Шариком. Л. Н. возвращался с Шариком, я спросил Л. Н., не очень ли болит голова.

Л. Н.: Нет. А вы еще не спите? Я несколько дней себя не бодро чувствую, работать не могу.

14 октября. Вчера и сегодня Михаил Сергеевич и Николай Леонидович были на губернском дворянском собрании в Туле. Сегодня под вечер вернулись. Исключили из дворян Муромцева: 116-ю голосами против 4-х [1]. Николай Леонидович предполагал, когда ехал, что это будет последнее собрание: русское дворянство — пропавшее дворянство. Удивлялся, как дворяне и чиновники бросают деньги. В наше время деньги ни во что не считаются. И крестьяне разоряются — те, которые купили землю и не могут, и не думают платить за нее. Он пессимистически смотрит: в России что за климат, что за дороги — жить нельзя! На собрании Бобринский говорил: «Никакого аграрного вопроса нет и не было, а есть только агитационный».

В 7 приехал Иосиф Константинович. Л. Н. с ним много разговаривал От 7 до 8.30 и от 9 до 11 и удивился, что уже 12-й час.

— Соловей,— сказал он про Иосифа Константиновича (т. е. что рассказывает так — точно соловей поет). Л. Н. лежал на кушетке. Знобило его, но термометр жару не показывал.

Л. Н.: Слабость, старость.— Когда Софья Андреевна ему выговаривала, что много ходил и оттого устал, Л. Н. сказал: — Утром гораздо хуже было, сидеть не мог.

О Наталье Михайловне Л. Н. сказал:

— Наташа хорошая девушка. Девушки хорошие, только бы они не влюблялись. Они ищут влюбления: «Мне 16 лет, а я еще не влюблена». Когда, наоборот, нужно бы его избегать. Влюбление само приходит, и, если охватит, ну и охватит, и если с этим ничего не поделаешь, так тому и быть. Но не надо его искать. И напротив, быть готовым бороться с этим, а не поддаваться. Если избегать, то можно уберечься до поры до времени.

Мария Львовна: У них это часто делается, что они друг от дружки заражаются, «confidences» ** разжигаются.

Иосиф Константинович говорил, что этому способствуют романсы. Но Л. Н. не согласился. Иосиф Константинович сравнил с курением у мальчиков, как они спешат курить, показаться взрослыми. Влюбление — попустительство.

По поводу Диккенса Иосиф Константинович сказал:

— В старину разнообразнее были люди.

---

* У Черткова эта брошюра бесследно исчезла, она была американская. Показывал ее Л. Н-чу. Потом ее содержанием заинтересовалась мать Черткова, по убеждениям евангелистка. А затем ее зачитали.

** «признаниями» (*франц.*).

Л. Н.: Одинаково. Живее были. Вот Голдсмит: на каждом шагу остроумие, верное наблюдение. У них (старых писателей) завязка, plot *, слишком наивна была. И у Диккенса оставалась ⟨такой⟩, но загромождена красотами (?) так, что ее незаметно. А завязка — это очень хорошо. Кто писал романы, тот знает, что легко увлечься описыванием чего-нибудь и зайти далеко. А это (plot) — такая нить, которая руководит в выборе материала, рамка, из которой надо не выступать, хотя и то и это кажется хорошо, интересно, и хочется включить в сцену, а так можно зайти далеко.

Говорили о революции. Иосиф Константинович в ее успех не верит. Среди самих революционеров идет раскол. Одни требуют изменения программы: высказаться против террора и экспроприации; другие, наоборот, за них как за единственное средство борьбы. Племянник Марии Александровны — экспроприатор; отчаянный, что делать — ему все равно.

Л. Н.: Боевая организация, это — мои знакомые. Все такие же люди, сношения с ними такие же, просто ошалелые. Вчерашний выпивший говорил: «Нечем жить, занятия не отыщешь, только одно остается: заниматься экспроприацией». Как будто он себе вперед оправдания ищет. Экспроприация — это такое же удовольствие, ухарство, одобряемое людьми, которых он уважает. Я помню, в молодости бывало у нас такое молодечество — совершить какой-нибудь молодеческий поступок.

Л. Н.: Был вчера Иван Иванович. Я его вообще люблю, а вчера он мне был особенно приятен. Говорил об их школе. Конечно, тут можно находить всякие недостатки в таком деле. Но, находясь в этих ненормальных, нездоровых городских условиях, все-таки хорошо что-нибудь делать, а иначе что же выходит? Есть идеал и все по-прежнему не двигаешься и сидишь в этой грязи.

15 октября. Приехал Илья Львович. Я не был при том. Л. Н. настаивает на поездке Софьи Андреевны на юг.

— По письму Снегирева видно, что он очень хочет, чтобы ты ехала в Крым. У Снегирева это естественное желание, по их медицинской практике уже выработался такой прием: ослабших больных хотят укрепить,— сказал Л. Н.

Софья Андреевна: Разве я не поправляюсь?

Л. Н.: Да, но слишком медленно, и поэтому бы и нужно было.

— Но я боюсь, моя мать там умерла.

— И я об этом думал, и именно потому, что твоя мать там умерла ты не умрешь и поправишься.

— Но тут вопрос о тебе. С тобой может что случиться.

— Мало ли что может случиться! Ничего не случится.

— Ты не поехал бы со мной?

— Если нет настоятельной надобности, то предпочел бы не ехать.

Потом о Снегиреве сказал:

— Он очень живой и приятный человек, что редко бывает у специалистов. Я сказал ему, что специальность даром не дается, то есть в том смысле, что человека суживает, но по отношению к Снегиреву это не так. Он избежал этого, он специалист, но не потерял всестороннего интереса в жизни.

Татьяна Львовна тоже уговаривала мать ехать, она готова поехать с ней.

Софья Андреевна: Да и денег жалко, они нужнее Илье.

Л. Н.: Это не резон, потому что все равно этими деньгами ему не поможешь и ни от какой нужды его не избавишь. Это все равно, что два

* фабула (*англ.*).

босяка, которые сегодня были почти голые, так что тебе, одетому, стыдно, и что же поделаешь? Я чувствую, что что́ ни подавай им, это будет panier fendu*: ничего не останется.

Илья Львович рассказал про гельсингфорсскую поездку кадетской партии. И выходило, что всё пили и пили.

За обедом Л. Н. определял по почерку характер Снегирева: и умный, и религиозный, и художественный.

— Я Снегирева обидел, сказав ему, что он поплатился за специальность. Я должен был прибавить: пьянством.

Татьяна Львовна: Разве он пьянствует?

Л. Н.: Как же! И от Орлова знаю. Я эту черту люблю. Он уходит из этого тяжелого мира в свой духовный уголок. Пильбаум не напьется пьян. А вы, Душан Петрович, пьяны бывали?

— Не помнится, кажется не был, выпивши был.

Иосиф Константинович: А я был. Раз меня напоили и заставили лезгинку плясать. Я себе тогда оба каблука отстрелил. Вот и товарищи были, которые это допустили.

Л. Н.: Это кавказское молодечество.

Иосиф Константинович уезжал в Москву, дали ему множество поручений.

Л. Н. просил сказать Ивану Ивановичу, что пишет послесловие к статье «О значении русской революции», чтобы дал знать, до каких пор может ждать. Если до 20-го не пошлет, так ничего не будет [1].

Илья Львович: Если на срок, то пропал (т. е. ничего не напишешь).

Л. Н. и Михаил Сергеевич играли в шахматы, потом в винт. Мария Львовна, уходя в свою комнату, сказала мне: «Завидуйте. Было бы вам что записывать, папа́ говорил со мной и Сашей в самую глубь».

Александра Львовна на мой вопрос, о чем говорил, сказала мне на другой день, что́ было у Л. Н. в комнате:

— Вы знаете, что было третьего дня с Натальей Михайловной. Она учит Дорика. Должен был к нему приехать учитель, но теперь хотят его взять с собой на юг, в Швейцарию, шатание по гостиницам. Наталья Михайловна хотела бы остаться в Ясной. Сама нездорова, больше от психических переживаний. Вопрос — где перевес: на юг ли ей поехать (для здоровья) или остаться в Ясной, где она вблизи Л. Н., спокойнее. Л. Н. сказал: «Если Наташа и умрет, будет счастлива, так как делает то, что считает должным. А вы нехорошо поступаете, когда осуждаете Сухотиных. Легче перетерпеть личную обиду, чем обиду человеку, которого любишь. В этом козни дьявола, осуждать другого из-за нанесенной обиды близкому человеку».

16 октября. Л. Н. дал мне письмо Шкарвана для ответа и сказал, что Шкарван пишет, что в Праге запретили его письмо к полковому врачу в «Круге чтения» **. Шкарвану для немецкого и чешского переводов «Круга чтения» недостает двух недельных чтений. Л. Н. советовал Бондарева и «Ивана-дурака» [1].

Записываю только малую часть того, что заслуживало бы записывания. Не записываю, кто ходит утром к Л. Н., с какими жалобами, просьбами, за советом: окрестные жители, босяки, странники, прохожие, студенты, барышни, замужние женщины и т. п. Не записываю, потому что не бываю, когда Л. Н. приходит в 10-м часу утра к пьющим чай, за почтой или приветствовать гостей, ни в 2—3 часа, когда он завтракает один. В последние 14 дней мог бы быть при этом, т. к. не хожу в амбулаторию,

---

* Здесь: бездонная бочка (*франц.*).

** Конфисковано в чешском переводе «Круга чтения». В немецком переводе в Германии не конфисковано. Немецкий перевод свободно продается в Австрии.

но думаю, что мое присутствие неприятно Л. Н., лишает его свободы высказываться, особенно о людях, зная, что я записываю. Не записываю уже три месяца: от кого получает письма, что о них говорит и что поручает отвечать. Не записываю, какие книги, брошюры посылают ему и что в данный день читает.

В иллюстрированном приложении к «Новому времени» появляются письма Тургенева к m-me Виардо.

Л. Н.: Жалею, что печатают их. И мои будут печатать.

Николай Леонидович: А ты их запрети.

Л. Н.: Ну, как запретить,— и махнул рукой.

Л. Н. (*к Татьяне Львовне*): Веселов пишет мне про Архангельского, что он страдал очень сильно, но не жаловался. Только когда засыпал, стонал.

Я (*к Л. Н.*): Получено португальское письмо, спрашивают о вашем отношении к спиритизму [2]. Я не помню, чтобы вы где-нибудь, кроме «Плодов просвещения», высказались о нем. Не знаю, что ему ответить.

Л. Н. ответил приблизительно так, что спиритизм — самообман, заблуждение. Но когда на сеансах люди ему поддаются, они находятся в серьезном настроении, отрешаются от легкомысленного, мешающего и, поддерживая друг друга, угадывают медленно, шаг за шагом, глубокие истины. Такова Люси Малори — ее мыслями полон «Круг чтения».

Л. Н. рассказал про письмо племянницы Стасова о его смерти [3]. Татьяна Львовна сказала, что умер Спасович 77-ми лет. Говорила о нем, о его красноречии, которое Сергей Львович оспаривал. «Старые умные люди вымирают, между молодыми нет умных».

Л. Н.: Кроме тебя?...

Татьяна Львовна: Но таких, как дедушка Ге, можно было слушать целый вечер, полно одушевления и ума.

Софья Андреевна хвалила Кони.

Л. Н. (*к Сергею Львовичу*): Я читал Голдсмита второй раз и хочу читать «Тома Джонса» Филдинга [4] (этого еще не читал), тоже 100 ⟨!⟩ лет тому назад жил. Оба сатирики, оба были кутилы, игроки, умерли не дожив до 50 лет. Голдсмит был обедневший пастор... Он любил жену, но не прощал ей слабости женские, вроде того: «Когда надо было усилить аргументы, она усиливала голос». Диккенс к Голдсмиту относится как Бетховен к Гайдну. У Гайдна лучше.

Татьяна Львовна: Читаю Клечковского о воспитании... [5]

Л. Н.: Надо воспользоваться внушением. Внушать ребенку хорошее. Внушает кучер, няня; ты говоришь громко — ребенок говорит громко: подражание...

Л. Н. с Сергеем Львовичем говорили о Чамберлене, Анатоле Франсе и про английскую брошюру (которую взял Николаев) о противоположности учения Павла учению Христа, что христианство и учение Павла совсем различные вещи.

Л. Н.: Здесь ⟨у Павла⟩ суеверное, мистическое: смерти Христа приписано сверхъестественное значение (искупление), и это пришпилили к христианству. Мне Павел всегда не нравился. Даже его знаменитое место о любви [6]. Такой человек, как Бутурлин, мог бы этим заняться: сравнением и исследованием, что́ есть в христианстве чистого и что́ павловского.

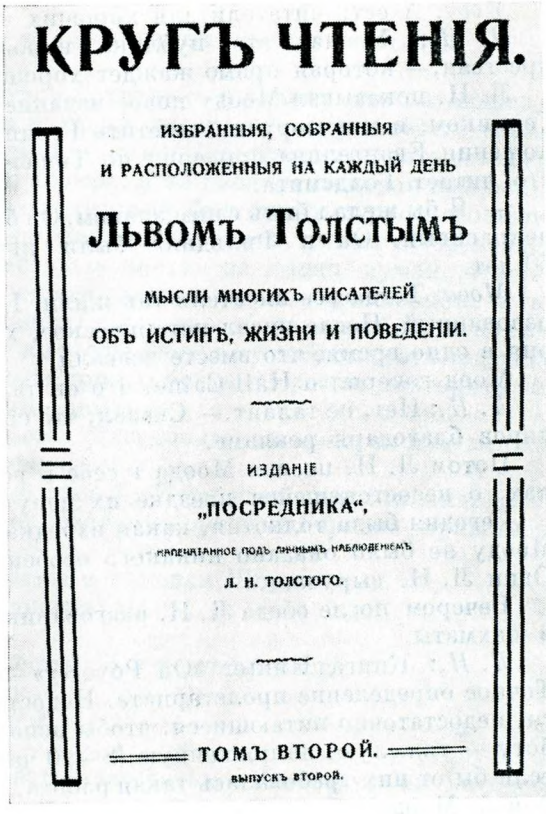
Сергей Львович: Бутурлин Чамберлена отвергает, говорит, что он просто антисемит.

Л. Н.: Просто не понимает... Бутурлин так говорит, потому что он кадет.

Л. Н. (*Сергею Львовичу*): Бутурлину я предлагал сделать то, что Сэндерленд — изложить популярно происхождение Священного писания.

«КРУГ ЧТЕНИЯ»
Издание «Посредника», Москва, 1906
Том 2, вып. 2. Обложка

«Вечером Л. Н., получивший сегодня последний том «Круга чтения»... сказал: «Я прочел три-четыре дня с удовольствием, там хорошее: Хельчицкий и другое». — Запись от 5 октября 1906 г.


КРУГЪ ЧТЕНІЯ.

ИЗБРАННЫЯ, СОБРАННЫЯ
И РАСПОЛОЖЕННЫЯ НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ

Львомъ Толстымъ

МЫСЛИ МНОГИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ
ОБЪ ИСТИНѢ, ЖИЗНИ И ПОВЕДЕНІИ.

ИЗДАНІЕ
„ПОСРЕДНИКА",
НАПЕЧАТАННОЕ ПОДЪ ЛИЧНЫМЪ НАБЛЮДЕНІЕМЪ
Л. Н. ТОЛСТОГО.

ТОМЪ ВТОРОЙ.
ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

Просто избавить людей от этой грубой библиолатрии *. Но он говорил, что он не художник. Тут самолюбие: это компиляторская ведь работа.

Л. Н. рассказал про Шарика, что он бросается за овцами и далеко загоняет их.

— Раз его за это прибил, по охотничьему правилу: за заднюю ногу держа,— говорил Л. Н.— Сегодня тоже слез с лошади и хотел его наказать. Но Шарик что тут выделывал! Ползал на животе, кувыркался, но не дался. Потом я думал, что телесное наказание к животным не должно применять.

Татьяна Львовна: Мария Александровна никогда не бьет собак.

Л. Н.: И можно вполне обойтись без этого. Это злое чувство.

Л. Н.: Слышал новое выражение от крестьянина: «жирнопупые»...

17 октября. Приехал Моод с Иосифом Константиновичем. Моод должен был ехать с английской депутацией к Муромцеву, но она не состоялась. Он думает потому, что Никольсон, английский посол в Петербурге, доверяющий Столыпину, действовал через министра иностранных дел Грея на членов депутации, чтобы не ехали.

За завтраком Л. Н. разговаривал с Моодом:

— Что из этой каши, хаоса выйдет? Что-то выйдет. Хороший издатель может хорошие книги сделать доступными.— Л. Н. пожалел наборщиков, что делают такую пустую работу:— Из 100 тысяч книг одна хоть чего-то стоит.

---

* преклонения перед Библией (*греч.*).

Моод: А есть читатели для хороших книг?

Л. Н.: У нас эта публика нарождается — среди образованных крестьян,— которая прямо жаждет хорошего чтения.

Л. Н. показывал Мооду новое издание своих сочинений, выпущенных Герциком, и мне поручил ответить Герцику, чтобы греческий текст «Изложения Евангелия» проверил по Тишендорфу [1]. Л. Н. говорил Мооду, что читает Голдсмита:

— Я бы желал быть с ним знаком. Он был застенчивый, рябой, дурной, некрасивый. Он и Фильдинг были игроки, кутилы, не дожили до 50 лет.

Моод: Тогда все писатели так жили. Не умел говорить и был малообразованный. После писал историческое, хотел описать Монтезуму и Дария в одно время, что вместе воевали.

Моод говорил о Hall Caine, что он талант.

Л. Н.: Нет, не талант.— Сказал, что его печатают в миллионах экземпляров благодаря рекламе.

Потом Л. Н. позвал Моода к себе и говорил с ним о чертковских делах, о несостоявшейся поездке их депутации.

Сегодня была толкотня, какая изредка бывает и у нас и у Сухотиных Мооду не было оказано никакого особенного внимания. Это случается Один Л. Н. выручает.

Вечером после обеда Л. Н. разговаривал с Моодом, потом играл с ним в шахматы.

Л. Н.: Книга Hunter «On Poverty» — добросовестное исследование. Точное определение пролетариата. Недостаточно одетые, кое-как ютящиеся, недостаточно питающиеся, чтобы исполнять требуемую в Америке работу — тяжелую, напряженную (8—10 часов). Русские мужики были бы, если бы от них требовалась такая работа, все пролетариями (Hunter— знакомый Моода).

Говорили о Генри Джордже. Л. Н. с Николаевым подсчитали, что земельная рента в России составляет 2 500 миллионов рублей. Не забывать нефть, уральские рудники. Спросил о журнальчиках генриджорджевских, почему они так мало распространены.

Моод: Читатели довольствуются книгами Генри Джорджа. Их сбыт большой, им неинтересны эти журналы.

Л. Н.: Я много получаю журналов, их не читаю, а эти все пересматриваю, и все нахожу новое, более ясное, прекрасное объяснение этого вопроса [2].

Моод: Как объяснить вашу рекомендацию проекта Генри Джорджа в связи с вашим христианским анархизмом?

Л. Н.: Это такое естественное средство для справедливого распределения земли и для собирания податей при нашем запутанном внутреннем положении. Все остальные предложенные реформы так неясны, неудовлетворительны, что этот выход, при существовании правительства, напрашивается сам собой.

Разговор об английских писателях.

Л. Н.: Стивенсон был последний даровитый писатель.

Моод рекомендовал Л. Н-чу Уэллса:

— Он читается *передовыми* людьми.

Л. Н.: Это меня не интересует.

Л. Н. назвал один роман — «Robert Elsmer» by Humphry Ward. Сказал о нем:

— Очень хороший [3].— Потом продолжал: — Карпентер мне очень нравится, особенно его «Цивилизация, ее причины и излечение». Он наследник Рёскина.

Моод: Карпентер — бывший священник унитарианский.

Л. Н.: En fait de nouveauté je relis * самых «новых» писателей: Гольдсмита, Филдинга, Свифта.

Мооd о Свифте отозвался очень похвально и сказал, что он сошел с ума, слишком близко принимая к сердцу несправедливости своего времени. Его памфлет «Голод в Ирландии», в котором предлагал жарить детей ирландцев и есть, не был понят как сатира, а как возмутительная грубость [4].

Л. Н.: Герцен — вот писатель, который был скрыт от русского общества, а теперь всплыл. На Герцене, как на искреннем, умном человеке видна эволюция передового человека. Он поехал на Запад, думая, что там найдет лучшие формы. Там перед его глазами прошли революции, и там наступило разочарование в западном строе и особенная любовь и надежда на русский народ. Правильно ли это или нет, но у него была эта надежда. Русские политики могли бы с него пример брать, чтобы не повторять той же ошибки увлечения западными формами.

Михаил Сергеевич: Правительству бы воспользоваться этим и не мешать распространению сочинений Герцена.

Л. Н.: Он был в глубине религиозный. Чернышевский, Михайловский не были. Лебрен, молодой человек, взялся выбрать из Герцена нравственно-религиозные мысли.

Мооd рекомендовал Л. Н. драмы и комедии Шоу.

Л. Н.: Драмы для меня не существуют.

Мооd: А вы сами писали.

Л. Н.: Мало ли я делал глупостей! Я и на войне был.

Мооd опять заговорил о Шоу.

Л. Н.: Он отрицает Шекспира?

Мооd: Он недолюбливает его.

Л. Н.: Чертков дал ему прочесть мою статью о Шекспире, он не одобрил ее [5].

Л. Н. принес несколько английских журнальчиков, между ними и «Crank».

Мооd (*о «Crank»*): Издает Даниель, и пишет в нем его жена, близкие вам по духу [6].

Л. Н. подал Мооду журнал «Things more excellent», который издает Honnor Morten.

Мооd: Это издала женщина, которая основала сеттльмент, куда ходят работать состоятельные, незанятые женщины, которые не вышли замуж. Устраивает летние колонии для бедных больных детей, читает лекции. Мы дали ей 300 фунтов стерлингов из «Resurrection» fund **на постройку дома. Она его назвала «Tolstoy House»***, но могли назвать также и «Ruskin House» ****.

Л. Н. был успокоен тем, что название случайное.

Мооd рассказал, что был со мной в школе, о детях, учителе, увлекающемся учением, и спросил Л. Н., не заходит ли он в школу. Л. Н. сказал, что нет.

Л. Н.: Раньше не ходил, чтобы не делать учителю неприятного перед начальством, когда меня считали опасным человеком. Теперь этого не опасаюсь; теперь я боюсь, что меня увлечет школа, дети, как пьяницу водка. — Спросил Мооda о детях в школе:

— Живой народ? Интересуются?

На днях Л. Н. сказал приблизительно так: одного ребенка труднее учить, чем нескольких: следят за мыслью живее, и один перед другим старается быстрее угадывать.

---

* Как новинку я перечитываю (*франц.*).

** фонда «Воскресения» (*англ.*).

*** «Дом Толстого» (*англ.*).

**** «Дом Рёскина» (*англ.*).

О революции Моод говорил, что, очевидно, причина революции заключается отчасти в социально-экономических вопросах и что в результате ее могут последовать социально-экономические улучшения.

Л. Н.: Тут главное религиозно-нравственные вопросы, из которых социально-экономические условия вытекают. Если из революции выйдет ⟨только⟩ конституция, это будет фиаско. Из-за этого ⟨затрачивать⟩ такие большие усилия, ⟨допускать⟩ кровопролитие, озлобление — не стоило... Если в парламенте будут Петрункевич, Столыпин, то они ничем не лучше Николая II как правители. Что кадеты хоть чуть подвинут к лучшему, не верю. Это хуже Пугачева. Из Пугачева кое-что вышло, а из этого (что они делают) ничего не выйдет. Пуф... Нужно совершенно новое...даже если не Петрункевич, а Чемберлен, то тоже будет плохо; поэтому я и на вашу депутацию так смотрю, как если бы пьяные люди встретили трезвых и предложили им выпить — то было бы им веселей, но это не значит, что было бы им лучше. Ждут таких же результатов от революции, как от Французской. Но не надо забывать, что такие результаты, если бы они и были, были бы бесполезны. Надо ждать более крупных внутренних переворотов в смысле религиозного пробуждения сознания людей. Может быть, от этих ужасов люди опомнятся и поймут, что так жить нельзя, а от кадетских программ, желаний нельзя опомниться, что так жить нельзя. Надо, чтобы вышло что-то совершенно новое.

Моод говорил об английской депутации, о добрых желаниях англичан помочь русским устроиться так же, как англичане.

Л. Н.: Которые сами уже испортились и желают, чтобы прибавилось таких новых.

Моод говорил, что если бы лондонские рабочие не занимались общественными вопросами, то они были бы еще более людьми низменных интересов.

Л. Н. ответил вроде того, что лондонские рабочие стоят все-таки ниже русских мужиков.

Моод спросил Л. Н. о молодых русских писателях.

Л. Н.: Мне самый симпатичный Куприн.

Напомнили Л. Н. «Поединок».

Л. Н.: Нет, его маленькие рассказы: «Allez», «В цирке», «Ночная смена»...

Моод уехал. Л. Н. говорил Николаю Леонидовичу о недоразумениях Моода с Чертковым, что Моод со своей точки зрения прав и Чертков со своей точки зрения прав [7].

18 октября. Л. Н. утром, в 9.30, вернулся с прогулки. На ветру морозит, в затишье тает.

Л. Н. (*о Мооде*): Читал о его посещении Ясной Поляны с женой (несколько лет назад). Очень хорошо написано, с тактом *.

Мария Львовна: Я рада, что ты с ним вчера так хорошо поговорил.

Почта. Л. Н. развернул какую-то иллюстрированную газету, смеялся над картинками, изображающими, что делается в голове курящего мальчика, и показал их внуку Володе Ильичу.

Сидели за чаем Оболенские, Юлия Ивановна, Александра Львовна и я.

Гуляли Андрей Львович, Александра Львовна, Наталья Михайловна, Дорик, Володя и я к телятинскому новому пруду. Вечером приехали А. Е. Звегинцева с сестрой М. Е. Черкасской.

За чаем относительно рассказа Звегинцевой о том, что́ мужики говорят о господах, и что она придает значение их речам, Л. Н. сказал:

---

* Aylmer M a u d e. My last visit to Tolstoy. Louise M a u d e. Tolstoy.— «The Bookman», 1906, October.

— Это самое обыкновенное. Тургенев указал на стирающих у речки баб, как они лопочут, наслаждаются своими собственными голосами. У наших мужиков, баб есть это удовольствие. Слышал, как называли меня и вас «жирнопупыми»: «Жирнопупого посадить на четверть десятины».

Л. Н. показал мне в книжке «Drama of Blood» на страницах 189—191 цитирование его одобрительных слов о евреях. (Это в главе, названной «Tolstoy and Gorky»[1].)

Михаил Сергеевич заметил:

— Как это вас всегда вместе с Горьким приводят! Вас ведь связывает только одна фотография, на которой вы вместе сняты [2].

Л. Н.: Да, меня всегда к нему пристегивают.

Л. Н. (*мне*): Книга Чамберлена «Евреи» нехорошая, необъективная, чересчур научная. Не очень интересна, но дочитаю. Он против них. Проповедует насилие. О происхождении евреев там сказано: сначала были бедуины, потом смешались с сирийцами, стали израильтянами, одно племя из них — иудеи, и от этих пошли все евреи, которых мы знаем.

Михаил Сергеевич передал мне, что Л. Н. раньше говорил о «8ur la pierre blanche» (А. Франса): «Апостол Павел, собственно, иудей по вероисповеданию, и то, что у нас считается христианством, это, собственно, иудейство». Л. Н. жалеет, что он так стар для этой работы, которая выяснила бы разницу между истинным христианством и учением Павла, но что, во всяком случае, в скором времени эта работа будет сделана, а кем бы она ни была сделана, произведет страшный переворот. Первое — что Христос не иудей и на него имело влияние не одно иудейство. Второе — что Павел совершенно противоположен по духу Христу. Третье — Л. Н-чу всегда Павел был бессознательно противен, даже глава о любви; она неестественная [3]. Книга Анатоля Франса отчасти навела его на это и дала мысль и повод работать над этим. «Послание к римлянам» апокрифическое, не настоящее.

Л. Н. с 9.30 до 10.30 играл в винт с гостями.

Смотрели «Словарь» Михельсона, тома I—II. Никто его не хвалил.

Л. Н.: Надо будет ему написать, поблагодарить [4].

19 октября*. Л. Н. ездил почти до самой Тулы, хотя нездоров.

Л. Н.: Умиротворения не будет.— Вероятно, сказал это по поводу сообщений газет, что полевые суды, казни продолжают действовать и что грабежей не убывает.

Л. Н.: Меньшиков** напрасно расхвалил книгу Чамберлена «Евреи» (которую Л. Н. вчера стал читать).

Л. Н. принес эту книгу и читал вслух места. По поводу рассуждения о монотеизме сказал:

— Какая слабая аргументация! — Прочел цитату из Ренана.— Скверное место из Ренана. Как нехорошо, неясно это, неинтересно, бесталантно. Так рассуждать о психологии рас — набросить ⟨тень на⟩ целый народ! (О происхождении евреев: бедуины, сирийцы...) Это болтовня научная. Очень легкомысленно.

Л. Н. рассказал про Дымшица. Сегодня получил письмо от его брата. Дымшиц не хотел быть солдатом и не соглашался раздеться для осмотра. Когда его насильно раздевали, заплакал (Л. Н., рассказывая это, чуть сам не заплакал). С уважением относятся к нему. Перевели его в губернскую больницу в Витебск для испытания его душевных способностей [2].

Михаил Сергеевич стал говорить про помещенные в «Круге чтения» рассказы Достоевского: «Орел», «Смерть в госпитале» — как хороши.

---

* Записываю 22-го октября.

** Фельетон в «Новом времени», приблизительно 14 октября [1].

Л. Н. вспомнил, как лет 30—40 тому назад появление нового рассказа интересовало всех. Теперь: одних — Андреев, других — Горький.

Михаил Сергеевич: Еще Сенкевич интересует.

Л. Н. похвалил «Без догмата» и «Семью Поланецких»:

— Исторические романы фальшивы.

Николай Леонидович: «Quo vadis» читать не мог.

Л. Н.: «Горе от ума» так складно, стиха не чувствуешь. В месяц написать нельзя.

Л. Н. рассказал, что он знал Мазаровича — из славян, женился на Рибопьер, был предшественником Грибоедова (на посту посла в Тегеране), рассказывал подробности об убийстве Грибоедова.

На другом конце стола Мария Львовна рассказывала Юлии Ивановне сказку из «Тысячи одной ночи» и спросила, один ли человек писал их.

Л. Н.: Разные. Собрание сказок. Было старое французское издание, где скверных, неприличных сказок не было. Старый русский перевод был по нему сделан. Новое русское издание содержит и скверные.

Мария Львовна рассказывала Юлии Ивановне сказку о трех яблоках.

Л. Н.: Теперь мог бы кто-нибудь написать такую сказку?! [3]

Софья Андреевна: Как теперь все порнографическое втискивается публике! Какую-то пьесу должны были запретить. В Москве стала выходить «Брачная газета» с объявлениями ищущих связей.

В эти дни Л. Н. нездоровилось; плохо ему работалось; вымарывал хорошее, что написал [4].

20 октября. Утром в 10 часов уезжал Михаил Сергеевич в Тулу, Москву, Лозанну. Л. Н. поручил ему передать Горбунову, что послесловия к статье «О значении русской революции» не будет. Л. Н. хотел его написать в четыре-пять дней. Пополудни приехала Мария Александровна. Татьяна Львовна лежит третий день.

С 1.30 до 2-х Л. Н., Софья Андреевна, Оболенские, Мария Александровна около круглого стола. Л. Н. читал вслух «Круг чтения» на 20 октября, изречение из «Рамаяны», потом более длинный отрывок.

— Это кто пишет? — спросил Л. Н. и сам ответил:— Бука.

Софья Андреевна: Был он у нас?.. Да, такой высокий, никуда не совался, как Файнерман. Умно говорил [1].

Л. Н. выразительно читал дальше, но голос ему изменял, и на глазах выступили слезы.

— Это кто пишет? — вновь спросил он и сказал:— Генри Джордж. Вот почему он мне мил и ненавистен всем ученым.

Л. Н. похвалил мне новый журнал «The Light of India» (Los Angeles, California)[2], сказав: «Теософический»,— и поручил выписать его. Потом сказал мне, что получил от Croft Hiller дальнейшие — «глупые» «Appendix to Metachristian Catechism» (относилось к последним номерам, предпоследние номера хвалил). Потом Л. Н. прочел вслух письмо брата Ефима Дымшица, в котором он сообщает о дальнейшей судьбе брата, т. е. о его призыве и отказе от военной службы.

Михаил Сергеевич спросил:

— Еврей?

Л. Н.: Еврей. Как коротко описано, ничего лишнего, непременно напишу ему.— А после короткого раздумья прибавил:— Трудно писать.

Михаил Сергеевич говорил про статистику убийств и казней с 17 октября 1905 г. по 17 октября 1906 г. В один последний месяц казнен 241 человек. Л. Н. удивлялся, как Столыпин может это делать, не уходит.

Л. Н. (*мне вечером за чаем*): Вы уже выписали журнал? («Light of India»)?

— Нет.

— И не выписывайте. Это новый журнал. Первый номер послали и будут посылать, а если не пошлют, ничего не потеряем.— Потом Л. Н. рассказал две сказки оттуда (одна — «Йоги»).

Михаил Сергеевич спросил Л. Н. про теософию.

Л. Н.: Когда я читаю их мысли о внутреннем сознании человека, которое есть во всяком, это превосходно. Но когда читаю то, что основателем теософского учения была Блаватская, тогда... удивляюсь,что она могла быть основательницей — такая пустая женщина, столько она приплела сюда чудесного, пустого. Она писала мне из Англии лет 15 тому назад, хотела вступить в общение; мне не понравилось ее письмо.— Потом Л. Н. вспоминал — у него огромная память на людей, семьи, помнит и знает неимоверное количество людей,— кто она урожденная...— Ее сестра Желиховская.— Привел ее слова о себе: «Заснула неизвестным человеком и проснулась прославленной вследствие своей книги» [3].

Михаил Сергеевич начал вспоминать индийские учения, книги...

Л. Н.: Изложение Кришны (легенд о нем) мне чуждо... Восточная цветистость выражения, излишек образов и слов.

Л. Н. вспомнил знакомую даму, которой впрыскивали воду вместо морфия и она успокаивалась, и сказал:

— Слишком мало известно, в какой степени нужно самое представление о том, что поможет (для того, чтобы помогло).

Мария Львовна вспомнила, что Софье Андреевне во время ее болезни тоже хотели начать впрыскивать воду.

Софья Андреевна: Меня бы не обманули.

Л. Н.: Нервных людей особенно легко обмануть.

Юлия Ивановна спросила Л. Н., где статья (послесловие к статье «О значении русской революции»); хотела взять переписать.

— Я ее к чертовой матери,— сказал Л. Н., усмехаясь.— Спрятал ее в шкап.

Л. Н. сегодня гулял недолго в Елочках.

Мы с Андреем Львовичем убирали книги в мастерской. Сюда они перенесены после женитьбы Льва Львовича из «кузминского дома», в котором он поселился. Здесь были, главным образом, старые французские книги и журналы Л. Н. 50—60-х годов. Нашли тетрадки учеников Л. Н. школы 1862 г. Порядочно географических карт. Книги сложены на полу вот уже лет 7—8. Мы их поставили на полки *.

21 октября. Сегодня утром Александра Львовна сказала Л. Н., что жаль, что статью (послесловие к «О значении русской революции») бросил, ей так нравилась. От Горбунова подбадривающее письмо, тоже просит не бросать. Пополудни Л. Н. сказал Александре Львовне, что был в ударе и продолжал статью.

Л. Н. (*вечером мне*): В эти дни нездоровилось, плохо работал. Хорошие мысли замарывал и снова вставлял. Сегодня порядочно привел в порядок, до понедельника кончу [1].

Л. Н. ездил довольно далеко по Засеке, по местам, где дороги нет, чтобы лошади было легко. Дороги скованы морозом, от этого неровны.

За обедом: Софья Андреевна, Оболенские, Александра Львовна, Юлия Ивановна, Володя.

Л. Н.: Был революционер, слесарь, жалкий, то есть жалко его положение. Что-то слышал, его «напрасно забрали». В тюрьме сидел, там крас-

---

* Дальнейшая судьба этой библиотеки такая. В мастерской завелось множество крыс, и они стали грызть книги. Потом рабочие стали употреблять их на папиросы, растаскивали. Когда я нашел книжки «Современника» и на деревне, и в нашем буфете, и под молочными продуктами (т. к. из мастерской сделали молочную), тогда я оставшиеся книжки «Современника» и еще несколько самых ценных книг перенес в библиотеку. В 1912 г. профессор Грузинский перенес и остальные уцелевшие в библиотеку.

ный флаг носили на прогулках, за это сажали их в карцер. Сделали «обструкцию». Говорит слова: «свобода», «самодержавие» — ничего разобрать нельзя. Думает, что он приставлен устраивать жизнь народа, а надо устраивать свою.

Л. Н.: «The book of Kings» by Davidson-Morrison — вот прелестно! Теперь можно было бы издать по-русски. Резкое, остроумное, сильное. Там перебирает всех английских королей с самого начала.

После обеда принес книгу. Сначала читала вслух Мария Львовна, потом Л. Н.

— «По разделению Гладстона, англичане делятся на массы и на классы. Массы живут своим трудом, классы — трудом других». Остроумное,— сказал Л. Н.

Л. Н. сказал о маленьком Володе, что он сидит, как римский папа. Разговорились о том, кто теперь римский папа. Не сразу вспомнили, потом сошлись на том, что Пий X. Меня удивило не то, что Л. Н. не знает, а то, что не знали Сухотины, которые чуть ли не десять зим подряд провели в Риме.

Николай Леонидович сказал о нем, что он рассорился с Францией и Испанией, остались с ним Германия, Австрия, и сближается с Италией. Он агрессивный, идет энцикликами на Францию и Испанию.

Л. Н.: Должно быть, с тех пор, как Маклаков был у него, а тогда был тихий. Ужасное положение! Как в нашем XX веке проповедовать такие грубые суеверия... «Казанская» (завтра день Казанской божьей матери)... «17 октября» (годовщина крушения поезда в Борках, «чудесного спасения» Александра III).

В 7.15 Л. Н. взял шахматы и пошел к Сухотиным. Туда пошли Софья Андреевна, Михаил Львович с женой и тещей С. Н. Глебовой, Оболенские, Юлия Ивановна.

В 10.30 возвратились. В разговоре о Столыпине Л. Н. вспомнил о друге своем Столыпине—отце:

— Он убедился в том, что война есть дурное дело, про которое лучше не говорить, и сжег все свои записки (он писал большое сочинение о военных делах).

С. Н. Глебова рассказывала про своего сына Сергея, что он поступил в гвардейскую артиллерию, в часть, где строгая дисциплина, чтобы себя поднять, отдаться в крепкие руки. Л. Н. сказал, что ему это не нравится, что нужно самому для себя завести дисциплину, потому что человек не может перестать сам собою управлять. Вся жизнь в держании себя в узде, самосовершенствовании, самоуправлении; не нравится Л. Н-чу, что не собственной нравственной силой хочет управлять собой, а отдается в чужие руки. Глебова говорила о нем, что он мечется, хочет быть лучше, жил просто, работал, говорил отцу: «Дай мне 100 десятин и немного денег взаймы, женюсь на крестьянке». Л. Н. не одобрял идеалы внешней жизни. Есть нравственный идеал, по нему надо стараться жить в каждый данный момент.

Л. Н. спросил:

— Что же Кристи?

Глебова: Он живет в деревне, у него молодая, красивая жена, которая желала бы развлекаться, видать приятелей, а он от нее требует, чтобы довольствовалась деревенским одиночеством и тишиной...

Л. Н.: Я думаю, он все-таки не может этого требовать, это ее жалко, этого нельзя требовать. Когда Таня была в раздумье, ехать ли на бал или нет, я ей говорил: «Непременно поезжай». Удерживать свое желание ради угождения другому — только усиливать желание. Сдерживающее надо, чтобы выходило из себя самого.

Л. Н. говорил о сегодняшнем слесаре, который думает, что он должен заниматься политикой. Николай Леонидович вспомнил, что тут была три месяца тому назад его мать — просить поддержку, и никак не сумела сказать, за что ее сына посадили.

Глебова: Политикой заняты теперь 18—19—20-летние.

Л. Н.: Да что 20-летние! Это еще хуже, если 40—50-летние, которые в своей жизни, кроме гадостей, ничего не сделали, свою жизнь испортили, хотят устраивать жизнь других. Надо стараться самим в своей обыденной жизни жить лучше: с прислугой, людьми... К насилию не прибегать ни Столыпину, ни Петрункевичу, а то ты оправдываешь насилие со своей, другой — со своей стороны.

Л. Н. долго и интересно говорил, но я от усталости не мог запомнить.

Когда Глебова сказала:

— А если придут грабить, как же с ними быть, не защищаться? Нужны кары.

Л. Н. (*раздраженно*): Стало быть, вы в бога не верите!

Глебова: Ведь нужна же общественная жизнь, формы ее надо же устанавливать, изменять. Невольно из интересов людей создается общественная жизнь, возникают общие вопросы, которые надо разрешать, о которых нужно сговариваться.

Л. Н.: Это прекрасно: сговариваться, это хорошо; но зачем одним людям насиловать других, устраивая их жизнь?

Глебова говорила, что раньше были люди лучше, умнее — Черкасский, Самарин.

Л. Н.: Не сказал бы.

22 октября. Воскресенье. Обед. Сухотины. Длинный стол, шум, ни слова из разговоров Л. Н. не слыхал.

Л. Н. долго, до 10.15, не выходил к чаю. Когда вышел, был оживленный разговор о катании на коньках, воспоминания о Патриарших прудах. Главным образом говорила Татьяна Львовна, вспоминая всяких знакомых. Спорили, кто лучше бегал. Л. Н., слыша их имена, сказал:

— Вот в этой комнате летают духи тех, которых вспоминают, и Постникова (учителя гимнастики Андрея Львовича) и...

Разговор перешел на театры, что̀ играли и, вообще, на воспоминания Татьяны Львовны, меньше — Марии Львовны, еще меньше — Андрея Львовича. Вспоминали Соллогубов.

Л. Н. (*о Соллогубе-писателе — о настоящем Соллогубе-писателе, а не о современном декаденте*): Какой был необыкновенный человек, даровитый, блестящий! — И разговорился о нем. Между прочим сказал: — Тургеневу подарил в знак уважения свой роман и нашел его потом в отхожем месте. Он был в Ясной [1]. Софья Андреевна начала вспоминать про него.

Л. Н.: Восхищался борзыми и сказал: «Какой вы, Лев Николаевич, счастливый человек, вы любите борзых, у вас прекрасные борзые, лошади, хозяйство, жена красивая, дети хорошие». А я ответил ему: «Потому что я люблю то, что у меня есть и что могу иметь, а не стремлюсь иметь то, чего не могу».

Татьяна Львовна рассказала содержание какой-то комедии, которую играли в домашнем театре. Потом восхищалась «Предложением» Чехова, которое видела у Корша.

Л. Н.: «Предложение» — последовательный, обусловленный комизм. Нет в нем французской бессмысленной неожиданности. По Шопенгауэру, комизм — в неожиданности. У французов это комизм наивный. Самый наивный комизм состоит в том, что ожидаешь одно, а случается другое.

Михаил Сергеевич завтра уезжает в Арко (Тироль).

Л. Н. сегодня утром получил от Бутурлина новое издание брошюр Петра Чаадаева «Апология сумасшедшего» и «Философические письма» [2]. Вечером вынес их из своей комнаты, положил на рояль и сказал Николаю Леонидовичу:

— Западное, с полемическим оттенком.

23 октября. Л. Н. с 8 утра до 10 вечера в халате сидел и поправлял послесловие (к статье «О значении русской революции»), и Александра Львовна переписывала на ремингтоне. Два раза брал статью и перемарывал и новое приписывал. Хотел послать ее Ивану Ивановичу с Михаилом Сергеевичем. Наконец, послал ему письмо, что предоставляет ему решить, хочет ли подождать еще два дня или напечатать без послесловия [1].

Илья Львович прислал Л. Н. сибирскую лайку, огромного Якута. Л. Н-чу понравился: веселый, не отстает. Уехал Михаил Сергеевич. Должен вернуться 2 декабря.

Л. Н. ездил в Ясенки, привез почту. Вечером: Л. Н., Оболенские, Софья Андреевна, Юлия Ивановна. С 9 до 11.30 Л. Н. не уходил. Очень интересно, приятно беседовали. Л. Н. дал прочесть письмо женщины, преследующей его письмами, ужасно длинными, повторяющими одно и то же, тоном человека, которому импонирует ученый стиль и который тщательно подражает ему, любуется им. Тяжелое письмо.

Л. Н. спросил про статью Рыбакова о границах сумасшествия [2]. О признаках сумасшествия, приводимых в статье, сказал:

— Необоснованно; их считают признаками сумасшествия, они и у здоровых людей. — И говорил, что вообще трудно установить границу между здоровым и сумасшедшим.

Потом Л. Н. попросил Николая Леонидовича прочесть вслух статью в том же русском журнале о женщинах во Французской революции. Прочитали про Olympie de Gouges, борца за женские политические права, ее гильотинировали за нападки на Робеспьера. Л. Н. был доволен этим чтением. Тип этот ему понравился: — Горячая, энергичная, добрая. — После прочли еще о Rose Lacombe. Меньше понравилась Л. Н. [3]

— Пусть дадут женщинам и евреям права, они слабы (меряться с мужчинами на этом поле не могут), они почувствуют слабость, и тогда увидят, что у них есть другие им близкие занятия, которые им станут дороже (семейные), что тут с ними конкурировать нельзя... Говоря объективно, я удивляюсь мужчинам, которые не хотят дать прав женщинам, — сказал Л. Н. — Теперь в России со стороны революционеров повторяется то, что было во Французской революции.

Потом перешла речь на то, кто будет платить ренту при едином налоге: Крестьянский ли банк или крестьяне. Л. Н. думал о том сегодня, и казалось ему ясным, но теперь не умел сказать. Я сказал, что кто дал деньги под залог земли, тот совладелец ее и в той мере, в какой земля заложена, будет соучаствовать в платеже ренты.

Л. Н. сказал, что теперь происходящая быстрая покупка земель Крестьянским банком более всего тормозит введение единого налога, т. к. тут задеты капиталисты, а они самые влиятельные.

Кто-то сказал, что в деревне нет работы. Вот Адриан не знает, куда руки приложить.

— Пока рассчитывают на прирезку земли.

Л. Н. сказал, что надо знать, что больше земли не будет. Тогда дело найдется. Нужна более интенсивная обработка земли... У мужиков теперь такая жалоба обычная, что ни земли нет, ни работы.

Тут вставила Софья Андреевна:

— Как же работы нет, когда некого нанять? Вот Таня ищет дворника.

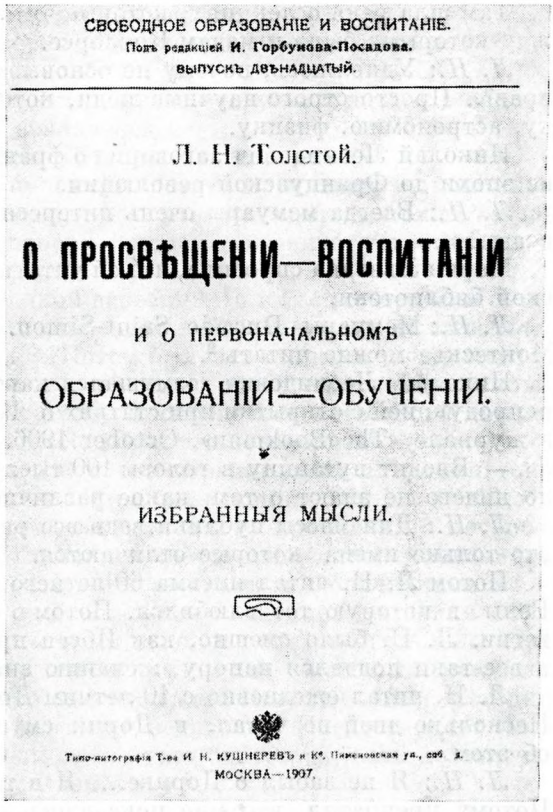
Л. Н. на это сказал:

Л. Н. ТОЛСТОЙ. «О ПРОСВЕЩЕНИИ — ВОСПИТАНИИ И О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ — ОБУЧЕНИИ». «ИЗБРАННЫЕ МЫСЛИ»

Издание «Посредника»
Москва, 1907

Титульный лист

Книга по выходе в свет была конфискована


СВОБОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ И ВОСПИТАНІЕ.
Подъ редакціей И. Горбунова-Посадова.
ВЫПУСКЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

Л. Н. Толстой.

О ПРОСВѢЩЕНІИ—ВОСПИТАНІИ

И О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМЪ

ОБРАЗОВАНІИ—ОБУЧЕНІИ.

ИЗБРАННЫЯ МЫСЛИ.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
МОСКВА—1907.

— Работы, действительно, нет в деревне.

24 октября. За обедом Л. Н. сказал:

— Ездил в Саломасово, 10 верст и Засекой обратно.

Софья Андреевна: Если бы с тобой что случилось, ищи тебя.

Л. Н. заметил, что съехал с пути на другую дорогу и уже лошадь (Вороной) сама брала левее. Это всегда так. Можно положиться на лошадь. Около Саломасова слышал веселые голоса: ученики из школы. Раздал им книжки, какие имел с собой. (Как коснулся детей-учеников, ожил, и голос стал восторженный; как Л. Н. любит их!)

Александра Львовна: Софья Николаевна просит книг для себя, для детей, для раздачи. Можно ли ей послать «посредниковские»?

Л. Н.: Чем больше!

Софья Андреевна: Ее культ — книги.

Урром Л. Н. дал мне польское письмо из Скутари [1]. За обедом не забыл спросить — никогда не забывает — о его содержании. Вечером с 9 до 11 Л. Н. с нами.

Л. Н. рассказал, что́ ему снилось:

— Гольденвейзер играл и пел мою педагогическую статью — искусственно, неприятно.

Из журнала «Мир божий» Николай Леонидович продолжал, по желанию Л. Н., читать вчера начатую серию очерков: «Женщина во Французской революции: III. Мадам Кондорсе».

Л. Н.: Это будет интересно.

Там была фраза: «Пустили по ветру идеи энциклопедистов».

Л. Н.: Не понимаю, почему пустили по ветру идеи энциклопедистов?

Когда кончили, Л. Н. сказал:

— Хорошо написано.

Там шла речь о лекциях, которые читали ученые 700 слушателям, между которыми была и мадам Кондорсе.

Л. Н.: Удивляюсь, почему не основывают у нас свободного лицея без прав?.. Просто строго научные люди, которые преподавали бы математику, астрономию, физику.

Николай Леонидович заговорил о французской мемуарной литературе из эпохи до Французской революции.

Л. Н.: Всегда мемуары очень интересны. Как после этого читать рассказы?

Мария Львовна спросила, что ей читать, какие мемуары из яснополянской библиотеки.

Л. Н.: Мемуары Duc de Saint-Simon. Интересны. «Lettres persanes» Монтескье можно читать [2].

Николай Леонидович возмущался картинкой «Толстой и Горький» — репродукцией с открытки при статьях о Толстом Луизы и Эльмера Моодов в журнале «The Bookman», October 1906.

— Вводит путаницу в головы 100 тысяч читателей, которые совершенно ничего не знают о том, какое различие между ними,— сказал он.

Л. Н.: Для массы публики ведь все равно: я, Ницше, Ибсен, Золя — это только имена, которые отличаются.

Потом Л. Н. читал письма 60-летнего Ибсена к молодой женщине из Вены, в которую тот влюбился. Потом о банкете в честь Ибсена в Норвегии. Л. Н. было смешно, как Ибсен противился, не хотел выступать, а все-таки поддался напору, желанию знакомых [3].

Л. Н. читал ежедневно с 10-летним Дориком «Мысли мудрых людей». Несколько дней не читал, и Дорик смущался этим. Кто-то заговорил об этом.

Л. Н.: Я не забыл о Дорике.... Я в таком дурном настроении был... Потому прекратил, что мне показалось — ему скучно и он смотрит на это, как на урок.

Наталья Михайловна: Нет, он каждый день спрашивает и удивляется, почему вы его не зовете. Он очень этим дорожит.

Л. Н.: Вот как нехорошо быть и самоуверенным и несамоуверенным. Я думал, что это ему все равно. Дорик заметил, я пред ним согрешил.

В этом же номере «The Bookman» картинка: группа наиболее читаемых английских писателей [4]; величиной фигуры указана наглядно их читаемость. Л. Н. рассматривал тщательно.

— Стивенсон тут маленький,— сказал Л. Н.,— а он самый даровитый.

Татьяна Львовна сказала:

— Я знаю Hall Caine.

Л. Н.: Он делал себе рекламу. Он мне два письма писал и присылал отзывы о своих сочинениях [5].

Не могли отличить изображение Теккерея от Вальтера Скотта, под ними неясные номера. Л. Н. старался узнать.

— Я видел Теккерея, но не узнаю его,— сказал Л. Н.— Так недавно прославленные люди, а читатели по портретам их не узнают.

Л. Н.: Как странно, у немцев никого нет (т. е. современного выдающегося писателя), у англичан мы знаем, у французов. У шведов — Стриндберг, и ⟨еще⟩ северяне.

В 11 разошлись. Андрей Львович смотрел бирюковскую биографию Л. Н. и спросил его про имение Юшковых около Казани. Л. Н. отвечал на вопросы:

— Оно было в 40 верстах, на левом берегу Волги, на восток от Казани. Перед домом был вырыт пруд с островом, на котором жил медведь. Это тогда был такой обычай. Но пруд высох, зарос березами. У них было чисто. Я хотел нравственно, хорошо жить [6].

Андрей Львович спросил, густо ли там заселено.

Л. Н.: Все-таки шире, просторнее, чем здесь. Имение было в 2 000 — 3 000 десятин.

Еще говорили о ренте. Л. Н. согласился, что у кого земля в залоге (кто дал деньги под залог), тот совладелец ее.

Николай Леонидович: И Генри Джордж так говорит.

25 октября. Л. Н. утром просил Авдотью Васильевну (экономку) дать чаю вдове урядника, пришедшей просить поместить в приют ее детей, шестерых сирот [1]. Потом просил Андрея Львовича устроить их в приют.

Вчера же были крестьяне из одной деревни. На их земле провели Лихвинскую железную дорогу, много лет ездят и не заплатили им за землю. Просили Л. Н. ходатайствовать [2]. Потом был сын старика, женившегося вторым браком на молодой бабе и желающего ей завещать свою землю. Сын явился, просит совета, как этому воспрепятствовать. Есть четыре взрослых сына от первой жены. Л. Н. хотел его отговорить.

Утром Александра Львовна с 8 часов переписывала на ремингтоне послесловие — 18-ю главу к «О значении революции». Л. Н. в халате поправлял до 10. Два раза перемарывал и много прибавлял. Вечером с 7 до 10 — также. Л. Н. уносил статью к себе и поправлял. Александра Львовна даже заропотала. В 8.30 Л. Н. пришел вниз за Оболенскими и позвал их снова поправить статью по-новому. Едва закончив поправлять начисто в трех экземплярах переписанный текст и показав его Александре Львовне, Л. Н. стал снова поправлять, и притом вид у него был, как если бы извинялся, что причиняет работу Александре Львовне и нам. Сегодня переделывал ее четыре-пять раз и остался недоволен. Предоставляет Ивану Ивановичу решить, печатать ли ее, и будет более рад, если не напечатают. В том смысле пишет Ивану Ивановичу [3].

Спешил со статьей ради того, что сегодня ночью Александра Львовна должна была поехать в Москву на урок к Гольденвейзеру. Но она отложила поездку на завтра.

В статье разговор Л. Н. с ламинцовским крестьянином оканчивается словами: «Не можете ли вы мне помочь на выписку газеты? — сказал он». А на деле Л. Н. ответил ему: «Не дать ли вам еще и на браунинг?» — «Что же, и на браунинг хорошо», — ответил он [4].

Сегодня осенний туман. На расстоянии предметы — овца, куст, дом — кажутся огромными.

За обедом говорили, что Хирьякова посадили на месяц в тюрьму за гимн. Мария Львовна читала его: призывает к любви, но не лишен и революционного.

Л. Н.: Приятно (ему будет, отдохнет).

Л. Н. давал поручения Александре Львовне в Москву:

— Снеси послесловие Ивану Ивановичу; заезжай к Давыдову, кланяйся и скажи ему про Афанасия, чтобы сделал, что может, чтобы освободить его. За то, что он сказал что-то об иконах, как его могут держать? [5]

Николай Леонидович: Забыли про него.

26 октября. Утром приехала М. А. Маклакова, под вечер Сергей Львович.

Л. Н., просматривая почту:

— От Бирюкова две французские книжки об отделении церкви от государства. Одна из них Сабатье, и одна итальянская брошюра. — Л. Н. перелистал их и сказал: — Католическое, это мне малоинтересно. Письма от него (Бирюкова) нет. Надо его спросить, зачем посылает. — Взял итальянскую брошюру и стал пересматривать ее.

— Вы хорошо читаете по-итальянски? — спросил меня.

— Ничего. Прочел «Анну Каренину» и несколько других вещей.

Л. Н.: Я философское, религиозное могу читать.

Стали читать вместе. Л. Н. лучше меня понимал. Он прочел и перевел кусок, потом я — другой, он — третий.

— Кажется, это очень хорошо,— сказал Л. Н. и взял книжки и почту с собой в кабинет [1].

Л. Н. ездил на Вороном, по дороге слез и повел его. Когда стал ногой в стремя, поводья упали, лошадь запуталась задней ногой в поводьях и не стояла. Л. Н. приехал с усталым видом.

За обедом Татьяна Львовна говорила про «Копперфилда», что это самая интересная книга. Я сказал, что я ее не читал.

Мария Алексеевна говорила, что Илья Львович был на представлении «Горя от ума» и что он первый раз видел пьесу на сцене и никогда не читал до этого.

Татьяна Львовна: Я «Тараса Бульбу» не читала.

Сергей Львович: Я ни «Тараса Бульбу», ни «Князя Серебряного».

Л. Н.: Имеешь полное право не читать «Князя Серебряного».

Л. Н. спрашивал Сергея Львовича про И. И. Дунаева.

Сергей Львович: Получил от Бутурлина книгу Чаадаева, он прислал тебе?

Л. Н.: Признаюсь, мне скучно. Это имеет историческое значение. Полемика западника со славянофилами.

Сергей Львович: Это все устарело.

Л. Н. согласился и сказал:

— А Герцена всегда будут читать.

Л. Н. спросил про Моода, видел ли его.

Сергей Львович: Он провел вечер у нас. Я его познакомил с кадетами.

Л. Н.: Он имеет смысл для них.

Из-за Моода и адреса (мемориала) англичан конституционным партиям вышел спор Сергея Львовича с Андреем Львовичем. Л. Н., как обыкновенно в таких случаях, задал вопрос не участвующему в споре, на этот раз Марии Алексеевне, и тем начал новый разговор. Неприятный спор прекратился.

Л. Н.: Охота мне стала совершенно невозможной.

Софья Андреевна: Как? А когда гуляешь, ищешь русака.

Л. Н.: Его не поймают (т. е. собаки, с которыми Л. Н. гуляет). Помню, под мостик на шоссе около Воробьевки залез загнанный заяц. Его бы пожалеть. Об этом и не думал. Выгнал его и зарезал.

Говорили о том, что лосей стало мало, а волков больше.

Софья Андреевна: Козу я видала, а волков никогда. Папá возил меня на охоту с поросенком *.

Прочел в харьковской «Южной жизни», 12—15 октября статью «В Ясной Поляне» Петра Гайда — студента, жившего в июле и августе в Ясной Поляне (спаивавшего Ваньку Ромашкина), избитого парнями и жаловавшегося на них. Третьего дня 20 парней и девушек ходили в суд в волостное правление в Ясенки. А он как жалобщик не явился. Ужасно циничное, недобросовестное описание.

«Я с любопытством палеонтолога посмотрел на графа, как на ископаемую диковинку, обладающую особым, так сказать, атрофированным уже у нас органом — душою», — пишет Петр Гайда. Описывает яснополянцев на тот манер, как Дорошевич сахалинцев или Золя крестьян. Самые худшие стороны самых худших приписывает всем [2].

За чаем: Сергей Львович, Мария Алексеевна, Софья Андреевна, Оболенские, Л. Н., Татьяна Львовна.

---

* Должно быть, раньше водились дикие козы. Теперь про них не слышно. Лоси, волки иногда забегают и месяцами живут.

Л. Н.(*о Лебрене*): Славный малый. И как натура прекрасный: честный, умный.

Андрей Львович спросил, что ему читать на ночь.

Мария Львовна посоветовала Лескова.

Л. Н.: Не люблю этого Лескова.

Я спросил Л. Н., католик ли Сабатье.

Л. Н.: Католик, но свободомыслящий.

Потом сказал о его книге, что посмотрел и понравились ему два места довольно хорошие. Первое: нападать на священников не следует, это форма, в которой выражается их вера. Они не могут в другой форме выражать свои верования. Второе: во Франции множество женщин и мужчин идет в монастыри. Это проявление потребности самоотвержения, их занятие бесполезно ⟨другим⟩ людям. Надо им дать передовые цели.

Л. Н.: Итальянскую книжку пробовал читать, сперва не идет, надо вчитаться и словарь нужен. Читал с Таней, она тоже с трудом понимает.

Л. Н. взял с собой воскресное «Новое время» с новой (третьей) статьей Розанова о нееврейском происхождении Иисуса Христа и спросил:

— У вас первые отложены? (Стало быть, ему будут нужны, вероятно все-таки готовится написать по этому поводу.) [3]

Сергей Львович спросил отца, что́ пишет. Не нужны ли ему его исторические книги, которые он хочет взять.

Л. Н.: Не нужны. За эту большую историческую работу, кажется, еще не возьмусь [4].

Сергей Львович: А «Воспоминания»?

Л. Н.: Я запутался. Я ему (Бирюкову) кое-что вперед сказал, а надо идти равномерно. Когда «ноги грел» *, думал об воспоминаниях, связанных с каждой отдельной комнатой. Можешь себе представить,— обратился к Марии Львовне, — как...

Говорили о Д. А. Милютине. Ему 91 год, живет в Крыму.

Л. Н.: Он один из виновников моего военного направления: брата уговорил. Он в 40-м году приехал с Кавказа.

Кто-то спросил:

— Сюда в Ясную?

Л. Н.: Нет, мы были у его брата Владимира, которого хорошо знали, прекрасно рассказывал. Мы смотрели на него снизу вверх. Приехал Дмитрий Милютин с золотым оружием за храбрость. А мы были у его брата в гостях и ходили подсматривать в щелку это оружие и старшего брата Милютина и восхищались им.

Николай Леонидович спросил, знал ли Л. Н. Николая Милютина.

Л. Н. сказал, что знал, и про него хорошо рассказал:

— Мне говорил Оболенский, что Милютин лучше всего работал, когда начинал кого-нибудь ненавидеть, и это мне объясняет его деятельность в Польше. Он ненавидел поляков (т. е. панов) и поэтому охотно поселял раздор между помещиками и крестьянами введением сервитутов и всей тогдашней русской политикой. Когда в Польше были введены разные реформы при Александре II, крестьяне получили права пользоваться «чем-нибудь» в усадьбе помещиков, например — водой или въезжать в лес. Таким «чем-нибудь» могли сделать неприятность помещику [5].

Л. Н.: Мы завтра будем читать Duc Saint-Simon.

Сергей Львович спросил:

---

* Когда Л. Н. вышел из кабинета, сказал, обращаясь ко мне, что он сейчас «ноги грел», сидя в кресле. Выражение «греть ноги» в Ясной Поляне означает спать днем или вечером. Пустили его в ход, подшучивая надо мной, когда я один раз вечером, придя в залу, на вопрос, что я делал, ответил: «Ноги грел» (о печку в стене, при том заснул).

— Читал ли ты социалиста Сен-Симона?

Л. Н.: Не читал. А читал Щеглова, русскую книгу о социалистах [6]. Тургенев, бывши в Ясной, взял с полки Duc Saint-Simon. Читал с наслаждением.

Сергей Львович: А Фурье?

Л. Н.: Читал. Он такой педант. Он вперед предписывал, установлял, как что должно быть.

Сергей Львович: Я потому спрашиваю, что мне кажется, что Маркс так же погубил идеальный (утопический) социализм, как Павел — христианство.

Л. Н.: Нет, нельзя сказать, потому что вот Фурье был большой формалист и педант.

Сергей Львович: А Овен (Оуэн)?

Л. Н.: Овен — другое дело. Овен был более практический. Он был идеалист, философствовал очень неопределенно и сейчас же применял на практике то, что говорил. Так же и Прудон с своим банком. А Маркс старался найти научные основания для социализма.

В 11 часов уехали Сергей Львович и Александра Львовна в Москву. Сергей Львович взял с собой книгу о декабристах и «Очерки русской истории» Милюкова [7], которые читал Л. Н.

27 октября. Л. Н. с верху лестницы:

— Кто это? Душан Петрович? Куда это вас бог?

— В лечебницу иду.

Л. Н. ездил к Марии Александровне, Андрей Львович — в Тулу. За обедом рассказывал:

— В Туле поймали 11 грабителей, которые убили..... * Около Варшавы бросили четыре бомбы под поезд, 18 конвойных убито, миллион золотом ограблено. Теперь бросают такие бомбы, которые взрываются вверх и вперед, так что не ранят бросающих.

Л. Н.: Вся культура озабочена тем, чтобы убивать. (Культура теперь направлена на то, чтобы придумывать самые совершенные орудия убийства.)

Андрей Львович (*о Петре и Павле Долгоруковых*): Петр Долгорукий, когда был здесь, говорил: «Это удивительная вещь, как Л. Н. не хочет нас слушать» (их кадетскую программу) [1].

Вечером с 9.30 до 11 я был с Андреем Львовичем в Козловке. Николай Леонидович рассказал, что в наше отсутствие был разговор о революции.

О книге Сабатье Л. Н. говорил, что сколько усилия употребляется на то, чтобы опровергнуть такие страшные предрассудки, как непогрешимость папы, бессеменное зачатие. Потом, продолжая, Л. Н. обратился к Татьяне Львовне:

— Ведь нам с тобой, кажется, надо быть сумасшедшими, чтобы в это верить. А ведь это на нашей памяти были провозглашены оба эти догмата [2].

Л. Н. (*мне*): Прочел итальянскую брошюру со словарем **. Сабатье просит написать статью в журнал, который издают по-итальянски моло-

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

** У Л. Н. в сильной степени развита привычка пробовать свои способности: что может сделать, желание не затруднять других тем, что можно самому сделать. Он мог бы итальянскую статью дать кому-нибудь перевести для себя и с легкостью прочесть по-французски или по-русски, но он сам с помощью словаря одолел ее. Он мог бы писать письма немцам, англичанам по-русски, или у себя дать перевести их на немецкий, английский языки и так посылать. Но он их пишет сам на этих языках. Когда одевается, чтобы куда-нибудь ехать, сам себе в комнату приносит верхнюю одежду и сам ее уносит, раздевшись, когда приезжает. При перевязках не хочет каждый раз чистый бинт, кажется ему расточительством. Книги, письма сам уносит в кабинет. Вообще, что может, делает сам. Ему 79-й год, а теперь еще делает гимнастику. Кроме прогулок пешком около трех часов в день, через день — верхом. Что трудно, то любит преодолевать, тем воспитывает в себе волю и поддерживает бодрость.

дые люди. Отвечу ему письмом, это письмо будет статьей в тот журнал. О многом буду там писать. Между прочим, и об этом, о нееврейском происхождении Христа и различности павлинизма от христианства *[3].

Л. Н. (*мне*): Найдите мне прежние две статьи Розанова и напишите Николаеву, перевел ли статью «Paulinity versus christianity» (вероятно, by Croft Hiller) и чтобы он ее прислал мне [4].

28 октября. День пасмурный, не холодный. К Л. Н. пришел мужик, у него колесо сломалось по пути в Тулу, в деревне без денег никто не дает, а у него их нет. Л. Н. пошел с ним на скотный двор за колесом. В 2 часа Л. Н. звал с площадки лестницы Ваню. Я хотел сбегать позвать его. Л. Н. перегородил мне крепко путь рукой:

— Мне это неприятно (беспокоить вас).

Л. Н. зашел в комнату к Юлии Ивановне, где Мария Львовна сидела у стола. Мария Львовна показала ему ее рукой списанное начисто письмо к Сабатье.

Л. Н. взял его как-то нерешительно и сказал:

— Подписать? Обещаю и не знаю, сделаю ли. Все эти Сабатье хлопочут, как бы возродить католицизм. Копаются в горе книг, цитируют разные тонкости для оправдания догм. Вопрос этот так загажен, что трудно за него взяться. А можно взяться, только под самый корень, как Руссо. Сегодня в «Круге чтения» — Руссо... — И Л. Н. прочел его [1].

Л. Н.: Забыли стариков. Руссо сто лет тому назад как ясно говорил об этом! Прежде под корень забирались вопросам, а теперь что̀ какой-нибудь Буланже или папа скажет, и их слова разбирают и переправляют. Насколько сто лет тому назад люди умнее были!

Андрей Львович: Правда, сто лет тому назад были умнее? А тысячу лет тому назад?

Л. Н.: Еще умнее.

Андрей Львович: А две тысячи?

Л. Н.: Вопрос — где и кто? Марк Аврелий...

Л. Н. попросил меня найти ему Руссо — «Эмиля» и «Исповедь савойского викария». И очень скоро нашел в оригинале «Эмиля» места, напечатанные в «Круге чтения». Кажется, для письма к Сабатье нужны ему [2].

Андрей Львович вчера ездил к губернатору с просьбой поместить в приют шесть сирот урядника, убившего лавочника и себя. Нет места. Вице-губернатор предложил прочесть рукопись Л. Н. на вечере для сбора суммы. Мария Львовна сегодня достала рукописи и принесла их Л. Н. в кабинет. Позже войдя, нашла его сидящим около разложенной рукописи. Про «Записки сумасшедшего» Л. Н. сказал:

— Как это хорошо!

Мария Львовна (*мне*): Написаны около 1886 года,— и рассказала мне содержание.

Л. Н. (*сегодня за завтраком*): Смотрел старье. «Записки сумасшедшего». Я и забыл, что я их писал. Поправлю, можно будет прочесть [3].

Софья Андреевна тоже разбирала старье, рукописи и книжки и прочла описание двухдневного пребывания в Ясной Поляне датчанки Edelweiss, восхищалась. Софья Андреевна спросила Л. Н. о тех рассказах, которые она ему положила на стол: прочел ли их. Там был рассказ «Тихон и Маланья» 1862 г.

Потом Л. Н. говорил про «Тихона и Маланью»:

— Как я тогда расплывался — ⟨писал⟩ на страницах, что можно было сказать в двух словах. Удивительно, что я это писал.— И не согласился отдать рассказ, потому что так наивен, многословен.— При-

---

* Кажется, обещает статью в итальянскую газетку «Молодых христиан».

ятно было читать. Там видна моя любовь и хорошее отношение к народу [4].

Погода сырая, плохая, грязь, туман. Софья Андреевна спрашивала Л. Н., куда поедет:

— Через час темно будет, не найдешь дороги.

Л. Н.: На шоссе.

Когда вернулся, за обедом сказал, что ездил к провалам. Ездил на Вороном:

— Он верен ногами; когда спотыкается, сейчас поправляется. А Делир, мы с ним начинаем уже садиться.

Л. Н.: Получил письмо и в нем мое «Письмо к фельдфебелю», издание революционеров, истрепанное, многие его читали. Пишет: «Вас прежде уважали, а теперь вас весь народ презирает, что вы такую святыню можете осуждать».

Софья Андреевна: Какую святыню?

Л. Н.: Церковь, войско.

Софья Андреевна спросила:

— Какое «Письмо фельдфебелю» ты писал?

Л. Н.: Это очень давно было. Более десяти лет. К немецкому фельдфебелю [5].

Все это Л. Н. говорил на вид спокойно, как будто бы его это не касалось. Обыкновенно же ему бывает больно, когда получает такие письма.

Проходя через гостиную к обеду и по пути перепоясываясь, ремнем ударил Шарика, найдя его лежавшим на кушетке. После обеда Андрей Львович спросил Л. Н.:

— Нельзя обойтись без битья животных? Я пришел к заключению, что для животных необходимо телесное наказание.

Л. Н.: Думаю, что нельзя. Мы требуем от них, чтобы жили согласно нашим желаниям, которые их уму непонятны. Тогда их бьем, и они слушаются.

Андрей Львович: Тогда почему же нельзя и людей телесно наказывать? Ваньке Ромашкину все поучения, просьбы не впрок. Я уверен, если его высечь, подействовало бы.

Л. Н.: Нет, нельзя. Потому что у каждого, последнего человека, все-таки есть разум, и он может понять. Тогда негде остановиться. Когда можно за одно одного наказывать, можно за другое и другого. Человек разумен, есть возможность действовать на него. А этим (наказыванием) уничтожится остаток его разумного сознания, и это самое мы забываем. И от этого-то так медленно движется человечество.

Андрей Львович спросил, что делать с террористами и грабителями, которые теперь появились.

Л. Н. ему ответил, что до сих пор строгостью держалось все наше общество, и вследствие этого было забито все наше сознание. Теперь строгости сняты — это проявилась человеческая природа, какая она в нас есть, не сдерживаемая разумным сознанием, а сдерживаемая только страхом наказания.

Потом Л. Н. сказал, что вопрос неупотребления насилия гораздо шире, касается не только наказания в волостном правлении.

Сегодня я много сидел в зале с Софьей Андреевной и у Юлии Ивановны с Оболенскими, Иваном Ивановичем и Андреем Львовичем, гулял один, вообще не работал. Андрей Львович спросил, почему я мрачен.

Я: Сегодня не работал.

В это время Л. Н. проходил через ремингтонную и спросил, о чем говорим. Андрей Львович передал.

Л. Н.: Все дело в этом. Сегодня Дорику это самое внушал.

Татьяна Львовна рассказала про 15-летнего М. А. Стаховича. У него

коксит. Его свезли в огромное заведение на северном берегу Франции. Там лежал два года «на доске» и вылечился. А теперь с усами, крепкий.

Л. Н. (*мне*): Я хотел о медицине, о врачах говорить, а вы подошли.— Не сказал, что́ хотел, только: — Медицина богатым более вредит, бедным скорее помогает.

Софья Андреевна на своем примере доказывала выгоду лечения богатых. Татьяна Львовна подтверждала.

Л. Н.: А потом нравственный вред. Тот человек, который болен, думает, что он занят, что он освобожден от всяких других забот.

Мария Алексеевна, Татьяна Львовна, Андрей Львович и Л. Н. играли в винт. После Андрей Львович сказал:

— Папá — в винт, мамá — на фортепьяно скверно играют.

29 октября. Л. Н. после обеда говорил о фельетонах студента Петра Гайды в харьковской «Южной жизни»:

— Сначала было мне неприятно, потом был рад. Было мне breathing *, как англичане говорят. Где вы эту газету нашли? Я бросил ее, чтобы не читали.

Я: В корзине. (Иногда ищем и находим там рукописи Л. Н.)

Л. Н.: Его избили.

Я: Дня четыре тому назад должен был состояться суд, 20 яснополянских парней и девушек пошли в волостное правление, но он не явился. Николай Леонидович сегодня взял газету у меня, хочет написать редактору, что такое нельзя помещать. И пошлет опровержение [1].

Л. Н. (*мне*): Вы видели эту газету (венскую «Kronenzeitung»)? Прислал мне ее, очевидно, поляк, но пишет по-русски.— Показал статью «Das Haus der weissen Sklavinen».— Пишет, что он против насилия, но тут, в этом судебном деле, не уместно ли наказание? Я тут не понял, какую операцию совершили над девушкой,— и начал искать в статье. Наконец, Л. Н. нашел место об операции.

Я сказал, что тут шла речь о криминальном аборте.

Л. Н.: Да, как я не догадался! Он (поляк) мне пишет: «Этот процесс их вразумит». Мне было интересно прочесть. Нет, наказание не вразумит. Судьи, прокуроры участвуют в том же. Тут никаких крайностей нет. Даже отец (девушки) не видел в этом предосудительного, и женщина, содержательница этого дома,— вдова, муж оставил ее в долгах, она хотела их выплатить... Это объяснение — как оно естественно... все одно за другое цепляется [2].

Л. Н. увидел в открытой «Review of Reviews» портрет 80-летнего генерала Бутса, посмотрел на него. Татьяна Львовна начала говорить об «Армии спасения» и хвалить ее членов, утверждая, что в этих приказчиках есть чувство самопожертвования. Л. Н. не одобрял:

— Это гримасничанье. Вот Душан Петрович рассказывал (Софья Андреевна вставила: «Я рассказала Льву Николаевичу, что́ вы мне вчера вечером говорили об инсбрукских католических сестрах милосердия»), в старинных учреждениях, монастырях сестры милосердия, это самопожертвование. Доски на груди носят, не моются. Это хорошо,— сказал Л. Н., остановясь на этом.— Англичане говорят cleanliness is godliness **. Тут, наоборот, жертвуют чистотой, считают ванны роскошью.

(Я думаю, Л. Н. не нравится формальная сторона «Армии спасения», как учреждения, их реклама) ***.

---

* полезным поучением (*англ.*).

** чистоплотность — благочестие (*англ.*).

*** Позже, в 1909—10 г. Л. Н. интересовался «Армией спасения», читал, расспрашивал о ней, хотелось поучиться у них практической стороне благотворительности.

За чаем: Л. Н., Софья Андреевна, Оболенские, Юлия Ивановна, Мария Алексеевна. Речь о бриллиантах и других драгоценных камнях.

Николай Леонидович: Англичане презирают брильянты, их может носить каждый, у кого много денег. Вкуса не надо.

Л. Н.: Старое русское название изумруда — смарагд.

Смотрели в словаре Брокгауза о драгоценных камнях [3].

Л. Н.: Какое люди везде приписывают драгоценным камням значение! В Индии тысячи рабочих жизней губится из-за драгоценного камня.

Л. Н.: Я сегодня в таком состоянии... Прочел «Новое время» с начала до конца. Что же в нем нового, интересного? Меньшикова, Столыпина нет...— Л. Н. припоминал и не мог сразу вспомнить.— Да, о Японии. Как японцы в торговле в Маньчжурии, Корее, Китае успешно конкурируют, даже вытесняют американские, английские товары. Как с французами договариваются о Сиаме, чтобы французы его не трогали. Это мне очень интересно, нравится. Так и должно быть [4].

Речь об Афросимове, весельчаке, плясуне, певуне.

Л. Н.: Странно, что такие люди приятны, а если разберешь,— пусты. Их жизнь — эгоизм, наивный эгоизм, оттого они приятны, что их эгоизм — наивный эгоизм.

30 октября.

Софья Андреевна: В Москве сегодня два концерта: «Реквием» Моцарта и цыганский хор Вари Паниной. Саша поедет к цыганам.

Л. Н.: «Реквием» Моцарта никогда не слыхал, но сколько раз играл, ничего хорошего в нем.

Софья Андреевна: Он хорош в четыре руки, так надо его играть.

Л. Н.: Под этим-то впечатлением я играл в четыре руки, но я обратного мнения. Если что хорошо, то и одним пальцем...

Л. Н. (*придя к чаю*): Я читал Фихте — вы знаете его?

Я: Нет.

Л. Н.: Я читал его в английском переводе. Чертков оставил мне. Он изучил его, отметил места, подчеркивал. Многое, что мне казалось, что я открывал, у него нашел. Грустно мне читать его.

Николай Леонидович: Отчего грустно?

Л. Н.: Что никто его не знает. Андреева, Золя все знают. Это монсеньоры. Я в письме к Сабатье включу о нем. (Л. Н. вчера написал, сегодня дополнял письмо к Сабатье) [1].

Л. Н. говорил о Фихте:

— Он пишет, что счастье объективно происходит от внешних условий, а блаженство человек может себе сам создать, оно вытекает из блага, которое человек может всегда достигнуть своим мировоззрением [2].

Потом Л. Н. говорил, что у Дьякова была жена, Дурасова (?). Любила читать трудные книги. О Фихте говорила: «Он до того умен, учен, ничего понять нельзя».

— У него действительно тяжелая форма выражения. «Я не я», и в этом роде,— сказал Л. Н.

М. А. Маклакова сказала про своего старшего брата, что она тогда успокоится, когда он бросит политику.

Л. Н.: Политику невозможно бросить адвокату, то есть невероятно, что ее бросит, потому что адвокат умеет говорить. Где уж умение говорить имеет бóльшее значение, как не в парламенте!

31 октября. Л. Н. болен. (У меня не записано.)

Я сказал Л. Н., что его ждут мужик с бабой и хотят с ним поговорить.

Л. Н.: Если просительное, то не могу исполнить... Если что духовное, то позвать их сюда.

1 ноября. Л. Н. получил письмо от N. N. Просит 15 р., чтобы купить книги, которые советует американская фирма в Петербурге, объявляющая в газетах, что кто хочет усилить память, поправить здоровье магнетизмом, спиритизмом, чтобы за бесплатным советом обращались к ним [1]. Очевидно, попадаются многие на их уловку.

Л. Н.: Чем низменнее философ, тем популярнее.

Л. Н. (*к Э. Я. Перна*): Советую вам не читать историю философии, потому что там ⟨лишь⟩ некоторые стороны философа подчеркнуты, и вы не будете его читать непредвзято.

— Болеть очень хорошо в нравственном отношении. Одно неприятно, что заставляешь других хлопотать,— сказал мне Л. Н. в 2 часа пополуночи 1 ноября, когда ему было хуже всего. Потом послал меня спать.

3 ноября. Л. Н-чу лучше.

— Я вчера долго не мог заснуть,— сказал Л. Н.,— только оттого, что чувствовал себя здоровым.

Утром приехал Николаев и привез первый экземпляр «Общественных задач» Генри Джорджа с предисловием Л. Н., издание «Посредника», и корректуры, между прочим, послесловия к «О значении русской революции», которое Л. Н. переименовал на «Что же делать?» и которое выйдет отдельной брошюрой [1].

Л. Н. с Николаевым и Марией Львовной долго разговаривали. С 9. 15 вечера Л. Н. говорил о том, что равенство, братство, свобода вытекают из хороших добродетелей смирения, справедливости, самоотвержения, любви.

— В беседе с вами мне это выяснилось,— сказал Л. Н-ч Николаеву.

Л. Н. говорил, что жизнь Иисуса гораздо менее значительна, чем жизнь Франциска Ассизского. Учение Иисуса — да, значительнее. Разговор Франциска с братом — если мы не можем так поступать, пусть нам это будет хоть идеалом.

— В «Круге чтения» есть чье-то: «Если тебя ругают... Если бы знали всего меня, ругали бы больше» [2]. Какие мы все, как сами себя обманываем! — говорил Л. Н.

Л. Н. (*обращаясь к Марии Львовне*): Hunter мне пишет длинное письмо по поводу твоего письма; желает, чтобы я написал ему письмо, которое он поместил бы в предисловии к новому изданию своей книги («On Poverty»). Hunter указал тот факт, что в Соединенных Штатах одна седьмая жителей бедна [3].

Николаев: Англии, Америке нам нечего подражать.— Потом сказал, что в указателе социальной литературы, составленном Рубакиным, нет Генри Джорджа [4].

Л. Н. заговорил о Бессарабии, откуда Николаев и другие уехали:

— Если я опять сделаюсь молодым, то я уеду в такую страну, где не говорят про газеты, политику, а разговаривают про пчел, собак, земледелие... Но и семья... Может быть, и соскучился бы. Это прекрасно, что люди представляют себе в прошедшем то, что ожидает их в будущем: тот золотой век...

Николаев: В «Посреднике» печатают Моррисона о предшественниках Генри Джорджа.

Л. Н. посоветовал перевести Моррисона «The Book of Kings» [5].

Николаев сказал, что печатают еще что-то о крестьянской общине [6].

Л. Н.: Теперь новыми законами общину подрывают. Славянофилы это выдвинули, что ее решения ⟨принимаются⟩ не большинством, а единогласно.

Я: Так ли это?

Л. Н.: Никто не выскажется против «так». Кто не соглашается, молчит или уходит... Богатые крестьяне сами желают из общины выйти.

Юлия Ивановна: Вы, Сергей Дмитриевич, теперь меньше стали похожи на Генри Джорджа, а были.

Софья Андреевна сказала, что Дмитрий Николаевич похож лицом на Л. Н.

Л. Н.: Некоторыми чертами; я горжусь, что похож на него.

Л. Н.: Ежедневно четыре письма, в год тысячу, получаю о том: «Я хочу учиться». Из народа уходят учиться, и все народу садятся на шею. Как если бы человек стоял на карачках и на него лезли бы один, два, три, и в дверях стояли бы новые. На это никто не обращает внимания.

Николай Леонидович: И за границей так. И бюджеты везде растут.

Л. Н.: У Фихте описание богатого и бедного класса, 1794 года [7]. Тогда то же, как теперь ⟨было⟩, но тогда дед,— указал на портрет слепого Горчакова,— и крестьяне думали, что так и должно быть. Теперь — крестьянка стихи пишет о барыне и крестьянке [8].

Л. Н.: Читаю Фихте и Руссо и прихожу в ужас.

Николай Леонидович: Почему?

Л. Н.: Потому что все это сто лет тому назад было высказано, а действия никакого.

Николаев: Кузьмин хочет странствовать по России, чтобы познать Россию, настроение народа и чтобы говорить с ним, где обстоятельства потребуют. Он позвал товарища с ним идти. «Я согласен, только кончу экспроприаторское дело».

Л. Н.: Экспроприаторство — то же самое, что происходило на Кавказе: привлекательно рисковать жизнью в молодые года.

Николаев: Чудо, что крестьяне так мало грабят. Могли бы всех помещиков грабить.

Л. Н.: Имеют основание бояться.

В 11 Николаев уехал. Винт: Л. Н., Михаил Львович, А. А. Берс, М. А. Маклакова.

4 ноября. Л. Н. еще не выходил. Пятый день болезни. Пополудни был американец, писатель Скотт с женой, еврейкой из Вильны. У них в Нью-Йорке жил Горький, когда его не приняли в трех гостиницах [1]. Сегодня метель. Софья Андреевна принесла Л. Н. газеты.

Л. Н.: «Русские ведомости» мне не нужны,— и отдал их назад Софье Андреевне. Подержал «Новое время» и, взяв, сказал: — Какое неприятное время, ветер, холодно... будут беспорядки.

Вечером я спал с 9 до 10. В 10 часов, когда пришел, Л. Н. говорил о статье Меньшикова «Расстройства армии» (2-я часть) о том, что русская армия отстала от других армий. Драгомиров был против новшеств, новых усовершенствований. Меньшиков прав. Драгомиров — шут гороховый, боялся принимать в армию революционеров, интеллигентов; под предлогом физических недостатков не принимал. Распад армии [2].

Вечером Татьяна Львовна и Мария Львовна вспоминали всякую всячину и удивлялись, что они уже вспоминают. Л. Н. сказал приблизительно так: видеть одно поколение, пройти ⟨с ним⟩ — поучительно, интересно, а несколько — тем поучительнее:

— Я уже вижу несколько поколений. Танечка будет говорить: «Я еще застала революцию».

Живой разговор о революции; участвовала Софья Андреевна, нападавшая сильно на революционеров:

— Какая она (революция) сильная! Кадеты хотят конституционную монархию.

Николай Леонидович: Социалисты — это показывает их силу — и не хотят иметь дела с кадетами. Они добиваются социалистической республики. Через двадцать лет Николая не будет.

Л. Н. сказал приблизительно так:

— Что же удивительного! И социалистическая республика, если бы была, была бы малым результатом. Не может быть, чтобы такая сильная, продолжительная революция привела бы только к тому, что было сто лет тому назад. Следует ожидать никак не повторения того, что было, а того, что будет уничтожение насильственного правления, что будет положение без правительства. Хочу привести параллель...

Софья Андреевна прервала:

— Без правительства нельзя быть. Не было б правительства, не починили бы форточки, печи. Мужики без начальства как будут себя вести?!

Л. Н.: Уничтожение насильственного правления. Чтобы управлять, для этого нужно не насилие, а согласие. Я хочу провести параллель, как сто лет тому назад...

Софья Андреевна: Этого себе и представить нельзя.

Л. Н.: Сто лет тому назад говорить о том, что не будет рабов, тоже казалось неосуществимой фантазией. Моя бабушка, когда нужно было что сделать, говорила: «Мужиков послать, они сделают», и не думала, что такое труд и что это изменится. Как не могли себе представить, что можно жить без рабов, так не понимаем теперь, что можно будет жить без (насильственного) правительства.

Николай Леонидович: Три года тому назад мы с Михаилом Сергеевичем говорили: возможна ли революция в России? В прошлом году после 17 октября мужики еще ничего не знали; думали, что господа, забастовщики обижают царя. Пироговские готовы были идти в Тулу против тех, кто ходил с красным флагом. После роспуска Думы у них сложилось мнение, что ее распустили потому, что хотела доброе сделать для крестьян. Теперь есть в Ясной Евстигней и подобные ему революционеры. Революционеры с бóльшим правом могут говорить, что действуют от имени народа, чем правительство. Вот, Евстигней, Илья Васильевич... — и Николай Леонидович перечислил нескольких в Ясной Поляне сочувствующих революционерам.

Л. Н.: После Французской революции был Наполеон и перевернул все навыворот. Революционное движение сильнее всего на окраинах. Читал, что запрещена чувашская газета. Раньше чувашин был синоним темноты, а теперь их газета, пожалуй, более передовая, чем русские.

Л. Н.: Старое правительство не годится. Мне как историку видно то, что может произойти из настоящей революции: дальнейший шаг в уничтожении насилия. Уничтожение крепостного права был первый такой шаг.

Л. Н. читал в «Новом времени» корреспонденцию из Вильны.

Л. Н.: В письме к Сабатье нужно было выписать место из «Sur la religion»*. Но это что-то ужасающее. Оно в переводе Бинштока взвинченное, запутанное, ничего нельзя понять. «Начало» (духовное) он переводит le commencement; «сделка» — accomodation, а такое слово есть только в смысле приспособления глаз, а есть слово accomodement. А мы смотрим на книги с уважением.

Николай Леонидович: Бинштоk и Шток не знают по-французски. Это дело денежное. Бирюков тут попался [3].

Татьяна Львовна: В немецком переводе «Анны Карениной» эпиграф переведен: «Meine ist die Rache ich spiele Ass»**. Душан Петрович, найдите перевод.

Не оказалось его в библиотеке. Не оказалось также ни немецкого собрания сочинений Л. Н. в переводах Левенфельда, ни английского, ни американского издания Леопольда Винера[4]. (Не посылают, как нехорошо!)

* Статья Л. Н. «Что такое религия и в чем ее сущность» во французском переводе Бинштока.

** «Мое отмщение — я играю тузом» (*нем.*).

Разговор о чтении вслух. Хорошо (просто) читал Немирович-Данченко, драматург, когда был с Чеховым. Чехов был тогда в первый раз [5].

Л. Н.: Читать или просто, или совершенно.

Татьяна Львовна: Когда старший Стахович читал «смерть Базарова», лакей Фомич хохотал, убежал вон.

5 ноября. Воскресенье Л. Н. с 30 октября не выходил. Сегодня утром сделал прогулку по направлению к Чепыжу. Пополудни не выходил, чувствовал слабость. В эти дни Л. Н. заметно постарел, голос слабее, более грудной, стал сильнее шепелявить и голову держит более наклоненной.

В 2.30, садясь завтракать, взял «Новое время».

— Вы, Душан Петрович, подчеркнули в статье Столыпина?

— Да.

Л. Н. как бы одобрял. Спросил меня что-то, я ответил и спросил, что он третьего дня говорил Э. Я. Перна [1] о свободе, равенстве, братстве. Я это хорошо не понял. Почему смирение ведет к равенству?

Л. Н.: Это мне самому только тогда выяснялось. Они — свобода, равенство, братство — объективны, их предписывать нельзя. Это смешно, что так вышло; что свобода, равенство ограждаются насилием. Их дает христианство, бог — выходят изнутри человека. Кто смиренен, не будет ⟨ставить себя⟩ выше другого, будет равенство, любовь, братство, Тао * — свобода.

Л. Н.: Вчерашний американец (Скотт) — наивный, скромный, умный или так держал себя? Я спросил его, читал ли Чаннинга? — «Немножко». — Читал ли Гаррисона? — «Немножко». — Эмерсона? —«Немножко». Нарочно спрашивал про американцев, они их не знают.

Пишу Сабатье. Он размышляет, заботится о будущности католицизма!.. О будущности католицизма! Что тут писать после Вольтера, Руссо, Канта! Он и ему подобные как будто их не знают, начинают с себя, со своих мыслей, когда Вольтер, Руссо, Кант так выяснили суть католицизма. Недостаточно, чтобы истины были только ясно изложены; они особенным путем входят в сознание. Нужно (еще) особенное состояние, чтобы воспринять их.

Потом поручил мне написать Бирюкову о скверном переводе Бинштока «Sur la religion» [2].

За обедом: Л. Н., Софья Андреевна, Татьяна Львовна, Оболенские, Александра Львовна, Наталья Михайловна, Юлия Ивановна, М. А. Маклакова, Дорик. Разговор о madame Maintenon, о молодых людях, какие они теперь.

Л. Н.: Грубые манеры, неучтивые, невнимательные к старшим. У старинной аристократии были известные приемы общежития, которых нет у них (у молодых аристократов и у неаристократов). А теперешние приемы: курить, лежа есть...

Николай Леонидович: Известные правила приличия теперь не соблюдаются.

Мария Алексеевна переписала письмо к Сабатье. Л. Н. указал ей на некоторые ошибки в правописании. Потом длинный спор о том, как писать à présent**: врозь или вместе, и convaincant*** или convainquant.

После обеда Л. Н. пошел переправлять письмо к Сабатье. Вышел в 10. Винт до 11.30. Софья Андреевна играла на фортепьяно. Наталья Михайловна спрашивала, что ей читать на французском, на английском.

---

* *Тао* — следование пути добродетели.

** теперь (*франц.*).

*** убедительный (*франц.*).

Л. Н. советовал «La Nouvelle Héloïse» Руссо. А о Троллопе, которого советовала Татьяна Львовна, сказал: «Прекрасно».— Мария Львовна и Татьяна Львовна советовали «Robert Elsmer» by Humphry Ward.

Л. Н. сегодня пополудни и вечером из-за слабости не выходил гулять.

6 ноября. Поздравляли Татьяну Львовну с годовщиной рождения Танечки. Л. Н. ездил верхом к Пальцевым, верст шесть, спросить, возьмут ли себе Найденного, сеттера, который сбежал от них и живет у Толстых, или можно его взять Оболенским.

Кончил письмо к Сабатье. Шкарван просит в «Круг чтения» новое — для двух «дней». Там 3 и 8 декабря повторение 6 ноября и 11 февраля. Л. Н. поручил написать Ивану Ивановичу, чтобы послал «запасные дни», и сказал, что, может быть, он сам напишет новые, хочется ему, есть о чем [1].

Вечером винт. Уехала М. А. Маклакова. Л. Н. дал ей поручение попросить брата Василия об Афанасии Агееве, чтобы его отпустили из ссылки. Приехал Андрей Львович от Сумароковых. Оттепель.

Л. Н. сегодня получил японскую книжку [2] и татарский журнал из Баку. В первом номере статья «Что такое Л. Н. Толстой?»

Л. Н., садясь на лошадь, придерживался рукой за середину седла, чего обыкновенно не делает.

Л. Н-чу его письмо к Сабатье показалось обидным из-за нападок на церковное учение и не отослал его. По моему и Андрея Львовича мнению, оно не раздраженное. Л. Н. более чуткий и совестливый. Потом через два дня Л. Н. выпустил из него место о Марке Гюйо, друге Сабатье, которому тот посвятил свою книгу, и послал письмо [3].

7 ноября. Приехала Мария Александровна. Сама болела, слышала, что Л. Н. болен, испытывала страх за него.

Л. Н.: Вчера ехал недалеко от вас, хотел к вам заехать, поздно было. Спросил овсянниковского мужика: «Что Мария Александровна?» Думал, что ответит: «Приказала долго жить».

Мария Александровна сказала, что ей приятно страдать:

— Ах, как приятно, хорошо страдать! Не было бы жизни, если бы не было страданий.

Л. Н.: Это как когда ругают, испытываешь неприятное чувство, но и радость, что поборол его. Я, когда мало страдаю, думаю: «Это тебе дано на испытание», я умею даже радоваться страданию. Но когда страдания большие — не умею. Что же, умереть надо. Сегодня читал в «Круге чтения», что бог без меня не может быть, а я — без бога. Это говорит и Силезиус в том смысле, что бог проявляется во мне, не может быть без меня [1]. Каждый вечер ведь засыпаем, отрешаемся от прошедшего, которое больше не возвратится, то же будет и смерть.

Андрей Львович: А не страшно, что будет после?

Л. Н.: Будет движение вперед.

Л. Н. составил сегодня два «дня» для немецкого перевода «Круга чтения» главным образом из Силезиуса.

Л. Н. смотрел «Киевскую жизнь», посланную ему Баскиным-Серединским при письме. Там его стихи.

Л. Н. принял Баскина-Серединского. Говорил с ним с 8 до 9 в своем кабинете. Когда ушел, сказал, что стихи у него хороши, как пишет Александра Владимировна *, но они неважны, как вообще стихи, что просил рекомендовать его в редакцию заведующим отделом критики или каким-нибудь подобным. Л. Н. дал ему письмо к Стасюлевичу [2].

— Типичный еврей,— сказал Л. Н.— Говорили о Талмуде, о кабале.

---

* Жена Михаила Львовича.

Разговор о лошадях, приключениях с лошадьми, когда всполошатся. Л. Н. из своей жизни рассказал два таких случая. Один был в Казани: ямщик слетел, и Л. Н. тоже; второй — в Ясной: Л. Н. ехал с Софьей Андреевной, тарантас распался, лошадь убежала с передом, Л. Н. не выпустил вожжей, бежал за передом и остановил лошадь. Заговорили о собаках, а затем о том, что Л. Н. читает, пишет при одной свече, что он считает вредным яркий свет. Татьяна Львовна сказала про Танечку, что она любит яркий свет, музыку и т. д.

Л. Н.: Это только враги могут сделать для нее, что сделали: граммофон, яркая лампа — это дергание.

Речь о Чернышовской гостинице в Туле, где проводят время окрестные помещики. Л. Н. говорил, что не может себе представить, как можно целыми вечерами так кутить.

Л. Н.: Как мне это непонятно, эта жизнь! Когда вечером ухожу к себе, это самые приятные минуты, когда думаю про всех вас и так бывает хорошо. А также думаю и о том, что я не Лев Николаевич.

Софья Андреевна просила объяснить, что это значит.

Л. Н. сказал:

— Думаю, что мое духовное *я* зачем-то заключено в скверном старике.

Андрей Львович: Это твоя духовная работа, это продукт того, что твои мозги работают.

Л. Н.: Духовное *я* отдельно от этого телесного.

Л. Н. подошел к столику под зеркалом, куда откладываются вновь полученные книги, и к большому столу (в два этажа), на котором отложены журналы нынешнего года, около 40—50 разных, русских и иностранных, и сказал:

— Нечего читать. Что ни начнешь читать, сейчас нападешь на революционное. Читал «Забастовку» знакомого Наживина. Нехорошо, потому что то же самое.

Андрей Львович сказал о том, что он все больше разочаровывается в либералах и что ему понятнее и ближе консерваторы.

Л. Н.: Я не сочувствую ни тем ни другим. Я удивляюсь, как люди берут на себя смелость ездить в разные Гельсингфорсы и решать судьбы людей.

Андрей Львович заговорил об общественной, политической жизни:

— Ты бы не выдержал той светской жизни, что там ведется.

Л. Н.: Я всегда поддаюсь чувству толпы. Толпа зевает, и я начинаю зевать.

За обедом Л. Н. говорил о рассказе Куприна, который прочел в «Мире божьем», удивлялся, какой неприличный:

— Это ужасно! [3]

Николай Леонидович сказал, что не выделяется из других; что он в последнее время читал 15 столь же неприличных рассказов.

Андрей Львович: «Река жизни» Куприна еще неприличнее [4].

Л. Н.: Это показывает, какой низкий вкус публики, что издатели такое грязное печатают, рассчитывая на вкус публики.

Николай Леонидович: В купринском рассказе неприлична середина; ее выпустить — остальное ничего.

Л. Н.: Все остальное скучно. Как он добрался до этого, так выказал все свое художество; сейчас видно, что он это любит.

Л. Н. принес записи на 3 и 8 декабря для «Круга чтения», которые вчера и сегодня составлял. Теперь он поправил их и поручил послать Шкарвану и Черткову. В 11 Л. Н. еще раз зашел ко мне вниз с книгой Des Angelus Silesius «Cherubinischer Wandersmann», откуда взял два места о смирении, и просил выписать для Шкарвана их немецкий текст. У меня в комнате перевел еще третье место — вписал на полях книги Силезиуса.

«МЫСЛИ МУДРЫХ ЛЮДЕЙ НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ. СОБРАНЫ ГР. Л. Н. ТОЛСТЫМ»

Отрывной календарь. Издание «Посредника». Москва, 1904

Обложка

«Софья Андреевна:» «Лев Николаевич составлял «Мысли мудрых людей» и «Круг чтения» как бы для себя, каждый день восхищается ими». Л. Н. стал говорить про эти книги с воодушевлением». —Запись от 17 ноября 1906 г.

В книге вообще много переводов и отмеченных мест карандашом, которые Л. Н., вероятно, не списывал никуда. Прочел несколько из них.

К чаю Л. Н. принес с собою письмо П. Л. Успенского из Харькова о Кудрине. (А вчера говорил о полученном от Дымшица письме [5].) Пишет: Кудрина перевели в Киев, предают военному суду и, вероятно, присудят к каторжным работам. Успенский пишет, что есть какой-то закон, по которому отказывающиеся от военной службы подлежат гражданскому уголовному суду, а не военному. Писал о Кудрине знакомому генералу в Петербург, чтобы содействовать смягчению приговора. Другой генерал сердился, что Толстой вмешивается в чужое ведомство [6].

Л. Н. говорил про полученное сегодня хорошее письмо Лебрена, что надо ему ответить и спросить, знает ли он про статью «Очерки жизни и деятельности Герцена, Огарева и их друзей» М. Лемке («Мир божий», январь 1906) [7].

— Статья хорошая,— сказал Л. Н.

Кто-то заметил:

— Чем больше читаешь про Герцена, тем больше он теряет свой ореол. Какая самоуверенность!

Л. Н.: В двадцать лет как же не быть самоуверенным!

Потом Л. Н. сказал:

— В «Историческом вестнике» какая чепуха об Апухтине Жиркевича — «Поэт милостью божией». Как Жиркевич ему свои повести читал. Жиркевич себя выставляет. Он хочет приехать [8]. Будет и обо мне так же писать, и это неприятно.— Затем Л. Н. рассказал, что пианист Рудольф, которого он в молодости знал, говорил про Огарева, как он выпивает и кутит, и что у него всегда в ящике было полно денег, можно было брать.

Андрей Львович спросил:

— Альберт Рудольф?

Л. Н.: Нет. Когда я жил в Москве, я знал пианиста Рудольфа — пьяницу. Он жил у меня некоторое время, очень хорошо играл [9].

Андрей Львович спросил Л. Н., не с него ли он писал Альберта. Л. Н. сказал, что никогда нигде его не описывал.

Андрей Львович: Ты когда-то говорил, что так много неиспользованного исторического материала.

Л. Н.: Да, пропасть: о Петре, Екатерине, Николае. Четыре журнала — «Исторический вестник», «Былое»... — не могут его использовать [10]. То что в «Мире божьем» о Герцене, могло быть вполне напечатано в «Историческом вестнике».

Л. Н.: Завтра уезжает Александр Петрович (Иванов). Был у меня. Говорил о Меньшикове и осуждал его за статьи в «Новом времени».

Л. Н. (*о Меньшикове*): 365 статей в год нельзя ⟨писать⟩, нельзя нового сказать. Кудряво пишет, надо ⟨было⟩ выработать особую способность вставлять словечки, чтобы живо, интересно было.— А дальше Л. Н. сказал, что все-таки ничего из статей Меньшикова не почерпнешь, ничего нового он не скажет.

9 ноября. Я ездил в Тулу, приехала А. И. Маслова. Л. Н. получил письмо из Америки о том, что какой-то профессор в своей лекции утверждает, что люди после 40 лет приходят в негодность, а после 60 лет — вредны [1]. В полученном же журнале («Россия») прочел, что в Америке предпочитают рабочих, чтобы им было 18—25 лет и были опытны. «Все предложения (объявления в больших газетах) обращены к молодым людям, имеющим большой опыт. Это сопоставление требований нелепо, но нелепости этой никто здесь не замечает. Такова общепринятая формула. 40-летний и даже 35-летний человек с большим трудом найдет здесь занятие. Он уже считается инвалидом, к помощи которого прибегают только в случае крайней необходимости».

Л. Н.: Американцы достигли наивысшей степени материального благосостояния и упали на низшую степень нравственности, религиозного сознания. На днях бывший здесь Scott — он американский писатель — не знал лучших писателей своей страны. Это так же, как русскому писателю не знать Гоголя, Пушкина, Тютчева.

Андрей Львович вернулся из Тулы. Вице-губернатор устроил детей урядника в приют и спрашивает, не будет ли Л. Н. иметь что-либо против того, чтобы читали в пользу тюремной больницы отрывок, который дал Л. Н. Тогда Л. Н. сказал, что ему все равно, т. к. он уже дал этот отрывок.

Л. Н. сказал Андрею Львовичу:

— Я боялся, что ты привезешь опять какие-нибудь ужасные известия из Тулы, как прошлый раз (нападение на поезд в Роговках: брошенная в поезд бомба, 15 конвойных убито, ограблена почта).

Сегодня Л. Н. не был solennel *, как обыкновенно, а был простым человеком.

Л. Н. ездил в Ясенки за почтой. Говорил, что там лежит целая кипа «Тульской речи».

— Я ее не привез,— сказал он.

Андрей Львович: Это Лопухин издает, это революционная газета.

Л. Н. спросил, какой Лопухин?

Андрей Львович сказал, кто, и что он совсем не такой крайний, как его газета.

Андрей Львович говорил Л. Н., что Лопухин всегда с большим уважением говорит о нем и велит кланяться.

---

* духовно сосредоточенным (буквально — торжественным) (*франц.*).

Л. Н.: Пожалуйста, кланяйся ему от меня.

Л. Н. считает, что Вальтер Скотт очень скучен.

С 8.30 до 10.30 винт: Л. Н., Маслова, Софья Андреевна и Татьяна Львовна.

Л. Н. (*про Апухтина*): Не мог побороть в себе чувство отвращения к нему. Он был принят при дворе.

Андрей Львович хвалил его стихи.

Л. Н.: Стихи его плохи. Как же после Тютчева...

Я сказал, что два дня, по газетам, нет казней.

Л. Н.: Слава богу!

Николай Леонидович рассказал, что где-то читал, что на Берлинском конгрессе играл важную роль Blowiz, корреспондент «Times», как враг России.

Софья Андреевна уже начинает своей легкой походкой летать.

— Когда я была больна, Лев Николаевич скучал по моей походке,— сказала она.

10 ноября. Приехал рекомендованный Иваном Ивановичем Durland, американец с женой, русской еврейкой. Л. Н. о нем сказал, что он умный, приятный, знает Кросби и того профессора, который говорил, что 40-летние люди никуда не годны.

Вечером приехал Сергей Львович и уехала Маслова. Маслова говорила, что читает Тургенева — Тургенев такой тонкий, милый, после этих журналов отдыхаешь.

Александра Львовна: Я ни одного журнала не читаю.

Речь о Дорике. Л. Н. говорил, что хорошо, что со взрослыми воспитывается. В учебных заведениях они перестают быть детьми. Лева как поступил в учебное заведение в Москве, первое, с чем столкнулся,— мальчик сказал ему: «Напиши сюда свое имя». Когда написал, мальчик надписал: «Обязуюсь заплатить 3 рубля».

Л. Н. об «Очерках жизни и деятельности Герцена, Огарева и друзей»:

— Они преимущественно из бумаг Третьего отделения и канцелярий губернаторских. Дополняют, проверяют сказанное Герценом, Огаревым о себе.

11 ноября. Л. Н. свежий, бодрый. За обедом рассказал:

— На прогулке говорил с 28-летним крестьянином, женится в Туле на акушерке — девушке из их же деревни. Спрашивал меня, что делать. Он с ней крестные брат с сестрой. «Архиерей разрешит?» — И рассказывал Л. Н-чу, что он и люди живут своими интересами, жизнь идет своим чередом, малая область затронута революцией.

Потом Л. Н. рассказал:

— Мужик, поравнявшись с телегой со спиртом, сказал: «Как это люди еще пьют!» Л. Н.: «А ты не пьешь?» — «В жизни ее в рот не брал и вкуса не знаю».— Он иконский мужик. Л. Н. ему: «Ты проповедуй свою веру». Он: «Как же проповедовать, не слушаются».— Л. Н. рассказывал это с радостью и улыбаясь.

Николай Леонидович рассказал про статью Туган-Барановского о социализме [1]. Первые социалисты: Фурье, Сен-Симон были идеалисты. С Луи Блана и английских чартистов началась политическая борьба.

Л. Н.: Марксом была установлена борьба классов...

Николай Леонидович: Туган-Барановский пишет, что все социалистические общины распались, уцелели только те, которые связывались религиозным чувством.

Л. Н.: Читали вы брошюру, которую принес Жозя? превосходная— Луначарского, который выступает за внесение религиозного начала в социализм [2].

Привезли почту из Тулы. Телеграмма от Анны Константиновны, что у Владимира Григорьевича бронхит и «grande faiblesse inquiétante» *. Л. Н. пожалел:

— Он мне такой близкий.

Софья Андреевна: Тебе пережить трудно его будет.

Я: Сердце у него здоровое, нечего опасаться.

Почтой получен журнал, третий номер, «За жизнь — жизнь». Л. Н. подал его Николаю Леонидовичу:

— Изучи, что это такое, как это надо понимать.

Николай Леонидович посмотрел:

— Консервативный.

Л. Н.: Предполагал по обложке. Скромная. Печать жиденькая. Было бы красное, печать была бы лучше [3].

Вечером приехал Кузьмин с Иосифом Константиновичем. Я проспал. Пересказал мне Иосиф Константинович. Н. Кузьмину хотелось узнать, как Л. Н. относится к мировоззрению Чернышевского и Михайловского. Л. Н. сказал, что он никогда при всем желании не мог хорошо выяснить мировоззрения этих людей; что в его время были мировоззрения известных людей, например, славянофилов; что это была стройная система, что чувствовалось, что нельзя ничего выбросить из этой системы без нарушения ее целости. Но этого не только нельзя сказать про мировоззрение — если его так можно назвать — Чернышевского и Михайловского, но нельзя слепить из их статей ничего цельного, что можно было бы назвать мировоззрением. Он объясняет себе это тем, что такие люди, как Чернышевский, Михайловский, были прежде всего журналистами и все, что они писали, носило характер журнальных статей, было писано, так сказать, на злобу дня. Затем, в силу цензурных условий они поневоле принуждены были замалчивать много вещей совсем, а другие вещи говорить иносказательно. Отсюда явились недомолвки. И так как они всегда рассчитывали на определенную публику, им казалось, что эта публика должна была понимать и без слов то, что они хотят сказать. Но могло быть и так, что у них и ничего не было, что́ сказать по тому или другому вопросу. Но так как существовала цензура, то можно было объяснять их умалчивание именно опасением цензуры. Такие люди, как Чернышевский, Михайловский, которым приписывали значение руководителей общества, в сущности, не могли быть ими, потому что они очень многого совсем не знали, и это многое они не понимали и игнорировали, как, например, область религиозную. И вот, например, такие, как Кропоткин, который, несомненно, очень образованный, очень развитой, а вместе с тем (Л. Н. улыбнулся) глупец в религиозном отношении, потому что он в этом ничего не понимает, и если касается в своих писаниях религии, так говорит о ней глупости.

Потом Л. Н. спросил Кузьмина, правда ли, что среди революционной молодежи за последнее время распространяется произведение Ламеннэ «Слова верующего». Кузьмин ответил, что ему известно, что социал-революционеры это перевели и напечатали в своих органах.

Потом Л. Н. спросил Кузьмина, что он хочет делать. Кузьмин ответил, что желает жить в деревне.

Л. Н.: За чем же дело стало? Нужно вам в деревне селиться.

Кузьмин: Мне нелегальное положение не позволяет. (Он бежал из ссылки, в которую попал за то, что не явился к набору.)

Затем Л. Н. дал прочесть Кузьмину письмо Дымшица (отказавшегося).

12 ноября. За завтраком Л. Н. дал мне два «запасных дня» для «Круга чтения», присланные Иваном Ивановичем для пересылки Шкарвану [1].

---

* большая беспокоящая слабость (*франц.*).

Говорил, что желал бы телеграфно спросить о здоровье Владимира Григорьевича. По телефону у поручика передать телеграмму. Я советовал подождать Иосифа Константиновича, он, вероятно, телеграфировал. Л. Н. согласился.

Л. Н. (*Николаю Леонидовичу*): Хорошо? — намекая на книжку, которую тот держал в руке.— Я нашел еще лучше,— и подал «Мир божий», апрельскую книжку и дал прочесть страницы 134—145 из «Очерков» Лемке [2].

После завтрака Л. Н. сел к круглому столу, говорил о какой-то неприятной ему, но нужной работе — кажется, отвечать на письма настойчивых корреспондентов. Софья Андреевна уговаривала его, не пойдет ли сделать эту работу.

Л. Н.: Нет, я заболтался.— И Л. Н. остался сидеть.

Л. Н. опять заговорил об «Очерках о Герцене, Огареве»:

— Прекрасно составлено, до какой степени это интересно! — На вопрос, знал ли он Огарева, Л. Н. ответил:

— Да, знал, видел его у Герцена в Лондоне [3]. Кто хочет писать биографии политических деятелей, пусть только справится в архиве Третьего отделения. Жандармы описывали подробно.

Николай Леонидович рассказал, что читал продолжение статей «Женщины во Французской революции» о Шарлотте Корде и рассказал свои впечатления.

Л. Н.: Да, разница есть между Корде и Спиридоновой. Марат был гадкий.

Николай Леонидович: И Шарлотта Корде с ужасом относилась к убийству.

Разговор о Тургеневе. Л. Н. рассказал, как у Тургенева в Петербурге он (Л. Н.) что-то читал и, по словам Тургенева, «это было лучшее произведение в мире» [4].

Татьяна Львовна: Он легко восхищался.

В 10 вечера Л. Н. принес несколько ответов на письма и пожаловался, что письма, какие получает, тяжелы ему: во-первых, сочинения; во-вторых: «Я хочу получить образование, и если вы христианин,— а у вас 600 тысяч рублей,— вам ничего не стоит послать мне 75, 200, 1 000 рублей»; в-третьих, просительные.

Разговор о том, что теперь ничего нет запрещенного совестью. Молодое поколение так вырастает. Убийство ни во что не считается. Потом говорили о современных рассказах.

Л. Н. (*с отчаянием*): Начитался революционных рассказов!

Потом читал вслух из Вересаева («Мир божий», май). По поводу фраз вроде: «Пухлая ночь с тупой сосредоточенностью сверкала», сказал:

— Так же пишет Федоров... Это уже привычка так писать. Вересаев пишет, как солдата, играющего в карты, граната ранила в бок, а он спрашивает, бубнами ли идти. Это преувеличено. Ослабляет действие [5].

Татьяна Львовна спросила:

— Раньше средние писатели — Панаев, Дружинин — так не писали?

Л. Н.: Тогда натурально писали. Этого гримасничанья не знали... «Полинька Сакс»... (Л. Н. рассказал вкратце содержание) — прекрасно [6].

Речь о том, что Панина дала суммы на революционные цели. Кто-то спросил:

— Получил ли Панин имения от Екатерины как ее любовник?

Л. Н.: Нет. Его роль была довольно хорошая. Был воспитателем Павла. Когда Павла убили, Панин был в Москве. Если бы не отсутствовал, то помешал бы убийству.

Софья Андреевна: Если бы мне было меньше на 10 лет, стала бы учить неграмотных взрослых.

Александра Львовна хочет начать учить днем — девочек, вечером — старших девушек неграмотных.

Софья Андреевна говорила, что четвертое блюдо за обедом подается для гостей.

От Черткова письмо. От них уезжает П. В. Веригин с другими в Россию [7]. Л. Н. телеграфировал Черткову чешско-словацкой транскрипцией: «Беспокоюсь о здоровье, известите. Т о л с т о й» [8]. Хотели транскрибировать по-английски или телеграфировать по-французски. Я предложил чешско-словацкую транскрипцию. Л. Н. сразу понял ее удобство, спросил, как пишутся: ж, ш, з, нь, ы, и согласился, что так удобнее.

13 ноября. В 5 часов вечера я ездил верхом в Саломасово к родам. Л. Н. сам меня одевал в свою свитку и пояс и просил мужика проводить меня обратно.

Вечером, как мне говорил Николай Леонидович, Л. Н. выходил только на четверть часа. Разговор был о современных русских писателях. Л. Н. говорил о Вересаеве то же, что вчера,— что теперь у них установился такой же неестественный язык (и такие же выражения), как у Карамзина, такой же преувеличенный и фальшивый. Николай Леонидович говорил о брошюрке Устинова, что Устинов бранит Канта и ссылается при этом на Шопенгауэра. Л. Н. с этим не согласился и сказал, что, может, Шопенгауэр кое в чем и был несогласен с Кантом, но очень высоко его ставил. И что такие писатели, как Устинов, хотят признавать только часть Канта: «Критику чистого разума», а «Критику практического разума» не признают.

Л. Н.: Мы с Гротом говорили (о Канте). Я ему сказал, что «Критика чистого разума» написана только как введение к «Критике практического разума».

14 ноября. Л. Н. ходил гулять поздно и ненадолго. За обедом: Софья Андреевна, Оболенские, Юлия Ивановна. Л. Н. говорил, что Сутковой пишет, что снят арест с «Евангелия». Готовят его к печати, 20 тысяч экземпляров. Другие книжки печатают по 30—40 тысяч. Сколько распространяется!

Софья Андреевна: Если бы дешево! Я так понимала предоставление права ⟨издания⟩ всем, что будут конкурировать, а они не меньше наживают, Сытин...

Л. Н.: Они дешево и делают. Где же они наживают? Спят на рогожах, своих 1 700 рублей приплатили.

Мальчики приходили за книгами. Юлия Ивановна сказала, что один хотел с Л. Н. говорить. Спросила о чем. Он сказал: «Чтобы спросить, зачем крестьяне бедные, а господа богатые».

Л. Н. говорил, что получил письма от Наживина и Суткового. Они оба пишут об одном. Позвал меня в кабинет и сначала советовал списать оба письма и послать Суткового — Наживину и Наживина — Суткову, а потом сказал:

— Впрочем, Наживина Сутковому и не нужно, а из письма Суткового спишите только часть, где пишет о своем религиозном состоянии. Я прослезился, читая его [1].

Затем Л. Н. спросил меня, где Куртыш?

— Не знаю, кто такой.

Л. Н.: Отказавшийся от военной повинности, приговоренный в дисциплинарный батальон, тот, который, когда ему сказали, что там его будут мучить, сказал, что рад будет нести венец мученический *.

---

* Куртыш — бессарабский румын-молдаванин. Пробыл до 1911 г. в тюрьме, в которой и умер от чахотки.

ТОЛСТОЙ
Ясная Поляна, 1905—1906 гг.
Фотография М. Л. Оболенской

Потом Л. Н. прочел из письма Наживина об Иконникове. Голос его дрожал и изменял ему.

Л. Н.: Сутковой знает друга Дымшица. И желал бы написать о Дымшице. Где же его рукописи? У Ивана Ивановича? Теперь можно печатать. Надо бы написать о всех отказавшихся, чтобы их не смешивать с другими. Теперь Кудрин, Дымшиц, Иконников, Куртыш и еще... — Л. Н. не мог вспомнить кто — в Воронеже.

Я прибавил:

— Еще часовой Кудрина.

Сегодня в один день списали статью Л. Н. о Шекспире для Ивана Ивановича [2]. Л. Н. ответил и Сутковому и Наживину. За чаем Л. Н. не пил. Все время лежал на кушетке и молчал. Андрей Львович спросил:

— Почему ничего не говоришь? Хоть бы что-нибудь для Душана Петровича.

Л. Н.: Молчание — золото...

Андрей Львович говорил про Льва Львовича, что он, по журналу «Good Health», ложится в постель головой к северу.

Л. Н.: Пустяки! «Люблю крестьян, потому что «они не настолько учены, чтобы рассуждать превратно».— Л. Н. не мог вспомнить хорошо эту цитату и потому встал с кушетки, пошел в кабинет и, вернувшись, сказал ее точно, и что она Монтеня и находится в «Круге чтения» [3].

15 ноября. Л. Н. очень переправлял, очень изменил корректуру послесловия к статье «О значении русской революции».

Третьего дня и вчера Л. Н. почти не разговаривал. Вчера, когда меня не было, читал вслух из письма Суткового о любви, что не надо критиковать, пропагандировать, заниматься политикой, и при этом голос его оборвался [1]. Потом хотел что-то сказать, но Андрей Львович, приехавший из Тулы с лотереи и бала, стал говорить о туалетах дам, и Л. Н. лежал час на кушетке молча.

Николай Леонидович (за обедом): Брокгауз никуда не годен: нет о новых русских переводах Канта, только о старых 1800-х годов [2].— Спросил Л. Н-ча, по-немецки ли он читал Канта. Л. Н. ответил, что да.

Николай Леонидович: А читал ли Куно Фишера о Канте?

Л. Н.: Да [3]. Кант труден на всяком языке. Длинные периоды.

Через некоторое время Л. Н. сказал:

— Философы, Кант, Фихте и другие, если говорят субъективно, что вытекает из субъективных чувств, то ясно, превосходно. В этом они не расходятся. А как только говорят объективно, строят гипотезы, что такое мир,— тут начинается фантазия, разногласия.

Николай Леонидович говорил, что читал статью Кривенко о газетах. Пишет, что «Новое время» с объявлений получает 1 080 000 тысяч и, кроме того, с подписчиков 1 500 000. Л. Н. сказал, что с подписчиков-то, говорят, идет на расходы редакции, печати, а с объявлений — прибыль.

Николай Леонидович: Хорошие фельетонисты, которые пишут по одному фельетону в неделю, получают 10—25 тысяч.

Софье Андреевне не верилось.

Л. Н.: Столыпин получает, наверно, 30 тысяч. Пишет каждый день.

Николай Леонидович: Теперь для издания большой газеты, как «Русь», «Страна», требуется на первый год капиталу 300 тысяч.

Л. Н.: Не думал, что столько.

Мария Львовна принесла чертковские поправки в послесловие к статье «О значении русской революции». Л. Н. взял их и пошел к себе работать и вставлять их в корректуру [4].

За чаем речь об охоте. Л. Н. вспоминал:

— Был с собаками и Крыжовиком, молодым волком, на охоте. Ничего не затравили. Тогда собаки бросились на Крыжовика и затравили его. Другой раз с Дмитрием Дмитриевичем Оболенским. Он дальнозоркий, увидал четырех волков в поле. Одного поймали. Я ему кинжал вонзил в бок, а он вырвался и с кинжалом побежал.

Мария Львовна: А в тебе тогда не было сожаления, отвращения?

Л. Н.: Никакого.

Софья Андреевна говорила про скачки, описанные в «Анне Карениной», что Л. Н-чу про них рассказал Д. Д. Оболенский. Л. Н. сперва не мог вспомнить этого, а потом вспомнил подробности: он был у Дмитрия Дмитриевича три дня. В описании скачек было: «Новое седло скрипело». Дмитрий Дмитриевич его поправил: «Новое седло не скрипит, и на скачках седла старые» [5].

Л. Н. говорил о том, что на днях приедет Веригин с 86-летним Махортовым.

— Он старше меня. Духоборов в Канаде теперь 10 тысяч, и они самые благоденствующие среди канадских поселенцев. Пашут на шестивершковых жеребцах, паровые молотилки, мельницы. Я его подробно расспрошу.— Помолчав немного: — У них (духоборов) ведь деспотическое, мо-

нархическое государство — полная аналогия. И верой поддерживают его. Моод мне говорил, что они исключили Арчера (учителя). Арчер — хороший, умный, практичный.

Л. Н. говорил про энциклопедистов: интересно было бы прочесть у них про foi *, Dieu **. Потом просил достать ему из библиотеки Montaigne «Essais» и положить на место «Эмиля» Руссо [6]. Пошел к себе, через полчаса вернулся и стал читать вслух Софье Андреевне (другие ушли спать) Монтеня.

Л. Н.: Монтень рассуждает о древних писателях, умный.

Николай Леонидович сказал, что он не мог читать Рабле — труден, груб.

Л. Н.: Рабле — скука [7].

Распоряжением министра Васильчикова от 12 ноября разрушается община, т. е. дается каждому крестьянину право тот участок надельной земли, который обрабатывает, укрепить за собой в собственность.

Илья Васильевич уже хочет продать свой надел. Л. Н., узнавши об этом, сказал:

— Как это жалко, что они будут продавать из корыстных целей, как Илья Васильевич, который никогда и не думал о земле! Это они делают смело и спешно. И жаль, что не дожидаются Думы, где будут мужики, которые бы это могли объяснить.

16 ноября. Александра Львовна открыла школу. У нее девять девочек-учениц ***.

Утром был эстонец-учитель и Ветринский, гимназист, который писал Л. Н-чу. Л. Н. ответил ему, но он, не дождавшись ответа, приехал [1]. Л. Н-чу понравился.

Александра Львовна за обедом рассказала:

— Искала в Туле в книжном магазине книги для чтения и во всех находила перепечатанные рассказы из книг для чтения Льва Николаевича. Оригинальных, хороших не нашла. Даже горбуновские — фальшивый тон.

Софья Андреевна говорила, как у нее после болезни мысли переменились. Раньше упражнялась в музыке и другом, а теперь — готовится к смерти. Л. Н. сказал:

— Это и хорошо. Монтень говорит: «Вся философия состоит в том — готовиться к смерти» [2].

Татьяна Львовна сказала, что читала американское гадкое и что американские писатели бессодержательны. Николай Леонидович утверждал, что современные американские писатели лучше всех иностранных.

Л. Н.: Я должен сознаться, что русских писателей (современных) не люблю, а иностранных еще менее.

Л. Н. говорил о сегодняшнем дне «Круга чтения» [3], о Чаннинге, о сновидениях. Л. Н. говорил, что ему стало ясно, что́ такое сновидение: это есть воспоминание того, что видел и думал днем. И что сон видится в момент пробуждения. Все эти образные мысли по привычке нашей складываем в одну историю, связываем их, тогда как на самом деле они отрывочны.

Л. Н. вспомнил:

— Когда Крамской писал с меня портрет, начал с глаз и сразу красками [4].

17 ноября. Зима пошла. Снег. Приехал Саломон. Л. Н. говорил с ним о революции.

Саломон спросил:

---

* веру (*франц.*).
** бога (*франц.*).
*** После прибавилось.

— Что́ будет?

Л. Н.: Всегда отвечаю — то, чего каждый хочет. Каждый старается угадать то, чего он желает. Спросить Андрюшу, скажет: «Все успокоится»; Сережу: «Будет конституция»; рабочего: «Будет социалистическая республика». А так как я в этой области ничего не хочу, то и ничего не могу ответить на то, что́ может быть. А если я чего и желаю, то это не для России только, а для всего христианского человечества.

Утром говорил с Саломоном о церковных делах во Франции. Накануне Николай Леонидович прочел Л. Н. передовую статью «Нового времени» от 14 ноября об этом. (Как описывали инвентари монастырей: в некоторых городах мобилизовали войско, боясь, что католики будут противиться.) [1] Л. Н. спрашивал Саломона, правда ли это и зачем это делается. Саломон объяснил, но Л. Н. объяснением не удовлетворился и очень удивлялся, что правительство решается на такое насилие, и говорил, что ежели они уже хотят совсем не вмешиваться в дела религии, то они должны предоставить католикам распоряжаться имуществом церквей так, как им это будет угодно. Возмущался этим насилием и потом сказал:

— Мне это ясно, потому что я совсем не занимаюсь политикой. А те, кто в этом участвует, никак не могут воздержаться от насилия. Все равно, как два человека в драке. Как один другого ударит, так у того сейчас первое движение (рефлекс) ответить тем же.

Л. Н. рассказал Саломону, что были два мужика из мест М. С. Сухотина (Новосильского уезда). Они своих хуторян, соседей, грозились сжечь. Хотели их земли отобрать себе. Осудили их от 8 месяцев до 2-х лет. Л. Н. дал им письмо к Маклакову [2] и сказал: «Он кадет».— «Кадет, это хорошо»,— ответил один из крестьян. Л. Н. еще просил Татьяну Львовну написать о них Михаилу Сергеевичу.

Потом говорил об одном из них, что он очень неприятный, злой даже, но очень начитанный и революционного образа мыслей. Фамилия его Машинистов. Л. Н. сказал о нем:

— Это тщеславие, желание показаться; другого останавливал, что он не умеет говорить, а сам не настолько развит, чтобы знать, что известные постановления связывают. Удивительно <?> то, что своих же хотят выжить, пришлых, которые купили землю и сели на три десятины; они сгоняли их скотину и грозили их сжечь, согнать.

Николай Леонидович: Пироговскую землю банк не может распределить между мужиками нескольких деревень, так как одни другим не хотят уступить.

Л. Н.: Швеция, Норвегия ненавидят друг друга, так и люди. Не то Сутковой (Сутковой писал на днях о любви).

Л. Н.: Лао-тзе удивительный.— И прочел из «Мыслей мудрых людей» на 13 ноября: «Оставьте вашу святость и ваше благоразумие, и народ будет в сто раз счастливее. Оставьте ваше добродушие и вашу справедливость, и народ вернется к прежней любви между детьми и родителями. Оставьте ваше хитроумие и ваши расчеты, и не будет больше воров и разбойников. Достигнуть этих трех вещей нельзя одной внешностью. Для этого нужно быть более простым, свободным от страстей и менее рассуждающим» [3].

Потом Л. Н. сказал:

— Монтень пишет: этот мешок полон всем тем, что забирает память, а для ума не остается места.

Л. Н. (*о Монтене*): Какой у него французский язык!

Я уехал к больной. Когда возвращался, догнал меня Лев Львович. Приехали вместе в 7 часов вечера. Застали Л. Н. с Оболенскими, Саломоном, Марией Александровной. Л. Н. говорил о революции, об Анатоле

Леруа-Болье — между прочим, что он наружностью — длинные волоса, бледный — похож на идеалистов 40-х годов, на Тургенева, Василия Боткина.

— Его жена очень понравилась мне: религиозная, приятная, близки друг другу,— сказал Л. Н.

О «Sur la pierre blanche» Анатоля Франса:

— Павел (апостол) пред судом крикливый, задорный.

Саломон спросил про книгу Чамберлена «Евреи».

Л. Н.: Плоха. Еврейский дух внесен в христианство Павлом. Павел — вера в спасение, противление.

Об арийском происхождении Христа:

— В том Чамберлен прав.

Croft Hiller из Лондона присылает брошюрки — он беспокойный, со всеми спорит. Одна из них хороша («Appendix to Metachristian Catechism»).

Саломон в 8 часов вечера уехал.

Л. Н. просматривал почту. Прочел вслух письмо человека, который хочет открыть вегетарианскую столовую и просит прислать книгу о приготовлении вегетарианских блюд. Письмо простое, сердечное, малограмотное, наивное и, как Л. Н. читал его, очень смешное. Л. Н. поручил послать ему [4]. Потом читал письмо Уэллса — английского литератора, посылающего, по совету Моода, свои сочинения. Моод уже раньше прислал одно— по его мнению, самое лучшее произведение Уэллса—«Будущее Америки» [5]. Л. Н. не знает Уэллса.

Л. Н. (*про Монтеня*): Саломон его, очевидно, не знает, не отвечал, когда я говорил про него. «Вредное» книгопечатание: старые книги никто не читает, все — новые. А еще вреднее истории литератур. Кто про писателей в них читал, тот не считает нужным узнать самих писателей. Спросишь: «Знаешь ли автора?» — «А, знаю» (а читал только в истории литературы). Знать о нем, об известном авторе, как о человеке — знать, что ненужно. Нужно что-то почерпнуть у него, знать его душу.

Еще Л. Н. говорил про Монтеня, как его отец взял ему учителя латинского языка немца, не знающего по-французски:

— Монтень цитирует Лаэрция, Сенеку, вообще латинских авторов [6]. В старину знали немногих, но хороших авторов. Теперь читают многих. Я думаю, что потому столько Ohnet'ов и им подобных пустых писателей развелось, что женщины стали читающей публикой, а они неразборчивы.

На днях Л. Н. сожалел о том, что философы сто лет тому назад говорили истины, на которые теперь никто не обращает внимания, все осталось как если бы их не было. И что он находит у них те же истины — до которых сам он с трудом добрался.

Не помню к чему Л. Н. сказал:

— Было письмо лестное, от незнакомого о том, что «Круг чтения» будет очень полезная книга для молодежи.

Софья Андреевна: Лев Николаевич составлял «Мысли мудрых людей» и «Круг чтения» как бы для себя, каждый день восхищается ими.

Л. Н. стал говорить про эти книги с воодушевлением:

— На днях в «Мыслях мудрых людей» было изречение Лао-тзе, которое я только теперь понял.— И пересказал его. И спросил, что это значит. Никто не ответил, сидели Мария Александровна, Татьяна Львовна, Софья Андреевна, Оболенские.

— Раньше я его не понимал. Значит, что человек тогда силен, когда отрекается от себя, от своих страстей... тогда в нем образуется пустота, в которую входит божество [7]. У меня есть пять переводов Лао-тзе, все они плохи. Кониси хуже всех. Немецкий перевод менее плох, его с Евгением Ивановичем обрабатывали по-русски, не кончили [8].

Еще разговор про А. А. Бакунина, которого в Твери забаллотировали (в Думу). Л. Н. о нем:

— Ему под девяносто лет, в Крыму был у меня, он умственно был хорош (свеж).

В Москве забаллотировали старого знакомого Л. Н-ча — Щепкина.

18 ноября. Пополудни Л. Н. читал свою статью о Шекспире, которая с предисловием Черткова печатается в «Русском слове» (начиная с 277 номера) и неизвестно, каким обманом туда попала [1].

Я читал в «Новом времени» 16 ноября (№ 11020) фельетон С. Смирновой «Черная сотня» и дал его Л. Н. После обеда Л. Н. остался сидеть в зале. Оболенские, Лев Львович, Юлия Ивановна.

Л. Н.: Получил письмо от молодого человека: во-первых, влюблен; во-вторых, хочет отказаться от военной службы. Спрашивает, что делать? Ответил [2]. Получил письмо от Русанова, грустное, не того тону, как другие его письма. Пишет, что только два часа в день голова ясная, остальное время затуманена [3]. Получил письмо от врача из Самарской губернии о голоде. Пишет, что голод в два с половиной раза сильнее, чем в 1891 или 1897—98 годах. Чтобы я написал воззвание [4]. По его тону ничего, настоящей правды не узнаешь. Жаль, что не попросил англичанина, который здесь был и поехал в Самару, чтобы он мне написал оттуда. Кого же спросить?

Николай Леонидович и Лев Львович советовали А. А. Бибикова.

Л. Н. (*о нем*): Это оригинальный, очень хороший человек. В 60-х годах какого другого типа люди были! Работал с крестьянами, женился на крестьянке; он никого не ругал и не восхвалял, когда одного восхваляешь, то других как бы унижаешь. Говорил каждому и чувашу *вы*.

Лев Львович вспоминал, как он в Самарской губернии помогал на голоде в 1891 и 1898 годах. С тех пор он еще туда ездил. Сказал:

— Куда лучше хозяйничают! Желал бы и теперь поехать. Какие там богатые землевладельцы!

Л. Н.: Про Самару мне интересно, там всё промышленная обработка хлеба, хлеб на вывоз, а теперь — неурожай.

Л. Н., очевидно, желает помогать.

Л. Н.: Встретил огромнейший обоз с сороковыми бочками спирта. Везут от Полякова в винный склад.

Я: До 1 октября продано на 57 миллионов рублей больше водки, чем в прошлом году.

Л. Н.: И податей больше поступило.

Л. Н. вышел поздно, лег на кушетку и очень мало говорил.

Л. Н. (*мне*): Я статьи Смирновой не читал, а читал Лейбница, Спиноза — это лучше.

Николай Леонидович: Она бы тебе не понравилась, я думал — сказать ли тебе о ней и не сказал.

Л. Н.: Я заглянул, не потянуло.

Лев Львович: Спиноза в библиотеке есть, хочешь его читать? [5] Какой он философ, по-твоему?

Л. Н.: Он умер молодым, 40 лет для философа — ребячество. Искал Леруа-Болье в Брокгаузе, напал на Лейбница [6]. Хорошо излагают философов, Соловьев, Грот, Лопатин. Соловьев лучше всех.

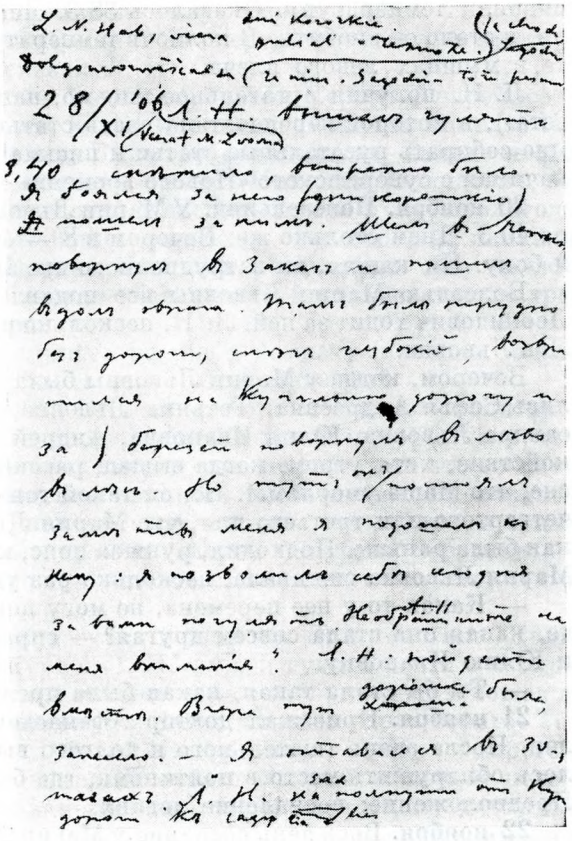
Кто-то вспомнил Лашшина .....* Л. Н. вспомнил, что с этими людьми встречался.

Софья Андреевна: Как все наши знакомые померли: Фет, Урусов, Самарин, Грот.

---

* Пропуск в подлиннике. — *Ред.*

ЛИСТОК С ЗАПИСЬЮ МАКОВИЦКОГО ОТ 28 НОЯБРЯ 1906 г.
Вложен в тетрадь XX



Потом говорили о женщинах. Лев Львович о свояченице Вестерлунд, как она рада, что не вышла замуж.

Л. Н. (*Юлии Ивановне*): Как хорошо, что вы не вышли замуж — пока.

19 ноября. Л. Н. ездил в Тулу стричься. Щадя лошадь, слезал в гору и не доехал на ней, а оставил на краю города на постоялом дворе. Якут (собака) с ним. (Когда разговор о том, куда кто ездил, ходил гулять, Л. Н. всегда расскажет, на какой был лошади, с какими собаками, и весело ли было; характер и жизнь всех лошадей и собак известны и интересны всем.)

После завтрака Андрей Львович предложил показать борзых собак, которых получил в подарок от великого князя. Через час Оболенские, Андрей Львович, Юлия Ивановна и я пошли гулять с борзыми и другими собаками. Было сыро и холодно. Около Воронки увидели лисицу, которая гуляла по опушке леса с той стороны Воронки и не обращала внимания на собак. Борзые перепрыгнули Воронку и погнались за ней. Мы остановились и ждали пока они возвратятся из леса. Ждали чуть не четверть часа, стоя на мокром месте. Потом вернулись через Елочки около колодца поближе к Чепыжу. Мария Львовна стала жаловаться на усталость и боли и села на пень. Тут же встретили Софью Андреевну, которая собирала рыжики, была в веселом настроении. Николай Леонидович подал руку Марии Львовне, и она медленным шагом дошла до дома. Сели к чаю в 3 часа. После чая Мария Львовна села в кресло в гостиной около дверей, взяла гитару и начала играть, но скоро отложила ее. Оперлась на кресло и стала жаловаться на боли в левом плече. Ей стали растирать плечо и

смерили температуру. Оказалось 38,3. Легла в постель. Боли не утихали, и стало ее знобить. В полночь температура 40°. Боли все в том же месте, в мышцах левого плеча.

Л. Н. получил ругательное письмо, написанное на газете («Новая газета»), в которой перепечатана часть статьи о Шекспире. Л. Н. поручил мне собирать ругательные статьи и письма по поводу статьи о Шекспире, начиная с суворинского «Нового времени» [1].

20 ноября. Понедельник. У Марии Львовны в три часа утра температура 40,3. Днем столько же. Вечером в 8 — 40,7. Бред. Боли в левом плече и боку. Ни кашля, ни затрудненного дыхания.

Болезнью Марии Львовны все подавлены и встревожены. Николай Леонидович ходит за ней. Л. Н. несколько раз заходил к ней. Утром уехал Лев Львович.

Вечером, когда у Марии Львовны была температура 40,7, взволновались Софья Андреевна, Татьяна Львовна, Николай Леонидович, Александра Львовна, Юлия Ивановна, Андрей Львович. Л. Н. соблюдал спокойствие, хотя утром, когда вышел, рассказал, что он так ясно видел во сне, что Маша умерла. Л. Н., он такой тонкий наблюдатель, заметил еще четвертого или третьего дня, что Мария Львовна стала совсем не такая, как была раньше. Подходил, руки за пояс, к комнате Юлии Ивановны, где Мария Львовна сиживала, несколько раз удивлялся.

— Какая-то у нее перемена, не могу понять. Неужели вы не замечаете, какая она стала совсем другая? — спрашивал Николая Леонидовича и Юлию Ивановну.

— Ты бы стала такая, какая была прежде,— сказал Марии Львовне.

21 ноября. Приезжал доктор Афанасьев. Два дня диагноз не определен. После очень тщательного и долгого выслушивания Афанасьеву удалось обнаружить место в полтинник, где было слышно жесткое дыхание. Предположение: воспаление легких.

22 ноября. Весь день сознание у Марии Львовны ясное. Очень возбуждена, много расспрашивает, редко кашляет.

23 ноября. Мария Львовна утром и днем в полном сознании. Л. Н. очень угнетен и встревожен болезнью Марии Львовны, как и все в доме. Сегодня, сидя у нее, плакал. «Терпи»,— сказал ей. Андрей Львович предложил вызвать из Москвы Щуровского. Когда он сказал об этом Л. Н., тот ответил:

— Я в докторов не верю, а для успокоения Коли...

Андрей Львович: Я хотел воспользоваться твоим именем.

Л. Н.: Против этого ничего не имею.

24 ноября. Мария Львовна очень ослабела. Частое забытье. Иногда полное сознание и тогда очень возбуждена. Сомневается, что выживет.

— Как странно, что надо умирать,— сказала она, но не выразила страха смерти.

Сегодня были у нее Афанасьев и Щуровский.

26 ноября. О лекарствах, которые давали Марии Львовне, Л. Н. сказал:

— Я думаю, все это ни к чему. Надо покой, не возбуждать, а кофеин и прочее возбуждают.— И, минуту помолчав, добавил: — Впрочем, я не знаю.

Марии Львовне значительно хуже.

27 ноября. Вечером в 8 часов Мария Львовна в агонии. За час до смерти узнала Л. Н., притянула его руку к груди, а Николаю Леонидовичу сказала: «Умираю».

За четверть часа до смерти еще произнесла «Коля» и ласкала его рукой. Потом поднялась и, сидя, подпертая подушками, скончалась. Противилась впрыскиванию камфары, кофеина, а к концу и питью вина и

мешкам с горячей водой. Умерла в 20 минут первого ночи 28 ноября. Л. Н. подошел к ней, сел и за 10 минут до смерти поцеловал ее руку.

— Умирала спокойно,— сказал Л. Н.

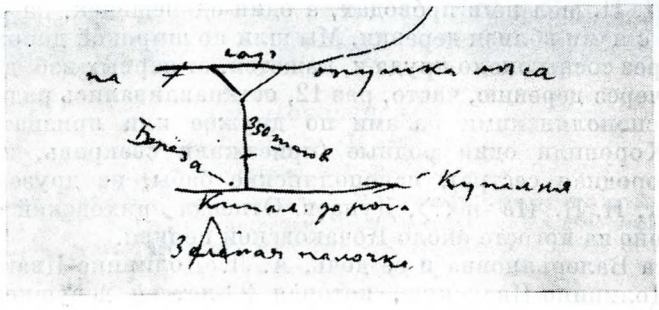
Около нее стояли и сидели все: родители, братья: Сергей, Андрей, сестры, невестка Мария Николаевна, Юлия Ивановна. В другой комнате Наталья Михайловна, Афанасьев и я. Была гробовая тишина. Только ее слабеющее дыхание. Скоро после кончины пришел Николай Леонидович, без слов обнял и поцеловал ее. Доктору Афанасьеву пожал руку, поблагодарил. Все один перед другим старались скрывать свое горе, не плакали. Николай Леонидович жил с Марией Львовной неразлучно. Ему должно быть очень тяжело. Андрей Львович позвал его к нам ночевать. До трех часов сидели и разговаривали.

Л. Н. в 2 часа пополудни пришел ко мне в комнату (наверно, с тем, чтобы утешить). Спросил: «Что делаете?» — Потом сказал:

— Как она спокойно умирала! В такие времена спасение — занятия... Было бы занятие: печку топить, дрова рубить, а тут разговоры, ни к чему не ведущие... Как странно, на меня смерть сама по себе, как что-то натуральное, не производит совершенно никакого впечатления. Равнодушен к смерти. Даже дурной поступок другого человека, не говоря о своем, больше трогает. Если бы я знал, что она совершила дурной поступок...— и Л. Н. сказал приблизительно так, что это было бы ему больнее, чем ее смерть.

28 ноября. Л. Н. слаб. Вчера гулял в темноте. Дни короткие. Долго не возвращался. Сегодня пасмурно. Л. Н. вышел гулять почти в четыре. Снег шел, ветер. Я боялся, что в темноте может заблудиться, и пошел за ним. Л. Н. пошел в Чепыж, повернул в Заказ и пошел вдоль оврага. Там было трудно без дороги, снег глубокий. Возвратился, пошел по дороге к купальне. Около кривой березы против оврага «зеленой палочки» повернул влево, но тут остановился, заметив меня. Я подошел к нему и сказал:

— Позволю себе сегодня за вами идти, не обращайте на меня внимания.



УЧАСТОК ЯСНОПОЛЯНСКОЙ МЕСТНОСТИ
К записи от 28 ноября 1906 г.
Автограф Маковицкого

Л. Н.: Пойдемте вместе. Вчера тут дорожка была, занесло.

Я оставался в 40 шагах позади него. Л. Н. на полпути от дороги к саду отдыхал, оперся о вяз и постоял минуты три.

Л. Н.: Тут скоро пойдем под гору, спасибо за вашу заботливость.— Подошел к саду, опять постоял и сказал: — Вчера шел туда,— и показал на опушку,— и вернулся деревней (т. е. от источника). Теперь отсюда домой по опушке к гумнам.— Вошел на крыльцо к Татьяне Львовне и подождал, пока я приблизился:

— Спасибо вам за заботливость.

Было почти 5 часов, когда мы вернулись. Снег был глубокий, сырой. Л. Н. шел с трудом, короткими шагами. Белка и Найденный, шедшие за ним, пропали куда-то.

Толстые все, когда болеют, очень мнительны, боязливы, больше всех — Татьяна Львовна и Лев Львович; мнителен и сам Л. Н. *

Л. Н.: Есть высшее сознание, врачам невидное.

За обедом: Елизавета Валерьяновна, Александра Леонидовна, Николай Леонидович, Сухотины, Сергей Львович с Марией Николаевной, Илья Львович, Андрей Львович, Александра Львовна, М. А. Маклакова, Юлия Ивановна. Разговор о статье I. H. Oliver «An ex-guards man's experiences» в августовском «Crank».

Л. Н.: Никогда нельзя довольно повторять, что нельзя осуждать людей.

Александра Львовна: А если из десяти раз девять раз осудишь, а раз не осудишь, уже и это хорошо.

Л. Н.: Еще бы!

О листке Croft Hiller «The Jew» Л. Н. ко мне:

— Не правда ли, сильное?

— Я нахожу, что мысль взята у вас.

— Она у меня есть, но слабо выражена. Новое у него — противопоставление павликианства христианству, а павликианство — еврейство. Надо освободить (отделить) Евангелие от павликианства и Ветхого Завета, и будет чистое христианство. Я писал Черткову, спросил его, что это за человек (Croft Hiller) [1].

Николай Леонидович: Лев Николаевич спрашивал, говорила ли она (Мария Львовна) о смерти. Он с самого начала болезни ее предвидел. И Мария Львовна ждала смерти, с каждым годом роды становились труднее и труднее, слабела. В третий день болезни Л. Н. пришел, пощупал пульс, сказал: «120» и охал. Я даже удивился: Маша с самого начала знала, что помрет; сказала, что хорошо, что она раньше меня помирает; а то, если бы я помер, она лишилась бы жизни.

29 ноября. Утром, когда понесли тело, было сыро, холодно и дул сильный ветер. Л. Н. шел не в прóводах, а один-одинешенек, на расстоянии. Поравнялся с нами вблизи деревни. Мы шли по широкой дороге, он — по тропинке через сосны около пруда и, кажется, от первых изб деревни вернулся. Идя через деревню, часто, раз 12, останавливались ради литий, заказанных яснополянскими бабами по дружбе или признательности к покойной. Хоронили одни родные (приезжали свекровь, золовка, невестка, двоюродная сестра), яснополянские бабы, из друзей приехали М. А. Шмидт, Н. П. Ив -н ⟨?⟩, Дунаев. Отпевал приходский священник. Тело погребено на погосте около Кочаковской церкви.

Елизавета Валерьяновна и ее дочь, А. Л. Долинино-Иванская, говорили про Долинино-Иванскую, которая 23-летней девушкой пошла в монастырь (Шамординский); мяса не ела, бедным помогала так, чтобы о том никто не знал; за капризным отцом ходила. И другая ее сестра там (монашкой же). Л. Н. было радостно слышать про них.

Л. Н.: В женщинах любви больше. Женщины непосредственно к богу движутся. У них нет того самолюбия, желания роль играть в жизни. — Велел им кланяться.

Говорили о голоде в Самарской губернии.

Л. Н.: Больше писать не буду. Все это не то, не передаешь того, что нужно. Как мне это надоело!

Л. Н.: Когда мне захочется что-нибудь сделать, тогда явится требование. Всего никогда нельзя, а можно маленькое приближение.

---

* Дальнейшее ⟨до 1 декабря⟩ переписано мною с черновых записей на листах через пять лет.

М. Л. ОБОЛЕНСКАЯ

Ясная Поляна, 26—30 июля 1906 г.

Фотография В. Г. Черткова

«... За час до смерти ⟨Мария Львовна⟩ узнала Л. Н., притянула его руку к груди...» «Александра Львовна спросила Л. Н., видел ли фотографию Маши, которую прислал Чертков. *Л. Н.*: «...«Какая хорошая»!, но сказал, что не мог долго смотреть, отложил...»— Записи от 27 ноября и 18 декабря 1906 г.

Л. Н.: Только первая часть статьи о Шекспире появилась (в фельетоне «Русского слова») — у них уже готово: ругают. (Это могло относиться к статье А. С. Суворина. Мне помнится, что он писал о Шекспире.)

Л. Н. просил «Новое время» от 25 ноября. Он любит карикатуры [1].

Л. Н.: Добролюбов, около него кружок, на них он имеет влияние. Все они отказываются.

Л. Н. о городском мужике:

— Что мне всегда жалко: «Нет ли работенки, барин, извозу?»

Л. Н. любил Марию Львовну не только как самую близкую из детей, но и, может быть, как лучшего своего друга. Она была ему характером очень близка и глубоко понимала его дух. Л. Н. ей раз сказал: «Ты одна из детей со мной ни разу не ссорилась».

Л. Н. несколько раз, как начинает о ней говорить, так заплачет.

Л. Н. говорил: «Маша мне по духу близка, самая близкая из детей».

Когда Юлия Ивановна писала ее портрет, Л. Н. иногда заходил в комнату, но, как подойдет, чтобы посмотреть, говорит:

— Нет, не могу! Это так живо мне ее напоминает, не могу заставить себя посмотреть.

Юлия Ивановна подарила этот портрет Николаю Леонидовичу.

30 ноября. Вера Сергеевна передала мне свой разговор с Л. Н.: «Он (Л. Н.) увидел, что я очень расстроена, и сказал мне: «Она умерла. Я пришел к себе, лег, уснул и проснулся. Что такое смерть? Ничего тут ужасного. Этот дух отошел в другую форму жизни... Тут ничего горького нет. Жизнь и смерть — самые обыденные явления. Сегодня-завтра все туда пойдем. Цветок, который развертывался на наших глазах; потом пришла смерть — и кончено... Это была одна из самых даровитых из всех моих детей, и что в ней было замечательно: отсутствие самомнения... Удивительная рассказчица. Это был мой самый близкий друг... Если бы она совершила дурной, безнравственный поступок, было бы хуже (чем ее смерть). Не правда ли? Ты не находишь? Милое впечатление...» — «Нет, впечатление ужасное». — «Ты молода. Всякий человек умирает постоянно. Ты уже не такая, как была маленькая. Маша перешла в другую форму, нам недоступную...» [1]

Л. Н.: Я крепко верю, что это не изгладится. Куда пойдет этот дух, который в ней и в нас, это мне неинтересно, но знаю, что ему нет конца, он сливается с богом.

Л. Н. (*о Брюнетьере*): Он очень умный. Это демонстративный католицизм, вроде наших славянофилов: целовать папе руку. Он мне симпатичнее, чем Бурже. По его уму. Я читал его книгу о современных писателях [2].

Л. Н. вспомнил письмо Буайе Марии Львовне о переводе «Круга чтения».

Л. Н.: Воуег спрашивает, показывая на ошибки печати, о «Круге чтения». Хочет писать о нем в «Temps» и перевести «Молитву» и «Корнея Васильева». Он француз в смысле «fini» * работы.

Л. Н. в час дня читал Готье — как он разбирает Шатобриана. Цитирует некоторых известных авторов, их мнения и критики о критиках. Прочел большое, блестящим языком написанное место о том, что в последнее время расплодилось страшное множество критиков, которые все критикуют, и газетчиков, которые запакостили весь свет своей назойливостью, наглостью [3].

Л. Н.: Помню, что в молодости меня раздражали критики. — И дальше Л. Н. говорил, что он то же самое чувствовал, что говорит этот автор, но что он только теперь стал относиться к критикам равнодушно, потому что увидел, что в них ничего нет.

Софья Андреевна показала Л. Н. фельетон в «Новом времени» [4].

Л. Н.: Что же на этих Розановых обижаться?

Софья Андреевна: Я удивляюсь на этих людей, которые пишут каждый день: как они могут так глупо писать?

Л. Н.: Именно потому, что каждый день пишут; так исписались, что так глупо пишут. Вот все эти Меньшиковы, Розановы пишут только чтобы написать. Если бы Меньшиков остался писателем, тогда он написал бы что-то дельное.

О книге «The Falling Star» и других книгах Уэллса, которые имеют большой успех, Л. Н. сказал, что он ужасно не любит все эти книги, потому, что это фантасмагория, нагромождение небылиц на небылицы.

Относительно книжки «Der Pilger Kamanita» (Frankfurt a/M) [5] Л. Н. сказал:

---

* «законченности» (*франц.*).

— Обложка сама вам показывает, что это в том же роде. Слишком уж вычурно.

Не записано, относительно чего Л. Н. сказал: «Неосуществимо. Как это всю историю человечества уместить в маленькой книжечке?»

1 декабря. Вечер. Л. Н. разбирал почту, пришел ко мне в библиотеку с напечатанным немецким письмом и прочитал его вслух. Редакция будапештской газеты «Magyar Szo» (Л. Н. произнес «маджар» — и всегда так произносит) готовит анкету на тему: «Что думают самые выдающиеся умы Европы о венгерской культуре».

— Ничего не думаю,— сказал как бы с удивлением Л. Н. — Понятия не имею, что собой представляет венгерская культура,— продолжал, глядя в письмо.— Кто же у них есть? — напомните мне?

— Наверняка вы знаете Йокаи.

— Я пробовал читать — пустое, романтическое. Он, кажется, много писал и недавно стариком умер [1].

— У них был хороший поэт, автор баллад Арань. Потом широко известна «Трагедия человека» Мадача. Недавно она появилась в русском переводе, вы могли бы ее прочитать.

— Что она собой представляет?

— О чем мечтали и к чему стремились люди в разные исторические эпохи и во что их стремления обратились.

— Трагедия человека — даже самая мысль несущественна, несерьезна [2]. А художники?

— Был у них Зичи, придворный.

— Но что же он?..

— Есть Корраі (?), натуралист, сатирик.— Дальше я не мог никого вспомнить.

Л. Н. спросил:

— А Холарек, он не причисляется к венгерцам?

— Нет, но из писателей и художников бóльшая часть славянского или немецкого происхождения. Лист родился в Венгрии, из немцев.

— По-видимому, в музыке у них еще кто-то есть.— После этого Л. Н. вернулся в комнату, где была семья и гости, и рассказал им:— Я почти ничего про их культуру не знаю, совсем не знаю. Если бы у них что-то было, я бы знал.— Потом стал перебирать малые нации, начав со шведов, чтó знает про их культуру, и дошел до португальцев и тут заметил, что про них тоже ничего не знает *.

---

* По воспоминаниям добавляю через семь лет ‹...›: После я вспомнил Мадача и Петёфи, которых и Л. Н. вспомнил. Потом я говорил об Аране, Ваше Геребене Жигмонде Юсте, Тёмёркене (о последних двух — как пишущих о назаренах) и Гергеле Чики (?), о которых Л. Н. ничего не знал, но поинтересовался, переспрашивал о них. Я вкратце рассказал о появлении мадьяр на среднем Дунае, о их происхождении, о быте мадьярского народа (крестьян), его приятных свойствах; о шляхте и интеллигенции, недальновидных и отчужденных от народа. Вспомнил о многочисленном клане безземельных батраков среди мадьярских крестьян; о социалистическом движении среди них и о суровом подавлении его; о назаренском движении; о том, что в сейме нет ни одного представителя мадьярских крестьян (последнее не верилось Л. Н-чу) Л. Н-ча больше всего интересовал быт мадьярского народа, народная мудрость (пословицы, сказки); спрашивал про песни, музыку, пляски. Спросил, есть ли (живы ли) христианские легенды у них, на что я не мог ответить. Узнав, что я ходил в мадьярскую гимназию, спросил о мадьярском языке и просил произнести на нем что-нибудь. Я прочел стихотворение Петёфи «Falu végén kurta kocsma», переводя по-русски. Еще говорили о слиянии мадьярской интеллигенции с омадьярившимися представителями других народов. Л. Н., кончив расспрос, продолжал обдумывать вопрос, ему столь интересный,— культура, цивилизация. Я ждал, что продиктует ответ. Но Л. Н. не ответил в тот день, а следующий день принес свои заботы, и Л. Н. больше не вспоминал об анкете.

2 декабря. Суббота. В Ясной Л. Н., Софья Андреевна, Татьяна и Александра Львовны, Елизавета Валерьяновна, Николай Леонидович, Юлия Ивановна, мальчики Сухотиных.

Сегодня уехали: Андрей Львович и М. Л. Оболенский, приехали Мария Александровна с Иосифом Константиновичем и М. В. Булыгин.

Л. Н. пополудни и вечером много сидел в зале и беседовал; чувствовал себя слабым для занятий.

Вечер с Л. Н. Иосиф Константинович утверждал, что в Тульской губернии урожаи идут за счет земли — земля истощается. Л. Н. отрицал и говорил, что на крестьянских придворовых землях на десятине до 500 куч навоза, на господских — 200—250. Булыгин вспомнил доводы Кропоткина против Генри Джорджа — что если проводить отчуждение земли, то надо произвести и отчуждение заводов, капиталов [1].

Л. Н.: Какое отчуждение? Генри Джордж предлагает просто уравнение прав пользования землей.

Л. Н. (*Дорику*): На 20 дней вперед приготовил (переделка мыслей мудрых людей для детей). Возьми списать [2].

Иосиф Константинович рассказал, как жгут гумна, корма, хлеб помещиков:

— Около Ясной Поляны четверым сожгли. В газетах первый случай: стали убивать помещиков.

Булыгин говорил о том, как таскают сложенный в саженях лес из его леса (он делал прорубку). Лесоторговцы, ввиду краж, мало дают за лес. И вспомнил, что лет 10—12 тому назад Л. Н. сказал ему о потравах крестьян: «Помните, что мы в их руках, а не они в наших».

Л. Н. рассказал Марии Александровне, Иосифу Константиновичу и Булыгину, что́ вчера рассказывал Данилов — морской офицер с «Цесаревича» — о Монголии. Плодоносная степь, от Калгана непахана, климат здоровый. Монголы, не имеющие дел с культурными людьми,— простые, честные, достойно себя ведут, тактичные. Стада белых, высоких баранов с черными головами, верблюдов. Лошади маленькие, но очень крепкие. (Вчера, после рассказа Данилова, Л. Н. сказал: «Прочту в словаре о Монголии» [3]. Еще все учится и учится.)

Л. Н. очень понравилась Монголия, тамошняя жизнь; вчера сказал несколько раз полусерьезно-полушутя: «Поедем в Монголию. Монголия — в несколько Франций. Есть где жить, селиться».

Булыгин: И не нужно новых земель — тех, на которых живем, чересчур достаточно, только надо их получше обрабатывать, по Кропоткину: интенсивная огородническая культура [4] да и без животных можно обходиться. Удобрение можно заводским производством добывать из азота воздуха.

Мария Александровна: Ах, без животных будет скучно!

Л. Н.: Приятнее и проще с животными. На заводах, фабриках однообразное и нездоровое занятие,— и, как пример, привел тульский оружейный завод, где рабочий приставлен к прессу — подставляет железные пластины, в которых машина выбивает дырку.

На возражение Булыгина, что есть заводы с вентиляторами, электрическим освещением, гидравлическими прессами, машинами, работающими без шума, Л. Н. сказал, что в такой обстановке еще скучнее.

На расхваливание искусственного удобрения Булыгиным Л. Н. сказал:

— Если приходится хоть одному человеку там (на фабрике искусственных удобрений) ⟨этим⟩ дышать, тогда мне не надо искусственного удобрения. Она сложилась, эта машина (фабричный труд), в условиях старого рабства. Не верю я в эти удобрения; доказать не умею, но думаю, что при нормальной жизни человечества будет не гипсфосфат, а коровий навоз.

Булыгин настаивал на том, что искусственное удобрение—хорошая вещь.

Л. Н.: А, по-моему, оно так же излишне, как если у кого просторно для постройки дома, а он, вместо того, чтобы строиться в ширину, пристраивал бы второй этаж и, кроме того, башню. Сейчас естественнее было бы прибегать к тем удобрениям, которые естественны, а не придумывать искусственные.

На возражение Булыгина, что это пока сложно, фабрично производится, а можно просто, Л. Н. ответил:

— Если бы так просто было, было бы распространено.

Л. Н. (*Булыгину*): Вы читаете Кропоткина, я — Монтеня,— и прочел из него вслух.— Монтень рассказывает про дурочку, которая, ослепнув, просила: «Уведите меня из этого дома, тут темно». Слепым — темно; тщеславным — житья нет; злым — обижает народ.

Булыгин говорил, что правительство мешает созвать сходки и поучать народ, мешает свободе.

Л. Н. сказал, что, по учению Лао-тзе о Тао, следование по пути добродетели дает свободу.

Булыгин: Кропоткин смотрит на религию, как на отжившее [5].

Л. Н.: Это общий взгляд западных культурных людей. А действительно, западному человеку религия стала ненужной. (Об этом Л. Н. писал в письме к Сабатье в ноябре. [6])

Булыгин не знал о Баба (Премананд Бхарати).

Л. Н.: Благодаря нашему увлечению точными науками, мы не знаем про религиозные движения, про Баба, Рамакришну (жил в 40-х годах). Основы всех религиозных учений — одни, только они загромождены.

Я: Это видно из книжки, которую на днях прислал Ку Хун-мин [7].

Потом Л. Н. принес H. Croft Hiller—«Paulinity versus Christianity», с рукописью перевода Николаева («Павловство против христианства») и прочел вслух.

Л. Н.: Тут собран букет Павла. Прибавление его (H. Croft Hiller) «Евреи» — очень хорошее. Что евреи двоякие: 1) евреи Торы и 2) евреи — павловские. Из 21-го прибавления видно, что он (H. Croft Hiller) социалист. Он понимает христианство как устанавливающее социализм.

Иосиф Константинович сказал, что у нас образованные люди (молодежь) отпали от православия, атеисты, а в Англии встречаешь людей, которые дорожат формами религиозного учения.

Л. Н.: Формами — это вряд ли хороший признак.

Л. Н. показывал японскую газетку с портретами Степняка, Перовской, Бакунина.

Л. Н.: Бакунин в Дрездене сидел на бочке пушечного пороха и командовал.

Разговор о Бакунине, о том, кто написал его биографию [8].

Л. Н.: Я имел удовольствие содействовать побегу Бакунина. Бакунин был при Муравьеве (генерал-губернаторе Восточной Сибири) вроде чиновника. Но не мог отлучаться без разрешения министерства. Я попросил Ковалевского, управляющего Азиатским департаментом, и он выхлопотал его, ⟨чем Бакунин и воспользовался⟩.

Заговорили о бомбе, посланной киевскому губернатору в семью и вообще о покушениях.

Л. Н.: Какая инерция, привычка должна быть, чтобы остаться служить. Не этак, из страха быть убитым, а самому участвовать в судах, приговорах. Столыпина (министра) не знаю, но знал его отца, братьев. Он «для блага России» так делает (борется с революционерами учреждением полевых судов, казнями). Как он знает, что из этого будет благо России?|

С Михаилом Васильевичем Л. Н. беседовал о его сыне Сереже, который вышел из Сельскохозяйственного училища *.

Л. Н.: Я думал о вашем Сереже; страшно за него, что уж очень он молод, страшно, но и хорошо. Не знаю, как вы, но я помню в себе подобное настроение, когда мне было лет 15, когда как бы открылась передо мною какая-то завеса и я почувствовал что-то необычайное во всем моем бытии. Весь свет представился мне в каком-то особенном, чу́дном свете. Продолжалось это недолго, потому что люди, как всегда, постарались поскорее все это замять, как нечто несбыточное, непрактичное и так далее, вы это понимаете. Но помню хорошо, как это было все-таки чу́дно, приятно, и вот почему я думаю, что такие моменты и все в них переживаемое не проходит даром для человека, что наверно остается какой-нибудь невидимый след.

3 декабря. Мороз 12°, сильный северо-восточный ветер, дышать нельзя. Л. Н., не совсем здоровый, все-таки выходил гулять. Чистили каток на Кошачьем пруде.

За обедом, как обыкновенно по воскресеньям, были Сухотины. Михаил Сергеевич говорил о брошюре Е. Устинова «Социалистическая нравственность» (книгоиздательство «Северная Русь», Петербург, 1906), который приводит «Заповеди блаженства» из Нагорной проповеди, и каждому «блаженству» противопоставляет свое. Заповедь о любви к врагам, говорит он, мы оставляем для толстовцев, пусть исполняют они; а врагам прогресса и мы простим — когда будут повешены. Эгоцентрическая брошюрка, но к концу говорит, что индивидуума не должно быть, а есть общество, ради него индивидууму должно себя принести в жертву [1].

— Но ведь стремление должно быть основано на чем-то? — сказал Михаил Сергеевич.

Л. Н.: Вот то-то и есть. Какая «недальновидность» правительства! Ведь это — простая пропаганда социализма — опаснее бомб во сто раз. Как они это — в том числе и мои писания (такие как «О значении революции») — не остановят?

Михаил Сергеевич: Нет средств.

Л. Н.: Собрать все средства.

Михаил Сергеевич: Не смеют.

Л. Н.: Пашков — он моих лет — жил в Звенигородском уезде. Долгоруков ** послал к нему Петю Берса*** в коляске—его арестовать. Это смелость! Он привез его к Долгорукову, и тот ему сказал, чтобы отправился за границу. Пашков, удивляло меня, повиновался, но наверное по христианскому убеждению [2].

Михаил Сергеевич: Теперь не смеют (тронуть и) гимназиста. Один в театре не встал, когда пели гимн, и не могли заставить его.

Л. Н.: Я никак этого не желаю (остановить издание «О значении революции»), но удивляюсь недальновидности их.

Л. Н. после непродолжительного молчания:

— Андерсенова сказка о голом короле. Ребенок закричал: «Он голый», и все увидали [3]. Ребенок — те гимназисты, которые пошли в народ и сказали, что никакой важности в царе нет, и все увидели это.— Л. Н. продолжал:— Я нынче читал о защите Плутарха. Его обвиняли во лжи, что он сочинил историю о маленьком спартанце и о лисенке: спартанцы учились переносить лишения, страдания. Один положил себе за пазуху лисенка. Лисенок грыз ему грудь, а он соблюдал спокойствие [4]. Воспитывали своих детей сурово с целью воспитать в них гражданское

---

* Записываю по пересказу Иосифа Константиновича.

** Московский генерал-губернатор.

*** П. А. Берс—шурин Л. Н., исправник Звенигородского уезда Московской губернии.

мужество во имя низких целей отечества, борьбы с врагами; у нас — обратное. Эта измена, которая охватила всех. Теперь считают, что чем больше комфорта, тем лучше. То, что считалось позорным, то теперь считается хорошим: это то, что теперь называется комфортом. Есть рассказ: кто-то спал на розовых лепестках и не мог заснуть, потому что один лепесточек завернулся. Теперь суровость нравов не воспитывается ни для каких целей, а и теперь существует идея патриотизма, не говоря уже — идея религиозная.

Михаил Сергеевич спросил Л. Н., составляет ли он «Круг чтения» для детей и служит ли ему Дорик для проверки?

Л. Н.: Прекрасная проверка! Дорик удобен для этого, потому что он умственно туп, нравственно чуток.

Михаил Сергеевич стал говорить про Сережу, пишущего сочинения:

— Связал «Мысли мудрых людей» со своими мыслями. Когда нам в Арко это читал, прекрасно слушалось. Пишет нравственные наставления для себя.

Л. Н.: Это важное. У юношей есть нравственные требования, которые по-своему выражают и хотят осуществлять. У меня так было, когда мне было 15 лет. Булыгина 17-летний сын тоже в таком настроении. Я недавно написал «Верьте себе». Сегодня решил послать его в «Родник» (журнал для молодежи, издает его друг Льва Львовича, швед) [5].

Как раз во время этого разговора Александра Львовна щелкала на ремингтоне «Верьте себе», в гостиной были открыты двери, плохо были слышны слова Л. Н.

Л. Н.: Это (что Сережа Сухотин пишет) превосходно. Если и не пойдет по этому пути, то рельсы проложены. Вот именно — читать древних, которые уже просеяны и остались.

Сегодня днем Л. Н. говорил Дорику: «До 6 января отделано» (урок Дорику, т. е. мысли мудрых людей для детей).

Вечером Л. Н. с Михаилом Сергеевичем в шахматы. Л. Н. к чаю поздно вышел.

Михаил Сергеевич говорил об Але, что он «кадет» или член партии «17-го октября» — сам наверное не знает.

Л. Н.: Это ужасно жалко, что политикой увлечен.

Михаил Сергеевич: Он был на сходке, где ораторствовал Плевако.

Л. Н.: Его речь кто-то хвалил.

Я: Меньшиков. Он выдвигает Менделеева, Толстого и Плевако.

Л. Н.: Нет, кто-то, кто здесь был недавно (Перна).

Заговорили об ораторском таланте.

Л. Н.: В самом деле, какая это удивительная вещь: ораторский талант. Людям надо быть настороже, не поддаваться этому влиянию.— Вспомнил адвоката Урусова. Михаил Сергеевич вспомнил Голохвастова, Черкасского и добавил: «В Думе увлекательно говорил Аладьин».

Николай Леонидович: Но говорил глупости, нельзя было найти в его речи содержания.

Михаил Сергеевич: И Родичев; но Родичев был неприятен.

Л. Н.: Ораторский талант таков — совсем не зависит от содержания.

Михаил Сергеевич: Самарин Юрий был хорошим оратором.

Л. Н.: Самарин Юрий Федорович хорошо говорил, был умный, приятный, привлекательный. Он мне был симпатичен.

Л. Н. разговорился о нем. Михаил Сергеевич задавал вопросы, как если бы хотел побудить Л. Н. к дальнейшему рассказу.

Л. Н.: Помню, комната Урусова (Сергея Семеновича); был философский или религиозный разговор. Не помню, о чем мы спорили с Сергеем Семеновичем Урусовым, и мы решили за Самариным послать. И он приехал. Потом я его знал в Самаре, работал с утра до вечера по освобожде-

нию крестьян, самую канцелярскую работу. Он был старше меня. Взялся корректуру «Анны Карениной» держать [6]. Он слишком порядочный был человек. Он был почтенный человек.

Михаил Сергеевич: Но гордый.

Л. Н.: Один из приятнейших людей, которых я знал. Почему он был расположен ко мне, я не знаю. Религиозных взглядов тогда у меня никаких не было — остатки прежних; новые не зарождались *. В этой (*рукой показал на библиотеку*) комнате стал защищать смертную казнь. Я разгорячился. «Почему вы тогда ко мне пришли?» — кричал ему [7]. Юрий Федорович был выдающийся человек; встретился я с ним у Тютчевой. Французский разговор о театре, он отлично владел французским языком. И говорил о театре. Я ему говорил, что ему надо бы писать вот такие «essais» **, вроде Монтеня. Его предисловие к сочинениям Хомякова — очень хорошо. «В богословии, как при защите крепости, надо отдать все неважное, постороннее, а держать только главное»,— пишет там Самарин [8].

Михаил Сергеевич: А как он умер?

Л. Н.: Умер одинокий.

Михаил Сергеевич: В берлинской больнице.

Л. Н.: Умер хорошо. Был сильный духом.

Я вышел. Когда возвратился, все продолжался разговор о Самарине.

Л. Н.: Я особое имел чувство к Самарину, особенно приятное, дружеское влечение.

Михаил Сергеевич: А на почве православия не бывало столкновений?

Л. Н.: Никогда не было. У меня была тогда странная теория о развитии человека в зависимости от географического положения. Я ему прочел ее. Он не отвергнул ее, а сказал, что это надо разработать. (Нельзя согласиться и не согласиться.)

Потом Л. Н. рассказал:

— Где-то мы были с Самариным, и тут приехал Фонвизин, который был с братом Николаем в Москве в университете. Ужасно шальной и пьяница, но был добродушный. С молодости говорил, что он хочет быть московским губернатором и стал им [9].

Михаил Сергеевич: Когда вы были в дружбе с Самариным?

Л. Н.: В шестидесятых годах, во время освобождения крестьян и после. Я был за границей, они выбрали меня в мировые посредники от правительства; Крапивенский уезд был безнадежный, потому выбрали меня. Мне было неприятно. Другие члены были такие крепостники [10].

4 декабря. Елизавета Валерьяновна, Александра Львовна, Наталья Михайловна ездили в Тулу. Л. Н. встретил их словами: «Живы возвратились?» Приехала С. Э. Мамонова.

Л. Н. очень поздно вышел к чаю. Читал «The Jungle», роман Эптона Синклера. Рассказывал:

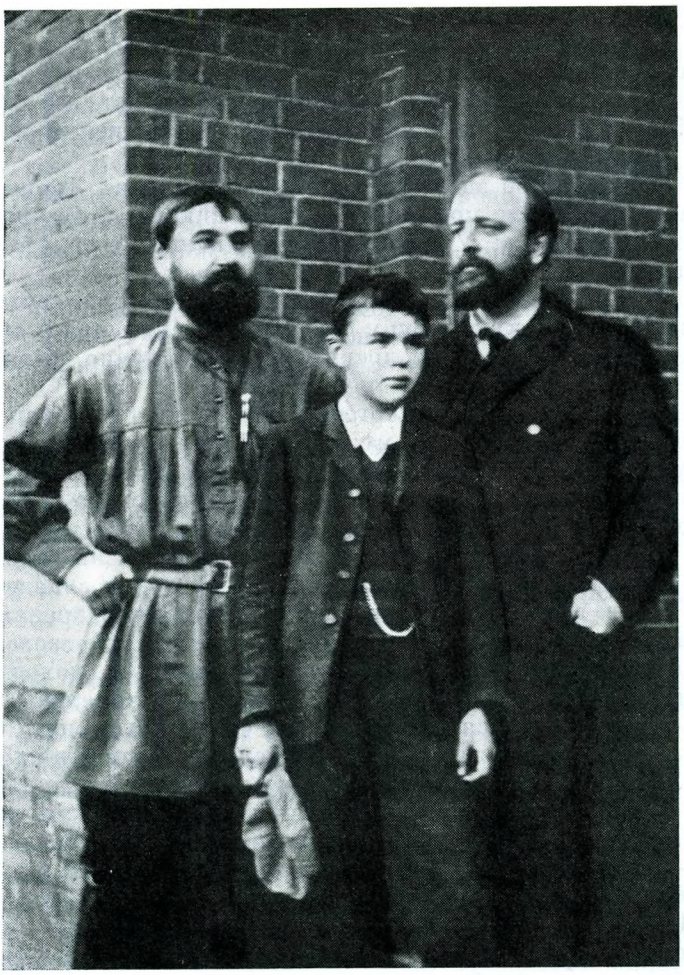
— «Джунгли» означает чащу; как чаща — то, где деревья густо растут, так «джунгли» — то, где люди скученно живут. — И рассказал обстоятельно, что сегодня прочел. О литовской эмигрантской семье, как ее надувают в Чикаго, как старик не находит работы, а когда получил (самую отвратительную), должен был отдавать треть платы тому, кто ему ее нашел [1].

Л. Н. (*продолжая*): Так верно, живо описано. Видно, Душан Петрович, там (в Америке) много нашего (славянского) брата.

---

* «Когда Юрий Федорович Самарин к нам приезжал, давно это было, они, бывало, целые дни и ночи о религии говорят и не наговорятся. Бывало, так ссорятся и кричат, что страшно становится, а как соберется Юрий Федорович уезжать, Л. Н. не отпускает его, и все целуются. Очень они любили друг друга» («Граф Л. Н. Толстой, воспоминания С. П. Арбузова». Изд. Клюкина. М., 1904 г.).

** очерки (*франц.*).



П. В. ВЕРИГИН, В. В. ЧЕРТКОВ и В. Г. ЧЕРТКОВ

Фотография
Англия, 1905—1907 гг.
«Я получил телеграмму от Веригина, что завтра приедут» — Запись от 5 декабря 1906 г.

Потом Л. Н. говорил, что драму, которую дал третьего дня Ване (лакею) читать, с ним раскритиковали. И вспоминал неверные подробности. Писатель знает народную жизнь, язык. Гонорары заманчивы, пишет драмы. Завязка фальшивая, романическое для эффекта надо, чтобы все перемерли [2].

Л. Н. просматривал долго и внимательно картинки в гатцуковом календаре [3]. Увидев Куропаткина, сказал, что наши войска шли с пренебрежением к неприятелю, и потому было им трудно сражаться. У Монтеня прочел, что один из главных приемов Юлия Цезаря был тот, что если он узнавал, что неприятель сильнее, то внушал солдатам, что Цезарь еще гораздо сильнее [4].

5 декабря. Александра Львовна, Наталья Михайловна, Дорик поливали каток. За обедом Л. Н. о «Джунглях» Синклера:

— В Америке все фальсифицировано — и бумага от мух.

Л. Н. с Михаилом Сергеевичем в шахматы.

Я получил телеграмму от Веригина, что завтра приедут.

Л. Н. о книгах Уэллса:

— Не люблю эту утонченность английскую. Этот Уэллс, все такие намеки, надо все знать, слова такие, клички «sky-scraper», «Superman», «metachristian» *. Как это пошло! Сверхчеловеков нет, все люди обыкновенные. Прочел три главы из «Future in America», неинтересно, больше не буду.

Л. Н.: У Уэллса об аде — так поверхностно, мне Дорик рассказал, что, когда ему говорили про рай и ад,— он никогда этому не верил.

Николай Леонидович: У писателей-американцев есть что-то простое. Я читал несколько рассказов...

Л. Н.: Разные Семеновы могли бы описать историю семьи крестьянской. Даровитую, чуткую натуру среди них. Земли мало, скотины... со всеми подробностями: с точки зрения романов скучно, неожиданностей бы тут не было, но интересны подробности.

С. Э. Мамонова и Михаил Сергеевич говорили о том, как грубеет отношение мужиков к старикам, мужьев к бабам. Софья Эммануиловна о том, как учителя, вышедшие из школы ее дяди Рачинского, недовольны своим учительским положением, желают более высокого поста, и рассказала про одного семейного учителя, стремящегося уйти из школы.

Л. Н.: Ему неинтересно ни нравственное учение, ни семья, а то, что газетчики пишут. Семенов, Новиков, Горький — тщеславие. Они забывают то, что в них самое интересное с нашей точки зрения, а входят в область самую неудачную. Им кажется эта область образованных, богатых — что-то недосягаемое, и нам трудно удержаться, доходим до конца жизни, видим пустоту. Это—патриархальное — потерялось. Это во всем делается: старое кончается, разрушается, чтобы новое могло сложиться. Это, как возраст молодости: буйность у человека, так и в народе.

Михаил Сергеевич: Потом ведь бьют стариков...

Л. Н.: Как это изменяется! Ермилин своих снох, как чуть пикнут, в подвал сажал. А теперь... В волостном суде старик жаловался, как схватил сына — хотел его бить — тот его за руки, и чувствует, что тот крепче.

6 декабря. Утром приехали из Канады духоборы: И. Ф. Махортов — 86 лет, П. В. Веригин — под 50 лет, П. В. Планидин — под 50 лет, Д. Н. Гридчин — 30 лет, А. Ф. Голубева — 20 лет, М. В. Дымовская — 12 лет. В приготовленной квартире в деревне оказалось сыро. Боялись простудить дедушку. Планидин с Гридчиным пришли ко мне за чугунной печкой, Л. Н. повидался с ними. Потом стали искать другую квартиру и нашли у матери Тараса Фоканова. Л. Н. в 3 часа пошел к ним. Вечером в 5.30 пришли все и пробыли до 10.40. К духоборам все были очень внимательны. Они же были очень приятны и интересны. С ними приехал Гольденвейзер. За обедом рассказал о них: их дети не хотят верить, что люди едят животных. Л. Н. говорил о духоборах, у которых он был. Тарас Фоканов все время там стоял, когда Веригин говорил, что хочет нанять 10 000 рабочих на постройку железной дороги и что условие: водки не пить. «Это нельзя,— сказал Тарас Фоканов,— а можно меру ограничить». Махортов говорил, что прежде они пили водку, но бросили. Духоборы отказались обедать, посидели «под сводами». Иван Фаддеевич привез Л. Н. чайную чашку из Канады. Л. Н. поблагодарил: «Когда пить буду, буду поминать». Настасья принесла Александре Львовне индейскую подушечку для иголок. Иван Фаддеевич, Настя и Мавруша говорили Л. Н. *ты*: «А ты, дедушка...»

***Л. Н.*: Что лучше человеку — уметь крестьянскую работу или грамоту? Если бы надо выбирать, то первое. Признаюсь, я этому (школьному обучению) не придаю значения. Грамотность — теперешние газеты

* «небоскреб», «Сверхчеловек», «метахристианский» (*англ.*).

** Записано с листков через восемь лет.

такое зло разводят. Печать очень содействует тому, что человек осуждает то, до чего дела ему нет. Раньше все знали святое писание наизусть. Вы прежде не хотели учиться грамоте? — спросил Л. Н. духоборов.— Это очень важно, я бы желал с вами об этом поговорить (об обучении религии, нравственности). У меня урок с Дориком пять минут.— И Л. Н. позвал девочку Маврушу: — Пойдем с нами,— и позвал и Планидина. Когда вернулись, разговор об этом продолжался.

Л. Н.: Правительство вас не стесняет в школьном деле, а раз обучение считаете нужным, то чтобы самый важный предмет был знание Евангелия, передавать самое существенное и важное — религиозно-нравственное, не библейской истории. Не столько важно, чтобы читали и знали географию, арифметику, то само собой. Когда ваши отцы отрицали грамоту, то именно во имя того, что можно наизусть выучить Нагорную проповедь, Евангелие...

Л. Н.: Если пойдет так, как учат в английских школах, по заведенному порядку, то избави бог! Приведет к тому: знать, какие козявки, а не то, чтобы знать, как жить доброй жизнью.

Петр Васильевич: Родители примером должны обучать, тогда школы не нужны.

Л. Н.: И то нельзя сказать: родители, потому что они могут не знать, что́ руководит человечеством, оно идет вперед.

Л. Н.: Вы самые счастливые в мире люди — освобождены от греха владения землей и пользуетесь ею,— исключительные обстоятельства.

Петр Васильевич: Да, мы завидуем сами себе.

Иван Фаддеевич участвовал в Севастопольской кампании. Вспоминал и спрашивал Л. Н., где ему пришлось там быть.

Л. Н. рассказал:

— Но, слава богу, ни разу не пришлось стрелять. Пришлось стрелять картечью, когда штурм был, но меня уже там не было.

7 декабря. Пополудни приехали Сергей Львович и П. Н. Ге.

Вечером с 7.30 до 11.20 были духоборы. Иосиф Константинович и я сидели с ними «под сводами». Пришел Л. Н. Поговорил мило, очень мило с Махортовым, хотя был усталый и, должно быть, не совсем здоровый, что было видно по возбужденному тону, с каким возражал Веригину. Л. Н. извинялся, хотел пойти навстречу, но услышал, что они уже здесь.

— Я был у дочери — повидать внучку,— сказал Л. Н.

Иван Фаддеевич: Сколько ей?

Л. Н.: Ходить начала.

Петр Васильевич: Тогда дети самые миленькие.

Л. Н.: Одна ушла к богу, а другая оттуда пришла.

Петр Васильевич, не поняв, что Л. Н. говорит про умершую Марию Львовну, переспросил; узнав, сказал: — Я слышал, она вам очень близка была?

— Была, друг... — и Л. Н. прослезился.

Петр Васильевич: Видно, богу милее была и взял ее потому.

Л. Н.: Это нам не дано знать, почему, что и как.

Л. Н. перевел разговор на то, что приехали Иосиф Константинович и Сергей Львович.

— Ваши хорошие знакомые,— сказал Л. Н.

Веригин говорил о Сергее Львовиче, потом о Льве Львовиче, у которого был в Петербурге, что он других взглядов, противоположных — например, на воинскую повинность, непротивление. Как это?

Л. Н.: В «Круге чтения» есть Эпиктета: «Когда ты пропустил случай образумить человека, ты потерял друга; когда ты уразумеваешь друга и

он не понимает тебя, ты потерял речи; не надо терять ни друга, ни речей» [1].

Петр Васильевич говорил о Столыпине и его сестре, которая очень интересовалась духоборами:

— Царь, понаслышке, жалеет, что мы уехали из России. Пришлось мне у него (Столыпина) ждать.

Петр Васильевич защищал Столыпина.

Л. Н.: Ему надо уходить от этого. Его отец прекрасный был человек.— К Ивану Фаддеевичу:— В Севастополе знал его. Столыпина обвиняю. Почему этим занимается?

Петр Васильевич: Если не он, то другой; клубок замотан, надо его кому-нибудь размотать или рассечь, и тому подобное.

Л. Н.: Эти всё общие рассуждения, не что иное... нам не дано знать, как устраивать жизнь других, нам дана власть каждому над собой.

Л. Н. быстро встал, взял валенки и шубу, отклонил помощь Петра Васильевича и пошел наверх.

Иван Фаддеевич: Какой старичок добрый, сам себе несет! Как он легко садится на лошадь!

Пришла Юлия Ивановна, позвать чай пить. Расселись около стола, каждый на том месте, на котором вчера сидел. Пришел Л. Н. и сел возле Махортова, туго слышащего.

Иван Фаддеевич: А вот господь бог дал нам образ в образ видеться.

Л. Н.: Последний раз. Больше не увидимся.

Иван Фаддеевич: А кто знает? — и сказал, что, может быть, он еще приедет, и просил Л. Н., чтобы он приехал их посетить в Канаду. Иван Фаддеевич чокнулся с Л. Н. чаем и был очень радушный. Разговорились весело, с шутками, совсем как старые друзья. Л. Н. относился к Махортову, как к старшему брату,— с уважением и радостным расположением. Л. Н. при прощании вспомнил приглашение и сказал Ивану Фаддеевичу:

— До свидания. Через восемь лет увидимся?

Л. Н. пил из чашки, подаренной ему вчера Иваном Фаддеевичем, потом ушел в кабинет; вернувшись, сказал: «Я вот тебе яблочко принес».

Л. Н. спрашивал про иркутских — Веригин поправил: амурских — духоборцев. Они ему пишут.

Петр Васильевич: Мой брат Григорий был у них.

Потом Л. Н. вспомнил, что какого-то из братьев Петра Васильевича видел в тюрьме в Москве, когда впервые познакомился с духоборцами [2].

Петр Васильевич: Василия с Верещагиным. Этот умер в тюрьме. Иван Михайлович [3] отыскал нас.

Как-то Иван Фаддеевич стал говорить, намекая на «раздевшихся», про своего племянника, который не хочет работать, а заботится о духовном и живет подаянием, просит. Только если не дают ему, когда нужда заставляет, берет пилу и зарабатывает. И говорил про него, не одобряя его поведения.

Л. Н. стал говорить в защиту тех, которые «разделись», которые отозвались.....*, что они духовно живые, и рассказал, что в Индии, дожившие до 60 лет надевают желтую одежду и уходят в лес (там теплая страна), принимают подаяния, живут для души, отшельниками. Там это делают сто миллионов человек.

Л. Н., продолжая о «раздетых».....* эти евангельские слова: «Не заботьтесь о завтрашнем дне...» [4] — трудные, но чувствуешь, что правда в них.

Л. Н. об иркутских духоборах:

— Они пишут мне, что желают переселиться к вам. Почему не переселяются?

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

Петр Васильевич: Они могут жить там, где их пять-шесть семейств. Духобория — не Палестина. Приходящие к нам потому, что у нас можно спокойно, свято жить, недоумевают: наши бабы громко разговаривают; мы знаем, понимаем друг друга, и это их смущает.

Л. Н.: Я часто получаю письма от людей, желающих присоединиться к общине. Я всегда отговариваю их и советую опрощаться дома (будешь проще, работая, сама жизнь натолкнет тебя на простоту, потом на другие отношения с окружающими) и идти в колонию уже только тогда, когда может перенести всякие унижения. Прокопенко, который живет в Канаде, хотя я его не знаю, думаю, что он таков, и Дудченко. Они так и понимают.

Л. Н. (говорил мне Иосиф Константинович) сделал выговор Петру Васильевичу за то, что те покупают дорогие машины, возводят показные постройки, мосты, а когда надо было переселять якутских, должны были просить и принять помощь русского правительства, и квакерам еще задолжали. Л. Н. вспомнил кавказскую колонию, хвалил Чагу, Гастева.

Петр Васильевич спросил про Беневского — видел его в Москве.

Л. Н.: Беневский — это человек очень духовный, очень чистой жизни. У них там община, я боюсь — не удержится.— И рассказал про канзасскую общину (в 1877 г.), где была одна женщина с грудным ребенком; у нее не хватало молока и кормила ребенка коровьим молоком. Ребенок заболел, и женщина стала держать корову на привязи (на сене). По ее понятиям, ее ребенок — выше всего. Корова стала давать меньше молока, а молоком белили кукурузную кашу, почти единственную пищу восьми человек. Из-за этого перессорились, разошлись.

Софья Андреевна сказала, что была другая причина: разврат.

Иван Фаддеевич вспомнил прекрасный псалом и стал его говорить, но не до конца: забыл. Ни Петр Васильевич не знал его, ни другие. Л. Н. вспомнил, что он записан Бонч-Бруевичем, искал книгу — не оказалось в библиотеке в Ясной Поляне, находится у кого-нибудь.

8 декабря. Я сегодня опять не был с духоборами. Весь день занят больными и невыспавшийся. Вечером: Л. Н., Иосиф Константинович, Прасковья Николаевна, Татьяна Львовна, Софья Андреевна, Юлия Ивановна, Николай Леонидович.

С 10 до 11-ти Л. Н. говорил, что он нарочно подробнее спрашивал вчера Веригина об обучении у духоборцев: дети придут утром на короткое время в школу, получат урок и вечером принесут его; ночь спокойна у них. И не зубрят долго вместе в школе, а каждый получает следующий маленький урок.

Л. Н.: Я спросил, не скучно ли им без домашних животных — ни поросят, ни гусей... «Да, хозяйки жалуются,— сказал Веригин,— собак совсем нет». Купили 20 паровых плугов, и после —быков, пашут и на быках. Паровые машины быстро портятся, хозяину дорого обходятся, хотя производство их сравнительно дешево. Так дешево можно делать их только при эксплуатации рабочих. (При ненормальных условиях нашей на безнравственных началах почивающей жизни.) Веригин говорил, что там платят фабричным рабочим с часа, и рабочие иногда работают три часа в день.

Иосиф Константинович был у духоборов в деревне. Живут в самой просторной избе, какая есть в деревне, у старушки-матери Тараса Фоканова; поражает их нечистота и удивляются, что можно в печке париться, никогда не воображали себе этого. Веригин удивляется, почему нет общественных бань или общих для нескольких дворов.

Фоканов: Невозможно сойтись, а если бы и сойтись и построить,— сожгут.

Иосиф Константинович приводил другие подобные примеры, как сообща ничего не предпринимают: ни колодцы рыть, ни пруды чистить, ни мосты чинить.

Л. Н.: Это странно — личная, отдельная жизнь, враждебная друг другу. Без религиозного чувства ничего не может быть; а то, что было, — разрушено. Очень интересно было бы там (в Канаде) побывать у духоборцев. Что же, были и там такие протестанты?

Иосиф Константинович: Были.— И привел пример: N. N., который помогал одной семье, а если бы вступил в общину, требовали бы работы для общины, тогда не мог бы помогать этой семье, и потому не вступил. Ивин отдельно живет, и многие из тех, которые приехали на последнем пароходе и не испытали гонений.

Говорилось дальше о забитости, недоверчивости, непредприимчивости русского народа.

Л. Н.: Всегда это безнадежное, и осуждают друг друга, что с нашим народом ничего не сделаешь. Отсутствие требований разума и добра и желание скорее выпить. В водке утопить трудное решение. Дальше не видят (т. е. живут каждый для себя, общественности нет). А вместе с тем — социалистическая пропаганда, — что слышат, читают в социалистических газетах, брошюрах, — хорошо повторяют. Притом же вся их жизнь хороша: трудовая жизнь с утра до вечера. Настасья (мать Тараса) всех странников пускает ночевать. Фокановы все такие. Тарас не пьет.

Татьяна Львовна: Поживем, увидим, что будет. (Как разовьется жизнь крестьян.)

Л. Н. просматривал новый том переписки Пушкина, издание Академии [1]. О корреспондентах Пушкина сказал:

— Я всех знал.

Говорили о духоборах. Более всех духовный человек — это Планидин. Веригин — практический, даже не умеет скрывать свое равнодушие к духовному, настолько низкий. Люди разного склада. 8 000 человек не принадлежат ни к какому государству.

Л. Н.: Лева хотел их обратить на путь истины. Они живут в Канаде, а хотят жить в России на правах иностранцев. Это не прямой путь. «Мы свободные граждане, не принадлежим никому, одному богу». Это хорошо, они лишены права подводы давать и прав в парламенте болтать.

9 декабря. Утром уехала Александра Львовна в Москву; пополудни — Иосиф Константинович в Тулу и завтра с духоборами в Харьков, оттуда на Кавказ. Иосиф Константинович прощался с Л. Н. Когда вышел из кабинета, сказал мне, что Л. Н. поручил ему ответить на письмо от Мазаева (из молокан Таврической губернии), который пишет, что он с Бодянским решили издавать еженедельную газету, и спрашивает, как назвать этот орган: «Божья нива», или «Источник правды», или «Знамя», — они хотят возвещать правду [1]. Л. Н. просил передать им, что он вообще против газеты, что христианство с газетой несовместимо, потому что газета влечет за собой споры партийности.

— Может быть, Бодянский меня за это и поругает,—сказал Л. Н.,— но я должен сказать, как думаю.

Л. Н. еще просил Иосифа Константиновича, что если ему удастся познакомиться с общиной, описать свое впечатление.

— Я очень сочувствую,— сказал Л. Н.,— этому делу, но боюсь, что из него ничего не выйдет.

Пополудни я был у духоборцев. Пришел Л. Н., поговорил о Бодянском, о газете, побыв минут шесть, отправился гулять. Петр Васильевич сказал Планидину, чтобы пошел провожать. Так Л. Н. с Планидиным и гулял. В 5.10 Планидин возвратился и удивлялся, как старик ходит: устал с ним. Приятные разговоры с духоборами; они, молча, молились,

стоя, перед едой и после. Так делают и в гостиницах, например, в Чикаго. И спели псалом (сидя).

За обедом: Л. Н., Софья Андреевна, Николай Леонидович, Юлия Ивановна и я.

Л. Н. (*о Планидине*): Удивительно умный! Вот, неграмотный человек. Поучительно с ним поговорить. Сильный работник. Спросил его, как без своего хозяйства жить, не плохо ли? Ответил, что отсутствие хозяйства только хорошо. Каждый день свежий, мягкий хлеб, кур не убивают, и потому дикие куры приходят, покормятся, но яиц не кладут, уходят. Смущается тем, когда разведется много скотины, что̀ со скотиной делать. Двое иркутских духоборов приехали к ним: один из них оставил семью дома. Они курят и пьют, и им там не понравилось. Их девять семей; канадские предложили им устроиться жить вместе. По соседству галичане и немцы. Живут хуторами, бедствуют. Духоборы, покупая оптом, платили за жнеи (жатвенные машины) 110, те — 160; за другой товар — 120, те — 150 (долларов).

Софья Андреевна: Эта община до тех пор будет жить, пока будет между ними царь — Веригин.

Л. Н.: Я спросил Планидина об этом: «Если не будет его (Веригина), это ничего?» У них старики судят и не слушаются его. Ни от какой революции не будет того духовного мира, согласия и хорошей жизни между людьми, какая есть между духоборцами. Евстигнею * бы с ними поговорить. В деревне, должно быть, ими интересуются. Говорил мне Планидин, что молодой Сергеенко предложил лекции читать. Не нужно читать, сказал Планидин, а нужно самому хорошо жить и своим примером учить. Их 700 ушло летом работать на железную дорогу. Заработали 110 тысяч долларов. Я спросил, молодежь ли одна, и не неохотно ли идет? Нет, и он (Планидин) был; и дома ведь работать надо, и хотят видеть свет. Он поражен был, что Настасья Фоканова, у которой они живут, отдельно от сына живет и свои дрова отдельные имеет, и из-за дров ссора. Когда шли лесом, встретили мужиков, дрова возили. Планидин не выдержал: «Какие лошаденки?! На пару наших (у них лошади 5-тивершковые) весь обоз можно наложить».

Кто-то сказал:

— Если приедут в Россию, будут иметь влияние, и другие будут отказываться от военной службы.

Л. Н.: Нельзя впускать их. Так и умру с недоумением, как могут вместе существовать две диаметрально противоположные вещи: христианство и правительство.

Л. Н.: Я нынче гадко себя чувствовал: газету прочел о конфликте с Японией. Правительству вот что нужно.

Речь о голоде. Л. Н. еще сомневается в нем. Между прочим, казанский губернатор опровергает, что был голод.

Софья Андреевна: И в 1891, 1893, когда ты помогал, правительство сначала не признавало, утверждало, что не было голода...

Л. Н.: И тогда, я и себя не оправдываю, но это (помощь голодающим) такое сложное дело. Кто с сумой идет, тому помогают. А тут бедный — помогают и ему; средне-бедный скажет: «А почему мне не дают?», и этому дают; богатый требует, и ему не смеют отказать.

Л. Н. спросил, тут ли (в Туле) Львов?

Татьяна Львовна: В «Русских ведомостях» пробирали его за то, что он в слишком мрачных красках представлял положение Казанской губернии. Львов отвечал, защищая приведенные данные [2].

---

* Крестьянин Ясной Поляны, разделяющий взгляды эсеров.

Иосиф Константинович: Львов односторонен. Так, например, описывая это бедствие, не говорит, что это бедствие.

Л. Н.: Да, но положение такое. Если бы я был моложе, то не утерпел бы поехать опять голодных кормить. Я уверен, что там, на месте, я столкнулся бы со всеми этими трудностями дела и наверно вступил бы в какие-нибудь столкновения с Красным Крестом, и я искал бы больных, более нуждающихся, но вместе с тем очень трудно организовать, ума не приложешь.

10 декабря. Уезжали духоборы.

Л. Н.: Веригин этот раз мне больше понравился, чем в прошлый раз.

За обедом: Софья Андреевна, Юлия Ивановна, Николай Леонидович, Татьяна Львовна, Наталья Михайловна и Дорик.

Л. Н. прочел из письма Лебрена о Французской революции [1].

Л. Н.: Я читаю «Джунгли», как эмигрантов, бедняков, обманывают. Описание боен чикагских.

11 декабря. Николай Леонидович ездил в Тулу на дворянские выборы. Приехал с ним оттуда Михаил Львович с Александрой Владимировной. Л. Н. с третьего дня плохо себя чувствовал (желудок, печень), сегодня лучше. Ездил через Засеку на Рвы, Судаково, по шоссе — домой.

За обедом Л. Н. говорил, что читал письма Веригина из ссылки. «Хорошие. Какой он умный!» [1] Л. Н. упомянул про Андросова, как однажды вечером явился — огромного роста, в черкесском полушубке, с двумя мешками. У двери московского дома стучал. Был на пути к Веригину в Обдорск. По совету горбатого редактора «Русских ведомостей» выбрал себе путь безлюдный, но исправник оказался и там, где меняли лошадей на оленей, и предложил ему вернуться. Изюмченко позвал его к себе и посоветовал быстрее поехать дальше. Он успел только час побыть с Веригиным, исправник явился и вернул его по этапу [2]. Дальше Л. Н. вспомнил, что забыл спросить духоборов о Позднякове, которого за отказ — он был фельдфебелем — мучили. Л. Н. просил его показать спину: была в рубцах от сеченья. Он бежал из ссылки повидать жену, детей и приехал на Кавказ, когда духоборы выезжали в Америку. Стоило бы ему сесть на пароход и уехать, а он вернулся [3].

Потом Л. Н. рассказывал Александре Владимировне, как духоборы сошли вниз и, когда надели полушубки (у Веригина не было: он его подарил по пути какому-то голодному, холодному; он ходил в пледе) — запели гимн. Превосходно, замечательно!

Софья Андреевна рассказала Александре Владимировне про Петра Васильевича, что он ей больше понравился, чем ожидала. Он сказал ей: «Что-то вы, Софья Андреевна, подобрели». А она ответила ему: «Вы переменились».

Софья Андреевна: Никакого самомнения в нем нет: простой, добрый, — и дальше хвалила духоборов. — Что из русских мужиков вышло! Если бы наши Степки, Адрианы (кучера), которые пьянствуют, немножко захотели и иначе вели бы себя.

Л. Н.: Тут нельзя немножко, а надо всем совсем перемениться.

Софья Андреевна (*к Александре Владимировне*): Зачем приехали, не знаю.

Николай Леонидович: Приехали, как сказали, поблагодарить друзей: в Россию — Льва Николаевича, в Англию — Черткова и квакеров, в Константинополь — знакомых турок посетить.

Л. Н.: Крымские места, надежда туда переселиться.

Софья Андреевна: Сами себе готовят на спиртовке, вегетарианцы лет 12. Веригин рассказывал про хозяйство их. Например, в селении есть 300 кур на попечении двух баб; все вещи получают со складов. Главное, контроля нет, и никто не обманывает. — Софья Андреевна удивляется, что

они неграмотны или малограмотны:— Я спросила старика про Веригина, много ли он читает? Ответил: «Он читать не любит, дай ему плуг и пусти его пахать...» Планидин неграмотный. Школ у них мало. В том селении, где живет Веригин, есть между ними грамотный, к нему ходят дети учиться, вместе долго их не держит. Утром задает урок: две-три буквы, выучиться писать их. Вечером они приносят.

Под вечер вернулась из Москвы через Тулу Александра Львовна. Л. Н. похвалил ей духоборов: такое осталось хорошее впечатление. Софья Андреевна заметила, что Саша могла слышать концерт такой-то.

Л. Н.: Избави бог от концерта.— И рассказал, как Н. Г. Рубинштейн играл композицию своего брата с треском, как тяжело было слушать.

И все заговорили о концертах, как о чем-то, где люди устают, напрягаются, голова разбаливается и скучают. Вспоминали, как уходили с опер, с концертов.

Софья Андреевна защищала концерты как единственное свое удовольствие.

О Лебрене.

Л. Н.: Мне понравился, потому что он правдив, умен.

Когда Л. Н. ушел, Николай Леонидович сказал:

— Душан Петрович записывает, что говорит Лев Николаевич. Будут такие противоречия: неделю тому назад порицал Грига, Моцарта, Бетховена, а сегодня хвалил Грига.

Юлия Ивановна: Моцарта ведь раньше всегда хвалил.

14 декабря. Утром приехали А. П. Сергеенко с Н. Г. Сутковым и Андрей Львович из Москвы. Метель.

Л. Н. не работалось: дурная погода дурно действует на него. Здесь С. А. Стахович. Вечером шахматы с Михаилом Сергеевичем.

Л. Н. говорил о духоборах, что хочет писать о них.

Л. Н. хвалил новейший, 22-й «Appendix to Metachristian Catechism» by H. Croft Hiller. Говорил о Хиллере и о Толлемахе Синклере, что есть у него два назойливых корреспондента [1]. О почерке Т. Синклера (строки снизу вверх), сказал, что это признак самодурства. О «The Jungle» Эптона Синклера — что следовало бы издать по-русски в «Посреднике» [2].

Сутковой: В сокращенном виде, чтобы рабочие могли читать. Они думают, что за границей всем прекрасно живется.

Л. Н.: «Jungle» означает чащу. Там сказано, что, как в частом лесу нижние суки́ сохнут, гибнут, так и в чаще рабочих — слабые. С рабочими в Америке поступают, как с гнилыми грушами; нужно 20 — объявляют, что нужно 200; является 2 000, из них выбирают 20 самых мускулистых и дают им работу шесть часов в день, платят с часа.

Л. Н. говорил об иллюстрациях Ulk и вообще об Ulk и об иллюстрациях в «Fliegende Blätter», что их карикатуры, шутки, остроты бывают верны и остроумны, но грубы, неизящны.

Вечером Л. Н. пришел «под своды» к Сутковому и А. П. Сергеенко.

А. П. Сергеенко записал их беседу с Л. Н-чем. Л. Н. спросил Суткового, где он теперь живет. Сутковой объяснил ему причину своего отъезда из Петербурга: репрессии начальства, которые стали применяться по отношению к книгоиздательству «Обновление». Сутковой рассказал, что он и его товарищи разъехались, желая еще поработать, а не сдаваться полиции, и спасти таким образом склад книжек, какие у них были; иначе бы они погибли.— «Ну, и не беда!» — сказал, улыбнувшись, Л. Н. Во время этого разговора Л. Н. сказал: «Раскассируют вас и книги — хорошо, а останетесь — тоже хорошо».

Когда Сутковой сказал, что главным поводом для репрессии послужило напечатание обращения Л. Н. к правительству, революционерам и народу и рассказал подробности конфискации книжки, Л. Н. сочувст-

венно покачал головой и проговорил: «Ах, как это жаль, как жаль!»

Часто Л. Н. касался в разговоре духоборов: «Они оставили у меня самое прекрасное впечатление, удивительно, удивительно, как они всего достигли. Удивительно! Мне хотелось бы, хотя я наверно не напишу, как я назвал последнюю статью «Единственное возможное решение земельного вопроса», написать статью: «Единственное возможное решение социального вопроса». Ведь они полностью достигли того, о чем думают социалисты».

Веригин Л. Н-чу тоже очень понравился. Он был о нем другого мнения, составившегося из рассказов других, но теперь, повидавшись и поговоривши с ним, увидал, что все, что о нем говорили, напрасно и в нем очень глубоко и серьезно религиозное сознание. С первым он говорил с Планидиным. «Я его позвал гулять, и он мне рассказывал об их устройстве. И прекрасно. А слыхали, как они поют? — прекрасно».

Когда А. П. Сергеенко передал Л. Н. просьбу И. М. Трегубова относительно портретов духоборов, которые оставлены у Л. Н., он вздохнул и, улыбнувшись, сказал: «Ох, Иван Михайлович!» Сутковой и Сергеенко тоже улыбнулись. Л. Н. спросил: «Что вы смеетесь?» — и заговорил об Иване Михайловиче, о том, что христианство так не совмещается с митингами, собраниями, газетной работой, в которых Иван Михайлович принимает такое живое участие. Сергеенко говорил об увлечении Ивана Михайловича социализмом. Л. Н. сказал, что все это хорошо, когда входит частью в главное, — «а социализм по отношению к христианству, — как небольшая дуга в круге; он может отвечать известным запросам, но нельзя сосредоточивать на нем все внимание, нельзя забывать остального».

Сутковой сказал, что Л. Н. в сочинении «В чем моя вера» где-то говорит о невозможности любви к врагам, и не может с этим согласиться, ему кажется... Л. Н. перебил его и сказал, что хотя любовь и исключает самое понятие врага, так что как бы не может быть любви к врагам, но охотно отрекается от той постановки, которую он раньше делал в этом вопросе, потому что это чувство — самое возвышенное, самое радостное [3].

В разговоре коснулись мережковцев-соловьевцев. Л. Н. сказал, что поражается той каше, какая у них происходит: «Это, я думаю, могло возникнуть путем той лжи воспитания, суеверий, праздности, какие переходили из поколения в поколение».

Сутковой сказал, что хочет пострaнствовать, все оставить, взять в карман Евангелие и отправиться по деревням и как бы проповедовать. Л. Н сказал, что это гордость; что вовсе не надо трогаться с места; что в каждом положении человек, сидя тут же, в этом кресле, сейчас может быть величайшим злодеем или святым... Можно думать о том, как я женюсь, как разбогатею, или о добре, о совершенствовании.

— Тщеславие, желание славы — один из могущественных пороков. Я лет тридцать-сорок прожил исключительно в этом чувстве. И даже теперь, в 80 лет, мне так трудно от этого отделаться. Не надо стремиться воздействовать на других. Воздействие само собой придет. Если же задаться целью воздействовать, то получится обратное. Надо исполнять внутренний закон. И его можно исполнять, находясь на необитаемом острове. У Робинзона Крузо до Пятницы не было воздействия на людей, но он мог и до него исполнять или не исполнять требования бога... Не надо рассудочно изменять свое положение. Если будешь исполнять внутренние требования, сама жизнь выпихнет тебя из твоего положения.

Сутковой сказал о том, что теперь многие переходят из христианского мировоззрения в революционное. Л. Н. на это сказал, что, по-видимому, у этих людей бог был не на первом месте, а если бог не на первом месте, то его совсем нет. И тогда очень легко перейти с одних рельсов на другие, они очень близки друг другу.

Л. Н. ТОЛСТОЙ. «ХОЗЯИН И РАБОТНИК»
Издание «Посредника»
Москва, 1906
Обложка

Л. Н. рассказывал, что получил письмо с просьбой посоветовать, поступить на военную службу или нет:

— Я, как всегда, отвечаю, что если нет необходимого религиозного сознания, тогда лучше идти. Надо отказываться тогда, когда не можешь этого не сделать. А то рассудочно решишь отказаться и потом будешь отказываться от своего отказа.

15 декабря. Сутковой и Сергеенко списывают письма об отказах от военной службы для Наживина. Л. Н. перед обедом пришел «под своды» к нам и говорил им:

— Мне нужны легенды, басни, сказки, притчи, прологи. Достаньте мне такие книги из московской или петербургской библиотеки, скажите Ивану Ивановичу. Я занят составлением «Круга чтения» для детей, изложением религиозно-нравственного учения, и поэтому хочется это оживить легендами. Всякие, особенно древние — индийские, еврейские... мне придется выбирать.

О том же просил С. А. Стахович. Она спросила, на каких языках.

Л. Н.: На всех трех языках [1].

Л. Н.: Хотелось бы раз написать, что́ в продолжение часа передумаешь. Никак не успеешь, это будет целый том. Воспоминание мелькнуло — никак не успеешь его схватить [2].

Л. Н.: На прогулке встретился с тараканщиком. «Тараканов мало, нечего ловить!» — пересказал Л. Н. со смехом. — Разговорились. Его братья были в японском плену. Сколько я людей ни встречал, — заметил Л. Н., — которые в японском плену были, все хорошо о японцах говорят.

«Землю мы отобьем,— как в народе говорят,— как с японцами и англичанами война будет: солдат нельзя будет в деревни посылать, так мы поднимем здесь свою войну. А брат из Сибири писал, что там постоянно посылают по деревням солдат усмирять забастовщиков». Я очень завидую тараканщику,— сказал Л. Н.— Он так много общается с людьми по деревням.

Сутковой: Вот видите, Лев Николаевич, вы ему завидуете, а мне не позволяете идти по деревням.

Все и Л. Н. засмеялись.

— Научитесь тараканов гонять — тогда идите,— сказал Л. Н.

Сутковой: Мне хотелось бы пойти в деревни не для пропаганды, а для самого себя, чтобы получить толчок и начать новую жизнь.

Л. Н.: А, это дело другое.

Послышался топот мальчиков, пришедших учиться (третий вечер) к Л. Н.

Л. Н.: Мой университет. — И Л. Н. добавил:

— Читал в газете, что хотят открыть новые университеты (в Смоленске, Нижнем Новгороде, Воронеже) [3] — эти рассадники безбожья, самоуверенности. В кабаке — самоуверенность; «я студент» — другая самоуверенность.

16 декабря. Л. Н. 13-го стал учить, кроме Дорика, еще и деревенских мальчиков от 8 до 12-ти лет. Сперва троих, четверых, шестерых в своей комнате, сегодня — 20, в мастерской [1].

За обедом: Сухотины, С. А. Стахович. Было весело, уютно. Михаил Сергеевич смешно рассказывал про Федора-дворника.

Л. Н. (*про Федора*): Он умен, непосредственен, хорошо читает.

Кто-то сказал:

— Он очень хорошо рассказывал, как сестру выдавал замуж за Фаддея; гостей чаем угощал, водки не было, книжки Л. Н. вслух читал, они слушали.

Уезжала С. А. Стахович. Разговор о М. А. Шмидт.

Софья Андреевна: Она фанатически предана Л. Н. и любит крестьян; опрощение в жизнь проводит.

Л. Н. вспомнил:

— Меньшиков — за телесные наказания. (В «Новом времени», № 11048, 14 декабря — «Расстройство армии».)

Сухотины говорили об Ouchy в Швейцарии. Л. Н. вспомнил о Сереже, который в Лозанне, в университете:

— Что могут профессора дать? Они так плохи по своим знаниям, что даже не в силах написать книжку и будут 30 лет болтать. В Московском университете Ключевский и (*я не расслышал кто*) какие слабые, а считаются выдающимися. На модно-научном жаргоне умеют говорить. Лучше пойти в хорошую библиотеку в Париже, Лондоне и прочесть, что́ тебя интересует. Кенсингтонский музей образовался так: стали туда дарить разное: книги, коллекции, потом читатели стали спрашивать, и нашелся человек, который стал приглашать специалистов отвечать на известные вопросы, задаваемые читателями в известные дни.

Татьяна Львовна стала защищать лекции в Академии художеств. Л. Н. допустил, что преподавать опыты физические, клинические — осмысленно, но арифметику, юриспруденцию, астрономию...

— Я всю свою жизнь не мог слушать лекции, а учился по книгам,— сказал Л. Н.

Потом Л. Н. вспомнил про Коншина. Кросби ему писал, что Коншин поехал через Японию домой [2].

Л. Н.: Какой тип вырос на моей памяти — образованных купцов: Гучков, Дунаев, Коншин — очень хороший тип.

Михаил Сергеевич: Они свежее, энергичнее нас.

Л. Н. вчера и сегодня сравнительно молчаливый.

17 декабря. Приехал М. В. Булыгин с 17-летним Сережей, переживающим нравственный кризис. Работает, как Скороходов, и такой сильный; теперь возит дрова.

Л. Н. вернулся с прогулки в 4.15, был в Ясенках, привез почту и ушел к себе. Надо готовить урок религиозно-нравственного учения мальчикам. Александра Львовна его спишет. Они читают и рассказывают его. Но Л. Н. не приготовил — нездоровилось ему, — и с тяжелым сердцем решил отпустить их. Михаил Васильевич жалел, что не видал духоборов. Л. Н. сказал про них:

— То, что человечество (общество) мечтает достигнуть когда-то в далеком будущем, то осуществлено духоборами. Денег не имеют, каждый получает нужное из склада независимо от того, сколько сработал.

Михаил Васильевич принес № 296 «Русских ведомостей» от 6 декабря со статьей Трегубова «Духоборы из Канады». Прочел вслух, Л. Н. кое-что дополнил.

Л. Н. про китайского религиозного учителя Ми-ти: Ми-ти..... *, а Конфуций, Мен-цзи были государственники. Мен-цзи с Ми-ти спорил, и Мен-цзи стал известен [1].

Сергеенко привез несколько времени тому назад семь больших томов русского перевода Талмуда, издание Сойкина.

Л. Н.: Трудно найти у какого-нибудь другого народа такую нелепую книгу, которая считается священной, как Талмуд. — Л. Н. открывал и читал вслух несколько мест. — Все безынтересное. В шести томах нет ничего, в седьмом есть маленькое нравственное учение «Пирке абот» [2], из него взято все что, что в «Круге чтения» (из Талмуда).

Л. Н. говорил Булыгину, что хочет посетить их в Хатунке — главное школу Анны Максимовны. И поручил передать ей, чтобы занялась обучением религии. Когда учишь, тогда невольно учишься. Потом Л. Н. говорил, что, кажется, он и Кропоткин одного и того же хотят, но от религиозного чувства к революционному дальше всего.

18 декабря. Александра Львовна спросила Л. Н., видел ли фотографию Маши, которую прислал Чертков.

Л. Н.: Какая хорошая! — но сказал, что не мог долго смотреть, отложил. Когда Л. Н. говорил это, прослезился.

Вчера Александра Львовна спросила отца, можно ли ей раз присутствовать при вечернем учении. Л. Н. с радостью согласился.

Л. Н. принес кипу книг, полученных от Синклера [1], и чешскую книгу «Cit náboženství» Клинеберга [2]. Пробовал в ней читать в разных местах по нескольку строк и после отдал мне просмотреть.

Л. Н. спрашивал Михаила Сергеевича, сколько теперь политических партий, потом чем «отличился» Кауфман, министр просвещения, на которого в иллюстрированном «Новом времени» карикатура.

Михаил Сергеевич: Он пошел на уступки студентам, но не умиротворил их [3].

Л. Н. читал сегодня в «Русских ведомостях» чье-то мнение, что либретто «Фауста» Гуно хорошее, а самая драма нехороша.

Л. Н.: С этим я вполне согласен, только молчу, довольно Шекспира.

Варвара Валерьяновна: Ругают тебя за критическую статью о нем.

Л. Н.: Никто внимательно ее не читает. Относятся к ней, как к оригинальному.

Михаил Сергеевич стал защищать первую часть «Фауста».

Л. Н.: Именно первая часть: брат Маргариты, Вагнер, Homunculus,

* Пропуск в подлиннике.—*Ред.*

склеп. Бог создал ангелов совершенными, они пали, а потом он создал людей, и люди пали, и потом все так и пошло. Объяснение ужасно нелепое, ни на чем не основанное, то, что он одной своей выдумкой этой хотел объяснить старинную выдумку.

Варвара Валерьяновна (*к Л. Н.— разговор об Ибсене*): Представь себе, что я Ибсена не читала.

Л. Н.: Мало потеряла.

Л. Н. негодовал, что за военные действия наказали Небогатова; говорил в том смысле, что не следует судить людей, идущих против дула пушек, за то, что не жертвовали жизнью [4].

Л. Н. (*Михаилу Сергеевичу*): Мой университет все увеличивается. Сегодня пришли старшие, под видом «за книжками». Но простояли урок и критически относились к нему. Я замышляю учить их, во-первых, метафизическо-религиозному, а потом практическо-нравственному: правдивости, не лгать, не пить. Сегодня им читал переделанного для них «Ассархадона» [5]. Сказку пересказали превосходно, но смысл, что *он* есть *я*,— тут путаница вышла. Один, самый меньшой, лучше всех. Какой мотив у него? Тщеславие, отличиться.

Л. Н. поздравил меня с наступающим новым годом (латинским).

Говорил про Марию Львовну. Софья Андреевна все думает о ней так, как будто она жива, готовится писать ей, посылать ей что-то. Л. Н., видимо, страдает, когда говорят про Марию Львовну.

19 декабря. У Л. Н. грипп. Вчера, обучая мальчиков, потерял голос. Не выходил.

Л. Н.: Мне досадно, что манкировал урок. Не готов.

Л. Н. читал сегодня газеты. В «Новом времени» прочел, что в одном Петербурге с Нового года стало выходить 700 газет и журналов; 125 из них закрыла полиция [1].

Варвара Валерьяновна спрашивала, какую газету ей выписать. «День» злой.

Л. Н.: Все газеты злые.

Варвара Валерьяновна защищала «Русские ведомости».

Л. Н.: Тоже злые, только умеют соблюсти приличие. А что такое «День»?

Варвара Валерьяновна: «Московские ведомости» в квадрате. Читала в монастыре *.

Л. Н.: Как в монастыре? Лучше бы свинину есть и водку пить, чем газеты читать.

Л. Н.: Эдисон изобрел бомбы, которые скалы дробят. И безопасно для бросающего. Это шаг, как изобретение пороха. Тогда думали, что войны прекратятся: подумать ⟨только⟩, после боев с холодным оружием, убивать с безопасностью для стреляющего. Забывают, что изобретаются приспособления для обороны. (Это Л. Н. говорил к тому, что пишут, что после этого изобретения Эдисона войны прекратятся.) [2]

Варвара Валерьяновна: Еще воздушные шары...

Л. Н.: Амфитеатров пишет, что и дирижабль там и там пробовали с успехом.

Л. Н. спросил меня о чешской книге «Čit náboženství». Мне нечего было ответить. Я не читал ее.

Л. Н. получил извещение С.-Петербургского Философского общества о предстоящем собрании 20 декабря. Сказал, что на нем протоиерей С. А. Соллертинский будет возражать на доклад Н. Г. Дебольского о том, что Христос был очень малообразованный, глупый человек.

---

* У своей матери-монахини Марии Николаевны, сестры Л. Н.

Л. Н. рассказал про американскую жизнь, про тамошние обманы, конкуренцию (и в нищенстве). По Эптону Синклеру заключил: «Tout comme chez nous» *.

— Хуже,— прибавил Михаил Сергеевич.

Вспоминали о Марии Львовне.

Л. Н.: Как быстро умерла! Я за ней знал один недостаток: ее любовь к Коле, который очень хороший человек и которого я люблю. Эта слабость нарушила цельность ее удивительного характера.

Л. Н.: У Толлемаха Синклера есть статья: «The Jew is implacable fol to the Christ». Прочтите, Душан Петрович. Отберите книги Толлемаха Синклера, в которых нет New Year's gift **, и пошлите ему. Я ему напишу [3].

Л. Н. о Талмуде. Юлия Ивановна посмотрела в словаре, что значит слово «Талмуд»: учение и изъяснение.

Л. Н.: Все шесть книг — невообразимая чепуха. Подробности — удивляешься, почему их так мало, если уж подробности. Есть одно короткое нравственное учение «Пирке абот».— Л. Н. пересказал из него три мысли и рассказы, которые вновь выбрал для «Круга чтения».

Софья Андреевна собиралась после семи месяцев в первый раз в Москву.

Л. Н. в темно-синем длинном теплом халате, сгорбленный, подошел ко мне:

— Слабость какая! Это по вашей части. Знобит, жару, вероятно, нет,— сказал он.

Михаил Сергеевич читал из «Московских ведомостей», которые привез Андрей Львович. Прочел о том, что теперь очередь за Победоносцевым — его убьют [4].

Л. Н.: Какие перемены в нашем представлении произошли! В моем представлении прежде министр казался важным. Теперь и имен не стараешься узнать, о Кауфмане, министре просвещения, только теперь услышал, что такой есть.

20 декабря. Л. Н. ночью не мог согреться, утром температура 36,4, пульс 90. Насморк, голос хриплый, невнятный, как при гриппе, одет в халат, остался в комнате.

Варвара Валерьяновна ходила в школу к Александре Львовне; ей очень нравится, как она ведет занятия: девочки, как они хорошо рассказали четвертый урок религиозно-нравственного учения Л. Н.!

Александра Львовна: Лучше, чем мальчики. На Рождестве только три дня хотят гулять, на четвертый явятся. Как они охотно учатся! Воюют за то, чтобы я им больше стихов задавала.

Третьего дня мальчики из конторы, где школа, растаскали книги из старой библиотеки. Александра Львовна не решалась сказать Л. Н., чтобы не огорчить его.

За обедом Варвара Валерьяновна рассказала про своих сыновей. Оба талантливые музыканты; жалела, что не отдала их в консерваторию.

Л. Н.: Успеешь.

Александра Львовна вспомнила, что Гольденвейзер говорит, что у него из 48 учеников ни одного талантливого.

Л. Н.: Талантливые не хотят подчиняться этой скучной работе. Вот Миша не пошел.

Л. Н. сегодня читал газеты и заметил, что Гофман играет сонату As-dur Вебера, которая лучше всех сонат Бетховена [1].

---

* «Всё, как у нас» (*франц.*).

** новогоднего подарка (*англ.*).

— Вебер, Моцарт, Шопен мелодичны. Бетховен — родоначальник безмелодичной музыки, Вагнера — у него ⟨Бетховена⟩ страсти. Бетховен самоуверенный был. Я недавно читал, что́ он о своей музыке говорил. У Гофмана в его игре ровность гаммы, каждая нота равносильна; он именно выдается этой твердостью игры. У Гольденвейзера ее нет. Из молодых русских композиторов выдается один Аренский, другие очень искусственные. Гольденвейзер играл что-то, я спросил, чье? Его. Было хорошо, но не выдающееся. Играют они все чудесно. Я удивляюсь,— продолжал Л. Н.,— что молодым не нравится Вебер; говорят, что он прост.— Все это Л. Н. говорил, отвечая на замечания Варвары Валерьяновны и Александры Львовны.

Александра Львовна пошла играть в свою комнату на фортепиано. Л. Н. открыл свою дверь.

Л. Н. читал пополудни газеты. В «Новом времени» от 17 декабря фельетон про необходимость строить Амурскую, севернее Байкала, железную дорогу [2].

Л. Н.: Очень решительная статья. Как они это знают, что необходима эта железная дорога?! Сегодня в «Мыслях мудрых людей» Лао-тзе: «Там, где великие мудрецы имеют власть, подданные не замечают их существевания. Там, где властвуют мудрецы, народ бывает привязан к ним и хвалит их. Там, где властвуют меньшие мудрецы, народ боится их, а там, где еще меньшие, народ презирает их» [3].

Михаил Сергеевич: Но этих — самых мудрых, которых не замечали, никогда не было.

Л. Н.: В Китае... и у нас было при церковном правлении, при Ярославах; народ жил своей жизнью, не замечал.

Варвара Валерьяновна: Теперь презирают.

Л. Н.: Теперь презирают. При Николае Павловиче боялись, при Петре хвалили.

Л. Н.: Я пересказал Лао-тзе по-своему, у него иначе. Есть мысли, которые ослабляют главное (неясно выражают). Так и буду переделывать и Лао-тзе, и Христа, и их имен не буду приводить.

Потом завязался разговор о политике, и Л. Н. спросил Михаила Сергеевича, какие есть партии, что такое «Союз русского народа», «Партия народной свободы» и т. д. Михаил Сергеевич разъяснял.

Л. Н.: Я это завтра, бог даст, забуду.— Встал и ушел в кабинет.

За чаем Л. Н. говорил, что в «Русских ведомостях», в статье о том, что́ читать молодежи, рекомендуют и его «Исповедь», «В чем моя вера» [4].—

—Следовало бы «Краткое изложение Евангелия», «Христианское учение»,—сказал Л. Н.— Странно, до чего мы дожили,— сказал он Михаилу Сергеевичу,— последние два года какие перемены!

Михаил Сергеевич: А во «Всемирном вестнике» (ноябрь) рядом с вашими сочинениями статья Ломброзо о вас [5]. — Прочел из нее кое-что вслух. Было тошно. Я не выдержал и сказал, что бездарнее, глупее Ломброзо никто не писал о Л. Н.

Л. Н. говорил о нем, что он неумный, необразованный человек.

Михаил Сергеевич: Тут, во «Всемирном вестнике», переведена Campanella «Civitas solis» [6]. Что это такое?

Л. Н.: Это такая мечта, утопия, устройства города.

21 декабря. Л. Н. ночью знобило. Утром 38,4. В 10 часов, несмотря на жар и на совет не вставать, сел в кресло в кабинете и читал. В час лег на кровать и спал до 6-ти. В 7 вечера — 37,3, в 11 ночи — 37,5. В 7 часов Л. Н. сидел на кровати, я воспользовался случаем, выслушал его, нигде хрипов. Жаловался на сильную головную боль и что никогда так плохо ему не было. В 8 просил укутать плечи — «опять жар», что-то серь-

езное, будет воспаление легких. Болей у Л. Н. в груди нет, но есть удушье и чувство в дыхательном горле, что оно ободрано.

Л. Н.: Смерти не боюсь, ничего, если помирать, ко всякой болезни готовлюсь, это хорошо, в мои года все может быть. — Охал постоянно. Вечером, в комнате Юлии Ивановны Андрей Львович прочел великолепно вслух «Метель» [1]. Восхищались художественными подробностями о лошадях, особенно Александра Львовна и Юлия Ивановна. Александра Львовна в это время входила к Л. Н.; вернувшись, сказала, что спросил, что́ читаем. — «Метель». — «Вот тебе раз!»

22 декабря. Утром приехала Софья Андреевна из Москвы, вечером М. М. Сухотин. Л. Н. мало спал ночью, но и мало кашлял и мало охал. Температура утром и вечером нормальная. В 11 часов ночи — 37,8. Появились хрипы в левом легком в нижней доле. В 2 часа пополудни Л. Н. встал и просидел до 8-ми. Диктовал Софье Андреевне английское письмо [1]. Весь день, несмотря на просьбы не говорить, много говорил с Софьей Андреевной, Александрой Львовной, Юлией Ивановной, Татьяной Львовной, М. М. Сухотиным, Варварой Валерьяновной и особенно долго с Михаилом Сергеевичем. В 11 потушил свет.

23 декабря. Ночью Л. Н. с трудом откашливался, охал, в 5 позвал меня, знобило его. Просил укутать ноги, плечи и накинуть пуховый халат на одеяло. Попил эмсу с молоком. Говорил, что были кошмары.

— Думаю, что освобождаюсь от жизни, и вы мне помогаете легко освобождаться. Пробираюсь из тюрьмы подземным ходом. Не даю вам спать; спасибо, голубчик; простите, что вас беспокою, — сказал Л. Н.

Температура утром 37,9, пульс 92. Днем стало Л. Н. легче. Не удержался и опять встал в 11, просидел до трех и лег. В 7 вечера опять встал. Александра Львовна говорила мне, что Л. Н. ей сказал: «Все к смерти ближе». Посмотрел на ее лицо, добавил: «Только вы не огорчайтесь этим».

Просил Мишу Сухотина прочесть ему вслух из газет об убийстве петербургского градоначальника Лауница. Л. Н. просил помассировать живот и сказал:

— Выздоравливаю и даже не желаю, то есть равнодушен к выздоравливанию. Правду сказал мудрец, смерть не хуже жизни. А когда раз спросили его: «Так почему же не помираешь?» — «Именно потому, что смерть не лучше жизни, одинаковы». — В 6-м часу стал мне диктовать «Круг чтения» (детский) (с 27 июля начиная).

Мария Александровна говорила, что болеть хорошо.

Л. Н.: Мне сегодня очень хорошо, а вчера было тяжко. В жару, был кошмар, idée fixe, которая не отступала. Я думал, что казни, ссылки — ничего не помогут. Надо бы⟨ло бы⟩ сослать всех студентов первого курса и всех гимназистов 7-го класса. Если же их сослать, тогда надо и гимназистов 6-го класса, а этим огорчатся гимназисты 5-го класса, когда их братья пострадают и будут революционнее. Кто же побудет в ссылке, будет считать своим долгом остаться революционером. А оставить студентов 1-го курса окончить курс, когда кончат университет, — большинство из них уже не революционеры.

Третьего дня Л. Н. говорил Михаилу Сергеевичу: «Очень трудно неправду не говорить. Кто пробует, тот знает это».

24 декабря. Сочельник. У Л. Н. утром — 36,9, вечером — 37. Кашляет легко и редко, бледен, слаб, вставал, продолжал вчерашнюю работу: детский «Круг чтения». Заснул в кресле и так проспал с 3-х до 5.30.

Софья Андреевна (*о Л. Н.*): До чего Л. Н. мнителен: ждал, что помрет! — Потом Софья Андреевна говорила, что Стасов писал Л. Н., что он (Л. Н.) виновник революции, он ее сделал [1].

Софья Андреевна (*за завтраком*): Л. Н. недоволен, что беспокоили Никитина. Что ему сказать, почему приезжает? Неприятно лгать.

Андрей Львович: Я ему сказал, что приезжает потому, что мы его позвали к нему и к Наташе, чтобы опять посмотрел ее, и что Никитин сам желал приехать на праздники.

Андрей Львович и Николай Леонидович уехали в Пирогово. За обедом: Л. Н., Софья Андреевна, Юлия Ивановна.

Юлия Ивановна говорила о том, какой глубокий снег, пыль еще не осела, и какой иней на деревьях. Непохожа на другие зимы.

Л. Н.: Ни одна зима на другую, ни лето на лето не бывают похожи. — И вспомнил: как раз на наст выпал иней, тогда он охотился и по следу заячьему пришел на место, где зайцу в инее негде было лечь. Вырыл яму под настом, ничего не было видно. Только постучишь — и он выпрыгнет прямо под нос.

Л. Н.: Удовольствие по насту ходить, можно куда хочешь.

Приехал Д. В. Никитин. Л. Н. рассказал ему про свою болезнь:

— Сила сопротивления была очень слаба; чувствовал, что могу помереть. А так как я к этому отношусь равнодушно, было приятно.

Дядя М. С. Сухотина, Катков и Леонтьев померли неожиданно для себя и врачей, скоропостижно (в гриппе).

Л. Н. говорил, что в тот день, когда ездил в Ясенки и простудился, было тепло, и поэтому он надел короткое пальто.

— Вечером в моей школе было 14 мальчиков, устал им говорить. Надо бы было преподавать им доступное, религиозно-нравственное учение. В каком они мраке да и я во мраке вырастал. Пьянство — гордятся этим. Вернулся к первой любви: к школе, к мальчикам. Какие орлы между ними! — сказал Л. Н. Хвалил Зябрева с большим лицом и Колю Ромашкина, который похож на Ваню.— Он перебивает других: «Давай я расскажу!»

Принесли почту, Л. Н. просматривал адреса: «Толстову» — это хорошее, «Толстому» — это хуже, «Его сиятельству» — это еще хуже. Л. Н. смотрел полученные письма, перелистывал, читал половину каждой страницы. Л. Н. спросил Дмитрия Васильевича, знает ли «Джунгли» Эптона Синклера. Дмитрий Васильевич читал часть в «Вестнике Европы» [2].

Л. Н.: Удивительная книга, автор социалист, такой же ограниченный, как все, но знаток жизни рабочих. Выставляет недостатки всей этой американской жизни. Не знаешь, где хуже (т. е. в России или в Америке). У этой книги трудный язык рабочих, термины.

Л. Н. спросил Дмитрия Васильевича про его брата-священника.

Дмитрий Васильевич: Его огорчают убийства, но признает и что-то доброе в революции: некоторые старые порядки нельзя удержать.

Л. Н. после короткого молчания:

— Юлия Ивановна — это исключительный экземпляр, не имеет никакого направления политического. Это редкий признак разумности. И без всякого усилия. Не принадлежит ни к одной политической партии.

На столе лежала книга Е. А. Берс [3] и книга Чамберлена «Евреи».

Л. Н.: А-а, это — Елизавета Андреевна! Это теперь эпидемия. Все знают, что нужно для блага человечества.

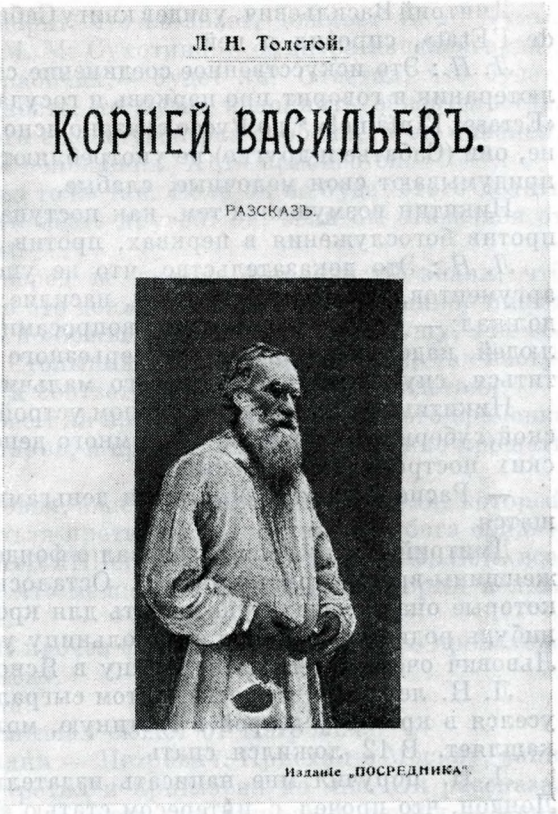
Л. Н. (*о книге «Евреи» Чамберлена*): Легкомысленная; будто бы историческое исследование — не обосновано.

Потом Л. Н. сел за шахматы и играл один, глаза блестели, видимо, жар усиливается. Ушел в кабинет.

25 декабря. Нет праздничного настроения, как и вчера не было. У Л. Н. утром 35,9, чувствует себя легче. Встал в 10 часов и сел в кабинете. Сначала читал «Новое время», потом писал за письменным столом.

Когда вставал, Дмитрий Васильевич выслушивал его. Л. Н. подчинился. Бронхит левого легкого нижней доли, сердце здорово. Дмитрий Васильевич остерегал Л. Н. неосторожно выходить из дому, может приключиться

Л. Н. ТОЛСТОЙ. РАССКАЗ «КОРНЕЙ ВАСИЛЬЕВ». Издание «Посредника» Москва, 1906 Обложка



пневмония. Советовал на то место днем ватную подушку, на ночь компресс. Я принес ватную подушку.

Л. Н.: Нет, не надо! Я вам очень благодарен за старания, но не верю в ваши советы. Знаю, что общее телесное состояние очень важно, но в ваши точки прикосновения не верю. В этом мы не сойдемся, потому что ваша жизнь вся на это пошла, а моя обратно.

Пополудни просил поискать английский журнал «Crank», в котором первые восемь глав статьи «The Earth for All» by F. E. Worland [1].

Л. Н.: «Crank» («Ворот») — маленький журнал может большой ворот сделать. — Л. Н. разговорился про ум, что понятие ума у крестьян другое, чем у господ:

— Крестьяне говорят, что тот умный человек, который ведет хорошую жизнь, а мы смотрим иначе: признаем человека умным, хоть и дурно живет.

Софья Андреевна удивлялась уму Кони.

Л. Н.: Я не такого мнения, он хороший человек, но очень тщеславный.

Разговор о священниках, каких Михаил Сергеевич помнит. Теперь курят. Андрей Львович сказал, что он в ресторане видел священника.

Л. Н.: Нельзя было себе представить священника курящего.

Михаил Сергеевич: С год, как запретили священникам поступать на медицинские и естественные курсы, потому что там проливают кровь.

Л. Н.: Это по существу священнического звания — нельзя хирургические операции делать, но это такое, что законом запрещать нельзя.

Л. Н.: Плутарх говорит, что люди страдают от двух зол: от атеизма и от суеверия [2].

Дмитрий Васильевич, увидев книгу Сабатье «Sur la séparation de l'Eglise de l'Etat», спросил о ней.

Л. Н.: Это искусственное соединение статей в одну книгу. Сабатье — лютеранин и говорит про церковь и государство. Когда от Вольтера с его «Ecrasez l'infâme!» * до Руссо сказано ясно, что церковь зиждется на обмане, они (Сабатье и другие) не употребляют старых сильных аргументов, а придумывают свои мелочные, слабые.

Никитин возмущался тем, как поступало французское правительство против богослужения в церквах, против прихожан.

Л. Н.: Это доказательство, что не употребляют сильных, разумных аргументов, а слабые аргументы, насилие. — Через некоторое время продолжал: — Чтобы заниматься вопросами, которые теперь интересуют людей, надо выйти из области серьезного мышления и спуститься, спуститься, спуститься до 13-летнего мальчика.

Никитин рассказал о роскошном устройстве больницы где-то в Московской губернии. У земства было много денег. Л. Н. заговорил о петелинских постройках ** и сказал:

— Распоряжаются большими деньгами, у них деньги в руках ворошатся.

Дмитрий Васильевич рассказал о фонде для больницы или для школы женщины-врача Архангельской. Осталось 12 тысяч рублей после нее, которые она завещала употребить для крестьян. Л. Н. советовал какой-нибудь родильный приют или больницу устроить на эти деньги. Андрей Львович очень стоял за больницу в Ясной Поляне.

Л. Н. лежал на кушетке, потом сыграл в шахматы за столом, а потом уселся в кресло у дверей в гостиную, молча; я заметил, что он больше кашляет. В 12 ложился спать.

Л. Н. поручил мне написать издателю «The Crank» C. W. Daniel в Лондон, что прочел с интересом статью «The Earth for all» (F. E. Worland) в «The Crank» за декабрь 1906 г. Хотел бы прочесть первую часть ее. Просит прислать ему номера «The Crank», содержащие ее [3].

26 декабря. Утром Л. Н. хотел, чтобы его выслушали. Дмитрий Васильевич нашел хрипов меньше. Л. Н. компрессом был недоволен, подушку ватную принял и сказал:

— Благодарю вас, доктора милые, только это ни к чему, разнежит.

Просили Л. Н. не выходить раньше, как через дня четыре. Он желал сегодня. Говорил, что шатался от болезни и, когда садился, — плюхнулся; что старость — не постоянный упадок телесных и духовных сил, а временный, становящийся все чаще и чаще. В молодости мог всегда заниматься, один раз в два месяца не мог, теперь может только иногда.

Показал нам диаграмму, которую сочинил ночью. Свойства характера: чуткость (перенесение себя в другого) — тупость; ум — глупость; страстность (энергия) — апатия; смирение — самодовольство [1].

И вел кривую Пушкина, Марии Львовны. Доволен тем, что болел; любит, как Мария Александровна, болеть.

В 10.30 Л. Н. вышел в сапогах и халате в залу. Поздоровался с приехавшим Сергеем Львовичем и Марией Николаевной. Писем с почты, для Л. Н., как и вчера, не было. Я получил от Трегубова письмо Молочникова к П. А. Столыпину, написанное под впечатлением «Божеского и человеческого». Л. Н. просил вслух прочесть.

— Письмо хорошее, только об орденах выкинуть из него [2], — сказал он.

Сергей Львович: Я вчера говорил с Дмитрием Адамовичем Олсуфьевым, он был у Столыпина. Ему совсем не ордена нужны, а он считает своим

* «Раздавите гадину!» (*франц.*).

** Земская больница для душевнобольных в десяти верстах от Тулы. Устройство ее обошлось очень дорого.

долгом делать, что делает. Говорит, что не знает, доживет ли до Думы.

Л. Н.: Я спросил Мишу (М. М. Сухотина — офицера-кавалергарда), если ему придется усмирять рабочих,— будет ли? Ответил, что будет; что раз поступил в эту должность, то будет исполнять обязательства, вытекающие из нее. Потом я его еще другой раз спросил, и он признал, что его убеждение — следствие положения. Хоть признается.

Сергей Львович: У Столыпина тоже так. Если он не будет этого делать (усмирять, казнить), займет его место другой; он, если бы отказался от казней, ничего не изменил бы.

Л. Н.: Что произойдет, вперед не знаем. Жирондисты знали, что̀ произойдет? Грамотный человек это должен признать. Молочников пишет Столыпину, чтобы он поступил по-божьи, имея в виду свою душу, а не общественное устройство. И если Столыпин..... * Федор-истопник так поступит, как совесть велит, будут и соответственные этому последствия.

Сергей Львович спросил, может ли прочесть вслух из «Нового времени» (24 декабря), что̀ пишет Меньшиков, и прочел, что 490 раз можно прощать врагу, один раз нельзя [3].

Л. Н.: Это мы, Душан Петрович, знаем английского писателя, который пишет: «Если меня обидят, нельзя противиться злу, но если бога обидят, тогда можно». Меньшиков и Croft Hiller решают, когда можно. Есть все-таки что-то — Христов закон, что мешает людям, через который нельзя перешагнуть, как ни хочется.

Вечером, после обеда, Л. Н. прочел статью Бриллиантова о происхождении рассказа «Чем люди живы».

Софья Андреевна возразила:

— Нет. Лев Николаевич слышал сюжет от Петровича.

Л. Н.: Был такой певец былин — Петрович. Приехал в Москву, записывали его былины. Я его встретил и пригласил ко мне. Он рассказал легенду «Чем люди живы». Я соединил тут несколько легенд,— жена, которая умирала... [4] Его портрет был в «Русской старине». Он сам сапожник, длинная борода...

Сергей Львович предложил Л. Н. исторические книги («Русскую старину» и т. д.). Л. Н. поблагодарил.

— Я оставил планы историко-романические, пора умирать,— сказал он.

Мария Николаевна говорила, что ее отец — спирит и что, по ее мнению, в спириты идут люди, у которых есть религиозные требования.

Л. Н. согласился и привел пример Люси Малори, и вспомнил про Софью Кошевскую, которая писала ему по поводу смерти Маши и писала, что была раньше революционеркой-анархисткой, радовалась убийствам, потом «толстоянка», теперь нашла удовлетворение в спиритизме [5].

— Спиритизм начался лет 50 тому назад. Я был тогда на Кавказе,— сказал Л. Н.

Говорили о распространении спиритизма. Л. Н. сказал, что получил недавно список книжного магазина немецких книг о спиритизме, более 200 названий.

Л. Н. дал Дмитрию Васильевичу прочесть письмо крестьянина и очень хвалил его как человека, находящегося на верном пути [6].

27 декабря. Л. Н-чу лучше. Пополудни были Сухотины. Л. Н. показывал Михаилу Сергеевичу одно место в «Essais» par Montaigne, а Михаил Сергеевич Л. Н-чу говорил о книге Герье о Государственной думе:

— Хорошая книга. Не приводит имен ораторов (это Л. Н. одобрил). Указывает, что Дума не была способна сделать что-нибудь, так как все силы израсходовала на захват власти в свои руки [1]. Герье — историк.

Андрей Львович хвалил письмо Л. Н. к государю 1862 г. об обыске

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

в Ясной, которое приведено в статье «Всемирного вестника», №№ 6—7 [2]. Но говорил, что учителя должны были быть подозрительны полиции потому-то и потому-то.

Л. Н.: Это были студенты, которые были исключены из Московского университета. Были страстно заняты школьным делом. Никогда никаких политических разговоров не было.

Вчера говорил по этому поводу, что сыщик доносил на него и учителей. Как они (полицейские власти) могут раздуть дело! Они были смирные [3].

Л. Н. играл в шахматы с Михаилом Сергеевичем, потом сидел молча в кресле у двери в гостиную. Л. Н. сегодня написал десять писем [4]. Занят двумя работами: «Кругом чтения» и новой переработкой для детей без имен авторов.

— Трудная работа, иногда кажется, что не осилишь,— сказал он.

Я спросил, могу ли принести мысли чешских писателей: Гуса, Хельчицкого, Юнгмана, Сметаны, Коллара, Масарика, Гавличка. Они были собраны для «Круга чтения» 1-го издания, но я не успел вовремя перевести на русский. Л. Н. с радостью согласился и стал читать их, но, кажется, очень мало нашел в них подходящего.

28 декабря. Вечером приехал П. А. Сергеенко, привез газету «Утро» с известием об убийстве военного прокурора Павлова [1]. Рассказал про самоубийство адской машиной человека, нанявшего номера в «Гранд-отеле» в Петербурге.

Л. Н. сказал, что у революционеров идет большая работа: так часты выдающиеся покушения — на днях Лауница. Удается одно из 20-ти, к которым делают приготовления.

Разговор об эпилепсии: о том, что детям нельзя смотреть на припадки.

Л. Н.: Она гипнотически заразительна. В Казани француз рассказывал нам про припадки, и тут Николай (брат) со стула упал. Был очень впечатлителен.

Л. Н. говорил о «Круге чтения» — что некоторые изречения изменяет и имена авторов опускает. Сергей Львович сожалел, что не будет имен авторов. Так можно было бы отыскивать источники, читать их.

Л. Н.: Важно то, что разные люди, разных времен сходятся в одном.

П. А. Сергеенко рассказал, кто читает «Круг чтения». Посетил великого князя Николая Михайловича. Тот его каждый день читает. Николай Михайлович расспрашивал про Л. Н., жалел, что Л. Н. прекратил с ним переписку (но Л. Н. с тех пор писал — кажется, отвечал ему). Был к Петру Алексеевичу очень сердечен, прост, радушно усадил его в свое кресло. Петр Алексеевич пробыл у него полтора часа, не употребив в разговоре ни разу титула. Николай Михайлович проводил его до подъезда. Л. Н. известия о Николае Михайловиче были приятны, был им рад.

Разговор о революционерах.

Л. Н. об огульном недовольстве революционеров: «Мы знаем что-то такое и кто-то мешает нам».

У Л. Н. бронхит распространился на правую сторону. Перебои. Л. Н. очень слаб.

29 декабря. Л. Н. встал и в 8.30 вышел в залу и поговорил с Сергеенко. Днем писал дневник, 12 страниц, и старался не разговаривать. Сергеенко показывал фотографии Л. Н-ча свои и увеличенные чертковские. Все восхищались ими. И фотографии, приготовленные к его сочинению, которое надеется в скором времени издать: «Как живет русский народ». Снимки же летних крестьянских работ особенно всем понравились. Затевает великое, интересное дело: изобразить словом и фотографиями, как проходит жизнь русского народа от рождения до могилы. Петр Алексеевич рассказал план своей работы, Л. Н. одобрил.

Разговор об общем знакомом Сергеенко и Л. Н-ча — Ольденбурге, знатоке буддизма.

Л. Н. (*о нем*): Он один из тех городских жителей, которые как приедут в деревню, приходят в экстаз, по траве валяются. Перепрыгивал Ясенку и попал в нее [1].

Л. Н. спросил про Рамакришну. Сергеенко рассказал, что̀ знал. Л. Н. о легендах, баснях, апологиях разных народов сказал, что желал бы их иметь и выбрать из них художественные иллюстрации к религиозно-нравственному учению (в детский «Круг чтения»). Сергеенко советовал Л. Н. буддистские, между прочим, и японские сказки и легенды.

Л. Н.: У японцев ничего нет, «Буши-до» — ужасно.

Сергеенко: Есть золотые китайские сказки про птиц. — Спросил Л. Н-ча хочет ли их? И говорил, что Волынский занимается сказками разных народов. Рекомендовал еще христианские легенды апокрифических Евангелий.

Л. Н.: Христианские легенды апокрифических Евангелий ужасно плохи.

Разговор о письме Снегирева к Софье Андреевне; между прочим, пишет о крестьянах, что никто не берет землю в аренду и т. п., и делает обобщения [2].

Л. Н.: Ни в чем так легко люди не заблуждаются, как в числах. Найдется 300 людей из 150 миллионов, которые делают то-то и то-то, и обобщение будет: все делают.

Сергеенко спрашивал Л. Н. про Герцена: какое впечатление.

Л. Н.: Самое приятное [3].

Сергеенко: Панаев говорил, что вы с Тургеневым и Герценом...

Л. Н.: Никогда одновременно не был вместе с Герценом и Тургеневым.

Софья Андреевна: Много врут (про Л. Н.).

Л. Н. говорил, что сегодня прочел несколько рассказов Куприна. Одна вещица (кажется, Л. Н. сказал: «Поединок») — превосходная [4].

Французский телеграфный запрос Черткова о здоровье. Л. Н. поручил Марии Николаевне ответить по-французски же; потом заметил:

— Душан Петрович говорил, что можно писать телеграммы по-русски чешской транскрипцией. Так можно ответить просто: «Vyzdoravlivaju» [5].

30 декабря. Утром Л. Н. говорил с Сергеенко о писателях — Куприне и других.

Л. Н.: Если надо искать сюжеты, — плохо. Они должны быть неотвязчивы (сами навязываются) до того, что нельзя не писать о них.

Сергеенко уехал в 11 утра. Мороз минус 22° Реомюра.

Л. Н. в халате, говорил мало.

За обедом Мария Николаевна заговорила о Куприне, о рассказе «Река жизни».

Л. Н.: Никакого сравнения нет, у него больше таланта, чем у Горького, не говоря уж об Андрееве.

Потом Л. Н. говорил про рассказ Куприна «Разбойник кается» — человек поставил дом для странников, поливал головешки, — так жил лет двадцать. Раз с одним человеком погорячился и убил его. Тут головешка его расцвела. Потом узнал, что этот человек был предатель.

— Прямо дурно, скверно, — сказал Л. Н. об этом [1].

Л. Н. спросил Марию Николаевну, есть ли в Москве светское общество, le monde.

Мария Николаевна: Нет. Разъехались.

Л. Н.: Le monde, собрания, балы — раньше импонировало, все (богатые купцы и прочие) старались попасть туда. Теперь не нуждаются в нем.

Мария Николаевна и Сергей Львович: У купцов свое общество.

Л. Н.: Они гораздо нравственно чище, чем дворяне — те, которых я знаю: Дунаевы, Прохоровы, Абрикосовы, Коншин, сосед Михаила Сергеевича — Горбов.

Сергей Львович не согласился, что они нравственно чище, и сказал:

— Дворяне теперь нравственнее стали или разделились на безнравственных и менее безнравственных.

Л. Н.: Нравственная чистота известного типа, которой в дворянстве нет.

Л. Н. (*Сергею Львовичу, Марии Николаевне и мне*): Получил письмо от офицера, почему поддерживают Кудрина и что письмо мое к нему и «Круг чтения» у коменданта, не дали ему [2]. Наживин прилагает письмо без подписи. Пишет о трех отказавшихся, нам неизвестных [3]. Про десятерых мы знаем; оказывается, их гораздо больше. Строго относятся к этому, старательно скрывают.

Л. Н.: Две немецкие книги получил об отказах: одну из Швейцарии, а вчера другую из Потсдама: «Die Verweigerung des Heerdienstes... in der Geschichte der Menscheit». Herman Wetzel. Selbstverlag. Potsdam, 1905. Spandauerstr. 28 [4].

Л. Н. писал сегодня «Круг чтения» для детей. Еще говорили о рассказах Куприна, как они хороши. Мария Николаевна рассказывала про Литву, сколько там языков в обиходе: жмудский, литовский, польский, немецкий, еврейский жаргон.

Л. Н.: А который общий, как на Кавказе татарский?

— Польский. А с прошлого года, как правительство перестало навязывать русский язык, стали по-русски говорить. Они знали по-русски, но на суде говорили, что не знают (суды русские) и требовали переводчиков. Мария Николаевна рассказывала, как навязывали русский язык. С учеников гимназии брали подписку, чтобы они дома говорили по-русски.

Л. Н.: Какая глупость. Эх!

Мария Николаевна спросила Л. Н., откуда он взял польские фразы в рассказе «За что?»

Л. Н.: Кое-что по-польски сам знаю,— и привел несколько польских пословиц и стихов. Спросил, что такое «chmara»: сновидение? Потом вспомнил про мордву. В Самарской губернии с Софьей Андреевной ночевали у мордвинов. Хозяин красивый, крепкий, умел по-русски, женщины не знали. Хороший народ.

Сергей Львович: Между духоборами есть мордва, происходят из Тамбовской губернии. Планидин тоже на мордвина похож. Жаль, не спросили, не мордвин ли. Старушки в Канаде еще говорят по-мордовски.

Кто-то: Планидин и по-татарски хорошо говорит.

Сергей Львович: Они все в Константинополе перекликались с лодочниками-турками. Они и теперь в Константинополь недаром поехали: наверно, хотят узнать про Турцию, не переселиться ли им туда. Они хотели туда. Если бы не ты, папа, и не Чертков, они бы переселились туда.

31 декабря. Утром 25° Реомюра. Л. Н. слаб. Встал в 9. Гостей не было. За дневным чаем Л. Н. попросил книгу Вентцеля, посмотрел и похвалил [1]. Спросил Татьяну Львовну про роман Humphry Ward, который она читает, и попросил его: хочет почитать что-нибудь, только не политическое. Сергей Львович предложил ему что-то новое Пьера Лоти.

Л. Н.: Пьера Лоти не люблю, у него из-за многословия не видно ничего, красивый слог заслоняет содержание. Плутарх говорил о таких писателях..... * — И Л. Н. привел изречение Плутарха и назвал то сочинение, из которого оно взято [2], и сказал: Плутарх был ограниченный, но для своего времени образованный и очень нравственный человек. Он был

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

грек, жил в Риме в конце первого века. Проповедовал вегетарианство и очень сильно то, чтобы матери сами кормили своих детей. Все глубже и глубже: Монтень, Плутарх, Диоген, Лаэрт (Диоген Лаэртский).

Кто-то спросил, вспоминает ли Плутарх о Христе.

Л. Н.: Нет.

Михаил Сергеевич: У Тацита есть о Христе десять строк. У Цельза: «Маленький рыжий человек». Ге, вероятно, по нему нарисовал Христа, когда его оплевывают [3]. У Флавия...

Л. Н.: Подложность Флавия доказана.

Михаил Сергеевич о «Конокрадах» Куприна: «Сильно».— Рассказывал подробности; между прочим, у убитого висит глаз.

— Это что,— проговорил Л. Н., не одобряя, и махнул рукой. И похвалил «Мирное житие» (рассказ из III тома Куприна, издание «Мир божий», 1906 г.).— Превосходно... Переживаешь. Поэзия церковного богослужения.

Разговор о труде Сергеенко «Как живет русский народ». Л. Н. очень одобряет эту затею. Сергеенко обращается в тексте к своему брату-интеллигенту, а следовало бы обращаться к рабочему народу и писать просто, как артель собирается, берет работу и работает. Это подкрепит его (народ). Увидят, что относится легкомысленно к такому серьезному делу. Текст к иллюстрациям, а не наоборот,— например, пожар и постройка деревни.

Л. Н. читал сегодня в «Новом времени», что в трех местностях, где был голод, выпили больше водки, чем раньше [4].

Сергей Львович искал причину этого, во-первых, в том, что не смеют выдавать пособие одним голодным, а выдают, и прежде зажиточным; во-вторых, что бедные пьют от голода и холода. Еще Л. Н. упомянул из прочитанного в «Новом времени», что папа запретил вводить славянскую литургию в те приходы, где ее до сих пор не было. (Это относится главным образом, к Далмации, Истрии.) [5]

Михаил Сергеевич мне говорил, что прочел Л. Н-чу свой ответ «Партии обновления», почему не вступает в нее. Л. Н-чу понравился.

Вечером за чаем Л. Н. говорил о греческом языке, что он лучше читает по-гречески, чем по-латыни, в Монтене пропускает латинские цитаты. Греческий учил в то время, когда болел ревматизмом колена. Упражнялся очень много и выучился быстро.

Михаил Сергеевич: Как быстро, в два месяца?

Л. Н. поддакнул и дальше говорил, что Леонтьев *, когда услышал о его намерении учиться по-гречески, сказал, что и Жуковский хотел учиться,— ничего не выйдет. Потом же удивлялся успеху [6]. Про Леонтьева говорил, что он не был ему неприятен.

— Катков мне всегда был противен,— сказал Л. Н. Раз Л. Н. стоял с Леонтьевым, и пришла мать с 13-летним гимназистом просить отпустить его. Леонтьев отпустил, и гимназист взял его руку и поцеловал, а Леонтьев протянул ее, как поп. Л. Н. это огорчило.

Принесли книгу Pierre Loti «Désenchantées» [7].

Л. Н. (*Юлии Ивановне*): Посмотрите на его лицо.

Юлия Ивановна: Грубое.

Л. Н.: Не люблю я Лоти; чувствую, что не дочитаю.

Сергей Львович вспомнил Feuillet.

Л. Н.: В старости читать про любовь скучно. У французов романы загромождены любовными сценами, и потому их романы неприятны. У англичан — Диккенса, Теккерея — описаны спорт, парламент и другое, а любовному отведено меньше значения и места.

---

* Речь идет о П. М. Леонтьеве.

1907

1 января. Понедельник. В Ясной: Софья Андреевна, Л. Н., Сухотины (Михаил Сергеевич, Татьяна Львовна с Танечкой, Михаил, Сергей, Наташа, Аля, Дорик), Александра Львовна, Сергей Львович с Марией Николаевной, Юлия Ивановна.

Л. Н. как вчера, так и сегодня утром не чувствовал перебоев. Пополудни плохо чувствовал себя. За дневным чаем Л. Н. больше молчал. Вечером были встревожены угнетенностью Л. Н. Его знобило — 37,8. В 11 лег, выпив липового чаю.

2 января. У Л. Н. ухудшение — возобновление инфлюэнцы: голова болит, невралгия верхней левой челюсти, подавленное состояние, целый день ничего не ел. Л. Н. сидел у себя или в кресле около двери гостиной; Софья Андреевна взволнована ухудшениями. Александра Львовна поехала в Москву на урок фортепиано к Гольденвейзеру. Днем приехали Николай Леонидович, Мария Александровна. У меня было очень много больных.

3 января. Ночью Л. Н. почти совсем не спал от невралгических болей в скулах, пять раз звал к себе. С утра до часу дня дремал. Температура между 37,5—38,2. Была А. М. Булыгина, читала Л. Н. свои стихи про сына, которому предстоит призыв на военную службу. Софья Андреевна ужасно взволновалась, что беспокоят Л. Н., и весь день был отравлен. Известие от Черткова, что умер Кросби, огорчило Л. Н. и всех нас. Мария Александровна рассказала мне про вчерашний день. Увидала Л. Н. утром, когда приехала. Он ей сказал про болезнь: «Как, должно быть, все подвигаюсь в дальний путь», и поторопился уйти. Мария Александровна села читать письмо Л. Н. к Стаховичу [1]. Л. Н. возвратился: «А я, Марья Александровна, забыл спросить, как вы себя чувствуете. Думаю все о «Круге чтения» детском, это работа очень хорошая». Затем он сейчас же ушел. Только вечером пришел в залу и все время дремал в кресле.

4 января. Л. Н. больнее вчерашнего. С 10 до 4-х выбирал для Картушина к «Что такое религия» из «Единого на потребу» (около 20 страниц), из «Круга чтения», «О вере» и письма Фрею [1]. Потом продиктовал Александре Львовне письма Черткову и Ивану Ивановичу. (Ивану Ивановичу о ругательных письмах, которые присылает ему Великанов.) Софья Андреевна встревожена состоянием Л. Н.; говорит, что Л. Н. ей говорил, что умрет. В 6 часов вечера у Л. Н. — 38,5. Л. Н. в удрученном состоянии, и письмо к Ивану Ивановичу немного раздраженное [2].

5 и 6 января. У Л. Н. кашель утихает, жару нет, сам слаб, из кабинета не выходит, больше читает. Если пишет, то больше диктует Александре Львовне. Настроение у него серьезное, грустное. Заходят к нему поговорить, особенно Михаил Сергеевич и Татьяна Львовна. Читает Гомера в русском переводе Гнедича [1] и находит в нем такие красоты, которые он раньше не замечал, так как другие их часто повторяли и им подражали.

Читает и газеты — позволяет себе из-за плохого здоровья, слабости. Шахматы с Михаилом Сергеевичем в кабинете. Ложится в 12, встает в 10.

7 января. Сильный мороз — 27° Реомюра. У Л. Н. бронхит лучше, насморк хуже. Сидел в кабинете; кажется, ничего не писал, а может быть, «Круг чтения» для детей. Был рад, когда к нему заходили; спрашивал обо мне, так что и я зашел, присел и поговорил с ним о здоровье. Вечером вышел на четверть часа в зал. Просил найти ему «Leaves of Grass» by Walt Whitman и в словаре Брокгауза об Уитмене [1]. Вчера Андрей Львович уехал в Тулу. Поступает на службу к губернатору.

Л. Н. говорил о своем путешествии по Франции, Германии [2]:

— С земледельческим народом везде чувствуешь себя близким.

Об учителях Южной Германии и Южной Франции сказал:

— Они просты, не оторвались от земледелия. Около Киссингена учитель — у него две здоровые красивые девушки — с радостью сообщил, что у него «zwei Kühe gekalbt» *. Наши учителя — несамостоятельные.

Сергей Львович: Их труд малооплачиваем. Положим, заняты в году 120 дней, прочие дни могут работать, как в Канаде. В Германии лучше обучают.

Л. Н.: Не сказал бы. Там дисциплина, а при ней подавляются возбуждение, свобода, желание (энергия), при которых появляются восприимчивость и выделяются самые оживленные, способные (ученики). — И привел примеры из теперешней своей школы.

Л. Н.: Ауэрбах — народник, маленький, крепенький, живой [3].

Л. Н. вспомнил с неприятным чувством чьи-то слова, произнесенные с презрением, о писаниях Ауэрбаха: «Judenliteratur» **.

8 января. Л. Н. день провел в кабинете, больше читал и беседовал. В 11 часов дня уехали Сергей Львович с Марией Николаевной. Софья Андреевна читала «историю своей жизни», 1877 г., Михаилу Сергеевичу, которому очень понравилась [1]. Софья Андреевна жаловалась, что ей теперь все труднее и труднее вспоминается и пишется. Михаил Сергеевич говорил про свои Записки, что хочет, чтобы они появились только после его смерти [2].

9 января. Л. Н. отлично спал. Бронхит в правом легком почти совсем исчез. Л. Н. держал в руках и подал мне книгу: «The Rise of Man» by Will Marabell [1]. Сказал:

— Сегодня получил книжку, хорошо переплетена. Противоположное Дарвину. Что теперь печатается, боже мой!

Л. Н. не выходил из кабинета; температура доходит до 37,1. От Великанова Л. Н. получает всё ругательные письма. Возвращает их нераспечатанными через Ивана Ивановича.

Л. Н.: Сегодня письмо учителя. Тип. С презрением ⟨смотрит⟩ на народ, на свое занятие. Метит в город, на курсы.

10 января. Все эти дни Софья Андреевна была ужасно нервна и тревожна из-за болезни Л. Н., как обыкновенно, когда болеет Л. Н.

Л. Н. (*мне*): Какое странное недоразумение — Софья Андреевна и вы; а мне, правду сказать, скорее радостно, когда идет к концу. Смерть есть желанное завершение жизни для человека, живущего духовной жизнью: освобождение от страстей, уяснение сознания бога. Такое же продолжение ⟨жизни?⟩, как для Али то, чтобы усы выросли, чтобы стал мужчиной. Тут ничего страшного нет. Разумеется, не надо брать кинжал, самому прекращать ее (жизнь). В смерти ничего дурного нет.

---

* «две коровы отелились» (*нем.*).

** «Еврейская писанина» (*нем.*).

Придя к завтраку, нашел Л. Н. сидящим в кресле в зале. Я утром говорил Л. Н., что Шкарван хочет издать в немецком переводе «Письмо к китайцу» и спрашивает, что прибавить к нему. Л. Н. теперь посоветовал: изложение учения Конфуция, им выбранные изречения (места) из Лао-тзе, Конфуция и китайской мудрости. Лао-тзе (целиком) прибавить. Л. Н. с Е. И. Поповым переводил Лао-тзе «Тао-те-Кинг» с английского, французского переводов и перевели до половины [1].

— Надо поискать, только не знаю, где оно будет,— сказал Л. Н.

Проходившая мимо Софья Андреевна вставила:

— Он, наверно, увез с собой.

Л. Н. издал тихий, мучительный вздох, которого Софья Андреевна не слышала: «Ах, боже!» (Тяжело было ему, что можно было заподозрить Евгения Ивановича.)

И начал говорить про Лао-тзе:

— Как странно, что он остается неизвестен — такой глубины (мыслитель), и китайское облачение (речь, письмо). Кониси очень плохо перевел его [2]. Его перевести надо, чтобы был философский ум, и не испорченный толкованиями. Так, как у нас к переводу Евангелия требуется теологическое образование, так и у них есть испорченное готовое толкование.

— Только Лев Николаевич Лао-тзе вряд ли найдет, — сказал Николай Леонидович.— Мы с Машей разбирали его рукописи, Лао-тзе там нет.

Юлия Ивановна подтвердила.

11 января. Утром Л. Н. гулял по своим комнатам. Я принес ему письма. Л. Н. просил газету новейшую (т. е. «Русские ведомости»). Я принес «Новое время» и «Русское слово», но Л. Н. «Русское слово» не взял, избегал дотронуться до него и сказал, что чувствует отвращение к нему.

Когда я вечером в 10.30 пришел к чаю, Л. Н. читал вслух Шоу («Man and Superman»), читал, переводя по-русски, с остановками и недоумением, очень скоро бросил [1].

Разговор. Татьяна Львовна рассказывала про Тулу, где была. Варшавер ей говорил, что жаль Думы, показавшей Горемыкину, что он просто человек, и где заседали такие люди, как Ковалевский, Аладьин; таких больше не будет.

Михаил Сергеевич заговорил о завтрашней поездке в Москву.

Л. Н.: Узнайте у Дунаева, как действует на Ивана Ивановича закрытие типографии [2]. Арестовали Суткового, Чуракова. Мария Александровна мне писала.

Л. Н., когда наступила тишина, произнес в раздумье:

— Уж книга-то! (Шоу). Искусственно, пóшло!

Л. Н. про пожар в гостинице в Петербурге. Пострадали пожарные, обморозив себя,— было минус 23°.

— В Нью-Йорке есть команда пожарных-добровольцев из богатых людей,— сказал Л. Н.— Прекрасно! Какие геройские подвиги совершают пожарные...

Л. Н. читал длинное письмо Евгения Ивановича [3] и после лег спать, в три четверти 12-го.

12 января.

Л. Н. (*утром*): Мучусь Шоу (его драмой). Хочу написать о нем основательно, написать Черткову. Какой низменный! Каламбуры, аллитерации.

Л. Н. (*за чаем*): Дочел драму Шоу, нашел выражение про него: «He has got more brains than is good for him» *[1]. Ужасно остроумно и дурного вкуса.

---

* «У него больше ума, чем ему нужно» (*англ.*).

ВЪЕЗД В ЯСНУЮ ПОЛЯНУ
Фотография К. Буллы, 1908

Л. Н. (*мне*): Кросби умер в инфлюэнце, от воспаления легких, в 48 часов. Все время легко себя чувствовал.

Его сестра писала Кокреллу (секретарь Морриса, был у Л. Н. два года тому назад и понравился ему). И Кокрелл послал ее письмо Л. Н-чу [2].

Л. Н. (*раздеваясь и ложась спать*): Я жив, а Кросби умер.— После паузы: — Какая новая болезнь, инфлюэнца, появилась.

Я: Она давно, название новое. Вы в «Войне и мире» упоминаете грипп [3].

Л. Н.: Но инфлюэнца с компликациями *.— После новой паузы: — Я выздоравливаю.

Сегодня утром мороз меньше, не переступает 20°, как все последние 14 дней. Приехала Мария Александровна.

Л. Н. гораздо бодрее, но голос у него очень слаб.

Разговор про какую-то женщину, которая в 60 лет вышла замуж. Женская потребность проявилась.

— Вот Элиот. Мне всегда обидно [4],— заметил Л. Н.

Л. Н. о ком-то (Шоу?) с недоумением:

— Баньяна ставит выше Диккенса. Шоу и умен и остроумен, а Диккенса и Шеридана вместе ставит. Он говорит про серьезные вопросы, а одной какой-нибудь шуткой свернет в сторону — теряешь всякое уважение к нему.

Софья Андреевна про свои Записки. Сегодня ей хорошо работается. Еще надо три года жизни и здоровья, чтобы кончить их. Вспоминала, когда играли то ту, то другую пьесу, о драмах Островского.

Л. Н.: Островский разделяется для меня на две резкие половины. «Не в свои сани не садись» — прелестно. У него шесть штук хороших. «Бедность не порок» — это его первая вещь.

Речь о Танечке. Ее сегодня фотографировали.

---

* осложнениями (от лат. complicatio).

— Танечка,— сказал Л. Н., обращаясь к Татьяне Львовне,— ее личность, для меня не представляется такою реальностью, как ты или Сережа, Илья. Мои братья уже были совсем реальные. Танечка — что-то мифическое, духовное.

Софья Андреевна напомнила Л. Н., как он ездил в Самарскую губернию и потерял деньги (300 рублей). Очень расстроило его. Хорошо, что не взял с собой 3 500 от Н. Соловьева [5]. Л. Н. сказал о Соловьеве-книгопродавце:

— Почтенный человек, вдруг повесился — обанкротился.

Вечером за чаем опять об Островском.

Л. Н.: Я вспомнил названия: «Свои люди сочтемся» — это составляет часть классической русской литературы; «Не так живи, как хочется...», «Бедность не порок», «Не в свои сани не садись» и еще маленькие, всего шесть-семь драм — хорошие. «Не так живи, как хочется» — мы ее вместе читали с Тургеневым. Я у него жил в Петербурге. Она появилась в «Современнике» [6]. Потом пошло!.. Я говорил ему (Островскому) о «Снегурочке». Он сказал, что и у Шекспира есть рядом с серьезными — сказочные («A Midsummer Night's Dream» и т. д.). Драмы нельзя писать au courant de la plume *. Я тогда пробовал драму [7]. Надо, чтобы каждое лицо говорило своим языком. Напишешь, и потом надо всякое лицо обделывать.

В № 11073 иллюстрированного приложения к «Новому времени» Л. Н. понравились «Рыбаки-монахи» Нестерова [8].

— Я тебе говорил неясно,— сказал Л. Н., обращаясь к Татьяне Львовне,— что хотел бы написать из многого того, что хочется писать.— Подумавши немного и сведя концы пальцев рук перед бородой: — Павловское христианство — еврейство, и евреи имеют такой успех потому, что живут между «своими». Магометанин будет иметь больше успеха между магометанами, чем между буддистами.

Мария Александровна: А было сомнение в еврействе Павла? Разве думали, что он язычник?

Л. Н.: Нет, но Павел замазал, запечатал христианство. Должно бы быть или христианство, или государство, ⟨а он соединил их⟩, и этому все обрадовались [9].

Разговор о шаге берлинских солдат. Я показал. Л. Н. встал и показал, как они учились шагать в трех темпах; показал удивительно стройно, ловко, как обученный молодой солдат.

(Надо заметить, что у Л. Н. есть способность и любовь плясать.)

13 января. Утром в 10 часов я выслушал Л. Н.; бронхит опять усилился. Л. Н. вышел в залу к Марии Александровне, поговорил с ней о ее здоровье. Кто-то сказал, что если бы у Марии Александровны было 20 тысяч доходу...

Л. Н.: Если бы у вас было 20 тысяч доходу, вы бы на воздух не выходили, вас бы возили по комнатам, они бы (мигнул на меня) вас уже закатали. (А теперь Мария Александровна с тяжелой бронхиальной астмой в 12° мороза приезжает из Овсянникова и возвращается туда на плохонькой лошадке, сама правя и сворачивая в глубокий снег встречным.)

В час дня Л. Н. в библиотеке смотрел детский «Круг чтения», когда я туда нечаянно вошел.

Л. Н. (*мне*): А вы на меня не рассердились за глупую шутку?

Еще с Марией Александровной Л. Н. о Великанове, от которого сегодня опять письмо (но их не раскрывают). Мария Александровна спросила, зачем он ругает Л. Н.

Л. Н.: Он думал, что он со мной — одно, а теперь видит, что он отдаленный. Он бойкий, остроумный писатель. (Пишет письма без начала и окончания.)

---

* не обдумывая, наспех (*франц.*).

Мария Александровна после завтрака уехала.

За обедом Л. Н. сказал:

— Читал Сократа «Memorabilia» [1]. Интереснее, чем десять гостей, разговаривают о политике. Как высоко развита была тогда умственность, нравственность. А практические изобретения — низко.— Л. Н. сказал, что у него (Сократа) нравственное учение переплетено ⟨с выгодой⟩. Например: будь в добрых отношениях с друзьями — когда будет тебе нужно ночью огня, можешь его у них раздобыть.

Разговор о том, как трудно было тогда добывать огонь. Л. Н. помнит лук с тетивой для добывания огня, как это еще недавно употреблялось и у нас в Моравской Валахии.

Л. Н. читает Сократа, текст греческий с русским переводом.

Л. Н.: Греческий люблю читать.

После обеда Л. Н. спросил:

— Журналы перестали посылать? Они должны были во мне разочароваться.

Последнее время и писем мало, и журналов этого месяца — ни одного. За чаем Николай Леонидович говорил о том, как мало теперь интересуется публика Л. Н-чем. Раньше интересовались студенты, литературные кружки («Воскресение»), теперь ни критика не замечает «Великого греха», «Круга чтения», новых рассказов его, ни писем из широких слоев не получает. Осталось несколько серьезных людей, которые пишут, например, на днях матрос [2],— какие всегда были.

Мария Александровна (утром) рассказала Л. Н. про сапожника из Рудакова (и его семью — десять братьев, сестер), который знает все сочинения Л. Н. Разговор о нем. Я не слышал. Кажется, Мария Александровна говорила о нем, что он религиозный человек.

Л. Н.: В таких крестьянах, как Новиков, у которых основа не религиозная, я разочаровался.

Об этом самом еще говорила Александра Львовна.

Я сегодня искал Л. Н-чу Рейсса о Павле [3] и Ренана «Saint Paul» [4]. Этой книги в библиотеке не оказалось. Просил Сергея Львовича достать ее в библиотеке в Москве. Вечером Л. Н. играл в винт, потом читал у себя Валишевского «L'héritage de Pierre le Grand» [5]. Третьего дня Л. Н. взял читать Уэллса. Когда Л. Н. раздевался, сказал мне:

— Нынче был в удрученном состоянии, долго не работалось. Да и довольно.

14 января. Л. Н. веселее, бодрее. Вечером Л. Н. о перепечатанной в «Новом времени» 11 января его статье «Обращение к русским людям» под заглавием «Воззвание Л. Н. Толстого». Это перевод из французского перевода «Revue Bleue», хотя «Обращение к русским людям» уже несколько недель как появилось в Петербурге в издании «Свободное слово». Признак, как мало обращают внимания на новые сочинения Л. Н.

Л. Н. об этой статье в «Новом времени»:

— Недобросовестные выдержки. Первая часть: «К правительству» — пропущена; о Генри Джордже — пропущено. Хоть бы дали резюме. Это такой заговор молчаливый. «К революционерам» все помещено... Из «К народу» — чтобы не исполнял государственных обязанностей.

После короткого молчания:

— Получил письмо от жены Odd Man, пишущего в «Crank». Она — Daniel — жена издателя. Пишет, что Генри Джорджа в Англии никто не знает[1]. Но каждый скажет, что его знает, и никто не затруднится сказать, чему он учит, приписывая ему то, чему не учит.

Разговор о Никитине, который по моему и Александры Львовны приглашению завтра приезжает. Софья Андреевна жалеет, что будет терять время и деньги.

Николай Леонидович: Если рассматривать с точки зрения материальной выгоды, так это ему может быть выгода, реклама. Альтшуллер с тех пор поставлен на ноги, как лечил Льва Николаевича.

Вспоминали о том, как Альтшуллер попал в врачи Л. Н. Его рекомендовал беременной Татьяне Львовне как акушера Чехов; и как он стал к Татьяне Львовне ходить; тут зашибся Л. Н., и он стал лечить его.

15 января. Л. Н. утром и пополудни ходил гулять. Вечером приехал Михаил Сергеевич из Москвы. Рассказывал про предвыборную кампанию партий, про плутовства, какие допускают, например, кадеты с вопросными листами. Рассказывал очень обстоятельно подробности агитации. Л. Н. слушал скорее с интересом, но с отвращением к интригам, безумию.

Говорили про исчезнувшего сына Шипова (которого считали будущим председателем Думы). Он поехал в Париж, и его нет. Выяснилось, что не переехал границу. Он социалист-революционер. Одного повесили, у которого был его паспорт. Он будто живет с чужим.

Л. Н. (*о нем*): А теперь на виселицу он пойдет, а внушить ему, что это зло — его пропаганда, невозможно, как шедшим на крестовые походы.

Л. Н.: Как я стар! Я знал человека, который был пажом при Екатерине,— Горчакова.

Л. Н.: Как хороша на фотографии (которую прислал Чертков) Маша. Не мог смотреть... отложил.— И, когда это Л. Н. рассказывал, слезы выступили ему на глаза.

16 января. Уехал Николай Леонидович. Приехал Д. В. Никитин. С ним Л. Н. после обеда, были еще Софья Андреевна, Юлия Ивановна и я. Во-первых, Л. Н. прежде всего спросил, что он читает, кроме медицины.

Дмитрий Васильевич: Почти ничего не приходится читать, так занят.

Л. Н.: Это так хорошо, этому сочувствую.

Дмитрий Васильевич: А я желал бы, чтобы мог читать.

Л. Н.: Мы слишком много занимаемся чтением.

Дмитрий Васильевич рассказал, что читал из «Всемирной истории» Рамбо — о Наполеоне и хотя не сочувствует ему, есть что-то симпатичное в нем, и стал рассказывать. Л. Н. не согласился. Признал трогательность Наполеона после Ватерлоо.

— Наполеон был произведение своего времени,— сказал Л. Н. в раздумье.— Я читаю Сенеку в переводе, Сократа в «Меморабилиа» — это по-гречески. Очень легкий язык Сократа. Греческий лучше знаю, чем латинский. Монтень напихан латинскими цитатами; он меня навел на них. Как тогда нравственные вопросы высоко ставились и далеко, а вопросы практического значения низко, но не из неразвитости, а Сократ прямо презирал их.

Л. Н.: Читал Валишевского «L'Héritage de Pierre le Grand». Блестящий, искусный французский язык; легкомысленно, коротко заставляет людей говорить, не имею к нему доверия. Я довольно хорошо знаю то время: Анна Иоанновна... Герцен сказал, что тогда два немца — Миних и Бирон — тягались из-за России, как за бутылку пива [1]. О русском — московском — народе у Валишевского половина страницы. «Представьте себе самоедов, калмыков, еще диче и невежественнее,— это были москвичи» [2]. Это всё...

Разговор о политике.

Л. Н.: Случись маленькое непредвиденное обстоятельство, что Николай помрет, что̀ тогда будет? Этот маленький Алексей... Революционеры ведь должны все силы употребить на то, чтобы убить Николая.

Л. Н.: Как это Лёвенфельд разыскал, что я был у Дюбуа-Реймона на лекции [3]? Повел меня Френкель, медик; Лёвенфельд, наверно, его знает.

Он (Френкель) ему раз сказал: «Дюбуа-Реймонд что-то с лягушкой делал...» Я не понял, что он читал: одна лекция, вырвана из связи... Дюбуа-Реймонд — крепкий, красивый мужчина; прекрасный немецкий язык.

Л. Н.: Я думал: коли есть движение, должно быть что-то недвижимое. Простой пример: время идет, а в нас есть что-то недвижимое. Повозка идет по улице — улица недвижима.

Дмитрий Васильевич рассказал про статью Дюбуа-Реймона, что он физиологические и физические явления сводит к причине духовной. И Дмитрий Васильевич перечислил из семи явлений четыре.

17 января. Утром исследовали Л. Н-ча с Никитиным. Утром приехал инок Владимир, в миру барон Энгельгардт, дальний родственник Л. Н., поговорить «по-религиозному». Он бывший враг церкви, потом хотел реформировать ее (обрядность), теперь верующий, православный. Провел почти весь день один в комнате Андрея Львовича. После обеда разговаривал с Л. Н.; около них сидели Никитин, Софья Андреевна, Александра Львовна, Надежда Павловна, Юлия Ивановна и я. Инок начал о священнике Петрове, приговоренном консисторией в ссылку на три месяца за рационализм и за кощунство (что назвал свою газету «Правдой божией»). Говорил про путешествия по югу.

Л. Н. спросил его:

— У Троицы есть старец?

Инок: Был Варнава. Есть ли теперь, не знаю.

Л. Н. знал про него и спросил инока, был ли в Оптиной пустыни. Там есть старичок, очень такой простой.

Инок: Не был.

Л. Н.: Какие издания вижу теперь неприличные!

Дмитрий Васильевич: Что, вы читаете Мультатули? Зачем вам прислал его Сергеенко?

Л. Н.: Я занимаюсь теперь сказками, легендами; я просил Сергеенко прислать мне. И там (у Мультатули) — я пересмотрел — есть только одна хорошая легенда, которую я прежде знал: о каменщике.— И Л. Н. рассказал ее [1].

Софья Андреевна: Она есть в одной из твоих «Книг для чтения»: «Мышь-девочка»,— и пересказала ее дословно [2].

Л. Н.: Какая это область редкая: хорошие басни, легенды. Очень их мало. Я занимался эзоповыми, и поразительно, что̀ Лафонтен сделал из них.— И Л. Н. рассказал сказку «Ворон и лисица»: — У Эзопа она короткая: «Ворон упускает кусок мяса, лисица ему: «Если бы у тебя еще ум был». У Лафонтена вместо мяса — «fromage» (сыр) для рифмы с «ramage» * и фальшивость и гадость, а у Крылова еще прибавлено много длинного... У Эзопа коротенькие (сказки), такой мужицкий здравый смысл у него. Я ругал Шекспира, но хотелось бы Крылова.

— Есть буддийские, индийские сказки,— продолжал Л. Н.— Сергеенко обещал достать их у Ольденбурга... Рамакришна — это такой святой индийский, жил в прошлом столетии, изречения его очень хорошие.

Инок удивился, что Рамакришна — святой.

Л. Н. (*ему*): Индийское, китайское религиозно-нравственные учения учат тому же, что и христианское.

Л. Н. говорил с иноком с интересом, любовью и уважением, бо́льшим, чем с журналистами, политиками, социалистами, посещающими его (инок — правдивый человек).

Инок вспомнил, что и он был революционером в 1905 г.

---

* «птичье пенье» (*франц.*).

Л. Н. спрашивал его, не приходится ли ему слышать, не подтрунивают ли над ним, над его одеждой.

Инок: Нет, народ почтительно относится.

Л. Н.: Серый народ. И смягчает, что у вас руки нет. Работать можете?

Инок: Одной рукой работаю. А пока две были — не работал.

И рассказал, как потерял руку на круговой пиле. Сколько мучений после ампутации вытерпел, сколько мучений было на войне!

Перед тем Л. Н. заговорил о том, что человек бывает чаще высокого мнения о себе, только иногда смиренен; когда эти времена смиренности чаще наступают, тогда человек — человеком.

Л. Н. говорил об убийстве Герценштейна:

— Кажется, что «Союз русского народа» тут виноват, а «Новое время» виляет, что не винóват [3].

Потом Л. Н. говорил об общине:

— Чупров, которому разрушение общины должно бы быть по шерсти, потому что это сделало правительство, против него (разрушения) пишет [4]. Пишет за общину, лицемерно.

Дмитрий Васильевич приводил подобные примеры из прений партийных в земствах, намекая на московское земство; хорошие предложения не принимает одна партия из-за враждебности к другой, которая их предлагает.

Л. Н.: Это мы знаем — в разговорах своих. Но ведь это вопрос, от которого зависит благосостояние многих людей.

Михаил Сергеевич нападал на деятельность либерального московского земства, делавшего на земские деньги политическую пропаганду. Дмитрий Васильевич, защищая, коснулся статистики.

Л. Н.: Статистика Орлова — это прекрасно. Он один из тех редких, которые дали статистике нимб (ореол).

В 11 уехал Дмитрий Васильевич и инок Новогеоргиевского монастыря в Севастополь.

18 января. Утром приехал Горбунов с Марией Александровной, вечером Сергей Львович. Л. Н. пошел гулять к старой конторе. Ветер. За ним поехала Александра Львовна. Вернулся на санях. Вечером хриплый голос, кашель. Вечером Сергей Львович стал говорить о политике. Л. Н. отвечал с азартом, я его попросил остановиться. Л. Н. ушел к себе и опять вернулся продолжать разговор-спор.

Л. Н. сказал Марии Александровне, что занят сокращенным «Кругом чтения» и что два дня ничего не писал; наверно, и сейчас было ему не до писания.

Разговор о дуэлях.

Л. Н.: Дуэли всегда были запрещены. Александр III издал какой-то указ, по которому офицеры обязаны драться [1].

Л. Н.: Энгельгардт говорил про революционную атмосферу севастопольскую. Поддерживают ее матросы, которые свободомыслящее других. Матросы и солдаты удивительно развиты: читают и развиваются. Я постоянно получаю письма от матросов.

О спиритизме.

Л. Н.: Меня поражает, что мы смотрим (обращаем внимание) на суеверие крестьян. Саровские мощи [2] — в этом есть ⟨своя⟩ логика: святость выражается благодетельными явлениями. Спиритизм — худшее суеверие. Вдруг летают гитары. Начало спиритизма — в 1852 году. Я прочел тогда на Кавказе в газете, что шляпы вертелись. Брат Николай: «Этому не верь, это дурно говорят».

Иван Иванович: Появилась в России книга — «Библия» Сэндерленда, Чертковым изданная за границей. Мы хотим ее тоже напечатать. — Потом говорил, как Граубергер деятельно продает книги в Дубовке [3].

Л. Н.: Прорвалась плотина. Сколько теперь хороших изданий! Только их никто не читает. (Прежде Л. Н. говорил, что эти хорошие книги все-таки оставляют след.)

19 января. Пятница. Л. Н. поехал со скотником к старой конторе. Там погулял, за ним поехали. Утром не кашлял. Вечером опять.

За обедом Л. Н. сказал:

— Получил письмо от Веригина из Бургаса. Там земля по 30 рублей десятина. Пишет, можно было бы общине в 500 семей там поселиться [1].

Л. Н. не понимает, что имеет в виду Веригин. Жозя увязался с ними (духоборами), а из Бургаса едет сестер посетить в Англию. Л. Н. удивляется дешевизне тамошней — на берегу моря — урожайной земли.

Софья Андреевна говорила про свои Записки 1879 г. и сказала, что жизнь с годами труднее и безрадостнее становится.

Л. Н.: Телесная — да, а духовная — нет.

Софья Андреевна: Общественная, политическая, семейная, хозяйская (борьба), личная (нездоровье) жизнь — все тяжелее делается.

Л. Н. (*к Юлии Ивановне и Александре Львовне*): Вам прочесть о завоевании испанцами Перу и Мексики?

Софья Андреевна: У Прескотта интересно.

Л. Н.: Я сегодня читал об этом — тогда Прескотт еще не написал, а он очень хорошо изложил, — у Монтеня [2]. Коренные обыватели хорошие, доверчивые люди были, а испанцы — жестокие. Молния, лошади (четвероногий человек) — Монтезума...

Вечером в 10 Л. Н. вышел из кабинета с книгой «Исторического вестника» (декабрь 1906 г.) и томом Монтескье. Заговорил про Аракчеева. (В «Историческом вестнике» статья В. М. Грибовского «Аракчеев как не «герой»»).

Л. Н.: Это очень хорошая статья... Этот тон старинный. Не знаю, вы помните ли, — говорил Л. Н. Михаилу Сергеевичу, и прочел вслух из статьи два трогательных письма Аракчеева (на стр. 869 –870) [3]. — А ведь это искренно всё. — Потом Л. Н. говорил, что Аракчеева описывают сплошь палачом, а в нем тут есть человеческое: — Но ведь время какое было! Александр Павлович был жесточе его. Он исполнял волю государя, и государь не видел, какими средствами. В том тяжелая задача художника, искусства: изобразить в цельности.

Михаил Сергеевич: Особенности исторического лица.

Л. Н.: Особенности — это старинный метод. А надо постигнуть дурные и хорошие стороны.

Л. Н. об «Историческом вестнике»:

— Тут «Смесь» бывает всегда интересна, хорошо подбирают. А статьи плохие: романы исторические...

Потом Л. Н. читал по-французски из Монтескье отрывки из Светония: как Антоний въезжал в Рим на львах, тиграх, страусах [4].

20 января. Утром приехали астрономы: Милан П. Стефаник и А. П. Ганский. Вечером Андрей Львович. (Андрей Львович какой-то спокойный, неторопливый, уравновешенный и очень милый.)

21 января. Под вечер Булыгин. Я получил письмо от Веригина из Будапешта. Разговор о духоборах.

Булыгин: Духоборцы — это духовные запорожцы. Все, что было свободного, шло от запорожцев, потом от духоборцев.

Михаил Сергеевич за обедом рассказал про выборы избирателей в Государственную думу. Губернатор назначил выборы от крестьянских обществ и от мелких землевладельцев на один и тот же день, так что крестьяне остались выбирать с обществами, — не прошли от мелких землевладельцев, и тут остались хозяевами священники.

Л. Н.: Это совсем гадко.

Л. Н. (*о крестьянах*): Все они революционеры. Я сегодня получил два письма со стихами от женщин: «Народ исстрадался, борцы за свободу — по тюрьмам», — пишут они [1].

Татьяна Львовна: Я читала рассказы Куприна. Куприн весь проникнут шаблонной неправдой.

Л. Н. почему-то вспомнил Гаршина, как он первый раз был у него [2]. Потом рассказал, как он бросился с лестницы, весь разбился и, когда прибежала жена (она была врач), сказал ей: «Ничего».

— Это так естественно: о своей боли не думает, а ее испуг видит, — прибавил Л. Н.

Л. Н.: Получил письмо Михаила Леонидовича Оболенского об Кудрине [3]. Его приговорили на пять лет в арестантские роты. Это святой человек, ведет себя скромно, никого не обижает. Письма — и мое, книги,—ему не дали. Военный тюремный офицер отдал их жандармскому. А это губернатор уж смиловался надо мной, — сказал Л. Н. шуточным тоном (потребовал письма от жандармского офицера и передал Михаилу Леонидовичу).

Теперь Михаил Леонидович передал письма Кудрину. Он его посещает по просьбе Л. Н-ча. Л. Н. жалел Кудрина, как он перенесет пять лет арестантских рот? Предполагает, что там найдутся люди, которые оценят его.

Л. Н.: У Буренина в фельетоне есть прекрасное место, что политические партии — искусственные и что есть только две партии: одна — людей, которые трудятся и которым нужно только, чтобы их не притесняли и чтобы им дали земли; другая — которые тех эксплуатируют, а эти делятся: а) на таких, которые хотят удержать старый порядок эксплуатации, и б) на таких, которые хотят по новому способу эксплуатировать. Я удивился этому смелому, серьезному тону Буренина.

После Л. Н. опять заговорил об этом фельетоне Буренина:

— «Моя Дума» — это прекрасно, но именно то место, которое я читал вслух, а потом бранится и роняет, что было хорошее [4].

Л. Н. показал Булыгину портрет Кросби в «Public» 12 january, № 458.

— Очень хорош, — сказал Л. Н. (там же и статьи Кросби и объявления его книг). — Приятный, скромный человек. Когда уезжал, спросил меня, что̀ бы я ему посоветовал, чему посвятить свою деятельность. Я ему сказал: «У вас великий учитель Генри Джордж, знакомьте с ним». Он тому и посвятил себя.

Шахматы.

За чаем разговор о вчерашних астрономах. Ганский — умный, Стефаник начинал по-русски и незаметно для себя переходил на словацкий язык.

Л. Н.: Корни славянских слов — одни, понятия — разные... Ужасно добродушный, премилый человек.

Булыгин спросил Л. Н., продолжает ли школу.

Л. Н.: Нет. И не жалею, что оборвалось учение, потому что ужасно легкомысленно начал, а это такое серьезное дело. Надо, чтобы было понятно и, главное, интересно, чтобы не из послушания прислушивались (а из интереса).

Л. Н.: А как же у вас закон божий?

Булыгин: В Хатунке теперь учит не Анна Максимовна, а учительница. Хотят завести чтение «Краткого изложения Евангелия». Эта книга была под судом и не была конфискована. Можно ее в школе употреблять.

Л. Н.: Пусть читает простое каноническое Евангелие, только чтобы была свобода, чтобы они спрашивали.

Булыгин: У нее никаких мыслей о Евангелии нет. — И разговорился о ней: ходит зимой в кофточке, мерзнет, только чтобы не надеть полушубок, как носят крестьянки.

Л. Н.: Это еще простительно, но если в ней есть духовная кофточка... У меня теперь появились крестьянки-корреспондентки, которые пишут революционные стихи,— это кофточки (духовные).

Татьяна Львовна говорила, что девушки выше мужчин: чистые души, смелость, нет животного, как в мужчине.

Л. Н. не согласился:

— Животного, того гнусного — да, но животного в широком смысле — роскоши, тщеславия, нарядов... Сравнятся с мужчинами.

Татьяна Львовна привела примеры, как девушки действовали на голоде. Например, Величкина.

Л. Н. спросил Михаила Сергеевича, что́ правды в том, что в Германии при выборах побита социал-демократическая партия.

Михаил Сергеевич: Потеряли 19 мандатов из 115.

Л. Н.: То же и в Австрии.

Михаил Сергеевич: Русским социал-демократам тяжелый удар теперь перед выборами в Государственную думу.

Булыгин: Анархизм удачно сражается с социал-демократизмом.

Л. Н.: Я заметил — и в области отвлеченной. Социал-демократизм уже не имеет того значения; какой-нибудь Каутский...

М. В. Булыгин заговорил опять про выборы выборщиков, где опять победили попы; выбран и Тихон Агафонович (местный кочаковский священник).

Л. Н.: Тихон Агафонович — ничто. Он совершенное ничто. Он не может иметь никакого убеждения, когда заступается за мощи. С точки зрения православия, не следовало бы допускать священников в Думу. Это по примеру католиков идут туда... Но что там могут сказать священники, например, о смертной казни?

22 января. За завтраком Софья Андреевна, Александра Львовна, Юлия Ивановна. Софья Андреевна вспоминала, как она воспитывала, учила девять человек детей. Илюша трудно учился грамматике. Тогда Софья Андреевна взяла три грамматики и из них составила свою.

После завтрака Л. Н. позвал меня в кабинет и прочел мне письмо Наживина о Куртыше, который караулил Иконникова и тоже отказался от военной службы; его приговорили к дисциплинарному батальону, там посажен в карцер. Как хорошо отвечает и спокойно себя ведет! [1] Наживин вспоминает, что не получает от меня копий обещанных писем об отказах. Л. Н., главное, ради этого прочел, сам не хотел меня спрашивать и торопить из деликатности. Знаю, что часто о том думал и все-таки не торопил. Об этом же письме говорил вечером Михаилу Сергеевичу.

К Л. Н. приехала Е. Д. Вагнер, седая, усталого вида дама, была учительницей у духоборов в Закавказье. Вопроса к Л. Н. никакого не имела, кроме того, чтобы ей дали рекомендательное письмо к земству; он ей дал к Ивану Ивановичу — получить работу. Она растерзана политическими событиями. Л. Н. говорил ей, чтобы этим не беспокоилась, а старалась о том, как ей самой поступать.

Вечером за чаем речь о содержании статьи Н. А. Морозова «Возникновение «Народной воли»». Там что-то приписывается Тургеневу, о чем Л. Н. сказал, что это глупое, что Тургенев не мог этого сказать. Тут он (Морозов?) выдал себя [2].

Потом Л. Н. сказал:

— Морозов (?) первый проповедовал террор.

Потом Л. Н. говорил о самоуверенности, распущенности Морозова (?) и (ему подобной) интеллигенции в том числе и учительницы Вагнер.

— Глупы эти Морозовы,— сказал Л. Н.— Но и Столыпин глуп,— прибавил Л. Н., намекая на присуждение Куртыша в дисциплинарный батальон.— Как он может не видеть, что эти (Куртыши, Кудрины) не

опасны, что подделываться под это нельзя; кто это (отказ от военной службы) не делает из внутренней потребности, тот после дня карцера перестанет отказываться.

Я указал в «Русском богатстве» в мае—июне 1906 г. на «В начале жизни» Н. А. Морозова. Л. Н. попросил прочесть вслух. Михаил Сергеевич прочел. Л. Н. понравилось. Талантливо написано, ⟨позволяет⟩ «взглянуть в душу революционеров». За первой статьей Михаил Сергеевич прочел в «Русском богатстве» революционный стих:

— Ты была не одна... Кто же, муж или брат,
Жизнь твою молодую губя,
Приготовил из грома и вихря снаряд,
На убийство толкнувши тебя?.. [3]

Л. Н.: Кофточки побегут. Возьмут браунинги... Им не нужно убивать (что̀ им до людей, которых убивают), *им нужно отличиться*.

23 января. Вечером продолжение и окончание чтения «В начале жизни» Н. А. Морозова. Читал Михаил Сергеевич.

24 января. Утром встретил Л. Н., возвращающегося с прогулки. Стоял долго на прешпекте неподвижно, отдыхая. Сказал, что задыхается, слаб и душевно, не работается ему.

Была баба из Грецовки; жаловалась, что ее мужа приговорили в острог на два месяца и что ему сломали ребро, а что тот богач подкупил судей.

— А за что мужа присудили? — спросил Михаил Сергеевич.

— Только за то, что он кричал, когда его били: «Братцы, караул!».

Михаил Сергеевич дал ей от имени Л. Н. (его не было) рекомендательное письмо к Гольденблату, адвокату в Туле. Л. Н., когда узнал, не совсем был доволен.

За обедом Л. Н. сказал:

— Получил очень умное письмо от почти безграмотного хохла из Канады. Пишет, что он думал, что там свобода, а там люди еще больше темные, малообразованные, чем в России. Он попался в арест за то, что поговорил о тамошних порядках с галичанином. О духоборах пишет, что они— внутренно-хорошо не понимают непротивление злу [1].

Л. Н. хвалил последний номер «Crank».

Л. Н.: Милый Лебрен пишет. Просит выписки из Герцена. В каком-то городке мальчики (разносчики газет) выкрикивали, что в Ясной Поляне был большой пожар и пять жертв: в числе них и Л. Н. Толстой. «Толстой сгорел» [2].

Я: Тон русской прессы все-таки выше тона прессы других народов. Тут только мальчики выкрикивали сенсационную неправду, а в Париже сами газетчики воспользовались бы ею и издали бы специальные номера.

Л. Н.: Да. У нас есть журналисты серьезные, и не так извращен вкус в публике.

Вечером в 9 Л. Н. принес в залу письмо переселенца из Канады и прочел его вслух Михаилу Сергеевичу и мне. Читая самое начало, сказал:

— Это мне неприятно, такое льстивое, но читаю всё.— Когда читал в конце благодарность за писания, которые переселенцу по душе, у Л. Н. дрожал голос, волновался, почти прослезился, кончил. Очень обрадован, что есть такие малограмотные умные, правдивые люди: — Очевидно штундист, свободомыслящий.

Ему стало тяжко после чтения. Поговорили о его здоровье.

Л. Н., обращаясь к Михаилу Сергеевичу:

— Душан Петрович не может меня вылечить. Вылечит смерть. Дело подвигается туда.

На замечание, что, ослабевши, много ходит, Л. Н. сказал:

— Прошел две версты с ноги на ногу.

Уезжала Софья Андреевна в Москву, хлопотала и волновалась, в этом прошло время до 11-ти.

Л. Н.: Не будем (сегодня) читать (Н. А. Морозова), а завтра. Очень поучителен для меня был этот Морозов. Вот Бутурлин, в самое течение попал этого времени. — Л. Н. вздохнул.

Татьяна Львовна спросила:

— Что вздыхаешь?

Л. Н.: Ты должна знать. Когда тесно живут, должны угадывать мысли друг друга. Варенька угадывала... Эти газеты! Убийства, казни! Прочел: «Сын убил отца», дальше: «Сын убил мать».

Кто-то добавил:

— Из-за 40 рублей, которые были у нее.

Л. Н.: По слабости своей читаю газеты.

Разговор о скончавшемся Менделееве.

Л. Н.: От чего умер Менделеев? Не сказано. Это мне, старику, самое интересное.

Речь об Адриане, недавно поступившем в кучера, бывшем старосте. Какой хороший кучер стал, какой он охотный человек. Александра Львовна сказала, что одно ее смущает, и рассказала «страшное» про него. Он ей рассказывал, «как о чае», что третьего дня, возвращаясь впотьмах из Тулы, слышал жалобный голос сбоку дороги: «Голубчик, возьмите меня», — не посадил. Тут шли мужики — они его тоже не взяли. Вчера утром нашли его замерзшим.

Л. Н. прочел в «Crank» из статьи Worland о моногамии три вопроса, на которые она отвечает. Хвалил. Потом говорил про ее статью о неомальтузианстве в старом номере «Crank» [3]. Л. Н. получил известие о смерти старика Г. А. Русанова. У Л. Н. пульс неравномерный — 86, сегодня утром были и перебои. Просил его завтра не выходить.

25 января. Вечером катались на скамейках [1] по прешпекту. Вечером Л. Н. дал мне читать вслух Н. А. Морозова в «Русском богатстве». Л. Н. нравилось описание. Мне Л. Н. рекомендовал читать стихи, чтобы выучиться ударению.

Юлия Ивановна ездила на почту в Ясенки и взяла неоплаченное письмо; их обыкновенно не берут, т. к. часто бывают ругательные. Оказалось от заключенного за отказ от военной службы в Киеве [2]. Пишет, что он писал уже несколько раз. Решено принимать неоплаченные письма.

Л. Н.: Теперь все журналы левые (революционные).

Потом Л. Н. сказал, что желал бы видеть «Вестник Европы».

— Он теперь, небось, консервативен, а раньше был самый либеральный.

26 января. За обедом Л. Н., Александра Львовна, Юлия Ивановна. Л. Н. Александре Львовне о списывании.

Александра Львовна: Раньше спишу весь «Круг чтения», а потом дневники от августа для Черткова.

Слышен был крик ребят, катающихся на скамейках от дома по прешпекту. Зашел разговор о катанье, о дорогах, о езде верхом. Л. Н. говорил, что ему повредила езда верхом. Далеко заехал, возвращаясь; временами ехал рысью. Л. Н. был детски веселый.

За чаем Л. Н. сказал:

— Буду конкурировать в молчании с Душан Петровичем.

С половины 10 до 11 читали вслух «В начале жизни» Н. А. Морозова. О хождении в народ в 70-х годах. Л. Н. говорил, что «процесс 193-х» это был их процесс [1]. Присутствовавший при чтении Д. Д. Оболенский заметил, что замешанные девушки были необыкновенной чистоты, весталки, так и должно быть.

Читали о переодевании в крестьянское платье: «Напрасно думают, что для деятельности в народе нужно непременно одеться мужиком. В своей среде крестьяне слушают с уважением только стариков да отцов семейства». Л. Н. тут заметил: «Совершенно верно!». «Если молодой и неженатый человек начнет проповедовать в их среде новые идеи, скажут: «Что он понимает?» Совсем другое, когда человек стоит несколько выше их по общественному положению,— тогда его будут слушать со вниманием».

Когда читали, где Морозов рассказывает о порядках правления в иностранных государствах и как там была добыта свобода, как там участвует народ в правлении (конституция), Л. Н. заметил:

— Какое рабское, мелочное подражание: конституция, лидеры, блоки. Какая убогость мысли, как если бы была только одна форма общественной жизни. Их бесконечное количество. Общественный склад жизни выльется из духовного склада народа, вот духоборческая община...

Л. Н.: Как изредка попадается хорошее, интересное чтение даже в русской литературе! Нечего бывает читать вслух.

27 января. Суббота. Утром приехал С. Д. Николаев.

Л. Н. вышел в 10.15:

— Все слаб, Душан Петрович. И сплю много... и кашля нет, а слабость большая.

Пополудни, одеваясь на прогулку, сказал:

— Слабость. Точно мне вдруг 30 лет прибавилось на кости.

Л. Н. в зале поцеловался с Николаевым:

— Я очень рад вам, есть о многом переговорить.

Сергей Дмитриевич Л. Н-чу о разном. Между прочим, о том, как его ругают. Например, как «Русские ведомости» с радостью напечатали статью Метерлинка о критике Шекспира Толстым [1]. Они упали с тех пор, как вступили в союз с кадетами.

Л. Н. тоном серьезным, трогательным:

— В моей молитве твержу: «Радуйся, когда тебя ругают». Я записал вчера: «Жалеть того, кто тебя ругает, можно только тогда, когда любишь бога, и это состояние изредка бывает. Иначе разговоры о сожалении — фразы» [2].

Пополудни Л. Н. гулял с палкой с сидением почти час, около дома по ровным местам.

Николаев хочет писать о Павле (апостоле). Л. Н. очень сочувствует, поощрял его.

Л. Н.: В 40 лет просыпается духовное, уходит животное. Христианство сведет в одну канавку церковное учение и государственность.

Л. Н.: Разве я одобряю все, что написал? Я бы многое поправил, переменил.

Николаев был сегодня в азарте, перебивал, утомил Л. Н. Разговор был о Кросби, о Марии Львовне, о Дмитриеве.

Потом Николаев о своей семье, о двояшках, что изнурили мать.

Л. Н.: Ларя должна перетерпеть. Опыт с детьми, как у вас, без прислуги,— самый трудный.

Л. Н.: Озлобление. Бедный легко попадается на дорожку к зависти. У богатых праздная жизнь — несчастье.

Л. Н.: Книгу Вентцеля [3] читала Таня. Очень чудные вещи, несуразные.

Смотрели приложения «Всемирного вестника»: «Краткое изложение Евангелия» и «Соединение и перевод 4-х Евангелий». Л. Н. впервые видел их изданными в России (по чертковскому изданию) [4]. Видимо, радовался.

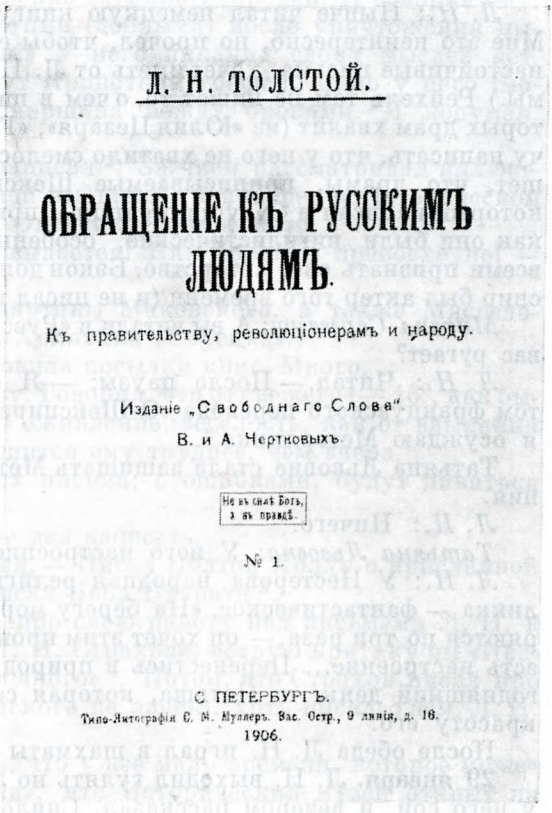
Л. Н. ТОЛСТОЙ. «ОБРАЩЕНИЕ К РУССКИМ ЛЮДЯМ.— К ПРАВИТЕЛЬСТВУ, РЕВОЛЮЦИОНЕРАМ И НАРОДУ»

Издание «Свободного слова» В. и А. Чертковых

СПб., 1906

Обложка

В августе 1908 г. книга была конфискована



Л. Н. ТОЛСТОЙ.

ОБРАЩЕНІЕ КЪ РУССКИМЪ ЛЮДЯМЪ.

Къ правительству, революціонерамъ и народу.

Изданіе „Свободнаго Слова"

В. и А. Чертковыхъ.

Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ.

№ 1.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Е. М. Мюллеръ. Вас. Остр., 9 линія, д. 16.

1906.

Говорили, как умирали Сократ, Леппардт; последний — эстонский матрос, единомышленник Л. Н-ча, умирал очень спокойно. Японцы не то, коммунарды — до последнего момента тщеславны.

Про калужского рабочего-вегетарианца Л. Н. сказал:

— Русский крестьянин очень склонен к этому.

Л. Н.: Какое бы ни было чувство религиозное -- хоть к идолам,— надо уважать.

28 января. Л. Н. утром сходил вниз за водой; когда вернулся, так устал, что должен был сесть и прислонить голову к спинке. Этого никогда не бывает.

Л. Н.: Все слаб.

Я спросил, не устал ли вчера, полтора часа беспрерывно разговаривая с Сергеем Дмитриевичем. Л. Н. признался, что устал, хоть как приятно было ему поговорить с Сергеем Дмитриевичем.

Я утром получил «Slovansky Přehléd». Л. Н. стал читать его. Спросил о Масарике, что̀ он теперь делает.

— Занят расширением выборного права в Австрии,— ответил я.

Л. Н.: Он ведь такой политикан; недалекий человек. Я ему никогда значения не приписывал.

Л. Н. гулял по Чепыжу. За обедом хвалили нынешний день. Все ходили гулять: иней на деревьях. Безветренно, темно-голубое небо, на горизонте ярко-голубое; прешпект особенно чудесный. Контраст между белыми от инея огромными березами и лазурью неба. Говорили о Вере Сергеевне: она слаба, а теперь заболела. Л. Н. сравнивал ее по здоровью и по характеру с Марией Александровной.

Л. Н.: Нынче читал немецкую книгу Евгения Рейхеля о Шекспире. Мне это неинтересно, но прочел, чтобы ему ответить. (Е. Рейхель писал настойчивые письма, хочет иметь от Л. Н. ответ, мне кажется, для рекламы.) Рейхель там не пишет то, о чем в письме. Он некоторые части некоторых драм хвалит (из «Юлия Цезаря», «Гамлета»). Если отвечу, я ему хочу написать, что у него не хватило смелости осудить всего Шекспира. Пишет, что драмы, приписываемые Шекспиру, писал молодой человек, который написал и «Novum organum», присвоенный себе Бэконом. Но так как они были нигилистические, особенно «Кориолан», не посмел пред всеми признать свое авторство. Бэкон дополнил их и издал за свои. Шекспир был актер того времени (и не писал ничего) [1].

Михаил Сергеевич: А вы читали в «Русских ведомостях», как Метерлинк вас ругает?

Л. Н.: Читал. — После паузы: — Я сегодня получил от Бинштока том французского перевода «О Шекспире», и там же «Об искусстве», там я осуждаю Метерлинка [2].

Татьяна Львовна стала защищать Метерлинка. У него много настроения.

Л. Н.: Ничего.

Татьяна Львовна: У него настроение, как у Нестерова.

Л. Н.: У Нестерова народная религиозная поэзия есть, а у Метерлинка — фантастическое. «На берегу моря»... (часто слова у него повторяются по три раза,— он хочет этим произвести впечатление). Вся поэзия есть настроение... Перенестись в природу... Если бы я умел описать сегодняшний день, то Наташа, которая сегодня не выходила, узнала бы красоту его.

После обеда Л. Н. играл в шахматы с Михаилом Сергеевичем.

29 января. Л. Н. выходил гулять по лесу. Утром мне сказал, что был у него сон, и вечером рассказал. Снилось ему: «Если бы я был молод, основал бы журнал. Первый отдел его — метафизическое и нравственное и учение разных религий: буддийской, конфуцианской .. Второй отдел — забыл. Третий отдел — воспитание, детское и свое, т. е. совершенствование. Издавать в Ясной Поляне по-русски и по-французски [1]. Я боюсь, что я Горбунову скажу и он станет издавать. Когда я проснулся, я думал: четвертый отдел — правила жизни по отношению самого себя и по отношению других людей: отношение к другим людям, к труду, к насилию, но это сейчас поведет к политике. Газет и журналов бесконечное количество, но ни одного искреннего, правдивого...»

Л. Н.: Нынче молодой человек пришел посоветоваться ко мне, маленький, белокурый: «Я молодой поэт». Читал мне стихи на тему «Народ страдает, а мы жертвуем собой». Стихи ничего. Как это показывает, как это легко и легкомысленно! А потом: «Не можете мне помочь материально?» Я ему дал серьезных книг — слишком много, жалею — он их читать не будет. А тут старик Жаров: «Я помираю, мне жить нельзя», просил денег на чай и сахар.

30 января. Л. Н. был в Ясенках, второй раз после болезни. Возвратилась Софья Андреевна из Москвы, говорила, что там все интересуются Думой, какая будет. (Все: Маклаковы, Сергей Львович с Марией Николаевной — кадеты.)

Л. Н.: Нынче я узнал про настоящее направление. Был молодой, маленький человек 22-х лет, анархист-революционер, просит сочувствия и материальную помощь — для экспроприации; он присужден к восьми годам каторги.

Юлия Ивановна: Вы с ним поговорили?

Л. Н.: Долго.

Софья Андреевна: А остался при своем?

Л. Н.: Разумеется. Он совершенно загипнотизирован. Я говорил ему: «Как же люди сразу станут другими (добрыми) после уничтожения нынешнего государственного строя?» У него никаких своих мыслей нет. Он ссылался на Кропоткина. Тут Кропоткин грешен. Лицо у него (молодого человека) страдающее, морщина между бровями. Я подумал: такие же были крестоносцы [1].

Л. Н. сегодня много писем написал [2]. За чаем рассматривал иллюстрированный каталог Передвижной выставки (в январе, в Историческом музее в Москве). Нравились ему «Охотники» Маковского.

— Как Владимир Егорович выдается! Как хорошо, превосходно! — сказал Л. Н.

Еще нравились ему другие картины Маковского, а также Мясоедова и Пимоненко. (Не нравилась Холявина «Еврейка».) [3]

Вечером Юлия Ивановна готовила посылки книг. Много.

31 января. Л. Н. гулял по лесу. Говорил, что от свежего (— 16°, как было пополудни) воздуха чувствует оживление, веселость, как от вдыхания кислорода. Сегодня устал, и дышится ему труднее, чем вчера.

Л. Н.: Писал три английских письма, с ошибками, будут дивиться там [1].

Софья Андреевна: Ты бы Тане дал написать.

Л. Н.: Она ⟨пишет⟩ хуже меня.— Писал Болтон Холлу о присланной им статье о непротивлении [2]. Писал Баба Бхарати [3].

Софья Андреевна рассказала про свою работу над письмами Л. Н. к Урусову и другим, про письма Н. Н. Страхова, острую критику им «Ивана-дурака», что нет в нем «сказочного» [4]. Потом, что Страхов писал про Достоевского, Фета. Он Достоевского не любил, хоть писал о нем. Л. Н. подтвердил [5].

Софья Андреевна жаловалась, что у нее мало времени, которое может посвящать «Истории моей жизни», что Исторический музей открыт на короткое время — с 11 до 4-х. Увлекает ее эта работа, желала бы иметь больше материалов (писем к Урусову и другие), они вызывают ее мысли.

Л. Н. сказал, что главное, что ей помнить: «Memento mori» *.

Л. Н. (*за чаем*): Кто будет разбирать архив моих писем, не разберется и будет удивляться, какие разные письма получил в эти два дня: от священника, писавшего мне два года тому назад, что не верит в церковное учение,— какое трагическое положение, если бы кто описал это (в романе). Теперь женится на учительнице и расстригся. [6]

Михаил Сергеевич: Если бы вы описали, так было бы интересно.

Л. Н.: От отца, что его 15-летний сын с 16-летним другом исчезли и хотят пробраться ко мне. Если явятся — чтобы уведомить его.

Михаил Сергеевич: Надо ему написать.

Л. Н.: Я уже написал, что до сих пор не были [7].

Потом говорил про другие письма от революционеров. Потом Л. Н. сказал, что к бывшему значку «б.о.» (без ответа) завел новый значок для писем — букву «у» (уничтожить).

Л. Н. говорил, что читал множество греческих сказок [8]; их много, потому что собиратели их записывали подряд, не выбирая самые лучшие. Не находит между ними хороших. О афанасьевских сказал, что плохи (что из них нечего выбрать). Об японских — еще ничего хорошего японского не читал. Потом Л. Н. рассказал одну индийскую сказку. (Про хранителя, которому дали кошку, чтобы охранять книги от мышей; корову, чтобы кормить кошку; девку, чтобы ходить за коровой; женился, нажил детей.)

---

* «Помни о смерти» (*лат.*).

Софья Андреевна (*о Страхове*): Он в письмах к тебе писал стихи.

Л. Н.: Да, очень слабые [9].— И спросил Наталью Степановну (тулячку), знает ли она про Н. Н. Страхова. Не знала. — Он был очень серьезный человек, умный. Он был критик лагеря, не согласного с Михайловским, Добролюбовым. Человек очень умный, образованный, философской эрудиции.

Софья Андреевна: Таких теперь нет.

Л. Н. прочел вслух вырезку из парижской газеты, произнося изящно по-французски; как внятно, ясно, понятно! Ее прислал ему кто-то из Франции без подписи имени. В ней говорилось о приказе военного начальника Туля (Toul), который поручил читать вслух подряд восемь раз, что антимилитаристы — враги матери-патрии *, что они lâches idiots gâtés ** и т. п. (раздраженный тон показывает, что антимилитаризм в гарнизоне Туля силен).

Л. Н.: Пять лет тому назад — немыслимо (т. е., чтобы было нужно противодействовать антимилитаристическому движению).

— Агитация газет,— сказал кто-то.

Л. Н.: Англичанин из Индии, 30-ти лет, весь седой,— как англичане в Индии рано седеют!— ужасался, как можно жить без газеты.

Михаил Сергеевич: Тогда в Ясную не получали газет? Когда это было?

Л. Н.: Ни одной не было, и хорошо было. Тане было тогда семь лет.— Л. Н. говорил так убежденно, таким тоном, как бы жалея, что и теперь не так. — Что в газетах? События — только все ужасы и то, что Павла Ивановича, а не Захара Ивановича выберут,— мне все равно, так как все одинаково будет.

Про «Новь» Тургенева.

Л. Н.: «Новь» — наше время. Там предсказывается народный человек. Тургенев указывает, в чем сила в нем.

Михаил Сергеевич: А Тургенев на его стороне?

Л. Н.: Он, как всегда, старался объективно изобразить.

1 февраля. Я с Александрой Львовной ездил в Тулу. В Земской управе Ф. И. Гаярин обещал яснополянской амбулатории по 50 р. месячно из продовольственных денег, которых Тульская губерния получила что-то между 10—12 миллионами. Было неприятно обращаться к учреждению, взимающему средства податями. До сих пор лекарства покупает Александра Львовна; теперь ее средства уменьшились, а нужды амбулатории возросли, вследствие распространившейся эпидемии тифа.

Юлия Ивановна уехала в Пирогово.

За обедом обыкновенные разговоры. Л. Н. за чаем извиняющимся тоном: может ли попросить меня перевести на немецкий язык ответ о Шекспире Рейхелю, и чтобы потом показать ему [1].

Сегодня переписывал три письма Л. Н. американцам по поводу смерти Кросби. Много ошибок в английском языке. Ослаб Л. Н. в болезни.

Л. Н.: Получил «Review of Religions» — индусский магометанский (журнал), там портрет нового пророка, который проповедует пошлое ***, старое магометанство. В нем пять заповедей: об молении пять раз в день... [2] Несмотря на это, магометанство в Индии распространяется — их теперь 70 миллионов, а христианство — нет.

Разговор о Шекспире. Михаил Сергеевич говорил о драмах, комедиях, как их играли в Москве.

Л. Н.: Еще и подражатели есть. Островский в «Снегурочке» подражал Шекспиру.

О «Лире».

---

* родины (от лат. patria).

** трусливые развращенные дурни (*франц.*).

*** Здесь в смысле «общеизвестное». — *Ред.*

Л. Н.: Es wird Unfug getrieben * с его драмами, например, с «Лиром». Что смело восхваляют, за тем толпа идет.

Л. Н-чу из шекспировских драм нравится один «Цезарь», речь Антония.

2 февраля. За чаем Л. Н. вспоминал, что читал в «Новом времени» 31 января Носилова из Баку. Как толпа убила двух экспроприаторов [1].

Л. Н.: Это ужасное событие. Это тип людей, которые не могут удержаться, их энергия так сильна. Стахович, Носилов — какое сопоставление!

Потом Л. Н. рассказал, что читал в новом номере «Open Court»: разоблачения фокусов медиумов [2]. Л. Н. рассказывал обстоятельно, подробно эти сложные, тонкие хитрости, обманы.

Александра Львовна сказала, что Александра Владимировна и Николай Леонидович верят немножко в спиритизм.

Л. Н. заметил:

— Совсем нельзя верить.

Софья Андреевна вспоминала о споре Страхова с Соловьевым (кажется 1884 г.) [3].

Л. Н.: Соловьев был очень неправ. Это был литературный задор с его стороны.

3 февраля. Я ездил в Тулу за субсидией яснополянской амбулатории. В новом номере «Тульского вестника» описана экспроприация на баташевской фабрике самоваров. Л. Н. ездил в Ясенки. Обедали: Л. Н., Софья Андреевна и я.

За обедом Л. Н. сказал:

— Получил кучу писем с почты. Мужик из Самарской (губернии) пишет про священника, распределяющего пособия (и, по его мнению, недобросовестного), что как только приезжает начальство, велит печь хлеб из желудей. А потом Львовы возят этот хлеб, показывают, какая там нужда[1]. Это иначе не может быть при даровом кормлении. Говорил об экспроприации на баташевской фабрике, причем убит мастеровой и ранен директор фабрики — Занфтлебен.

Л. Н.: Полная распущенность; духовного, нравственного удержу нет, который объединяет людей. Это, что происходит, верный эксперимент. Когда нет нравственного начала, никакие полицейские не могут сдерживать людей. Отнимают револьверы, а они есть. Всё не могут отнять. Теперь смутное время. Если рассуждать с политической точки зрения, ⟨нужно⟩ прогнать всех, за власть борющихся: и Николая, и Витте, и Милюкова, и Петражицкого. Которые борются за власть — никуда не годны. А выбрать Михаила Федоровича, как в Смутное время [2].

Софья Андреевна: Кого же выбрать? Гейдена?

Л. Н.: Никого из борющихся за власть. Им дело до власти, а не до интересов народа.

Софья Андреевна: Тогда и Думы не надо? А на Западе — в Швеции, где Дума, все прекрасно.

Л. Н.: У нас эта борьба (за власть) начинается, а там — во Франции, в Германии, она постоянная. В Германии недавно были сильны социалисты, теперь их победили.

В 10.30 Л. Н. говорил с Михаилом Сергеевичем о славянофилах И. Аксакове, Хомякове, что они, вероятно, были бы того же мнения. Их Земский собор был бы что-то совсем другое, чем Дума. Люди сошлись бы, высказались бы, но тут не было бы никакой борьбы за власть, стремления стать министрами.

---

* Безобразничают (*нем.*).

Софья Андреевна заговорила о том, как (И.С.) Аксаков с любовью говорил, писал о Л. Н. Из писем Страхова она выписывает слова Аксакова: например, что Л. Н. на народ не так смотрит, как мы, но он, может быть, и более прав, чем мы [3].

4 февраля. Л. Н. гулял. В 7 вечера приехал И. М. Трегубов, из Воронежской губернии через Тулу, из Тулы на санях. В жиденьком пальто, без теплой обуви, без рукавиц. В 11 уехал. Остарел он с тех пор, как я его не видел, стал меньше, тоньше. Мечтает о христианской пропаганде и примешивает политику в социальные вопросы. Мы кончили обедать, когда он приехал. Поцеловавшись с Л. Н., сел за стол рядом с ним. Л. Н. расспросил, откуда... Иван Михайлович подал Л. Н. три первых номера новой еженедельной газеты Бодянского [1].

Л. Н.: Газеты — покорнейше благодарю. Они... знаете ⟨карикатуру⟩ «Минин и Пожарский»? Минин сидит на судне и просит у Пожарского бумаги, а тот показывает на Сенат, что там бумаги много.

Потом Иван Михайлович прочел воззвание в пользу сборов для голодающих [2]. Как доказательство того, что голод есть, привел вырезку из «Русского слова» от 31 декабря, где священник Осиповский описывает голод и просит посылать ему средства для пропитания голодающих. Иван Михайлович привез хлеб оттуда и показывал его.

Л. Н. рассказал про письмо крестьянина из Бузулукского уезда, в котором он пишет про священника, который присваивает себе часть поступающих средств, а как приезжает начальство, велит печь из мякины хлеб. Л. Н. до показываемого хлеба не дотронулся. Отыскали письмо бузулукского крестьянина, оказалось, что священник, писавший в «Русское слово», — тот самый, о котором упоминалось в письме.

Л. Н. говорил дальше Трегубову (про воззвание):

— Это надо оставить; это такое фальшивое — это дело. Вот доказательство: письмо крестьянина.

Иван Михайлович: А нельзя ли напечатать его?

Л. Н.: Он мне с тем и послал его, чтобы напечатал; но, бог с ним, чужой грех скроешь — два простятся.

Л. Н. рассказал, что в Ясной и кругом тоже недород. Восьми семьям выдали пособие (земство?). Пришли к Л. Н. 20 мужиков жаловаться и просить, чтобы и им выдали; в том числе и Тарас Фоканычев и другие зажиточные.

Л. Н.: Я им сказал: «Средства ограничены; если давать всем, надо обидеть самых нуждающихся». Они: «Если дают тем, почему не нам?» Кто тут разберет, губернатор? У Тараса Фоканычева три коровы, три лошади, да кормить нечем, а у другого нет скотины, да есть три сына-работника... Если меня спросите, как же я помогал?! — И на лице Л. Н. выразились грусть, стыд и отвращение. Помолчав секунды две, махнул рукой. — Было и тщеславие, и... — Через некоторое время:— Недели три тому назад был здесь Шишков, едущий собирать помощь для голодающих в Англию, в Северную Америку. Просить в Америке, а у государства двухмиллиардный бюджет! Я ему сказал: «Если вас голод так интересует, снимите тулуп, золотые часы и отдайте так, чтобы никто об этом не узнал. И вы сделаете, что можете».

Иван Михайлович рассказал про другое свое воззвание и прочел его. Это воззвание к выборщикам, чтобы обязали своих депутатов в Государственную думу действовать для облегчения наказаний отказавшимся от военной службы во имя требований совести *.

---

* Впоследствии И. И. Горбунов рассказал, что Иван Михайлович обошел редакции московских газет, чтобы напечатали воззвание к членам Думы облегчить положение отказавшимся от военной службы. Ни одна газета не взялась напечатать.

Когда Иван Михайлович читал: «В наше время, когда совершается великое обновление...», Л. Н. поправил:

— Великое развращение. Что будет, это мы не знаем, а теперь есть развращение.

Иван Михайлович дальше опять читал: «... обновление...»

Л. Н.: «Обновление» вычеркнуть.

Потом Иван Михайлович говорил про основание газеты — харьковского «Народного слова».

Л. Н. спросил:

— Сколько подписчиков у него? Пять?

Иван Михайлович: Пока 19. Рассылают даром.

Л. Н. отсоветовал издавать газеты и участвовать в политике. На возражение Ивана Михайловича, что надо проводить в политике христианские начала, что христианским людям надо бороться в политической борьбе с худшими, нехристианскими людьми, Л. Н. ответил:

— Как же бороться? Христианам политическая борьба не идет. У них другие средства воздействия. В политической борьбе грубость. Вы с платочком против человека, другой — с браунингом, бомбами... Бороться... Есть другая область — воздействовать на бомбометателей...

— Газеты читают,— продолжал Л.Н.,— или богатые, для препровождения времени, из привычки, или сторонники враждующих партий.

Иван Михайлович: И народ стал читать.

Л. Н.: Крестьяне, которым интересно сказать, что они читают газеты.

Иван Михайлович: Так тогда и книжки не печатать?

Л. Н.: Если есть уясненная, выраженная мысль, то я двигаюсь вперед. ⟨Можно бы журнал.⟩ Журнал религиозно-нравственного учения, всех религиозно-нравственных учений; без науки, без политики. А (чтобы разъяснялось) самое существенное: как жить.

Л. Н.: Наука — пустая болтовня. Через 20 лет будут удивляться тому, чему теперь придаем первостепенное значение, как лет 20 тому назад — дарвинизму. А пренебрегаем самыми вечными вопросами. Куртыш — неученый, знал ответить, как я не сумел бы. А почему? Потому что у него вечные вопросы стоят на первом плане, а у нас на нервом плане — чепуха научная: какие пятна на солнце, на что они; козявки, металлы в планетах... Были тут астрономы, рассказывали: «Десять миллионов миль...», и, когда рассказывали, я им сказал: «Все это глупости, потому — что̀ за десять миллионов миль — не знаем». Делать для своей совести и бога и не думать о последствиях, а если думаешь о последствиях, так тогда ослабляется деятельность.

Когда Иван Михайлович уехал, Л. Н. о нем:

— Чистый человек, идейный человек.

5 февраля. Понедельник. Утром уехал Михаил Сергеевич в Кочеты. Со вчерашнего вечера была Мария Александровна, уехала сегодня днем. Были Наживин и Андрей Львович; уехали ночью. Л. Н. с Наживиным очень много разговаривали. Вечером Л. Н. показал Андрею Львовичу «Две России» Меньшикова. Замечание Наживина, что эта «Святая Русь» проходит.

Л. Н. (*Андрею Львовичу*): Я тебя хвалил сегодня Мише (Михаил Львович приезжал на два часа), что ты единственный из сыновей, которому могу дать поручение, который исполняет точно.

Андрей Львович был очень милый.

Говорили о том, как распространена картежная игра, лото, порнография.

Л. Н.: О толпе пишет Буренин в стихотворении о Горьком,— и прочел вслух его [1].

Л. Н.: В книге о Кришне, Баба Бхарати, четыре времени года, четыре стотысячных периода; из этого вытекают четыре касты: брамины (святые), военные (управляющие), торговцы, парии (рабы). Он (Баба Бхарати) это разъясняет. В письме ко мне говорит о чистом религиозно-нравственном учении. И, когда разобрать,— во всех религиях одно и то же. А это наросты на великом учении. Хочу приписать Баба Бхарати (в письме к нему), чтобы выделил высшее в учении [2].

Л. Н.: Получаю интересные письма: араб-иеромонах пишет мне, что если я считаю Христа человеком, чудес не признаю, то я унитарианец [3].

Л. Н.: Пишу детский «Круг чтения». Духоборческое почти оставил. Хочу просить Душан Петровича, чтобы убрал.

Л. Н. (*о славянофилах*): Мы всегда спорили, всегда были несогласны и, странно, всегда дружили.

Л. Н.: В Болгарии духовное движение: там отказы от военной службы. Есть два журнала (в духе Л. Н.): «Възраждане» и «Живот» (последний издает Г. С. Шопов в Софии [4], цена 2 франка в год).

6 февраля. Л. Н. гулял умереннее. Кажется, начинает беречь себя.

Л. Н. говорил, что пишет письмо Рейхелю и что получил еще от одного немца книгу о Шекспире [1]. В книге Рейхеля, изданной в 1887 г., находит о «Лире» то же, что он сам написал.

Л. Н.: Мнение о Шекспире теперь пробить нельзя; я писал то, что я чувствую. Художественно чутких людей, например, в музыке, — один-два на тысячу, а принято так, что все люди занимаются, требуют музыки. Критика угождает вкусу бездарного большинства, так и Шекспир.

Л. Н.: Чертков пишет мне о музыке очень хорошо [2]. Критикой занимаются люди-тупицы. Пример: Стасов.

Л. Н. вспомнил про вчера читанную им корректуру «Мыслей Лабрюйера», выбранных Русановым, и сказал, как хорошо пишет Лабрюйер про детей. У детей — свойство жить в будущем, в одном воображении (играют в «больших») [3]. Л. Н. рассказал, как дети его сестры играли в больного, доктора и послали за доктором, которым была Лизанька; она бегала около стола — больной всегда выздоравливал.

Л. Н. сказал про печатающийся роман Наживина [4], что он его прочтет.

Л. Н. прочел вслух из иллюстрированного приложения к «Новому времени» от 3 февраля статью «Волшебные опыты» о выращивании водяного растения из искусственного семени, химически составленного, и на почве, химически составленной. Растет на глазах публики [5]. Л. Н. заметил:

— Это что-то не то.

Для себя Л. Н. читал фельетон Меньшикова «Заживо погребенный» [6].

7 февраля. Л. Н. утром на прогулке устал. В час я вошел к нему в кабинет попросить, чтобы пополудни не ходил гулять. Он раскладывал пасьянс, стало быть, не работалось ему.

Л. Н.: Я сам знаю, что мне можно. Знаю, где безветренные места; в комнате больше задыхаюсь.

За обедом Софья Андреевна, Александра Львовна, Юлия Ивановна.

Л. Н.: Получил письмо от Черткова с распиской. Очень глубокое, умное. Каждый день письмо [1]. Очевидно, у него период возбуждения, озабоченности. Начал было писать к тебе,— сказал Л. Н., обращаясь к Александре Львовне.

Софья Андреевна спросила, какое письмо?

Александра Львовна: Чтобы списать письма и дневники папà. Списываю последние (1906 г.).

Софья Андреевна: Ведь решили не посылать. Я условилась с Чертковым; я ему пошлю те части дневников, которых у него нет, а он мне те части, которых у меня нет. Потом отказались, так как папà не желал.

Ваня спросил Л. Н-ча:

— Пришли мальчики в школу, ждут у крыльца, будете преподавать?

Л. Н. не решил сразу:

— Пусть подождут.

Софья Андреевна и я, в один голос:

— Нет.

Я: Вчера вы с трудом читали.

Через несколько секунд спросил:

— Какое чтение вчера было?

Я: Вы читали вслух о выращивании растения из искусственного семени.

Александра Львовна заинтересовалась. Юлия Ивановна ей пересказала.

Л. Н.: Вот эта газетная литература!

Александра Львовна: Лошади выходят из обихода. В Берлине всё автомобили и автомобили. Не желаю дожить до вытеснения лошадей автомобилями и до питания искусственными растениями.

Л. Н.: Будь спокойна, не доживешь. Никто не доживет.

Софья Андреевна сказала что-то про фабричное производство.

Л. Н.: Нет, не будет. Фабричное производство такое: мучают не лошадей, а людей.

Александра Львовна про свою инфлюэнцу — что идет выпить сухой малины и ляжет.

Л. Н.: Это Душан Петрович одобряет.

Софья Андреевна: И разумно: сухая малина очень помогает.

Л. Н.: Не помогает. Позвольте, Душан Петрович, мне сказать: организм действует против тысячи болезней, а лекарства против одной тысячной. Если организм помогает, выздоравливаешь без лекарства, а если... (Тут перебили Л. Н.)

За чаем. Юлия Ивановна, приводившая в порядок письма к Л. Н., спросила Л. Н., будет ли отвечать Меньшикову.

Л. Н.: Нет.— И похвалил: какое хорошее письмо [2].

Я: В полученном вчера «Новом времени» хорошее его (Меньшикова) введение к статье «Заживо погребенный» о Менделееве.

Л. Н. кивнул головой, согласившись, и сказал:

— Он сам заживо погребенный. Какое у него большое, огромное дарование! Как можно каждый день писать статью!

Софья Андреевна: Разве каждый день пишет?

Л. Н.: Почти каждый день, и всегда содержательно, интересно. Помните,— Л. Н. обратился ко мне, — здесь был три раза еврей-поэт. Сегодня в «Русских ведомостях» в библиографических заметках пишет о стихотворениях Ратгауза, своего друга, — он привез мне его роскошно изданную книгу стихотворений,— что я считаю его (Ратгауза) одним из самых видных русских поэтов нашего времени. Эх!.. Я ему дал карточку (настаивал, три раза приезжал, чтобы Л. Н. рекомендовал его в критики в газету)...

Тут перебила Л. Н. вопросом о Ратгаузе Софья Андреевна.

Л. Н.: Он здесь не был, а его друг [3].

8 февраля. Л. Н. гулял по саду, нося с собой плетеный стул.

За обедом Софья Андреевна, Юлия Ивановна, Александра Львовна.

Л. Н.: Получил два письма от Черткова [1]. Пишет про «вашего внука Илью Андреевича» — философствует с ним, и он все понимает.— После,

в 11-м часу прочел вслух эту часть письма. Владимир Григорьевич очень мило, живо описывает.

Софья Андреевна: Выбрали (в Думу) в Орле Михаила Александровича Стаховича, в Москве — Василия Маклакова, всё наши знакомые. Маклаков говорит: «Землю отдать крестьянам», а сам не отдает. Не так, как ты: до освобождения крестьян отпустил их.

Л. Н.: Я не отпустил.

Софья Андреевна: А что сделал?

Л. Н.: Уничтожил барщину.

Заговорили о предстоящем в Туле концерте трио (Шор, Крейн, Эрлих). Спрашивали меня, поеду ли. Я отказался, такой музыки наслушался за границей. Если бы русский былинник, хор Архангельского, Славянского...

Л. Н.: Душан Петрович прав. За границей в садах играют квартеты, которые в Россию приезжают давать концерты.

Л. Н.: В приложении к «Руси» воспоминания о Чехове [2]. Всем советую прочесть. Редактор ялтинской газеты познакомился с ним и был знакомым несколько лет, и описывает, прямо рисует, его жизнь, — очень верно, правдиво. Написано просто. Чехов сдержанный. Писатель (редактор) не выставляет себя. Желал бы знать его.

Софья Андреевна: Я о Чехове не сумела бы написать. Он бывал у нас и в Хамовниках, и здесь, и в Кореизе, но он все молчал. В Хамовниках раз ужасно поссорился, не помню, из-за чего [3].

Л. Н.: Он малоинтересный. Человек кроткий, добрый.

Говорили про Глинку и его «Жизнь за царя». Теперь 50-летие с его смерти.

Л. Н.: Я не знаю красивее, молодцеватее танца, чем мазурка, и музыка соответственная.

Л. Н. (*про революцию*): Установление формы (конституции) отвлекает от внутренней работы.

Л. Н.: В «Русском слове» телеграмма, если не преувеличено, в Одессе творится что-то ужасное — черносотенцами и людьми «Русского союза» [4].

Л. Н. дал прочесть из иллюстрированного приложения к «Руси» о спиритических обманах. (Читала учительница Наталья Степановна.) И потом удивлялся, как писатель к этому серьезно относится.

Потом Л. Н. сам прочел из «Русских ведомостей» от 5 февраля из библиографического обозрения о поэте Курсинском. Читал с трудом, голос слаб у него. Прочитав — с усмешкой и негодованием:

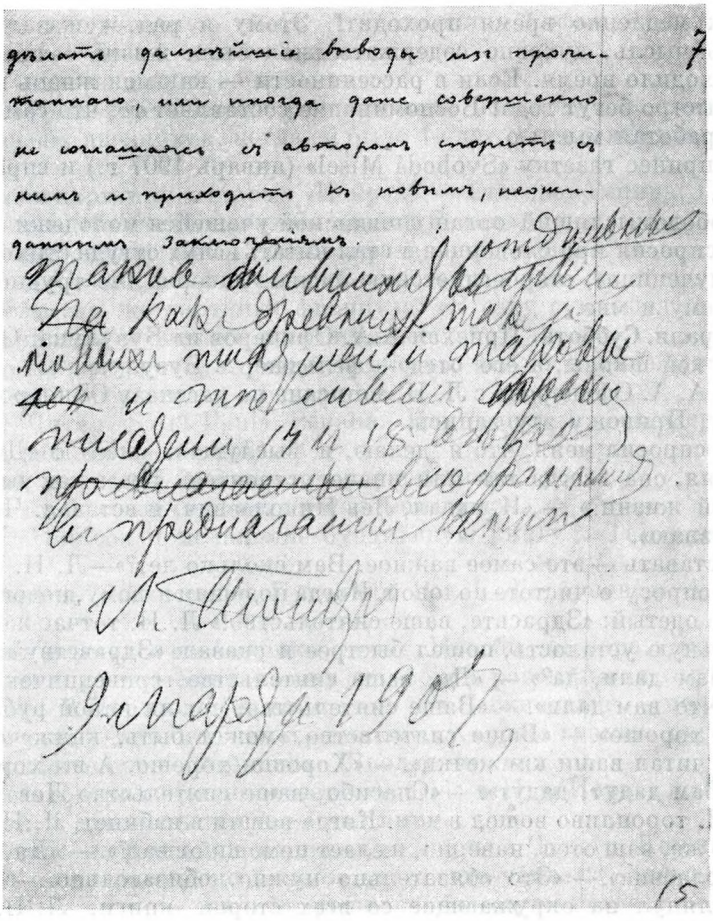
— Критик... одним словом, серьезно относится к этой бредне сумасшедшего [5].

Л. Н. цитировал из «Круга чтения» сегодняшнего дня: «Кто за глаза поносит меня, тот боится меня; а кто в глаза хвалит,— презирает меня» [6].

Софья Андреевна: Надо упрекать в глаза, а хвалить за глаза. Такая похвала не вредна и приятна.

Л. Н.: Всякая похвала вредна; она приятна, но вредна. Мы сами себя достаточно хвалим.

9 февраля. Я вчера и сегодня читал дневник Л. Н. 1906 г., проверяя с Александрой Львовной его копию для Черткова. За чтением и после чувствую восторг, просветление и успокоение. Александра Львовна говорила то же самое: что, переписывая (читая) дневник, становится лучше, спокойнее. Л. Н. бросил намерение писать о духоборах. Вчера отдал мне кучу книг и журналов о них, чтобы разложить их в библиотеке. Сегодня Л. Н. написал письмо Черткову на 12 страницах [1].



ПРЕДИСЛОВИЕ ТОЛСТОГО К СБОРНИКУ «ИЗБРАННЫЕ МЫСЛИ ЛАБРЮЙЕРА С ПРИБАВЛЕНИЕМ АФОРИЗМОВ И МАКСИМ ЛАРОШФУКО, ВОВЕНАРГА И МОНТЕСКЬЕ, 1907

Список рукой Маковицкого (последний лист). Заключительные строки — автограф Толстого

«Л. Н. вспомнил про вчера читанную им корректуру «Мыслей Лабрюйера», выбранных Русановым, и сказал, как хорошо пишет Лабрюйер про детей». — Запись от 6 февраля 1907 г.

К чаю собрались в 10.30: Л. Н., Софья Андреевна, Татьяна Львовна, Юлия Ивановна. Л. Н. показывал Татьяне Львовне «Lettres inédites» — «Неизданные письма Льва Толстого» [2] — а все уже были изданы.

Л. Н. о книге, которую читает, — Renan «St.-Paul»:

— Тяжелая. Ренан — эрудиция, цитирует много, из-за одного слова исторический материал собирает, потом он путешествовал по тем местам и описывает природу — обременяет книгу. Послания Павла — восторженные бредни дикого, суеверного еврея. И чем они [3] стали?! Там были секты религиозно-нравственные, у них Христово учение не имело успеха, но, когда было загажено Павлом, тогда было ими воспринято. Павел учил, что как только умрет антихрист — подразумевался..... * или Нерон,— настанет рай на земле.

Татьяна Львовна вспоминала, что́ было год тому назад. Л. Н. показалось, что это было лет пять тому назад.

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

— Как медленно время проходит! Этому я рад,— сказал Л. Н.— Трудилась мысль, духовно содержательная была жизнь — потому медленно проходило время. Если в рассеянности — как моя жизнь в молодости, как быстро бегут года! Воспоминание составляет то, что сам пережил в мысли, работая мыслью.

Л. Н. принес газетку «Svobodá Misel» (январь 1907 г.) и спросил, что это такое.

Я: Свободомыслящий орган словинской учащейся молодежи в Праге.

Л. Н. спросил про словинцев и стал читать вслух оттуда стихотворение «Первая мученица», староегипетскую басню Ашкерца, но трудно было ее понять и ему и мне.

10 февраля. Суббота. Приехал А.А. Офицеров из Бузулука. Он ученик фельдшерской школы, а его отец — фельдшер в Бузулуке.

Беседа А. А. Офицерова с Л. Н. записана по рассказу Офицерова, мною дополнена. Привожу эту запись.

«Л. Н. спросил меня, что я делаю, и, выслушав, сказал: «Да, жизнь это внешняя, она всегда так или иначе устроится. Ну, а как вы в вашей внутренней жизни?» — «И падал, Лев Николаевич, и вставал. Чего больше — не знаю».

«Да, вставать — это самое важное. Вам сколько лет?»—Л. Н. опять перешел к вопросу о чистоте половой. Когда подошли к дому, подошел человек, плохо одетый: «Здрасьте, ваше сиятельство!» Л. Н. тотчас же, несмотря на сильную усталость, пошел быстрее и сказал: «Здравствуйте, здравствуйте, вам дали, да?» — «Да, ваше сиятельство, гривенничек дали». — «Я знаю, что вам дали». — «Ваше сиятельство, нет ли какой рубашки?» — «Хорошо, хорошо». — «Ваше сиятельство, может быть, книжечек ваших дадите? Я читал ваши книжечки». — «Хорошо, хорошо. А вы хорошо грамотный? Вам дадут, дадут». – «Спасибо, ваше сиятельство Лев Николаевич!» Л. Н. торопливо вошел в дом. Когда вошли в кабинет, Л. Н. продолжал: «Что же, ваш отец, наверно, желает помощи от вас?» — «Да, конечно, Лев Николаевич».— «Это обязательно нужно, обязательно».— Заметив, что я взглянул на окружающие со всех сторон книги, Л. Н. сказал: «Ну, книги, наверно, все эти у вас есть. А «Круг чтения» у вас есть? — И сделал было движение подняться, чтобы дать, но я сказал, что есть.— Вот берите,— сказал он, указывая на книги.— Впрочем, в Москве все это будет. Теперь опять вот уж больше месяца занимаюсь с детьми законом божьим, но все чувствуется, что в самом тебе этого нет или не вполне есть (т. е. чему учить детей). Но все-таки это очень нужно (т. е. составление руководства письменного). Так как отсутствие таких книг (Л. Н. пишет «Круг чтения» для детей и пробует его с детьми) возмещается, и возмещается, конечно, ужасными понятиями о боге-творце, о боге—воздателе за зло, о Христе-боге, об иконах и т. д. Впрочем, что же это все я говорю? Расскажите же вы что-нибудь о себе». Выслушав меня, Л. Н. сказал еще: «Ну, про Кудрина вы знаете, наверное. Он держит себя прекрасно. Меня это очень радует. И вместе с тем я всегда боюсь, боюсь за те страдания, которым они подвергаются. Я очень рад, что Добролюбов оказывает такое влияние. Впрочем, тут, конечно, влияние не Добролюбова...» — Я поспешил согласиться, что это не влияние Добролюбова, и сказал, что теперь я, кажется, освободился от Добролюбова. Л. Н. сказал: «Да, я не знаю, от чего тут освобождаться-то? Его деятельность ведь очень хорошая. Правда, у него есть какая-то искусственность... Вот опять эта его книга [1]. Написать так, и написать после того, как он стал уже другим, это — я не знаю... Если хочешь писать, то пиши так, чтобы все могли понять тебя... Но, что же делать, может быть, это свойство его натуры».

Софья Андреевна связала шапку для бедного овсянниковского мужика, которому Мария Александровна подарила роскошную белую фуфайку,

связанную и подаренную ей С. А. Стахович. Софья Андреевна шьет рубахи, вяжет фуфайки для бедных.

Л. Н. ездил недалеко верхом.

За чаем Татьяна Львовна рассказывала живо, художественно, интересно из своих дневников, когда ей было 14 лет. Есть у нее дневники с 12-ти лет [2].

Смотрели картинку в старых «Искрах» — Стасова, Репина, Горького [3]. Л. Н. сказал, что очень желал бы видеть Репина.

Софья Андреевна: Как Страхов презирал Стасова!

Л. Н.: А Стасов меня презирал.

Смотрели там же картинку француза: «В саду сумасшедшего дома» [4]. Л. Н. нравилась, и смеялся, глядя на нее.

— Это только французы могут написать, так до подробностей выработано. Каждая поза верна,— сказал он.

Л. Н.: Читал «Saint-Paul» Ренана. Как плохо и бессодержательно, но каким языком написано!

Сегодня принесли в залу второе фортепиано.

Л. Н. хотел сегодня начать учить мальчиков.

Л. Н.: Томпсон прислал мне буддийскую книгу [5]. Там о десяти грехах...

11 февраля. Воскресенье. Приехали И. И. Горбунов и А. Н. Коншин.

Коншин вернулся из Америки, видел Кросби, Мевора, Джен Адамс, устроительницу сеттльмента; был у духоборов, рассказывал хорошо, но ничего нового. В Йорктоне 100 гомстэдов *, в Саскичеване — половина этого. У них учат одинокие, полуграмотные. Хорошо грамоте русской и анлийской знает один — Рыбников. Школ у них нет.

Коншин говорил про дом газеты «World» в Нью-Йорке: шесть этажей под землей, а двадцать шесть — над ними.

Л. Н. спросил Коншина, не видал ли бойню в Чикаго. Коншин сказал, что ходил по дворам ее, но в самое место, где убивают, долго не мог решиться войти, а когда, наконец, решился, было уже поздно.

Л. Н.: Понимаю, что должно быть страшно.

Иван Иванович привез очерк Л. Н. «О Шекспире», издание «Посредника» [1] и Генри Джорджа «Общественные задачи» с предисловием Л. Н. и сказал:

— Предисловие написал Лев Николаевич — так и общее замалчивание книги, а это классический перевод (Николаева).

12 февраля. За обедом Л. Н. об Аренском:

— Его композиции просты, он сам просто играл. Попросишь — не отнекивался. Его оценят. Публика его еще не ценит. Знатоки уже оценили его при жизни.

В 7 часов пришли четыре мальчика на урок «закона божия». Л. Н. учил их в моей комнате. Потом поправлял письмо к Рейхелю о Шекспире.

О первом уроке закона божия Л. Н. сказал, что мальчики хорошо пересказывали притчи, но то, к чему они были приведены (религиозно-нравственное учение), от них ускользало.

13 февраля. Приехал М. С. Сухотин. За обедом Софья Андреевна негодовала, что в Государственную думу в Москве прошли три адвоката-говоруна и что умные, честные люди — Гейден и ему подобные — заседать в Думе не будут.

Л. Н.: Кто будет председателем? Милюков? Ужасно трудно мне на это серьезно смотреть.

---

* общин (от англ. homestead — усадьба).

Софья Андреевна: Мы их всех знаем. Выбраны два брата Стаховичи. Михаил завтра приедет.

Софья Андреевна спросила Л. Н. про его письмо к Каткову. Л. Н. рассказал:

— Нас, четверо писателей, обязали писать (исключительно) в «Современник». Брат Каткова ходил к Тургеневу (Л. Н. тогда жил у него) просить статьи для «Русского вестника». Тургенев был особенно мягкий человек, не отказывал ему, а когда он не дал работы в «Русский вестник» (а дал в «Современник»), Катков напал на него. Я ему ответил этим письмом[1]. Эта недобросовестность Тургенева была от его крайней деликатности.

Л. Н. заметил в «Новом времени»: Нарышкина дает роскошный маскарад в Мариинском театре, ложи по 50, 100 р. Состязания, призы в красоте, туалете, бриллиантах. А рядом — воззвание о помощи голодающим Уфимской губернии [2].

Софья Андреевна: Для какой цели устраивает? В пользу своего приюта?

Л. Н.: Да. В пользу употребления своего праздного времени.

Л. Н.: Беллетристика в наше время очень упала.

Михаил Сергеевич, который на этот раз не решился выступить кандидатом и болел во время выборов, жалеет, что не пошел в Думу; говорил про выборы, про будущую Думу. Но, видимо, Л. Н. это гораздо меньше интересовало нынче, чем в прошлом и позапрошлом году. Тогда — хотя он и не ожидал от Думы того, чего ждали его собеседники,— все-таки слушал с каким-то интересом их предположения, ожидания. Сегодня же, мне казалось, было ему безынтересно, даже жалко, что такой детской игре придают взрослые, умные люди такое значение.

14 февраля. Утром приехал М. А. Стахович. Хотя он старый, милый друг всей семьи, все-таки спрашивает предварительно позволения — может ли приехать. Ночью уехал. Уехала и Юлия Ивановна в Москву на шесть дней. Сегодня пополудни Л. Н. зашел ко мне и сказал, что у него одышка и пульс перед прогулкой 90. Я посоветовал меньше ходить и есть четыре раза, вместо трех, и поменьше за один раз есть.

Л. Н.: Общих правил нет. У каждого свои привычки.

Пошел гулять по парку со стулом. Утром ходил к большому пруду и возвращался кругом по сегодня выпавшему глубокому снегу; задыхался, устал. Должен был постоять. Я, видя Л. Н. возвращающимся по липовой аллее, пошел ему навстречу, чтобы взять стул с его плеча, но застал его сидящим. Был сильный юго-западный ветер, дул ему в лицо. Я остановился против Л. Н. (загораживая ветер) слишком близко к нему (дорожка была узка). Это (а может быть и то, что не хотел, чтобы я прерывал ход его мыслей) было неприятно Л. Н. Он вскоре встал и пошел к дому. Лег раньше — в 4.40.

За обедом: Михаил Сергеевич, Татьяна Львовна, М. А. Стахович, который был в ударе, сыпал остротами.

Намекая на слова Михаила Сергеевича, что к тем, которые не выступали в Думе, отнеслись, как к недостойным быть выбранными во Вторую Думу, и выбрали таких, которые будут говорить, Л. Н. сказал:

— А именно эти, не говорившие, достойны уважения. Говорить следует только тогда, когда слова твои лучше молчания [1].

Л. Н.: Я очень рад был прочесть в газетах, что бомбы в печах у Витте были настоящие (т. е. рад, что Витте не играл комедию; оппозиционные газеты, например, «Биржевые ведомости», писали, что не настоящие и что Витте сам велел повесить их в трубы).

Юлия Ивановна сказала Стаховичу, что я против еврейской партии.

Стахович: Это я очень понимаю. Еврейский — это самый тяжелый предстоящий вопрос.

Л. Н.: Надо общие, вечные законы внести. Равные права дать всем, в этом единственное оправдание Думы. Тут удивляюсь и Михаилу Сергеевичу и вам, что этого не делаете, чтобы ввести справедливое отношение людей к земле: «единый налог» Генри Джорджа. Его сейчас можно ввести, и тогда Софья Андреевна, Михаил Сергеевич и вы сможете сейчас прямо смотреть в глаза крестьянам, с ними на равных правах пользуясь землей.

Михаил Александрович: Ведь тогда надо выкупить землю, для справедливости...

Л. Н.: Боюсь, не понимаете Генри Джорджа. Прочтите мое «Единое возможное решение земельного вопроса» и Генри Джорджа «Общественные задачи». «Единый налог» — общий справедливый закон. А выкуп (через Крестьянский банк и т. п.), отдача удельных земель (почему Ивану Павловичу, а не Павлу Ивановичу и Душан Петровичу), все эти меры — это преемство глупости.

Михаил Александрович стал что-то говорить про «единый налог», видимо не понимая его.

Л. Н.: У людей есть «религиозная затычка», у вас есть затычка «справедливого» решения земельного вопроса.— Л. Н. говорил с волнением и преодолеваемым раздражением, задыхаясь от слабости сердца.

Было слышно мальчиков в передней.

Л. Н. (*Михаилу Александровичу*): Это мой университет. Просто излагаю им, как я понимаю закон божий. Это такая трудность! Начал было в декабре, потом прервал из-за болезни и рад тому, что прервал: в это время болезни лучше обдумал и теперь серьезнее взялся.

Л. Н. пошел учить мальчиков. Через 35 минут вернулся в залу. На замечание Михаила Александровича о том, что он теперь не знает, что̀ читать беллетристического, Л. Н. похвалил Куприна, сказал, что у него несомненно, больше таланта, чем у Горького.

— Он еще молод,— сказал Л. Н. про Куприна.— Когда заигрывает с либерализмом, слаб; когда отдается чувству, могущ; любит описывать грязное, неприличное.— И посоветовал прочесть вслух рассказ «Allez!».

Михаил Сергеевич готовился прочесть, а Л. Н. удалился в угол, в кресло, чтобы не разговаривать.

15 февраля. Александра Львовна с Татьяной Львовной уехали в Тулу. Л. Н. после пополуднешней прогулки вечером был бодрее. Обедали Л. Н., Софья Андреевна и я.

Л. Н. спросил меня, что новенького. Потом сказал:

— Наживин прислал роман («Менэ... Тэкел... Фарес») [1].

Софья Андреевна: Что же, хороший будет?

Л. Н.: Боюсь, что нет.

Софья Андреевна: Будет интересно читать, его узнаешь.

Л. Н.: Рассказы его недурны. Можно вслух читать.

Л. Н. попросил меня привести в порядок книги на трех полках, а сам пошел «под своды» учить мальчиков. Потом привел их в залу, где играли Софья Андреевна с Натальей Михайловной в четыре руки; слушали минут десять. Л. Н. стоял с мальчиками в дверях. Видно было, как желал доставить им это удовольствие. Когда мальчики ушли, Л. Н. сказал, что после урока «закона божия» читали Нагорную проповедь. «Все у них уже исковеркано».—И Л. Н. рассказал, как после чтения каждой заповеди они возражали: присягать — можно, врага — не любить должны, гневающийся напрасно — не подлежит осуждению. «Как это больно!»

После Л. Н. пришел в гостиную, где я сортировал книги.

С. А. СТАХОВИЧ
Фотография (фрагмент), 1911
Собрание Э. Е. Зайденшнур, Москва
«Вечером приехала С. А. Стахович...». — Запись от 22 февраля 1907 г.

— Вы на меня, верно, сердитесь? (что в вашей комнате занимаюсь с мальчиками, когда вы хотите поспать, и что я вам даю работу).

— Ах, Лев Николаевич, если бы вы знали!.. — Я хотел сказать, как бывает мне тяжело, что я ему так мало полезен, плохой врач, а как от друга никакой помощи от меня не имеет.

Сегодня Л. Н. получил письмо от железнодорожника, что его мучает вопрос, был ли Адам совершенный человек?

— Такой мрак! — сказал Л. Н.

Вернувшиеся из Тулы Татьяна Львовна и Александра Львовна говорили: было неудавшееся покушение на вагон, в котором ехал великий князь Николай Николаевич. Покушавшийся вырвался от кондуктора и скрылся на ожидавшем его извозчике. Заговорили об описаниях побегов из тюрем и остановились на описании Кропоткина.

Л. Н.: Кропоткин в рекорде теперь побежден.

Татьяна Львовна: Записки Кропоткина как интересны! Особенно детство. Я его всегда путаю с герценовским детством.

Л. Н.: В записках Кропоткина чувствуется влияние Герцена.

16 февраля. Приехали П. П. Картушин и С.Л. Дмитриев. Картушин рассказывал об изданиях «Обновления».

Л. Н. занимался с мальчиками.

Л. Н.: Теперь, когда читаю с мальчиками Евангелие, вижу, как надо отступать от текста — «дай разводную», «подлежит суду» [1] — и говорю им своими словами. Спрашивал, что такое душа. Один ответил: «Чего не видно». Сегодня мальчики обвиняли одного, что он вор, что украл у Вани клетку. Я спросил их, не чувствуют ли они за собой вину? В один голос: «Да, чтобы не судили».

Дмитриев о священнике..... *

Л. Н.: Не могу себе представить священника без сомнения. Как им не иметь сомнений? А вместе с тем есть такие, которые умели заткнуть все отверстия, куда проходит сомнение.

Л. Н.: Читал в «Lettres» опрос читателей о Шекспире. Один пишет о Христе: «Le grand corrupteur de l'humanité» **[2]. Удивительно! У него ведь должна быть своя публика.

Михаил Сергеевич о том, что в Думу, по сообщению какой-то газеты, прошло мало евреев — три (в действительности больше) вместо 24 (в действительности вместо 17).

Л. Н. получил огромную почту и около 12 повесток на заказные письма. Речь о Кросби. Л. Н. вспомнил его псалмы [3]. Кросби пишет подобно Уолту Уитмену религиозно-философское в стихах с неровными, длинными строками, без рифмы.

Л. Н. рассказал (я это сегодня в первый раз слышал), как в Севастополе ударила неприятельская граната в колесо лафета пушки, из которой Л. Н. собирался палить, но был туман, ничего не было видно, Л. Н. стоял у пушки, против самого того колеса. Могло его убить, а даже не поранило. Гранаты были русские, величиной в детскую голову. У неприятеля не было своих гранат, подбирал русские пустые.

Дмитриев о реферате Наживина, посвященного Л.Н.:

— Публикой был встречен сочувственно, также и реферат Николаева о Генри Джордже. Оба говорили просто, не употребляя чужих слов [4].

Дмитриев говорил про концерт, который устраивал в пользу голодающих, и возмущался голодом, действиями правительства.

Л. Н. (*ему*): Вы революционер. Если бы вы жили, как следует, дела бы вам не было до голода.

Разговор о почте, о том, что писем больше становится (против прошлого года втрое больше) и посетителей-единомышленников.

17 февраля. Приехал Б. Н. Леонтьев из Полтавы, бывший ученик Пажеского корпуса, не поступивший на военную службу, работавший два года с Л. Н. на голоде. Маленький, юркий, смуглый, 44-х лет. В близких отношениях с Короленко. Оживленно говорил о выборах в Полтаве, осуждал правительственные меры, говорил о правах народа, которые нужно ему добыть себе в этом освободительном движении. Преклонялся перед героиней Спиридоновой, убившей Луженовского; говорил, как его избили казаки 17 октября 1905 г. Вышел очень живой спор между ним и Л. Н. По памяти несвязно записываю приблизительно то, что возражал Л. Н.

Леонтьев: Власть теперь в руках злых людей, которые хотят одного: властвовать, а желательно, чтобы перешла в руки народа для самоуправления.

Л. Н.: Это, как яд — теперь в куче, а раскидать его по всей муке — тогда не будет ядом.

Леонтьев: Но народу должна быть дана возможность самоуправления.

Л. Н.: На это есть способ у народа. Старики из народа говорят, что без власти жить нельзя.

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

** «великий развратитель человечества» (*франц.*).

Леонтьев: Но народу мешает правительство (давлением) выбирать лучших людей в старосты.

Л. Н.: Мешают (давлением) также революционеры. В Думу выбирали худших людей — писарей.

Леонтьев: Да, но революционеры агитировали, потому что надо было торопиться. Если бы правительство дало возможность обсуждать дела не торопясь, с спокойствием...— Леонтьев жаловался на правительственное насилие при выборах.

Л. Н.: Нужно спокойное, разумное обсуждение каждым человеком, что ему делать. Кругом себя столько работы, никогда ее не переделаешь. Кругом меня самого и вас столько дел (работать над собой), что мне и вам и каждому нечего брать на себя вмешиваться в дела индусов с англичанами.

Леонтьев: Но ведь надо улучшать общественное положение, вот духоборы...

Л. Н.: Духоборы начали с того, что сожгли оружие, революционеры же — с того, что приобрели бомбы с браунингами.

Леонтьев: Ведь общественную жизнь от государства отделить нельзя.

Л. Н.: Общественное устанавливается согласием без насилия, государственное — насилием.

Леонтьев говорил, что народу нужны права и земля.

Л. Н.: Крестьянам нужна земля — это как миллион, а что помимо земли, это как один к миллиону. Крестьяне страдают от двухмиллиардного бюджета, водки, войны, солдатчины, а это никакая другая форма правления не устранит.

Леонтьев говорил еще про права.

Л. Н.: Право может быть одно — делать всякому все, что хочет.

Леонтьев: Для блага других.

Л. Н.: Это (уже) обязанность.

Леонтьев: Теперешняя Дума — не то, что нужно народу: состоит из богатых людей, которые не могут желать блага народу. А надо сделать и землю, и капитал, и орудия производства общими. Правительство не нужно.

Л. Н.: Но ведь пока этого не хотят все люди, до тех пор можно это установить только через власть, насилие, а от него-то страдаем.

Леонтьев: Когда есть такие люди, как Филонов, Луженовский — звери — надо с ними бороться. Спиридонова — нежная душа, не вытерпела, глядя на их бесчинства.

Л. Н. встал, перевел разговор на что-то другое; не вышел из себя, был до удивления сдержанный, терпеливый.

Когда Леонтьев говорил о том, что ведь в других странах лучше живется, больше свободы, Л. Н. ответил после короткого колебания:

— Нет. Сегодня получил письмо из Америки от русского (попавшего в плен в Японии), который пишет, что там меньше свободы, и желает во что бы то ни стало в Россию.

18 февраля. Утром приехал Гастев из Пятигорска. Он с 1887 г. живет земледельческим трудом. Сперва жил в тверской общине, во время голода 1891—1893 гг. помогал голодающим с Л. Н.; теперь живет на Кавказе на земле. На вид — мужик: спокойный, приятный, политикой не занимается. Занимают его религия, обучение детей и деятельность среди сектантов. По его словам, все крестьяне сразу понимают Генри Джорджа: «Ведь я знал, что какой-нибудь добрый, умный человек придумает, как быть с землей», — сказал ему крестьянин, услышав от него про «единый налог». На Кавказе народ против собственности земельной (частной). Хорошо рассказывал про Сютаева: «Все в табе». Сютаев с больными глазами, дожидаясь в приемной у доктора Рахманова, члена тверской общины (когда пришла его очередь и Рахманов хотел полечить его), сказал

ему: «Не буду я у тебя лечиться. Ты каменные порошки даешь, а не присказываешь, как жить надо, а ты учи, как жить надо».

Вечером Л. Н. вспомнил о Сютаеве и, намекая на то, что Гастев сказал о Сютаеве (как он забывался, «стихи подгонял»), Л. Н. рассказал:

— Когда я у него был [1], мы ехали на телеге, он «стихи подгонял», лошадь погонял, телега опрокинулась и нас накрыла.

Л. Н. поощрял Гастева писать о Сютаеве, сказал, что и сам бы желал сделать это *.

Гастев: Сютаев был простой, веселый, самобытный и несамонадеянный; таких, как он, между сектантами нет.

От Софьи Николаевны и от Дубенской прислан мальчик с письмом, чтобы повидал Л. Н. и рассказал о нем. Этот мальчик даровитый, из народа, хочет учиться, «стать человеком». Л. Н. таких называл Ломоносовыми. Гастев сказал, что они думают, что в учении свет.

Л. Н.: Нет, они пили чай с сахаром вприкуску и хотят внакладку. Такие люди хороши, которые от нашей жизни стремятся к трудовой. А такие, которые стремятся кверху, никуда не годны. Дума — это новое средство вылезать от своих и садиться им на шею, своим дедам, отцам. (В Таврическом дворце получают десять рублей в день.) Крестьяне завистливо стремятся быть господами. Зависть есть самая сильная страсть.

Михаил Сергеевич рассказал, как в Орловской губернии крестьяне никак не хотят разделять пособие между одними бедными; только между всеми — как бедными, так и богатыми. Земский начальник дает там деревне пособие, и с тем, чтобы сами выбрали несколько, там восемь или сколько-то самых бедных.

Л. Н.: Зависть есть самая сильная страсть. Их жизнь дурна. Они в руках тех, которые на них сидят, и им внушили, что дай им земли — и им будет хорошо жить. А сковырнуть тех невозможно, так как их сковырнешь — сейчас другие влезут. Почему земли мало? Дай им сколько хочешь земли, дурно будут жить.

Михаил Сергеевич: В Орловской губернии выпито в прошлом году на два миллиона рублей больше водки, чем в позапрошлом году. Скачок начался в марте, когда стали выдавать казенное пособие; всего за год выдали четыре миллиона рублей.

Я сегодня первый раз слышал Л. Н., так говорящего о крестьянах — что они завистливы, хотят из своего положения попасть в господское, пьяницы, полагаются на казенное пособие.

Л. Н. обрадовался рассказу Гастева о священнике, кажется, вдовом, который просто и бедно жил. Приехавший к нему архиерей удивился его бедности и спросил: не пьянствует ли? Или приход бедный? И назначил, чтобы прихожане платили ему 400 р. Он не принимал их: стругал телеги, тем жил и имел нравственное влияние...

Л. Н.: Таких священников я знавал: кочаковский, пироговский пахали. Я теперь пишу (рассказ) про столкновение в семье такого священника (христианского, православного), доброго отца, с детьми-революционерами [2].

Михаил Сергеевич рассказал, что он знал недалеко от себя тоже такого священника.

Александра Львовна сочувственно отозвалась о царевском, близ Пирогова. Страшные трагедии.

Разговор про духоборов.

Л. Н.: Община — она образовалась нравственным насилием и держится нравственным насилием. И уходят из нее.

---

* Гастев после смерти Л. Н. написал воспоминания о Сютаеве. Появились в «Вегетарианском обозрении», 1912 г., № 2, Киев.

Л. Н. получил большую книгу: «La secte russe des hommes de Dieu». Par J. B. Séverac, Paris, 1906 [3]. Похвалил ее серьезность, обработанность, снесение литературы, французское «fini» *.

Затем Л. Н. читал вслух из корректуры, которую теперь держит, «Избранных мыслей» Лабрюйера и других. И сказал:

— Разумеется, никто этой книги читать не будет. Но я с большим удовольствием отделываю ее.

Л. Н. говорил в школе с мальчиками о сострадании к животным: лошадей, собак жалко; крыс, клопов не жалко.

Л. Н.: Во всех делах нельзя дойти до идеала, а только приблизиться. Хочется все познать и все сделать, а можно только некоторую часть.

Л. Н. читал мнения французских писателей о его критике Шекспира (из журнала «Les Lettres») и говорил про N. N., N. N.:

— До чего ограниченны, но пишут ловко и с остроумием.

19 февраля. С Александрой Львовной проверяли дневник Л. Н. Где спешно писал, там из некоторых слов есть одни слоги, на которых ударение, например: вместо «люди» — «лю́».

Приехал Михаил Львович с Л. А. Бобринским — 28-летним адъютантом из Варшавы. Бобринский кажется самостоятельного ума человеком — резкий, решительный. Говорил о Варшаве, о выборах, о будущей Думе — ей сулят просуществовать 10—14 дней, это говорил и Стахович. Л. Н. больше молчал. В четверть 11-го взял «Менэ... Тэкел... Фарес...» и ушел в кабинет.

Михаил Львович сказал, что М. А. Стахович не может остаться вне политической группы — всего выбрали двух «обновленцев» [1] — что должен примкнуть к какой-нибудь партии.

Л. Н.: Почему же? Это слабость мысли. На то, чтобы действовать в области мысли, необходимо нужно *свою* мысль проводить. У каждого есть оттенок, своя точка зрения. А это (присоединение против своего убеждения к чужому) есть добровольное рабство, хуже чем прежнее рабство.

Л. Н. выбрал из Ларошфуко мысли, поручил перевести их Михаилу Сергеевичу и хочет вставить их в книжку «Избранных мыслей Лабрюйера и других», составленную Русановым [2]. Л. Н-чу сегодня легче с сердцем.

— Когда так ослабеешь, чувствуешь приятность. Забота о мнении людей (о внешнем) отпадает, остается одно (серьезное) отношение к внутренней жизни, которое дает болезнь и старость. Это выгода старости,— говорил мне Л. Н.

20 февраля. Под вечер приехали: Н. Л. Оболенский и Андрей Львович с тульским губернатором — М. В. Арцимовичем с женой. Был еще Михаил Львович. Михаил Львович с Александрой Львовной играли на балалайке, гитаре, фортепиано.

Я в «Русском богатстве» читал статью «Толстой и Ибсен по автобиографическим данным» [1]. Л. Н. подошел и спросил, что читаю. Я сказал и добавил:

— Разумеется, умышленно соединили вас с Ибсеном, чтобы умалить вас.

Л. Н.: Да, да. Я не в авантаже теперь; где меня могут кольнуть, там кольнут.

(В «Современном мире» в критических статьях о Шекспире и о «Биографии» Бирюкова Кранихфельд сознательно импутирует** Л. Н-чу иной смысл слов [2].)

Я получил письмо от Шкарвана: болен, слаб, ожидает смерти [3]. Сообщил о письме Л. Н-чу. Прибавил, что не думаю, что так плох, т. к.

---

* «законченность» (*франц.*).

** приписывает (от франц. imputer).

он уже часто в таком смысле писал. Л. Н. поддакнул, что это так и будет, что он это по себе знает:

— Напишите ему, что я ему сочувствую. Он близок к смерти по мыслям своим, а это всегда хорошо; смерть придет сама собой.

Винт. Л. Н., Татьяна Львовна, Михаил Львович, Михаил Сергеевич. Михаил Львович спросил Л. Н., был ли у него хороший голос?

Л. Н.: У вас (Михаила Львовича, Татьяны Львовны) голоса лучше.

21 февраля. Вечером Л. Н. хвалил роман Наживина и прочел вслух полторы страницы с начала, о школьном обучении. Л. Н. сказал, что Наживин пишет то, что сам пережил; что он знает его жизнь.

Я вечером, в 7, поехал к родам и вернулся утром. Ночью уехала Софья Андреевна.

22 февраля. Утром вернулась из Москвы Юлия Ивановна. Приехал Николай Леонидович.

Л. Н. обстоятельно расспрашивал меня про роды, от которых я приехал. Вечером приехала С. А. Стахович. Юлия Ивановна рассказывала о выставке Нестерова [1] — ей понравилась; но о Христе на картине «Святая Русь» говорила с недоумением. Он мог его нарисовать, как на иконах.

Л. Н.: Он должен был его изобразить таким, каким его видят все эти люди, которые пред ним стоят. Они его не могут видеть в виде итальянского ⟨певца?⟩.

Л. Н. (*помолчав*): Это панихида русского православия.

Софья Александровна: Что́ панихида?

Л. Н.: Эти картины (Нестерова) — это панихида.

Разговор о памятнике Александру III скульптора Трубецкого. Недовольны им [2].

Л. Н.: Я его (Трубецкого) люблю. У него отсутствие школы.

Разговор о собаках, лошадях. Л. Н. хвалил русских борзых собак и русских лошадей (их преимущества) перед английскими:

— Какая изуродованная английская лошадь в сравнении с русской!

Николай Леонидович, Софья Александровна в один голос:

— С какой?

Л. Н.: С какой хотите: казанской, черноморской, только заняться выводками. Внесена была арабская кровь, и изгадили русских лошадей.

Николай Леонидович: Орловские рысаки уже не такие, как были.

Л. Н. (*Софье Александровне*): Вы всегда интересные книги читаете, что же теперь читаете?

Софья Александровна: Коран прочла до половины.

Л. Н.: Вот скука! На каком языке читаете?

Софья Александровна стала защищать Коран. Читает его на старом русско-славянском языке в издании 1790 г., хорошо переведен, передано красноречие, образность.

Л. Н.: Нет, это плохая книга. Она может быть красноречива на арабском языке, но не на нашем.

Николай Леонидович: В «Ниве» Сергеенко пишет про тебя и Тургенева плохо [3].

Л. Н. сказал что-то о сыне Сергеенко и потом:

— Дети моих близких (друзей), кроме Дунаева, хороши, особенно по нравственной чистоте.

Михаил Сергеевич рассказал Л. Н. историю, которую от него слышал, но которую Л. Н. не помнил, а вспомнил теперь.

Михаил Сергеевич: Вы, Лев Николаевич, уже женатым написали стихотворение в прозе, и какая-то женщина-приживалка послала его Аксакову в «День». Аксаков возвратил рукопись и написал ей учтивое письмо, как начинающей писательнице.

Л. Н.: Это письмо, должно быть, есть, сохранено [4].

Михаил Сергеевич: А узнал Аксаков об этой ужасной ошибке?

Л. Н.: Нет. Проклятие реномированных * писателей — что́ ни напишут, все признают за годное.

Л. Н. не помнил это, хотя Михаил Сергеевич рассказывал так, как слышал 30 лет тому назад от Л. Н.

Л. Н.: Странно, что́ помнишь, что́ не помнишь.— Потом сказал, что стихотворения в прозе — это было его изобретение. Он дал эту мысль Тургеневу [5].

Михаил Сергеевич рассказал еще историю о тургеневском предисловии к «Даче на Рейне» Ауэрбаха. Ауэрбах читал ее в обществе. Тургенев проспал, а Ауэрбах попросил его написать к русскому переводу предисловие. Тургенев попросил присутствовавшего художника написать предисловие и подписать его — Тургенева — именем. Так и сделали, а Ауэрбах был в восторге от «тургеневского» предисловия [6].

Говорили много об открытии II Думы.

Начали читать вслух Куприна «Гамбринус» («Современный мир», № 2) с опасением, что будет неприличен. На 3-й странице Л. Н. остановил чтение — читал Николай Леонидович — т. к. рассказ показался скучным.

23 февраля. Л. Н. гулял по лесу.

За чаем Л. Н. расспрашивал Софью Александровну. Она говорила про концерт, данный для сбора средств на сооружение памятника Стасову. Пел Шаляпин нехорошие песни [1].

Л. Н.: Это удивительно — слава, какая у Шаляпина.

Софья Александровна: Голос у него хороший.

Л. Н.: Нисколько не хороший.

Затем, когда зашла речь о братьях Лопатиных (один из них играл 3-го мужика в «Плодах просвещения» [2]), Л. Н. сказал:

— У Лопатина лучше голос, чем у Шаляпина, у Шаляпина тембр неприятен [3].

О Лопатине Л. Н. вспомнил, что, когда подошел к нему за кулисами и что-то сказал ему, он его не понял, настолько был погружен в свою роль. Это доказательство, какой серьезный художник (актер) Лопатин.

Разговор о небольшом охмелении, что оно приятно.

Л. Н. был противного мнения, сказал:

— Вкус вина приятен, охмеление неприятно.

Л. Н. дал Александре Львовне, вчера и сегодня больной бронхитом, читать книгу «The Gospel of Buddha» by Paul Carus и поощрял перевести ее. Посоветовал ей приложить к груди пластырь «Fayard» из смолы **. Вспоминал, как ему это средство раз сильный кашель остановило.

Разговор о детях-вегетарианцах.

Л. Н.: Они экземплярные *** у наших знакомых. А у духоборцев!

Софья Александровна читала в газетах нападки на ее брата Михаила Александровича, что он с Крушеваном разговаривает, и сама негодует, что ее брат с устроителем погрома имеет дело.

Л. Н. с 6.45 до половины 8-го учил 12 мальчиков. Один большой пришел в первый раз; Л. Н. ему отказал; он зарыдал. Л. Н. говорил, что внимание у них большое. После урока Л. Н. сам, как ни трудно это ему было, доставал книжки для чтения, свои рассказы, раздавал им. Сам откупоривал кефир (который четвертый день пьет) — не любит утруждать других. И энергия, воспитанная им в себе, видна из этого.

24 февраля. Приехали Горбовы — муж с женой, соседи Сухотиных.

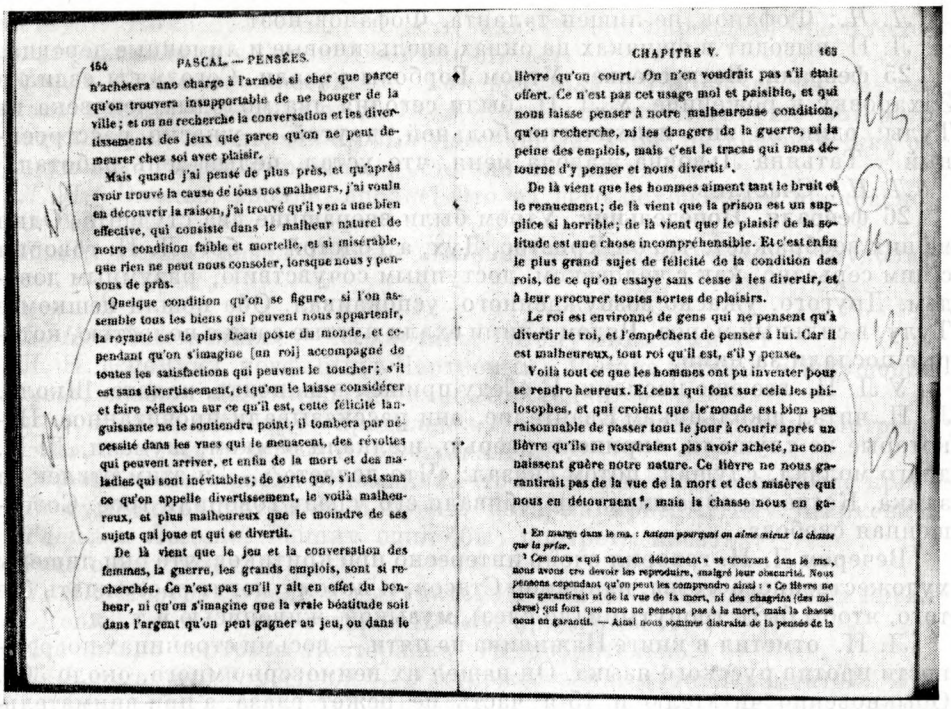
Речь об экспроприации в Московском университете. В Ясной предполагают, что могла быть только при соучастии студентов, которых вели

---

* пользующихся большой известностью (от франц. renommés).

** У нас, в Австрии, народное средство. Врачи презирают его.

*** редкостные, составляющие исключение (от франц. exemplair).



154 PASCAL. — PENSÉES.

n'achètera une charge à l'armée si cher que parce qu'on trouvera insupportable de ne bouger de la ville; et on ne recherche la conversation et les divertissements des jeux que parce qu'on ne peut demeurer chez soi avec plaisir.

Mais quand j'ai pensé de plus près, et qu'après avoir trouvé la cause de tous nos malheurs, j'ai voulu en découvrir la raison, j'ai trouvé qu'il y en a une bien effective, qui consiste dans le malheur naturel de notre condition faible et mortelle, et si misérable, que rien ne peut nous consoler, lorsque nous y pensons de près.

Quelque condition qu'on se figure, si l'on assemble tous les biens qui peuvent nous appartenir, la royauté est le plus beau poste du monde, et cependant qu'on s'imagine [un roi] accompagné de toutes les satisfactions qui peuvent le toucher; s'il est sans divertissement, et qu'on le laisse considérer et faire réflexion sur ce qu'il est, cette félicité languissante ne le soutiendra point; il tombera par nécessité dans les vues qui le menacent, des révoltes qui peuvent arriver, et enfin de la mort et des maladies qui sont inévitables; de sorte que, s'il est sans ce qu'on appelle divertissement, le voilà malheureux, et plus malheureux que le moindre de ses sujets qui joue et qui se divertit.

De là vient que le jeu et la conversation des femmes, la guerre, les grands emplois, sont si recherchés. Ce n'est pas qu'il y ait en effet du bonheur, ni qu'on s'imagine que la vraie béatitude soit dans l'argent qu'on peut gagner au jeu, ou dans le

CHAPITRE V. 165

lièvre qu'on court. On n'en voudrait pas s'il était offert. Ce n'est pas cet usage mol et paisible, et qui nous laisse penser à notre malheureuse condition, qu'on recherche, ni les dangers de la guerre, ni la peine des emplois, mais c'est le tracas qui nous détourne d'y penser et nous divertit[1].

De là vient que les hommes aiment tant le bruit et le remuement; de là vient que la prison est un supplice si horrible; de là vient que le plaisir de la solitude est une chose incompréhensible. Et c'est enfin le plus grand sujet de félicité de la condition des rois, de ce qu'on essaye sans cesse à les divertir, et à leur procurer toutes sortes de plaisirs.

Le roi est environné de gens qui ne pensent qu'à divertir le roi, et l'empêchent de penser à lui. Car il est malheureux, tout roi qu'il est, s'il y pense.

Voilà tout ce que les hommes ont pu inventer pour se rendre heureux. Et ceux qui font sur cela les philosophes, et qui croient que le monde est bien peu raisonnable de passer tout le jour à courir après un lièvre qu'ils ne voudraient pas avoir acheté, ne connaissent guère notre nature. Ce lièvre ne nous garantirait pas de la vue de la mort et des misères qui nous en détournent[2], mais la chasse nous en ga-

[1] En marge dans le ms. : *Autem pourquoi on aime mieux la chasse que la prise.*

[2] Ces mots « qui nous en détournent » se trouvent dans le ms., nous avons cru devoir les reproduire, malgré leur obscurité. Nous pensons cependant qu'on peut les comprendre ainsi : « Ce lièvre ne nous garantirait ni de la vue de la mort, ni des chagrins (des misères) qui font que nous ne pensons pas à la mort, mais la chasse nous en garantit. — Ainsi nous sommes distraits de la pensée de la

СТРАНИЦЫ КНИГИ PENSEES DE PASCAL (PARIS, 1858) С ПОМЕТАМИ ТОЛСТОГО

«Л. Н. ... долго читал Софье Андреевне, Софье Александровне, Марии Александровне Паскаля «Pensées».— Запись от 28 февраля 1907 г.

ведь на этот путь профессора, доценты, пострадавшие теперь от экспроприации. Л. Н. сказал, что он не знал, а только в «Менэ... Тэкел... Фарес...» читал, что обучение одного окончившего университет обходится в 20 тысяч рублей — «чтобы вырастить такого болвана»,— прибавил Л. Н.

Михаил Сергеевич рассказал про господина, ехавшего с ним в вагоне; тот хотел купить газету и, когда он предложил ему свое «Новое время», отчеканил: ««Нового времени» я не читаю».

Л. Н.: Либерализм не дозволяет. Есть такое чувство озлобления к «Новому времени».

Л. Н. говорил о сумасшедших, о каком-то заключенном в сумасшедший дом, который сказал врачу: «Я привык, чтобы у меня была большая работа, дайте мне работу». Врач ему: «Успокойтесь, пополудни дадим вам градусник».

Л. Н.: Разве нынешнее разделение на партии — не полное сумасшествие? Мои belles-filles * — «кадетки».

По поводу фельетона Буренина о Горьком и Толстом [1] Л. Н. сказал про декадентов:

— Это есть такое освобождение от всякой нравственности, религиозности, которые, как муха, мешают им. Они признают одно наслаждение.

Л. Н.: Ведь это Таня помнит — Брюсова, который казался шутом гороховым, а теперь пользуется авторитетом поэта.

Л. Н.: Не могу читать английских, французских стихов, русские — смешны.

* невестки (*франц.*).

Л. Н.: Фофанов не лишен таланта. Фофанов поэт.

Л. Н. выводит в ящичках на окнах апельсиновые и лимонные деревца.

25 февраля. Воскресенье. Утром Горбовы уехали. Сегодня я ездил в Захаровку к роженице. У Л. Н. были сегодня два молодых человека из Тулы; один из них психически больной, другой — ужасно расстроенный [1]. Татьяна Львовна жалела меня, что устал, целый день работал.

Л. Н.: Счастлив.

26 февраля. Понедельник. Утром были вчерашние два студента. Один из них воображает, что он Христос, Дух, а Толстой — бог. Л. Н. говорил с ним серьезно, как с человеком, доступным сочувствию, разумным доводам. Другого, ужасно возбужденного, успокаивал. Оба пошли пешком в Тулу, в сильный мороз. Рядом с ними ехали пустые сани с полостью, которые послали за ними.

У Л. Н. все еще насморк. К обеду пришел в шапочке, халате. Школа. Л. Н. читал школьникам Евангелие, они рассказывали прочитанное. Некоторые не слушали, скрипели дверью, щелкали замком, шумели. Л. Н. долго молчал, слушал, потом сказал: «Что делаете?» — и этим отвлек от замка. Когда он спрашивал, перебивали его, сразу говорили трое. Совершенная свобода.

Вечером Л. Н. говорил очень интересно про критиков, что они лишены художественного чутья, например Стасов, и потому могут рассуждать без того, чтобы быть тронутыми (до слез), музыкой, живописью и т. д.

Л. Н. отметил в книге Наживина на пяти — восьми страницах погрешности против русского языка. Он нашел их неимоверно много, около 300. Обыкновенно читателю и 15-я часть не режет глаза, а при внимательном чтении найдет пятую часть, так мы свыклись с испорченной литературной и газетной речью *.

Л. Н. (*о наживинском языке*): Эта неточность речи пошла с Достоевского и теперь общая: «белым голосом петь», «жидкие глаза». У Меньшикова эпитеты верные, как одежда, которая хорошо идет.

Л. Н. привел много примеров из Меньшикова, как он обогатил литературный язык, его выражения останутся (будут употребляться).

Софья Александровна спросила о «Купце Калашникове». Л. Н-чу не совсем нравится; есть (о боге) неестественные, преувеличенные фразы.

Софья Александровна спросила Л. Н., читал ли Писарева.

Л. Н.: Пересматривал.

Была речь о Белинском.

27 февраля. Вторник. Софья Андреевна вернулась из Москвы. Л. Н. не выходил из-за насморка. Вечером принес десять писем, которые написал сегодня [1], кроме них — статью [2]. Заметил: сколько времени проходит (теряется) прогулкой, но что не жалеет, она нужна.

Софья Андреевна: Ты ведь тогда обдумываешь, не теряешь время для работы.

Л. Н. сделал отрицательный жест, сказал:

— Хорошо на воздухе прогуляться.

Л. Н. получил немецкое письмо из Чикаго, о земле, о том, что 80 миллионов американцев, захватив шесть миллионов квадратных километров земли, не впускают туда японцев, китайцев, а европейцев — с ограничениями. На товары — пошлина 50 процентов их ценности [3].

Л. Н.: Вот Генри Джордж! Американцы захватили кусок земли, а другие — погибай! Государство, как помещик, захватило землю и благо-

---

* Факсимиле этих страниц с отметками Л. Н. следовало бы сделать известным всем пишущим, как наглядный образец обиходного литературного языка и степени чистоты, какая желательна и возможна. Факсимиле бы помещать в энциклопедическом словаре, в учебнике.

денствует. Это соображение (что есть захват земли народами) мне в голову не приходило, и у Генри Джорджа его нет.

Софья Андреевна рассказала, как работала в Историческом музее. Читала письмо Страхова к Л. Н. о Достоевском, биографию которого Страхов писал; пишет, что он был тщеславный, злой, развратный; как об этом писать? Решил умолчать, пусть зло погибнет.

Л. Н.: Вполне, вполне, вполне! Это на него похоже — и прекрасно.

О Репине.

Л. Н.: Репин сказал Татьяне Львовне: «Я не талантлив, я трудолюбив».

Л. Н.: «Запорожцы» — не картина, потому что мысли нет.

Л. Н. вспомнил, когда был с Чертковым у Репина и видел «Искушение Иисуса», сказал: «Это отвратительно, это гадко...»

— А на мое счастье,— продолжал Л. Н.,— после того там смотрели «Дуэль», от которой я просто расплакался» [4].

Софья Александровна вспомнила, что Репин писал «Дуэль» после прочтения судебного протокола о дуэли, который прислал ему Жиркевич.

Татьяна Львовна: Репину одни ⟨бы⟩ портреты писать.

Речь о портретах.

Л. Н.: Портреты нельзя выдумать. Их лет 200, 300 тому назад писал Ван-Дейк — и так, как теперь. Нечего придумывать.

Что-то про портреты Пастернака. Неодобрительно.

Л. Н.: Репин, Трубецкой — с художественным темпераментом. Это их главное, а вегетарианство и прочее — побочное. На портрете должен быть человек, как живой. Копия перовского портрета Тургенева была выставлена в окне художественного магазина на Арбате. Посмотришь нечаянно — впечатление, как живого [5].

Софья Андреевна: Я выписала из твоих записных книжек мысли о женщинах. Ты несправедливо о них рассуждаешь.

Софья Александровна (*Л. Н-чу*): Я 21 год знакома с вами, и вы все время унизительно высказываетесь о женщинах.

Л. Н.: Наоборот. Хорошая женщина лучше всякого лучшего мужчины, дурная — хуже худшего мужчины.

Софья Андреевна стала читать выписки про женщин.

Л. Н.: Это все прекрасно. Тут ничего несправедливого.

Л. Н. получил письмо вдовы, выйти ли ей замуж [6]:

— Всегда спрашивают, если желают свое желание подтвердить. Я отвечаю таким: «Если вы чувствуете, что не можете жить целомудренно».

Л. Н. вышел к чаю в 11. Принес Наживина «Менэ... Тэкел... Фарес...» и отдал читать Софье Александровне. Сказал:

— Конец пересмотрел и не отмечал. Нехорошо, что меня хвалит; нехорошо — романическое. Про революцию — многосторонность, интересно пишет. Напрасно роман писал. Я думаю, как роман скорее слаб, но рассуждения сильные высказывает. И смелость большая. Отрицание существующего революционного освободительного движения. Большое нагромождение событий: и голод, и бомбы... это ослабляет впечатление [7].

Всё это Л. Н. сказал не сразу, а отвечая на несколько замечаний Софьи Александровны.

Л. Н. с Софьей Александровной про покушения последних дней.

Л. Н.: Покушения — признак ненависти к властям, к власти вообще и к богатым. Это признак, что форма жизни насилием, силою отжила. (Как отжило рабство.)

Я дал прочесть Л. Н. французское письмо Шкарвана, в котором отказывается явиться свидетелем в суд [8].

Л. Н.: Хорошо.— И прочел его вслух.

28 февраля. Приехала Мария Александровна. Л. Н. пополудни не выходил; вышел к дневному чаю и долго читал Софье Андреевне, Софье Александровне, Марии Александровне Паскаля «Pensées» [1]. Пришли Михаил Сергеевич и Наталья Михайловна, Л. Н. все продолжал читать.

— Люблю Паскаля и Амиеля,— сказал он.

Л. Н. (*о своей школе*): Теперь читаем Евангелие. Я хочу перебить его рассказами, а во всем «Круге чтения» годных рассказов нашел только десять. Дети — строгие судьи в литературе. Нужно, чтобы рассказы для них были написаны и ясно, и интересно, и нравственно. Ведь прекрасные «Живые мощи» Тургенева не подходят им (деревенским детям). Охотник пришел, барские воспоминания. Это удивительно, как мало в литературе того, что можно читать с детьми, с серьезными людьми и с требованиями от себя. Не нашлось бы что в Лескове и Чехове? Впрочем, искал и, кроме «Беглеца» [2], не нашел.

Вечером я лег в своей комнате и слышал, как Л. Н. занимался с мальчиками «под сводами»: Л. Н. читал «Краткое изложение Евангелия», объяснял и спрашивал. Мальчики, перебивая друг друга, отвечали. Когда некоторые из них шумели и не слушали Л. Н., он или повышал тон, или просто говорил: «Мальчики!» или «Слушайте!» (не раздраженным, а спокойным голосом) и продолжал читать; и они всегда стихали и продолжали слушать *. Но вскоре я заснул, не дослышал до конца. Потом, как всегда, просили книжек, и Л. Н. дал им.

Не помню, к чему Л. Н. сказал:

— Как печатное слово импонирует! Я читаю и приписываю ему больше значения, чем сказанному (... он ‹автор?› связывает слова...), но важны те мотивы, по которым он пишет и по которым говорят люди. Вот что важно.

Л. Н. просил Наталью Михайловну починить ему маленькое синодальное Евангелие.

— 25 лет с этим Евангелием занимаюсь, привык к нему,— сказал Л. Н.— Приклеить корешок, почти оторвался.

Михаил Сергеевич длинно рассказал про своего сына Сережу, учащегося в Лозанне, про его отношения к вдове, с которой философствует.

Л. Н.: Когда я был молодым человеком, отношения к женщинам своего круга были самые чистые.

Софья Андреевна говорила про забастовки типографщиков, трамвайных служащих, рабочих на заводах в Москве (один — английский — расчел всех). Софья Александровна говорила, что развелось нищих в Москве— ужас и что просят не «христа ради», а «будьте любезны».

Вечером уехала С. А. Стахович.

Л. Н. говорил, что получил письмо от 16-летнего гимназиста из Урюпина, что он принадлежит к социал-демократической партии, что желал бы посетить Л. Н. и Софью Андреевну: «Вы старенькие, скоро умрете».

— Это мне приятно слышать, действительно приятно,— сказал Л. Н.

Уезжавшей С. А. Стахович Л. Н. сказал:

— Скажите братьям (Михаилу и Александру, членам Думы): единственное, что им нужно сказать, о чем все молчали: обложить всю землю единым налогом. Больше ничего и не нужно. А то и совестно, что они молчат.

И спросил Софью Александровну:

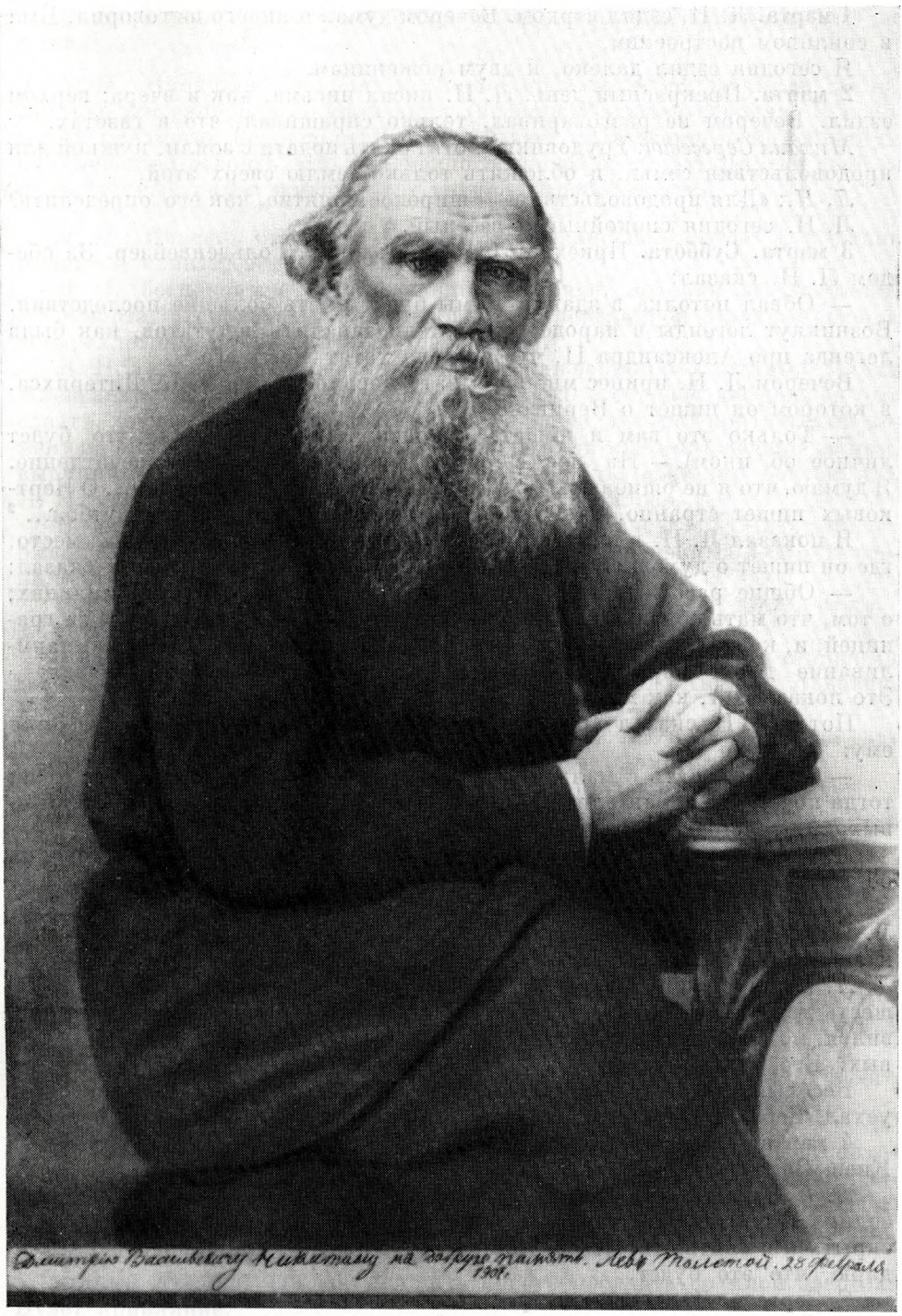
— А что, ваши братья читали Генри Джорджа?

— Нет. (И она, кажется, не читала.)

Л. Н.: Ах, как удивительно! Как же можно было это не читать!

---

* В другой раз сказал таким шумящим: «Если вы хотите учиться, то слушайте если же не хотите, то не мешайте нам».



ТОЛСТОЙ
Москва, 1896

Фотография фирмы Шерер и Набгольц с дарственной надписью: «Дмитрию Васильевичу Никитину на добрую память. Лев Толстой 28 февраля 1907 г.»

1 марта. Л. Н. ездил верхом. Вечером думал и ничего не говорил. Был в сонливом настроении.

Я сегодня ездил далеко, к двум роженицам.

2 марта. Прекрасный день. Л. Н. писал письма, как и вчера; верхом ездил. Вечером не разговаривал, только спрашивал, что̀ в газетах.

Михаил Сергеевич: Трудовики [1] хотят снять подати с земли, нужной для продовольствия семьи, и обложить только землю сверх этой.

Л. Н.: «Для продовольствия»— широкое понятие, как его определить?

Л. Н. сегодня спокойный и веселый.

3 марта. Суббота. Приехали Сергей Львович, Гольденвейзер. За обедом Л. Н. сказал:

— Обвал потолка в здании Думы будет иметь большие последствия. Возникнут легенды в народе, что хотели завалить депутатов, как была легенда про Александра II, что господа хотят убить его [1].

Вечером Л. Н. принес мне в комнату письмо ко мне И. К. Дитерихса, в котором он пишет о Веригине.

— Только это вам и пишет?— спросил Л. Н. (ожидал, что будет личное об ином).— На нас Веригин произвел хорошее впечатление. Я думаю, что я не ошибаюсь.— Немного помолчав:— А впрочем... О Чертковых пишет странно, как будто бы ими недоволен... Этот футбол... [2]

Я показал Л. Н. в книге Снегирева «Маточные кровотечения», место, где он пишет о духовной стороне брачной жизни. Л. Н. прочел и сказал:

— Общие рассуждения.— Потом прочел о кормлении, кормилицах; о том, что мать обязана сама кормить; спросил, как (на этот счет) за границей, и, когда я ответил, что за границей среди богатых классов выкармливание детей кормилицами очень распространено, Л. Н. сказал: — Это показывает, как мы дошли до конца нашей цивилизации.

Потом Л. Н. сказал о своем «Законе божием для детей», что не удается ему:

— Начал читать с мальчиками Евангелие, но отступаю от его хода; тогда почему же Евангелие? Хотел из «Круга чтения» сделать детский — выходит слишком теоретическое.

Л. Н-чу тоже не нравится. Не умеет справиться с задачей. Но говорил об этом спокойно, с улыбкой, не с огорчением и безнадежностью.

Л. Н. спросил Гольденвейзера, не знает ли он Горького «Le sage»? Л. Н. читал в журнале «Etudes Franco-Russes» [3]. Гольденвейзер не знал и заметил, что новая пьеса Горького была освистана в Риме [4].

Л. Н.: Горького слава не выдержала. Островский написал пять-шесть драм («Не так живи, как хочется»— это его зенит), потом остановился, но последние его (плохие) драмы все восхваляли во имя славы первых. Его слава выдержала.

Веселый, какой-то распущенный вечер: кефир, вино. Гольденвейзер уехал, Сергей Львович играл на фортепиано с 11 до половины первого.

4 марта. Приехали Н. Л. и М. Л. Оболенские, М. Л. ночью уехал в Киев. За обедом — об астрономии.

Л. Н. : Были интересные астрономы [1]. Году в 1852 было затмение солнца. Барятинский послал сказать Шамилю, что он прикажет солнцу скрыться и опять открыться. Шамиль ему ответил, что он знает по календарю, что это будет.

С Сергеем Львовичем споря, Л. Н. сказал:

— Весь опыт так называемых физических наук — это история, а системы — это басни. Системы на нашей памяти одна другую заменяют.

Л. Н.: Каждый человек есть все проявляющееся новое и новое существо, а не есть тот же человек.

Сергей Львович вспомнил Ивакина, бывшего домашнего учителя, что он мог бы Софье Андреевне многое припомнить для ее книги [2].

Л. Н.: Какая это жизнь — учителя гимназии. Всё одному и тому же учит.

Л. Н.: Японцы и англичан и американцев за пояс заткнули, за несколько лет западную цивилизацию (внешнюю) совсем освоили. В некоторых предметах опередили. Это доказывает, что очень легко западную цивилизацию освоить, что она медного гроша не стоит. Другое дело — нравственный склад жизни: этот трудно вырабатывается.

Л. Н.: Болезнь старости — забывать недавно пережитое. А все-таки помнится квинтэссенция пережитого.

Л. Н. беспокоится об Александре Львовне, которая все кашляет.

5 марта. Приехал Михаил Львович с Александрой Владимировной, четырехлетним Ваней и трехлетней Таней.

Л. Н. за обедом рассказал, как, подъезжая верхом от плотины к Марии Александровне, его лошадь завязла по брюхо в сугробе; он должен был слезть, держать лошадь за поводья, и сам завяз, и в этот критический момент на них набросились собаки. Тут подбежали мужики, шедшие за ним, выручили. Собаки нападали больше на лошадь (а Делир боится их). Л. Н. испугался, и после сердце у него расстроилось.

Вечером Л. Н. занимался с мальчиками «под сводами». Читал им отрывок из «Записок из Мертвого дома» («Орел»), помещенный в «Круге чтения» [1] — и рассказал про Достоевского.

Потом раздавал книжки. «Лев Николаевич! Мне ету дайте, ету!»

Ночью уехал Сергей Львович.

6 марта. Вторник. Второй день Михаил Львович с женой и старшими детьми. Я весь день с больными. Вечером приехал Андрей Львович. У Л. Н. школа.

Андрей Львович говорил про озлобление рабочих в Туле. Когда едет с должностным лицом, им кричат: «Кровопийцы, дармоеды!» и т. п.

Л. Н.: Понятно. Были в гипнозе, гипноз прошел [1].

По этому поводу произошел спор между Л. Н., с одной стороны, и Софьей Андреевной и Андреем Львовичем, с другой.

Софья Андреевна: Ведь в Америке еще больше разницы, чем у нас, между богатыми и бедными, почему же там не так? Если гипноз, то общий.

Спор.

Л. Н.: Мне стыдно, когда несут мороженое и мальчики стоят в передней.

Андрей Львович: А я завидую великому князю...

Л. Н.: Разница между его и твоим образом жизни не так велика. Мужику, во-первых, говоришь «ты», в комнату твою он не может войти...

В споре живо участвовала Софья Андреевна.

Л. Н.: Выгода богатых, что могут видеть несправедливость своего положения и переменить его. Несчастье бедных, что они завидуют.

Л. Н. (*Андрею Львовичу*): Не надо участвовать в революции и в контрреволюции — перемены внешней жизни бесполезны, и не в нашей власти.— Одно внутреннее (внутренняя работа над собой, изменение себя) нужно, и одно оно в нашей власти. Не можем знать и изменять будущее, а только самого себя.

Андрей Львович: Что же, пьяного нищего посадить со мной за стол? Будет кривляние.

Софья Андреевна привела подобные же, impraticables * примеры.

Л. Н.: Приво́дите крайности, а нужно в обыденной жизни, в том, что кажется мелочами, изменяться: вот я теперь уйду к себе, и, если не буду волноваться и не стану осуждать вас, скажу себе: «Слава богу» и буду

---

* неприменимые (*франц.*).

рад, почувствую блаженное чувство; если же потеряю терпение, буду недоволен собой. Становиться лучше — это единственная (возможная) радость, благо. А другие заботы, радости — это Танины матрешки-игрушки — ни к чему.

Михаил Львович попросил читать домой Наживина «Менэ... Тэкел... Фарес...» с отметками Л. Н.; Александра Владимировна —«Ramakrishna» Баба Бхарати. Л. Н. дал, только просил вернуть.

Мальчики каждый день просят книг, и Л. Н. каждый день им дает, хотя как должно быть трудно ему распределять их. У мальчиков это вроде мании: иногда приходят каждый день за книгами; у иных их, должно быть, по 30, нам уже давно надоело им давать.

За обедом Л. Н. шутил с Таней (дочкой Александры Владимировны) и спрашивал ее немецкие слова. Знала и умела отвечать *.

В час ночи Л. Н. пришел ко мне:

— Вы еще не ложились? Какое это сердечное средство? Мне оно не нужно, а только спросить пришел. Не вспомню — не засну.

Я: Строфант.

Л. Н.: Да, строфант. Не мог вспомнить.

7 марта. Л. Н. ездил верхом.

Вечером приехал Н. Я. Гурович, дантист, автор статьи «Об альтруизме». (Он посылал ее в рукописи Л. Н., и Л. Н. ему из учтивости ответил [1].) Л. Н. с ним поговорил.

Л. Н. (*о нем*): Самоуверенно, как если бы что новое говорил, а ничего не знает, что в литературе об этом написано. Кажется, психически больной...

Л. Н. хвалил сегодняшние занятия в школе, потом просматривал каталог изданий «Посредника» 1900 г. За чаем прочли вслух рассказ «Телка» (издание «Посредника») [2].

Л. Н.: Хорошо написано (первая половина).

Л. Н. продиктовал Александре Львовне, какие книжки ему нужны для детского «Круга чтения». Просматривая каталог «Посредника», сказал:

— Что тут труда! — Продиктовал мне названия еще нескольких хороших книг и сказал: — Переделать все их надо, изложить детям [3].

Потом Л. Н. рассказал об индусской книге на английском языке, которую сейчас читает; что там есть рассказ о царе, который пошел в пустынники, похожий на рассказы о христианских пустынниках [4].

Л. Н., проходя через переднюю, где я ставил в шкаф книги, сказал, указывая глазами на толстые церковнославянские книги:

— Вот «Жития святых»; ими мало пользуюсь.— И Л. Н. постоял, как мне показалось, колеблясь, не взять ли к себе эти книги.

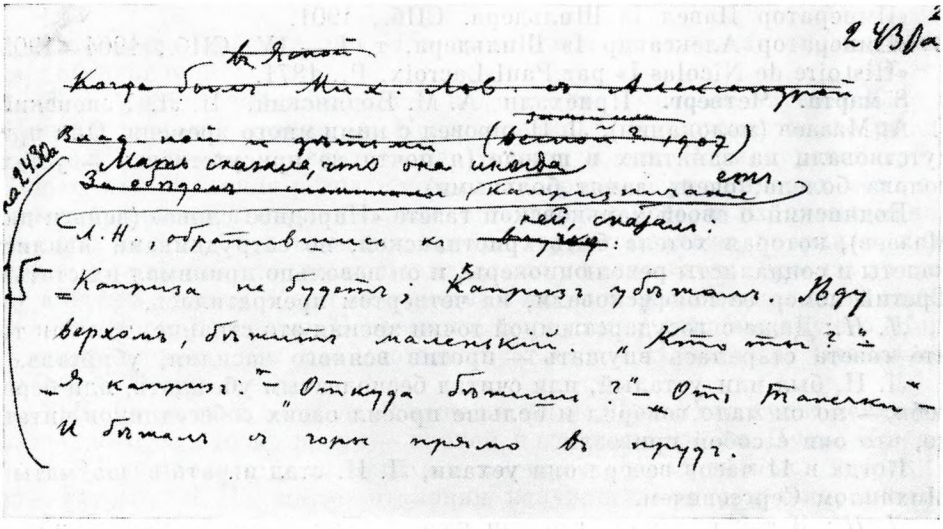
Л. Н.: Сегодня к «закону божию» подошла сказка о пришедшем к Пифии. Не нужно знать будущее, а только самого себя — γνωθι σεαυτὸν ** (т. е. то, что твоя божественная душа требует в настоящем).

Л. Н. убрал из кабинета исторические книги: о декабристах, Екатерине II, Павле, Александре I, Николае I и Александре II. Он их держал и читал прошлым летом и осенью для исторической работы (романа), которую бросил. Те книги, которые были из петербургской и московской библиотек, возвратил на прошлой неделе через С. А. Стахович и Сергея Львовича. Некоторые же книги из тех библиотек, которые не мог вспом-

---

* Когда был в Ясной Михаил Львович с Александрой Владимировной и детьми (весной? 1907, зимой или...), за обедом вспоминали капризничанье. Л.Н., обратившись к внучке: «Каприза не будет. Каприз убежал. Еду верхом, бежит маленький. «Кто ты?» — «Я каприз». — «Откуда бежишь?» — «От Танечки». — И бежал с горы прямо в пруд».— *Из позднейших записей Маковицкого.*

** Познай самого себя (*греч.*).



ОТРЫВОК ЗАПИСИ МАКОВИЦКОГО НА ОТДЕЛЬНОМ ЛИСТКЕ К ТЕКСТУ ОТ 6 МАРТА 1907 г.

Листок вложен в машинописную копию «Яснополянских записок» в обработке Н. Н. Гусева. Правка рукой Гусева

нить, из какой, остались пока неотосланными. Штемпелей на книгах нет.

Исторические книги, убранные 7 марта 1907 г. из кабинета Л. Н.:

«Сибирь и каторга» С. Максимова. СПб., 1891.

«Раскольники и острожники» Ф. В. Ливанова.

«Сочинения и переписка К. Ф. Рылеева». СПб., 1872.

«Религиозные убеждения декабристов» прот. Т. Буткевича. Харьков, 1900.

«Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном» А. П. Беляева. СПб., 1882.

«Записки И. Д. Якушкина». М., 1905.

«Донесение его имп. величеству Следственной комиссии» (старая книга). ⟨СПб.,⟩ 1826.

«Воцарение императора Николая I».—«Русский вестник», 1882.

«Воспоминания декабриста А. С. Гангеблова». М., 1888.

«Император Николай и иностранные дворы» С. С. Татищева. СПб., 1889.

«Первый декабрист Вл. Раевский» П. Е. Щеголева. СПб., 1905.

«К истории декабристов». Статьи С. Лунина, Никиты Муравьева. М., 1906.

«Внешняя политика Николая I» С. С. Татищева. СПб., 1887.

⟨М. А. К о р ф⟩. «Восшествие на престол Николая I». СПб., 1857.

«Записки Басаргина». М., 1872.

«Дипломатические сношения России и Франции 1808—1812 гг.» вел. кн. Николая Михайловича, т. IV — V. СПб., 1906—1907.

«История Николая I» Поля Лакруа, т. I, вып. 1—2. М., 1877—78.

«Император Александр II» С. С. Татищева, т. I — II. СПб., 1903.

«Записки С. Гр. Волконского» (декабриста). СПб., 1902.

«Записки кн. М. Н. Волконской». СПб., 1904.

«Князья Долгорукие, сподвижники Александра I», вел. кн. Николая Михайловича. СПб., 1901.

«Император Николай I» Шильдера, т. I — IV. СПб., 1903.

«Император Павел I» Шильдера. СПб., 1901.
«Император Александр I» Шильдера, т. I — IV. СПб., 1904—1905.
«Histoire de Nicolas I» par Paul Lacroix. P., 1871.

8 марта. Четверг. Приехали А. М. Бодянский, П. Л. Успенский, П. А. Мазаев (молоканин). Л. Н. провел с ними много времени. Они присутствовали на занятиях в школе (я почти не присутствовал — устал, голова болела, очень занят больными).

Бодянский о своей харьковской газете «Народное слово» (деньги дал Мазаев), которая хотела быть христианской, но сотрудниками явились кадеты и социалисты-революционеры, и он невольно принимал их статьи. Третий номер ее конфисковали, на четвертом прекратилась.

Л. Н.: Даже с государственной точки зрения это странно, так как то, что́ газета старалась внушать — против всякого насилия, убийства.

Л. Н. был или усталый, или считал бесполезным убеждать, или берег себя,— но он мало говорил и больше просил своих собеседников читать то, что они с собой привезли.

Когда в 11 часов вечера они уехали, Л. Н. стал играть в шахматы с Михаилом Сергеевичем.

Л. Н.: Я так и думал, что они кадеты. Тот, черный (Успенский) — не кадет. Высокий (Мазаев) ни при чем. Он только деньги дает.

Михаил Сергеевич спросил, зачем они издавали газету.

Л. Н.: Бодянский — себя заявить. Тот (Мазаев) — выдвинуть себя, а тот (Успенский) — умный человек, знаю его по его письму о Кудрине [1].

Вечером в 7 приехал и уехал в 11 Андрей Львович. Рассказывал про студента Покровского — нервного и психически больного, бывшего в Ясной неделю тому назад. Больной находится в больнице для душевнобольных, и выдают его на поруки в Москву.

Л. Н. сказал про него и его нервного друга-туляка, ходившего в Ясную чаще:

— Он (туляк) не знал, что тот сумасшедший, потому что находился под его влиянием.

9 марта. Пятница. Л. Н. ездил в Ясенки. Вечером: Л. Н., Софья Андреевна, Сухотины, Юлия Ивановна, Николай Леонидович. Александра Львовна лежит.

Софья Андреевна получила анонимное письмо (от яснополянского крестьянина Михеева), чтобы доктор прекратил лечение в деревне: во-первых, заносятся разные болезни в деревню; во-вторых, он мало занимается деревенскими, а больше чужими, которые платят.

Л. Н. (*мне*): Неприятное письмо,— и выразил недоумение и любопытство, какая причина побудила написать его. Я предположил, что зависть к Марфе, где квартира [1]. Л. Н. согласился и сказал:

— В Груманте сходка; хотят снести два каменных дома новопостроенные, стесняющие выгон. В Ясной хотят снести угловой дом Степана Резунова, потому что на аршин в переулок вдался. Зависть, взаимное озлобление. Дай (крестьянам) три месяца анархии — так будут друг друга обижать, что пожелают Николая Павловича, только бы завел какой-нибудь законный порядок.

Сегодня Л. Н. говорил с начальником почты в Ясенках. Начальник сказал, что Дума, новое правительство увеличит их оклад, можно будет детей воспитать.

Л. Н. (*ему*): Ведь достаточен для пропитания семьи? Дети могут обучаться ремеслу.

Он: Разве плотничьему; сыновей надо в технологическое училище, дочерей — на курсы.

Л. Н.: Стало быть, на шею народа. Вот где корень желания перемены

правительства, либерализма. Наивный эгоизм. Этот эгоизм оправдывается либерализмом.

Л. Н. (*радостным голосом*): Я получил два хороших письма: Картушина [2] и студента-медика (А. Колесниченко) [3]. Картушин твердо решил работать на земле, поселиться на Кавказе (Сочи, Черноморской губ.). Пишет, что тамошние революционеры теперь не берут никаких моих сочинений, потому что начинаются разговоры о боге, и их прокламации не хотят читать. Студент-медик, пройдя через социализм, анархизм, пришел к убеждению, что наша цивилизация у конца; хочет бросить училище и идти в общину. Ищет знакомства с людьми одних взглядов, напишите ему адреса: Дудченко, Беневского, Картушина; спишите ему его (Картушина) письмо, как раз соответствует ему — Николаева, Суткового, Лебрена. Я ему отвечу.

У Л. Н. сегодня перебои. Я зашел к нему. Щупал его пульс левой руки, он же себе в то же время — правой, и считали перебои. Пульс 80, слабый. Я советовал ему не писать и не читать, наклонившись вперед, и еще кое-что. Л. Н., мягко отклоняя ненужные мои старания, сказал: «Старость не вылечите».

Вечером Л. Н. ходил по зале. В 11 выпил черного кофе. Софья Андреевна не знала, что у него перебои, и, когда я ему принес в кабинет кофе, дал мне знак не шуметь, чтобы Софья Андреевна не услыхала.

Л. Н. сказал, что перевел сегодня 50 изречений Ларошфуко в книгу Русанова,—«и плохо». Прочел вслух некоторые — тонкие, остроумные, глубокие.

Л. Н. не читал несколько дней газет — признак относительного здоровья и серьезной работы мысли.

Л. Н. вспомнил рассказ, который хотел написать, «о бекешке» Дельвига, соседа из Покровского:

— Мы были маленькие, довольные своим графством, подтрунивали над его бекешкой. Бекешки раньше были в ходу, а тогда — уже «mauvais ton» *. Потом я узнал, что у Дельвига остались какие-то долги (отца?) и он решил не заводить нового платья, пока не заплатит эти долги [4].

10 марта. Прошлую ночь я лег в половине 4-го, встал в 7, а т. к. у Л. Н. вчера вечером были перебои, дожидаюсь его, не иду в амбулаторию. Перебои и теперь, утром. Пополудни ездил в Воздремы и Головеньку — у обоих больных гангрена легких.

В 11.30 ночи Татьяна Львовна родила шестимесячного мертвого ребенка. Вернувшись в 12.30 с Софьей Андреевной от Татьяны Львовны, Л. Н. подал мне руку, как бы в благодарность, и пожалел «бедняжку Таню». Потом сказал, что получил письмо от Суткового,— очевидно, радость ему [1].

Пропасть всяких книг (с почты из Тулы). Между ними «Псевдохристианство как тормоз прогресса (Беседы с братьями по духу)» Н. Анинского [2]. Л. Н. об этой книжке:

— Это социалист (написал), который понимает христианство в высоком смысле. Это интересно, что может в нынешнее время такую книжку написать (о православии, против него).

Другая книжка —«Love God». The Caxton Press, Los Angeles, Calif.

Л. Н. о ней сказал, что это фальшивая американская компиляция всякой всячины. Увидев в раскрытых «Искрах» фотографии Думы и статьи о ней, сказал:

— До чего мне это неинтересно!

М. С. Сухотин по поручению Л. Н. исправляет перевод Вовенарга, сделанный Русановым, и переводит другие его мысли, указанные Л. Н.

---

* «дурной тон» (*франц.*).

11 марта. Воскресенье.

Л. Н.: Получил письмо от Шейермана. Его на полгода заключили, а потом выслали (за границу). Теперь вернулся, хочет жить между крестьянами; ему семья сочувствует, но власти не позволяют [1].

Михаил Сергеевич: Он, наверное, был в Крестьянском союзе?

Л. Н.: Я его просил, чтобы он подробнее описал.

Михаил Сергеевич сказал что-то о Хилкове.

Л. Н.: А Хилков меня поражает с хорошей стороны.

Л. Н. рассказывал, что читал в американском журнале («The Open Court») про медиумические плутни: «Очень интересно»! [2]

Л. Н., читая письма, начинает иногда с середины.

Л. Н.: Сегодня я думал о Маше, я часто ее вспоминаю, как она была между нами, а теперь ее нет, как это мы продолжаем жить, как прежде?

Софья Андреевна: Какие у нее были хорошие отношения с людьми, везде, где побывала, и за границей!

Л. Н. просил достать буддийские легенды, книжку Каруса из библиотеки.

Л. Н. хвалил школьных детей и говорил, как они любят сказки о животных. Михаил Сергеевич рассказал Л. Н. про Столыпина, что он смел, умен, добросовестен, по убеждению остается председателем Совета министров, рискуя жизнью.

Л. Н.: Столыпину написать: надо о душе подумать. Но ему в этом водовороте не видно... Дума... все это кончится, сгладится, следа не останется [3].

Я сказал Л. Н., что помер У. Гаррисон, 63-летний сын У. Л. Гаррисона. Перешли на его статейку в «Evening Post», в которой он ратует за допущение негритянских детей в школы, куда ходят белые. (В том же номере и его некролог.) [4]

Л. Н.: Как отдельный человек поплатится за свои грехи, так и нация. Покупали негров, превращали их в рабов, а теперь имеют — по-ихнему трудный — негритянский вопрос.

14 марта. Приехал Иосиф Константинович [1]. Как всегда, интересно рассказывал. Передавал привет Кропоткина и объяснение его, что Л. Н. напрасно пеняет на него, что неправильно толкует и нападает на Генри Джорджа. Он знает Генри Джорджа, и лично знал его, и писал против тех проектов его, о каких он говорил, когда приезжал в Англию, а не о позднейших.

Л. Н.: Нет. Генри Джордж одному учил, тут Кропоткин соврал.

— Что, Кропоткин не приедет (в Россию)? — спросил Л. Н.

Иосиф Константинович: Он собирался, вещи были уложены, как настал поворот (после 17 октября) [2], получил письма от друзей, чтобы не ехал, что правительство может его заключить (в тюрьму).

Л. Н.: Нет, не тронули бы его и по возрасту и по важности (общественного положения). В России теперь все свободно, кроме как откусить нос Николаю Александровичу. Этого не допустят, а то в России свободнее, чем в западных государствах.

— Как относится Кропоткин к убийствам? — спросил Л. Н.

Иосиф Константинович: Очень сожалеет. Он против них.

Л. Н.: Было ли это во Французскую революцию, чтобы так убивали, как у нас?

Иосиф Константинович: Хилков большое значение приписывает прогрессивному налогу (Генри Джорджа). Сейчас воронежские крестьяне, купившие землю у Е. И. Чертковой по 100 рублей, перепродают ее кулакам по 300.

Л. Н.: Проект Генри Джорджа устанавливает справедливое положение. Я, Софья Андреевна, Михаил Сергеевич могли бы прямо смотреть кресть-

янам в глаза, пользуясь землей на одинаковых правах, исполняя одинаковые обязанности. А Черткова сделала, что следовало, а что дальше — не ее дело.

Иосиф Константинович рассказал о том, что Чертков через посредство Эртеля ведет переговоры с Сытиным об издании сочинений Л. Н-ча. Сытина ждут в Англию. Л. Н-чу это было совершенно ново, и он удивился этому известию, и, видимо, смутился, не был рад ему. Иосиф Константинович об этом сообщил в Москве Горбунову, и Горбунов сказал ему: «Это можем и мы сделать. Ведь издаем же мы все книги в большом количестве. Мы еще не кончены».

Иосиф Константинович (*мне*): «Посредник» умирает, как честный кустарь возле фабриканта.

Иосиф Константинович тоже не одобряет план Черткова и то, что решает, не спрашивая Л. Н. [3]

В разговоре о Сытине Л. Н. заметил:

— Сытина отчасти сделал Чертков.

Иосиф Константинович опасается, что Сытин изгадит дело.

Иосиф Константинович говорил о Веригине, что он двуличный, нерелигиозный, самовластный, что духоборы против него. Канадское правительство отняло у них землю (не всю, а бóльшую часть).

Л. Н. не брался судить Веригина — пусть он без религии, безнравственный. «Что нам за дело? Все мы люди».

Иосиф Константинович (*о Чертковых*): Владимир Григорьевич очень занят своей работой —«Сводом мыслей» Л. Н. [4], лекциями, футболом. Анна Константиновна — она, собственно, руководит издательством — практическими делами, это на ее плечах. Дима — местный патриот, страстно предан спорту, к России вряд ли привыкнет. Они строят домá и домá: для Ольги Константиновны, для Томпсона и скупают землю кругом; акр — 300 фунтов. Соседи-земледельцы возмущаются постоянной игрой господ в футбол. Играют даже при фонарях.

Л. Н.: Футбол, лаун-теннис, лодки возможны только при рабстве.

Иосиф Константинович рассказывал о Фельтене, что он подвижной спортсмен. Переносит издания через границу.

Иосиф Константинович: В Петербурге, Москве — карты, балы, вечера. Сумасшедшая жизнь. Шаляпин назначил за ложу 500 рублей.

Иосиф Константинович говорил, что был в Петербурге у Льва Львовича, который показал ему свою «Солдатскую памятку» и дал было ее экземпляр, но потом взял назад.

Л. Н.: Может писать что угодно, только не под тем же названием, что отец. Из простого приличия [5].

Иосиф Константинович: Лев Львович теперь из своего книжного магазина больше всего книг посылает в войска.

15 марта. Приехали Мария Александровна, Н. М. Кузьмин, Иосиф Константинович. Вечером Андрей Львович.

Л. Н. гулял далеко, устал. Рассказал, что встретил обоз с водкой, а навстречу пустые подводы. Л. Н., хотя вообще избегает разговоров во время прогулки, в этот раз спросил: «Что возили?»—«Солому,— ответил мужик и добавил: — Эх, житье стало плохое».

— Я хотел сказать, что житье плохое, а водку везут им навстречу. И что если на паре возит продавать солому, значит, нужды нет; но сейчас же бы услышал жалобы, озлобление. Это теперь так,— сказал Л. Н.

Л. Н.: Неделю не читал газет. Сегодня прочел «Новое время» от доски до доски. Читал Думу. Видно, что из этого ничего не выйдет. Гадкое, мелочное, тщеславное все их говорение.

Кузьмин рассказал об отношении малеванцев к Думе; по их мнению, это меняет одно ярмо на другое.

Л. Н. говорил про примеры отсутствия доброжелательства у крестьян, про зависть между ними.

С мальчиками Л. Н. занимался полтора часа: читал им рассказ Семенова «Ночь перед Рождеством» [1]. Шесть мальчиков прекрасны, а другие невнимательны, шумят.

16 марта. Утром уехала Мария Александровна, в полдень Иосиф Константинович; под вечер приехала Надежда Павловна и возвратился Михаил Сергеевич из Москвы с известием об убийстве Иоллоса.

Л. Н. получил длинное письмо Черткова о свободе воли [1], «очень хорошую» статью Евгения Ивановича о воспитании [2] и письмо временного комитета забастовавших рабочих РСДРП на Демидовской фабрике Владимирской губернии — просят о помощи в «борьбе с капиталом» [3].

Л. Н. снова прочел вслух (теперь Михаилу Сергеевичу) то, что читал и вчера: начало статьи Меньшикова в «Новом времени» от 13 марта «Осада власти» (гл. IV) [4].

— Только Меньшиков может так остроумно написать,— сказал Л. Н.

Л. Н. говорил о Кузьмине, о том, что он рассказывал о малеванцах. Их 1 000 человек; свои записки о них Кузьмин оставил здесь [5]. Они о Думе говорят, что это только новое правительство, и не нужно. О Генри Джордже — кто будет оценивать землю и собирать единый налог, опять будет властвовать.

Речь зашла о кокетстве.

Л. Н.: Это смелость красивых женщин, им же мужчины покоряются, льстят, говорят одни приятности. Я тоже был этим грешен. Они становятся смелы. «She has got more brains than is good for her» *[6].

17 марта. Суббота. После обеда Л. Н. мне:

— Очень хороши Кузьмина эти Записки. Жалко только — восторженность, напыщенность (ихняя). Для религиозного чувства нужно спокойствие. Очень высокое настроение (этих малеванцев). Чертков будет рад Запискам.

Л. Н. сегодня первый вечер занимался со вторым классом своей школы, в нем младшие мальчики.

Софья Андреевна спросила, хороший ли класс?

Л. Н.: Прекрасный,— и похвалил, особенно некоторых, горбатого сына Власа (Власова). — Умнейший мальчик.

Л. Н. (*за чаем*): Новый номер журнала Баба Бхарати — хороший («The Light of India»). Пишет, что надо было уничтожить 100 000 человек и ⟨две или три⟩ эскадры, чтобы признать, что и другие (цветные) люди имеют право на жизнь [1]. — Л. Н. говорил это с усмешкой, как бы изумляясь, что такую давно для него очевидную истину люди Запада могли не видеть.

Я спросил Л. Н., какая разница между браманизмом и буддизмом.

Л. Н.: Как между Ветхим заветом и Новым. Брамины не признают Будды. Они обоготворяют людей, Кришна..... **

Л. Н. спрашивал про Татьяну Львовну. Михаил Сергеевич сказал, что она боится за Танечку — что та помрет.

Л. Н.: Непременно помрет когда-то. С этим считаться. Но как же не бояться? Только с этим (страхом) надо бороться.

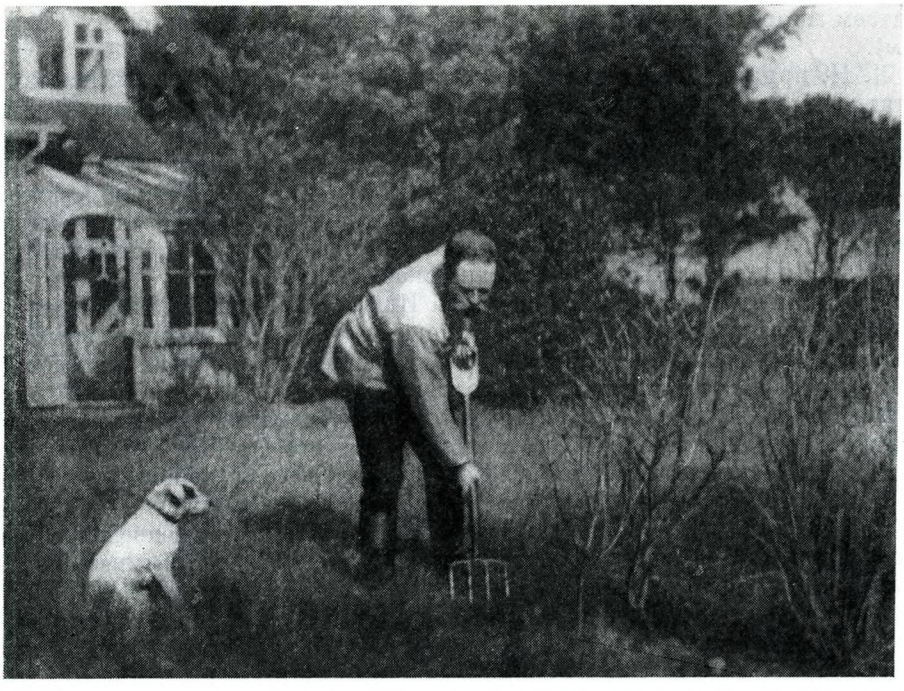
18 марта. Третий день как солнце греет, под снегом лужицы, по дороге в деревне сегодня потекли ручейки.

Приехал из Финляндии И. Ф. Наживин, по пути на Кавказ — едущий туда покупать землю. С Л. Н., как всегда, интимные разговоры в кабинете. Л. Н. его ценит и как талантливого писателя [1].

---

* У нее больше ума, чем это нужно для нее» (*англ.*).

** Пропуск в подлиннике.— *Ред.*



И. К. ДИТЕРИХС
Англия, начало 1900-х годов
Любительская фотография

«Приехал Иосиф Константинович. Как всегда, интересно рассказывал. Передавал привет Кропоткина...». — Запись от 14 марта 1907 г.

Софья Андреевна, которая в доме первая прочла его «Менэ... Тэкел... Фарес...», читала ему 1881 год из «истории» своей жизни. Я тоже слушал. Очень живо, интересно. Есть нить, трудно прервать чтение. Софья Андреевна сказала, что ей это писание стоит больших трудов, что и видно: все думы и речи ее с позапрошлого года об «истории». Начала ее писать, когда болела. Тогда, ожидая недалекой кончины, решила и стала писать «историю» своей жизни. Дети, особенно Андрей Львович, ее иногда на смех поднимают за то, что так поглощена этой «историей». Со всеми интересными ей приезжающими гостями непременно разговорится о ней.

Михаил Сергеевич прочел из отчета заседания Думы 15 марта конец речи Джапаридзе, в которой восхваляется кровавое восстание и которой аплодировали [2]. И вспоминал, как грозно-угнетающе действовали такие же зажигательные речи в сочувствующей им среде Первой Думы. У него бывали перебои сердца, когда выступал Аладьин.

Л. Н.: Дума — несуразная болтовня, ни к чему не ведет.

Потом Л. Н. говорил в том смысле, что политиканство, тщеславие руководят думцами — мечутся от предмета к предмету, ничего не постановят.

Л. Н. рассказал, как шел по шоссе с побирушкой, тульским мещанином, работавшим 35 лет самовары; его семья до сих пор этим живет. Он ей платит один рубль в месяц, и этот рубль собирает в три дня на хлебе, который продает. С восторгом рассказывал Л. Н-чу о паломничестве по святым местам Тихоновой пустыни, Киева, Воронежа: «У хохлей (хохлов) и переночевать даром дают и накормят».

— Это нетронутый народный крестьянский мир,— сказал Л. Н.—Мы

считаем миром газетный мир, а это маленький в сравнении с ним (народным).

Л. Н. принес было рукопись Кузьмина о малеванцах и дал Наживину читать. Теперь, увидя ее на столе возле Наживина, взял ее, сел к круглому столу и читал из нее долго вслух, начав с того места, где малеванец рассуждает о бесполезности Думы. Читал так, как и сам он редко читает (а он, по-моему, самый лучший чтец),— с вдохновением, жаром, убеждением. Когда Л. Н. кончил читать, мы все молчали, были тронуты. Мне хотелось сказать, что эти слова Малеванного сильнее, более действующее, чем новые статьи Л. Н., но не сказал.

Наживин говорил про плохие дела Ивана Ивановича («Посредника»); он сам сумрачный, апатичный. В прошлом году «Посредник» выпустил пять миллионов листов. Издание всяких газет, книг в России за последние два года было огромнейшим, но теперь засекло. «Посреднику» грозит крах. Наживин говорил, что начинают интересоваться взглядами Л. Н. Каждую неделю кто-нибудь читает о Л. Н.

Л. Н.: Сознание изменяется. Все стремятся к единению.

Наживин подтвердил, как сознание изменилось в эти два года.

За обедом Л. Н. говорил с Наживиным про охоту на медведей. На его душе три медведя, т.е. собственно два: одного отогнал медвежатник и убил брат. То, что его погрыз медведь, не было ему неприятно. Щеголял черной повязкой. Медвежатник был маленький, худенький, без бороды... [3] Потом Л. Н. шутя говорил про «того» Л. Н., что он ему чужее чужого человека, что он бы с ним и говорить не стал или поспорил бы и не убедил бы его. Л. Н. рассказал, сам удивляясь тому, что мальчикам, старшему классу (до 13 лет), читал сегодня Гаррисона о непротивлении [4], перефразируя некоторые места. Интересовались и отлично понимали.

19 марта. Л. Н. за обедом спросил меня, какие письма я получил. Он получил от Конкина из Канады [1]. Пишет, что ездил с Веригиным в Монреаль. Правительство требует от духоборов принятия в собственность участков и присяги на подданство Эдуарду (новому королю). Они ни земли не приняли, ни присяги не дали. Им это трудно, когда обзавелись хозяйством, дорогими машинами, за которые еще должны. Если бы были простые земледельцы (не богатые машинами), переехали бы в другую страну, в Калифорнию. Правительство же не может сделать исключения. Помолчав, Л. Н. сказал:

— И смешно это: как многое в свете — детские игрушки. Ведь канадскому правительству их присяга и Эдуард тоже не нужны, а оно не уступит (своих требований) и лишится лучших своих переселенцев. Но это легко, потому что там теперь заселено, и ждут (своей очереди) новые поселенцы. Как только земля духоборцев станет свободна,— сядут на нее.

С 7 до трех четвертей 8-го Л. Н. в школе (первый класс); потом шахматы с Михаилом Сергеевичем.

Л. Н. получил 10-тикопеечную брошюру «Кто победит?» В. Ярковского[2].

Л. Н.: Это анархическая брошюра, очень хорошая. В ней новый довод за распущение войска, что не нападут на нас другие, таков: если Германия распустит войско, разве наши мужики, рабочие нападут на нее?

Михаил Сергеевич сказал:

— Нет, но Германия нападет на нас, если мы распустим войско.

Л. Н.: Германское правительство да, но народ — нет.

За чаем Л. Н. выпил по обыкновению две полбутылки кефира. Он любит трехдневный, кислый, густой. Похвалился, что не завтракает, только два яйца ест,— меньший объем пищи.

Л. Н. (*мне и Михаилу Сергеевичу*): В Записках Кузьмина сильно еще одно место: как социалист стал малеванцем. Когда сознание в народе пробудится, неизбежно будут последствия этого.

20 марта. Л. Н. четвертого дня ушибся, но ходил гулять.

Александра Львовна возвратилась из Москвы; Л. Н. за обедом спросил ее про дочь Бутурлина:

— Кто же она, какого она духа?

С настройщиком говорил про балалаечников Андреева, хвалил их игру, и про гармонщиков тульских [1].

Школа. Вечером Л. Н., Софья Андреевна и Александра Львовна пошли к Сухотиным.

21 марта. За обедом Л. Н. ко мне:

— Читали страшное! Девушка* на похоронах Иоллоса убила городового [1].

Александра Львовна: И, кроме того, убили еще двух городовых на постах.

Л. Н.: В японском журнале в «Review of Revolution»— перевод Тургенева на английский: девушка стоит перед страшным зданием в раздумье, войти или не войти, и входит; слышится голос: «Она безумная», а другой голос —«Она святая» [2]. Вот эти две вещи читал одну за другой (Тургенева — в японском журнале, про убийство городовых — в русской газете). Вот действие! Тургенев пользуется авторитетом, и его вещь проникла уже в Японию. Надо обращаться со словом осторожно, особенно писателю.

Молчание.

Л. Н.: Тургенев не был серьезный человек.

Софья Андреевна подтвердила.

Л. Н.: Достоевский не был так изящен, как Тургенев, но был серьезный. Он много пережил, передумал. Умел устоять, чтобы не льстить толпе.

— Это мало кто может устоять,— сказал кто-то.

Л. Н.: Да.

С 7 до 8.10 Л. Н. занимался со вторым классом. Вышел восхищенный учениками (младшими), как они хорошо пересказывали из Евангелия об искушении Христа то, что читали третьего дня, и притчу Паскаля о доме и хозяине [3]. Все внимательны.

— Я пришел к ним довольно вялым, а они меня подняли,— сказал Л. Н.

В 11 часов вечера опять разговорился о них:

— Только один шалун между ними. Грех не дорожить таким вниманием! Когда читаем притчи, то их внимание обращается больше к рассказу — притче, чем к нравственной истине, которую притча объясняет. Одно меня смущает, что их балую, что им картинки показываю, что это их привлекает.

22 марта. Сегодня длинная корреспонденция о восстании крестьян против землевладельцев и евреев в Румынии: «Русское слово», 21 марта [1]. Я рассказал Л. Н. и сказал, что если лишь пятая часть этого правда, так и тогда это самое большое восстание крестьян в Европе за последние 100 лет, может быть, за исключением одного галицийского — 1846—47 гг. Опустошено несколько сот городов. В первые дни писалось, что убивают евреев и что этим руководят члены «Союза русского народа», которых 2 000 поехало туда. Чтобы евреев убивали — теперь не слышно, а в столкновениях с войсками по 40, 50, 200 убитых крестьян.

Л. Н.: Меня удивляет не то, что убивают,— при этом отсутствии нравственного начала, когда проповедуют, что всякого можно убивать, а что мало убивают.

23 марта. Привезли новый шкап; отодвигали ящики с книгами и нашли ужа, вынесли его и пустили. В Ясной поверье, что в каждом дворе

---

* Собственно, гимназист, ехавший с 16-летней девушкой.

живет домовой — уж, и его не трогают. В ином доме уж обедает вместе с хозяевами, крошки со стола подбирает, молоко из чашки пьет (например, у священника в Мясоедове). В подвале под террасой, под балконом и в нескольких комнатах нашего дома живут ужи. Они показываются в это время — перед весной.

Л. Н. в буфете встретил Авдотью Васильевну с оголенными локтями:

— Вы по последней моде? — сказал ей. Потом, улыбнувшись, спросил нас, Александру Львовну, Надежду Павловну и меня: — Что такое мода?— и, не получив удовлетворительного ответа, сказал: — Это должна быть такая привлекательная и смелая женщина, которая пренебрегает общественным мнением, знает, что бы она ни делала, все за ней пойдут. И тогда начинается подражание, и это подражание — мода.

Вчера и сегодня проверяли с Александрой Львовной для Черткова копию дневника Л. Н. с июня 1906 г. по февраль 1907 г.

Вечером приехал Иосиф Константинович проститься. Едет в Тифлис жить.

Иосиф Константинович рассказывал, что Кун (директор Оружейного завода в Туле) отказал наотрез председателю «Союза русского народа» в выдаче оружия, штук 1 000, и будто бы получил выговор из Петербурга. Что-то готовится.

Л. Н. не сказал ничего; только мне показалось, что ему в это не верилось. Рассказал про письмо из Тифлиса от юношей Челокаевых; пишут, что, советуя проект Генри Джорджа, Л. Н. противоречит христианскому решению земельного вопроса [1]. Л. Н. в недоумении, отвечать или не отвечать им: «Потерял много времени».— На другой день утром дал письмо Челокаевых прочесть Иосифу Константиновичу, чтобы он на словах ответил им.

— Они или социалисты, или крупные землевладельцы,— догадывался Л. Н. по тону их письма.— Пишут самоуверенным, дерзким тоном.

Речь зашла о каких-то поступках революционеров.

Л. Н.: Смирение, скромность теперь забыли, все считают себя вершителями судеб.

Л. Н. (*Иосифу Константиновичу о своем «университете»*): — Я раньше отчаивался написать «закон божий», т. е. доступное детям нравственное учение: ведь его нет, трудно; а нынче выходит, удается.

Разговор о том (прежде говорили об убийствах), прогресс или регресс в наше время.

Л. Н. вспомнил урядника, который застрелился на Косой Горе:

— Ужасное время переживаем! Гимназистка убила городового.

Татьяна Львовна: Распутство ужасное.

Л. Н.:А все-таки прогресс есть: то, что было под спудом, теперь выказалось, выразилось. Это теперь жестокость, огрубение ужасное, но само себя уничтожает, потому что множество людей оттолкнулось от этого направления и ищет чего-то противоположного, нового. Самые чуткие, нравственные люди уже не могут участвовать в этом распутстве.

С 11 до 12 вечера Софья Андреевна и Надежда Павловна играли на фортепиано. Л.Н. просил повторить одно адажио Гайдна. На круглом столе, около которого сидели мы с Иосифом Константиновичем, лежала книжка «Современного мира». Иосиф Константинович показал на повесть Куприна.

Л. Н.: В ней, где описывает цирк,— хорошо [2].

Иосиф Константинович стал хвалить «Allez» и «Капитана Рыбникова».

Л. Н. к похвале «Капитана Рыбникова» отнесся отрицательно.

Потом Л. Н. раскрыл там же стихи [3], стал читать, и, дочитавши страницу, сказал:

— Вся новая литература, (новая) музыка — просто скверная. Фет,— Л. Н., намекая на только что процитированное Софьей Андреевной стихотворение,— это уже путь показал такой, за ним пошли подражатели. Где ни откроешь («Современный ли мир» или что другое) — бессмысленное.— Затем Л. Н. стал смотреть «Новое время» [4].

Л. Н. попросил найти «Провозглашение» Гаррисона, но я не искал, делая другое. Потом вечером Л. Н. сам искал долго. Это нередко так бывает; не исполняю самых простых поручений Л. Н. (или исполняю не вовремя).

Сегодня уехали: М. С. Сухотин в Швейцарию и Сицилию, Александра Львовна с Наталией Михайловной в Ялту.

24 марта. Утром уехал Иосиф Константинович, при прощании поцеловавшись и с лакеем Ваней по русскому обычаю. Так же вчера Александра Львовна с горничными Сухотиных.

Иосиф Константинович был в Тульском земском книжном магазине сосчитаться. Полгода тому назад отдал туда 50 экземпляров Л. Н. «О значении русской революции» (баснословно дешевого издания — 15 коп.) [1]. Они продали 30 экземпляров, а 20 хотели ему вернуть, т. к. не надеются продать! Публика! Но они и не показывают, им брошюра не по душе.

Л. Н. переделал статью Суткового («Свободные христиане»), поправил «Провозглашение» Гаррисона и написал к нему прибавление [2].

Приехал Андрей Львович, вечером старички у Татьяны Львовны.

25 марта. Уехал Андрей Львович.

Л. Н. снова переделал статью Суткового; кажется, не осталось ни одного предложения, им написанного. И переделал прибавление к Гаррисону.

Софья Андреевна: Не помню, чтобы когда-нибудь мы жили так одиноко, как в этом году.

Всю зиму мало гостей. Мария Львовна умерла, Сухотины живут в другом доме. Андрей Львович, Александра Львовна уехали, теперь остались только Л. Н., Софья Андреевна, Юлия Ивановна и я.

Софья Андреевна о своей работе (пишет 1883 год):

— Чтобы легко и удачно писалось, надо войти в дух того времени, которое описываешь.

Л. Н. вечером слаб, пошел с Софьей Андреевной к Татьяне Львовне.

26 марта. У Л. Н. слабость прошла. Сегодня опять много писал, кончил переделку статьи Суткового и прибавления к «Провозглашению» Гаррисона.

За обедом Л. Н. о дороге:

— Наст держит.— Об Илье Васильевиче, у которого ночью сын помер. Потом о старичках, муже и жене калужских, побирающихся. О первом сказал: — Он непрестанно говорит. Его бы в Думу, делать обструкцию.— И Л. Н. вспомнил картинку, представляющую одного парламентского обструктора: — Глупейшее лицо, и он говорит речь. Совсем бессмысленную тоже нельзя говорить, а то председатель может остановить.

Вечером с 7 до 8 Л. Н. занимался с мальчиками и роздал им картинки. С 8 до 9 Л. Н. был у Татьяны Львовны. Вечером, как и вчера, его знобило, голова болела, слаб.

Л. Н. (*мне про школу*): Это для меня такая польза, удовольствие. Если бы я для своего удовольствия занимался ими, то выбрал бы пять самых лучших, остальные невнимательны. Еще не прочел с ними Евангелие до конца, надо его прочесть, а потом снова, тогда выйдет что-то.

В 11.10 Л. Н. взял чашку чаю к себе:

— Пойду к себе читать. Читать нечего! Как-то я романы читать не могу, повести.

27 марта. Похоронили Сережу, сына Ильи Васильевича. За обедом Софья Андреевна о своей книге, которую торопится написать, пока жив Л. Н., а то ей может стать тяжело вспоминать после его смерти. Надеется, что это будет книга серьезного тона, какой она в мемуарной литературе не знает, и что будет иметь успех.

О Татьяне Львовне:

— Таня жила светом (успех в свете) и школой. Она вчера вечером читала свои дневники времен школы (художественной) и от воспоминаний не могла спать.

Л. Н. ездил верхом. Статью Суткового и свое прибавление к Гаррисоновому «Провозглашению» перемешал, выходит одна статья. За обедом говорил про то, что читал газеты и что две хорошие статьи: Меньшикова про мужика, нахватавшегося образования и не переварившего его, а только употребляющего его в путаных речах (Л. Н-чу статья была тем более интересна, что такой мужик был летом у него)[1], и Александра Столыпина — о том, что не в малоземелье беда мужика, а в недостаточной обработке земли (пишет о книге немецкого крестьянина, написанной 130 лет тому назад и теперь появившейся в русском переводе, о том, как точно так же, как теперь русские, или еще хуже, хозяйничали немецкие крестьяне)[2].

С 9 до 9.30 Л. Н. был у Татьяны Львовны; потом пил кефир и у себя в кабинете читал Чехова, нашел том в зале[3].

28 марта. Пополудни Л. Н. дал мне письмо Сиксне, «очень хорошее», — прочесть и списать для Наживина[1]. Сиксне выпустили из дисциплинарного батальона, перевели в полк и оттуда, за отказ обучаться гимнастике, отправили в Заамурскую железнодорожную бригаду.

Прибавление к Гаррисону Л. Н. все не кончил, статью Суткового кончил. — В № 11 московской новой газетки «Простая жизнь» реферат Ф. А. Страхова «Церковь и Евангелие», читанный в кругу молодежи в Москве 17 марта (о спорных местах Евангелия). Л. Н. дал читать Илье Васильевичу и мне.

За обедом вчера Л. Н. не ел одного блюда, сказав, что ему не следует столько есть. Недавно заметил, что мы едим втрое больше, чем нужно. Сегодня Софья Андреевна за вторым блюдом объявила, что будет только три блюда и салат, но его каждый столько съел, что вышло четыре. Давно уже поднимается вопрос, чтобы за обедом не давать четвертого блюда. Софья Андреевна его отстаивает из-за гостей. Редкие дни, когда их нет.

За обедом Илья Васильевич сказал Л. Н., что пришел странник, которому он велел прийти. Л. Н. попросил Илью Васильевича достать у него в кабинете из кошелька гривенник и дать страннику. Рассказал нам, что встретил на прогулке двух богомольцев: один — этот, а другой 70-летний, сегодня прошел 40 верст. Идет из Новгородской губернии в Киев, питается одним хлебом, который ему везде подают. Зуба у него ни одного нет, корки мочит в воде, чаю не пьет и дома не пил; тот не пришел за подачей. Ночует в деревне.

— Еще сегодня был, — рассказал Л. Н., — бывший солдат, попавший в каторгу на 12 лет, на Сахалин, добродушнейший человек.

Ваня: Он попал ни за что. Толканул офицера, когда тот хотел его ударить.

Л. Н.: За это везде, и в Европе, строго наказывают. Военная служба до того отвратительна, что держится только этакими страшными мерами.

С отъезда Михаила Сергеевича и Александры Львовны Л. Н. к вечернему чаю не выходит. Л. Н. пьет кефир и одну чашку чаю уносит к себе в кабинет.

Л. Н. спросил меня, что я читаю.

— Краткую биографию Гаррисона [2],— и я похвалил биографию и особенно вступление Л. Н. и рекомендовал два изречения об одурманивании в «Круг чтения». Л. Н. прочел их вслух.

Л. Н.: Гаррисон силен, удивительно силен был в то время, когда боролся. Как это бывает — когда пошла слава, когда ездил в Англию, тогда уже ничего выдающегося не написал.

29 марта. Вчера и сегодня ясные, теплые дни. Вечером школа. После нее Л. Н. пригласил Софью Андреевну, Юлию Ивановну и меня к Татьяне Львовне и прочел вслух «Попрыгунью» Чехова; две трети читал он: так живо, я воображал себе всю историю так, как если бы происходила у меня на глазах. Л. Н. устал, последнюю треть читала Татьяна Львовна, но какая поразительная разница в чтении, а Татьяна Львовна тоже мастерица читать. Л. Н., читая, сначала смеялся, восхищался. Сказал:

— С таким тонким юмором написано; это мне удовольствие предстоит; это я с удовольствием перечту всего Чехова.

Слушал и Дорик; мне казалось, что Л. Н. некоторые места выпускал. Когда Татьяна Львовна кончила, Л. Н. сказал:

— Превосходно, превосходно! Есть юмор, сначала, а потом эта серьезность... И как чувствуется, что после его смерти она будет опять точно такая же.

Софья Андреевна: Я то же самое хотела сказать.

30 марта. Приехал Сергей Львович и был очень приятен. Заботлив о здоровье отца. Рассказал про взгляд Дальгейма (барона, приехавшего из Франции) на русские дела: политику делают заграничные банкиры. Правительство в зависимости от них. Думу распустить правительство не может, не получит займа.

Сергей Львович: Думаем, что идем к чему-то лучшему, что национализация земли даст рай, а мы просто медленно идем к западному буржуазному строю, может быть, с некоторыми особенностями.

Л. Н.: Это и жалко; не с точки зрения славянофилов, а просто буржуазный западный строй — безвыходное положение. Общая ненависть классов.

Сергей Львович: Все-таки буржуазный строй лучше, чем крепостное право.

Л. Н.: Крепостное право — молодой человек, из которого что-то может выйти.

Сергей Львович: Дальгейм говорит, что там книг не читают, одни газеты.

Л. Н.: Это и у нас скоро так будет. Идей никаких нет, путаница, под видом цивилизации — озверение, озлобление, путаница.

Л. Н. возвратил Публичной библиотеке книги, между прочим: «Les vies des plus illustres philosophes de l'antiquité. Traduites du grec de Diogène Laerce». Amsterdam, chez J. H. Schneider. MDCCLVIII.

Л. Н. читал Renan «La vie de Jesus Christ» и говорил про ужасное описание распятия. Потом говорили про воскресение, как его Ге хорошо изобразил [1].

Л. Н.: Это распятие и воскресение будет трудно с мальчиками читать, объяснять. Не захочется неправду говорить о воскресении, что телесного не было, и их скандализировать.

Л. Н. дочел за полтора дня Ренана, будет читать Штрауса [2]. Л. Н. просил достать дальнейшие тома рассказов Чехова из библиотеки.

Л. Н.: В томе, где «Попрыгунья», еще хороши: «Черный монах»— мания величия, как понемногу его охватывает, и «Рассказ неизвестного человека»— интеллигент-революционер служит лакеем, отношение господ, барынь к нему.

Л. Н., когда просит что-нибудь сделать, говорит, например так: «Если будет милость ваша, найдите книгу», «...ответьте», «...пустите мальчиков, чтобы они уселись, и тогда я приду».

Сергей Львович спросил Л. Н., не поехал ли бы он в Москву. Сегодня же звала его и Софья Андреевна.

Л. Н.: Нет. Никакого желания нет.

Л. Н. велел кланяться Бутурлину и сказал о нем, что он мягкий, порядочный до мозга костей человек:

— Помню, как из Козловки пришел со слепым, неприятным человеком, он все время с ним обходился учтиво, услужливо, так, как он относился бы и к царю [3].

Л. Н. рассказывал с удивлением и смехом про полученное письмо от американца; спрашивает о том «how to make money»*[4]? (Это Л. Н. такое чуждое, непонятное, как людям хочется этим жить.)

31 марта. Л. Н. не выходил, но учил. Придя после школы наверх, восхищался:

— Как они рассказывают! Удивительно! Я возьму Евангелие и прочту им главу Иоанна и ожидаю со страхом; а они все запомнят, перескажут!

За обедом: Л. Н., Софья Андреевна, Юлия Ивановна, Н. П. Иванова.

Л. Н. читал в «Новом времени» от 29 марта статью Меньшикова «Пьяный бюджет».

— На две трети миллиарда рублей продается казенной водки! — воскликнул Л. Н.— Помню, когда был государственный бюджет 160—200 миллионов **.— Понравилось ему выражение Меньшикова «алкоголическое одичание», но Л. Н. не ожидает ничего от предлагаемых Меньшиковым паллиативов: убавления законом числа праздников (дней пьянства) и крепости водки (с 40% на 30%):

— Нужно более глубокое *д ховное* воздействие, как в Швеции. Фоканычев пил — бросил. Праздники сами крестьяне перестают соблюдать, работают по воскресеньям.

Л. Н. продолжал:

— Как это Меньшиков может в неделю две темы найти, две статьи может написать, и всегда попадает в точку! В Думе такие мысли не высказывают.

Л. Н. вспомнил про рассказанный ему Ваней инцидент в Думе: члены в память Иоллоса встали, Пуришкевич предложил встать и в память убитых городовых — не встали. А председатель Пуришкевича исключил из заседаний. Л. Н. удивлялся, как смерть, такое важное, серьезное, могут употреблять как средство партийной борьбы:

— Ведут себя глупо, мои дети (т. е. ученики) так не вели (бы) себя.

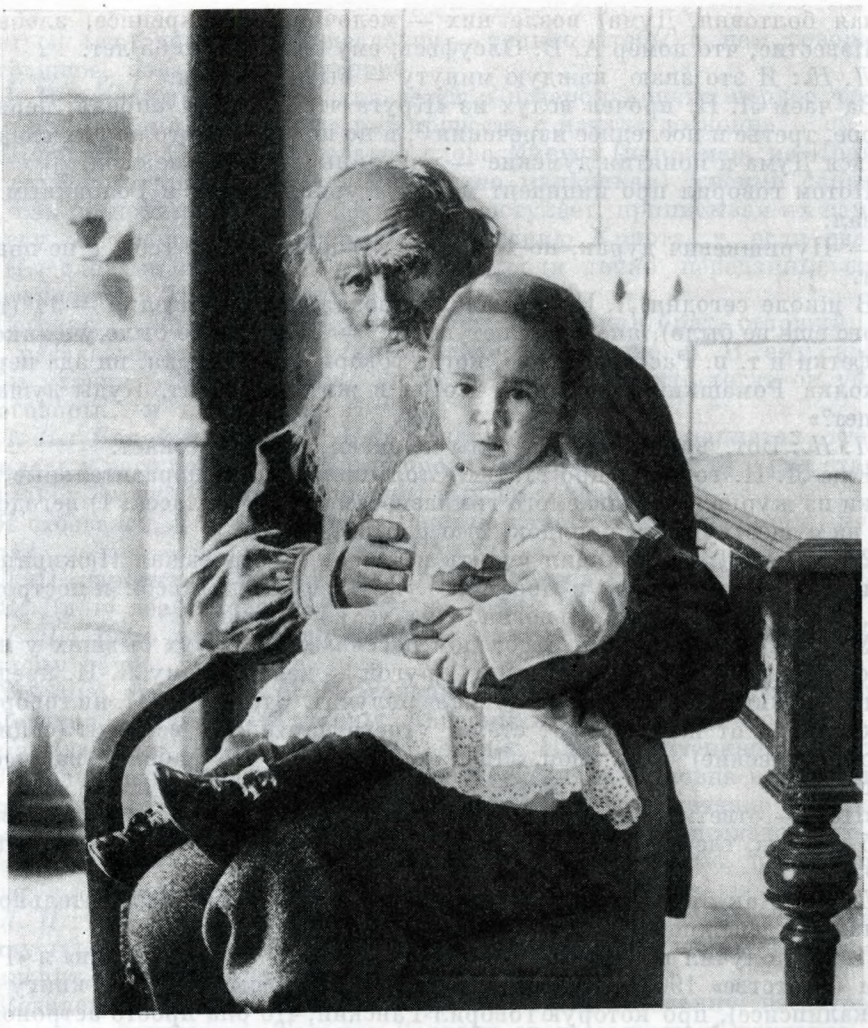
Потом Л. Н. сказал:

— Какое развращение от газет и от Думы! Вчера Сережа говорил — он, наверное, высказывал мысль большинства, что, слава богу, мы на пути Запада (становимся конституционным буржуазным государством). Этим сказал, как если бы передние завязли в трясину, из которой выхода нет, а мы «слава богу», шли бы за ними. У них ожесточение (одних против других), войско и выход глупый, материалистический. Пред людьми есть идеал царства божия, а там идеал — материалистическое благо (достаток, благоденствие), сделать доступным *всем* внешний, материальный комфорт. Мне об этом хотелось писать, как мне это ясно, подробно изложить. Но я эту работу бросил: не идет.

---

* «как наживать деньги» (*англ.*).

** После освобождения крестьян государственный бюджет не превышал 160 миллионов.



ТОЛСТОЙ С ВНУЧКОЙ ТАНЕЙ СУХОТИНОЙ
Ясная Поляна, 1907
Фотография С. А. Толстой
«Л. Н. играл Танечке на рояле, чтобы поплясала. Танечка его — «дида» — очень любит. Л. Н. же любит, когда его дети любят». — Запись от 8 апреля 1907 г.

1 апреля. Воскресенье. Л. Н. не выходил, покашливает. Дал списать начисто; думает, что кончил «Провозглашение» Гаррисона, статью Суткового и свое прибавление к ним.

К обеду пришла Татьяна Львовна, первый раз после родов; с ней Дорик и Наталья Степановна — учительница его.

Л. Н. сказал, что слышал, как Илья Васильевич говорил с садовником о политике, о правых, левых и т. д.

—Как они всё знают, как им, должно быть, все это интересно, развлекает их. По случаю насморка читал два дня газеты. Речь Бобринского [1] хороша не по существу, а бойко, умно, большая начитанность.

Татьяна Львовна: А с удовольствием читаешь газеты?

Л. Н.: Ничего, с удовольствием. Удовольствие такого удовлетворенного презрения. Есть серьезные вопросы, которыми я живу; все это (га-

зетная болтовня, Дума) возле них — мелочное, неискреннее, злобное.

Известие, что помер А. В. Олсуфьев; ему было около 65 лет.

Л. Н.: Я это знаю, каждую минуту — быть готовым.

За чаем Л. Н. прочел вслух из «Круга чтения» на 1 апреля: первое, второе, третье и последнее изречения [2], и по поводу одного из них сказал, что вся Дума и понятия думские — навеянные, чужие, не свои.

Потом говорил про инцидент между Пуришкевичем и Головиным [3] и сказал:

— Пуришкевич дурак, но хоть свое говорит, сам по себе, а не повторяет.

В школе сегодня Л. Н. раздавал синодальные Евангелия — 11 (тем, у кого еще не было), японских петушков [4] — 21 (сколько было учеников), конфетки и т. п. Рассказал, что, когда говорил, что ни рая, ни ада нет,— Миколка Ромашкин отозвался: «Тогда и жить не стоит. Куды душа-то пойдет?»

Л. Н.: Вот, вот главное, что мы не знаем, один бог знает.

Еще Л. Н. говорил про статью Столыпина; в ней поразительные выписки из журнала, издаваемого гимназистами пятого класса: 1) негодование на существующий порядок, 2) о разврате [5].

2 апреля. Л. Н. выходил гулять на веранду. Приезжал Наживин из Сочи, где решил осесть, и поручил купить землю для себя и построить дом. Приезжал Андрей Львович. Оба уехали ночью.

У Л. Н. голос слабый. За обедом рассказал про двух бывших у него молодых людей: один просил книг, другой — денег. Этому Л. Н. предложил тоже книг. Ответ, что он в Москве получит. Что ему Л. Н. ни говорил, отскакивало от него, как от стали; у него партийные взгляды (социал-демократические) — не свои. Л. Н. сказал ему, что рабочие на шее у крестьян.

«Нет, — ответил он, — без машинистов нельзя было бы доставить хлеб в места, где голодающие. Наше занятие и крестьянское — солидарное».

Л. Н.: Как это жалко, что умственная и нравственная деятельность сделалась денежною!

Л. Н. получил письмо от Морозова, — его «В начале жизни» в «Русском богатстве» 1906 г. мы читали вслух. Он посылает свою книгу (об Апокалипсисе), про которую говорил Ганский, что она просто астрономическая. Книга пока не получена [1].

Л. Н.: Он удивительно, должно быть, даровитый человек, вероятно, из тех человеков, на все способных и во всем недалеких.

Л. Н. любовался картинкой «Охотники» Маковского в новом номере иллюстрированного приложения «Нового времени» [2].

Вечером, перед отъездом, Наживин, уставший беседовать, прочел мастерски рассказ Чехова, особенно диалог дамы с писателем [3].

3 апреля. Утром уехала Софья Андреевна в Москву.

Л. Н. ездил гулять — верхом. Получил множество писем. Я рассказал про параллель «Tolstoy and B. Shaw», в «Review of Reviews», January 1907.

Л. Н. (*про Шоу*): Мысли у него низменные, он такой парадоксалист!

Юлия Ивановна рассказала про выставку «Голубая роза» архидекадентов [1], о которой ей подруга, Александрова, пишет, что там нет ни одного натурального лица, позы и т. д. Л. Н. охал и смеялся от удивления.

4 апреля. Утром Л. Н. нездоровилось.

Л. Н.: Я прочел от доски до доски газету, которую никогда не читаю: «Русские ведомости»; прочел Думу. Там есть: озлобление крестьян, желание земли, зависть, честолюбие и тщеславие. Я их различаю: честолюбие—

добиться мест, почестей; тщеславие — только чтобы о нем говорили; и страшное, повальное лицемерие.

Л. Н. кончил Евангелие для детей и вечером кончил первое чтение его с мальчиками. Хочет еще раз прочесть с начала до конца.

Смущало Л. Н., что, передавая слова Иисуса (например, из Иоанна, где глубокомысленно, но труднопонятно мальчикам) своими словами, так, как он понимает их, он нехорошо поступает, приписывая их самому Иисусу. А теперь нашел форму: «По учению Христа...», если своими (Л. Н.) словами и «Христос говорит...», если точно переданные слова евангелиста. Л. Н. рад этому.

Сегодня с мальчиками был инцидент: Архипкин брат, старший, шумит, рассказывает другим шутки, отвлекает внимание. Л. Н. ему сказал, чтобы уходил,— тот не хотел. Тогда Л. Н. сказал, что тогда он уйдет; переговоры... и тот удалился.

Л. Н.: Какой маленький Жаров жалкий, в тряпье, заплатах, тут отвалилась у него подошва. Надо попросить старушек, нет ли у них старых башмаков, купить у них. Впрочем, ему шьют сапоги.

Я отозвался, что он просил у меня на сапоги и я отказал ему, дурно сделал.

Л. Н. спросил, та ли эта Жарова, которой он помогает?

Я: Да, у нее пятеро детей.

Л. Н.: Ведь только подумать, что каждого надо накормить, одеть, каждому обувь, шубенку.

Ученики входящему Л. Н. говорят: «Здравствуй, Лев Николаевич!»

Сегодня обедали у Татьяны Львовны в «кузминском доме» Л. Н., Юлия Ивановна, Татьяна Львовна, Дорик, Наталья Степановна. Татьяна Львовна рассказала, что̀ ей пишет Александра Львовна про̀ лечение: градусник через два часа ставят, усиленное питание, лечение специалистом носогорлового пространства, бактериологическое исследование мокроты и т. д. До мая там останется, потом на кумыс, потом опять на юг.

Л. Н.: Это они слушаются докторов. Своего здравого смысла, инстинкта слушаться. Я ночью сочинил письмо, которое им напишу... Но это не значит, чтоб она раздетая ходила.

Вечером за чаем у нас Л. Н. спросил Татьяну Львовну: не остро ли он пишет о докторах [1]. Татьяна Львовна стала защищать докторов, что они больше всех делают, самоотверженные, когда позовут — тогда идут...

Л. Н.: Это все хорошие люди, хорошие кучера, хорошие священники делают.

Татьяна Львовна: И больше нас знают.

Л. Н.: Ничего не знают. Я уверен, что через 40 лет будут удивляться тому, как они лечили. Они смотрят на легкие, по их состоянию определяют, что больной доживет до завтра, а он проживет 30 лет. Они следят за микроорганизмами — на этом пути никуда не дойдут. Совокупности всех проявлений (организма) не знают. Гигиена — главное.

— Они (доктора) грешат тем,— говорил далее Л. Н.,— что ставят целью лечить тело, не беречь его для того, чтобы служить чему-то, а цель — только свое здоровье беречь. Послезавтра умереть — но делая свое дело, а не жить десять лет для продолжения своей жизни и без другой цели.

Л. Н. (*о письме Баба Бхарати*): Он обещает не печатать мое письмо к нему, в котором ему советую не заниматься космогонией браминской [2]. Он хочет дальше отдавать подать исторической религии.

Л. Н. еще о письме Баба Бхарати:

— Он многословный.

Л. Н. целовал ручку Танечки.

5 апреля. Первый дождик; еще лед на пруду: бабы стирают у проруби. Л. Н. гулял пешком. Обедали: Л. Н., Татьяна Львовна, Юлия Ивановна, Наталья Степановна. Л. Н. после обеда прочел вслух из «Нового времени» от 3 апреля статейку «Панегирик бомбометателю»— о белостокском 18-летнем Шае Цуккермане, убившем семь сыщиков, городовых и солдат [1].

Л. Н. дочитал и сказал взволнованно:

— Что! А ведь есть этому сочувствующие!

Школа.

Сегодня Л. Н. не беседовал, к чаю не выходил.

6 апреля. Л. Н. ездил на Делире к Марии Александровне, торопился, весь вспотел. Сломалось деревянное стремя *, вместо него пробовал устроить петлю — устал, а не удалось.

Л. Н. читал газеты —«Русские ведомости» («Новое время» почти каждый третий день не доходит).

В передней, одеваясь, Л. Н. рассказал Илье Васильевичу:

— Василий Маклаков сказал блестящую речь в Думе, только задорную. Дело в том: три крестьянина пьянствовали с городовым, потом пошли за ним, подрались, и один из них ударил городового лопатой — убил. Их троих присудили на десять лет. Генерал-губернатор Гершельман отдал дело новому суду, и их повесили. За это (ужасное дело) Маклаков нападает на правительство. Только не из сострадания к крестьянам, а с партийной точки зрения, чтобы подкопаться под правительство. Увидим, что напишет «Новое время» об этом.

Обедали у Татьяны Львовны, Танечка плясала.

Л. Н. пришел в зал в четверть 11-го. Татьяна Львовна, Юлия Ивановна и я. Принес немецкую драму доктора Елинека с латинским названием [1].

Л. Н.: Что же наш Жозя? Был бы святой, если бы не сплетничал. Написал Черткову, что я недоволен тем, что он Сытину дает печатать мои сочинения и обходит Ивана Ивановича. Я сказал, что мне жаль Ивана Ивановича. От Черткова теперь предлинное письмо, педантичное, где излагает, почему связывается с Сытиным как с надежным продавцом. Не хочет попасть в погибающее издательство Ивана Ивановича [2].

Л. Н.: Иван Иванович — непрактический человек, и дела его близки к тому, чтобы рухнуть.

Потом Л. Н. просил прочесть ему ответ немецкий Рейхеля о Шекспире, очень трудным почерком написанный. Я прочел. Л. Н. сказал, что Рейхелю больше писать не будет, что тот страдает немного манией величия, пишет с задором [3].

Л. Н. о том, какая упорная болезнь инфлюэнца. У него все держится, вечером не способен работать. Татьяна Львовна удивлялась ему, как он мог сегодня съездить к Марии Александровне, после сходить к ним на обед и после еще с мальчиками заниматься.

Вечером Л. Н. написал ответ Н. Морозову (революционеру-астроному). Потом пытался прочесть фельетон Амфитеатрова о книге Н. Морозова «Апокалипсис» в «Руси» от 4 апреля, но было скучно и неясно, и не дочел. В 11 часов разошлись.

7 апреля. За обедом Л. Н., Татьяна Львовна, Юлия Ивановна и я.

Л. Н.: Ах, Иван Иванович, все его издательство погибает. Я теперь смотрел, что́ он издал, сколько хорошего делает! Я сегодня весь день читал издания горбуновские, сборники для детей, собрал 108 рассказов (для детского «Круга чтения»), но, к сожалению, кроме своих, все должен переделать: Козетта из «Misérables» как хороша! [1] Представляю себе, как будет нравиться детям.

---

* У Толстых зимой не ездят на холодных железных стременах.

Прочел тоже книжки (Шеперд и Дунаевой) о половом вопросе, объяснение детям [2]. Наживину нравятся.

Татьяна Львовна: А ты что, дашь мальчикам читать?

Л. Н.: Нет, нельзя. Я хочу поговорить об этом с Дориком. Или лучше дать прочесть?

Молчание.

— Если бы я еще раз пришел на свет, я бы желал ничего не слышать, не читать, не знать о том. Для меня была женщина — что-то таинственное, чистое, возвышенное.

За чаем Л. Н. рассказал, что получил от издателя японской «Review of Revolutions» письмо, что переведет, издаст, между прочим, «Письмо к китайцу» Л. Н-ча.

Л. Н.: Этому я рад.

Сегодня был вдребезги пьяный солдат с Дальнего Востока, босяк, грозил, что перебьет, подожжет. Л. Н. сам с ним по нескольку раз говорил, отсылал его.

Л. Н. чувствует себя слабым.

— Когда же я умру? — спросил он меня.

8 апреля. Холодный, ветреный день, дождь со снегом. Обедали у Сухотиных последний раз (Л. Н., Татьяна Львовна, Юлия Ивановна, Дорик, Наталья Степановна). После Л. Н. не выходил. С мальчиками недолго занимался, читал им из «Цветника» [1] и «Часы» Накрохина (издание «Посредника»). Эти не дочел, не совсем подходили.

Читал газеты. За чаем говорил про английский роман Schuyler (про племянника Пилата) [2], который читает; Татьяна Львовна удивлялась ему, что его интересует.

Л. Н.: Романическое с Саломэ — плохо, проповеди Христа — хороши. Описан в частном доме бой гладиаторов; я думал, что он производился только в общественных учреждениях.

— Как объяснить, что гладиаторы шли на бой? — спросил я.

Л. Н.: Были рабы, подвластные и жизнью господам; выбирали сильных, тут было чувство отличиться, молодчество. Понятно..... *

Л. Н. сегодня чувствует себя очень слабым: «Как отравлен». Смотрит на эту слабость так, что сегодня постарел, что сегодня переворот совершился в его жизни. Сказал:

— Просто старость. Истинно хорошо. Так хорошо, чудесно! Стал чище нравственно.

Пил и хвалил кефир, как вкусен, «но только с пеной»; как без пены, постоявший — противен. Татьяна Львовна желает летом (пополам) выписать кумысника.

Л. Н. за обедом с Танечкой играл, руки ей целовал, но утверждал, что она безобразна (лицом). Татьяна Львовна этому замечанию (не очень) противоречила, но ничуть не огорчалась. Л. Н. играл Танечке на рояле, чтобы поплясала. Танечка его – «дида» – очень любит. Л. Н. же любит, когда его дети любят.

9 апреля. Приехал Н. Г. Сутковой, ради статьи, которую редактировал Л. Н.: своего «Провозглашения» («Свободные христиане») и «Провозглашения» Гаррисона с прибавлением Л. Н. Желал бы, чтобы она была покороче, чтобы издать листком.

Л. Н. сказал про «Круг чтения», что он читает его третий раз и что он ему самому полезен. Вводит его в тот мир, о котором можно (случается) — иногда несколько недель проходит — не думать.

Сутковой сказал Л. Н., что его знакомый Павлов спасся от пессимизма «Кругом чтения».

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

Л. Н. сказал, что, когда он слышит, что деятельность его приносит плоды, он радуется, но этому не надо радоваться:

— Моисей не вошел в Ханаан [1]. Это так и есть. В материальной деятельности человек хочет видеть и видит награды; в духовной — награда в самой деятельности, в сеянии семян, а плодов не дано видеть (и не нужно видеть).

Разговор об экспроприации в казначействе Петербургского университета 3 апреля; прочли из «Нового времени» об этом [2].

Сегодня, когда Л. Н. садился на Вороного, Вороной рванулся, Филька не удержал; Л. Н. не попал еще другой ногой в стремя, но удержался на лошади; страшно было за Л. Н. Вороной понес в сад, но Л. Н. удержал его и повернул назад. Потом по пути слез и влез один. Вечером Л. Н. часто дышал.

Л. Н. сравнил туннели (по поводу разговора о новопроведенном Симплонском) — с пирамидами, что в будущем так же будут смотреть на них. Можно бы довольствоваться прежними путями. Усовершенствованные пути туристам нужны (не товарам).

Л. Н. (*о помощи голодающим*): Кто там живет, не может не помогать, насколько осилит от себя оторвать, но при правительственной, общественной помощи — помощь только ослабляет энергию голодающих, они полагаются на помощь извне. В Самарской губернии мне рассказывали, что переселенцы в Сибирь, которые идут под правительственной опекой, возвращаются разоренными, а самовольные беглецы устраиваются, — именно потому, что надеются только на себя.

Л. Н. читал в «Новом времени» фельетон о развитии мышц гимнастикой и работой. Автор полагает причину недолговечности деревенского населения в чересчур продолжительной работе и недосыпании со дня на день в страдную пору. Л. Н. вспомнил, как и он также увлекался работой, не хотел отставать от крестьян. Остерегал от этого Суткового. По Л. Н., молодому человеку надо спать 8 часов.

Сутковой говорил об антимилитаристе Ярковском, который прислал Л. Н. свои издания — смелые.

Л. Н. в разговоре с трудом вспоминал имена, сам над собой смеялся:

— У меня память выгнилась, просыпается (сыплется), но я не променяю себя на прежнего (я не променял бы себя на прежнего, с хорошей памятью).

Л. Н. (*о рассказе Тищенко* [3]): Прекрасно написано, но задорный революционер.

Л. Н.: Стасов, как он ни старался соглашаться со мной о Шекспире и о Мольере, не мог согласиться. Мольер, что бы он ни писал, — талант, настоящий талант.

10 апреля. Утром возвратилась Софья Андреевна из Москвы. Приехал Андрей Львович из Тулы на тягу вальдшнепов. Вечером приехал М. Введенский. Учился в Тифлисе в одноклассной землемерной школе, получал стипендию десять рублей, на них и на деньги, которые получал за урок, жил. Но отказался от стипендии, т. к. «эти деньги не трудовые мои», вышел из училища и приехал к Л. Н. попросить найти ему работу у крестьянина. Л. Н. сказал ему, что он необдуманно поступил. Сутковой ему разъяснил, что в центральных губерниях теперь еще нет работы, а после тоже не хватает работы и для деревенских жителей. Л. Н. не одобряет резкой ломки — ведет к разочарованию. Сутковой ему рекомендовал искать себе место учителя.

Софья Андреевна рассказывала про выставки в Москве: декаденты возмутительно глупы [1].

Л. Н. (*про Маковского*): Маковский, действительно, великий художник.

Горбунов прислал № 79 «Нови» со статьей «М. Горький о религиозном вопросе» [2]. Л. Н. высказался, что неопределенно, растянуто.

ДЕТИ ИЗ ДЕРЕВНИ ЯСНАЯ ПОЛЯНА (НА ВТОРОМ ПЛАНЕ ВИДНА ЯСНОПОЛЯНСКАЯ УСАДЬБА)

Фотография В. Г. Черткова, 1905—1910

«Л. Н. пробовал мальчикам читать «Круг чтения», пересказывая своими словами... Играл с ними в лото, или, как они говорят, в «долото». Раздавал... книжки». — Запись от 15 апреля 1907 г.

В «Новом времени» Меньшиков пишет о Горьком [3].

— Обижает Горького, — сказал Л. Н.

Л. Н. получил от духоборов канадских пять тысяч долларов для голодающих. Просил Суткового поехать в Самарскую губернию, купить муки и т. д. и распределить. Неделю тому назад получил из Финляндии 84 тысячи рублей (или 200 тысяч финских марок). Эти отдал Львову.

Л. Н. читал буддийское о переселении душ [4], и нравится ему: или нирвана, или переселение — середины нет:

– Что такое характер прирожденный (есть и приобретенный)? Из прежних существований вынесенный склад жизни.

Л. Н. еще свежий: помнит сам все, ничего ему не нужно припоминать, все сам обдумывает, какую работу должен делать, какие книги ему нужны, кому что писать, послать, сделать, вернуть, с кем о чем поговорить, не забывает посетителей; сам себе все, что нужно, делает, обслуживает себя: умывание, одевание, еда, далеко может гулять, без помощи садится на лошадь. Радостного, веселого духа.

Вчера пожелал Татьяне Львовне и всем долго жить. Андрей Львович сказал ему, что противоречит себе, когда раз говорит, что смерть ему желанна, а другой раз желает себе долго жить.

Л. Н.: Не может быть иначе, как так: и жить хорошо, и там будет хорошо, еще лучше.

Л. Н. ездил в Колпну нанимать второй дом в усадьбе Гужона в Ясенках для Чертковых [5].

11 апреля. За обедом Л. Н. сказал:

— Я написал Шкарвану длинное письмо, вы ему припишите, что в новой газете Бодянского («Народной молве») я читал «Гарун-Аль-Рашид» —

сказку, им подписанную. Очень хорошо составлена. Напишите, что я ей был очень рад и что непременно помещу в «Круг чтения» для детей [1].

Л. Н. получил арабское письмо из Яффы; после обеда принес его мне показать и опять унес. Письмо короткое, в пять—семь строк.

Л. Н.: Это что-то важное. Там есть секта вроде бабидов [2] — я читал что-то — спиритуалистов.

Л. Н. написал сегодня около шести писем [3]. В 8 часов вечера приехал Андрей Львович с Волковым и ночью уже уехали. Винт. Л. Н. звал Татьяну Львовну с семьей поселиться, хоть на неделю, в нашем доме. Вечером Л. Н. прочел вслух из «Народной молвы» № 1 статью «Власть и народ» (о современной революции), подписанную: *Человек*. Л. Н. думает, что «Человек» — это Успенский. Статья христианско-анархическая [4].

Разговор о Сутковом. О. К. Клодт пишет о нем, какой он, «на все хорошее готовый», прекрасный человек, только бы не женился, а то все пропадет [5]. Разговор перешел на женщин, которые закрутят и таких людей, как он и как П. И. Бирюков, Чага. Л. Н. сказал, что такие действуют грубо, у которых нет таинственности, поэзии женственности.

Сегодня отвечал Л. Н. влюбленному Краморева, что жениться можно только тогда, когда не можешь поступить иначе (не жениться), а не тогда, когда решил в своей голове, что на этой хорошо бы жениться [6].

Л. Н. был рад книге «Что читать русскому народу?», составленной харьковскими учительницами. Есть в библиотеке. Пригодилась ему для поисков рассказов для народа, детей [7].

12 апреля. И. И. Горбунов прислал Л. Н. лучшие свои издания для детей и народа. Л. Н. понравились:

— «Малым ребятам» с картинками Бём, сборники, двадцать книжечек, прекрасные,— сказал Л. Н. — Это его (Ивана Ивановича) попомнят школы и дети. Я много почерпну из них.

Эти сборники составляет, собственно, Е. Е. Горбунова.

Л. Н. получает ежегодно 100—400 книг и брошюр от самих авторов, иногда от издателей.

Л. Н. ездил верхом. За чаем: Софья Андреевна, Татьяна Львовна, Юлия Ивановна, Наталья Степановна. Л. Н. получил первые номера газеты Хирьяковых «Народная правда». Хирьяковы недавно издавали другую газету [1].

Л. Н.: Теперь каждый человек издает три газеты. Я там (в «Народной правде») читал, что приготовляют 15 забастовок. Я только боюсь, что не удадутся, так как между потребителями столько людей, которым забастовка невыгодна.

Татьяна Львовна: Забастовщики наказывают бедных покупателей. Как простить их?

Л. Н.: Перестать роскошно жить.

Татьяна Львовна: Это нельзя сделать завтра, привычки...

Л. Н.: Отвыкнуть можно; пример: в санаториях как грубо ломаются привычки.

Я читал «Новое время». Л. Н. подошел ко мне и спросил, о чем читаю.

Я: Об союзе, при эстонском обществе воспитания молодежи, против употребления спиртных напитков как вредных всему народу. Идут по стопам финляндцев и скандинавцев.

Л. Н. сказал, что это к нам не идет, но что хорошо, что употребляют не принудительные меры (а просто просвещение).

13 апреля. Два дня сухо. Множество путников, паломников, прохожих, цыган, студентов.

Софья Андреевна говорила о дневниках Варвары Валерьяновны, которыми сейчас пользуется для «истории своей жизни»:

— Какая богатая внутренняя жизнь была у нее! [1]

За обедом: Л. Н., Софья Андреевна, Юлия Ивановна.

Л. Н.: Сколько прохожих было сегодня! Был и один очень тяжелый, самоуверенный, сочинитель; был и в прошлом году. Какое это с ним испытание! Для храбрости выпил полбутылки водки, но не было на нем заметно, а сам сказал. Был прилично одетый мальчик лет 16-ти, просил денег, говорил, что отец и мать его сгорели.

Днем приезжал очень умный студент Петербургского университета, был два раза в заключении. Задал Л. Н-чу ряд вопросов — например, что делать студенту?

Л. Н.: Первое, выйти из университета, так как университет — правительственное учреждение.

На дальнейшие вопросы Л. Н. ответил ему:

— Кто вас призвал устраивать жизнь народа, вам 20 лет, вы должны устраивать свою жизнь.— Этим ответом отрубил продолжение вопросов.

Студент: Я никак не ожидал, что вы так радикально будете относиться. — Приехал в начале 11-го часа и говорил с Л. Н. до 12.15, так что Л. Н. сегодня мало своей работы сделал.

Были и румынские цыгане, которые называют себя то болгарами, то сербами, то греками. Л. Н. вспомнил свою поездку через Румынию. Народ, похожий на русский, на хороший русский народ. Хоровод, его водили цыгане. Одна девушка хорошо пела. В белом платье, подпоясана и, несмотря на то, что до невозможности рябая, – красивая сложением и манерой держать себя. Вспомнил румынские слова: «Джуманита друме» – полдороги. Ямщик останавливал лошадей, там корчма. Выпил белого вина, потер вином лошадям носы, они фыркали [2].

Я читал «Круг чтения», Л. Н. подошел ко мне, и, увидев, что́ я читаю, сказал:

— А!.. Сегодня прекрасное, о разуме и уме [3]. Я, по крайней мере, читаю всякий раз с большой для себя, своей души, пользой, вроде молитвы.

Л. Н.: Читал в газетах, что Анатоль Леруа-Болье приехал в Россию. Желал бы, чтобы заехал ко мне [4].

Л. Н. получил по почте — кто-то из Лодзи ему присылает — антиклерикальный журнальчик, борющийся с папизмом, «Das Banner der Freiheit».

— Негативный, ничего позитивного там нет,— сказал я.

Л. Н.: И, главное, что это можно без конца повторять и к цели не ведет. Они придумывают свои возражения.

Л. Н. занимался школой и раздал ученикам множество книжек «Малым ребятам».

Вечером в 11 часов пришел ко мне в комнату, прочел английскую открытку без подписи из Черкасс о русском народе, что его смирение исчезло, что он теперь непослушный, ленивый, блудный. Л. Н. жалел, что пишущий не подписался [5].

Принес немецкое письмо Ф. Пришинга, подмастерья-каменщика из Штирийского Граца (Graz), редактора анархистского журнальчика «Der gerade Michel», прочел его вслух. Л. Н. понравилось — простой, ядреный, сильный, грубый мужицкий язык и просто выраженные мысли о свободном человеке, которого государство не должно и не может сломать. К письму был приложен листок «Religion und Staat».

— Завтра вместе переведем его,— сказал Л. Н.

Говорил еще, что получил письмо от С. Т. Семенова из Крайсчерча, неприятное. Просит выхлопотать позволение вернуться в Россию. Л. Н. намерен через Сергея Львовича обратиться к А. А. Столыпину, брату министра. Л. Н. неприятно у Семенова самомнение. Л. Н. говорит, что прежние рассказы его были хорошие, но потом он написал драму, тут Иван Иванович согрешил, напечатав ее: драма совсем плохая [6].

С 8 до 9 Софья Андреевна читала Л. Н. вслух девичий дневник В. В. Нагорновой, когда 16-ти, 18-ти и 22-х лет гостила в Ясной. Л. Н-чу был очень интересен и хвалил; как хорошо написала, какая богатая душевная жизнь у Варвары Валерьяновны. (Передаю со слов Софьи Андреевны.)

Шкарван написал Л. Н-чу; между прочим, просит позволения перевести детский «Круг чтения» на словацкий, чешский, немецкий языки. Л. Н. с радостью согласился [7].

Л. Н. никогда не выходит из терпеливости, ласковости к Софье Андреевне, какие бы она ни говорила обидные, бессмысленные речи о близких ему людях и о его идеях.

14 апреля. Л. Н. гулял. С мальчиками сегодня кончил «Евангелие». Они пересказывают своими словами то, что поняли. Л. Н. на них проверяет свое писание. Роздал им много книг.

После мне читал вслух из Сковороды (Гусев прекрасно составил) [1] его мысли и почти плакал притом, так ему нравились. Сказал: «Удивительны!»

Л. Н. поручил мне попросить Черткова послать его (Л. Н.) сочинения редактору магометанской «Review of Religions» (Quadian, district Guardas pur India). Шкарвана же просил послать Fr. Prisching немецкие: «Christliche Lehre», «Die Bedeutung der russichen Revolution», «Für Alle Tage» («Lesekreis») [2].

Л. Н. получил от Г. П. Задёры книжку «Л. Н. Толстой о медицине и врачах»; понравилась ему и написал Задёре [3].

Юлия Ивановна показывала фотографию Марии Львовны, увеличенную в Америке и присланную ее знакомыми американцами Николаю Леонидовичу.

Л. Н.: Выражение лица хорошо, подробности — плохо. Я к ней пойду вскоре.

Л. Н. восхищенно хвалил рассказ С. Т. Семенова «Два брата», сегодня читал.

15 апреля. Вербное воскресенье. Л. Н., Софья Андреевна, Татьяна Львовна, Юлия Ивановна, Дорик, Наталья Степановна.

Л. Н.: Нынче я прочитал Государственную думу (прения о земельном вопросе) — ребячество какое! [1] Злоба! Нам, вдали стоящим, видно, что из этой взаимной ненависти, партийной злобы ничего толкового выйти не может. Отнять землю и распределять. Кто же это будет решать? Бобринский прочел в Думе заявление богородицких мещан, что и они хотят землю. Если всем мещанам в России дать по норме (четыре десятины), нужно 70 миллионов десятин, а всей земли, которую можно прирезать, — 35 миллионов десятин. О Генри Джордже ни слова.

Татьяна Львовна: Его не знают.

Л. Н.: Я припомнил Ивану Ивановичу, что хорошо было бы послать членам Думы о генриджорджевском решении земельного вопроса, что я сам послал бы. Иван Иванович послал всем, говорил Наживин.

Л. Н.: Я нынче написал М. А. Стаховичу, чтобы похлопотал о Семенове [2].

Л. Н. пробовал мальчикам читать «Круг чтения», пересказывая своими словами. И увидел, что «Круг чтения» для детей гораздо труднее написать, чем предполагал.

Л. Н.: О смысле жизни — мое и Эпиктета — было им понятно, а случайные мысли не годятся. Особенно понятливые: Коля Орехов, Жаров и горбатенький Власов.

Л. Н. играл с ними в лото, или, как они говорят, в «долото» (на карточках со стихами из русских поэтов). Раздавал — независимо от лото —

книжки. Мальчиков было около 20, и были такие, которые в школу не ходят.

Речь о Горбове.

Л. Н.: Тип. Богатые купцы (Дунаев, Коншин, Абрикосов) нравственно (с женщинами отношения) лучше нас, дворян.

Л. Н. спросил меня о письмах и потом вспомнил о каком-то письме и своем ответе на него. Сказал:

— Как получил письмо, мысль, которую ответить, была ясна — сейчас и написал. Так лучше. Только всегда нельзя так, некогда бывает.

Раз Л. Н. говорил, что всякая мысль имеет свой зенит, когда она яснее, сильнее, потом тускнеет; и в то время, когда она в зените, нужно ее записать. Л. Н. так и делает. Записную книжку всегда имеет под рукой и днем и ночью; днем при себе, ночью на тумбочке. Иные ночи не ленится раз пять зажигать свечу и записывать пришедшие ему мысли.

16 апреля. Л. Н. ездил верхом. Вечером пришли в школу только два мальчика, не учил.

Л. Н. вышел к чаю в 10, говорил про прения в Думе:

— Смешно и жалко, как они подковыривают друг друга. Какая злоба, ненависть. Жалко, что они так умны и образованны и злоупотребляют ⟨этим⟩ для ругательств.

Наталья Степановна: За границей так не ругаются?

Л. Н.: За границей формы установлены. Не замечаем. Так подробно не следим.

Л. Н. прочел из «Нового времени» вслух «Стансы» Фофанова:

О, замолчи, воспоминанье,—
К себе былое не зови!
Печально вспомнить дни страданья,
Еще печальней дни любви!
Накинь, душа, покров забвенья
На всё, на всё! Я жить устал;
Мне даже скучно вдохновенье,—
Мой лучший жизни идеал!
Темней, мой день! Гасись, лампада!
Закат мой бледный, догорай...
Не здесь блаженство и отрада,
Не на земле счастливый рай! [1]

Отложив газету, Л. Н. повторил: «Печально вспомнить дни страданья, еще печальней дни любви!» И потом: «Мне даже скучно вдохновенье...» У Л. Н. голос дрожал, читал с большим чувством и волнением.

Л. Н.: Лучше поэта нынче нет. Пьет запоем, а когда трезв, заставляют его написать, и напишет такое за 25 рублей. Никто не обращает на него внимания. Кроме него и нет никого. Бальмонт — дрянь, декадент...

Л. Н. спросил меня, сколько мне лет.

— Сорок.

— Желаю вам дожить до старости. В старости не скучно, как говорит Фофанов, а что прельщало в молодости — чуждо, идешь в расход с молодыми, становишься одиноким — это Гете заметил — все более и более.

Л. Н. спросил меня, прочитал ли я Сковороду.

Я: Нет.

Л. Н.: Жизнеописание и его мысли замечательны.

Потом Л. Н. прочел вслух Лескова: «Под праздник обидели» и сказал, что прочел мальчикам с успехом; сам Л. Н. был очень тронут этим рассказом и вспомнил, что Сергей Николаевич любил хорошее чтение, не случайную болтовню.

Наталья Степановна спросила Л. Н., знает ли он Вересаева, кто-то сказал, что он был здесь [2].

Л. Н.: Хорошо пишет, немножко однообразно и с политической тенденцией, не отдается художественному чувству.

Наталья Степановна: Он прекрасный человек.

Л. Н.: Да, он скромен.

Разошлись в 12-м часу. Л. Н. еще пошел побеседовать с А. П. Ивановым, он сегодня пришел.

17 апреля. Вторник. Я ходил в Тулу. Вечером приехали Миша и Аля Сухотины. Вечером Л. Н. занимался с мальчиками.

За чаем Татьяна Львовна читала вслух из «Нового времени» от 15 апреля Меньшикова «Письмо к ближним: Исполины». После интересного описания кулачного боя в петербургском цирке между исполинами русским и немцем — пустое философствование.

Л. Н.: Тут ему нечего сказать, он петляет.

Меньшиков говорит, что возможно целое племя Поддубных, целый народ-богатырь. «Начните кормить крестьянина, не изнуряйте работой и не оставляйте без работы, уберегите от истощающих пороков, вроде пьянства, и человеководство само собой начнет подыматься... Поставьте народ в правильные отношения к земле; не пройдет двух столетий, и вы его физически не узнаете».

Л. Н.: Это нехорошо. Могущество у Паскаля — больного. Прежние поколения выработали Паскаля (больного).

О том месте, где у Меньшикова речь о выработке мускулов-бицепсов.

Л. Н.: (Напротив) — в старину, в мое время, никто не знал мускулов, и все были здоровы. Как же смотреть на человека, у которого идеал в мускулах?

По поводу того места, где Меньшиков пишет о скоте с большим выменем и употребляет сравнение его с человеком.

Л. Н.: Человека надо воспитать в духовном, идеал не может быть в теле. Какие будут (телом) — такие и будут. Ренан говорит, что будущий род будет скрофулёзный *.

«Не рассматривайте крестьянина,— пишет далее Меньшиков,— как существо цивилизованное, ибо это подлежит спору. Поглядите на него хоть раз в жизни с самой низкой стороны, просто как на животное, или, если это много, то как на растение».

Л. Н.: Не могу посмотреть на человека, как на растение. Это кощунство.

О словах Меньшикова: «Прежде всего в хозяйстве хлев... Центр вопроса не в клевере, а в хлеве, в фабрике навоза... Я недавно писал о китайском ретираде, который как учреждение ставлю выше парламента».

Л. Н. (со смехом): С этим я согласен.

На утверждение Меньшикова: «Сто с небольшим лет тому назад народ во Франции вымирал от голода, вымирал он и в Германии... Не школы спасли Европу, а переворот в хозяйстве»,

Л. Н.: Переворот был не в хозяйстве, а в государственном устройстве.

На заключение Меньшикова: «Устройте хлев — вы получите многочисленную и могучую породу скота. Около нее, на тучном поле, может быть, вновь подымется могучая человеческая порода, где Поддубными будут все».

Л. Н.: Я только одно говорю: оставьте их (мужиков) в покое — не брать с них податей, солдат. Не Меньшиков их — они научат вас.

Л. Н. удивлялся, что все это так перемешано, необдуманно. Потом Л. Н. стал читать вслух драму Льва Львовича [1]. Читал четверть часа,

---

* золотушный (франц. scrofuleux).

но т. к. Татьяна Львовна, Юлия Ивановна, Наталья Степановна во время чтения ушли, продолжал читать, просматривать про себя. Потом сказал мне:

— Я посмотрел конец, совсем нет характеров.

18 апреля. Вчера Софья Андреевна говорила, что одиноко в Ясной, как никогда не было. Л. Н. потерял популярность, потому что не сочувствует ни правительству, ни революции.

Сегодня Л. Н. съездил в усадьбу Баратынской (за три версты), где 11-летний мальчик топором убил 9-летнего братишку. Поссорились из-за того, кому пошла мать купить платье. Тело обкусали собаки. Там Л. Н. застал судебного следователя с врачом. Мальчик ему сам рассказал, что как было.

После обеда Л. Н. спросил меня, о чем я думаю. Я ответил, что о дневниках, которые пишу с тех пор, как в Ясной живу *. Сегодня смотрел их: ужасно много. Я грешен: пишу дневники, этим оправдываю свое пребывание у вас; может быть, будут полезны.

Л. Н.: Этого не знаю, это ваше дело. Сколько вы прожили у нас?

— Два с половиной года.

Л. Н.: У меня два стариковские взгляда на время. Проходит быстро, если занят внешним, и медленно, если внутренней работой.

Л. Н.: Приедет ли Чертков? Я очень рад был бы, если бы приехал. Вероятно, последний раз придется видеть Галю, если приедут на короткое время.

⟨Л. Н.⟩: Пьеса Левы. Говорят, что изображен Андрей, есть сходство.

Л. Н.: Посмотрите закат солнца, посмотрите же! Малиновое, пурпуровое. Этого я никогда не видал.

Я читал «Sociale Befreiung». Л. Н. спросил, есть ли «Письмо к китайцу»? Показал «The Russian Review» («Что же делать?» и «Письмо к китайцу»).

В школе было только четыре мальчика. Л. Н. о школе:

— Мальчики портятся. Польза мне от школы, от них та, что, когда пишу, это публика передо мной: такой-то оборот, поймут ли?

Л. Н.: Учение Конфуция: какие глубокие мысли, и так плохо, непонятно переданы.

Л. Н.: Читали сегодня «Круг чтения»? Очень хорош Лихтенберг **[1].

19 апреля. Л. Н. на Вороном съездил в Тулу к Андрею Львовичу, с 2-х часов до 4.50. Тридцать верст (с ходьбой) туда и обратно. Вороной пугливый, особенно весной. Л. Н. думает, это потому, что из темной конюшни выходит на яркий свет. Около дома, когда Л. Н. уже возвратился, испугался и понес, насилу Л. Н. его удержал. Встретил автомобиль, тоже испугался.

За обедом: Л. Н., Софья Андреевна, Юлия Ивановна. Говорили о старике Стаховиче, о его болезни.

Софья Андреевна: Всем грустно жить.

Л. Н.: Всем весело.

Софья Андреевна: Скоро помрет.

Л. Н.: Все смертны. Бессмертная жизнь была бы (самое большое) наказание.

---

* До сих пор Л. Н-чу никогда не говорил о Записках и после никогда, но Л. Н. мог знать, что я их пишу, потому что иногда за столом Юлия Ивановна, Татьяна Львовна и другие подтрунивали надо мной, что записываю, хотя я старался записывать незаметно, но они замечали по моему устремленному в пространство взгляду.

** Предыдущие полторы страницы переписаны с листков через шесть лет.

Софья Андреевна: Да, скучно в старости...

21 апреля. Ночью [1] я поехал к Абрикосовым и вернулся, а теперь 21 апреля, утром.

Нашел в Ясной Поляне Сергея Львовича с Марией Николаевной. За обедом разговор о православных постах. Л. Н. сказал, что в народе строго соблюдаются посты, и вычислил, что целую половину года постятся (четыре поста: Великий, Петровский, Успенский и Филиппиовский — 24 недели; потом 56 сред и пятниц и несколько праздников — 184 дня).

Софья Андреевна заметила, как они, пока Л. Н. был православным, соблюдали посты. Всю Страстную неделю ели один черный хлеб с солью и водой.

За чаем Софья Андреевна попросила Сергея Львовича сыграть; играл, главным образом, Грига.

Л. Н.: Оригинален, но à la longue* скучен.

Потом сыграл что-то, о чем Л. Н. сказал, что очень искусственно. Сергей Львович сказал, что это Вагнер.

Л. Н.: Не ошибся, искусственное вагнеровское — начинается, кончается, без середины.

Разговор о происхождении Шопена. Софья Андреевна сказала, что, вероятно, еврейского происхождения, т. к. великий талант.

Л. Н.: Нет. Великих музыкантов-евреев нет. Ни великих мыслителей.

Об игре Сергея Львовича, когда он ушел, Л. Н. сказал:

— Он владеет вполне инструментом, может передать свое понимание.

22 апреля. Христово Воскресенье. Л. Н. ездил к Марии Александровне. Утром приехал и уехал М. М. Сухотин. Вернулась из Крыма Александра Львовна, веселая, довольная, загорелая. Пополудни гуляли. Обедали у Татьяны Львовны: Л. Н., Софья Андреевна, Сергей Львович, Мария Николаевна, Александра Львовна, Андрей Львович, Юлия Ивановна, Дорик.

Татьяна Львовна дала Л. Н. прочесть в «Голосе Москвы» «Еще об убийстве о. Василия Тимофеева» (старообрядческого настоятеля Преображенского кладбища) [1].

Л. Н. прочел внимательно и, отложив газету, видимо взволнованный, помолчал, потом сказал с жалостью и негодованием:

— Удивительны эти убийства! Это страшнее самых диких зверей, самих тигров. Безжалостность с этими браунингами.

23 апреля. Приехал С. Д. Николаев искать себе квартиру на лето. Л. Н. ездил верхом в Ясенки искать квартиру для сопровождающих Черткова.

За обедом Л. Н. хвалил Эркман-Шатриана «Рассказ часовщика» [1]: «Тон хороший».

Получена телеграмма из Петербурга: «Потрясены известием о смерти Льва Николаевича. Немирович-Данченко» [2].

Л. Н. говорил, как мало сказок для детей. Мария Николаевна советовала Л. Н. обратиться к сказаниям о русских богатырях и назвала, к каким именно.

Л. Н.: Это мифическое. Из этой старины только один Гомер вечен. (Л. Н. недавно перечитывал его.)

Л. Н.: Христос сказал, что надо учиться у детей — их удовлетворяет только доброе. Только что, то самое лучшее,— хорошо для детей.

Разговор о Танечке, что̀ из нее будет? Сергей Львович сказал, что у Сенкевича одна мать говорит, что она боится не за дочерей — в худшем

---

* в конце концов (*франц.*).

С. Л. ТОЛСТОЙ С ЖЕНОЙ М. Н. ТОЛСТОЙ
Ясная Поляна, 1907
Фотография С. А. Толстой

«Ночью я поехал к Абрикосовым и вернулся... Нашел в Ясной Поляне Сергея Львовича с Марией Николаевной». — Запись от 21 апреля 1907 г.

случае они могут быть несчастными и только,— а за сыновей: они могут стать дурными.

Л. Н.: Почему же ⟨только⟩ несчастными? Падение женщины ужаснее, чем несчастье.

Татьяна Львовна говорила о том, что детей нельзя воспитать такими, как стараешься, и приводила примеры хороших родителей, у которых дети не удались. Говорили и другие. Л. Н. слушал и потом, когда все замолчали, сказал, что у него взгляд на воспитание подобный взгляду на политику:

— Надо самому жить по воле божией, и влияние твое на общество, политику будет самое лучшее. Чтобы влиять хорошо на детей, все старание обратить на то, чтобы самому жить хорошо. Какие впечатления воспримет ребенок — нельзя знать. Надо любить ребенка не эгоистически, а перенестись в его требования, нужды, жертвовать собой. Надо жить самому хорошо (строго) по закону. Надо, чтобы отношение к ребенку было должное, и тогда будет сделано, что должно.

Разговор о прислуге, как она разыгрывает из себя бар. Татьяна Львовна рассказала про горничных девушек — Дашу и Ганю — они сегодня, в отсутствие повара, не состряпали сами себе обед, а призвали для этого женщину из деревни.

Л. Н.: Я умру и до этого не доживу, но через 30 лет будет стыдно, что лакеи прислуживали за столом, выносили нечистоты...

Николаев с Л. Н. о том, что ни в одном книжном магазине в Москве нельзя найти русской Симфонии (concordii) Евангелия [3]. И что она так дорога — 3 р., а Симфония Ветхого завета — 7 р. Л. Н. сказал, что хорошо бы Ивану Ивановичу издать их.

Л. Н.: Признак, как мало интереса у нас к религиозному вопросу. Мыслимо ли это в Англии?

24 апреля. Ночью в 4 часа приехал Андрей Львович из Тулы. Тамошняя газета получила телеграмму из Петербурга, что умер Л. Н. [1]

Ночью заболела Софья Андреевна.

Когда услышала Авдотья Васильевна, что распространился слух о кончине Л. Н., сказала:

— Теперь ему долго жить, слава богу,— перекрестилась,— теперь графская смерть умерла.

Когда рассказали об этом Л. Н-чу, он пошутил:

— Она уже раза три умирала; я надеюсь, что не совсем умерла.

Приехал Сутковой за духоборческими деньгами, чтобы съездить в Самару, распределить пособия голодающим. Л. Н., услыхав, что из Самарской губернии высылают чужих, приезжающих «кормить голодных» и ведущих революционную пропаганду, и с ними и других, не революционеров, просто чужих,— по совету Андрея Львовича, поехал к губернатору Арцимовичу в Тулу за свидетельством для Суткового. Так как Л. Н. был вял, я поехал ему навстречу в коляске. Встретили Л. Н. на Косой Горе; он шел пешком и вел Делира за повод: щадил лошадь. Кто бы это делал в 70-летнем возрасте?! Л. Н. не был доволен, хотя старался не показывать этого, что выслали пару с лучшей коляской за ним. Сам подтянул мне стремя и подержал Делира, когда я садился.

Л. Н. с Сутковым о том, как действовать в Самарской губернии. Предоставил ему — кормить ли людей, давать ли на семена (только для своего хлеба, а не для продажного) или на корм скотине.

Речь о помощниках. Сутковой вспомнил Кузьмина.

Л. Н.: Нет, он неопределенный, увлекающийся.

Сутковой: Тогда добролюбовцы и молокане будут помогать.

Л. Н. пошел учить мальчиков.

Сутковой попросил Л. Н. разрешения присутствовать при учении детей. Притчи из Евангелий —три,— удивительно запоминали и пересказывали.

Л. Н. (*за чаем*): Получил от Наживина письмо, роман не расходится, что надо бы объявление. Сам пишет (что ему неприятно идти на такой шаг) [2]. Что же заботиться о последствиях своей деятельности? Делать свое дело, а предоставить последствия богу.

Л. Н. с Сутковым об обрядах (молоканских). Венчание для иной женщины — священный акт. Если соблазнил девушку или хочешь жениться на ней без церковного брака, на котором настаивают родители, проклинают ее.

Л. Н.: Важна не форма, а содержание и значение, которое форме придаешь (согласишься на церковный брак не как на святость, а чтобы не делать страдания родителям невесты).

Вечером уехал Андрей Львович. Завтра утром уедет Сергей Львович с женой, Сутковой — в Самарскую губернию.

25 апреля. Была Мария Александровна, как всегда веселая, радушная, заботливая о больных, советовалась со мною о нескольких. Была Надежда Павловна.

За обедом Л. Н. рассказал:

— Китайского мудреца спросили, есть ли такое слово, от которого человек может быть счастливым? «Есть,— ответил он,— слово *Шу*, которое значит: не делай другим того, чего не хочешь, чтобы тебе делали» [1].

Школа с мальчиками; потом попросили поиграть на китайском биллиарде. Л. Н. и сам играл с ними.

Софья Андреевна дала мужикам в позапрошлом году 40 десятин в аренду. Они определили их под рожь. Пришли опять просить в прошлом году — дала им 40 (под овес). И теперь опять пришли просить. Софья Андреевна не намерена больше давать. Л. Н. ей говорил, что у русских мужиков хозяйство трехпольное, поэтому им надо дать еще 40 десятин. Они это так понимают. Софья Андреевна же, не понимая, что полю нужно каждый третий год под паром лежать, хочет, чтобы пару не было, а чтоб сеяли каждый год на двух полях. Негодовала на мужиков, какие нечестные, воруют и т. д. Татьяна Львовна тоже. Обе говорили, что жить в деревне трудно...

Л. Н. вспомнил, что о том же говорил вчера Сергей Львович и что он (Л. Н.) хотел сказать ему, как пóшло ругать мужиков. Если недовольны — *плохи сами* (мы), а виним других. Никто не мешает нам поехать в Испанию. Человек, который сам не способен для настоящей жизни, ругает мужиков, без которых мы подохли бы.

Мужики, сегодня встретившие Л. Н., христосовались с ним.

Вчера и сегодня были разговоры, какая нужда в корме скотине * и людям. Л. Н. сказал:

— Год 1840 был голодный год, и у нас в опеке продали имение 300 душ за 100 тысяч рублей, чтобы кормить голодных [2].

Л. Н. гулял и вечером.

26 апреля. Четверг. Приехали Гольденвейзер с Сибором концертировать. У меня с 8 до 5 больные в амбулатории. Л. Н. с Гольденвейзером ездили верхами. Л. Н. школой очень доволен. Переработал «Обращение к народу» для издания «Обновление» и дал ему другое название «Наше жизнепонимание» [1]. Завтра намерен отослать.

Л. Н. советовал мне прочесть в японской «Review of Revolutions», № 10 статью: «The revolutionary spirit of China».

Л. Н.: Какое революционное настроение в Китае! Но все это европейские мысли. Как они хотят свергнуть маньчжурскую династию! Жаль, что прочее японское — прочесть нельзя.

Вечером Гольденвейзер с Сибором играли моцартовскую сонату с удивительными вариациями, потом Шуберта, а под конец «Крейцерову сонату» Бетховена. Играли просто, хорошо, спокойно. Были все знакомые — Л. Н., Софья Андреевна, Татьяна Львовна, Юлия Ивановна, Аля Сухотин, Дорик, Надежда Павловна, было интимно. Гольденвейзер и Сибор не были артистами, а просто играли, лучше играли, чем на эстраде — не волновались, Л. Н. усмехался, восхищался, хлопал раза два. Ему особенно нравились вариации Моцарта и «Крейцерова соната». После нее сказал:

---

* У Толстых все лошади (9 выездных и 26 рабочих с жеребятами) худы от недостаточного корма.

— Никогда не слышал, чтобы так хорошо играли, в самом деле.

Татьяна Львовна: А чешский квартет? [2]

Л. Н.: Первая часть («Крейцеровой сонаты») — это лучшая манера бетховенская, величественная, тон трагический, страстный. Вторая часть — метода моцартовская, мелодичная, прелестная. Третья часть — слабая, плохая.

Потом за чаем пошли разговоры, между прочим, о Григе. Л. Н. сказал:

— Очень искусственен, но музыкален, мелодичен.

Л. Н.: Я помню, как я с Чайковским познакомился, он мне играл «Бурю» [3]. Там был скрипач, играли вместе.

Л. Н.: Шаляпин пел Рахманинова «Судьбу». Я имел неосторожность сказать: «Отвратительно» *[4].

Л. Н.: Lewes — нехорошая биография Гете [5].

27 апреля. Вечером приехал М. С. Сухотин с Сережей из-за границы.

Л. Н., кажется, кончил переделку статьи «Рабочему народу» для нового издания в «Обновлении», переименовав ее сначала на «Забытое и верное средство», а сегодня на «Истинная свобода». Школа. Сегодня первый совсем теплый день, березы оделись.

Л. Н. (*за обедом мне*): Какое удовольствие нам доставили евреи (т. е. вчера концертом)! Вчера целый день о политике не говорили.

Татьяна Львовна о переселенцах в Сибирь. В газетах пишут, что нет определенной земли для них и что везут их товарными поездами медленно, путь устлан трупиками детей.

Л. Н. сказал, что это верно: нет отведенных, размежеванных участков.

Л. Н. вспомнил о переселенцах, на его памяти приезжавших в Самарскую губернию, которая тогда была то, что теперь Сибирь. Беглые устраивались хорошо. Беглый идет своими силами, сам себя обдумывая, подымает всю свою энергию. Те, которых переселяло правительство, хуже устраивались.

28 апреля. Утром приехали Ф. А. Страхов и А. Н. Дунаев. Из Архангельска пришел высокого роста мужчина с добрым, красивым лицом, немного напоминающим лицо Христа на картинах немецких художников, в белой холщовой рубахе до пят, с кедровой палкой, русая борода, длинные волосы, фамилия его Варгенау (Р. Л.): он из немцев-протестантов, но вполне обрусевших. Сдержан в разговорах, старается жить по Христу; читает Евангелие, влияния Л. Н., религиозно-нравственные сочинения которого знает с 1885 г., или кого-нибудь другого, кроме Христа, — не признает; работает у бедных. Л. Н-чу понравился, поговорил с ним немного; я отозвал его из кабинета в 10-м часу утра.

— Только эта наружность не то... Но он молод,— сказал Л. Н.

Л. Н. пополудни гулял со Страховым и Дунаевым; потом верхом — к Марии Александровне.

Страхов и гость из Архангельска были в школе у Л. Н. и удивлялись свободе детей и терпеливости Л. Н.: не бранит, не карает...

Вечером Страхов говорил о своем желании отдать землю крестьянам, чему жена сопротивляется. Говорил, что дочь желает иметь такие же и столько же платьев, как ее богатая подруга, и т. д. А у Страховых средства скудны.

Л. Н.: Большие средства нельзя добывать честно, как нельзя быть честно крупным землевладельцем. Женщины, наряды... Нельзя увеличивать доходы, а надо проще жить. Одинокому это легко, семейному трудно. Тут дилемма: или насилие делать над привычками жены, дочерей, или отдать имение и уйти ⟨от дел⟩, как я сделал. «Это дурно,— скажут: — от-

---

* Списано с листка.

дал имение семье, и она его содержит из того же имения, живет в достатке». Но уйти ⟨совсем⟩, оставить семью нельзя. Это годится только для разговоров, а для поступков — нет. Не считаться с общественным мнением. Fais ce que dois, advienne que pourra *. Жизнь только в совершенствовании себя. Христианин не может быть самоспокойным (как магометанин, еврей, выполняющие предписания); не может быть святым, сам Христос не был им; христианин может только приближаться к идеалу.

Федор Алексеевич говорил Л. Н. про «Бранда» Ибсена, идущего на сцене в Москве, имеющего великий успех. Федор Алексеевич передал разговор с одним знакомым социал-демократом о Бранде, которому ставит в упрек насилие против семьи, подчинение ее своей воле. Знакомый ответил: «Вы презираете толпу, а я обожаю».

Л. Н. недоволен «Брандом», нерелигиозностью Ибсена.

— Автор на чьей стороне? — спросил Л.Н-ч Страхова, и сказал: — Это, друг мой, такое, что не хочется сказать. Общественное мнение — мнение большинства, а большинство всегда глупое. Нам импонирует толпа, когда многие говорят одно и то же; мы думаем, что тут должно быть что-то умное, а толпа одобряет убийство городового. Можно вперед сказать, что общественное мнение — дурное. Это я говорю и насчет своих вещей, которые хвалят (толпа) у меня; они дурные и есть.

Страхов рассказывал о молоканском журнале, что он хорош, и его редакторе [1].

Л. Н.: Он поразительно умный человек; почему перестал посещать меня?

Михаил Сергеевич рассказал о двух знакомых Л. Н-чу помещиках Чернского уезда, Тульской губернии, которых на днях сожгли. Удивлялись частым пожарам в деревнях около Ясной Поляны. Кто поджигает?

Дунаев рассказывал про Германию, из которой он только что приехал. Он ею очарован, хвалил все: и ученость профессора Ernährungsterapie ** Фрейбургского медицинского факультета, и санатории, и одежду, и все. Рассказал, как Берлин разрастается; про 35 тысяч малых огородов в окрестностях, где жители Берлина работают в досужее время; про налог с повышения стоимости земли в Берлине и других больших городах Германии.

Л. Н.: В Шотландии становится меньше земли, потому что одна пятая отведена под спорт.

Еще Дунаев рассказал, что видел в монастыре картину из Крестьянской войны (которая была при жизни Лютера). Крестьяне, ворвавшиеся в монастырь, убивают монахов, грабят церковь. Один подносит горсть облаток ко рту, и перед его ртом надпись: «Jetzt will ich mich an dem lieben Gott satt fressen! ***

Дунаев: Авилов и Живаго убеждали меня, что теория Генри Джорджа никуда не годна. Что только *свою* землю будет человек хорошо культивировать, улучшать: «Как ты улучшишь тот клочок, который нанимаешь у Прохорова?» Я им ответил, что они сами доказали то, что я утверждаю. Я улучшил землю, и Прохоров повысит аренду или — убирайся. А при Генри Джордже, пока буду платить ренту столько же, сколько другой, никто не прогонит меня с земли.

Л. Н.: Только одно средство — Генри Джордж, чтобы смотреть всякому смело в глаза. Плачу с земли на общественные цели полный наем.

За обедом Федор Алексеевич прочел вслух ответ Горького на вопрос анкеты «Mercure de France» о религии, где Горький говорит, что бог — религиозная идея. Л. Н. сказал:

---

* Делай, что должно, пусть будет, что будет (франц. пословица).

** лечебного питания (*нем.*).

*** «Вот теперь-то я досыта нажрусь дорогого боженьки!» (*нем.*).

— Бог есть только объект религиозной идеи, а не религиозная идея.

О том месте, где Горький говорит, что религии различны, и они разъединяют людей, а соединяет их искусство, наука, которые *одно*,— Л. Н. сказал:

— Какое искусство и наука одно? Есть искусство японское, наука китайская, древняя, теперешняя.

Л. Н.: Пафос не есть чувство.

Когда Федор Алексеевич кончил чтение, Л. Н. сказал:

— Тут есть что-то такое, но необдуманно, неясно, многословно[2].

Михаил Сергеевич спросил Л. Н., получил ли он вопросный лист «Mercure de France» и ответил ли?

Л. Н.: Получил и ничего не ответил. Все отвечают. Это все в этом тоне, я думаю, болтовни, неопределенности *.

Л. Н.: «Нибелунги» — плохо. Я знаю (ценю) только Гомера и арабские сказки «1001 ночь», подробности художественны, и русские народные сказки, некоторые.

Кто-то напомнил «Калевалу».

Л. Н.: И «Калевала» тоже.

Софья Андреевна вспомнила, что Л. Н. давно начал писать о трагизме матерей, когда вырастают дети [3].

Л. Н.: Уединение (в Ясной Поляне) тем хорошо, что не слышишь этих вопросов, которые волнуют.

Л. Н.: У русского народа удивительные приемы вежливости к старшим людям. Никогда не скажут старшему: «Павел», а «дядя Павел» или «дедушка». (Это теперь теряется.)

Л. Н. попросил Федора Алексеевича прочесть мальчикам в школе Гюго — о Вальжане у епископа:

— Я не могу. Меня (до того) трогает. Это такая история,— она меня за душу хватает, я ее не могу читать [4].

30 апреля. Л. Н. писал много писем [1]. Вчера Л. Н. решил поехать через несколько дней в Чифировку и Пирогово. Сегодня был очень доволен мальчиками. Сказал:

— У них несомненный интерес к нравственному миру.

Особенно нравятся ему Иван Прохоров и Коля Орехов. Мальчики спорили между собой, какое Евангелие лучше; одни хвалили Матфея, другие Иоанна. Когда Л. Н. говорил про свое «Соединение Евангелий», что выпустил в нем все непонятное, например, о Кане Галилейской, как из воды сделали вино, один из мальчиков сказал: «Ведь это выдумано».

Л. Н. вчера и сегодня хвалил книжку «Посредника»: «Как живут китайцы». Л. Н. сказал, что она была составлена лет 15—20 тому назад по его совету [2]. Цитировал со страниц 59—60 (тут передаю своими словами). Чтобы жило человечество хорошо, надо жить хорошо отдельным народам, а чтобы они жили так, надо хорошо жить отдельным семьям, людям и каждому человеку, надо самому стараться хорошо жить.

Михаил Сергеевич: Как это ясно и просто!

Л. Н.: И несомненно.

Михаил Сергеевич говорил Л. Н. по поводу реферата Членова («Русские ведомости», 29 апреля) об анкете по половому вопросу среди студентов Московского университета, что относительно много неразвращенных (не падших) и что сами приписывают это влиянию «Крейцеровой сонаты» [3].

---

* Дальнейшее до окончания записи этого числа переписано мною с черновых записей через семь лет.

А. Н. ДУНАЕВ
Москва, 1906—1908
Фотография фирмы Шерер и Набгольц
Собрание В. М. Дунаева, Москва

«Утром приехали Ф. А. Страхов и А. Н. Дунаев... Дунаев рассказывал про Германию, из которой он только что приехал». — Запись от 28 апреля 1907 г.

Л. Н. наскоро ответил, что это знает по множеству писем, которые получал [4], и переменил разговор.

1 мая. Л. Н. желал такого бесстрашия смерти, какое у него сегодня, Михаилу Сергеевичу.

Михаил Сергеевич: Как это, ведь вы всегда боялись смерти?

Л. Н. ответил, что раньше у него был великий страх перед смертью, но победил его; тело и теперь иногда боится. Надо, чтобы так было: бояться смерти можно во времена, когда здоров, а когда близок смерти, слаб — не бояться. Паскаль сказал..... *[1]

За обедом Л. Н. говорил, что гулял круг, к большому мосту на шоссе. Встретил революционера, пострадавшего, подавшего ему письмо и просившего денежной помощи. Письмо неприятное, а он оказался приятным... Вспоминал, где купался с японцем и какой он был ловкий; вышел навстречу Л. Н-чу и дошел туда, куда следовал; как на все отвечал определенно.

— У него большой, ⟨но⟩ поверхностный ум [2].

Л. Н. сегодня читал «Новое время», между прочим «Письмо к ближним» Меньшикова о дурном, нигилистическом, безбожном, кощунственном воспитании в семинариях в прошлое 50-летие [3].

Л. Н.: О чем я хотел писать, о том и Меньшиков там пишет.

Иван Иванович: Какой он смелый писатель!

Л. Н. подтвердил.

Сегодня приехали в деревню на лето Николаевы, на днях приехали в Овсянниково Горбуновы, и Иван Иванович сегодня перед обедом пришел в первый раз.

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

В школе Л. Н-ча сегодня было невнимание, шутки, должен был рано прекратить. Вечером Иван Иванович заговорил о предпринятой им книжке, в которой печатает собранное и написанное Л. Н. о китайцах: Мен-цзи, Конфуции, Лао-тзе, «Письмо к китайцу» и др. [4]

Л. Н. предложил ему просматривать корректуру, на это Иван Иванович с радостью согласился, он не посмел об этом попросить Л. Н.

Л. Н. читал вслух присланную Гусевым статью из «Миссионерского обозрения» о том, как миссионер текстами убедил новобранца-сектанта в том, что военная служба не противоречит Евангелию. Л. Н., читая, смеялся от души.

2 мая. Юлия Ивановна поехала в Пирогово. Андрей Львович отказался от службы. Л. Н. съездил в Овсянниково.

Л. Н. получил письмо от Суткового из Самары. Пишет, что губернатор ему сказал, что нет такого голода, как в 1891 г. Газеты, для борьбы с правительством, преувеличивают голод. У него (губернатора) 200 тысяч для кормления, столовых везде довольно, советовал ему (Сутковому) обратить деньги на покупку лошадей нуждающимся [1].

Л. Н.: Что это будет, когда начнут раздавать лошадей, корм! На второй день нахлынет 500. Ужасно трудно и ужасно страшно.

Поручил мне ответить Сутковому, что он согласен [2].

Разговор о том, говорить ли детям о половом вопросе (об этом теперь появляются статьи в газетах и журналах).

Л. Н., который прочел «посредниковскую» книжку, где рассказано все для детей [3] (впрочем, эту книжку конфисковали), сказал, что он не мог бы ее читать детям, и вообще, ему тяжело об этом говорить с детьми.

Михаил Сергеевич: Чистым, может быть, можно, а нам тяжело, потому что это пробуждает стыдное воспоминание.

Л. Н.: Идеал — целомудрие, а уже тем, что говоришь об этом, когда стыдно об этом говорить ⟨нарушаешь целомудрие⟩; есть что-то, что поднимается в тебе против этого. Кажется, *не надо* говорить.

Софья Андреевна уехала в Москву и Петербург, Михаил Сергеевич — в Кочеты.

3 мая. Как с начала весны бывает много прохожих — от 10 до 20 и больше в день. Сегодня был 20-летний армянин из Кисловодска-Бештау, у которого умер друг. Он задумался над жизнью, бросил Горный институт в Петербурге, где учился. «Там учение — чтобы после наживать деньги», не чтобы учиться для жизни,— а они ему не нужны; сколько нужно для прожития, оставит отец. И приехал к Л. Н., чтобы слышать о непреходящем, вечном в нашей жизни, о самосовершенствовании. Л. Н-ча еще мало читал. Он очень умный. Национализма ни армянского, ни русского в нем нет. Он из тех инородцев русских, которые полуобрусели, но не заразились ни патриотизмом русским, ни ренегатством (ненавистью к своему племени). Я вообще ренегата в России не видел. А патриоты русские есть среди обрусевших немцев.

Когда за обедом я сказал об этом Л. Н., он очень удивился, что у нас (в Венгрии, Австрии) есть ренегаты, ненавидящие свой народ. Он об этом в первый раз услышал.

Пополудни сильный дождь. Л. Н., ехав на Делире, подождал под Козловским железнодорожным мостом, слез с лошади, держал ее. В то время прошел поезд. Делир стал биться и ударил Л. Н., пробил ему рану. Какой Л. Н. любопытный: он, наверно, хотел испытать, как поведет себя лошадь и что он при этом переживет. Какой он смелый, доверяет своим силам удержать такую пугливую, сильную лошадь.

Школа.

За чаем: Татьяна Львовна, С. М. Сухотин, Александра Львовна, Наталья Степановна. Л. Н. с Сергеем Михайловичем о Лозанне.

Л. Н.: Был армянин. Первый из армян, посетивший меня; будто сочувствующий, очень красивое лицо у него. Огорчил меня, спросив о спиритизме.

Сергей Михайлович стал отстаивать спиритизм, что очевидцы утверждают...

Л. Н. рассказал, что он ходил на спиритические сеансы, но что никогда не видел ничего, что убедило бы его в том, что есть сношения с загробным миром через посредство медиума.

— Тургенев раз, будто бы, что-то такое в пятке почувствовал,— сказал Л. Н.

Сергей Михайлович спрашивал Л. Н. о Метерлинке. Л. Н. не хотел о нем и говорить. Потом сказал:

— Это очень замечательное явление: упадок вкуса. Все искусство и больше всего наука упали. Наука нынешняя — это такая дребедень! Были здесь два астронома [1]... Раньше изобретения ньютоновские, теперь — такое мелочное: содержание спектра. Я застал Диккенса; теперь Humphry Ward. Немцы никого и не выставляют. Поленца я открыл им.

Л. Н. заметил Татьяне Львовне, что если бы он еще раз народился, желал бы прийти на свет бедным. Жаловался на то, что «просительные» письма получает от «нашего брата» — привыкших к роскоши или хотящих роскошно жить людей.

Наталья Степановна начала говорить, что в Западном крае пытают арестантов. Л. Н. недоверчиво отнесся, а потом ей ответил, что это, как в кабаке пьющие и дерущиеся люди: не берешься рассудить, кто из них виноват, кто не виноват.

Л. Н. спросил Сергея Михайловича, был ли в Фернее, где Вольтер построил себе дом на границе, половину на швейцарской, половину на французской земле. Лучший его памятник, где сидит в кресле,— в России [2].

Л. Н. вспомнил, как какая-то русская барыня посетила больного Вольтера; он встал на колена в кресле, оперся руками на спинку и разговаривал с ней.

— Какая художественная подробность! — сказал Л. Н. — Когда я такую приведу мальчикам, они ее запомнят, а другое не заметят.

4 мая. Пятница. Много прохожих. Приехал Данилов к Сухотиным. Л. Н. за обедом говорил о юнкере, который приехал и вел себя очень развязно, и о крестьянине жаловавшемся.

— Произвели тяжелое впечатление,— сказал Л. Н.

Л. Н. сравнивал юнкеров и офицеров своего времени с нынешними; говорил, что те были выше. Произошла дифференциация: (самое) высокое, лучшее в нравственном отношении отошло в одну сторону, (самое) грубое — в другую сторону.

Л. Н. вчера взял с почты письмо-ответ на статью французу (чиновник повел себя грубо; ему не отдал, а мне отдал). Сегодня поправил его и послал. Француз в статье рекомендует установление мира не дипломатическим путем, как вчера показалось Л. Н., когда быстро просмотрели статью, а устройством такого общества, которое бы нравственно содействовало установлению мира [1].

Л. Н.: В школе первый раз и два мальчика Николаевы. Даровитые. Мать хороша; она с ними читала Евангелие. Сегодня Коля Орехов и Большонков смеялись, и так как не смели, переглядываясь, не могли удержаться от смеха,— знаю это состояние — должен был удалить одного из них.

— Наша поездка в Пирогово не состоится: и нездоровье (вялость) и дорога (дожди), — сказал Л. Н.

Приехал Андрей Львович из Пирогова, говорил, как ждут Л. Н.

Л. Н. с большой любовью отозвался о Марии Михайловне, Вере Сергеевне.

Л. Н.: В газетах выдумали новое выражение: «Страна хочет» (вместо народ), по-немецки «das Land», по-английски «country».

Уехали Андрей Львович и Данилов.

5 мая. Приехал и уехал Сергей Львович. Обедали у Татьяны Львовны. Говорили о воспитании детей. Николаевы решили своих детей не отдавать в школу. Татьяна Львовна так же желает поступить с Танечкой: она легко будет учиться, память у нее хорошая.

Л. Н.: Это не доказывает, что будет способная. У Миши тоже память хороша, а неспособен к учению.

6 мая. Много прохожих. Три крестьянина за советом к Л. Н., и еще один крестьянин. Любопытные юноши — увидеть Л. Н.

Л. Н. получил письмо от Суткового о добролюбовских братьях и ответил ему длинным сердечным письмом [1].

7 мая. У Л. Н. был редактор-издатель «New York Times» Stephen Bonsal из Нью-Йорка. Спрашивал Л. Н. о том, что̀ даст Дума России. Мне ответил, что его интересует художественная сторона деятельности Л. Н., американцев же — философическая. Л. Н. беседовал с ним около часу в свое рабочее время от 10 до 11 дня в кабинете и дал ему только что полученный английский перевод своего сочинения «The Russian Revolution». Когда вышли из кабинета в залу, на лице Л. Н. усталость, напряженность, грусть и выражение: «Напрасно говорил, а все-таки должен был».

Л. Н. побыл с ним еще несколько минут, как бы еще вспоминая, что̀ ему сказать, а потом сразу простился и ушел к себе. Бонсел остался минуту в нерешимости, как бы хотел что-нибудь спросить, и тоже простился с Александрой Львовной и другими; сошел к тройке, на которой сидел с ним приехавший московский англичанин, переводчик, который иногда приезжает с английскими, русского языка не знающими, посетителями Л. Н. Надо было ехать в Тулу, чтобы поспеть скорым поездом в Москву. Бонсел издали бросил свою верхнюю одежду старику-толмачу, тройка отъехала, а мы пошли напрямик садом и полем к мосту через Ясенку. За садом Бонсел вспомнил, что забыл книжку, которую ему подарил Л. Н. Вернуться ли? Я ему сказал, что в это время работы Л. Н. стараемся не входить к нему, и Бонсел, как ни желательно ему было иметь книжку именно теперь, не решился беспокоить Л. Н., просил дослать почтой. Умный и очень красивый и рослый, видно, деловой. Около 35-ти лет.

За обедом Л. Н. говорил об их беседе, что он (Л. Н.) ему сказал: «Парламент — старая форма, мы все растем; что нам в 20-летнем возрасте важно, то нам не важно, когда нам 40 лет. Так и народы растут, парламенты — пережиток». Генри Джорджа не знает (никто его в Америке не знает), хотя мямлил, что читал его [1].

Потом Л. Н. рассказал (вспоминал), как травили зайца; снег был глубокий, след был по тропинке. Л. Н. пошел с одного конца, а с другого послал Сергея, который и встретил зайца. Заяц же не мог в сторону убежать по глубокому снегу; теперь Л. Н-ча удивляет, как это он мог делать.

Школа. Л. Н. с Николаевым после школы гулял.

Татьяна Львовна с 8 до 9 читала вслух свои воспоминания о Тургеневе [2] и его письма к Л. Н-чу. Тургенев в 1857 г. писал, что готов отдать все крестьянам, только бы не быть барином [3]. Л. Н. был растроган и поощрял ее эти воспоминания напечатать.

Л. Н.: Эта душевная чистота, способность воспринять божеское есть у всего русского народа — и у босяков.

Почтой получил английскую статью о дурном влиянии мясной пи-

щи на выносливость. Вспоминали олимпийских атлетов, они воздерживались от мяса, вина и разжигания похоти.

Л. Н. (*в школе детям*): В молодости легче бороться с соблазнами, чем в старости.

8 мая. Утром приехала Е. В. Молоствова, перед обедом Н. Л. Оболенский и Андрей Львович.

За обедом разговор о голоде. Молоствова рассказала, что то, что в Думе называли продажей татарских девушек «с голода», это калым, т. е. выкуп, вносимый женихом тестю.

Л. Н.: Ужасно врут в Думе, ⟨врут⟩ газеты. Мы не верим газетам, но народ верит.

Молоствова говорила о крестьянине, выписывавшем газету; спросила его, почему перестал ее читать.— «Ни о ком хорошо не скажет».

Николай Леонидович: У нас тоже меньше читают и менее интересуются революцией.

Л. Н.: Они, как дети – ⟨думают, что⟩ если сейчас не будет, ничего не будет.

Молоствова привезла одну из рукописных книг капитана Ильина – иеговиста, который был заключен 20 лет в Соловках и там сошел с ума. Книга об Апокалипсисе мелким шрифтом написана и им же иллюстрирована. Иеговистов, в местах, где она живет, 10 тысяч; говорила об их учении*.

Л. Н.: И последствие всего: живут общиной, общий капитал, податей не платят, солдат не дают. (Стало быть, дошли до того, до чего духоборцы.)

Молоствова изучает их книги и хочет побыть среди них, чтоб узнать их. Говорила про татар, как они честны, доверчивы.

11 мая. Было 50 больных, два раза ездил в Воробьевку к старику-атлету, упавшему с качелей, сломавшему шею. У него отнялись руки, ноги, туловище, мочевой пузырь.

Л. Н-ча знобит.

Был Д. Д. Оболенский. Говорил, что в случае роспуска Думы ожидается резня из-за земли, захотят отнять у тех, у которых больше земли.

Л. Н.: Правительство *по глупости* не вводит систему Генри Джорджа. Дмитрий Дмитриевич Оболенский говорил, что Долгоруков все по программе Герценштейна говорит.

Л. Н.: Долгорукому я говорил про него (Генри Джорджа) – не знал (о нем) и дал ему книжку, но он, наверно, не прочел.

Л. Н. рассказал, как вчера в Воробьевке был у сломавшего себе шею крестьянина. Живут интересами хозяйскими, не все всколыхнуты политикой.

Сегодня были у Л. Н. две бабы из Нового села просить за мужей, двух братьев, которых ссылают, а третий брат на Дальнем Востоке.

Д. Д. Оболенский обрушился на нечестность русских.

Л. Н. сказал, что у русских честности, действительно, мало (есть духоборы, штундисты). Но у русских идеал — добродетель высшая; святость или противоположность: воровство, обман — середины нет, а у немцев есть середина — честность. Немец может быть жестокий, безнравственный, но честный.

Д. Д. Оболенский: Скобелев рассказывал: в Туркестане пришел к нему молодой чиновник интендантский проситься на родину. Скобелев его заставил признаться — почему. Он не хотел доносить на интендантов и не хотел с ними красть. Скобелев не отпустил его. Через три дня нашли

* После написала книгу о иеговистах, появилась после смерти Л. Н. [1]

его с простреленным затылком. Узнали, что он был у Скобелева, и пристрелили.

12 мая. Суббота. Шкарван прислал в детский «Круг чтения» «Брата Палечека», рассказы о юродивом шуте чешского короля Юрия Подебрада в XV веке. Л. Н-чу понравился, кое-что выберет [1]. У Л. Н. третий день ларингит, кашель; ходил гулять.

Л. Н. учил мальчиков, несмотря на то, что кашляет и что знобило его. Измерение не показало повышенной температуры. До 11 не выходил.

Л. Н.: Читаю Записки Болотова — дворянин, родился в царствование Анны Иоанновны, умер 95 лет в 1833 году; он помнил дедов. Драгоценнейшие Записки [2].

13 мая. Ночью приехал М. С. Сухотин. Л. Н. все кашляет; невзирая на это, учил мальчиков.

Л. Н. ездил в Козловку, встречал много молодых людей. Некоторые «по старой привычке» не кланялись.

Л. Н.: Шел молодой человек, обнявшись с девушкой, и, ничуть мною не конфузясь, продолжал так идти. Гимназист с картузом набекрень. Написано в выражении его лица, что он поднялся в своем понимании на высшее место: учи́ться! нравственно воздерживаться — не надо.

За чаем Николаев, Варвара Валерьяновна, Сухотины, Наталья Степановна.

Л. Н.: Читал Болотова. Как интересно! На зиму найти бы такое чтение. Есть еще три тома и еще «Тысячи и одной ночи» четыре тома.

Софья Андреевна говорила, что все поправели.

Л. Н. быстро перевел разговор с политики.

Михаил Сергеевич говорил, что Х. Н. Абрикосов не может себе найти подходящей газеты. Теперь остановился на «Русской земле».

Татьяна Львовна: Ему бы читать «Голос Москвы».

Л. Н.: Такой (подходящей) нет. Спокойной, не полемизирующей газеты нет. Сколько я видал начинающих издавать новую газету, новый журнал, особый, не задирающий, и на другой день он уже полемизировал. Не один руководит им, а все пишущие и читающие его. Некрасов говорил, что журнал — что-то живущее само собой...

Еще Л. Н. сказал:

— Странно, что Псалтыря (народу) нравятся, это декадентская поэзия.

14 мая. В «Новом времени» 12 мая — С. Смирновой «Наши законодатели» [1], а в иллюстрированном приложении «Переписка Флобера и Жорж Санд».

Л. Н. (*к Михаилу Сергеевичу, читавшему их*): Их не уважаю — и Флобера, и Жорж Санд, особенно когда она писала и переживала романы. Но в старости у нее появилось нравственное чувство. Ее письма лучше, чем Флобера.

Михаил Сергеевич сказал, что он рад, что он не в Думе; в мае было бы трудно...

Л. Н. принес новый № «Open Court», там про самаритян, портрет их первосвященника и самаритянский исторический документ о Христе, новонайденный и там переведен. Л. Н. прочел его вслух и сказал:

— И ничего нового не содержит, повторено то, что в Евангелии, очевидно, подделка [2].

Л. Н. про самый журнал «Open Court»:

— Это такое американское (предприятие) — о самаритянах, их первосвященнике, о спиритизме,— впрочем, опровержение спиритизма, разоблачение, как фотографируют медиумом вызванных покойников,— все такие темы, оригинальные, интересные для публики.

Л. Н. спрашивал меня про письмо Гридчина ко мне, об отнятии канадским правительством земель у духоборцев. Из 320 тысяч акров оставили им

10 тысяч, они прикупили 12 тысяч. Л. Н. рад, что они не переселяются в Британскую Колумбию.

15 мая. Холодно. Л. Н. ездил два с половиной часа. Школа. Приехал Н. Л. Оболенский, привез письмо, которое ему передал брат Михаил Леонидович от Кудрина [1]. Л. Н. читал его за обедом вслух. В нем спокойствие, с каким Кудрин переносит заключение, как ему хорошо на душе. Николай Леонидович передал, со слов брата, что начальству с ним очень спокойно; если бы все арестанты такие были, то не надо было бы их караулить.

Л. Н.: Если бы все арестанты были Христы...

Л. Н. говорил вообще и про себя, как хорошо в болезни:

— Как это правда, что болезнь во благо человеку! Лучше, когда болен, чем когда хвост крюком.

Вечером, когда мы: Софья Андреевна, Татьяна Львовна, Александра Львовна, Юлия Ивановна, Варвара Михайловна, Наталья Степановна, Варвара Валерьяновна, Михаил Сергеевич сидели за столом и чай пили, Л. Н. сидел один у окна задумавшись, потом подсел к нам.

Л. Н.: Как болезнь в благо человеку, так деньги во вред. Проживешь век и видишь, что это действительно так. У Дьяковых, у сыновей...

Л. Н. рассказал, как у Марии Александровны, ехавшей на Кавказ, осесть на землю, по дороге утащили сумку, где у нее были все деньги (4 000 р.) и как она этому рада: «Господь-бог на меня оглянулся».

Варвара Валерьяновна: А с меня он глаз не спускает.

Л. Н. и все невольно рассмеялись.

Варвара Валерьяновна: Я для себя вижу, что так хорошо, а для детей...

Л. Н.: Самой яд вреден, а детям в пользу?!

Николай Леонидович привез известие, что Андрей Львович поехал в Англию поговорить с Ольгой Константиновной о заведовании Таптыковом, хочет там поселиться.

Л. Н. высказался, что он был бы рад, если бы Андрей Львович с Ольгой Константиновной сошлись.

Николай Леонидович сказал, что Андрей Львович не за этим поехал, что этого не будет.

Л. Н.: У него броня толстая и непроницаемая и скрывает доброе сердце.

Софья Андреевна: Кого я видела в Москве! Орлова-художника.

Л. Н.: Ах! — и спросил про него.— Орлов очень хороший человек.

Сегодня был у Л. Н. человек из Крапивны, жаловался, что ему ни с того ни с сего урядник руку порубил, и просил совета. Л. Н. советовал ему идти к губернатору Арцимовичу:

— Не знаю, впустят ли, — сказал Л. Н.

Письма не дал, только чтобы на словах сказал, что пришел по его совету.

16 мая. Вчерашнюю и сию ночь мороз. Листки на дубах свернулись. Вечером с 8 до 9 Л. Н. занимался школой, до 10 играл в шахматы с Михаилом Сергеевичем.

За чаем Л. Н. говорил, что получил письмо от духоборца Макасеева [1]. Канадское правительство отняло у них земли, которой у них было около 320 000 гектаров, оставив им на время 15 000. За то, что не хотели присягать «царю» (английскому): «У нас один царь — бог». Не унывают. Пашни довольно, но пастбищ у них нет. Решили не держать скотины для продажи «под нож».

— Как они правильно поступают! — сказал Л. Н.— Разбились на три партии: ⟨1⟩ раздетые — у них никакой земли нет (они совсем не нуждаются в земле); ⟨2⟩ которые приняли землю от правительства и ⟨3⟩ принявшие подданство, — этих 100 семей, эти дурно живут, по Макасееву [2].

Варвара Валерьяновна рассуждала про Думу, про Столыпина. Л. Н. ей сказал, что она распоряжается вполне только одним «Столыпиным» — собою.

Говорили о том, что газеты столько пишут о романе Арцыбашева «Санин», как бы нарочно пропагандируют его. «Русские ведомости» посвятили целый фельетон, «Русское слово» тоже.

О «Круге чтения» не заикнулись. Слышно было, что Буренин собирался писать о «Круге чтения», но так и не написал.

17 мая. Четверг. У Л. Н. остановились проездом из Петербурга в Крым два студента и одна курсистка.

— Мне они были очень интересны,— сказал Л. Н.— Это образчик петербургского невежества! Это ужасающе! Ах, как глупы!..

— Революционеры ли они?— спросила Юлия Ивановна.

Л. Н.: Революционеры, разумеется. Я вполне понял.

После Л. Н. говорил:

— Получил от Планидина очень безграмотное, но умное письмо [1]. А из Мадраса получил письмо и журнал от брамина, от которого в «Круге чтения» мысли. Как его зовут? [2]

Никто не знал, только Николай Леонидович помнил, что у него короткая фамилия.

⟨Л. Н.⟩: Браминская секта отвергла все внешние обряды, поддержала только внутреннее, существенное.

Л. Н. посмотрел в Брокгаузе «Веданта»:

— Это браминская философия, бог на мир накинул паутину, мы в заблуждении, когда представляем себя отдельными существами [3].

Потом Л. Н. говорил, что читал новую браминскую газету (журнал) [4].

Приехали Мария Александровна и Листовский. Он рассказал про Афанасия, хромого портного, единомышленника Л. Н., что умер от тифа. Его два раза вызывали в окружной суд за то, что похоронил ребенка без обрядов. Не платил податей; забрали у него самовар и продали. Он опасался, что продадут швейную машину — средство кормления. Зарабатывал 40 коп. в день.

Был Николаев. Л. Н. очень много говорил оживленно, очень устал. Мария Александровна говорила о тяжелых денежных, запутанных делах Ивана Ивановича с книгопечатанием. Буланже, Печковский и компания. Буланже нет — уехал за границу, его векселя... Л. Н. прочел письма, которые получил.

Л. Н.: У меня в старости умственные способности не слабеют.

Сегодня Л. Н. написал 15 писем [5]; кроме того, писал Евангелие [6].

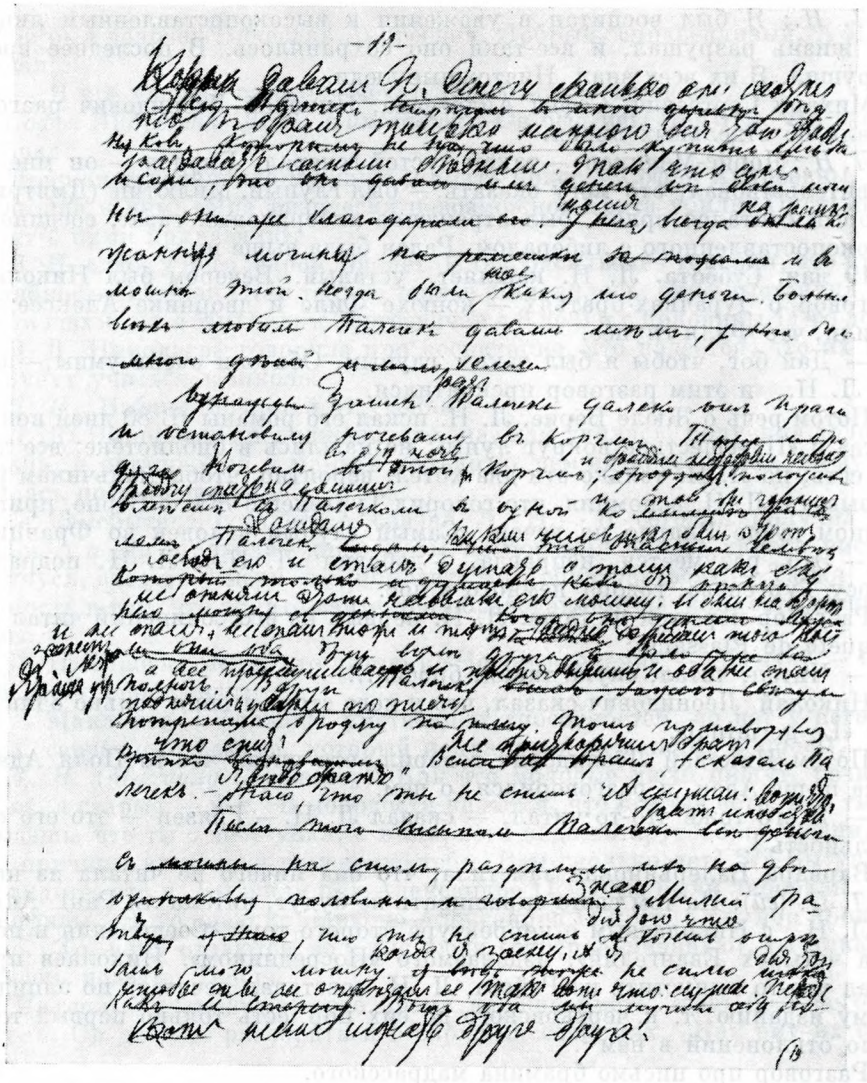
— В 80 лет учусь от мальчиков писать краткие периоды,— говорил Л. Н. — Сегодня я учил мальчиков.

Разговор Л. Н., Николаева и Листовского о Метерлинке я застал в в середине. Л. Н. говорил, отвечая (на замечание об успехе Метерлинка у читателей), что это аргумент, как на «Не верю в спиритизм» ответ: «Попробуйте». Чтение (хваление Метерлинка) — это подчинение репутации Метерлинка. Собственное же чувство говорит против него. Метерлинк — человек, увлекающийся любовью, но без разума. Одна любовь или один разум — недостаточны. Должны быть соединены у человека.

Л. Н. уже третью неделю как пишет «Почему христианские народы, и в особенности русский, находятся теперь в бедственном положении» [7].

Л. Н. давал читать письмо Планидина о положении духоборов в Канаде, когда отняли у них землю; письмо рабочего о его возрождении после того, как прочел последние сочинения Л. Н. (в издании «Недели») [8], письмо брамина и других.

Л. Н. был очень усталый от многих разговоров: сначала с одним Листовским с 7 до 8, а с 9 со всеми. Просил Александру Львовну с Натальей



СЛОВАЦКАЯ ЛЕГЕНДА «БРАТ ИВАН ПАЛЕЧЕК—ШУТ ЧЕШСКОГО КОРОЛЯ ЮРИЯ»

Перевод А. Шкарвана

Лист рукописи Шкарвана с исправлениями Толстого, май 1907 г.

«Шкарван прислал в детский «Круг чтения» «Брата Палечека»... Л. Н-чу понравился, кое-что выберет». — Запись от 12 мая 1907 г.

Степановной спеть — наверное, чтобы отдохнуть. Было очень шумно, оживленно. Александра Львовна отказалась, у нее сегодня бронхит.

18 мая. Вечером Л. Н. играл в шахматы с Михаилом Сергеевичем.

За чаем Л. Н. хвалил чрезвычайно интересные письма К. П. Победоносцева о первых неделях царствования Александра Александровича, с подробностями [1]. Предложил прочесть их вслух, сказав: «Все интересно».

Прочел их Николай Леонидович. Слушали Михаил Сергеевич, Софья Андреевна, Татьяна Львовна, Александра Львовна, Юлия Ивановна, Варвара Валерьяновна, Варвара Михайловна. После разговор о лицах, которые упоминаются. Их все присутствующие знали.

Л. Н.: Я был воспитан в уважении к высокопоставленным лицам; всю жизнь разрушал, и все-таки оно сохранялось. В последнее время разрушил. Я их всех знал. Ничтожные люди.

Михаил Сергеевич, Софья Андреевна, Николай Леонидович разговаривали об отдельных лицах.

Л. Н.: Лорис-Меликов — такой пустой генерал. Блудов — он мне покровительствовал, это могу сказать, — был глупый. Милютин (Дмитрий), который считался орлом, был отражение либеральных газет, соединение высокопоставленного с либералом. Раден была выше их.

19 мая. Суббота. Л. Н. кашляет, усталый. Вечером был Николаев. Разговор о дурачках-братьях — конюхе Филе и дворнике Алексее; говорили, что Филя глупее.

— Дай бог, чтобы я был таким глупым. Оба они очень умны, — сказал Л. Н., и этим разговор прекратился.

Потом речь о Жюле Верне. Л. Н. искал его романы «В 80 дней вокруг света» и «Путешествие вокруг луны»; не нашлись в библиотеке; все другие есть, но Л. Н. только эти два хотел; вероятно, чтобы мальчикам рассказывать. Л. Н. вспомнил, что говорил Тургенев о Жюле Верне, приглашенном m-me Виардо на вечер: «Самый глупый человек во Франции».

— Это, разумеется, неправда, — добавил Л. Н-ч. Л. Н. подражал голосу Тургенева, говоря немного в нос.

Разговор перешел на Зола. Л. Н. первым из его сочинений читал «La conquête de Plassans»:

— Читал, читал, скука такая, бросил...

Николай Леонидович сказал, что у него стоит чтения только один роман «Le germinal».

Потом Николай Леонидович говорил, что читал что-то Поля Адана, сына m-me Адан, и разговорился о нем.

— Я его тоже что-то читал, — сказал Л. Н. — Грязен — это его специальность [1].

Варвара Валерьяновна заметила, что она ничего не читала из него.

Л. Н. (ей): На том свете спрашивать не будут, читала ли Paul Adam.

Л. Н. с Николаевым о корректуре второго тома «Соединения и перевода четырех Евангелий», издаваемого «Посредником». Николаев предлагал что-то выпустить из Рейсса. Л. Н. советовал печатать по элпидинскому изданию, т. к. чертковского до сих пор есть только первый том. Мало отклонений в нем [2].

Разговор про письмо брамина мадрасского.

Л. Н.: Ему надо послать письмо к Баба Бхарати.

Потом Л. Н. говорил, что надо буддизм разработать:

— «Свет Азии» [3]. Я хотел взять из него для детей, но это стихи... Кто это выдумал стихи? Кощунство над разумом: мысли к рифме подгонять!

Татьяна Львовна говорила о девичьих годах. Кто-то сказал про Громеку, который, сделав ей предложение, застрелился. И рассуждали: был ли он раньше сумасшедший или тогда сошел с ума [4].

Л. Н. молчал, слушал и только сказал:

— Громека (был) оригинален.

20 мая. Получена телеграмма, что убит В. А. Берс, брат Софьи Андреевны. Он заведовал работами Городской петербургской думы для безработных. Убили же его и его сотоварища-инженера рабочие [1]. Известие это смутило Софью Андреевну и всех, кто знал покойного, но никакой злобы против убийц не вызвало. Ведь убийства левыми правых, т. е. на партийной почве, их последнее время в каждую неделю по одному до четырех, совершаются без протестов со стороны кадетов, даже с тихим согласием их, а сыновья и невестки Софьи Андреевны, кроме Андрея Львовича, кадеты. А это убийство совершено тоже левыми. Речь была только о том,

какой был человек Вячеслав Андреевич. Добрый, справедливый. А Л. Н. сказал:

— Я его уважал за его замечательную нравственность.

Софья Андреевна (*Л. Д. Николаевой*): Он был известен тем, что взяток не брал.

Пришли телятинские мужики снимать покос у Софьи Андреевны. Она не вышла к ним: «Мне физически невозможно. Брата убили. Пусть поговорит с ними приказчик».

Л. Н. слаб, у него жарок, зябнет. Илья Васильевич говорил, что прежде зябкости не знал. Как только теплее становилось, окна выставлял. Вечером шахматы с Михаилом Сергеевичем с 8 до 9 и с половины 11-го до 11.

Л. Д. Николаева говорила про воспитание, что надеется, что их дети не будут учиться в школе.

Л. Н.: Избави бог детей от ученья!

Л. Д. Николаева продолжала, что она, как училась, получила золотую медаль, а осталось ей в памяти только то, чем интересовалась, чему выучилась помимо школы.

— Самобытное осталось,— сказал Л. Н.— Я сегодня получил три письма, и не проходит дня, чтобы не получил одного такого письма: «Я учусь, средств у меня нет, помогите мне образоваться».— Такая уверенность в том, что то, что считается образованием, наукой, есть истинное благо.

Л. Н. спросил меня, что читаю в «Новом времени» — «Думу»? — И на мой ответ продолжал:

— Маклаков — больших умственных способностей, но нет у него разума, сердечного разума, который направляет на важные вопросы.

Л. Н. (*Михаилу Сергеевичу*): Как это молодые люди пишут, речи говорят, а старые — нет. В молодости кажется, что все так есть, как ты понимаешь, что ты с неба упал, а в старости видишь круговорот жизни, какие причины влияли на изменение тебя. Вам сколько лет? 57? Вы уже то же видите, что я. Вы жили при Александре II. Тогда были либералы, славянофилы. Я же знаю историю до Александра II и что с тех пор происходило. То, чему отдаются молодые люди (либеральничанью), ты никак не можешь делать. Теперь...

Михаил Сергеевич: Но это время должно иметь, ждет большого писателя. Он должен разобраться в сложных событиях. Как ему их схватить?

Л. Н.: Надо ключ.

21 мая. Л. Н. утром и еще раз днем спрашивал меня про Палечека, Юрия Подебрада, Хельчицкого.

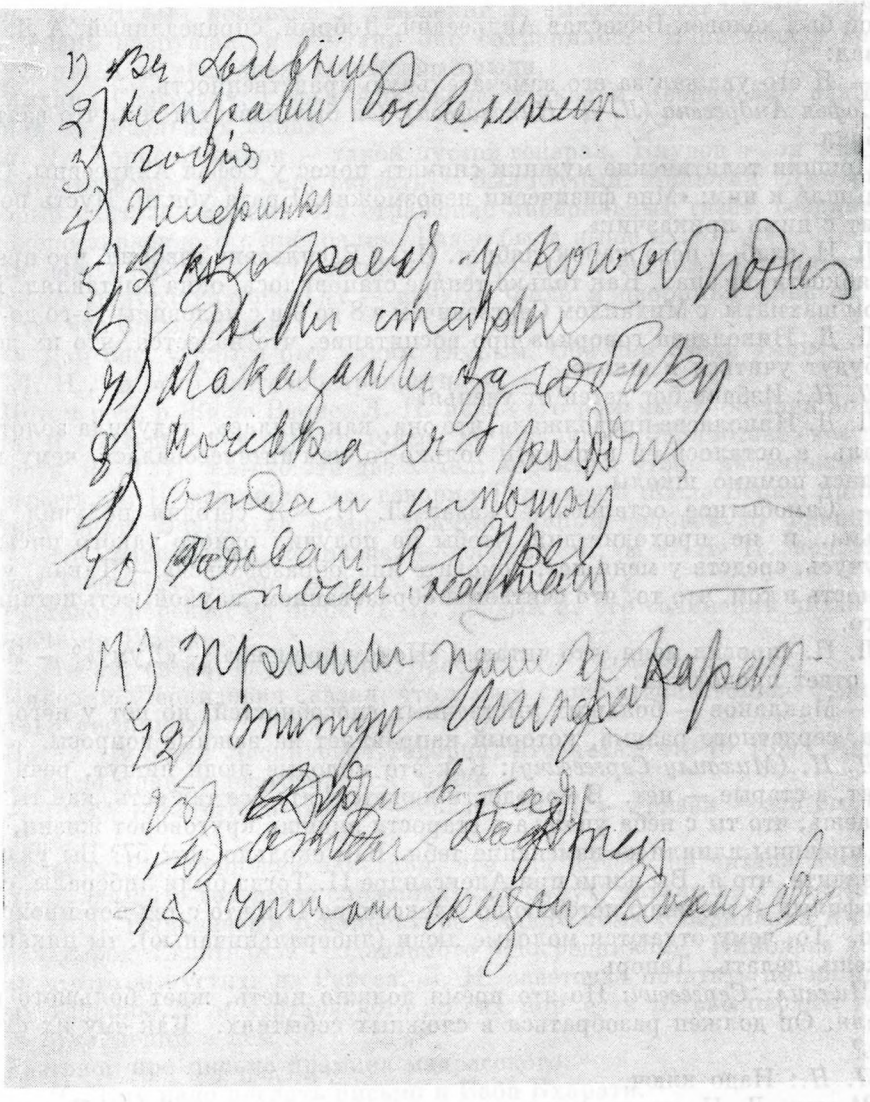
— Я хочу Палечеком воспользоваться, придумать, как он попал в шуты. Я представляю себе, что он был юродивый: «У меня един царь — в небесах»,— и шел к старцу посоветоваться — поступить ли в шуты и тот ему сказал, что можно, и тогда поступил. Детям очень нравятся такие рассказы. Он (Палечек) плакал, когда быка вели на бойню. Сюда можно вложить (прибавить) сказки, изречения восточной мудрости... Был шут Балакирев, у Петра — ничтожный, но на него много придумали [1]. А тут шут — единомышленник (Л. Н. употребил не это слово) Хельчицкого, моравский брат [2].

Л. Н. жалел, что про жизнь Хельчицкого мало данных и что неизвестно, когда умер.

Л. Н. говорил, что взял «Русские ведомости» и не мог читать.

— Столько внутренних противоречий! Священник проповедует революцию. Сними рясу, тогда и проповедуй,— сказал Л. Н.

Михаил Сергеевич рассказал, что в Думе 18 мая М. А. Стахович в речи своей привел, что в годах 1905—06 и до мая 1907 г. левыми убито



НАБРОСОК ПЛАНА РАССКАЗА ТОЛСТОГО «ШУТ ПАЛЕЧЕК», ИЮНЬ 1907 г.
Автограф

6 800 человек. Из них 270 значительных чиновников, прочие — разные должностные лица и кучера, городовые и т. д.

— Неужели так много? — спросил Л. Н., покачивая головой.

Николай Леонидович рассказал, как в поезд великого князя Константина Константиновича был пущен паровоз.

— Он занимается искусством,— сказала Софья Андреевна.

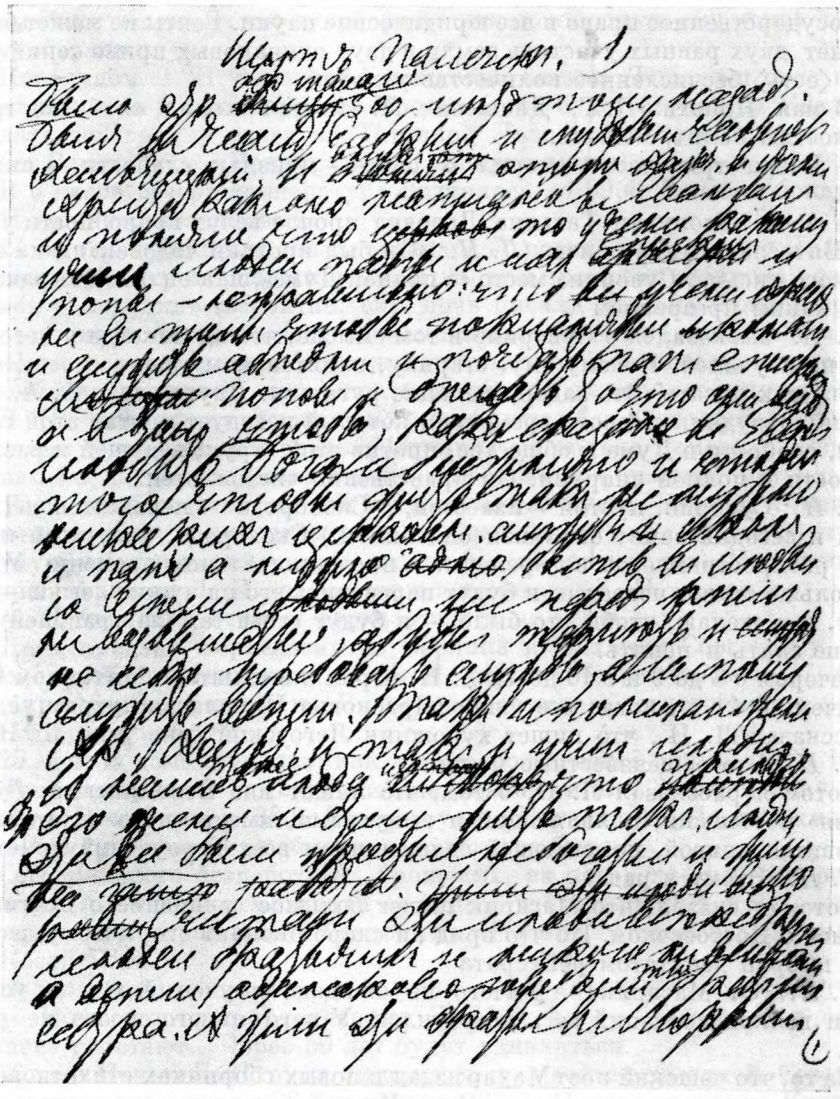
Л. Н.: Он невиновный.

Л. Н.: Читал журнал Баба Бхарати; пишет о скончавшемся «великом» Олкотте, непременно «colonel Olcott» *[3].

Николай Леонидович: Кто он такой был?

---

* «полковник Олкотт» (*англ.*).



РАССКАЗ ТОЛСТОГО «ШУТ ПАЛЕЧЕК». ИЮНЬ 1907 г.

Автограф. Лист первый

Л. Н. утром и еще раз днем спрашивал меня про Палечека... «Я хочу Палечеком воспользоваться, придумать, как он попал в шуты». — Запись от 21 мая 1907 г.

Л. Н.: Не знаешь? Продолжатель Блаватской. В другой статье — про спиритизм, Баба Бхарати [4]. И Люси Малори в своем журнале [5] и в других журналах, которые мне присылают,— должно быть принимают меня за большого дурака,— пишут глупости; и в медицинском («The Good Health») тоже. И браминский (мадрасский) журнал [6] очень ограничен.

Были И. И. Горбунов со стариком Лойцнером, учителем из Фастова, знающим малеванцев, баптистов; по взглядам он близок Л. Н.

Вечером спор Л. Н. с Николаевым и Николаем Леонидовичем по поводу Генри Джорджа о ренте, о национальной экономии. Л. Н. говорил, что политическая экономия выдумана Смитом, что вся политическая экономия построена на фиктивных понятиях («труд переходит в нетруд»),

как государственное право и все юридические науки. Ренты не может быть, т. к. нет двух равных участков земли и двух одинаковых приложений труда, а ⟨есть⟩ бесчисленное количество условий.

22 мая. Приехал П. Г. Дашкевич. Л. Н. не выходил, слаб, под грудной костью болит, кашель.

— Вчера три часа спорил о ренте — признак слабости, — сказал Л. Н.

За чаем пополудни Татьяна Львовна прочла вслух подробности убийства Вячеслава Андреевича (*Л. Н.*: «Он был кроткий человек») и из «Маленького письма» Суворина место «о пьяной Думе», как он о ней выражается, с каким презрением [1].

Л. Н. высказался о Суворине в том смысле, что он никогда у него ничему не поучался. Почему ему, старику, влиятельному через свое «Новое время», так писать? Это задор, желание ругаться. Другое дело А. А. Столыпин (сотрудник «Нового времени»), который негодует против этой грязности, слабости в Думе и обществе, против этой струи, ведущей к развращенности и полной анархии. Он нравственно чистоплотен.

Л. Н.: Суворин, пустой — известен, а Сковорода — неизвестен. (Л. Н. вчера и сегодня занят его жизнеописанием.) Сковорода, разумный писатель, распространяется во времени, в продолжительном времени. У нас все больше станет известен, и будут переводить его на чужие языки — это будет, и я желаю, чтобы это было, — и будут его и там (за границей) все больше знать и ценить.

Вечером с 8 до 9 и с 10 до 11 Л. Н. играл в шахматы с Михаилом Сергеевичем. В 11 ч., когда все ушли (Прасковья Николаевна утром уедет), я рассказал Л. Н., что̀ пишет художник Леготский (мне для Л. Н. [2]).

Л. Н.: Это общеизвестные места.

Потом я рассказал Л. Н. о том, что̀ пишет мне Велеминский: «Круг чтения» по-чешски, появляющийся выпусками, имеет много читателей и становится книгой, помогающей священникам всех вероучений в Чехии.

Л. Н.: Этому я рад.

Потом я сказал, что Масарик пишет большое сочинение о России, — главное о Достоевском. Но что вряд ли скоро окончит его, потому что теперь выбран депутатом рейхсрата [3].

Л. Н.: От Масарика я ничего не ожидаю: он ученый. Он в усваивании всяких познаний весь истратился. У него ничего своего не осталось.

На то, что чешский поэт Махар издал в новых сборниках стихотворений «В лучах эллинского солнца» и «Яд из Иудеи», в которых проводит мысль, что античный мир был счастлив и христианство ослабило человечество, Л. Н. сказал:

— Меня это не поражает, что он нападает на христианство. Это теперь мода. У меня выписка из французского автора, который Христа называет «misérable»*. Он (Махар) не понимает Христа... Я Христа считаю таким же человеком, как Эпиктета.

23 мая. Среда. Л. Н. слаб, сонлив; кашель у него не так сух, как вчера. Утром уехали Татьяна Львовна, Александра Львовна, Наталья Михайловна и Прасковья Николаевна. Л. Н. дал нам читать (Дашкевичу и мне) письмо Суткового о его проекте из неизрасходованных денег, посланных духоборами для голодающих в Самаре, отдать часть на устройство братской земледельческой колонии: будет образцовое хозяйство для окрестных крестьян.

Л. Н. написал телеграмму Сутковому и письмо духоборам, меня просил писать Сутковому, чтобы продолжал действовать, как до сих пор, что

---

* «убогим» (*франц.*).

дальнейшее обдумает, что духоборцам пишет, и послать ему копию письма к духоборцам [1].

Пополудни Л. Н. читал по-французски сказки «Тысяча и одна ночь», сидел в кресле и так задремал. Просил (если будет случай на Козловку) послать телеграмму вслед за Татьяной Львовной: «Вспомни две книги Жюля Верна» (т. е. «Вокруг света», «Вокруг луны»).

В 6 часов вечера температура поднялась до 39,4. Болей в боках нет, Л. Н. сонлив, молчаливый.

24 мая. Утром приехала Александра Львовна из Москвы с Д. В. Никитиным. Мы утром вошли к нему. Л. Н. нам прочел из Записной книжки запись о медицине (вероятно, сию ночь писал), что она больше вредит, т. к. служит (только) телу[1]. А что нам жить ли десять лет дольше или меньше — все равно. Никитин возражал, что медицина помогает: как приятно помочь дифтеритному, продолжить жизнь на десять лет отцу-старику...

Л. Н. ответил, что будет ⟨ли⟩ детям лучше без родителей ⟨или⟩ с родителями — нельзя нам знать. Медицина не только помогает выздоровлению, но на первое место ставит здоровье тела, полный материализм. А лучше освобождать дух, чем телу служить. Будда, Эпиктет учили, как побеждать тело, и они делали то, в чем больше всего чувствую нужду. В будущем будут удивляться медицине (какая она сегодня). На вопрос Никитина, верит ли Л. Н., что медицина помогает, Л. Н. ответил:

— Я медицине отчасти верю, отчасти не верю.

Днем приехал Беркенгейм из Берлина к Михаилу Сергеевичу, сообщить ему об операции сына. У Л. Н. утром 36,4, вечером — 37. Сидел в кабинете, играл в шахматы. В нижней доле левого легкого мелкие хрипы; застой крови.

25 мая. В доме суетливо, как всегда, когда много докторов. Л. Н. пополудни прогулялся по саду, лег на диван, читал «Тысяу и одну ночь» и уснул. Вечером жар 38,6. Вечером уехал Беркенгейм. Я с ним ни вчера, ни сегодня ни словом не обмолвился, некогда было.

Сегодня много безработных, прохожих, на погорелое место просящих около десяти человек. Слышали от одних, что четыре дня тому назад сожгли дом, в котором живут Стаховичи в Пальне. Ночью ограбили лавку на Косой Горе.

Белили дом.

— Кому это нужно?— говорил Л. Н.— Мы тут чай пьем, а они на припеке работают. Через 50 лет будут удивляться.

26 мая. Ночью Л. Н. охал, кашлял; я спал возле в гостиной. Сегодняшняя температура утром 36,6 и вечером 37,2. Приехали члены Крестьянского союза Тульской губ.,— крестьяне и учителя; привела их жена земского статистика, Полнер. Л. Н. всех не принял, а попросил к себе не дам и интеллигентов, а двух крестьян. С ними беседовал около трех четвертей часа.

Л. Н. третьего дня писал биографию Сковороды.

Сегодня Л. Н. послал нью-йоркской газете следующую ответную телеграмму на ее запрос о Гаагской конференции мира: «New York. «New York World». Question of conference (of peace at Haague) was answered 1900 years ago, Matthew five, 43, 44. Excuse my rudeness, but I cannot help giving vent to my disgust of christian hypocrisy. Leo T o l s t o y» *[1].

В четверть 5-го вышла Софья Андреевна от Л. Н. с известием, что ей кажется, что у Л. Н. жар. С Дмитрием Васильевичем вошли к нему. Л. Н.

---

* «Нью-Йорк. «New York World». На вопрос о конференции (мира в Гааге) было отвечено 1900 лет тому назад, Матфей пять, 43, 44. Извините мою резкость, но я не могу сдержать своего отвращения к христианскому лицемерию. Лев Толстой» (*англ.*).

сидел в белой блузе, в кресле, в углу кабинета и ставил себе градусник. Обратился ко мне:

— Сегодня были у меня крестьяне (члены Крестьянского союза), прекрасные люди. С ними было приятно разговаривать. Потом, когда вошли молодые люди и дамы, было труднее. Они из местности Бобринского. Говорили о земле, что в Пришне (великокняжеском, охотничьем имении) полторы тысячи собак, а у крестьян земли нет; что Романовы много земли забрали. Я им сказал сегодняшнее из «Круга чтения», что не надо чужие грехи раскрывать. Они говорили, что вся беда в малоземелье. Я им сказал — они согласились,— что виноваты в дурном устройстве жизни все; что зло — и подати, и косвенные и прямые ⟨налоги⟩, и пьянство... Говорили, как распределить землю. О Генри Джордже, разумеется, и *не слыхали*. Один из них — учитель, другой — пожилой крестьянин, хорошо грамотный. Те, которые хотят решать этот вопрос, хоть должны бы знать, что есть Генри Джордж,— ничего не знают.

Дмитрий Васильевич спросил, спрашивали ли о Думе?

Л. Н.: Мало. Я им сказал, что где Дума есть — в Америке — там от нее народу не легче, а выгода — нескольким миллиардерам. Сказал им: «Чтобы воду согреть в сосуде, нельзя ее перемешивать, чтобы капли нижние вышли наверх (от этого не будет теплее),— надо, чтобы все ее капли (частицы), каждая — согрелись. Так и в общественном устройстве. Времена, когда думали, что перемена государя, партии поможет, — прошли. Не внешнее перемещение, а поднятие нравственного уровня всех отдельных личностей нужно. Нравственное возрождение надобно. Но нигде нет такой слабой нравственности, как у христиан. Павел подтасовал фальшивые понятия. Что имело действие в революциях — были христианские принципы (например, Руссо), только не вполне понятые: равенство, свобода, братство. Только будь (желай быть) равен самому низшему, а не высшему. Ключ отворяет замóк, только если на известном месте его повернешь, а если нет, так он не годится. Христианство, любовь с противлением злу — не годятся. Я об этом пишу: об искажении христианства Павлом и о причинах, почему христианские народы находятся в бедственном положении [2]. Правда, писания эти не нужны, никто читать не будет.

Потом взял со стола книжку «Кришны», из которой только что продиктовал Софье Андреевне переводы некоторых мест, и дал Дмитрию Васильевичу прочесть их вслух [3]. Очевидно, хотел отдохнуть, не говорить. Хвалил книгу эту, особенно места о любви, желал бы браманизмом заняться. Прочел в словаре Брокгауза (о браманизме) — недостаточно,— но это и трудно,— так, как брамину читать наши священные книги.

Температура оказалась 37,2. Мы вышли.

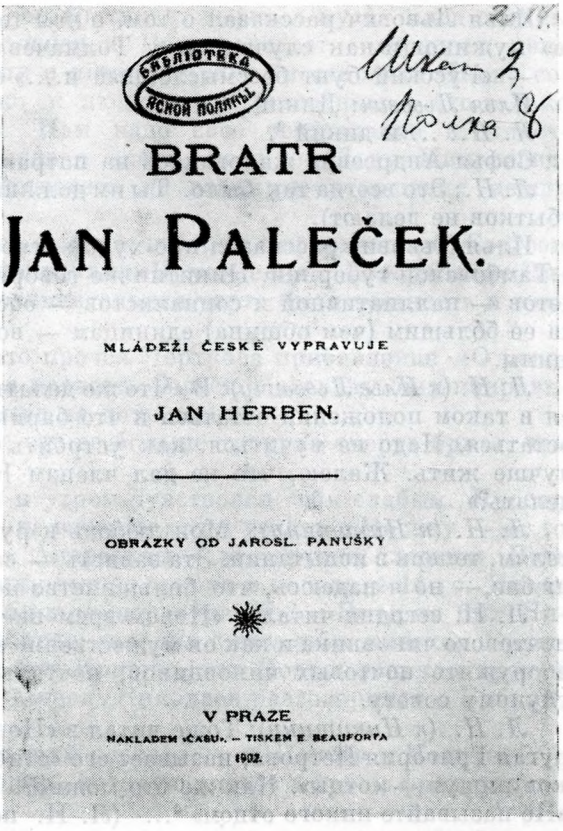
После обеда с 7 до 8 Л. Н. беседовал с Дмитрием Васильевичем. Прочел ему письмо из Америки, в котором спрашивают его (Л. Н.) о Чайковском и Аладьине, приехавших в Америку «отцах революции русской», имеют ли твердое место между людьми, которые добиваются свободы [4].

Дмитрий Васильевич удивился, что Аладьина считают «отцом революции», Чайковского — скорее; с Чайковским хотел видеться в Англии и повидал вперед Кропоткина. Разговорились о Кропоткине.

— Наши *основы* — различные,— сказал Л. Н. и вспомнил, что, когда он пахал, посетили его Буткевич и Никифоров и взялись за то же (земледельческий труд), но основа у них (почему взялись) — ⟨была⟩ другая.

Дмитрий Васильевич рассказал содержание «La conquête du pain» [5]. Начинается с того, что революция свергла правительство; что делать для осуществления свободы-анархизма? Надо захватить в общее владение средства производства и продукты и распределять их по нужде.

JAN HERBEN. «BRATR JAN PALEČEK» (ЯН ГЕРБЕН. «БРАТ ЯН ПАЛЕЧЕК»)
Прага, 1902
Обложка
Личная библиотека Толстого
Музей-усадьба Ясная Поляна



Л. Н.: Как с теми быть, которые будут хотеть захватить больше? Кто больше жен будет хотеть иметь?

Дмитрий Васильевич на это ответил, что Кропоткин предполагает подчинение силе общественного мнения. Л. Н. сказал, что страсти останутся те же — властолюбие, тщеславие, зависть, половая страсть:

— Выдумать можно всякие устройства. Кропоткин ограничен. (У него нет религиозной основы.) Он легкомыслен. Как отозвался о Генри Джордже — опровергает его, не зная его. По правде сказать, анархисты мне так же далеки, как министры, жандармы. Через 30—50 лет будут люди удивляться, как могли серьезно относиться к таким ребячествам.

Дальше Л. Н. говорил, что бывшие у него члены Тульского крестьянского союза про Генри Джорджа и не слыхали, и в Думе никто про Генри Джорджа не упомянул. Они в Думе высказывают не свое мнение, а мнение толпы. Говорить о земельном вопросе — нельзя ведь Генри Джорджа обойти. Как если бы собралось в обществе 500 зоологов и с Дарвином не считались бы, уже прав ли он или не прав.

— Старики, которые были у меня — с ними было приятно поговорить; когда же вошла молодежь, видно было стадное,— сказал Л. Н.

27 мая. Вечерняя температура у Л. Н. 37,6. Вечером приехал Илья Львович и уехал ночью с Дмитрием Васильевичем. Вечером Л. Н. вышел к чаю, говорил о Сковороде и дал прочесть вслух, что́ Сковорода писал о суеверии (Л. Н. *несколько дней тому назад писал о Сковороде*).

— Если бы это написал англичанин или голландец — читали бы. Надо пустить Сковороду в ход и в переводах за границей. О нем материал маленький. Гусев изречения поизменял [1], а я тоже поизменяю. Сковорода писал обыкновенно в стихах и малорусским языком.

Илья Львович рассказал о том, о чем теперь пишут в газетах: о «бунте» мужиков и как случилось, у Толмачева, что стражники убили бабу.

— «Русский бунт бессмысленный и....» еще какой-то,— сказал Л. Н.

Илья Львович: Дикий.

Л. Н.: ... и дикий [2].

Софья Андреевна жаловалась на потравы лугов мужицкой скотиной.

Л. Н.: Это всегда так было. Ты им должна быть благодарна (что больше убытков не делают).

Илья Львович рассказал про худые отношения крестьян к помещикам в Тамбовской губернии. Никитин же говорил об аграрной программе кадетов — паллиативной и социалистов — обобществление земли и передача ее бóльшим (чем община) единицам — волости и т. п. Они против общины.

Л. Н. (*к Илье Львовичу*): В «Что же делать?» я писал, что мужику нельзя в таком положении остаться и что барину нельзя в таком положении остаться. Надо не мучиться, как устроить других, а стараться самому лучше жить. Жалею, что не дал членам Крестьянского союза «Что же делать?»

Л. Н. (*к Никитину*): Моя любовь к русскому народу, к его добродетелям, теперь в испытании. Эта зависть — самое худшее чувство, корыстолюбие,— но я надеюсь, что большинство не испортится.

Л. Н. сегодня читал в «Новом времени» о вооруженном нападении на почтового чиновника и как он мужественно защищался; и там же о совете вооружить почтовых чиновников, почтальонов. Л. Н. изумился этому глупому совету.

Л. Н. (*к Никитину*): Тоже читал в «Новом времени», как Меньшиков, ругая Григория Петрова, называет его «отцом»[3], и про думских священников пишут — «отцы». Как же это можно?! Уже не говоря, что сказано: «Не называйте никого отцом» [4]... (Л. Н. попа даже батюшкой не мог назвать без задней мысли.)

Уехал Д. В. Никитин.

28 мая. Л. Н. продиктовал Софье Андреевне одно английское и одно русское длинное письмо [1]. Днем были у него два молодых человека из Черниговской губернии.

Л. Н. (*о них*): Очень глупые. Они раньше писали.

Попросили денег на дорогу домой. Л. Н. дал им три рубля и книжек для продажи. Вечером Л. Н. спросил меня, поговорил ли я с ними, и пожалел, что нет; жалко было ему их. Вечером у Л. Н. опять жар — 37,5 и слабость. Лег и заснул в половине 10-го. Л. Н., после того как потушил свечу, позвал меня и сказал:

— Повестки внизу; на одной, на неоплаченное письмо, написал, что не желаю его получить. Зачеркните и скажите, чтобы заплатили 14 копеек. Мне совестно.

29 мая. Л. Н. плохо спал; уснул в два часа, а с трех воробей стучал в стекло окна, не дал спать; переставлял рамы, напрасно. В прошлом году то же. Пу́гало не помогло. Я входил раза три к Л. Н. Утром встал в половине 10-го вспотевший, температура 36,6.

Л. Н. утром, сидя на постели, задумчивый:

— Как инфлюэнца держится, все насморк. В прошлом году была эпидемия инфлюэнцы — люди умирали.

30 мая. Л. Н. похудел, пишет больше дневник. Вечером вышел в залу к приехавшей Марии Александровне.

Говорили о Белке, сибирской лайке, у которой завелись черви в ранах на голове и шее; и вчера и сегодня очищали ее от них. Л. Н. сказал по этому поводу:

— Был буддийский монах, по дороге нашел собаку в червях, очистил

ее. Потом вспомнил о червях, возвратился, вырезал кусок мяса с икры и дал им. Это то, что волк и ягненок. Волк голодает — страдает, овца ему пищей. Будет так, что волк и ягненок будут вместе жить. Наше сострадание настоящее — только к людям, а к животным — это только рефлекс сострадания к людям. Нам надо свое сострадание к животным растить, и оно, как это нельзя знать, но мне (Льву Николаевичу) это очевидно — будет действовать на взаимные отношения между ⟨людьми⟩.

Днем читал, диктовал, писал письма, говорил с приехавшим Сергеем Львовичем, писал Записник и поправлял «Круг чтения». Говорилось о Вячеславе Андреевиче, что его отличительная черта была честность и мягкость.

Вечером Л. Н. говорил, что прочел Черткова прибавление «О революции» и поправил [1], и что дал прочесть Сергею Львовичу, ему понравилось. Чертковы отложили приезд на пять недель.

Софья Андреевна говорила, что ее больше тронула смерть брата, чем смерть Маши.

31 мая. Л. Н. плохо спал и утром чувствовал себя слабым. Просил не говорить Софье Андреевне, она вечером хочет уехать в Москву — «а то не уедет. А присутствие Софьи Андреевны — это другая болезнь». Весь день просидел в кабинете, в залу вышел только в половине 11-го. Писал детский «Круг чтения». Днем была температура 37,2. Вечером был Николаев, Л. Н. позвал его в кабинет, говорил с ним о браминском Кришне, очень его хвалил; говорил, что Кришна, как Иоанн, только с другой стороны смотрит. Когда Л. Н. вышел, Николаев разговорился о Библии, которую читает детям.

Л. Н.: В Библии один хороший рассказ — об Иакове и Иосифе.

Л. Н. о «Тысяче и одной ночи», которую читает в новом французском издании [1]:

— Ах, какая гадость! Чувственно во всех отношениях — и красиво убранная комната, и вино, и ложе. Интересное то мировоззрение *.

Николаев сказал, что он читал «Одиссею» детям.

Л. Н.: «Одиссею» можно — разумеется, не в подлиннике, а переработанную.

С Гольденвейзером, приехавшим на лето в Телятинки, Л. Н. играл в шахматы и выиграл у него партию, а вчера — у Сергея Львовича.

Л. Н.: Мне болезнь очень много дала. Я ее очень люблю и ценю.

1 июня. Л. Н. хорошо спал; вышел в залу за почтой; заметил, что «Нового времени» нет. (Оно часто не получается, пропадает где-то.)

И. М. Трегубов прислал свое обращение в Государственную думу: «В защиту гонимых за веру Христову», отказывающихся от военной службы, чтобы вместо военной службы назначили им такие работы, которые не противоречат их совести, которые требуют особенного терпения, как уход за душевнобольными, прокаженными, требуют самопожертвования. Л. Н. прочел это обращение и просил написать Трегубову некоторые советы насчет перередактирования и ответить ему, что он вполне согласен с его обращением, оно прекрасно написано:

— Не подписываю его только потому, что не признаю никаких учреждений, в особенности таких нелепых, как Дума [1].

Приехал Андрей Львович. Л. Н. с 5 до 6 беседовал с ним в кабинете [2]. Утром приезжал 18-летний фельдшер из Смоленской губернии, Сенкевич, спросить Л. Н. о значении места в Евангелии, где Христос проклинает

---

* Есть старое издание, в котором чувственные места пропущены. Рекомендуя «Тысячу и одну ночь», Л. Н. имел в виду это старое французское издание и (по нему) старое русское издание.

смоковницу [3]. (Мне сказал, что ему товарищ говорил: «Увидишь, что Толстой живет противно своему учению».) Очень даровитый (и понимающий, способный фельдшер). Л. Н. с ним поговорил полчаса в кабинете, читал ему из детского «Круга чтения» и послал его к Николаеву. Л. Н. тоже нашел, что он разумный.

О «Русских ведомостях», в которых Л. Н. раньше писал (по выражению Андрея Львовича, «их создал» [4]), Л. Н. сказал, что стали подлой газетой.

Александра Львовна говорила, что в Думе по две стенографистки записывают за каждым оратором.

Л. Н.: Драгоценность!

Варваре Михайловне, тоже говорившей про стенографисток в Думе, Л. Н. сказал:

— Я рад, что вы не попали в Государственную думу записывать эти гадости.

2 июня. Приезжал М. И. Пестряков из Сибири, хотящий выйти из подданства, не исполнять военной повинности и никаких государственных обязанностей; привез об этом просьбу к монарху; паспорт имеет. Живой, веселье наводящий человек, 24-х лет [1].

Л. Н. получил тяжелое, трогательное письмо от Арцимовича, которое его очень поразило, лица на нем не было [2].

Л. Н. сегодня много (часа четыре) беседовал с Андреем Львовичем. Говорил и с Александрой Львовной; она ужасно жалела отца, что ему братья такие раны причиняют.

В залу не выходил, писал «Круг чтения» для детей и много писем [3].

3 июня. Сегодня заехала по пути из Петербурга в Пальну С. А. Стахович. Л. Н. сейчас же вышел к ней в залу, и она рассказывала про отца, переболевшего в Петербурге, про недавнее сожжение их жилого дома в Пальне, про вчерашний роспуск Государственной думы. Про сожжение дома говорила, что оно было внушено мужикам сделать, как бы приказано. Сгорело все; дом деревянный. Жаль, главное, картин Репина, картин, лошадей, гравюры [1].

Правительство себя мнит сильным, сильнее, чем было,— не ошибется ли? Как созрело в один год общество! Как восхищались политическими речами год тому назад на митингах, в Государственной думе; речами, за которые она, младшая, краснела; ее брат, Александр, восхищался. А теперь политические речи надоели.

Боится, что теперь сожгут конный завод и что могут убить главного управляющего.

Л. Н. говорил, что ужасно это настроение — злобы, зависти, что надо все силы употреблять, не участвовать ни в малейшей мере в увеличении озлобления. Это кризис, через который проходим. Надеется, что все-таки подвигаемся к лучшему:

— Равенство может быть, когда есть смирение ⟨и⟩ человек хочет быть ниже низшего, но не когда есть гордость и человек хочет сравняться с высшим, завидуя ему. Один из самых больших грехов современных — гордость, что мы, *так называемые* («подчеркиваю это слово»,— сказал Л. Н.) образованные люди, можем помочь народу. Я каждый день получаю письма: гимназисты, курсистки спрашивают, идти ли сейчас в учителя, просвещать народ, или еще кончить курс и потом. В том, что это их призвание и что они могут приносить пользу народу, не сомневаются. Причина этому состоянию — безверие.

Л. Н. на днях спросил у меня:

— Читали ли вы в «Новом времени» (несколько дней тому назад) Меньшикова про прессу русскую? [2]

— Читал.

БАБА ПРЕМАНАНДА БХАРАТИ

Фотография с дарственной надписью на английском языке (перевод): «Моему брату графу Толстому с любовью и благословением. Лос Анджелес, США, 24 марта 1907 г.»

Л. Н.: Особенно, что пишет, то это совершенно верно, что это грубое слово. (Л. Н. не произнес его — «сволочь», как написал Меньшиков.)

Л. Н.: Газеты — сумасшедший дом от начала до конца. 20 лет тому назад, когда говорил с Тургеневым, кто бы предсказал, что̀ будет (в России)? Может быть, это у меня пункт помешательства, но, по-моему, все оттого, что нет религиозного чувства. На моей памяти были старцы в монастырях — Соловецком, Оптиной, которые имели влияние на народ, богомольцев,— все это потеряно. Теперь богомольцы ходят по инерции.

Софья Александровна противоречила, доказывала, что вера в народе осталась та же, что была, и привела в пример богомольцев из Киева.

Л. Н.: Дай бог, чтобы это была правда. Я только этого и желаю, чтобы это была правда.

Л. Н. принес из своей комнаты фотографию с картины Орлова «Переселенцы собираются» [3].

— Никто не умеет так рисовать мужика русского,— сказал Л. Н.

Кто-то заметил, что фотография лучше оригинала этой картины.

Л. Н.: Это многие картины так. Фотография «Выхода апостолов» Ге [4] мне очень понравилась, а увидел оригинал — впечатление ослабело.

Л. Н.: Немцы сильны милитаризмом, Вильгельмом с усами, но так же слабы социализмом, пролетариатом, ненавистью окружающих народов. Когда рухнет их строй, будет у них то же, что у нас. Ведь у нас при Николае Павловиче, Александре Николаевиче тоже было спокойно; при Александре Александровиче началось потрясаться.

Л. Н.: Никакие министры, цари не могут создать то общественное благоустройство, которое дает соединяющая воедино вера. Теперь ее у нас нет (в русском народе). Неурядица (анархия), возможность все делать,

преступления — не перестанут, пока не настанет объединение в вере в одно. По-моему, православное христианство ложное, а во что я верю — истинное, но признаю, что оно так же далеко от бесконечного, истинного понятия бога (и смысла жизни), как и то: они одинаково велики [5] с бесконечно далекого пункта.

Лариса Дмитриевна с тревогой говорила про нынешние расшатанные устои. Л. Н. ее успокаивал, что в такие торжественные минуты надо стараться как можно лучше вести свою жизнь.

Л. Н.: Сковорода учил почитать священников и слушать бар. Ему казалось, иначе и быть не может (господа и подданные). Сковорода в то время был вегетарианец.

Когда уехала Софья Александровна, в 11 часов ночи, и Александра Львовна поехала ее провожать в Ясенки, Л. Н. беспокоился:

— Напрасно поехала. Я всего боюсь. Разбои. Боюсь, чтобы разгон Думы не подействовал на усиление разбоев.

Л. Н. (*в 11 часов за чаем*): Получил письмо от писателя, пишущего, какое влияние имел венгерский поэт Petöfi на писателей, на меня. Правду сказать, я впервые слышу о нем [6].

Я рассказал, что Петёфи был лирик и радикал, вроде теперешних Алексинских, в свое время передовой человек, и пересказал содержание его поэмы «Апостол». Л. Н. спросил, есть ли «Апостол» по-немецки, сказал, что прочтет.

4 июня. Л. Н. два раза выходил гулять. Белка с раной с ним.

За столом Софья Андреевна говорила, что ее хозяйство уморит, очень сердится.

Л. Н.: Чтобы заниматься хозяйством, первое дело — не сердиться.

Л. Н. спросил меня, читал ли я «Пьяный бюджет», вторую часть? Меньшикова хвалил; особенно понравилась ему мысль *, которую и привел, что в Самарской губернии мужики могли бы купить всю землю, на которую можно рассчитывать, за то, что пропивают в два года [1].

— Меньшиков умно находит темы. Пропивается миллиард,— говорил Л. Н.— Выходит то, что я говорю: что не стараться о том, как устроить других, а каждому с самого себя начинать, хоть мелочь — не одурманиваться. Какие последствия это имело бы!

Пополудни Л. Н. с Александрой Львовной ездили верхами на Козловку.

5 июня **. Л. Н. заговорил о просителях, прохожих, которых теперь очень много. И между ними частые с требованием большой денежной помощи, или чтобы их устроить, место им дать, или найти, и о просителях пишущих, которых тоже много к нему обращается, что если бы у него были миллионы, то не мог бы удовлетворить их; что надо выработать себе обороты речи: «Я понимаю ваше положение и сочувствую... Вы войдите в мое». Разумный человек поймет.

Л. Н. любит давать. Нищим, прохожим подает по 10 коп. или хоть книги. Никого не пропустит, не дав ему что-нибудь.

Были Горбуновы. Был Иван Иванович. Л. Н. спросил, что в Москве, как приняли известие о роспуске Думы.

Иван Иванович: Его ждали, не были поражены.

Л. Н.: Ничего доброго нельзя ожидать; если удастся правительству подавить, как вы рассказывали, в Саратовской, и будет по-старому, это жалко; если противная сторона установит свое правительство, тоже будет жалко. Если успокоятся с компромиссом — будет того хуже. (Иван Иванович говорил о кадетском компромиссе.)

---

* Которую я тут не точно передаю.

** Записано в сентябре 1911 г.

«ПРОВОДЫ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ»
Картина (масло) Н. В. Орлова

Воспроизводится по репродукции в книге: «Русские мужики. Картины художника Н. Орлова с предисловием Льва Николаевича Толстого» (СПб., 1909). «Л. Н. принес из своей комнаты фотографию с картины Орлова «Переселенцы собираются». «Никто не умеет так рисовать мужика русского»,— сказал Л. Н.». — Запись от 3 июня 1907 г.

Л. Н. спрашивал о Бирюкове, от которого давно нет писем:

— Павла Ивановича люблю, уважаю. В нем нет привлекательного и не старается быть (привлекательным). Он пишет, когда нужно, а когда не нужно писать — молчит.

6 июня. Приехал Сергей Львович с Марией Николаевной. Л. Н. третий день выходит гулять. Лаун-теннис. Вечером Гольденвейзеры. Александр Борисович играл по просьбе Л. Н. [1]

Говорили по поводу обращения И. М. Трегубова об отказывающихся от военной повинности. Говорили об И. М. Трегубове; Л. Н. вспомнил о нем:

— Он приходил в Москве, спрашивал об Евангелии, я ему разъяснял, и он остался в сомнении. (Он и теперь в сомнениях.) В Москве, когда приходил, у него был написан ряд вопросов, и только что ответишь ему на один, уже спрашивает второй. Теперь стал пропагандировать, и пропаганда уничтожила его сомнения. Когда человек одно и то же постоянно утверждает, он перестает сомневаться в истинности этого. Средство уничтожить сомнения — пропаганда,— сказал Л. Н. с удивлением, что это, может быть, и правда, новая мысль его.

Гольденвейзер заметил, что подобную мысль высказал Лихтенберг.

7 июня. Было очень много, от 30 до 40, прохожих, босяков, разных просителей и советовавшихся. Решено подавать по пятаку вместо гривенника, а то многие с шоссе сворачивают только ради него. Всем, особенно Сергею Львовичу и Софье Андреевне, садиться за обед под вязами, на глазах стольких просителей, было неприятно и неловко.

Л. Н. ездил к Марии Александровне (с 5-го ездит верхом) и говорил, что у нее слышал, что настроение, после роспуска Думы, грозовое. Много безработных и безместных людей шатается по дорогам, городам. Дальше Л. Н. говорил, что рожь цветет, необычайно высокая, выше самого высокого мужчины; виды на урожай ржи хорошие. Потом рассказал о тяжбе скуратовских мужиков, не хотевших продажи вина, с Управлением монополии, которое хочет вместо ограбленной казенки на шоссе под Косой Горой открыть новую в Скуратове и дало скуратовскому мужику 200 р. задатка для постройки помещения. Он и выстроил дом. Теперь скуратовские мужики противятся открытию, и Управление требует, чтобы внесли задаток обратно [1]. Мария Александровна очень близко к сердцу берет это дело. Л. Н. говорил, что овсянниковские, скуратовские мужики начнут с того, что, если будет кабак, то сопьются. Борются с внешним — внешними средствами, а самое драгоценное — внутреннее (внутреннее освобождение). В Рудакове (в соседней деревне с Скуратовом) есть много людей непьющих, некурящих. Л. Н., отвечая на слова Марии Александровны, выражающей огорчение против правительства, сказал:

— Перечислять то зло, что правительство делает, нет конца.

Л. Н.: Получил письмо от Суткового — хорошее. Пишет про хлыстов-мормонов в Патровке [2].

Говорили о добролюбовцах. Л. Н. заметил:

— Вот добролюбовцы, их около ста человек, высоконравственной жизни, но не могли воздержаться от обособленности, выделились кучкой праведников.

Л. Н. хвалил фельетон Валишевского «Парламентская комедия и национальная драма» [3].

8 июня. Л. Н. затерял сегодня свою записную книжку. Софья Андреевна удивилась, как он стал забывчив (я этого не замечаю).

Приехал Михайлов из Москвы и был с Николаевым пополудни и вечером у Л. Н.

Л. Н. (*о Суткове*): Он не столько мыслитель, сколько поэт.

Вчера Л. Н. говорил, что христиане (в отличие от евреев) никакой религии не имеют; религия их — амальгама извращенного христианства с учением Павла.

Чудная июньская погода; дергачи.

Л. Н. сегодня в первый раз после четырехнедельного перерыва учил мальчиков — троих: Романа Николаева, Колю Ромашкина и Абашкина.

10 июня. Воскресенье, день Троицы. Утром Л. Н. взял «Новое время» читать. Против прежних дней было мало прохожих; все-таки было немало таких, которые ожидали бо́льшей помощи (сознательные революционеры из безработных) и которым Л. Н. должен был разъяснять, что не может большой суммой помочь, «чтобы вошли в его положение». Когда пополудни пошел гулять пешком, присоединились к нему два тульских еврея, 15-ти и 18-ти лет. Один — друг экспроприатора, который неделю тому назад грабил ясенковское почтовое отделение; про него говорил, что у него ничего святого нет, что он анархист. Л. Н. сказал ему в оправдание, что он, может быть, нарочно мимо стрелял? (мимо начальника почты, спрятавшегося под стол). «Нет, убивать ничуть не совестно».

Н. Б. Гольденвейзер рассказал про бесчеловечность экспроприаторов, как, ограбив лабораторию доктора, повесили лаборанта за то, что не отдал все три суммы денег: 75, 600 и 200 р., а только две первых, зная, что это попадет в газеты и заставит других слушаться экспроприаторов.

Л. Н.: Я стараюсь выработать в себе сострадание к этим безумным людям. Я не знаю, что лучше: быть повешенным или вешателем? Придет к ним старость...

Л. Н. рассказал это за обедом.

— Прошел десять верст и устал.

Вечер провел с братьями Гольденвейзерами, потом до четверти 10-го с Волковым — директором банка, и Звегинцевой; потом до четверти 12-го со всеми (Звегинцева, Волков, Гольденвейзеры, Михайлов). Со всеми старался поговорить и говорил много, хотя, видимо, был уставший и голос слабый и кашлял. С Н. Б. Гольденвейзером о Канте. Николай Борисович готовит книгу: изложение Канта[1] — и говорил про противоречия у него.

— Противоречий у Канта нет,— сказал Л. Н.— Доказывая иллюзорность внешнего мира, он подчеркивает нравственную основу жизни.

С Волковым Л. Н. говорил про философию, смысл жизни; с А. Е. Звегинцевой — о разном, между прочим о старости. Звегинцева жаловалась на старость, Л. Н. ей сказал, что старость лучше молодости, что ему 80 лет и только теперь начинает спокойно жить, и все лучше с каждым годом.

— Ведь только та приятная жизнь, которая вне спокойствия,— сказала Анна Евгеньевна.— Старость — скука.

Л. Н.: В молодости горячишься, осуждаешь; зависть, страсти. Все это в старости оставляет тебя.

Анна Евгеньевна: Скучно, никому не нужна, мужиков ненавижу.

Л. Н.: Старайтесь побороть злое чувство, ко всем людям относиться любовно, делаться лучше.

Анна Евгеньевна: Зачем мне лучше становиться для себя одной? Из этого никому никакой пользы.

Л. Н. показал на свечу на столе:

— Свеча невольно освещает; так и человек, делаясь лучше, невольно освещает вокруг себя. Это богом так устроено, что человек в той мере действует на других, в какой работает над собой.

Л. Н. про письмо, которое вчера получил от воронежского сектанта, и вечером прочел нам вслух.

— От какого толку сектанта оно?[2]

Л. Н. разговорился про малеванцев, иеговистов (они, кроме названия, ничего еврейского не имеют) и других (свободных) христиан.

— Все страдают сектантством, неясностью, преклонением перед руководителями,— сказал Л. Н.

День холодный. Хоровод баб и девок у дома.

11 июня. Л. Н. много думает, работает, беседует. Днем приходил Сережа Булыгин. Ходил сначала советоваться с Марией Александровной, а теперь с Л. Н. Говорил Л. Н-чу, что ему тяжело, что у отца-помещика 80 десятин, а у крестьян — от двух до шести, и хотя он живет у отца простым рабочим, совесть за это терзает его; желал бы уйти и работать у крестьян. Л. Н. ему говорил, чтобы он на эти внешние дела не обращал внимания, а главное, чтобы старался увеличить любовь в себе, а остальное будет придано. Земля теперь его отца; когда он будет распоряжаться ею, тогда может поступить так, как будет ему приказывать совесть *. (Сережа Булыгин требовал от отца, чтобы тот в земле сравнялся с крестьянами.)

Л. Н. говорил, что он только теперь ясно чувствует, что «ищите царства божия, остальное приложится»,— это увеличение любви к другим (не осуждение, а понимание ближних), отчего переменяются и внешние отношения и условия (жизни).

Николаев говорил, что, кроме понимания (ума), еще что-то нужно для восприятия истины.

Л. Н. вечером говорил, как ему, когда было ему за 40 лет, Н. Н. Страхов дал Эпиктета во французском переводе и как это было ему не ново и неинтересно; а теперь читает его в десятый раз [1].

* Разговор Л. Н. с С. М. Булыгиным записан мною со слов К. А. Михайлова; меня при этом не было.

Л. Н. с Николаевым и Михайловым обстоятельно говорил у себя с 9 до 10 о Генри Джордже. Николаев жалел, что никто не стенографировал.

Николаев спросил, правда ли, что вечер благоприятнее для поэтической работы, чем утро.

Л. Н.: Нет. Поэтическая деятельность — самая напряженная умственная деятельность.

Потом говорил, что он утром совсем другой (свежее), чем вечером.

Л. Н. (он слышал от Софьи Андреевны, которой я вчера говорил про это), спросил меня, садясь к чаю:

— Поедете домой? Поезжайте! Что вам пишут об отце?

Я: Забывается.

Л. Н.: Это и у меня память ослабевает. Об этом совсем не жалею. В той мере, как обременение памяти знаниями, багажом, убывает, ход мыслей не ослабевает,— напротив, яснее становится.

Михайлов собирался уехать, Софья Андреевна удерживала его. Л. Н. ему нежно сказал:

— Когда хозяйка дома вас задерживает, оставайтесь. Нам, кроме приятного, ничего не доставляете.

Л. Н. хотел вычислить, за сколько лет могли бы крестьяне выкупить помещичью землю, если бы не пили. Пропивается миллиард в год, но притом убытка вдесятеро, а выкуп частных землевладельческих земель по кадетской умеренной оценке обошелся бы от 8 до 12 миллиардов.

Л. Н., когда сядет письма писать, старается на все, какие нужно, ответить. На которые не успеет — или поручит другим (дочерям, Юлии Ивановне, мне), или же их как отлежавшиеся устранит со стола. Не любит оставлять недоделанного.

12 июня. Вторник. Обедали на веранде, разразилась гроза. Л. Н. говорил, что раньше боялся грозы; что боязнь совсем прошла.

К. А. Михайлов: Пойдут дни на убыль. У меня до равноденствия все прибавляется энергии, а потом падает. А у вас?

Л. Н.: А у меня наоборот.

Вечером до половины 10-го Л. Н. не выходил из кабинета. Получил огромную почту из Тулы. Искал Вовенарга в библиотеке, чтобы сравнить и поправить корректуру русановского выбора и перевода [1]. Потом разговаривал с Михайловым о сказках, легендах, какие бы годились в «Круг чтения» для детей. Михайлов рассказал несколько. Л. Н. все их знал, нравились ему, но не любит те, в которых «чудесное». Сказал, как мало хороших сказок для детей в литературе мира, да и те плохи, надо их все переделывать.

Софья Андреевна: Напиши сам, ты — Толстой.

13 июня. Л. Н. ездил к Николаевым, где гостят С. Л. Дмитриев, А. Г. Шеломов и англичанка-протестантка, старая, седая девица, которая хочет жить, работать с Дмитриевым. Они же пришли в 7 часов к Л. Н. Был и в Овсянникове.

Грумантские мужики принесли Софье Андреевне деньги за 20 дубов, которые срубили (по словам Софьи Андреевны, срубили 130). Поденные девушки по недоразумению ушли с работы. Софья Андреевна принимает это к сердцу, хочет строго поступить. Л. Н. советовал ей, что в хозяйстве тем лучше, чем благоразумнее и кротче поступать. Огорчение Л. Н. большое.

За обедом Л. Н. с Михайловым о корректуре Вовенарга (которого мысли выбрал и перевел Русанов). Л. Н. говорил, что плохо выбраны и переведены; что он снова переводит; что перевод может быстро диктовать под стенографию или ремингтон, а что он сам писать быстро не может.

Л. Н. говорил Михайлову:

— Вовенарг поверхностно религиозен, находился под влиянием

Вольтера, не имевшего религии. Вовенарг имел религию, но не дожил до ее развития.

Л. Н. спросил меня, какие лекции я хочу слушать на фериальных * курсах для врачей в Праге. Не будет ли там лекция о народной медицине и не преподают ли где?

— Нет.

Л. Н.: Каким образом большое количество больных удовлетворить малыми средствами? Ведь требования к врачу (по количеству) очень большие, нельзя ему входить в тонкости. Алмазов вместо клеенки на компрессы на груди ввел в употребление овчину.

Я ездил к двум больным. Вернувшись, писал у себя. Услышав голос Л. Н. с балкона, спрашивающего, где Саша, и подумав, что, может быть, хочет диктовать перевод Вовенарга, пошел к нему. Не было его ни в комнате, ни на балконе. Был чудный вечер, пошел около дому гулять и тут встретил Л. Н.

— Видели этих двух рабочих? — проговорил мне с удивлением.—Просили денег на револьвер, чтобы убивать тех, которые угнетают их братьев.

Л. Н. был поражен этим:

— Работали на патронном заводе, теперь работы нет (разочли множество). Как это правительство не заботится дать работу? Не замечает, не считается с духовным ростом раздражения. Нет работы. Правительству искать бы, дать им работу. Крестьянин мне пишет, что следовало бы пруды копать для предостережения от засух. Они просили книг, я им дал «Евангелие» и «О вере, разуме и молитве». Теперь не раздаю те свои книги, где писал против правительства, например: «Где выход?». Взял было, да отложил (не дал им). Они не поймут, а выберут одно осуждение. Выйдет раздражение. Это мне урок (т. е. какое действие производят мои прежние книги).

Я сказал:

— Я их понимаю, я лет 20 тому назад тоже готов был убивать. (Но я преувеличил. Я не был готов убивать.)

Л. Н.: Я — никогда.

Я пошел к этим рабочим, застал их в людской, где ужинали, и проводил их садом на дорогу в Козловку.

Вернулся в половине 11-го, чай в ремингтонной. Александра Львовна принесла известие, что сожгли Михаила Львовича (Чифировку): ригу и сарай с машинами (косилками). Известие это и Л. Н. и Софья Андреевна приняли спокойно. Л. Н. только переспросил, что́ сожгли, а Софья Андреевна сказала:

— Теперь и нас сожгут, придется выехать за границу.

Больше об этом ни слова не было сказано. Л. Н. рассказал о безработных рабочих, просивших на револьвер, чтобы отомстить угнетателям за их товарищей:

— Это я никогда не слыхал, они меня ошеломили,— сказал Л. Н.— Надо утишить это раздражение народное, дать работы. Одно средство, а они (правительство, Дума) там спорят.

Софья Андреевна спросила, поговорил ли он с ними, разъяснял ли им?

Л. Н.: Да, говорил. Им было ново (как если бы никогда не слыхали, что все люди — ближние). Меньшой, 18-летний, как будто понимал; старший, 22-х лет, был немного выпивший. Когда я их спросил, что́ работали, ответили мне: «Патроны, которыми расстреливали наших братьев, и пулеметы».

Л. Н. говорил радостно, восторженно о письме Кудрина [1]. Неграмотный, высказывает глубокие философские мысли.

---

* каникулярных (от франц. férial).

С 11 до 12.10 ночи урок стенографии. Александра Львовна и я учимся у Варвары Михайловны. Александра Львовна была грустная из-за беспокойств в яснополянской экономии и сожжения Михаила Львовича.

Александра Львовна: Что, сожгут нас? Очевидно, рухнет эта наша помещичья жизнь. Нам экспатриироваться, за границу ехать. Папа либо с горя умрет, либо его сожгут.

Варвара Михайловна утверждала, что это немыслимо.

14 июня. Утром в половине 9-го Л. Н. позвал меня, болит у него левая сторона крестца. Спросил, не повредил ли почки, и рассказал, что вчера Лихач (вороной, на котором он ехал верхом) споткнулся в колее, носом ткнулся в землю, и Л. Н. полетел кубарем через голову лошади, упал; лошадь тоже упала. Л. Н. удержал ее (не выпустил узды).

Л. Н.: Лихач — скверная лошадь, второй раз упала, скоро на ней ездить перестану.

Просил не говорить Софье Андреевне. (Я сказал Александре Львовне, и она уговорила мать отправить Лихача к Михаилу Львовичу.)

Потом Л. Н. дал мне прочесть телеграмму Безверхого, не помнит, кто он. Я припомнил, что Безверхий — отказавшийся от военной службы и что он ему третьего дня ответил на письмо. Л. Н. вспомнил.

Л. Н.: Тревожная телеграмма и его открытка. Должно быть, слабый человек; и письмо писал такое неопределенное. Времена не такие — он телеграфирует, что мучат его [1].

Вечером Л. Н. учил мальчиков; начал с ними третий раз читать Евангелие. Потом поговорил с учителем с Байкала, приехавшим второй раз (первый раз лет шесть тому назад); между прочим, о земельном вопросе. Учитель участвует в каком-то аграрном союзе. О Генри Джордже ничего не знал и даже не слыхал.

Вечером Александра Львовна, Варвара Михайловна и я ходили гулять. За деревней встретили А. Измайлова и Н. Брешко-Брешковского, едущих к Л. Н. Потом урок стенографии; к чаю пришли только в половине 11-го. Кроме Измайлова и Брешковского, был Николаев. Измайлов, окончивший духовную семинарию и академию,— верующий православный, но хотел бы, чтобы реформировалось православие: отвергнуть личное воскресение и учить, что Христос только казался мертвым.

Л. Н. сказал на это, что Христос после «восстания из мертвых» говорил одни глупости. Не нужно. Воскрес в людях. Измайлов сидел возле Л. Н. — беседовал, как мне, пришедшему поздно, показалось, тихо, спокойно, интимно. На другом конце стола Софья Андреевна вела с Брешковским другой, оживленный разговор.

Измайлов был приятен Л. Н. тем, что он искренно верующий, верит в бога.

— Мне всегда такие люди бывают приятны,— говорил Л. Н., когда гости уехали.

Брешко-Брешковский разговаривал больше с Софьей Андреевной; она попросила прислать ей корректуру интервью.

Софье Андреевне передавали слухи о яснополянских мужиках, что не пойдут работать — или только за повышенную плату: «Пусть нам графиня поклонится». Софья Андреевна не хочет этот раз простить за дубы:

— Пусть не надеются, что «граф нас отстоит».

15 июня*.

Л. Н.: Все китайские изречения не так точны, как европейские.

Л. Н. интересовался стенографией.

— Вы будете хорошо писать стенографически, так как отчетливо пишете,— сказал мне.

---

* С листков записано через четыре года, 3 сентября 1911 г.

16 июня. Я был в Туле подписать у губернатора паспорт. Вечером, в 9 часов Л. Н. пришел ко мне. Из соседней комнаты Александра Львовна звала меня учиться стенографии и колотила в дверь. Л. Н. стал тоже колотить. Александра Львовна открыла дверь и пораженная расхохоталась.

Николаев мне рассказал, что Л. Н. читал Валишевского «Письма с Запада» в «Новом времени» и там стоит: «Генри Джордж — это безумец; и его идеи в России распространяет Толстой» [1]. По поводу этого Л. Н. сказал, что Генри Джорджа за границей так же не знают и то же отношение, как и в России. Удивляется, что не находится в России людей, которые заговорили бы о нем. Потолкуют в шуточку и сейчас же перестанут, как о предмете, недостойном разговора.

Потом насчет христианства Л. Н. рассказывал любопытные вещи. По поводу корректуры «Соединения и перевода четырех Евангелий» (изд. «Посредника»), которую делает Николаев, говорил о буквоедстве:

— Все эти списки Евангелия, в сущности, не имеют значения. У кого нет желания познать истину, того не убедят; кого захватила истина, тому эти списки внешние не нужны.

Мне Л. Н. говорил о событии в Тифлисе: бомбой убили пять человек из конвоя, 50 ранили и захватили 300 000 и повозки — и без следа скрылись.

17 июня. Воскресенье. Обедали на террасе. Л. Н. ждало несколько интеллигентов. Л. Н. пошел к ним и ходил с ними по дорожке между двумя домами. Сперва с кавказцем в огромной белой папахе, оживленно говорил с ним, горячась, споря, и просил Юлию Ивановну дать ему «О значении русской революции» и т. п. Потом ходил со стариком и просил дать ему «Евангелие» и «О вере, разуме и молитве» и т. п. Потом ходил с офицером и всеми. Софья Андреевна звала его несколько раз обедать.

— Папа̀, как доктор: говорит, говорит, а потом рецепт — книжки, — заметила Александра Львовна.

Когда я отдавал старику, миловидному, восторженному, книги, он сказал мне: «С каких пор пытался увидеть Льва Николаевича, наконец довел бог», и, уходя, посмотрел на террасу (Л. Н. сидел спиной к нему) и сделал глубокий поклон.

Л. Н. сказал о кавказце, что он, разумеется, крайний революционер: «Мы с вами разговариваем на двух разных языках». Не убедил его ни в чем, но не жалеет, что разговаривал. Кавказец говорил, что идет резня между осетинами и ингушами и что правительство натравливает это дикое племя ингушей на осетин. Л. Н. ему сказал: «Ничему этому не верю. Знаю, что выдумывают и на правительство и на революционеров».

С Александрой Львовной из Телятинок приехала А. А. Гольденвейзер. Л. Н. ей сказал, что немецкая книга о философии, которую ему дал ее beau-frère*, — плоха [1]:

— Научная размазня, дребедень, ничего не почерпнешь. Когда мне ученики требования предъявляют, эти требования серьезны. Я такие же предъявляю книге этой философской.

Вечером Л. Н. был слаб; сидел молча в кресле в комнате Юлии Ивановны, пока мы рядом, в библиотеке, пили чай; на короткое время перешел к нам, сел на стул, но скоро встал и вернулся на кресло, сказав:

— Не думал, что будет хотеться сидеть в кресле.

18 июня. Понедельник. Софья Андреевна с М. А. Маклаковой ездила в Тулу хлопотать, чтобы в Овсянникове не открывали кабака, и внесла 200 р., пожертвованные Листовским. Управление не только приняло 200 р., но потребовало еще 200 р. неустойки. Что тут было хождения мужиков,

---

* деверь (*франц.*).

Татьяны Львовны, Марии Алексеевны, хлопот губернатора, вице-губернатора, чтобы не открывать против желания мужиков в их деревне винополии. Ужасно и стыдно!

Софья Андреевна рассказала за обедом свои хождения, и только благодаря ее энергии, ловкости и поддержке со стороны вице-губернатора Лопухина удалось добиться, что кабак не открыт. (Но управление оставило себе задние дверки: если один шинок будет, тогда ничто не может помешать открыть торговлю вином.)

Л. Н. пришел к обеду сгорбленный и как-то волоча ноги, чего я у него не замечал никогда.

Л. Н.: В «Новом времени» Меньшиков пробирает Михаила Александровича Стаховича, как остроумно и совершенно справедливо.

И Л. Н. рассказал, в чем дело (выступление Стаховича на Всероссийском земском съезде в Москве)[1].

Софья Андреевна: Михаил Александрович очень хороший оратор, остроумен, но у него никакого убеждения нет.

Л. Н. говорил еще о «Новом времени». М. А. Маклакова спросила его, читает ли «Русские ведомости»?

— Нет, они скучны. Я читаю «Новое время» не потому, чтобы склонялся к правым, а просто потому, что «Русские ведомости» скучны, всегда одни и те же рассуждения юридическим, научным тоном; фельетоны неинтересны.

После обеда остались на террасе Л. Н., Мария Алексеевна и я. Мария Алексеевна принесла из кабинета Л. Н. «Новое время» и стала читать.

Л. Н.: Там еще статья о том, как сильно вооружается Япония [2]. До войны 70 миллионов, теперь больше ста миллионов на войско и столько же на флот. Построила какое-то громадное судно, какого «у нас, англичан»,— статья взята из английской газеты,— нет. Англичанин думает, что война будет против Англии, объединение желтой расы, Индокитай.

Мария Алексеевна, с испуганным лицом следя за словами Л. Н., вздохнула:

— Только бы не против нас, чтобы опять не было той ужасной войны.

Л. Н. усмехнулся:

— Я смеюсь. Шопенгауэр говорит, что комично то, что противно ожидаемому и вероятному. У них были учителя, учившие о вреде войн и что нужно согласие, мир...

Тут Л. Н. недомолвил, задумался и встал. Идя позади меня, сказал мне:

— Когда доживете до моих лет, будет хотеться вам умереть, чтобы уйти от этого безумия.

Л. Н. прошел через террасу, сел на стул около стены к круглому столу и, помолчав, продолжал:

— И в вашем возрасте человеку вообще хочется любви, доброты, согласия, а в старости это становится единой основой жизни.

Л. Н.: О Гаагской конференции в «Новом времени» разговоры о том, чтобы войну хоть так вести, чтобы как можно меньше убивали [3]. Немец доказывает, что так нельзя, так как цель войны ведущих сторон—чем больше убить противников. Люди: дипломаты, журналисты, военные, которые все больше и больше вооружаются, толкуют о прекращении войн. Лицемерие.

Л. Н. это говорил с особенным сожалением, соболезнованием и удивлением над безумием этих людей; был в особенно чутком настроении. Потом к этому «безумию жизни» прибавил, о чем был разговор, о настоянии казны — открыть кабак в Скуратове.

— Разве правительству нельзя придумать иного источника доходов, кроме пьянства?

ТОЛСТОЙ
Ясная Поляна, 24—30 июня 1907 г.
Рисунок (тушь) М. В. Нестерова
«Matica slovenská», г. Мартин

Вечером за чаем Л. Н., необыкновенно усталый и вялый, мало беседовал. Мария Алексеевна говорила с ним об алгебре, геометрии, греческом языке. Л. Н. спросил, кто сумеет доказать Пифагорову теорему. На равнобедренном треугольнике доказала ее Мария Алексеевна. Л. Н. хотел вспомнить новое, простое (вероятно, Евгения Ивановича) доказательство, но не мог, только нарисовал фигуры[4]. С Варварой Михайловной, переписывающей воспоминания Софьи Андреевны, Л. Н. говорил о бывшем учителе Сергея, Татьяны и Ильи, Левы и Марии[5].

Л. Н.: Василий Иванович — это был святой; таких людей земля мало родит. Он, как китайское изречение о воде: она в круглом сосуде кругла и т. д.[6]

Про алгебру Л. Н. сказал:

— Хорошее психологическое упражнение.

Софья Андреевна негодовала на погоду, какая дождливая. Л. Н. вспомнил про 300 детей из Тулы, которые должны приехать на днях в Ясную.

— Я тогда позову своих мальчиков,— сказал Л. Н.

Софья Андреевна: Интересно будет видеть будущее поколение, будущих анархистов.

Л. Н.: Нет, уже реакция[7] будет.

Мария Алексеевна: Скорее противочерносотенная.— И рассказала, как сын Плевако ушел от отца, потому что не может жить у черносотенного отца.

Вчера и сегодня Л. Н. много думал и говорил про Чертковых: когда, куда приедут, как устроятся, не будет ли Анне Константиновне непогода неблагоприятна, а он виновник их приезда. Рад их приезду. В эти дни несколько раз говорил, что с Анной Константиновной потом уже больше не увидится.

Пили кефир. Л. Н. больше молчал. В 10.40 ушел к себе.

М. А. Маклакова рассказала, что по деревням ходят социалистические агитаторы, нанимаясь на работы, распространяют озлобление, забастовки в имениях, совершают разгромы.

Л. Н.: Это делается само собой безработными, которые из городов расходятся, и где станут на работу или ночуют, там.....*

19 июня. Ночью Л. Н. получил телеграмму от Чертковых, а теперь, в 12 часов дня — другую. Распоряжался о высылке пролетки на резинах в Ясенки, посылал верхового в Тулу. За обедом Л. Н. взволнован в ожидании Чертковых и, когда Мария Алексеевна заметила ему это, прослезился, сказав, что Черткову давно не видал, что она добрая, умная, даровитая — наверно, постарела. Приехали и обедали Колесниченко и Рябов [1]. Л. Н. послуживал им за обедом и разговаривал с ними: 1) о Безверхом и попросил сообщить ему о всех отказавшихся (Л. Н. дал им прочесть письмо Безверхого и его ответ)[2]; 2) о Меньшикове и его статье о возрастании преступности во Франции [3].

— В последние 50 лет на 500%,— сказал Л. Н.— Это значит, что развращается народ самой передовой республики.

— А в России? — спросила Мария Алексеевна.

Л. Н. ответил жестом отчаяния:

— Статья превосходна. Он сам не знает о значении своей статьи; он говорит другое, а она доказывает несостоятельность государственного насилия; нечаянно говорит это и, как всегда, очень сильно.

Софья Андреевна сказала что-то о том, что Колесниченко и Рябов не едят мяса. Л. Н. вспомнил про джайнов, современников Будды:

— Вчера выписывал в детский «Круг чтения» их пять заповедей. Если им следовали бы, хорошо было бы: 1) не убивать живого, 2) не лгать, 3) не прелюбодействовать, 4) чужого не брать, 5) одуряющего не употреблять.

Л. Н. поехал верхом встречать Чертковых, сделать приятность Гале и приехал с ней и фельдшерицей О. Н. Вербицкой в коляске. С Чертковыми приехали А. Г. Морозова и Перна. Анна Константиновна с приятным, восторженным, страдальческим, добрым лицом, чудными карими глазами, ласковой улыбкой любовалась Л. Н., не спуская с него глаз. Владимир Григорьевич, мягкий, очень внимательный к Анне Константиновне, любезный. Дима — натуральный, Перна — сдержанный, молчаливый. Анна Григорьевна радушная, веселая. Накрыто было обедать для всех шестерых, но Софья Андреевна один прибор велела убрать (Аннушкин). Л. Н. был одно внимание.

Анна Константиновна легла на террасе на кушетке, у нее невралгия щеки. Все мы домашние, а также А. Я. Колесниченко и Г. С. Рябов, были там же. Л. Н. с Колесниченко и Рябовым сел в конец террасы поговорить; к нему присели Владимир Григорьевич, Перна, а к нему Дима, но Дима не слушал Л. Н., а переговаривался больше со мною. Потом, в половине 10-го, Анну Константиновну снесли в Кузминский дом. Колесниченко и Рябов ушли к Николаевым и на Козловку,— едут в Самарскую помогать Сутковому.

За чаем Л. Н. опять говорил о статье Меньшикова «Культура зла».

Владимир Григорьевич: Я Меньшикова не люблю,— и сказал почему.

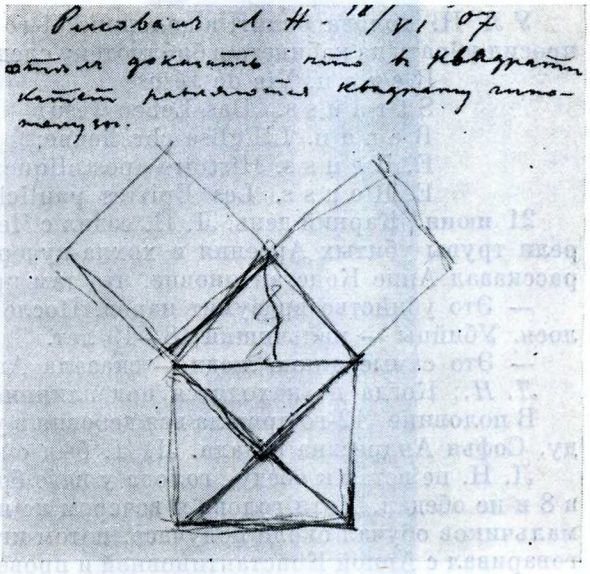
Л. Н.: Напротив. Это у него установилась такая странная репутация.

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

ЧЕРТЕЖ ТОЛСТОГО К ДОКАЗАТЕЛЬСТВУ ТЕОРЕМЫ ПИФАГОРА

Сверху на листе помета Маковицкого: «Рисовал Л. Н., 18/VI 07»



Владимир Григорьевич: Он за казни, за угнетение окраин, за все скверное.

Л. Н. заступился за него и прочел заключение его статьи и сказал, что Меньшиков видит, что государственности настал конец [4]...

20 июня. Пополудни на террасе Л. Н. с Чертковым о письме Наживина. Советует читать книгу о Кришне, не книгу Баба Бхарати, а другую, лучшую[1]. На вопрос Владимира Григорьевича о Баба Бхарати и его журнале Л. Н. ответил, что он довольно слабый.

Владимир Григорьевич говорил Л. Н. про Бразилию. Там народ простой, анархический, подобный русскому. 50 лет проникает с побережья цивилизация, заводят много войска и т. д. Сочинения Л. Н. очень должны бы быть по душе этому народу, говорил ему португалец. Бразильский народ предубежден против цивилизации, военщины. Военные, когда проникают в глубь страны, снимают военное платье, надевают штатское.

Л. Н. спрашивал про наборщика Войцеховского. Чертковы с ним виделись в Варшаве. Он им говорил про социалистов в Польше, что заняты устройством кооперативных и потребительских лавок, чтобы покупать прямо у производящих и продавать прямо потребителю без посредничества перекупщиков, наживающих барыши; этот класс хотят сделать ненужным.

Чертковы хотели купить одну-две лошади; двух привели мужики. Л. Н. с Владимиром Григорьевичем осматривал их. После обеда привели цыгане семь лошадей. Было интересное зрелище перед террасой. Русские цыгане достойнее и порядочнее наших венгерских. Было очень оживленно. Илья Львович показывал, как садятся цыгане на лошадь: подпрыгнул, закинул пятку за спину лошади и очутился верхом. Одну лошадь Чертковы взяли на пробу.

Вечером на террасе очень шумно, много нас было. В 10 часов набат; в Кочаках тульские забастовщики убили Арсения — охотника Звегинцевой и другого служащего ее, хохла. Бабы в лесу Звегинцевой наткнулись на чужих людей, испугались, побежали домой. Звегинцева послала своих служащих спросить, кто они и чего хотят. Они догнали их на шоссе и стали паспорта спрашивать и обыскивать двоих из них. Их застрелили.

У Л. Н. голова болит; в половине 11-го ушел к себе. 18 июня Л. Н. просил убрать из кабинета в библиотеку следующие книги:

R e n a n. Vie de Jésus;
S t r a u s s. Das Leben Jesu;
R e n a n. L'Eglise chrétienne;
E. R e u s s. Histoire apostolique;
E. R e u s s. Les Epîtres pauliciennes.

21 июня. Жаркий день. Л. Н. ездил с Чертковыми в Кочаки, где смотрели трупы убитых Арсения и хохла-кучера, и в Ясенки. Вернувшись, рассказал Анне Константиновне, что там пропасть народа:

— Это убийство вразумит народ. После Арсения четверо сирот осталось. Убийцы — мальчишки 18—19 лет.

— Это самые дикие люди,— сказала Анна Константиновна.

Л. Н.: Когда не находятся под влиянием старших.

В половине 12-го пришла вся деревня в усадьбу просить землю в аренду. Софья Андреевна отдала. Л. Н. был очень рад.

Л. Н. не встал к обеду, голова у него болела; полежал; сошел только в 8 и не обедал. Хотя голова и вечером не переставала болеть, все-таки мальчиков обучал около получаса, потом играл в шахматы с Димой, разговаривал с Анной Константиновной и провел весь вечер до четверти 12-го на террасе. В 10 часов приехал вице-губернатор Лопухин, сопровождающий его офицер и Волков. Вице-губернатор рассказал, как случилось убийство в Кочаках.

— Жаль, что жертвами выкупается, но это убийство будет благодетельно действовать на народ. Издали убийства могли казаться фантастически полезными, а тут видят весь их ужас,— говорил Л. Н-ч Лопухину.

Дальше говорили про родню и, главное, про предков своих. Л. Н. попросил Волкова (директора банка) послать по чеку три тысячи рублей Сутковому, а Лопухина — сохранить граничный столб, как памятник екатерининских времен *.

22 июня. Утром приехал Р. Ю. Геровский, мой друг из Буковины. Л. Н. с Чертковым верхами ездили в Овсянниково. Вечером ходили (Мария Алексеевна, Александра Львовна, Варвара Михайловна, Верочка, Перна, Дима, Геровский и я) к цыганам, которые расположились табором около «границы». Цыганские девушки пели, плясали. Александра Львовна, как все Толстые, любящая цыганское пение, восхищалась им.

Вечером Л. Н. говорил с Геровским о Буковине, с Перной о спиритизме. Перна говорил, почему не проверить спиритизм? Л. Н. говорил ему, что весь этот стол можно исписать вопросами, которые важнее спиритического вопроса («явлений»). Спиритизм — на миллиардном месте. Л. Н. сколько ни участвовал, никогда не видал вертящегося стола.

С Чертковым говорил о Кросби. Владимир Григорьевич хочет написать о нем и спрашивал Л. Н-ча. Л. Н. говорил о Кросби, что такой элегантный господин, и его спрашивал: «Что мне делать?»

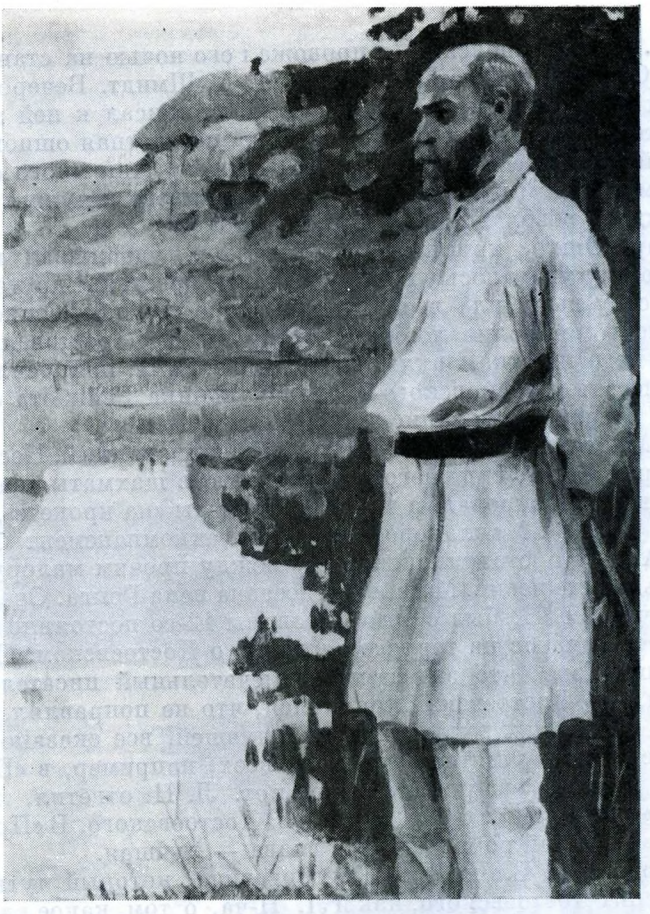
— Так что я подумал — не на смех ли он меня подымает? А я ему сказал, что, кроме всеобщей христианской деятельности, я могу еще признавать такую специальную деятельность в смысле Генри Джорджа. И потом узнаю, что он это принял к сердцу и так поступает [1]. Он, конечно, я это узнал после, уже и раньше сочувствовал моим взглядам.

Из разговора Л. Н. с Владимиром Григорьевичем о сожалении к живым существам.

Л. Н.: Знаю — до тараканов включительно жалко убивать. Они в углу, их жалко. Комары малы, их не жалко. Когда помню — не убиваю.

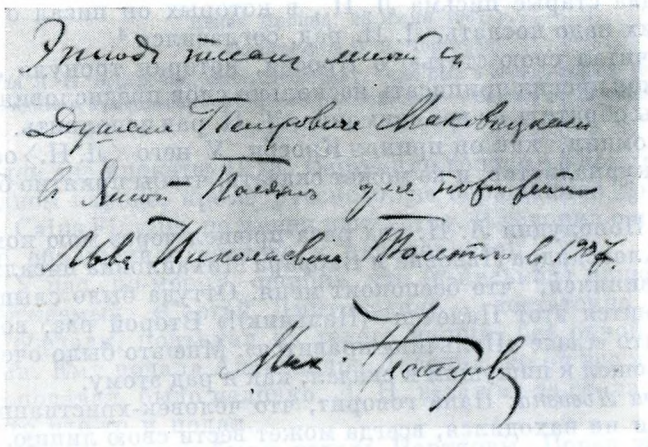
---

* На Большаке, на границе Тульского и Крапивенского уездов стоит столб из квадратных камней, который зовут «граничным»; теперь стали из него вытаскивать угольные камни, увозить под постройки. Обрушивается.



МАКОВИЦКИЙ
Ясная Поляна, 29 июня 1907 г.
Этюд (масло) М. В. Нестерова

«После обеда я позировал в одеянии Л. Н. у пруда Нестерову». — Запись от 29 июня 1907 г.



НАДПИСЬ М. В. НЕСТЕРОВА НА ОБОРОТЕ ПОРТРЕТА МАКОВИЦКОГО

«Этюд писан мной с Душана Петровича Маковицкого в Ясной Поляне для портрета Льва Николаевича Толстого в 1907 г. Мих. Нестеров»

23 июня. Уехал Геровский (я провожал его ночью на станцию), приехали П. А. Сергеенко, Нестеров. Была М. А. Шмидт. Вечером Николаев читал вслух свою записку о Юшко. Л. Н. приписал к ней заключение: «Неужели же и в Москве не будет раскрыта несчастная ошибка балашовских властей в оценке поступков этого человека, так много служившего людям своим знанием и трудом, столь отзывчивого к чужим страданиям и столь чуждого революционной жестокости» [1].

Ветеринар Юшко, христианских взглядов, удерживал крестьян от насилий, что ему удавалось у некоторой части крестьян; другая часть там же по соседству вырубила лес. Было вызвано войско; Юшко обратился к войску, чтобы не проливало братскую кровь. Его арестовали, в тюрьме открылась у него чахотка. Заключен в Москве. Л. Н. попросил М. А. Маклакову хлопотать у московского градоначальника Рейнбота об его освобождении и отдал ей эту записку.

24 июня. Многолюдно. Л. Н. усталый и взволнованный. Нестеров начал писать портрет Л. Н., сидящего и играющего в шахматы «на крокете» [1]. Л. Н. нарочно не позировал, а играл в шахматы «на крокете». Анна Константиновна с М. А. Маклаковой пели под аккомпанемент А. А. Гольденвейзер. Анна Константиновна пела между прочим малорусские, словацкие, мадьярские песни. Мария Алексеевна пела Грига. Очень приятно, хорошо, удачно. Л. Н. был с 6 до половины 12-го постоянно в обществе. За чаем с десяти часов на террасе разговор о Достоевском. Л. Н. вспомнил изречение Тэна, что это самый замечательный писатель (мира) [2]. Л. Н. жалел, что Достоевский торопился, что не поправлял своих писаний. У него в романах в первой главе, лучшей, все сказано; дальше — размазня. Сергеенко заметил, что не во всех, например, в «Братьях Карамазовых», лучшем его романе, этого нет. Л. Н. ответил, что «Братья Карамазовы» из более слабых романов Достоевского. В «Преступлении и наказании» (лучший роман) первая глава — лучшая.

Л. Н. спрашивал Владимира Григорьевича, который чуть ли не так же высоко ценит Достоевского, как и Л. Н-ча, о том, какое влияние имел на него Достоевский. После Л. Н. сказал, что он ставит в вину Достоевскому, что с него пошло декадентство. Он был страстный и описывал страстное — он описывал искренно, а декаденты за ним — неискренно.

Сергеенко рассказал, как случилось, что Достоевский с Л. Н. не виделись. Достоевский два раза хотел повидать Л. Н.[3]

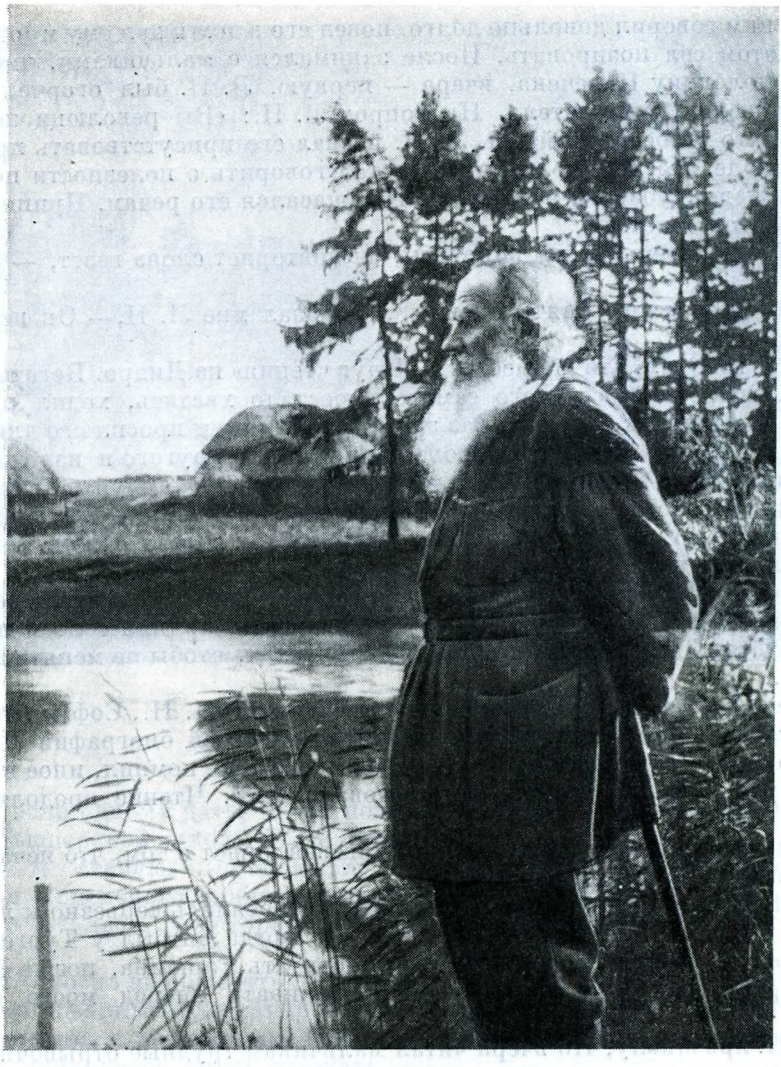
Л. Н. получил письмо от внука Герцена: просит написать что-нибудь о Герцене в составляемую им биографию. Л. Н. хочет написать. Чертков припомнил два старые письма Л. Н., в которых он писал о Герцене, и сказал, что их надо послать. Л. Н. рад, согласился [4].

Чертков читал свою статью о Кросби, которая тронула Л. Н., хвалил ее. Чертков просил приписать несколько слов предисловия или послесловия, чтобы обратить на нее внимание; Л. Н. рад исполнить.

Л. Н. вспомнил, как он принял Кросби. У него ⟨Л. Н.⟩ особый ящик в мозгу для журналистов, и не может сказать, чтобы приятно было открывать его.

25 июня. Пополудни Л. Н. два раза прошел через мою комнату, «под своды», где Александра Львовна и Варвара Михайловна писали на ремингтонах, и извинялся, что беспокоит меня. Оттуда было слышно: «Папа, как мне нравится этот Палечек (Пальчик)!» Второй раз, возвращаясь, сказал мне, что «Саше «Пальчик» нравится». Мне это было очень приятно и сейчас же вошел к пишущим и сказал, как я рад этому.

Александра Львовна: Папа говорит, что человек-христианин, в каком бы положении ни находился, всегда может вести свою линию. И этот Палечек, он шут придворный — звание, казалось бы, самое негодящееся, чтобы проявлять христианство,— а он проводит его.



ТОЛСТОЙ
Ясная Поляна, 28 июня 1907 г.
Фотография В. Г. Черткова

«После обеда Л. Н. позировал, стоя, Нестерову. Одет был в светло-синюю фланелевую блузу. Владимир Григорьевич его много раз снимал». — Запись от 28 июня 1907 г.

За обедом «на крокете» П. А. Сергеенко говорил о том, что во всем мире ни в одном народе, кроме русского, не обращаются друг к другу поримски — Caius Flavius, по имени и отчеству. И говорил о простоте и удобстве этого обращения (устного и письменного).

Л. Н.: У нас, по-моему, ошибка, что (в письмах) пишем эпитеты: дорогой, уважаемый. «Сергей Дмитриевич» — достаточно.

Когда обедали, подъехал на телеге нищий, без одной ноги, с тремя мальчиками. Ему подала Александра Львовна, но он все ждал, никто ему больше не подавал, было неловко. Л. Н. встал из-за стола, пошел к нему, спросил его что-то и подал.

После обеда должны были уехать Чертковы. Перед тем Л. Н. хотел позировать Нестерову, играя в шахматы, но пришел молодой человек.

Л. Н. с ним говорил довольно долго, повел его в дом и дал ему много книжек. Потом сел позировать. После занимался с мальчиками, читал им вторую половину Палечека, вчера — первую. Л. Н. был огорчен молодым человеком, он учитель. На вопрос Л. Н.: «Вы революционер?» — ответил, что он беспартийный. Л. Н. позвал его присутствовать при учении в школе. После школы учитель стал говорить о полезности покушений, что надо Дубасова убить... Л. Н. ужасался его речам. Приписывает их влиянию газет.

— Тут первыми газеты виноваты, он повторяет слова газет, — сказал Л. Н.

— От Безверхого опять письмо [1],— сказал мне Л. Н.— Он психически больной.

Потом говорил, что̀ поместит в «Круг чтения» из Дидро. Богатый раздавал нищим; когда у него самого перестало хватать, ходил просить для своих бедных к богатым. Раз зашел к банкиру и просил его для такого-то и такого-то, банкира не тронул; просил для другого и изложил его положение — и это не тронуло его. Банкир просил его уйти и сказал, что тогда даст, когда сам захочет; когда же тот, не переставая, просил, банкир сказал: «Вот вам», и ударил его в лицо. А он: «Это мне дали, а теперь дайте для нищих» [2].

Потом Л. Н. говорил об А. Карре, что его на Ривьере посетила великая княгиня с Татьяной Александровной и что он их принял совсем просто, как других. Одевался в длинный белый халат, чтобы не менять платье по моде.

Вечером в 9-м часу уехали Чертковы. За чаем: Л. Н., Софья Андреевна, Нестеров, Сергеенко. Сергеенко читал из своей биографии Л. Н-ча о его дружбе с Тургеневым. Л. Н. очень многого не помнил, иное поправлял, слушал очень охотно,— интересовало его [3]. Чтение продолжалось с 10 до 11.40.

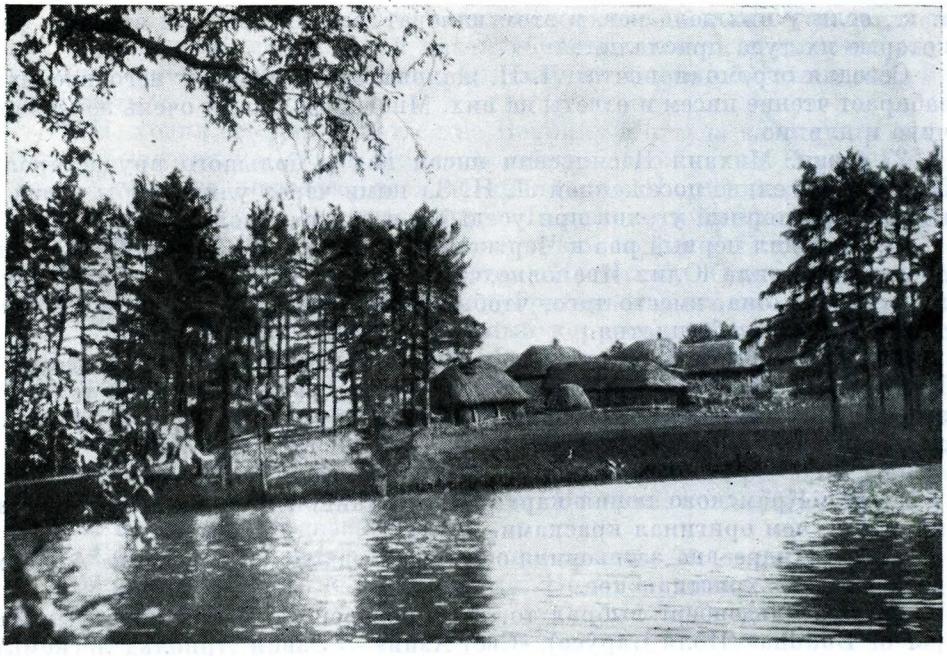
В письмах к Марии Николаевне Тургенев пишет о том, что̀ печатается в журналах (какие рассказы).

— Я слушаю и думаю, как в то время относились серьезно к литературе,— сказал Л. Н. Потом вспомнил, что когда он был у Тургенева в Спасском, Тургенев посоветовал ему прочитать Гаршина, позже Мопассана, просто так — «желая не подготавливать вперед моего суждения».

Л. Н. про школу, что вчера читал мальчикам трудные отрывочные философские поучения, вроде: оторванный лист оторван не только от ветки, но и от дерева; злящийся человек отрывается не только от того человека, на которого злится, но и от всего человечества. Листок оторван не по своей воле, он же (человек) отрывается по своей воле [4]. Хотел им их сегодня вторично прочесть, но они не допустили, помнили их и сами рассказали.

26 июня. В 10 часов утра пришли из Козловки дети рабочих из зареченских школ в Туле, с учителями — 850. Ожидали 350. Не было заготовлено ни воды для стольких, ни самоваров. Пили воду дождевую из кадушки. Вели себя очень воспитанно: не было ни споров, ни плача, ни жалоб, ни драк, ни зависти.

С мальчиками Л. Н. ходил на Воронку купаться и играл с ними, гимнастику делал, боролся. Потом пошли девочки с Софьей Андреевной и Александрой Львовной купаться, их захватил дождь. Пели, особенно девочки, хорошо. Бывшие с ними учителя весь день не ели и чаю не пили. Звали их — отклонили. «Не можем, когда и дети есть, которые с утра ничего во рту не имели». Л. Н. приготовил книжечек 200 для раздачи. Сами учителя просили не давать, всем не хватит, чтобы не возбуждать зависти. Некоторые мальчики все-таки просили. Л. Н. сказал им, что



ЯСНАЯ ПОЛЯНА. БОЛЬШОЙ ПРУД
Фотография В. Г. Черткова, 1905—1910

нельзя: если одному дать, то все пожелают. Был с ними один милый ученик фельдшерской школы Е. К. Ремезов *.

** — Я ставлю,— продолжал Л. Н.,— из народных писателей Николая Успенского вообще много выше превознесенного другого Успенского — Глеба, у которого нет ни той правды, ни той художественности.

Л. Н. просил не посылать «отказов» в денежной помощи (есть готовые, литографированные Александрой Львовной), т. к. на них отвечают: «Почему даете тем, а не мне», или озлобленные письма, или рассуждения, на которые приходится опять отвечать.

Сегодня М. В. Нестеров был доволен писанием портрета Л. Н. (в профиль). Вчера был не совсем уверен, удастся ли, сегодня же подвинулось писание очень: «Он у меня схвачен», как выразился Нестеров, и показал сжатые кулаки. Михаил Васильевич живет в доме, но его как если бы и не было: тихий, нерассуждающий, не рассказчик, но если его расшевелить, рассуждает очень интересно. Он русский и православный. Рассказывал про голод в Уфимской губернии, откуда только что приехал; что о голоде пишут в газетах — это преувеличенно; сделали его средством политической борьбы. Его сестра кормит голодных и встретила препятствие у местных батюшек-кадетов и учителей-кадетов. Там, где есть голод, его не признают, не подают помощи, чтобы озлоблять народ; там же, где нет голода, есть отряды людей, оплачиваемых по 60—80 р. в месяц, приехавших из Петербурга и продолжающих жить по-петербургскому: карты, курение, бесконечные разговоры и чтение тех же политических брошюр. С народом не сближаются, не стараются познать его. И им не совестно, ничего не делая, принимать плату и воображать себя правыми,

* См. описание этого дня у П. А. Сергеенко [1].
** Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

т. к., если у них дела нет, в этом виноват государственный строй,— те, которые их туда прислали...

Сегодня огромная почта. Л. Н. жаловался, сколько у него времени забирает чтение писем и ответы на них. Многие же пишут очень неразборчиво и длинно.

27 июня. Михаил Васильевич писал вид у большого пруда, около 50-тилетней елки, посаженной Л. Н. За ними через улицу избы и вид в поле. Характерный уголок при усадьбах в центральной России [1].

Л. Н. ездил первый раз к Чертковым в Ясенки. За обедом Софья Андреевна говорила Юлии Ивановне, что у нее, как у Тани, нет страсти к искусству; что она, вместо того, чтобы писать (сколько могла бы заработать!) — шьет себе платья.

Л. Н.: Машин портрет ее (Юлии Ивановны) мне лучше нравится, чем Н. Н. Ге [2], и, главное, так странно, что это написано лет десять тому назад, а он похож, очень похож на нее в последнее время (т. е., какой она была в последнее время).

Л. Н.: Крамского копия карандашом «Тайной вечери» Ге лучше мне нравится, чем оригинал красками.

Софья Андреевна заговорила о жизни Будды — «Свет Азии» Арнольда,— что это христианское.

Л. Н.: Ольденберг выбрал то, что проверено [3]. Я сравнивал с «Gospel of Buddha» (Поля Каруса). «Свет Азии» — Эдвин Арнольд легкомысленно собрал и составил — в стихах (тут Л. Н. голосом высказал недоверие).

На днях Л. Н. получил стихи и статью Кросби. Заговорил о них:

— Милого Кросби даже стихи — последние, в которых высказал приближение смерти,— пленяют меня, и статья хорошая — главное, очень трогательная [4].

Л. Н. рассказывал о деде Исленьеве. Как Л. Н. говорит о родных правду! У Толстых вообще семейных тайн нет, и перед домашними и перед близкими знакомыми не имеют ничего скрытого. Недостатки, грехи свои не оправдывают, так объективно о них говорят и так к ним относятся, как если бы это были грехи других людей.

Александра Львовна и Варвара Михайловна пробовали стенографировать за столом, что говорил Л. Н. И Александра Львовна отчаивалась, что никогда не сумеет (выучиться).

Л. Н. (*ей*): Выйди замуж, наживи двух детей, овдовей, состояние потеряй, тогда выучишься.

Софья Андреевна получила сегодня корректуры интервью Измайлова и Брешко-Брешковского *. Читала вслух пополудни, многое поправила и говорила, что ей было очень неловко, неприятно читать про себя, льстят ей, а она этого не любит [5].

Л. Н. вспомнил из «Круга чтения»: «Кто льстит, тот не уважает ни того, кому льстит, ни себя» [6].

28 июня. Жаркий день. Вчера вечером Л. Н. чувствовал слабость. Сегодня «ничего не писал»,— так сказал за обедом.

— Утро приятно провел за книгой (П. П. Николаева) «Понятие о боге как о совершенной основе сознания», замечательная книга[1],— говорил Л. Н-ч Черткову, как бы возражая на его прежде высказанное Л. Н-чу мнение.— Паульсену далеко до него. Очень уж новое (говорит в этой книге).

Далее за обедом Л. Н. говорил:

---

* Корректура, как мне теперь помнится, была только одна — Брешко-Брешковского.— *Позднейшая помета Маковицкого* (*1914*).

— Читал газету, читал об ужасах и невольно засмеялся. Там написано: «В Третьей думе, ввиду такой массы убийств, едва ли подымутся разговоры об отмене смертной казни». Это значит: много убийств и надо еще прибавить.

Л. Н. ходил сегодня купаться на Воронку и оттуда к мосту на шоссе. В лесу было грязно, устал. По шоссе свез его сапожник из Крестов на телеге. Хвастался лошадью, всех обгонял, и Л. Н., сидевший на задних колесах, платился за его хвастовство. Вез водку к престольному празднику на 15 р. Л. Н. поражался количеством водки и расходам.

После обеда Л. Н. позировал, стоя, Нестерову. Одет был в светло-синюю фланелевую блузу. Владимир Григорьевич его много раз снимал.

В 7 часов приехал бывший военный корреспондент «Руси», Демчинский — молодой человек лет 26-ти. Он прислал Л. Н. свою книжку — «Христос в революции» [2]. Л. Н-ча, очевидно, не читал. В своей книжке пишет, как что-то новое, что христианство несовместимо с убийством. Л. Н. побеседовал с ним около часу, интересно было ему, что Демчинский рассказывал про свойства китайцев; между прочим, и про более хорошее отношение их к русским, чем к японцам. Вечером, когда Демчинский уехал, Л. Н. мучился и сказал мне:

— Боюсь, что обидел его: нехорошо принял (не довольно тепло).

И спрашивал меня, не обижался ли. Но Л. Н. никак не был холоден к нему.

Я заметил:

— Как все хвалят китайцев и подмечают хорошие стороны их!

Л. Н.: А китайца так и не было у меня ни одного, а японцев сколько было! — И, помолчав немного, Л. Н. прибавил:

— Это хороший признак.

Я: Их скромности.

Л. Н.: Их скромности и серьезности.

С 9 до 10 стенографический урок «под сводами». Варвара Михайловна, Александра Львовна и я сидели у стола близ открытого окна, вдруг крик: «Руки вверх!!» Варвара Михайловна и Александра Львовна вздрогнули и быстро поднялись. В открытом окне сразу выросла фигура Л. Н-ча. Л. Н. наступил на кол под окном и приподнялся в окно... Ужасный хохот... Л. Н. держался обеими руками за подоконник, полюбопытствовал, что пишем, и сказал нам, что сегодня только два мальчика пришли в школу, что прекратит занятия.

— Одна мелкота ходит. Всё одно (Евангелие), это, должно быть, им скучно. Такое занятие должно быть как исключение (а не постоянное).

Нестеров третьего дня, вчера и сегодня очень доволен писаньем портрета.

Сегодня в московских газетах о покушении на самоубийство А. А. Берса, племянника Софьи Андреевны, 28 лет.

Нестеров говорил мне про Л. Н., что он настоящий русский идеалист-мечтатель и что идут за ним одни мечтатели, реалисты — нет.

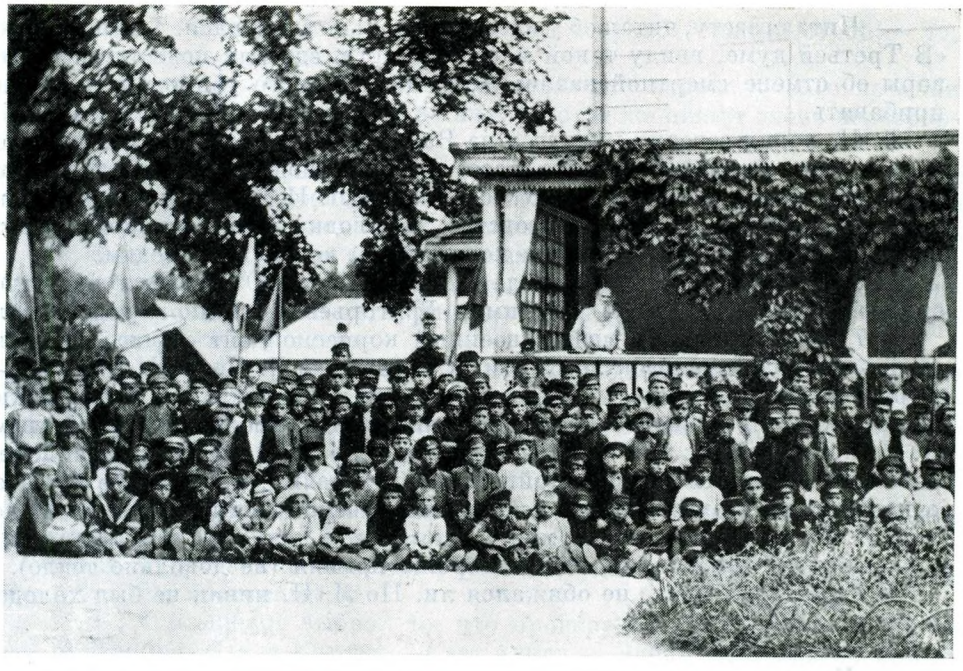
Когда Л. Н. уходил спать, я спросил его о здоровье.

— Слаб... Эта болезнь (инфлюэнца) меня подорвала. Ведь так и следует — лета.

На сегодняшней прогулке после полудня Л. Н. прошел пешком больше шести верст.

29 июня. Утром Л. Н. вынес «Круг чтения» для детей в парк и там занимался. Сожгли купальню, Л. Н-чу было жалко, что это сделали, жалко поджигателей.

С Нестеровым говорили о суждениях Л. Н. о его картине «Явление Христа народу» [1]. Я говорил, что Христос изображен не так, как себе его представляют, видят те, русские богомольцы, дети, которые перед



ТУЛЬСКИЕ ШКОЛЬНИКИ В ГОСТЯХ У ТОЛСТОГО

Ясная Поляна, 26 июня 1907 г.

Фотография С. А. Толстой

«В 10 часов утра пришли из Козловки дети рабочих из зареченских школ в Туле, с учителями—850... С мальчиками Л. Н. ходил на Воронку купаться и играл с ними, гимнастику делал, боролся». — Запись от 26 июня 1907 г.

ним стоят, а величавым, гордым итальянцем; и что эта картина — «панихида православия» (слова Л. Н.). Нестеров сам согласен, что не сладил с Христом, что он вышел у него властный, торжествующий. Он хотел его написать сильным не только духовно, но и телесно, никак не слабее тех людей, на которых влияет. С тем же, что православие уже отпето, Нестеров не согласен. «Православие — не духовенство, даже не каноны. Православие слагалось исканием правды, самоотвержением тысячи людей. Разве такие люди, как Аксаков, Самарин, Достоевский, без борьбы приняли бы православие? Оно просуществует еще тысячелетия. Народ, который дал Пушкина, Достоевского и Толстого,— не погибающий. Толстого крылатое слово, что это «панихида» — не принимаю; православие сильнее моей картины: не принимаю и как пророчество. Православие не отпето. Православие — поэзия народа, ведь отнять ее можно только так, если ее заменить другой, а какой? Православие живо лучшими своими людьми; разумеется, что вошло в него большинство худших, это балласт. Но то же уже теперь — и будет все в большей мере — с толстовством».

Я пополудни ездил к Чертковым в Ясенки. Вечером ездили к ним Л. Н. с Софьей Андреевной.

За обедом разговор об А. А. Берсе; он умер в тот же день, в который сделал покушение на самоубийство.

Юлия Ивановна: Был мягкий...

Л. Н. сказал о нем, что он был того типа людей, которые действуют наступающе, не думая вперед, удастся или нет. Умел смешить. Л. Н. сказал, что желал бы знать, что его привело к самоубийству.

ТОЛСТОЙ С ТУЛЬСКИМИ ШКОЛЬНИКАМИ ИДЕТ К ВОРОНКЕ КУПАТЬСЯ
Ясная Поляна, 26 июня 1907 г.
Фотография В. Г. Черткова

— Наверное, ваша сестра,— сказал, обратившись к Александре Львовне и Варваре Михайловне.

После обеда я позировал в одеянии Л. Н. у пруда Нестерову [2]. Нестеров был очень доволен приездом и тем, что удается картина. Помогла ему Софья Андреевна, сразу склонившая Л. Н. дать писать портрет.

За чаем на террасе Л. Н. с Нестеровым о лавре, о монахах. Нестеров живет теперь в Киеве. Л. Н. лавру хорошо знает. Ходил в 80-х гг. (паломником). Везде было полно (в монастырских гостиницах). Жил в башне у привратника, спал на его кровати. Были два привратника (послушники, исполнявшие эту должность); один — бессарабец, другой, лет 40, солдат, участвовал в турецкой войне. Пошел туда из монастыря, как на хорошее дело — с басурманами воевать, и возвратился опять в монастырь. Они оба и монах в пещерах, молодой вятский крестьянин, оставили самое доброе впечатление в Л. Н. (вятича больше всего мучила борьба с соблазном женщин, и рассказал, как он борется). Все трое были смирные, простые, добрые люди, а прочие монахи, и особенно высокопоставленные,— схимник, считавшийся умным, были противны (отталкивающее впечатление произвели).

— К схимнику я пришел в сереньком пальто, вид приказчика. «Мне некогда беседовать»,— вскрикнул он. А если бы я представился ему графом Толстым, охотно поговорил бы [3].

Потом Л. Н. говорил, что слышал про Серафима Саровского, про Тихона Задонского, что это были люди высокой нравственности.

30 июня. С прогулки Л. Н. взошел на террасу, взял «Новое время» и посмотрел письма и адреса писем к Софье Андреевне, нет ли от детей. Нестеров спросил его о здоровье.

— Слаб, мало спал.

Владимир Григорьевич привез неоконченный «Свод мыслей» Л. Н., ему в подарок (большой ящик с ремингтонными 18 томами). Л. Н. ему очень рад. Умилился и сказал, что это история его мыслей. Вечером за чаем Л. Н. с Нестеровым говорил о писании портретов. Л. Н. заступался за Крамского, Bonnat и высказался против того способа писать «яркими красками природу», каким Нестеров пишет. Нестеров объяснял этот способ тем, что молодое поколение художников (8—20 лет) имеет изощреннейшее зрение для красок природы, пишет акварели ярче, чем писали лет 8—20 тому назад. «Мои ученики меня уже опередили, еще ярче пишут», — сказал он.

Микеланджело Л. Н. нравится, Канова не нравится, Фра-Анджелико нравится, Веласкес — менее. Рембрандт — искусственный.

Л. Н. согласился с выражением Нестерова, что это «пересол» (Рембрандт) и что он есть и в новой музыке и в новой литературе.

— Гомер, Диккенс, Виктор Гюго в добрых сочинениях — одно и то же художество (искусство),— сказал Л. Н.— Был Гаршин, более сильный, потом Чехов — последний, потом никто.

Л. Н. был не в духе, горячился — наверное, от недомогания. Сегодня был слаб; рано, часов в 10, ушел спать.

Л. Н. читает Ольденберга «Будда», русская книга. Она у Л. Н. постоянно на полке в кабинете, среди двух десятков других выдающихся книг по религии. Александре Львовне дал переписывать «Евангелие».

Л. Н. (*может быть, мне*): Самоотречение — это не форма. А надо работать над собой (в себе), чтобы относиться к людям с любовью и уважением.

1 июля. Я уехал на родину из Ясной к отцу, родным, друзьям.

2 августа. Вчера вернулся из дому в Ясную. Этот раз было видно, что были мне рады и Л. Н., и Софья Андреевна, и Александра Львовна. Застал Черткова, приехавшего поработать. Л. Н-ча застал здоровым, бодрым, веселым. За обедом были: Звегинцева с племянником Черкасским, адъютантом варшавского генерал-губернатора Скалона. Он рассказывал про ряд покушений. Л. Н. просил перестать о том, больно было ему. После играли в шахматы. Приехал Дима Чертков, потом пришли Перна, Рябов и Досев,— болгарин двадцати одного года, очень симпатичный, детски искренний человек, А. Б. Гольденвейзер, С. Д. Николаев. Владимир Григорьевич работал днем в павильоне в саду. Л. Н. беседовал с ними в кабинете. Сегодня было очень много просителей и других посетителей у Л. Н.

Л. Н. (в 4. 30 с балкона громко): Саша, а Саша! Что палец твой?

Александра Львовна: Что, папа?

Л. Н. (*еще громче*): Что палец твой?

Александра Львовна: Палец мой ничего.

Л. Н.: Ну и хорошо.

Александра Львовна: Папа́, ты узнаешь по стуку, кто пишет?

Л. Н.: Да. (Александра Львовна писала на машинке в комнате Варвары Михайловны «под сводами».)

3 августа. Сегодня Л. Н. встал в 7 и около 8 уже гулял. Поговорил с пришедшими. Одного молодого человека, по намеку Владимира Григорьевича, пригласил к чаю на веранду. Владимир Григорьевич приехал утром заниматься в павильоне. Л. Н. в девять часов, взяв газеты, ушел в кабинет. За чаем прочел ответное письмо редактора «Русских ведомостей», что они готовы напечатать его новую статью «Не убий никого». Л. Н. хочет напечатать ее разом в нескольких русских газетах [1], а Чертков предлагает и в заграничных, в «Times», только, чтобы Л. Н. согласился на месяц отсрочить печатание. Л. Н. согласился.

Вечером приехали Хирьяковы из Ясенок, где гостят у Чертковых,

с Димой, Гольденвейзер. Лаун-теннис. Л. Н. пришел к играющим, посмотрел немного и ушел гулять в сад. Потом Л. Н. играл с А. М. Хирьяковым в шахматы. Софья Андреевна просила Гольденвейзера сыграть Аренского. Л. Н. просил сыграть еще что-нибудь Аренского и после второй пьесы просил Гольденвейзера:

— Еще Аренского, еще Аренского. — Гольденвейзер сыграл третью. — Прекрасно!

Гольденвейзер спросил Л. Н. об офицере, который сегодня был. Л. Н. сказал, что дисциплина довольно сильна, пропаганда революционеров в гвардии безуспешна, в других частях войск малоуспешна. В Военном совете было предложено снова ввести в войсках телесное наказание. Были за него четверо, между ними великий князь Константин Константинович. Гольденвейзер доказывал, что войско революционизировано. Л. Н. не отвечал... Когда гости ели дыню, Л. Н. пригласил меня к себе присесть и спрашивал об отце, братьях. Рад был тому, что отец спокойно смотрит смерти навстречу: «Это главное». Когда гости уехали, Александра Львовна рассказывала, как Татьяна Львовна и все Сухотины увлечены опытами китайского полесадоводства Демчинского. На 90 саженях засадили рожь и будут ее пересаживать. Она хочет то же испробовать в Телятинках. Л. Н. поощрял ее и советовал на бо́льшем куске, чем 90 саженей: на 1/16 десятины — 150 саженях.

— Это разрешение земельного вопроса, когда зерно даст 300, 400 зерен,— сказала Александра Львовна.

Л. Н. сказал, что одна десятина даст урожай такой, как теперь 30 десятин.

Александра Львовна (*с воодушевлением*): Сухотины хотят заинтересовать народ, и я уверена, что некоторые крестьяне за ними будут так сажать.

Л. Н. вычислял, что и теперь иной корень дает 12 колосьев, на каждом по 10—30 зерен. Всходит только малая часть зерен, слабые гибнут от густоты. Если ⟨опыт⟩ удастся,— какое будущее!

4 августа. Суббота. Утром приехал Чертков с одним из молодых людей — друзей, живущих у них в усадьбе Гужона, в Ясенках. Л. Н. погулял с ним и дал ему читать, что́ теперь пишет.

— Эти молодые люди, — говорил Владимир Григорьевич Л. Н-чу, — мечтают узнать ваши воззрения.

Я ходил с Владимиром Григорьевичем купаться. Владимир Григорьевич начал говорить, как его беспокоит, что у меня Записки только в одном экземпляре. Надо бы их списать. Как это сделать?! Рассказал мне о Л. Н., что в прошлом месяце Л. Н. стал писать «Не убий никого» и говорил, что больше нового писать не будет. Перестал составлять «Круг чтения», «Евангелие» для детей и обучать их. Они сами стали меньше ходить — сделал перерыв, им веселее в поле. Владимир Григорьевич ему сказал, что это временная слабость, что он перед сильным подъемом духа *.

В Петербурге арестовали Фельтена за «Не убий». Это было толчком к тому, что Л. Н. стал писать «Не убий никого».

Среди этой работы написал письмо к Столыпину о земельном вопросе. Очень трогательное письмо к сыну своего друга, не предназначенное для чтения. Владимир Григорьевич с Александрой Львовной его переписали [1].

Гольденвейзер в последнее время играл часто, и это в Л. Н. вызывает желание писать художественное, но художественного не писал [2]. Л. Н. в последнее время сделал открытие в философии. Настоящее *я* не есть то, что сознает, а то лучшее, что́ сознаешь, любовь; оно сливается с богом, оно постепенно открывается.

---

* Так и было.

У Л. Н. всегда, когда чувствует слабость, усталость, мысль работает, подъем, и выйдет сильное, новое.

Я полюбопытствовал, о чем Владимир Григорьевич спросил третьего дня утром у Л. Н.

Владимир Григорьевич: В «Крестнике» и в «Отце Сергии» есть, что келейник, к которому ходит народ за поучением, привыкает к роли, она составляет его тщеславие, и, когда не приходят, некому проповедовать, ему скучно. Я спросил Л. Н., испытал ли он когда такое чувство, т. к. именно в тот день не было у него посетителей с вопросами.

— Сколько раз,— ответил Л. Н., но потом замял, заговорил об ином.

Среди дня приехал Сергей Львович с Марией Николаевной, Сережей и его французской гувернанткой. Радушные.

Л. Н. попросил меня убрать из кабинета книги: Renan «St.-Paul», Reuss «Les Epîtres pauliciennes»; С. Соловьев «История России в царствование Екатерины II», т. V; «Сковороду» Гусева (изд. «Посредника» с отметками Л. Н. и поправками); Сочинения Сковороды. Харьков, 1894 г.

За обедом Л. Н. рассказал, куда ездил верхом — к провалам.

Л. Н.: Я нынче выехал 79-ти лет, приехал к Засеке — стало лет 70, потом чудная дорога, тишина, лес, солнце, Провалы — стало лет 40, я благодарил бога, потом (стало) 13. Чудная прогулка! Это удовольствие верхом, смирная лошадь, солнце, зелень, живой души не встретил, круг — верст 15.

Александра Львовна заговорила о том, что завтра собирается с Варварой Михайловной туда. Л. Н., поощряя Варвару Михайловну, сказал ей:

— Но вы будете в компании, хоть какой приятной; одному умилительна эта прогулка.

Все решили завтра туда пройтись: Софья Андреевна, семья Сергея Львовича, Юлия Ивановна.

— Представь себе землю и лес, и они провалятся и образуется озеро — глубокое, глубокое, — объяснял Л. Н. внуку Сереже.— На моей памяти случился один провал.— Л. Н. описывал дальше красоты провалов до того увлекательно, что Софья Андреевна его останавливала, потому что завтра, после описания, не будет интересно Сереже.

Потом Л. Н. рассказывал Марии Николаевне про гостей Чертковых; говорил с любовью про Досева:

— Он жил в Болгарии, издавал в болгарском переводе мои сочинения, потом в Швейцарии, на земле Тани [3]. Бедно совсем жил.

Чертков вспомнил, что Досев говорил, что Болгария обеднела с тех пор, как стала самостоятельной. Раньше не было бедных, теперь есть; раньше достаток был распределен равномернее, а теперь есть и бедные и богатые.

Недалеко от провалов деревня Свинки.

Л. Н.: В Свинки слепой человек * зовет меня в гости. Хотел к нему поехать; мне нравится, что зовет меня в гости.

Дальше Л. Н. говорил, что вчера спросил Диму, не тяжелы ли отцу, матери столько молодых людей — гости, живущие у них. — «Ничего. Эти люди нам, по крайней мере, известны, а в Англии дом набит разнородными, чужими».

Л. Н. очень радует общинная жизнь у Чертковых.

После обеда к Л. Н. пришли три ученика: Роман и Валек Николаевы и Алеша Сидорков. Л. Н. пригласил и внука Сережу учиться. Мария Николаевна пошла слушать.

Вечером Л. Н. на веранде играл в шахматы. После Гольденвейзер играл сонату Шопена [4]. Л. Н. нравилась, кроме последней части. Л. Н.,

---

* Этот слепой, средних лет, побирается. Изредка заходит и в Ясную.

сидя в кресле у дверей, разговаривал с Чертковым и обещал ему статью «Не убий никого» через дня два.

— Мне хочется эту статью кончить, чтобы скорее имела действие, хотя знаю, что никакого действия не будет. Я написал комедию («Зараженное семейство», ее рукопись в Историческом музее), в которой осмеял тогдашних революционеров, и отдал Островскому, я был с ним на *ты*. Он сказал: «Нужно переработать». Я торопил — время такое... «Что же ты нетерпелив, — заметил мне Островский, — ты боишься, что они поумнеют так скоро?» Очень остроумно!

Поздно, в 10 ч., приехал господин, приславший свою карточку,— Г. И. Клепацкий, журналист. Л. Н. попросил ввести его в гостиную.

Клепацкий рассказывал про Соловки и другие монастыри Севера и двух «прозорливых старцев», которых видел там. Оба простые, обращаются на *ты*, суеверные, один из них пьет. Л. Н. заинтересовало только (и то мало) сообщение, что есть Печенгский монастырь на севере Колы с 40 монахами.

Л. Н. спросил его, знает ли брошюрку Кропоткина «Что же делать?», и просил достать ему [5] и хотел бы еще две-три наилучшие революционные брошюрки, такие, которые имеют влияние на студентов, на молодежь.

Клепацкий — сотрудник «Голоса Москвы», направления умеренного, партии «17 октября». Л. Н. спросил, кто издает эту газету.

— Рябушинский, Бахрушин, Гучков вложили 800 000, подписчиков пока 10—12 тысяч.

Л. Н. спросил, убеждены ли они в своей программе и как относятся к убийствам. Клепацкий утверждал, что твердо стоят за «не убий».

Сергей Львович возразил, что Гучков допускал военно-полевые суды.

— Как временное средство, высказано условно, но они принципиально против всякого убийства,— сказал Клепацкий.

Чертков говорил про революционеров из Тулы, участвовавших на митингах у них, в Ясенках, что они были пьяные, и о необходимости устройства кружков непьющих молодых людей. Л. Н. сочувствовал этой идее.

Л. Н. говорил о статистике «Нового времени», о том, какие политические арестанты молодые люди, т. е. политические деятели, на которых влияют господа Милюковы. В Бутырском пересыльном замке 67% общего числа политических составляют юноши от 16 до 20 лет, 25% — молодые люди от 20 до 25 лет, 5% — в возрасте от 25 до 30 лет [6].

5 августа. Воскресенье. Пополудни съездили на катках к провалам. Туда приехал верхом Л. Н. Не слезая с лошади, поговорил с нами и уехал в направлении на Козловку. За обедом М. А. Шмидт. Чудный теплый вечер. После обеда долго сидели под вязами. Л. Н. много рассказывал Марии Николаевне и Марии Александровне, между прочим, об упомянутой вчера статистике политических преступников. Делают революцию молодые люди. Они добрые, но не в состоянии видеть последствия убийств.

Мария Николаевна подтверждала: у ее брата к забастовке уговаривали крестьян юноши. Рассказала, что ее дядя Саша (Олсуфьев) любил императорский дом как семью, но говорил про Николая II, что он не любит русский народ.

— Хорошо было бы,— прибавила Мария Николаевна,— если бы он был заменен другим правительством.

Л. Н.: Милюков будет лучше? Не может быть лучше. Нам дано освободиться от насилия вообще, исходи оно от Николая II или Милюкова, республиканцев или капиталистов, миллиардеров. Мне ясно, что выход один — христианство, целое, оно à prendre ou à laisser *, а ключ к нему — непротивление.

---

* должно быть принято или отброшено (*франц.*).

(Невестки Л. Н. гораздо ближе ему, чем сыновья — их мужья. Все они в душе толстовки, исключая Дору Федоровну, которая шведского происхождения.)

Сергей Львович, приехавший со сходки у Чертковых, рассказал, что там говорили главное Чертков, Николаев, Кузьмин.

Л. Н. заметил о Кузьмине, что он такой скептик.

Кто-то рассказал о Накашидзе, что он убеждал революционеров, чтобы не убивали; его не слушали; потом убеждал солдат, чтобы не убивали; его посадили в тюрьму.

Л. Н. в половине 10-го ушел к себе, вернулся в четверть 11-го и принес «Review of Reviews»; подал Сергею Львовичу, чтобы прочел одну статейку, где об упадке вкуса в Париже за последние 40 лет.

Л. Н.: Нынешний вкус: новое. Красота (которая была) не нравится, не удовлетворяет, а ⟨требуют⟩ новое. А новое — урод.

Еще Л. Н. сказал:

— Заграничных газет я не читаю; не знаю, что пишут о русской революции, но в «Review of Reviews» ни слова о ней. Для них перестала существовать.

Л. Н. о молодом человеке, которого привел сегодня Чертков. Он, кажется, каждое утро приводит одного нового. «Как познакомился с Чертковым, — говорил молодой человек Л. Н-чу, — свет увидал. Мой отец учился у вас, вы его выучили на учителя». (Теперь он крестьянином в Белевском уезде.)

Вечером с 9 до половины 11 Сергей Львович играл на фортепиано, между прочим словенские (словацкие) песни по нотам. Л. Н. похвалил их.

Л. Н. (*«на крокете»*): Думать — лучше, чем говорить: говоря, несвободен, находишься под влиянием собеседника; писать лучше, чем говорить: пишешь, имеешь в виду всех, широко объясняешь.

6 августа. Понедельник. Утром в 8-м часу «под сводами» Александра Львовна с Варварой Михайловной писали на машинке «Не убий никого». Л. Н., идя мимо на прогулку, спросил:

— Саша, плохо пишется?! Я вчера плохо писал за нездоровьем. Я ходил купаться; ваша купальня — там надо такую гимнастику делать, чтобы слезать.

И Л. Н. раскашлялся. Пошел гулять.

Чертков приехал. Уехала Мария Александровна. Почта. Л. Н. хотел мне, но отдал Черткову письма для ответов.

Вечером Варвара Михайловна рассказала, до чего непохожа статья «Не убий никого» в нынешнем виде на ту, которую прочел Л. Н. недавно. Совсем другая. Две страницы остались непереработанными.

За обедом Л. Н. хвалил рожь Александры Львовны. Не помнит, чтобы такая рожь была — 20 копен на десятине — высокая, густая. Восхищался тем, как у Чертковых: там 50 человек народу! Поощрял Александру Львовну туда поехать, и она поехала с Сергеем Львовичем и Марией Николаевной. Гольденвейзер будет играть сонату Шопена.

Пришли ученики. Л. Н. встал и пошел с ними заниматься. Вечером Л. Н. не выходил к чаю, не совсем здоров.

7 августа. Утром приехал Кузьмин с Велеминским. С Велеминским Л. Н. начал по-немецки, перешел на русский.

Велеминский провел время с 9 до 2 в лечебнице со мной, потом смотрели сад, дом, библиотеку, пошли к Николаевым. Николаев говорил о том, что теперь не надо ни говорить, ни писать, надо распространять сочинения Л. Н.; их в России меньше знают, чем за границей. Он переводит Рейса в «Соединении и переводе четырех Евангелий» [1]. Об издании Генри Джорджа говорил, что для большего распространения их нужно не даром посылать, а цены назначать низкие и объявлять о книгах. Вспоминал слова

ТОЛСТОЙ НА ПРОГУЛКЕ ВЕРХОМ БЛИЗ ДАЧИ КОЗЛОВКА

Фотография В. Г. Черткова, июнь — сентябрь 1907 г.

«*Л. Н.*: Чудная прогулка! Это удовольствие верхом, смирная лошадь, солнце, зелень, живой души не встретил, круг—верст 15» «... Пополудни съездили на катках к провалам. Туда приехал верхом Л. Н. Не слезая с лошади, поговорил с нами и уехал в направлении на Козловку». — Записи от 4 и 5 августа 1907 г.

Л. Н.: «Две Думы собирались, две Думы рассуждали о земельном вопросе, и хоть бы один человек заикнулся о Генри Джордже».

Л. Н. с Чертковым читали письмо Моода к Л. Н.[2] Моод теперь переводит сочинения Л. Н. для Черткова. Они, Чертков и Моод, через Томпсона имеют общее дело. Л. Н. о Мооде:

— У меня чувство, что знакомство со мной — сверх его сил (т. е. он сам не дорос до взглядов, которым служит, которые распространять хочет).

Вечером приехали Хирьяковы. Л. Н. с ним в шахматы. Его — Александра Модестовича — будут судить за стихотворение «Мирная марсельеза». Разговор сначала об этом предстоящем суде, потом о третьегодняшней сходке у Чертковых и о многом ином. Потом о духоборах; я прочел письмо Гридчина ко мне о том, что они не согласны, чтобы присланные ими 5 000 р. были израсходованы на другое дело, чем на помощь голодающим. Л. Н. сказал, что он рад их решению (употребить их в пользу голодающим).

Разговор о голоде. Кто-то передал слова Суткового, что в Самарской губернии солнце выжгло все — ожидать голода. Говорили о фальшивой роли интеллигенции и правительства в помощи на голоде. Интеллигентам «помогать мужикам», на плечах которых сидят! Это только для успокаивания своей совести — так помогают одни господа.

На возражение, что и духоборы так поступают, Л. Н. сказал:

— Петр Васильевич (Веригин) как бы тоже господин. Раньше в столовые приходили только самые бедные, потом стали приходить подостаточнее. Теперь по требованию крестьян выдавало правительство помощь всем, заискивало расположение крестьян и потому давало всем без разбора. Когда это все даром, готовое есть, зачем самим дома готовить, при-

ходили все. (Л. Н. говорил об этом со скорбью, жалостью, стыдом, так же говорил и о своей помощи.)

— Господам, с их уверенностью, что могут устраивать помощь народу, это — блохам устраивать здоровье человека, на котором живут.

Потом говорил, что и решение земельного вопроса подобное. С земельного фонда раздавать землю крестьянам — почему не дворовым, рабочим, чиновникам? К «единому налогу» они не подойдут, который — решительная мера. Витте читал французские книги, газеты и берется устраивать жизнь русского народа, которого не знает.

Хирьяков: А Витте — из них лучший.

Л. Н. дальше говорил, что бюджет теперь 2 500 миллионов, собираемых с народа.

Хирьяков заговорил о том, что в Петербурге ужасно много безработных, надо им доставлять общественные работы; только беда в том, как общественные работы назначаются; сейчас работ не хватит безработным, т. к. уже нахлынут новые рабочие на эти работы; не знают, как быть.

Л. Н. говорил, что нельзя безработным, приходящим, оказывать помощь, что, как только станут им оказывать помощь, то станут являться десятки, масса, между ними такие, которые лишены работы по собственной вине; что вопрос о безработных сводится, в сущности, к земельному вопросу. Дайте возможность работать на земле, и о безработных тогда не может быть и речи:

— Это (удовлетворить безработных) превышает силы каких бы то ни было общественных деятелей,— и сказал французскую пословицу.— Столыпин за это дело берется, я бы не брался. При свободном доступе к земле эта задача отпадет. Тогда пойдут на фабрику работать те, кто захочет идти добровольно, за плату, от него зависящую; теперь же идут на фабрику с принуждением.

Потом — не помню связи — Л. Н. рассказал, что какая-то барыня в Москве приехала в гостиницу, вошла к нему в вуале, передала 2 000: «Пожалуйста, употребите для помощи народу»[3]. Он в Ясной фонд устроил, из которого в трудных случаях можно было давать ссуды; давали на 10%, раньше одолжали на 50%.

— Потом, — говорил Л. Н., — сменили меня, мирового посредника, как левого — правым, и тут эти деньги куда-то делись.

Зашла речь о Н. Ф. Федорове. Л. Н. тепло, с любовью, добросердечным сочувствием и юмором рассказывал о нем. Он был библиотекарем Чертковской библиотеки в Москве на Мясницкой. У него была своя вера, и единственный его ученик был Петерсон, он жив. Вера их — в воскресение тел всех умерших. Все усилия науки ⟨следует⟩ направить на воскресение умерших. Он писал об этом, и трактат этот находится у Петерсона[4]. Был религиозный человек; на свое занятие библиотекаря смотрел, как на служение другим. 70-летний старик бегал по лестницам доставать книги. Спал на доске, покрытой бумагами и ничем другим.

— Раз я у него, — рассказывал Л. Н., — увидел зимнее пальто и сказал ему: «У вас новое пальто». Он: «Да, у меня два пальто, одно легкое, другое — это, надо бы отдать одно». Сейчас устыдился! Святой жизни был человек. Его знал и Сергей Дмитриевич Николаев.

Потом Л. Н. рассказал про революционера Маликова в 70-х годах. Он был по взглядам близок Л. Н.; потом, под влиянием женщин, сделался православным. О нем Л. Н. вспоминал как о человеке, удивительно добром, сердечном.

Петерсон женат на дочери Огарева, бывшего владельца Телятинок. Об Огареве этом Л. Н. рассказывал:

— Когда мы были мальчиками, он был хвастуном, у нас ему казалось все простым, малым. Мы ему показали на большой пруд. «А вот еще пруд —

нижний». — «Что это за пруд, это лужа, я ее перепрыгну». Разбежался — и бац в середину!

Говорили о Ювачеве.

Л. Н.: Ювачев, хотя я разрушаю его веру, относится ко мне очень хорошо.

Революционеры его книгой о Шлиссельбурге [5] — недовольны, потому что с любовью пишет о притеснителях, палачах, тюремщиках. Говорили о Морозове, про 25 лет жизни одиночного его заключения. Л. Н. не ужасался ею. Жизнь в одиночном заключении и жизнь на свободе стоит одна другой — и рассказал пример. Сутковой спокойно переносит заключение.

Л. Н. спросил Хирьякова о Леониде Семенове, поэте — имеет ли в литературе имя?

— Он лично интересен мне,— сказал Л. Н.— Живет собственным трудом у крестьян в Рязанской губернии. Изверился в барстве своем. Писал мне и был у меня [6]. То, что и сейчас печатают его стихотворения, это, так сказать, его прежние грехи.

Разговор про религию.

Л. Н.: Мне свойственна моя, но никак не думаю, что она высшая.

8 августа. Среда. Л. Н. ездил к Горбуновым в Овсянниково. За обедом рассказал, что там видел Тодосиенко, который подбивал павловцев (Хилковских 1901 г.); когда они находились в возбуждении, он увлекся. Он был с ними на каторге в Сибири. Они теперь поселились в Иркутской губернии. На Л. Н-ча Тодосиенко произвел доброе впечатление. Когда Владимир Григорьевич припоминал, что Тодосиенко будто бы нарочно подстрекал павловцев, Л. Н. не верил. Л. Н. рассказал, что Тодосиенко говорил ему, что их исправника и других надо жалеть. «Когда один меня ударил в щеку, зубы выбил, я, кроме жалости к нему, ничего не питал» [1].

Утром приехал М. С. Сухотин.

Л. Н.: Я нынче кончил статью «Не убий никого». Это бывают у меня такие периоды. Письма написал. Люблю, когда освобождаюсь.

Софья Андреевна перевела речь на некрасивое лицо Евфросиньи Дмитриевны, как на ней мог Александр Модестович жениться. Л. Н. вспомнил, что у Тургенева была воспитанница Варя [2], которая ему сказала, что она никогда не видела более безобразного человека, чем Толстой.

— Так что я к красоте лица равнодушен,— прибавил Л. Н.

Разговор о П. А. Сергеенко. Л. Н. защищал его; говорил, что он делает усилия совершенствования (когда кто позади на тысячу миль, то если он проходит столько же в день, как я, то мы равны).

Владимир Григорьевич: Я ничего против него не имею, только он тяжел.

Л. Н.: В этом я с вами согласен.

Михаил Сергеевич прочел Л. Н. анонимное письмо Татьяны Львовны в «Голос Москвы» о том, как крестьяне у них тушили пожар. «Если не помогать друг дружке, так жить нельзя»,— сказал ей один старик-крестьянин. Л. Н. письмо понравилось, хочет его поправить и приписать к нему несколько строк, под которыми подпишется [3].

Л. Н., сидя на диванчике (все другие около стола), вздохнул:

— Как хорошо быть 80-летним! Не строишь планы: то и то сделать, а просто живешь.

Другой раз сказал: «Старость — радость».

— Какая-то эпидемия устраивать жизнь других, а своей не умеешь устроить,— сказал Л. Н.

Вечером пришел Колесниченко. Он весной бросил Военно-медицинскую академию. Потом работал с Сутковым в «Обновлении» и на голоде в Самарской губернии. Теперь чувствует обязанность помогать матери-

ально матери (непривилегированным трудом). Пока хотелось бы ремеслом каким заняться, столярством. А потом в земледельческую колонию.

Он в Самарской сдал дело помощи голодным в руки доверенных молокан, которых ему указали «братья» (добролюбовцы); они сами перестали распределять помощь и сами отказались от того, чтобы им дали из духоборческих денег на общину, как Сутковой хотел.

Л. Н. советовал Колесниченко и Сутковому, чтобы все-таки кто-нибудь из них туда поехал, а то доверенные, хотя они, наверное, честные, могут быть соблазнены родственниками: кумовство,— только посторонние могут беспристрастно распределять:

— Подумайте, что дали бы здешним крестьянам суммы.

Сегодня Чертковы решили поселиться около Ясной Поляны и построиться в Телятинках. Купили 23 десятины у Александры Львовны, немножко больше половины ее именьица.

С 7 с половиной до 8 по просьбе Л. Н. играл Гольденвейзер. Нравились мазурка Скрябина и прелюд Рахманинова и ноктюрн Шопена. Л. Н. хвалил перо Swan, которое привез ему Чертков.

9 августа. Четверг. Л. Н. нездоров печенью. Все-таки не удержался съездить верхом. Был у Чертковых. Вечером был Велеминский, говорил с Софьей Андреевной.

Л. Н. говорил про «соколов», что они отдают чересчур много физическому. Говорил о сокольском слете в Праге. Объявления слета и картины на них нехороши: бьют на эффект.

По поводу неприличного романа, печатаемого в «Биржевых ведомостях», говорилось о том, как неприятно, противно действуют неприличные рассказы. Л. Н. сказал:

— Разум содействует доброй жизни, добрая жизнь содействует разуму.

К чаю Л. Н. не выходил.

10 августа. После жарких, сухих дней сегодня дождь. Л. Н. нездоровится, не выходил. Утром были среди прохожих два стихотворца, показывавших свои стихи Л. Н. За обедом был Чертков, и с ним Л. Н. побеседовал у себя в кабинете. Пополудни Л. Н. поговорил с Велеминским. Велеминский прочел Л. Н. следующие два вопроса из письма Яначека: 1) Что̀ надо делать, чтобы даже в мыслях не грешить, чтобы достичь мира и равновесия и не только тому человеку, который ничтожности света пережил, но и тому, который их даже не познал. Толстой читал Торо: какого он мнения о его взглядах на чистоту, чувственность, любовь. 2) Может ли человек совершенно возродиться, может ли он волей и трудом через границы своей физической личности витать (schwingen). Л. Н. прочел эти два вопроса в немецком переводе.

Л. Н. хворает; сидел в кресле в кабинете.

На первый вопрос сказал:

— Неясно. Это sexuelle Frage *. Это, я думаю, вечная у нас борьба есть, должна быть. Это искушение.

На второй вопрос:

— Странно поставленный вопрос. Разумеется, никто не может знать, что̀ будет после смерти. Я об этом много раз говорил. Да, это какие-то странные вопросы.

Потом попросил достать в его тумбочке около кровати записную книжку; прочел в ответ на первый вопрос.

Мне Л. Н. (после беседы с Велеминским) сказал, что разница между его и Масарика взглядами та, что Масарик признает насилие: не христианин. Понравилось ему определение Халупным характера славян (чехов),

* половой вопрос (*нем.*).

ТОЛСТОЙ В ГОСТЯХ У В. Г. И А. К. ЧЕРТКОВЫХ
Ясенки, дача Кулешовых, 19 июня — 15 сентября 1907 г.
Фотография В. Г. Черткова
«Л. Н. нездоров... Все-таки не удержался съездить верхом. Был у Чертковых». — Запись от 9 августа 1907 г.

что могут проявить удивительное напряжение сил (Чешское братство), но скоро ослабнут. Велеминский, очевидно, понравился Л. Н.

О Канте Л. Н. сказал, что значение его — в его религиозных сочинениях (христианских), а не в сочинении «Kritik der reinen Vernunft», которое превозносится.

Л. Н. говорил об упадке немецкой философии после Канта.

— При отсутствии религиозных воззрений неизбежно наступает упадок и в художестве и в философии,— сказал Л. Н.

Чертков говорил с Л. Н. о Штирнере и что Ницше — только повторение Штирнера.

Л. Н.: У Штирнера нет выработанного учения, а отрывочные мысли, бьет на оригинальность.

Вечером получены письма от двух музыкантов. Из «Посредника» получено десять пудов книг. Мария Николаевна просила из них в Ни-

кольское для библиотеки. Л. Н. очень рад. Мария Николаевна хочет выдавать книги под залог 10 коп., чтобы приучать людей возвращать книги.

Л. Н. о письме и книге немецкого писателя Martin Schlesinger и присланной им книге (L'Honet «Zur Psychologie des Bauerntums»)[1]. В письме пишет про русских людей, что он не видит разницы между чиновниками и интеллигентами (на которую напирает пресса); и те и другие ему кажутся людьми слабыми. Одна надежда на крестьян, между которыми есть сектанты,— они столько перенесли и доказали свою духовную силу. Сегодня говорил об этой же книге Колесниченко и мне:

— Книга хороша, где пишет про фабричную работу. Молодой человек, который имел общение с дедом, бабушкой, родителями, грудными детьми, скотиной, природой, лишается воздействия их, очутившись заключенным между четырех стен, между себе равными по возрасту, потому что в фабричной жизни не бывает влияния стариков. Не говоря о телесном, он должен духовно захиреть. Это рабство хуже крепостного; я помню крепостное. Если мне выбирать: быть крепостным у самого жестокого помещика или рабочим на фабрике, выбрал бы первое. Крепостной работает на свободе, у него свой дом, семья окружает его, и обеспеченное существование, а тут (на фабрике) как потеряешь работу...

Мария Николаевна: Как быть без фабрик? Они ведь необходимы при нынешнем строе жизни.

Л. Н. ответил, что при земледельчестве (можно) заниматься ремеслами, как до сих пор было и еще есть: печники, валяльщики, кузнецы, портные и другие.

Мария Николаевна: Можно сократить рабочее время на фабрике.

Л. Н.: Вечный вопрос либерализма: бросить вредное или продолжать его делать так, чтобы делать его менее вредным. Гораздо лучше все сначала начать, чем эти паллиативы. Он (L'Houet) так понимает, что культурные люди — это старые, а крестьяне — это молодые, и пишет, что 30-летняя война менее вредна, чем 30 лет культуры.

11 августа. Л. Н-чу лучше. Дожди.

Я с Велеминским съездил к Горбуновым. Иван Иванович списал Велеминскому названия лучших книг детской русской литературы и других произведений, годящихся для перевода на чешский язык, и биографические данные о лицах, из писаний которых Л. Н. черпал материал для «Круга чтения». Елена Евгеньевна ему помогала. С таким знанием и охотой это исполняли! Вернулся поздно вечером. Л. Н. сидел с Марией Николаевной и Колесниченко, и говорил про книгу L'Houet. Колесниченко, конфузливый и очарованный беседой с Л. Н. (сегодня вечером Л. Н. был особенно великолепен, премило собеседовал), спросил Л. Н-ча:

— Брат Александр (Добролюбов) говорит, что не нужно читать книг. Однако же означил мне, какие он считает лучшими книгами. У меня тут список. Могу прочесть его?

Л. Н. согласился:

— Очень рад.

Колесниченко читал список, и Л. Н. делал примечания *:

«Сочинения Лао-тзе.— *Очень хорошо.*

Сочинения Конфуция. — *Неважно.*

«Веды», «Упанишады», «Лотос Доброго Закона», «Джайнровские сутты».— *Знаю.*

Монгольский катехизис.— *Не знаю.*

---

* Записанные рукой Маковицкого «примечания» Толстого к списку Добролюбова набраны курсивом. — *Ред.*

Кабала. Зогар.—«*Еврейское*».
Магометанство { Суфийское учение — «*Коран — книга, знаменитая своей*
Бабидское » *пустотой. Арабы хвалят Коран за*
Бекташи *красноречие; говорят, что язык (изложение) цветной; что нет книги с лучшим языком. Мы в переводе этого не различаем, а остается только пошлость*».

Зороастр. «Отрывки из Зендавесты», перевод на латинский язык Anquetil du Perron.— «*Как будто слышал*».
«Надписи друидов».— .....*
«Молитвы древних американцев».— «*Читал, не сочувствую, худо*».
Узнать о следах ессеев и гностиков.
«Сочинения мужей апостольских». }
«Сочинения апологетов». } —*Л. Н. удивился:* «*Не нужно знать*».
Сочинения Оригена **.
Гераклит и Плотин (эннаиды).
О Плотине (особенно о эннаидах): «*Очень хорошо*».
Порфирий и Прокл.— .....*
«Святая Тереза».— «*Хорошая вещь*».
«Цветочки Франциска Ассизского» (fiorotti).— «*Ничего себе, а жизнь Франциска Ассизского поучительная*».
Сочинения Бёме и Сведенборга. —«*Да, есть хорошее у них, но так, мистики*».
«Рюнсброк Фламандский».— «*Не слыхал*».
Сочинения Фокса (учение квакеров).— «*Очень слабое...*».
Ливанов. «Раскольники и острожники». — .....*
Сочинения Паскаля.— «*Да*».
Сочинения Maine de Biran.— *Л. Н. удивился*: «*Этого не понимает, к чему его Добролюбов приводит*».
Сочинения Метерлинка (особенно «Сокровище смиренных»). — *Л. Н. видимо удивился*: «*О боже мой!*»
Руссо и Рёскин. — ..... *
Посмертная книга Виктора Гюго «Бог».—«*У него есть и другие хорошие вещи*».
Библия — .....*

Л. Н. помолчал немного и сказал:
— А в общем список странный.
Потом Колесниченко прочел два стихотворения Добролюбова (песни братьев). Л. Н. слушал внимательно и сказал:
— В них ничего нового.
Потом Л. Н. спросил что-то про Кузьмина, а Колесниченко сказал, что Кузьмин писал Малеванному, чтобы приехал.
Л. Н.: Рад ему буду — человек пострадавший.
Колесниченко еще раз спросил про книгу учения Конфуция.
— В ней мало почерпнете, читайте один выбор (избранные мысли Конфуция).
Л. Н. (*к Колесниченко*): Мудрость — знание того, до чего дошли Конфуций, Будда, Кант, Паскаль. Добролюбов советует не читать, молчать. Как же лишиться этого удовольствия? Я стар, а все-таки читаю. Надо отвечать, когда задают вопрос.

---

* Замечания Толстого отсутствуют.— *Ред.*
** Дунаев давал Л. Н. выписки из Оригена, Л. Н. хвалил.

Л. Н. принес английскую книгу Каруса с китайским текстом и английским переводом: Лао-тзе. «Тао-те-Кинг (Книга о пути добродетели)» [1]

Л. Н.: Вот книга! Тао есть сознание полного единства с богом.

Л. Н. открыл и прочитал: «Когда потеряно Тао, является добродушие; когда потеряно добродушие, является справедливость; когда же потеряна справедливость, является приличие» [2].

— Это удивительная книга. Я теперь настолько стар, что не конфужусь. Я просто ее буду переводить (с английского, французского, немецкого), хотя это будет далеко от (подлинного) текста. Я было хотел начать учиться по-китайски, потому что я так молод. По этой книге можно по-китайски выучиться.

Л. Н. стал показывать Колесниченко, какой знак какое слово означает. Потом опять читал (переводил) и сказал:

— Чувствуешь что-то великое.

12 августа. Утром уехал Колесниченко, приехал Тенишев. Пополудни приехали М. А. Шмидт, Горбунов, Наживин, И. К. Дитерихс, Велеминский, он же в половине 8-го вечера уехал совсем.

Л. Н. благодарил Ивана Ивановича за книги изд. «Посредника», которые прислал Л. Н-чу для раздачи 10 пудов. С Велеминским простился тепло, он оставил хорошее впечатление.

За обедом очень шумели. Тенишев все говорил, Л. Н. почти слова не мог промолвить. После обеда — шахматы с Гольденвейзером. Потом подсели другие, и Л. Н. беседовал. Спросил Наживина, знает ли про татарина, о котором писал Иконников. Он принадлежит к магометанской секте «полк божий», сидит за отказ от военной службы [1]. Тенишев стал отстаивать правительство, что оно должно наказывать отказывающихся по религиозному убеждению, а то откажутся и другие не по религиозным причинам.

Л. Н.: И прекрасно. Они готовы страдать. Государство должно их преследовать.

Разговор о книге евангелического пастора A. L'Houet «Zur Psychologie des Bauerntums».

Л. Н. прочел вслух заключение, из которого видно направление всей книги.

Л. Н.: Мне кажется, что это славянская черта — при религиозном убеждении отсутствие всяких соображений: семейного... (?) У Лютера этого нет.

Разговор об эсперантском съезде в Кембридже. Л. Н. читал реферат в «Review of Reviews». Присутствовали представители 30 наций. Наживин сказал, что все это напрасно, эсперанто не имеет будущности, потому что это искусственный язык.

Л. Н.: Ведь это упрощено, сокращены грамматика, слова. Вавилонская башня наделала беды.

Наживин сказал, что, живя в Финляндии с прекрасным народом, патриархальным, около Пернео, лишен был возможности иметь с ним общение из-за незнания языка: «Да, Вавилонская башня!»

Л. Н.: Мне кажется, это кончится; через пять веков будет один язык. Есть еще бóльшие нелепости: сделать крестьян собственниками. Единственное объяснение — это макиавеллизм, это ядовитый макиавеллизм: сделать из крестьян собственников. У кого будет 15 тысяч десятин, сможет указывать на другого, у которого 14 десятин, что он тоже собственник. Хуже Вавилонской башни. Безземельные же останутся. Я не верю в макиавеллизм (в смысле, что он будет иметь прочное действие).

Потом зашла речь о хуторском хозяйстве и о том, что новым циркуляром министра внутренних дел поощряется выделение хуторов.

Л. Н.: Это хуторское хозяйство... Я думаю, что на это крестьяне не пойдут.

Наживин: Упорно не идут.

Тенишев стал утверждать, что некоторым выгодно закрепить за собой те полосы, которые имели в 1906 г., не выходя в хутора.

Л. Н. возражал, что не может быть выгодно, т. к. крестьяне уравнивают полосы на мирских сходках; если на одном поле вышла кому получше полоса, то в другом дают ему похуже. Как кричат при этом — целый день. Сравняют какие-нибудь болотца да еще жребий бросают.

Наживин помнит хорошо эти крики с детства, когда отец его был старостой.

Иван Иванович рассказал с ужасом, о чем полны газеты; как в Пермской губернии у отшельника, бывшего каторжника, нашли в бане десятки трупов женщин-богомолок в гробах. «Русские ведомости» на днях писали, Л. Н. не поверил и сказал:

— Это дворник Алексей выдумал (намекая на его выдумку третьего дня об экспроприаторах в лесу).

Л. Н. вспомнил, что читал в «Новом времени», что конфисковано «Изложение Евангелия» с примечаниями. Недавно — «Не убий» (издание «Обновления»).

— Все более и более конфискуют мои писания,— сказал Л. Н. вдумчивым, серьезным тоном.

13 августа. Понедельник. Приехали Сергей Львович, Сулержицкий.

За обедом Сулержицкий рассказывал про своего 4-летнего сына, как тот страшится ужасного; когда ему рассказывают о волке, не дает договорить.

— А мы в газетах только это и пишем,— заметил Л. Н.

После обеда Сулержицкий представлял, как поет фонограф. Все хохотали до боли. Л. Н. должен был встать из-за стола, настолько смеялся. Потом Сулержицкий пел русские, цыганские песни и другие. Разговаривал с Л. Н. о режиссерстве, актерах.

Л. Н. вспомнил Мартынова, лучшего русского актера, какого знал, видел его в «Ревизоре» (Хлестаков).

Л. Н-ч Сулержицкому касательно его способностей актерских, художнических, умения петь, плясать и т. п.:

— У вас собрание талантов.

В 7 часов уехали Чертковы, Варвара Михайловна, Хирьякова (совсем).

Л. Н. не ушел к себе, а остался слушать Сергея Львовича, игравшего на фортепиано, и Сулержицкого. Сергей Львович сказал, что по пути читал что-то Макса Нордау.

Л. Н.: О нем можно сказать: «He has got more brains than is good for him»: «〈У него〉 больше ума, чем ему нужно» [1], употребляет его, куда не надо.

Софья Андреевна сказала, что стала читать что-то Марселя Прево.

Л. Н.: Марсель Прево очень талантливый.

Л. Н. получил письмо от Макасеева-духоборца [2].

Это лето — хотя менее, чем прежние,— все-таки шумно, беспокойно Л. Н-чу. Сегодня с 6 до половивы 11-го пробыл в обществе и к 11 опять выходил.

Софья Андреевна жаловалась, что конокрады увели четырех лошадей.

14 августа. Вторник. Возивший меня к больному угрюмовский извозчик, ездивший в Туле 25 лет, ругал Софью Андреевну и Л. Н. Ужасно ненавидит помещиков. Готовятся к забастовке. А на днях яснополянский

крестьянин 60 лет, живший одно время в писарях и читавший газеты, говорил мне, что Л. Н. должен благодарить их (яснополянских крестьян), что его не жгут.

Вечером приехали Чертковы, Варвара Михайловна, Дорик, Дашкевич, Гинцбург, Гольденвейзер.

Л. Н-чу было вечером, наверно, слишком шумно, несколько разговоров разом, и потому просил Сулержицкого петь. Гинцбург изображал портного, ребенка, рассказывающего сказку, и другое. Сулержицкий — ученика-заику, отвечающего урок об Аврааме и трех странниках, «Рыбу в вазе» и другое. Сергей Львович и Гольденвейзер играли на фортепиано [1].

Уехали Сергей Львович с Марией Николаевной и Сулержицкий.

15 августа. Среда. Утром приехали А. А. Берс с дочерью, П. А. Берс с сыном. Л. Н. был им очень рад. В разговоре вспомнил представления вчерашнего вечера, что лучшее было — «рыба». Л. Н. присел к П. Г. Дашкевичу и говорил с ним сначала о каком-то солдате-забайкальце, который был утром здесь и который удивлялся убийствам, погромам, грабежам в России и говорил, что их легко прекратить публичными казнями. Он видел в Маньчжурии китайскую смертную казнь. Палач говорил прочувствованную речь: зачем его довели до того, что он должен человека казнить; многих довел этой речью до слез. В Маньчжурии, в провинции, величиною с губернию, пять-шесть казней в год за воровство.

Л. Н.: Ваши революционеры должны этому, ведущему к практической цели, сочувствовать.

П. Г. Дашкевич ответил, что, во-первых, не признает себя революционером, а, во-вторых, революционеры — не за казни, насилия; они допускают их только временно, пока не заменят существующие власти. Л. Н. сказал, что надо сейчас никого не убивать, а не «Пока убивать». Л. Н. в 2 часа пришел к теннису, посоветоваться с Петром Андреевичем о приехавшем в трехнедельный отпуск солдате из Бабурина, у которого недавно единственный брат умер и которому, по просьбе его матери, Л. Н. вчера попросил Сергея Львовича написать прошение, чтобы его не потребовали в войско [1]. Теперь пришли и мать и солдат. Оба требовательные; когда им Л. Н. отдал письма, мать попросила еще полтинник на путь в Крапивну. Л. Н. отказал. На вопрос Петра Андреевича, много ли таких обращается к нему, ответил, что много, и особенно письменно просящих денег, особенно теперь, когда в какой-то газете было напечатано, что он располагает какими-то фондами. Баба с сыном все не уходили, Л. Н. пошел к ним и, когда вернулся, сказал, что она надоедлива и солдат дерзок. Видит генеральский чин Петра Андреевича, которого Л. Н. привлек к разговору, и не снимает шапки.

Когда об этом говорил, пришел мужик 45 лет и поклонился Л. Н. в ноги. Л. Н. останавливал его, потом просил встать и, когда тот не вставал, Л. Н. сказал ему: «Тогда и я тебе поклонюсь» и тоже поклонился в ноги (и тоже становился на колени). Мужик сказал, что он погорелый из деревни... (далекой, я не знаю ее).

Л. Н.: Когда и сколько сгорело?

Мужик сказал, что сгорело три дома такого-то числа.

Л. Н.: Ступай, ничего не дам.— Мужик повернулся и без слов быстро ушел.

Л. Н.: Тоже нехороший. Услыхав, что здесь дают погорелым, достал документ и пришел один из трех, и так поздно. Приходят сейчас же после пожара.

Потом разговорился о революции, о земле с Петром Андреевичем, который во всем полемизировал, и Дашкевичем. Л. Н. был усталый и нервный, говорил вяло и как будто для того, чтобы поговорить с гостями и сказать полезное им, но говорил как бы по долгу и спеша, или мысли его

были инде, или был слишком усталый, или недоволен собою, что осуждал бабу с солдатом и не дал погорелому. Собирался к Чертковым на сходку, пошел к дому за хлыстиком и поехал на Делире.

Вечером разговор с Александром Андреевичем о его сыне Саше, покончившем самоубийством. Л. Н. говорил, что причина: нет религии. Что-то неладно, и это надо устранить. Когда Александр Андреевич говорил, что ему нужно было занятие, Л. Н. сказал, что человек не может быть без занятия, сам себе его находит, соответственно внутреннему миросозерцанию.

Софья Андреевна обвиняла женщин в его смерти. «Всех шлюх перевешать!»

Л. Н.: Я в новой статье своей («Не убий никого») пишу, что если позволим себе кого-нибудь убить, то перебьемся все: правительство — революционеров, революционеры — правительство, рабочие — фабрикантов.

Говорили о земле. Петр Андреевич отстаивал собственность, что только при собственности можно улучшать культуру поля и что поэтому проект Генри Джорджа никогда не осуществится.

Л. Н. говорил, что он видит два выхода. 1) Генри Джордж, и что Генри Джордж — единственное и теперь возможное решение, которое может осуществить Столыпин, хотя шансов на это из миллиона — один; 2) непризнание правительства, неподчинение ему, неприбегание к суду Дашкевича (Дашкевич стоял возле), когда Л. Н. с Петром Андреевичем имеют какое дело, сами могут его уладить.

Петр Андреевич сомневался, что это когда-либо будет.

Л. Н. повел глазом на играющую в теннис молодежь и сказал:

— Их внуки помрут, а будет.

Сегодня первый осенний день.

16 августа. Утром, в 8.20 я постучался в спальню Л. Н., чтобы перевязать ему ногу. Л. Н. просил подождать минуту. Через секунд десять позвал; держал записную книжку в руке.

— Я сейчас записывал, вспомнился стих Шиллера,— и Л. Н. сказал его по-немецки приблизительно так: «Wende die grösste Kraft auf den kleinsten Punkt an» *[1].

Л. Н. занимается, вероятно, «Кругом чтения» для детей [2].

У Л. Н. был молодой человек Краморев, которому я год тому назад писал (отвечал за Л. Н.) [3]; он обедал, Чертков и А. Берс с сыном Георгием. Александра Львовна поехала верхом, долго не возвращалась. Л. Н. сказал, что сегодня первый раз побоялся за нее: одна ездит. На замечание Черткова, что тогда и его Диме одному опасно ездить, Л. Н. сказал, что нет, что мужчина внушает уважение, женщина — вызывает.

Л. Н. с Чертковым — про какого-то солдата из посетителей Черткова, который на вчерашней сходке (удалась, было около 30 человек) говорил, что солдаты не должны стрелять в рабочих, что можно поступать в солдаты, но только когда прикажут стрелять в рабочих, тогда не стрелять. И он уверен, что это так и будет уже с будущего года.

Л. Н.: Это революционный прием — иметь в виду цель.

Л. Н.: Я читал сегодня книгу Наживина: «Чего хотят сектанты»[4]. Книга прекрасная и название хорошее. Первый рассказ — «Не наш», анархист из народа в настоящем смысле и конец его трогательный — коробки клеил, дети кругом него, его любили. Иван Иванович мне говорил, что запретили рассказ Наживина. Помню из него, как человек-атеист в церкви вышиб у попа из рук чашу, поп заплакал.— Когда Л. Н. это рассказывал, тоже зарыдал.

---

* «Нажимай с наибольшей силой на мельчайшую точку» (*нем.*).

— Это так повлияло на человека, что он смирился и переменился,— докончил Л. Н.

Софья Андреевна сказала, что она тоже читает что-то Наживина:

— Он умный и много предметов у него, о которых пишет.

Л. Н.: Наживин женат на еврейке — религиозная, умная, кроткая женщина. Прекрасная мать. И ему из-за нее нельзя жить везде в России.

Л. Н. позвал Краморева к себе в кабинет. Потом Краморев играл на фортепиано и в 8.40 уехал с Чертковым к нему.

17 августа. Утром перевязал Л. Н-чу рану на ноге. За завтраком Л. Н. читал «Иллюстрированное приложение к «Новому времени»». Пополудни я с Александрой Львовной поехал на стенографический урок к Варваре Михайловне в Ясенки к Чертковым. Там на веранде Л. Н. сидел у стола, пил чай и разговаривал с Кузьминым о Кропоткине и анархистах-революционерах. Кузьмин говорил, что Кропоткин допускает покушения.

Л. Н.: Ожидаемыми последствиями никак не можем руководиться в своих поступках.

Говорили про солдат, возвращающихся из Маньчжурии, у которых раскрылись глаза.

Л. Н.: Японская война — такой толчок в пробуждении русских! По-революционному можно войну желать, ради желанных последствий (по-христианскому — нельзя).

К обеду приехал Дима, потом Владимир Григорьевич, Перна, Гольденвейзер. Л. Н. играл в шахматы и разговаривал с ними. В четверть 10-го уехали. В это время привезли почту из Тулы, Л. Н. взял ее и пошел в кабинет, остановился и сказал:

— Буду читать письма: один просит 200, другой 1 000 рублей. Ах, как это тяжело! Иногда жалостное письмо, но знаешь, что это невозможно.

18 августа. Утром пришел к Л. Н. перевязывать ногу. Л. Н. желал так оставить, без перевязки, хотя ранка довольно глубокая и не скоро заживет, но согласился на наложение сулемовой марли, ваты и прикрепление коллодием. С оживлением, радостью в голосе спросил:

— Видели вы рабочих, которые дожидаются? Они приехали из Тверской губернии поговорить (со мной). Слесари из Бологово.

Утром же приехал генерал В. Ф. Ильинский (из Харькова), 63-летний моложавый старик-патриот, видеть Л. Н. и поговорить с ним о патриотизме. Говорил про Линевича с уважением, как про решительного человека; про Куропаткина, что он завистлив и окружил себя бездарностями; некоторые из них ему вредили. Потом говорил, что войну надо было продолжать — и не была бы проиграна; японцы при Мукдене были разбиты, четыре месяца ни на шаг не подвинулись. Это Л. Н-чу верилось. Линевичу царь сказал, что он один был за продолжение войны. О себе Ильинский говорил, что хотел идти на войну, чтобы себя проверить и чтобы дать детям пример.

Л. Н.: Декабристы, мои отцы, при их христианстве искренно полагали воинское дело самым высшим; нам же этого нельзя при нашем христианстве.

Ильинский: А Фольмар на Штутгартском съезде социалистов нынешним летом говорил, что социалисты пойдут сражаться с внешним врагом государства [1].

Л. Н.: Они не христиане, они материалисты.

Приходила дёминская баба-попрошайка «Халявка», пожаловаться, что старшина присудил ее на пять дней в холодную за то, что не хотела кормить пастуха и выругала старосту. Л. Н. удивлялся, как от нее — нищей — требовать кормления пастуха. И сказал:

— У нас выбирают в старосты или самых умных или когда не годится

в подпаски, в пастухи: «В старостах походит». — И потом поехал в волостное правление заступиться за нее, чахоточную.

Вечером были Горбунов, Изюмченко, Шатов (учитель в школе на свободных началах для заброшенных детей), Абрикосов, К. Конашевич, Боровой (поляк).

Я вернулся с урока стенографии поздно вечером, у Л. Н. нахмуренные брови, страдальческое лицо, улыбки нет; вероятно, у него боли или другое страдание, нравственное, которого не показывает, а старается, как всегда, спокойно перенести, преодолеть в себе.

Л. Н. спросил Изюмченко:

— Что у вас в Сибири?

Изюмченко рассказал про кооперативы в Барнауле.

С Досевым о македонской революции.

20 августа. Пришли от Чертковых М. С. Дудченко, Граубергер, пополудни Кондратий Малеванный с Кузьминым. Л. Н. разговаривал с Малеванным вдвоем на террасе около трех четвертей часа. Потом пришли туда Дудченко, Граубергер, Софья Андреевна, Мария Николаевна, я, Мария Александровна. Л. Н. представил Марию Александровну Малеванному так:

— Самый близкий нам человек.

21 августа.

Л. Н. (*о Дудченко*): Митрофан Семенович располагает к себе, хороший, добрый.

Приехала С. А. Стахович. Были: учительница, Боратынская, просители из Тулы, выпивший писатель.

Л. Н. признался С. А. Стахович, что он читает газеты. До сих пор читал под предлогом нездоровья, когда бывал умственно слаб. В «Новом времени» статья Меньшикова «Два пророка». Из-за нее Чертков поспорил с Л. Н. о Меньшикове. Л. Н. отстаивал его, отмечая две черты Меньшикова: твердость и мужественность *.

Пополудни Л. Н. поехал к Чертковым — к Малеванному. Там же и послушник из Почаевской лавры, 28 лет, сын полковника, который был утром у Л. Н., и Л. Н. посоветовал ему сходить к Чертковым; послушник этот тяготится праздностью монастырской жизни. Читал сочинения Л. Н., между прочим: «В чем моя вера?», «Разрушение ада и восстановление его». Л. Н. читал ему 21 августа в «Круге чтения» о молитве Канта [2]. И спросил его, как после этого можно молиться о..... **[3]

— А как этот Кант,— заметил Л. Н.,— считает себя философом, а он нравственный, религиозный учитель.

Уезжала Варвара Михайловна к Чертковым, где будет теперь жить. Я ее отвозил. На Муравке, в полдороге к Кочакам, встретили Л. Н., несся вихрем на Делире. Сидит крепко, не шелохнется, не как 80-летний. Самой быстрой рысью едет. Не узнал нас по близорукости своей. Варвара Михайловна ему крикнула прощальный привет, я ужаснулся ее неосторожности. Л. Н. удивительно быстро остановил лошадь, почти осадил ее, повернул и простился с Варварой Михайловной.

У Чертковых увиделся с А. П. Ивановым, Калачевым, малеванцами. Были две учительницы из Казани. Вернувшись в Ясную, за чаем застал приехавшего Абрикосова с одними дамами, рассказывавшего им, что конюх Филька, приводя лошадь Марии Александровне, видел монаха, уходящего от Л. Н., и сказал Абрикосову: «Вот как у нас, попы стали приходить, душу свою исповедать».

---

* По-моему, суждения Меньшикова о Л. Н. все ошибочны в этой статье [1].

** Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

Пришел Николаев; с ним Л. Н. говорил, что на старости лет пришел к тому, что как о земле, так и об уважении к чужому труду и о боге, в своих взглядах с крестьянами сходится. Крестьяне говорят: «Бога в нем нет» — о человеке, в котором добра нет. Л. Н. сознает в себе созерцающего до бесконечности... и в собаке есть что-то подобное, и в природе. Везде бог. Но, как крестьянин непрочь признать богом и Иверскую, так он, хотя признает землю ничьей — божьей,— непрочь купить себе участок в собственность.

Л. Н. привез стихи Анны Максимовны, которые ему передал у Чертковых М. В. Булыгин.

Дал их прочесть Софье Александровне. Софья Александровна, прочитав их вслух, высказалась, что плохи.

Л. Н.: Я стихов вообще не люблю. В этих — самая правда. Сыну ее предстоит отбывать воинскую повинность, она сочувствует ему и выражает это в стихах.

Александра Львовна, только что вернувшаяся от Чертковых, рассказала, какие малеванские женщины веселые, особенно младшая, у нее восемь человек детей. И как пели их божественные песни, заунывные, похожие на малороссийские народные песни. Очень верно поют, хорошее вторенье.

Л. Н. (*к Юлии Ивановне*): Я так слаб, письма не хочется писать.— И спросил ее про какое-то письмо.

Александра Львовна говорила, что старушек и особенно Малеванного иногда не понимает на их языке малороссийском. Л. Н. подтвердил и сказал, что Малеванного трудно понять и потому, что зубы у него выбиты (полиция ему выбила) и что говорит без знаков препинания.

Л. Н.: Сегодня очень хорошо поговорил с Николаевым. При христианском взгляде понятия собственности нет. Оно явилось при признании насилия. ⟨Человек⟩ пользуется вещью, ⟨созданной его трудом;⟩ христианин ее и не возьмет. От людей же, употребляющих насилие, надо ее огородить.

Софья Александровна: Когда Таня приедет, она мне скажет: «Я тебя не пущу, пока не уяснишь себе Генри Джорджа». А я его не хочу и не могу понять, потому что знаю, что это фальшь.

Л. Н: Я вам его объясню, пока Саша обойдет вокруг стола.

Александра Львовна как раз встала, чтобы проститься. И Л. Н. в одном предложении высказал суть учения Генри Джорджа.

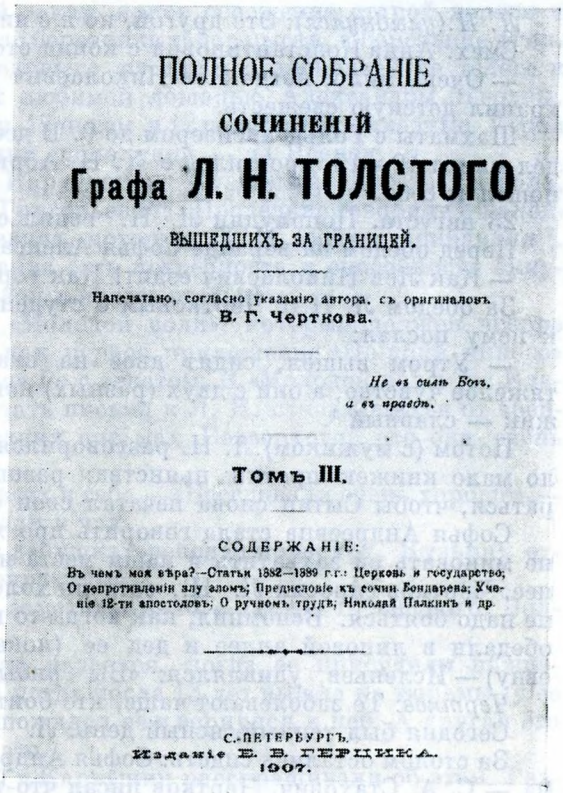
Софья Андреевна: Ты про Генри Джорджа 22 года тому назад (я сегодня читала в своих Записках) точно то же высказал, что теперь говоришь. Однако же земельный вопрос ничуть не подвинулся.

Л. Н.: Это как крепостничество. Уже Радищев, декабристы сознавали грех крепостничества. Когда Тургенев писал «Записки охотника», прошло 30 лет со времени декабристов, и людям, которым рост сознания не виден, казалось, что ничего не изменилось, а какое изменение, уже тогда, в мои молодые годы было: помещики не пользовались всеми правами (как-то: переселением крестьян...) так, как теперь многие перестают пользоваться правами собственности земли. Малеванный говорил про торговца, который отдал 300 десятин крестьянам. Братья Шейерманы — один отдал землю крестьянам, другой устраивает на ней общину. Разница только, что тогда стыдились перед Европой, и это был стыд фальшивый, а теперь — перед богом, совестью.

Стали вспоминать, кто еще отдал землю и как часто помещики предпочитают продавать подешевле землю крестьянам, чем дороже — купцам.

Л. Н. сказал Абрикосову о его статье «Биография Архангельского», что не хочется ее бегло прочесть, а делает свои отметки. Хрисанф очень рад, просит Л. Н-ча, чтобы вычеркивал целые страницы. [4]

«ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ГРАФА Л. Н. ТОЛСТОГО, ВЫШЕДШИХ ЗА ГРАНИЦЕЙ»
СПб., 1907
Издание Е. В. Герцика. Том III
Титульный лист
В августе 1907 г. книга была изъята из продажи.
«Все более и более конфискуют мои писания», — сказал Л. Н. вдумчивым, серьезным тоном». — Запись от 12 августа 1907 г.



ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
Графа Л. Н. ТОЛСТОГО
ВЫШЕДШИХЪ ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Напечатано, согласно указанію автора, съ оригиналовъ
В. Г. Черткова.

Не въ силѣ Богъ,
а въ правдѣ.

Томъ III.

СОДЕРЖАНІЕ:

Въ чемъ моя вѣра? — Статьи 1882—1889 г.г.: Церковь и государство; О непротивленіи злу силомъ; Предисловіе къ сочин. Бондарева; Ученіе 12-ти апостоловъ; О ручномъ трудѣ; Николай Палкинъ и др.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Е. В. ГЕРЦИКА.
1907.

Мария Александровна просила прочесть Евангелие для детей, Л. Н. дал. В 11 ушел к себе.

22 августа. Пополудни приехал Чертков с Перна и снимал Л. Н. на балконе у его кабинета. Перна имел с Л. Н. дело о новом «Круге чтения», месяц которого Л. Н. дал ему снова распределить по дням.

Сегодня день рождения Софьи Андреевны, ей 63 года. За обедом: М. А. Шмидт, Чертковы, М. Н. Ростовцева, Абрикосов, Гольденвейзеры.

За обедом Л. Н. говорил сперва о Досеве — болгарине, который сопровождал его сегодня, когда он уезжал верхом от Чертковых (бежал возле лошади). Л. Н. спросил его, чем кормятся в колонии: фасолью, арбузами, а еще чем? — «фа-солью», — рассказывал с доброй улыбкой Л. Н. Хвалили его все.

Дима: Сегодня соскучился по своей Болгарии.

Л. Н. спросил Юлию Ивановну, какой это англичанин Лонг был у него? Читал в «Объединении» № 37 (петербургская правая газета), его посещение Ясной Поляны [1]. Верно описано. Там же (и раньше в «Новом времени») дней десять тому назад читал про самосуд крестьян над поджигателями — «ужасно»! Там же перепечатано письмо Л. Н. (из «Голоса Москвы») [2].

Чертков: Интерес к вам растет.

Софья Андреевна: Нет войны, революция проходит, остается один Лев Николаевич, которым можно интересоваться. Когда я просила в Историческом музее шкаф для писем Льва Николаевича, которые хотела перевезти, с какой охотой пошли навстречу. «Лев Николаевич — эпоха истории русской», — сказал мне директор музея [3].

Л. Н. покраснел и остановил Софью Андреевну.

Софья Андреевна: Что, ты жалеешь, что ты Лев Николаевич?

Л. Н.(*улыбнулся*): Это другой, но я с ним знаком.

Смех. Анна Константиновна с конца стола к нам:

— Очень мило, когда Лев Николаевич конфузится. Удивительно сохранил детскую свежесть.

Шахматы с Гольденвейзером до 9. В десять опять вышел к чаю, посидел минут 10—15, простился с Х. Н. Абрикосовым, взял чашку чаю и пошел к себе.

23 августа. Пополудни Л. Н. ездил с С. А. Стахович к провалам.

Перед обедом на веранде Софья Александровна с удивлением:

— Как Лев Николаевич ездит! Как горец, как черкес!

За обедом Л. Н. с Чертковым о студенте и крестьянине, которых тот к нему послал:

— Утром вышел, сидят двое на скамейке, подумал — просители, тяжелое чувство, а они с двух (разных) концов сошлись с вопросами. Мужик — славный [1].

Потом (с мужиком) Л. Н. разговорился о том, что у «Посредника» стало мало книжек против пьянства: разошлись. Чертков хочет постараться, чтобы Сытин снова печатал свои старые.

Софья Андреевна стала говорить про холеру, где она уже есть и что не миновать ей захватить и наши места и как ее беречься и лечиться от нее. Чертков спросил Л. Н., есть ли холера? Л. Н. говорил, что холеры не надо бояться. Вспомнил, как когда-то при отце, во время холеры, они обедали в липовой аллее и дед ее (показал головой на Софью Андреевну) — Исленьев, удивлялся: «Вы грибы едите?»

Чертков: Те заболевают чаще, кто боится.

Сегодня был теплый, ясный день. Л. Н. показал, какое белое небо.

За столом остались сидеть: Софья Андреевна, справа от нее Л. Н., слева — С. А. Стахович, Чертков писал что-то у другого стола. Софья Андреевна заговорила про Измайлова, что хорошо пробрал нынешнюю русскую литературу [2].

С. А. Стахович решительно сказала:

— Нет русской литературы,— и посмотрела на Л. Н., ожидая, как он отзовется.

Л. Н. в раздумье молчал.

Софья Андреевна стала рассказывать про памятник А. П. Чехову, который строят в Баденвейлере [3], Софья Александровна — про похороны его тела в Москве.

Л. Н.: Ох, ох! Охаю на суеверие важности, которую приписывают телам. Когда брат Николай умер в Hyères [4], Голицына хлопотала, чтобы отпеть, писала православному священнику в Тулон. Когда прошел день, другой, тело портилось, запах, я пошел к ней и сказал: «Если не приедет завтра, я положу тело на телегу и закопаю где-нибудь». Дело в том, чтобы с приличием убрать. Для этого и гроб, чтобы не таскать за ноги...

24 августа. Пятница. Прекрасный день. Софья Андреевна пополудни ходила за грибами, а потом пила с нами чай (Александра Львовна, Юлия Ивановна, Надежда Павловна). Вчера Л. Н. дал Софье Андреевне списывать что-то вроде малого катехизиса: о соблазнах и борьбе с ними [1]. Во время обеда много просителей, особенно тульских. Л. Н. читал в газетах об убийствах городовых в Лодзи, Вильне и Одессе и ужасался. После обеда Владимир Григорьевич пригласил Л. Н. играть в шахматы. Л. Н. сначала не решался, т. к. оба играют без задора, потом же согласился и даже настаивал. Александра Львовна сбегала в залу за шахматами, и Л. Н. стал играть на веранде. Во время игры Владимир Григорьевич сказал Л. Н-чу:

— Вы очень по-христиански играете, раскрываете свои планы, даете советы.

Я с Александрой Львовной и Надеждой Павловной пошли гулять на шоссе. Чудный вечер, золотой закат, яркое освещение старой дороги и жнивья на Кабацкой Горе; около березняка табор цыган, в березняке огни. Встретили кучера Адриана, едущего из Тулы с провизией на телеге и привязанным Гафизом, новой любимой лошадью Александры Львовны. Большая почта из Тулы Л. Н-чу 19 писем и 12 повесток на заказные. Утром привезли ему почту из Козловки, пополудни — из Ясенок.

У себя в комнате застал Картушина, Кузьмина, Досева, Перна, А. П. Сергеенко и Владимира Григорьевича. Последние говорили о какой-то статье Владимира Григорьевича, которую Л. Н. сейчас поправлял [2].

Чертков: У Льва Николаевича есть потребность и способность аккуратности, как он поправляет свои и чужие статьи!

Говорили о новом номере «Молодой воли», который должен вскоре появиться и в котором выйдет как первое приложение «Не убий никого» и как второе — «Тайная вечеря» Ге с текстом. В «Молодой воле» же Владимир Григорьевич хочет печатать письма к Л. Н. отказавшихся от военной службы. Говорил о последних письмах Безверхого, что они очень трогательны.

В 8 пришел Л. Н. и позвал всех к себе. —«Беседовали очень хорошо», — сказал мне Сергеенко. В 9 вышли к чаю.

Л. Н. спросил Кузьмина о девушках-революционерках. Кузьмин ответил, что деятельные были некрасивые.

— Но были и красивые, — заметил кто-то, — сестра Беневского, Волкенштейн...

Софья Андреевна: С ней муж развелся, когда ее присудили пожизненно, и женился на другой. А когда после 13 лет вышла из тюрьмы, у ее мужа оказалось две жены: он пожалел ее и вернулся к ней. А другая его жена, добрая, ему позволила это.

Кузьмин (очень застенчиво) и Картушин расспрашивали об этом. Разговор был очень хороший, приятный. Кузьмин упомянул про Стародворского — просидел 22 года в тюрьме — и у него ни тени злобы против судей и тюремщиков.

— У Ювачева, просидевшего долгий срок в Шлиссельбургской крепости, судя по его книге, тоже нет злобы, простил их, — сказал кто-то.

Л. Н.: Странно и приятно слушать.

Кузьмин говорил о перемене внешних условий, что надо куда-то съездить.

Л. Н.: Это мне так ясно, что никуда не ходи, все внутри тебя, все усилия употреблять на работу в себе, на углубление в себя. Искать в себе, а не вне себя; напрячь усилия на устранение того, что мешает проявлению божества в тебе; внешние условия — только последствия внутренних перемен.

Кузьмин опять настаивал на своем.

Л. Н.: Внутреннее изменение — главное, внешние изменения — это последствия, нельзя заботиться о последствиях, они всегда будут соответствующие. Мне последнее время так ясно, что я не Толстой, вы не Картушин, а я и вы — то божественное начало, которое чувствуешь в себе, которое во всех нас. В последнее время нехорошее чувство к человеку, который тебя ненавидит, часто пробовал побороть в мысли посредством любви. Это удавалось. И мысль о нем (о том человеке) прямо любовь вызывает.

Чертков уехал верхом, молодежь пошла пешком. Все высокие ростом.

25 августа. Суббота. Прекрасный жаркий день. Л. Н. пешком к Чертковым. За обедом Чертков, Изюмченко, с которым Л. Н. после обеда гулял. Потом Изюмченко сам обходил Ясную Поляну, хотел всю видеть; вырезал себе палку из орешника, взял детям по яблоку (обещал принести

им из Ясной Поляны), зерна хочет посадить, просил выслать желудей. Л. Н. дал ему «Круг чтения», Изюмченко просил подписать.

Изюмченко — мягкий человек и застенчивый, но рассказывает с оживлением; умен, здоров, крепок и ловок.

Л. Н. (*о нем*): Он теперь обеспечен, и прощено ему все, только еще в паспорте обозначается, к чему был присужден. Состоит сторожем при школе, получает 15 рублей в месяц, а остальные — 5 рублей — сапожничеством зарабатывает. Жена его из привилегированного класса. Я его книжки («Дисциплинарный батальон» [1]) не читал, а хвалят и Чертков и вы. Буду читать, и надо бы ее «Посреднику» снова издать, пока такое время. Теперь отказы от военной повинности часты, нужна будет.

26 августа. Воскресенье. Л. Н. ходил пешком в Овсянниково, куда в один конец семь верст, чтобы видеть Ивана Ивановича; слышал, что сегодня приедет, но не приехал. Поговорил с Марией Александровной, Федотом Мартыновичем, тот рассказал ему свою жизнь. Л. Н. говорил об этом за обедом, когда Софью Андреевну отозвали и она со старостой телятинским препиралась, волновалась. Телятинские не заплатили ни одну из двух аренд и свезли весь урожай. Новый приказчик не знал, что они должны уплатить,— и молчок. Софье Андреевне как-то пришло в ум позвать старосту и спросить его. Слышны были перекоры. У Л. Н. нынче из таких дней, когда он ужасно расстроен, тяготится барским положением.

— Зачем мы это делаем? — говорил он, намекая на неприятные разговоры, которые вела Софья Андреевна со старостой телятинским,— зачем это?.. Ах, что мне рассказал Федот Мартынович, как мне было совестно... Утром, когда пошел гулять, встретил... (Л. Н. назвал одну худощавую, сгорбленную яснополянскую старушку-прабабушку *) несла свясла: спереди пуд, сзади пуд — вероятно, их утром сама свивала, и пополудни, когда возвращался с прогулки, плелась домой, а мы: прогулки, фортепиано...

Л. Н. почти ничего не ел за обедом; к концу обеда сказал Александре Львовне, чтобы не брала фортепиано. В доме есть два фортепиано, а Александра Львовна хотела взять новое, хорошее. Л. Н. был очень расстроен, чему способствовало и нездоровье.

После обеда я с Александрой Львовной пошли гулять к шоссе. Чудный вечер, ясное небо, над Воронкой стелилась густая мгла белой тучей; за Засекой золотистый закат. Александра Львовна, которая всегда перед матерью берет сторону крестьян, разговорилась о том, что «как баре живем, как совестно». Потом про сегодняшнее нападение на купчиху, живущую в Угрюмах. Когда она ехала домой, в версте от Ясной Поляны, вышли из леса и напали на нее двое с вымазанными лицами и ограбили ее, сняв с нее серьги. Этих двух видели уже многие, они, должно быть, скрываются в Засеке несколько недель. Это они напугали дворника Алексея две недели тому назад.

Л. Н. вечером занимался и читал Изюмченко «В дисциплинарном батальоне», а потом Е. И. Попова «Жизнь и смерть Дрожжина» [1]. Вышел в 11 чай пить.

Видя у меня «Новое время», спросил, что читал?

— Буренина об Андрееве («Жизнь человека») [2],— ответил я.

— А! — А потом, как бы для себя (Л. Н., наверное, читал этот отзыв Буренина), сказал: — Действительно. Бессмыслие, самоуверенность, чтобы удивить всех.— Потом сказал: — Подражает Метерлинку. Есть которые в нем находят что-то. Никакого таланта в нем (Андрееве) нет.

---

* Думаю теперь (в 1917 г.), что Л. Н. говорил про мать Фоканова, тогда почти 80-летнюю старуху.

Софья Андреевна сказала Л. Н., что сегодня ей сказала Ольга Ершова, чтобы одна в лес не ходила — убьют. «Так ненавидят меня яснополянские, угрюмовские мужики»,— прибавила Софья Андреевна. Л. Н. над этим посмеялся.

27 августа. Утром приехали Н. М. Сухотина, А. И. Толстая. Л. Н., возвратившись с прогулки, зашел на крыльцо за почтой. Сказал мне:

— Эти два стреляли в помещицу. Ведь это так и должно быть: правительство стреляет (своим правом пользуется), и они своим правом пользуются. Еще довольно мало.

За чаем Софья Андреевна говорила, что ей снилось все про Таню и Машу — невестку, которые хотят приехать к завтрашнему дню рождения Л. Н.

Л. Н.: Как ярко я вижу то, что говорил Паскаль, что различие между жизнью и сном только в том, что сон не повторяется (а жизнь со дня на день — да, на ночь засыпаем) [1].

Вечером Л. Н. с Николаевым. Николаев мне передал, что говорил с Л. Н. про свой разговор с женой о жизни в деревне и в городе. «Мы решили на зиму в Москву переехать. Мы не привыкли с женой жить в деревне, к тому же жена беременна. Я думал, пусть выскажем свое мнение откровенно; и мы оба: я и жена пришли в раздраженное состояние».

Л. Н. на это сказал, что споры недопустимы. Когда споришь с человеком, не забывай чувства любви к человеку. Только тогда можно вести разговор, если сохраняешь чувство любви. Потом Л. Н. вспомнил чье-то изречение, приблизительно такое: «Если говоришь человеку, который не хочет слушать, наживешь только врага. Если не скажешь, кому нужно, это тоже упущение» [2].

— Недавно был человек, который мне очень тяжелый, враждебный. Я с ним все-таки с любовью поговорил. Своим объяснением нажил друга.

За чаем говорили о двух первых, в этих местах, автомобилях дачников, живущих в Засеке-Козловке и пугающих лошадей.

— Цивилизация, как она теперь идет, материальный прогресс без нравственного, не обещает ничего хорошего. Если бы благо человеческое имелось в виду, не было бы автомобилей. Выращивание лошади из жеребенка, выездка — ряд удовольствий. А когда эта нравственная культура подвинется вперед, тогда форма жизни — автомобили, лошади — изменится. Теперь самое главное, чтобы нравственный прогресс пришел в уровень с материальным, и тогда все материальные условия изменятся. Как? Нельзя предсказать,— говорил Л. Н.

Л. Н. о картинках, изображающих освящение новой церкви, хождение императора со свечой по церкви, говорил с недоумением.

Юлия Ивановна заговорила про фотографию Николая и Вильгельма вместе: какие жалкие оба.

Л. Н.: Наш Николай тих, смирен, кроток, а тот куражится.

28 августа. С сегодняшнего дня Л. Н-чу пошел 80-й год. Утром приехал В. А. Маклаков; пополудни Сергей Львович. Маклаков, высокого роста, простого поведения, просто одетый, очень живо и интересно рассказывающий, около 40 лет. Вел себя по-домашнему, со всеми, как близкий друг. Говорил про суды, про превышение власти Думбадзе, Гершельманом. Л. Н. пополудни с Анной Ильиничной, Александрой Львовной, Натальей Михайловной поехал к Чертковым. Там пели.

Перед обедом Л. Н. на вопрос Марии Александровны ответил:

— Очень хорошо чувствую себя.

За обедом: Софья Андреевна, Сергей Львович с Марией Николаевной, Александра Львовна, Анна Ильинична, Наталья Михайловна, Юлия Ивановна, Мария Александровна, Дима Чертков, Гольденвейзер, Маклаков. После обеда приехали: А. А. Гольденвейзер, Николаева, Чертков, за ним

Картушин, Н. М. Кузьмин, Досев, Перна (здоровается с дамами, не кланяясь). А. П. Сергеенко.

За обедом Л. Н. с Маклаковым о Думе. Л. Н. удивлялся, как люди, члены Думы, могут принадлежать к партиям: «Это отказ от своего достоинства, независимости».

Маклаков возражал:

— Тогда не найдешь избирателей, которые тебя бы выбрали, они выбирают по партийному листу.

Л. Н. ответил, что не надо самому соваться к избирателям. Они должны найти, кого избрать.

Маклаков спорил, говорил, что борьба между списками партий происходит.

Л. Н. раздражался, как ни разу в продолжение последнего года, и говорил остро о политиканстве, о людях, которые ведут кампанию, чтобы их избрали. Дальше говорил, что в Думу бы выбирать людей, которые никогда не читали газет. Маклаков ответил, что там были и такие.

Л. Н.: Хороших мужиков.

Маклаков рассказал о процессе против Озола и 55 депутатов Думы; разницу между социал-демократами и социалистами-революционерами объяснил Л. Н-чу так, что социал-демократы — за массовое восстание, а социалисты-революционеры — за покушение. Потом рассказал длинно о последнем «умысле» покушения на царя; он защищал М. Федосьева, которого не присудили к смерти, и Синявского, 23-х лет (рисовался героем), Наумова (плакал, истеричный) и Никитенко — открытого, прямодушного, которых присудили к смерти. Их повесили. Мария Александровна удивилась, что находятся палачи. Сергей Львович сказал, что от Цурикова слышал, что в палачи предлагали себя четыре генерала и даже две женщины.

Маклаков: Синявский и Никитенко обрадовались, когда пришли их вешать, сказав, что от Николая и не приняли бы милости [1].

Мария Александровна была поражена тем, что женщины предлагали себя в палачи.

Маклаков: Женщины любят смотреть на вешание, на бои быков.

Л. Н.: Женщины не чувствительнее мужчин.

После обеда шахматы. «Темные» с Чертковым внизу у меня читали «Круг чтения» на 28 августа. Потом пошли наверх здороваться с Софьей Андреевной и другими, откуда Владимир Григорьевич увел их в кабинет Л. Н. Пришла Мария Александровна. Потом Владимир Григорьевич прочел письмо Люси Малори к Л. Н., полученное дней семь тому назад. В это время вошел в кабинет Л. Н.

Л. Н. (о ней): В высокой степени духовная женщина! Уважаю, люблю ее.

Картушин задал вопрос: нужно ли постоянное духовное напряжение, как это исповедуют добролюбовцы, чтобы не говорить ни о чем, кроме неизбежного, нужного, как о боге, духовных делах; в остальное время соблюдать молчание.

Л. Н.: Постоянное напряжение невозможно и не нужно. (И пояснил, как в физической жизни есть сон — отдых.) Мне хочется отвести душу, об ином думать, например, часы заводить и непременно 28 — которого числа я рожден — раз повернуть. Постоянно работать над собой невозможно.

Сегодняшний день рождения прошел при всем том, что было очень многолюдно,— спокойно, приятно, мягко, тихо, любовно. Ждали Звегинцеву, но только прислала письмо. Л. Н. ей ответил. Уехал Василий Маклаков.

ТОЛСТОЙ
Ясная Поляна, 19 июня — 15 сентября 1907 г.
Фотография В. Г. Черткова

29 августа. Утром уехала М. А. Шмидт. Л. Н. пополудни — у Чертковых.

30 августа. Утром уехали Сергей Львович с Марией Николаевной и Иван Иванович. Пополудни приехали: И. К. Дитерихс, Страховы, потом Дима и Владимир Григорьевич. Лаун-теннис, песни цыганские и русские. Вечером — соседний помещик Джонс, профессор Томского технологического института.

Иосиф Константинович говорил о том, что в вагоне не слышно разговоров о политике. Всем надоела: и студентам, едущим в Петербург,— они хотят учиться, и крестьянам, рабочим, студентам Европейской России, Польши, Финляндии, Центральной Азии. Джонс подтверждал, по сведениям своим из Сибири, охлаждение к революции, что возрастает интерес к религиозным вопросам.

Иосиф Константинович рассказывал, как на Кавказе, откуда он приехал, разбой идет, своего бедного брата-рабочего грабят. Как казаки и русские войска озлоблены на постоянные нападения на них и что может случиться резня туземцев. Войска не выдержат обид. Там есть теперь анархисты-федералисты и анархисты-автономисты (армяне, грузины), панисламисты (татары).

Л. Н.: Знаем, как присоединились к России Польша, Финляндия, что это был грех. Но как разъединиться, восстановить автономию революцией? Им не идти служить русскому правительству.

Л. Н. спросил, интересуются ли на Кавказе земельным вопросом.

Иосиф Константинович: Нет. Удовлетворяются узкими национальными программами.

Джонс рассказывал невероятные истории о злодействах казаков и тому подобное, почерпнутое из газет.

И. К. Дитерихс о взрыве у банка в Тифлисе. Он в то время в 10 саженях от того места по улице шел.

Л. Н. спросил Джонса о химическом составе бомб. Джонс прекрасно рассказал. Л. Н. заметил, что изобретения материального прогресса идут во вред человечеству. Джонс возражал, что благо и прогресс идут вместе.

Л. Н.: Благо и прогресс не во взаимном отношении. Одно от другого не зависит.

И. К. Дитерихс говорил о смелости кавказских революционеров, совершающих покушения.

Л. Н.: Это молодечество.— И Л. Н. назвал одного кавказского офицера, который после стал генералом; он ездил в горы выслеживать самых смелых горцев, возвращающихся с добычей, и один раз «чуть не попался». Звал Л. Н-ча, и он едва не пошел с ним. Игра с опасностью манит.

— Меня бог спас,— сказал Л. Н.

И. К. Дитерихс говорил, что гурийцев подбили чужие революционеры на нападения на пластунов, и это было погибелью их восстания: из засады напали на 60 пластунов, 20 перебили. Потом говорил, что ехал с двумя студентами, едущими изучать «право». Спросил их: почему «право».— «Потому,— отвечали,— что ни к чему охоты нет».

Л. Н.: То же объяснение я получил сегодня от студента-юриста. Тому, что молодые люди идут на юридический факультет, будут через 30 лет так удивляться, как мы теперь удивляемся крепостничеству моей матери, которая была добрая, тонкая, глубокая, а давала себя обслуживать множеством слуг, как тогда было принято.

Софья Андреевна заговорила о раннем браке. Анна Ильинична спросила дедушку:

— Ведь чем позже выйти замуж, тем лучше?

— Самое лучшее никогда не выйти, если то, чем подготовляется материнство, обращать на служение другим,— ответил ей Л. Н.

31 августа. За обедом Страховы, Чертковы — Владимир Григорьевич и Дима; вечером Николаев. Л. Н. с Димой играл в шахматы. Николаев спросил Л. Н. о его зрении; с возрастом близорукость должна проходить.

Л. Н.: Не чувствую ни малейшего ослабления зрения, близорук все так же, улучшения близорукости не чувствую.

Софья Андреевна вечером о Щедрине. Он дружил с Л. Н. и до женитьбы Л. Н. приезжал в Ясную Поляну. Служил в Туле. Когда Л. Н. написал «Войну и мир», кто-то выразился перед Щедриным, что это величайшее событие в литературном мире. Щедрин сказал на это: «Повествование бабушек и нянюшек»,— и перестал с Л. Н. видаться.— «Это Лев Николаевич пишет в своем дневнике»,— добавила Софья Андреевна [1].

Софья Андреевна читала сегодня Страховым из «истории своей жизни» «перелом» Л. Н. и их трудную супружескую жизнь в то время. Кроме того, письмо Н. Н. Страхова о Достоевском — что перестал писать его биографию, потому что Достоевский был зол и развратен и об этом не может ни писать, ни скрывать этого [2]. Федор Алексеевич ей советовал не печатать этого письма. Софья Андреевна настаивает, т. к. истина ей дорога.

1 сентября. Л. Н. получил две телеграммы: одну — от одесского гимназиста, просящего 300 р., чтобы мог учиться; другую — от литератора Тычинкина о 55-летнем юбилее писательства Л. Н. (будет 6 сентября). Об этом же самом Софья Андреевна получила открытку от Льва Львовича и заметила, что, должно быть, хотят праздновать и что ей надо готовить провизию [1].

Л. Н.: Тогда будут праздновать и 56-летие.

А Чертков добавил:

— Если их хорошо угостят, то и 57-летие.

Софья Андреевна показала и прочла свой ответ на открытку Льва Львовича. Упрекает русское общество, что оно не праздновало 50-летний юбилей. Когда читала о значении Л. Н., он сказал:

— Вот досталось мне!

Л. Н-чу странным кажется, что Софья Андреевна и Лев Львович переписываются на открытках о семейных делах. Вспомнил, что Н. Н. Страхов сказал ему: «Как же вы пишете ваши дорогие мне строки на открытке?»

Приехали Гольденвейзеры. Александр Борисович сказал Владимиру Григорьевичу, что ему (Черткову) досталось в «Русском слове». Владимир Григорьевич не хотел и говорить об этом. Потом сказал:

— Какое неуважение ко Льву Николаевичу!

Л. Н. рассказал содержание статьи: как Гоголь находился под влиянием отца Матвея, когда хотел сжечь свои писания, так Толстой находится под влиянием «узколобого» [2]...

Чертков: Религиозное отношение к жизни считают узким, а художественное — широким.

Л. Н.: Вся интеллигенция так. Это пошло от Белинского.

Чертков: Нет ничего глупее русской интеллигенции.

Л. Н. сказал что-то вроде того, что западная интеллигенция такая же.

Чертков: Но русский народ поумнее, так что глупость русской интеллигенции выделяется; у нее самомнение необыкновенное.

Л. Н.: Самомнение уменьшает умственность. Circulus vitiosus *.

А. Б. Гольденвейзер заговорил о Викторе Гюго, что он прожил 83 года. Л. Н. сказал, что старость его была хорошая, что помнит его стихи того времени: хорошие стихи, более или менее религиозные.

---

* Порочный круг (*лат.*).

За чаем Николаева. Л. Н. дал ей прочесть часть письма Новикова, в котором он противопоставляет тяжелую жизнь крестьян богатой жизни господ и пишет, что раньше разделял христианские взгляды, а теперь пришел к убеждению, что христианство — одна фантазия, что всё — в экономических условиях, а наше дело — изменить их. Письмо сильное [3].

Л. Н.: Когда читаешь письмо Новикова, думаешь, что все это правда, а оно неправда. Если хочешь быть христианином, то не пеняй, что нельзя воспитать в школах пятерых детей. А то поставишь так, что нельзя ⟨не⟩ быть христианином, а выставишь требования мирской жизни, первое ⟨из которых⟩ — семейная жизнь. Кто хочет жить по-христиански, не должен жениться.

Николаева: А танцоры могут быть христианами?

Л. Н.: В каждом положении можно приближаться к более христианской жизни. Письмо Новикова умное, ⟨но⟩ очень озлобленное.

Николаева: Как они работают! Например, теперь молотят и молотят без конца.

Л. Н.: Это весело. — И рассказал, как отдыхают при том: пока один сгребает, разговаривают, веселятся.

Николаева начала говорить, что при молотьбе на машине невесело. С этим Л. Н. согласился:

— На машине другое дело. Да.

Николаева припоминала другие их занятия.

Л. Н: Это все только радости. Их жизнь гораздо естественнее, нравственнее. И вам желаю в этом отношении такой жизни.

По поводу того, что крестьяне счастливее господ, Л. Н. сказал:

— Сегодня я встретил молочного брата Сережи.

Софья Андреевна: Он умер, ты его брата встретил. Помню, как я плакала, когда он умер.

Л. Н.: Он телятинский мужик, здоровый, свежий. Он, наверное, счастливее Сережи.

Л. Н.: Новиков пишет, что духовное развитие не может помочь этому делу (устранению экономического неустройства). Напротив, оно одно может помочь.

В письме, в котором Л. Н. отвечает Новикову, он пишет: «У вас есть отрицание предрассудков старой веры, а нет веры».

Отвечая Владимиру Григорьевичу, Л. Н. сказал о Новикове:

— Он мне всегда бывал тяжел. Он необыкновенно умен и всегда тяжел. С его точки зрения он не может.....* Помню, как ко мне в Москве пришел в комнату высокий взволнованный солдат, он был военным писарем. Он прочел мое «В чем моя вера?» и проповедовал в войсках отказ от воинской повинности. Его сослали в Ташкент, потом в Варшаву [4].

В «Слове» приводится число жертв освободительного движения. С февраля 1905 г. — с I Думы до июня 1907 г. — роспуска II Думы убито, ранено, казнено 44 020 человек. Из них убито 19 144, ранено 20 074 и казнено по суду и самосуду — 2 381 человек (Кавказ — 7 389, Прибалтийский край с Финляндией — 4 929); пострадал больше всего народ, но и представители власти и капитала дали внушительную цифру в 8 203 человека. В этом числе на долю войск и полиции приходится 3 158 жертв, на тюремные власти — 112. Из высших властей пострадало 148 человек, из них четыре министра и члена Государственного совета и 83 губернатора и генерала.

В сентябрьском номере австрийского анархистского журнальчика «Der gerade Michel», издаваемого каменщиком, появление «Круга чтения»

---

* Пропуск в подлиннике. — *Ред.*

ТОЛСТОЙ ЗА ЧТЕНИЕМ
Ясная Поляна, 26 сентября 1907 г.
Рисунок (итал. карандаш) И. Е. Репина

в немецком переводе оценено так: «Ein Aufklärungsbuch, das man nie genug lesen kann, nie man kein zweites in der Weltliteratur findet, enthaltend das beste von dem besten aller Zeiten und Völker» *.

2 сентября. Воскресенье. Л. Н. пополудни был у Чертковых, где было собрание и говорили молодые люди. Чертков втянул Л. Н. в разговор и Л. Н. им отвечал. Но он не любит говорить перед многими — а с глазу на глаз, с одним, двумя, тремя. Л. Н. не был доволен, что̀ там говорил.

---

* «Просветительная книга, которую никогда не устанешь читать; второй такой не найдешь в мировой литературе; она содержит лучшее из лучшего всех времен и народов» (*нем.*).

Под вечер приехал брат П. А. Буланже, искать его. Павел Александрович написал три письма, что покончит с собой, и исчез. Он думает, что брат уже лишил себя жизни, т. к. поехал из Москвы к Туле, а, по газетам, около Серпухова найден труп бросившегося под поезд рабочего — может быть, это он. Л. Н. думает, что он уехал из дому, раздумает и опомнится. Он не совершит самоубийства, потому что он слабый, хороший и религиозный. Надо быть ограниченным, чтобы совершить.

— Дал бы бог, чтоб он опомнился [1],— сказал Л. Н.

Софья Андреевна взволнована делами с мужиками, которые не платят ей аренды и овес не возят. Вышло 36 человек косить и вязать овес, пришли к ним шесть. Стали им говорить — все бросили работать.

Л. Н. занимался с 7 до 9.15 «Кругом чтения», потом вышел к Д. Д. Оболенскому к чаю. Говорили о П. А. Буланже.

— Я надеюсь, что он ⟨жив⟩, он человек слабого характера,— говорил Л. Н.

Д. Д. Оболенский говорил, что время, которое переживаем, склоняет к самоубийству, и стал перечислять знакомых, которые совершили самоубийство за последнее время.

Л. Н.: И это (желание самоубийства Буланже) в связи с современным возбуждением.

Л. Н. говорил о вчерашнем письме Новикова, что у него, и вообще у крестьян, как Л. Н. видел на сходке сегодня у Черткова, сознание увеличивающейся нужды народа.

— И как ей не быть? — продолжал Л. Н.— У Ермилина, яснополянского крестьянина, было четыре взрослых женатых сына, бабы — красавицы. Когда которая провинялась, сажал ее в подполье. Было пять троек, потом сыновья поделились. Их бабы нарожали детей. Потом и эти поделились — и поля стало меньше, и всего один работник в доме. Старые устои семейной жизни расшатались, а новые не установились, кроме — ходить в города, где заражаются революцией. 30 лет тому назад кто бы думал, что будем разбиты Японией, что крестьянин (Новиков) будет писать письмо без ошибки грамматической, ссылаться на Маркса — кстати, а не чтобы показать начитанность, и писать так сильно, дай бог, чтобы Меньшиков так писал.

Дмитрий Дмитриевич говорил о пожарах вокруг него и у него. Его два раза жгли. Его сестру — баронессу Фредерикс — семь раз. У него сгорали два раза хозяйственные постройки. Что поджигали домашние — видно из того, что пожарные кишки были прорезаны. Говорят, что они мстят его арендатору. Он живет по-старому: никаких сторожей, а кругом отношение крестьян — все по-новому.

И Дмитрий Дмитриевич стал говорить про бессмысленные ужасы, которые творятся с той и с другой стороны.

Наступило молчание.

Л. Н.: Все хорошо, все хорошо! Это — growing pains *. Как в жизни человека есть периоды болезненные, так и в жизни народов.

Дмитрий Дмитриевич: Но этого в Европе нигде нет.

Л. Н.: Разве у нас в двадцатом веке должно повторяться то, что там было в девятнадцатом?

Дмитрий Дмитриевич вспомнил, что в 1849 г. и в России что-то подобное было [2].

Разговор о социалистах, их Штутгартском съезде [3].

Л. Н.: Они хотят из людей дурных сделать добродетельное общество.

Л. Н.: В каком восторге я! Какой восторг испытываю, особенно утром!

---

* муки роста (*англ.*).

3 сентября. Утром уехал Д. Д. Оболенский и приехал Андрей Львович, пополудни приехал Н. Л. Оболенский. Приходили Эртель и Сытин с Чертковыми, Картушин, Досев, Гольденвейзер. Ночью вернулись Александра Львовна, Анна Ильинична, М. А. Маклакова и приехал Д. А. Кузминский.

Софья Андреевна волнуется, что парни деревенские, приехавшие с телегами к огороду воровать капусту, обстреливали ригу, куда спрятались сторожа, караулившие капусту. Сегодня то же *. Софья Андреевна желала бы бросить все и уехать куда-либо в Москву жить, но не хочет попустить, хочет выдержать. Имела переговоры со старшиной и старостой. Они ничего «не могут» (не хотят) сделать: «Народ бастует».

Николай Леонидович подбадривает Софью Андреевну, хотя говорит ей, что мужики все-таки возьмут свое.

Софья Андреевна жаловалась Сытину, а он ей рассказал:

— У нас в мастерских та же история. Свои дела с рабочими. Они требуют, чтобы мы им отдали все; отношения с мастеровыми враждебные. Они бессердечные. Старые умеренны, но их мало. Молодежь хочет отнять все: мастерские. — Рассказал, как его типография горела, а пожарные не тушили.

Софья Андреевна за тем же круглым столом разговорилась с Эртелем о хозяйских делах. Эртель сказал ей:

— Я бы сбежал. Вам другого не остается. Сожгут вас.

Софья Андреевна: Я застраховала,—и, продолжая преувеличенно черно рисовать отношения крестьян к ней, сказала, что она им теперь ничего не даст в аренду. Рожь посеяна, а они отказываются от других повинностей. По закону земля принадлежит ей, не должна с ними делиться, и т. д., и т. д. Но что делать?

Л. Н.: Отдай им.

Софья Андреевна: В аренду?

Л. Н.: Без аренды. Не в аренду, так.

На это Софья Андреевна и не ответила, презирая такой совет.

Софья Андреевна боится, что ее убьют, но и Эртель, и Николай Леонидович, и Андрей Львович — а Л. Н., разумеется, спокойнее всех — уверяют ее, что этого не сделают.

Андрей Львович рассказал про Люцерн, про железную дорогу, ведущую на гору Риги. Л. Н. рассказал, как он пешком шел на Риги и сказал, что так было лучше [1]. Николай Леонидович говорил, какой грохот в туннелях на Риги; если бы туннели были подлиннее, то уши не вынесли бы, но ездят так, потому что так удобнее.

Л. Н.: Это эмблема всего прогресса: что удобнее, но удовольствия меньше. Это как дупелей машиной стрелять.

Вчера Л. Н. говорил (не помню к чему):

— Раньше объясняли себе так, что земля плоска и солнце кружится: восходит и заходит. И это объяснение удовлетворяло их. Теперь наше объяснение удовлетворяет нас. Но это объяснение не последнее.

Л. Н. разговорился у другого стола с Сытиным. Присели Чертков и я. Сытин говорил о невоздержанности рабочих и что власти боятся их, не выступают против них. За границей, где меньше полиции, чем у нас, больше порядка.

Л. Н.: Там престиж власти есть, а у нас разрушен.

— Слава богу! — сказал Владимир Григорьевич.

---

* Об этом деле мне не удалось узнать правду. Крестьяне говорили мне, что капусту воровать — они воровали, но стреляли сторожа — в них, а потом выстрелили в крышу риги и сказали, что это воры стреляли. «Наших трое ребят отсидели, из-за сплетни, невинно три месяца» (административно). Однако же признавали, что у парней револьверы были.

Сытин быстро повернул голову и с удивлением посмотрел на Владимира Григорьевича.

Софья Андреевна читала, главное Эртелю и Сытину, историю своей жизни.

Слышно было пение из комнаты Александры Львовны. Л. Н. с Чертковым пошли слушать и звали Картушина. Он не пошел. (Это ему грешное, мирское.)

Во время завтрака Л. Н. разговаривал с приехавшим Николаем Леонидовичем, который противоречил Л. Н-чу во всем, и это раздражало Л. Н., но он не выражал раздражения, а только перестал говорить. В прошлом и позапрошлом году Николай Леонидович был одним из тех редких людей, которые хорошо понимали Л. Н., и разделял его взгляды на церковь, государство, общественные задачи.

4 сентября. Репин спрашивает Юлию Ивановну, может ли он приехать в Ясную Поляну и когда.

— Я слышу Репина: «Что, Лев Николаевич, у меня таланта никакого нет, а терпение и терпение»,— с доброй улыбкой сказал Л. Н., обращаясь к Юлии Ивановне.

Л. Н. говорил Владимиру Григорьевичу о том, что молодежь яснополянская имеет револьверы и что Андрей Львович хлопочет, чтобы их отняли.

— Могут ведь убить кого-нибудь,— сказал Л. Н.,— можно предупредить.

После обеда Чертков прочел вслух Л. Н-чу письмо Моода.

Л. Н. (*к Владимиру Григорьевичу*): Теперь я вам скажу секрет.— И сказал Черткову, чтобы не строились в Телятинках. Во-первых, потому, что может скоро умереть; во-вторых, что Софья Андреевна не сочувствует этому. Софья Андреевна теперь раздражена. Если захочет в другое место уехать жить, он поедет с ней. Чертков ответил, что у них уголка, «дома» нет, и они хотят его построить вблизи Ясной, которая им дорога милыми людьми, и им кажется, что им следует лучше всего продолжать поддерживать связи с ними и жить вблизи места деятельности Л. Н-ча.

Потом Л. Н. говорил о письме своем к П. А. Столыпину, которое перестало быть секретом [1]. Андрей Львович рассказал, что обедал с А. А. Столыпиным и тот ему сказал, что его брату письмо Л. Н. было очень приятно, но что он ошибается, если думает, что на него великие князья имеют влияние.

Л. Н.: Если не нашел другого что ответить, это самое последнее.

Владимир Григорьевич: Вы даже пишете — царь и великие князья (влияют на Столыпина). И что он не отвечает, сделает ли что?

Л. Н. сказал, что видно — ничего из этого не будет (т. е. из того, чтобы Столыпин подал проект единого налога). И что он теперь это дело кончил. «Сказал и спас душу свою» [2] и что у него есть другие, более серьезные дела.

Л. Н.: Я смотрел книжечку моих мыслей «о любви». Это вы составили? — спросил он Владимира Григорьевича.— Часть мне понравилась; вижу, что есть мне что сказать и что это нужно, а другую часть теперь бы иначе выразил [3].

Л. Н.: Я утром вместо сада хотел пройтись по деревне, поговорить со встречными, с Тарасом. Но сперва у дома встретился с одним, а на дворе встретил шесть мужиков, разговаривающих с приказчиком. У них ночью забрали лошадей в саду. Они ко мне обратились, я им сказал, что я не хозяин, но сказал приказчику, чтобы мягче с ними поступал.

Софья Андреевна говорила, что Л. Н., думая, что у одного Резунова поймали лошадь, дал ему деньги для выкупа.

Вечером Николаев, Гольденвейзер и другие сидели около Л. Н., и он рассказал, что писал П. А. Столыпину и что тот ему не ответил. Потом написал его брату Александру, который Л. Н-ча любит, и спросил его, почему Петр Аркадьевич не отвечает [4].

Л. Н. говорил, что теперь благоприятное время в России для осуществления проекта Генри Джорджа; пока есть община, есть и понятие того, что земля общая. Когда же земля разобьется на мелкие собственности, когда взойдут на тот путь, на котором находятся западные народы, тогда отсрочится возможность введения проекта Генри Джорджа на 300 лет. Если бы ввелось обложение ценности земли, тогда владелец 500 десятин земли, упрекаемый Новиковым, мог бы прямо смотреть ему в глаза, потому что он платил бы за пользование землей на общественные устройства, стало быть, и ему, Новикову.

Я заметил, что обложение земли по Генри Джорджу неосуществимо теперь в России, если бы и хотел Столыпин, потому что неизбежность этого еще мало проникла в сознание общества. Капиталистам, которые через земельные банки больше всех пострадают, удалось бы воспрепятствовать осуществлению такого закона влиянием на правящие сферы (Думу) и прессой на публику.

Л. Н. сказал на это, что если бы крестьянские депутаты в Думе захотели ввести «единый налог», капиталистам нельзя было бы остановить его.

— Столыпин — ему должно было бы быть лестно сделать такой огромной важности дело,— сказал Л. Н.— Но ему кажется важнее флот, миллиард на новый флот, чтобы оборониться от японцев...

Кто-то заметил, что А. А. Столыпин Андрею Львовичу сказал, что его брат—военный министр—против казней революционеров, но за это стоит Николай.

— Пока будут правительства, неосуществимо обложение по Генри Джорджу, так как ворота, которыми можно попасть в правители, так устроены, что проходят одни честолюбивые государственные люди,— сказал Л. Н. И дальше говорил, что читал сегодня «Слово» (Петербург).— Либеральная газета. Если бы правительство остановило печатание моих статей, это распоряжение им — либеральным журналистам — было бы на руку. Они могли бы лишний раз ругнуть правительство. Их полемика с другими газетами какая: они не вникают в доводы противника, но по своей программе огульно отвергают, что̀ он предлагает, и внушают свою политику (программу), а этим образом большое зло разводится.

Л. Н.: Сегодня получил ремингтонное ругательное письмо за статью «Не убий», вероятно, от черносотенца [5].

Какой милый, терпеливый, жертвующий временем и вниманием, бывает Л. Н. со всеми гостями, и самыми тяжелыми и чуждыми ему. И какой услужливый: прохожим, ребятишкам яснополянским и окрестным, просящим книг, выносит их. Ему, часто усталому, приходится за ними ходить иногда по нескольку раз на второй этаж. Каждого в каждой мелочи старается удовлетворить.

5 сентября. Яснополянские крестьяне несколько дней как забастовали; пять-шесть настраивают, другие подчиняются. Ушли с работы и с тех пор не приходили; не платят аренды, пускают в сад лошадей, ночью с телегами приезжают к огороду за овощами, две ночи обстреливали (правда ли?) сторожей, полная распущенность. В эту ночь сторожа загнали десять лошадей в конюшню: утром оказалось их только пять; думают, что кучера выпустили остальных родным. Софья Андреевна вызвала стражников, чтобы отнять револьверы и ружья и напугать. Л. Н. был против того, но

Софья Андреевна с Андреем Львовичем телеграммой к губернатору просили стражников. Губернатор же телеграммой к исправнику поручил ему послать шесть стражников в Ясную Поляну. И они сегодня приехали, делали обыски на деревне и арестовали нескольких — кажется, троих. Двух из них за кражу теленка и еще чего-то у соседей-крестьян *.

Л. Н. покоряется, Владимир Григорьевич возмущен.

Пополудни Л. Н. был у Анны Константиновны; говорил о Диме, что играть в лаун-теннис каждый день, когда люди работают, не должно, совестно. Можно по воскресеньям. Говорил про то, что происходит в Ясной, про распущенность молодежи. Шел садом, услышал в кустах мальчика, скверно ругающегося. Подошел к нему, это был 13-летний сын Ольги Матвеевой и двое меньших мальчиков, и уговаривал его, но он солгал, что он не ругался. И, когда Л. Н. сказал ему, не стыдно ли ему мальчишек, меньше его, он показал на младшего: «А этот меньше — и хуже меня ругается».— Л. Н-ча поразил наглый и спорящий тон.

Л. Н.: Этот тон ужасный, чувствуешь, что тут никакой восприимчивости нет; раньше этого не было: как стакан вверх дном поставленный, сколько ни льешь в него воды, в него не попадешь. Отношение к старикам изменилось, раньше их уважали. Православие, посты держались стариками, уважением к старикам. Теперь встретил старика; рассказал мне, что ехал верхом, мальчики выскочили и стали хлопать, чтобы испугать лошадь. Он упал, разбился, они хохочут.

Анна Константиновна со своей стороны рассказала, что̀ ее приводит в негодование. Л. Н. успокаивал: «Все к лучшему».

Л. Н. говорил о том, как мужики «нас» (господ) ненавидят. Бобринская (она была крестьянка) говорила мужу: «Если бы вы знали, как мы вас ненавидим!» И как лицемерят: «Век за вас молиться буду».

За обедом Л. Н. рассказал о молодом Малеванном, приехавшем сегодня ночью к Чертковым:

— Приятное впечатление произвел на меня: религиозный, скромный, серьезный и вполне свободный.— Дальше Л. Н. сказал, что Малеванный заговорил с ним о Христе, и он ему никакого особенного, исключительного места (значения) не придает, а как историческое лицо считает одним из лучших. Христос — только человек, приведший людей к сознанию, что они сыны божии. Малеванному не нужно никакой мистики для того, чтобы проникнуться этим и создать отношение к людям как к сынам божим, а другим еще нужна мистика.

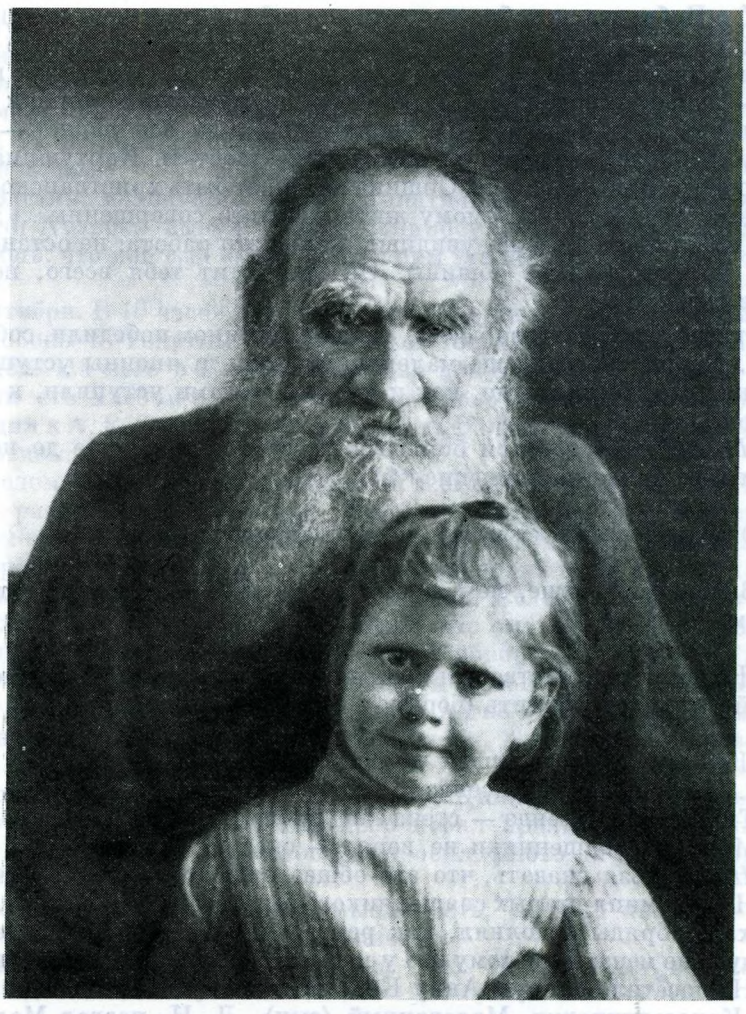
Дима и Владимир Григорьевич с юмором рассказали, как приняли Малеванного за экспроприатора. Приехал с сестрой на извозчике ночью. Было очень темно, они взошли на веранду и топтались, шарили, ища дверей. Владимир Григорьевич вышел, как встал с постели, со свечой. Они (от неловкости) прятались за колонны. Владимир Григорьевич принял Малеванного за экспроприатора и стал его усовещать, что стыдно таким делом заниматься, и хотел принести ему книжек. Потом выяснилось. Попади они на людей других, пылких, у которых револьверы, ошибка могла трагически кончиться.

Вечером у Л. Н. школа. Пришли: Роман, Валек, Танечка Николаевы и один мальчик из деревни, и Л. Н. ими занялся. Они пришли и проститься — завтра уезжают. Л. Н. не отказал им в желании, минут 20 учил их в кабинете.

Потом приехал Клепацкий от «Голоса Москвы», сообщил, что статья «Не убий никого» появится без пропусков [1].

---

* Они (стражники) прибыли до приезда губернатора (7 сентября), а после остались двое жить постоянно в усадьбе. Один из них даже в доме, к большому страданию Л. Н.— *Позднейшая запись Маковицкого.*



ТОЛСТОЙ С ВНУЧКОЙ ВЕРОЧКОЙ
Ясная Поляна, 11—14 сентября 1907 г.
Фотография В. Г. Черткова

«Приехала С. Н. Толстая с Верочкой... Л. Н. был очень рад Верочке: «Умница, самостоятельная, сердечная». — Записи от 11 и 16 сентября 1907 г.

Сегодня «Русские ведомости» телеграммой спрашивали — могут ли статью сократить? (т. е. опустить им не годящиеся места). Чертков решительно отказал.

Л. Н. с Николаевым о Генри Джордже и о том, что в Англии откопали нового предшественника Генри Джорджа, сочинения которого напечатаны были около 1850 г. и посланы на его средства всем членам парламента. Последствия никакого, и его забыли совершенно.

— Вы американцам перевели их взгляд с политической точки зрения на нравственную точку зрения,— сказал Николаев Л. Н-чу.

— Это главное,— сказал Л. Н.

Разговор перешел на политические темы. Л. Н. заметил:

— Министры Боголепов, Плеве были низменного типа; Сипягин, Святополк-Мирский — добродушного типа.

Л. Н.: Побороть недоброе чувство в себе, ⟨следовать правилу⟩ fais ce que tu dois... *, никаких планов себе не представлять. Самое ужасное творится людьми ради воображаемых последствий. А к чему приведут планы — нельзя предвидеть. Убийство французского короля привело к Наполеону. Что будет (себя исключаю — мне все равно) — будет к лучшему. Я поехал к Марии Александровне, застать Картушина. У него земля, хочет ее отдать общине. Община не может быть христианской, а нужно только стараться, как самому жить. «Будьте совершенны...»[2] ⟨Начни только⟩ работать над собой, увидишь, какая это работа: не останется тебе времени на устраивание общины. Она поглотит тебя всего, покопайся только в себе **.

6 сентября. Был разговор о том, что под Ляояном победили, собственно, русские. Им бы сделать еще маленький напор, и японцы уступили бы, но русские стояли пассивно, как и японцы, и сами уступили, к изумлению японцев.

Л. Н.: Это всегда и при борьбе в обхват: напряжение до последних сил — и еще малое напряжение ***.

— Отдать все свои силы на свою внутреннюю работу.

— Знаю, что лучше, чем писать «Круг чтения», кротко относиться к людям.

— Желание воздействовать на других граничит с желанием славы людской, тут надо усилить (борьбу с этими желаниями).

— Желание жить в душах других людей — законно.

К Л. Н-чу приезжал ксендз, о котором он после сказал:

— Типический ксендз — стена, не пропускающая ничего.

— Молодые священники не верят,— сказал кто-то.

Л. Н.: Нельзя сказать, что это общее правило.

Л. Н. вспомнил старых священников, бывшего кочаковского, который сам пахал, обряды исполнял, как ремесленник. Он был недалекий. Это ему ничуть не мешало, потому что у него сомнения никакого не было.

Л. Н. посетил больную Анну Константиновну. После обеда приехали Иосиф Константинович, Малеванный (сын). Л. Н. позвал Малеванного в кабинет и с час с ним разговаривал. Потом позвал Иосифа Константиновича, потом вышли к чаю. Малеванный — 27-летний женатый сапожник, живет с родителями; разумный, добрый, приятный; лицом очень похож на отца. От мистицизма освободился. Говорил, что еще двое из его единомышленников очень желают видеть Л. Н-ча. Л. Н. ответил, что будет рад, если приедут.

Л. Н. получил письмо от А. А. Столыпина с вложенным письмецом к нему Петра Аркадьевича. Петр Аркадьевич извиняется, что не отвечал Л. Н-чу. «Я не хотел наскоро отвечать на его письмо, которое меня, конечно, заинтересовало и взволновало», «я напишу ему, когда мне станет это физически возможно сделать» и что теперь коротко пишет — хочет обдумать Генри Джорджа, но считает невозможным осуществление.

Л. Н. отыскал статью Абрикосова об Архангельском, хочет поправить ее. Рассказал Марии Алексеевне, кто такой был Архангельский, написавший «Кому служить?»[1]. Служил ветеринарным фельдшером в земстве

---

* делай то, что должен (*франц.*).

** Запись от слов: «Будьте совершенны...» сделана на отдельном листке.— *Ред.*

*** Следующие далее разрозненные записи до слов: «сомнения никакого не было» сделаны на отдельных листках.— *Ред.*

(где получал 100 р. месячного жалованья). Требовали от него, чтобы распоряжался скотом крестьян. Он отказался от места и стал приделывать к чайникам носики, этим кормился, потом часы чинил.

— Очень духовный человек был,— сказал Л. Н.

М. А. Маклакова заговорила об Ауэрбахе. Л. Н. рассказал коротко о свидании с ним:

— Толстяк, маленького роста, симпатичный. Мы шли мимо мальчика курящего. Ауэрбах вынул у него папиросу, отбросил и сказал: «Если ты увидишь, что мой сын курит, и ты с ним так поступи, и я буду тебе благодарен».

7 сентября. В 10 часов дня, проездом в Крапивну, заехал новый губернатор Кобеко к Толстым. Молчаливый толстяк, только раз по-детски улыбнулся. На него в Казани было два покушения. У деревни мужики встречали его хлебом-солью, с ними ласково разговаривал. Пополудни Л. Н. ездил к А. Е. Звегинцевой. У нее дочь Волконская. Они его обращали в патриотизм.

За обедом, пока Л. Н. не пришел, он всегда приходит на 10—15 минут позже — размолвка: Александра Львовна возмущена тем, что стражник под вязом спрашивал прохожих о паспортах и поймал одного беспаспортного. Спросила мать — будет ли это так продолжаться: «Разве папа̀ надо охранять стражниками? Как ему это тяжело! Если бы не папа̀, я бы сейчас уехала». Софья Андреевна возразила, что она держит стражников для своего спокойствия и для того, что могут обворовать дом — не крестьяне, а в Засеке живущие хулиганы. Андрей Львович поддержал мать и наговорил Александре Львовне, что «папа̀ легко отказаться от имущества и жить на готовом»,— ставя ему это в упрек. Александра Львовна ушла от обеда.

Вечером были Владимир Григорьевич, Дима, Н. Д. Ростовцев, Гольденвейзеры. Шахматы. Гольденвейзер играл прелюдию (или этюд) Шопена: Л. Н-чу очень понравилось и спросил, много ли писал Шопен.

Гольденвейзер: Мало.

Л. Н.: Писать можно, когда мысли есть; Шопен, кажется, так писал,— а не садиться и на заказ писать.

Гольденвейзер, кажется, сказал, что Шопен был недоволен собой.

Л. Н.: Смирение — условие совершенства, пример — Пушкин.

Поправкам предел, когда начинаешь портить. У каждой мысли есть предел выразимости. Сперва мысль нова — интересно, потом, по мере того, как поправляешь ее, перестает быть новой, интересной, теряет первую свежесть (с какой она была выражена) — портишь ее.

Принесли телеграмму от Леонида Андреева: просит разрешения приехать. Л. Н. молчал. Софья Андреевна сказала:

— Пускай приедет, надо ответить ему.

Л. Н. раздумывал — как ответить: «Приезжайте»? — нет. «Буду вам рад» — это не будет правда.

— Напишите,— обратился ко мне: «Милости просим» [1].

Гольденвейзер стал говорить, что Андреев в последнее время собой недоволен.

— Какого вы мнения о нем? — спросил он Л. Н-ча.— Читали «Красный смех»? Говорят, ужасное.

Л. Н.: Он был у меня (в Крыму). На меня никакого впечатления не произвел. «Красный смех» мне не понравился. На днях читал Chamfort, что актеры иногда нарочно грубо играют, подчеркивая грубые места, смотря по публике. Публика требует чепуху — Андреев ее требованиям отвечает, удовлетворяет ее.

Гольденвейзер спросил Л. Н-ча что-то о Тургеневе, потом о раздоре, который был между ними. Л. Н. не отвечал, ему как бы не хотелось об этом — больное место — говорить. Потом сказал:

— Тургенева с любовью вспоминаю.

— Был прекрасный человек, он тебя любил как писателя, сердечно относился,— сказала Софья Андреевна.

— Сердечных отношений, кроме (я не расслышал к кому), ни к кому не было.— Л. Н. говорил это мягко (а не так, как написано в заметке — с осуждением) [3].

Гольденвейзер заговорил об Афонском монастыре, что там очень практично все устроено, и как они эксплуатируют народ. Их кухарка получает оттуда письма, вещи из кипариса, разные масла от болезней. Она им переслала на поминки по покойным — матери, отцу и другим родным — по частям, что-то около 60 р., и все с большой радостью.

Л. Н.: У нее есть потребность жертвования — прекрасна с ее стороны. С их же стороны — самая ужасная эксплуатация, и во имя чего? Святейшего.

Гольденвейзеры простились, утром уезжают из Телятинок.

8 сентября. Я ездил с Андреем Львовичем в Таптыково. Заснувшему пастушку бык прободал глотку и помял его. Вернулся после полуночи, заблудился. Утром был у Л. Н. старик-пчеловод из Засеки, тесть лесничего, бывший переписчик у Л. Н., когда он писал «Войну и мир». (Рассказывал, что Л. Н. по комнате ходил, что-нибудь из глины лепил или выстругивал и диктовал.) Его посещал гимназист Чернов из Тулы с друзьями. Их около Кудеярова колодца арестовали, считают их соучастниками — убийцами людей Звегинцевой. Старика, ничего не подозревавшего, становой за «укрывательство» напугал судом. Пришел просить у Л. Н. защиты [1].

Вечером без гостей. Л. Н. не выходил. Л. Н. получил просительное письмо — 25 р. на обучение фехтованию. Хочет написать и напечатать письмо в газетах, чтобы к нему не обращались за денежными пособиями, что у него средств нет [2].

9 сентября. «Не убий никого» должно было появиться 8 сентября. Но «Слово» (Петербург) напечатало 7-го, и не целиком [1]. Какое неуважение к Л. Н.! 8-го напечатали другие газеты, но ни одна целиком. Юлия Ивановна сказала мне, что Л. Н. огорчился и сказал, что теперь корреспондентов принимать не будет.

Л. Н. пополудни был на сходке у Чертковых. Чертков прочел вслух неоконченный черновик «Прощания» с ходившими на сходку молодыми людьми. Л. Н. пишет в нем о соблазнах в жизни [2]. Под вечер приехал доктор из Красноярска. Л. Н. спросил его:

— Вы революционер?

— Я сочувствую революции.

Приехал бывший священник тюремный, Троицкий, 60-летний из Тулы, который— Л. Н. не знает почему — приезжает к Л. Н., любит его, притом остается твердым православным [3].

За обедом Л. Н. спросил у Софьи Андреевны пальто для нищего, который просит.

— Я понимаю этих нищих: кормиться могут, а как сапоги разобьются, платье износится, его завести не в силах,— сказал Л. Н.

Л. Н. спросил священника о его семье. Сын, окончивший семинарию, пошел на философский факультет, а дочь вышла замуж за окончившего семинарию, который мог бы идти в священники, но она желает, чтоб он был студентом — так и есть. Священнику чудно̀ иметь дочь за студентом (сирота без средств). «У самого сапоги протоптаны, а им (детям) не сапоги, а какие-то штиблеты, ботинки покупаешь»,— сказал он.

Л. Н. спросил, не революционеры ли сын и зять?

Священник перекрестился:

— Бог миловал, нет.

Когда встали от обеда, священник поискал икону перекреститься, но в углу ее не оказалось, и перекрестился на портрет монахини, заметив там крест. «Этот образ охраняет ваш дом»,— сказал он. Л. Н. ответил, что это ⟨изображение⟩ считалось чудотворным и что его предок — показал на слепого Горчакова — похитил его в Никольском и привез сюда [4]. Со священником Л. Н. простился сердечно и сказал, что мило было ему его посещение.

Л. Н. сообщил мне о том, что «Не убий никого» не напечатали целиком; с неудовольствием и негодованием на газеты, и особенно на «Слово», сказал, что они, не сдержав условия напечатать целиком, поступили бесчестно, совсем так, как если бы не выполнили условия заплатить гонорар.

Л. Н. сегодня упал с лошади. Вороной задними ногами провалился на мостике. Кроме того, Л. Н. прозяб, в 7 часов ложился, в 11 пришел в халате и читал газеты.

10 сентября. Понедельник. Приехал 17-летний петербургский юноша, ученик Института путей сообщения, сотрудник «Руси» и «Товарища», с тем, чтобы видеть Л. Н., от которого он в восторге, и описать беседу с ним. Был председателем сходки 250 старост и выборных гимназистов. Был арестован по подозрению в соучастии в убийстве. (Он знал, что готовится, но не участвовал.) Он социалист, и теперь, когда надежда на осуществление социализма в России рухнула, ему не во что верить и ничего другого не остается, кроме пули в лоб. Отец-врач с женой не живет, и он живет отдельно от отца. В деревне никогда не был. Видя молотьбу, спросил: «Что это они колотят палками?»

— Вот кто пишет наши газеты! Он, как теперь не знает деревню, так 20 лет ее не будет знать, и все будет писать в газетах,— сказал Л. Н.

Л. Н-чу этот студент сказал комплимент: «Вы будете таким известным, как Маркс».

Он приехал, чтобы описать в газетах свое посещение Л. Н-ча. Л. Н. попросил его, чтобы не делал этого. Чертков спросил Л. Н., читал ли этот студент его последние сочинения?

Л. Н.: Кажется, не читал, а, может быть, читал. Впечатление от них получается смотря по настроению.

За обедом: Чертковы, Перна, И. К. Дитерихс, трое детей Е. К. Оболенской с учительницей. 19-летняя гимназистка очень умная, милая. Л. Н. спросил учительницу про ее занятия.

— Интересное. Мое любимое занятие — учить детей,— ответила она.

— А дисциплина у вас большая? Руки поднимают? Очень не люблю, когда руки поднимают.

За обедом и чаем Л. Н. о Марке Аврелии. Прочел вслух из него то, что помещено под 9 сентября в «Мыслях мудрых людей» [1].

— Это удивительная среда,— сказал Л. Н. — Подумаешь, что значит среда. Он думал, что говорит противоположное христианству, а говорил то же самое. Христиан преследовал, воевал. Сотоварищем взял Коммода и на него свалил управление. Как мы удивляемся Марку Аврелию, так в будущие века будут удивляться нашей жизни: как могли жить так и так писать и говорить.

Л. Н. просил Черткова достать ему в Англии хорошее исследование о Марке Аврелии [2].

Л. Н. говорил Черткову, что у него три работы, но сегодня совсем не писал — и ничего, доволен так.

С М. М. Клечковским Л. Н. говорил о воспитании:

— Воспитание — самому надо знать, как жить, чтоб учить других. А педагогика — это легкий способ преподавания знаний. Воспитывать может, кто сам знает, как жить. Каждый человек чувствует в себе божественное начало, не ограниченное ничем и, вместе с тем, ограниченное в себе. Дело воспитания (процесс жизни) — расширить божественное начало. А у нас учение — добиться медали, диплома, эгоистических целей добиваться.

Л. Н.: Я критически отношусь к просвещению, если просвещение в том, что мы преспокойно устраиваем университет, такую залу (показал на ту, в которой сидели) — консерваторию... это не просвещение... А в Америке еще хуже, чем в Европе.

Л. Н. сомневается: следует ли наслаждаться, забываться музыкой, романами (что он сам писал); он настолько испорчен, что может наслаждаться Шопеном, Бетховеном.

Просил Клечковского играть, и, когда тот сказал, что может только в четыре руки, сам Л. Н. сел и играл с ним Гайдна, потом Клечковский играл один. Л. Н-чу игра была, видимо, желанной потому, что он не должен был разговаривать,— устал.

Уезжала Софья Андреевна в Москву, просила меня смотреть, когда Л. Н. возвращается, и чтобы не простудился.

Л. Н. с Клечковским.

Клечковский: Смысл революции — принудить паразитов отречься от мнимых преимуществ.

Л. Н.: Праздная жизнь богатых полна соблазнов. Рабочие с детства работают, всегда чем-нибудь полезным заняты. Подпаски.....*

Клечковский говорил о своих детях, что они привыкают работать: убирают в комнатах, занимаются ремеслами.

Досев говорил, что у болгар нет фамилий, а одни имена и отчества. Он Христо Досев, а его сын будет Досий (Феодосий) Христов. Клечковский и Досев завтра утром уедут. Вечером уехала Софья Андреевна в Москву.

11 сентября. Приехала С. Н. Толстая с Верочкой и грудным ребенком. Л. Н. говорил с ней и не мог вспомнить что-то и заметил:

— Месяц-полтора тому назад я потерял память. Не могу вспомнить имена, кто здесь был.

Софья Николаевна хотела утешить его, что это, может быть, усталость.

Л. Н.: Я не жалею. Это свойство старости.

За обедом: Софья Николаевна с маленькой Верочкой, Александра Львовна, Юлия Ивановна, Д. А. Кузминский. Говорили о трех знакомых, коим оперировали почки. Одному из них вынули мнимотуберкулезную почку, и, оказалось, она зарубцевалась, не нужно было вынимать. У другого были камни в почках, у третьей — гидронефроз. Л. Н. сказал, что ему лучше думать, что он соломой набит, чем думать о том, какие органы, чем они могут заболеть, и что лучше не лечиться.

Вечером, часу в 11-м, Л. Н. пришел к чаю. Говорил, что читал статью «История христианских церквей», которую, по поручению Черткова, пишут Miss Мауо и Хирьяков. (Хирьяков — о русской церкви и сектах, дошел до Ивана Грозного.)

Л. Н.: Мауо читать скучно, пишет культурно-учено, останавливается на документах исторических, что̀ говорит за правдивость их, что̀ против... Хирьяков пишет хорошо [1].

Потом говорил с Софьей Николаевной о ее знакомых и о семейных делах.

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

Сегодня Чертков был два раза. Вечером с 7 до 9 приехал с Е. П. Кутелевой, горбатенькой фельдшерицей, которая помогала во время голода Л. Н. и потом продолжала работать в голодных местах: Рязанской, Самарской, Бессарабской, Воронежской губерниях. Симпатичная, энергичная, добрая. Л. Н. говорил, что получил просительные письма: об усыновлении, о помощи для поступления в школу журналистов, какая есть в Одессе. Последнее чуждо Л. Н-чу. Потом письмо сочувствующее, из которого видно, что, должно быть, газеты переврали, будто в Л. Н. стреляли (те, которые обстреливали сарай), и еще телеграмму получил по этому же поводу. Л. Н. просит губернатора отпустить трех арестованных в Ясной Поляне и сегодня написал ему об этом [2] (приходят просить матери), и завтра Александра Львовна свезет письмо в канцелярию губернатора.

12 сентября. С пополудни до 9 вечера был Чертков. Говорил, что получил письмо от Файнермана, сотрудника петербургской газеты «Слово». Редактор извиняется, что преждевременно напечатал «Не убий никого». Надули не только Л. Н-ча, но и все русские газеты. Чертков ответил, что с такой газетой больше нельзя иметь дела.

Л. Н. мне говорил, что получил две книги; одна — русского доктора о разврате — очень хорошая [1]. Вступление уже хорошее: приходит мальчик 14-ти лет, бледный, говорит, что у него заразная болезнь. Врач думает, что это ему внушено, но он действительно заражен. Когда Л. Н. рассказывал это, у него слезы выступили на глазах. Дальше о проституции. Другая книга〈!〉 «Selling Magazine» — об искусстве продавать, делать объявления, чтобы заинтересовать публику [2]. Поручил мне 12-го числа каждого месяца посылать заключенным за отказ (от военной службы) Куртышу и Иконникову по 5 р. Вечером за чаем вспомнил еще раз и сказал Александре Львовне: «Если бы я умер, посылай им ты».

За обедом Л. Н. вспомнил о разговоре с Жихаревым; это прозвище принял на время Кузьмин (живущий с таким паспортом), который хочет странствовать. Л. Н. говорил ему, что любить надо в настоящем, а люди забывают настоящее ради будущего. Жихарев ответил, что у Ницше это сформулировано так: «Люби будущее, и за благо будущих людей можешь не любить в настоящем, жертвуй настоящим ради будущего».

Л. Н.: Это самое безнравственное, я как раз наоборот утверждаю.

Во время обеда приехала Александра Львовна из Тулы. Рассказала, что губернатор обещал выпустить одного сейчас, а о двоих тотчас же начать следствие, чтобы их тоже можно было выпустить. Был резок, сказал: «Как же быть, почему отпускать? Ведь графиня хотела попугать мужиков, потому приняты эти меры». Сказала, что в конторе у Зверева нашла место саратовскому учителю, который утром приходил к Л. Н. и теперь здесь ждет. Л. Н., не дообедавши, встал из-за стола и пошел вниз сообщить об этом учителю.

После обеда шахматы с Владимиром Григорьевичем. «Как он хорошо играет!» — приговаривал Л. Н.

Привезли почту из Тулы. Л. Н. смотрел с ужасом на эту кучу книг, журналов, писем, брошюр. Брал в руки, взвешивая: «Каково положение? Это все письма — штук 20» (столько было одних заказных)

Чертков искал и не нашел, что Л. Н. диктовал о Кросби [3]. Он составляет очерк его биографии и просил у Л. Н. письма Кросби к нему.

Л. Н. поперхнулся, как это часто с ним случается. Тут ни переговариваться, ни вызывать его на ответ, но Софья Андреевна всегда что-нибудь скажет, а сегодня Софья Николаевна и даже Юлия Ивановна. Л. Н., силясь ответить, побагровел и поземлел и долго не мог откашляться. Софья Николаевна подала ему воды напиться, Л. Н. попил, может быть, чтобы ей не отказать.

После нескольких минут Л. Н. сказал:

— Умереть хорошо бы! Ни писем, ни просителей, ни стражников.— Л. Н. только что рассказал, как выходил утром к учителю, у которого стражник спрашивал паспорт. Л. Н. сказал ему и помощнику станового, чтобы этого не делать. Помощник станового грубовато ответил, что графиня желает быть огражденной от подозрительных людей, как же им не смотреть паспорта, они должны.

Дима хочет завтра в Тулу. Отец отговаривал его. Александра Львовна рассказывала, кого видели в Чернышёвской гостинице. Л. Н. вспомнил, что он в молодости ездил в Тулу раз в один — три месяца, а теперь (его сыновья, молодежь) ездят так часто.

— Удивляюсь,— сказал он,— почему ездят в Тулу. Просто от скуки. Средство развлечь свою скуку.

Вечером за чаем Л. Н. разговаривал с Софьей Николаевной. Она говорила про Илью Львовича, который стал служить в земельном банке в Саратове, как скромно живет: квартира и стол за 40 р. «Это ему к чести служит»,— заметил Л. Н. И пишет, что чуть не прислал девушку, дочь саратовского священника, которая хочет учиться, за советом к Л. Н.

Л. Н., увидев в альбоме Митечки, что̀ ему написал давно, сказал:

— Удивительно, как долблю 20 лет все одно и то же — и успеха не видать. Приятно, что все точно то же. Можно было с тех пор и умереть, нечего больше сказать.

Л. Н. прочел кучу писем, из них было только одно приятное. По поводу его сказал, что приятно сознавать, что ты кому-нибудь нужен.

Горбунов прислал Розеггера: «Яков Последний» по-русски, а четыре тома (II—V) по-немецки [4].

Л. Н. (*мне*): Какой вы хмурый! Мне кажется, что я виноват в чем-то перед вами.

Я: Сохрани бог!

Л. Н.: Вы никогда свою жизнь не высказываете. Приятно было бы общение.

13 сентября. Четверг. Днем Чертков. Вечером: Чертков, М. В. Булыгин, Кузьмин, Досев, Гусев, Перна, С. Н. Толстая, Н. П. Иванова, Юлия Ивановна. Cercle *. Л. Н. говорил о Конфуции, что он был оппортунист, прилаживался к правительству. Рассказывал о его встрече с Лао-тзе; Лао-тзе был глубже. Чертков спросил Л. Н-ча о том, что он раньше говорил, что у Конфуция нет бога. Л. Н. сказал, что он читал так, но что понятие бога у Конфуция есть: называется Небом, Разумом Неба.

14 сентября. Л. Н., Александра Львовна, Софья Николаевна и я ездили к Чертковым проститься [1]. Когда Л. Н. верхом уезжал, провожавшие его стояли на балконе: Анна Константиновна, Н. Д. Ростовцев с дочерью Марией, И. К. Дитерихс, Кузьмин, Досев, Перна, Дима, Анна Григорьевна, Гусев, А. П. Иванов, Ваня (кучер Чертковых), смотрели, как Л. Н. сел на лошадь и шагом удалялся, еще с пути послав привет рукой. Стояли неподвижно; тишина была такая, как когда Мария Львовна умирала, и присутствовавшие на балконе деревенские не шевелились, и им передалось общее настроение. Все прощавшиеся думали — не в последний ли раз видим Л. Н-ча. Солнце западало против нас, было ясно, холодно, тишина кругом.

Потом Чертков прочел деревенской молодежи, сошедшейся последний раз у него, «Прощание» Л. Н.

16 сентября. Утром приехала Татьяна Львовна с Танечкой. Л. Н. очень рад им. Вчера говорил о том, как Таня дожидалась ребенка, наконец есть, а она в таком возрасте, что больше, вероятно, детей у нее не будет. Как она от природы нежна — его любит всей душой! Как он (Л. Н.) ее понимает!

---

* Кружок (*франц.*).

И. Е. РЕПИН

Ясная Поляна, 23 сентября 1907 г.

Фотография С. А. Толстой с автографической подписью художника:

«23 сент. 1907 г. Илья Репин. Ясная Поляна».

«Под вечер приехал И. Е. Репин... Восторженным, радостным взглядом смотрел на Л. Н. Улыбка (смеется по-детски) не сходила с его лица». — Запись от 21 сентября 1907 г.

Софья Андреевна заметила, что Таня трясется за Танечку, готовится к тому, что может ее потерять.

Л. Н. дал мне статью А. Я. Колесниченко «Как же человек-то?» и поручил ответить ему, что сожалеет, что он ее писал [1]. Пожалел, что у Колесниченко страсть к писательству: «Как нехорошо — эта страсть к писательству!»

Я думаю, что в этом случае Л. Н. ошибся. Вероятно, очень бегло просмотрел. Рассказ написан очень талантливо, и тема хороша. Во время приезда поезда на станцию, на первом пути маневрирует паровоз, жертва человеческая. Мне Л. Н. сказал:

— Вам бы надо написать об этих железных дорогах. Если это факты неопровержимые, по-моему, вам бы надо написать. (О казнокрадстве на

Привислинских железных дорогах, о чем я вчера рассказывал. См. мое письмо об этом [2].)

Софья Андреевна возмущена: поймали четырех яснополянских и четырех угрюмовских мужиков с дубами. Посадили их в тюрьму. Третьего дня приходили братья Макаровы к Л. Н., просят дубы на какую-то постройку. Л. Н. послал их к приказчику. Тот им сказал, что теперь никак нельзя дать. Л. Н. дал им 5 р. В ту же ночь пошли в лес. Староста увидел их, рубящих дубы. Софье Андреевне кажется, что она виновата в том, что творится. От Л. Н. слышит укоризны, надо прощать мужиков, и, когда она возразила, что тогда ни одного дуба не оставят, Л. Н. ответил, что лучше так, чем «не прощать». Софья Андреевна распускает слух, что отдала лес в казенную опеку, чтобы не воровали, говорит: «45 лет всё прощали, теперь хочу припугнуть, остановить. Мужики без стыда, без совести». Ваня (лакей) и его отец говорят, что это не ясенские воруют, а ворует полдеревни. Сегодня приходил Курносенков просить что-то: тот, который уговорил мужиков и баб бросить работу во время покоса. Объездчику грумантские погрозили, что его застрелят. Софья Андреевна встревожена, волнуется, говорит, что сделает, как Буланже: уедет куда-нибудь. Положение Л. Н. тяжелее — все приходят к нему просить его заступничества. Не верят, что он хозяйством не занимается и что оно — не его. Осуждают его.

Л. Н., возвратившись к обеду и застав разных просителей яснополянских, просил Ваню, чтобы не оставляли их ждать его в это время, когда он хочет отдохнуть, а чтобы приходили или утром, или в 2—3 часа. За обедом Л. Н. рассказал, что был у Марии Александровны, она больна. Избу ее разрушили, слишком холодна. Живет в новом доме, далеко от закута. По ночам не спит, боится — корову уведут.

Л. Н.: Какое тяжелое зрелище: едет урядник верхом, а перед ним двое скованных. Спрашиваю: «Кто это такие?» Баба ответила: «Это хорошие люди — украли двух лошадей, в Туле на базаре продавали». Какая тьма! Одни радовались, что их поймали. Одна баба их жалела: «Известно, нужда. Иначе воровали бы?» — Беда не в нужде, а в том, что не знают, что́ добро, что́ зло.

Татьяна Львовна рассказала, как у них ограбили князя Голицына, живущего в шести верстах от них, и собирались ограбить их самих и еще трех помещиков. Потом рассказала об охоте на волков у Сергея Львовича: убили пять молодых; четыре матерых убежали.

Л. Н.: Как это всегда бывает — и я этим грешил,— молодых волков убивают, старые от этого озлобляются и еще чаще режут скотину.

Потом Л. Н. вспомнил травлю молодых волков:

— Это гадко, ужасно: ведь это щенки.

Л. Н.: Я читал «The Open Court» (журнальчик, продолжение «The Crank»). Мне эта книжка не нравится. Какие-то шутки, намеки на то, чего никто не знает [3].

Вечером Л. Н. не выходил, уснул в кресле.

Уехал Иосиф Константинович в Тифлис. Завтра уедут Софья Николаевна с Верочкой и Кириллушкой и А. П. Иванов. Л. Н. был очень рад Верочке: «Умница, самостоятельная, сердечная».

17 сентября. Именины Софьи Андреевны и Софьи Николаевны. Софья Андреевна какая-то помолодевшая. Приехали Мария Александровна, Андрей Львович, к обеду — А. Е. Звегинцева. За обедом Андрей Львович, Звегинцева рассказывали про борцов в цирке: женщины-немки борются. Как пыхтят, потеют, кровью из царапин пачкаются.

Л. Н. в удивлении, что это есть, сказал:

— Это вы во сне видели.

Говорили о грабежах. Софья Андреевна свое серебро и другие ценности отвезла в музей. Андрей Львович заказал внутренние ставни.

Л. Н. сказал, что читает в газете «происшествия»; его поразило, что об ограблении Голицына в газеты не попало.

Л. Н. говорил про вчерашних конокрадов — когда их скованных вели и он их пожалел, в толпе слышалось: «Как жалеть?!»

— Разумеется, как их жалеть, когда воруют единственную лошадь,— сказала Звегинцева.

Л. Н.: Мне в мои старые года видно ясно, что единственное спасение (от грабежей, убийств) — доброта.

Звегинцева отстаивала право вешать таких людей. Во Франции прекратили это таким образом, что перестреляли 30 000 человек. Л. Н. усомнился, прекратили ли?

Андрей Львович говорил, что он ни к кому не имеет зла, но если на него кто нападет, невольно защитится, оттолкнет (рукой, револьвером) и только потом подставит щеку.

Л. Н. это понимал и говорил Андрею Львовичу, что ведь это стремление к непротивлению. Потом рассказал, что только что прочел сравнение: есть зверь, для которого единственное средство спасения — пускать смрад, а у человека — единственное средство — у того самого, на которого нападают,— любовь, доброта. Звегинцева возражала, что это не действует. Л. Н. не согласился. Но если иногда оно не действует — то иногда и смрад не действует.

Звегинцева стала доказывать свое тем, что и Иисус кнутом гнал людей. Л. Н. поправил, что «скотину»:

— Злом — искореняется зло на наших глазах, и оно только разрастается, а средство Иисуса не испробовано. То, что я говорю, никто не пробовал. Есть шансы, что поможет.

Андрей Львович заметил, что он не даст себя убить.

Л. Н.: Дорого добро, а жизнь не дорога.

Андрей Львович возразил, что убьют, что не остановишь убийц.

Л. Н.: Дорого то, чтобы жить хорошо. Убивать всегда будут.

В 12 часов ночи, когда Андрей Львович уже лежал, пришел к нему Л. Н. и извинялся за горячность в споре. А 18-го поехал к Звегинцевой за тем же. Это его больное место, когда ему доказывают, что полезно убивать, карать.

18 сентября. Утром приехал Л. Д. Семенов, 28-ми лет, поэт и писатель, внук сенатора, друг А. Добролюбова, бывший революционер, ездил от партии в Курскую губернию, где удерживал народ от погромов. Его арестовали, бежал, его поймали и сильно избили, просидел в тюрьме год, там читал Евангелие и впервые понял его. По поводу ареста его Л. Н. заметил, что правительство так ошибается часто.

Был Куликовский (поляк) из ташкентской общины. Был слепой крестьянин (из Крутого) — спросить Л. Н., подавать ли прошение о пособии на имя императрицы — покровительницы приютов слепых. Л. Н. попросил Леонида Семенова справиться в Петербурге о том, есть ли какой толк подавать прошение.

Леонид Семенов неразговорчивый, молчаливый, вдумчивый.

Из разговора о писателях.

Л. Н.: Есть дурная черта: ⟨желание⟩ удивить. Художник пишет то, что считает нужным, и не заботится об эффекте. Это соблазн. Мысль о возможности ⟨такого⟩ воздействия на людей надо как можно дальше от себя держать.

Татьяна Львовна разговорилась о том, что художники теперь иначе пишут, чем лет 20 тому назад. Такими, какие были, остались только Репин, Маковский.

Л. Н. выгородил из числа нынешних художников, из тех, которых он знает, Репина, Нестерова и особенно Орлова.

Л. Семенов, между прочим, рассказывал про рязанского мужика-старика, который написал большую книгу о нуждах народа и исцелении их, посылал и носил ее царю. Полиция в продолжение 20 лет много раз арестовывала, притесняла его, три раза отнимала у него книгу, но он снова писал ее и все верит, что если бы ему удалось представить ее государю, у того, наверное, раскрылись бы глаза и царь последовал бы его советам. Раз, на параде, удалось ему подать прошение царю, хотя не лично — его арестовали раньше, чем он добежал до кареты царя,— и получить ответ. Леонид Семенов рассказал это очень картинно. Л. Н. усмехался с сочувствием к наивностям старика, верующего в отцовскую любовь царя:

— Как я вижу его — старика... — проговорил Л. Н.

Л. Н. выработал,— вернее, явилась сама собой — ровность, одинаковость обращения: он один и тот же со всеми.

19 сентября. У Л. Н. утром невралгия левого затылочного нерва. К полудню прошло, и в три часа Л. Н. поехал верхом на Мальчике в Ясенки за почтой. За обедом говорил про старика-пчеловода, у которого укрывались Чернов и его друзья в пчельнике над Горелой Поляной. Л. Н. написал письмо к губернатору, чтобы старика не подозревали в революционерстве, и он сегодня поблагодарил Л. Н. Приходил к Л. Н. мальчик фабричный из Москвы, 18-летний, на вид 14-летний, в одной рубахе. Спрашивал про харьковскую общину (читал о ней), желал бы в нее вступить — безработный. Получал 40 копеек, бросил, а теперь другой работы не может найти. Еще были трое тульских безработных.

Л. Н.: Виноваты мы, но и они сами, что бросают работу там, где могут остаться работать. Этих людей на все можно навести (на экспроприаторство).

В «Русском слове» фельетон «Буланже» Дорошевича.

Л. Н.: Дорошевича не люблю, но этот фельетон хорош [1].

Татьяна Львовна рассказала нечаянно — не хотела перед Л. Н., чтобы его не огорчить, что̀ ей рассказал сегодня Михаил Сергеевич. Бобринский ему говорил о деятелях думских, какое лицемерие, ложь там царит Кадеты, Милюков, о принудительном отчуждении земель,— что является главным пунктом в их программе, сознались польским панам-депутатам, что это показное, «ради агитационных целей», чтобы не выпустить мужиков. В. Маклаков тоже сознался. Мужики остались в дураках.

За чаем: Л. Н., Софья Андреевна, Татьяна Львовна, Михаил Сергеевич, Юлия Ивановна. Михаил Сергеевич говорил о выборах, как происходят. Л. Н. негодовал, что заимствован парламентаризм, что не устроено посвоему, и говорил о том, как ему в уединении ясно, что казни только усиливают озлобление, революцию.

Татьяна Львовна говорила, что страх быть повешенной удержал бы ее, так же как и других.

Л. Н.: На время, пока этот страх есть; когда же прекратят казни, подымется «la fureur enterrée» *. — И говорил, что и тут мы, русские, делаем то, что на Западе, подражаем им. Там расстреляли 30 000 коммунаров, почему же и нам не расстрелять тысячи?

Звегинцева тем, что во Франции так поступили, оправдывает поступки русских властей.

Л. Н.: Не надо казнить... Человечество не хочет и не в состоянии пока познать эти истины.

Михаил Сергеевич говорил, что один беспартийный член Думы — таких было много — говорил Бобринскому, что беспартийный — это «монархист под соломенной крышей» (т. е., если бы признался правым, его бы сожгли).

---

* «схороненная ярость» (*франц.*).

Михаил Сергеевич объясняет монархизм мужиков тем, что они ожидали от царя земли. Престиж царя падает.

Л.Н. о «Городовых» Л. Семенова [2], что нехорошо написано:

— Чехов, я — без ложной скромности — мы бы написали подробности верно, а Леонид Семенов — рассуждения. Он бежал, городовые, поймав его, избили, плевали ему в лицо. И тут с ним произошло то, что он сейчас, после ⟨случившегося⟩, против них не чувствовал никакого озлобления. Чувствовал, что они только исполнители и что озлобляться приходится не на них, а на что-то другое.

20 сентября. Утром приехал из Саратова молодой человек, которого вызвал Чертков, чтобы сговорился с Гусевым о распространении книг. У меня много медицинских занятий. Я ездил к Кологривовой. Вечером приехал Сергей Львович.

Л. Н. говорил, что не радуется предстоящему приезду Леонида Андреева,— ожидает, что будет тяжел. Хотя Леонид Семенов говорил, что Андреев из пишущих и что обращается к религии, кротости.

Л. Н. говорил, что люди становятся религиозными без намерения, а у Андреева это может быть преднамеренно: «Теперь хочу быть религиозным», как у другого: «Теперь буду учиться медицине». А если и будет религиозным, то Л. Н. опасается, что поверхностно.

На Леониде Семенове стало Л. Н-чу видно, как декадентство влияет, захватывает. У декадентов подражание действительности — в речи вскрикнешь. Но этого в писании не нужно.

Л. Н. говорил, что читал речь Нелидова или Мартенса при заключении (закрытии) мирной Гаагской конференции, и она подействовала на Л. Н. комически [1].

Михаил Сергеевич с Сергеем Львовичем говорили о выборах. Софья Андреевна спросила Л. Н., интересно ли ему это? Л. Н. ответил, что ему неинтересны правительственные творения, и тем менее подготовления (выбор лиц) к этой деятельности.

Л. Н. читал в «Новом времени», что в 1902 г. употребление спирта в России поднялось на десять миллионов ведер. Сергей Львович приписывал это правительственной помощи — «продовольствие» — и тому, что крестьяне перестали платить выкупную подать.

Л. Н.: Не продовольствие. Тут психологическая причина. Чем дольше живу, тем больше вижу причины событий, чего вы не замечаете,— духовные, неосязаемые причины.

Сергей Львович рассказал, что слышал от военного М. Волкова: Конопляниковой, которая убила генерала Мина, усмирителя восстания в Москве, строили виселицу у нее на глазах, она сидела в окне. Вешали ее пьяные — не чудо, что пьют палачи: два раза оборвалась...

Л. Н-чу было жутко слушать, и сказал, что смертные приговоры и казни — его больное место. Сказал, что на днях не вытерпел и высказал правду в глаза Звегинцевой, а лет 30 тому назад «тут, в этой комнате», — указав на гостиную,— Петру Самарину: «Зачем вы ко мне ездите, когда вы защищаете смертную казнь — право государства воевать?» [2] Потом Л. Н. сказал:

— Когда во время Тотлебена было много казней — а до того долго не было никаких — недоставало палачей. Одного (палача) возили из Москвы в Одессу. Сергей Соловьев мне говорил, что искали (палача) между каторжными и они отказывались.

21 сентября. Под вечер приехал И. Е. Репин со своим другом Н. Б. Нордман. Репин очень приятный, милый. Восторженным, радостным взглядом смотрел на Л. Н. Улыбка (смеется по-детски) не сходила с его лица. Голос грудной, вместе с тем певучий. Жестикулирует. Искренний человек.

Софья Андреевна ему сказала, что третьего дня Л. Н. про него говорил, что он единственный настоящий художник среди русских *. Завязался разговор о декадентстве. Татьяна Львовна о Малявине. Она назвала декадентство развратом. Репин подхватил это обозначение и согласился с ним.

— Это такой дом сумасшествия, — заметил он и рассказал, что вчера получил газету «Утро России» с приглашением сотрудничать. Но он написал им, чтобы ему и газеты этой не присылали.

Л. Н. заговорил о Л. Семенове:

— Он из декадента стал...

Репин подсказал:

—...разумным человеком.

Л. Н.: Больше, чем разумным человеком: христианином. Оттого, что я его узнал, заглянул в газету («Трудовой путь») и видел там его стихи [1]...

Л. Н. продолжал разговор о декадентстве:

— Газеты можно не читать. Надо это игнорировать. Не говорить об этом (декадентстве).

Татьяна Львовна спросила Репина, много ли работает. Репин сказал, что у него никакого таланта нет, одно трудолюбие.

Л. Н. заговорил о Стасове. Репин рассказал о том, как он умирал, как он любил, уважал «Льва Великого» [2]; восхищался его писаниями:

— Вот он вас обожал, читал каждый день, хотя, кроме вас, еще Герцена высоко ставил. Революцией не интересовался; говорил, что жизнь будет такая, каковы мы все. Относительно Думы он полагал, что она долго не продержится.

Стасов умер от апоплексии. Он был долго (до смерти) в бессознательном состоянии.

Софья Андреевна о вегетарианстве. Репин говорил, что два с половиной года не ел мяса, а теперь иногда ест.

Л. Н.: Как можно иногда есть мясо?

Репин разъяснил, что Наталье Борисовне предписали доктора есть мясо, что ей угрожает чахотка.

Л. Н.: Если доктора сказали — простите меня, Душан Петрович,— то обратное надо делать. Сейчас читал в «Good Health» о 107-летнем старике-вегетарианце [3]...

22 сентября. Софья Андреевна в эти дни убирала и записывала новые книги в библиотеку. За завтраком Софья Андреевна говорила о намерении Репина написать Л. Н. с ней и что она недостойна быть вместе с таким великим человеком на портрете, написанном таким великим художником. Репин заметил вчера, что ему на том свете придется поплатиться, столько ему почестей достается. На вопрос Софьи Андреевны ответил, что ему очень тяжело, когда его хвалят, и что он никогда, ни на минуту, не чувствует «величия» (своего). Все это говорил, очевидно, правдиво (скромно).

Л. Н. спросил, имею ли ему что сказать. Я ответил, что о письме Русинова, который доказывает необходимость проповедовать [1]. Все письмо— семь листов — о том.

Л. Н.: Это — проповедовать — соблазн. Это деятельность для последствий. Это такая же деятельность, как социалистическая, за конституцию. Надо все усилия направлять на то, чтобы самому жить хорошо, а плоды, если ему и в этой жизни они не будут видны, будут самые лучшие.

Мы стояли у фортепиано (Л. Н., Бирюков и я). Из гостиной пришли Репин с Натальей Борисовной, и Л. Н. рассказал им, о чем говорили.

---

* Софья Андреевна сказала не совсем точно: Л. Н. хвалил и Нестерова и — особенно — Орлова и Маковского.

Бирюков и Наталья Борисовна сказали, что на это можно возразить тем, что Христос посылал учеников проповедовать.

Л. Н.: Не на все слова, приписываемые Христу, надо смотреть, как на авторитет. Христос такой же авторитет, как Кант, Будда. Я сам возражаю себе ⟨на то⟩, что я пишу. Но я пишу для себя, чувствуя серьезны.....* Сам не издаю. Кто хочет проповедовать, тот самоуверен. Вот Илья Ефимович берет скромностью. Скромный человек серьезно работает, углубляется.

Наталья Борисовна и Репин возражали, что есть люди, у которых дар речи. Л. Н. не признал, чтобы дар речи давал право проповедовать.

Л. Н-чу возражали: какую огромную пользу приносят его писания и как может он ставить выше труд для пропитания себя (косьбу)?! Л. Н. ответил, что он не для пользы, а для души на себя работать хотел бы. Л. Н. говорил про себя, что ему трудно бывает, когда просят у него. Если же косил бы, мог бы спокойно сказать просящему прохожему, что у самого только столько-то и столько-то есть, а так ему стыдно давать... От стыда хочется провалиться перед нищими.

— Я не могу говорить с человеком, который меня не понимает. У меня язык прилипает к гортани. Я получил письмо Меньшикова. Меньшиков думает, что писание его статей — на пользу людям, и спокойно пишет. Задача наша состоит в том, чтобы самому становиться лучше, а это дает радость.

Софья Андреевна: Это дает мученья. Я теперь не могу пройти мимо прохожих без стыда. Это мученье!..

Л. Н. сказал Софье Андреевне, что она теперь начинает новую жизнь и эти роды новой жизни, как всякие роды,— мученье. Л. Н. вошел к В. Маклакову, который спал. Не разбудил его.

— Ты знаешь, как я отношусь ко сну,— сказал он Софье Андреевне, спросившей его, почему не разбудил Маклакова и не позвал его гулять. За обедом Л. Н. спросил Бирюкова о его свояченице-эсперантистке, об эсперанто.

Л. Н. сказал:

— Теоретически очень хорошо исполнено (грамматика), а практически — не веришь в успех [2].

23 сентября. 45-летие супружества Л. Н. с Софьей Андреевной. Софья Андреевна в праздничной одежде с Репиным стояла в зале. Л. Н. не было. Я поздоровался.

— Что же вы меня не поздравляете, что 45 лет этому человеку служила? — и Софья Андреевна показала в направлении кабинета.

Репин, Бирюков, приняв выговор ошибочно себе, оправдывались, сказав, что они ее поздравили. Приехали Надежда Павловна, Андрей Львович, В. А. Языков (мировой судья из Петербурга). Под вечер приехали Мария Александровна, Горбуновы, муж и жена. За обедом были цветы, но никакого шампанского. В 8 часов вечера приехали И. А. Беневский с В. А. Репиным (красивый мужчина, бывший артиллерийский офицер, похожий на Н. Н. Ге-сына). Он с женой. Основатель колоний близ Ташкента. Их три семьи и 20 холостых. Вечером было очень шумно. Л. Н. позвал сначала одних Репиных ташкентских в кабинет. Потом, через 45 минут вошли и другие. Ташкентский Репин — уроженец Кавказа; впервые в России. Л. Н. спросил его: «Какая цель вашей поездки?» — «Познакомиться с людьми приблизительно такого же направления, как я»,— ответил он. Едет в Петербург. Рассказал про их соседей-мусульман (сарты, киргизы, таджики), русских поселенцев; эти помещики-поселенцы получают 10—20 десятин заливной земли, и у них живут мусульмане — арендаторами или рабочими. Какие они честные: ни орудий, оставляемых в поле, ни скота

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

(овец) не воруют. Про свою общину Репин рассказал, что строят общий дом. Старшего управляющего работами у них нет; утром за чаем решают, кому на какую работу идти. Часть была вегетарианцами, а теперь — все [1]. Беневский говорил про братьев Шейерманов. Старший отдал 800 десятин крестьянам, а младший на 200 десятинах устраивает колонию. Оба брата с семьями там живут и работают вместе с прочими. Л. Н. вспомнил, как год тому назад газеты не хотели напечатать письмо Шейермана об отдаче земли крестьянам. Пишут о кадетах, что вошли в блок с «вагетами», а о таком огромной важности событии не пишут.

— Ведь это так у каждого землевладельца должно быть. Кто этого не делает, поступает дурно,— сказал Л. Н.

25 сентября. Сегодня утром Л. Н. зашел за разрозненным «Кругом чтения» (не хочет портить новый экземпляр). Л. Н. пополудни пришел ко мне и сказал: «Не пугайтесь, я просто в гости» (намек на то, что в эти дни все давал мне письма отвечать, и Л. Н. казалось, что дает мне слишком много работы). Потом попросил меня взять у него письмо словацкое, полурусское, учителя из Моравии A. Grydil, который не достал 18 книжек, просит послать все сочинения Л. Н. и русско-чешский словарь и портрет с подписью (Л. Н.) [1]. Репин пишет Л. Н. с Софьей Андреевной [2]. Л. Н. ездил верхом. После обеда Л. Н. прочел вслух письмо Кудрина [3]. Раньше он его для себя не читал, а вынес его из кабинета, с тем чтобы прочесть его всем. Уже заранее предполагал, что будет хорошее.

Л. Н. подсел в зале ко мне и разговорился. Занят «Кругом чтения», осталось еще один месяц составить и один день новый. Я вчера говорил Л. Н., что Шкарван заметил, что нет дня о целомудрии [4]. Л. Н-чу кажется, что есть,— там, где о блуде. Я поискал при нем и не нашел. Л. Н. удивился и сказал, что это легко будет составить. Л. Н. вчера получил «Верьте себе», изданное «Посредником», и корректуру «Не убий никого» [5].

26 сентября. Утром приехал Гусев. Пополудни было много посетителей. У Л. Н. между прочим и монашенка. Ехала из Ельца в Саров, изнасиловали ее в поезде (кондуктор взял ее вещи и понес в первый класс вместо третьего класса), напоили водкой; забеременела. Исключили из монастыря, в котором она прожила с восьмилетнего возраста до 32 лет. Л. Н. и Татьяна Львовна ей, кроме материальной помощи, чем-то помогли.

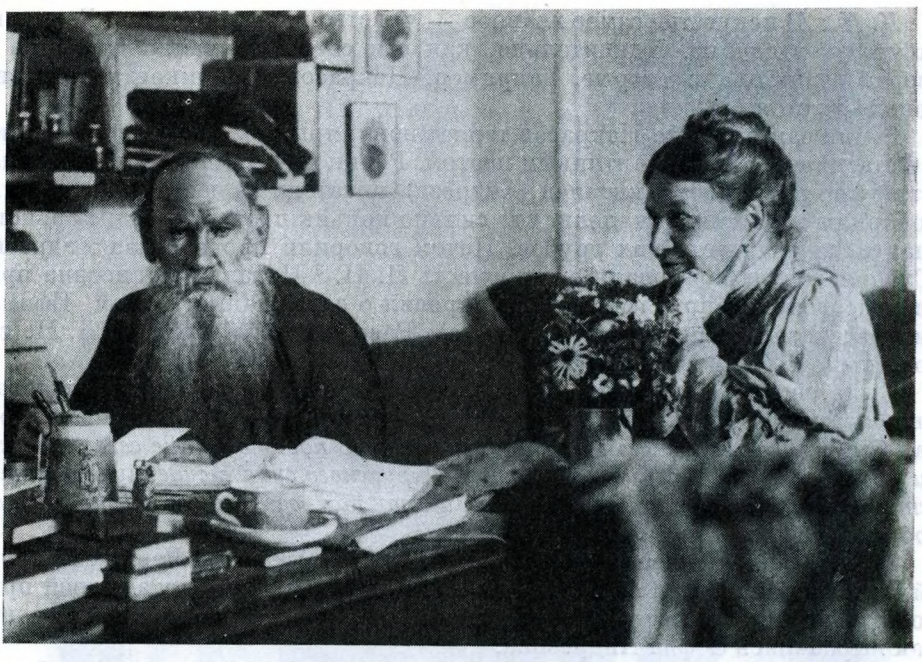
Вечером был 18-летний литограф Суворов — проститься с Л. Н. Пополудни был тульский старообрядец, старик-слесарь Иван Фомич. «Можем помереть, хотелось еще повидаться со Львом Николаевичем»,— сказал он. Л. Н. представил его супруге и пригласил к чаю; дал книжек. Говорил с ним ласково и шутя (на *ты*) и повел его в кабинет показать, как Репин пишет портрет.

Л. Н.: Как я хорошо сегодня гулял, в лесу, около семи верст!

Вечером с 7 до 9 Л. Н. с Александрой Львовной и Софья Андреевна с Надеждой Павловной играли вчетвером на фортепианах очень живо, энергично. Репин нарисовал в это время карандашом Л. Н. с Александрой Львовной. Л. Н-чу понравился этот рисунок (особенно тем, что на нем Александра Львовна) и попросил его себе. Репин очень рад, согласился и хочет акварелью исполнить. Все играющие были очень веселы. Репин со мной смотрел Холарека «Réflexions sur le catéchisme» [1].

Репин вышел на днях из учителей Академии: года, тягости. В «Новом времени» 22 сентября статья о том, что ученики упрашивают его не уходить [2]. Вечером, по вчерашней просьбе Репина, Л. Н. читал вслух Куприна «Ночную смену». Читал с трудом (изжога), но с большим удовольствием; много смеялся, а с ним другие и особенно Илья Ефимович.

Потом хотел прочесть «Allez», но хрипел, устал. Софья Андреевна просила его не читать, и сам не хотел, потому что это его очень взволнует. Юлия Ивановна отказалась читать, Л. Н. уговорил Татьяну Львовну:



ТОЛСТОЙ И С. А. ТОЛСТАЯ В КАБИНЕТЕ ЯСНОПОЛЯНСКОГО ДОМА
23 сентября 1907 г., в день 45-й годовщины их свадьбы
Фотография С. А. Толстой

«Ты хорошо читаешь». Но Татьяна Львовна была тоже охрипшая; дочла до половины, и должен был продолжать Л. Н. И продолжал, но, дойдя до места, где Менотти бросил Лору, был до того взволнован, что не мог продолжать... И дочла Наталья Борисовна. Л. Н. был глубоко тронут и восхищен. Как читал Л. Н.! Недаром Репин сказал ему третьего дня, что никто лучше его не читает. Это я чувствовал и говорил с первого раза, как услышал Л. Н. Все были восхищены и стали говорить о Куприне. Репин и Наталья Борисовна этих вещей не знали. Сравнивали с Андреевым, Горьким.

Л. Н.: Никогда у Горького и Андреева ⟨не было⟩ ничего подобного. Как это верно, ничего лишнего, подробности верны. Кажется, что растянуто («Ночная смена»): как ходит по залам, у колодца, но и эти подробности верны. Из молодых писателей нет ни одного, приближающегося к Куприну. Между ними и им — далекое расстояние. У Андреева «Красный смех» — все старое, ничего нового не сказано. Я не мог прочесть, как ни старался, чтобы угодить, потому что привез его («Красный смех») его брат сюда. А фальши сколько! Вы (*к Репину*) это знаете лучше, чем я*, что в произведениях художества, живописи, музыки не должно быть фальшивых струн, черт. Если в композиции через десять тактов попадается один фальшивый звук,— все пропало. А у Куприна ничего фальшивого нет.

— Что в искусстве самое главное? Искренность, правда?.. Кто знает?— спросил Л. Н.

Начали говорить то и сё. Софья Андреевна из-за круглого стола, где шила, отозвалась: «Чувство меры».

---

* Третьего дня Л. Н. говорил Илье Ефимовичу — и говорил это застенчиво, задыхаясь, искренно,— что Репин больше (лучше) художник, чем он, Л. Н.

Л. Н.: В искусстве самое главное — чувство меры, которое у Горького отсутствует вполне. Удивительно, как эти славы случайно делаются и твердо держатся, и старые, например, Некрасов. Он никогда к поэзии близко не стоял.

Репин заметил, что Некрасов теряет популярность. Л. Н. еще говорил о Фете, считает его талантливым поэтом. Репин и Наталья Борисовна знают кружок «Знание» (Скиталец, Андреев), писатели из него бывают у них. Говорили о Куприне, жалели, что сильно коньяк пьет и груб, и Горького спаивает, и общество их грубое. Потом говорили про рассказ Андреева «Губернатор» и советовали его прочесть Л. Н. [3] Наталья Борисовна просила позволения прислать. Л. Н. спросил о содержании, Илья Ефимович рассказал (запинаясь, нескладно). Разошлись в 11 часов. Л. Н. сегодня много беседовал с Гусевым и Суворовым.

Была еще баба по судебному делу. Выслушав ее, Л. Н. продиктовал мне следующее письмо к тульскому адвокату, которое я переписал и отдал бабе: «*Лев Николаевич просит вас сказать подательнице сего, следует ли ей подавать прошение на решение Окружного суда в судебную палату; есть ли или нет вероятие успеха. Если есть таковое, то не будете ли так добры помочь ей в этом*».

27 сентября. Четверг. Чудный теплый день. Я купался. Репин с Натальей Борисовной ходили по лесу. За обедом он хвалил красоту здешней природы, особенно осенью. Лист пожелтел, но не опал, оттого золотая осень, как выразилась Софья Андреевна.

Илья Ефимович спросил Юлию Ивановну, почему не пишет пейзаж.

— Жалею, что я не пейзажист,— сказал Репин.

Л. Н. спросил:

— Кто теперь молодые пейзажисты?

Репин задумался, и довольно надолго, потом назвал одного — Фотина.

Л. Н.: Раньше бы не задумались ответить: Шишкин.

Наталья Борисовна: Левитан.

Репин: Некоторые с ума сошли, как Пурвит-эстонец. Стали писать такие каракули...

Л. Н. сказал Илье Ефимовичу, что нынче он может рисовать его (Л. Н.) и Александру Львовну, что они будут играть вдвоем.

— Очень мило вышло, главное — Саша,— заметил Л. Н.— Как картина Маковского: два старика за фортепиано [1]. Очень милая. Только там оба старичка, а тут молодая.

Репин с Натальей Борисовной ушли.

Л. Н-чу привезли почту из Тулы. Юлия Ивановна, передавая ему ее, сказала:

— Тут письмо от Новикова [2].

Л. Н. сказал, что ему неприятно, когда от него письма.

Было шесть повесток, семь из Ясенок и много писем.

Л. Н.: Я скоро перестану читать письма. Скучны. Утром четыре подряд просительных.

Софья Андреевна: Как? После того как в газеты написал (чтобы за денежной помощью к нему не обращались) [3].

Л. Н.: Одна даже так начинает, что, несмотря на то письмо, она все-таки...

Смотрел с озабоченным видом рукопись, перелистывал... Получил и поздравительную телеграмму из Томска от землячества российских студентов с их первой академической сходки. Л. Н. читал ее рассеянно и не понял [4].

Л. Н. спросил Юлию Ивановну, знает ли она скульптора Трубецкого, который вчера известил Л. Н. очень безграмотным французским письмом,

ТОЛСТОЙ, С. А. ТОЛСТАЯ, Н. Б. НОРДМАН-СЕВЕРОВА и И. Е. РЕПИН (НА ТЕРРАСЕ)
Ясная Поляна, 23 сентября 1907 г.
Фотография С. А. Толстой

что хочет приехать [5]. Юлия Ивановна ответила, что знает. Л. Н. спросил о том же меня.

Я: Не знаю.

Юлия Ивановна: Он вдвое больше вас ростом.

Л. Н.: Большой оригинал! Воспитан в Италии, по-русски почти не знает. Ничего не читал. Делает только то, что ему хочется, а не то, что считается нужным. Везде был, живет в Италии, а в Риме никогда не был. Талантливый.

Л. Н. (*помолчав*): А Гинцбург совсем бездарный. Как это Стасов Гинцбурга выдвинул (создал ему имя)? — говорил Л. Н., обращаясь вопросительно к Юлии Ивановне.

Юлия Ивановна подтверждала, что у него таланта никакого.

С Александрой Львовной я с 7.30 до 8 проверял «Не убий никого».

С 8 до 9.45 Л. Н. с Александрой Львовной, а Софья Андреевна с Татьяной Львовной играли вчетвером на фортепиано. Репин раскрасил акварелью вчерашний рисунок — Л. Н. с Александрой Львовной.

Л. Н. прочел вслух письмо Иконникова [6].

Л. Н.: Это 22-летний молодой крестьянин. Удивительная духовная сила. Отказавшийся от службы, третий год находится в тюрьме.

Репину было очень интересно и спрашивал про него Л. Н-ча.

Л. Н.: Я его никогда не видел и не знаю, откуда он. Сегодня был молодой человек из Пензы от кружка людей, которые хотят в Америку, главное с той целью, чтобы избегнуть военной службы. Он потому поступил в университет. Единственное — можно не служить, как Иконников, а не бежать. Я забыл ему сказать, что на его место возьмут другого крестьянина от жены.

Л. Н. (*о письме Иконникова*): Хорошее описание одиночного заключения: в холоде, в темноте...

Потом Л. Н. дал Татьяне Львовне прочесть вслух ответ Новикова. Удивлялся его способности писать: «Дай бог Меньшикову так писать!».

Л. Н. рассказал про пожар (ездил смотреть) у Красноглазихи; подожгли у нее ригу.

Софья Андреевна: Разве подожгли?

Л. Н.: С удовольствием рассказывали.

Софья Андреевна: Теперь нас сожгут — озлоблены за суд, за дубы.

Л. Н.: Я удивляюсь, что не жгут.

Софья Андреевна: Я велела управляющему, чтобы во вторник отправил стражника. Он сказал, что нельзя, что работа станет и в лесах воровство пойдет.

Софья Андреевна говорила про рассчитанного угрюмовского лесного сторожа. Он сказал: что ему: он получил от угрюмовских мужиков 30 целковых. Софье Андреевне трудно. Не знает что делать.

Л. Н. рассказал, что сегодня во время прогулки верхом услышал, как ему кричат: «Ваше сиятельство, здравия желаем!» и т. п. Он записывал в это время в книжку. Потом послышалось: «Издохни ты!» и мат... Л. Н. подошел к ним поговорить, показать им, что не сердится. Были два выпивших незнакомых. Один сейчас же стал говорить, что они дурного не кричали, и не припустил (не дал сказать) к слову Л. Н-ча. Потом закричал на него:

— Что же, стрелять в нас будешь?

Лошадь Л. Н. была неспокойна, уехал. Л. Н. рассказывал это нехотя; наверное, даже не хотел о том говорить, а как-то рассказал [7].

28 сентября. Утром приехал С. М. Сухотин. Пополудни Татьяна Львовна, Александра Львовна, Наталья Борисовна, Илья Ефимович и С. М. Сухотин поехали к Марии Александровне. Встретились с Л. Н., ехавшим верхом. Илья Ефимович присоединился к нему, поехали на провалы.

Илья Ефимович поражен красотой этих мест.

Мне Л. Н. дал работу с «Кругом чтения». Пополудни пришел Гусев. Ему Л. Н. дал письма отвечать и кое-что сделать для «Круга чтения».

За обедом разговаривали о Марии Александровне. Доходы у нее 100 р., на которые живет и нанимает восемь девок ухаживать за яблочным садом Татьяны Львовны (окапывать яблони и т. д.),— тем оплачивает Татьяне Львовне жилой угол. Татьяна Львовна не хочет этого, но Мария Александровна грозит иначе уехать из Овсянникова. Говорили про ее бедную жизнь. Л. Н. вспомнил место из «Круга чтения», что бедные счастливее богатых [1], и объяснил это так: «Потому что бедные удовлетворяют свои потребности, а богатые — свои удовольствия; это маленькое благо, а то — большое».

Л. Н. сказал про Марию Александровну, что лет 40 тому назад ей говорили врачи, что у нее чахотка и что ей нельзя работать.

Л. Н.: Болезнь самая страшная — верить в врачей.

Л. Н. (*Гусеву*): Вчера получил письма от Иконникова и от Новикова. Одно безграмотное, спокойное, радостное; другое — мало того что умное, — складно написанное и раздраженное. Новиков хотя пишет, что у него религиозные основы, но в действительности нет никакой религиозности. Новиков пишет, что земля ему нужна как средство освобождения. Это освобождение — внешнее. Эпиктет — раб — был духовно свободен, а Нерон не был. Новикову отвечать не буду, а если придет сам поговорить, — поговорим. А письмо Иконникова списать и переслать Кудрину. Как описывает темноту в одиночном заключении в осенние короткие дни!

Глядя на Татьяну Львовну с ее двухлетней дочкой Танечкой, Л. Н. сказал:

— Давно ли Таня была такой, как Танечка? Помню, прибежала ко мне; кричат ей: «Не мешай ему, он занимается!» А она говорит: «Он смеется...» Лаконизм детский.

Софья Андреевна давала Репину (завтра утром уезжает) альбом, чтобы туда написать.

Л. Н. спросил:

— Илья Ефимович должен сочинение писать? Напиши́те: «Ну вас к богу!»

За чаем Татьяна Львовна попросила Илью Ефимовича позировать и писала углем его портрет. Илья Ефимович сидел и смотрел альбом С. М. Сухотина. Потом, подбодренный Татьяной Львовной и Юлией Ивановной, я дал ему свой. Татьяна Львовна попросила его что-нибудь написать мне. Илья Ефимович согласился, но под тем условием, что я сяду против него и он будет писать меня [2]. Когда писал, вошел Л. Н. и сел на кресло у двери в гостиную. Встал, подошел к Илье Ефимовичу, посмотрел портрет, сказал:

— Глаза ему сердитые написали. Смягчите.

Л. Н. опять сел, но, обещав читать вслух Илье Ефимовичу (Илья Ефимович говорил, что, когда Л. Н. читает, он весь входит в читаемое, а когда другие читают, он думает об ином), пошел в свою комнату за «Кругом чтения» и прочел Достоевского: «Смерть в госпитале» и «Орел».

Л. Н. прочел об оценке искусства — что себе сегодня записал, но что не годится в «Круг чтения» (нет такой темы) [3].

К чему-то Л. Н. сказал:

— Про Руссо знают, что он украл (что-то), про Шопенгауэра...

Татьяна Львовна: Что был врагом женщин.

Л. Н.: Про Канта, что он был отвлеченный. А он был великий моралист и глубоко религиозный.

Портреты и у Татьяны Львовны, и у Репина вышли так, что всем понравились. У Татьяны Львовны голова Ильи Ефимовича вышла, как у Христа.

Мой портрет Л. Н. взял к себе и сказал:

— Я хочу завтра Саше показать.

И сам от себя предложил мне написать в мою памятную книжку, но я на следующий день не отдал ему ее и не припомнил обещанного. Л. Н. так и не написал.

Прощались Илья Ефимович и Наталья Борисовна. Едут в Гаспру.

Я увидел у Татьяны Львовны старинный белый, вышитый красным фартук. Мне понравился, она тотчас же мне его подарила.

Л. Н.: Это старинный, на моей памяти такие носили. Вы его домой пошлете?

Я: Прямо в музей.

Л. Н.: Сегодня был здесь добродушнейший малый, его за политику с проходным свидетельством в Мезень, Архангельской губернии, выслали. Это, значит, нигде не может останавливаться работать. Легко сказать, а это — как Иконников (в одиночном заключении). Дрова рубят — щепки летят. Когда смирно, правительственного насилия не видать; теперь выходит наружу.

В полночь приехала Татьяна Андреевна на 14 дней.

Л. Н. о чувашине, который сегодня был у него. Приехал из Оренбургской губернии только для того, чтобы видеть и слышать Л. Н., и был очень рад. Желал получить «Критику догматического богословия» [4].

30 сентября. Утром приехали Наталья Михайловна, Дорик, Михаил Сергеевич. Погода переменилась сегодня на пасмурную, осеннюю.

Софья Андреевна за обедом говорила об умершем Грингмуте. В сегодняшних газетах пишут о его смерти. Софья Андреевна говорила, что он был двуличный...

Л. Н.: Почему ты знаешь? — с болью и укоризной в голосе, что Софья Андреевна так о нем судит.

Андрей Львович возражал Софье Андреевне, что Грингмут был очень честный, хороший человек и убежденный монархист, и припоминал ей, как поступил с Михаилом Львовичем, когда тот учился в гимназии.

Татьяна Андреевна говорила о растрате Гурко и Лидвалем двух миллионов продовольственных денег. Ее муж расследует это дело. О Гурко говорила, что он очень умен. Михаил Сергеевич тоже говорил, что очень умен, но неприятен.

Л. Н. поражался и очень не одобрял, что израсходовал чужие деньги. Об уме же сказал, что надо различать ум, связанный с душевной чистотой, и ум — быстроту соображения. И что этот второй ум такой, про который говорят: «He has got more brains than it is good for him» [1]. Такие люди — самые жалкие.

Вечером винт: Л. Н., Татьяна Андреевна, Андрей Львович и Михаил Сергеевич. Танечка больна инфлюэнцей и бронхитом.

2 октября. За завтраком Л. Н. читал вслух (приехавшей А. М. Булыгиной, Гусеву, Татьяне Андреевне) из «Нового времени» 30 сентября о Григории Петрове[1].

Л. Н.: Мне это очень интересно. Как из этого ясно, что вопросы религии, если они есть, ставятся гораздо ниже политических интересов, и, когда они ставятся ниже политических интересов, то видно, что их нет.

Л. Н. получил сегодня несколько ругательных писем по поводу его письма, в котором просил, чтобы к нему за денежной помощью не обращались.

Приехал М. В. Булыгин. Л. Н. сказал, что революция — роды, пробуждается духовное сознание. Как Герцен сказал, что раньше господам и подданным и в голову не приходило, что так не должно быть [2]; теперь резко говорят про царя, священника...

Л. Н. все получает письма: «Прочел ваше «Разрушение ада», хочу прочесть «Исследование Евангелия», чтобы выяснить себе религию».

— Прежде, лет 50 тому назад, не сомневались в истинности православия,— сказал Л. Н.

Л. Н. говорил, что одного он не посмеет: делать упреки русскому народу, который производит все, чем мы живем. Знает, что условия физического труда благоприятствуют нравственной жизни.

За обедом Татьяна Львовна заговорила про книгу Вентцеля «Дом свободного ребенка» [3] и осмеяла ее, цитируя из нее, как предоставить детям в школе выбор чем заниматься: фортепиано, уроками языка, стряпаньем...

Л. Н.: Свобода в обучении совершенно хороша, но ошибка — выводить ⟨детей⟩ из семейной среды. Лучше семьи для ребенка ничего нельзя приду-

мать. Чем полнее свобода ребенка — ⟨тем лучше⟩. Воздействовать на ребенка — не страхом. Кроме страха, есть любовь к родителям (во имя которой можно требовать от него ⟨хороших⟩ поступков).

Софья Андреевна сказала, что, когда просила купить Тане (в годы ее детства) куклу, Л. Н. запретил.

Л. Н.: Никогда не запрещал. Мог сказать, что это считаю лишним.

3 октября. Уехали Александра Львовна в Москву, Мария Александровна — домой.

Л. Н. поехал на Мальчике в Тулу. Собаки лесничего бросились на него, хватая его за ноги, кидаясь на лошадь. Л. Н. хлыстом замахнулся на собаку, Мальчик испугался, бросился в сторону в лес. Еле-еле удалось его удержать.

За обедом: Татьяна Андреевна, Сухотины, Андрей Львович. Разговор о Думе. Л. Н. ехал в Тулу вместе с Волковым (директор банка), председателем партии «Союза 17 октября» в Туле. Он говорил, что интереса к Думе нет, выборы надоели людям. Михаил Сергеевич подтвердил. Думу выберут правую, т. е. из таких, которые сами хотят уничтожить Думу и создать самодержавие. Л. Н. согласен с Татьяной Андреевной, которая думает, что Дума — дорогая игрушка — удержится, правые пойдут на уступки левым.

Л. Н.: Парламенты и Думы были придуманы в Европе и (там) никакой пользы не сделали. Мы переняли от них, как рукава (модные). Цели у Думы никакой. Успокоить народ? Народу она не нужна, она раздражила его. Если же продолжать сравнение Думы с модами, то ⟨как⟩ форма шляпы изменяется, ⟨так⟩ и формы государственной жизни изменяются, надо найти, разработать новые формы.

О религии. Л. Н. говорил, что если Александр Кузминский хватается за православие, то только подобие религии схватил, оно не успокоит его навсегда, во все минуты жизни. Православие годится такой бабе, какая была в Ясной Поляне — ее муж к хвосту лошади привязал за распутство, а Л. Н. раз, заметив у нее в окне свет, видел, как она молилась усердно и долго.

Л. Н. еще о Думе. Один мужик сказал Л. Н-чу, что̀ у Думы земли — что̀ у гуся овса просить.

— Правительство,— сказал Л. Н.,— держится на обмане. Люди, обличающие этот обман, не идущие в солдаты, правительству несравненно опаснее, чем все Милюковы, Плехановы.

Винт. Во время винта Л. Н. ко мне:

— Я читал сегодня (Розеггера) «Mein Himmelreich» [1] — очень плохо.

Татьяна Андреевна хвалила стихотворения Ратгауза.

Л. Н.: Был корреспондент, написавший потом обо мне, что я Ратгауза считаю лучшим русским поэтом, тогда ⟨как⟩ я сказал, что его стихи самые пошлые.

Татьяна Андреевна разговаривала с Л. Н. о том, что̀ он пишет, и оказалось, что она ни «Круга чтения» не знает, ни «Божеского и человеческого», ни других рассказов.

Л. Н.: Удивительно, как мало известен «Круг чтения». Это лучшее, что я когда-либо написал.

Софья Андреевна запротестовала против того, что это лучшее.

Л. Н.: У Розеггера читал изречение, которое в «Круг чтения» помещу: «Когда смотришь на бедных людей, думаешь: богатство — благословение. Когда смотришь на богатых, думаешь: богатство — проклятье».

4 октября. Четверг. День рождения Татьяны Львовны. У Танечки жар и пополудни. Тревожимся за нее все, но т. к. Татьяна Львовна ведет себя очень достойно, разумно, не волнуется, не растеряна, так все другие кажутся спокойными.

Завтра утром уезжают Наталья Михайловна и Дорик в Москву, оттуда в Лозанну. Как всегда перед отъездом, возня, беспокойно, тяжело.

Гусев весь день помогал Л. Н. вставлять изречения из «Мыслей мудрых людей» в «Круг чтения». Л. Н. с Гусевым каждый день разговаривает о «Круге чтения», о полученных письмах (дает их ему для ответа), о чем думает. Сегодня о смерти. Гусев стал записывать разговоры Л. Н.

Шкарван прислал мне номер «Американско-словенских новин», где просят Л. Н., чтобы он заступился за словаков по примеру Бьёрнсона.

За обедом Софья Андреевна сердилась на крестьян, которые не платят аренды, но принесли 200 р. в задаток. Накричала на них. Л. Н. ей сказал:

— Говори только тогда, когда имеешь передать какую-нибудь мысль, а когда хочешь выразить волнение, тогда лучше молчи.

Вечером Сергей Львович играл, Татьяна Андреевна пела. Л. Н. ей сказал, что рад слышать ее голос [1]. А когда-то сказал, что он никогда не слыхал такого приятного голоса, как у Татьяны Андреевны.

Вечером в винт: Л. Н., Сергей Львович, Татьяна Львовна и Татьяна Андреевна.

5 октября. Утром уехали Наталья Михайловна с Дориком в Москву, оттуда с Сережей в Лозанну.

У Танечки воспаление легких.

Михаил Сергеевич уехал в Тулу на сходку выборщиков. Тяжелый день, беспокоятся о Танечке.

Вечером Гусев, Татьяна Андреевна. Л. Н. принес какую-то книжку и читал вслух показание парижского преступника перед судом, как он гордился виртуозностью своих преступлений. Л. Н. сказал об этой книге, что она написана, чтобы доказывать, что порочные останутся порочными [1]. Л. Н. убежден в противоположном: порочные доступны хорошему влиянию. Потом Л. Н. говорил, что единственное разумное наказание — смертная казнь (устраняет вредного человека из общества) и что он об этом, кажется, писал [2]. Назвал мужика, которого на днях присудили к трем месяцам тюрьмы. Дети, семья голодают. Он там только развратится.

— К Черткову ходило двое молодых людей, которые искренно решили переменить жизнь,— сказал Л. Н.— И теперь им без опоры в своей среде трудно; их же среда — крестьянская, семейная, общинная. Как же несравненно тяжелее попавшему в острог: он по целым дням слышит одно сквернословие, потакание разврату.

Татьяна Андреевна: Но как же быть? Не затворять их — тогда жить от них нельзя будет.

Л. Н.: Если бы тридцать лет тому назад выпустили из тюрем всех заключенных, было бы так же, как теперь. Что теперь они (преступление совершающие) есть — это последствие тюрем.

Говорили о том, как убили В. А. Берса. Л. Н. вспомнил, что читал где-то на днях, как женщина велела своему мужу закрыть глаза и разинуть рот, как если бы хотела дать сладкое, и выстрелила в него из револьвера.

Сегодня получена телеграмма из Подольска: «Ждите гостя. Г о н ч а р о в». Софья Андреевна, Татьяна Андреевна, Татьяна Львовна уверены, что это предостережение, что хотят сжечь — или убить кого-нибудь в Ясной.

Разговор об «Отцах и детях». Л. Н. сказал, что там любовь Базарова к женщине излишня. Писано по шаблону, что в каждом романе должна быть любовь.

6 октября. Л. Н. случайно (записывая о чувствах, вызванных телеграммой-угрозой) нашел в своей записной книжке, что в июне 1906 г. получил от Гончарова же ругательное и угрожающее письмо. Попросил

КОНВЕРТ ПИСЬМА К. ВЕЛЕМИНСКОГО ТОЛСТОМУ ОТ 26 СЕНТЯБРЯ 1907 г.

На обороте надпись Толстого: «Душан‹у›». Ниже рукой Маковицкого: «О «Кр‹уге› чтения». К. Велеминский. Прага, Чехия. Отв. Д. П. М.» и его же записи на словацком языке

Юлию Ивановну найти его. Не нашла [1]. Татьяна Андреевна уверена, что грозит опасность, что угроза будет исполнена; и другие женщины встревожены. Л. Н. тоже полагает возможным...

Л. Н. ходил пешком гулять. Много просителей-баб.

Татьяна Львовна говорила что-то о свояченице Никифорова — Вере Засулич.

Л. Н.: Как я недалек был от революционеров! В Вере Засулич я видел что-то...

Потом говорили о Фигнер, готовой на всякую помощь людям и участвовавшей в убийстве Александра II.

Татьяна Андреевна очень долго, очень художественно, интересно рассказывала про своего сына Васю, участвовавшего в Цусимском бою. Как Вася хотел спасти ручную обезьяну, когда их судно тонуло, но она убежала от него на мачту. Племяннику Татьяны Андреевны Фуксу орудийным выстрелом снесло голову. Вася очень хвалил японцев. Часть кораблей была никуда не годной. Татьяна Андреевна оправдывала Небогатова, сдавшегося, не хотевшего загубить две тысячи жизней и сказавшего на суде, что виноват тот, кто эскадру послал (царь). Рожественский очень хорошо вел эскадру. Ошибка только, что ни с кем из подчиненных не советовался.

Л. Н. долго с большим интересом слушал.

Л. Н.: Я понять не могу, как это может быть война.

Татьяна Андреевна: Не можешь понять, как быть войне?

Л. Н.: Надо быть долгим путем развращенным, чтобы желать войны.

Татьяна Андреевна: А если придут и завоюют нас?

Л. Н.: Тогда признаться, что мы не христиане, больше ничего, если под христианством разуметь закон божий.

Татьяна Андреевна: А японцы с какой уверенностью воюют! Только японцы наивно, откровенно, а мы — фарисейски.

Л. Н.: У них самая дикая религия.

Л. Н. встал и хотел уйти. Татьяна Андреевна еще что-то сказала в оправдание войны. Л. Н. постоял и сказал, что он боится говорить о нехристианстве войны, чтобы это не выходило пошло!

— Не нужно даже доказывать, что война — дурное дело. Это вроде того, как если бы рассуждать об изменениях в публичных домах. Просто не нужно об этом говорить. Раз мы говорим о том, что война — дурное дело, стало быть, мы в этом еще не убеждены.

Л. Н. продиктовал мне из Силезиуса несколько стихов по-русски в прозе [2]. Я хотел было взять новый лист писчей бумаги, но Л. Н. сказал:

— Нет. У меня тут есть,— и, указав на письменном столе кучу оторванных чистых половинок листов, заметил:— Единственное употребление моих писем (писем, которые получает).

В другой раз Л. Н. сказал мне:

— Я всегда жалею бумагу.

Михаил Сергеевич читал письмо Белинского к Гоголю и разговорился с Л. Н. о Белинском.

Л. Н.: Это одно из наших разногласий с Тургеневым. Он ужасно любил Белинского, а я не мог его читать. Читал только ради того, чтобы с Тургеневым мог говорить про него.

Михаил Сергеевич: Белинский очень интересно нападает на Гоголя.

Л. Н. помнит это письмо:

— Очень неважное письмо. Разумеется, с точки зрения ума Белинский доказал, а с религиозной точки..... *

Гусев сказал, что Белинский не ценил народную поэзию [3].

— Этого я не знал,— сказал Л. Н.

Л. Н. обстоятельно рассказывал про В. И. Алексеева (с Чайковским и Маликовым).

— Я таких людей мало знал. Он такой искренний и истинно скромный. Отец его, кажется, подполковник, а мать, кажется, крестьянка. От этого-то он так хорош. Он меня стал обращать в свой дух революционный, а, к несчастью,— улыбаясь, сказал Л. Н.,— я его обратил в христианство [4].

7 октября. Воскресенье. Л. Н. очень следит за ходом болезни Танечки.

Утром приехал П. И. Бирюков с семилетним сыном Борей. Софья Андреевна ему, сестре Татьяне Андреевне, Михаилу Сергеевичу и Беркенгейму читала свои записки.

Л. Н. на Делире проехал просекой через Засеку в Елькино — шесть верст.

Был молодой человек (писатель). Л. Н. поговорил с ним минут двадцать; дал ему книг и посоветовал сходить к Гусеву.

Л. Н. (*мне о нем*): Жалко его, что ничего не знает (когда может знать).

Вечером Л. Н. о Черткове и Гусеве, что хотел заехать к Гусеву, у него сходка:

— Ему вряд ли сходки пройдут, как Черткову. Его полиция так не оставит.

Л. Н. мне это говорил, словно советуясь, как рекомендовать поступить Гусеву.

Я: Что же делать, пусть полиция разгонит.

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

Л. Н.: Я очень рад это (от вас) слышать. Но можно Гусеву сказать, чтобы был поосторожнее.

Л. Н. хвалил предисловие Наживина к его новой книге [1]. Там и о том, что явилось слово «толстовство» (в смысле сектантство толстовское) и оно совсем заслоняет суть христианства. Когда говорится о христианском поступании (исполнении в жизни христианского учения): «Ах, это толстовство!» скажут. И конечно — не надо о том больше говорить.

За обедом Л. Н. с Бирюковым о Петербурге, откуда Бирюков возвратился. Бирюков там видел молодого доцента-санскритолога Ольденбурга (не Ольденберга, писавшего о буддизме). Потом был у Коростовца, молодого дипломата, который был с Витте в Портсмуте, а теперь уже директором департамента. Когда Павел Иванович, отвечая на чей-то вопрос, разговорился о Л. Н., Коростовец сказал: «А! Толстой, совершенствование!.. Какое это может иметь значение?!»

Л. Н.: Теперь, кажется, читающих нет. Все пишут. — И вспомнил про бывшего сегодня молодого писателя и студента-гимназиста из Петербурга, не видавшего молотьбы. (Бирюков заметил: «И пишет об аграрном вопросе!»)

Л. Н.: Уваров написал одну хорошую книгу. Там он говорит, что книгопечатание содействовало помрачению людей [2].

После обеда шахматы (Л. Н. с Михаилом Сергеевичем). Бирюков читал вслух записки Татьяны Львовны о Тургеневе, которые понравились особенно Татьяне Андреевне.

Михаил Сергеевич спросил Л. Н. при чтении записок Татьяны Львовны о Тургеневе, как это он здесь отзывается о «Maison Tellier» Гюи де Мопассана, а инде пишет иначе.

Л. Н.: «Maison Tellier» не понравилось. Меня оттолкнуло по сюжету [3].

Л. Н.: Какой-то Давид Окоев мне пишет, что он не согласен со мной, и прислал мне свои изречения; некоторые из них употреблю, например: «Христианство советует богатым отдать имущество бедным, а социализм велит отнять (бедным) у богатых, и тогда будет все благополучно» [4].

Бирюков на это заметил, что социалисты говорят, что христианское «раздать» — это просто слово (неосуществимое), а отнять — это можно (осуществимое).

Л. Н.: Как бесполезно полемизировать! Невозможно никого убедить. Это как насилие. И как полемика раздражает! А еще хуже — насмешка.

Л. Н. с Бирюковым о père Loyson, который ходил к папе советовать, чтобы тот ослабил формалистику; потом вышел из священства. Он написал и прислал Л. Н. драму о деспотизме брака [5].

П. И. Бирюков у Л. Н. в кабинете до 11, потом уехал. Софья Андреевна забавляла Борю Бирюкова, она любит детей.

8 октября. Понедельник. Л. Н-чу четвертый день нездоровится, кашляет. Сегодня при открытой на балкон двери записался (засиделся) до 3.15, ноги окоченели. Потом пошел гулять пешком, вспотел; встретил Горбова, присел к нему и приехал с ним на извозчике. Вечером зяб, надел халат.

Пишет детский «Круг чтения».

Утром большая почта из Засеки, вечером еще больше из Тулы (с Александрой Львовной я ездил верхом — очень легонько ехалось рысью).

Л. Н., посмотрев на кучу писем из Тулы, сказал Горбову:

— Много писем, не успеваю читать, много времени забирает. (Из Засеки было семь, теперь двадцать, в Ясенках лежит семь заказных.)

Михаил Сергеевич посоветовал ему отдавать читать Гусеву и затем узнавать от него содержание. Л. Н. желал бы продолжать сам читать, чтобы не пропустить что-нибудь ему интересное.

— У меня есть своя публика, самая разнообразная, с которой я в общении.

Л. Н. ушел к себе читать письма (с 7 до 8 часов), потом вышел. Получил, между прочим, два про Аппоньи и две брошюры о нем же [1].

Татьяна Андреевна сегодня читала свои воспоминания Софье Андреевне, Сухотиным, Юлии Ивановне, Беркенгейму. Юлия Ивановна с восторгом рассказала мне, что очень интересно, без предвзятой цели (не как у Софьи Андреевны, которая берется доказывать то и то, а так, как Л. Н. воспоминания, рассказано, что̀ впечатлелось, как помнится). Михаил Сергеевич говорил о них Л. Н-чу, что отношение матери к Татьяне Андреевне точь-в-точь такое же, как графини Ростовой к Наташе.

Вечером Михаил Сергеевич читал сперва посланное им в «Голос Москвы» и полученное оттуда обратно художественное описание ограбления его соседа кн. Голицына экспроприаторами. Рукопись эту Л. Н. читал, очень одобрял и давал и иным читать. Редакция же возвратила, не напечатала по объяснению Беркенгейма потому, что «Голос Москвы» считает революцию конченной, а в этой статье указывается на продолжение экспроприаций и на растерянность (неумелость, неготовность) «охраняющих властей» [2]. Потом Михаил Сергеевич читал свои эскизы о I Думе. Правдивые, живые, с юмором, очень интересно написаны и еще лучше прочтены. Л. Н. вышел слушать, жалел, что не поспел к началу.

Л. Н.: Когда же их можно будет печатать? Через тридцать лет? — И говорил, что где соображения политические — там скучновато, а где художественное описание лиц — очень хорошо и очень полезно, живо, великолепно. Будет драгоценнейший исторический документ. На возражение, что тогда эти подробности не будут так интересны, как теперь, когда мы всех героев знаем, Л. Н. не согласился.

Л. Н. остановился на характеристике П. А. Столыпина.

— Это была отличительная черта его отца: мужество, именно мужество, и прямота.

Татьяна Андреевна ужасалась происходящему во время революции. Она говорила о необеспеченности жизни и имущества в России и о безопасности за границей, о том, о чем Михаил Сергеевич пишет в своей статье: то, что происходит теперь в России, не менее тяжело и страшно, чем поражение русских в японской войне.

Когда Татьяна Андреевна замолчала, все ожидали, что скажет Л. Н.

Л. Н.: Это прекрасно. Оказалось — чего нам недостает и без чего жить нельзя — религия. Ее ни у кого нет: ни у нас (интеллигенции), ни у крестьян. У крестьян еще есть вера в Иверскую (чудотворная икона).

Л. Н. говорил в том смысле, что революционеры, конечно, стоят выше всяких консерваторов и людей, которые думают, что можно жить по-старому. Старое — Иверская — не может продолжаться, народы растут, как люди; прошлое нельзя возвратить: «Как хорошо было в куклы играть!». Они (революционеры) правы в том, что требуют перемены,— ошибка их только в том, что̀, ка́к и на что̀ переменять. Когда религии нет, всё можно делать. Всё — в духовном (самоусовершенствовании), а не в поправке виселицы (ответ Татьяне Андреевне, надеющейся на власти, что они могут исправить положение,— чтобы не происходило в России то, что происходит, а чтобы восстановилось преклонение перед законом, как оно есть за границей).

Татьяна Андреевна: Ведь бог есть; почему же он это допускает?

Л. Н. (ей): Ты доказываешь то, что я сказал (что нет религии). Ведь вера в такого бога — не вера, это то же, что вера в Иверскую.

Татьяна Андреевна еще что-то сказала о заграница, как там идет жизнь правильно. Л. Н. это не привлекло,— наоборот, наверное, показалось ему тупостью, самодовольством.

— А в Англии футбол,— возразил он (т. е. отвлечение мысли от решений неотложных вопросов души).

Татьяна Львовна о заграница. Она не понимает тех русских, которые, когда возвращаются в Россию, приходят в восторг и готовы целовать жандармов на границе (Андрей Львович, Александра Львовна). Татьяна Андреевна была два раза, но не желает больше, любит Россию. Софья Андреевна желала бы.

Л. Н. (*ей*): Поезжай (с Таней).

Говорили о галереях.

Л. Н.: Louvre не оставил во мне никакого особого впечатления, кроме старой скульптуры.

Другие согласились. Горбов хвалил галерею Питти во Флоренции и Дрезден.

Л. Н., Татьяна Андреевна, Татьяна Львовна, Беркенгейм играли в винт.

Л. Н. дал мне письма, между прочим, мадьярского журналиста о якобы письме Л. Н. об Аппоньи. Л. Н. не хочет вступать в этот спор.

9 октября. Софья Андреевна читала вслух свои воспоминания *.

Л. Н. утром еще не чувствовал себя хорошо. Получил вчера благодарное письмо Бьёрнсона «за поддержку». После обеда Л. Н. спрашивал меня, какой закон издает Аппоньи, о чем писал Бьёрнсон. Когда я ему изложил, что речь идет о насильственном «vnúteni ** мадьярского» языка, Л. Н. сказал:

— Перемена языка меня мало трогает.

Л. Н. продиктовал мне ответ Бьёрнсону по-немецки (как он хорошо владеет немецким языком!). Л. Н., видимо, не хочет огорчать мадьяр и не хочет быть судьей в распре народов, так же как не хочет быть судьей между борющимися людьми; думает: обе стороны виноваты, и надо прощать и самим не грешить, а не жаловаться друг на друга [1].

Вечером Л. Н. и Татьяна Львовна читали вслух пьесу Поля Луазона «Le droit des vierges» [2].

Я попросил Л. Н. не продолжать чтения вслух из-за ларингита — послушался. Л. Н. говорил, что неталантлива и только интересно там, где описывается парижская среда.

Гусев написал по поручению Л. Н. шестнадцать писем [3].

Сегодня был у Л. Н. двадцатилетний артиллерийский офицер из Новороссийска, чистый юноша, очень скромный, в совершенно простом костюме. Л. Н. направил его к Беневскому.

Михаил Сергеевич говорил Л. Н. про письмо кого-то, что у него «жажда просвещения».

Л. Н.: Это общий мотив (писания мне просительных писем). Это такая уверенность, против которой возражать нельзя.

Татьяна Андреевна пела. Была Мария Александровна; уехал Беркенгейм.

10 октября. Приехала Елизавета Валерьяновна.

Л. Н. написал другой ответ Бьёрнсону. Спросил, «нет ли там чего» ...

Я: Вы пишете об Аппоньи, а Бьёрнсон этого имени не упомянул, пишет о мадьярах.

Л. Н. тогда сделал поправку в письме.

Я посоветовал Л. Н. дождаться брошюры «Die Madyaren als Unterdrücker», которую Бьёрнсон посылает [1]. Не согласился.

Л. Н.: Хочется скорее покончить с этим делом.

---

* Софья Андреевна обо всем говорит, не имеет тайн. Татьяна Андреевна в своих записках скрытнее. Илья Львович из всех детей Толстых самый умный, Вера Сергеевна бесконечно мила.

** внедрении (*чеш.*).

Т. А. КУЗМИНСКАЯ
Фотография, 1900-е годы.
«В полночь приехала Татьяна Андреевна на 14 дней». — Запись от 28 сентября 1907 г.

Л. Н. видел, как я рад был бы, чтоб он заступился за словаков и другие народы против угнетения мадьярского. Л. Н. отстоял свое невмешательство.

За обедом Л. Н., Софья Андреевна, Татьяна Андреевна, Елизавета Валерьяновна, Татьяна Львовна, Михаил Сергеевич, Александра Львовна, Юлия Ивановна.

Юлия Ивановна вспоминала рассказ Накрохина «Часы»; как Михаил Сергеевич плакал, когда читал его.

Л. Н.: Чудесный.

Татьяна Андреевна дочла Луазона «Le droit des vierges», ей понравилось.

Л. Н.: Ужасно видна сразу цель, на какую метит (поспешность действия), в жизни не бывает так.

Татьяна Андреевна спросила, новое ли это сочинение?

Л. Н. ответил, что нет (1894).

Л. Н.: Луазон прислал и новейшее (свою драму?). Он, монах, пишет: «Удивляюсь, как Толстой может верить в чудеса».

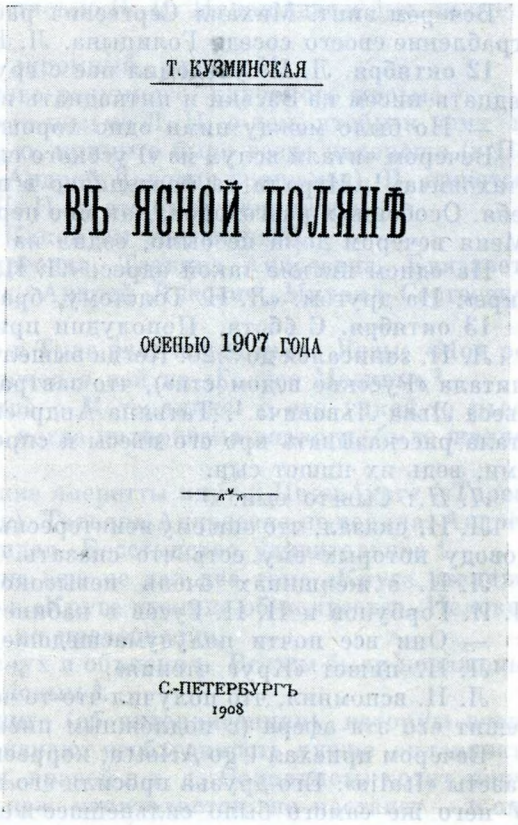
Татьяна Андреевна: Как же он может это писать? Читал он твои сочинения?

Л. Н.: Ему некогда.

После обеда Л. Н. с Михаилом Сергеевичем — в шахматы, Татьяна Андреевна с Александрой Львовной — в карты, Софья Андреевна, Елизавета Валерьяновна, Татьяна Львовна сидят около.

Вечером Л. Н. принес ответы свои Куртышу, Иконникову, Гончаренко и письма Иконникова: одно — Наживину, другое — Л. Н-чу, и читал вслух: первое — он, другое (о вшах) — Гусев. Очень искренние письма,

Т. КУЗМИНСКАЯ. «В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ ОСЕНЬЮ 1907 ГОДА», СПб., 1908
Титульный лист.


Т. КУЗМИНСКАЯ

ВЪ ЯСНОЙ ПОЛЯНѢ

ОСЕНЬЮ 1907 ГОДА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1908

без рисовки и до того простые и трогательные, что Л. Н. после второго вслух зарыдал, встал, и ушел к себе [2]. Вскоре вернулся.

Татьяна Андреевна: Я не понимаю это страдание, если не верить, что награда на том свете есть.

Гусев: Награда — в его сознании. Другой не нужно.

Л. Н.: Я ему очень благодарен. Он всех нас поддерживает. Сознаешь, что то, во что ты веришь, действительно есть истина. Не говоря уже о будущем. История узнает о них, они будут служить примерами. Они (Иконников, Куртыш) делают более важное дело, чем Столыпины, Аппоньи, не говоря уж о Николае,— сказал Л. Н., обращаясь к Татьяне Андреевне.

Татьяна Андреевна сказала, что не желала бы, чтобы ее сын был таким.

Л. Н.: Это понятно — материнское чувство.

Татьяна Львовна: Лучше, чтобы был гвардейским офицером?

Татьяна Андреевна: Лучше гвардейским офицером.

11 октября. Л. Н. в добром настроении. За обедом Звегинцева.

Л. Н.: Испанский, португальский язык — я их никогда не учил, а мне кажется, что я их знаю (могу понять письма).

Л. Н. (*Звегинцевой к чему-то*): Татьяна Андреевна рассказывала, что раньше старухи одевались по-старому, и было им гораздо спокойнее.

Звегинцева: Раньше жили семьями; тут жили дети, внуки, и старухи видели, что они и есть старухи. Теперь же этого, при одинокой жизни, не видят и одеваются по-модному, как все женщины.

Уезжала В. С. Ляпунова (с А. П. Сергеенко) к Чертковым. Л. Н. сошел вниз с ней проститься и поговорить, что̀ должна передать Чертковым «живая бумага» («что я так доволен бываю жизнью») и написал письмо Чертковым [1].

Вечером винт. Михаил Сергеевич рассказывал интересно, живо про ограбление своего соседа Голицына. Л. Н. молчал.

12 октября. Л. Н. уведомил нас с грустью, что сегодня получил пятнадцать писем из Засеки и пятнадцать писем из Ясенков.

— Но было между ними одно хорошее,— сказал он.

Вечером читали вслух из «Русского слова» фельетон Дорошевича «Два Стаховича» [1]. Играли на фортепиано в восемь рук. Л. Н. долго сидел у себя. Особенных разговоров, как мне передала Юлия Ивановна, не было. (Меня вечером дома не было, ездил на роды.)

На одном письме такой адрес: «Л. Н. Толстому, первому писателю в мире». На другом: «Л. Н. Толстому, брату любви боговой».

13 октября. С уббота. Пополудни приехала В. С. Толстая.

Л. Н. записался до 3.20. Когда вышел к чаю, Софья Андреевна сказала (читала «Русские ведомости»), что завтра пойдет в Москве впервые новая пьеса Льва Львовича [1]. Татьяна Андреевна, которая очень любит Леву, стала рассказывать про его пьесы и спросила Л. Н., не интересуется ли ими, ведь их пишет сын.

Л. Н.: Сын-то сын.

Л. Н. сказал, что они ему неинтересны. Что ему интересны те дела, по поводу которых ему есть что сказать.

Л. Н. о женщинах очень невысокого мнения. Один раз — были И. И. Горбунов и Н. Н. Гусев в кабинете — Л. Н. сказал о женщинах:

— Они все почти полусумасшедшие.

Л. Н. пишет «Круг чтения».

Л. Н. вспомнил, что получил что-то чешское об Аппоньи. Очевидно, не тешит его эта афера (с подложным письмом).

Вечером приехал Ugo Arlotta, корреспондент консервативной римской газеты «Italia». Его друзья просили его посетить Л. Н. и написать о нем. У него же самого было сильнейшее желание видеть Л. Н. Маленький, черноусый. Был очень взволнован. Задавал Л. Н-чу вопросы (по выражению Л. Н. «хорошие»). Был поражен личностью Л. Н., которая казалась ему больше, чем его дело (писания), и был очень счастлив, что увидал его. Он довольствовался бы и не говорить с Л. Н., только видеть его. Софья Андреевна оставила его ночевать, т. к. в Туле гостиницы, по случаю завтрашних выборов в Государственную думу, полны. Ночевал с нами: Гусевым и мной. Записывал себе впечатления, но был гораздо сильнее тронут в душе, чем мог выразить на бумаге. При разлуке мы с ним поцеловались. Утром он еще записал себе ряд вопросов, которые предложил Л. Н-чу. Потом с Елизаветой Валерьяновной ходил по парку и фотографировал.

14 октября. Утром Александра Львовна с сильнейшим ларингитом и повсеместным бронхитом уехала в Москву на урок фортепиано.

Пополудни Л. Н-чу пришла телеграмма: «Ждите. Г о н ч а р о в» (угроза). Софья Андреевна испугана.

Л. Н. ездил верхом. Приехали Андрей Львович и Михаил Сергеевич с выборов; в Туле выбрали правых в Государственную думу.

Получил вчера два номера мюнхенского журнала «Marz», где появились статьи Biørnstjerne Bjørnson «Madyaren als Unterdrücker» (это, собственно, письмо Калала, Ледерера и.....* к Бьёрнсону об угнетении словаков) и о Конгрессе мира. В этой статье Бьёрнсон пишет, что надо всем, ходящим на эти конгрессы, самим дома не угнетать других. Пруссакам — поляков, мадьярам — словаков, полякам — галицийских русских, и говорит о лицемерии угнетателя Аппоньи.

Вечером Михаил Сергеевич рассказывал про выборы.

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

Л. Н. прочел вслух последнее письмо И. П. Накашидзе и был им очень тронут.

— Превосходное. Какой он скромный, кроткий!

Л. Н. не ожидал от него такого разумного, глубокого письма [1].

Андрей Львович рассказал, что письмо Л. Н. о том, чтобы к нему не обращались за денежной помощью, принято было везде нехорошо (в Петербурге, в Москве, Туле — где Андрей Львович вращался). И, кажется, Андрею Львовичу не нравится. Л. Н-чу это было неприятно.

Л. Н. (*проходя мимо меня*): Какой вы элегантный!

За чаем: Л. Н., Софья Андреевна, Татьяна Андреевна, Елизавета Валерьяновна, Татьяна Львовна, Андрей Львович, Михаил Сергеевич, Юлия Ивановна.

Андрей Львович говорил, что в Туле идет новая пьеса Левы: «Моя родина». Михаил Сергеевич же прочел о ней из «Голоса Москвы» [2].

Татьяна Андреевна заговорила о Метерлинке: о его какой-то пьесе пишут, что нет ничего лучше, но, когда цитировала диалоги, было жалко, смешно (декадентское) [3].

Андрей Львович говорил, какие оперетты идут в Петербурге («Тореадор» — голые женщины купаются). Татьяна Андреевна не верила. Андрей Львович уверял, что голые,— видел. Бесстыдство удивительное [4].

Андрей Львович: Папа, ты мне еще не дал два тома «Круга чтения».

Л. Н.: На сегодняшний день в «Круге чтения» об искусстве. Неловко хвалить, потому что сам писал, но превосходно.

И Л. Н. прочел 14 октября вслух и объяснил. Все мы были поражены, как он это прочел. Стало нам ясным [5].

Л. Н. говорил о какой-то книге (об интеллигенции), которую вчера читал [6]. Социалисты (Бебель) признают необходимость лучше оплачивать работу конторщиков, инженеров, врачей и т. д. Социалисты хотят уничтожить господство землевладельцев, капиталистов; но настанет — и оно уже настало — господство интеллигентов (которое во сто раз дороже обходится народу, чем бюрократов, землевладельцев) [7].

15 октября. Утром Л. Н. с Татьяной Андреевной о дуэли Михаила Сергеевича; горячо осуждал.

Я Татьяне Андреевне диктовал по моим Запискам разговоры Л. Н. во время ее пребывания в Ясной Поляне, 4—6-го, 7—9-го; была очень благодарна. Видно, высоко ценит и любит Л. Н.

Л. Н.: Мало нас ругают. Заслуживаем, чтобы нас больше ругали. (Л. Н. о крестьянах.)

За обедом Л. Н. рассказал, что он был у Марии Александровны. У нее были два революционера; они с ней откровенны. У них легкое отношение к убийствам. Говорили, чего ждать, пока люди сами усовершенствуются. Пока они переменятся, пока мы устроим царство божие, в это время погибнет от правительственных насилий и бедственного положения больше людей, чем сколько мы лишим жизни (делая переворот). Был у нее сегодня и Клечковский.

Софья Андреевна: Почему не приехал к нам?

Л. Н.: Он был в семь часов утра с женой тут, у дома. Она желала видеть дом. Но не посмели войти.

Татьяна Львовна: Он у меня в Овсянникове хотел купить землю, чтоб построиться.

Л. Н.: Он в Туле покупает, но не решается, потому что не хочет быть собственником земли.

Л. Н. опять о книжке Лозинского об интеллигенции:

— Написана в научно-экономическом духе. Я отыскивал, с какой он точки критикует. Он против анархистов и социалистов. Спрашивает: кто же будет заведовать, когда будет равенство? Социалисты сохраняют ин-

теллигенцию, которая заменит привилегированные классы. Инженеры, адвокаты, врачи получают огромные доходы.

Гусев: Престиж интеллигенции (образования) у рабочих поднялся особенно в последние годы революции. Они были руководителями движения.

Л. Н.: Мне подтверждает это стремление к специальному образованию. Как раньше чин был целью, теперь — образование.

Л. Н. на замечание Татьяны Львовны о вегетарианстве вспомнил, что кто-то записал о Пифагоре: удивляться нужно не тому, что Пифагор не ел мяса, а тому, что люди позволяют себе убивать животных [1].

Псаломщик писал Л. Н-чу: «Пока существует духовная каста, она должна же жить. Как, по-вашему, она должна поступать, чтобы не ошибиться в движении ⟨и быть⟩ наравне с остальным мыслящим человечеством?»

Гусев ответил ему, что «духовная каста» совсем не должна существовать, и послал ему «К духовенству».

К ответу Гусева (по существу правдивому, но резкому) Л. Н. приписал: «Посылаю вам эту книгу и письмо любя и прошу, надеюсь, что вы примете их так же. Лев Толстой» [2].

Л. Н. за обедом рассказал:

— Сегодня был молодой человек: «Я пришел посетить вас. Я читал Мережковского, вас и желал бы поговорить». Он, по-моему, ограниченный. Он еще придет завтра в девять часов.

Софья Андреевна решила, что это Гончаров, и сказала стражнику, чтобы был настороже. (По этому поводу был оживленный разговор в зале между Татьяной Львовной, Татьяной Андреевной, Софьей Андреевной и Л. Н.) Л. Н-чу это тяжело. Сказал Гусеву, от которого я все это услышал: «Я поговорю с ним, и он успокоится. А то мы сделаем из него врага».

Л. Н., прощаясь с Татьяной Андреевной, просил ее еще раз хлопотать об Иконникове через Кони. Она сказала, что больше здесь не увидятся, а там.

Л. Н.: Там друг друга не узнаем.

16 октября. Александры Львовны все нет, полюбила Москву. Пополудни приехал С. А. Заболотнюк, двадцатипятилетний столяр, бывший революционер-агитатор. Прочитав «Божеское и человеческое» и «Неужели так надо?», воспринял взгляды Л. Н-ча. Перестал делать иконостасы, а делал только столярную работу, которая нужна бедным людям. Услыхав о толстовской колонии в Геленджике, поехал туда и там, у Лебрена, работал полтора месяца. Теперь усердно распространяет книги Л. Н-ча. Толковый юноша. Хочет жить земледельческим и столярным трудом (понимает и другие ремесла).

Л. Н. говорил, что Наживин поехал в Казань исследовать секту среди магометан «Божий полк» (отказываются от военной службы).

Сутковой же приехал поговорить с Л. Н. о своей поездке в Самару к голодающим и за деньгами.

Л. Н. с ними и Гусевым от 3 до 4.15.

За обедом Михаил Сергеевич говорил о конфискованной книге А. М. Бодянского «Духоборцы», что там интересно про голышей, как шли проповедовать в Йорктон. Некоторые из них умерли от пыток в сумасшедшем доме [1].

Л. Н.: Это преувеличено.

Потом Михаил Сергеевич говорил, что Бодянский пишет, что там правительство самодурно поступало.

Л. Н.: Это мне кажется строго.

Л. Н. о «Письме к ближним» Меньшикова в «Новом времени» 14 октября, сказал, что на Меньшикова все газеты нападают и что напрасно они это делают, потому что он с новой стороны смотрит на вещи. У него есть смелость.

В старой библиотеке с 8.30 до 10 Л. Н., Сутковой, Заболотнюк, Гусев, Михаил Сергеевич.

Л. Н. о переведенной Наживиным книге Карпентера «Я есмь»:

— Вся эта индийская мудрость очень сомнительна (такая странная?). Он говорит посредством переводчика. И, главное, тут есть что-то мертвенное, как у православия; у них самобытного совсем ничего нет.

Другие книги Карпентера Л. Н. читал с большим интересом [2]. О социализме. Сутковой говорил, что социализм перешел от высокого, нравственного взгляда к узкому экономическому и даже свысока смотрит на прежний.

Л. Н.: Вы меня заинтересовали, так ли это?

И сказал, что желал бы прочесть хорошую книгу о социализме. Какую?*

⟨Л. Н.⟩: У Герцена сплошь и рядом проявляются эти бессознательные христианские взгляды.

Л. Н.: Я думаю, что патриотизм всегда будет сильнее анархизма. Даже я убежден в этом. Как человек может отказаться от преданий среды, в которой вырос?

Л. Н.: Аскетизм — было узкое понимание. Христианина никак удовлетворить не может: стоять на столбу, а кругом его страдание; нужно усилие чувств (нужно делать)... Какие способности есть, теми ⟨и надо служить людям⟩ — мускулами (помочь отнести тяжесть), открыть глаза (намек на выражение Суткового, что ему кажется важнее открывать глаза хорошими книжками, чем кормить хлебом), деньгами (намек на Черткова, о котором была речь)**.

Сутковой говорил, что его перестала удовлетворять издательская деятельность и что ему хочется самому совершенствоваться.

Л. Н. говорил приблизительно, что это и есть главное, единственно нужное, и что внутренняя работа над собой неизбежно проявится и во внешней жизни, и что он тоже на распространение своих книг, и особенно на желание (может, намек на А. Бодянского) издавать газету или журнал христианский смотрит как на неважное (и на чертковское издание книг).

Л. Н.: Работа над собой всегда принесет плоды. Что важного в том, будет ли известная мысль распространена в 1907 году или в 1987 году? Главное, чтобы она была.

Л. Н.: Верно: habent sua fata libelli***. Как угадать, что произведет впечатление, действие? Вот пример: «Русские ведомости». Чего же глупее, бездарнее «Русских ведомостей»? А на них интеллигенция смотрит с благоговением (орган профессорский, университетский). Чем объяснить их репутацию, действие?!

Л. Н.: Во мне есть один слабый человек, который сочувствует Черткову (его деятельности) и другой, который ему не сочувствует, а именно — этому желанию выказать себя. Я в этом отношении строг, чтобы ⟨самому⟩ не отдаваться (деятельности). Но мой плохенький Лев Николаевич этому (деятельности Черткова) радуется.

С. А. Заболотнюку, не знающему и не решившему, как отказаться при наборе (он едет в Каменец-Подольск с тем, чтобы, прежде чем его осмот-

---

* Я рекомендовал Bliss «Handbook of Socialism», которая есть в библиотеке и которую Масарик мне рекомендовал [3].

** О нем Л. Н. сказал, что он с жаром занимается распространением хороших книг и что если бы его не было, надо бы его выдумать: и способен, и неутомим, и богат.

*** книги имеют свою судьбу (*лат.*).

рят и признают годным или, скорее, негодным — его два раза признавали негодным,— заявить, что не может быть солдатом на основании своего христианского мировоззрения). Л. Н. посоветовал, хотя ему трудно в этом влиять на него,— сказать: «Увольте меня от этого, это мне оскорбительно». И говорить это, как к брату, а не как «я такой, высокого понимания, а вы — низкого». Не оскорблять его (председателя призывной комиссии).

Сутковой рассказал, что в вагоне был разговор о неповиновении присяге.

Л. Н.: Неужели? Я на днях слышал то же самое от кого-то.

Л. Н. дал Заболотнюку, едущему через Киев, письмо к Кудрину и 10 р. ему же [4].

После отъезда Суткового (в Москву, оттуда в Самару раздать оставшиеся 2 700 р. духоборческих) и Заболотнюка в 11 часов вечера, Л. Н. читал Бодянского «Духоборцы».

Л. Н. (*Гусеву и мне*): Теперь Дума будет правая, будет строже цензура. Как издавать, зависеть от стесняющих законов?! Человек хочет быть свободен (намек на прошлый разговор), а во внешней издательской деятельности человек несвободен; во внутренней работе над собой — да. Потому этой придавать важность.

Когда Сутковой говорил, что он представляет себе мечту, каким он хочет быть, и думает, что эта мечта поможет его нравственному совершенствованию, Л. Н. сказал:

— Не думаю. Я лучше так думаю: шажок — и вот подвинулся вперед. Это верный путь. Вот, например, я стараюсь не осуждать никого в мысли. Это мне кажется в мои восемьдесят лет...

17 октября. Пополудни за чаем Л. Н. удивлялся, что̀ печатает «Посредник»: 1) статью из Henry George «A Perplexed Philosopher», где доказывается, что выкупа за землю не должно быть. Данные все чужие из Америки и Англии и устарелые [1]. 2) «Winstanley» 3).....* Кто это будет покупать, читать? Л. Н. высказал опасение, что Иван Иванович все больше запутается и приведен будет к банкротству:

— Сколько хламу печатается!

Л. Н.: Нынче посмотрел в «Новом времени»: «Дума будет правая». Мне это малоинтересно. Легкость печатания. Неоконченное, отрывки валяют. Надо бы годов пять, чтобы написать книгу, а посвящают дней пять, недель пять. Нынче немец прислал большое сочинение «Glaube und Wißen». Я начал читать. Малоинтересно.

Л. Н. получил письмо преподавателя рисования в гимназии, описывающего, как он вечером приехал к Л. Н. и хотел с ним подольше поговорить, а что Л. Н. скоро ушел, и женщина, дававшая ему книги **, тоже ушла, а он был голоден и без денег... и просит снова книг (до своего посещения уже тоже просил и получил).

Л. Н. ему ответил: «Благодарю за поучение. Книги посылаются вам...» [2]

За чаем Л. Н. сообщил об ужасном землетрясении в Бухаре. Городок Каратаг с 15 000 жителей провалился в образовавшуюся щель. Все погибли. Мы (Л. Н. и я) искали это известие в «Голосе Москвы», там же нашли телеграмму из Будапешта о том, что в Черновой, родине суспендованного*** Глинки, в народ, не хотевший впустить соседнего священника в церковь, стреляли жандармы, сопровождавшие священника, и убили 11 и тяжело ранили 12 человек. Я рассказал Л. Н., в чем дело. Л. Н. сам вторично прочел и пересказал другим. Л. Н. удивлялся, что прихожане при свадьбах, рождениях не обходятся без мадьяронских священников [3].

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

** Юлия Ивановна; помнит его — был пренесносный человек.

*** отстраненного от должности (словац. suspendovat).

Н. Н. ГУСЕВ

Фотография, 1907—1908

«Получили известие, что вчера вечером арестован переодетым становым и тремя стражниками Гусев».— Запись от 23 октября 1907 г.

Вернулись Александра Львовна из Москвы, Елизавета Валерьяновна из Тулы.

Елизавета Валерьяновна говорила, что испортились отношения между Долинино-Иванскими и крестьянами. Они брали в аренду землю, отказались, и теперь, когда она уже обработана и засеяна хозяином, пожелали. Он отказал им. За это — угрожающие письма, что его убьют камнем. И бросили камень в коляску, когда он вечером возвращался. Долинино-Иванские завели стражников. У Долининых никакого оружия не было и нет.

Л. Н. (*насчет оружия, взволнованно*): Об этом не думать, тем паче не говорить! Кто носит оружие, готов убивать. Худшее, что злые чувства в нем. Стараться, чтобы во мне не было нехороших чувств.

Софья Андреевна уехала в Москву просвечивать рентгеном голень и по издательским и денежным делам.

18 октября. Л. Н-чу нездоровится. Не обедал. С 6 до 11 лежал на диване.

19 октября. Был у Л. Н-ча Г. А. Новичков, 57-летний пензенский крестьянин. Читал XII том сочинений Л. Н. и его «Ответ Синоду» и про-

никся его духом. В 1902 г. пришел в Ясную Поляну, тут его И. П. Накашидзе познакомил с Л. Н. Потом прожил месяц в «Посреднике» — помогал разносить и т. д. Теперь попал в тюрьму («дрова рубят — щепки летят») и писал Л. Н-чу, а Л. Н. — Д. А. Олсуфьеву [1], который сказал о нем губернатору Татищеву, что он не революционер, а христианских убеждений. Его выпустили. Он желал видеть Л. Н., но ему не на что было поехать. Его тюремные товарищи собрали ему денег на путь. Тут попросил Л. Н-ча еще об одном товарище похлопотать. Л. Н. с ним говорил три-четыре раза и вечером призвал к чаю. Простой, прямой (как Дудченко) человек.

Шейерман, по совету Николаева, зовет его на землю (250 десятин) — он готов отдать ее общине, которую хочет устроить [2]. Новичков живет с племянницей-учительницей и ее тремя детьми. Просил совета Л. Н-ча. Он ему сказал: «Почему не попробовать?»

Л. Н-чу лучше.

20 октября. Приехал С. П. Софронов.

Л. Н. прочел нам вслух «Круг чтения» на 20 октября [1]. При чтении Генри Джорджа Софронов спросил:

— Что понимать под талантом? Дарование?

Л. Н.: Просто назначение, служение, я думаю. Дано нам духовное сознание, которое можем увеличивать или уменьшать.

Л. Н. читал изречения других на такие же темы и сказал:

— Со всех сторон подтверждение одного и того же.

За обедом Софронов спросил Л. Н. о Гарнаке [2].

Л. Н.: С научной точки зрения, как исторические исследования, хороши. Но нравственного, религиозного у него нет.

Сергей Павлович спросил, давать ли читать крестьянам Штрауса [3].

Л. Н. Нет.

Сергей Павлович продолжал, что он сначала дает Л. Н-ча, а после Штрауса.

Л. Н.: Я и такие свои статьи, как «К духовенству», не люблю давать. Серьезный человек, у кого есть положительное, религиозное,— он сразу примет, у него соскочит церковное. А другие освободятся от церковной религии, и у них ничего святого не останется.

По поводу попавшей ему в руки с почты корректуры, адресованной Сутковому, Л. Н. спросил:

— Что такое большевики? (Несколько раз это Л. Н. при мне спросил. Софронов объяснил ему.

Л. Н. перелистывал полученный журнальчик «The Open Road».

За чаем читали (в «Современном мире») декадентские рассказы и стихи Татьяна Львовна опоздала и ничего не могла понять [4].

— Для кого это пишут? Кто это читает?

Л. Н.: Никто не читает.

Татьяна Львовна: Но кто же покупатели, печатают же?

Л. Н. (*мне*): В газетах опять пишут про убийства в Чернове.

И рассказал Е. В. Оболенской, что словацкий народ не хочет принимать мадьярских священников.

Я поправил, что эти священники не всегда бывают мадьярами, а чаще мадьяроны, из своих же словаков, но презирающие свой народ, враждебные ему.

Л. Н. задумался:

— Теперь пишу про соблазн патриотизма, национальности.

Л. Н.: В «Русских ведомостях» — статистика смертных приговоров и казней за последние два года [5].

Л. Н. (*ко мне*): Читали дело Гардена? (обвинение высших офицеров прусских в противоестественном).

— Нет, но вчера слышал о том.

Л. Н. (*удивляясь*): Как это в «Новом времени» напечатали, хуже всякой порнографии [6].

21 октября. Приехала Мария Александровна. Был А. А. Стахович, ночью уехал вместе с Софроновым.

Татьяна Львовна встретила Александра Александровича, сказав, что он единственный кадет, которому она прощает кадетство.

Л. Н.: А я никому не прощаю эту узость мысли.

Л. Н., приветствуя его, старался быть очень милым, обрадованным, но видно было, что мысли его инде.

У Л. Н. вчера просили мальчики, чтобы их опять учить. Сегодня приготовил урок и в 7 часов вечера их ждал.

22 октября. Я с 3-х часов дня до часу ночи ездил по больным.

Утром приехали Софья Андреевна из Москвы и Михаил Сергеевич. Сейчас гостят Михаил Сергеевич с Татьяной Львовной и Танечкой, Елизавета Валерьяновна, Варвара Михайловна, Мария Александровна. Был холодный день. Пополудни за чаем в зале было так приятно!

Я сообщил Л. Н., что Немрава, отказавшийся от военной повинности и все время сидевший в заключении, взял своей выдержкой: его отпустили.

Вечером от 6.45 до 7.20 школа, семнадцать мальчиков.

Л. Н. (*о них*): Какие хорошие мальчики! Как хорошо рассказывают!

Л. Н. им рассказал сказку Андерсена о четырех горошинках.

— Это очень мило, — сказал Л. Н. А потом о больной девочке:— Это уже избито.

Что в четырех горошинах было фальшивого — пропустил [1].

Л. Н. (*Марии Александровне*): Книг для детей нет совершенно. Я посмотрел «Малым ребятам» (горбуновское) — фальшивое. Тут надо бы составить кружок людей, которые занялись бы этим: выбрали бы из всей литературы путешествий, науки, философии, естествознания...

Мария Александровна выпишет Ивана Ивановича к Л. Н. поговорить об этом.

Разговор о том, как отзываются осудительно, непочтительно о Л. Н., главное по поводу его последнего письма (чтобы не обращались к нему за материальной помощью).

Мария Александровна: Что же этому удивляться? Христа презирали, гнали...

23 октября. Утром уехала Мария Александровна. Perks (англичанин) умный человек, уважающий Л. Н., привез новую пишущую машину. Получили известие, что вчера вечером арестован переодетым становым и тремя стражниками Гусев. Мне рассказала об этом Александра Львовна. Она сейчас же написала негодующее письмо становому. Л. Н-чу было тоже неприятно, тяжело и жалко Гусева; боится, чтобы он не пал духом или не озлобился.

Л. Н. (*мне*): Это важное событие. После этого окажется, может быть, что и Черткову нельзя будет здесь жить.

Перкс спросил, что случилось.

Л. Н.: Это недоразумение. Прежние революционеры вследствие его влияния * перестали быть революционерами. Как он отнесется к своему заключению, соблюдет ли спокойствие? Я знаю по себе: меня озлобило в первый момент.

Утром Л. Н. просил меня достать ему книжку с данными о земле, ее населении (нужно ему для вечернего преподавания). Пополудни спросил Александру Львовну, нет ли у нее в школе глобуса.

— Нет.

---

* В подлиннике словацкое слово «pôsobenia». — *Ред.*

Л. Н.: Можно бы купить.

Л. Н. с Михаилом Сергеевичем о том, что читал четвертый том своих сочинений (педагогические статьи) [1]...

Л. Н. (*Михаилу Сергеевичу*): Слышали про Николая Николаевича? Ребята, которые ходили к Черткову и Гусеву, были революционеры, носили револьверы. После бесед с ними это бросили. Правительству надо бы их поощрять, а оно арестовывает.

Л. Н. об аресте Гусева заметил, что это влияние выборов (что в Думу выбрали правых).

24 октября. Пополудни сперва Александра Львовна и я, потом Л. Н., ездили к заключенному в канцелярии пристава Н. Н. Гусеву. У него произвели обыск, и его заключили по доносу телятинского мужика, что он ругал царя (чего он не мог делать). Л. Н-чу было приятно слушать эту причину (донос). Это не прецедент для запрещения Черткову жить здесь.

Л. Н. написал заявление — удостоверение личности Николая Николаевича [1]. Л. Н. был у Звегинцевой. У нее дочь, кн. Волконская, и племянница Болдырева (урожденная кн. Черкасская). Все три прекрасно одеты. Звегинцеву Л. Н. жалел, что она озлоблена на Гусева. Но когда Татьяна Львовна стала говорить о ней, осуждая ее, Л. Н. остановил ее вопросом с доброй улыбкой:

— Хуже тебя?

Таким образом, он в эти дни несколько раз останавливал говоривших — хотя справедливо — нехорошо про других.

У Л. Н. школа. Достал карты полушарий и другие, чтобы показывать ученикам.

Мне дал списать письмо Куртыша к Наживину. Вечером за чаем Л. Н. прочел его вслух. Оно ужасно безграмотное. Куртыш — отказавшийся от военной службы, бессарабский румын, не знает по-русски, а хорошо пишет [2].

Сидели за чаем, и не о чем было говорить. Михаил Сергеевич спросил Л. Н. о сегодняшнем «Новом времени», что там.

Л. Н. ответил, что ничего особенного.

— В «Новом времени»,— продолжал он,— проект вооружения* поголовного. Будет, как на Кавказе.

Михаил Сергеевич что-то заметил.

Л. Н.: Не ужас, а затмение. В Бессарабии земство обложило по две копейки десятину и собрало таким способом 60—80 тысяч, чтобы бороться с экспроприаторами.

Михаил Сергеевич: В Англии — помните? — когда развелись душители, их стали публично вешать.

Л. Н.: Не думаю, чтобы это помогло.

Л. Н.: В «Новом времени» еще научный обзор Эльпе — прескучный [3]— и музыкальный обзор [4]. Эти научные и музыкальные статьи — их авторы, наверное, получают по десять тысяч,— они всегда скучны.

Уехал агент пишущих машин «Smith Premier» В. А. Перкс. Свое вознаграждение за продажу пишущей машины (16 р.) передал мне в распоряжение Л. Н. для яснополянских бедных. Не желает сам пользоваться. Неприятно ему приезжать за деньги.

25 октября. Я ездил в Бегичево за 20 верст и целый день не видал Л. Н.

Приехал Д. А. Олсуфьев. Ночью приехали В. В. Нагорнова и Н. Л. Абрикосова. Л. Н. от 9 до 11 не выходил.

26 октября. Приехали Иван Иванович и Мария Александровна.

Я ездил в Головеньки и по пути был у Гусева в канцелярии пристава

---

* В подлиннике словацкое слово «озброения» — *Ред.*

у Звегинцевой. Гусев сидит на столе или стоит, нет у него стула. Погрузился в изучение «Круга чтения». После меня был у него Л. Н. и рассказывал вечером, что он спросил станового, зачем его взяли. Становой ответил: «Как же, он ругал царя». *Л. Н.*: «Не может быть! Не в его духе». Тогда становой показал «Единое на потребу» (русское издание) и одно место о «глупой японской войне», где сделана выноска рукой Николая Николаевича: к слову «царь» прибавлено «малоумный». Л. Н. спросил Гусева, зачем он это туда вписал. Гусев ответил: «Это ваши слова. Они в полном тексте издания Черткова; я их — пропущенные в издании русском (в России) — туда внес» [1].

Л. Н.: Какое мое положение: его за меня взяли.

Л. Н. старался становому внушить, что Николай Николаевич тут не при чем (в оскорблении царя). На замечание станового, что Гусев говорил: «Не нужно военную повинность отбывать», Л. Н. ответил, что военная повинность с христианством несовместима.

На вопрос Михаила Сергеевича, читал ли Гусев это место молодым людям, Л. Н. ответил:

— Наверное он и не читал его. Его интересует смысл, общие мысли, а не ругательные слова.

На замечание Михаила Сергеевича, что к Гусеву придрались за Черткова, что он продолжает чертковскую пропаганду, Л. Н. сказал:

— Чертков ошибся, поселив его в Телятинках. Следовало ему попросить Софью Андреевну, чтобы он жил у нас. Он ведь, главное, жил здесь для помощи мне. Писал хорошо письма (ответы за меня.)

Софья Андреевна (*горячо*): Я не позволила бы никаких глупых митингов.

Олсуфьев рассмеялся, Л. Н. тоже.

Л. Н.: Вас поражает контраст? Неожиданность — условие комизма. Олсуфьевы чутки к комическому.

Потом речь о предстоящем привлечении к суду Ивана Ивановича за напечатание первого тома «Соединения и перевода четырех Евангелий» — за «кощунство» [2] (Давыдов будет председательствовать) и Битнера за напечатание «Что такое религия?» — за «богохульство» [3].

От 3.45 до 7.30 школа. Л. Н. с атласом Маркса пошел туда [4].

С 7 до 9 Софья Андреевна читала гостям свои мемуары *. Потом Л. Н. играл в шахматы с Сергеем Львовичем и Д. А. Олсуфьевым.

Иван Иванович приехал поговорить с Л. Н. о серии изданий детских книжек. Л. Н-чу все эти детские рассказы («Малым ребятам») кажутся сентиментальными, фальшивыми. Перевел разговор на «Часы» Накрохина.

— Не детский, но хороший рассказ, трогательный. Дети этого не поймут (тут надо понять точку зрения актера, извращенность...)

Иван Иванович рассказал, с каким жаром и пониманием Сергей Дмитриевич готовит к печати второй том «Соединения и перевода четырех Евангелий».

Иван Иванович о том, с чем бы соединить «Не убий никого», чтобы вышло восемьдесят страниц: тогда книжку выдаст типография им на руки и — если пройдет в этом издании,— ее можно будет потом напечатать отдельно. Возмущен тем, что не может напечатать последнее сочинение Л. Н-ча: прощальное письмо (речь) к юношам, приходившим к Чертковым. Чертковы ему всё не посылают поправленного экземпляра и сами не издают. Коротенькая статья, и вот уже два месяца, как могла бы появиться [5].

---

* Недавно читали мемуары: о Тургеневе — Татьяны Львовны; о Думе — Михаила Сергеевича; о Л. Н.— Татьяны Андреевны. Гостям в Ясной Поляне не скучно.

Около маленького круглого стола Л. Н. с Д. А. Олсуфьевым разговорились об Олсуфьевых. Подсели к ним Мария Александровна, Варвара Валерьяновна, Н. Л. Абрикосова, Сергей Львович, Михаил Сергеевич, Иван Иванович и я. Татьяна Львовна (у нее мигрень) лежала возле на кушетке и прислушивалась к разговору, который в этот раз был очень живой и интересный.

Говорили, главное, Л. Н. и Олсуфьев.

Л. Н. вспоминал об Олсуфьевых (Баден-Баден), о бале в Кишиневе. На этом бале Долгоруков, доктор (тогда было введено ограничение в приеме студентов на факультеты, кроме медицинского) — это был доктор из аристократии, Л. Н. не так выразился: из высшего общества,— он распоряжался танцами, а тут были великие князья, как он кричал на великих князей! Л. Н-чу не нравилось, что армия постоянно отступает, а в это время балы, и тогда решил попроситься перевестись в Севастопольскую армию. Л. Н. хочет это записать для Бирюкова [6].

Олсуфьев говорил про то, как они (уполномоченные Красного Креста при госпиталях) остались в Мукдене и как подходили японцы ощупью, не уверенные в том, что русские войска ушли. Конница шла шагом, зигзагом, как при облаве на волка. Японский офицер, увидав прекрасную его лошадь, отнял ее (протесты не помогли). Мукденское сражение было чуть ли не самое кровавое в истории: из строя выбыло сто шестьдесят тысяч русских (в Бородинском — пятьдесят тысяч), тридцать тысяч убитыми и семьдесят пять тысяч ранеными; прочие разбежались, попали в плен. Он похоронил тысячу русских. В сражении почувствовал, что войны не должно быть. Противника не видно, только дым, шрапнели.

Говорили что-то о порохе.

Л. Н.: Хорошее изобретение (порох).

Мария Александровна: Как?!

Л. Н.: Хорошее изобретение, видишь: ты стреляешь... и в тебя стреляют. Уроки (эти) продолжаются столетия.

Л. Н. желал прочесть его, Олсуфьева, описания (воспоминания о войне).

Олсуфьев: Тяжелые ранения были от артиллерийских орудий, а мелкокалиберные японские ружья простреливали навылет, и раненый солдат шел еще пятнадцать верст после этого. Из ста раненых бывало только четыре-пять тяжелораненых.

Потом что-то о стычках штыками.

Л. Н.: Стычки штыками никогда не бывает. Я спрашивал. Одни раньше бегут, другие догоняют их и добивают упавших.

Дмитрий Адамович согласился, он не вспомнил, чтобы видел раненного штыком.

Дмитрий Адамович: Японцы очень милые, вежливые; смотрели на нас, как на высших.

На вопрос Л. Н. о китайцах Олсуфьев ответил, что к ним чувство (у него было и осталось) пренебрежительное.

Л. Н.: Я жалею — не имел сношений с китайцами; с японцами много. У них у всех — и у одного, который профессировал * мои взгляды (Токутоми) — какой низкий духовный уровень.

Дмитрий Адамович: Поражало, как они жгли трупы (своих) совсем без всякого чувства сожаления. Я и не знал, что трупы горят, как полено. У японцев рыцарства нет; они, если выгодно, разбегаются, как мыши; если же нужно, погибают. Под Порт-Артуром наполняли рвы своими телами. Такого патриотизма ни у кого нет. Я думаю, они всех победят, и американцев.

---

* исповедовал (от франц. professer).

Говорили о бывшем министре Милютине (Дмитрии Алексеевиче).

Л. Н.: Володя Милютин объявил нам, мальчикам (Толстым), что бога нет [7].

Олсуфьев сказал, что теперь (Д. А. Милютин) — 92-летний старик; что он удивительно бодр, свеж.

Л. Н.: А он был скорее слабого телосложения.

Андрей Львович, вернувшийся из Маньчжурии и читавший «Войну и мир», говорил, что на войне в Маньчжурии было все так же, как в «Войне и мире» описано. Дмитрий Адамович стал говорить, что маньчжурская война — точь-в-точь севастопольская. Те же бездарные полководцы и т. д. — ничего не переменилось.

27 октября. Л. Н. утром высказал то, что вчера не сумел (Л. Н. о себе: «Утром похож на человека, вечером — совершенно дурак») Ивану Ивановичу — как излагать этнографию и географию в серии задуманных Л. Н. книжек. Народу (и детям), который знает только свою жизнь с полицейскими, подать ясно, живо, как живут другие народы и как они до своего положения дошли. Начать с России, описанием нынешнего строя жизни и потом ретроспективной истории (как дошло до нынешнего строя); потом соседей, Китай, Индию, Норвегию, Швейцарию. Живо, коротко, без внешней систематической скучной научной методы. Использовать путешествия. Материал огромный, его нельзя всего исчерпать.

Л. Н. уже полтора месяца как стал очень забывчив: не помнит людей, имен, когда о них говорят.

Он делает огромнейшего напряжения умственную работу — «Круг чтения». Может быть, от этого его мысль устает.

Л. Н. ездил с Д. А. Олсуфьевым на почту в Ясенки, главное — из-за писем к Гусеву, переслать их ему в Крапивну, и сам написал ему письмо [1]. Очень огорчен и сожалеет, что Гусев сидит за него. Только не показывает, но очень страдает.

За обедом Л. Н. по какому-то поводу сказал, что в детстве звали его Левка-Пузырь.

Л. Н. говорил, что религии народов исходят из христианства и из браманизма. Конфуцианство покрывается браманизмом. Остается малая полоса «язычников», которые, собственно, потому язычники, что мы их не знаем.

Вечером было шумно. Сергей Дмитриевич два часа морил Л. Н-ча «Соединением и переводом Евангелий». Все сомнительные места, кроме двух, Л. Н. поправил. Сергей Дмитриевич увлечен, одушевлен этой работой. С 10.30 до 11 разговор о Генри Джордже, объясняли его члену Государственного совета Дмитрию Адамовичу. Сергей Львович играл на фортепьяно, Л. Н. с Дмитрием Адамовичем — в шахматы с 11 до 12.

Сегодня Л. Н. хотел меня попросить съездить в Тулу за почтой, писем накопилось около 40, между прочим, от П. А. Столыпина, но не хотел утруждать. Попросил стражника. Л. Н. принес Дмитрию Адамовичу книжечку «Часы» Накрохина и сказал:

— Душан Петрович, вы «Часов» Накрохина, кажется, не читали?

Я: Не читал.

Л. Н.: Ах, это вам предстоит большое удовольствие!

Л. Н. получил сегодня письмо от Куртыша, которое писал ему другой, фальшивое. Сам Куртыш — бессарабский румын и думает, что сам плохо пишет. Действительно, плохо, но все-таки несравненно лучше, чем этот, не понимающий его, фразер [2].

Сегодня девочка из Тулы, ей собрали 10 р.

Уехали в Москву Александра Львовна (на урок фортепьяно), Сергей Львович, С. Д. Николаев, И. И. Горбунов.

28 октября. Утром уехала Мария Александровна. Л. Н. писал губернатору о беспричинном арестовании Гусева, чтобы его скорее отпустили [1]. Почерк у Л. Н. твердый, никакого старческого колебания, и гораздо тверже, четче, чем несколько лет тому назад. Л. Н. получил сегодня письмо Столыпина: ответ о Генри Джордже и по поводу А. М. Бодянского, которого арестовали за его книгу «Духоборцы», и Л. Н. просил освободить его [2].

Л. Н. в «Круге чтения» для детей избегает слова «который»: например, «Человек, который ищет бога», Л. Н. заменяет: «Если человек ищет бога».

Михаил Сергеевич сообщил Л. Н., что в «Голосе Москвы» 27 октября напечатано о публичном отказе от военной повинности в Москве перед комиссией. Имя отказавшегося не приведено [3]. Л. Н. был рад и сказал, что он бы этого — чтобы сотни отказались,— особенно желал. Но не ввиду факта — он раньше или позже совершится,— а ввиду облегчения участи страдающих.

Татьяна Львовна говорила Наталье Леонидовне, что Танечка много пьет, потому что у нее диабет.

Л. Н.: Перестаньте говорить глупости...

С 9 до 10 Л. Н. читал вслух и Михаил Сергеевич продолжал — из только что полученной и недавно вышедшей книги Ивана Наживина «В долине скорби» — рассказ «Золотая рота», и очень хвалил:

— Наши же братья ведь они! Превосходно! Чувство меры только раз нарушено.

Еще хвалил в той же книге «Мой учитель» и «Упрощение жизни». Разговор о других его рассказах в этой книге [4]. Юлия Ивановна говорила, что ей не нравится его самоуверенный тон, точно Льва Львовича. Л. Н. согласился, что он самоуверен и что он жестоко осуждает.

Потом читали письмо П. А. Столыпина к Л. Н. Пишет, что он — за собственность на землю и потому против Генри Джорджа, отрицающего собственность. Письмо скромное. Конец трогательный. У Л. Н. дрожал голос, когда его читал.

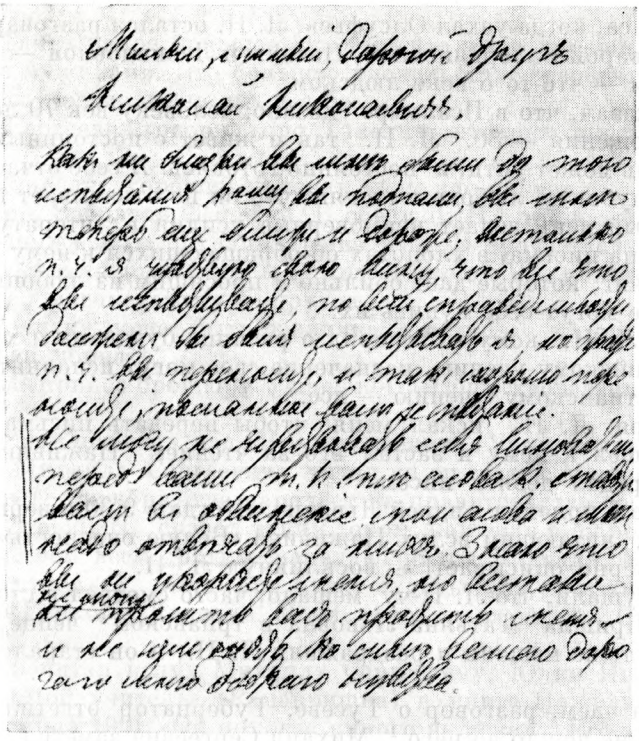
Л. Н.: Столыпин так, как Олсуфьев, не имеет понятия о Генри Джордже. Генри Джордж — сторонник собственности. Он за обложение рентой земельной и за освобождение от податей труда, улучшение земли, построек.

Об этом спор между Л. Н. и Михаилом Сергеевичем, который утверждал, что Генри Джордж не признает права завещания, продажи земли. Л. Н. утверждал, что право завещания останется за владельцем земли.

Столыпин охотно согласен поговорить о Генри Джордже с Николаевым, которого рекомендовал ему Л. Н-ч. Л. Н. поручил Олсуфьеву сказать Столыпину, что Николаев охотно приедет к нему, и послал Столыпину свою книжку «Единое возможное решение земельного вопроса», отметив некоторые места.

Л. Н. сделал это, поручив Дмитрию Адамовичу передать на словах свой ответ Столыпину, с видимой безнадежностью переубедить Столыпина или добиться чего-либо в пользу Генри Джорджа. Но Л. Н. делал это как свой долг, стойко. На слова Столыпина в его письме Л. Н. сказал, что отстранить себя от распределения земли по тем будущим результатам — нельзя; одни догадки могут быть. Л. Н. сказал, что он не станет опровергать Столыпина на том основании, что тот может указывать непрактические результаты в применении теории Генри Джорджа на деле, т. к. эта теория, в сущности, соответствует высшей справедливости.

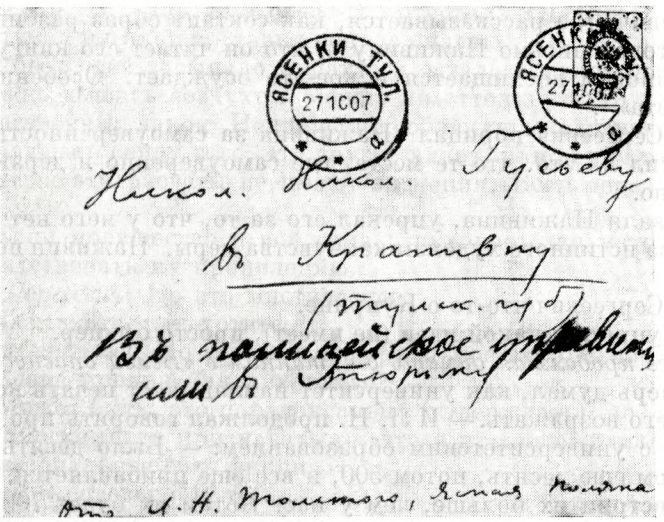
Дмитрий Адамович уезжал. Побыл четыре дня, ласкаемый всеми. Очень приятный человек. Про его старшего брата Мишу говорили, что он еще милее, тоньше.



ПИСЬМО ТОЛСТОГО К Н. Н. ГУСЕВУ, НАХОДИВШЕМУСЯ ПОД АРЕСТОМ

Автограф. Лист первый

«Л. Н. ездил... на почту в Ясенки, главное — из-за писем к Гусеву, переслать их ему в Крапивну, и сам написал ему письмо. Очень огорчен и сожалеет, что Гусев сидит за него. Только не показывает, но очень страдает». — Запись от 27 октября 1907 г.



КОНВЕРТ ПИСЬМА К Н. Н. ГУСЕВУ

Адрес рукой Маковицкого с припиской Толстого: «В полицейское управление или»

Почтовые штемпели: «Ясенки Тул. 27. 10. 07»

С 11-го часа, когда уехал Олсуфьев, Л. Н. остался разговаривать с родными, с Варварой Валерьяновной, Натальей Леонидовной — они уезжают завтра утром — что-то о веке людском.

Л. Н. сказал, что в Псалтыре сказано: человеку век 70 лет, а если он сильного сложения — 80. Л. Н. так и живет с постоянным сознанием, что в эту ночь может уйти, и постоянно готовясь. Я себе отчасти этим объясняю его глубокую любовь к людям, что он не отказывает никому в помощи, каждый день делает неимоверные усилия в литературном труде, в отвечании на письма, в хлопотах об обращающихся к нему за помощью, в посылке книг, которые дает обильно и просящим из любопытства, и таким, которые могут себе купить их.

На днях Л. Н. кому-то говорил о разнице буддизма и христианства, что, по буддийскому учению, назначение свое могут исполнять одни старцы, по христианскому учению — все.

29 октября. Л. Н. искал меня, чтобы передать письма для ответа. В 2.20 я пошел к нему и застал его за чтением Наживина «В долине скорби». Передал девять писем.

Вечером в 7 приехал Андрей Львович. Когда в 9.30 я вернулся домой, застал Л. Н. читающим вслух Наживина «Белую опасность».

— Как верно описывает! — воскликнул Л. Н.

Плохо слушали, что̀ Л. Н-чу мешало, часто смотрел в сторону шушукающихся. Пришла Татьяна Львовна в трнавском* чепце, этому тоже удивлялись, тоже мешали и раздражали Л. Н., и он старался скорее докончить.

Потом, за чаем, разговор о Гусеве. Губернатор ответил Л. Н., что это дело еще не дошло до него [1]. Михаил Сергеевич заметил, что губернатор хитер. Андрей Львович стал что-то скоро говорить, из-за чего, по недоразумению, дошло до спора между ним и отцом. Тут действовало на Л. Н. раздражение от того, что мешали ему читать.

Л. Н. нравилось то, что он читал сегодня, и нравилось ему из читанного вчера, как сектант пришел на баррикады, разговор его, но дальше, по словам Л. Н., идет путаница, и с художественной точки зрения фальшиво. Нет одного постоянного созерцателя-рассказчика; нравилось Л. Н. («это превосходно»,— сказал он), особенно то место, которое осуждал Михаил Сергеевич, где рассказывается, как сектант образ разбивает. Потом мне продиктовал письмо Наживину — что он читает его книгу «В долине скорби» и многим восхищается и кое-что осуждает. Особенно нравится «Золотая рота» [2].

Михаил Сергеевич порицал Наживина за самоуверенность, дерзость. Л. Н. заметил на это, что те места, где самоуверенно и дерзко, выходят у него сильно.

Л. Н., хваля Наживина, упрекал его за то, что у него нет этого великого свойства истинного художника: чувства меры. Наживин переполняет, утрирует.

Михаил Сергеевич что-то о Куприне.

Л. Н.: Куприн никакой идеи (не имеет), просто офицер.

Л. Н. (*все продолжая думать о читанном в «Белой опасности» Наживина*): Я теперь думал, как университет накладывает печать консерватизма. Тут нечего возражать.— И Л. Н. продолжал говорить про дармоедов, в том числе с университетским образованием: — Было десять на плечах тысячи, потом еще десять, потом 500, и все еще прибавляется. В Англии, Америке, Австрии их больше, чем у нас. Потом их будет 700 на плечах 300. Этот процесс не может продолжаться.

---

* *Трнава* — город в Словакии. Окрестности его славятся красивыми народными костюмами.

Л. Н.: Таня, какое большое счастье, что ты в хороших отношениях с людьми, с мужиками. Это большое удовольствие, особенно, если, имея злое чувство, преодолеешь его в себе.

Михаил Сергеевич говорил про Танечку, что она так жалостно плачет.

Л. Н.: Это очень хороший признак — не зло плачет.

30 октября. Заболела Танечка. К обеду Л. Н. принес новый русский теософический журнал, похвалил девиз его [1]. И прочел вслух.

Софья Андреевна (*относительно прочтенного*): Что истина? Православному — одно, магометанину — другое.

Л. Н.: Религия может быть различна, а истина — та одна у всех. Как то, что нельзя убивать.

Еще Л. Н. принес брошюру Успенского «Обществоведение для начальных школ» [2].

Л. Н. утром работал над «Кругом чтения». Учил мальчиков. За обедом спросил Михаила Сергеевича, читал ли он статью Меньшикова в «Новом времени» 28 октября, где нападает на правительство за то, что судят Лидваля [3]. Это Л. Н. сказал таким тоном, как если б он больше доверял Меньшикову, чем всем другим, нападающим на Лидваля. Юлия Ивановна сказала, что А. А. Стахович будет судиться за диффамацию. Это он поднял дело Гурко — Лидваль. Л. Н. заохал за А. А. Стаховича, что такое делает.

Л. Н. прочитал вслух Михаилу Сергеевичу, Юлии Ивановне и мне из рассказа «Мой учитель» (Рамакришна) в книге Наживина «В долине скорби» (страница 199): «Он никогда никого не искал. Его убеждение было: сперва сладь с собой, сперва достигни мира духовного, а результаты придут сами собой. Любимым пояснением его этой мысли было: «Когда цветок лотоса раскрывается, пчелы сами прилетают к нему за медом — пусть расцветет только лотос вашей души, а о результатах не беспокойтесь». Это великая истина. Немногие понимают силу мысли. Если человек замурует себя в подземелье и умрет там, исполненный действительно великой мысли, мысль эта пройдет сквозь гранитную толщу подземелья и в конце концов охватит все человечество».

Я спросил Л. Н., так ли это? Л. Н. ответил: «Да».— И сказал, что он об этом думал и что он поставил вопрос иначе:

— Если бы людей засыпало в шахте и осталось малое отверстие, при котором можно дышать воздухом, можно ли оттолкнуть другого или соблюсти нравственный закон? Непременно соблюсти его. Этические законы принято соблюдать ввиду того, что другие видят, или ввиду того, что это полезно. Тут же эти расчеты не имеют значения. Всем через пять минут погибать.

Л. Н.: Если могущество и вся сила в духовном, то материальное не может препятствовать их проявлению.

Михаил Сергеевич: Но это мистическое.

Л. Н.: Называйте, как хотите.

Михаил Сергеевич: Но все-таки материальное вы признаете как необходимое условие проявления духовного?

Л. Н.: Может быть, это парадоксально (утверждать), но, в сущности, нет необходимости, если признавать то, что я признаю: реально одно духовное, а материальное есть фикция.

Разошлись в половине 12-го.

31 октября. Пополудни Александра Львовна уехала в Калугу к брату Илье Львовичу.

За завтраком Л. Н. сказал:

— Прочел всю книгу (Наживина «В долине скорби». Рассказал содержание). Язык мужицкий у него хорош. И драма (Л. Н. рассказал со-

держание драмы) интересна. И рассказал о «Карае», который Юлии Ивановне не нравился: милый, художественен.

Михаил Сергеевич спросил:

— Есть ли что интересного в новом номере «Нового времени»?

Л. Н.: Нет.

Я заметил, что прочел вчерашний фельетон Меньшикова о Гурко и Лидвале. Михаил Сергеевич сказал, что Гурко виноват в одном том, что Лидваль нашел к нему путь через распутных женщин. Гурко хотел недорого купить хлеб для продовольствия, это и удалось ему через шведа Лидваля.

Л. Н. рассказал по ассоциации мыслей о том, как хорошо не знать о Лидвале, безвыездно жить в деревне, даже в Тулу не ездить. Выгодность деревенской жизни: дает спокойствие (душевное), облегчает суждение (о серьезных вопросах жизни), и Л. Н. уговаривал Михаила Сергеевича не ездить в Рим на зиму, а оставаться в Ясной. Михаил Сергеевич ответил, что едут из-за перемены климата для нездоровой Танечки (малярия). Второе, что у него четверо детей живет в Швейцарии, и они переедут в Рим.

В школе шесть мальчиков. Л. Н., кроме «Круга чтения», читал им из «Золотой роты» Наживина и рассказал по английской, с иллюстрациями, книжке о сахалинских и иессовских айнах [1]. Решил с завтрашнего дня давать им переписывать изречения и заучивать наизусть, чтобы занять их, т. к. приходят очень рано, им нечего делать. Мальчики от этого в восторге.

За чаем говорили об Александре Львовне, которая как раз приезжает к Илье Львовичу.

Л. Н. принес книгу об айнах и говорил:

— Странно, народ вымирающий... их сказки пустые. Впрочем, англичанин, который о них эту книгу писал, недалекий. Говорят, они похожи на русских мужиков,— и показывал их на картинке.— Они все на меня похожи,— констатировал Л. Н.

Л. Н. прочел страницу из драмы Наживина, как крестьяне-родители посетили дочь, горничную у богатого купца. Л. Н. хвалил его народный язык:

— У него есть талант, но поспешно пишет, издает; у него бурлит в...— и Л. Н. показал на голову.

Разговор о Танечке, ее болезни: как ее всю ночь носили, с ней возились, ее трясло в пароксизме припадка малярии. Л. Н. сказал:

— Я в хину не верю. В Севастополе за то, что я писатель, перевели меня в горную артиллерию в Бельбек, там солдаты страдали лихорадкой — я не заболел. Одних отвозили в больницу, другие оставались и выздоравливали без всякой хины.

Потом вспомнил лихорадки у братьев, умерших в чахотке, Николая и Митеньки:

— Митенька-брат был святой жизни человек. До 23—24 лет не знал женщин. Молился, в монастыри ходил; и потом Константин Александрович Ислявин его развратил. С падшей женщиной, с которой пал (сошелся). Решил, что это брак, и жил с ней до 28 лет. Я его посетил в Орле и через два-три дня уехал назад в Петербург. Он через неделю умер [2].— Л. Н. об этом говорил с отвращением к себе, к своей тогдашней скверной жизни в обществе.

Л. Н. грустил о Гусеве:

— Надо что-нибудь сделать, чтоб его отпустили.

Я: Олсуфьева попросить похлопотать у Столыпина.

Л. Н.: Не хочу злоупотреблять. Недавно просил его о Бодянском.

1 ноября. Четверг. День открытия III Государственной думы. Л. Н. утром один на розвальнях ездил в Тулу к губернатору — хлопотать об освобождении Гусева — и возвратился в три часа. Кобеко не застал, был у вице-губернатора Лопухина. Им дело Гусева известно. Придают ему большое значение. Видно, им нечего делать. Представляют себе дело так, что какой-то ерник за 50 р. в месяц подбивает крестьян не присягать, не быть солдатами, не платить податей. Гусев в своем заявлении написал, что получал от Черткова ежемесячно жалованье, и не упомянул, за что, т. е. чтобы помогать Л. Н. Они совсем так поступают, как во времена Христа: любви не видят, а видят намерение разрушить государственный строй. Лопухин доказывал, что правительство не может терпеть таких людей, которые ругают царя. Л. Н. ему объяснил, что выноски на полях в русском издании «Единое на потребу» Гусев выписывал из чертковского издания, где произведение Л. Н. напечатано полностью. (В книжке Гусева даже заметки: здесь пропущена строка, здесь четыре строки, по причинам, от нас независящим.)

«*Лопухин*: Как же можно не присягать? — *Л. Н.* (*ему*): С христианской точки зрения нельзя.— *Лопухин*: Как же нет, присягаем ведь мы, христиане! — *Л. Н.*: Христа за это распяли. (За то, что не велел присягать.) Именоваться можно, как угодно, только не христианами, присягая.— *Л. Н.*: Почему же вы меня не заключаете? Я виноват».

Лопухин сообщил Л. Н., что будет совещание прокуроров по этому делу Гусева и что он сделает, что может, для смягчения. Л. Н. говорил о Лопухине, что он умный, быстро его понимал, и услужливый. Когда Л. Н. его благодарил и сказал, что он рад, что *с ним* имел дело, Лопухин его «поучил и осадил» — что́ Л. Н. принял смиренно. «Почему же? — сказал Лопухин,— если бы вы застали Дмитрия Дмитриевича (Кобеко), он так же понял бы и сделал».

Л. Н. сейчас же, как вернулся домой, послал Ваню верхом к Лопухину с книжками «Единое на потребу» — русским и заграничным изданиями, где эти места о царе, за которые преследуют Гусева.

Л. Н-чу Тула очень не понравилась:

— Это,— сказал Л. Н.,— большой город — учреждение для околпачивания друг друга — пока, но, в конце концов, тянут из народа. Они все хотят получать побольше жалованья.

Пополудни приехали Александра Львовна с Ильей Львовичем и Марией Александровной.

Л. Н. с 5 до 7, с перерывом на обед с 6 до 6.30, занимался с десятью мальчиками. В первый раз им дал списывать и учить наизусть изречения из детского «Круга чтения». Занимались в бывшей библиотеке.

За обедом Л. Н. вспоминал про Каратаг, гору с селениями близ Самарканда, провалившуюся в землю во время недавнего (две-четыре недели тому назад) землетрясения. Погибло 2 000—4 000—15 000, по разным известиям.

— Как об этом не говорится, не пишется! А что сказал Милюков, об этом полны газеты,— сказал Л. Н.

Вечером оживленно говорили Илья Львович и Татьяна Львовна о Симбирске *, о путешествии. Л. Н. не разговаривал, усталый задремал на кресле у самовара.

Завтра уезжают: М. С. Сухотин — совсем в Москву, оттуда, дождавшись Татьяны Львовны с Танечкой,— за границу; Александра Львовна с братом Ильей — за границу.

---

* В одной из машинописных копий неустановленным почерком изменено на: «о Самаре». — *Ред.*

2 ноября. Софья Андреевна говорила, что Л. Н. не спал ночью. Нравственно страдает за Гусева. Мария Александровна находит, что он осунулся в эти две недели. Хочет ехать в Крапивну посетить Гусева.

Вечером отказал мальчикам в занятиях. Устал. Голова болит, слаб, вял. Все-таки мечтает о Крапивне. Вперед послать сани до Булыгиных, туда верхом, а оттуда с Булыгиным на санях.

— Одно удовольствие мне ехать,— сказал Л. Н.

В 10 часов Л. Н. стал бодрее, написал ответы на несколько писем [1]. За чаем Софья Андреевна, Татьяна Львовна, Юлия Ивановна, Мария Александровна. Л. Н. говорил о вчерашней поездке в Тулу. Тула представляется ему, как сон. Первое впечатление: великолепное здание винополии, новое здание банка, около него извозчики...

— В города люди могут собираться только, чтобы друг друга обманывать,— сказал Л. Н.— Управление, банки, торговля, учебные заведения...

Софья Андреевна возражала:

— По-твоему, только в деревнях живут люди хорошо. А тут ежедневно в бане окна выбивают — сегодня просили, чтобы я позволила забить их досками, купальню жгут, ригу, урожаи жгут и так далее. В деревне скучно, в городах приятнее.

Л. Н.: Если из ста, тысячи, десяти тысяч найдется один, который это делает, это ничего не доказывает. Народ все производит, чем мы живем, пользуемся, чем в городах живут.— И дальше возражал Софье Андреевне: — Как же можно рассуждать по своим вкусам? «В городах очень приятно!» Один любит плясать, другой — симфонические концерты, третий — рассуждать... Там «равные». Мне Иконников близкий, а Лопухин, который, может быть, выше меня, мне не равный.

Л. Н., получив тульскую почту, разговорился о письмах, которые получает.

— У Диккенса в рассказах есть рассуждения о письмах — наверно он много писем получал — и разделение их на разряды. Я тоже могу разделить свои на несколько разрядов. Есть разные разряды. Между прочим, разряд хороших, увещевающих, например, православный искренно жалеет меня, что я отпал от истинного вероучения. Таких писем бывает три в неделю. Сегодня — такое. Есть разряд задирающих, чтобы получить ответы-автографы. Сегодня такое от немца о целомудрии, что последствия целомудрия: 1) лучшие люди не будут иметь потомства, 2) вымирание. Целомудренные, во-первых, не лучшие люди. Они иногда по природе такие, иногда по усилиям. Идеал не достигается.

Л. Н. получил хорошее письмо с подписью *Русская женщина*, чтобы написал статью против разврата в литературе, живописи и... [2]

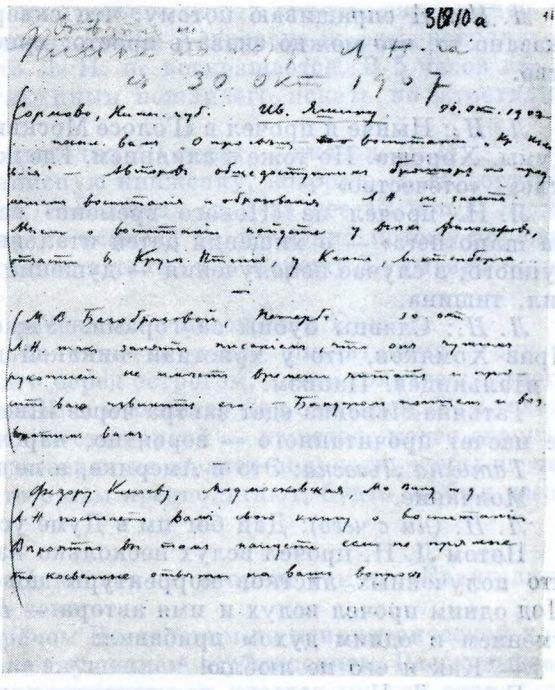
Татьяна Львовна: И — главное — в жизни. Я знаю такие...

Л. Н.: Лучше и не говори.

Приехала к Л. Н. чета сибиряков, муж и жена с четырехмесячным ребенком. Поселились в деревне. Потеряли нить жизни. Муж был у Л. Н.— измученный, издерганный. Проигрались в Монте-Карло и не могли продолжать путь.

Л. Н. говорил третьего дня, что он только раз в жизни чувствовал опьянение чаем. Думает, что оно вреднее действует на нервы, чем алкоголь. Случилось это с ним, когда ехал в Оренбург с купцом [3].

3 ноября. Утром приехал В. И. Антонов, 50 лет, на вид 35. Л. Н. представил его мне как одного из старинных друзей. Бывший актер, колонист в Геленджике, участвовал с Кожушко и еще двумя единомышленниками в революционной сходке в Геленджике во время закрытия I Думы, где говорил умиротворяюще. Революционеры убежали, а их взяли, сослали на год в Архангельскую губернию. Ему пришлось побыть



ЛИСТОК С ЗАПИСЯМИ МАКОВИЦКОГО: ПЕРЕЧЕНЬ ПИСЕМ, НАПИСАННЫХ ИМ ПО ПОРУЧЕНИЮ ТОЛСТОГО 30 ОКТЯБРЯ 1907 г.

Вложен в машинописную копию «Яснополянских записок» в обработке Н. Н. Гусева

в центральной тюрьме в Бутырках между революционерами. Он рад, что побыл в ссылке. Говорил про свою жизнь, жену, приемыша, про пчел. Мария Александровна ему рассказала про свою жизнь, которую он отчасти знал по рассказам Абрикосова. Тут я впервые услышал, сколько нужды, холода и голода переиспытала Мария Александровна. Еще Абрикосов застал ее в таком состоянии — когда ей недоставало каши, жила на картошке и хлебе. Молоко все продавала, чтобы иметь на дрова. Потом пила по одному стакану снятого. Только года четыре, как у нее две коровы. Она пьет по три стакана молока.

Антонов ни слова возмущения против властей не высказал. Думает, что Гусева выпустить нельзя. Они теперь всех одинаково хватают, кто против власти.

Л. Н. по телефону разговаривал с Лопухиным о том, что завтра поедет к Гусеву в Крапивну, чтобы его допустили. Лопухин телеграфирует туда. Лопухин сказал еще, что писал министру, чтобы прекратить дело против Гусева.

Я ездил в Ясенки за заказным письмом на имя Гусева, в нем дубликат накладной — на теплое пальто, которое свез бы ему Л. Н. Начальник почты не выдал, оправдываясь тем, что полиция может сегодня же потребовать корреспонденцию находящихся под следствием.

Л. Н. сделал распоряжение относительно завтрашней поездки. Вечером занимался с мальчиками и писал письма.

Татьяна Львовна готовится утром уехать в Швейцарию. За чаем Софья Андреевна, Юлия Ивановна, Татьяна Львовна и Мария Александровна. С 9 до 10 Татьяна Львовна читала вслух, по предложению Л. Н., статью «Новейшая свобода» Д. Х. (Д. А. Хомякова), напечатанную в консервативном журнале «Мирный труд», № 6 (июнь—июль), Харьков, 1907 («Повременное научно-литературное и общественное издание»). В одном месте Л. Н. переспросил, кто это пишет. Татьяна Львовна ответила: «Вера Павловна Голицына».

Л. Н.: Я спрашиваю потому, что скверными и глупыми словами сказано то, что можно сказать просто: христианство разрушает государство.

Л. Н.: Нынче я прочел в «Голосе Москвы» речь Антония при открытии Думы. Хороша. Но тоже с влиянием. Где же им? Под конец — «государство», «отечество» [1].

Л. Н. прочел из «Нового времени» вслух: «Американские письма. La шапо пега» — о хищении детей итальянской шайкой. Вымогание откупного; в случае неполучения — душение их. Два столбца [2]. Когда кончил, тишина.

Л. Н.: Славны бубны за горами. Ужасно! До чего доходят люди! Прав Хомяков, что у христиан никакой нравственности нет. Особенно у итальянцев. Папизм.

Татьяна Львовна едет завтра через Швейцарию в Рим. Л. Н. спросил ее насчет прочитанного — вероятно, нарочно, из опасения за Танечку.

Татьяна Львовна: Это в Америке, а не в Риме.

Молчание.

Л. Н. (*ни с чего*): Дай бог им в Думе успокоиться.

Потом Л. Н. прочел вслух несколько изречений «о свободе» из только что полученных листков корректуры нового издания «Круга чтения». Под одним прочел вслух и имя автора — *Карлейль*. С ударением и недоумением и одним духом прибавил:

— Как я его не люблю! [3]

Потом Л. Н. говорил, что получил длинное письмо Иконникова. Он на свободе, но не чувствует разницы между заключением и свободой. Его хотят определить в нестроевую службу, но он и там не хочет служить. «Не могу переносить звание солдата». Дальше пишет, что простые солдаты его понимают, интеллигенты же говорят, что милитаризм — научно обоснован, историческая необходимость [4].

Я опасаюсь за Л. Н., за завтрашнюю его поездку. Мороз 10 градусов, в Крапивну 30 верст, хотя Л. Н. обещал Софье Андреевне не переутомиться; если устанет — переночует у Булыгиных. Но непременно устанет и, главное, растрогается в тюрьме. Очень ему близка судьба Гусева. Охотнее перенес бы сам заключение.

Л. Н. про свою забывчивость (не мог вспомнить, кто Перна, о котором заговорила Юлия Ивановна; недавно не мог вспомнить С. Д. Николаева), что ничуть не огорчен ею:

— Голова полна иными соображениями. Нет места помнить особи, имена. Сколько человек перевидает людей в своей жизни, больше бюджета России,— сказал Л. Н. (намек на вчерашний разговор о бюджете России).

4 ноября. Утром в 11 уехала Татьяна Львовна с Танечкой. После уехал верхом Л. Н. в Хатунку к Булыгиным. Оттуда намерен ехать на санях, которые отправлены вперед. Был очень рад, что едет к Гусеву. Повез ему фуфайку, чулки, яблоки, сам вспомнил, письма, повестки, деньги. День ясный, солнечный, безветренный. Должно быть, хорошо ехать Л. Н-чу. Не озябнет. Все мы мыслями с ним, говорим о нем, где сейчас находится, и не ждем его сегодня. Думаем, переночует у Булыгиных.

Софья Андреевна возилась с промыванием снимков. Мария Александровна, Юлия Ивановна и я были одни за чаем.

5 ноября. Л. Н. в 12-м часу дня вернулся, усталый, огорченный, но рад, что был. Ночевал у Булыгиных. Михаил Васильевич ездил с ним в Крапивну и был очень приятен. Оба были у Николая Николаевича. Он в одиночном, и, хотя говорил, что ему ничего, ему тяжело.

Л. Н. пополудни в половине третьего пошел гулять, сказал, что недалеко. В четвертом часу заболела Софья Андреевна жаром, невралгией: инфлюэнца. Беспокоились, что Л. Н. не возвращается. В 5 часов все не приходил. Мы с Сережей Булыгиным пошли его искать, но встретились с ним у самого дома.

— Так хорошо гулялось, исходил 10 верст,— сказал Л. Н.

Сережа Булыгин привез записную книжечку, которую Л. Н. оставил у них. Книжка очень простая, неизящная (дал за нее 12 коп.). Л. Н. носит ее три года с собой и еще не исписал ее, и именно потому дорожит ею. Л. Н. просил купить ему опять такие же. Сережу Булыгина оставлял побыть и переночевать.

За обедом Л. Н. подробно рассказал о посещении Гусева.

— Ужасно трудно передать тяжесть этого впечатления,— сказал Л. Н.— Во-первых, ждали долго перед острогом, потом полчаса в остроге, пока привели Николая Николаевича в комнату для свидания. Там только что ранен смотритель, и на его месте другой — кажется, менее строгий, чем тот. Письма Николай Николаевич не желает получать, чтобы их там не читали. Он огорчен тем, что о нем предполагают, будто он был нанят за деньги для пропаганды.

Л. Н. к чаю не выходил.

6 ноября. Приехал С. Д. Николаев со вторым томом «Евангелия». Нашел неточности греческого текста.

Николаев подружился с врачом Введенским из психиатрической клиники, который лечит от запоя не внушением, а убеждением. Рассказывает, какие последствия бывают от алкоголизма, и удается многих отвратить. Все мы, врачи и не врачи, можем это делать, надо только хотеть. Л. Н. не ленится, и скольких яснополянских мужиков отучил от водки!

Вечером с 9 до 11 Л. Н. с Николаевым ушли в кабинет поправлять второй том «Соединения и изложения Евангелия». Когда вернулся, Л. Н. сказал, что сегодня очень много работал, физически устал.

За обедом Мария Александровна, С. Д. Николаев, Юлия Ивановна. После обеда приехала Александра Львовна из Москвы с Надеждой Павловной. В 11 вечера уехали в Москву Софья Андреевна и Николаев. Л. Н. о своем посещении Гусева в тюрьме.:

— Очень серьезное, тяжелое впечатление. Николай Николаевич на вопрос, как ему, признался, что бывают минуты уныния и возмущения, и тогда страшно ему.

Л. Н. говорил о молодых Булыгиных, что мать, Анна Максимовна, не противится намерению Сережи отказаться от военной службы, а только опасается, что разочаруется. Сережа, 18-летний, Ваня, 16-летний, вышедшие из сельскохозяйственного училища, говорил их отец, знают больше по хозяйству, чем старший, 23-летний, окончивший училище. Они ничуть не жалуются, что вышли из училища.

— Это счастливые люди, которые из этого выскочили,— сказал Л. Н. И Л. Н. говорил, что емкость ума ограничена:— Когда набьешь голову исключениями латинской грамматики. И чем понятливее, способнее, тем опаснее. Самые ученые — самые ограниченные. Они главное усилие мысли обращают на пустяки. Когда им говоришь о законах жизни — не вмещают или не придают такого значения, как тому, чему учились по программе в школе. У образованных постепенность важности вопросов потеряна. У необразованных — нет. Они (необразованные) разумнее образованных, потому что знают, что̀ важнее, что̀ менее важно.

Л. Н. не вспомнил, когда при нем заговорили о Коковцеве, кто он. Он не смущен тем, что становится забывчивым на людей, имена. Л. Н. забывает пустяки, разумная жизнь его стала так велика, что все это сходит на нет. Старость радостнее молодости.

С. Д. Николаев говорил, что Иван Иванович намерен издавать педагогический журнал, и Сергей Дмитриевич не радуется этому. Финансовые дела «Посредника» грозят банкротством. 300 изданий вышло из продажи, и не на что их снова издать. И это грозит отозваться на дальнейшей торговле.

Л. Н. сказал, что получил французское письмо от поляка Станислава Скарзинского со множеством вырезок из «Gil Blas» и «Петербургских ведомостей» об угнетении поляков [1]. Л. Н. хочет все прочесть. Взял и вчерашнюю телеграмму из жижковской сходки по поводу черновских событий, чтобы выразить им сочувствие. «Может быть, даст мне идею» [2].

Я рассказал Л. Н-чу о мадьяризации словацких школ и о забастовке школьников в Вржешно (польский город в Познани), отказавшихся учить катехизис на немецком языке.

Л. Н.: Хорошо бы и очень желал бы написать об угнетении народов (правительствами, государствами). Вот это самое государство, что и Гусева ⟨заключило в тюрьму⟩. Эти случаи (забастовка школьников в Пруссии, мадьяризация словацких школ) мне не хочется.....*, а хочется сказать об основном: о государстве. Может быть, напишу. Пруссаки впереди духовного насилия (запрещение языков)? — спросил меня Л. Н.

Мария Александровна спросила:

— Зачем же угнетать им (правительствам)?

Л. Н.: Этим держатся.

Потом говорил, что угнетение напрасное. Как тюрьма не сделает заключенного добрым, так и угнетение народа не сделает его патриотическим.

На следующий день Л. Н. сказал мне, что поляк (Скарзинский) — политикан и его статьи, которые все прочел, пересмотрел,— политические; и говорил, что это его втянуло бы в политику и что не будет об этом писать.

— Очень много работал, устал,— сказал Л. Н., когда в 11 часов уехал С. Д. Николаев.— С «Евангелием» замучил меня. Даже физически устал. Это мне (поправлять эту старую работу) тяжело, как судебное дело. Кто-то нашел, что не так цитирую (греческий текст) [3].

Л. Н. цитирует по Гризбаху (его книга есть в библиотеке Ясной Поляны) [4], а не по Тишендорфу, а у Гризбаха варианты взяты иногда из цитат святых отцов, а не из списков Евангелия. Стало быть, по мнению Тишендорфа, а вслед за ним Бутурлина и Николаева,— цитаты неточны.

7 ноября. Утром уехала Мария Александровна. Утром же был господин из Петербурга, много читавший, умный, приехал поговорить с Л. Н. о житейских делах. Был неприятен, резок. Л. Н. ему тоже резко отвечал. Уехал, пополудни вернулся из Тулы, чтобы еще раз поговорить с Л. Н., и было обоим радостно [1].

Утром приезжала вдова из Тулы просить материальную помощь; приезжал студент; потом депутат I Думы Соломко, крестьянин Курской губернии из трудовиков. Едет в Петербург на суд. Читал Л. Н-ча и хотел с ним поговорить. Остался до ночи. Здесь читал «Нашу революцию» Черткова и находил в ней свои мысли. Мне был симпатичен. Л. Н. устал с посетителями.

Четвертого дня заболела 80-летняя няня, выходившая последних семерых детей Толстых и живущая в доме, в девичьей. У нее бронхит, температура 39,3. Очень спокойно смотрит навстречу смерти; говорит, как о естественной вещи. Александра Львовна плачет, лежит на диване и, уперев в подушку лицо, всхлипывает. У русских бар потеря матери чувствуется два раза: раз при смерти родной матери, второй раз — при смерти няни. Как княгиня Волконская, дочь Звегинцевой, любит свою няню,

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

или С. И. Танеев! Толстые-сыновья иногда возят ее к себе в гости. Александра Львовна пожаловалась Л. Н-чу, что няня помрет. Л. Н. ответил, что он чувствует, тоже скоро помрет. Александре Львовне двойное горе, вместо утехи.

Я ездил в Воздремы и Коледино. Вечером Л. Н. читал письма, не беседовал.

8 ноября. Был у Л. Н. «автор»-крестьянин, пожилой человек. Л. Н. подольше с ним говорил, указывал ему на пустяшность его писаний. Его самоуверенность вывела Л. Н-ча из терпения, погорячился.

Очень много занимался. Пополудни ходил по лесу гулять.

За обедом Юлия Ивановна вспоминала, что читает «Семейную хронику» Аксакова. Л. Н. о ней отозвался с большой похвалой.

Александра Львовна говорила, что читает Достоевского. Л. Н. выделил «Записки из Мертвого дома». Александра Львовна заговорила о «Бесах».

Л. Н.: Ну, этого («Бесов») не разберешь.

Л. Н. говорил, что сегодня читал «Русские ведомости» («Чтобы не огорчать Александра Александровича, читаю теперь через день «Новое время» и «Русские ведомости»» *) — о девице, бросившейся под поезд и уцелевшей. Ей поручено было кружком революционеров, к которому принадлежала, исполнить покушение, чего она не смогла сделать, и потому (чтобы ее за неисполнение не убили, у них дисциплина строгая, не простят) решила лишить себя жизни [1].

— Сколько уже было таких самоубийств из-за такой же причины в последние два-три года,— сказал я.

Л. Н. подтвердил.

Присутствующая Н. П. Иванова сейчас же рассказала про такой же случай, происшедший в Туле.

Л. Н. досказал, что девица переведена из больницы в тюремную больницу:

— Такое трагическое положение, и они не забывают, что она преступница.

Вечером Л. Н. дал Александре Львовне, Надежде Павловне и мне распределять шестое и седьмое числа месяца «Круга чтения». Он же писал много писем; между прочим, длинное Д. А. Олсуфьеву о Гусеве, чтобы через П. А. Столыпина содействовать его освобождению. И самому Гусеву писал, и меня вызвал написать ему; также Лебрену вчера писал, и меня вызвал приписать [2]. Сегодня послал Л. Н-ч П. А. Столыпину «Общественные задачи» Генри Джорджа. А вчера просил сообщить Николаеву, что П. А. Столыпин готов поговорить с ним о «едином налоге».

К чаю не выходил.

9 ноября. Никого в гостях не было. Л. Н. много работал. Пополудни ездил один на санях на Лучшем в Ясенки на почту за заказным письмом с дубликатом накладной на пальто Гусева и с этим дубликатом на станцию Щекино за вещами (пальто) Гусева. Было ему холодно, и была небольшая метель, темнело (в 5 часов), и Лучший сбивался с дороги.

Л. Н. ездил один, чтобы не утруждать кучера, а я думаю, он охотнее погулял бы. Давно мне следовало эти вещи привезти.

Л. Н. почтой получил журнал «The Fellowship». Там нашел статью о вреде влияния покорности общественному мнению. Как раз о чем сам Л. Н. сейчас пишет. Все, чем мы гордимся, добыто только благодаря непокорности прежнему общественному мнению.

---

* Юлия Ивановна несколько дней тому назад сказала Л. Н-чу, что А. А. Стахович был очень огорчен, услышав, что Л. Н. читает «Новое время».

Получил новую газету петербургскую, еженедельник «Обновленный человек». Л. Н. был ею восхищен. Издательница — Бурдина, незнакомая. Л. Н. сейчас написал туда письмо. Мне советовал прочитать там о том, что злу нельзя противиться злом, о суде, о том, что есть тысячи прохожих безработных, что это важнее вопроса борьбы партий в Думе...

— Ах, это замечательно! — воскликнул Л. Н.— Обо мне ни слова. Только боюсь, что это издает кто-нибудь из наших друзей. А желал бы, чтобы это был посторонний, самобытный человек [1].

Л. Н. об этом же говорил и на следующий день. Я теперь после суток хотел по памяти записать, поправить, дополнить — и не могу. Как мало могу надеяться на свою память! Хорошо, что сейчас же записываю.

Еще получено почтой: книжка «The Sayings of Mohammed» by Abdullah-al-Mamun Suhrawardy, Calcutta, с письмом автора.

— Книжка хорошая,— сказал Л. Н.

Абдулла-аль-Мамун желает переводить сочинения Л. Н. на hindustani*. Л. Н. ему ответил [2].

— Нынче почта была интересна,— сказал Л. Н.

— Когда вам нечего будет читать, прочтите,— сказал Л. Н. и подал мне статью — оттиск из журнала — «Перфекционизм» Е. С. Федорова.— Он директор какого-то технического училища. Это образец извращения ума от науки. Я ничего не мог понять,— говорил Л. Н. с возмущением и недоумением. Потом сказал, чтобы по просмотрении возвратить ему:— Мне она будет нужна для цитирования научных терминов [3].

Вечером Л. Н. приходил в комнату Александры Львовны, где она, Надежда Павловна и я заняты были «Кругом чтения». Прощаясь в 11.30, Л. Н. мне сказал:

— Вы все работаете; очень вам благодарен.

Впечатление от сегодняшнего дня очень хорошее. Л. Н. весь день делал, что хотел. Не было гостей, не было школы. Дома были только Александра Львовна, Юлия Ивановна, Надежда Павловна. Было тихо, деловито. Л. Н. простужен.

10 ноября. Суббота. Не было гостей. Л. Н. дал распределять Александре Львовне и мне детский «Круг чтения». Вечером беседовал обстоятельно о словаках, о том, кто такие мадьяроны-«князья» (князь на словацком языке означает священник). Л. Н-чу было это любопытно, — как народ различает их, «народных князей». Трудно мне было разъяснить, и Л. Н., казалось мне, не был удовлетворен разъяснением.

Л. Н. хочет написать о черновских событиях как об образце того, куда ведет правительственное насилие. Здесь оно против совсем невинных [1].

Не помню, в связи с чем Л. Н. говорил, что ему хотелось бы писать, и нет уже сил, энергии.

— Мне нынче ясно, как не надо жить. Умею это сказать — и нет сил написать. Но хорошо так.— И, как бы для себя, более глубоким и тихим голосом, пробормотал: — Тогда другим нечего было бы сказать.

11 ноября. Воскресенье. Александра Львовна встала в 5 часов утра, чтобы поехать встречать С. А. Стахович. Л. Н. пришел утром в 8.20 в залу, где Софья Александровна, Александра Львовна и я чай пили, и приветствовал Софью Александровну: приятно, что приехала. Софья Александровна после нескольких слов спросила Л. Н., читает ли «Думу»**.

Л. Н.: Нет, скучна.

Л. Н. ездил верхом с 2.30 до 4.30. Обедал один, поздно. Беседовал с Софьей Александровной о стихах, которых Л. Н. не любит, а Софья

---

* язык индустани (*англ.*).

** В газетах о заседаниях III Думы, которая только что, несколько дней тому назад, открылась.

ТУЛА

Фотография, 1900-е годы

«Л. Н. утром один на розвальнях ездил... в Тулу...». — Запись от 1 ноября 1907 г.

Александровна, наоборот, обожает. Александра Львовна с Софьей Александровной ездили к Марии Александровне. Ей нездоровится.

Л. Н. не выходил до 11, тогда к нему зашла Юлия Ивановна проведать его. Ему нездоровится, спросил боржома; зачитался интересной книгой «The Sayings of Mohammed». Принес ее и читал из нее вслух по-русски изречения. Некоторым удивлялся, что они — как его мысли,— например: «Кто губители веры? — Ученые, спорящие лицемеры, законодатели, короли».

— Магометанство не признает монополии,— сказал к чему-то Л. Н.

Софья Александровна: А вы Коран, магометан презирали.

Л. Н. ответил, что он в Коране не нашел таких хороших изречений, как в этой книжке, но что магометан всегда уважал:

— У них отсутствие священства, жречества, единобожие.

И Л. Н. обстоятельно разговорился об их достоинствах.

Разговор перешел на магометан в Думе и на Думу.

Софья Александровна: А в Думе как политизируют священники (православные), и сколько их там!

Л. Н.: Это недостойно их.

12 ноября. Кроме Софьи Александровны, которая третий день живет, не было новых гостей. Л. Н. занят «Кругом чтения». Александра Львовна и я складываем «Большой» с «Детским» вместе, отмечая «Детский».

Л. Н. гулял по «своему» лесу. После обеда разговаривал с С. А. Стахович о стихотворениях. Она что-то очень похожее на декадентское цитировала из Некрасова.

Л. Н.: Как после этого не прийти к декадентам, когда были люди, считавшие Некрасова поэтом?

Софья Александровна продолжала хвалить стихи Пушкина.

Л. Н.: Повести Пушкина лучше его стихов— можно выучить наизусть.

Л. Н. о том, что И. Е. Забелин, помощник председателя Исторического музея, празднует 70-летие своей литературно-исторической деятель-

ности. Посмотрели его портрет в газете [1]. Софья Александровна нашла его похожим на былинников.

Л. Н.: Забелин и любит русскую старину, и вместе с тем русский человек по своей скромности и кротости.

Софья Александровна перевела речь на Н. Ф. Федорова, спросив о нем Л. Н-ча.

Л. Н. с любовью и восторгом рассказал про него, какой он был услужливый человек и знаток своего дела как библиотекарь; знал где, о чем можно дочитаться,— бегал по лестницам, чтобы достать посетителям библиотеки нужные книги. У него была своя религия человечества: человечество — божество; смысл жизни — служение человечеству. Потом вера в воскресение тел.

— Фет над ним пошутил: «Как собрать косточки моего отца, когда из них росли корни травы, которую съела корова, я же — корову».

Л. Н. видел у него список полковников.— «Кому же это нужно?» — спросил с насмешкой. *Федоров*: «Как же не нужно,— пригодится кому-нибудь».

— Он был святой жизни человек,— сказал Л. Н.,— жил в маленькой комнате, спал на сундуке, две газеты на сундуке — его постель; аскетической жизни.

Когда Л. Н. собирал деньги для бедных Москвы, Федоров дал 10 р. Л. Н. предполагает, что это единственные деньги, какие у него были. У него было дрянное пальто; он говорил, что надо быть довольным, что у него есть теплое пальто, а ходят по Москве люди без всякого. У него был единственный ученик Петерсон (раньше один из учителей около Ясной Поляны, потом библиотекарь в Чертковской библиотеке на Мясницкой, и, когда эта закрылась, то там же, где Федоров).

— После Федорова осталась куча рукописей, которая не знаю куда делась, там, должно быть, много хорошего,— рассказывал Л. Н.— Сколько добрых людей на свете, только их не видно. Их свойство, что они скромны, не выставляют себя.

Федоров умер лет пять тому назад.

Софья Александровна спросила про Марию Николаевну (Л. Н. недавно получил от нее ответ на свое письмо [2]). Л. Н. ответил:

— По ее характеру — она всегда была неспокойная, тревожная,— самая спокойная жизнь для нее в монастыре.

— Тут я не согласен с Софроновым,— прибавил Л. Н., обращаясь ко мне [3].— По-моему, та православная старушка, о которой он пишет, молилась не ввиду страха наказания, а ввиду доброго чувства. Она и ей подобные православные бессознательно следуют стремлению быть лучше.

Л. Н. заговорил о фельетоне «Русских ведомостей» 11 ноября о поездке на курсы. «Нехороший, грубый, шуточный тон»,— сказал Л. Н. про описание того, как вели политических в ссылку, как при свалке откусили городовому пальцы, и т. д. [4]

13 ноября. Л. Н. ездил верхом за почтой в Ясенки. За обедом Л. Н., Александра Львовна, Юлия Ивановна, С. А. Стахович.

Л. Н. с Софьей Александровной опять о стихах. Л. Н. говорил по памяти какие-то длинные стихотворения. Александра Львовна вела разговор о концертах, о Гольденвейзере, его неудавшемся концерте с Колонном — плохо ему аккомпанировавшем оркестре — разошлись. Софья Александровна вспомнила о том, что у А. А. Гольденвейзер бабушка — еврейка. Л. Н. об Анне Алексеевне, что ему она нравится, что она самобытна, самостоятельна и что у нее есть поступки, которые ничем не вызваны, кроме нравственности.

Ночью Александра Львовна уезжает в Москву; едет на концерт Ни-

киша. У нее билет — третий ряд — 8 р. Брали нарасхват. Никиш будет дирижировать.

Я удивился, что она едет смотреть, как Никиш будет «махать палкой» (как выразился Л. Н.) — еще понял бы, если бы он сам играл. Александра Львовна поразилась моему непониманию. Сказала, что огромная разница в дирижировании. Лучше, когда весь оркестр играет, чем один. Л. Н. сказал, что он тоже думает, как я, что тут, в придавании значения известному дирижерству, много гипнотизации. Л. Н. о последних фельетонах Валишевского (кажется, 9 и 10 ноября «Нового времени»)[1].

— Валишевский неприятен. Я его уже не читаю.

Софья Александровна: Он очень офранцуженный.

Л. Н. согласился.

Л. Н. получил огромную почту. Между прочим, письмо от старообрядки-девушки, которое Л. Н. послал из кабинета в залу, и его прочла вслух Софья Александровна и была им умилена, так же как и Л. Н., восхищаясь его первой половиной [2].

Почтой получена французская статья m-me Жюльетт Адан о Черновой; книжки славянофилки Е. де Витте: «Действительность». Выпуск 1-й — «Мадьяры и словаки» (1906); 2-й — «Чему учат нас поляки» (1906); 3-й — «Хорватия» (1907); 4-й — «Угро-Руссы» (1907). (Типография Почаевско-Успенской лавры.)[3] Получено писем пять по поводу приписываемого Л. Н-чу письма к Рокфеллеру, которое появилось в «Matin», а после в «Новом времени». Опять какое неуважение журналиста к Л. Н.— сочиняет сам, а выдает за письмо Л. Н.! «Новое время» перепечатывает, не означив источника,— значит, участвует в этом [4].

Александра Львовна не хотела ехать в Москву; предлагала всем по очереди своей билет на концерт. По поводу этого разговор.

Л. Н.: Я ничего не желаю. Если бы вы знали,— обращаясь к Софье Александровне,— какая это прелесть — ничего не желать внешнего. Я все — еду ли верхом... желаю все одного: нравственного усовершенствования, которое отчасти от меня зависит.

Л. Н. рассказал обстоятельно свой сон. Желает записать когда-нибудь сейчас же после пробуждения, а то теперь, как рассказывает, потеряны подробности, тонкости художественные. Сны бывают в полупробуждении. Когда спите мертвым сном, всегда без сновидений. Мысли во сне — вне времени. Тут нет никаких промежутков, все — как одна мысль — даже не мысль, для мысли нужно время,— а как одно представление. Выстрел раздался, ты проснешься, и потом в временном порядке разложишь последовательно представления. А весь этот сон был вызван в тот момент, когда тебя разбудил выстрел.

Софья Александровна читает новый французский роман: Pierre de Coulevain. «Sur la branche» (P., 1903), который привозят с собой все русские, возвращающиеся из-за границы. Л. Н. смотрел его и говорил, между прочим, о героине: «Она prise * в области чувств нечистых. Очень умна и очень довольна собой...»

Софья Александровна: Вы читали Доде?

Л. Н.: Читал.

Софья Александровна: Вы не любите Доде?

Л. Н.: Нет.

Софья Александровна: Вы Зола выше ставите? Вы где-то сказали, что Зола выше Доде.

Л. Н.: Зола не выше Доде. Ни у того, ни у другого я не признавал таланта. Зола — Горький, Горький французский, с хорошим французским языком.

---

* пустила корни (*франц.*).

Софья Александровна: Как вы можете терпеть Виктора Гюго? Вас трогает Вальжан. Но ведь, кроме него, 40 томов фальшивого пафоса.

Л. Н.: Хорош «Dernier jour d'un condamné». У Виктора Гюго есть большая сила, настоящая — философская, религиозная.

Софья Александровна: Нельзя любить Виктора Гюго. Вы такое значение придаете чувству меры художника, а у Виктора Гюго его нет.

Л. Н.: Это правда.

Софья Александровна говорила что-то о père Didon.

Л. Н.: Père Didon — такой католик. В мое время он проповеди читал в Notre-Dame*.

Александра Львовна вчера, ехавши с Софьей Александровной, отморозила себе уши. Сама не заметила, а Софья Александровна. Л. Н. по этому поводу сказал, что отморожение ушей служит прекрасным сравнением нравственному окостенению, которого сначала не замечаешь, и только позже начнет мучить и долго мучит.

Софья Александровна не в присутствии Л. Н. бранила Черткова, что имеет влияние на Л. Н.: «Ненавижу Черткова», и говорила о нем, что он ограничен, что Л. Н-чу раз сказал: как смеет драму писать. Придет с карандашом, поправляет то, что пишет Л. Н. Влиянию Черткова приписывала то, что Л. Н. очень сократил «Божеское и человеческое», оно раньше было гораздо лучше. Но говорила это Софья Александровна в озлоблении; вероятно, несправедливо.

Л. Н. дал мне отвечать письма [5] и извинялся, что затрудняет меня. Вчера продиктовал следующее:

«Его превосходительству господину тульскому губернатору
вдовы Натальи Жаровой

ПРОШЕНИЕ

Ясенецкое волостное правление требует с меня запущенные еще свекром моим подати, в сумме двадцати одного рубля. Из этих денег двенадцать рублей причитаются за свекра, а девять — с меня.

Находясь же в исключительно бедственном положении, будучи вдовой с шестью малолетними детьми и не имея никаких средств к жизни, кормясь подаянием, прибегаю к вашему превосходительству, прося освободить меня от этой непосильной мне платы» [6].

14 ноября. Л. Н. гулял по лесу, где безветрено. Не устал, а обыкновенно всегда устает. Сказал мне, какую работу брать из «Круга чтения» — дни по 15 число месяца. Но я не брал, ни в этот, ни на следующий день,— не успеваю.

За обедом Л. Н., С. А. Стахович, Юлия Ивановна и я.

Л. Н. (*вечером*): Гостей, слава богу, не было — неожиданных.

Вчера ответил Л. Н. хотящему приехать знакомому ему нотариусу, что если нет определенного дела, то всякое посещение расстраивает его, утомляет [1].

Софья Александровна спорит с Л. Н. и спорами вызывает его на продолжительные разговоры. Она «терпеть не может», как сама выражается, что в Ясной Поляне все так преклоняются перед Л. Н., потому она спорит. Но везде всегда яростно заступается за Л. Н. Софья Александровна говорила о председателе Государственной думы Н. А. Хомякове, ее большом приятеле. Он очень добрый, остроумный, он был у Л. Н. здесь и в Москве. Л. Н. не мог припомнить его взрослым. Помнит его только мальчиком, как дружил с Николенькой, Елизаветой и Варварой Валерьяновнами (детьми Марии Николаевны). За обедом разговор об Андрее Льво-

* Соборе Парижской богоматери (*франц.*).

виче, который на днях (около 12-го) должен был развестись и жениться. Л. Н. жалел его, что делает это. Софья Александровна говорила про знакомых, разведенных и женившихся, и сказала, что теперь сколько женитьб — столько и разводов. Л. Н. об Ольге Константиновне, хваля ее, сказал:

— Одно ей ставлю в упрек, что она (характером) грустна.

Софья Александровна: Как ей не быть грустной, разведенные женщины продолжают любить своих мужей, к тому же и дети остались без отца.

Л. Н.: Этому должна радоваться.

Потом Л. Н. говорил, что его три вещи поражают: казни, война и развод:

— Если это делать — не признавать себя христианином. 20 лет твержу одно и то же...

Л. Н. Софье Александровне о своих приятелях. Софья Александровна начала было говорить про Буланже (не зная, что его нет, и предполагая, что покончил с жизнью), что он перестал ездить в Ясную Поляну, т. к. играл в карты и растратил деньги.

Л. Н.: Он исчез, но я почти уверен, что он жив, где-нибудь в Америке (Соединенных Штатах) или в Канаде,— тела его не нашли,— скромный, нежный. И я уверен, что, хотя он устранился от сношений со мной, его духовное отношение ко мне не изменилось. А у Дунаева (который тоже перестал бывать в Ясной Поляне) оно изменилось. Буланже не умел покорно нести тяжесть семейной жизни... жена верная, мать детей.

— Ей в вину ставят, что она откладывала деньги,— сказал кто-то или сам Л. Н.

— Как не делать этого матери, видящей, как муж играет в карты,— прибавил Л. Н.

Речь о Дунаеве.

— Дунаев даровитый, способный, горячий,— сказал, между прочим, Л. Н.

Софья Александровна вспомнила французского историка, который так пишет о Наполеоне, как если бы был под влиянием «Войны и мира», и приводила некоторые черты Наполеона.

Л. Н. только заметил:

— Наполеон холодный. Пульс у него не превышал сорока.

Л. Н. третьего дня сказал Александре Львовне, что не стоит собирать черновики «Круга чтения». Александра Львовна ответила, что стоит, что там ход поправки мыслей.

Л. Н. с 7 до 7.30 прочел вслух только что привезенное письмо из Харбина. Пишет некто И. Н. Дерябин, отказавшийся служить и не согласившийся даже ходить за больными в военном лазарете. Л. Н. почти плакал, читая его. Думал, что это добролюбовец, но сейчас уже усомнился, т. к. тот пишет, что он крестьянин из Уфимской губернии (а не Самарской). Во всем письме, без грамматической ошибки, нашел только одно возразить, что о Дерябине сказано другими (военными), что он толстовец, а не христианин.

Софья Александровна спросила:

— Я думала, что толстовец и добролюбовец — одно и то же. Разве есть разница?

Л. Н.: Есть.

Л. Н. сейчас же ему ответил и послал 20 р., а меня просил послать ему письма Иконникова и от себя написать [2].

Софья Александровна говорила про то, как все заняты теперь своим здоровьем: все люди теперь полудоктора и портят себе жизнь страхом.

Л. Н.: Через 50 лет будут говорить про теперешнюю медицину с таким отвращением, как мы про колдовство.

Юлия Ивановна пересказала случай, описанный профессором Нусбаумом, как больному ампутировали здоровую ногу вместо больной, потом постарались — и эту больную залечили (у больного были раны на ноге, долго не поддававшиеся лечению). Потом кто-то рассказал про ошибку — как вынули здоровый глаз вместо больного. Л. Н. это не так тронуло: «Можно с одним глазом прожить, не замечая недостатка другого». Л. Н. вспомнил, как у Дмитрия Оболенского травили волков: кто-то (Л. Н. назвал его) одним глазом на бугре увидал выводок волков, а Л. Н.— близорукий — не мог его еще увидать. Потом волчонка-щенка не волкодав, а английская собака схватила и отпустила, и так несколько раз. Л. Н. тогда увлекался охотой, но это ему было и тогда тяжело, и осталось тяжелое воспоминание.

Софья Александровна рассказывала с удивлением, как ее братья боятся сказать отцу решительно о постройке дома. Л. Н. спросил, по какой причине.

Софья Александровна: Из уважения.

Л. Н. спросил:

— Как говорят отцу: *ты* или *вы*?

Софья Александровна: *Ты*.

Л. Н.: Я думаю, что *ты* очень опасно. «Вы, папенька», руку целовать, благословить — это форма обращения. А *ты* — когда дружба, а когда дружбы нет — *ты* опасно.

Л. Н. прочел вслух из «Голоса Москвы»: «Музей Льва Николаевича Толстого». Разговор интервьюера с Софьей Андреевной [3].

15 ноября. Утром возвратилась Софья Андреевна из Москвы, постаревшая, похудевшая. Поехала туда больная инфлюэнцей и там хворала. В музее не пришлось ей поработать. Были подряд три праздника. На концерте Никиша была такая давка, что чуть не задавили ее. Одну даму вынесли, одной девушке глаз выкололи шляпной булавкой.

Пополудни приехала Мария Александровна. За обедом Софья Андреевна рассказала про Москву, какой там прогресс: электрические конки, автомобили, кинематографы, телефоны, электричество.

Л. Н.: Слава богу, что я этого прогресса не увижу.

О поездке Сухотиных за границу.

Л. Н. не одобрял ее.

Софья Андреевна оправдывала ее заботою о здоровье Танечки; говорила, что там может всю зиму гулять; когда бы не московская зима, Ванечка не умер бы, если бы с ним поехала в Рим. (Софья Андреевна говорила с полным убеждением.)

Л. Н.: Кому бог велит — помирает. — И на возражения ответил: — «Живи, где сидишь, пока в землю пойдешь».

Софья Андреевна дальше говорила о заграница, как Дунаев хвалит ее. Тут я заметил, что Л. Н. во всякой культурной стране — Германии, Австрии, Франции — сидел бы под арестом.

Софья Андреевна спросила:

— Как? Почему?

Я: Потому что там люди подвластны закону, а в России у чиновников, полицейских, судей, военных, железнодорожных и т. д., кроме государственного закона, есть еще свой разум и совесть, с требованиями которых они считаются в ущерб регламенту. В России из уважения не трогают Л. Н. Может быть, и в Китае, Турции не посмели бы, а инде везде заключили бы его.

Л. Н.: Это одна из тех вещей — мечта,— которые не напишу (т. е. как там, на Западе, люди — рабы своих же законов, меньше свободны, чем в России). За границей верхушки блестят, а беднота скрытнее, чем у нас, но ее не меньше.

Л. Н.: Напрасно не читаю «Голос Москвы». Лучше бы, чем «Русские ведомости».

Л. Н. в журнале «Fellowship» читал о Supreme Court*: как мальчик посещает целый год заключенного в тюрьму — заключенного за то, что, будто бы, убил этого мальчика. Из-за формальностей судебных отношений не выпускают его.

— То же самое затянет и продержание Гусева в тюрьме,— добавил Л. Н.

Разговор о В. и Р — не, что она (В.) заставила его жениться на ней. Л. Н. сказал, что это часто бывает. Например, Павла Николаевна — Бирюкова.

Софья Андреевна: А Анна Константиновна — Черткова.

По этому поводу Л. Н. сказал:

— Мужчины добрее; в женщинах больше самоотречения.

Около меньшого круглого стола с половины девятого сидели: Л. Н., Софья Андреевна, Мария Александровна, Юлия Ивановна. Л. Н. спросил Софью Александровну, что пишет Меньшиков в сегодня полученном «Новом времени». Софья Александровна не читала и сказала, что последнее время не читает его. Л. Н. удивился, что статьи Меньшикова не интересуют.

— Ведь как они написаны! — сказал он.

Мария Александровна: Меньшиков развращает народ.

Л. Н.: Нельзя сказать, что развращает народ. Он ничего нового не вводит, а отстаивает старый монархический строй, привычный большинству русского народа.

Л. Н. рассказал, что были у него судаковские мужики — отцы. Их ребят, сжегших барский дом, чтобы скрыть кражу сбруи, присудили к тюрьме. Они обвиняли свидетелей, что они на них имеют злобу. Очень тяжелые, противные были Л. Н. их речи (т. е. они о том, что сделали их ребята, и не вспоминают, не каются, а всецело обрушиваются на показавших на них, говоря, что они — лжесвидетели. Л. Н-чу же видно, что дело было ясное, что они подожгли).

Л. Н. говорил дальше об этой злобе судящихся. Ходит к нему телятинский мужик — старик, пишущий для Л. Н. свою жизнь; у него тоже суд из-за земли с телятинским мужиком, на которого озлоблен. Л. Н. рассказал, что он подсказал тему Семенову, как едущие в суд тяжущиеся по пути догоняют друг друга, сдружаются в трактире и приезжают уже примиренные, в недоумении, что им судиться [1].

Софья Александровна рассказала, как возвращались из суда судившиеся мужики: ехали на двух санях — сын с отцом и мужик. Отец пересел к противнику и, когда вернулись, не пришел в дом. Его нашли в санях — голова топором прорублена. Мужик, который его убил,— сын того, который убил ее дядю — М. А. Стаховича — и повесил на крючке [2]. Он служил бурмистром у дяди. Выдали его дети, видевшие через стеклянную дверь, как таскали барина за бороду. Убийца мужика был тогда шестилетний мальчик, тоже смотревший.

Речь о покойном М. А. Стаховиче. Был очень хороший человек, собиратель народных песен, славянофил, поборник освобождения крестьян. Л. Н. помнил его и хвалил как доброго человека. Урусов, Хомяков, Киреевский, Аксаков, Самарин... и разговорился о славянофилах.

Л. Н.: Славянофилов я всех уважал и любил. Хомяков был человек на 30 лет старше меня. Дмитрий Свербеев,— он был в обществе славянофилов, и его любили, но он был западник. Его любили за добродушие; он был умственно ниже их и дразнил их. В Москве в его доме собирались.

---

* Верховном суде (*англ.*).

Оттуда Хомяков позвал меня к себе; он исследовал, интересен был ему, ⟨хотел знать⟩, какие у меня взгляды. Я тяготился тогда очень, что не верю, мне хотелось верить, особенно с славянофилами тяготился этим, я ждал от него приведения меня к вере; очень добрый был человек.

Мария Александровна: Народ (т. е. крестьяне), несмотря на его православие (обрядность) — единственные верующие христиане среди нас.

Л. Н.: Мне было так же грустно, как то, что отхожу от православия, к которому принадлежит народ.

Л. Н. продолжал:

— Урусов был тоже хороший человек. У славянофилов была любовь к русскому народу, к духовному его складу, это презрительное отношение к власти, которое заметно среди народа, имеющего привычку говорить, когда выбирает себе старосту: «Когда никуда не годится, пусть походит в старостах». Потом община. Все их (славянофилов) мировоззрение было мне по душе, даже самодержавию сочувствовал, одно православие — эта точка зрения мне была неприемлема. Аксакова (старика) и сына Константина тоже я любил и уважал. Всегда я у них желал чему-нибудь поучиться. Со всеми я был в хороших отношениях, это все были высоконравственные люди, они не дозволяли себе неправду сказать. Никогда ни к кому не подделывались — правда, все они были богатые.

Софья Александровна спросила про Погодина. Л. Н. ответил, что Погодин на него (никогда) хорошего впечатления не производил.

Софья Александровна спросила про западников.

Л. Н.: Грановского я видал в Туле, где играли в лото, но знаком с ним не был. Станкевича не знал.

Мария Александровна вспоминала изречение Канта из «Круга чтения». Л. Н. принес и отыскал его.

— «Круг чтения» мне дорог тем,— сказал Л. Н.,— что Будда, Лаотзе, Христос, Паскаль — все одни и те же вечные истины говорили.

Прочел вслух 16 ноября Паркера [3]. Тронут был им:

— Кизеветтер *, может быть, не так думает, но без него можно обойтись.

Софья Андреевна привезла из Москвы открытки старинных детских игрушек Бенуа, какими играла в детстве. Восторгалась ими. Л. Н-чу тоже были любопытны.

Разговор о старинных лошадях между Софьей Александровной и Л. Н.

Л. Н. говорил, что все породы эти рысистые вывелись. И вспоминал завод Пироговский, который в то время был выдающимся; в нем были матки рысаков орловских кровей, известный Кролик — белая лошадь, белая грива, братья Атласного [4] и.....** Потом было много небольших заводов, в которых выводились хорошие породы лошадей; такие заводы были бы теперь полезны для крестьян.

Ночью уехала Софья Александровна.

16 ноября***. Приехал С. Д. Николаев поговорить о том, поехать ли к П. А. Столыпину, поговорить о Генри Джордже. Привез корректуру «Евангелия», успел спросить Л. Н. о некоторых местах. С ним одним Л. Н. в кабинете разговорился о жизни, семье чрезвычайно хорошо.

— Можно было бы из этой беседы книжку написать,— сказал Сергей Дмитриевич в восторге.

Кислая погода. Л. Н., несмотря на тяжелую ходьбу по сырому снегу и скользкости, гулял до Козловки и по новой дороге до моста.

---

* Современный столп кадетов. Написал катехизис для кадетов.

** Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

*** Плохо записано на следующий день.

В Иллюстрированном приложении «Нового времени» 14 ноября (№ 11378) плафоны Маковского [1]. Л. Н. указал на них Юлии Ивановне и сказал, что пошлы.

За обедом Софья Андреевна, Мария Александровна, Сергей Дмитриевич, Юлия Ивановна. Разговор о начавшем издаваться в «Посреднике» журнале «Свободное воспитание». Главный сотрудник — Клечковский. Цель — воспитание детей не в школе, а посредством помощи родителям в работе домашней, огородной, полевой. Мало сотрудников и не знают, что писать. Все сами еще только ищут. Подписчиков уже достаточно [2].

Л. Н.: Главный вопрос — чему учить, что̀ первой важности, что̀ второй. В теперешних школах и домашнем воспитании учат латинскую грамматику, Библию. Не только вопросы нравственности, но ⟨и необходимость⟩ научить работать оставлены в стороне.

Л. Н. говорил, что читал английскую статью «Tuganny of Bead» о том, как мы придерживаемся того, что придумали предки, и прибавил, что можно бы пользоваться заграничными педагогическими изданиями для этого нового журнала.

Но вообще Л. Н. не рад, что «Посредник» стал издавать этот журнал — во-первых, потому, что писать на заказ, на срок нельзя, новых мыслей не даешь; во-вторых, новое бремя «Посреднику», Ивану Ивановичу.

Л. Н-ча спросили два ясенковских парня, могут ли прийти в воскресенье поговорить.

Л. Н. говорил про нынешнюю молодежь. Правительство знает, что государственное устройство держится на религии, и старается ее укрепить. Правительство — только постройка на льду; он тает. При Иоанне Грозном было православие крепко. Революционный кодекс нравственности (т. е. отбрасывание *всей* религии, позволительность убийств для политических целей), ложная наука (Спенсер) заменяют православие.

Л. Н.: Чем кончится наша цивилизация? Римская кончилась варварами, варваров теперь нет.

Сергей Дмитриевич припомнил, что Генри Джордж варваров видит в городских безработных.

Л. Н.: Сегодня было двое прохожих пермских: «Работы нет». Прочел в газетах, что отправлено на север 750 политических... Слава богу, что нам предстоит работа — каждому становиться лучше.

Софья Андреевна: Что из этого выйдет, кому польза, если я за этим столом буду самосовершенствоваться?

Л. Н. ответил, что она (польза) в сношениях с Дунечкой, няней, Марией Александровной, кучерами и т. д.; ее работа над собой передается им. Каждый из нас посреди мира людей не меньше влияет духовно, чем если бы был на месте Столыпина. Мы, как среди океана: каждый одинаково в воде. Был бедный прохожий Франциск Ассизский или простой еврейчик (Христос), которого высекли и среди других повесили (распяли). И какое их влияние!

Л. Н. прочел из «Круга чтения»:

«Когда чистый человек действует с прямотой душевной, он дает искупление всему миру». Зендавеста.

«Если изучающий истину делает это искренно, просто, без самомнения и следит за собой, когда он один, он заразит все царство и успокоит его своим простым и любовным величием. Деяния высшего неба не сопровождаются ни звуком, ни запахом — вот это высшая добродетель и таинственно и неуловимо, как сами небеса, все это величие. Одной семьи, живущей любовью, достаточно, чтобы во всем народе разлилась любовь. Человек один, а решает судьбу всего государства и всего мира». Конфуций [3].

17 ноября. Утром уехала Мария Александровна. Слякоть. Л. Н. верхом. Не было гостей. Я извинялся перед Л. Н., что не исполняю поручен-

ное: не успорядую * «Круг чтения». Дома: Л. Н., Софья Андреевна, Юлия Ивановна. Юлия Ивановна очень быстро успорядует «Круг чтения».

18 ноября. Утром приехал Николай Григорьевич Сутковой. Л. Н. помнит его имя и отчество, т. к. и Чернышевского так звали [1]. Л. Н. поручил ему ответить иудеям-евангелистам в Херсонской губернии, просящим духовной поддержки [2]. Я с половины десятого до половины шестого в лечебнице и в Телятинках у больного.

За обедом Л. Н., Софья Андреевна, Юлия Ивановна, Сутковой. Л. Н. о письме Бриллиантова, который прислал указания на неточности греческого текста в «Соединении и переводе четырех Евангелий». Он спрашивает, как же Иисус не «противился», когда кнутом выгнал всех из храма и опрокинул столы менял [3]. Тут Мария Александровна умно сказала, что здесь никакого противоречия. Мы привыкли думать, что Христос был сын божий, совершенный человек. Он был простой человек, сказал: «Возьмите ножи». Все люди — человеки.

Сутковой рассказал историю Миронова из Алексеевки, Самарской губернии, который несколько лет тому назад отказался от военной службы. Он сапожник; против него винная лавка. Кто-то попросил его стакан одолжить для вина, он отказал: водку пить — дело нехорошее. «Как нехорошее: ведь царь ею торгует».— Позвал стражников, сказав им, что Миронов оскорбил царя. Стражники стали спрашивать его, как он думает о царе. Он им ответил, что у него свой царь — бог, а в земном царе не нуждается. Его повели к исправнику. Тот стоял на крыльце и крикнул ему: «Шапку долой!» Миронов не снял. Ему сбили ее. Он поднял. Три раза повторялось. Его заперли, и стражники страшно избили. Три недели не поворачивал шеи. Привели опять к становому. У него был земский начальник, тот разумно поговорил со становым, и Миронова отпустили. Он не чувствовал никакой злобы к избивавшим его стражникам. Был смирен, кроме задора с шапкой.

Л. Н. по поводу этого рассказал, как он молится и твердит (иногда вслух) из послания Иоанна о боге — любви: «Кто говорит, что любит бога, а брата своего ненавидит...» [4], и сказал несколько стихов наизусть.

— Тут все сказано, суть жизни — бог. Бог проявляется в душе любовью. Так как он и во мне и в другом человеке так проявляется,— мы соединены.

И говорил Л. Н., что человек может механически помогать себе, заучивая наизусть хорошее,— оно без его воли вспоминается ему и добро влияет на него — и, наоборот, заучивая (читая) порочное — вредит себе.

Л. Н. достал «Новое время» и прочел стихотворение Буренина-Жасминова (ненужное).

— Сколько труда, чтобы рифмы подобрать! — сказал Л. Н. и сосчитал 400 строк фельетона.— 160 рублей это! [5] Сегодня продали корову за 15 рублей, за недоимку податей. Ведь это те деньги, которые берут с мужиков.— Л. Н. говорил это очень резким голосом, не то жалостным, не то злобным,— скорее, озлобленно **.

Сутковой говорил, что Колесниченко изучает Конфуция и браманизм — по указанию Добролюбова. Л. Н. хвалил сунны (из «Sayings of Mohammed»).

Сутковой говорил, что слышал, будто Чертков хочет приехать в Россию дать себя заключить в тюрьму из-за Гусева.

---

* привожу в порядок (от словацк. usporiadat).

** Сегодня в Ясной собирали подати и недоимки за три года, и я сам видел, как в розвальнях овец увозили.

ТОЛСТОЙ ЗА ОБЕДОМ В ЗАЛЕ ЯСНОПОЛЯНСКОГО ДОМА
Фотография В. Г. Черткова, 1907

Л. Н.: Это на него похоже.

Сутковой говорил о Добролюбове, что возвращается из Сибири и сейчас на больших собраниях сектантов в Оренбурге проповедует.

Оставался Сутковой. Говорил, что «Посреднику» бы дешево издать «Евангелие» Л. Н-ча и кружку людей взяться бы распространять его. Л. Н. одобрил.

Сутковой хочет ⟨издавать?⟩ для детей хорошие книги: жизнь святых, о животных, материнская любовь.

Л. Н.: Геоэтнография с христианской точки зрения — одно из первых полезных знаний.

Л. Н. (*о японцах*): Аккуратность, мелочность характеризует их.

Сутковой о Леониде Семенове, что он отходит от революционерства к христианству.

Л. Н.: Гусев был неосторожен, поддерживал отношения с революционерами.— Л. Н. удивлялся, что не выпускают его, и, услыхав, что у него паспорта нет, что им пользуется один революционер в Москве, что он в переписке с революционерами, Л. Н. приписывал этим обстоятельствам, предполагая, что полиция о них знает,— что Гусева продолжают держать в заключении и, не желая, немного негодовал на Гусева за его неосторожность.

Л. Н.: «Отвратительный факт» — любовь! (Это Л. Н. намекал на то, что Гусеву ставят в вину проповедь христианской любви.)

Л. Н.: Как трудно вести борьбу в жизни с мнением людей!

Л. Н.: Софья Андреевна (в сущности) бескорыстна. (Говорил о ней что-то и прибавил это.)

Л. Н. (*Сутковому*): Невозможно избегнуть власти. Для меня этот вопрос принципиальный. Сознавать всякое учреждение как неравенство. Следовательно, избегать. Ни в чем нельзя достигнуть идеала. Синдикализм государственный, религиозный, национальный — один из величайших соблазнов.

Л. Н. (*мне*): Как вы похожи на портрет! * Но это не значит, что портрет хорош, может быть и карикатура, а сходство будет. Портрет хорош тогда, когда, смотря на него, припоминаешь живого.

19 ноября. Софья Андреевна говорила мне, как скучает всегда в ноябре; но этот раз больше, чем в прежние годы.

Сутковой весь день провел за работой, порученной ему Л. Н.: отвечал на несколько писем, переписывал письмо Дерябина и определял, какие книги кому посылать из просящих письменно. Вечером Л. Н. ему обстоятельно объяснял свою работу — детский «Круг чтения».

Вечером в 5.30 приехал Лесли, аристократ, ирландец-патриот 22-х лет, чтобы видеть simple life **. Л. Н. поговорил с ним в кабинете о серьезных вопросах [1].

Сегодня метель; из-за нее Александра Львовна не посмела приехать из Тулы, известила о том телеграммой.

Сутковой в 10 часов вечера пошел пешком на Засеку, несмотря на увещевания остаться или ехать на санях.

Л. Н.: Читал подробно газету. Инцидент Родичева (сравнившего «муравьевский воротник» со «столыпинским галстуком»). Речь Родичева — ничего в ней нет, и в других речах также [2].

20 ноября. Утром приехала Александра Львовна из Тулы — Москвы. Л. Н. с ней о родных, о женитьбе Андрея Львовича и о Москве. Получил много писем: около десяти просительных, три об автографах, от Иконникова очень милое, от Кудрина [1].

21 ноября. Л. Н. ездил верхом по Засеке. За обедом Софья Андреевна о газетах. Как раздувают инцидент Родичева, как его превозносят («Русские ведомости»).

Л. Н.: Говорят, что в парламентах выдвигаются адвокаты. В Думе — Плевако, Маклаков. Плевако — самый пустой человек, Маклаков — никакого убеждения не имеет; искусство говорить у него не связано с серьезными мыслями. Их (адвокатов) ремесло — говорить.

Я заметил, что словацкий народ той местности, где я жил врачом, адвокатов зовет «язычными докторами».

---

* который Репин написал мне в альбом.

** простую жизнь (*англ.*).

Л. Н. давал Александре Львовне советы о работе над «Кругом чтения», который Александра Львовна приводит в порядок. Все первые числа каждого месяца — о боге. Из 1 января вытекает 1 февраля, и т. д., и все это составляет религиозную систему.

23 ноября. Я ездил в Тулу, привез Надежду Павловну. За обедом Л. Н. говорил про тульского адвоката графа И. Д. Толстого, что он скромный (ни разу не возносился своим сродством), и как они сродни. В дальнейшем разговоре — о жене адвоката Толстого. Она с детьми на шоссе раз заговорила с Л. Н. и произвела хорошее впечатление. Александра Львовна о ней заметила что-то внешнее, что она пудрится, красится.

Л. Н. (*с досадой*): Не осуждай!

Александра Львовна оправдывалась тем, что сказала только то, что заметила.

Л. Н.: Заметила неприятное. Не надо замечать неприятного.

Л. Н. был раздражен, как не бывает даже раз в год. Только что прочел письмо Андрея Львовича ко мне; может быть, оно расстроило его [1].

Л. Н. прочел вслух письмо крестьянина из Оренбургской области. Жалуется на буржуазию и просит для устройства мельницы 300 р. Это первое, насколько я помню, просительное письмо крестьянина для помощи в хозяйстве. До сих пор просили — если крестьяне — для образования. А вчера Л. Н. встретил рабочих, жаловались на неустройство государственное. Л. Н. подмечает, как все начинают быть неспокойны положением своим и других обвиняют.

Речь о курсистках. Л. Н. прочел просительное письмо учительницы, желающей идти на курсы. Брат пошел в работники и из 15-тирублевой месячной платы ей давал 7 р. пока училась на учительницу. Теперь она получает 20 р. жалованья: «Конечно, я из этого ничего не могу отложить, чтобы идти на курсы».

Надежда Павловна говорила о повальном желании учиться и как многие курсистки бедствуют и доходят до нервного расстройства, после совсем ни на что не способны .

Л. Н.: При составлении «Круга чтения» я видел, что, кроме Люси Малори, которая повторяет сказанное раньше другими, ничего не почерпнул от женщин; ни одной женщины нет, которая была бы философкой, ни в науке ни одна не сделала открытий. Призвание женщины остается быть женщиной-матерью. Это не значит, что выйти замуж всем. Просто быть честной, хорошей женщиной. Сами (курсистки) будут говорить о либерализме и норовят попасть в высшее общество, вот что недостойно.

Л. Н. дал мне отвечать на четыре письма.

Софья Андреевна говорила, что читала в «Revue Blanche» рассказ Мирбо:

— Страшная гадость. Я читала только потому, что ты хвалил Мирбо.

24 ноября. Я ездил в Тайтыково к новобрачным — Андрею Львовичу и Екатерине Васильевне. Она простудилась, когда ездили в сельскую церковь венчаться. Он веселый, спокойный, она тоже спокойная, только усталая и задумчивая. Наверное, ей тяжело из-за детей и за обиду мужу, родителям. Добрая душа, должно быть, но слабая.

Л. Н. как был рад третьего дня, когда застал меня пишущим письмо Андрею Львовичу, так был рад и теперь, когда я зашел в 11 к нему за книгами Валишевского и когда к ним поехал. Вез его письмо Андрею Львовичу. «Говорит, плакал, когда его писал»,— сказала мне Софья Андреевна [1].

Вечером в 9.20 Л. Н. зашел ко мне тихими шагами, чтобы не разбудить, если сплю. Поговорил о Гусеве, потом о завтрашней поездке к нему;

потом спросил, как мне живется. Я ответил: «Последние три месяца очень хорошо, помог мне «Круг чтения»». Л. Н. сказал, что этому рад, что это подтверждение, что всем людям, не только старикам — ему, которому остался час жизни,— ни богатство, ни слава, ни государственное благоустройство не могут дать удовлетворения, потому что они преходящие, а духовный рост имеет смысл и в тот последний час жизни.

Вечером Л. Н. сдавал письма Юлии Ивановне:

— Спрашивает о браке. Не буду отвечать, подозреваю, что ‹ради› получения автографа. Начинаю верить в свою знаменитость,— продолжал Л. Н. говорить мне уже в зале.— Представляю себе, как было бы мне, молодому офицеру, лестно получить письмо от Пушкина.

Софья Андреевна (*вышивавшая в зале*): Я до сих пор не гляжу на тебя иначе, как на мужа, на человека, с которым прожила 45 лет.

Л. Н. было очень холодно, ходил по комнатам. Потом вспомнил кучу писем с просьбами об автографах и стал подписывать. Было 42 таких письма, в некоторых по два-четыре портрета или билет для подписи. Некоторые просили «несколько строк». Им Л. Н. писал: «Братья, любите друг друга!»

Вечером Л. Н. все мерз; в комнатах $12^1/_2$ градусов. Софья Андреевна приготовила ему грелку в постель, чего Л. Н. избегает *.

25 ноября. Суббота. Я ездил в Крапивну, повидал Гусева в тюрьме. Свеж, весел. Его должны 27-го выпустить. Начальник тюрьмы, вахтер — все *люди*, а не только исполнительные машины, как тюремщики шлиссельбургские и западные тюремщики. В Крапивне меня поразило множество чиновников и особенно стражников. Крапивна — большущий город, в садах со слободами — 12 тысяч жителей. По дороге из Крапивны ночевал у Булыгиных. Все читают хорошие книги, все стремятся хорошо жить. Сережа 19-ти лет, и Ваня 17-ти лет, живут просто: едят, спят в людской с рабочими. У Булыгиных одиннадцать лошадей, пять коров и всего-навсего один рабочий; всю остальную работу исполняют сыновья. Старший — Алеша — курит и, кажется, охотится.

У Булыгиных есть старая бывшая рысистая лошадь тетки, доживающая свой век. Ее не продают, чтобы ее не мучили. Такая лошадь доживала третьего года и у Толстых.

26 ноября. Я утром вернулся от Булыгиных, из Крапивны.

Л. Н. ездил верхом. Хвалил Делира за кротость, ласковость:

— Какая у него рысь, как скачет,— нечего желать лучше лошади!

Вечером просил Софью Андреевну и Надежду Павловну, чтобы играли в четыре руки и после благодарил за удовольствие, что играли Гайдна:

— Для меня нет сомнения, что Гайдн выше всех композиторов. На нем остановилось музыкальное творчество во всей ясности, чистоте, простоте,— сказал Л. Н.

Софья Андреевна: А Моцарт?

Л. Н.: У Моцарта уже пошло **, а у Бетховена уже сумбур [1].

Говорили о Гензельте. Л. Н. отозвался о нем хорошо.

Разговор о моей вчерашней поездке в Крапивну, о Гусеве, Булыгиных. Их семьей, особенно средними сыновьями, Сережей, Ваней, Мишей, их трудовой, простой жизнью, Л. Н. восхищается.

Л. Н. рассказал, что индусы продолжают посылать ему литературу; один посылает книжку, где он находит новое, хорошее буддийское, а другой — журнал [2]. В журнале полемика с христианством, выставляет достоинства буддизма (против христианства): сострадание к животным, тер-

---

* И на что до конца своей жизни ни разу не согласился, когда я ему предлагал.

** Здесь в смысле «избито».— *Ред.*

С. А. ТОЛСТАЯ КОПИРУЕТ ГРУППОВОЙ ПОРТРЕТ РАБОТЫ И. Е. РЕПИНА
Ясная Поляна. 1 декабря 1907 г.
Фотография С. А. Толстой

пимость к другим учениям (о том Л. Н. уже инде читал, знал), мирное и самое большое распространение (одна треть всего человечества — буддисты). Христианство и особенно магометанство распространялись насилием.

В декабре хочет приехать скульптор Трубецкой. Л. Н. мне, не знающему его, говорил, что это огромного роста, больших дарований, энергичный, ничего не читавший, самобытный и увеличивающий свои оригинальные черты, притом мягкий, кроткий человек.

Л. Н. получил длинное письмо от Сережи Сухотина о том, что̀ преподают в университете, и что науки нужны [3].

Л. Н. (*о нем*): У него нет этой потребности что-нибудь страстно любить, чему-нибудь отдаться. Пахать землю можно, не увлекаясь, посредственно... Именно в области духовной деятельности важны только самые лучшие деятели...

27 ноября. Л. Н. попросил Александру Львовну съездить за почтой в Ясенки. Когда я вечером вошел к нему в кабинет получить письма для ответа, Л. Н. читал в на днях полученной из Индии книге («The Essence of Buddhism» by P. Lakhsmi-Narasu. Madras, Sprimvasa Varadachari, 1907) главу «The Woman in Buddhism». Вечером читал из нее вслух, переводя по-русски Марии Александровне, Софье Андреевне, Юлии Ивановне. Начало — одна-две страницы — очень ясное, хорошее.

Зашла речь о японцах-буддистах. Л. Н. говорил, что у них буддизм связан с шинтоизмом, обоготворением микадо, и у них вера вошла в привычку (как другие обряды) жизни. Обожание микадо им дает силу так, как у русских сто лет тому назад обожание царя. Это у нас разрушается, Пуришкевичи * совершенно этому ничего не помогут.

---

* В «Голосе Москвы» слух, что Пуришкевич будет министром.

Л. Н. спросил Марию Александровну, как у них мужики относятся к власти. Мария Александровна ответила, что старики считают царя, губернатора, войско нужными и, не рассуждая, платят подати, а то развелся бы без властей разбой. Л. Н. говорил, что в Ясной Поляне и старики 50—60-летние — Фоканов и другие (Л. Н. назвал нескольких) — рассуждают, на что платят подати.

Гимназист седьмого класса пишет Л. Н-чу: «Скажите, ради бога, что лучше: учиться или же быть совершенно незнакомым с просвещением? Культура портит людей нравственно. Так скажите, чему я должен отдать предпочтение: своей нравственности или же цивилизации, культуре своего ума? Что лучше, европейская культура или же индийское усовершенствование человеческой природы?» [1]

Мария Александровна, Софья Андреевна, Александра Львовна, Юлия Ивановна.

Л. Н. говорил конфузливо, что получил письмо Нордман (с Репиным была); пишет, что ее жизнь разделилась на две половины: до посещения Ясной Поляны и после [2].

— Не знаю, куда деваться,— сказал Л. Н., когда читал такие письма.— Другое письмо ругательное. Это приятнее.

Л. Н. сам написал письмо поляку, просящему серьезным письмом разрешения переводить «Исповедь» и другие новые сочинения Л. Н. [3]

Я с 9 до 4 в амбулатории, с 4 до половины 7-го в Мясоедове, опоздал к обеду.

Л. Н.: Какой счастливый Душан Петрович, он всем нужен!

Л. Н. о географических книгах, которые сегодня читал: «Начальный курс географии» и «География внеевропейских стран». Обе ему нравятся, материал в них точный, все так коротко, ясно, одного уровня, соразмерно. По мнению Л. Н., переработаны с немецкого. Говорил, что можно было бы из этой книжки составить попроще и короче для меньших и другую, подробнее — для старших детей. Тут нужно только сократить, выпустить подробности и сделать более выпуклым существенное, чтобы в общем обзоре были краткие сведения о поверхности земли, растительности, животных, людях [4].

А книга Горбунова, которой восхищался Николаев, «Кругом света» Л. Н. не нравится [5]. Прочел название, заголовок первых статей.

— Это совершенно случайный подбор всяких статей,— сказал Л. Н.— Ребенок еще не имеет общих знаний по географии, а тут о льяносах (llanos) подробно...

Л. Н.: Если бы я был молод, я взялся бы за составление этнозоогеографии.

Л. Н. сидел в комнате Юлии Ивановны с Марией Александровной, Юлией Ивановной и пересматривал эти географические книги. Софья Андреевна играла в зале с половины 9-го вечера. Юлия Ивановна, увидав караибов и папуасов, показала изображение их лиц Л. Н-чу.

Л. Н.: Я видел. Папуас привел меня в смущение; как в нем вопросы нравственные поднять? А потом подумал: белые точно такие же, даже хуже, все с них стекает по верху (не проникает в них нравственное учение, а стекает, как вода по ватерпруфу).

Л. Н.: Как много простора на земле: Южная Америка, Африка, Австралия, Сибирь! И как англичане захватили много!

Потом Л. Н. рассказал, а после и прочел о китайском языке, что в нем нет ни существительных, ни прилагательных, ни глаголов, ни спряжения, а смысл получается по ударению. Все слова односложны.

Л. Н. тепло вспоминал о брате Николеньке, который был старше Сережи на три года. Между ними было двое или трое неблагополучных ро-

дов, Л. Н. был моложе брата Николеньки на пять лет. Николаю говорили (младшие братья) *вы*. Неправда, сентиментальность были ему чужды. Был большой ум, художественное чутье (Тургенев подметил), и был добр и необыкновенно скромен.

Л. Н. рассказал, как Николай, Сергей и Гартунг, адъютант тульского губернатора...

Софья Андреевна спросила:

— Тот ли, который женился на дочери Пушкина?

Л. Н.: Нет, его брат... Вернувшись с охоты, легли спать рядом на полу, как тогда просто было все — в комнате с балконом (нынешнем кабинете), и Гартунг подтрунивал над Николаем. Брат Николай с сияющей, доброй улыбкой смотрел на меня, давая понять глупость Гартунга.

Л. Н.: Меньшиков пишет о созвании православного собора, что его теперь не нужно. Я прочел последних десять строк... В Думе неладно: разошлись правые с октябристами. Дума не продержится [6].

Потом Софья Андреевна говорила про Дору Федоровну и расхваливала ее за хозяйственность — чистоту, удобство, дешевизну их образа жизни, материнство, хорошее отношение к прислуге — дает ей свободное время и сама делает их работу — за доброту к детям дворников: делает ежегодно елку для бедных. Потом хвалила Александру Владимировну и других невесток.

Софья Андреевна пять дней с 11 часов утра до сумерек копирует портрет Л. Н-ча с ней, Репина, и жалуется на боли в бедре (невралгия).

28 ноября. Гусев ни вчера, ни сегодня не приехал. Днем уехала Мария Александровна, утром приехала М. Н. Толстая, урожденная Зубова. Вечером Сергей Львович.

За обедом разговор о бывшем утром молодом человеке Раковиче. Бросился в революцию, декадентский поэт.

Л. Н. о нем рассказал, что он индивидуалист-штирнерьянец. Штирнера учение — 40-х годов, при его жизни не замечено, а в 60-х годах привлекло к себе внимание. «Оно в том, что только *я*, и не духовное, а телесное *я* ⟨является реальностью мира⟩»,— объяснил Л. Н., «Теперь все,— говорил молодой человек Л. Н-чу,— ударились в индивидуализм, отошли от социализма, так как социализм с его политической экономией сух, не удовлетворяет духовных требований».

Мария Николаевна говорила про профессиональную женскую гимназию. Предметом сочинения на вольную тему большинство учениц выбрало Стеньку Разина.

Опять смотрели географические книги. Разговор о написании таких для детей разного возраста, несколько степеней; одна степень — до десяти лет. Л. Н. говорил, что нужно, кроме религии, которой серьезно можно занимать мысль детей десять минут, остальное время учить полезным сведениям.

Л. Н.: ⟨Нужно⟩ распространение знания человеческого рода, чтобы (ребенок) знал, что он не один, а есть братья-негры. «Вокруг света» Горбунова — это разные статьи собранные; их надо переработать так, чтобы были соразмерны.

Сергей Львович рассказал про новый «Народный календарь», где графически изображено, сколько сахару, пшеничной муки приходится на русского, англичанина и т. д. [1] и приводил поразительные по несоразмерности цифры.

Л. Н.: Это раздражает. Это нехорошо. Ведет к обвинению других (одного правительства): кто-то виноват, только не я. Теперь получил письмо, самое характерное, революционерки Репиной [2].

Сергей Львович рассказал, как произошло убийство доцента доктора Воробьева во время московского восстания в декабре 1905 г., описанное и без конца перепечатавшееся газетами.

Л. Н. не мог вспомнить этого происшествия. «И слава богу, что не помню»,— заметил Л. Н. и добавил, что не разделяет учение буддизма, будто старость — зло (между прочим, потому, что ослабевает память и т. д.).

Сергей Львович заговорил о музыке. Л. Н. сказал, что у Шумана входят немузыкальные элементы: поэзия, страсти; что он искусственен и не чисто музыкальный, как Бетховен...

Сергей Львович сыграл, чтобы показать Л. Н-чу декадентскую музыку, новую композицию Ребикова. Л. Н. просил его не продолжать и видимо страдал, пока Сергей Львович играл.

— Никогда римляне не доходили до такого упадка, как теперь русские — в поэзии, философии, музыке... в парламенте — пошлости,— говорил Л. Н.

29 ноября. Гусева все нет. Утром Л. Н. пришел в лечебницу, сел на скамейку; короткое время пробыл. Дивился сколько народу. Юлия Ивановна говорила, что Л. Н. завидовал мне. Вечером Л. Н. говорил мне, что трудно столько работать, но хорошо.

Пополудни я гулял с Галаниным — сибиряком, проигравшимся в Монако, возвращающимся к себе и, за нехваткой денег на продолжение пути, остановившимся в Ясной Поляне. Пессимист, не находит смысла жизни, упрекает Л. Н. в достатках, что не живет просто, как жил Христос. Галанин и его жена близки к самоубийству. Между прочим, сегодня в «Петербургских ведомостях»: в короткое время пять священников покончило самоубийством. Знамение времени.

За обедом разговор о копии, сделанной Софьей Андреевной с картины Репина (Л. Н. за письменным столом, возле Софья Андреевна). Критиковали ее. Л. Н. заметил, немного сожалея, что написал Татьяне Андреевне об этой картине Репина, что это старичок подгулял, а его супруга огорчена. Что Татьяна Андреевна может это изречение пустить в ход [1].

— Вот пример, чего художник должен избегать,— сказал Л. Н.— Должен избегать случайного, временного настроения, Лаокоон в этом положении страдания по ошибке изображен. Лессинг противного мнения. Я его мнения вообще не ценю.

Л. Н. о панно Маковского [2] с негодованием говорил, что голых женщин рисует. Покупателю этих панно смотреть на голых женщин. Стыд у женщин — соблюдать целомудрие.

Л. Н. получил почту из Тулы, писем 20, самых разнообразных. Одно хорошее от Черткова о Гусеве [3].

Сергей Львович: У тебя корреспонденты, которым ты нужен, а не они тебе.

Л. Н.: Я люблю, когда я нужен.

Лебрен прислал рукописную статью о Герцене [4].

Л. Н.: Наверно, хорошая статья. Будет иметь большое значение. Он скромен, работает на земле, в досуге писал эту статью.

Потом читали ее вслух с 8.15 до 9.45. Сперва Сергей Львович, потом Л. Н. с большим интересом, порой со слезами. Л. Н. читал с карандашом, делал отметки. Прочел, как Герцен разочаровался в конституции, республике, революции и как ясно он это выразил.

Л. Н.: Процесс революции правилен, как времена года: весна, лето... Он и у нас такой же (как был во Франции, Италии). (Господствующие) классы возбуждают народ с тем, чтобы собою заменить правительство.

Приехал управляющий Пашкова, Л. Н. его спрашивал про смуты в

Тамбовской губернии. Он рассказал про страйк *, какой там был. Подстрекали учительницы. Плата у них — мужику — 35, бабе — 25 коп. Они повысили на 3 р. и 1 р. 50 коп. Страйк. Сами между собой поссорились, кто пойдет работать. Других не подпускали. Говорил, что Черткова в Воронежской и Пашковы в Тамбовской губерниях продают землю очень дешево: вместо 200 — 95, 120, 140 р.

30 ноября. Пополудни был у Л. Н-ча Галанин. Он с женой и ребенком живут в Ясной три-четыре недели, всё изучают «Евангелие» и другие сочинения Л. Н., и он выписал неясные ему места и свои возражения на учение Л. Н. Сегодня ему прочел их.

Л. Н. говорил, что он ему нравится. Серьезный человек.

Л. Н. говорил мне, что он получил от Иконникова письмо с вложением письма Варнавского, тоже отказавшегося от военной службы [1]. Наживин же пишет Л. Н-чу про Заболотнюка, отказавшегося перед призывом [2]. У Л. Н. были с 2-х до 3.30 Галанин, около часа излагавший возражения учению Л. Н., и просители, вследствие чего Л. Н. поздно выехал на прогулку. Возвращался на мерине Мальчике с поездки по берегу Воронки, близ моста через Ясенку. Мальчик провалился в замерзшую колею, ткнулся носом о землю и повалился на левый бок. Л. Н. полетел вперед кубарем; толчок был до того силен, что ему показалось, что он не останется жив, но сумел выпростать ногу, попавшую в поводья, и кликнуть проехавшего мимо невдалеке по большаку Адриана Фролкова, и тот его привез домой. Л. Н. ушиб себе плечо; сильные боли. Софья Андреевна приложила ему компресс со свинцовой примочкой и уложила его в постель. Когда я пришел домой, повязал ему плечо и массировал под рубашкой.

Большая почта из Тулы и Ясенок.

Л. Н. говорил, что Варнавский пишет, что «Круг чтения» на него подействовал лучше «Евангелия». Л. Н. по поводу этого поручил мне написать Черткову, чтобы постарался воздействовать на кого-нибудь — напечатать «Круг чтения» ценою в 1 р. [3]

Вечером Л. Н. просил Сергея Львовича сыграть бетховенскую сонату.

1 декабря. Л. Н. до 8 часов утра не заснул от изжоги — вероятно, вследствие сотрясения печени при вчерашнем падении с лошади. Вид у него сегодня измученный: бледный, похудевший, глаза красные. На плечо не жалуется; рука в повязке недвижима, не болит. Изжога все сильнейшая, ночью принимал магнезию, утром — Эмс. Пополудни согласился на морфин — примет его под вечер. В 2 часа уснул в кресле и дремал до 5. Не выходил из дому.

Почтой получил какие-то книжки или журналы из Индии. Давая мне письма (почти все помеченные «без ответа»), сказал о другой книге буддийской, которую читает:

— Это удивительно, как он (автор) подпал гипнозу европейскому: цитирует из Спенсера [1].

Вечером написал Наживину письмо [2]. Читал статью Лебрена о Герцене и наслаждался ею. Сказал, что не хочется кончить чтение. Герцен так ясно, несомненно указал на бесплодность всякой революции; на то, что никакая республика не дает людям блага, (политической) свободы; что всегда (при всяком внешнем изменении) немногие будут властвовать над массой.

Л. Н. говорил, сидя с повязанной рукой в кресле (в зале) о письме семинаристок-девушек из Казани. Удивляются, как молодежь после воодушевления борьбы за лучшее бросилась в разврат [3].

И письмо 16-летней девушки (индивидуалистки) о разврате.

Л. Н.: Это перелом, который происходит.

---

* забастовку (англ. strike).— *Ред.*

Сегодня было Л. Н-чу тяжело отказать Галанину в 300 р. Я сегодня до 2-го часа пополуночи написал 23 письма и открытки, большинство — поручения Л. Н. [4] Не было приема и никуда не ездил.

2 декабря. Л. Н. спал до 9.30. Я перевязал ему плечо. Конфигурация левого совсем другая, чем правого; левое — худое, как скелет, по сравнению с мускулистым, круглым, правым. Движения: вращательное и вперед и назад и отведение — довольно ограничены. Разница расстояния между акромиумом и наружным локтевым мыщелоком в левом — 35, в правом — 33 $^1/_2$ сантиметра. Из этого я заключил о переднем подвывихе. Но другое (правое) плечо было когда-то и вывихнуто, и поздно вправлено, и снова сломано. Сравнивать их контуры и расстояния и из этого делать заключения нечего. Плечо очень болезненно, и всякие движения и ощупывания Л. Н. неохотно переносит. Днем я решил посоветоваться с книгой, а так как я своей «Хирургии» не привез, решил съездить к другу-хирургу Чекану в Тулу. В час дня я сообщил о своем намерении Л. Н-чу, он согласился и Софья Андреевна. Привез Чекана. Оказалось, что и разница в расстояниях исчезла, и движения менее ограничены. Я думаю, что утром при попытках ротации головка humeri * вскользнула в ладьевидную впадину. Я даже слышал, как хрупнуло, но в смущении перед Л. Н.-пациентом, торопясь скорее кончить осмотр, перестать беспокоить и студить его, я не проверил, не стал снова ощупывать конфигурацию и пробовать движения, а быстро наложил повязку.

Л. Н. был с Чеканом любезен, входящему первый поклонился и приветствовал его по имени и отчеству. Спрашивал его про Тулу, революцию. Чекан говорил, что революция затихает вследствие внешних воздействий.

Л. Н.: Революция психологически совершается в общественном мнении.

3 декабря. Л. Н. не выходил. В 3 часа пополудни снял перевязку и положил руку в косынку. С 6.40 до 7.40 у Л. Н. был И. П. Галанин — чтобы разъяснить себе смысл жизни.

Л. Н. (*о сибиряке Галанине*): Рассуждения о христианстве привели его к материальному устройству, социализму.

Александра Львовна стала списывать целиком начисто первое число месяцев «Круга чтения»; писала подолгу — три дня; еще 30 чисел — это будет 90 дней усиленной работы. Вечером Л. Н. вышел в 10 часов и стал читать вслух из лебреновской рукописи о Герцене им (Л. Н-чем) подчеркнутые места из Герцена Софье Андреевне, Юлии Ивановне и мне. Когда прочел мысли Герцена, одобряющие сохранившееся в России землепользование, заметил с грустью, болью в голосе: «Вот Столыпин...», намекая на изданный в прошлом году закон, поощрявший выход из общины.

Читая другое сильное место о том же, что Россия крепка общиной, Л. Н. заметил:

— А теперь они все это забыли.

Софья Андреевна переспросила:

— Что забыли?

Л. Н.: Хотят уничтожить общинное землепользование, а ввести собственность на землю. В Сибири,— вспоминая только что бывший разговор с сибиряком,— земельной собственности нет.

Софья Андреевна: Как нет, есть ведь поместья?

Л. Н.: Есть, у казачьих офицеров, которым выделили участки, а у крестьян нет.

Когда Л. Н. читал у Герцена об ортодоксальности демократизма и о консерватизме революционеров и о либеральных журналистах, сказал:

---

* плеча (*лат.*).

— Как они от своих доктрин не отступают, как ни ясно, что справедливо было бы иначе поступить, так же как православный не рассуждает о православии (старается о нем не вступать в спор). Эти «Русские ведомости» такие православные (ортодоксальные) — Родичевы, Стахович *.

Где Герцен говорит о реакции против нового конституционного, республиканского правительства и о жестоком подавлении республики (военными силами), Л. Н. сказал:

— У нас старое правительство убивает революционеров, там (во Франции — Vendée **, Вар) — новое революционное правительство...

Я спросил Л. Н., не напишет ли предисловие к лебреновской статье о Герцене. Л. Н. сказал, что желал бы.

Л. Н. получил третье письмо от одного и того же юноши из Варшавы — просит 30 р. на дорогу в Ясную Поляну. Разговор о назойливых корреспондентах и посетителях; Баскин-Серединский приезжал три раза к Л. Н. затем, чтобы ему дали рекомендательные письма в редакции, в том числе и в «Русские ведомости», с просьбой поручить ему литературно-критический отдел.

Л. Н.: Есть люди, которые не думают о других (т. е., не тяжелы ли они другим).

Юлия Ивановна просила Л. Н. дать ей прочитать географические книги «Посредника».

Л. Н. (*о книге Чижова* [1]): Мне понравилась.

Я сегодня получил от друга П. Гесса известие о смерти Доротеи Галековой, вдовы чешского поэта. Гесс пишет, что мадьярские газеты моему подстрекательству приписывают письмо Бьёрнсона о суровости мадьярского правительства и письмо Толстого о том же, и что следовало бы меня заключить в сумасшедший дом [2]. Юлия Ивановна об этом рассказала за чаем. Л. Н. поинтересовался, и я рассказал, что это касается письма Бьёрнсона о черновских жертвах и подложного письма Толстого о венгерском премьере Аппоньи. Письмо это появилось в парижском «Courrier Européen» — будто переведено и цитировано из «Русского слова». Собственно же его в «Русском слове» не было.

Л. Н.: Я жалею, что не писал. Некогда. Мои интересы — не политические.

Л. Н. сегодня еще говорил с интересом об аэронавтике. Это его интересует. О французском военном воздушном шаре, изображенном в иллюстрированном «Новом времени» 1 декабря [3], о статьях Меньшикова «Пьяный бюджет. IV» и С. Смирновой «Толпа и наука» (о студенчестве) и о Леопольде — бельгийском короле, что хочет взять Конго в свою собственность, чтобы отдать наследнику от нового брака, но бельгийский парламент отстоял его [4].

4 декабря. С 8 до 10 вечера Л. Н. с Николаевым поправлял неясные места «Соединения и перевода четырех Евангелий». Л. Н. сказал, что, может быть, сам возьмется за переработку «Евангелия» (т. е. для следующего нового издания).

Николаев: Я читал в индийской, магометанской «Review of Religions» жестокое нападение на Христа — что он ничего не сделал против пьянства, даже освятил его.

Л. Н.: Тогда пьянство не было таких размеров, как теперь. Кану Галилейскую объяснить можно так, что напились пьяные и требовали еще вина.

Перед обедом Сергей Дмитриевич рассказал про намерение Елены Евгеньевны, Павлы Николаевны и других организовать группу рационали-

---

* Вероятно, А. А. Стахович.

** Вандея (*франц.*).

стов-«разуменцев», чтобы воспользоваться новым законом, признающим религиозные общины, если число их членов дойдет до 50 человек *.

Л. Н. не сочувствовал.

Сергей Дмитриевич: В чем видите опасность?

Л. Н.: В организации. В закреплении себя, в отсутствии свободы. Вообще религиозная община — это соблазн. Иметь в виду избавление от лжи и обеспечение будущего детей. Законность браков это им (правительству) нужно, а не нам, это их дело, а не наше. Наше дело — игнорировать. Это могут делать молокане, духоборы... нет, они (духоборы) сплотились по причине одинаковой земледельческой жизни. Я сегодня таков, но завтра могу быть иной, постоянное движение вперед. Когда я писал «Перевод и соединение четырех Евангелий», тогда я был христианином, а теперь я более широкий.

5 декабря. Я с Александрой Львовной ездил к Марии Александровне. Она вчера поселилась в новом «дворце», теплом и просторном. Ей, страдающей расширением легких и перерождением сердца, дышать легче. Привезли ее в Ясную. Ее новая хата выше и просторнее старой, и потому она назвала ее «дворцом».

** *Л. Н.* (*за чаем*): Письмо Гусева хорошее. Он там хорошо чувствует себя. Я от многих слышал, что в тюрьме хорошо. Спокойствие. Занятие собою. Сначала трудно, привык со многими людьми [1]...

Софья Андреевна: Там скучно, личностью своей занят.

Л. Н.: Личность в тебе и что в тебе есть — гораздо интереснее, чем то, что от других получаешь. Божественное начало.

Софья Андреевна сказала что-то — что с божественным началом заниматься скучно.

Л. Н.: С чем ты будешь иметь дело, так тебе будет.

Письмо от Андрея Львовича, в котором он пишет, что счастлив (женитьбой), то же и говорил. Л. Н-чу письмо нравится; только это упоминание о счастье ему кажется неуместным. Л. Н. говорил, что все думают, будто они должны быть счастливы, женившись, и будто должны об этом говорить.

— Женившиеся говорят, что они счастливы. Можно сказать: «Я хорошо женился», «Я люблю свою жену». ⟨Но⟩ счастье не зависит от..... ***, а от многих причин.

Мария Александровна говорила, как мужики ждут прибавки земли.

Л. Н.: Но те же самые ⟨мужики⟩ не желают ⟨земли⟩ безземельным. Этот тон раздраженный одних против других. До нас это не касается. Взаимное осуждение. Беречь себя от взаимного осуждения.

**** *Л. Н.*: Герцена два раза прочел — мысли, биографию. Столыпину выпишу из Герцена, пошлю [2].

О Генри Джордже.

Л. Н.: Вероятно, некогда ему (Столыпину) об этом подумать.

Землеустроительные комиссии — ни слова об этом.

6 декабря. По просьбе Сергея Львовича Софья Андреевна пригласила молодых. Приехали Андрей Львович с Екатериной Васильевной. Софье Андреевне, любящей невестку Ольгу и внучат, было тяжело приглашать и принимать новую, и не хотелось ей притворяться ласковой, добрей, ког-

---

* Браки членов такой общины и рожденные от этих браков дети признаются законными, хотя бы супруги не были венчаны по православному обряду.— *Прим. Н. Н. Гусева.*

** Дальнейшее записываю с листков, с обрывистых записок, через 3 месяца (записываю 23 февраля 1908 г. в Ружомбероке по недостаточным, отрывочным заметкам).

*** Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

**** Записано поздно, 17 декабря 1911 г.

да в душе не такая. Л. Н. ей говорил, что раз — раньше или позже, а нужно пригласить ее,— что будет тяжело, но что надо быть доброй к ней, какое тут притворство? На возражение Софьи Андреевны, что не может ее любить, когда ей все расстройство первого брака Андрея Львовича тяжело и она ей неприятна, Л. Н. ответил, что любить только то, что приятно,— это не любовь, а эгоизм.

Такие разговоры велись последние две-три недели. Когда Сергей Львович с женой уезжали, он сказал мама, чтобы пригласила их, и что надо жить мирно. Софья Андреевна решилась и позвала их на день рождения Андрея Львовича — 6 декабря.

Л. Н. ходил гулять и сам делал гимнастику плеча. Его дожидались прохожие — пожилые рабочие. Дал им книжки и пошел с ними. За обедом говорил о них:

— Один говорил, как он указы царские сорвал и бросил, говорил — с сознанием правоты — про Думу, что она должна была бы делать; про землю, дороговизну сахара; такие подробности знает! Оборванный. Грамотный. Я дал ему «Христианское учение», он взглянул: «Это мне не нужно». Давал ему «Духоборов» [1],— тоже не взял. Теперь все всё знают (в политике), раздражены на других, которые мешают, виноваты в бедственном положении страны. Всё он знает. Пуришкевич обращает в свою партию, Милюков — в свою. Это сумасшествие! Если все люди заняты внешним, то им некогда быть занятым внутренним.

Потом Л. Н. говорил про Перевозникова, 20-летнего чертежника, железнодорожного служащего станции Тула, бывшего социалиста, потом друга Черткова, приходившего сегодня спрашивать о Гусеве.

— Мне совсем не все равно, я ужасно огорчен, что посадили Гусева. Надо не сажать, а распространять Гусевых. Его письма — назидательное чтение,— говорил Л. Н. про Гусева.

Софья Андреевна сегодня опять весь день простояла у портрета. Л. Н. говорил, что беглым взглядом не различишь: который — оригинал, которая —копия. Говорилось, что Софья Андреевна могла бы копию выставить.

Л. Н.: Я уверен, что все критики будут смотреть.

На возражение Юлии Ивановны, что сразу узнают неумелость, Л. Н. сказал:

— Я по своей части знаю, что критики не узнают. Тут есть одно только; у них есть модное уродство (т. е. выработанные модные уродливые приемы).

Говорилось про «сумасшествие» художников, живописцев, поэтов.

Л. Н., шутя, говорил, что в Петелине * нужно еще отделение, и рассказал подробно историю силача-сумасшедшего, единственного потомка одной яснополянской семьи (все другие братья, сестры померли). Раз он (Л. Н.) писал глубокой ночью в кузминском доме, а тут в открытую дверь явился этот сумасшедший. Л. Н. вскрикнул: «Кто ты?» — и он побежал. Он ходил свободно по деревне, его не посылали в Петелино. Еще не готово было. Раньше для таких Петелина не было, как теперь его нет для сумасшедших художников, поэтов...

Андрей Львович: Теперь призрение больных обходится тульскому губернскому земству в миллион восемьсот тысяч рублей.

Л. Н. рассказал, как упал с лошади. Выехал поздно из дому, долго засиделся с Галаниным; ехал шлаком на Кудеяров колодец и хотел проехать на Угрюмы, но смеркалось:

— Я поехал через Ясенку и поторопился рысцой бугром, там, где Матрену задавила телега. Я еду тут, и от моста всего шагов 150—200, вдруг, без всякого повода, бултых!.. Лошадь ткнулась носом, я полетел через

---

* *Петелино* — земская больница для душевнобольных в десяти верстах от Тулы.

голову, ударился плечом о замерзшую глину. Лошади эта дорога была незнакома, провалилась передней ногой и до колена в замерзшую яму *. Удар был настолько силен, ошалел; мне показалось, что не встану; повод у меня запутался. Тут я выпростал ногу из повода, встал и закричал мимо проехавшим на санях яснополянским мужикам.

Л. Н. сел к Адриану Фролкову, сыну севастопольского солдата, другой — Филька Макаркин, бывший лакей у Толстых — сел на лошадь Л. Н.

Л. Н. прочел вслух из воспоминаний Анатоля Франса смешное место, как он, молодым человеком, ответил даме, в которую он был влюблен: «Oui, monsieur» **, а ей это понравилось: показывало ей степень растерянности от влюбления [2].

Л. Н.: Анатоль Франс — единственный из теперешних французских писателей, которого я нахожу возможным читать.

*** *Л. Н.*: Суворин (издатель «Нового времени») был короткое время учителем в Ясной Поляне (или вблизи, в то время, когда Л. Н. устраивал школу) [3].

Л. Н. принес в залу и показывал американские настольные часы с белыми, ежеминутно сменяющимися табличками с надписями часов и минут, подарок Владимира Григорьевича.

— Они ужасно напоминают, как время уходит,— заметил Л. Н.

Л. Н. смотрел присланный ему на днях индийский журнал на английском языке: «The Vedic Magazine». Сказал о нем:

— Жалко, как они (индусы) поддаются английской цивилизации!

Разговор о русских картинах Христа.

Л. Н.: Лучший Христос — Крамского.

7 декабря ****. Андрей Львович с Екатериной Васильевной в Ясной. Екатерина Васильевна оказалась сердечной, очень хорошей женщиной. С Александрой Львовной подружилась. Л. Н. был разговорчив, ласков с ней и с Андреем Львовичем. Вечером читали вслух Введенского о непротивлении злу [1].

Л. Н. по какому-то поводу сказал:

— Любовь возрождает любовь. Только этого не ожидать, а любить и тогда, когда не отвечают любовью. Самое большое благо — не быть любимым, а любить всех. Человек тогда спокоен, радостен.

Л. Н. (*о Н. Н. Ге*): Он горел, художник страдал... Его «Петр и Алексей» [2] — драма. Петр — пьяный, кутила и европеец, презирает Алексея. Алексей окружен старообрядцами, чувствует свою нравственную высоту. Можно было уехать за границу; он его ловит и душит..... ***** ⟨Петра?⟩ тоже осуждать нельзя. Закружится голова.

Л. Н. по поводу присланных ему (если не ошибаюсь) стихов о Гаагской конференции мира сказал:

— Это чуждо мне, и в такой форме. Главное — точность выражения мыслей.

Кто-то говорил о замках, безопасных от воров, открывающихся внутренним способом, и об огнеупорных шкафах, что теперь делают их без щелей, чтобы некуда было направить долото и вложить динамит.

Л. Н.: Это — как порты, подводные лодки, крепости: придумают новые орудия для борьбы с ними.

---

* Несколько дней была оттепель; снег на две трети стаял, и вода стекала на дорогу в колеи. В тот день примерзло.

** Да, сударь (*франц.*).

*** Списываю после трех недель и не знаю, сюда ли следует вписать следующее.

**** Это число переписано мною с черновых записей, частью — через два месяца, а частью — через год.

***** Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

Л. Н. спрашивал меня о цыганах в Венгрии, особенно о их вере, и заметил, что они без религии (без религиозного сознания).

Сегодня был у Л. Н. тридцатилетний небольшой, коренастый блондин с горящими глазами — вдохновленный учением Л. Н., парикмахер из Орловской губернии. Хочет пропагандировать Евангелие по деревням и оставить свое ремесло, найти должность при библиотеке, где бы имел доступ к учению. Л. Н. сказал ему на это:

— Держитесь своего дела и живите в настоящем.

Говорил с ним около полутора часов. Написал ему письмо к И. И. Горбунову и дал ему много книг. Сказал о нем:

— Ничего у него нет озлобленного, никаких социалистических взглядов.

Парикмахер напомнил мне и наружностью и горячими речами Вандер-Вера. Такой речистый, одушевленный [3].

На парикмахере замечаю то самое, что на себе: кто приезжает к Л. Н. спрашивать его совета, поступать ли по-христиански или по-мирскому, не всегда бывает к тому внутренне готов.

8 декабря. Очень холодный день. Вечером до 19° мороза. Уехали Андрей Львович с Екатериной Васильевной, пробыв двое суток. Андрей Львович увез с собой своего Бильбасова — «Историю Екатерины» [1], который был в кабинете Л. Н-ча. Из кабинета же Л. Н. я увез в Таптыково книгу Waliszewski — «Histoire de Catherine» [2]. Софья Андреевна говорила мне про жену Андрея Львовича: жалела ее в будущем, когда Андрей Львович к ней охладеет, что правдоподобно. Она увлеклась и оставила шестерых детей, мужа, положение, богатство. Софья Андреевна уже не бранила ее, а жалела. Очевидно, полюбила ее.

Л. Н. гулял далеко по шоссе. Вечером Л. Н. не выходил до 10.45. Вчера и третьего дня много просиживал в зале «ради молодых», теперь остался у себя в кабинете. Всегда так, когда уезжают гости, пробывшие несколько дней.

Л. Н. говорил с Александрой Львовной о письме Татьяны Львовны из Лозанны. Между прочим, пишет, что там провалился громадный дом, который строили; были человеческие жертвы; подрядчик утопился [3].

Л. Н.: На высокие дома будут (в будущем) смотреть, как мы на пирамиды.

Александра Львовна: Строят их в Москве, застраивая дворы, сады, ради наживы.

Я заметил, что удивляюсь, как городские правления Москвы и других русских городов позволяют застраивать дворы и строить несоразмерно высокие дома. В Берлине и в других германских и многих чешских городах можно застраивать только известную часть двора и есть ограничения и для строения вглубь (в землю) и в высоту. Дом не может быть выше, чем ширина улицы. А в Москве, в переулках в беспросветных квартирах против таких высоких домов-«небоскребов» — дети радуются: «Солнышко вышло!» — когда это только отблеск солнца, отражающийся от окон небоскребов. Да и в самых этих высоких домах есть темные комнаты. Строить их бессовестно и неразумно.

Л. Н.: Строят их потому, что есть желающие жить в центре города, где ни воздуха, ни земли нет.

9 декабря. 22° мороза. Первый раз в почте из Козловки не было писем для Л. Н.

Л. Н. вспоминал о Кузьмине. Чертков прислал его письмо и свой ответ [1].

Л. Н.: Очень хороший.

И Л. Н. получил от Кузьмина письмо.

Л. Н.: Он такого нередкого типа людей, у которых нет убеждения, а есть потребность рассуждать. Революция его не удовлетворила, кается,

а о христианстве, не схватив его, рассуждает (критикует то и се в нем). Основа этому — самоуверенность; думает, что он знает христианство, и не старается вникнуть в него.

Л. Н.: В «Новом времени» прочел о Финляндии. Там запрещена продажа спиртных напитков, а все-таки так же пьют, как везде [2]. Это доказывает то, что я давно говорю,— что внешние средства беспомощны, запрещения не помогают; что надо, как молокане, духоборцы, внутренно, из убеждения не пить.

Я пробовал возражать, что, кажется, если нет случая пить, должно быть меньше пьянства.

Л. Н.: За запрещенным рвутся и сразу больше выпивают.

Л. Н. гулял.

За обедом Л. Н. спросил, кто писал присланную из Чехии книжку: «Die Unterdrückung der Slowaken». Я ответил, что Калал, и сказал, кто он такой [3].

Л. Н.: Я получил индийские журналы: и буддийский, и браминский, и магометанский. Из них вижу, как индусы увлекаются европейской цивилизацией, а японцы уже совершенно переняли ее. Японский министр сказал, что 250 миллионов индусов с нетерпением ждут освобождения своего от англичан с помощью японцев. Это вызвало негодование у англичан. Теперь японцы выгораживают своего министра, утверждая, что это не так. Видно, как они хитры. Как это притворство противно,— добавил Л. Н. с брезгливостью.

Л. Н.: Я нынче читал газеты подробно — только Думу и суды (над портартурцами, Стесселем и проч.) не читаю. В Америке будут выборы президента в 1909 году, но уже теперь готовятся к ним. Кандидат Брайан.

И. В. Сидорков спросил:

— Тот ли, что был у нас?

Л. Н.: Да.— И на замечание Юлии Ивановны, что он очень добр и мил и гораздо приятнее лицом, чем на портретах, Л. Н. сказал: — Улыбка у него хороша. Он мил и очень умен [4].

Кто-то спросил что-то про Рузвельта. Л. Н. ответил, что он, должно быть, хороший человек. Потом Л. Н. говорил о том, что пишет Столыпин в «Новом времени»:

— Дребедень, такое зубоскальство! Взрослому человеку стыдно писать такое детское. Изо дня в день писать!

Вечером приехал М. В. Булыгин. Разговор о его семье. Михаил Васильевич расспрашивал Л. Н. о портрете Репина — Л. Н. с Софьей Андреевной. Говорил о размахе порнографии в России и о наполнении газет мерзкими объявлениями; о чем стали писать в журналах статьи и, страшно сказать, «Русское богатство» (Петрищев) [5], «Современный мир» (Краних-фельд) [6] роются в ней с любопытством и не осуждают ее (порнографию).

Л. Н. прочел из «Современного мира» длинное перечисление пороков (латинские термины), на какие темы пишут современные беллетристы, и констатирование факта, что как в прошлые века, вопросы религии пленяли человечество, так теперь вопрос половой как совсем новый вопрос, не существовавший для старых писателей. Потом автор приплел сюда слова казака Ерошки (о девках) и свое решение: «*И он прав*».

Л. Н. удивлялся предположению, будто половой вопрос для Паскаля и других не существовал, и тому удивлялся, что автор статьи принимает решение Ерошки. Михаил Васильевич заметил, что теперь все сведено к физиологическому.

Затем Л. Н. прочел в какой-то другой статье мнение о Достоевском, с которым не согласился, и сказал:

— У Достоевского всегда самое начало романа хорошо, а дальше — чепуха невообразимая.

Л. Н. прочел из «Современного мира», из статьи «Диалектический материализм и философия Иосифа Дицгена», изложение философии Маркса и Энгельса [7] и сказал, что все это о мире, что будет с миром.

— А мне до этого дела нет,— сказал Л. Н.— А о нравственном, о смысле жизни — тут ничего. Эмерсону говорили о предстоящей кончине мира — он на это ответил: «I think I can get along without it» *.

Л. Н. на следующее утро искал эту книжку «Современного мира»:

— Мне нужно выписать эти положения — определения (марксизма); хочу писать о том, чтобы помочь этой несчастной молодежи.

Потом Л. Н. рассказал Булыгину тригонометрическую задачу, которую не мог решить: «Колодец, от колодца на 800 верст столб, тень его, солнце; из этих данных вычислить меридиан земли». Михаил Васильевич решил.

10 декабря. Утром уехал Булыгин. Дома Софья Андреевна, Александра Львовна, Юлия Ивановна. Я ездил в сумерках в Коледино; возвращаясь, сбивался с пути. Лошадь стара, слепа. За обедом Л. Н. говорил, что в «Новое время» попало изречение Андрея Львовича, а Александр Столыпин цитирует из его письма к нему.

Л. Н.: В доме «обстреливают». Это неправда! Нужно каждый день писать, принимают (за правду) всякие слухи [1].

Об иллюстрированном «Новом времени» с карикатурой на Челышева, Л. Н. с недоумением:

— Челышев говорил в Думе об уничтожении продажи водки; его почему-то подымают на смех [2].

Я привез из Ясенок, а Адриан Павлович из Тулы почту. Л. Н. читал письма с 6.30 до 9.30. При некоторых были статьи (Хирьякова, П. Л. Успенского), при некоторых — стихи, дал мне ответить восемь писем. Между прочим, получил фотографии — произведения скульптора Франциш-ка Билека и его альбомы (пошлины в 5 р.).

За чаем Л. Н. сказал:

— Должен сказать, что письма вызывают во мне не приятное, а скорее неприятное чувство, или я зол. Теперь были письма: дама пишет: «Неужели вы и на это третье мое письмо не ответите мне и не пришлете мне...» Другой присылает стихи и просит 50 рублей... и так далее.

Потом рассказал, что А. М. Хирьяков присылает статью о том, что убийства производят люди психопатические, что это гипноз и что их не следует за это казнить. И просит Л. Н., чтобы об этом написал и он. Л. Н. сказал, что не будет писать, что только бы успеть кончить то, что пишет [3].

Потом говорил про статью П. Л. Успенского, в которой он приводит, не упоминая имен, историю убийства доктора доктором, чтобы занять его место. Он не знает подробностей, которые Л. Н. знает из писем третьего доктора и женщины. Л. Н. попросил Софью Андреевну передать эту статью через Сережу в «Голос Москвы». Успенский прислал ее в петербургские газеты, ее не приняли [4].

Потом говорил про письма Бирюкова:

— Как увидел его почерк, стало приятно. Они живут в Костроме, у Павлы Николаевны школа для малых детей [5].

Л. Н. и Юлия Ивановна стали смотреть фотографические снимки статуй Ф. Билека. Л. Н. был ими не только не тронут, но даже не равнодушен к ним, а скорее огорчен ими. Пересматривая фотографию за фотографией, смысла многих не постиг, и восклицал:

---

* «Я думаю, что могу обойтись и без него» (*англ.*).

— Это декадентское! Это бог знает что такое! Это отвратительно! Зачем Христос таков, а тут другой Христос и тоже ничего не выражает.

Потом о чем-то:

— Рисует хорошо. Чтобы это рисовать, дорого издавать, должно быть, есть сочувствующие.

И не досмотрел до конца. Текста совсем не читал:

— На это нужно время — все пересмотреть, перечитать.— Ушел к себе в кабинет и пробыл там четверть часа. Вернувшись, спросил: — Кто такой Билек? — и сказал: — Это слишком искусственно, простоты нет. Некоторые (рисунки) хорошие.

Потом я спросил Л. Н., что написать Билеку или моему другу Велеминскому, который присылает эти фотографии.

Л. Н.: Что же ему написать, чтобы не обидеть? — И, стоя на пороге в гостиной, Л. Н. сказал:

— Художественное изображение символического христианства мне несочувственно. Мне кажется, это время совершенно прошло. Христианскому искусству надо изображать жизнь христианскую, а не Христа. Благодарите за присылку. У него большой талант [6].

Около полуночи стала смотреть Билека Софья Андреевна. Несколько картин пересмотрев, оставила. Мнение Юлии Ивановны: «Рисует хорошо. Однообразно».

Потом Л. Н. говорил про полученную телеграмму от Черткова («Faut-il déposer somme pour affranchir Gusew. Combien?») *, что, если будет жив завтра, спросит Лопухина об этом (чтобы выпустили Гусева под залог) [7].

11 декабря. Пополудни мороз, 33,5°. Л. Н. при таком морозе ходил к лесничему — почти две версты — поговорить по телефону с Лопухиным,— просил повлиять на жандармского полковника, чтобы отпустили Гусева под залог. Когда Л. Н. говорил, что Гусев не революционер и что Столыпин знает про него и принимает участие в нем, Лопухин переспросил, правда ли это, и сказал, что он завтра едет в Петербург, будет у Столыпина и переговорит.

Л. Н. не возвращался, хотя сани послали навстречу, и, так как было холодно, Александра Львовна и я пошли встретить его. Около мостика повстречались. Л. Н. подвигался медленно, мелкими, частыми шажками, в длинном крытом полушубке, согбенный. Сказал нам, что туда — к лесничему, по шоссе был встречный ветер, что шел спиной; умеет так пройти по 200 шагов. Мы пошли с ним, но Л. Н. отстал от нас, пошел по аллее, показав, что желает гулять один.

Пополудни приехала Мария Александровна. Вечером Л. Н. вышел в залу после 10-ти и прочел вслух с большой любовью новое письмо Лебрена. На место о русских крестьянах, об идеализации их, с которой Лебрен несогласен, Л. Н. особенно обратил наше внимание [1].

Л. Н.: Он вообще о своем душевном состоянии пишет. Он чрезвычайно скромен и недоволен собою, и потому он идет все вперед. «Все, конечно, будет зависеть от Высшей Науки»,— слова Лебрена.

— Совершенно согласен с ним,— сказал Л. Н.

Потом Л. Н. о русском народе (как он теперь идет за политиканами):

— Когда я вижу, что народ идет по пути либералов, это погибель; лучше Троеручица, чем следование (за интеллигенцией).

И Л. Н. прочел полученное вчера письмо из Радома двух калужских крестьян, молодых солдат, Ивана Нестерова и N. N. [2]

Л. Н. (*Марии Александровне*): Чувствуете не крестьянский, а революционерный тон (этого письма)? Это скользкий путь — осуждение прави-

---

* «Нужно ли внести денежную сумму для освобождения Гусева? Сколько?» (*франц.*).

тельства. В моих писаниях много осуждения правительства. В письмах Иконникова нет жалоб о воле, земле, нет злобы. В сущности, удивляться нечего тому, как поступает Иконников, это следовало бы поступать всем нам так.

Л. Н. говорил Марии Александровне:

— Иконников писал в последнем письме, что ему хотели два года, проведенные в тюрьме, зачислить в службу и отпустить, и требовали только присяги. Повели его в церковь, он отказался. Иконников писал, что отказаться совсем не тяжело [3].

К письму Лебрена, где пишет о труде (в труде быстро проходит время и как хорошо работать), Л. Н. сказал:

— Как мы далеко от того, чтобы работать на себя! Что мы (наша яснополянская семья) в день используем, это 50 рабочих дней.

Разговор о «черных избах». Александра Львовна не знала, что они такое. Л. Н. ей объяснил и сказал, что они были теплее и в самом деле должны были иметь свою выгоду. Трубы не было; топили, а дым уходил открытыми дверями, пока не перегорало, потом двери закрывали. Это выкуривало всякие болезни. 50 лет тому назад белая изба была редкость.

Л. Н. еще упомянул про записки политического арестанта в ноябрьской книге «Русского богатства». Как тюремная администрация была хороша к ним, была на их стороне, в описании никакого озлобления против нее [4].

Софья Андреевна уезжает в Москву. Л. Н. просил ее свезти четыре тома Записок Болотова, передать Сереже в библиотеку Художественного клуба.

Л. Н. (*о них*): Это хорошие картины прошлого века. Подробное описание.

Л. Н. о том, что не любит говорить по телефону, потому что страшно совестно беспокоить чужого человека (т. е. телефонных барышень). Но Л. Н. большой охотник поговорить с сыновьями: Андреем, Сергеем, Михаилом Львовичами.

12 декабря. Минус 25°. Л. Н. гулял по Заказу и саду. Занят детским «Кругом чтения». Вечером читал Марии Александровне, Надежде Павловне, Александре Львовне, Юлии Ивановне немного вслух Уолта Уитмена из его «The Leaves of Grass», переводя по-русски.

— Волт Витман — американский поэт, очень интересный; он философский поэт. Он был разбит параличом и, несмотря на это, жизнерадостен. Он очень малоизвестен в России, а значительнее всех,— сказал Л. Н.

Мария Александровна читала с восхищением вслух из книги Бирюкова «Духоборцы» — их письмо к канадскому правительству. После места о браке и разводе (гражданский брак и развод отвергают, свой развод оправдывают) Л. Н. заметил:

— Они хитрят, если основываются на Евангелии. У них задор: «Что полиция не может, мне можно».

Александра Львовна сказала Л. Н., что получила письмо от Софьи Александровны, очень восторженное, полное любви к Л. Н.; спрашивает о его здоровье [1].

Л. Н.: Она любит мою вывеску, рекламу, *а не меня*; она любит меня не в ту сторону, куда следует (т. е. «Война и мир» и другое художественное должны только обратить внимание на другое, что пишет Л. Н.)

Вчера Софья Андреевна рассказывала, что в прежние времена высылала сочинения Л. Н. на подписку-рассрочку, вперед уплачивали 1 р. и получали сразу все собрание сочинений, и заплатили все подписчики, кроме двух, в том числе из одного полка, переехавшего куда-то. Какие были нравы! Теперь выписывающая книги публика не так честна.

Л. Н. теряет память, особенно людей плохо стал вспоминать.

13 декабря. Утром Л. Н. спросил меня, до какого места доведены его воспоминания в бирюковской биографии. Хочет продолжать их писать [1] — как фонограф получится. Фонограф уже едет. Экспедиторская контора послала счет за страхование на 24 р., хотя американцы (Эдисон) взяли все расходы на себя. Л. Н. сказал Бонселу, предложившему ему фонограф, что примет его, если не будет стоить ни копейки. Поэтому и расходы на пересылку взял на себя Эдисон или, может быть, Брисбен, который хотел на свой счет купить и послать этот фонограф. Но Эдисон не хотел взять за него денег, услышав, что предназначен для Толстого.

Л. Н. утром говорил Марии Александровне, что слышал от Ильи Васильевича, что стражникам, живущим в доме, по душе «Христианское учение», «Краткое изложение Евангелия», и признают, что не следует быть солдатом, «только одному перестать быть трудно, если бы все».

— Как непонятно, неприступно народу «Христианское учение» и «Краткое изложение Евангелия»,— сказал Л. Н.— Это надо переделать.— И просил достать ему книжки, в которых он пишет о военной службе: «Царство божие», «Приближение конца», «Памятки», «Письмо к фельдфебелю».— Это бомба; ее только приложить.

В 2 часа уехала Мария Александровна. Свезла ее Александра Львовна.

Вчера за обедом Л. Н. говорил, что надо стараться встать от обеда, чтобы еще хотелось есть. Сегодня Александра Львовна говорила, что нигде, где она бывает, не подают четыре блюда, как у нас, что она желала бы заказывать три. Можно ли с завтрашнего дня? Л. Н. ее поощрял.

Л. Н.: Когда остается еда на тарелке, вспоминаю: чеченцы взяли в плен русского. У них первое — выкуп и хотели узнать: князь ли пленный или нет, а он говорил, что он простой. Они не кормили его два дня и потом дали яблоко. Он одну половину съел, а другую оставил. Тогда они решили, что он князь.

После обеда Л. Н. сказал:

— Четыре письма получил, просительные. Одно от монастыря, что он бедный (на хорошей бумаге написано). Помните Элеонору Романовну Стамо?

Юлия Ивановна: Черную даму из Бессарабии?

Л. Н.: Ненавистница евреев. Прислала было книги Чамберлена и «Наше место в вечности».

Л. Н. просил найти эту книгу. Надо ей отвечать [2]. Спрашивает об евреях. Л. Н. ушел к себе и не выходил.

В 10 часов позвал меня в кабинет, читал Чамберлена «Die Grundlagen des 19-ten Jahrhunderts». Многие страницы заложены бумажками.

— Это превосходная книга,— сказал Л. Н.

14 декабря. Минус 32°. Пополудни приехал, а в 9 вечера уехал И. И. Раевский из Бегичевки. Под 40 лет, огромного роста, приятный; сын друга Л. Н-ча.

Л. Н. спросил его, между прочим, участвовал ли он с братом Петей в политическом движении и к какой партии примкнул. Тот ответил, что совсем не участвовал, потому что не знает, что̀ нужно для России.

Л. Н.: Очень умно. Я тоже не знаю, что̀ нужно для русского народа. Таких людей мало. Все заняты устраиванием блага русского народа. Засадить 25 десятин деревьями, заниматься садом (намек на то, что̀ говорил Иван Иванович) — это понимаю; но что нужно для блага России?

Потом говорил, что если люди — человека два рядом — принадлежат к разным партиям и их программы противоположны, должно им быть очевидным, что истина где-то мимо.

Иван Иванович сказал, что он бы сочувствовал больше мирному обновлению. Потом сказал, что странно менять программы, как Бобринский, который, бывши чуть ли не кадетом, теперь в «Союзе русского народа».

Л. Н.: Эти (члены «Союза русского народа») особенно неприятны. Еще если бы был царь, как Николай Павлович, который импонировал бы, или Александр Николаевич — «Освободитель»; но теперешний так жалок — и ударять себя в грудь и петь «Боже царя храни...»

Л. Н. спросил про занятия. Иван Иванович ответил, что перестал быть председателем уездной земской управы теперь, когда видит, что можно будет хозяйничать, а то было время, когда казалось, что это не будет возможно. Часть земли продал — очень дешево, по 165 р.; но крестьянам, с их способом хозяйничанья, больше платить нельзя. Оставил себе 200 десятин. Картошка дала ему с десятины 170 р. чистого дохода. Л. Н. спросил, кому продал.

Иван Иванович: Товариществу. Общине нельзя.

Л. Н.: Деятельность Столыпина для разрушения общины ошибочна. Община — учреждение, которое передовые люди должны уважать.— Л. Н. вкратце пересказал отзыв Герцена об общине. Л. Н. спросил о Генри Джордже. Иван Иванович сказал, что знает.

Иван Иванович рассказал про санатории для нервных в Прибалтийском крае, откуда он возвращается.

Л. Н. спросил, курит ли.

Иван Иванович: Да.

Л. Н. спросил, зачем он тогда был в санатории и там курил:

— Курение — очень значительная привычка. Пишу об этом для «Круга чтения» [1]. Знаете «Круг чтения»?

Иван Иванович замялся:

— Не знаю.

Л. Н.: Должен быть мотив очень сильный, который заставляет людей заглушать (курением) в себе то, что руководит человеком.

С 8 до 9 сидели Л. Н. с И. И. Раевским в зале. В 9 Иван Иванович уехал. В доме было очень холодно, около 9—10°. Все от этого были малообщительны. Уходили из залы к себе греться, и И. И. Раевский мог быть недоволен недостаточным вниманием.

Я сегодня сказал Александре Львовне о Буланже — Л. Н. получил известие от него, что жив и где работает. Л. Н. передал мне это как тайну. Была очень рада.

Л. Н. вышел к чаю после 11. Все продолжает читать Чамберлена и очень доволен его книгой «Die Grundlagen des 19-ten Jahrhunderts».

15 декабря. Потеплело, минус 12°. Я ездил в Ясенки на консилиум, оттуда хотел в Угрюмы и плутал с пьяным Ванькой. Весь день потерял.

Вечером Л. Н. давал мне указания, что кому писать; около восьми писем; сам же Л. Н. написал в этот вечер тринадцать [1]. Не выходил. Между прочим, посылали рукопись Лебрена о Герцене печатать Ивану Ивановичу.

Л. Н. о Гусеве, о намерении Чертковых взять его на поруки под залог:

— Это один из тех арестов, которые могут быть заменены.

Было хорошее письмо Суткового, между прочим, просит послать копию с давнишнего письма Л. Н. к А. Добролюбову — братьям Мироновым: они хотят знать о разногласии между Л. Н. и «братом Александром», и он будто бы скрывает это письмо [2].

По этому поводу Л. Н. высказался, что это из более глупых, которые верят в авторитет, что сказали Добролюбов и Толстой. Что же им могут сказать Толстой и Добролюбов? Это все в Евангелии. Искать в себе.

Александра Львовна жалела Алексея — дворника, заболевшего чирьями и зубом, что ему много работы: печи топить, самовары ставить и т. д.

Л. Н.: Когда на него гляжу, мне стыдно, и каюсь.

16 декабря. Пополудни приехали два офицера. Один — татарин из Закавказья, очень стройный и высокого роста, державший себя с достоинством, другой — тульский. Когда представились *, Л. Н. спросил кавказца:

— Вы не знаете моего друга Дитерихса?

Тот ответил, что нет.

— Что же, чем могу вам служить? — спросил Л. Н.,— что вас интересует?..

Они сказали, что приехали спросить Л. Н. от имени многих землевладельцев, как им быть с землей. У отца татарина 2 000 десятин урожайной земли. Их несколько братьев — что же, продать землю своим крестьянам или прикупать новой?

Л. Н.: Это уж каждому лично надо решать. Я вообще считаю, что земля должна быть общая, как вода, воздух. Об этом есть прекрасные сочинения Генри Джорджа.— И Л. Н. объяснил его решение и дал им «Общественные задачи» и другие книги Генри Джорджа и «Великий грех».

Татарин внимательно слушал и с доброй улыбкой спросил:

— Как лучше поступить: упустить эту землю, оставив себе клочок, или прикупить?

Л. Н.: Я думаю, что земля долго у больших помещиков не удержится. Лучше ее продать. Я в практических делах несведущ, но знаю, что мои друзья продали землю, оставив себе лучшую часть, и на этой ведут интенсивное хозяйство.

Потом спросил:

— Кто живет кругом вас?

— Армяне, грузины, магометане. Теперь армяне купили много земли.— Татарин рассказал о положении помещиков у них.

Л. Н.: В мою молодость были недовольны крепостники. Зачем это так? Надо найти основные принципы, раньше было крепостное право, теперь — землевладение.

На возражение татарина, что так землевладельцы сразу обеднеют, Л. Н. ответил:

— Не будет этих собак, балетов, как у римлян всяких цирков... Свойственно человеку жить согласно с разумом: делать то, что следует делать.

Л. Н. (*к татарину*): Вот вы магометанин; что, у вас сектанты есть? Про бабистов знаете?

— Есть из шиитов бабисты.

Конца беседы недослышал, отозвали меня.

Л. Н. (*о них*): Бесполезные (посетители).

Пополудни были трое рабочих из Тулы, просили денег и книг. Л. Н. велел им дать тоже Генри Джорджа, а Юлии Ивановне сказал, чтобы ко всем посылкам книг прикладывать «Общественные задачи» или что другое Генри Джорджа.

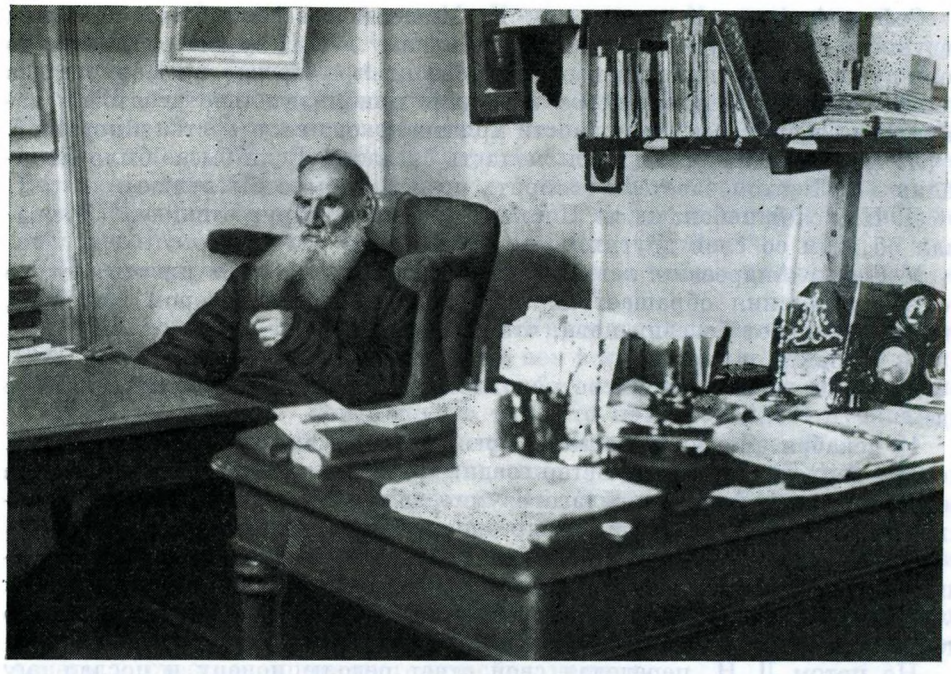
Л. Н.: Странный случай! Софья Андреевна пишет, что ехала до Тулы с жандармским поручиком, у которого дело Гусева, и сказал, что выпустят его через дня три. Продержали его (дольше) потому, что жандармский офицер, у которого было это дело, заболел [1].

Я подал Л. Н-чу письмо ко мне Александра Никитина, чувашина, бывшего в сентябре. Л. Н. не вспомнил его. Удивлялся, что хотят переводить его сочинения на чувашский язык [2].

Когда Л. Н. учился в Казани, «ты, чувашин» было ругательное слово непонятливому человеку. Чувашские деревни вдоль Волги были ужасно

---

* «Когда представились ∞ Есть из шиитов бабисты» — записано 17 декабря 1911 г. на отдельных листах.— *Ред.*



ТОЛСТОЙ В СВОЕМ КАБИНЕТЕ
Ясная Поляна, 3—7 декабря 1907 г.
Фотография С. А. Толстой

бедны; под почтовые станции выбирали лучшие избы в деревне, но и это были ужасно плохие хаты. Я рассказал Л. Н-чу, что Александр Никитин мне говорил: в их селе перекрестили и перевенчали язычников лет десять тому назад. И, когда я его спросил, какую веру желал бы он своим сородичам — православную или магометанскую (соседей-башкир), сначала ответил, что христианскую, как он ее узнал (из сочинений Л. Н.), потом подумал, ответил, что магометанскую, т. к. магометане-башкиры *верят* и исполняют требования своей веры. Они трезвы, честны, помогают друг другу, а православные не держатся своей веры.

Л. Н.: Разумеется (что магометанскую).

Л. Н-чу этот ответ Никитина не показался странным, а правильным.

Л. Н. сегодня поехал верхом на Делире первый раз с тех пор, как упал с Мальчиком.

— Премилая лошадь, дает покойно садиться,— сказал Л. Н.

Л. Н. написал много писем, «очистил», как выражается [3]. В дневник много писал. Не выходил до половины 12-го ночи. Нас было трое: Л. Н., Юлия Ивановна и я.

17 декабря. Утром приехала Софья Андреевна из Москвы. Л. Н. ездил верхом. Я ездил в Дубровку к Кологривову и в Потемкино. Из Потемкина в Коледино, около 6 часов вечера. Плутали. Заметало дорогу, вешек местами не было. Лошадь все сворачивала к двору в Дубровку, откуда была. Потерявши дорогу, пришлось вполне довериться лошади и, когда она вывезла нас на след, куда она направлялась, сделав большой крюк, выехали к станции Щекино и по шоссе до Двориков. В Двориках попросил кузнеца, чтобы он довез до Ясной на своей лошади. Приехал в полночь. Жутко плутать в метели!

Софья Андреевна, приехавши из Москвы, говорила, что повесили девушку, бросившую бомбу в Гершельмана [1]. Л. Н-чу было тяжело до боли души это противное известие: «Повесить!»— Прочел из Паркера, из книги, изданной Чертковым, со страницы приблизительно десятой с начала, где говорит о невозможности христианского государства и церкви [2].

Л. Н. (*о Паркере*): Он имел смелость сказать: «Если бы не было Евангелия — о Ветхом завете и говорить нечего,— было бы лучше».

Л. Н. хочет побольше из Паркера ввести в «Круг чтения». (Я слышал об этом со слов других.)

У Софьи Андреевны левый глаз слезится. Не может писать, оттого больше внимания обращает на боль в левой ноге. Вечером говорила, что умрет она от болезни ноги, что это рак:

— Увидите, я умру.

Л. Н.: Отчего же не умереть? к этому ⟨надо⟩ готовиться, к этому все идем.

18 декабря. Я ездил утром в Угрюмы, пополудни — в Колпну. Л. Н. поехал верхом к Ясенкам. Ветер сзади. Но побоялся ехать назад против ветра, повернул во-время, благоразумно, т. к. у него с третьего дня бронхит. За обедом: Л. Н., Софья Андреевна, Юлия Ивановна и я.

Л. Н.: Получил от политического ссыльного из Архангельской губернии безграмотное письмо странного содержания: «Как же не противиться злу, например, если его хочет другой убить». Он ничего не читал, ничего не знает и пишет. Я ему написал резкий ответ [1].

Но потом Л. Н. переделал свой ответ революционеру и послал ему много книг и хотел, между прочим, и «Царство божие», но его пока в России напечатанного нет. «Посредник» набирает его около года.

Л. Н.: Я сегодня «Нового времени» не читал — скучно. Этот скалозубный тон (газет).

Л. Н. говорил, что иногда чтение газеты вызывает в нем соображения, нужные для того, что пишет.

Но вечером, в 10.30, Л. Н. прочел Софье Андреевне статью Льва Львовича «Разумная борьба с пьянством» [2]. Статья не вызвала ни у Л. Н., ни у Софьи Андреевны слова отзыва. Софья Андреевна сказала, что Лева ей обещал не писать больше против отца.

В «Новом времени» замечательное письмо из Саратова «Ассоциация труда» и «Письма к ближним» Меньшикова о горящей России, о вырезании семей разбойниками в Архангельской (заселенной пуританским раскольничеством, теперь и там убийства, грабежи, производимые ссыльными), в Донской местности и повсеместно. Л. Н. прочел вслух из этой меньшиковской статьи цитату, заимствованную из «Русского слова», в которой наврано про принудительное отчуждение земли в одном из имений сына «графа, великого писателя» [3].

19 декабря. Пополудни приехали Мария Александровна, Иван Иванович, Сережа Булыгин. Иван Иванович приехал с рукописью статьи Лебрена о Герцене, поговорить о ее издании и о дешевом издании «Круга чтения» старого, и о новом «Круге чтения». Привез только что появившуюся в издании «Посредника» книгу Лабрюйера и некоторые вновь изданные им книжечки Л. Н.: «Религия и нравственность» [1] и др. Говорил, что конфискован «Календарь Зонова на 1908 год» [2]. Мария Александровна недоумевала, почему.

Л. Н. (*серьезно*): Это самая зловредная книга (с правительственной точки зрения).

Л. Н. просил Ивана Ивановича прислать книги, которых больше нет у него, для раздачи, между прочим,—«Что такое религия?» Эту книгу Л. Н. любит. Иван Иванович говорил, что «Верьте себе» три месяца как напечатано, а не пущено в продажу из-за того, что ждет, пока Чертков

напечатает. Чертков медлителен. «Круг чтения» Иван Иванович хочет напечатать за один рубль, только желал бы без недельных чтений. Спросил, как будет называться новый «Круг чтения»?

Л. Н. ответил, что еще не придумал: «Закон божий»? «Набоженство»? (Это слово Л. Н. услышал сегодня, и понравилось ему.) Л. Н. говорил о том, что в новом «Круге чтения» будут особые отделы — «Религия» и «Вера». Религия — самобытное, religare * — соединяет с богом. Вера — суеверие. Мы этого совершенно не различаем; большая ошибка. Чамберлен последовательно пишет (различает) Religion, Glaube **.

Я заметил, что у нас, словаков, религия — набоженство, вера — вера ***.

Л. Н. говорил, что объявлений о «Круге чтения» мало. Иван Иванович сказал, что газеты не отзывались о нем в критическом отделе. У пишущих эти отзывы нет ни духовного интереса, ни достаточного образования.

Л. Н.: А главное, они пишут о том, что нравится массе публики.

Л. Н. разговорился о книге Чамберлена, потом о евреях:

— Евреи — с отсутствием религиозного чувства. И Ветхий завет и философия Спинозы — без религии. Из Спинозы в «Круг чтения» мог поместить только одно изречение, и то неважное.

Л. Н. читал вслух Паркера Ивану Ивановичу. Иван Иванович решил воспользоваться им, отпечатать в «Посреднике».

Разговор о статье Льва Львовича в «Новом времени», советует правительству ввести готенборгскую систему, т. е. там же, в винной лавке, продавать и съестное и неалкоголические напитки.

Л. Н. (*на это*): Хорошо было бы! Когда есть нравственное, религиозное, все это отпадает (т. е. изобретения внешних средств, и само пьянство отпадает).

Л. Н.: Скромность — только подобие смирения, внешнее.

Л. Н. говорил о трех безработных, бывших у него, один из них «политически сознательный». Л. Н. ему говорил: «Все зло жизни от нехристианской жизни у вас, у меня». — Тот ответил: «Христиан нет». Л. Н. сказал: «Будем мы с вами». Он: «Только с оружием в руках можно добиться свободы».

Л. Н. говорил, что ему на днях выяснилось, что грехи есть троякие: 1) грехи (объедание и по⟨хоть⟩); 2) соблазны; 3) суеверия, оправдания грехов, наука, государство. От первых легко освободиться; от вторых — труднее, а от третьих — совсем трудно [3].

Иван Иванович говорил, что теперь в ходу книги о половом вопросе. Считается возможным писать все, что думаешь, и пишут Арцыбашевы и компания. Только дело в том: надо ли говорить все, что думаешь?

20 декабря. Хотя живу в России два года, все еще не обзавелся русской теплой одеждой; только сегодня съездил в Тулу купить полушубок.

За обедом Л. Н., Софья Андреевна, Александра Львовна, Юлия Ивановна, Иван Иванович, Варвара Михайловна. Она (В. М.) художественно рассказала про драму Андреева «Жизнь человека», которая идет в Художественном театре [1]. Была на ее представлении. Происходят на сцене раздражающие сцены — например, ребенок родится — но смысла никакого в драме нет. И Варвара Михайловна и Александра Львовна переживали противное, тяжелое чувство, рассказывая содержание. Только одно негодование вызывает. Декорации и игра — великолепны. Л. Н. дал подробно рассказать весь ход драмы и сказал им, что надо было встать и сказать: «Ну вас к свиньям!» — и уйти с представления. Можно было заметить, что Л. Н-чу и любопытно было узнать, что хотел выразить ав-

---

* связывать (*лат.*).
** религия, вера (*нем.*).
*** nàboženstvo, viera (*словацк.*).

тор, и огорчило его, что драма вышла такая пустая. Все переспрашивая, говорил по этому поводу много. Я не мог уследить, осталось в памяти только:

— Искусство есть до некоторой степени настоящее... и потом начинается воздействие на нервы. Раньше с малыми внешними эффектами, когда месяц изображали фонарем и тому подобное, надо было дать внутреннее содержание, теперь же, когда техника достигла такого совершенства, внутреннее содержание заброшено. Я на том пределе, где искусство хочет изуродоваться, останавливаюсь,— говорил Л. Н.— У Бетховена уже начинается: большой оркестр, хор...— Искусство состоит в том, чтобы всю работу души выразить. Общение души с душой, заставить перечувствовать то, что художник чувствует,— вот это дорого, а не шум.

Л. Н. получил французское письмо Сенкевича о притеснении поляков пруссаками, о новейшем законопроекте насильственного экспроприирования земель поляков и передаче их немецким колонистам.

— Надо будет ему ответить по-французски.

Я: Отвечайте ему по-русски, он русский поляк, понимает.

Л. Н.: Да. Его рукой написан русский адрес на письме. Послушаюсь вашего совета. По-русски серьезнее, спокойнее. (И Л. Н. ответил по-русски очень сильным письмом.)[2]

— Их (поляков) положение лучшее, чем у нас, обижающих их, русских. Мне сколько раз совестно было перед поляками за Николая Павловича. Немцам не стыдно.

21 декабря. Приехал Н. Н. Гусев из тюрьмы из Крапивны. Последние шестнадцать дней не имел «Круга чтения», который был у него отобран начальством тюрьмы для представления прокурору на просмотр. По его словам, он там барином жил, палец о палец не ударил. Пища лучше крестьянской, тепло. Тюремщики — люди хорошие. Все тяготятся службой при тюрьме: «Если бы не нужда, разве бы я здесь служил?» Он сидел один в камере на шесть шагов. Но в такой же сидело двенадцать человек. А в немного большей — двадцать. Эти не все ночью помещались лежа (на нарах и под ними), двое-трое всегда просиживали ночь.

Разговор о том, можно ли привыкнуть к пребыванию под арестом.

Л. Н.: Если бы человек убедился, что это его настоящая жизнь, он привык бы, а есть понятие, что это нарушение жизни.

Л. Н.: Я сегодня в первый раз читал суд над Стесселем [1].

Л. Н. ужасался тех ужасов, которые происходили при штурмах.

Л. Н.: Мне это нравится, что японцы, эти «обезьяны» — самая могущественная держава. Если на эту точку стать, то с «обезьянами» никак нельзя сражаться. Они пойдут далее в военном искусстве, будут с воздушных шаров воевать. Мы стали на эту низкую точку.

Софья Андреевна рассказала, что повесили девушку, бросившую бомбу в московского губернатора Гершельмана.

Л. Н.: Собаку обидеть совестно — не ⟨то что⟩ вешать. Это значит убить в себе лучшие чувства. А это от Столыпина до городового и делают.

Из иллюстрированного «Нового времени» (последние три номера) Л. Н. и Гусев читали вслух воспоминания Араповой, дочери жены Пушкина от второго брака («падчерицы Пушкина», как выразился Л. Н.): «Наталия Николаевна Пушкина-Ланская»[2]. Когда дочитали («падчерица» доказывает неверность Пушкина ее матери), Л. Н. сказал:

— Какие были нравы! Это ужасно, какие были времена. Мы жалуемся на наши времена, теперь такое немыслимо. В Казани Кирилл Дмитриевич (сын Воронцова?) рассказывал о Пушкине (о котором у нас было представление, что он был блестящий кавалер), что он был неприятный, робкий в (высшем) обществе; очевидно, ему «свет» импонировал. Он развертывался в кругу своих.

Говорилось про письмо сестры (Т. Н. Ветвиновой) о шестнадцатилетнем брате, попавшем в тюрьму [3], про каких-то революционеров, покончивших самоубийством.

Л. Н.: Это доказательство ихней душевной болезни, что сами себя убивают.

Л. Н.: В детском «Круге чтения» поместил (и отвел этому много места) о любви к животным. Детям так свойственно: любовь к животным — и закрыть глаза и мучить животных. Так важно направить их к любви.

22 декабря. Л. Н. ночью почти ничего не спал. Утром приехало трио: Сибор (прима), М. Е. Букиник (виолончель), Гольденвейзер (фортепиано).

Л. Н. написал письмо Сенкевичу и дал Гусеву «поправить». Ему же дал детский «Круг чтения» — уничтожить повторения и равномерно распределить по дням материал.

Метель.

Л. Н. поехал верхом на шоссе. В четыре часа вернулся, сказал музыкантам любезность: какое удовольствие предстоит ему. С Сибором — о его занятиях. Сибор сказал, что, между прочим, играет соло в балете. Л. Н. выразил удивление, что балет еще существует. Его реабилитировали два танцора, которые совершенно разделяют взгляды Л. Н. и притом остались в балете [1]. Л. Н. сказал:

— Самое лучшее (что могли сделать). Лучше деятельность обратить на внутреннюю работу, чем на изменение внешних условий, так как, кроме путаницы, ничего не выходит. Странно, что балет так долго держится, что его не уничтожают. Имел смысл в языческом мире; унизителен: женщины пляшут полураздетые.

Вечером концерт. Играли трио Моцарта, Гайдна, Бетховена, Аренского. Моцарт (особенно adagio) понравился Л. Н-чу, Гайдн тем больше и особенно финал, в котором звучат венгерские мелодии.

— Я особенно люблю Гайдна,— сказал Л. Н.— Скромность, самоотречение артистическое, когда автора не видно. Гайдн таков.

Л. Н. (*ко мне*): Гайдн будто бы происхождения хорватского, жил среди них и брал их мотивы (это сказал тут же Л. Н-чу Гольденвейзер).

Решено финал повторить. После Бетховена Л. Н. сказал:

— Я спокоен, любовался игрой.

Когда же Бетховена стали хвалить, восторгаться и про него говорить, Л. Н. сказал хвалящим Александре Львовне и Гусеву:

— Я думаю, что притворяетесь.

Про Бетховена сказал:

— У Моцарта еще нет, а Бетховен он (начал) соединять внутреннее содержание с внешними эффектами.

Л. Н.: Шекспир, Данте, Гете, Рафаэль, Бетховен. Я так и умру с той мыслью, что ничего в них нет.

Аренский понравился больше всех.

Л. Н.: Прелестно, это как красиво: scherzo, trio.

Л. Н. опять о том, что нельзя хвалить все, что есть у Бетховена (кажется, ему нравятся его произведения до известной эпохи — до девятой симфонии? — разумеется, и эти не все).

На замечание Сибора, что Чайковский долго не будет пользоваться славой, Л. Н. сказал:

— У Чайковского есть восхитительные вещи. У Бетховена есть дурные вещи, а публика непременно все, что от Бетховена, будет превозносить, предвзято хвалить. Мой портрет с Софьей Андреевной Репина до комизма нелепый, но это Репин, и все будут восхищаться им.

Софья Андреевна сказала в оправдание, как Репин, во время работы над портретом, выходил от Л. Н. и с отчаянием говорил ей, что Л. Н. ни разу, ни полчаса ему не позировал.

Л. Н.: Он меня ни разу не просил, я бы попозировал.

К какому-то разговору Л. Н. сказал:

— Вы говорите: «неморально». Я как раз под этим впечатлением, что творится в Познани — экспроприация польской земли, вытеснение поляков. Вот что делает Бюлов — это неморально.

За обедом М. В. Булыгин, который ищет сына Сережу, ушедшего дней пять тому назад из дому в эти холода, метели. Искал его у Марии Александровны и говорил, что там, как в скиту, záveje * и множество собак, кошек. Думает, что можно убивать животных, когда только что родились, сознания у них нет.

Л. Н.: Это тяжело.

К музыкантам были внимательны, милы, благодарны, кто больше: Л. Н., Софья Андреевна, Александра Львовна,— трудно сказать. (Александра Львовна даже ездила встречать их.) Подарили им книг, портреты с его подписью. Сибор — простой, наивный, сердечный. Читает каждый день «Круг чтения».

Софья Андреевна говорила про музыку, как она ее успокаивает, смиряет.

Л. Н.: Как ни стар, а все не знаю определить, что такое музыка. Но она хороша (вызывает хорошее чувство), потому что соединяет в одно людей.

Л. Н. к разговору о певицах:

— Как редки хорошие женские голоса! (Оленина не нравится.)

В 10 часов за чаем у длинного стола спокойная беседа. Л. Н. во время концерта волновался, но не слишком устал, также и в разговоре: никто его не интервьюировал, с ним не спорил. Гольденвейзеры — привычные люди. Михаил Васильевич, Гусев к Л. Н. не обращались. Сибор тоже тихий, а виолончелист молчаливый. Л. Н. говорил больше с m-me Сибор и m-me Гольденвейзер.

Л. Н. о лебреновской статье о Герцене:

— Как его (Герцена) мало знают и как его, особенно теперь, полезно знать! Вот и трудно воздержаться от негодования против правительства — не за то, что собирает подати... а за то, что оно изъяло Герцена из обихода России, сделало невозможным ** влияние, которое он мог иметь, и остались влияния,— Л. Н. показал на Софью Андреевну,— вот что теперь рассказывала Софья Андреевна, о Тургеневе.

Софья Андреевна только что рассказала Гольденвейзеру, что Тургенев ей говорил, что ему, чтобы писать, надо быть охваченным любовью (влюбленностью), а когда этого нет,— не пишется.

Отдельная кучка: М. В. Булыгин, Гусев, Гольденвейзер говорили про реабилитацию Араповой ее матери и описания жизни Пушкина, что она не была неверной Пушкину и поэтому не была виновницей его смерти. Гольденвейзер сомневается в правоте Араповой — во-первых, она пристрастна: дочь; во-вторых, говорит со слов няньки. Он хорошо знает Пушкина и любит. Подошел Л. Н. и сказал:

— Она (Арапова) очень, кажется, правдива в том, что описывает Пушкина как изменившего жене. Я застал людей этого века. У них мысли не было — когда женились — быть верным жене.

На следующий день за обедом Гольденвейзер опять заговорил о Пушкине, что Арапова неправа. Л. Н. вспомнил из казанских знакомых род-

---

* сугробы (*словацк.*).

** В подлинике по-словацки «znemožnili». — *Ред.*

ВАНДА ЛАНДОВСКА
Париж, 1900-е годы

Фотография П. Бергера с дарственной надписью на французском языке: «Великому художнику Льву Толстому и милейшей графине Софье от сердечно преданной Ванды Ландовской. 1907».

«Вечером приехала Ванда Ландовска, концертистка на клавесине и фортепиано, с мужем... Привезли инструмент, клавесин... Пополудни с 2 до 4 Ванда [Ландовска] играла на клавесине. Л. Н. очень нравилось». — Записи от 23 и 24 декабря 1907 г.

ственника Воронцовых, которого отзывы о Пушкине поражали их: были им тяжелы, неприятны. Он говорил, что Пушкин — жалкий человек, его жена — красавица. Как только он в молодом кружке — пьяный кутеж. Л. Н. прибавил, (что он не осуждает его), ему восемьдесят лет, Пушкину было тридцать в те времена.

Уехал Сибор с женой и виолончелист. Остались ночевать Булыгин с сыном Ваней.

Л. Н. (*Анне Алексеевне*): Я, грешный человек, хотя сам не пью, а люблю пьяниц. Таких, которые не храбрятся этим. Если сравнить их нравственное состояние с состоянием людей воздержанных, трезвых, стремящихся к богатству или честолюбивых,— то огромное преимущество.

23 декабря. Утром уехали М. В. Булыгин с сыном. Пополудни приехала М. А. Маклакова.

Я в 3 часа пришел в столовую. Л. Н. говорил Гусеву и Гольденвейзеру про письмо Стамо, она отвечает ему на его мнение, что надо стараться любить евреев. Л. Н. это рассказывал оживленно с усмевом *. «Ведь вы мой учитель, вам восемьдесят лет, и вы стараетесь любить их (евреев); когда мне будет восемьдесят лет, и я буду стараться» [1].

Л. Н. пошел в свою комнату и принес книгу Chamberlain «Die Grundlagen des 19-ten Jahrhunderts» Гольденвейзеру, советуя ему его прочитать, и говорил ему, кто Чамберлен.

Л. Н. получил вчера письмо от Немравы, сегодня — от отказавшегося Варнавского из Херсонской тюрьмы [2]. Л. Н. дал нам его читать — Гусеву и мне. С ним сидит семь отказавшихся в батальоне. Эти все отказались не

---

* улыбкой (от словацк. úsmev).

по убеждению, а вследствие того, что не могли выносить тяжелый режим в дисциплинарном батальоне.

Л. Н.: Каково? Семь солдат отказались.

Гусев: Теперь царит возбуждение, очень легко отказываются.

Л. Н.: Вообще нарушился престиж власти.

Л. Н. о письме добролюбовцев (Г. Миронова и его брата, сапожников), просящих копию письма к Добролюбову «о разногласии Л. Н. с Добролюбовым».

Л. Н., во-первых, не помнит, чтобы он Добролюбову писал (Гусев вспомнил, что Л. Н. писал об этом в письме к Сутковому или Колесниченко.)

Л. Н.: Я никакого разногласия не чувствую. Я его (Добролюбова) люблю, глубоко уважаю. Молодые люди, которые этого письма хотят, им нужно, чтобы ими руководили. Это такие вопросы, которые самим надо решать. Не нужно авторитетов.

М. А. Маклакова рассказала про Левино житье; между прочим, что дети плохо говорят по-русски (между собой говорят по-шведски).

Л. Н.: Это нехорошо.

Вечером приехала Ванда Ландовска, концертистка на клавесине и фортепиано, с мужем; она польская еврейка, крещеная, он — поляк. Привезли инструмент клавесин.

24 декабря. Пополудни с 2 до 4 Ванда Ландовска играла на клавесине. Л. Н. очень нравилось:

— Переносит совсем в другой мир,— сказал он.— У меня был момент, я забылся, меня перенесло куда-то.

Ждали бедные вдовы, приехавшие на санях. Л. Н. сошел вниз и, встретившись с Гусевым, со мной и Гольденвейзером, сказал:

— Это музыка рабочего народа, серьезная, веселая. Эти Вагнеры, Бетховены на ней выросли.

— Как играет! У нее есть чувство меры, техника лучшая,— это сказал Гольденвейзер, который как раз сходил с лестницы.

За обедом Л. Н. говорил с Ландовским о притеснении поляков в Пруссии — по поводу писем, полученных от С. Скарзинского и Сенкевича и вызывающих Л. Н. заступиться за них; о бюловском законопроекте насильственного отчуждения земель поляков.

— C'est une chose affreuse, une chose incroyable, une grossièreté *,— сказал Л. Н.

После обеда шахматы с Гольденвейзером. (Л. Н. говорил, что музыканты хорошо играют в шахматы: Танеев, Сергей Львович, Гольденвейзер.)

С 8 до 10 Ванда Ландовска играла, главное, старофранцузские песни и танцы, кое-что из старого итальянского, одну старинную английскую песню, а потом народные песни польские (и коленды и пела их), армянские, еврейские, персидские, лезгинские; Баха, Моцарта, Шопена.

Л. Н. (*позже*): Скульптура, музыка, живопись, ораторство — не терпят посредственности [1].

Л. Н. спрашивал Ландовского про китайскую музыку.

— Китайская музыка интересует меня, она имеет громадное значение (у себя дома),— сказал Л. Н.

Ландовский ответил, что он знает индокитайскую, которая возвышенна, понятна. Китайская — шумливая, японская — еще хуже.

Л. Н.: Я думаю, что по музыке можно судить о душе народа (китайская, японская музыка дики). А какое впечатление производит наша музыка на восточные народы? О восточной музыке имею некоторое понятие.

---

* Это ужасная вещь, невероятная вещь, это грубость! (*франц.*).

В Самаре мальчик-садовник ходил петь к старику, пели свои (персидские? калмыкские?) песни. Она на меня действует. Персидские мотивы совершенно понятны, доступны. И совершенно другой склад этой музыки, но нам доступна, потому, думаю, что и наша музыка им доступна. Новый мотив в первый момент чужд, а потом радуешься, что в него вникаешь.

Л. Н. продолжал:

— Вся народная музыка будет доступна всем людям, персидскую поймет мужик (и наоборот), а господское вранье — Штрауса — никто, и сами господа не поймут. Как в религии религиозные истины, добро всякий поймет, а католическую литургию, лютеранское (богослужение) — никто.

Кажется, по поводу Ландовской Л. Н. сказал:

— La modestie est une qualité des génies *.

Просили Гольденвейзера сыграть, он отказался.

Л. Н.: Его (Гольденвейзера) главный недостаток, что он очень скромен.

Когда Ландовска играла старые французские танцы, записанные А. Франсиском около 1610 (?) г.— «Danse des jeunes gens, des mariés, des vieux, des domestiques **, Л. Н. сказал мне:

— Это в вашем духе.

Л. Н. просил меня спеть словацкие песни.

После старых французских песен Л. Н. сказал:

— Возвращение к старине — не то что суживает, а расширяет область музыки (она теперь у́же, чем была в старину).

После пения польских песен Ландовский сказал, что западнославянские (польские) песни — веселые, широкие, а восточные (особенно малорусские) — унылые.

Л. Н.: Великорусские песни тоже веселые.

Л. Н.: Прямое воздействие не на чувство, а на нервы, ничто так не делает, как crescendo.

Прощаясь с Вандой Ландовской в 12 часов, Л. Н. сказал ей:

— Je vous remercie non seulement pour le plaisir. Ce sont les confirmations de mes idées sur l'art ***.

Через десять минут вернулся и еще раз поблагодарил очень трогательно Ванду Ландовску.

25 декабря. Первый день праздника Рождества. Л. Н., Софья Андреевна, Александра Львовна, Юлия Ивановна, М. А. Маклакова, Гусев, Гольденвейзер, Ландовские.

Л. Н. получил письмо с вырезкой из газеты о том, что у него живут два стражника и бьют народ. Неприятно Л. Н-чу [1].

Л. Н. получил двадцать два письма. Гусеву дал ответить десять, мне — три письма. Гусеву дал много работы для «Круга чтения» (из его дневника выписывать и из Свода мыслей выбирать), мне прочесть три присланные ему книги [2], между прочим, биографию Анчаровой.

За обедом Л. Н. сказал Ландовским:

— Quand j'étais jeune, j'avais une grande antipathie contre Polonais et leur langue ****. Потом это прошло. У меня был большой друг Вержбицкий.

Разговор о Китае.

Л. Н.: Это такой интересный роман, который не знаю, чем кончится. Я ухожу — на самом интересном остановился. Его заставляют идти по европейскому пути. Но что он до сих пор сделал (т. е. сопротивлялся европейской цивилизации) — хорошо, очень хорошо.

---

* Скромность — свойство гениев (*франц.*).

** Танец молодых людей, супругов, стариков, слуг (*франц.*).

*** Благодарю вас не только за доставленное удовольствие. Это подтверждения моих мыслей об искусстве (*франц.*).

**** В молодости я испытывал сильную антипатию к полякам и к их языку (*франц.*).

Ландовский рассказал про странные китайские обычаи и законы. Болен отец, дети приглашают врача. Отец просит их вместо того, чтобы тратить деньги на врача, купить ему получше гроб. Они покупают, он ложится в него, принимает так посетителей и умирает спокойно; для него страха смерти, как для нас, европейцев, не существует.

Л. Н.: Это чудесно.

— Законы в Китае. Человек бросится в воду. Те, кто его спасли, должны его кормить всю жизнь. Или: бедный просит милостыню, ему не дают; он грозит, что он убьет себя, и в чьей лавке (доме) это сделает, или у кого служит, тот хозяин должен кормить его семью.

Л. Н.: Очень они консервативны. Уродование ног.

Ландовский: Оно только у богатых женщин. То же уродование, только в меньшей мере, и у наших женщин и мужчин есть.

Ландовский, который интересуется всеми «nations exotiques» *, говорил про изображения иезуитами китайской богоматери с (крошечными) ножками, Христа — с косичкой.

Пополудни приехал Гусаров, двадцативосьмилетний маляр, семейный; жил в Москве, потом перешел в деревню, где и живет. Хочет завести нововведение: посадить ранний картофель — общество ему препятствует; завел плодовый сад, соседи овец пускают («Мы жили без садов, и прекрасно жили»). Участок у него малый, другие отхожим промыслом живут — он хочет не отходить, а жить одной землей, потому желает в колонию, или к Беневскому, или к Шейерману. По пути (пешком) остановился в Ясной Поляне.

Л. Н. советовал ему не переменять места, продолжать жить дома. Вспомнил, сколько колоний разошлось, сколько семейств разорилось.

— Надо, — сказал Л. Н.,— выбирать меньшее зло из двух — приспособиться к жизни с соседями. Это неприлично сказать: мне жизнь в этом доме в сто тысяч раз противнее, чем вам ваша, но я уйти не могу (т. е. ⟨могу⟩, но не ухожу).

Вечером с 9 до 11 Ванда Ландовска опять играла. Л. Н. сказал ей, что не говорит ей комплиментов, но что ее игра ему объяснила и подтвердила его мысли о музыке. Говорил в том смысле, что старые песни гораздо проще, музыкальнее новых и что, если бы теперь — после слышанных старых композиций — сыграть новую, не задавила бы их. Говорил дальше, что он думает — то же с пением. Единственно Шопена, пожалуй, можно после этого (старого) сыграть. Из того, что играла Ландовска, более всего понравилось Л. Н-чу и всем «Album Musica», № 51. Publications Pierre Lafitte, Paris. Trois dances populaires inédites par A. Francisque **.

Ландовский рассказал, что Шопен любил чистые звуки, инструменты с чистыми отдельными звуками, а не со сливающимися, и любил тихую игру. Установленная передача его игры по Листу (страстному венгерцу) не соответствует Шопену.

В дальнейшем разговоре Л. Н. сказал:

— Эти сильные (звуки) воздействия на нервы иногда усиливают действие чистой музыки, иногда — ослабляют. Чаще ослабляют. Как вы думаете? — обратился он к Гольденвейзеру.

Гольденвейзер: Чаще ослабляют.

Ванда Ландовска сыграла Джона Булля, английского композитора XVI—XVII века: «Охоту» («Chasse»).

Л. Н. (*о ней*): Здоровая, энергическая музыка. Если бы кто из людей (прислуги) это слышал,— понял бы.

---

* «экзотическими народами» (*франц.*).

** «Альбом Музыка», № 51, издано Пьером Лаффитом. Париж. Три неизданных народных танца А. Франсиска (*франц.*).

— Сколько вы,— обратился Л. Н. к Ванде Ландовской,— людям доставляете радости. А это радость чистая, не романическая, а самая чистая.— Еще о ее игре сказал:— Ce n'est ⟨pas⟩ appris, vous sentez *.— О Генделе сказал: — J'ai admiré sa simplicité et les effets qu'il a produit par sa simplicité **.

Уговаривали Гольденвейзера, чтобы он что-нибудь (Шопена) сыграл. Не дался склонить. Потом играла Ландовска на фортепиано.

Л. Н.: Клавесин понятнее. После клавесина фортепиано — потеряно что-то.

Л. Н. сказал, что, по его мнению, в пении старых песен с новыми был бы тот же контраст (и что он не думает, чтобы новая композиция задавила действие старой). Например, композиции Танеева. Танеев очень хороший пианист, но его композиции плохие.

Л. Н. в разговоре то и дело переходил на русский язык с французского. Ландовский прекрасно говорит по-русски, Ванда Ландовская понимает. В 11 часов уехали Гольденвейзеры — муж с женой — в Москву. В 12 часов Ванда Ландовска, простившись с Л. Н. и Софьей Андреевной, ушла к девицам. Очень была счастлива, что доставила удовольствие, и приемом и любезностью, сердечным отношением всех к ним. Ландовский еще остался в зале. Л. Н. принес письмо Шкарвана и прочел из него сказку о нищем мельнике и мужике.

— Попробуй такую легенду написать,— сказал Л. Н.— Не придумаешь [3]. А роман выдумаешь (сочинишь). Это миллионы людей сочиняли.

Ландовский ушел, я все оставался в зале. Л. Н. опять вышел и сказал мне о концертах Ландовской:

— Очень приятно и — тяжело.

Во вчерашний же день, когда был великолепный обед, концерт, Л. Н. писал об увеселениях в «Круге чтения», что эти свечи, цветы (вчера были на столе) — только для прикрытия обжорства.

26 декабря. Утром приехали Сергей Львович с женой, Черенин (нотариус близ Ярославля). Я ездил на завод Гиля, назад полпути — пешком. Шоссе заметено снегом. Черенин двадцать лет тому назад примкнул ко взглядам Л. Н. Приехал прочесть Л. Н. свое описание посещений Л. Н-ча в июле 1907 г. и лет двадцать тому назад. Л. Н. посмотрел, дал ему совет, чтобы о нем не писал, как о вознесенном над другими (и Чернининым) человеке, чтобы подробности поездки («они кушали») выпустил. Суть Л. Н-чу понравилась [1].

Вечером Ландовска еще играла. Л. Н. сказал Ландовской, что она подтвердила ему его взгляд, что музыка в начале XIX века, в XVIII, XVII веках была в зените, а после начала XIX века в декаденции.

Черенин говорил Л. Н-чу про старика, учителя сына графа Шереметева в Москве, который приедет к ним петь старинные русские песни, былины и играть на гуслях. Л. Н. очень советовал Ландовским отыскать его в Москве (с помощью Танеева).

Л. Н. спрашивал Ландовску, постоянно ли она отыскивает старинные песни. Александра Львовна говорила, что Ландовска четырнадцати лет окончила Варшавскую консерваторию, а потом сама дальше училась, выбрав старинные песни. Будь у нее учитель, он бы ее свел на общее поле, а так — сама себя сделала тем, что есть (изображательницей исторической музыки).

Л. Н.: Все, что сильно действует — все свое, из себя. А что напущенное, чужое, слабо действует и легко соскакивает.

Александра Львовна: Она «Chasse» три года учила.

---

* Это ведь незаученное, вы чувствуете (*франц.*).

** Я восхищался его простотой и теми эффектами, которые он производил своей простотой (*франц.*).

Л. Н. сказал о том, что для того, чтобы так играть, требуется не только дарование, но и упорство. Это интеллектуальные способности и сила воли — по Чамберлену — у евреев есть, а религиозно-нравственного у них нет. Кто-то сказал, что евреи — лучшие музыканты.

Сергей Львович: По творчеству — нет: у них Мейербер и Мендельсон — второстепенные. А в исполнении — выдающиеся (Рубинштейн).

Л. Н. (*Черенину*): Благодаря своей известности я au courant * того, что в мире творится,— письмами, книгами, посетителями. Эти Ландовские мне показали парижан. Утонченные, но к религиозно-нравственным вопросам совершенно равнодушные.

Л. Н.: Желал бы им дать не один портрет с подписью [2], а что-то им полезное. У меня есть переплетенный «Круг чтения»... (подарок Сергеенко Л. Н-чу).

Но, кажется, не дал им его.

Ландовска при отъезде растрогалась, плакала, плакала.

Александра Львовна желает поехать в Петербург на их концерт, высказав несмело это желание. Л. Н. поощрил ее (и повидать родню в Петербурге).

27 декабря. Утром к Л. Н. приехал Р. Рудков из Елабуги, крестьянин Вятской губернии, помытарствовавший по тюрьмам Гродно, Риги, Каинска. Женился восемнадцати лет, двадцати трех лет стал служить, попал в военную тюрьму. Хотя в душе не хотел иметь злобы к тюремщикам, а трудно было сдержаться, не выражать негодования. В рижской военной тюрьме нечеловеческое отношение (прогулок, кипятку нет, холодно, воды для питья недостает, отнимают тюфяк, нет умывальника, бьют розгами). В Каинске в такой комнате, как бывшая библиотека, помещалось больше ста человек. Хотя все стекла были выбиты (в январе), в комнате было душно.

Теперь по всем уездным городам тюрьмы переполнены, особенно, политическими. (В крапивинской тюрьме для тридцати человек сидело с Гусевым больше ста.) Рудков — измученный, прозябший (двадцать ночей не спал, сидя в вагоне или на вокзале). Л. Н. поощрял его описать свои похождения. Ему предстоит еще заключение на два года. Л. Н. хочет его анонимным описанием воспользоваться у влиятельных лиц в его пользу (когда будет хлопотать об освобождении). Направил его к Ивану Ивановичу; просил после ему дать рукопись для редактирования и напечатания, Л. Н. напишет предисловие (Рудков получит гонорар) [1].

Исключительно: Л. Н. дал ему двенадцать рублей на дорогу, свои валенки и еще что-то. Л. Н. провел с ним около двух часов в беседе про тщетность революционной борьбы (приемами властей, с которыми борются). Л. Н. говорил ему, что нет ничего ужаснее, как если люди воображают, что есть какая-то причина, из-за которой можно дурно поступать. И прочел, что он сегодня написал.

Вечером М. А. Маклакова пела, Сергей Львович аккомпанировал ей. За чаем Сергей Львович рассказал Л. Н. о драме Леонида Андреева «Человек в сером» [2]. Подражание Ибсену, Метерлинку.

Л. Н.: Нет драматических столкновений, нет психологической завязки.

Говорили (М. А. Маклакова, Александра Львовна, Варвара Михайловна, которые все видели эту драму), что хорошо поставлена (в Художественном театре); потом хвалили «Горе от ума» (также в Художественном театре) [3].

Л. Н.: «Горе от ума» это — Куперен. (Сравнение со вчерашними музыкальными композициями Куперена, которые играла Ландовска.)

---

* в курсе (*франц.*).

ТОЛСТОЙ И ВАНДА ЛАНДОВСКА
Ясная Поляна, 25 декабря 1907 г.
Фотография С. А. Толстой
«Софья Андреевна занималась проявлением фотографий (Ванды Ландовской, у клавесина сидящей, за ней Л. Н.».— Запись от 28 декабря 1907 г.

Еще хвалили «Царя Федора» [4]. Л. Н. не соглашался, не был того мнения.

Потом говорили о «Борисе Годунове» Пушкина (там же в Художественном театре) [5]. М. А. Маклакова хвалила монахов.

Л. Н.: Монахи у Пушкина хороши.

Сергей Львович рассказал, что Отрепьев, когда его узнают, срывает obrus * и тогда бежит (это переиначено для сцены).

Л. Н.: Нынешний посетитель... Ротный командир ударил его, он ему отдал (ответил тем же), бросился в Неман и ушел. Происходило учение на берегу Немана.

Сергей Львович сомневался, правду ли говорит. Л. Н. ему верит, и, разговорившись о нем, сказал, что он очень самолюбивый, гордый человек. Хочет поступить в университет.

Л. Н.: Неужели нет драм из революции? Какие тут мотивы драматические!

М. А. Маклакова: Есть в драме ⟨!⟩ Горького «Мать».

Л. Н.: Там нехорошо, потому что одностороннее, а тут надо объективное.

28 декабря. Метель, какой в прошлые три зимы не было. Столько снегу намело по дороге, около домов, еле прошел в лечебную.

Л. Н. получил и читал вторую часть Chamberlain «Die Grundlagen des 19-ten Jahrhunderts». Л. Н. о ней:

---

* скатерть (*словацк.*).

— Книга так учено написана! Научные отношения к вопросам жизни и основы до такой степени безумные. Лао-тзе сказал: «Умные не бывают учеными, ученые не бывают умными» [1]. В книге семь глав, последняя глава: «Общая культура. Религия. Искусство». (Л. Н. приводил это как парадокс).

Л. Н. решил письмо к Сенкевичу (все поправлял его, так что оно только вчера получило окончательную редакцию) все-таки перевести на французский. На мое замечание, что не стоит, жаль времени, Л. Н. сказал: «Это мне легко» [2].

Сергей Львович сегодня много играл на фортепиано. М. А. Маклакова пела. Софья Андреевна занималась проявлением фотографий (Ванды Ландовской, у клавесина сидящей, за ней Л. Н., и других фотографий для нее). Александра Львовна, с Варварой Михайловной усердно переписывают детский «Круг чтения».

Л. Н. вечером играл с Сергеем Львовичем, Марией Николаевной и М. А. Маклаковой в винт. После на круглом столе увидел «Мимочка отравилась» Микулич (я ее оставил); стал перечитывать и спросил:

— Кто это «Мимочку» читает? Как это хорошо! Какая тонкая ирония! Душан Петрович! А вы читали?

— Нет.

— Ах, прочтите, это очень тонко [3].

29 декабря. Утром Л. Н. вошел в мою комнату.

— Душан здесь? А Гусев где? Я пришел с вами поделиться.— Принес раскрытые на 29 декабря «Мысли мудрых людей». Подержал перед моими глазами, чтобы я мог прочесть. — Что за прелесть Марк Аврелий! Две тысячи лет, а все тот же вопрос! [1]

Вчера Л. Н. сказал Гусеву, он — мне: «Если бы у меня не было жены, я ушел бы в монастырь. Там бы мне дали келью, в церковь не ходил бы (не принуждали бы меня ходить в церковь)».

Л. Н. за обедом рассказал, куда гулял (верхом). Вспомнил «Мимочку» Микулич, которую вчера читал и сказал:

— Предмет серьезный.

Мария Николаевна: (Как) замуж выходить?

Л. Н.: Серьезное дело. Его третируют.

Вспоминали повести, продолжением которых была «Мимочка отравилась», и говорили про авторшу.

Л. Н.: Она очень приятна. Скромная, умная.

Л. Н. сегодня опять изменил письмо к Сенкевичу. Мне похвалился, сколько работы с «Кругом чтения» и как хорошо идет.

В девять часов пришел ко мне в комнату и рассказал оживленно, радостно, что̀ ему мало-помалу выяснилось о грехах. Есть грехи плотоугодия (объедание), лени, блуда; из них вытекает недоброжелательство. Из недоброжелательства вытекают соблазны: тщеславие, богатство. Из соблазнов — обманы: наука, вера, государство, насилие.

Все письма отдал Гусеву.

Уезжала М. А. Маклакова в Москву и Петербург. Л. Н. поручил ей узнать про Общество Герцена [2], рекомендовать ему статью Лебрена о Герцене, к которой Л. Н. напишет — «или уже написал?» — спросил Л. Н-ч Гусева,— предисловие.

— Нет еще, не писали,— ответил Гусев.

Сергей Львович стал говорить про Герцена, как он верил в западные государственные учреждения, как в них после 1848 г. разочаровался и стал верить в Россию — в общину, артель. Л. Н. выразил свое согласие с Герценом и сказал:

— Община — люди живут, можно жить и вдове.

Столыпину в вину ставит, что он уничтожает (старается силой уничто-

жить) общину. Оставить ее — если будет жизнеспособна, пусть существует; если нет — пусть сама заникнет.

Сергей Львович рассказал про исследования об общине (Качоровского) [3]. Как она возникает на Востоке (в Сибири пока земли довольно, каждый пашет, где хочет; сперва общины нет, она образуется постепенно), двигаясь к западу по мере того, как население увеличивалось и земли на всех не хватало. Есть места, где община процветает, дальше у нас — застывает (переделы делаются реже, община как бы застывает). Еще дальше на запад — дворовое владение, еще дальше — частное землевладение. Качоровский говорит, что основы общины — право на труд и право на землю. Дают землю тем, кто может работать, но отнимают землю у вдов, которые слабые и т. д.

Л. Н. выводы эти раздражали. Он сказал:

— Община вытекает из внутреннего духовного начала, а не от востока к западу. Двигатель жизни — духовный, двигатель жизни — не материальный.

Сергей Львович защищал выводы Качоровского, что причины возникновения и распада общины — материальные (основаны на личной выгоде).

Л. Н.: Потому что между этими причинами главная — нравственная. «Не могу я так жить, что у меня хорошо, а возле будет вдова издыхать». А при материальном начале (причинах): «Мне хорошо живется, а ты, вдова, живи, как можешь!»

Сергей Львович возражал.

Л. Н.: Лев Толстой раньше старался увеличить свое землевладение, и Львов Толстых миллионы, а потом — нет. Тут духовное начало есть двигатель.

Сергей Львович: Справедливость.

Л. Н.: Не справедливость. Из-за справедливости голову отрубают.

Сергей Львович защищал констатацию наукой материальных условий, при каких возникают общины и заникают. Что тут вредного?

Л. Н.: Вредное, что они застилают.....*. Что ты сказал, есть самое проявление научного невежества. Ученые глупые. Прежде богословие губило, теперь наука губит...

30 декабря. Ездил в Таптыково (Л. Н., прочитав письмо Андрея Львовича ко мне, сам советовал ехать сегодня). Недомогала Екатерина Васильевна [1]. Гусев мне рассказал, что вечером читал вслух письмо Молочникова к П. А. Столыпину, чтобы прекратил казни. Письмо понравилось [2].

31 декабря. Пополудни Андрей Львович, Екатерина Васильевна и я приехали в Ясную. Встретили Л. Н-ча верхом. Александра Львовна с Варварой Михайловной ездили проложить дорогу к хутору Марии Александровны и привезли ее. Приехал С. Д. Николаев с Молочниковым.

Молочников говорил о том, что надо проповедовать Евангелие. Л. Н. ответил, что надо самому изменяться.

— Это,— сказал Л. Н.— самая тонкая черта: где для удовлетворения духовных потребностей и где для славы людской (похвальбы). Ничто нас так не соединяет с другими людьми, как деятельность мысли. Я точь-в-точь то чувствую, что Марк Аврелий. Если руководит это единение, тогда хорошо. Средство одно — моя душа (ее могу усовершенствовать). Я был бы очень рад усовершенствовать вас (но не могу иначе, как совершенствуя себя). Царство божие — оно есть последствие. Внешними средствами (пропагандой) не добыть его. Из всех суеверий самое зловредное — ⟨вера в возможность⟩ осуществления ⟨царства божия⟩ внешними воздействиями, по приказанию.

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

Сергей Дмитриевич привез 76 гранок «Соединения и перевода четырех Евангелий» и поправлял с Л. Н. Едет в Петербург к П. А. Столыпину поговорить о Генри Джордже. Желает отыскать и издательницу «Обновленного человека» (газеты, прекратившейся на первом номере: не было читателей).

Л. Н.: Много газет! Пишут их, «кормятся» так, как скрипач Семен Столяров ответил Сереже на вопрос о певице, хорошо ли поет: «Ничего, хорошо поет. Кормится».

Мария Александровна посоветовала Гусеву взяться за составление географического и исторического справочника; важно иметь такого руководителя, как Л. Н.; его же дни, может быть, сочтены *.

---

* В декабре (?) 1907 г., в тот же вечер, я получил и прочел вслух письмо И. Галека о кончине его матери Доротеи. Письмо произвело сильное впечатление. Л. Н. и Софья Андреевна расспрашивали про умершую, и Л. Н. хорошо разговорился о жизни и смерти. Я был очень усталый и не усвоил. Между прочим, Л. Н. сказал:

— Жизнь есть то усилие, которое совершаем в настоящем. Жизнь истинная — вне времени, вне пространства, но мы видим ее во времени и в пространстве, как прошлое и будущее. Жизнь есть... только это усилие, жизнь — в настоящем. А дело христианина — своя душа.

В тот же вечер Л. Н. сказал.

— Сколько привольной земли, не только в Бразилии, Ташкенте... в России.

Л. Н. интересовался Бразилией, ее природой, плодородностью, неисследовательностью, нетронутостью, ее захолустьями, населением. Загадывал, какое огромное значение она будет иметь для человечества в будущем.

Кто Л. Н-ча заинтересовал Бразилией и Южной Америкой вообще, какая книга или какой человек? (Ионин, буэносайресский консул (я давно что-то читал о сношениях Л. Н. с Ионины, может быть, Л. Н. знал только его книгу) или, может быть, Янжул,— я не знаю).

ПРИМЕЧАНИЯ

1906*

1 января

[1] Крестьяне прибалтийских губ. были освобождены еще в 1819 г., но без земельных наделов. Вся земля осталась у помещиков (баронов). Это привело к резкому обострению классовой борьбы в деревне. Очередные агр. волнения, переросшие в вооруженную борьбу, вспыхнули в окт.-нояб. 1905 г.

[2] Австро-Венгрия и Германия готовились к агрессивной войне со слав. странами на Балканском полуострове, стремясь предотвратить образование независимого южнослав. гос-ва. *Солунь* — слав. название порта и ж.-д. узла Салоники в Вост. Средиземноморье, через к-рый шла торговля балканских стран (в то время город принадлежал Турции).

[3] *Евангелие от Матфея*, V, 5.

[4] В дек. 1905 г. Т. получил письма по поводу «Великого греха» от Воронцова-Вельяминова, Н. Я. Морозова, Р. И. Григоренко, В. А. Старицына. Последний в письме от 23 дек. писал: «Я желал бы узнать, как поступили вы с своей землей?»

2 января

[1] См. J.-J. Rousseau. Contrat social.

[2] Возможно, кн.: К. Н. Леонтьев. Из жизни христиан в Турции. Повести и рассказы, тт. I и III. М., 1876 (*ЯПб*, дарств. надпись).

[3] Сообщ. оказалось ошибочным (см. *ПТС*, с. 393).

[4] В. В. Стасов присылал Т-му материалы о декабристах, доставлявшиеся ему сотр. Гос. архива в Петербурге Н. П. Павловым-Сильванским.

4 января

[1] Ген. П. К. Ренненкампф вместе с ген. А. Н. Меллером-Закомельским возглавил карательную экспедицию, направленную в янв. в Сибирь, где во время дек. вооруженного восстания 1905 г. к рабочим примкнули воинские части. Каратели жестоко расправились с восставшими.

5 января

[1] Т. был в Риме в янв. 1861 г.

[2] Журн. «Scena Illustrata» с 1901 г. присылался Т-му ред. П. Полладзи. В *ЯП* 5 хр. почти полные комплекты журн. за многие годы.

[3] Письма Ж. Ромма к П. А. Строганову см. в кн. вел. кн. Николая Михайловича «Граф П. А. Строганов. Историческое исследование эпохи имп. Александра I», т. I. СПб., 1903, с. 49—52. Т. перечитывал эту кн. в дек. 1905 г. в связи с работой над «Посмертными записками старца Федора Кузмича».

[4] «Мысли мудрых людей на каждый день». М., «Посредник», 1903, с. 6 (т. 40, с. 72).

[5] В связи со смертью С. Н. Трубецкого в *Илл. прилож. к НВ*, №№ 10631 и 10635. 8 и 12 окт. 1905 г. было опубл. неск. его фотогр. Т. был знаком с ним лично.

[6] П. Кропоткин. Записки революционера. С предисл. Г. Брандеса. СПб. 1906. Кн. вышла в России впервые (с ценз. изъятиями).

[7] С. И. Смирнова. Царство толпы. М., 1905. В 1906 г. вышло 2-е изд. (оба хр. в *ЯПб*).

[8] Описание самоубийства Ромма и его товарищей (членов левой части Конвента) Т. прочитал в указ. кн. вел. кн. Николая Михайловича «Граф П. А. Строганов», т. I, с. 80—81.

6 января

[1] Г. Бернштейн прислал Т-му свою кн., посвящ. истории евреев в России: «Contrite Hearts». N. Y., 1905 (*ЯПб*). В письме от 20 янв. н.с. он просил Т. сообщить о своем впечатлении (см. т. 76, с. 278). Судя по письму Бернштейна от 13 марта н. с., отв. от Т. об этой кн. он не получил.

[2] Изречение Рёскина в кн. «Мысли мудрых людей на каждый день», с. 8 (т. 40, с. 73).

---

* Список условных сокращений к примечаниям см. в конце 1-й книги настоящего издания.

[3] Т. вспоминает о работе на голоде в 1891—1892 гг. в д. Бегичевке Рязанской губ.
[4] При письме от 18 авг. н. с. 1905 г. Т. Синклер прислал машинописную копию своей ст. «Count Leo Tolstoy on a great iniquity». Возражая на ст. Т. «Великий грех», Синклер спорил с Т. с мальтузианских позиций.

7 января

[1] А. А. и А. Б. Гольденвейзеры играли в 4 руки 2-ю симфонию Моцарта и увертюру к «Фрейшютцу» Вебера (*ЕСТ*, 7 янв.).

8 января

[1] В янв. 1906 г. в журн. «Review of Reviews» опубл. под загл. «The Russian revolution. Count Tolstoy on its significance» излож. ст. «Конец века» с цитатами из нее № 193, vol. XXXIII.

9 января

[1] А. Б. Гольденвейзер «очень хорошо» играл «Davidsbündlertänze» Шумана, ноктюрн и балладу Шопена (*ЕСТ*, 9 янв.). Нек-рые произв. Шумана (в т. ч. и исполнявшееся в этот вечер) вошли в число любимых Т. («Список музыкальных произведений, любимых Т.».— *ТЕ*, 1912; «Лев Толстой и музыка». М., 1953, с. 22—23).
[2] В «Independent», vol. LX, № 2979, 4. I. опубл. ст. «A letter to the czar and his advisers. By count Leo Tolstoy». Как выясняется из писем к Т-му Г. Бернштейна от 13 марта н. с. и Э. Кросби от 3 апр. н. с. (*ЛН*, т. 75, кн. 1, с. 404—405), текст этого «письма» был получен из какой-то рус. газ. и опубл. в пер. Бернштейна. Узнав от Кросби, что письмо подложное, Бернштейн поместил в «Independent», vol. LX, № 2992, IV опровержение. Оба №№ журн. сохр. в *ЯПб*.
[3] С. Г. Волконский. Записки декабриста. С послесл. издателя., кн. М. С. Волконского. Изд. 2-е. СПб., 1902 (*ЯПб*). Описание смерти С. Г. Волконского приведено в послесл.
[4] По поводу самоубийства Ж. Ромма см. запись в Дн. 31 дек. 1905 г. (т. 55, с. 178).
[5] Ср. т. 34, с. 350.
[6] Это суждение Т. о сыне, вероятно, вызвано публ. в *НВ*, № 10709, 6 янв. ст. «Две деятельности» Л. Л. Толстого, в к-рую он без разрешения включил письмо к нему Т. от 27 дек. 1905 г. с осуждением обществ. и полит. деятельности (т. 76, с. 70—71).

10 января

[1] Не письмо, а «Воззвание ко всем социалистическим партиям от арестованных Юшко и проч.», полученное Т. от неизв. лица в янв. (отмеч. в «Книге входящей почты»).

11 января

[1] «Письмо Л. Н. Толстого к крестьянину о земле (О проекте Генри Джорджа)». М., «Посредник», 1906 (т. 90, с. 75—76).

13 января

[1] Телегр. Т. от 19 янв. (т. 76, с. 85). Текст ее известен только по этой записи Маковицкого.
[2] Письмо Черткова от 4 янв. н. с.; 14 янв. Т. написал в ред. *НВ* и *Р. вед.* (т. 76, с. 81). Опубл. 18 янв. в *НВ*, № 10721 и *Р. вед.*, № 17. Перепеч. др. газ.

14 января

[1] См. т. 76, с. 77 и т. 89, с. 33—34.
[2] А. Д. Оболенский был назначен обер-прокурором Синода в окт. 1905 г.
[3] 14 янв. С. А. Толстая отвезла в Москву письмо Т. в газ. и ст., к-рую передала Н. В. Давыдову «для напечатания в «Русской мысли» или еще где-нибудь» (*ЕСТ*).
[4] Ср. «Воскресение», ч. 1, гл. XXX (т. 32, с. 108).

15 января

[1] В 1905—1906 гг. назв. рассказы впервые вышли отд. изд. (См.: В. К. Л е б е д е в. Книгоиздательство «Посредник» и цензура.— «Русская литература», 1968, № 2, с. 163—170).
[2] «*Сестры*» — переработанный Т. рассказ Мопассана «Порт» (т. 27, с. 251—258). См. также ст. Э. Е. Зайденшнур «Творческие связи Толстого и Мопассана» (Уч. зап. Горьковского ун-та, вып. 102. Л. Н. Толстой. Статьи и материалы. VII. Горький, 1970).
[3] Т. частично затронул этот вопрос в конце ст. «Единственное возможное решение земельного вопроса» (т. 36, с. 289).

16 января

[1] Член РСДРП К. И. Ландер был в 1904 г. арестован за перевоз запрещенных в России лондонских изд. Черткова. По просьбе Ландера Т. 12 июля 1904 г. дал поручительство за него (см. т. 75, с. 143—144), и Ландер в сент. того же года был освобожден. Тульское губ. жандармское управление прислало Т. на подпись его поручительство лишь в янв. 1906 г. (см.: «Л. Н. Толстой и Карл Ландер».— *Я. сб.*, 1960, с. 127—128).

[2] В письме от 10 янв. В. А. Шейерман просил Т. содействовать публикации в газ. его «Открытого письма гг. землевладельцам», в к-ром он призывал помещиков отказаться от права собственности на землю. 16 янв. Т. отв. Шейерману и тогда же написал в ред. *НД* (т. 76, с. 83—85). Письмо Шейермана вместе с письмом Т. опубл. в № 8102, 20 янв.

[3] В 1905 г. вышло новое изд. романа: «Resurrection». Transl. by L. Maude. L., 1905. Э. Моод предложил Т. прислать в его распоряжение 600 ф. ст. (см. т. 76, с. 14).

[4] Д. А. Оболенский (см. *ТВС* I, с. 229—230 и 399).

[5] Н. Н. Кутлер был одним из авторов проекта о наделении крестьян землей путем отчуждения за выкуп части казенных, удельных и помещичьих земель. Проект пр-вом принят не был, а Кутлера уволили в отставку. С критикой этого проекта выступил В. И. Ленин (в работах «Проект речи по аграрному вопросу во второй Государственной думе» и «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции».— В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, с. 141—150 и т. 16, с. 221—411).

18 января

[1] Т. Л. Сухотина ездила в Вену в мае 1899 г. для операции. По совету Д. В. Григоровича, жившего тогда близ Вены в Вейндлигау, она туда переехала (см. т. 90, с. 310—311).

19 января

[1] В сент. 1904 г. М. П. Новиков прислал Т. рук. ст. «На войну!», в к-рой изложил свои впечатления о пребывании в армии. В отв. письме Т. советовал ему продолжать писать (т. 90, с. 330). Ст. напеч. в *Св. сл.*, №№ 15—17, 1905, отд. кн.: М. П. Новиков. На войну. М., 1906. Предисл. Т. не написал.

[2] «Голос крестьянина» Т. читал в рук. в 1900 г. «и получил сильное впечатление» (т. 54, с. 65). Напеч. отд. брошюрой и без указ. автора: «Голос крестьянина». Изд. *Св. сл.*, Christchurch, 1904.

[3] С. В. Максимов. Сибирь и каторга, ч. 1—3. СПб., 1891 (в *ЯПб* — ч. 1 и 3, пометы). Т. нашел в ней «чудные сюжеты» (т. 55, с. 182).

20 января

[1] 16 янв. в Большом театре состоялось 3-е представление оперы С. В. Рахманинова «Франческа да Римини».

[2] В разгар революц. событий, 26 нояб. 1905 г., на концерте в Большом театре Ф. И. Шаляпин по просьбе публики спел «Дубинушку». В связи с этим в *Р. сл.*, № 315, 29 нояб. высказывалось беспокойство за дальнейшую артистическую судьбу певца. Шаляпин пел у Толстых в Москве 9 янв. 1900 г.

[3] По свидетельству С. А. Толстой, они «играли в четыре руки 1-й квинтет Моцарта и симфонию его же» (*ЕСТ*, 20 янв.).

[4] В тот же день Т. начал рассказ о Мигурских «За что?» (см. указ. кн. С. В. Максимова, ч. 3, с. 73—75; на с. 74, где описывается неудавшийся побег Мигурских, пометы Т.). Рассказ вошел в «Круг чтения» — т. II, с. 267—291 (т. 42, с. 84—106).

[5] См. кн. С. В. Максимова, ч. 3, с. 63—65. На с. 65, где рассказывается о казни Шакальского,— пометы Т. В рассказ «За что?» Т. ввел описание заговора, устроенного Сироцинским, и сохранил нек-рые подробности наказания Шакальского.

[6] *Еванг. от Марка*, II, 27.

[7] А. С. Аренский и его сын Павел Антонович приезжали в Ясную Поляну 11 марта 1904 г.

21 января

[1] См. *Р. вед.*, №№ 18—20, 19—21 янв.

[2] *НВ*, № 10718, 15 янв.

[3] Ср. *Р. вед.*, № 145, 4 июня.

[4] *НВ*, № 10722, 19 янв.

[5] *Еванг. от Матф.*, IX, 36.

[6] А. А. Штевен. Письма из Вандеи. I. Деревня и город. II. Война и мир. III. Земство и революция. IV. Земля. СПб., 1906 (*ЯПб*, дарств. надпись, пометы).

[7] В кн. А. А. Штевен «Из записок сельской учительницы» (СПб., 1894, с. 8—9) отмечается, что в 1889—1892 гг. она открыла в Арзамасском у. 31 школу для крестьянских детей.

[8] 1-й набросок рассказа «За что?» (первонач. загл. «Непоправимо»), написанный в «синем яснополянском альбоме» (см. *ОР* I, с. 513).

[9] На письмо И. В. Гуляева от 18 янв. отв. Маковицкий (т. 76, с. 278).

22 января

[1] П. А. Сергеенко читал свою ст. «Дело Шибунина (Эпизод из жизни Л. Н. Толстого)». Сохр. машиноп. экз., в к-рый Сергеенко вписывал замечания, сделанные тогда Т. На последн. стр. он записал вопросы, к-рые хотел задать Т-му. Кое-где вписаны отв. Там же: «Л. Н. сказал, что волновался во время речи, что должен был сдерживать себя».

[2] Т. присутствовал на лекции проф. Э. Лабуле в Collège de France 19 марта 1857 г. (см.: т. 47, с. 120 и 435). Кн. Лабуле «Париж в Америке». СПб., 1893 (*ЯПб*, дарств. надпись изд. М. М. Ледерле).

23 января

[1] Чешский квартет играл в моск. доме Толстых 19 дек. 1895 г. Исполнялись произв. Гайдна, Бетховена, Шуберта и Танеева.

24 января

[1] Вел. кн. Николай Михайлович. Князья Долгорукие, сподвижники императора Александра I в первые годы его царствования. СПб., 1901 (*ЯПб*, дарств. надпись). Т. читал эту кн. в связи с работой над «Посмертными записками старца Федора Кузмича» (т. 36).

[2] В *ЯПб* сохр. «Каталог историко-художественной выставки русских портретов в Таврическом дворце», вып. 1—7. СПб., 1905. В нем портреты не воспроизведены. Т. смотрел их в кн.: Вел. кн. Николай Михайлович. Русские портреты XVIII и XIX столетий, т. I. СПб., 1905 (*ЯПб*). Кн. прислал сам автор. 29 янв. Т. писал ему: «Все это издание есть драгоценный материал истории, не только de la petite histoire, но настоящей истории того времени. Я испытал это, потому что занят теперь временем с 1780-х до 1820-х годов» (т. 76, с. 90).

[3] L. Tolstoj. Kruh četby, t. I—II ‹Praha, 1906› (*ЯПб*). 2-й вып. не был пропущен австр. цензурой из-за включенных в него ст. А. А. Шкарвана «Почему нельзя служить военным врачом» и «Письмо военного врача А. Шкарвана, отказавшегося от военной службы в 1894 г.» (см. т. 42, с. 405—408). Они вошли во 2-е изд. кн., после снятия парламентом запрета. Об этом Шкарван сообщил Маковицкому 2 февр. н. с.

26 января

[1] Письма И. Шальме от 24 янв. и А. Лангена от 3 февр. н. с. На оба письма отв. Маковицкий (т. 76, с. 278 и 280). Содержание отв. известно только по данной записи.

[2] В *ЯПб* хр. петерб. журн.: «Progres». Reviu internasional pro omni interesi de Idiom Neutral, 1907—1908.

[3] По поруч. А. К. Чертковой А. Я. Перна послал 14 февр. н. с. Т. рук. объявление о том, что в кн. магазине *НВ* в Петербурге продаются изд. *Св. сл.* Такое же объявление Чертковы послали нек-рым своим рус. корреспондентам.

[4] В *Р. вед.*, № 25, 26 янв. было опубл. сообщ. об аресте В. В. Вернадского за организацию в имении его отца, проф. В. И. Вернадского, столовой для голодающих.

27 января

[1] «Польское восстание 1830 и 1863 г.» (*Брокгауз*, кн. 47). Ст. нужна была Т. в связи с работой над рассказом «За что?»

[2] «Страшный суд» и «Сотворение мира» — фрески Микеланджело в Сикстинской капелле в Риме (Ватикан).

[3] А. Шкарван не согласился с замеч. Т. и, лишь немного исправив, отослал ст. Горбунову-Посадову для изд. в «Посреднике». В печати она не появилась. Рук. ее хр. в *ЦГАЛИ*. Опубл. на словацк. яз. С. Колафой в 1970 г.

28 января

[1] Ст. И. Лучицкого «Крестьяне» (*Брокгауз*, кн. 32). Вопрос о крестьянах интересовал Т. в связи с его работой над «Посмертными записками старца Федора Кузмича» (т. 36, с. 169).

[2] П. Щеголев. Первый декабрист Владимир Раевский. К истории общественных движений в России в 1-й четверти XIX в. Изд. 2-е. СПб., 1906 (*ЯПб*, 2 экз.).

[3] Т. отв. Г. М. Беркенгейму 23 янв. (т. 76, с. 88).

[4] Н. А. Саблуков. Записки о времени имп. Павла и его кончине (*ИВ*, №№ 1—3).

[5] Pr. A. Czartoryski. Mémoires. L., 1888. Кн. прислана В. В. Стасовым в нояб. 1905 г. (*ПТС*, с. 379).

[6] Опера Моцарта, либретто Э. Шиканедера по поэме Х. Виланда «Лулу, или Волшебная флейта».

[7] В *Р. вед.* № 23, 24 янв. и в др. газ. было опубл. сообщ., что в газ. «Моск. неделя», к-рая будет выходить под ред. Е. Н. Трубецкого, примет участие Т.

[8] В анон. ст. «Маниловщина в новом стиле» (*НВ*, № 10727, 24 янв.) автор призывал помещиков не следовать примеру Шейермана, отказавшегося от земельной собственности.

[9] Сторонник отмены крепостного права гр. П. Д. Киселев с 1835 г. был членом всех правит. комитетов по крестьянскому делу. Однако непосредственно в проведении реформы 1861 г. он не участвовал. Т., видимо, хотел сказать, что «удалось восторжествовать» делу, к-рому долго служил Киселев.

[10] См. в указ. кн. «Русские портреты XVIII и XIX столетий», т. I, №№ 125—126.

[11] Биогр. очерки к портретам в т. I были составлены разными авторами.

[12] 29 янв. Т. сам написал вел. кн. Николаю Михайловичу (т. 76, с. 90—91).

[13] Ср. «Круг чтения» на 31 авг.— т. II, с. 177—178 (т. 41, с. 606).

[14] 11-е изд. соч. Т., тт. I—XIV, вышедшее в 1903 г.

[15] Франц. пер. с англ. ст. Э. Карпентера «The art of creation» напеч. в «Ere Nouvelle», № 39, 15.I. Журн. был прислан Т. его ред.-изд. Э. Арманом.

29 января

[1] П. А. Буланже мог привезти вышедший в этот день в изд. «Посредник» т. I «Круга чтения». К составлению упомянутого Маковицким «Круга чтения» «для народа и молодежи» Т. приступил только в марте 1906 г.

[2] D. Mackenzie Wallace. Russia, vol. I—III. Lpz., 1878 (*ЯПб*).

[3] Письмо И. Гуляева к Т. и Маковицкому от 27 янв.

30 января

[1] J. H. Moore. The Universal Kinship. L., 1906 (*ЯПб*).

[2] Опера Н. А. Римского-Корсакова «Моцарт и Сальери» в 1905 г. шла в петербургском Мариинском театре.

[3] В рассказе «Под рождество обидели» купец прощает обокравшего его мальчика и берет жить к себе в дом. Рассказ в обработке Т. под загл. «Под праздник обидели» включен в «Круг чтения», т. II, с. 66—76 (т. 41, с. 22—25).

31 января

[1] В письме от 17 янв. М. Н. Грюнер просила указать «несколько хороших и понятных книг для детей и для взрослых» для открытой ею б-ки. Отв. Маковицкий (т. 76, с. 278—279).

[2] В «Открытом письме статскому советнику Филонову» («Полтавщина», № 8, 12 янв.) В. Г. Короленко писал о кровавой расправе карателей в Полтавской губ. и требовал предания суду Филонова. 18 янв. Филонов был убит террористом-эсером. 20 янв. в «Полтавском вестнике» появилось подложное «Посмертное письмо статского советника Филонова писателю Короленко», в к-ром убийство Филонова связывалось с Короленко (см. ст. Короленко «Сорочинская трагедия»,— *РБ*, 1907, № 4).

[3] Короленко участвовал в защите удмуртских крестьян, ложно обвиненных в ритуальном убийстве. Его выступления в печати и непосредственно в качестве защитника на процессе сыграли большую роль в оправдании обвиняемых (см. цикл ст. «Мултанское жертвоприношение» (1895—1896).— В. Г. Короленко. Собр. соч., т. IX. М., 1955; письмо Т. к А. Баранову от 29 мая 1896 г.— т. 69, с. 103).

[4] H. George. Social Problems, упом. изд., p. 80.

1 февраля

[1] См. *Р. сл.*, № 29, 30 янв. Вскоре Шлиссельбургская крепость вновь стала местом заключения революционеров.

[2] При письме от 31 янв. А. С. Бутурлин прислал вырезку из *Р.*, № 1, 17 янв. В заметке В. Владимирова без загл. и в ст. Н. Сергеева «Убийство» рассказывалось о жестокой расправе с восставшими рабочими на ст. Голутвин, Моск.-Казан. ж. д. 18 дек. 1905 г.

[3] Фельетон В. П. Буренина «Критические очерки» (*НВ*, № 10723, 20 янв.) по поводу ст. М. Горького «Заметки о мещанстве», ч. 3-я, опубл. в «Новой жизни», № 12, 13 нояб. 1905 г.

[4] «Негласный комитет» — неофициальный совещательный орган при Александре I (1801—1803), созданный по инициативе П. А. Строганова для подготовки гос. реформ.

2 февраля

[1] В *НЖ*, № 355, 28 янв. были напечатаны отр. из ст. Т. «Обращение к русским людям. К правительству, революционерам и народу». 29 янв. в *НиБГ*, № 28 появилось «Открытое письмо Льву Николаевичу Толстому» Л. Е. Оболенского, в к-ром он писал:

«Ваша статья, конечно, интересует всех, но как? Как интересовал бы всякий новый факт в вашей обыденной жизни». В *НВ*, № 10734, 31 янв. был процитирован этот отзыв.

[2] Письмо П. Стрелкова от 31 янв. в связи с той же ст. Т.

[3] «Зараженное семейство» написано в дек. 1863 — янв. 1864 г. (т. 7).

[4] См. указ. соч. вел. кн. Николая Михайловича, т. II, с. 325—339.

3 февраля

[1] В ст. *А. М.* «Малоизвестные воспоминания об И. С. Тургеневе» (*Илл. прилож. к НВ*, № 10735, 1 февр.) приведены отр. из кн. L. F r i e d l ä n d e r. Erinnerungen, Reden und Studien. Strassburg, 1905; в них упоминание, что начало «Вешних вод» взято из жизни.

[2] См. ст. И. С. Тургенева «Пергамские раскопки» (*ВЕ*, 1880, № 4; *Тургенев*, т. XV, с. 34—39).

[3] В *Р. сл.*, № 27, 28 янв. напечатаны ст. А. Измайлова «Памяти Ф. М. Достоевского» и В. Елецкого «Экономический и социальный вопрос у Достоевского». Фельетона П. Д. Боборыкина в *Р. сл.* нет.

[4] А. Л. Т о л с т о й. О моем отце (*Я. сб.*, 1965).

4 февраля

[1] С 15 янв. по 7 апр. в исп. г. Алхесирасе (Алжесирасе) проходила конференция 11 европ. держав по вопросу о Марокко.

[2] Брошюра Д. А. Хомякова с пометами Т. хр. в *ЯПб.*

[3] Дн., запись от 2 февр. (т. 55, с. 186—187).

[4] Кн. Т. «I О жизни. II Мысли о новом жизнепонимании», «Исповедь», «В чем моя вера?» вышли в 1906 г., «Царство божие внутри вас» — в 1908 г.

[5] К письму Г. Крауфорда Т-му от 29 дек. 1905 г. прилож. его ст. «The emancipation of the individual» (вырезка из «Courier»).

[6] Ответил ли Т-ой Крауфорду на это письмо, не установлено.

5 февраля

[1] С. Т. Семенов был арестован за участие в деятельности Крестьянского союза (см. С. Т. С е м е н о в. Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом. СПб., 1912, с. 110).

[2] См. «Самодержавие» Д. А. Хомякова, с. 36—37.

[3] Брошюра Хомякова «Посредником» издана не была.

6 февраля

[1] Карикатуры Каран д'Аша под общим загл.: «Гигиена прежде всего» опубл. в *Илл. прилож. к НВ*, № 10738, 4 февр.

[2] R e e s, R. W i l k i n s. Glimpes of Ruskin (ommuckus «London Quarterly Review», 1903, July; *ЯПб**, дарств. надпись).

[3] Эти свед. нужны были Т. для рассказа «За что?»

7 февраля

[1] «Против власти» (Из неизданной польской рукописи). Пер. с польск. под ред. В. Черткова. Christchurch, изд. *Св. сл.*, 1905.

[2] В. Г. Ч е р т к о в. О революции. Насильственная революция или христианское освобождение? С предисл. Л. Н. Толстого. Christchurch, изд. *Св. сл.*, 1904. Т. редактировал эту ст. (см. т. 88, с. 292—293. Предисл. Т.— т. 36).

8 февраля

[1] *Еванг. от Матф.*, XIX, 23—24.

[2] А. М. Кузминский сообщил С. А. Толстой 5 февр., что отчет о своей ревизии в Баку он послал в Ясную Поляну.

[3] Ср. т. 55, с. 188—193.

[4] Письмо Черткова от 8 февр. и. с.

[5] В 1906 г. Н. Е. Фельтен и Н. Г. Сутковой основали в Петербурге изд-во «Обновление», в к-ром печ. произведения Т., ранее запрещенные цензурой.

[6] В письме от 7 февр. (почт. шт.) Горбунов-Посадов сообщал о выходе брошюры Кармелюка (псевд. Е. И. Лозинского) «Новая Нагорная проповедь» (Ростов-на-Дону, «Донская речь», б. г.).

[7] См. запись 8 янв.

[8] Об этом Т. писал в ст. «Конец века» (т. 36, с. 254).

9 февраля

[1] Письмо А. Л. Толстой к Т. от 1 февр.

10 февраля

[1] «Волшебную флейту» Моцарта Т. слушал 5 апр. 1861 г. (см. т. 48, с. 34).
[2] Вальс был записан С. И. Танеевым (опубл. в *ТЕ*, 1912, с. 301) и А. Б. Гольденвейзером (А. В. Гольденвейзер. Вблизи Толстого, т. I. М., 1922, с. 359).

11 февраля

[1] «Самодержавие» Д. А. Хомякова, изд. в Риме в 1899 г., вышло в России только в 1905 г. (в 1903 г. было разрешено изд. 50 экз. на правах рук.).
[2] Т. познакомился с А. С. Хомяковым 21 мая 1856 г. у С. Т. Аксакова (см. т. 47, с. 74). А. С. Хомякову было тогда 52 года.

12 февраля

[1] «Записки» С. Порошина, указ. изд., с. 59.

13 февраля

[1] Письмо Черткова от 17 февр. н. с. На письма от 8 и 17 февр. н. с. Т. отв. 13 февр. (т. 89, с. 35—36).
[2] Присылал газ., вероятно, изд. Н. К. Руссель, ранее писавший Т-му. В *ЯПб* хр. кн.: Н. К. Руссель. В плену. Сб. передовых статей из газ. «Япония и Россия». Кобе, 1906.
[3] Кэндзиро Токутоми прислал Т. свои кн. «Nami-ko». A realistic novel, translated from the Japanese by Sakae Shioya and E. W. Edgett. Boston, 1904 (*ЯПб*, дарств. надпись) и «The Twelve Men of Letters», 1905 (*ЯПб*, дарств. надпись); в кн. вошел очерк о Т. В письме от 21 янв. н. с. автор сообщил, что он брат Иитиро Токутоми, посетившего Т. в конце 1896 г. (*Шифман*, с. 270—271).
[4] J. W. Petavel. Christianity and Progress. L., 1905 (*ЯПб*). В письме от 16 февр. н. с. автор просил Т. сообщить ему свое мнение об этой кн. Отзыв Т. см. в письме к А. Син-Джону от 12/25 апр. (т. 76, с. 140).
[5] Болгарский журн. (не газ.) «Лев Н. Толстой» (Ред.— Г. С. Шопов). В *ЯПб* сохр. неск. №№ за 1903 и 1905 гг.
[6] Письмо Г. Е. Бычкова от 10 (?) февр. Т. отв. 13 февр. (т. 76, с. 96—97).
[7] П. А. Сергеенко собирался изд. письма Т. к разным лицам. 13 февр. Т. выразил согласие на это (см. т. 76, с. 98). В 1910—1912 гг. вышло 3 тт. писем Т. под ред. Сергеенко: «Письма Л. Н. Толстого. 1848—1910». М., 1910; «Письма Л. Н. Толстого. 1855—1910», т. II. М., 1911; «Новый сборник писем Л. Н. Толстого». М., 1912.
[8] См. *Р. вед.*, № 40, 10 февр.; 12 февр. появилось опровержение в № 42.
[9] Сообщ. оказалось неверным.
[10] А. Л. Никифоров, сын знакомого Т-ого Л. П. Никифорова, был повешен в авг. 1905 г. за покушение на нач. охранного отд. в Нижнем Новгороде.
[11] В *Илл. прилож. к НВ*, № 10745, 11 февр. сообщалось о выходе кн.: «Дела III Отделения собственной его имп. величества канцелярии об А. С. Пушкине». СПб., 1906. Т. цитирует донесение агента секр. надзора о поездке А. С. Пушкина на Кавказ в 1829 г.
[12] Письмо Решид Саффет Бея от 26 февр. н. с. (*Шифман*, с. 369—370). Т. отв. 13 февр. (т. 76, с. 97—98)

14 февраля

[1] В *ЕСТ* 14 февр. отмечено, что И. Л. Толстой «читал свою повесть любви». Вероятно, повесть «Поздно», впоследствии опубл. в *ВЕ*, 1914, № 4.

15 февраля

[1] В письме от 21 февр. н. с. E. C. Murdoch писал Т. насчет посылаемой им кн. о пастыре Hsi, кит. христианине. Ни автор, ни назв. кн. не указаны.

16 февраля

[1] Т. отв. 20 февр. (т. 76, с. 106—107).
[2] A. Sorel. L'Europe et la Révolution française, vol. VI. P., 1903. В письме от 4 февр. А. С. Бутурлин советовал прочитать в гл. IV этой кн.— «L'Alliance russe», ч. 2— «Mort de Paul» (pp. 118—138).
[3] В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. 2. М., 1906.

[4] А. С. Аренский умер 12 февр.
[5] «Histoires choisies des auteurs profanes» (см. «Записки» С. Порошина, с. 186, 199, 230).
[6] С. А. Порошин вел дневник с 20 сент. 1764 г. по 31 дек. 1765 г.
[7] Собр. соч. Т. на франц. яз. в пер. В. Л. Бинштока издавалось с 1902 по 1910 г. Вышли тт. I—XXI (*ЯПб*, дарств. надпись переводчика на т. I). Пер. Бинштока Т. считал «ужасными» (см. т. 73, с. 168 и 244).
[8] В письме от 31 янв. В. А. Шейерман писал, что он не раскаивается в том, что отдал землю крестьянам. Т. отв. 18 февр. (т. 76, с. 104—105).

17 февраля

[1] Письмо Н. В. Давыдову от 18 февр. (т. 76, с. 101). Ст. была напеч. в изд-ве «Обновление», но весь тираж ее был конфискован.
[2] В нек-рых вып. «Религиозно-философской библиотеки», выходивших с 1902 по 1906 г., были опубл. отр. из назв. статей Т.
[3] Письмо А. Л. Толстой к Т. от 11 февр.
[4] По-видимому, выписки из кн.: M. Muller. The Sayings of Sri Ramakrishna Paramahamsa. Madras, 1905.

18 февраля

[1] Изв. 6 писем Т. от 18 февр. (см. т. 76, с. 100—106).
[2] В письме от 10 февр. Г. А. Русанов сообщал об обыске в связи с выступлением его сына Андрея на крестьянском митинге. Т. отв. 18 февр. (т. 76, с. 102—103).
[3] В *НВ*, №№ 10744—10745, 10—11 февр., опубл. «Объяснительная записка Небогатова о Цусимской катастрофе», к-рую он направил судеб. следователю.
[4] По словам автора ст. Г. Никогосова, он неоднократно призывал арм. молодежь в Турции отказаться от револ. выступлений, т. к. это давало повод турецкому пр-ву жестоко расправляться с арм. населением, но молодежь продолжала борьбу.

19 февраля

[1] Вероятно, пословица: «La seule chose à laquelle il faut s'attendre toujours c'est l'inattendu» («Единственное, к чему следует всегда быть готовым,— это к неожиданному»).
[2] Эту мысль Т. развил в указ. выше записи Дн. 6 февр. Там же Т. выразил сожаление, что Хомяков «к духовным требованиям жизни причисляет *быт*» (т. 55, с. 188—189).
[3] В *НВ* (№№ 10747 и 10751,14 и 18 февр.) цитируется ст. К. П. Победоносцева «The delusions of democracy» (в обратном пер. с англ.) и отр. из гл. 1 ст. Т. «Конец века» (в обратном пер. с нем.). Газ. тенденциозно сближала эти цитаты, усматривая в них будто бы совпадение взглядов Победоносцева и Т. на демократические институты.

21 февраля

[1] Л. Э. Шишко. Рассказы из русской истории, ч. 1—2. СПб., 1906 (*ЯПб*).
[2] Письмо А. И. Архангельского от 18 февр. Сравнение с закрытой дверью он заимствовал из соч. Т. «В чем моя вера?» (т. 23, с. 401).
[3] Т. осматривал дом Гете в Веймаре 2(14) апр. 1861 г.
[4] Ср. Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 19. СПб., 1905, с. 409. Ср. запись 8 мая и 2-е прим. к ней.

22 февраля

[1] См. запись 31 дек. 1905 г.
[2] См. запись 4 февр.
[3] А. Шопенгауэр. Отдельные, но систематически распределенные мысли о разного рода предметах. Гл. XXVII. О женщинах, § 370. Полн. собр. соч., т. III. М., 1903.

23 февраля

[1] М. А. Спиридонова 16 янв. убила тамбовского вице-губернатора Г. Н. Луженовского, возглавлявшего карательные экспедиции против крестьян. При аресте и допросах М. А. Спиридонова подверглась истязаниям.
[2] Кн. вышла в СПб. в 1905 г. (*ЯПб*).
[3] Записи Т. в Дн. послужили основой для ст. «О значении русской революции» (т. 36).
[4] См. указ. брошюру Д. А. Хомякова, с. 27.
[5] Манифестом 20 февр. Гос. совет, бывший до того законосовещательным учреждением, получил, как и созданная Гос. дума, законодательную инициативу, исключая возможность изменения основных законов.

24 февраля

[1] Письмо А. М. Томилиной от 21 февр. Т. отв. 27 февр. (т. 76, с. 110—112).

25 февраля

[1] Ж.-Ж Р у с с о. Эмиль, или О воспитании. Кн. 3-я, §§ 98—110.
[2] J. D. W y s s. Le Robinson suisse. Trad. de l'allemand par m-me E. Voiart. P., 1840.
[3] П. К. К о з л о в. Тибетский далай-лама (*Р. вед.*, № 49, 20 февр.— о посещении автором в апр. 1905 г. столицы Северной Монголии Урги).
[4] Письмо врача-гинеколога Фроста от 20 февр. (?) (почт. шт.). Т. отв. 15—20 марта (т. 76, с. 124—125).

26 февраля

[1] Информация заимствована из сообщ. о работе Д. И. Менделеева над кн. «К познанию России» (*Илл. прилож. к НВ*, № 10758, 25 февр.).
[2] Ср. «Что такое искусство?» (т. 30, с. 64—65).
[3] Н. К. Ш и л ь д е р. Император Николай Первый, его жизнь и царствование, Упом. изд., т. II, с. 287. Шильдер пользовался, очевидно, рук. Записок. Они частично опубл.: «Из Записок графа А. Х. Бенкендорфа» (*ИВ*, 1903, №№ 1—2). Т. был знаком с этой публ. Отр. о Франц. революции в нее не вошел.
[4] Т. сравнивает колебания в политике Александра I с ролью «маятника», к-рую играла в деятельности Гос. думы в России монархич. партия октябристов.
[5] Вероятно, стихотв. Беранже «Feux follets». Отр. из него приведен в качестве эпиграфа к VIII гл. «Детства» (*Совр.*, 1852, № 9; т. I, с. 97).
[6] Очевидно изд.: Œuvres complètes, vol. I—IV. P., 1868—1878. В *ЯПб* сохр. изд. P. J. B é r a n g e r. Dernières chansons. De 1834 à 1851. P., 1857.
[7] См. запись 1 марта.
[8] И. Т е н е р о м о. Воспоминания о Л. Н. Толстом и его письма. СПб., 1905 (*ЯПб*, дарств. надпись).

27 февраля

[1] 7 марта н. с. А. Шкарван сообщал, что издание сб. рассказов Т. «Neue Erzählungen und Legenden». Ubers. von A. Skarwan. St. (*ЯПб*), в к-рый входил «Ассирийский царь Ассархадон» вызвало протест Б. Кассирера, издавшего эту легенду в сб.: «Drei Legenden». Ubers. aus dem Manuskript von A. Scholz. B., 1904. Письмо Т. к Шкарвану неизв. Вероятно, Маковицкий сообщил ему отв. Т.
[2] И. П. Ю в а ч е в. Паломничество в Палестину к гробу господню. Очерки путешествия в Константинополь, Малую Азию, Сирию, Палестину, Египет и Грецию. СПб., 1904 (*ЯПб*, дарств. надпись).
[3] E. M. de V o g ü é. Syrie, Palestine, Mont Athos. Voyages aux pays du passé. 2-me éd. P., 1878.
[4] Притчу о двух стариках Т. услыхал в 1879—1880 гг. от известного сказителя В. П. Щеголенка (см. т. 25, с. 703).
[5] *Евангг. от Матф.*, X, 39 (см. т. 40, с. 113).
[6] Л. А. В о л ь к е н ш т е й н. 13 лет в Шлиссельбургской крепости. Изд. *Св. сл.* Purleigh, 1900.
[7] См. запись 22 февр. 1905 г.
[8] *ИВ*, 1905, № 3 (*ЯПб*).

1 марта

[1] В письме к С. А. Толстой от 3 февр. И. П. Ювачев сообщал, что посылает упом. ст. Все оттиски хр. в *ЯПб*.
[2] Повязки, к-рые во время молитвы иудеи надевают на лоб.
[3] Отр. из кн. В. Ольховского (В. Д. Бонч-Бруевича) «Назарены в Венгрии и Сербии» вошли под загл. «О секте назарен, распространившейся в Венгрии, Сербии и Хорватии» в недельное чтение после 29 дек. «Смерть Сократа (Из разговоров Платона)» в обработке Т.— после 22 сент.— «Круг чтения», т. II, с. 242—250, 596 (т. 42, с. 386—389, 242—250).
[4] Н. К. Ш и л ь д е р. Император Николай I и Польша. СПб., 1892.
[5] Т. заканчивал рассказ «За что?», для к-рого нужны были дополн. свед.
[6] L. T o l s t o j. Kruh četby. Упом. изд.
[7] Л. Н. Т о л с т о й. Письмо к либералам. СПб., 1906 (*ЯПб*). Под таким загл. печаталось письмо Т. к А. М. Калмыковой от 31 авг. 1896 г. (т. 69, с. 127—138).

2 марта

[1] В. В е р е с а е в. Рассказы о войне. 1. Ломайло (*МБ*, 1906, № 2).
[2] В *МБ* № 2 напеч. 3 рассказа С. Жеромского: «Расклюют нас черны вороны», «Язычник», «К своему богу».

[3] В письме к Т. от 7 марта н. с. (почт. шт.) А. фон-Шульц прислал свою статью «Право и его возникновение в связи с войной». СПб., 1905 (оттиск из «Морского сб.» 1905 г.) и просил дать отзыв.

3 марта

[1] На письмо И. П. Накашидзе от 3 февр. Т. отв. 13 марта (т. 76, с. 119—120).
[2] Известно 3 письма Т. за 3 марта (т. 76, с. 113—116).
[3] Письмо от 10 марта и. с.; Т. отв. 3 марта (т. 76, с. 113—114).

5 марта

[1] *Р*, № 44, 2 марта—«Пытки в Варшаве (Успокоительный режим Витте—Дурново)».
[2] В. Буренин. Критические очерки (*НВ*, № 10764, 3 марта).
[3] *НВ*, № 10764, 3 марта.

6 марта

[1] В Зап. кн. Т. 25 дек. 1866 г. среди заметок к «Войне и миру» есть такая: «Музыка во сне. Ночью поет Михей» (т. 48, с. 86). Использована в сцене, когда Петя Ростов, задремавший под звук натачиваемой сабли, слышит в полусне торжественный гимн (т. IV, ч. 3, гл. X).

7 марта

[1] Повесть изд. в СПб. (1876).
[2] R. Hunter. On Poverty. N. Y., 1905 (*ЯПб*, дарств. надпись (печати.), пометы Т. и переводчика на рус. яз.).
[3] Л. Н. Толстой. Стыдно. СПб., 1906.
[4] Горбунов писал об этом Т. 3 марта (почт. шт.).

8 марта

[1] Ср. Н. И. Костомаров. Автобиография (в кн. «Литературное наследие». СПб., 1890, с. 68, 199, 204—205).
[2] Ср. т. 30, с. 127—129.
[3] Э. А. Юнге, врач-окулист.

10 марта

[1] *Просбы* — ямы на проезжей дороге, образовавшиеся от таяния подснежного льда.
[2] Д. А. Хомяков. Вступление к опыту построения понятия православия в смысле просветительно-бытовом. Харьков, 1905 (*ЯПб*).
[3] В Дн. 9 марта Т. пометил, что «поправлял заметку о правительстве, о власти», возникшую из записей в Дн. 10 февр. (т. 55, с. 205), сделанных под влиянием чтения брошюры Д. А. Хомякова «Самодержавие».
[4] М. Р. Попов. К биографии Ипполита Никитича Мышкина (Из воспоминаний).— *Б*, № 2.
[5] Письмо А. С. Пругавина от 23 февр. Т. отв. 3 марта (т. 76, с. 115).
[6] В письме от 13 марта н. с. Чертков, не сочувствовавший направлению журн. «Былое», советовал Т-му не публиковать письма к Александру III.

11 марта

[1] На это письмо В. В. Чернавина от 9 марта отв. Маковицкий (т. 76, с. 281).
[2] «Талмуд. Мишна и Тосефта». Критический пер. Н. Переферковича, тт. I—VII (кн. 1—13). СПб., 1900—1905 (*ЯПб*, пометы).
[3] Портрет экспонировался на XXXIV Передвижной выставке в Петербурге со 2 марта по 26 апр. Хр. в Харьковском гос. музее изобразительных искусств.
[4] Кн. издана в Москве в 1906 г.

12 марта

[1] М. Меньшиков. С головы до ног (*НВ*, № 10772, 11 марта).
[2] *Р. вед.*, № 67, 10 марта. Анон. ст. «Бывший кутаисский губернатор о Кавказе».

13 марта

[1] В письме от 9 марта М. Н. Макарова прислала «Рассказ Спиридоновой» из *ЖЖ*, № 368, 12 февр. и ст. С. Люб. «О Спиридоновой» — из «Жизни и свободы», № 22, 9 марта, и просила «заступиться» за Спиридонову.
[2] См. письмо Т. от 26 (?) окт. 1872 г. (т. 61, с. 332—335).
[3] «Обращение к русским людям. К правительству, революционерам и народу» (т. 36).

14 марта

[1] 7 марта Н. Е. Фельтен писал о ст. Т. «Обращение к русским людям...», выразив удивление резкому тону в отношении революционеров. Т. отв. 15 марта (т. 76, с. 122—123).

[2] Л. Н. Толстой. Солдатская памятка. М., 1906.

[3] 16 марта н. с. Бирюков отв. на письмо Т. от 3 марта. Об изменении своего решения Т. сообщил Бирюкову 10 марта (т. 76, с. 118).

[4] Содержание разговора Франциска Ассизского с монахом Львом о том, что есть «радость совершенная». Разговор введен в «Мысли мудрых людей на каждый день». М., «Посредник», 1903, с. 1—2 (т. 40, с. 69—70) и в «Круг чтения» — т. I, с. 361—362. (т. 41, с. 312—313). Он заимствован Т. из кн.: П. Сабатье. Жизнь Франциска Ассизского, пер. с франц., изд. «Посредник». М., 1895, с. 144—146.

[5] «Круг чтения», т. I, с. 181 (т. 41, с. 161—162).

16 марта

[1] Н. Е. Фельтен готовил к печати в изд. «Обновление» ст. Т. «Обращение к русским людям. К правительству, революционерам и народу». Рук. с поправками Фельтена и Т. не сохр. (см. ст. Фельтена «Толстой о революции».— «Вестник культуры и революции», 1917, № 1, с. 28—29). Высказывание Т. о Перовской и др. революционерах — т. 36, с. 150—151.

[2] В сент. 1872 г. Т. был привлечен к судеб. ответственности за гибель пастуха; он писал об этом А. А. Толстой 15 и 19 сент. 1872 г. (т. 61, с. 314—318).

[3] М. Ю. Ашенбреннер. Шлиссельбургская тюрьма за 20 лет (*Б*, 1906, № 1).

[4] «Хаджи-Мурат» при жизни Т. напечатан не был (см. т. 35).

[5] Перефразировка цитаты из «Песни колокола» Ф. Шиллера; четверостишие приведено И. С. Тургеневым в «Рамлете Щигровского уезда» (*Тургенев*, т. IV, с. 284).

[6] *Еванг. от Матф.*, XVIII, 23—35.

[7] В письме от 14 апр. В. В. Стасов сообщил Т. об отправке ему кн. и приложил их список (см. *ПТС*, с. 396—397). Т. отв. 2 мая (т. 76, с. 157).

[8] О выходе т. I «Круга чтения» сообщалось в *Илл. прилож. к НВ*, № 10769, 8 марта в отд. «Книги за неделю». Хвалебная рец. без подп.— *ВВ*, № 9193, 16 февр.

17 марта

[1] Кн., присланные А. А. Шахматовым по просьбе Бодуэна де Куртенэ, были возвращены Маковицким в б-ку Академии наук 7 апр.

[2] *ЖдВ*, № 3 — стихи Л. Соболева «Теням умерших» и М. Бескина без загл.

18 марта

[1] В письме от 28 марта н. с. автор просил Т. сообщить свое мнение. Кн. сохр. в *ЯПб*.

[2] Письмо А. М. Озерова от 12 марта.

19 марта

[1] Н. К. Шильдер. Император Николай I ... Упом. изд.

[2] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. I — XXIX, М., 1851—1879. О Екатерине II в тт. XXV—XXIX (1875—1879); о разделе Польши — в тт. XXVII—XXIX (*ЯПб*, пометы).

[3] *Еванг. от Иоанна*, III, 1—11.

[4] *Соборное послание апостола Иакова* (II, 17 и 20), а не послание апостола Павла к галатам.

[5] Н. П. Сильванский. Пестель перед Верховным уголовным судом (*Б*, №№ 2—5).

20 марта

[1] Текст записки Т. к С. Д. Николаеву неизв.

[2] С. М. Соловьев. Упом. изд., тт. XV—XVII (1865—1867) (*ЯПб*, пометы).

23 марта

[1] Цитируется надпись Т. на конв. письма к нему П. Романовского от 14 марта (почт. шт.). См. т. 76, с. 281.

24 марта

[1] 24 марта Маковицкий сообщил Н. Е. Фельтену просьбу Т. Однако ст. «Обращение к русским людям...», отданная за неск. дней до получения письма в набор, была напеч., но конфискована в типографии.

[2] П. Щеголев. Первый декабрист Владимир Раевский. К истории общественных движений в России в 1-й четверти XIX в. Изд. 2-е. СПб., 1906 (*ЯПб*).

[3] В письме от 14 марта П. Ф. Вимпфен просил у Т. позволения приехать, чтобы разрешить волнующие его вопросы и сомнения. Т. отв. 24 марта (т. 76, с. 131).

[4] О. К. Толстая писала Т. 5 марта н. с. о своем намерении продать имение А. Л. Толстого Таптыково, переданное им детям, опасаясь, что крестьяне откажутся платить за аренду земли. О том же писала А. К. Черткова 28—31 марта н. с. На оба письма Т. отв. 24 марта, сообщив о своем разговоре с А. Л. Толстым (т. 76, с. 132—133).

25 марта

[1] С. М. Соловьев. Упом. изд., т. XV (1865), гл. IV (*ЯПб*, помета на с. 323, где говорится о пытках Кочубея и Искры).

[2] Бирюков прислал свою ст. «Событие 1-го марта и Л. Н. Толстой». В нее было включено только письмо Т. к Александру III от 8—15 марта 1881 г. Напеч. в «Голосе», № 1—2, 27—28 апр.

[3] Ст. Т. «Конец века» и «Одумайтесь» напеч. в «Обновлении», там же позднее напеч. ст. «Единое на потребу» (№ 11).

28 марта

[1] С. М. Соловьев. Упом. изд., т. XIII (1863), гл. 1 (*ЯПб*, пометы на с. 209, 211, где описывается жизнь Аввакума).

[2] К письму Л. Набокова от 7/20 марта прилож. брошюра: C. M. R. «An Outline of the Bahai' Teaching», 1905.

29 марта

[1] Мысль Лао-тзе включена в «Мысли мудрых людей на каждый день» — М., «Посредник», 1903, с. 186 (т. 40, с. 143); перешла в «Круг чтения», т. I, с. 106 (т. 41, с. 93—94) и «На каждый день» (т. 43, с. 224).

30 марта

[1] Письмо В. В. Чернавина от 25 марта.

[2] «Круг чтения», т. I, с. 230—231 (т. 41, с. 202—203).

[3] См. запись 20 дек. 1904 г.

31 марта

[1] Оба рассказа вошли в «Книги для чтения» Т. (т. 21, с. 129—130 и 226—230).

1 апреля

[1] *Р. вед.*, № 88, 31 марта. Сообщ. о забастовке в Эрзеруме, к к-рой примкнули войска и было убито неск. офицеров.

[2] Текст телегр. Т. к Бирюкову неизв. (см. т. 76, с. 269).

[3] А. Хирьяков. Событие 1 марта и Л. Н. Толстой (*Б*, 1906, № 3). В ст. не включены письма Т. к Александру III и К. П. Победоносцева к Т.; они только упоминаются.

[4] «Записки имп. Екатерины II» (*ИВ*, 1906, №№ 1—9; *ЯПб*).

[5] 4 марта И. Н. Сахаров просил разрешения включить в составляемый им сб. речь Т. на суде в защиту В. Шибунина.

[6] В 1906 г. «В чем моя вера?» вышла в 3-х изд-вах. В *ЯПб* — изд. «Посредника».

[7] В письме от 5 апр. н. с. Д. Бишофф отмечал, что, по его мнению, «идеи Толстого (самопознание) очень близки к масонским идеям». Кн. его хр. в *ЯПб*.

[8] Гл. 1 «Декабристов» (а не предисл.) была написана Т. в 1860 г. В ней дана ироническая характеристика предреформенных лет (т. 17, с. 7—9).

[9] Письмо Г. Графа от 22 марта н. с.

[10] Слова Бисмарка (см. прим. 2 к записи от 8 янв. 1905 г).

2 апреля

[1] L. Tolstoi. Für alle Tage. Bd. I. Dresden. 1906 (*ЯПб*, дарств. надпись А. Шкарвана). Упом. Т. тексты Гете — на с. 79, 159, 279 (см. *ЛН*, т. 75, кн. 2, с. 148—149).

[2] Письмо Ф. А. Страхова к Маковицкому от 31 марта (*PNP*). В 1906 г. в каждом № «Недели» печ. ранее запрещенные соч. Т. В *ЯПб* сохр. №№ 15, 16, 18—22 журн.
[3] Этот текст Т. печ. в англ. и амер. изд. «Воскресения» в пер. Л. Моод. В *ЯПб* хр.: L. T o l s t o y. Resurrection. N. Y., 1899.
[4] Письмо В. Сметанова от 19 марта.
[5] Письмо Н. Ф. Кудинова от 2 марта из Владикавказа.
[6] Письмо Р. П. Сиксне от 28 марта. Отв. Ю. И. Игумнова (т. 76, с. 282).

3 апреля

[1] «The Anglo-Russian Literary Society. Proceedings». В *ЯПб* сохр. многие №№ журн. 1893—1910 гг.

4 апреля

[1] Известно письмо И. Д. Гальперина-Каминского от 16 февр./1 марта с сообщением, что В. Л. Бинштоk распространяет заявление о принадлежащем исключительно ему праве пер. соч. Т. на франц. яз. Т. отв. 21 февр. (т. 76, с. 108).
[2] Письмо Н. Е. Фельтена к Маковицкому, б. д. (*PNP*). Ст. «Единое на потребу» напеч. в изд. «Обновление» с пропуском резких суждений об Александре III и Николае II. Изд. было конфисковано.
[3] На письмо В. С. Михайловой от 31 марта отв. Ю. И. Игумнова (т. 76, 282). Рук. ее ст. и стихов, присланные Т. в 1905 г., сохр.
[4] П. Т. Савельев в письме от 19 марта просил прислать соч. Т. На конв. помета Маковицкого: «Посланы».
[5] «Записки княгини Е. Дашковой» (*РС*, 1906, №№ 3—7).
[6] *Перноспора* — заболевание фруктовых деревьев.
[7] Портрет Л. Л. Толстого написан Репиным в апр. 1905 г. Экспонировался на XXXIV Передвижной выставке в 1906 г. Принадлежал *ГРМ*; в 1956 г. передан в *ГМТ*. См. воспр. на с. 93 наст. кн.

5 апреля

[1] С. А. Толстая предполагала издать дополи. тома к 11 изд. соч. Т. в 13 частях (М., 1903), включив в них ранее запрещ. цензурой соч. Т. Намерение это осуществлено не было.
[2] Н. Д. Банников родился в 1778 г. и был старше Т. на 50 лет.
[3] М. А. Стахович по просьбе Т. прислал ему три кн. К. Валишевского: «Pierre le Grand», 6-me éd. P., 1905; «L'héritage de Pierre le Grand. Règne des femmes, gouvernement des favorits. 1725—1741»; 3-me éd. P., 1900 и «La dernière des Romanoff Elisabeth 1re». Упом. изд. В письме от 4 апр. он просил Т. вернуть их после прочтения. Т. отв. 12 апр. (т. 76, с. 141—142).
[4] «Романом будущего» критика окрестила излюбленный А. Франсом жанр романа, в к-ром сюжет играет незначительную роль, а действие заменяется столкновением взглядов и убеждений. Последним по времени из таких произведений Франса, к-рое, возможно, и имеется здесь в виду, был его социально-философский роман «На белом камне».

6 апреля

[1] В письме от 24 марта Чертков напомнил Т. о предложенных изменениях. Т. отв. 2 апр., что не может согласиться с ними (т. 89, с. 39).
[2] *И. И. Петрункевич* — отчим С. В. Паниной, на даче к-рой в Гаспре жили Т. и его семья в 1901—1902 гг. В февр. 1902 г. Петрункевич с женой приехали в Гаспру, чтобы в случае смерти Т. сделать нужные распоряжения (см. *Очерки былого*, с. 228).

8 апреля

[1] См. *НВ*, №№ 10796 и 10798, 5 и 7 апр.

9 апреля

[1] Ф. Л и в а н о в. Раскольники и острожники. В *ЯПб* сохр. т. I, вероятно, 2-го изд. (СПб., 1869).
[2] Ст. «Vítězství kadetů» («Samostatnost», № 28, 11. IV).
[3] Д. М. Р а т г а у з. Полное собр. стихотворений, т. I—II. СПб. — М., б.г. (*ЯПб*, дарств. надпись).

10 апреля

[1] В *Илл. прилож. к НВ*, № 10800, 8 апр. опубл. ст. *W.* «Из области литературы и искусства», в к-рой приведены отр. из письма Мопассана к М. Вокеру от 17 июля 1885 г.

о лит. творчестве. Там же сообщ. об открытии 8 апр. н. с. памятника А. Карру близ Ниццы и приведено неск. его афоризмов.

[2] В *ЯПб* сохр. кн. А. Карра: «Menus propos. Mélanges philosophiques». P., 1859 и «Agathe et Cécile». P., 1884.

[3] В № 10800, 8 апр. под общим загл. «К извержению Везувия» помещено неск. фотогр. и репродукция с картины, изображающей богомольцев, к-рые служат молебен перед потоком лавы.

11 апреля

[1] М. Меньшиков. Письма к ближним.— Большие дети (*НВ*, № 10800, 9 апр.).

[2] Как сообщила ред. *ЛН* фр. исследовательница Д. Мароже, Т. мог встречаться с Клемансо в Париже в 1861 г. — в музык. школе Шеве (ср. т. 8, с. 121) и, возможно, в доме Полины Виардо (ср. запись 2 февр. 1909 г.). О полемической ст. Клемансо по поводу статей Т., появившихся на франц. яз., см.: *ЛН*, т. 75, кн. 2, с. 23, 74.

[3] Отставка С. Ю. Витте была принята Николаем II 16 апр. Председ. Совета мин. был назначен И. Л. Горемыкин.

12 апреля

[1] Письмо от 20 апр. н. с.

[2] Т. писал К. Токутоми 12/25 апр. (т. 76, с. 142—144), что попросит Черткова послать ему статью «Конец века» на англ. яз.

13 апреля

[1] Каталог XXXIV Передвижной выставки картин. 1906. М.— СПб., 1906.

[2] В письме от 24 марта н. с. Чертков сообщал, что осенью предполагает приехать с семьей в Россию на неск. недель.

[3] J. Blair. Jean. L., 1906 (*ЯПб*). Отзыв об этой кн. Т. сообщил Син-Джону в письме от 12/25 апр. (т. 76, с. 140—141).

[4] G. Le Bon. Psychologie du socialisme. P., 1905 (*ЯПб*). Читались отр. из кн. 3, с. 166; кн. 5, с. 361.

[5] Е. Рихтер. Социал-демократические картинки будущего. По Бебелю. СПб., б. г.

[6] Кн. хр. в *ЯПб* (пометы). Изречения Ангелуса Силезиуса были включены во 2-е изд. «Круга чтения» и перешли в «На каждый день» и «Путь жизни». Примеры переводов двустиший Силезиуса, сделанных Т., см.: *ЛН*, т. 75, кн. 2, с. 185 и 203.

14 апреля

[1] Указ. кн. Д. А. Хомякова, с. 32. Запись Т. в Дн. от 2 февр.: «Читал нынче Канта Religion in Gränzen der blossen Vernunft. Очень хорошо, но напрасно он оправдывает, хотя и иносказательно, церковные формы» (т. 55, с. 186).

[2] Письмо ред. «Krytyka», апр. (?). Печ. текст на франц. и нем. яз.

[3] См. т. 42, с. 106.

[4] На письмо А. М. Хирьякова от 12 апр. Т. отв. 15 апр. (т. 76, с. 147) и послал ст. Бирюкова «Событие 1 марта и Л. Н. Толстой», к-рая была напеч. в «Голосе» №№ 1—2 от 27—28 апр.

[5] Письмо Е. Е. Горбуновой от 11 апр. (почт. шт.). Т. отв. 12—13 апр. (т. 76, с. 145).

[6] K. Waliszewski. Pierre le Grand. Упом. изд.

15 апреля

[1] Ст. «Две меры и два веса (Письмо в редакцию)» за подп. *Избиратель* (*НВ*, № 10793, 1 апр.). Отв. письмо И. Петрункевича появилось в *Р*, № 38, 2 апр.

[2] L. Galleani. Un souvenir d'Elisée Reclus («Ere Nouvelle», 1906, № 40).

[3] В ст. «Выборы в Государственную думу» (*НВ*, № 10806, 15 апр.) были опубл. сведения о выборах, состоявшихся в Петербурге 14 апр.

[4] *НВ*, № 10806, 15 апр.

[5] Очевидно, речь идет о встрече Т. с Ю. Ф. Самариным в марте 1874 г., за 2 года до его смерти.

[6] И. М. Трегубов прислал Т. газ. «Полтавщина», № 20 (начало апр.) со своей ст. «Ответ социалистам». В письме 10 апр. он сообщал об этом и просил Т. проредактировать ст. и похлопотать о публикации ее в столичных газ.

16 апреля

[1] Письмо от 6 апр. Т. отв. 17 апр. (т. 76, с. 148—149).

17 апреля

[1] При письме от 15 апр. И. М. Трегубов прислал Т. составленное им «Воззвание в защиту современных христианских мучеников», напеч. в «Полтавщине», № 23, 13 апр. Он просил проредактировать, дополнить это «Воззвание» и похлопотать об изд. его отд. брошюрой.

18 апреля

[1] См. в *НВ*, № 10804, 13 апр. ст. б. подп. «Убийство о. Гапона».
[2] По воспоминаниям Лебрена, он помогал Т. в работе над корр. «Круга чтения», т. II (Л е б р е н. Толстой. М., 1914, с. 12).
[3] Рец. Старова на кн. Л. Ш и ш к о. Рассказы из русской истории. В 2-х ч. СПб., 1906 (*ИВ*, № 1).

19 апреля

[1] В *ЯП 6* хр. брошюра с пометами Т.: H u m a n u s. African Spir. Ein Philosoph der Neuzeit. Lpz., 1892. Лебрен готовил для изд. «Посредник» брошюру об. А. А. Спире (Шпире). Опубл. под загл. «А. Шпир, основатель научной метафизики» в «Календаре для каждого» на 1912 г.
[2] Деньги прислал 7 апр. Н. В. Оннохов, директор рижской Александровской гимназии. Т. отв. 18 апр., подробно описав своему корресцонденту этот эпизод (т. 76, с. 150—151).
[3] 26 апр. корр. «За что?» была отправлена в изд-во.
[4] «Приостановленные издания» (*ИВ*, № 4).
[5] А. И. Ф а р е с о в. Настроение современной деревни (*ИВ*, №№ 3—4).

20 апреля

[1] Горбунов-Посадов писал об этом в письме от 18 апр. (почт. шт.). Чертков изд. сб. L. T o l s t o y. Divine and the Human and other Stories. Christchurch, 1906. В него вошли рассказы не только из т. I «Круга чтения», но и печатающиеся в т. II «Божеское и человеческое», «За что?».
[2] Н. С. Аскарханов в №№ 1—6 своего журн. «Русское свободное слово» поместил «Полн. собр. соч.» Т., «запрещенных цензурой».
[3] См. запись 10 июня 1905 г.
[4] М. М о х н а ц к и й. Польское восстание в 1830—1831 гг. (*РС*, 1884, №№ 7—9; 1890, № 3; 1891, №№ 2—3).
[5] A. F r a n c e. Le procurateur de la Judée (1891). В кн. «L'étui de nacre» (1892).

23 апреля

[1] Письмо Горбунова-Посадова от 21 апр. (почт. шт.).

24 апреля

[1] М. М е н ь ш и к о в. Перевал (*ЧВ*, № 10813, 22 апр.).
[2] Письмо К. П. Сиксне от 21 апр.
[3] Письмо В. В. Стасова от 14 апр. (*ПТС*, с. 396—397). Т. отв. 2 мая (т. 76, с. 157).
[4] Картина Ю. И. Игумновой «Толстой верхом». См. прим. 2 к записи 16 окт. 1905 г.

25 апреля

[1] 1-е покушение на моск. ген.-губ. Ф. В. Дубасова было произведено 23 апр. чл. партии эсеров Б. Вноровским. Ф. В. Дубасов был ранен.
[2] Т. получил от группы петерб. рабочих письмо, подписанное П. Н. Логиновым, от 22 апр. и прилож. к нему журн. «Обо всем», № 1 со ст. «Рабочие у гр. Л. Н. Толстого (рассказ рабочего)». В ней сообщалось, что в Ясную Поляну вызывали казаков для наказания крестьян за порубку леса. Ранее эта же ст., напеч. в *БВ*, № 52, 22 февр., была прислана Т-му А. С. Маровым при письме от 15 марта. Т. писал ему 22 марта: «На такие клеветы ⟨...⟩ я никогда не отвечаю» (т. 76, с. 126—127).
[3] В эти дни Т. читал «Историю России с древнейших времен» С. М. Соловьева, тома об эпохе Петра I, в к-рых значительное место занимает история Швеции.

26 апреля

[1] С. А. Толстая 23 апр. была на свадьбе Н. Н. Колокольцовой, внучки Д. А. Дьякова, друга Т.

[2] «Петр и Алексей» (*ЛП*, 1903—1904, №№ 1—12; «Вопросы жизни», 1905, №№ 1—3). В *ЯПб* сохр. *ЛП*, 1904, №№ 1—12; «Вопросы жизни», 1905, №№ 3—11.

[3] В *ЯПб* хр. кн. И. Т. Посошкова: Соч. М., 1842 (пометы Т. 70-х гг.); Соч., ч. 2-я. М., 1863. Возможно, что речь здесь идет о копиях арх. докум. эпохи Петра I, снятых в 1879 г. по просьбе Т. для работы над «Романом времен Петра I», среди к-рых есть копия дела об Авраамии, и в нем упоминается Посошков (т. 17, с. 676—679).

27 апреля

[1] В «Книге входящей почты» отмечено, что Т. получил «немецкий мистический листок».

[2] К письму Горбунова-Посадова от 27 апр., в к-ром шла речь о публ. «Круга чтения», была прилож. корр. т. II.

[3] М. М. Клечковский был одним из организаторов экспериментального воспитательно-образовательного учреждения — «Дома свободного ребенка», существовавшего в Москве в 1906—1909 гг.

[4] Э. Кросби писал об этом 3 апр. н. с. (*ЛН*, т. 75, кн. 1, с. 404—405). Т. отв. 12/25 апр. (т. 76, с. 137—138).

[5] «Воззвание в защиту современных христианских мучеников», составл. И. М. Трегубовым и отредактированное Т., с его сопровод. письмом, было напеч. в «Слове», № 453, 3 мая (т. 36, с. 278—282) и отд. брошюрой: Л. Н. Толстой. О военной службе. С предисл. И. Трегубова. Полтава, 1906.

28 апреля

[1] При письме от 26 апр. И. М. Трегубов прислал рук. «Приветствия русскому народу от Кондрата Малеванного» и просил проредактировать, дополнить и напечатать в газ. или отд. брошюрой. Т. отв. 30 апр., что «Приветствие» не годится для печати (т. 76, с. 156). Вышла отд. изд. в «Посреднике». М., 1907.

[2] *Р. вед.*, № 114, 28 апр.

29 апреля

[1] Письмо И. Белоусова от 24 апр. Т. отв. 30 апр. (т. 76, с. 154).

[2] Т. I «Круга чтения» вышел в янв.

30 апреля

[1] По-видимому, соч. А. К. Глазунова «Избранникам русского народа. Гимн для хора и оркестра». Изд. «Двадцатый век». ‹СПб.›, 1906.

1 мая

[1] В *Р. вед.*, № 316, 30 нояб. 1905 г. было опубл. сообщ. (без загл. и подп.), что чикагская газ. «Public» открыла подписку на изд. и бесплатное распространение 1 000 000 экз. ст. Т. «Великий грех».

[2] В ст. *К. А.* «Чего ждать от Думы» («Голос», № 2, 28 апр.) приводятся слова крест. депутата Д. И. Назаренко: «Если ‹...› найдется Пилат, способный разогнать Думу, в России наступят события, каких не видал еще мир».

[3] «President Roosevelt's sensational speech» («Public», 21.III; *ЯПб*).

[4] Письмо к Черткову от 2 апр. (т. 89, с. 39).

3 мая

[1] A. Haig. Uric Acid. An Epitome of the Subject. 2-nd ed. L., 1906 (*ЯПб*, дарств. надпись, пометы).

[2] См. Д. Перри. Состояние России при нынешнем царе. М., 1871.

4 мая

[1] Письмо М. С. Сухотина к Т. Л. Сухотиной от 2 мая об открытии в Петербурге I Гос. думы.

[2] См. *НВ*, №№ 10823—10824, 2—3 мая.

[3] P. Boyer et N. Spéranski. Manuel pour l'étude de la langue russe. P., 1905 (*ЯПб*, дарств. надпись).

[4] По последним данным, в произв. Шекспира употреблено от 15 до 24 тысяч слов (см. А. Аникст. Шекспир. М., 1964, с. 339).

5 мая

[1] Т. работал над ст. «Две дороги» (впоследствии озагл. «О значении русской революции» (т. 36). В основу ст. легли заметки из Дн. от 6—10 февр., которые Т. предполагал вначале использовать в качестве предисл. к брошюре Д. Хомякова «Самодержавие».
[2] Письмо от 2 мая. Отв. Маковицкий (т. 76, с. 282).
[3] Г. Белорецкий. Химера (Рассказ военного врача).— «Современность», 1906, № 2 (*ЯПб*).
[4] А. Суворин. Маленькие письма (*НВ*, № 10824, 3 мая). В ст. цитируется кн.: П. А. Кропоткин. Речи бунтовщика. СПб., 1906, с. 95—96 (ср. т. 36, с. 324 и 326).

6 мая

[1] Об этом М. С. Сухотин писал в указ. выше письме от 2 мая.
[2] С. М. Картамышев. Культура озимых хлебов с пересадкою. Опыт 1902—1905 гг. М., 1906.
[3] В «Сб. т-ва «Знание» за 1905 г.», кн. 7. СПб., 1905, опубл. поэма «На острове» Г. Даниловского. Пер. А. С. Черемнова, и пьеса А. М. Горького «Дети солнца».
[4] *Еванг. от Матф.*, V, 34—35.

7 мая

[1] Кн. П. А. Кропоткина «Fields, Factories and Workshops» Т. читал в янв. 1900 г. (см. *Летописи ГЛМ 12*, с. 409—410).
[2] См. прим. 1 к записи 5 мая.
[3] Чертковым это соч. было напеч. дважды: Л. Н. Толстой. Как читать Евангелие и в чем его сущность? Лондон, 1897; *то же*, 2-е изд., 1900. Л. Н. Толстой. 1. Ответ Синоду. 2. Как читать Евангелие и в чем его сущность? СПб., 1906.
[4] Письмо от 28 апр.

8 мая

[1] Ст. «О значении русской революции».
[2] Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина. I—XXII. СПб., 1888—1910.
[3] Н. И. Пирогов. Вопросы жизни. Дневник старого врача (*РС*, 1884, №№ 9—12; 1885, №№ 1—6). Часть №№ хр. в *ЯПб*.
[4] В результате дворцового переворота, совершенного в Софии болг. офицерами-русофилами 9 авг. 1886 г., кн. А. Баттенберг был свергнут, арестован и сдан русским властям.
[5] Письма П. А. Толстого к Петру I опубл. в кн.: Н. Устрялов. История царствования Петра Великого, т. VI. СПб., 1859. Т. пользовался ею при работе над «Романом времен Петра I» в 1870-х гг.
[6] Д. С. Мережковский. Л. Толстой и Достоевский. Жизнь и творчество; религия Л. Толстого и Достоевского, т. I—II. СПб., 1901—1902 (в *ЯПб* только т. II).
[7] Историка, этнографа и географа А. И. Артемьева и его труды Т. должен был знать еще со времен пребывания в Казанском университете.

9 мая

[1] «Записка по аграрному вопросу, внесенная в Государственную думу группой членов Думы, принадлежащих к партии народной свободы»—т. наз. проект 42-х— (*НВ*, № 10830, 9 мая).
[2] A. Petrovic. Wahrheit und Trug im Sozialismus. B., 1906 (*ЯПб*, дарств. надпись, пометы). Отв. Маковицкий 9 мая (т. 76, с. 282—283).

11 мая

[1] Т. правил корр. т. II «Круга чтения», куда включены 2 отр. из «Сети веры» П. Хельчицкого.

12 мая

[1] Письма Горбунова-Посадова к Т. от 18 и 27 апр. Подробнее об этом см. в кн.: В. М. Быков. Джек Лондон. М., 1968, с. 230—232.
[2] В эти дни в Думе обсуждался вопрос об амнистии.
[3] А. Струнская подарила Т. кн.: «The Kempton-Wace letters». L., 1903 (*ЯПб*), к-рую она написала вместе с Дж. Лондоном. 1-е изд. вышло анонимно.

13 мая

[1] Вероятно, «Великий грех» (т. 36).

[2] В *ЯПб* хр. след. брошюры и кн. упомянутых авторов: П. А. Кропоткин. 1. Анархия, ее философия и идеал. 2. Воспоминания о М. А. Бакунине. М., 1906 (пометы*); «Безначальный коммунизм и экспроприация». М., 1906; «Коммунизм и анархия». СПб., 1906; «Речи бунтовщика». СПб., 1906 (пометы*); «Узаконенная месть, именуемая правосудием». М., 1906; М. Бакунин. Политика Интернационала. С предисл. П. Кропоткина. М. (б. г.); «Усыпители». СПб., (б.г.*); П. Эльцбахер. Сущность анархизма. Изложение теорий: Годвина, Прудона, Штирнера, Бакунина, Кропоткина, Тукера и Л. Толстого. СПб., 1906 (пометы).

[3] Переписка Т. с Т. А. Ергольской (тт. 59—60).

16 мая

[1] В. Н. Фигнер. Шлиссельбургская узница Людмила Александровна Волкенштейн (*Б*, 1906, № 3).

[2] Эта версия считается недостоверной.

18 мая

[1] Письмо к Т. от 17 мая (т. 76, с. 283).

[2] «Naše Doba», 1906, № 8, 20.V.

[3] Указ. кн. G. Le Bon, кн. 1, гл. III, p. 38—41 (пометы).

[4] Д. В. Стасов. Каракозовский процесс (Некоторые сведения и воспоминания) (*Б*, 1906, № 4).

[5] Ст. «Аграрный вопрос в Государственной думе» (*Р. вед.*, № 129, 17 мая).

[6] «Заявление председателя Совета министров Государственной думе 13 мая», в к-ром указывалось, что разрешение агр. вопроса на основе принудительного отчуждения помещичьей земли «безусловно недопустимо» (*НВ*, № 10835, 14 мая). На эту речь И. Л. Горемыкина В. И. Ленин откликнулся ст. «Ни земли, ни воли» (В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 13).

19 мая

[1] В арх. Т. сохр. 6 тетр. Ф. Д. Быкова.

[2] *Еванг. от Луки*, II, 29—32.

[3] Письмо С. В. Бодни от 14 мая. На конв. помета Маковицкого: «Посланы книги».

20 мая

[1] В арх. Т. сохр. рук. 2 ст. Е. И. Дымшица. Изд. их осуществлено не было.

[2] Письмо Дж. Моррисона-Давидсона от 27 мая н.с. Т. отв. 27 июня/10 июля (т. 76, с. 168). Об этом же писал Э. Кросби 4 авг. 1905 г. (*ЛН*, т. 75, кн. 1, с. 402). Отв. Маковицкий (т. 76, с. 274).

[3] Письмо от 22 мая н.с. (*Шифман*, с. 272).

21 мая

[1] При письме от 19 мая И. М. Трегубов прислал вырезку из «Полтавщины», № 50— «Письмо крестьян к бывшему землевладельцу В. Шейерману»— и просил Т. переслать это письмо в др. газ. для перепечатки. Т. отказался (см. письмо Т. к И. М. Трегубову от 21 мая — т. 76, с. 158).

22 мая

[1] На письмо Г. И. Миронова от 15 мая отв. Маковицкий 23 мая и послал кн. Сам Т. отв. ему 27 июня (т. 76, с. 167—168 и 283).

23 мая

[1] Возможно, изд.: Н. Г. Молоствови П. А. Сергеенко. Лев Толстой. Жизнь и творчество. 1828—1910. Критико-биографическое исследование. СПб., 1910. Вышло 3 вып. с большим количеством илл. (*ЯПб*).

24 мая

[1] J. Morrison-Davidson. The Son of Man: Standart Bearer of Humanity. L., 1906. Кн. была прислана при письме от 27 мая н.с.

[2] Письмо к Т. Л. Сухотиной от 22 мая.

[3] Под загл. «Автобиография графа Льва Толстого» (№ 10838 и 10841, 17 и 20 мая) опубл. в обр. пер. с франц. из № 5 «Revue» отр. из «Воспоминаний» Т., написанных для «Биографии» Бирюкова (т. 34).

25 мая

[1] П. Л. Успенский прислал Т. рук. своей ст. «Об истинной веротерпимости». См. письмо к нему Т. от 25 мая (т. 76, с. 158—159).
[2] H. G e o r g e. Social Problems. Упом. изд., с. 80. Это высказывание помещено в «Круг чтения» — т. II, с. 62 (т. 42, с. 76).

26 мая

[1] М. М е н ь ш и к о в. Нужна поддержка (*НВ*, № 10846, 26 мая).
[2] «Мысли мудрых людей на каждый день». М., 1903, с. 154 (т. 40, с. 128—129).

27 мая

[1] Краткое изложение проекта Генри Джорджа из журн. «Standard» позднее было переведено Т. Написанное к нему заключение Т. послужило основой для ст. «Единственное возможное решение земельного вопроса» (т. 36).
[2] П. А. К р о п о т к и н. Речи бунтовщика. Упом. изд.
[3] «Откровение и разум» (Из «Исповеди Савойского викария» Руссо).— «Круг чтения», т. II, с. 371—376 (т. 42, с. 176—180).

28 мая

[1] Письмо М. С. Сухотина к Т. Л. Сухотиной от 26 мая. См.: *Сухотин*, с. 184.
[2] См. назв. в тексте кн. Кропоткина, с. 99.
[3] P. B i r j u k o v. Vzpomínky a listy L. N. Tolstého. Jeho dílo a život. Díl I—II. Praha, 1906 (*ЯПб*).
[4] Том I кн. Бирюкова «Л. Н. Толстой. Биография». М., «Посредник», 1906, вышел в свет 2 сент.
[5] Т. М. Б о н д а р е в. Торжество земледельца, или Трудолюбие и тунеядство. Предисл. Л. Н. Толстого. М., «Посредник», 1906.
[6] В сб. «Л. Н. Толстой. О земле и труде» (М., «Посредник», 1906) включен отр. из письма Т. к Р. Роллану от 3 (?) окт. 1887 г. (т. 64, с. 84—98) под загл. «Из письма «О ручном труде». Выдержки из «Круга чтения» в сб. нет.
[7] Кн. о В. К. Сютаеве в «Посреднике» изд. не была.

1 июня

[1] Письмо Э. Розенталя из Нью-Йорка.
[2] Ст. Н. А. Карышева «Землевладение в Западной Европе и России» (*Брокгауз*, кн. 12).

2 июня

[1] Я. А. Б о д у э н д е К у р т е н э. Проект основных положений для решения польского вопроса. СПб., 1906, с. 4. См. запись 6 июня. В вопросе об этногенезе рус. народа автор придерживался ненаучной «туранской теории».
[2] В этот день С. А. Толстая записала в «Ежедневнике»: «Я и еврей-фотограф фотографировали детей, меня, Леву и Льва Николаевича». Часть фотогр., сделанных Любошеем (Любошицем), хр. в *ГМТ*. Просьбу Т., очевидно, он выполнил. В дн. П. А. Сергеенко 2 июля отмечена встреча с Любошеем; видимо, с его слов, записано: «Когда он уезжал из Ясной Поляны, Л. Н. догнал его и попросил его передать мне сделанные Любошицем фотографии.— Он этим интересуется» (Рук.).
[3] В. И. Гурко выступал в прениях по агр. вопросу. Он привел след. данные: «Во Франции 50% населения не занимается земледельческим трудом, в Германии — 64%, а в Англии целых 85%. (*Р. вед.*, № 133, 21 мая). Эти свед. Т. использовал в ст. «О значении русской революции» (т. 36, с. 329).

3 июня

[1] Покушение на Неплюева было произв. 14 мая (см. *НВ*, №№ 10836—10837 и 10840, 15—16 и 19 мая).
[2] Покушение на Альфонса XIII и его жену 18 мая (*НВ*, №№ 10840—10841, 19—20 мая).
[3] Шеф жандармов и гл. нач. III отд. Н. В. Мезенцов был убит С. М. Степняком-Кравчинским 4 авг. 1878 г. (Т. читал об этом в ст.: О. С. Л ю б а т о в и ч. Далекое и недавнее.— *Б*, № 5, с. 210).
[4] *N.N.* Последний день Каляева (*Б*, 1906, № 5). В это время в «Круге чтения» печаталась повесть Т. «Божеское и человеческое». Отд. детали сближают сцены казни Каляева и казни Светлогуба.

[5] 30 мая М. И. Гольдберг послал Т. на отзыв свой перевод д. 2-го драмы А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович». 6 июня Маковицкий отв., что у Т. нет времени на просмотр рук., и возвратил ее (т. 76, с. 284).

[6] Сообщ. Петерб. судеб. палаты опубл. в *Р. вед.*, № 143, 2 июня.

[7] См. запись 30 янв. 1905 г.

[8] P. B i r u k o f f. Leo Tolstoy, his Life and Work. Revised by L. Tolstoy. L., 1906 (*ЯПб*). Бирюков писал С. А. Толстой 7 июня н.с., что т. I «Биографии» появился на всех европ. яз., но он посылает ей англ. изд., т. к. находит его самым лучшим.

[9] А. Эггер-Линц писал 30 мая н.с., что посылает Т. фотогр. своей последней картины «Паломник» (1904) и просит высказать о ней свое мнение. Репродукция картины опубл. в: «Zeitschrift verbindende Kunst», Bd. XXII, 1910, S. 57. *Puster-Tal* — одна из долин в Восточных Альпах.

4 июня

[1] Указ. кн. G. L e B o n, кн. V. гл. 1, p. 320—321 (пометы).

[2] Г. Мюллер (псевд.: *Selbstdenker*) прислал Т. свою брошюру: «Wahrheit und Irrtum der materialistischen Weltanschauung. Ein Beitrag zur Befreiung aus hypnotischem Bann». Von einem Selbstdenker. Zweite umgearbeitete Auflage. B., 1906. В письме от 23 июня н.с. Мюллер просил известить его о получении брошюры и высказать свое мнение о ее содерж. Отв. Маковицкий (т. 76, с. 285).

5 июня

[1] С. Л. Толстой женился на М. Н. Зубовой. 4 июня ему была послана из Ясной Поляны поздравительная телегр. (т. 76, с. 160).

[2] Указ. кн. G. L e B o n, кн. V, гл. 1, p. 308—309 (пометы).

6 июня

[1] Т. передал Ю. Д. Беляеву переведенное им из «Standard» краткое изложение проекта Г. Джорджа и написанное к нему заключение. Фельетон Беляева «У Льва Николаевича Толстого» опубл. в *НВ*, № 10867, 16 июня. Заключение Т. легло в основу ст. «Единственное возможное решение земельного вопроса» (т. 36).

7 июня

[1] Ш. Боне-Мори посетил Ясную Поляну в авг. 1896 г. Он прислал Т. журн. «Revue des Etudes Franco-Russes», № 6 со своей ст. «Léon Tolstoï et l'idée de Patrie», в к-рой рассматривал эволюцию взглядов Т. на христианство и патриотизм на примере «Севастопольских рассказов» и др. соч. Т. Ст. Т. «Христианство и патриотизм», написанная в 1894 г. (т. 39), была тогда же изд. на франц. яз.: «L'esprit chrétien et le patriotisme». P., 1894.

10 июня

[1] *Р. вед.*, №№ 149—150, 9—10 июня.

[2] В экз., редактировавшемся Гусевым, слово *тст* переделано на *тут*. Сам Т. нигде не упоминал, что видел Шамиля; по словам мемуариста И. Н. Захарьина Якунина Т. говорил ему, что увидеть Шамиля «ему не довелось» (*ТВС II*, с. 138).

[3] М. М е н ь ш и к о в. Письма к ближним.— Две интеллигенции (*НВ*, № 10855, 4 июня).

[4] Стеногр. запись выступлений А. С. Стишинского и Л. И. Петражицкого в Думе по агр. вопросу опубл. в *Р. вед.*, №№ 132—133, 20—21 мая.

[5] Т. продолжал работу над ст. «О значении русской революции», начатой в марте.

11 июня

[1] Из «Евгения Онегина» Пушкина (гл. VIII, строфа X).

12 июня

[1] Письмо П. Л. Успенского от 31 мая.

[2] А. М. Добролюбов был приговорен к тюремному заключению осенью 1903 г.

13 июня

[1] Запись Маковицкого позволяет исправить ред. дату в Зап. кн. Т. с 9 на 13 июня. 3 июля Т. переписал ту же мысль в Дн. (см. т. 55, с. 375, 231).

[2] *ВВ*, № 4.

[3] «Посредником» было изд. «Христианское учение» (М., 1906). 18 февр. Моск. ценз. комитетом на кн. был наложен арест.

14 июня

[1] М. Меньшиков. Письма к ближним.— Ночные тени.— Новые Прометеи.— Скучающий народ (*НВ*, № 10862, 11 июня).

15 июня

[1] Записка Т. неизв.

[2] Письмо Е. А. Андреевой к Т. от 10 июня. На конв. пометы рукой Т.: «Послать книги, я выберу» и рукой неизв.: «Посланы в июне».

16 июня

[1] Алеша, прозванный Горшком,— яснополянский крестьянин, работавший в 1860-х гг. у Толстых пом. повара и дворником. О нем Т. написал в февр. 1905 г. рассказ «Алеша Горшок» (т. 36).

[2] Письмо М. М. Молчанова от 11 июня. На это и 2 предыд. письма Т. не отв. На след., от 4 июля, Т. отв. 13 июля (т. 76, с. 177).

[3] У. Дж. Брайан посетил Т. 5 дек. 1903 г.

17 июня

[1] Кэндзиро Токутоми пробыл в Ясной Поляне с 17 по 21 июня (см. *ЛН*, т. 75, кн. 2, с. 167—202). Его роман «Нами-ко» переведен на рус. яз. и опубл. в *МБ*, 1905, №№ 1—4 (*ЯПб*).

[2] «Неизданное письмо Ф. М. Достоевского» — письмо к Ю. Ф. Абаза от 15 июня 1880 г. (*НВ*, № 10866, 15 июня).

[3] В. Розанов. Евреи и не евреи (там же).

13 июля

[1] Сингоро Такаиси в письме от 11 июня н.с. просил разрешения приехать в Ясную Поляну. Отв. М. Л. Оболенская (т. 76, с. 286). 7 июля он посетил Т.

[2] Вероятно, Ф. Д. Самарин, сын славянофила Д. Ф. Самарина (см. т. 76, с. 177—178).

[3] См. в ст. «О значении русской революции» (первонач. назв. «Две дороги»), над к-рой Т. в это время работал (т. 36, с. 523).

[4] По-видимому, письмо редактору от 23 июня, написанное Л. Л. Толстым по поруч. Т. (т. 76, с. 285). Автограф письма Л. Л. Толстого сохр., Т. вписал в него: «Никакая парижская газета никогда не обращалась к нему с вопросом об еврейских погромах и <...> никогда не высказывал никакого мнения о них». Опубл. в «Siècle»; письмо перепеч. в *Совр.*, № 78, 20 июня в обратном пер. с франц. и под назв. «Л. Толстой об еврейских погромах».

14 июля

[1] Этот эпизод из детских лет своего сына Михаила Т. использовал в «Детской мудрости» — в сценке «О доброте» (т. 37, с. 319).

[2] См. запись 14 марта.

[3] Адресаты и текст писем Т. неизв. (см. т. 76, с. 270).

[4] Обращение группы депутатов I Гос. думы от 10 июля 1906 г. под назв. «Народу от народных представителей» —«Выборгское воззвание». Предпринято в ответ на роспуск Думы.

[5] Подробнее о встречах Т. с телятинским крестьянином О. Цыгановым см. *Гольденвейзер*, с. 189—190.

[6] В. С. Михайлова в письме от 13 нояб. 1905 г. обвиняла Т. в том, что он вызвал своим учением «раскол в обществе». Т. отв. 15 нояб. того же года (т. 76, с. 52). В письме от 12 июля она приносила извинение за прежнее письмо. Т. отв. 20 июля (т. 76, с. 179).

[7] Летом 1905 г. Т. посетил психиатрическую колонию в дер. Петелино близ Тулы.

[8] В каждом № «Ere Nouvelle» за янв.— июль (*ЯПб*) публ. материалы о коммунистических колониях, организованных в Бельгии, Франции, Англии.

[9] Пастор был в Ясной Поляне 3—4 июля (*ЕСТ*).

[10] Фильдинг. Душа одного народа. Рассказ английского офицера о жизни его в Бирме. Пер. с англ. П. А. Буланже. М., «Посредник», 1902 (*ЯПб*, дарств. надпись Буланже).

[11] Это изречение включено Т. в «Круг чтения», т. II, с. 326 (т. 42, с. 138).

[12] C. Farrère. Les civilisés. P., 1905.

17 июля

[1] «Sprüche des Confucius». Т. переводил из кн.: «Schiller's sämmtliche Werke in einem Bande». St.—Tübingen, 1840, S. 88 (*ЯПб*, пометы). Перевод неизв. Запись Маковицкого —единственное свид. об этом нем. переводе Т-го. Маковицкий неточно цитирует строку из стих. Шиллера. Подлинный текст: «Wähle nicht die fliegende zum Freunde». Н. Гербель эту строку перевел так: «Быстролетящего в друзья не избирай».

[2] Т. имел в виду перевод Н. Гербеля, опубл.: Шиллер. Поля. собр. соч. в переводе рус. писателей. Изд. 6-е. СПб., 1884, с. 103—104. Маковицкий записал его на отдельном листке.

[3] По-видимому, речь идет о чьем-то другом, не Тютчева, переводе на франц. яз. пушкинских «Цыган» (возможно, П. Мериме; пер. вышел в Париже в 1852 г.).

[4] В *ЯПб* хр. 2 кн. Ф. И. Тютчева: «Стихотворения». М., 1883 (пометы) и «Сочинения. Стихотворения и политические статьи». Изд. 2-е. СПб., 1900.

[5] Ф. И. Тютчев и Т. познакомились лишь 23 нояб. 1855 г. в Петербурге.

[6] Закладка храма Христа-Спасителя происходила в Москве 10 сент. 1839 г. И в комментируемой записи и в записи П. И. Бирюкова со слов Т. (т. 34, с. 401—402) восп. об этом ошибочно относится к 1840 г. Впечатление об этом эпизоде Т. привел в черн. ред. «Отрочества» (т. 2, с. 285) и, вероятно, воспользовался им, описывая состояние Пети Ростова в Кремле при появлении Александра I («Война и мир», т. III, ч. 1, гл. XXI).

[7] Восклицание Николая I при усмирении «Холерного бунта» на Сенной площади в Петербурге 22 июня 1831 г.

18 июля

[1] Т. посетил Н. Я. Данилевского 19 марта 1885 г. В *ЯПб* хр. кн. Данилевского «Россия и Европа». СПб., 1889.

19 июля

[1] В *ЕСТ* в этот день записано: «Приезжала чужая дама, Никольская, за советами к Льву Николаевичу».

[2] 13/26 мая Маковицкий от имени Т. поблагодарил Люси Малори за присылаемый ею журн. и отправил ей «Круг чтения» на нем. яз. В письме от 22 июня н.с. Малори выразила благодарность за кн. Отв. Маковицкий и послал фотогр. Т. (т. 76, с. 283 и 287). Привед. Т. мысль вошла в «Круг чтения», т. I, с. 185 (т. 41, с. 165).

[3] Письмо М. Лорана из Парижа по поруч. агентства Фурнье от 27 июля н.с. Ответил ли Т-й, неизв.

20 июля

[1] Один из лидеров кадетской партии М. Я. Герценштейн был убит в Финляндии черносотенцами 18 июля.

[2] Л. Н. Толстой. Краткое изложение Евангелия. Изд. «Посредник» и «Обновление». М.— СПб., 1906.

[3] Сообщение опубл. в отд. «Вечерняя хроника» (*НВ*, № 10900, 19 июля).

[4] П. А. Кропоткин. Речи бунтовщика, упом. изд.

[5] Докум. был прислан Т-му В. Господиновым при письме от 27 апр.

21 июля

[1] А. М. Добролюбов. Natura naturans. Natura naturata. СПб., 1895.

[2] О восстании, начавшемся в ночь с 17 на 18 июля, см. в заметке «События в Свеаборге» (*Р. вед.*, № 183, 19 июля).

[3] Предполагалось, что «обновленец» Д. Н. Шипов возглавит коалиционный кабинет.

[4] В письмах к Т. от 17 и 22 апр. И. М. Трегубов сообщал, что «Воззвание в защиту современных христианских мучеников» он послал в ЦК партии «Народной свободы» (кадетов) с просьбой внести в прогр. этой партии вопрос об отмене воен. службы для отказывающихся от нее по религ. причинам. П. Л. Успенский писал Т. 31 мая, что свою ст. «Об истинной веротерпимости» он постарается послать в Гос. думу.

[5] Письмо К. П. Сиксне от 17 июля. Т. отв. 21 июля (т. 76, с. 181). Е. Н. Дрожжин 3 авг. 1891 г. отказался от воен. службы и был приговорен к 2 гг. пребывания в дисциплинарном батальоне.

[6] Письмо Ф. И. Гучкова от 30 янв. 1898 г., написанное после разговора с Т. о своих религ. убеждениях. На конв. помета Т.: «Без ответа».

22 июля

[1] Ku Hung-Ming. Papers from a Viceroy's Yemen. Shanghai, 1901 (*ЯПб*). Кн. по просьбе автора была прислана Т. рус. консулом в Шанхае Л. Бродянским. Его

письмо к Т. от 2/16 марта см.: *Шифман*, с. 73. Ответы Ку Хун-мину и Л. Бродянскому от 1 авг. по поруч. Т.— т. 76, с. 288. К. А. Кеттелер, герм. посланник в Пекине, был убит китайцами 5 июня 1900 г.

[2] См. прим. 5 к записи 19 авг. 1905 г.

23 июля

[1] См. письмо Т. к А. Н. Агееву от 23 июля (т. 76, с. 182—183).

[2] Докум. эти опубл. в кн.: «Дело 1862 г. III отделения собственной его императорского величества канцелярии о гр. Льве Толстом» (*ВВ*, № 6; *ЯПб*).

[3] Ku Hung-Ming. Et nunc, reges, intelligite! The Moral Causes of the Russo-Japanese War. Shanghai, 1906 (*ЯПб*, пометы). Прислал ее Л. Бродянский.

[4] В. Черкезов. Доктрины марксизма, вып. 2. Наука ли это? Раскол среди социалистов-государственников. М., 1905 (*ЯПб*).

[5] М. М. Ковалевский. Обращение к великому писателю земли русской («Страна», № 109, 27 июня). По просьбе автора ст. была прислана Т. сыном, И. Л. Толстым, при письме от 11 июля; П. Д. Боборыкин. Давно пора! (Открытое письмо М. М. Ковалевскому) («Страна», № 119, 8 июля). Оба автора резко отрицательно отнеслись к опубл. в фельетоне Ю. Д. Беляева мнению Т. о Думе, к-рая производила на него впечатление «комическое, возмутительное и отвратительное», а также о правительственных репрессиях.

24 июля

[1] Kant. Gesammelte Schriften. Упом. изд.

[2] См. запись 22 июля.

[3] Вероятно, письмо Чжан Чин-туна от 1 дек. 1905 г. об отношениях кит. и рус. народов в связи с русско-японской войной; и в ней упом. соч. Т.

[4] В Содене Т. находился с 14(26) по 17(29) авг. 1860 г.

[5] Чертков готовил изд. альбома, в к-рый были включ. рис. Э. Холарека из антимилитаристского цикла и отр. из соч. Т. и др. авторов на эту тему (*ЛН*, т. 75, кн.1, с. 599—601).

25 июля

[1] В отв. на письмо Т. от 26 июня (т. 76, с. 164) А. Сорокин 15 июля сообщил о своем решении отказаться от воен. службы.

[2] «Великие мысли исходят из сердца» — изречение Вовенарга. См. его в «Круге чтения», т. I, с. 277 (т. 41, с. 243).

26 июля

[1] Гл. XII соч. «Царство божие внутри вас» написана Т. под впечатлением от встречи в 1892 г. с карательным отрядом, следовавшим во главе с тульским губ. Н. А. Зиновьевым усмирять голодающих крестьян с. Бобрики (т. 28, с. 261, 264).

[2] Пленных турок в Туле Т. посетил в авг. 1877 г. (см. И. Л. Толстой. Мои воспоминания. М., 1969, с. 109—110).

29 июля

[1] Чертков возобновил переговоры с Т. о печатании ст. «Обращение к русским людям. К правительству, революционерам и народу» с поправками и сокращ., сделанными Чертковым раньше. С согласия Т. они были внесены в ст., к-рая появилась в изд. *Св. сл.*, № 1. СПб., 1906.

30 июля

[1] Чертковы собирались летом 1907 г. поселиться в Ясенки, близ Ясной Поляны.

[2] Д. Кифер в письме от 13 июля н.с. (почт. шт.) прислал Т. вырезку из амер. газ. «Johnstown Democrat», 7.VII со ст. «How not to do it» — о национализации земли. Еще в 1904 г. (21 янв. н.с.) Кифер обратился к Т. с письмом, в к-ром просил прислать свою фотогр. На письме помета Т.: «Послать».

[3] Эта же метафора в более развернутом виде дана Т. в ст. «О значении русской революции» (т. 36, с. 325).

[4] 1-е рус. изд. Л. Фейербах. Сущность христианства. Пер. Филадельф Феомахов (псевд. П. Н. Рыбникова). Вышло в Лондоне с анон. предисл. Герцена в 1861 г. (см. Л. Р. Ланский. Неизвестные произведения и неосуществленные замыслы (Обзор) — *Герцен*, т. XXX, кн. 2, с. 883). Отд. легальн. изд. в пер. В. Д. Ульриха (Lpz.— СПб.) вышло в 1906 г.

[5] Предисл. Т. к соч. Т. М. Бондарева «Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледельца». Токутоми, вероятно, читал его в пер. на англ. яз.: «The Triumph of Labour...» Authorised Translation (Statement of Tolstoy's views on the question of manual labour, called fourth by Industry, or «The Triumph of the Labourer», by T. M. Bondareff, a Siberian peasant). Pamphlet. L., 1896.

[6] См. запись 22 июля.
[7] Отв. Т. опубл. по этой записи Маковицкого (т. 76, с. 183). М. О. Меньшиков приехал в Ясную Поляну 11 авг.
[8] *Евангг. от Луки*, XIII, 19 и XXIII, 46.
[9] «О значении русской революции» (т. 36, с. 344—345).

1 августа

[1] Дн., запись 2 апр. (т. 55, с. 216).
[2] См. запись 7 авг.
[3] Т. ездил в Пензенскую губ. в начале сент. 1869 г. Он вспоминает здесь былину «Микулушка Селянинович», свою переработку эпизода из былины «О Вольге Святославиче» (т. 22, с. 652).
[4] После поражения декаб. вооруженного восстания в Москве началось медленное отступление революции, растянувшееся на полтора года.
[5] Дн., запись 30 июля (т. 55, с. 236).

2 августа

[1] «Я ювелир» — крылатое выражение из комедии Мольера «L'Amour médecin». В подл.: «Vous êtes orfèvre».
[2] «Круг чтения», т. I, с. 152 (т. 41, с. 134).
[3] Д. И. Менделеев. К познанию России. СПб., 1906, с. 8 и 64 (*ЯПб*). Ср. Дн., запись 24 авг. (т. 55, с. 237).

3 августа

[1] Это изречение Лао-тзе включено Т. в «Круг чтения», т. I, с. 152 (т. 41, с. 134), но в иной редакции: «Истинные слова не бывают приятны. Приятные слова не бывают истинны».
[2] Т. познакомился с Н. Г. Рубинштейном в конце 1850-х гг. и неоднократно слушал его игру. Последний раз Т. был на его концерте 26 окт. 1880 г. в Туле.
[3] См. *НВ*, № 10913, 1 авг.
[4] Ст. б. подп. «Еще о сызранской катастрофе» (*НВ*, № 10895, 14 июля).
[5] «Review of Reviews», № 200, vol. XXXIV. Aug. (*ЯПб*). Речь идет о след. ст.: 1) «Russia and England in Asia»; 2) F. N. Maude. The military case against conscription; 3) «A plea for Bold Bad Men».
[6] С. А. Толстая в этот день записала, чтб Т. сказал о Герцене: «Если б его не сослали, за ним шла бы молодежь, и он правильно привел бы ее к тому, к чему сам пришел под конец (*ЕСТ*). Скептицизм и критицизм Герцена были проявлениями его неустанных поисков правильной рев. теории, а не отрицанием революции, как думал Т.

4 августа

[1] Письмо Э. Кросби к Т. от 18 июня н.с. (*ЛН*, т. 75, кн. 1, с. 405—406).
[2] Этот случай Т. привел в ст. «Офицерская памятка» (т. 34, с. 287) и в черн. ред. «Что же делать?» (т. 36, с. 539—540).
[3] Письмо П. В. Великанова от 2 авг. Цитата из Златоуста в «Круг чтения» не включена.
[4] D. Dymond. An Enquiry into the Accordance of War with the Principles of Christianity. L., 1824. Цитату из этой кн., об отказе от воен. службы, Т. вкл. в «Царство божие внутри вас» (т. 28, с. 19—20).

5 августа

[1] М. А. Беневская участвовала в изготовлении взрывчатых веществ и хранила их. В 1906 г. была приговорена Моск. судеб. палатой к 10 годам каторжных работ.
[2] См. анон. ст. «Неудавшееся покушение на барона Каульбарса» (*НВ*, № 10914, 2 авг.).
[3] *Р. вед.*, № 194, 4 авг. («Внутренние известия»).
[4] *Библия. Плач Иеремии*, III, 30. В письме от 18 июня С. К. Преображенский предлагал прислать свое богословское соч. Отв. М. Л. Оболенская (т. 76, с. 286).
[5] О Тайпинском восстании 1850—64 гг. Т., вероятно, прочел, в кн. Ку Хун-мина. См. запись 22 июля.
[6] См. запись 14 июля.

7 августа

[1] Окончательное назв. ст.— «О значении русской революции». Работа над ст. продолжалась до сент.

8 августа

[1] Проект раздела имущества между братьями и сестрой Толстыми был составлен в сент. 1846 г. и оформлен 11 апр. 1847 г. Н. Н. Гусев. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1854 год. М., 1954, с. 232—233).

[2] В завещании, записанном в Дн. 27 марта 1895 г. (т. 53, с. 15—16), Т. подтвердил, что право на изд. его соч., опубл. до 1881 г., остается за наследниками. С. А. Толстая хотела распространить это право на не изданные к тому времени соч.: «Роман времен Петра I» (1872—1873, 1879; т. 17), «Дьявол» (1889—1890; т. 27) и «Живой труп» (1900; т. 34).

9 августа

[1] Вероятно, сверяли последнюю машинон. копию незаконч. повести «Фальшивый купон» (см. *ОР I*, с. 459). Повесть «Фальшивый купон» (т. 36) и сказку П. Каруса «Карма», переведенную Т. в 1894 г. и опубл. с его предисл. (т. 31), объединяет тема добра и зла и вывод, что судьба человека является последствием его поступков.

[2] «О Шекспире и о драме» (*Р. сл.*, №№ 277—282 и 285, 12—18 и 23 нояб.). Возможно, Чертков говорил о ее изд. на англ. яз., появившемся в 1907 г.

[3] Письмо Г. П. Дегтеренко от 5 авг. 1902 г. Т. отв. 20 авг. 1902 г. (т. 73, с. 279—280).

10 августа

[1] Г. С. Чамберлен. Евреи, их происхождение и причины их влияния в Европе. СПб., 1906 (*ЯПб*).

[2] А. Франс. На белом камне.

[3] Т. А. Кузминская писала Т. 20 июля: «А как тонко и верно проведены генерал-губернатор, смотритель и палач; всякий из них, по своей должности, участвует в этой казни, но ты не выставил их людьми, лишенными всего человеческого, ты и в них вложил эту божью искру, заглохшую от условий их жизни». Т. отв. 1 авг. (т. 76, с. 184—185).

11 августа

[1] «Буддийские сутты». М., 1900 (*ЯПб*, дарств. надпись М. О. Меньшикова).

[2] М. Меньшиков. «Письма к ближним.— Толстой о Думе» (*НВ*, № 10869, 18 июня).

12 августа

[1] Альбом вышел на рус. и англ. яз.: «Война». Рисунки Е. Холарека с текстом из соч. Л. Н. Толстого и др. авторов. 1906. См. запись от 24 июля и пр. 5 прим. к ней.

[2] «Крестьянский банк и его бумаги» (*НВ*, №№ 10921—10922, 9—10 авг.).

[3] См. прим. 6 к записи 15 авг.

13 августа

[1] Л. П. Никифоров был женат на Е. И. Засулич. Его сын Александр был казнен за совершенное 28 апр. 1905 г. убийство нач. нижегородского охр. отд. полк. Грешнера. Сын Павел был арестован в 1905 г. и сослан в Якутскую обл.

[2] П. Г. Успенский, женатый на А. И. Засулич, был приговорен к каторжным работам в связи с нечаевским процессом. В дек. 1881 г. он был повешен в карийской тюрьме товарищами, подозревавшими его в предательстве. Впоследствии была доказана его невиновность (см. т. 49, с. 69 и 217). Т. использовал этот случай при создании образа Меженецкого («Божеское и человеческое», гл. XI и XIII — т. 42, с. 220—222; 224—227). Т., как многие др. современники., считал, что П. Г. Успенский был не повешен, а покончил с собой.

[3] В этот день Т. окончил правку корр. т. II «Круга чтения» (*ЕСТ*, запись 13 авг.)

[4] П. А. Вихляев. Право на землю. М., 1906 (*ЯПб*).

14 августа

[1] Покушение было совершено эсерами-максималистами 12 авг. П. А. Столыпин остался невредим.

15 августа

[1] Телегр. «Northern Newspaper Syndicate» от 23 авг. н. с.

[2] «Мужик и водяной» — вольный пер. басни Эзопа «Дровосек и Меркурий» (т. 21, с. 304).

[3] Ku Hung-Ming. Papers from a Viceroy's Yemen. Упом. изд.

[4] Покушение на ген. Г. А. Скалона было произв. 5 авг. Скалон не пострадал.

[5] Л. Н. Толстой. Краткое изложение Евангелия. СПб., 1906.

[6] П. Мокиевский. Монистическая философия Эрнста Геккеля (*РБ*, № 7).

[7] «Круг чтения», т. II, с. 481 (т. 42, 132). Здесь изречение Торо помещено в др. редакции: «Вещь, которую мы видим через микроскоп и телескоп, становится незначительной».

[8] А. Шопенгауэр. Единение.— «Круг чтения», т. I, с. 178—179 (т. 41 с. 160—161).

[9] А. Франс. На белом камне, гл. IV.

17 августа

[1] Письмо Я. Демиховича от 5 авг. Ранее, в отв. на его письма от 4 июня и 13 июля, ему были посланы кн. (т. 76, с. 287).

[2] С братьями К. П. и Р. П. Сиксне Т. переписывался в 1906—1908 гг. Письма А. Леппардта, очевидно, были адресованы А. К. Чертковой. Из письма Чертковой к Т. от 19 янв./1 февр. 1907 г. известно, что письма привез Чертков и что они Т. «очень понравились» (см. также т. 89, с. 58). Одно письмо Леппардта к Черткову, от 29 янв. 1905 г. о Т., хр. в *ЦГАЛИ*, ф. 552, ед. хр. 182.

[3] На письмо А. А. Кукуева от 12 авг. Т. отв. 17 авг. (т. 76, с. 187—188).

[4] В этот день Т. написал 6 писем: Н. А. Альмединген, Г. А. Комаровских, А. А. Кукуеву, Е. В. Молоствовой, Е. П. Невзоровой и К. И. Шараповой (т. 76, с. 186—190).

[5] «На белом камне».

19 августа

[1] В *ЕСТ* в этот день записано: «Приехал П. И. Бирюков. Обсуждали с ним вопросы о биографии Льва Николаевича, и я давала ему сведения».

[2] Э. К а р п е н т е р. Цивилизация, ее причина и излечение.... Упом. изд. Вопроса свободной любви автор касается в нескольких гл. 1-й ст.

20 августа

[1] В письме к С. А. Толстой от 1 июля М. В. Нестеров просил разрешения приехать в Ясную Поляну, чтобы сделать несколько набросков с Т. для задуманной им картины «На Руси». Нестеров пробыл в Ясной Поляне до 22 авг. Сделанные им наброски хранятся в *ГМТ*.

[2] Правит. указом от 12 авг. часть удельных земель подлежала продаже. Все операции по этой распродаже должны были совершаться через Крест. поземельный банк.

[3] «Записки княгини Дашковой» (*РС*, 1906, №№ 3—7).

[4] При письме от 16 авг. А. А. Ясиновский прислал свою брошюру «О безубойном питании (о вегетарианстве)». Одесса, 1906 (*ЯПб*) и просил отзыва о ней. Т. отв. 24 сент. (т. 76, с. 201).

[5] Вероятно, разговор возник в связи с письмом Я. Кузяева (от 7 авг.), который просил денег для уплаты за лечение от заикания (т. 76, с. 288—289 и 291).

[6] Маковицкий переносил пометы в связи с намерением Черткова взять свой экз. у Т. В т. X соч. *Герцена*, *Женева*, Т. читал ст. «Император Александр I и В. Н. Каразин, гл. VI.—По ту сторону». (Из цикла «Исторические очерки о героях 1825 и их предшественниках, по их мемуарам».) Бо́льшая часть текста на указанной Маковицким с. 189 отчеркнута Т. Словом «Народ...» начинается второй абзац гл. (*Герцен*, т. XVI, с. 73).

21 августа

[1] «Кто хочет понять поэта, должен побывать в его стране» (из «Западно-Восточного дивана» Гете — см. «Goethe's Werke», Bd II, neunte Auflage. B., 1901, S. 472).

22 августа

[1] Р. Роллан прислал Т. свое соч. «Vies des hommes illustres. La vie de Michel-Ange» («Cahiers de la Quinzaine», 1906, Séries 7—8, № 18, 2; *ЯПб*), о чем он сообщил в письме от 27 авг. н. с. (последнее письмо Роллана к Т.). Опубл. в рус. пер. в кн. Л. П. Гроссмана «Собеседник Толстого». М., 1928, с. 51; франц. подл.— в «Œuvres et opinions», 1966, № 3, p. 170; см. также *ЛН*, т. 75, кн. 1, с. 61—84.

[2] Фрески Микеланджело «Страшный суд» и «Сотворение мира» — в Сикстинской капелле Ватикана (Рим). Фреска Г. Рени «Аврора» — в Палаццо Паллавичини-Роспильози (Рим).

[3] Д. С. М е р е ж к о в с к и й. Воскресшие боги. Леонардо да Винчи. СПб., 1902.

23 августа

[1] См. этот эпиграф в т. 34, с. 245.

[2] Письмо Т. к Р. Роллану от 3 (?) окт. 1887 г. (т. 64, с. 84—98) в отв. на письма Роллана от 16 апр. и сент. 1887 г.

[3] Для Толстого были неприемлемы суждения Р. Роллана о христианстве как о философии скорби и пессимизма. В прочитанном и комментированном Толстым предисловии Р. Роллан писал о «терпком и одуряющем запахе христианского пессимизма».

24 августа

[1] А. С т о л ы п и н. Игра дьявола (*НВ*, № 10934, 22 авг.).

[2] Письмо И. Френкеля от 2 июля с прилож. рук. ст. «Значение разрешения земельной нужды».

[3] В этом журн. продолжалось печатание соч. Т., ранее изд. только за границей. В № 8 опубл. ст. Бирюкова «Гонение на христиан в России в 1895 г.» и начало «Записок Александра Ивановича Кошелева».

[4] Л. Н. Т о л с т о й. Христианское учение. М., Изд. «Посредник», 1906; *ВВ*, № 4.

25 августа

[1] В «Круг чтения» был помещен отр. из письма А. Дюма-сына редактору «Gaulois» от 1 июня 1893 г.— т. I, с. 312—315 (т. 41, с. 274—277). Поли. письмо было включ. Т. в ст. «Неделание», над к-рой он работал в 1893 г. (т. 29, с. 188—193).

26 августа

[1] H. C r o f t H i l l e r. Christian and Metachristian Salvation. (Second Appendix to Catechism. August 1906), 3d ed. (*ЯПб*) — прибавление к его же кн. «Metachristian Catechism. The Simpler Parts for Use with Children». L., 1906 (*ЯПб*), ранее присланной автором.

[2] Телегр. неизв. (см. т. 76, с. 270 и 192).

27 августа

[1] Т. продолжал работу над ст. «О значении русской революции».

28 августа

[1] А. М. Новиков жил у Толстых в качестве учителя их сыновей Андрея и Михаила в 1889—1891 гг.

[2] Текст письма Т. неизв. (см. т. 76, с. 270). Буайе передал его А. А. Столыпину. Назначенное С. Т. Семенову наказание было заменено высылкой за границу. См. письмо Буайе к Т. от 3 сент. (*ЛН*, т. 75, кн. 1, с. 394—395).

[3] Письмо Т. к А. Ф. Писемскому от 3 марта 1872 г. (т. 61, с. 273).

[4] Отзыв Т. о повести Д. В. Григоровича «Антон Горемыка» см. в его письме к автору от 27 окт. 1893 г. (т. 66, с. 409).

[5] В 1852 г., находясь на Кавказе, Т. намеревался «составить правила для жизни в деревне», и ему «хотелось» писать «устав и план хозяйства» (Дн., 28 окт. и 27 дек. 1852 г.— т. 46, с. 147 и 154).

30 августа

[1] Чертков писал об этом 24 авг./6 сент. К письму прилож. предлагаемая вставка. Т. отв. отказом 30 авг. (т. 89, с. 42).

[2] З. В. Коноплянникова, член партии эсеров, была казнена 29 авг. за убийство 13 авг. нач. карательного отряда Г. А. Мина, участвовавшего в подавлении моск. дек. вооруженного восстания 1905 г.

[3] Б. А. Л а з а р е в с к и й. Повести и рассказы, т. II. М., 1906 (*ЯПб*, дарств. надпись). На письмо автора от 5 сент. отв. В. А. Лебрен 10 сент. (т. 76, с. 290). Читали рассказ «Урок».

[4] Переп. Т. с И. И. Панаевым (а не с Н. А. Некрасовым) по поводу печ. рассказа «Севастополь в мае» в *Совр.*, 1855, № 9 см. в кн. Л. Н. Т о л с т о й. Переписка с русскими писателями. М., 1962, с. 69—74. Об истории печ. рассказа см. т. 4, с. 387—392.

[5] В *ЯПб* хр. кн.: К с е н о ф о н т. Полное собр. соч. в 5 частях. Пер. с греч. Г. Янчевецкого, изд. 5-е. СПб., 1902 (пометы). В нем: ч. 2. Воспоминания о Сократе. Имеются 3 отд.: изд. «Memorabilia». В., 1870; т о ж е, изд. 2-е. М., 1897; «Anabasis», изд. 6-е. М., 1878.

2 сентября

[1] «Единственное возможное решение земельного вопроса» (т. 36).

3 сентября

[1] *Джон Булль* — персонаж сатирических памфлетов Д. Арбетнота «История Джона Булля». Он стал нарицательным именем англичанина-буржуа.

[2] Ср. *ЛН*, т. 75, кн. 2, с. 108.

[3] Мирза Риза Хан при письме от 29 июня 1901 г. прислал Т. пер. своей оды «Мир», посвященной Гаагской мирной конф. 1899 г. (Опубл.: *Шифман*, с. 343—344). Т. отв. 10/23 июля 1901 г. (т. 73, с. 96—97).

[4] Т. находился в казанской университетской клинике с 11 марта по 9 апр. 1847 г.
[5] Сельский учитель И. Чесноков писал Т. 3 авг. (почт. шт.) о впечатлении, произведенном на него чтением «Исповеди», и просил прислать кн. На конв. помета Т.: «Послать все». В письме от 14—15 сент. Чесноков сообщал, что кн. получены, и благодарил Т.

4 сентября

[1] *Деяния святых апостолов*, XVIII, 12—16.
[2] В 1906 г. Т. к работе над «Воспоминаниями» не возвращался.
[3] В *ЯПб* хр.: G œ t h e. Sämmtliche Werke. St. u. Tübingen, Bd. I—XL, 1840. В нем: «Faust» — Bd. XI—XII; «Hermann und Dorothea»— Bd. V; «Leiden des jungen Werthers».— Bd. XIV; «Aus meinem Leben. Wahrheit und Dichtung».—Bd. XX—XXII и ряд рус. изд.

7 сентября

[1] «Review of Reviews», 1906, vol. XXXIV, № 201, Sept. В разд. «The reviews reviewed» краткое сообщ. Э. Дживскова о положении крестьян во Фландрии (*ЯПб*).
[2] «Open Court», vol. XX, № 9, Sept. (*ЯПб*).
[3] Неточная цитата из рассказа В. А. Слепцова «Ночлег». (В. А. Слепцов. Полн. собр. соч. СПб., 1888, с. 95—96; *ЯПб*). В рассказе хозяйка постоялого двора говорит разборчивому гостю:
«— А ты что за граф за такой?
— Известно граф.
— Какой такой?
— Бранденбургский.
— Какой?
— Бранденбургский. Вот-те и все тут. А ты не знаешь?
— Не знаю, да я и знать не хочу. А ты этих слов за столом у меня не смей говорить. Что ты охальничаешь, в самом деле? Старый ты человек, тебе бы богу молиться, а ты озорничаешь».
[4] А. В. Пешехонов. Хлеб, свет и свобода. СПб., 1906 (*ЯПб**).

8 сентября

[1] Ст. В. Львова «Преступное всепрощение и праведный гнев» («Образование», № 8) по поводу рассказа Т. «Божеское и человеческое». В *НВ*, № 10948, 5 сент. в разд. «Среди газет и журналов» приведено ее изложение.
[2] *Гвельфы* и *гибеллины* — враждующие партии в Италии XII—XV вв.
[3] Т. заканчивал работу над ст. «Единственное возможное решение земельного вопроса». Н. Л. Оболенский, переписывавший большинство рукописей этой ст., не исправлял текст Т., но на полях или между строк вписывал предлагаемую им замену отдельных слов и вставки небольших фраз. Одна из них, сделанная в рук. 9 (13), л. 13, вошла в оконч. текст (т. 36, с. 236). В. А. Лебрен участвовал в переписывании ст. «Конец века» и матер. к «Кругу чтения». Какие вставки он делал, не установлено.

9 сентября

[1] Т. посетил Бахчисарай 14 июня 1855 г.

12 сентября

[1] Т. отправлял рук. названной ст. для набора в «Посредник».
[2] Вопрос о времени написания «Пастырских посланий» (включенных в «Новый завет») и о принадлежности их «апостолу» Павлу решается и в научной и в богословской литературе по-разному. Многие исследователи относят их к серед. II в. и отвергают авторство Павла.
[3] C. Tischendorf. Bibliorum Codex Sinaiticus, petropolitanus, vol. I—V. Petropolis, 1862.
[4] Т. пользовался этими вариантами по кн. «Novum Testamentum Græce...» L.—N. Y., 1880. Она была прислана Т. в авг. 1880 г. Н. Н. Страховым для работы над «Соединением и переводом четырех Евангелий».
[5] Письмо И. А. Соловьева от 20 авг.
[6] Телегр. (а не письмо) «Northern Newspaper Syndicate» от 13 сент. н. с.
[7] Т. включил в «Круг чтения» 2 отр. из кн. Lamennais. Les Evangiles, P., 1846 (р. 403 и 410), озаглавив их: «Самоотречение» (со своим постскриптумом) и «Устройство мира»— т. I, с. 128—129; т. II, с. 42—43 (т. 41, с. 112—113, 497—498).
[8] T. Carlyle. On Heroes and Hero Worship, and the Heroic in History. L., 1841.

13 сентября

[1] В этот день Т. начал письмо к китайскому писателю Ку Хун-мину.
[2] Ст. А. О. Ивановского и др. «Китай» (*Брокгауз*, кн. 29).
[3] P. K r o p o t k i n e. La conquête du pain. Préface par E. Reclus. 2-me éd. P., 1892 (*ЯПб*).

14 сентября

[1] Назв. в тексте авторы упомянуты в гл. VII (т. 36, с. 331). О предложенных Маковицким поправках см. там же, с. 720.

15 сентября

[1] *Брокгауз*, кн. 62. Свед. о А. Д. Столыпине, вероятно, понадобились Т. в связи с начатой им работой над ст. «Что же делать?» (т. 36, с. 539).

16 сентября

[1] Изречения из «Буддийских сутт» Т. включил в «Круг чтения», и они перешли в сб. «На каждый день». В т. III этого изд. было напеч. соч. «Лунный свет Санкья-истины». Пер. с санскритского Р. Гарбе. Рус. пер. и предисл. Н. И. Герасимова. М., 1900. Кн. «Путь к истине (Dhammapada). Изречения буддийской нравственной мудрости». Пер. и предисл. Н. Герасимова. М., 1898— вышла отд. изд.
[2] В эти дни Т. работал над отв. кит. писателю Ку Хун-мину. Письмо разрослось в ст. под загл. «Письмо к китайцу» (т. 36).

17 сентября

[1] Т. работал над предисл. к кн. Г. Джорджа «Общественные задачи», переведенной С. Д. Николаевым. Закончено 24 сент. (т. 36).
[2] Два биогр. очерка в «Круге чтения»—«Паскаль»—т. II, с. 20—28 (т. 41, с. 477—484) и «Ламенне» — т. II, с. 353—357 (т. 42, с. 160—165).

18 сентября

[1] При письме от 1 сент. счетовод Ф. Г. Карпунин прислал 2 стихотв.: «Рабочему классу» и «Движение 17 октября 1905 г. у нас в г. Новониколаевске». Т. отв. 24 сент., указав, что стихи «очень дурные». На конв. помета: «Послать «Мысли мудрых людей»» (т. 76, с. 198). Памфлет Горького «Прекрасная Франция» заканчивается словами «Прими и мой плевок крови и желчи в глаза твои!»
[2] В. Б у р е н и н. Критические очерки. Красноскандальная литература (*НВ*, № 10958, 15 сент.). В ст. упом. об очерках А. М. Горького «Не давайте денег русскому правительству» (*Горький*, т. XXIII) и «Прекрасная Франция» (*Горький*, т. VII).
[3] Неверно. После опубл. памфлета «Прекрасная Франция» против Горького резко выступил ряд франц. бурж. деятелей и публицистов. Горький ответил им двумя «открытыми письмами» (*Горький*, т. XXIII, с. 407).
[4] А. Франс был предс. «Общества друзей русского народа и присоединенных народов», организации прогрессивной франц. интеллигенции, созданной 3 февр. 1905 г. в поддержку рус. революции.
[5] В. Ф а у с е к. «Глаз» (*Брокгауз*, кн. 16).

19 сентября

[1] D. H. L e w i s. Life of Goethe (4-th ed.). L., 1890.
[2] Л. Н. Т о л с т о й. Полное собр. соч., вышедших за границей, тт. I—V. СПб., 1906—1908.
[3] Анон. ст. «Кулисы германской социал-демократии» (*НВ*, № 10960, 17 сент.).
[4] Иенский съезд герм. соц.-дем. партии, состоявшийся в сент. 1905 г., признал по предложению А. Бебеля массовую полит. стачку одной из важнейших форм борьбы пролетариата. Однако на след. съезде, состоявшемся в сент. 1906 г. в Мангейме, было принято решение, отменявшее иенскую резолюцию.
[5] 24 авг. было опубл. правит. сообщение о введении военно-полевых судов. Лидер октябристов А. И. Гучков в интервью, помещенном в *НВ*, одобрил этот шаг пр-ва. Это вызвало недовольство нек-рых представителей буржуазии. Д. Н. Шипов вышел из «Союза 17 октября» и вступил в «Партию мирного обновления».
[6] С. Ф. Л и б р о в и ч. Нерусская кровь в русских писателях. СПб., б. г. (*ЯПб*).

20 сентября

[1] В. В. Р у д и н. Заразные болезни, их признаки. Руководство для простого народа. Кострома, 1892 (*ЯПб*).

[2] Очевидно, С. Д. Николаев прислал ст. В. И. Орлова «Формы крестьянского землевладения в Московской губ.» — оттиск из «Сб. статистических сведений по Московской губ.», т. IV, вып. 1. М., 1879. Отр. из этой ст. был введен Т. в предисл. к кн. Г. Джорджа «Общественные задачи», над к-рым он работал в эти дни (т. 36, с. 302).

[3] Г. Д ж о р д ж. Общественные задачи. Пер. с англ. С. Д. Николаева. С предисл. Л. Н. Толстого. М., «Посредник», 1907, с. 237 (*ЯПб*).

[4] П. И. Бирюков, вероятно, читал в рук. воспоминания. А. Ф. Кони о встречах с Т. Как видно из письма Кони к Т. от 27 июля, они были закончены им к этому времени.

[5] См. запись 29 сент.

23 сентября

[1] В письме к А. А. Ернефельту от 25 сент. Т. просил «постараться сделать так», чтобы ему «не присуждали этой премии» (т. 76, с. 201—202). Ернефельт переслал письмо Т. в Швецию.

[2] Этого замысла Т. не осуществил.

[3] П. Н. М и л ю к о в. Очерки по истории русской культуры, ч. 1—3. СПб., 1896—1903.

24 сентября

[1] На этот день включены 3 высказывания Плутарха о вегетарианстве.— «Круг чтения», т. II, с. 252—253 (т. 42, с. 74—75).

25 сентября

[1] Л. Н. Т о л с т о й. Письмо к крестьянину о земле (о проекте Генри Джорджа). М., «Посредник», 1906 — перераб. письмо Т. к Т. М. Бондареву от 23 июня 1894 г. (т. 90).

26 сентября

[1] Так в оконч. тексте: Л. Н. Т о л с т о й. О значении русской революции (т. 36, с. 361).

[2] См. т. 36, с. 315—316.

[3] См. след. изд. соч. Ф. Ламеннэ: «Современное рабство». Н. Новгород, 1906; «Слова верующего (отрывки)». М., 1906; «Слова верующего. Памфлет». СПб., 1906.

[4] «Огарки (Типы русской богемы)», повесть С. Г. Скитальца («Сб. т-ва «Знание» за 1906 г.», кн. 10. СПб., 1906).

[5] Письмо от 25 сент. И. Ф. Наживину в связи с его романом «Менэ... Текэл... Фарес...». Т. писал: «Я давно уже думал, что эта форма отжила, не вообще отжила, а отжила как нечто важное. Если мне есть что сказать, то не стану я описывать гостиную, закат солнца и т<ому> п<одобное>. Как забава, не вредная для себя и для других,— да. Я люблю эту забаву. Но прежде на это смотрел как на что-то важное. Это кончилось» (т. 76, с. 203).

[6] Т. упоминает о сцене из романа Диккенса «Крошка Доррит», кн. 2, гл. 1. В повести «Казаки» подобная сц. в гл. XXIX.

[7] Англ. депутация должна была приехать в окт. для передачи сочувственного адреса бывшему предс. I Гос. думы по поводу разгона Думы. К письму А. В. Зенгера от 18 сент. было прилож. объявл. комиссии по устройству приема, предс. к-рой был П. Н. Милюков (см. т. 55, с. 559—561). Неотпр. письмо Т. к А. В. Зенгеру от 22 сент.— т. 76, с. 196.

[8] «Борьба за свободную школу». Составил К. Н. Вентцель. М., «Посредник», 1906.

27 сентября

[1] На IV съезде кадетской партии, состоявшемся в Гельсингфорсе 24—28 сент., большинством голосов была принята резолюция против проведения в жизнь «Выборгского воззвания».

[2] С. Т. С е м е н о в. Надежда Чигалдаева. Упом. изд.

[3] Первая встреча Т. с С. Т. Семеновым состоялась в Москве в нояб. 1886 г. Т. и Семенов переписывались до 1908 г.

[4] Возможно, В. Ф. Орлов, к-рый выведен Т. в рассказе «Сон» (т. 38, с. 23).

28 сентября

[1] Возможно, несохр. письмо А. И. Кудрина. Т. отв. на него в этот же день (т. 76, с. 205).
[2] На письмо А. Ф. Глаголева от 26 сент. Т. отв. 28 сент. (т. 76, с. 204—205).

29 сентября

[1] С. И. Дымшиц сообщил об этом в письме от 27 сент. Т. отв. 29 сент. (т. 76, с. 206—207).
[2] Отр. из соч. Вольтера «Микромегас» (гл. 7 «Беседа с людьми») — «Круг чтения», т. II, с. 264 (т. 42, с. 82—83).

30 сентября

[1] В этот день Т. начал рассказ «Иоанн Софоклов», впоследствии озагл. «Отец Василий», и записал в Дн.: «Начал слишком смело, подробно. Не готов еще, и очень хотелось бы написать» (т. 55, с. 248).
[2] Так начинается отв. Т. от 14 июня 1898 г. (т. 71, с. 377—378) на письмо Ф. Б. Геца от 9 июня того же года.
[3] Одновр. с письмом от 24 сент. М. В. Нестеров прислал фотогр. с картин «Видение отроку Варфоломею» (1889—1890, *ГТГ*), «Юность преподобного Сергия» (1892—1897, *ГТГ*), «Мечтатели» (1903) и «Святая Русь» (1901—1905, *ГРМ*). Т. отв. 3 окт. (т. 76, с. 208).
[4] Т. продолжал чтение «Wahrheit und Dichtung».
[5] Т. вместе с И. С. Тургеневым выехал из Парижа в Дижон 25 февр. (9 марта) 1857 г. и пробыл там до 1 (13) марта.

1 октября

[1] Письмо Ф. И. Халанда неизв. Текст посланного автографа опубл. по записи Маковицкого (т. 76, с. 292).

2 октября

[1] Я. И. Розов был у Т. 3 июля 1903 г. и 7 июля 1904 г. Неоднократно писал ему, и на одно его письмо Т. отв. (т. 75, с. 54—55).
[2] № 10973, 30 сент.
[3] На нем. яз. вышла кн.: A. S e u r o n. Graf Leo Tolstoi. Intimes aus seinem Leben. B., 1895. В рус. пер. кн. появилась в 2-х изд.: А. С е й р о н. Шесть лет в доме графа Льва Николаевича Толстого. Записки. СПб., 1895; А. С е р о н. Граф Лев Толстой. М., 1896. «Книга кишит ошибками»,— писал о ней Т. 5 марта 1896 г. И. Б. Файнерману (т. 69, с. 53). В письме от 1 окт. н. с. Серон писала, что хочет выпустить продолж. своей книги.
[4] H. M o r t e n. Things more Excellent: Beeing the Manual of the Tolstoy Sisters. L., 1906 (*ЯПб*).

3 октября

[1] Изв. 4 письма Т. от 3 окт., в том числе к Черткову (см. т. 76, с. 207—210 и т. 89, с. 43—45).
[2] Т. учился на юридич. ф-те Казанского ун-та с 1845 по 1847 гг. и, судя по записи в экзаменационной ведомости, изучал историю римского права (см.: Н. П. З а г о с к и н. Граф Л. Н. Толстой и его студенческие годы.— *ИВ*, 1894, № 1, с. 120).
[3] Оба тома вышли в Париже в 1861 г. (*ЯПб*, пометы). Т. пользовался этой кн. во время работы над «Войной и миром» (т. 48, с. 66).

4 октября

[1] «Неизданные письма Тургенева к Виардо».— *Илл. прилож. к НВ*, № 10861, 10872, 10879, 10886 и 10987; 10, 21 и 28 июня, 5 июля и 14 окт.
[2] На письмо А. А. Ягн от 6 сент. (почт. шт.), опубл. в т. 55, с. 563—564, Т. отв. 3 окт. (т. 76, с. 209—210).

5 октября

[1] В письме от 27 сент. н. с. Л. Малори сообщала о посланной фотогр.; в письме ее не оказалось (см. т. 76, с. 292). В письме от 8 нояб. н. с. Малори выслала свою фотогр. Т. отв. 2 дек. (т. 76, с. 251).

[2] Разговор с крестьянином послужил толчком к началу работы над ст., позднее получившей загл. «Что же делать?»; в ней приведен весь этот разговор (т. 36, с. 363—371, 541—542 и 544—545).

[3] 2 отр. из соч. П. Хельчицкого «Сеть веры» включены под загл. «Закон бога и закон мира сего» и «Христианство и разделение людей» в «Круг чтения», т. II, с. 330—338 и 443—449 (т. 42, с. 142—149 и 240—246).

[4] В. В. Розанов. Еще о нееврействе Иисуса Христа (*НВ*, № 10976, 3 окт.).

6 октября

[1] При письме от 11 окт. н. с. С. Кокрелл прислал Т. кн.: W. S. Blunt. Atrocities of Justice under British Rule in Egypt. L., 1906 (*ЯПб*) и его же ст. «La situation actuelle en Egypte» из «Figaro», 9.X. На конв. помета Т.: «Благодарить». Отв. М. Л. Оболенская (т. 76, с. 292).

[2] В письме к Т. от 4 окт. А. Ф. Кони упомянул о фельетоне М. О. Меньшикова «Письма к ближним.— Вождь освобождения» (*НВ*, № 10974, 1 окт.), по поводу отказа С. А. Муромцева признать действительным завещание старообрядца Сергеева.

[3] См. письмо Т. к М. О. Меньшикову от 5 окт. 1895 г. (т. 68, с. 204).

[4] Письмо от 25 мая или от 7 июня 1898 г. (т. 71, с. 369—370).

[5] И. И. Петрункевич за подписание «Выборгского воззвания» был привлечен к судеб. ответственности и подвергся тюремному заключению. После IV съезда партии кадетов руководящая роль в партии перешла к П. Н. Милюкову.

[6] Т. работал в эти дни над ст. «Что же делать?»

7 октября

[1] Речь идет о яснополянской школе 1871—1872 гг.

[2] По этому делу Т. обращался к присяжному поверенному Б. О. Гольденблату и тульскому вице-губ. В. А. Лопухину (т. 76, с. 211—212).

[3] В. Дорошевич. В терроре (*Р. сл.*, № 245, 6 окт.).

[4] В. Дорошевич. Сахалин (Каторга). М., 1903 (*ЯПб*).

[5] В газ. «Око», № 27, 4 окт. было опубл. сообщ. о 22 казненных в разных местах России. Т. ввел эти сведения в ст. «Что же делать?» (т. 36, с. 367).

8 октября

[1] Анон. ст. «Обнаружение бомбистского заговора против Кронштадтского военно-морского суда» (*НВ*, № 10979, 6 окт.).

[2] См. запись 15 сент.

[3] Вел. кн. Николай Николаевич-«старший» и Михаил Николаевич прибыли в действующую армию 6 окт. 1856 г. Андрей Львович говорил о вел. кн. Николае Николаевиче- «младшем», Т. же вспоминает его отца, вел. кн. Николая Николаевича- «старшего», к-рый был моложе Т. на 3 года, а не на 5 лет.

9 октября

[1] 20 дек. 1897 г. Т. получил по почте анон. письмо от «старых дворян», к-рое заканчивалось угрозой убийства (опубл. *ДСТ III*, с. 11).

[2] Перед отъездом С. Т. Семенов к Т. не приезжал.

10 октября

[1] Заметка б. подп. «Земельная собственность дворян» (*НВ*, № 10).

[2] П. Буайе посетил Т. 3 раза: 1-й раз 16—18 июля 1901 г. (см. *ТВС II*, с. 152—156); 2-й раз — 21 окт. 1902 г. (см.: «У Л. Н. Толстого».— «Temps», 1902, 4.XI и в *БВ*, 1902, № 291, 25 окт.). О 3-й встрече — 28 авг. 1906 г.— см.: «У Л. Н. Толстого» в «Temps» и *Р. сл.*, № 225, 12 сент. Маковицкий ошибочно считает последний приезд вторым.

[3] П. Сергеенко. В Ясной Поляне («Искры», № 36, *ЯПб*).

11 октября

[1] К. Каутский. Толстой и Брентано — в кн. Каутского «Очередные проблемы международного социализма». Сб. статей. Пер. с нем. СПб., 1906 (*ЯПб*).

[2] И. В. Гете. Гёц фон Берлихинген. Рыцарь с железной рукой. Пер. О. Н. Хмелевой. СПб., 1893 (*ЯПб*, дарств. надпись М. Ледерле).

12 октября

[1] На обл. журн. «Искры», № 40 воспроизв. фотогр. с подписью: «К аграрному движению в провинции. Крестьянская семья у тюремных ворот, явившаяся для свидания с заключенными» (*ЯПб*).

[2] И. Я. Гинцбург в письме к Т. от 10 окт. и Н. Ф. Пивоварова (племянница В. В. Стасова) в письме к А. Л. Толстой сообщали о тяжелом состоянии Стасова. Приписку Т. к письму А. Л. Толстой от 10 окт. к Н. Ф. Пивоваровой см. в т. 76, с. 212—213. Стасов скончался 10 окт.

[3] Т. А. Ергольская умерла 20 июня 1874 г.

13 октября

[1] Т. имел в виду пространные извлечения из кн.: J. B o s w e l l. The life of Samuel Johnson (L., 1792), сделанные А. В. Дружининым: «Джонсон и Босвелль. Картина британских литературных нравов во второй половине восемнадцатого столетия» («Библиотека для чтения», 1851, №№ 11—12; 1852, №№ 3—4, 9—10, 12; и Собр. соч. А. В. Дружинина, т. IV. СПб., 1865).

[2] Рис. Ю. И. Игумновой «Толстой за чтением» (1902). Хр. в *ГМТ*.

[3] Л. Н. Т о л с т о й. О просвещении — воспитании и в первоначальном образовании обучении. Избранные мысли. М., «Посредник», 1907 (*ЯПб*).

[4] П. Х е л ь ч и ц к и й. Сеть веры. С чешского изложил Ю. С. Анненков. М., «Посредник», 1907; П. Х е л ь ч и ц к и й. Сеть веры. Со статьей Л. Н. Толстого. 2-е изд. М., «Посредник», ⟨б. г.⟩ Вступ. ст.— очерк Т. «Петр Хельчицкий» изд. «Круга чтения», т. II, с. 220—225 (т. 42, с. 46—50).

[5] В изд. «Посредник» ст. вышла в нояб., но была конфискована, а Горбунов-Посадов привлечен к ответственности. В изд. Черткова и в др. зарубежных изд. статья тогда опубл. не была.

[6] Очевидно, А. И. Кудрин сообщал об этом в несохр. письме, на к-рое Т. отв. 28 сент. (т. 76, с. 205).

[7] К. Середа в 1896 г. сопровождал в ссылку отказавшегося от воен. службы П. В. Ольховика и под его влиянием сам отказался служить. Они были осуждены на 3 г. в дисциплинарные роты. Т. обратился 22 окт. 1896 г. к нач. Иркутской дисциплинарной роты с просьбой облегчить их участь (т. 69, с. 184—185).

[8] С С. Д. Дрожжиным Т. познакомился 24 дек. 1892 г.

[9] П. У с п е н с к и й. Об истинной веротерпимости. М., «Посредник», ⟨1906⟩.

[10] Письмо В. А. Лебрена от 30 сент.

[11] А. И. А р х а н г е л ь с к и й. Кому служить? Со вступит. письмом Л. Н. Толстого. Упом. изд.

[12] А. Б у к о в. Общедоступный часовщик. М., «Посредник», ⟨б. г.⟩.

[13] О смерти А. И. Архангельского сообщил А. М. Веселов в письме к Т. от 10 окт. Т. отв. 26 окт. (т. 76, с. 215).

Биогр. Архангельского, написанная Веселовым, напеч. в «Календаре для всех на 1908 г.».

[14] С. Д. Николаев взял у Т. для пер. брошюру: C r o f t H i l l e r. Third Appendix to Metachristian Catechism. Paulianity and Christianity, к-рую автор послал 24 авг. н. с. (почт. шт.).

14 октября

[1] С. А. Муромцев был исключен из состава Тульского двор. собр. за подписание «Выборгского воззвания».

15 октября

[1] В это время Горбунов-Посадов готовил к печати упом. ст. Т.

16 октября

[1] Письмо А. Шкарвана от 19 окт. н. с.

[2] Письмо А. Э. Альвеса от 6 окт. (почт. шт.). На конв. этого письма помета Т.: *Б. о.*

[3] Письмо Н. Ф. Пивоваровой от 13 окт. На конв. помета Т.: *Б. о.*

[4] Г. Ф и л ь д и н г. История Тома Джонса, найденыша (1749).

[5] М. К л е ч к о в с к и й (По Эльсландеру). Современное воспитание и новые пути. М., «Посредник» ⟨1906⟩.

[6] См. *Первое послание к коринфянам апостола Павла*, гл. XIV.

17 октября

[1] Е. В. Герцик в письме от 15 окт. спрашивал Т., по какому изд. можно проверить греч. тексты в кн. Т. «Соединение и перевод четырех Евангелий». Отв. Маковицкий (т. 76, с. 293).

[2] В *ЯПб* сохр. отд. №№ след. журн., пропагандировавших экономич. идеи Г. Джорджа: «Canadian Single Taxer», 1904—1908; «Land Values», 1906—1910; «Single Tax Review», 1906, 1908.

[3] H. W a r d. Robert Elsmere. L., 1888 (*ЯПб*). В рус. пер.: Г. У а р д. Отщепенец («Книжки «Недели»», 1889, №№ 1—10; в *ЯПб* кн. 2, 5, 7, 9). Т. читал этот роман в янв. 1889 г. (см. т. 50, с. 19).

[4] Памфлет Д. Свифта «A Modest Proposal» (1729). Рус. пер.: «Скромное предложение, имеющее целью помешать детям ирландских нищих быть бременем для своих родителей и для страны, и указать, каким способом сделать их полезными для общества» («Свифт». СПб., 1881). Т. упоминает о нем в Дн. 17 нояб. 1896 г. (т. 53, с. 120).

[5] При письмах от 21 окт. и 21 нояб. и. с. 1905 г. Чертков прислал Т. 2 письма Б. Шоу к нему по поводу ст. Т. «О Шекспире и о драме». Т. отв. 2 дек. 1905 г. (т. 89, с. 29). Подробнее об этом — *ЯН*, т. 37-38, с. 617—632 и т. 75, кн. 1, с. 88—97.

[6] В *ЯПб* сохр. неск. №№ «Crank», 1903—1906 гг.

[7] Недоразумение возникло из-за пер. на англ. яз. «Воскресения» (см. т. 89, с. 46—47).

18 октября

[1] L. A l e x a n d e r. The Drama of Blood. N. Y., ‹1906› (*ЯПб*, дарств. надпись).

[2] С. А. Толстая сфотографировала Горького и Т. в яснополянском парке 8 окт. 1900 г.

[3] «*Первое послание к коринфянам апостола Павла*», гл. XIII.

[4] С письмом от 11 окт. М. И. Михельсон прислал Т-му свою кн. «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний», тт. I—II. СПб., 1903—1904 (*ЯПб* *). Т. отв. 26 окт. (т. 76, с. 219).

19 октября

[1] М. М е н ь ш и к о в. Письма к ближним.— Открытие Иудеи (*НВ*, № 10988 и 10995, 15 и 22 окт.).

[2] Письмо G. И. Дымшица от 17 окт. Т. отв. 26 (?) окт. (т. 76, с. 216—217).

[3] 1-й пер. сказок был изд. в Париже в 1704—1717 гг.; 1-е рус. изд.: «Тысяча и одна ночь. Сказки арабские». Пер. с франц. яз. А. Филатьев, тт. I—XII. М., 1763—1774; «Тысяча и одна ночь. Арабские сказки Шахразады». Первый полный рус. пер., тт. I—IV. СПб., 1902—1903; «Рассказ о заразной женщине, о трех яблоках и о негре Ригане» — в т. I. В *ЯПб* хр.: «Les mille et une nuits. Contes arabes, trad. par Galland. P., s. a., tt. II—III.

[4] Т. писал в этот день послесл. к ст. «О значении русской революции», «и так плохо, что бросил» (Дн., т. 55, с. 262).

20 октября

[1] *Бука* — псевдоним А. И. Архангельского. Он был в Ясной Поляне 18 мая 1895 г. (Дн., т. 53, с. 32). Прочитанные изречения см. в «Круге чтения», т. II, с. 350—352 (т. 42, с. 159—160).

[2] В *ЯПб* сохр.: 1906, № 1—2; 1907, № 4—10; 1908, № 1.

[3] Письмо Е. П. Блаватской (урожд. Ган) неизв. В *ЯПб* хр. ее кн. B. H. P. ‹B l a v a t z k y›. The Voice of the Silence. Being chosen fragments from the «Book of the Golden Precepts». Translated and annotated by *H. P. B.*; L.— N. Y., 1889 (дарств. надпись). Неск. афоризмов из этой кн. Т. включил в «На каждый день» (т. 44, с. 475 и 489).

21 октября

[1] Горбунов-Посадов писал 20 окт. что задерживает печатание ст. «О значении русской революции», надеясь получить послесловие.

22 октября

[1] С В. А. Соллогубом Т. познакомился в дек. 1850 г. в Москве. В авг. 1866 г. Соллогуб посетил Ясную Поляну. Письма Соллогуба к Т. за 1863 и 1873 гг. см. в кн.: Л. Н. Т о л с т о й. Переписка с русскими писателями. М., 1962.

[2] П. Ч а а д а е в. Апология сумасшедшего. Казань, 1906; е г о ж е. Философические письма. С прилож. письма к Шеллингу. Статья И. Гагарина и отрывок из «Былого и дум» А. И. Герцена. Казань, 1906 (*ЯПб*).

23 октября

[1] Письмо к Горбунову-Посадову от 23 окт. (т. 76, с. 213).
[2] Ст. Э. Пименовой, а не Рыбакова—«Вильгельм II и его двор» (*МБ*, 1906, № 5).
[3] Очерки об упом. Маковицким участницах Франц. революции вошли в кн. Э. Адлер «Знаменитые женщины Французской революции 1789—1795 гг.». М., 1907. (Очевидно, кн. вышла в конце 1906 г., с датой 1907.) В *МБ* были помещены отр. из этой кн., но о др. женщинах.

24 октября

[1] Письмо Г. Галицкого от 9 окт.
[2] Duc de Saint-Simon. Mémoires, tt. I—III. P., 1789 (*ЯПб*); его же: Supplément aux Mémoires, tt. I—IV. L., 1789 (в *ЯПб* I, II и IV); Montesquieu. Œuvres, t t. I—II. P., 1817. «Lettres persanes» в t. II (*ЯПб*).
[3] Г. Брандес. Генрик Ибсен (*МБ*, 1906, № 8). В конце ст. опубл. неск. писем Ибсена к Эмилии Бардах.
[4] Окт. № журн.
[5] В арх. Т. сохр. 1 письмо Caine Hall от 12 июля 1890 г. Отв. Т. Л. Сухотина (т. 65, с. 335). В *ЯПб* хр. Caine Hall. The Christian. A Story. L., 1897; его же. The Eternal City. L., 1901 (дарств. надпись).
[6] Вероятно, речь идет о поездке Т. в имение Юшковых Паново в апр. 1847 г. Весной того же года Т. начал составлять для себя «Правила для развития воли», «Правила в жизни», «Правила внутренние или в отношении к самому себе...» (т. 46, с. 262—272).

25 октября

[1] Дети урядника, убившего лавочника и себя.
[2] В письмах к Б. О. Гольденблату от 5 окт. и В. А. Лопухину от 7 окт. Т. просил помочь крестьянам дер. Судаково взыскать с ж. д. вознаграждение за убытки, понесенные ими при строительстве (т. 76, с. 211—212; ср. т. 73, с. 294).
[3] См. т. 76, с. 213—214. Ст. «О значении русской революции» была напеч. без послесловия. Горбунов-Посадов 30 окт. сообщил, что решил печатать послесловия отд. статьей.
[4] См. «Что же делать?» (т. 36, с. 367, 544—545)
[5] А. Н. Агеев в 1902 г. был привлечен к суду и в янв. 1903 г. приговорен к ссылке на поселение в Сибирь за «непочтительные выражения» относительно икон. На протяжении неск. лет. Т. неоднократно обращался к знакомым адвокатам с просьбой помочь освободить Агеева. Хлопоты не увенчались успехом, и Агеев вернулся из ссылки в 1908 г., отбыв срок, назначенный судом.

26 октября

[1] Бирюков по просьбе П. Сабатье прислал Т. след. кн.: P. Sabatier. A propos de la séparation des Eglises et de l'Etat. P., 1906 (*ЯПб*); J. M. Guyau. L'irreligion de l'avenir. P., 1890 (в *ЯПб* хр. на рус. яз. в 2-х экз.: М. Гюйо. Безверие будущего. СПб., 1908, пометы Т.) и итал. брошюру, автор к-рой — П. Тиррели. Название ее неизв.
[2] П. Гайда. В Ясной Поляне (Впечатления туриста). — «Южная жизнь», №№ 1—4, 12—14 и 17 окт.
[3] В. Розанов. Был ли Христос евреем по племени (*НВ*, № 10916, 4 авг.); Еще о нееврействе И. Христа (*НВ*, № 10976, 3 окт.). В *НВ*, № 10995, 22 окт. была опубл. ст. М. Ю. Меньшикова «Письма к ближним.— Открытие Иудеи». Все эти 3 ст. являлись откликом на указ. кн. Г. С. Чамберлена. Т. перечитывал их в связи с работой над письмом к П. Сабатье.
[4] Вероятно, замысел работы о декабристах.
[5] В период Польского восстания 1863—64 гг. Н. А. Милютин разработал ряд проектов реформ в Царстве Польском, в том числе положение 19 февр. 1864 г. «Об устройстве быта крестьян», основанное на принципе сервитутов, т. е. допущения ограниченного права крестьян пользоваться земельными угодьями помещика.
[6] В апр. 1889 г. Т. читал кн. G. Hubbard. St.-Simon, sa vie et ses travaux. P., 1857, в к-рую вошла ст. Сен-Симона «Парабола» (см. т. 50, с. 72—73). В июне 1889 г. Т. читал кн.: Д. Ф. Щеглов. История социальных систем от древности до наших дней. Изд. 2-е, тт. I—II. СПб., 1889 (см. т. 50, с. 97). В т. I, с. 328—329 помещен рус. пер. ст. «Парабола». В *ЯПб* сохр. т. II.
[7] П. Н. Милюков. Очерки по истории русской культуры, ч. 1—3. СПб., 1896—1903.

27 октября

[1] П. Д. Долгоруков приезжал к Т. 15 июня 1905 г.

[2] Догмат непорочного зачатия был провозглашен папой в 1854 г., а догмат о папской непогрешимости принят Ватиканским собором 1869—70 гг.

[3] Письмо П. Сабатье от 2 окт. н. с. В нем он сообщал о посылке кн. через Бирюкова. На конв. письма Сабатье помета Т.: «Бог — это неограниченное то, что я в себе осознаю ограниченным».

[4] С. Д. Николаев приехал в Ясную Поляну 3 нояб. Возможно, тогда он и привез ст. и свой перевод.

28 октября

[1] «Откровение и разум (Из «Исповеди савойского викария» Руссо)». — «Круг чтения», т. II, с. 371—376 (т. 42, с. 176—180).

[2] См. т. 76, с. 228.

[3] «Записки сумасшедшего», над к-рыми Т. работал в 1880-е гг., остались незавершенными (т. 26).

[4] Над рассказом «Тихон и Маланья» Т. работал в 1860 и в конце 1862 г.; рассказ остался незавершенным (т. 7).

[5] Под загл. «Письмо к фельдфебелю» опубл. отв. Т-го М. П. Шалагинову от янв.—21 февр. 1899 г. (т. 72, с. 37—42; т. 90, с. 54—59). Т. ошибочно назвал фельдфебеля «немецким».

29 октября

[1] См. запись 26 окт. и 2-е прим. к ней.

[2] Письмо С. Михальского от 5 нояб. н. с. На конв. помета Т.: *Б. о.*

[3] *П. З.* Драгоценные камни (*Брокгауз*, кн. 21).

[4] Сообщ. опубл. в *НВ*, № 11000, 27 окт.

30 октября

[1] В двух черн. ред. письма к П. Сабатье Фихте упоминается среди авторов, высказывавшихся о будущем религии и церкви.

[2] И. Фихте. Назначение человека. СПб., 1906.

1 ноября

[1] Письмо И. Романовского от 1 нояб. (почт. шт.). Отв. по поруч. Т. (т. 76, с. 296).

3 ноября

[1] Первоначально Т. задумал новую ст. (см. запись 5 окт.), затем решил сделать ее послесл. к ст. «О значении русской революции» (см. т. 89, с. 47). В процессе работы Т. отменил свое решение и стал обрабатывать написанное как ст., получившую загл. «Что же делать?»

[2] «Круг чтения», т. I, с. 362 (т. 41, с. 313).

[3] 6 окт. н. с. Р. Хёнтер писал, что был бы счастлив получить от Т. неск. слов о его кн. Письма М. Л. Оболенской он не упоминает.

[4] Н. А. Рубакин. Среди книг. СПб., 1906. В действительности в разделе VI, «Строй экономический и социальный, его история и теория» — соч. Г. Джорджа указаны (с. 152, 160, 163).

[5] См. Д. Моррисон-Давидсон. Предшественники Генри Джорджа. М., «Посредник», 1907.

[6] И. Беневский. Христианская община и земледелие. М., «Посредник», 1907 (*ЯПб*).

[7] Фихте. Основные черты современной эпохи. СПб., 1906, с. 115—167.

[8] 19 окт. А. С. Скутина прислала Т-му 4 своих стихотв.: «Доля крестьянки», «Работница», «Сентябрь», «Средь шумной столицы». Т. отв. 13 нояб. (т. 76, с. 232—233).

4 ноября

[1] Л. Скотт был среди встречавших А. М. Горького в Нью-Йорке 28 марта 1906 г. Жили Горький и М. Ф. Андреева в доме Престонии и Дж. Мартинов.

[2] М. Меньшиков. Расстройство армии. II. (*НВ*, № 11006, 2 нояб.).

[3] L. Tolstoï. Qu'est-ce que la Religion? Traduit du russe par J. W. Bienstock et P. Birukov. P., 1902 (*ЯПб*). В письме к Сабатье выписки из ст. Т. нет. В одной из черн. ред. помета: «Выписка», но не указано, какая.

[4] В *ЯПб* хр.: L. N. Tolstoi. Gesammelte Werke. Ausg. von R. Löwenfeld. Bd. I—III, V—VII. B., 1891—1893; L. Tolstoï. Œuvres complètes. Trad. de J. W. Bienstock, revisée et annotée par P. Birukov. Vol. I—XXI. P., 1902—1913. К 1907 г. вышли тт. I—XVI.

[5] Встреча Т. и Вл. И. Немировича-Данченко, во время к-рой он читал Т. отр. из «Былого и дум» (Вл. И. Немирович-Данченко. Из прошлого. М.— Л., 1936, с. 354—355). При 1-й встрече Т. с А. П. Чеховым 8—9 авг. 1895 г. среди гостей Ясной Поляны Вл. И. Немировича-Данченко не было.

5 ноября

[1] Разговор был с С. Д. Николаевым; при нем мог присутствовать Э. Я. Перна, гостивший в Ясной Поляне.

[2] По поруч. Т-го Маковицкий писал Бирюкову: «Вчера Л. Н. нуждался для письма к Сабатье в франц. переводе «Sur la religion». Ужаснулся на этот перевод: «начало» переведено commencement, «сделка» — accomodation (есть только accomodation — глаза) вместо accomodement. Совсем не мог воспользоваться им. Поручил мне написать тебе об этом не то, чтобы сделать Бинштоку упреки, а потому что в полном собрании франц. перев. его сочинений еще нет «Sur la religion». Так, когда придет очередь, чтобы отнюдь не печатать по этому тексту, а надо его переправить, пересмотреть, п. ч. он очень дурен. Еще Л. Н. поручил написать тебе. Ты оставил главы продолжения «Биографии». Л. Н. читал и нашел их очень хорошими. Но там описание, как Л. Н. сломал себе руку — взято из записок лакея,— слишком скучно, одно что плохо. Еще Л. Н. сказал, что постарается что-нибудь прибавить...» (Публ. впервые по машинописной копии, *ГМТ*).

6 ноября

[1] Письмо А. Шкарвана от 14 нояб. н. с. Горбунов-Посадов ему «запасные дни» переслал.

[2] В письме от 16 окт. н. с. Сингоро Такаиси сообщал, что посылает кн. «The Sixth Financial and Economic Annual of Japan». Tokyo, 1906 (*ЯПб*). Вероятно, ее и получил Т.

[3] Над письмом к П. Сабатье Т. работал около 2 недель. Сохр. 7 черн. ред. Копия рукой Маковицкого с вычеркнутой им же фразой, указанной в тексте, датирована 7 нояб. С этой же датой по копии Маковицкого письмо опубл. (т. 76, с. 223—227). Среди рук. экз. есть один с датой 9 нояб. Это письмо Сабатье опубл. в «Siècle» в конце нояб.

7 ноября

[1] Ср. «Круг чтения», т. I, с. 274—275 (т. 42, с. 341).

[2] С. Баскин-Серединский, приехавший в Ясную Поляну, передал Т-му письмо (б. д.) с газ. и просил принять его. Текст письма Т. к М. М. Стасюлевичу неизв. (см. т. 76, с. 271).

[3] «Штабс-капитан Рыбников» (*МБ*, № 1, *ЯПб*).

[4] *МБ*, № 8.

[5] Письмо Е. И. Дымшица от 31 окт. Т. отв. 20 нояб. (т. 76, с. 238).

[6] Письмо П. Л. Успенского от 5 нояб. На конв. помета Т.: *Б. о.*

[7] Письмо В. А. Лебрена от 30 окт.— 5 нояб. На конв. помета Т.: *Б. о.* Опубл. в кн.: С. Розанова. Толстой и Герцен. М., 1972, с. 153—154.

[8] Напеч. в *ИВ*, 1906, № 11. А. В. Жиркевич в письме от 31 мая просил у Т. разрешения приехать. Отв. М. Л. Оболенская (т. 76, с. 284). 21 авг. А. В. Жиркевич поблагодарил за разрешение посетить Ясную Поляну.

[9] Рудольф приезжал в Ясную Поляну в мае—июне 1849 г.

[10] Остальные 2 журн.— «Русский архив» и «Русская старина».

9 ноября

[1] В письме от 25 окт. н. с. В. Р. Генри привел это мнение какого-то «знаменитого американского профессора», сообщив, что возражает ему в своей книге.

11 ноября

[1] М. Туган-Барановский. Как осуществится социалистический строй? (*МБ*, № 5; *ЯПб*).

[2] Вероятно, отд. оттиск какой-либо ст. А. В. Луначарского, не отмеченной библиографией.

[3] Ред. журн. «За жизнь — жизнь» (из г. Боброва) в письме к Т. от 25 окт. просил Т. о присылке ст. и сообщал, что №№ журн. регулярно высылаются в Ясную Поляну.

12 ноября

[1] При письме Горбунова-Посадова от 9 нояб.

[2] На с. 134—145 помещены гл.: II. Встреча Огарева с друзьями; III. Последнее время ссылки Огарева; IV. Огаревы в Москве.

[3] Т. и Н. П. Огарев встречались в Лондоне в февр.—марте 1861 г.

[4] В «Дневнике» А. В. Дружинина (*ЦГАЛИ*) отмечено, что 3 дек. 1855 г. Т. читал у И. С. Тургенева главы «Юности». 9 дек. Тургенев и Т. читали поэму Н. П. Огарева «Зимний путь» и Тургенев восхищался ею (см. *ТВС II*, с. 223).

[5] В. В е р е с а е в. Рассказы о войне. III. Исполнение земли (*МБ*, № 5, с. 164; *ЯПб*). Стихотв. А. Федорова «Песни земли» и «Героиня» (*МБ*, №№ 6—7; *ЯПб*).

[6] «*Полинька Сакс*» А. В. Дружинина названа в списке кн., к-рые произвели на Т. сильное впечатление в возрасте от 14 до 20 лет (т. 66, с. 67).

[7] Об этом сообщил Чертков в письме от 16 нояб. н.с.

[8] См. т. 89, с. 50.

14 ноября

[1] Письма И. Ф. Наживина от 24 нояб. н. с. и Н. Г. Суткового от 11 нояб. Т. отв. им 14 нояб. (т. 76, с. 234—236).

[2] Горбунов-Посадов в письме от 9 нояб. просил прислать копию ст. Т. «О Шекспире и о драме» для публ. Т. послал ее при письме от 14 нояб. (т. 76, с. 233). Вышла отд. изд.: Л. Н. Т о л с т о й. О Шекспире и о драме. М., «Посредник», 1907.

[3] «Круг чтения», т. II, с. 501.

15 ноября

[1] В письме Н. Г. Суткового от 11 нояб. это место Т. отчеркнул.

[2] В ст. о Канте (*Брокгауз*, кн. 27) указаны пер. его главных соч. на рус. яз. за 1804—1893 гг. Позднейших не могло быть, т. к. том вышел в 1895 г.

[3] К. Ф и ш е р. История новой философии, тт. I—VIII. СПб., 1903—1910. В тт. IV—V (1901 и 1906) — «Иммануил Кант и его учение». В *ЯПб* хр. т. IV (дарств. надпись от изд. Д. Жуковского).

[4] Чертков прислал поправки в письме от 16 нояб. н. с.

[5] В тексте романа: «скрипящее кожей седло» (т. 18, с. 206).

[6] M. M o n t a i g n e. Essais, t. I. P., 1882 (*ЯПб*); R o u s s e a u. Œuvres, tt. I—XXV. P., 1822. «Emile» — tt. VIII—IX (*ЯПб*).

[7] F. R a b e l a i s. La vie de Gargantua et de Pantagruel. P., s.a. (тит. л. отсутствует, *ЯПб*).

16 ноября

[1] Письмо Ветринского и ответ Т. неизв. (т. 76, с. 271).

[2] М. М о н т е н ь. Опыты, кн. 1. изд. 2,, гл. XX. М.— Л., 1958, с. 102—121.

[3] «Круг чтения», т. II, с. 460—462 (т. 42, с. 256—258).

[4] В сент. 1873 г. И. Н. Крамской написал одновр. 2 портрета Т. Один для П. М. Третьякова (*ГТГ*), второй — для семьи Т-го (хр. в Музее-усадьбе Ясная Поляна).

17 ноября

[1] Ст. «Церковные инвентари во Франции» (*НВ*, № 11018, 14 нояб.).

[2] Текст письма Т. неизв. (см. т. 76, с. 271).

[3] Л. Н. Т о л с т о й. Мысли мудрых людей. М., 1903, с. 323 (т. 40, с. 198).

[4] Письмо С. Я. Свечинского от 12 нояб. На конв. помета Т.: «Послать вегетар. книги» и помета М. Л. Оболенской, что она просила Горбунова-Посадова исполнить просьбу Т.

[5] В письме от 21 нояб. н. с. Г. Уэллс сообщил Т-му о посылке ему своих кн., в т. ч. и «Будущего Америки». Т. отв. 2 дек. (т. 76, с. 252—253). Полный текст письма Уэллса — *ЛН*, т. 75, кн. 1, с. 153—154. В *ЯПб* сохр. след. кн. Уэллса: «The other Man's Country. An Appeal to Conscience». Philadelphia, 1900; «The Plattner Story and others», 2d ed. L., 1904; «A Modern Utopia». L., 1905; «The War of the Worlds». L., 1905; «In the Days of the Comet». L., 1906. «Love and Mr. Lewisham». L., 1906; «The Future in America». N. Y.— L., 1906 (дарств. надпись); «New Worlds for Odd». L., 1908.

[6] М. М о н т е н ь, указ. изд., с. 221.

[7] См. прим. 3.

[8] Т. и Е. И. Попов в окт. 1893 г. проверяли и редактировали пер. Лао-тзе, сделанный Поповым. При этом они пользовались изд.: L a o-T s e u. Traduit avec un commentaire perpétuel par St.-Julien. P., 1842; Lao-Tse. Tao-te-king. Übersetzt und commentiert von V. von Strauss. Lpz., 1870. Кроме этих 2 известных Т-му изд. (*ЯПб* *), Т.

имеет в виду след. 3 (*ЯПб*): Laotze. The Tâo-Teh-King. Chicago, 1898 (пометы), W. Heysinger. The Light of China. The Tao-Teh-King of Lâo Tsze. Philadelphia, 1903 (пометы); Лао-Цзы. Тао-те-кинг, или Писание о нравственности. Рус. пер. Д. Конисси, опубл. в *ВФиП*, 1894, кн. 3(23) май.

18 ноября

[1] Л. Н. Толстой. О Шекспире и о драме (*Р. сл.*, №№ 277—282 и 285 от 12—18 и 23 нояб.). 3 дек. н. с. Чертков сообщил Т., что продал И. Д. Сытину право публ. ст.

[2] На письмо Н. Ф. Погребного от 12 нояб. Т. отв. 17 нояб. (т. 76, с. 237).

[3] Письмо Г. А. Русанова от 11 нояб. Т. отв. 25 нояб. (т. 76, с. 245).

[4] Письмо от Самарского ком. обществ. помощи голодающим от 8 нояб. На конв. помета Т.: *Б. о.*

[5] Spinoza. Œuvres. Traduites par E. Saisset. P., s. a. (*ЯПб*, пометы).

[6] *Брокгауз*, кн. 34.

19 ноября

[1] В «*Новой газете*», № 1, 15 нояб. опубл. ст.: «Толстой о Шекспире». В нее включ. отр. из ст. «О Шекспире и о драме», опубл. в *Р. сл.* Отрицательные отзывы о ней в *НВ*: А. Суворин. Маленькие письма (№ 11018, 14 нояб.); В. Розанов. Толстой и Достоевский об искусстве (№ 11025, 21 нояб.).

28 ноября

[1] 26 нояб. Т. получил присланную автором брошюру: Croft Hiller. Twentieth Appendix to Metachristian Catechism. The Jew. 27 nov. В тот же день Т. запросил Черткова (т. 89, с. 51; там же, с. 52—53, цит. ответное письмо Черткова от 28 мая/10 июня 1907 г.).

29 ноября

[1] В *Илл. прилож. к НВ*, № 11029, 25 нояб. на 1 стр. помещено неск. карикатур под общим загл.: «Полезные советы выборщикам».

30 ноября

[1] Ср. Дн. 26 нояб. (т. 55, с. 277—278).

[2] Очевидно, разговор возник в связи с появл. в печати сообщ. о смерти Ф. Брюнетьера (см. ст. И. Игнатова «Брюнетьер».— *Р. вед.*, № 291, 30 нояб.). Кн. Брюнетьера Т. пользовался при работе над «Предисловием к соч. Гюи де Мопассана» (т. 30) и ст. об искусстве (т. 30). В июле 1889 г. Т. читал ст. F. Brunetière. A propos du «Disciple» («Revue des Deux Mondes», 1889, 15. VII; *ЯПб*) по поводу романа P. Bourget. Le disciple. P., 1889 (т. 50, с. 110 и 316). «Книга о современных писателях», возможно: F. Brunetière. Essais sur la littérature contemporaine. P., 189.

[3] J. Gautier. La fiction universelle. Deuxième essai sur le pouvoir d'imaginer; P., 1903. (*ЯПб*, дарств. надпись).

[4] В. Розанов. Толстой и Достоевский об искусстве (*НВ*, № 11032, 28 нояб.).

[5] K. Gjellerup. Der Pilger Kamanita. Ein Legendenroman. Frankfurt a/Main, 1907 (*ЯПб*).

1 декабря

[1] В *ЯПб* хр. кн.: М. Иокай. Мечта и жизнь. Пер. с венг. А. Б. Перелыгиной. М., 1896.

[2] Мадач. Трагедия человечества. СПб., 1904 (рус. пер. драмы в стихах: Madách. Az ember tragédiája).

2 декабря

[1] П. Кропоткин. Безначальный коммунизм и экспроприация. М., 1906, с. 27—28.

[2] В нояб. Т. начал составлять на материале «Круга чтения» детский «Круг чтения» и «Детский закон божий». Сохр. записки для занятий с 8 нояб. по 4 дек., озагл. Т. «Детский закон божий». Вероятно, именно о них идет здесь речь.

[3] А. Позднеев. Монголия (*Брокгауз*, кн. 38).

[4] 〈П. Кропоткин.〉 Земледелие, промышленность и ремесла. Изд. 2-е. М., «Посредник», 1904, гл. III и IV.

[5] П. Кропоткин. Государство, его роль в истории. Женева, 1904, с. 73.

[6] Письмо Т. к П. Сабатье от 7/20 нояб. (т. 76, с. 223—231).
[7] K u H u n g M i n g. The Universal Order, or Conduct of Life. A Confucian Catechism. Shanghai, 1906. Этой записью устанавливается получение Т. кн. в 1906, а не в 1908 г. (ср. т. 56, с. 514 и *Шифман*, с. 77).
[8] В *ЯПб* хр. только одна биогр. М. А. Бакунина, вышедшая в 1906 г.: Л. К у л ь ч и ц к и й. М. А. Бакунин, его идеи и деятельность. СПб., б. г.

3 декабря

[1] Е. У с т и н о в. Что такое социалистическая нравственность? СПб., 1906, с. 57—58.
[2] В. А. Пашков, один из основателей религ. секты «пашковцев», был выслан из России в 1884 г. за пропаганду своего учения.
[3] Г. Х. А н д е р с е н. Новое платье короля. Т. дважды перерабатывал эту сказку: в 1872 г. для «Азбуки» (т. 21, с. 661; т. 22, с. 575—576) и в 1907 г. для детского «Круга чтения» (т. 40, с. 508—509).
[4] «В защиту Сенеки и Плутарха» в указ. изд. Монтеня, т. II, с. 466. Очевидно, к этому времени относится заметка Т. в Зап. кн.: «Спартанское и изнеженность» (т. 55, с. 372).
[5] Ред. «Родника» А. Н. Альмединген обратился в авг. к Т. через свою дочь с просьбой написать «несколько слов к юношеству» для дек. юбилейного № (по случаю 25-летия). 21—22 нояб. Т. написал ст. «Верьте себе», но она и 2 его письма в ред. не были посланы — вероятно, в связи с болезнью и смертью дочери — М. Л. Оболенской. Ст. опубл. в *Р. сл.*, 1907, № 297, 28 дек. (т. 37).
[6] Ср. т. 20, с. 592.
[7] Ошибка памяти Т. Спор о смертной казни произошел не с Ю. Ф. Самариным, а с тульским губ. предводителем дворянства П. Ф. Самариным, во время посещения им Ясной Поляны 15 мая 1881 г. (см. Дн., т. 49, с. 36).
[8] См.: А. С. Х о м я к о в. Полн. собр. соч., т. II. Прага, 1867. Том вышел под ред. и с предисл. Ю. Ф. Самарина.
[9] И. С. Фонвизин был моск. губ. с 1868 по 1870 г.
[10] О назначении Т. 16 мая 1861 г. мировым посредником см.: Н. Н. Г у с е в. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1855—1869 год. М., 1957, II, с. с. 436—437.

4 декабря

[1] U. S i n c l a i r. The Jungle. N. Y., 1906 (*ЯПб*, 2 экз., дарств. надпись; см. *ЛН*, т. 75, кн. 1, с. 431).
[2] Возможно, драма В. И. Игнатьева «Сильные духом», о посылке к-рой автор сообщал Т. в письме от 30 нояб. На конв. помета Т.: *Б. о.*
[3] А. Г а т ц у к. Календарь крестный на 1906 г. М., 1906. На с. 51—52 помещены фотогр. командующих рус. армией, в том числе. А. Н. Куропаткина.
[4] «Замечания о способах ведения войны Юлия Цезаря» в указ. изд. Монтеня, т. II., с. 481—482.

7 декабря

[1] «Круг чтения», т. I, с. 46 (т. 41, с. 44). Из кит. мудрости (не из Эпиктета).
[2] 9 дек. 1894 г. Т. посетил в моск. гостинице В. В. Веригина, В. Г. Верещагина и В. И. Объедкова, к-рые провожали П. В. Веригина, пересылавшегося по этапу в г. Березов, Тобольской губ.
[3] И. М. Трегубов.
[4] *Еванг. от Матф.*, VI, 34.

8 декабря

[1] А. С. П у ш к и н. Соч. Переписка, т. I (1815—1826). СПб., 1906 (*ЯПб*).

9 декабря

[1] Письмо П. А. Мазаева от 1 дек. (т. 76, с. 298).
[2] См. *Р. вед.*, № 286 и 297, 24 нояб. и 7 дек.

10 декабря

[1] В письме от 1 дек. В. А. Лебрен писал об известном труде Ф. Минье «История Французской революции», выдержавшем в рус. пер. неск. изд.

11 декабря

[1] «Письма духоборческого руководителя Петра Васильевича Веригина». *Св. сл.*, Christchurch, 1901 (*ЯПб*).

[2] М. С. Андросов посетил Т. 18 янв. 1897 г. Он возвращался домой после попытки в дек. 1896 г. проехать к П. В. Веригину. Рассказ Андросова о его неудачной поездке приведен в указ. кн. Веригина.

[3] В. Н. Поздняков был у Т. в конце окт. 1898 г. В 1905 г. он тоже переселился в Канаду.

14 декабря

[1] Т. Синклер переписывался с Т. с 1895 по 1910 гг.; сохр. 13 его писем. Почти при каждом из них он посылал свои соч. Крафт Хиллер также присылал Т. с 1906 по 1909 г. свои произв.

[2] Кн. Э. Синклера «Посредником» изд. не была. Вышла отд. изд.: С и н к л е р. Дебри. М., 1907.

[3] См. т. 23, с. 363.

15 декабря

[1] В письме от 21 дек. С. А. Стахович прислала список кн., к-рые она выявила по каталогу Публ. б-ки. Т. отв. 28 дек. (т. 76, с. 266).

[2] Этот замысел осуществлен не был.

[3] См. *Р. вед.*, №№ 298, 300 и 301, 8, 10 и 12 дек.

16 декабря

[1] Желая проверить доступность приготовленных материалов для задуманного детского «Круга чтения», Т. начал занятия с крестьянскими мальчиками. 13 дек. С. А. Толстая записала: «Лев Николаевич привел к себе Дорика и деревенских ребят, читал им мысли Эпиктета и пытается сделать общедоступный «Круг чтения»» (*ЕСТ*).

[2] Письмо Э. Кросби от 21 нояб. н. с. На конв. помета Т.: *Б. о.*

17 декабря

[1] См. «Круг чтения» на 16 дек. — т. II, с. 554 (т. 42, с. 351) и «На каждый день» на 6 нояб. (т. 44, с. 267—268).

[2] «*Ширке абот*» (в пер.: «Поучения отцов») — сб. изречений и афоризмов религиозно-нравственного характера.

18 декабря

[1] На конв. письма Т. Синклера от 19 дек. н. с. отмечено, что Т. получил от него 3 пакета с его кн. Судя по письмам от 18 и 19 дек. н. с., среди них были: «Pleurs et sourires et Larmes et sourire s», tt. I—III, P., 1884 (*ЯПб*, дарств. надпись на каждом томе); машин. копия ст. о Шекспире.

[2] Б. Клинеберг в письме от 17 дек. н. с. сообщил о посылке своего соч.: «Náboženský cit. Rozbor hodnoty náboženství». Praha, 1906 (*ЯПб*).

[3] В *Илл. прилож. к НВ*, № 11050, 16 дек. помещена карикатура на П. М. Кауфмана с подписью: «Политическая программа министра народного просвещения П. М. Кауфмана... И все-таки есть недовольные!!»

[4] В газ. сообщалось, что Н. И. Небогатов приговорен к смертной казни за сдачу в мае 1905 г. рус. кораблей япон. пр-ву.

[5] В эти дни Т. наметил в Зап. кн. темы уроков «нравственных» (см. т. 55, с. 394 и 287). Написанную в 1903 г. сказку «Ассирийский царь Ассархадон» (т. 34) Т. переработал для детского «Круга чтения». При жизни Т. не печаталась (т. 90).

19 декабря

[1] *НВ*, № 11051, 17 дек.

[2] См. анон. ст. «Открытие Эдисона» (*Р. сл.*, № 307, 19 дек.).

[3] Очевидно, это одна из машинопис. ст., к-рые были присланы Т. Синклером в дек. Отв. Т. неизв. На нек-рых кн., присланных Т-му в конце 1906 г., дарств. надпись Синклера заканчивалась приветствием: «A New Years gift for 1907» («Новогодний подарок на 1907 г.»).

[4] Протоиерей И. В о с т о р г о в. Памяти гр. А. П. Игнатьева (*МВ*, № 305, 19 дек.).

20 декабря

[1] В *Р. вед.*, № 304, 15 дек. опубл. программа концерта И. Гофмана; концерт должен был состояться 20 дек.

[2] *М-е.* Дальний Восток и ближайшие наши задачи. II (*НВ*, № 11052, 18 дек.).
[3] «Мысли мудрых людей на каждый день», с. 360 (т. 40, с. 212).
[4] *П. Ш-в.* Общедоступные и детские книги (*Р. вед.*, № 307, 19 дек.).
[5] Ц. Ломброзо. Мое посещение Толстого (*ВВ*, 1906, № 9).
[6] 1-й рус. пер. кн. Т. Кампанелла. Государство Солнца («Civitas solis». *ВВ*, №№ 9—11).

21 декабря

[1] Л. Н. Толстой. Метель (1856) — т. 3.

22 декабря

[1] Письмо к К. В. Даниелю от 22 дек. (т. 76, с. 259—260).

24 декабря

[1] Письмо В. В. Стасова от 18 сент. (*ПТС*, с. 404—408). Т. отв. 20 сент. (т. 76, с. 193—194).
[2] Э. Синклер. Дебри (*ВЕ*, №№ 8—11).
[3] Е. А. Берс. Вопросы нашего времени. СПб., 1906 (*ЯПб*).

25 декабря

[1] В письме ред. «Crank» К. В. Даниелю от 22 дек. Т. поблагодарил за журн. и одобрительно отозвался об упом. ст., напеч. в vol. IV, № 12 журн. (т. 76, с. 259—260).
[2] «Круг чтения», т. II, с. 232 (т. 42, с. 56).
[3] Отв. Маковицкого по поруч. Т. (т. 76, с. 299).

26 декабря

[1] См. Зап. кн., дек. и Дн., 26 дек. (т. 55, с. 396 и 289).
[2] Письмо В. А. Молочникова к П. А. Столыпину от 20 нояб.
[3] М. Меньшиков. Письма к ближним.— Музей трусости (*НВ*, № 11058, 24 дек.).
[4] Т. встретился с Петровичем—В. П. Щеголенком в марте 1879 г. В июле того же года Щеголенок приехал в Ясную Поляну. Т. записал рассказанные им легенды (см. т. 48, с. 198—213). Многие из них послужили источником для рассказов Т., в том числе «Чем люди живы» (т. 25).
[5] Письмо С. Кошевской от 14 дек. На конв. помета Т.: *Б. о.*
[6] Письмо А. К. Дарагана от 20 дек. Т. отв. 27 дек. (т. 76, с. 262).

27 декабря

[1] В. И. Герье. Первые шаги бывшей Государственной думы. М., 1907.
[2] «Дело III отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1862. № 230 — о графе Льве Толстом». Письмо к Александру II от 22 авг. 1862 г. (т. 60, с. 440—442).
[3] См. список учителей Яснополянской школы 1862 г.— т. 8, с. 505—509.
[4] Изв. 9 писем за этот день (т. 76, с. 261—266).

28 декабря

[1] «Утро», № 14, 28 дек.

29 декабря

[1] С. Ф. Ольденбург приезжал в Ясную Поляну в конце июля 1885 г. (см. *ЛН*, т. 69, кн. 2, с. 64 и 66).
[2] Письмо В. Ф. Снегирева к С. А. Толстой от 27 дек.
[3] Свед. нужны были П. А. Сергеенко для его кн. «Толстой и его современники». Очерки. М., 1911.
[4] В сделанной в этот же день записи П. А. Сергеенко названы рассказы «Allez» и «Поздний гость» (*ЛН*, т. 37-38, с. 563). О рассказе «Поединок» см. запись 16 окт. 1905 г.
[5] Телегр. опубл. в т. 89, с. 54.

30 декабря

[1] А. И. К у п р и н. Демир-Кая (*СМ*, № 3).
[2] Письмо Д. Дробневского от 20 дек. На конв. помета Т.: *Б. о.* Опубл. в т. 55, с. 579—581.
[3] Письмо И. Ф. Наживина от 5 дек.
[4] Кн. посвящена К. Х. Ф. Краузе и Т-му.

31 декабря

[1] «Борьба за свободную школу». Составил К. Н. Вентцель. М., 1906.
[2] В *ЯПб* хр.: P l u t a r q u e. Œuvres morales, vol. I—V. P., 1844 (в vol. I пометы Т.) и «Les vies des hommes illustres», vol. I—VII, IX—XV. P., 1811.
[3] Картина Н. Н. Ге «Суд Синедриона. Повинен смерти». 1892 (*ГТГ*).
[4] П о л т а в е ц. Продовольственная помощь и питейный доход (*НВ*, №№ 11061 и 11062, 28 и 29 дек.).
[5] Д а л м а т и н е ц. Пий X и славянская литургия (*НВ*, № 11062, 29 дек.).
[6] Т. начал изучать греч. яз. в дек. 1870 г., а 10 июня 1871 г. в Москве встретился с П. М. Леонтьевым и читал с ним по-греч. (см.: Н. Н. Г у с е в. Л. Н. Толстой. Материалы к биографии с 1870 по 1881. М., 1963, с. 23—25 и 28).
[7] Кн. вышла в Париже в 1906 г.

1907

3 января

[1] Письмо от 1 янв. (т. 77, с. 5—6).

4 января

[1] К ст. Т. «Что такое религия и в чем сущность ее?», печатавшейся в изд-ве «Обновление» в виде брошюры, необходимо было добавить что-либо из др. произв.: увеличение объема освобождало ее от предварительной цензуры. Об этом просил П. П. Картушин. Изд. все же было запрещено.
[2] Письма от 4 янв. (т. 89, с. 55; т. 77, с. 8—9).

5—6 января

[1] Г о м е р. Илиада, пер. Н. Гнедича, ч. 2, изд. 2-е Лисенкова. СПб (*ЯПб*, пометы).

7 января

[1] W. W h i t m a n. Leaves of Grass. The Poems. L., 1887 (*ЯПб*). Ст. З. А. Венгеровой «Витман (Валт Whitman)».— *Брокгауз*, кн. 12.
[2] 2-е загр. путешествие Т-го 1860—61 гг.
[3] Т. познакомился с Б. Ауэрбахом в Берлине 21/9 апр. 1861 г.

8 января

[1] Ср.: *Сухотин*, с. 190—191.
[2] Из Записок М. С. Сухотина (1901—1910) опубл. лишь разделы, относящиеся к Т. (*ЛН*, т. 69, кн. 2).

9 января

[1] 2-е изд. этой кн. (San Francisco, 1906) сохр. в *ЯПб* (дарств. надпись).

10 января

[1] Пер., выполненный в конце 1893 г., был в 1910 г. издан «Посредником» под загл. «Изречения китайского мудреца Лао-тзе, избранные Л. Н. Толстым».
[2] Л а о-С и. Тао Те-кинг, или Писание о нравственности. Пер. Д. Кониси под ред. Л. Н. Толстого (*ВФиП*, 1894, кн. 3(23), май).

11 января

[1] 7 дек. н. с. 1906 г. Б. Шоу послал Т-му свою кн. «Man and Superman. A Comedy and a Philosophy». L., 1906 (*ЯПб*). Текст дарств. надписи см. в *ЛН*, т. 75, кн. 1, с. 91.
[2] Была закрыта тип. Печковского, Буланже и К°, в к-рой печатались изд. «Посредника».
[3] Письмо Е. И. Попова от 16 янв. н.с. Т. отв. 11 янв. (т. 77, с. 13—15).

12 января

[1] Т. перефразирует, применяя к самому Шоу, обращение Командора к Дон-Жуану из 3 д. драмы Шоу «Man and Superman»: «You have more brains than is good for You».

[2] Сохр. письмо С. Кокрелла к Т-му от 15 янв. н. с. (с упом. о сестре Кросби) и ее письмо от 10 янв. н. с.

[3] «Война и мир», т. I, ч. 1, гл. 1.

[4] Писательница Дж. Элиот (псевд. Мери Эванс) в 60-летнем возрасте вышла замуж за сорокалетнего банкира Дж. У. Кросса.

[5] Об этом эпизоде см. в письме Т. к жене от 13 июня 1878 г. (т. 83, с. 254—255).

[6] Т. жил у Тургенева в Петербурге в дек. 1855 г. Пьеса А. Н. Островского «Не так живи, как хочется» появилась не в *Совр.*, а в «Москвитянине», 1855, №№ 17—18.

[7] Ранние (незавершенные) драматические произв. Т. 1856 г. см. в т. 7.

[8] Авторское назв. картины «Молчание» (1903); хр. в *ГТГ*.

[9] Эти мысли развиты в ст. «Почему христианские народы вообще и в особенности русский находятся теперь в бедственном положении» (осталась незаконченной; т. 37).

13 января

[1] К с е н о ф о н т. Полное собр. соч., ч. 2, изд. 5-е. «Воспоминания о Сократе. Memorabilia». СПб., 1902 (*ЯПб*, пометы).

[2] Письмо В. Б. Тенькова от 25 дек. 1906 г. Т. отв. 11 янв. (т. 77, с. 15—16).

[3] «La Bible». Trad. nouvelle avec introduction et commentaires par E. R e u s s, vol. XIII. P., 1878. «Nouveau Testament... L., 1807 (*ЯПб*, пометы).

[4] E. R e n a n. Saint-Paul. P., 1869.

[5] Кн. издана в Париже в 1900 г. (*ЯПб*).

14 января

[1] Письмо Ф. Даниель (псевд. *F. E. Worland*) от 21 янв. н. с.— отв. на положительный отзыв Т. о ее ст. «The earth for all» (см. т. 76, с. 259—260). Т. отв. 2/15 февр. (т. 77, с. 33—34).

16 января

[1] См. предисл. Герцена к «Запискам Екатерины II», изданным в 1859 г. в Лондоне на франц. яз. Рус. пер. в России впервые напеч. в *ИВ*, 1906, №№ 1—9. Очевидно, Т. читал именно это изд. (*ЯПб*). Ср. *Герцен*, т. XIII, с. 382.

[2] Неточная цитата из письма Локателли, приведенного в кн. Валишевского (с. 277).

[3] На лекции Э. Дюбуа-Реймона Т. присутствовал в Берлинском ун-те в начале июля 1860 г. (см. Р. Л е в е н ф е л ь д. Гр. Л. Н. Толстой. Его жизнь, произведения и миросозерцание. М., 1897, с. 162).

17 января

[1] «Сказка о японском каменотесе» в кн.: М у л ь т а т у л и. Повести, сказки, легенды. Пер. и вступительная ст. А. Чеботаревской. СПб., 1907 (*ЯПб*).

[2] Инд. сказка «Мышь-девочка», в обработке Т., включенная в «Первую русскую книгу для чтения» (т. 21), по идее близка к легенде Мультатули. Источник сказки — басня Бидпая. Т. заимствовал ее из кн.: «Les mille et un jours...» P., 1839, p. 494—495 (*ЯПб*, пометы).

[3] Суд над виновниками убийства М. Я. Герценштейна (их выгораживало *НВ*) неск. раз откладывался; в апр. 1907 г. дело было прекращено.

[4] Ст. А. И. Чупрова «Хозяйственные последствия разрушения общины». — *Р. вед.*, 1906, №№ 3, 7 и 10 от 5, 11 и 14 янв.

18 января

[1] В 1894 г. были изданы «Правила о дуэли» (приказы по воен. ведомству), предоставлявшие суду о-ва офицеров право разрешать дуэли.

[2] В 1903 г. состоялись устроенные Синодом церк. торжества канонизации и «открытия мощей» затворника Саровской пустыни Серафима (Тамбовская губ.).

[3] *Дубовка* — посад Саратовской губ., Царицынского у.

19 января

[1] Письмо от 12 янв. н. с.

[2] Т. перечитывал «Опыты» Монтеня. В сохранившемся в *ЯПб* экз. много помет Т. в главах о завоевании Перу и Мексики исп. колонизаторами (т. I, гл. XXX; т. III, гл.

XXII). Соч. У. Х. Прескотта Т. читал неск. десятилетиями ранее (см. т. 66, с. 67 и т. 7, с. 130).

[3] На указ. страницах ст. В. М. Грибовского цитируются письма Аракчеева к его старому приятелю Ф. О. Бухмейеру от 8 февр. 1826 г. и б. д.; он сетовал в них на враждебное отношение к нему своего воспитанника Шумского и на его беспутное поведение.

[4] «Pensées et fragments inédits de Montesquieu». Bordeaux, 1899.

21 января

[1] Письмо Е. А. Никифоровой от 15 янв. На конв. помета Т.: «Стихи дурны» (отв. Маковицкий — т. 77, с. 288) и письмо П. С. Хромовой от 16 янв. (почт. шт.). На конв. помета: *Б. о.*

[2] 16 марта 1880 г. (Н. Н. Гусев. Л. Н. Толстой. Материалы к биографии с 1870 по 1881. М., 1963, с. 633—636).

[3] Т. отв. 27 янв. (т. 77, с. 18—19).

[4] Продолжение фельетона В. П. Буренина «Моя собственная Дума» (гл. III) за подп. *Граф Алексис Жасминов* (*НВ*, № 11083, 19 янв.). В заключ. части содержатся резкие нападки на «политиканствующих паяцев-ораторов» кадетской партии (Милюкова, Кизеветтера и др.) и на революционную учащуюся молодежь.

22 января

[1] Письмо от 21 янв.

[2] В ст. Н. А. Морозова «Возникновение «Народной воли»...», помещенной в *Б*, 1906, № 12, упом. о Тургеневе нет. Но в том же № журн. напечатан отр. «Из литературных воспоминаний» Н. С. Русанова, центральное место в к-ром занимает встреча Тургенева с радикально настроенными молодыми литераторами.

[3] Из стихотв. С. Иванова-Райкова «Допрос».

24 января

[1] Письмо И. Х. Мульченко от 10 янв. н. с. Т. отв. 30 янв. (т. 77, с. 25).

[2] Пожар произошел 2 янв. близ с. Быково Бронницкого у. Московской губ. Сгорел дом, в к-ром жил управл. бронницким имением Удельного ведомства однофамилец Т. — гр. Н. А. Толстой; погибло 5 человек, в том числе и управляющий.

[3] В гл. 9 этой ст. «The population» (см. запись 1906, 25 дек.) речь идет о теории Мальтуса и неомальтузианстве.

25 января

[1] Катание на перевернутых скамейках.

[2] Письмо Е. И. Слободяника от 20 янв. Т. отв. 30 янв. (т. 77, с. 28—29).

26 января

[1] Суд над участниками «хождения в народ» в Особом присутствии Правит. сената (окт. 1877 — янв. 1878 гг.) — наиболее крупный полит. процесс в царской России.

27 января

[1] Анон. заметка «Шекспир, Толстой и Метерлинк» (№ 18, 24 янв.).

[2] Ср. *Зап. кн.* № 3 (т. 56, с. 228).

[3] См. запись 31 дек. 1906 г.

[4] В 1906 г. в прилож. к *ВВ* выходила «Серия не изданных в России соч. гр. Л. Н. Толстого». Произв. Т. перепечатывались с изд. «*Св. сл.*».

28 января

[1] При письме от 23 нояб. н. с. 1906 г. Э. Рейхель прислал Т. свою кн. «Shakespeare-Literatur». St., 1887 (*ЯПб*). Т. отв. 2/15 марта (т. 77, с. 47—52).

[2] L. N. Tolstoï. Shakespeare. Trad. par J. W. Bienstock. P., 2-e édit., s. a. (*ЯПб*). В кн. опубликованы отр. из «Что такое искусство?».

29 января

[1] Ср. т. 56, с. 181 и 229.

30 января

[1] Ср.: *Сухотин*, с. 191—192.

[2] Известно 17 писем Т. за этот день (т. 77, с. 19—31).

[3] Т. рассматривал «Иллюстрированный каталог XXXV выставки Товарищества передвижных художественных выставок. 1907». М., 1907. В каталоге репродуцированы след. картины, заинтересовавшие Т.: В. Е. Маковский «Охотники», «Две матери (мать приемная и родная)», «На даче (булочница)»; Г. Г. Мясоедов «После дождя» (этюд); Н. К. Пимоненко «Соперники», «Перед грозой»; Н. Ф. Холявин «С букетом». «Еврейка» — судя по сюжету — картина не Холявина, а Ю. Р. Бершадского, называющаяся «Дума» и также воспроизведенная в каталоге.

31 января

[1] Письма Т. к Г.-Э. Кросби, У. Грехему и Б. Приту в связи со смертью Э. Кросби (т. 77, с. 22—25).

[2] При письме от 9 дек. н. с. 1906 г. Б. Холл прислал листовку, посвященную вопросу о непротивлении (б. п.). Автор ее — Бейлхарт. Т. отв. 2/15 февр. (т. 77, с. 34—35).

[3] При письме от 7 янв. н. с. Баба Премананд Бхарати прислал свою кн. «Shree Krishna. The Lord of Love». N. Y., 1904. Т. отв. 3/16 февр. (т. 77, с. 35—38).

[4] С. А. Толстая делала выписки из писем к Т. для своих записок «Моя жизнь». В письме от 26 окт. 1885 г. Н. Н. Страхов осудил «Сказку об Иване-дураке» (прочитав ее в рук.) за «недостаток художественного развития» (*ПТСтр*, с. 325—326).

[5] Отправив Т-му свою незадолго до того изд. кн. «Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского» (СПб., 1883), Н. Н. Страхов 28 нояб. 1883 г. послал письмо, в к-ром хотел «исповедаться» перед Т. и дать «маленький комментарий» к кн. Он признавался, что во время работы боролся с подымавшимся в нем «отвращением» в связи с нек-рыми чертами характера Достоевского, к-рых он решил в «Биографии» не касаться (*ПТСтр.*, с. 307—308). На Т. это письмо «очень грустно подействовало». См. его отв. письмо Страхову от 5 дек. 1883 г. (т. 63, с. 142; ср. *ЛН*, т. 83, с. 16—23.

[6] Письмо Т. П. Богатикова от 25 янв.

[7] Письмо от крестьянина И. Рябоволенко из Екатеринославской губ. от 29 янв. На конв. помета Т.: «Ответить. О бежавшем сыне». Отв. Ю. И. Игумнова (т. 77, с. 289).

[8] Т. читал сказки разных народов в связи с работой над «Кругом чтения» для детей.

[9] См. 5 стихотв. Н. Н. Страхова в его записке к Т. от 21 авг. 1878 г. Вошли в его кн. «Воспоминания и отрывки». СПб., 1892 (см. *ПТСтр*, с. 179—181).

1 февраля

[1] Маковицкий перевел письмо, а пер. послал А. Шкарвану для испр. и сокращ. Шкарван исправил стиль, но сокращать не стал (см. письмо Шкарвана к Т. от 9 марта н. с.).

[2] «Review of Religions», № 1 (*ЯПб*). В журн. вложен портрет «нового пророка» — Мирзы Гулама Ахмада.

2 февраля

[1] Корресп. Н. Носилова «Экспроприаторы» (*НВ*, № 11095, 31 янв.).

[2] D. P. A h b o t. Half hours with mediums («Open Court», vol. XXI, № 2, Fevr. *ЯПб*).

[3] По поводу выхода 2-го изд. кн. Н. Н. Страхова «Борьба с Западом в нашей литературе» (СПб., 1890) Вл. С. Соловьев опубл. ст. «Мнимая борьба с Западом» (*РМ*, 1890 № 8), начавшую продолжительную полемику между ними.

3 февраля

[1] Письмо Я. А. Донина от 29 янв. о свящ. Ф. И. Осиповском.

[2] Ср. *Сухотин*, с. 192.

[3] В письме от начала июля 1885 г. Страхов писал Т-му, что И. С. Аксаков «с восхищением» отзывался о его рассказах «Где любовь, там и бог» и «Упустишь огонь — не потушишь», и говорил, что «приходится простить» Т-му его «еретичества». А в след. письме, от 28 июля, Страхов вновь отметил высокую оценку Аксаковым тех же рассказов и добавил: «На него повеяло таким духом, что он уже отказывается судить об вас» (*ПТСтр*, с. 322). Эти отзывы С. А. Толстая вписала в «Мою жизнь».

4 февраля

[1] А. М. Бодянский начал с янв. издавать в Харькове еженедельную крест. газ. «Народное слово». Вышло только 4 №№. Газ. была закрыта «за вредное направление».

[2] Воззвание было написано И. М. Трегубовым.

5 февраля

[1] В *ИВ*, № 11097, 2 февр. напеч. (под псевд. *Граф Алексис Жасминов*) фельетон В. П. Буренина «Моя собственная Дума. Заседание второе», с издевательской характеристикой агитационной поездки Горького по Америке. В заключение Буренин привел стихотв., в к-ром высмеивал допущенную Горьким ошибку (или опечатку) в англ. слове mob (толпа).

[2] См. письмо Т. к Баба Премананд Бхарати от 3/16 февр. (т. 77, с. 35—38).

[3] Письмо иеромонаха Иоанна, в миру Шамиэ, от 4 янв. Т. отв. 30 янв. (т. 77, с. 20—21).

[4] Г. С. Шопов в 1900 г. под влиянием Т. отказался от исполнения воинской повинности.

6 февраля

[1] При письме от 6 янв. н. с. Т. Эйхгоф прислал Т. корр. своей ст. о «Гамлете» (см. т. 77, с. 50).

[2] В письме от 14 февр. Чертков замечал: «...Музыка занимает исключительное положение среди других искусств в том, что отвлекает сознание от рутинного отношения к прошлому и будущему. Изменяется привычный строй последовательности в воспоминаниях и надеждах. Лучшее в прошлом делается опять настоящим, и наивысшие возможности будущего также сознаются в настоящем. И это тем больше, чем выше и чище музыка».

[3] «Избранные мысли Лабрюйера, с прибавлением избранных афоризмов и максим Ларошфуко, Вовенарга и Монтескье». Пер. с франц. Г. А. Русанова и Л. Н. Толстого, с предисл. Л. Н. Толстого. М., «Посредник», 1908 (с. 141—142, *ЯПб*).

[4] И. Н а ж и в и н. Менэ... Тэкел... Фарес...Упом. изд.

[5] Заметка А. де-Парвиля «Волшебные опыты» (об опытах Стефана Ледюка). — (*Илл. прилож. к НВ*, № 11098, 3 февр.).

[6] В этом фельетоне из цикла «Письма к ближним» (*НВ*, № 11099, 4 февр.) М. О. Меньшиков сетовал на то, что Д. И. Менделеев, незадолго до того скончавшийся, так скоро забыт; что даже Пушкин, Гоголь, Достоевский, Тургенев «быстро бледнели в памяти русского общества». Развивая свою мысль, Меньшиков писал: «Разве в присутствии Льва Толстого вся русская публика не сходила с ума от г. Горького? ⟨...⟩ При жизни Хомякова, Аксакова и им подобных настоящее идолослужение к себе вызывали публицисты-нигилисты...»

7 февраля

[1] Было получено подряд 5 писем Черткова с датами от 11 до 16 февр. н. с.

[2] В письме от 1 февр. М. О. Меньшиков поблагодарил Т. за отзыв о его ст. «Две России».

[3] В *ЯПб* сохр. кн.: Д. М. Р а т г а у з. Полн. собр. стихотворений, тт. I — II (СПб., ⟨1906⟩) с дарств. надписью. В «*Р. вед.*», № 28, 6 февр. напеч. за подп. *Ю. В.* рец. на новые стихотв. сб., и в ней приведен со ссылкой на газету вымышленный отзыв Т. (см. черн. письмо Т. в ред. газ.— т. 77, с. 46). «Еврей-поэт», трижды приезжавший к Т.,— С. Баскин-Серединский, однако нет оснований считать его автором рец. Под криптонимом *Ю. В.* писал в *Р. вед.* Ю. А. Веселовский.

8 февраля

[1] Письма от 11 и 13 февр. н. с.

[2] Воспоминания ред. «Крымского курьера» А. Бесчинского «А. П. Чехов в Ялте» (*Илл. прилож. к Р.*, № 6, 6 февр.).

[3] Чехов был у Т. в Москве в Хамовниках два раза: 15 февр. 1896 г. и 23 апр. 1899 г. В дн. Чехова 15 февр. 1896 г. записано: «В феврале проездом через Москву был у Л. Н. Толстого. Он был раздражен, резко отзывался о декадентах и часа полтора спорил с Б. Чичериным» (А. П. Ч е х о в. Полн. собр. соч. и писем, т. XII. М., 1949, с. 332). О 2-м посещении Чеховым Т-го в Хамовниках А. Б. Гольденвейзер вспоминал: «Софья Андреевна ⟨...⟩ позвала к обеду «на Чехова» гостей ⟨...⟩ Лев Николаевич с ним вовсе не оставался с глазу на глаз, Чехов был смущен, не в своей тарелке, почти все время молчал» (*Гольденвейзер*, с. 392; см. также: *ЛН*, т. 37-38, с. 542).

[4] В *Р. сл.*, №№ 28 и 29, 6 и 7 февр. сообщалось о «черносотенном терроре» и бесчинствах членов «Союза русского народа», мстящих за свое поражение на выборах в Думу.

[5] В «Библиографических заметках» Ю. В⟨еселовского⟩ (*Р. вед.*, № 28, 6 февр.) помещена рец. на кн. А. А. Курсинского «Сквозь призму души. Стихи, рассказы, переводы». В этой рец. приведен ряд цитат из кн., напр.: «Я — безумный, я — поэт, для меня закона нет; *я хочу* — вот мой закон...» и т. п. Возможно, Т. обратил внима-

ние на эту рец. потому, что знал А. А. Курсинского лично (в 1895 г. Курсинский был учителем М. Л. Толстого). Ср. «Лит. газета», 1970, № 26, 24 июня.

[6] Китайская пословица («Круг чтения», т. I, с. 102)

9 февраля

[1] Письмо от 8 февр. в отв. на 5 писем Черткова (т. 89, с. 59—62).

[2] 7 февр. Т. получил эту кн. от переводчика В. Л. Бинштока (изд. в Париже, в 1907 г.).

[3] «Они» — т. е. те, к кому были обращены «Апостольские послания»: римляне, коринфяне, галаты, евреи и др. народы Рима и Ближнего Востока периода раннего христианства.

10 февраля

[1] А. Добролюбов. Из книги невидимой. Упом. изд.

[2] Дневник Т. Л. Толстой-Сухотиной за 1878—1932 гг. Издан в пер. на англ. и франц. яз. (записи: 11 нояб. 1878 — 9 нояб. 1919): «The Tolstoy home Diaries of Tatiana Sukhotin-Tolstoy». Transl. by A. Brown. N. Y., 1951; Tatiana Tolstoï. Journal. Trad. du russe par Banine. Préface d'André Maurois. P., ⟨1953⟩.

[3] На обл. № 41 «Искр», 1906, 15 окт. воспроизведена групповая фотогр. К. К. Буллы: В. В. Стасов, И. Е. Репин и М. Горький на даче Репина в Куоккале.

[4] Репродукция картины Ж. Беро «Сумасшедшие» — в том же № «Искр».

[5] При письме от 15 февр. н. с. Ф. Томпсон прислал кн.: P. Carus. The Gospel of Buddha. 11-th edit. Chicago, 1905 (*ЯПб*, пометы). Т. отв. 1/14 марта (т. 77, с. 45—46).

11 февраля

[1] Л. Н. Толстой. О Шекспире и о драме. Критический очерк. М., ⟨Посредник⟩, 1907 (*ЯПб*).

13 февраля

[1] Весной 1856 г. Григорович, Островский, Толстой и Тургенев заключили «обязательное соглашение», по к-рому должны были с 1857 г. сотрудничать исключительно в *Совр.* Узнав об этом, ред. *РВ* М. Н. Катков опубл. заявление (*МВ*), 1856, № 138, 17 ноябр.) о том, что Тургенев и Т. изменили данному ими слову — предоставить свои произв. *РВ*. Ответом на это заявление было письмо Т. к Каткову от 1 дек. 1856 г. (т. 60, с. 132—134).

[2] *НВ*, № 11106, 11 февр.

14 февраля

[1] Араб. пословица, введенная Т. в «Круг чтения» на 26 февр.— т. I, с. 152 (т. 41, с. 134).

15 февраля

[1] В сопроводительном письме от 10 февр. Наживин просил Т. отметить, что́ ему понравилось и что́ не понравилось. Т. отв. 11 марта (т. 77, с. 59).

16 февраля

[1] Приведены выражения из Нагорной проповеди (*Еванг. от Матф.*, V, 31, 21).

[2] В 2-х №№ «Lettres» (15 янв. и 15 февр.— *ЯПб*) собраны и опубл. мнения 45 франц. писателей и художников об отношении Т. к Шекспиру. Как указывала ред., поводом к такому опросу послужило сообщение, что Т. закончил ст. с суровой критикой Шекспира, а также суждения его о Шекспире, приведенные в беседе с корресп. «Figaro» Ж. Бурдоном. Опубл. в журн. мнения основывались, гл. обр., на этой беседе, а не на самой ст. Т. Среди ответивших на запрос были А. де Ренье, Ж. Ромен, Л. Галеви, Э. Фаге, Ж. Леметр, П. Маргерит, О. Роден и др. Сторонников у Т. не было. Приведенное в тексте выражение о Христе принадлежит Л. Тома.

[3] E. Crosby. Plain Talk in Psalm and Parable. L., 1899 (*ЯПб*). В заметке о Кросби Т. назвал эту кн. «превосходной». Открывающее ее стихотв. «Fiat lux» Т. перевел и опубл. в 1907 г. в «Молодой воле», № 1 (см. т. 40, с. 339—341).

[4] В *ЕСТ* записано 5 февр.: «Наживин завтра будет говорить о Толстом в Москве, среди рабочих по их просьбе». 10 февр. Наживин писал Т-му: «Передайте, пожалуйста, Софье Андреевне, что мой реферат о вас был встречен публикой сочувственно».

18 февраля

[1] Т. посетил В. К. Сютаева в д. Шевелино Тверской губ. в конце сент. 1881 г.
[2] Возможно, рассказ «Отец Василий», над к-рым Т. работал с 30 сент. по 17 нояб. 1906 г. Рассказ остался незаконченным (т. 36). О том, что Т. весной 1907 г. работал над рассказом о «столкновении» отца с детьми-революционерами, известно только по этой записи Маковицкого.
[3] Эта кн. с дарств. надписью сохр. в *ЯПб*. К ней приложена «Библиография» лит-ры о «секте людей божьих».

19 февраля

[1] В I Гос. думе М. А. Стахович входил во фракцию «партии мирного обновления», образовавшуюся из левых октябристов и правых кадетов.
[2] Т. выбрал мысли из кн.: F. de la R o c h e f o u c a u l d. Réfléxions, ou Sentences et Maximes morales. Пер. М. С. Сухотина, отредактированные Т., вошли в кн. «Избранные мысли Лабрюйера...». Переведенные Т. афоризмы Ларошфуко см. на с. 47—64 этой кн.

20 февраля

[1] В № 1 журн. напеч. под общим загл. «Толстой и Ибсен по автобиографическим данным» рец. А. Е. Редько на кн. П. И. Бирюкова «Лев Николаевич Толстой. Биография», т. I. М., «Посредник», 1906 и на сб.: Генрих Ибсен. «Статьи, речи, письма». М., 1906. Автор осуждал апологетический тон Бирюкова.
[2] В *CM*, 1907, № 2 напеч. рец. С. Ашевского на кн. П. И. Бирюкова, а также рец. В. Кранихфельда на кн. Т. «О Шекспире и о драме» (М., 1907).
[3] Письмо А. Шкарвана от 19 февр. н. с. (*LAMS*).

22 февраля

[1] Выставка открылась в Москве 14 февр.
[2] Памятник был установлен в Петербурге на Знаменской площади в 1909 г.
[3] П. А. С е р г е е н к о. Тургенев и Толстой. К 50-летию их знакомства («Ежем. лит. прилож. к «Ниве»», 1906, №№ 4—9).
[4] Рассказ «Сон», написанный Т. в 1857 г. и испр. в 1863 г., был послан в «День» от имени Н. П. Охотницкой, приживалки Т. А. Ергольской (т. 7). Отв И. С. Аксакова опубл. там же, с. 362.
[5] Такое же утверждение см. в кн. П. А. Сергеенко «Как живет и работает гр. Л. Н. Толстой»: «...Мысль о небольших беллетристических эскизах, появившихся потом в печати под названием «Стихотворений в прозе», подал Тургеневу Л. Н. Толстой». Книга П. Сергеенко вышла при жизни Т. (изд. 2-е. М., 1908, с. 56), рук. ее была предварительно прочитана автором Т-му. Вряд ли допустимо поэтому сомнение в том, что это утверждение могло попасть в печать без санкции самого Т. Все же оно вызвало возражение со стороны Н. М. Гутьяра, но, гл. обр., на том основании, что материал для «Призраков», в к-рых Сергеенко усматривал истоки «стихотворений в прозе» Тургенева, «был уже готов до первых встреч» его с Т. (Н. М. Г у т ь я р. И. С. Тургенев. Юрьев, 1907, с. 375). По мнению проф. А. Мазона, сопоставившего нек-рые тексты Тургенева и Т. (из «Книги для чтения», 1872), возникновение нового жанра — «стихотворений в прозе» — «носилось в воздухе» (A. M a z o n. Nouveaux poèmes en prose. P., 1930, p. 22). Резюмируя в Полн. собр. соч. и писем Тургенева упомянутые материалы и суждения, акад. М. П. Алексеев приходит к заключению, что мнение, «будто бы идею создания небольших лирических фрагментов Тургенев получил от Л. Н. Толстого», «совершенно неправдоподобно и давно признано неосновательным» (т. XIII, 1967, с. 628). Записанные Маковицким слова Т. (записи этой не знали ни Гутьяр, ни Мазон), к-рые подтверждают верность аналогичного свидетельства в кн. Сергеенко, и вовлечение в анализ «Сна» Т. (1857), открывают возможность нового рассмотрения вопроса.
[6] «Предисл. к рус. изд. романа Б. Ауэрбаха «Дача на Рейне» (*BE*, 1868, № 9) было написано Тургеневым совместно с художником А. Пичем (см. «Тургеневский сборник», IV. Л., 1968, с. 167—177).

23 февраля

[1] Концерт в память В. В. Стасова состоялся 21 янв. в зале Тенишевского училища при участии Ф. И. Шаляпина, исполнившего «Раек» Мусоргского (см. сб. «Незабвенному Владимиру Васильевичу Стасову». СПб., ‹1907›, с. 281). Враждебное или недоуменное отношение к музыкальному новаторству Мусоргского проявлялось многими современниками. Этим и вызвана оценка С. А. Стахович: «Нехорошие песни».

[2] Комедия «Плоды просвещения» была впервые исполнена в Ясной Поляне 30 дек. 1889 г. Больше всех исполнителей Т-му понравился В. М. Лопатин в роли 3-го мужика (см.: В. М. Л о п а т и н. Из театральных воспоминаний.— *МТА*, с. 98—104).

[3] 9 янв. 1900 г. Шаляпин пел в хамовническом доме Т. Из исполненных им произв. Т-му понравилась только народная песня «Ноченька», к-рую, как сказал Т., Шаляпин пел «по-народному, без вычурности и подделки под народный стиль». А. И. Толстая-Попова в своих восп. о Т. приводит запись своей тетки, присутствовавшей на концерте. По ее словам, когда Шаляпин пел романсы Шумана, Л. Н. «одобрительно качал головой» и говорил: «Вот талант-самородок, как он это все передает» («Красная новь», 1928, № 9, с. 157). В оперном театре или концертном зале Т-му слышать Шаляпина не пришлось. Н. М. Лопатин был певцом, к-рого Т. «особенно любил слушать» (*Очерки былого*, с. 405, 409).

24 февраля

[1] «Моя собственная Дума» (*НВ*, № 11097, 2 февр.).

25 февраля

[1] Т-го посетили московские студенты А. Обольянинов и Покровский (см. т. 56, с. 184 и 546).

27 февраля

[1] Известно 9 писем от 27 февр. (т. 77, с. 39—44; ср. 285).

[2] «Учение Христа, изложенное для детей». Т. начал работать над этой ст. 25 февр. (т. 37).

[3] Письмо Арима от 17 февр. н. с.; на конв. помета Т.: «Интересное письмо о земле».

[4] 8 февр. 1897 г. Т. посетил мастерскую И. Е. Репина в Петербурге, где и видел назв. картины. В «Дуэли» изображен момент примирения дуэлянтов.

[5] Вероятно, копия с известного портрета Тургенева работы В. Г. Перова (1872, *ГРМ*).

[6] Письмо В. Н. Давыдовой от 23 янв. Т. отв. 27 февр. (т. 77, с. 40—41).

[7] 5 марта Маковицкий отправил Наживину экз. его кн. с перенесенными на него пометами Т.; 11 марта Т. послал Наживину письмо с отзывом о романе (т. 77, с. 59).

[8] К адресованному Маковицкому письму от 27 февр. н. с. из Гран-Ланси (Швейцария) А. Шкарван приложил копию своего письма в суд и просил, чтобы Т. прочел его и, если сочтет нужным, напечатал.

28 февраля

[1] Сохр. 2 экз. кн.: P a s c a l. Pensées. P., 1850. Один — с пометами Т. при чтении в 1888—1889 гг. (*ГМТ*), другой — с пометами позднейших лет (*ЯПб*).

[2] Рассказ Чехова «Беглец» включен в «Круг чтения», т. II, с. 200—207 (т. 42, с. 25—31).

2 марта

[1] *Трудовики* («Трудовая группа») — группировка мелкобуржуазных демократов в Гос. думах; в их состав входили депутаты от крестьян и интеллигенты народнического толка.

3 марта

[1] 2 марта в зале Таврического дворца, где происходили заседания Гос. думы, обвалился потолок.

[2] И. К. Дитерихс сопровождал П. В. Веригина с группой духоборов, возвращавшихся из России в Канаду. На обратном пути он останавливался у Чертковых в Крайсчерче.

[3] Франц. пер. (Веры Полторацкой) сказки М. Горького «Мудрец» (1906) появился в № 3 «Etudes Franco-Russes» (*ЯПб*).

[4] Вероятно, пьеса «Дети солнца», поставленная в нояб.—дек. 1906 г. в Салерно. Рус. посол в Риме Н. В. Муравьев сообщал в секретной депеше мин. ин. дел: «Пьеса успеха не имела, но послужила предлогом для новых похвал Горькому и шумной демонстрации «pro Russia» в театре» («Новый мир», 1928, № 4, с. 169).

4 марта

[1] См. запись 20 янв.

[2] В это время С. А. Толстая работала над описанием 1880-х гг.; в те годы учителем детей Т. был И. М. Ивакин. Записки его опубл. в *ЛН*, т. 69, кн. 2.

5 марта

[1] «Круг чтения», т. I, с. 505—507 (т. 41, с. 434—436).

6 марта

[1] В дн. М. С. Сухотина эта реплика записана так: «Л. Н. заметил, что время такое, «проснулся» рабочий человек. Из-за этого слова «проснулся» поднялся длинный и неприятный спор...» (*Сухотин*, с. 193).

7 марта

[1] Т. отв. Н. Я. Гуровичу 27 февр. (т. 77, с. 40). Ст. была издана отд. книжкой: Н. Я. Г у р о в и ч. Альтруизм—коммунизм. Научная теория и демократическая тактика. СПб., 1907.

[2] Рассказ О. Н. Спенглер «Телка» был в 1887 г. издан «Посредником» по рекомендации Т. (см. т. 85, с. 318), вместе с ее рассказом «Свет жизни»; автор указан не был. Позднее вышел отд. кн.

[3] Продиктованный Т. список кн. был послан Горбунову-Посадову при письме от 7 марта. Список не сохр. На письме рукой Маковицкого добавлено под диктовку Т.: «Рассказы Ковалевской и Круглова, «Сорок лет» Костомарова-Толстого, «Робинзон Крузо» (лучше «Хижина дяди Тома»)». В письме от 31 марта Т. вновь просил книг для детей (т. 77, с. 54 и 68).

[4] Возможно, легенда о Будде, приведенная в указ. выше кн. П. Каруса и Г. Ольденберга. Позднее у Т. возник связанный с этой легендой замысел сказки о молодом царе, ушедшем в работники (см. т. 58, с. 210—212).

8 марта

[1] Письмо П. Л. Успенского к Т. от 1 нояб. 1906 г. о готовящемся в Киеве суде над А. И. Кудриным.

9 марта

[1] *Марфа* — хозяйка, сдававшая свою избу под медиц. пункт, где принимал Маковицкий; получала за это 13 р. в месяц.

[2] Письмо П. П. Картушина от 1 марта. Т. отв. 11 марта (т. 77, с. 56).

[3] На письмо А. Я. Колесниченко от 5 марта, тронувшее Т. своей «серьезностью, искренностью и простотой», он отв. 11 марта (т. 77, с. 57).

[4] Имение А. А. Дельвига Хитрово находилось в 2 верстах от Покровского, имения сестры Т.

10 марта

[1] Письмо от 27 февр. При нем Н. Р. Сутковой прислал ст. «Свободные христиане», в к-рой сделал попытку изложить учение Т. Он просил Т. поправить эту ст. или самому изложить свое учение. Эта просьба явилась поводом для ст. Т. «Наше жизнепонимание». В нее Т. включил краткое изложение содерж. «Провозглашения основ, принятых членами общества, основанного для установления между людьми всеобщего мира» (составлено У. Л. Гаррисоном), свое прибавл. к этому изложению и переработанный текст ст. Суткового (т. 37, с. 23—30).

[2] Часть 1 этой кн. вышла в Москве в 1906 г. (на обл.: 1907; *ЯПб*).

11 марта

[1] В 1906 г. В. А. Шейерман был обвинен в подстрекательстве к разгрому помещичьей усадьбы, арестован и выслан за границу. В начале 1907 г. вернулся в Россию без права жительства в прежнем месте. В письме от 6 марта он осведомлялся у Т. об условиях жизни духоборов в Канаде. Т. отв. 11 марта (т. 77, с. 62—63).

[2] См. запись 2 февр.

[3] С 17 до 26 июля Т. работал над письмом к П. А. Столыпину, в к-ром убеждал его отказаться от адм. и суд. репрессий и содействовать уничтожению «жестокой несправедливости земельной собственности» (т. 77, с. 164—170). Отв. Столыпина от 23 окт. см. в сб. «Лев Николаевич Толстой». М., 1929, с. 91—93.

[4] «Death of W. Ph. Garrison» (некролог) и «Race separation at Berea. A protest from William Lloyd Garrison» («Evening Post», 28.II).

14 марта

[1] И. К. Дитерихс приехал в Ясную Поляну по возвращении из Канады. На обратном пути останавливался в Англии и заезжал к Д. А. Хилкову в Павловки Харьковской губ. Сумского у.

[2] То есть поворот к реакции и репрессиям, отменившим на практике все либеральные обещания манифеста 17 окт. 1905 г.

[3] О деловых отношениях с И. Д. Сытиным, связанных с перенесением изд-ва *Св. сл.* из Англии в Петербург, Чертков подробно сообщил в письме от 1 апр. н. с. В отв. от 6 апр. Т. неодобрительно высказался о «деле с Сытиным» (т. 89, с. 62—63).

[4] «Свод мыслей Л. Н. Толстого» — систематизированное собрание мыслей Т. из его худож. и теоретических произв., Дн. и писем по всем затронутым в них вопросам: искусство, наука, воспитание, обучение, проблемы нравственности, семья, война, гос-во, религия и т. д. Работа над составлением свода началась в 1890-х гг. по инициативе и под руководством Черткова; с 1907 до 1923 г. велась под руководством Ф. А. Страхова. «Вот это настоящая моя биография, биография моей мысли»,— говорил Т. о «Своде» (см. т. 56, с. 56, 142, 201, 507—508). Работа закончена не была. Рук. экз. «Свода» хранится в *ГМТ*.

[5] Л. Л. Толстой. Памятка русского солдата. СПб., «Патриотическая библиотека», № 1, 1907 (*ЯПб*). «Памятка», как и нек-рые др. соч. Л. Л. Толстого, направлена против отца, в частности против его ст. «Солдатская памятка» и «Офицерская памятка».

15 марта

[1] С. Т. Семенов. В рождественскую ночь. Рассказ. М., (<«Посредник»>, 1904, В *ЕСТ* отмечено, что при чтении Т. «очень волновался, обрывался голос».

16 марта

[1] Письмо от 15 марта н. с.

[2] В отв. письме Е. И. Попову от 5 (?) апр. Т. дал подробный отзыв о присланной ст. (т. 77, ст. 74—75).

[3] Письмо рабочих от 12 марта. Под письмом подп.: «Временный совет рабочих депутатов. Вязники» и печать: «Вязниковская группа РСДРП».

[4] Назв. ст. М. О. Меньшикова содержала резкую оценку дебатов 10 марта в Гос. совете, расписавшемся, по словам фельетониста, «в сочувствии неучащейся молодежи».

[5] Записки позднее были напеч. под псевд. *Николай Жихарев* в журн. «Познание России», 1909, №№ 1—3: «Искатели правды (Среди малеванцев)».

[6] См. запись 12 янв.

17 марта

[1] Ст. Клемента «Light from dark races» («Light of India», № 6, March), посвящ. вопросу об отрицательном влиянии западной цивилизации на страны Востока. «Понадобилось взорвать Порт-Артур, две или три европейских флотилии и сто тысяч или больше европейских солдат,— говорилось в статье,— чтобы заставить Европу уважать права азиатов на свои собственные земли» (р. 193).

18 марта

[1] Ср. в указ. кн. Наживина «Моя исповедь», с. 415.

[2] А. Л. Джапаридзе выступил в Думе 15 марта против правит. репрессий, к-рым подвергались рабочие — участники революции 1905 г., и призывал Думу защитить «тех, кто взял на себя наиболее кровавую часть революционного движения». Эта заключ. часть выступления Джапаридзе в газ. отчете сопровождалась ремаркой: «Аплодисменты левых» (*НВ*, № 11138, 16 марта).

[3] О случае на медвежьей охоте в дек. 1858 г. см. письмо Т. к Т. А. Ергольской от 25 дек. того же года (т. 59, с. 276—277). Упоминаемый медвежатник — Архип Осташков.

[4] Т. читал соответствующий раздел из «Провозглашения...» У. Л. Гаррисона. Полный текст «Провозглашения...» приведен Т. в его трактате «Царство божие внутри вас» (т. 28, с. 4—8).

19 марта

[1] Письмо И. Е. Конкина от 14 февр.— 3 марта н. с.

[2] В. Ярковский. Кто победит? СПб., 1907 (*ЯПб*, дарств. надпись).

20 марта

[1] 7 дек. 1900 г. Т. присутствовал на музыкальном вечере у В. П. и С. Н. Глебовых, на к-ром оркестр народных струнных инструментов под упр. В. В. Андреева исполнял народные песни (см. *ДСТ III*, с. 132 и т. 69, с. 69). *Гармонщики тульские* — мастера, делавшие гармони.

21 марта

[1] В *Р. вед.*, № 64, 20 марта и в *Р. сл.* от того же числа сообщалось, что 19 марта в 5 ч. вечера промчавшийся на лихаче молодой человек выстрелами из револьвера убил на Сретенке стоявшего на посту городового. Он скрылся, а ехавшая с ним девушка, гимназистка 6 класса Михайлова, была арестована. С похоронами Иоллоса этот террористический акт, по-видимому, никак связан не был.

[2] Заключ. слова стихотв. в прозе Тургенева «Порог». В подл.: ««Дура!» — проскрежетал кто-то сзади.— «Святая!» — пронеслось откуда-то в ответ». Ср. *Сухотин*, с. 195.

[3] Вероятно, та притча, к-рая в излож. Т. включена в «На каждый день» (т. 44, с. 389—390). Чертков перевел ее на англ. яз.; переработанный Т. пер. под загл. «The Hostelry (A Parable for Children)» напеч. в т. 37, с. 281—282.

22 марта

[1] Ст. спец. корресп. *Р. сл.* И. Г-ка «События в Румынии.— Ужасы в Валахии» (№ 65) с подробностями о крупнейшем крест. восстании, охватившем Румынию.

23 марта

[1] В связи со ст. Т. «Единственное возможное решение земельного вопроса» А. А. Челокаев и его жена в письме от 17 марта выражали недоумение, как Т. может утверждать, что «все зло угнетения и вражды людей» происходит от «неправды земельного вопроса». Т. отметил в Зап. кн.: «Письмо Чел‹окаевых›, к стыду, расстроило» (т. 56, с. 188).

[2] В № 3 *СМ* опубл. сц. А. И. Куприна в одном действии «Клоун». Несоответствие в записи возникло, быть может, потому, что, по ассоциации с назв. сц., Т. вспомнил рассказ Куприна «В цирке» (*МБ*, 1902, № 1), к-рый ему очень понравился (см. письмо А. П. Чехова к А. И. Куприну от 22 янв. 1902 г.— Полн. собр. соч. и писем, т. XIX. М., 1950, с. 229 и *ЛН*, т. 37-38, с. 552).

[3] В том же номере *СМ* напеч. былина К. Бальмонта «Садко», а также стихотв. Е. Тарасова, Г. Галиной и А. Лукьянова.

[4] Далее Маковицкий приводит текст прочитанной Т.-м ст. из *НВ*, № 11143, 21 марта — «Убийство Иоллоса и «черносотенцы»».

24 марта

[1] Ст. «О значении русской революции» вышла в «Посреднике» 23 нояб. 1906 г.

[2] В этот день Т. начал работу над ст. «Наше жизнепонимание».

27 марта

[1] Ст. «Пророк из деревни» (*НВ*, № 11147, 25 марта). В ст. приводится разговор Т. с этим крестьянином из Подольской губ. о Геккеле и Ницше.

[2] В том же № *НВ* ст. А. Столыпина «Книга для крестьян» — по поводу вышедшего в Киеве 3-м изд. перевода соч. саксонского крестьянина И. Х. Шубарта «Книга для крестьян о лучшем устройстве сельского хозяйства».

[3] Вероятно, т. 9 Собр. соч. (Прилож. к «Ниве» за 1903 г.), в к-рый вошли, в числе др.: «Рассказ неизвестного человека», «Попрыгунья», «Черный монах». В Зап. кн. Т. отметил: «Читаю Чехова 2-й день и восхищаюсь» (т. 56, с. 189).

28 марта

[1] Письмо К. П. Сиксне от 25 марта. Т. отв. 5 апр. (т. 77, с. 75—76). И. Ф. Наживин собирал присылаемые Т-му письма отказавшихся от воен. службы.

[2] Краткое извлечение из 4-томной биогр. Гаррисона, написанной его сыновьями.

30 марта

[1] Картина Н. Н. Ге «Вестники воскресения» (1867) находится в *ГТГ*.
[2] D. F. Strauss. Das Leben Jesu, für das deutsche Volk bearbeitet. Lpz., 1864 (*ЯПб*, пометы).
[3] Т. вспоминает о посещении А. С. Бутурлина 7 июля 1904 г. В тот же день приехал в Ясную Поляну, уже во 2-й раз, слепой крестьянин из Костромской губ. Я. И. Розов, в то время сочувствовавший взглядам Т.
[4] Письмо У. Хельминга от 17 марта н. с.

1 апреля

[1] Речь гр. В. А. Бобринского по земельному вопросу на заседании Гос. думы 29 марта (*НВ*, № 11152, 30 марта).
[2] Изречения Канта, Лихтенберга, Омара Хайяма и самого Т.; тема их — при бесконечности области знания, надо знать, что́ — самое важное («Круг чтения», т. I, с. 251—252; т. 41, с. 221—222).
[3] См. *НВ*, № 11152, 30 марта.
[4] Т. научился делать из бумаги «петушков», как их делают в Японии, и считал, что «произведение такого петушка есть хорошее искусство» (см. т. 30, с. 410).
[5] Ст. «Пиво и воля» (*НВ*, № 11145, 23 марта).

2 апреля

[1] 31 марта Н. А. Морозов сообщил Т-му о посылке ему своей кн. «Откровение в грозе и буре. История возникновения Апокалипсиса» (*ЯПб*, дарств. надпись). Т. отв. 6—11 апр. (т. 77, с. 78).
[2] Репродукция картины В. Е. Маковского в *Илл. прилож. к НВ*, № 11153, 31 марта.
[3] Рассказ «Драма» (1887).

3 апреля

[1] Выставка картин художников формалистической группы «Голубая роза» (Н. Н. Сапунов, П. В. Кузнецов и др.) открылась в Москве в конце марта.

4 апреля

[1] Письмо к А. Л. Толстой и Н. М. Сухотиной от 4 апр. (т. 77, с. 71—72).
[2] Т. просил Баба Бхарати не публиковать его письмо от 3/16 февр. В отв. письме от 21 марта н. с. Баба Бхарати заверил Т., что выполнит его просьбу.

5 апреля

[1] Об этих террористических актах анархиста Ш. Цуккермана (М. Шпиндлера) сообщалось в хроникальной заметке «Панегирик бомбометателю» (*НВ*, № 11156, 3 апр.).

6 апреля

[1] L. Jelinek. Des Juden Fluch. Ein historisches Schauspiel in 5 Akten und einem Vorspiel. Здолбунов, 1906 (*ЯПб*).
[2] См. запись 14 марта. На письмо Черткова от 12 апр. н. с. Т. отв. 6 апр. (т. 89, с. 63).
[3] Отвечая на письмо Т. от 2/15 марта (т. 77, с. 47—52), Э. Рейхель писал ему 14 апр. н. с.: «В общем же ваше письмо меня несколько разочаровало. Два таких человека, как мы, я тоже художник, могли бы сказать друг другу нечто иное, нежели то, что вы мне говорите».

7 апреля

[1] В сб. «рассказов и сказаний» для детей «Рождественская звезда» (3-е изд. М., 1905) помещен под загл. «Жаворонок в неволе» отр. из «Отверженных» Гюго (о Козетте) за подписью *Е. Б.* (*ЯПб*).
[2] Е. Шеперд. Молодым девушкам и матерям для дочерей. Пер. с англ. Е. Дунаевой. М., «Посредник», ⟨б. г.⟩; Е е ж е. Молодым людям и отцам для сыновей. Пер. с англ. Е. Дунаевой. М., «Посредник», ⟨б. г.⟩

8 апреля

[1] «Цветник». Сб. рассказов, изданных в Москве в 1887 г.
[2] «Under Pontius Pilate». Translated and edited by W. Schuyler. N. Y. and L., 1906 *(ЯПб*)*.

9 апреля

[1] То есть не увидел «земли обетованной», в к-рую вел свой народ (*Второзаконие*, XXXII, 48—52; XXXIV, 1—5).
[2] Хроникальная заметка «Ограбление университетской кассы» (*НВ*, № 11157, 4 апр.).
[3] Очевидно, рассказ Ф. Ф. Тищенко «Кормилец в тюрьме». СПб., 1907 (*ЯПб*, дарств. надпись).

10 апреля

[1] 1 апр. в Москве открылась «Первая выставка картин «Независимых»».
[2] Ответ А. М. Горького на анкету газ. «Mercure de France» по вопросам религии («Новь», № 79, 5 апр). См. запись 28 апр.
[3] Фельетон «Борьба миров»—«Раздетые и обутые» из цикла «Письма к ближним» (*НВ*, № 11161, 8 апр.).
[4] Г. Ольденберг. Будда. Его жизнь, учение и община. М., 1905 (*ЯПб*, пометы) и P. Carus. The Gospel of Buddha. Упом. изд.
[5] Высланный в 1897 г., Чертков получил разрешение возвратиться в Россию. Он предполагал провести с семьей лето близ Ясной Поляны (см. т. 89, с. 65—66).

11 апреля

[1] Письмо Т. к А. Шкарвану от 11 апр. (т. 77, с. 82—83). Приложенное по просьбе Т. письмо Маковицкого к Шкарвану не сохр. В след. письме от 13 апр. Маковицкий писал: «В моем ответе (вместе с письмом Л. Н., отосланным вчера) ошибочно указано, что «Гарун-аль-Рашид» Л. Н. читал в «Народной молве». Этой сказки там нет» (*LAMS*). В письме от 5 мая н.с. Шкарван сообщил Т., что не является автором сказки, а только перевел, сократил ее, и просил при включении в детский «Круг чтения» не ставить его имени. Среди сохр. матер. для детского «Круга чтения» сказки о Гаруне-аль-Рашиде нет.
[2] *Бабиды* — религиозно-полит. секта в Иране; в 1848—1852 гг. возглавляла народные антифеодальные восстания («бабидские восстания»).
[3] См. т. 77, с. 78—83.
[4] Автором ст. являлся анархист Бурдин. В том же № «Народной молвы» опубл. ст. П. Л. Успенского «Не нужны (с натуры)» за подп. П.-Л. (*Петров-Леонидов*).
[5] Письмо от 6 апр.
[6] Отв. Т. на письмо Н. Н. Краморева от 9 апр. (т. 77, с. 81—82).
[7] Х. Д. Алчевская ⟨и др.⟩. Что читать народу? Критический указатель книг для народного и детского чтения. Тт. I—II. СПб., 1884—1889 (*ЯПб*, дарств. надпись).

12 апреля

[1] В 1906 г. А. М. Хирьяков издавал газету «Голос».

13 апреля

[1] Дневник В. В. Нагорновой, племянницы Т., 1864—1875 гг. Не опубл.
[2] Воспоминания относятся ко времени пребывания Т. на воен. службе (1854).
[3] В «Круге чтения» на 13 апр. высказывания Гончарова, Вовенарга, Рёскина, Чаннинга и самого Т.— т. I, с. 276—278 (т. 41, с. 243—244).
[4] А. Леруа-Болье уже приезжал к Т. (см. запись 9 мая 1905 г.).
[5] Открытка из г. Черкассы (Самарской губ.) от 5 апр. (почт. шт.).
[6] Письмо С. Т. Семенова от 11 апр. н. с. Драма «Надежда Чигалдаева».
[7] Открытка А. Шкарвана от 18 апр. н. с. О согласии Т-го Маковицкий сообщил ему в цит. выше письме от 13 апр.

14 апреля

[1] Кн. Гусева «Народный украинский мудрец Георгий Саввич Сковорода» (М., «Посредник», 1906). Она послужила Т. матер. для очерка о Сковороде (см. т. 40, с. 406—412). Несколько мыслей Сковороды включены Т. в «На каждый день» (тт. 43 и 44).

[2] Пер. на нем. яз. соч. Т. «Христианское учение», «О значении русской революции», «На каждый день» («Круг чтения»).
[3] Кн. изд. в СПб. в 1906 г. (*ЯПб*). Т. отв. 14 апр. (т. 77, с. 83).

15 апреля

[1] *НВ*, № 11167, 14 апр.
[2] См. т. 77, с. 85.

16 апреля

[1] *Илл. прилож. к НВ*, № 11167, 14 апр.
[2] В. В. Вересаев посетил Т-го 15 авг. 1903 г.

17 апреля

[1] Л. Л. Толстой. Братья-помещики. Комедия в 4-х д. СПб., «Театр и искусство», б. г. В марте 1907 г. шла в петерб. Малом театре.

18 апреля

[1] В «Круге чтения» на 18 апр. помещены 3 афоризма Лихтенберга о науке — т. I, с. 301—303 (т. 41, с. 266—267).

21 апреля

[1] По-видимому, в ночь с 19 на 20 апр.

22 апреля

[1] Хроникальная заметка в «*Г. Москвы*», № 94, 20 апр.

23 апреля

[1] «Воспоминания часового мастера». По Эркману-Шатриану. Изложила В. Лукьянская. М., ‹«Посредник»›, 1904. Отр. вошел в «Круг чтения» на 29 дек.— т. II, с. 594 (т. 42, с. 385); использован как эпиграф к гл. III ст. «Одумайтесь» (т. 36, с. 108).
[2] О распространившемся слухе о смерти Т. см. запись от 24 апр.
[3] *Симфония* (или конкорденция) библейская — алфавитный указатель слов и текстов на все канонические кн. Ветхого и Нового заветов.

24 апреля

[1] См., напр., «Речь», № 96, 25 апр.
[2] В письме от 5 мая н. с. И. Ф. Наживин просил у Т. разрешения поместить в объявлении о своей кн. «Менэ... Тэкел... Фарес...» письмо Т-го к нему от 11 марта с положительной оценкой романа. В отв. письме от 24 апр. Т. не советовал Наживину печатать это письмо (т. 77, с. 90—91).

25 апреля

[1] См. «Круг чтения» на 19 мая — т. I, с. 385—386 (т. 41, с. 333).
[2] Т. упоминает об этом в черн. вар. начала «Исповеди», озагл. «Что я?» (т. 23)

26 апреля

[1] См. письмо Т. к Н. Г. Сутковому от 27 апр. (т. 77, с. 91—92).
[2] 19 дек. 1895 г. у Толстых в Москве играл квартет в составе: Г. Виган, К. Гофман, И. Сук и О. Недбал.
[3] Чайковский подарил Т-му ряд своих произв., в том числе фантазию по Шекспиру «Буря» (вероятно, клавир).
[4] См. запись 23 февр. А. Б. Гольденвейзер отметил, что Шаляпин пел «Судьбу» Рахманинова, показавшуюся Т. «фальшивой»; слова Апухтина он назвал «отвратительными» (*Гольденвейзер*, с. 58).
[5] G. H. Lewes. The Life and Works of Goethe with Sketches of his Age and Contemporaries from Published and Unpublished Sources, t. I—II. Lpz., 1858 (Т. I — *ЯПб*).

28 апреля

[1] «Духовный христианин», ред. к-рого был А. С. Проханов. По-видимому, он посетил Т. в 1898 г. перед отъездом к духоборам на Кипр (см. т. 71, с. 458 и 476).

[2] На вопрос редакции франц. журн.: «Присутствуем ли мы при разложении религиозной идеи и религиозного чувства или при их эволюции?»,— Горький ответил: «Если под «религиозной идеей» вы понимаете идею бога, т. е. сверхъестественного существа, управляющего судьбами мира и людей,— эта идея, мне кажется, постепенно умирает и неизбежно должна умереть ‹...› Что касается религиозного чувства — я определяю его так: религиозное чувство есть радостное и гордое чувство гармонической связи человека с миром» («Новь», № 79, 5 апр.).

[3] Замысел повести «Мать» возник у Т. в 1890 г. Работать над ней он начал весной 1891 г.; повесть осталась незаконченной (т. 29). Неск. раз, вплоть до 1903 г., «Мать» появлялась в списке сюжетов, которые «стоит и можно обработать, как должно».

[4] Эпизод «о Вальжане у епископа» из «Отверженных» Гюго в обработке Т. вошел в «Круг чтения» под загл. «Епископ Мириель» — т. II, с. 485—492 (т. 42, с. 278—284). См. «*Толстой-редактор*», с. 261—267.

30 апреля

[1] Известно 5 писем Т. от 30 апр. (т. 77, с. 92—95).

[2] ‹А. А. Г а т ц у к.› Как живут китайцы. Упом. изд.

[3] М. А. Ч л е н о в. Перепись московского студенчества (*Р. вед.*, № 97).

[4] См. В. А. Ж д а н о в. Из писем к Толстому (*ЛН*, т. 37-38, с. 381—386).

1 мая

[1] Т. нередко повторял изречения Паскаля: «Умирать придется одному» и «Легче перенести смерть, не думая о ней, чем мысль о смерти, даже не угрожающей нам». Они включены в «Круг чтения» на 13 янв. и 2 февр., т. I, с. 36, 85 (т. 41, с. 35). Вероятно, одно из них Т. и привел в разговоре с М. С. Сухотиным.

[2] См. записи 17—21 июня 1906 г.

[3] *НВ*, № 11180, 29 апр. Подзагол.: «Предатели», «Архимандрит Евтихиан» и «Подготовка к благовестию».

[4] Л. Н. Толстой I. Письмо к китайцу. II. Китайская мудрость. Мысли китайских мыслителей, собранные Л. Н. Толстым. М., «Посредник», 1907 (*ЯПб*).

2 мая

[1] Письмо Н. Г. Суткового к Т. от 28 апр.

[2] Т. был согласен с предложенным Сутковым планом распределения среди голодающих денег, переданных канадскими духоборами в распоряжение Т. Сам Т. отв. 6 мая (т. 77, с. 96—98).

[3] См. запись 7 апр.

3 мая

[1] См. запись 20 янв.

[2] Скульптура работы Ж. А. Гудона (мрамор, 1781) находится в Гос. Эрмитаже.

4 мая

[1] При письме от 2 февр. н. с. (почт. шт.: 3 мая) П. де Кермариа прислал рук. своей ст. и просил разрешения посвятить ее Т-му. Рук., вероятно, была возвращена автору. Содерж. ее изв. только по этой записи Маковицкого. Отв. Т. от 1/14 мая известен лишь в первонач. ред. (т. 77, с. 95—96).

6 мая

[1] Далее приводится отр. из письма Н. Г. Суткового от 30 апр., в к-ром он предлагал деньги, присланные духоборами для помощи голодающим, передать последователям А. М. Добролюбова на устройство общины. В своем отв. от 6 мая Т. советовал «строго держаться указания жертвователей» (т. 77, с. 96—98). См. запись 23 мая.

7 мая

[1] Свое посещение Т-го Бонсел описал в корресп., опубл. в «New York Times» 7 июля: «Tolstoy prophesies the «Fall of America»».

[2] Восп. вошли в кн.: Т. Л. С у х о т и н а-Т о л с т а я. Друзья и гости Ясной Поляны. М., 1923, с. 7—28.

[3] Письмо Тургенева от 25 нояб. /7 дек. 1857 г. (*Тургенев.* Письма, т. III., с. 169—171).

8 мая

[1] Е. В. Молоствова. Иеговисты. Жизнь и сочинения кап⟨итана⟩ Н. С. Ильина. Возникновение секты и ее развитие. СПб., 1914.

12 мая

[1] А. Шкарван прислал свой перевод чеш. средневековых историй «О брате Иване Палечеке, шуте чешского короля Юрия», обработанных для детей Я. Гербеном (J. Herben. Bratr Jan Paleček. Praha, 1902; *ЯПб*).

[2] «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков (1738—1793)», тт. I—IV. СПб., 1871—1873. Записки Болотова Т. впервые читал в 1878 г. (см. т. 48, с. 69).

14 мая

[1] Ст. направлена против Думы (*НВ*, № 11193).

[2] Ст. «The messianic hope of the Samaritans by Jacob, son of Aaron, high priest of the Samaritans», introduction of W. E. Barton («Open Court», vol. XXI, № 5, May).

15 мая

[1] Письмо А. И. Кудрина не сохр., оно было послано К. П. Сиксне (см. т. 77, с. 112). Т. отв. Кудрину 17 мая (т. 77, с. 107—108).

16 мая

[1] В. А. Макасеев в письме от 4 мая н. с. подробно описал жизнь духоборов в Канаде. Т. отв. ему 17 мая (т. 77, с. 109).

[2] Макасеев след. образом охарактеризовал эти 3 партии: «общинники», «свободники» (т. е. выпускающие весь скот на свободу) и принявшие канадское подданство.

17 мая

[1] Письмо П. В. Планидина от 1 мая н. с. о затруднениях, возникших у духоборов в Канаде. Т. отв. 17 мая (т. 77, с. 111).

[2] При письме от 5 мая н. с. Д. Гопауль Четти, ред.-изд. «New Reformer» прислал Т-му №№ 1—2 своего журн. Т. отв. 17 мая (т. 77, с. 114). В *ЯПб* сохр. отд. №№ за 1907—10 гг. Мыслей, подписанных именем Четти, в «Круге чтения» нет.

[3] См. Вл. Соловьев. Веданта (*Брокгауз*, кн. 10).

[4] Очевидно, «New Reformer».

[5] Известно 14 писем Т. от 17 мая (т. 77, с. 104—114).

[6] «Учение Христа, изложенное для детей».

[7] Ст. осталась незаконченной (т. 37).

[8] Письмо Т. Е. Жукова от 14 мая. Т. отв. 17 мая (т. 77, с. 106).

18 мая

[1] «Первые недели царствования императора Александра Третьего. Письма К. П. Победоносцева из Петербурга в Москву к Е. Ф. Тютчевой» (*РА*, 1907, № 5).

19 мая

[1] В *ЯПб* сохр. 2 кн. Адана: P. Adam et A. Picard. Le cuivre. P., 1896; P. Adam. La force. 2-me éd. P., 1899 (дарств. надпись).

[2] Во время печатания этого соч. в «Посреднике» (1907—1908) Т. в последний раз просматривал его. 1-е изд. вышло в 3-х тт. у М. К. Элпидина в Женеве в 1892—1894 гг.; в изд. *Св. сл.* вышел только т. I (1906), под загл. «Соединение, перевод и исследование четырех Евангелий».

[3] Э. Арнольд. Свет Азии. Упом. изд.

[4] М. С. Громека сделал предложение Т. Л. Толстой в 1880 г., когда ей было 16 лет. Покончил жизнь самоубийством в 1883 г.

20 мая

[1] Инженер путей сообщения В. А. Берс, бывший в то время гл. инженером комиссии по организации работ в Галерной гавани, а также инженер Д. К. Нюберг были убиты 19 мая во время осмотра работ.

21 мая

[1] Среди произв. Т., не включенных в «Азбуку», сохр. рассказ «Балакирев» (т. 21).
[2] Т. занялся обработкой присланных А. Шкарваном легенд о Палечеке и затем написал для детского «Круга чтения» рассказ «Шут Палечек» (см. *Толстой-редактор*, с. 281—302).
[3] В журн. «Light of India», № 8, Мау напеч. ст. анон. автора «Passing away of theosophy's president» — о смерти основателя Теософского о-ва полковника Г. С. Олкотта.
[4] В неск. №№ того же журн. печаталась повесть Баба Бхарати «Jim» — о применении гипноза йогами.
[5] «World's Advance Thought».
[6] «New Reformer».

22 мая

[1] Слова о «пьяной Думе» находятся в одном из фельетонов А. С. Суворина, публиковавшихся в цикле «Маленькие письма» (*НВ*, № 11201, 20 мая).
[2] В письме от 24 мая н. с. К. Леготский высказал убеждение, что основой всего, в том числе и искусства, является добро и непротивление злу насилием, и просил эту часть письма сообщить Т. (*PNP*).
[3] Свое исслед. «Россия и Европа» Т. Масарик начал еще в 1905 г. В 1913 г. он опубликовал на нем. яз. первые 2 тт., посвящ. предшественникам и последователям Достоевского («Russland und Europa. Studien über die geistegen Strömungen in Russland. 1 Folge. Zur Russischen Geschichts- und Religionsphilosophie). 3-й т., посвящ. Достоевскому и русской лит-ре в целом, остался незаконченным и был издан только в 1967 г. на англ. яз.: «The Spirit of Russia», vol. III, N. Y., 1967. Гл. 13 (p. 161—207) посвящ. Т-му.

23 мая

[1] Текст телегр. Т-го и письма Маковицкого в отв. на письмо Суткового от 19 мая — неизв. В письме к Т. от 1 июня Сутковой поблагодарил Маковицкого за письмо. Духоборам Т. написал 23 мая (т. 77, с. 115—116).

24 мая

[1] См. Зап. кн. (т. 56, с. 243—244); 28 мая Т. переписал эту запись в Дн. (там же, с. 35—36).

26 мая

[1] 2-я Гаагская мирная конф. открылась 2/15 июня. Текст ответа. Т. ред. «New York World» известен только по этой записи Маковицкого; по ней он и был впервые опубл. (т. 77, с. 116). Стихи 43, 44 гл. V. *Евангг. от Матф.* гласят: «Вы слышали, что сказано: «Люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего» (*Левит*, XIX, 17—18). А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас».
[2] «Почему христианские народы вообще и в особенности русский находятся теперь в бедственном положении» (т. 37).
[3] Кн. Баба Бхарати «Shree Krishna». Т. переводил из нее мысли для «Нового круга чтения», но они в него не вошли.
[4] Письмо Д. Кифера от 23 мая н. с. Т. отв. 1/14 июня (т. 77, с. 120—121).
[5] Соч. П. А. Кропоткина «Завоевание хлеба».

27 мая

[1] В указ. выше кн. Гусева о Сковороде приведено неск. мыслей Сковороды о суеверии (с. 51—52).
[2] Неточно цитируются слова Гринева из «Капитанской дочки» Пушкина: «Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!» (гл. XIII, «Арест»).
[3] Журналист Г. С. Петров был лишен священнического сана. В ст. «Предатели» (*НВ*, № 11205, 24 мая) М. О. Меньшиков называл Петрова «подстриженным батюшкой», «отцом Григорием» и пр.
[4] «И отцом себе не называйте никого на земле...» (*Евангг. от Матф.*, XXIII, 9).

28 мая

[1] Англ. письмо — возможно, к Д. Киферу, отправленное 1/14 июня. Рус.— иеромонаху Арсению от 28 мая (т. 77, с. 117—118).

30 мая

[1] Чертков прислал в письме от 6—7 июня н. с. прилож. к своей ст. «О революции», опубл. еще в 1904 г. Т. отв. 30 мая (т. 89, с. 68—69). Машинописный текст приложения с исправлениями Т. сохр. при письме; напеч. в кн.: В. Г. Ч е р т к о в. Наша революция. Изд. 2-е. М., 1907 (*ЯПб*).

31 мая

[1] Возможно, пер. Ж. Мардрю, с 1899 г. выходивший в Париже.

1 июня

[1] Свое обращение к Думе И. М. Трегубов прислал при письме от 30 мая. Т. отв. 1 июня (т. 77, с. 122).

[2] Разговор с А. Л. Толстым был вызван его увлечением Е. В. Арцимович, женой тульского губ. (см. т. 77, с. 100).

[3] *Еванг. от Матф.*, XXI, 19.

[4] Т. напеч. в *Р. вед.* в 1889 г. «Праздник просвещения»; в 1891 г. — «Страшный вопрос»; в 1891—1893 и 1899 гг. — отчеты об употреблении денег, пожертвованных для помощи голодающим, и письма в ред. по разным вопросам.

2 июня

[1] О своих намерениях М. И. Пестряков писал Т. 26 февр. Т. отв. 11 марта (т. 77, с. 60—61). Копия заявления, привезенного Пестряковым, сохр. в архиве Маковицкого (*ГМТ*).

[2] В письме от 24 мая М. В. Арцимович писал о своем семейном несчастье. Т. отв. ему 2 июня. Одновременно он написал Е. В. Арцимович, безуспешно призывая ее разорвать связь с Андреем Львовичем (т. 77, с. 123—126). Вскоре А. Л. Толстой и Е. В. Арцимович оформили расторжение своих первых браков и вступили в новый брак между собой. Машинописные копии обоих писем хранились в запечатанном конв. с надписью: «Прошу не распечатывать. Л. Т о л с т о й».

[3] Известны только 2 письма Т. от 2 июня: к М. В. и Е. В. Арцимовичам.

3 июня

[1] И. Е. Репин был близок с семьей Стаховичей и бывал у них в имении Пальна (Орловской губ.).

[2] Ст. «Преступное слово» (*НВ*, № 11212, 31 мая).

[3] Авт. назв. картины Н. В. Орлова — «Проводы переселенцев» (1896). Подл. в Ясной Поляне.

[4] Картина Н. Н. Ге «Выход Христа с учениками с тайной вечери в Гефсиманский сад» (1889). Хр. в *ГРМ*.

[5] Здесь в смысле: совершенно одинаковы.

[6] Ср. запись 30 нояб. 1906 г.

4 июня

[1] См. *НВ*, № 11214, 2 июня. Ссылаясь на М. Д. Челышева, Меньшиков отмечал, что Самарская губ. «за последние 25 лет пропила столько, что этих денег хватило бы не только выкупить всю землю (...), но хватило бы на выкуп половины соседней губернии».

6 июня

[1] В этот вечер Гольденвейзер играл Шопена (*ЕСТ*).

7 июня

[1] Помещик Черниговской губ. С. И. Листовский, единомышленник Т-го, вернул акцизному управлению задаток в 200 р., и винная лавка открыта не была.

[2] Письмо Н. Г. Суткового от 1—3 июня. Т отв. 7 июня (т. 77, с. 131—133).

[3] Фельетон Валишевского из цикла «Письма с Запада», гл. XVI (*НВ*, № 11214, 2 июня).

10 июня

[1] Н. Б. Гольденвейзер переводил в это время кн. Канта «Religion in Grenzen der Vernunft».

[2] Письмо проповедника секты «Новый Израиль» В. Т. Галактионова от 30 мая Т. отв. 9 июня (т. 77, с. 134—135).

11 июня

[1] В 1907 г. Т. читал Эпиктета, намереваясь составить его жизнеописание для детского «Круга чтения» (см. т. 56, с. 31).

12 июня

[1] В *ЯПб* сохр. 2 кн. Вовенарга: 1: Œuvres. P., 1820 (в разделе «Réflexions et maximes».— многочисленные пометы Т.); 2. «Supplément aux Œuvres complètes, contenant un grand nombre de dialogues, de caractères, de pensées et autres écrits inédits». P., 1820 (с многочисленными пометами Т.).

13 июня

[1] Письмо А. И. Кудрина от 4 июня. Т. отв. 7 июля (т. 77, с. 148—149).

14 июня

[1] П. Ф. Безверхий, находившийся в арестном доме в г. Изюме, писал о жестоком обращении с ним. На его открытку от 6 июня Т. отв. 11 июня (т. 77, с. 138). В телегр. от 13 июня Безверхий сообщал: «Продолжают мучить», и просил защитить его.

16 июня

[1] Валишевский в назв. выше ст. из цикла «Письма с Запада...» (*НВ*, № 11224, 13 июня) упомянул тезис «Право на землю», «заимствованный ⟨...⟩ великим Толстым у великого безумца, каким был Генри Джордж».

17 июня

[1] R. E u c k e n. Die Lebensanschaungen der grossen Denker. Lpz., 1890.

18 июня

[1] «Рыцари без меча» (*НВ*, № 11227, 16 июня).
[2] Передовая ст. в *НВ* № 11227, 16 июня по поводу кн. Макензи «The Unveiled East».
[3] В *НВ*, № 11228, 17 июня Гаагской мирной конференции посвящена передовая ст.
[4] В тетр. Маковицкого сохр. сделанный Т. чертеж (см. его воспроизв. на с. 457).
[5] Учителем детей Толстых в 1877—1881 гг. был В. И. Алексеев.
[6] Эта мысль Лао-тзе включена в «Круг чтения» на 10 февр.— т. I, с. 106 (т. 41, с. 93—94).
[7] Слово «реакция» употреблено здесь в смысле «обратное действие».

19 июня

[1] А. Я. Колесниченко и Г. С. Рябов заезжали к Т. по дороге в Самарскую губ., где они должны были заменить Н. Г. Суткового в организации помощи голодающим.
[2] На письмо П. Ф. Безверхого Т. отв. 19 июня (т. 77, с. 139—140).
[3] Ст. М. О. Меньшикова из цикла «Письма к ближним» с подзаголовками: «Культура зла», «Пятьсот процентов», «Книжный ум» (*НВ*, № 11228, 17 июня).
[4] В заключении ст. Меньшикова сказано: «Не замечаете ли вы, как под знаменем одряхлевшей государственности преследование зла превращается в покровительство злу? ⟨...⟩ Не ясно ли, что перед нами серьезное общественное бедствие, м. б. перелом мировой истории».

20 июня

[1] В письме от 29 июня н. с. И. Ф. Наживин рекомендовал Т. кн. Swami V i v e k a n a n d a. Speeches and Writings, к-рая, как он считал, по ясности мысли значительно выше кн. Баба Бхарати о Кришне. В отв. письме от 7 июля Т. просил прислать ему «книгу брамина» (т. 77, с. 151).

22 июня

[1] Т. вспоминает разговор, происходивший в мае 1894 г. (см. т. 40, с. 339—340).

23 июня

[1] Текст приписки Т. к заявлению С. Д. Николаева, обращенного к моск. градоначальнику, известный только по записи Маковицкого, опубл. в т. 77, с. 144.

24 июня

[1] Портрет Т-го работы М. В. Нестерова хр. в *ГМТ*. См. его воспроизв. в *ЛН*, т. 37-38, с. 261.

[2] В 1900 г. в беседе с А. Б. Гольденвейзером и П. А. Сергеенко Т. также вспоминал отзыв Тэна о Достоевском: «Тэн говорил, что за одну страницу Достоевского он отдал бы всех французских беллетристов» (*Гольденвейзер*, с. 68; ср. *ЛН*, т. 37-38, с. 546).

[3] Ср. очерк «Толстой и Достоевский» в кн. П. А. Сергеенко «Толстой и его современники». М., 1911.

[4] Письмо жившего в Лозанне внука Герцена проф. Н. А. Герцена. Из последующих его писем выясняется, что он просил Т. прислать для лит.-худ. сб., посвященного Герцену, что-либо из восп. о нем, и «несколько строк» об антимилитаризме. Не получив ответа на свое письмо, он в открытке от 18 сент. н. с. напомнил о своей просьбе. Ответил Гусев. В *Список* (т. 77) его письмо не вошло. 2 окт. н. с. Н. А. Герцен поблагодарил Т. за разрешение напечатать «два письма об А. И. Герцене» и выразил сожаление, что Т. не имеет времени «дать несколько строк» по тем вопросам, о к-рых он просил Т. в 1-м письме (антимилитаризм). Письма Т., о к-рых напомнил Чертков,— от 9 февр. 1888 г. (т. 86, с. 121—122) и 6 окт. 1899 г. (т. 88, т. 182) — адресованы Черткову. Намерения своего написать для сб. Т. не выполнил. Биогр. своего деда Н. А. Герцен не написал. В кн. С. А. Розановой «Толстой и Герцен». М., 1972, где цитируются эти письма, корресп. Т-го ошибочно указана дочь Герцена Наталья Александровна.

25 июня

[1] Письмо от конца июня. Т. отв. 2 июля (т. 77, с. 145).

[2] «Жак-фаталист и его хозяин». В «Круг чтения» не вошло.

[3] По-видимому, П. А. Сергеенко читал свой очерк «Толстой и Тургенев», вошедший позднее в его кн. «Толстой и его современники», с. 41—212.

[4] Мысль Марка Аврелия, включенная в «Круг чтения» на 17 дек. — т. II, с. 556 (т. 42, с. 352—353).

26 июня

[1] *Р. вед.*, № 204, 6 сент.

27 июня

[1] Два этюда (пейзаж с прудом и еловая аллея), написанные М. В. Нестеровым 27 июня, хр. в *ГМТ*.

[2] Портрет М. Л. Оболенской работы Н. Н. Ге хр. в музее-усадьбе Ясная Поляна.

[3] Г. Ольденберг. Будда, его жизнь, учение и община. Упом. изд. Т. перечитывал эту кн. и кн. П. Каруса и Э. Арнольда, намереваясь составить «жизнеописание» Будды для детского «Круга чтения». Замысел остался неосуществленным.

[4] E. Crosby. Plain Talk... Упом. изд. Стихи о смерти, озагл. «Death»— в этой кн., с. 158—160.

[5] А. А. Измайлов. У Льва Толстого (*ВВ*, веч. вып., №№9977, 9979 и 9981, 3, 4 и 5 июля); Н. Н. Брешко-Брешковский. В Ясной Поляне у гр. Л. Н. Толстого (*ПГ*, №№ 170 и 172, 24 и 26 июня).

[6] Мысль Лабрюйера, включенная, в несколько иной ред., в «Круг чтения» на 25 июня — т. I, с. 511.

28 июня

[1] Кн. вышла в Женеве в 1907 г. Прислана автором при письме из Парижа от 2/15 июня. Т. отв. 7 июля (т. 77, с. 152—153).

[2] Б. Демчинский. Христос в революции (Фантазия). СПб., 1907 (*ЯПб*, дарств. надпись, пометы).

29 июня

[1] Картина «Святая Русь» (ср. т. 76, с. 208—209).

[2] Этот этюд Нестерова хр. в *ГМТ*. См. его воспроизв. на стр. 461 наст. тома.

[3] Т. был в Киево-Печерской лавре в июне 1879 г. См. восп. хранителя Киевского церковно-археологич. музея Н. И. Петрова «Эпизод из паломничества Л. Н. Толстого» (рук.).

3 августа

[1] На предложение опубликовать ст. «Не убий никого» ред. *Р. вед.* С. П. Мельгунов отв. 1 авг. согласием, «если не встретится препятствий ввиду нынешнего положения печати». Ст. была опубл. с большими купюрами 6 сент. в *См.*, а 8 сент. в *Р. вед.* и ряде др. газ.

4 августа

[1] Письмо к П. А. Столыпину от 26 июля (т. 77, с. 164—168).

[2] 20 июля Т. записал в Дн., что ему хочется написать «Руки вверх», «пришедшее» ему «в голову во время игры Гольденвейзера» (т. 56, с. 45). Возможно, что этот замысел связан с «Предисловием к рассказу «Убийцы», написанным 17 дек. 1908 г. (т. 37).

[3] Близ г. Уши.

[4] Соната b-moll.

[5] Г. О. Клепацкий вскоре прислал Т. брошюру П. А. Кропоткина «Что делать? (К молодежи)». Пер. с франц. Н. Павло́вича. Ростов-на-Дону, 〈1906〉. Хр. в кабинете Т. в Ясной Поляне.

[6] Цифры приведены из хроникальной заметки «Среди газет и журналов» (*НВ*, № 11275, 3 авг.).

7 августа

[1] Фрагменты из «La Bible» Рейса включены в «Соединение, перевод и исследование четырех Евангелий» в пер. С. Д. Николаева.

[2] В письме от 15 авг. н. с. Моод просил разрешить ему и его жене перевести 2 повести и пьесу, о к-рых Т. рассказывал ему неск. лет назад и говорил, что не намерен печатать их при жизни («Хаджи-Мурат», «Отец Сергий» и «Живой труп»). Моод считал, что их следует все же перевести, чтобы выяснить с Т. непонятные места. Отв. Чертков (см. А. Maude. The Life of Tolstoy. Later years. 3 ed. L., 1911, p. 609—611).

[3] Это произошло 13 янв. 1862 г. Тогда же в журн. «Ясная Поляна», № 1 Т. сообщил об этом пожертвовании (там указано 1 000 р.). См. т. 8, с. 357—358.

[4] Н. Ф. Федоров. Философия общего дела. Статьи, мысли и письма (т. I. Верный, 1906; т. II. М., 1913). Издано под ред. Н. П. Петерсона и В. А. Кожевникова после смерти Федорова. Т. познакомился с Федоровым в 1878 г., но часто встречался с ним только с осени 1881 г., после переезда в Москву.

[5] И. П. Ювачев (И. П. Миролюбов). Шлиссельбургская крепость. М., «Посредник», 1907.

[6] Л. Д. Семенов впервые приехал в Т-му 22 июня 1907 г. Сохр. 6 его писем к Т. Отв. Т-го от 7 июля и 8 авг. см. в т. 77, с. 153 и 174—175.

8 августа

[1] О деле крестьян-сектантов с. Павловка Харьковской губ., разгромивших в сент. 1901 г. местную церковь, и об участии в этом деле М. Н. Тодосиенко см. в т. 73, с. 159—162.

[2] В. Н. Житова, «воспитанница» матери Тургенева (на самом деле — дочь от А. Е. Берса — отца С. А. Толстой).

[3] Т. отредактировал письмо своей дочери (см. *Толстой-редактор*, с. 29—32). Письмо за подп. *W* с предисл. Т. появилось в *Г. Москвы*, № 188, 14 авг. (т. 90, с. 83—84).

10 августа

[1] 2 авг. М. Л. Шлезингер писал Т-му из Петербурга о своей работе над кн. «Russland in XX Jahrhundert» и просил разрешения приехать, чтобы посоветоваться с Т-м. Отв. Маковицкий 10(?) авг. (т. 77, с. 302—303). Присланная Шлезингером кн.: A. L'Houet. Zur Psychologie des Bauerntums. Tübingen, 1905 (*ЯПб*, пометы). Шлезингер в своем письме не указал автора; в т. 77 автором посланной кн. ошибочно назван сам Шлезингер.

11 августа

[1] Lao-Tze. Tao-teh-King. Chinese-English, with introduction, transliteration and notes by Dr. P. Carus. Chicago — L., 1898 (*ЯПб*, пометы).

[2] Эта мысль вошла в «Круг чтения» на 3 февр.— т. I, с. 87 (ср. т. 41, с. 79—80).

12 августа

[1] Т-го интересовала судьба члена секты «Баисов божий полк», к-рый за отказ от воен. службы был отправлен в дисциплинарный батальон вместе с Иконниковым. Иконников подробно писал о нем Наживину 26 февр.; это письмо Наживин переслал Т-му.

13 августа

[1] См. запись 12 янв.

[2] Письмо В. А. Макасеева от 4 авг. н. с. об отношении к Т. и о своих религ. взглядах. На конв. помета Т.: «Че⟨рткову⟩» и Гусева: «Отв. 4 сент.».

14 августа

[1] Гольденвейзер играл Шопена и «Davidsbündlertänze» Шумана (*ЕСТ*).

15 августа

[1] К прошению от имени П. С. Грузнова Т. приложил письмо к тульскому губ. Д. Д. Кобеко, датированное 14 авг. (т. 77, с. 177).

16 августа

[1] Текст в Зап. кн.: «Sammle nur die grösste Kraft auf den kleinsten Punkt» — «Сосредоточь только величайшую силу на малейшую точку ⟨—и ты совершишь великое⟩» (т. 56, с. 254). Эта мысль из стихотв. Шиллера «Breite und Tiefe» («Ширина и глубина») поразила Т. еще в 1854 г., когда он впервые ее прочитал (см. т. 47, с. 15).

[2] В эти дни Т. начал готовить 2-е изд. «Круга чтения», внося изменения и дополн. в печатный экз. 1-го изд. (экз. сохр. в *ГМТ*).

[3] Письма к Н. Н. Краморевy см. в т. 76, с. 283, т. 77, с. 81—82 и 300.

[4] «Что такое сектанты и чего они хотят?», вып. 1, с предисл. И. Ф. Наживина. М., «Посредник», 1906.

18 августа

[1] VII конгресс II Интернационала в Штутгарте (18—24 авг.). Г. Г. Фольмар — «один из самых «правых» немецких оппортунистов» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, с. 91), выступил на конгрессе с речью о милитаризме.

21 августа

[1] Ст. М. О. Меньшикова в *НВ*, № 11291, 19 авг. из цикла «Письма к ближним» с подзагол.: «Два пророка», «Народ как идол» и «Невольный праведник». Все ст. посвящены Т., который сравнивался с библейским Моисеем. Меньшиков упрекал Т. в «излишнем пристрастии к народу», «в ослеплении художника, до того влюбленного в натуру, что ему и дурное кажется хорошим».

[2] «Круг чтения» на 21 авг.— т. II, с. 150 (т. 41, с. 585).

[3] Присутствовавший при этом разговоре Х. Досев так записал слова Т.: «Скажите, пожалуйста, как можно после всего этого доказывать что-нибудь другое!» (Х. Досев. Вблизи Ясной Поляны (1907—1909 гг.). М., «Посредник», б. г., с. 20—22).

[4] «Биография» писалась с одобрения Т-го (см. т. 76, с. 214) и, по свидетельству Абрикосова, была «просмотрена и исправлена» Т. в рук. (*Летописи ГЛМ 12*, с. 403). По ценз. условиям кн. в России не появилась. Вышла в Болгарии: Х. Абрикосов. Жизнь Александра Ивановича Архангельского. Бургас, 1910.

22 августа

[1] В «Объединении», № 37, 17 авг. были перепеч. из посвященного Т. № «Review of Reviews», 1906, восп. Р. Э.К. Лонга о посещениях Т-го зимой 1898 г., ранее опубл. в «Review of Reviews», 1901, №№ 137—138. Отр. из них — «Беседа с Т. об английской литературе» — напечатан в *ЛН*, т. 75, кн. 2.

[2] См. запись 8 авг. Письмо это перепеч. многие газ., в т. ч. «Объединение», № 37, 17 авг.

[3] В 1904 г., в связи с ремонтом Румянцевского музея, где с 1887 г. хранились рук. Т-го, С. А. Толстая перевезла рук. в Исторический музей. Высказывание директора музея И. Е. Забелина приведено здесь не совсем точно (ср. *ДСТ III*, с. 224—225).

23 августа

[1] Т. отметил в этот день в Зап. кн.: «Были два чел⟨овека⟩ из Москвы: студент и крестьянин из кн⟨ижного⟩ маг⟨азина⟩ в Петерб⟨урге⟩» (т. 56, с. 210). Студент — В. Ф. Булгаков, впервые приехавший к Т. К этой записи Маковицкого Булгаков позднее сделал примеч.: «Студент был я. Тут ошибка, что нас с крестьянином послал Чертков. Мы пришли утром с Засеки, сидели на скамеечке и поджидали с прогулки Л. Н. А потом он сам послал нас к Черткову, где мы оба остались до ночного поезда в Москву» (ср. В. Ф. Булгаков. Первое знакомство с Л. Н. Толстым — в его кн. «Лев Тол-

стой в последний год его жизни». М., 1920, с. 1—8). Второй посетитель — тверской крестьянин Соколов.

[2] Видимо, ст. А. Измайлова «У Льва Толстого», в к-рой высказаны критич. суждения о нек-рых произв. Л. Андреева, М. Горького, А. Куприна.

[3] Бронзовый бюст Чехова работы Н. Шлейфера был установлен 12 июля 1908 г. в гор. парке г. Баденвейлера, где скончался писатель. В 1914 г. памятник был снят нем. властями для переплавки на оружие.

[4] Н. Н. Толстой скончался 20 сент. 1860 г.

24 августа

[1] Ст. Т. «Верьте себе». Напеч. в *Р. сл.*, № 297, 28 дек.

[2] Ст. «Наша революция».

25 августа

[1] «В дисциплинарном батальоне. Записки Н. Т. Изюмченко», изд. *Св. сл.*, Christchurch, 1905.

26 августа

[1] Е. И. П о п о в. Жизнь и смерть Евдокима Никитича Дрожжина. Упом. изд.

[2] «Критические очерки» В. П. Буренина в *НВ*, № 11296, 24 авг.

27 августа

[1] В экз. указанной выше кн. P a s c a l. Pensées — эта мысль (гл. IV, мысль XI) отчеркнута Т., и на полях помета: NB.

[2] Возможно, неточное изложение афоризма из «Круга чтения» на 17 янв. с примеч.: «Китайская мудрость» — т. I, с. 46 (ср. т. 41, с. 44).

28 августа

[1] См.: *НВ*, № 11286, 14 авг.; № 11287, 15 авг.; № 11289, 17 авг.; № 11294, 22 авг.

31 августа

[1] М. Е. Салтыков (Щедрин) встречался с Т. в 1856—1858 гг. в Петербурге и в Москве. В Туле Салтыков служил управл. Казенной палатой в 1867 г., т. е. уже после] женитьбы Т. (в сент. 1862 г.). Салтыков общался там с А. М. Кузминским и, по восп. его жены Татьяны Андреевны, отозвался о появившихся в печати первых 2-х ч. «Войны и мира» («Тысяча восемьсот пятый год») как о «болтовне нянюшек и мамушек», добавив при этом: «А вот наше так называемое «высшее общество» граф лихо прохватил» (Т. А. К у з м и н с к а я. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Тула, 1958, с. 343). В Дн. записи об этом отзыве Салтыкова нет.

[2] Письмо Н. Н. Страхова к Т-му от 28 нояб. 1883 г. (*ПТСтр*, с. 307—310). Ср. запись 27 февр.

1 сентября

[1] 55-летне лит. деятельности Т. широко отмечалось в печати.

[2] Ст. В. В. Розанова (псевд. *В. Варварин*) «В современных настроениях» (*Р. сл.*, № 200, 31 авг.) завершается характеристикой Черткова, имя к-рого не названо: «Так около гения наших дней в подобной же роли Мефистофеля стоит упорный узколобый его «друг» из Лондона...»

[3] Письмо М. П. Новикова от 29 авг. Т. отв. 4 сент. (т. 77, с. 186—190).

[4] М. П. Новиков был сослан в Тургайские степи.

2 сентября

[1] П. А. Буланже не покончил самоубийством.

[2] Вероятно, разгром кружка петрашевцев в Петербурге и участие царизма в подавлении революции в Венгрии.

[3] Международный социалистический конгресс в Штутгарте (VII конгресс II Интернационала) происходил с 18 по 24 авг. В состав делегации большевиков входил В. И. Ленин.

3 сентября

[1] Т. путешествовал по Швейцарии в 1857 г.

4 сентября

[1] Письмо Т. к П. А. Столыпину от 26 июля (т. 77, с. 164—168).

[2] Слова из Библии (*Иезекииль*, III, 19 и XXXIII, 9). Употребл. в лат. форме «Dixi et animam meam salvavi» в значении: «Я предупредил, и совесть моя спокойна».

[3] Эту кн. Т., очевидно, просматривал в связи с начатой в тот день ст. «Любите друг друга» (т. 37).

[4] Письмо Т. к А. А. Столыпину от 24 авг. (т. 77, с. 180—182). Столыпин ответил 2 сент.

[5] Вероятно, автором письма являлся сотр. *Сл.*, ознакомившийся со ст. Т. еще до ее опубликования 6 сент.

5 сентября

[1] Ст. была напеч. в *Г. Москвы* и в др. газ. с ценз. изъятиями.

[2] *Еванг. от Матф.*, V, 48.

6 сентября

[1] А. И. Архангельский. Кому служить? Упом. кн. переизд. в Москве в 1920 г. Вступлением являются 2 письма Т. к А. И. Архангельскому — от 29 авг. 1895 г. и 5 янв. 1897 г. (т. 68, с. 150—151; т. 70, с. 12).

7 сентября

[1] Отв. Т. см. в т. 77, с. 190. В 1907 г. Андреев не приезжал.

[2] Разговор о Тургеневе возник в связи с чтением заметки *Ю-на* ‹К. Н. Вентцеля› в посв. Т-му *Илл. прилож. к НВ*, № 11308, 5 сент. о кн. Н. М. Гутьяра «Иван Сергеевич Тургенев» (Юрьев, 1907). Говоря о «сердечных отношениях» Тургенева, Т., вероятно, имел в виду отношения Тургенева с Полиной Виардо. Элемент «осуждения» Маковицкий мог усмотреть в словах автора заметки: «Среди многочисленных глав ‹...› совершенно отсутствует глава: «Тургенев и Полина Виардо». Этой мучительно больной драме русского писателя ‹...› посвящено в исследовании г. Гутьяра лишь несколько мимоходом брошенных фраз».

8 сентября

[1] Т. в письме от 8 сент. просил тульского губ. Д. Д. Кобеко помочь его бывшему переписчику М. В. Дагаеву (т. 77, с. 191). Дело было прекращено.

[2] Открытое письмо Т. в ред. *Р. вед.* и *НВ* от 17 (?) сент. (т. 77, с. 198—199).

9 сентября

[1] Изложение ст. «Не убий никого» появилось в *Сл.* 6 сент., № 245 (т. 37).

[2] Ранний набросок ст., получивший впоследствии загл. «Любите друг друга», начинался словами «Очень бы хотелось на прощанье...» Загл. «Прощание» в рук. нет. (т. 37, с. 417).

[3] Свящ. тульской тюремной церкви Д. Е. Троицкий посещал Т. с 1897 г. В своей ст. «Православно-пастырское увещание графа Л. Н. Толстого» («Христианин», 1913, № 8) он изложил беседу Т. с красноярским врачом.

[4] Портрет монахини, матери Н. И. Горчакова (прадеда Толстого), рожд. кн. Мордкиной, висит в зале яснополянского дома.

10 сентября

[1] См.: «Мысли мудрых людей на каждый день», с. 262 (т. 40, с. 173—174)

[2] В яснополянском кабинете на полке над письменным столом находится кн. с многочисленными пометами Т.: «Mark Aurel's Selbstgespräche». Uebersetzt und erläutert von Prof. Dr. C. Cless. Lieferung 1—5. St., 1866.

11 сентября

[1] См. А. М. Х ‹и р ь я к о› в. Православие на Руси. Краткий исторический очерк. М., 1919. В подстрочных прим. указаны исправления Т-м отд. слов.

[2] Письмо к Д. Д. Кобеко от 11 сент. (т. 77, с. 194).

12 сентября

[1] И. К а н к а р о в и ч. Проституция и общественный разврат. К истории нравов нашего времени. СПб., 1907. Т. написал автору 15 сент. (т. 77, с. 198).

[2] № 5 журн. от сент. (*ЯПб*).
[3] Возможно, заметка в Зап. кн. 11 авг. (т. 56, с. 252—253), позднее озаглавленная «Первое знакомство с Эрнестом Кросби» (т. 40).
[4] П. Розеггер. Яков Последний. История крестьянина нашего времени. Роман. Пер. с нем. В. Величкиной. М., «Посредник», 1907 (*ЯПб*). Нем. изд. следующих 4-х тт. в *ЯПб* не сохр. Возможно, было прислано: P. K. Rosegger. Schriften. Volksausgabe. Ser. 1—3. Lpz., 1895—1907.

14 сентября

[1] 15 сент. Чертковы уехали в Москву, а оттуда в Англию.

16 сентября

[1] А. Я. Колесниченко прислал свою ст. при письме от 8 сент. Т. отв. на это письмо до прочтения ст., высказав намерение содействовать ее публикации (т. 77, с. 194—195).
[2] Сохр. черновик письма Маковицкого к М. О. Меньшикову, в к-ром он описывал свою недавнюю поездку на родину.
[3] В сент. № журн. (*ЯПб*) разрезаны только с. 528—545 — ст. W. E. Barton. The samaritan messiah и W. T. Parker. The Swastika: A prophetic symbol.

19 сентября

[1] В № 213, 18 сент.
[2] Рассказ «Городовые» за подписью *С.* в журн. «Трудовой путь», № 9 (*ЯПб*).

20 сентября

[1] В корресп. из Гааги, напеч. в № 212 *Р. вед.*, был приведен сокр. текст речи председательствовавшего 15 сент. Нелидова, к-рый охарактеризовал работу «четвертой комиссии» по вопросам о «взаимных отношениях между враждующими державами, а также нейтральными во время морской войны». Высказывая предположение, что «часть общественного мнения» может критиковать действия этой комиссии, занятой вопросами, относящимися к войне, Нелидов заявил: «Так могут судить о значении наших трудов лишь лица, находящиеся под влиянием мнений искренних мечтателей и добросовестных теоретиков, не несущих ответственности за свои мнения...» В заключение он от имени всей конференции выразил благодарность председателю «четвертой комиссии» Мартенсу и его сотрудникам.
[2] О споре Т. с П. Ф. Самариным в связи с казнью участников покушения на Александра II см. Дн. от 15 мая 1881 г. (т. 49, с. 36).

21 сентября

[1] В «Трудовом пути», № 9 напеч. 4 стихотв. Л. Семенова под общим назв. «Кошмары» (*ЯПб*).
[2] Так Стасов называл Т. и в своих письмах.
[3] D. Paulson. Can we live twice as well and twice as long? («Good Health», vol. XLIII, № 9, Sept.; *ЯПб*).

22 сентября

[1] Письмо Г. Г. Русинова к Т. от 28 авг./5 сент. Отв. Гусев в окт. (т. 77, с. 312).
[2] В арх. Т. сохранились пер. на эсперанто его рассказов, а также рассказов Тургенева. Они были присланы переводчицей А. Н. Шараповой в 1907 г. Возможно, речь шла о них.

23 сентября

[1] В. А. Репин в 1907 г. организовал близ Ташкента земледельческую колонию, просуществовавшую до 1909 г.

25 сентября

[1] На письмо А. Гридила к Т. от 20 сент./3 окт. н. с. отв. Маковицкий (т. 77, с. 310).
[2] Портрет хр. в Ин-те рус. лит-ры (Л.) См. его воспроизв. на с. 573.
[3] В письме от 16 сент. А. И. Кудрин сообщал о своей жизни в тюрьме. Т. отв. 26 сент. (т. 77, с. 205—206).
[4] См. письмо А. Шкарвана Т-му от 17 апр. н. с.
[5] Кн. «Не убий никого» в свет не вышла из-за ценз. затруднений.

26 сентября

[1] См. записи 8 янв. 1905 и 12 авг. 1906 гг.
[2] Н. К р а в ч е н к о. К уходу И. Е. Репина (*НВ*, № 11325, 22 сент.).
[3] «Губернатор» напеч. в журн. «Правда», 1906, № 3. Этот № был конфискован.

27 сентября

[1] Картина В. Е. Маковского «В четыре руки» (1880). Хр. в *ГТГ*.
[2] Письмо М. П. Новикова от 26 сент.
[3] См. запись 8 сент.
[4] Телегр. «студентов-земляков» от 25 сент.
[5] Письмо кн. П. П. Трубецкого от 27 сент. н. с. Отв. Т. Л. Сухотина (т. 77, с. 309). В 1907 г. Трубецкой в Ясную Поляну не приехал.
[6] Письмо А. И. Иконникова от 21 сент.— отв. на не сохр. письмо Т.— см. *Список* (т. 77, с. 286).
[7] В дн. Гусева этот эпизод ошибочно отнесен к 6 окт. Запись самого Т. (т. 56, с. 214) подтверждает дату Маковицкого.

28 сентября

[1] Афоризмы на 3 окт.— ср. в т. II, с. 298—299 (т. 42, с. 112—114).
[2] Альбом, в к-ром Репин написал портрет Маковицкого, хр. в Праге (*LAMS*).
[3] Записей об искусстве в Дн. и в Зап. кн. за эти дни нет. Возможно, Т. прочел черн. запись, сделанную при подготовке 2-го изд. «Круга чтения». Теме искусства в «Круге чтения» посвящены 4 дня (28 февр., 2 июля, 31 авг., 14 окт.).
[4] Крестьянин А. Ф. Никитин переписывался с Т. (см. тт. 77—78). Предвидя свой близкий арест, он приехал к Т. получить «последнее наставление». В 1908 г. был арестован и выслан.

30 сентября

[1] См. запись 12 янв.

2 октября

[1] В разделе «Среди газет и журналов» процитировано интервью Г. С. Петрова с сотрудниками газ. «Сегодня» и *Сл.* по вопросам религии и политики. Упоминается ст. Т. «Не убий» (*НВ*, № 11333).
[2] Вероятно, высказывание Герцена в кн. «С того берега» (гл. «LVII год республики единой и нераздельной»): «Пока развитое меньшинство, поглощая жизнь поколений, едва догадывалось, отчего ему так ловко жить; пока большинство, работая день и ночь, не совсем догадывалось, что вся выгода работы — для других, и те и другие считали это естественным порядком, мир антропофагии мог держаться» (*Герцен*, т. VI, с. 56).
[3] К. Н. В е н т ц е л ь. Как создать свободную школу (Дом свободного ребенка). М., 1906.

3 октября

[1] P. R o s e g g e r. Mein Himmelreich, Bekenntnisse, Geständnisse und Erfahrugen aus dem religiösen Leben. Lpz., 1906.

4 октября

[1] С. Л. Толстой исполнил произведения Грига, Шопена, романс Рубинштейна «Ночь», который Т. «очень любит» (Т. А. К у з м и н с к а я. В Ясной Поляне осенью 1907 г. СПб., 1908, с. 29).

5 октября

[1] Klarissa Olds K e e l e r. The Crime of Crimes, or The Convict System Unmasked. Washington, 1907 (*ЯПб*, пометы).
[2] Т., вероятно, имеет в виду суждения Нехлюдова в ч. 2 «Воскресения», гл. XXXIII.

6 октября

[1] См. Зап. кн. 18 июня 1906 г.: «От Гончар. озлобленное письмо» (т. 55, с. 377). Это было письмо не от Гончарова, а от Е. Е. Гончаренко.
[2] Т. перевел для «Круга чтения» ряд написанных двустишиями изречений из кн. Силезиуса «Cherubinischer Wandersmann». Yena — Lpz., 1905 (*ЯПб*, пометы).

[3] Слова Гусева отражали господствовавшее в тогдашней академической науке, но совершенно неверное мнение (см. об этом в работе: М. А з а д о в с к и й. Белинский и русская народная поэзия.— *ЛН*, т. 55).

[4] В 1870-х гг. В. И. Алексеев был домашним учителем С. Л. Толстого.

7 октября

[1] И. Н а ж и в и н. Голоса народов. Вып. 1. М., 1908 (*ЯПб*).

[2] Вероятно, книга гр. С. С. Уварова «Совершенствуется ли достоверность историческая?» Пер. с франц. Дерпт, 1852. Ср.: «Изобретение типографского искусства постановило, как относительно бытописания, так и бытописателей, условия, доселе неведомые; но что они, для достоверности исторической, нисколько не выгоднее причудливой, полной свободы повествователей Греции, Рима и Средних веков, до XV-го столетия» (с. 17).

[3] В восп. Т. Л. Сухотиной отзыв Т. о «Maison Tellier» не приводится. Отмечено только, что книга не произвела впечатления. Мнение Т. о «Maison Tellier» осталось неизменным (см. т. 30).

[4] Д. Окоев прислал Т. свои изречения для нового «Круга чтения» при письме от 23 мая 1906 г. Т. отв. 10 июля 1906 г. (т. 76, с. 174). Сохр. рук. Окоева с многочисленными пометами Т. Для «Круга чтения» Т. ею не воспользовался.

[5] Ошибка Т. или Маковицкого: драма «Les âmes ennemies» принадлежала перу не бывш. католич. монаха и проповедника, снявшего с себя сан, Ш. Г. Луазона, а его сына — писателя П. Г. Луазона (*ЯПб*, дарств. надпись). См. *ЛН*, т. 75, кн. 1, с. 440—447.

8 октября

[1] Речь шла о подложном письме за подп. Т., появившемся в «Courrier Européen», с выражением сочувствия Б. Бьёрнсону, резко критиковавшему позицию венг. мин. народного просвещения гр. А. Аппоньи, к-рый ликвидировал школы нац. меньшинств и насильственно вводил обязательное обучение венг. яз.

[2] Отвергнутую газетой корресп. М. С. Сухотин опубл. в «Моск. еженедельнике», № 44, 10 нояб. под загл.: «Набег экспроприаторов (Письмо в редакцию из Новосильского уезда, Тульской губ.)».

9 октября

[1] Письмо Б. Бьёрнсона от 15 окт. н. с., вызванное приписанным Т-му письмом, к-рое появилось в «Courrier Européen». Т. отв. 10/23 окт. (т. 77, с. 218—219). 1-й вар. ответа, продиктованный Маковицкому 9 окт., неизв. (см. т. 77, с. 286).

[2] P. H. L o y s o n. Le droit des vierges. Comédie dramatique en trois actes. Avec une lettre de B. Björnson. P., 1903 (*ЯПб*).

[3] В *Списке* (т. 77, с. 311) отмечено только 4 письма от 9 окт.

10 октября

[1] Эта ст. Б. Бьёрнсона была помещена в журн. «März» (*ЯПб*).

[2] Письмо А. И. Иконникова от 7 окт. с описанием его жизни в дисциплинарном батальоне. 10 окт. Т. отв. Иконникову и в тот же день написал И. М. Куртыпу и Е. Е. Гончаренко (т. 77, с. 219—221).

11 октября

[1] В. С. Ляпунова возвращалась к Чертковым в Англию, и Т. послал с нею письмо от 11 окт. (т. 89, с. 74—75).

12 октября

[1] В. Д о р о ш е в и ч. Повесть о том, как Стахович съел Стаховича (*Р. сл.*, № 233, 11 окт.).

13 октября

[1] В *Р. вед.* № 233, 12 окт. сообщалось о назначенной на тот же день первой постановке пьесы Л. Л. Толстого «Моя родина» в театре Корша. В *ЯПб* сохр. ее литограф. изд., б. г.

14 октября

[1] Письмо И. П. Накашидзе к Т. от 7 окт. (почт. шт.).

[2] Заметка о премьере пьесы Л. Л. Толстого «Моя родина» — в № 237 газ., 13 окт.

[3] Вероятно, отзыв на пьесу «Пелеас и Мелисанда», поставленную в окт. Вс. Э. Мейерхольдом в театре В. Ф. Комиссаржевской.

[4] См. объявление в *НВ*, № 11311, 8 сент.: «Сегодня открытие сезона. В 1-й раз в России ⟨...⟩ оперетта в 3 д. «Тореадор». В 1-м д. «Купальщицы в море»». Этой «сенсационной опереттой» И. Керайла и Л. Монктона открыл в тот же вечер сезон и петерб. театр «Пассаж».

[5] Все 13 мыслей, включенных в этот день «Круга чтения», принадлежат Т-му. Первая, ключевая: «Искусство есть человеческая деятельность, имеющая целью передавать людям те высшие и лучшие чувства, до которых дожили люди» — т. II, с. 339—341 (ср. т. 42, с. 149—151).

[6] Е. И. Л о з и н с к и й. Что же такое, наконец, интеллигенция? (Критико-социологический опыт). СПб., 1907 (*ЯПб*, пометы).

[7] Судя по воспоминаниям Т. А. Кузминской, последнее суждение принадлежит Бирюкову: «Оно уже настает,— сказал Павел Иванович,— и обходится народу дороже, чем бюрократия и землевладельцы» (Т. А. К у з м и н с к а я. В Ясной Поляне осенью 1907 г., с. 35).

15 октября

[1] Мысль Плутарха о Пифагоре, включенная Т. в «Круг чтения» на 24 сент.,— т. II, с. 253 (т. 42, с. 74—75).

[2] Об ответе Гусева на письмо М. Я. Петрова от 22 сент. см. *Гусев П*, с. 33; приписка Т.— т. 77, с. 222.

16 октября

[1] А. М. Б о д я н с к и й. Духоборцы. Сб. рассказов, писем, документов и статей по религиозным вопросам. Вып. 1-й. Рассказы. Харьков, 1907, с. 71—72.

[2] Э. К а р п е н т е р. Я есмь. Пер. с англ. И. Ф. Наживина. М., «Посредник», 1907 (извлечение из кн. Э. Карпентера «From Adam's Peak to Elephanta»). В 1896 и в 1905 гг. Т. читал книгу Карпентера «Civilisation: its Cause and Cure». В 1896 г. Т. читал ст. Карпентера «Modern science». По совету Т. эту ст. перевел Сергей Львович, Т. исправил пер. и написал предисл. (т. 31, с. 87—95).

[3] 2-е изд. этой кн. вышло в Лондоне в 1907 г.

[4] А. И. Кудрин в письме от 12 окт. просил о материальной помощи (в т. 77 ошибочно указано, что его письмо не сохр.). Т. отв. 16 окт. (т. 77, с. 227).

17 октября

[1] Г. С п е н с е р. Право собственности на землю. Пер. с англ. С. Д. Николаева. М., «Посредник», 1907. Кн. состоит из гл. IX— X соч. Спенсера «Общественная статика», перепечатанных из кн. Г. Джорджа «Запутавшийся философ».

[2] На письмо П. П. Подмарькова от 12 окт. Т. отв. 17 окт. (т. 77, с. 227; текст неточно воспроизв. в Юб. изд. по этой записи Маковицкого: «Книги посылают, какие есть»).

[3] *Г. Москвы*, № 239, 16 окт. («Последние известия»).

19 октября

[1] Письмо к Д. А. Олсуфьеву от 26 сент. (т. 77, с. 206—207).

[2] В тетр. Маковицкого сохр. копия письма Н. А. Шейермана к Г. А. Новичкову от 14 июля об устройстве трудовой колонии.

20 октября

[1] Тема дня: жизнь — это служение — т. II, с. 350—352 (т. 42, с. 159—160).

[2] А. Г а р н а к. Сущность христианства. 16 лекций, прочитанных в Берлинском университете. Вып. 1. СПб., 1906 (*ЯПб*. Кн. не разрезана).

[3] Д. Ш т р а у с. Жизнь Иисуса. СПб., 1907.

[4] В *СМ*, № 10 напеч. стихотв. К. Д. Бальмонта («Морская примета»), Е. Тарасова («На перекрестке»), Л. Василевского («Тени города») и др., рассказы О. Миртова («На берегу»), Н. Осиповича («Воля») и др. (*ЯПб*).

[5] *Р. вед.*, № 239, 19 окт. («Телеграф и телефон»).

[6] Корресп. Н. Н. Сибиряка «Судебный процесс Гардена» (*НВ*, № 11351, 18 окт. в разделе «Внешние известия»).

22 октября

[1] Т. рассказал сказку Х. К. Андерсена «Пятеро из одной шелухи». Полн. собр. сказок. Пер. Марко Вовчка, т. II. СПб., 1872, с. 114—119. Последний эпизод сказки— пятая горошина попадает к больной девочке.

23 октября

[1] Во всех прижизненных собр. соч. Т., изданных С. А. Толстой, в т. IV входили педагогические ст. 1860-х гг.

24 октября

[1] См. т. 77, с. 281.
[2] Письмо И. М. Куртыша было прислано И. Ф. Наживиным при письме от 3 нояб. н. с. На конв. помета Т.: «Списать».
[3] «Научные письма. К вопросу о борьбе с холерой» (№№ 11304, 11323, 11337 и 11351 газ., 1, 20 сент., 4 и 18 окт.).
[4] М. Иванов. Положение русского музыкального общества (под рубрикой «Музыкальные наброски» — № 11355, 22 окт.).

26 октября

[1] Ср. т. 36, с. 168—169.
[2] Том I вышел в изд. «Посредник» в сент.; 3 окт. на него был наложен арест.
[3] В прилож. к «Неделе», к-рую издавал В. В. Битнер, в 1906 г. печатались запрещенные произв. Т-го. Ст. «Что такое религия и в чем сущность ее?» составила 3-й вып.
[4] А. Гикман и А. Ф. Маркс. Всеобщий географический и статистический карманный атлас. Изд. 2-е. СПб., 1903 (*ЯПб*, кабинет Т.).
[5] Ст. «Верьте себе» (т. 37).
[6] Воспоминания Т. относятся ко времени его службы в Дунайской армии (окт. 1854 г.). Бал был устроен в Кишиневе в связи с приездом вел. кн. Николая и Михаила Николаевичей. Т. для Бирюкова этого не записал. О причинах, побудивших Т. просить о переводе в Севастопольскую армию, см. в его письме к С. Н. Толстому от 3 июля 1855 г. (т. 59, с. 321).
[7] Этот эпизод относится к 1838 г. Т. рассказал о нем в гл. 1 «Исповеди» (т. 23, с. 1).

27 октября

[1] Письмо от 27 окт. (т. 77, с. 229—230).
[2] Письмо И. М. Куртыша от 17 окт., витиеватое по стилю, написано не его рукой.

28 октября

[1] Письмо к Д. Д. Кобеко от 28 окт. (т. 77, с. 230—231).
[2] Письмо П. А. Столыпина от 23 окт. в отв. на письма Т. от 26 июля и от 18 окт. Не соглашаясь с учением Г. Джорджа, Столыпин возражал Т-му и отстаивал свою политику хуторского хозяйства. В этом же письме он сообщил, что отдано приказание пересмотреть дело А. М. Бодянского (сб. «Лев Николаевич Толстой». М., 1928 (на обл. 1929), с. 91—93).
[3] Заметка «Отказ от присяги новобранца» (№ 249).
[4] И. Наживин. В долине скорби. М., 1907. Содерж.: «Золотая рота», «Упрощение жизни», «Где Человек?», «Путь к Человеку», «В дни безумья», «Белая опасность», «Карай», «Мой Учитель», «Речь, произнесенная индийским монахом Свами Вивеканандой в обществе «Веданта» в Нью-Йорке», «В долине скорби» (драма).

29 октября

[1] Письмо Д. Д. Кобеко от 29 окт.
[2] См. т. 77, с. 314.

30 октября

[1] № 1 «Теософического обозрения» (окт.— *ЯПб*). Девиз. журн.: «Нет религии выше истины».
[2] М. И. Успенский. Обществоведение в начальной школе. СПб., 1908 (*ЯПб*, дарств. надпись).
[3] Ст. под рубрикой «Письма к ближним»: «Правительство под судом.— Нерадение или усердие? — Шабаш ведьм» (*НВ*, № 11361). В. И. Гурко обвинялся в том, что самовольно заключил договор от имени казны с представителем торгового дома Лидваль и К° швед. подданным Э. Лидвалем на поставку ржи в неурожайные губ. и при этом выдал Лидвалю задаток.

31 октября

[1] J. Batchelor. The Ainu and their Folk-Lore... L., 1901 (*ЯПб*).
[2] Д. Н. Толстой умер 21 янв. 1856 г. О приезде Т. в Орел 9 янв. 1856 г. — см. т. 34, с. 385, и т. 47, с. 65.

2 ноября

[1] 4 письма Т. за 2 нояб. см. в т. 77, с. 231—233 и т. 89, с. 75—78.
[2] Письмо от 31 окт.
[3] Т. ездил покупать лошадей (сент. 1876 г.); случайным попутчиком его был купец (см. т. 83, с. 228).

3 ноября

[1] В *Г. Москвы*, № 254, 2 нояб. под заголовком «Первое заседание Государственного совета» напеч. речь митрополита Антония. На Т. могло произвести благоприятное впечатление суждение Антония о необходимых для гос. деятелей нравственных качествах. Т., видимо, противопоставил этой речи речь Н. А. Хомякова, открыто выражавшего свои верноподданнические чувства Николаю II и вел. кн. Михаилу Николаевичу.
[2] Начало ст. «Американские письма. Потомки богов и героев» за подп. *Мария Г-ская* (*НВ*, № 11365, 1 нояб.).
[3] Корр. не «Круга чтения», а кн. «Свобода. Мысли разных писателей. Собрал Лев Толстой. Из «Круга чтения»». М., «Посредник», 1908. Карлейлю принадлежит изречение: «Послушание хорошо и необходимо, но если это послушание тому, что дурно и ложно, то это, напротив, высшая степень человеческой подлости и унижения».
[4] Письмо от 30 окт. Т. отв. 2 нояб. (т. 77, с. 231).

6 ноября

[1] Письмо от 1/14 нояб., в к-ром Скарзинский просил Т-го поднять свой голос в защиту угнетенных поляков, находящихся в России и в Пруссии.
[2] Телегр. от 2 нояб. из г. Жижкова.
[3] С. Бриллиантов в письме от 28 окт. сообщал Т. об опечатках, пропусках и неточностях в переводе греч. текста, замеченных им при чтении т. I «Соединения, перевода и исследования четырех Евангелий». Т. отв. 7 нояб. (т. 77, с. 234—235).
[4] «Novum Testamentum Graece». Textum ad fidem codicum versionum et patrum recensuit et lectionnis varietatem adjecit D. Jo. J a c. Griesbach. 2-da ed. Vol. I—II. L., 1796—1806 (*ЯПб**).

7 ноября

[1] Очевидно, о нем Т. записал в Дн. 8 нояб.: «Широков, раздраженный, но искренний человек» (т. 56, с. 76).

8 ноября

[1] *Р. вед.*, № 255, 7 нояб.
[2] Письма В. А. Лебрену от 7 нояб., Д. А. Олсуфьеву и Гусеву от 8 нояб. (т. 77, с. 235, 237—239). Гусев письма не получил. Приписки Маковицкого не опубл.

9 ноября

[1] № 1 газ. вышел 4 нояб. Этот № не разошелся, и изд. было прекращено. Об этом Н. Бурдина сообщила Т-му 14 нояб. Письмо Т. в ред. газ. от 9 нояб. см. в т. 77, с. 240. Т. одобрил ст.: «Встань и ходи» (б. подп.), «Суд и осуждение» (Уриеля), «Что делается в России» (Голодный).
[2] Абдулла-аль-Мамун Зураварди прислал при письме от 31 окт. н. с. свою брошюру «The Sayings of Mohammed». Спрашивал, какие из кн. Т. следует переводить в 1-ю очередь. Т. отв. 9/22 нояб. (т. 77, с. 241). 19 изречений из присланной кн. Т. поместил в «На каждый день». Ряд изречений был изд. «Посредником»: «Изречения Магомета, не вошедшие в Коран. Избраны Л. Н. Толстым». Пер. с англ. С. Д. Николаева. М., 1910 (*ЯПб*; т. 40, с. 343—349).
[3] Е. С. Ф е д о р о в. Перфекционизм. Оттиски из журн. «Известия С.-Петербургской биологической лаборатории», т. VIII, вып. 1—2, 1906 (*ЯПб*).

10 ноября

[1] Этого намерения Т. не выполнил.

12 ноября

[1] Ср. *Р. сл.*, № 260, 11 нояб.
[2] Письмо Т. к сестре и ее отв. за это время неизв.
[3] Далее помета Маковицкого: «См. письмо Софронова к Д. П. Маковицкому. Октябрь 1907».
[4] «Из «Путешествия гражданина на «курсы» (Пер. с украинского. Рассказ П. Оправхата)» — об аресте и ссылке полит. «преступников» (№ 259).

13 ноября

[1] К. В а л и ш е в с к и й. Письма с Запада. XXVII. Работоспособная Россия (*НВ*, № 11374, 10 нояб.).
[2] Помета Маковицкого: «Цитировать его». Письмо М. И. Ершовой от 8 нояб. По поруч. Т. ей отв. Гусев; приписка Т. от 28 дек. (т. 77, с. 274—275).
[3] Все указ. выпуски сохр. в *ЯПб*.
[4] Сообщение о том, что амер. миллиардер Д. Рокфеллер будто бы обратился к Т. с письмом, в к-ром просил совета, куда употребить свои богатства, появилось в ряде газ., в сопровождении «ответа» Т-го. Письмо Рокфеллера было сплошным вымыслом; в качестве отв. печатался отр. из письма Т. к П. А. Буланже от 13 янв. 1903 г. (т. 74, с. 13—14).
[5] Известно 2 отв. Маковицкого от 13 нояб.: К. И. Лизунову (т. 77, с. 315) и А. А. Черенину (т. 77, с. 271 — упом. об ответе).
[6] Прошение опубл. по записи Маковицкого (т. 77, с. 282).

14 ноября

[1] На письмо А. А. Черенина от 8 нояб. отв. Маковицкий (т. 77, с. 271). Опубл. в кн.: А. Ч е р⟨е н и⟩н. У великого писателя. Ярославль, 1908, с. 19.
[2] В письме от 30 окт. И. Н. Дерябин подробно изложил историю своего отказа от воен. службы; за этот отказ он был приговорен к 4 годам тюрьмы. На письмо отв. сам Т., а не Маковицкий 14 нояб. (т. 77, с. 243—244).
[3] Анон. заметка (№ 263, 13 нояб.).

15 ноября

[1] Эту тему сообщил Т-му Н. В. Успенский в начале 1860 г. (см. т. 55, с. 587). С. Т. Семенов написал на нее рассказ «Недруги» (изд. «Посредник», 1905), названный Т. в числе «очень хороших» изданий «Посредника» (см. т. 82, с. 208).
[2] М. А. Стахович был убит в 1858 г.
[3] Мысль Паркера о вере — «Круг чтения», т. II, с. 460—461 (т. 42, с. 257).
[4] В повести Т. «Холстомер» упоминается жеребец Атласный (гл. VIII).

16 ноября

[1] Две картины К. Е. Маковского: аллегорическое изображение поэзии и живописи.
[2] Комплект этого журн. сохр. в *ЯПб*.
[3] Вероятно, Т. прочел эти изречения из материалов, подготавливавшихся им для нового «Круга чтения». В изд. кн. их нет.

18 ноября

[1] Чернышевского звали не Николаем Григорьевичем, а Николаем Гавриловичем.
[2] 18 нояб. Н. Г. Сутковой отв. А. Х. Звенигородскому, писавшему 16 нояб. от имени иудеев-евангелистов (т. 77, с. 315—316).
[3] В том же письме, в к-ром С. Бриллиантов писал о неточностях пер. евангельских текстов, он спрашивал и об этом тексте (*Еванг. от Иоанна*, II, 14—15).
[4] *Первое послание Иоанна*, IV, 20.
[5] Во 2-ю гл. фельетона Буренина (псевд. *граф Алексис Жасминов*) «Бесконечно-конечный роман» включены стихи «Легенда о рождении Сына Дьявола», «Милюков и Осел» и «Тога и штаны» (№ 11380, 16 нояб.).

19 ноября

[1] В письме к Т. от 20 окт. Дж. Лесли просил разрешения посетить Ясную Поляну, считая невозможным уехать на родину, не повидавшись с Т. Отв. Т. Л. Сухотина (т. 77, с. 314).
[2] В *НВ*, № 11382, 18 нояб. заметка «В Государственной думе», начинающаяся словами: «Сегодняшнее заседание ознаменовалось печальным инцидентом. За резкость, сказанную д⟨епутатом⟩ Родичевым, его исключили на 15 заседаний». «Муравьевский воротник» и «столыпинский галстук» — казни (повешеньем) в 1860-х гг. и после 1905 г.

20 ноября

[1] Письма А. И. Иконникова от 11 нояб. и А. И. Кудрина от 15 нояб.

23 ноября

[1] Письмо А. Л. Толстого от 21 нояб. с сообщением о болезни жены и с просьбой приехать (*PNP*).

24 ноября

[1] Письмо Т. к Андрею Львовичу от 22 нояб. по поводу его женитьбы (т. 77, с. 247).

26 ноября

[1] А. Б. Гольденвейзер вспоминает слова Т-го: «Моцарт, которого я так люблю, впадает иногда в пошлость, но и поднимается зато потом на необыкновенную высоту» (Н. Гусев, А. Гольденвейзер. Лев Толстой и музыка. Воспоминания. М., 1953, с. 22).

[2] Вероятно, «Vedic Magazine» (*ЯПб*), о посылке к-рого ему сообщал Рама Дева 12 нояб. н. с. (см. т. 77, с. 317).

[3] Письмо С. М. Сухотина от 23 нояб. н. с.

27 ноября

[1] Письмо В. Вялых к Т. от 20 нояб. На конв. Т. написал конспект ответа. Отв. Маковицкий 27 нояб. (т. 77, с. 317—318).

[2] Письмо Н. Б. Нордман-Северовой от 24 нояб.

[3] На письмо Р. Я. Конецкого от 6 дек. н. с. Т. отв. 27 нояб., что разрешения не нужно, т. к. он отказался от нрава собственности на соч., написанные после 1880 г. (т. 77, с. 251—252).

[4] А. Крубер, С. Григорьев, А. Барков, С. Чефранов. Курс географии внеевропейских стран. 2-е изд. М., 1907 (*ЯПб*); Г. И. Иванов. Начальный курс географии. СПб., 1902 (*ЯПб*, дарств. надпись); то же, изд. 2-е, 1903 (*ЯПб*).

[5] И. Горбунов-Посадов, Е. Горбунова и В. Лукьянская. Кругом света. Географическая хрестоматия. Пособие при обучении географии, ч. 1. «Земля — жилище человека». Изд. 4-е. М., 1907.

[6] Ст. М. О. Меньшикова из цикла «Письма к ближним» с подзагол.: «Дело веры», «Источник жизни» и «Единое на потребу» (*НВ*, № 11389, 25 нояб.).

28 ноября

[1] «Народный календарь на 1908 г.». СПб., 1907, с. 86.

[2] Помета Маковицкого: «Цитировать его». Письмо А. В. Репиной от 21 нояб. о несогласии с положением Т. «о непротивлении злу». Просит помочь «разобраться в противоречиях жизни».

29 ноября

[1] Письмо к Т. А. Кузминской от 24 нояб. (т. 77, с. 248—249).

[2] См. запись 16 нояб.

[3] Письмо Черткова от 30 дек. н. с. Т. отв. 8 дек. (т. 89, с. 83—85).

[4] По свидетельству Лебрена, рук. его неизданной ст. о Герцене погибла во время гражданской войны (см. С. А. Розанова. Толстой и Герцен. М., 1972, с. 295).

30 ноября

[1] Письмо А. И. Иконникова от 16 нояб. (адресовано И. Ф. Наживину) переслал вместе со своим письмом к Т-му Наживин (см. ниже).

[2] Письмо Наживина от 10 дек. н. с. Т. отв. 1 дек. (т. 77, с. 253).

[3] Маковицкий написал Черткову по поручению Т. 5 дек. (т. 89, с. 238).

1 декабря

[1] P. Lakshmi-Narasu. The Essence of Buddhism. With an introduction by Anagarina H. Dharmapala. Madras, 1907.

[2] Письмо от 1 дек. (т. 77, с. 253).

[3] Письмо К. Кочуровой от имени группы женской учащейся молодежи к Т. от 27 нояб.

[4] В *Списке* (т. 77, с. 318) отмечено 8 писем, условно датир. концом нояб., без пометы об отв. Возможно, они входят в число писем, на к-рые отв. Маковицкий.

3 декабря

Е. Чижов. Тайны и чудеса божьего мира. Земля и небо. Рассказы о разных странах, о земном шаре, о звездах и планетах со многими рисунками. Изд. 4-е. М., «Посредник», 1907 (*ЯПб*).

[2] О смерти Доротеи Галековой (29 нояб.) П. Гесс сообщил Маковицкому 8 дек. н. с. (*PNP*).
[3] «Пропавший воздушный корабль», подп. *Л.* (*Илл. прилож. к НВ*, № 11395).
[4] *НВ*, № 11395, 1 дек.

5 декабря

[1] Письмо Гусева от 1 дек. было переслано Т-м Черткову (см. т. 89, с. 83).
[2] В ближайшем письме Т. к П. А. Столыпину от 28 янв. 1908 г. (т. 78, с. 41—44) выписок из Герцена нет.

6 декабря

[1] Очевидно, кн. П. Бирюков. Духоборцы. Сб. статей, воспоминаний, писем и др. документов. М., «Посредник», 1908 (вышла из печати в конце 1907 г.).
[2] A. France. Le livre de mon ami. P., 1885.
[3] См. запись 10 янв. 1905 г.

7 декабря

[1] А. Введенский. Непротивление (из «черновых» речей).— *СПб. вед.*, № 260, 23 нояб.
[2] Картина Н. Н. Ге «Петр I допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе» (1871); хр. в *ГТГ*.
[3] Парикмахер из Севска М. А. Митин. Письмо Т. о нем к Горбунову — т. 77, с. 255.

8 декабря

[1] В. А. Бильбасов. История Екатерины Второй, тт. I—II. СПб., 1890—1891.
[2] K. Waliszewski. Le roman d'une impératrice. Упом изд.
[3] Письмо Т. Л. Сухотиной к С. А. Толстой от 2/15 дек.

9 декабря

[1] Чертков приложил к письму к Т. от 10—12 дек. н. с. письма Кузьмина и копии своих писем к Кузьмину и С. Н. Лутохину. Т. отв. Черткову 8 дек. (т. 89, с. 83—85).
[2] Анон. корресп. «Трезвость Финляндии» (*НВ*, № 11401, 7 дек.).
[3] Кн. вышла в Праге в 1903 г. без указ. автора и была прислана Маковицким (*ЯПб*).
[4] В. Брайан посетил Т-го 5 дек. 1903 г.
[5] А. Петрищев. Из области щекотливых вопросов (*РБ*, № 9).
[6] Вл. Кранихфельд. Литературные отклики (*СМ*, № 11).
[7] Ст. Н. Андреева в том же № журн.

10 декабря

[1] В «Заметках» А. Столыпина (*НВ*, № 11402, 8 дек.) цитируются след. строки из письма к нему «одного из сыновей» — А. Л. Толстого: «Не могу не ужаснуться тому, что делается в бедной России. Государя сажают на камень в нескольких верстах от Петербурга, а Льва Николаевича Толстого обстреливают в Ясной Поляне». (Царская яхта «Штандарт» села на каменную мель в Финском заливе.)
[2] «Думские ораторы. М. Д. Челышев. Сорокаградусный вопрос — «Пить или не пить»». Карикатура Боба (*Илл. прилож. к НВ*, № 11402, 8 дек.).
[3] А. М. Хирьяков прислал при письме от 30 нояб. 2 вырезки из газ. «Час» — ст. Ф. Рыбакова «Экспроприации и психоз»» (№ 41, 9 нояб.) и ст. Д. Дриля «Прискорбные явления современности» (№ 54, 25 нояб.). Т. отв. 10 дек. (т. 77, с. 256—257).
[4] П. Л. Успенский прислал Т-му при письме от 3 дек. рук. ст. «Глубокая драма» по поводу убийства в Харькове врача Г. Я. Острянина врачом В. М. Бокитько. С. Л. Толстой переслал эту ст. в ред. *Г. Москвы*, где она была напечатана 2 февр. 1908 г. под псевд. *Петров-Леонидов*. По поручению Т-го Успенскому отв. Маковицкий 10 дек. (т. 77, с. 319). Подробности дела Т. знал из письма к нему врача В. Недригайлова от 28 сент. См. письмо Т. к Д. И. Бобкову-Басову от 15 апр. 1908 г. (т. 78, с. 123).
[5] Письмо П. И. Бирюкова от 7 дек. Т. отв. 15 дек. (т. 77, с. 259—260).
[6] 10 дек. по поруч. Т-го Маковицкий поблагодарил К. Велеминского за присланные фотогр. со скульптур работы Ф. Билека (т. 77, с. 320).
[7] На телегр. Черткова от 8 дек. отв. Маковицкий 16 дек. письмом на имя А. К. Чертковой. Т. отв. ей же — 15 дек. (т. 89, с. 238 и 86).

11 декабря

[1] Помета Маковицкого: «Цитировать письмо Лебрена целиком». В пространном письме от 2—5 дек. В. А. Лебрен рассказывал о своей жизни в последние годы. Т. отв. 11 дек. (т. 77, с. 257).

[2] Помета Маковицкого: «Цитировать письмо и ответ Л. Н.». В письме от 3 дек. (почт. шт.) И. Нестеров от имени двух солдат писал об отказе от воен. службы. По поруч. Т. отв. Маковицкий 11 дек. В *Списке* (т. 77) не отмечено.

[3] Письмо А. И. Иконникова от 27 нояб.

[4] М. О с о р г и н. Картинки тюремной жизни. Из дневника 1906 г. (*РБ*, № 11).

12 декабря

[1] Письмо С. А. Стахович к А. Л. Толстой от 9 дек.

13 декабря

[1] К своим «Воспоминаниям» Т. после 1906 г. не возвращался.

[2] В письме от 11 дек. Э. Р. Стамо сообщала Т. об отправлении ему 2 кн.: H. S. C h a m b e r l a i n. Die Grundlagen des neunzehnten Jahrhunderts. München, 8-te Aufl., 1907 (*ЯПб**, пометы) и кн. неуст. автора «Наше место в вечности». Киев, 1907 (*ЯПб*). Т. отв. 14 дек. (т. 77, с. 258).

14 декабря

[1] См. «Круг чтения» на 1 сент. — т. II, с. 179—183 (т. 42, с. 7—11).

15 декабря

[1] Известно 11 писем Т. за 15 дек. (т. 77, с. 259—264; т. 89, с. 86); из написанных по поруч. Т. известно 5 писем, датированных серединой дек. (т. 77, с. 320).

[2] Н. Г. Сутковой просил об этом в письме от 6 дек., имея в виду, очевидно, письмо Т. к А. М. Добролюбову от 9 окт. 1903 г. (т. 74, с. 200—201). Т. отв. Сутковому 15 дек. (с. 264).

16 декабря

[1] Письмо С. А. Толстой к Т. от 12 дек. (*ПСТ*, с. 768).

[2] В письме от 17 окт. А. Ф. Никитин просил разрешить ему пер. соч. Т-го на чувашский яз. Отв. Маковицкий 16 дек. Т. к его письму сделал приписку (т. 77, с. 265—266).

[3] Известно только 2 письма Т. за 16 дек. (т. 77, с. 265—266). Очевидно, слово *много* относилось к 15 и 16 дек.

17 декабря

[1] Речь идет о Е. Севастьяновой — члене боевой организации социалистов-революционеров (эсеров).

[2] Т. П а р к е р. О вопросах религии и биография автора. Пер. с англ. под ред. В. Черткова. Изд. *Св. сл.* Christchurch, 1901, с. 5.

18 декабря

[1] Письмо Т. С. Трухтанова от 8 дек. Т. отв. 18 дек. (т. 77, с. 267—269).

[2] *НВ*, № 11410, 16 дек.

[3] А. С е л ь с к и й. Трудовые ассоциации (*НВ*, № 11410, 16 дек.). В том же №: М. М е н ь ш и к о в. Письма к ближним (с подзаг.: «Застывшее небо», «Россию жгут», «Застывшие слезы»).

19 декабря

[1] Л. Н. Т о л с т о й. Религия и нравственность. М., «Посредник», 1908 (*ЯПб*).

[2] В действительности было запрещено петерб. изд. «Календаря для всех на 1908 год». Назв. в тексте «Календарь для всех на 1908 год». Составил А. С. Зонов, под ред. Горбунова-Посадова. М., «Посредник», вышел в свет в 1907 г. (*ЯПб*).

[3] Ср. Зап. кн. и Дн. 16 дек. (т. 56, с. 270 и 83).

20 декабря

[1] Премьера драмы Л. Андреева «Жизнь Человека» состоялась в МХТ 12 дек.
[2] Отв. Т. на письмо Г. Сенкевича от 16 дек. н. с. датир. 27 дек. (т. 77, с. 271—273).

21 декабря

[1] Очевидно, ст.: Вс. С у х о д р е в. Дело о сдаче Порт-Артура (*НВ*, 11414, 20 дек.).
[2] №№ 11406, 11409, 11413 от 12, 15, 19 дек.
[3] Т. Н. Ветвинова в письме от 17 дек. просила спасти ее брата, к-рому за участие в экспроприации грозила смертная казнь. 21 дек. Т. обратился к А. Ф. Кони и Д. А. Олсуфьеву (т. 77, с. 269—270). В 1909 г. Ветвинов был приговорен к 8 гг. каторги.

22 декабря

[1] Артисты балета М. Р. Костровский и А. А. Поспехин (см. *Гольденвейзер*, с. 164; т. 75, с. 244).

23 декабря

[1] Отв. Э. Р. Стамо от 18 дек. на письмо Т. от 14 дек. (см. запись 13 дек.).
[2] Письмо В. Немрава от 16 дек. н. с. Отв. Маковицкий (т. 77, с. 322); письмо А. В. Варгальского от 13 дек. Т. отв. 12 янв. 1908 г. (т. 78, с. 14).

24 декабря

[1] Ср. изречение Лабрюйера в назв. выше кн. «Избранные мысли Лабрюйера...», с. 187.

25 декабря

[1] Письмо б. поди. (почт. шт. 21 дек.) с вырезкой из газ. «Наш понедельник»: «Что делается в «Ясной Поляне» (Письмо крестьянина)».
[2] В дн. Гусева за 25 дек. (с. 70) отмечено, что В. П. Свенцицкий прислал Т-му свою новую кн. «Антихрист (Записки странного человека)». СПб., 1908 (*ЯПб*, дарств. надпись).
[3] В письме Шкарвана от 31 дек. н. с. излагалась легенда «Чудо на мельнице» — из кн.: «Народные русские легенды, собранные А. Н. Афанасьевым». М., 1859, с. 5.

26 декабря

[1] А. Черенин приезжал к Т-му 2 июля 1907 г. В студенческие годы он часто бывал у Толстых в Хамовниках.
[2] В арх. Т. сохр. черновик надписи к фотогр., видимо, подаренной Ландовской: «A madame Vanda Landowsky. En souvenir des journées de 24, 25 Déc. 1907» (т. 77, с. 282).

27 декабря

[1] В *ГМТ* сохр. восп. Р. А. Рудкова «Рассказ солдата Р. Р. о своих приключениях», с датой 27 дек. 1907 г. Рук. с пометами Т.
[2] Пьеса «Жизнь человека», среди персонажей к-рой фигурирует «Некто в сером».
[3] Постановка спектакля «Горе от ума» была осуществлена в 1906 г. В. И. Немировичем-Данченко.
[4] Трагедия А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович» была поставлена МХТ в 1898 г.
[5] «Борис Годунов» был поставлен в МХТ В. И. Немировичем-Данченко и В. В. Лужским в 1907 г. (первое представление 10 окт.).

28 декабря

[1] «Круг чтения» на 23 дек.— т. II, с. 583 (т. 42, с. 375).
[2] См. запись 20 дек. Сохранившиеся в арх. матер. к письму Т., адресованному Г. Сенкевичу (автограф, машиноп. копия с правкой Т., и рук. копия текста, датированного 27 дек.) на рус. яз. Впервые опубл. на франц. яз. в «Matin» (1908).
[3] Последняя повесть из трилогии В. Микулич (Л. И. Веселитской): «Мимочка-невеста» (*ВЕ*, 1883, № 9), «Мимочка на водах» (там же, 1891, №№ 2—3) и «Мимочка отравилась» (там же, 1893, №№ 9—10).

29 [декабря]

[1] Очевидно, Т. имел в виду след. мысль: «Разумением жив человек. Никогда не приписывай свойства жизни телу-сосуду, заключающему в себе эту внутреннюю силу. Вся оболочка человека жива лишь этой силой разумения, без нее она — как челнок без ткача, перо без писца» («Мысли мудрых людей на каждый день», с. 369; *ЯП6*).

[2] О петерб. «Кружке Герцена», руководимом В. Я. Богучарским и Ф. И. Родичевым и придерживавшемся кадетской ориентации, см. в *ЛН*, т. 63, с. 832.

[3] К. Р. Качоровский. Русская община. Возможно ли, желательно ли ее сохранение и развитие? Изд. 2-е. М., 1906.

30 декабря

[1] Письмо А. Л. Толстого от 21 дек. в связи с болезнью жены. Он просил Маковицкого приехать (*PNP*).

[2] При письме к Т. от 21 дек. В. А. Молочников прислал копию своего письма к П. А. Столыпину, в к-ром убеждал министра изменить внутреннюю политику и прекратить смертные казни.

СОДЕРЖАНИЕ

ДНЕВНИК

1906

Январь 7
Февраль 36
Март 64
Апрель 94
Май 127
Июнь 151
Июль 170
Август 192
Сентябрь 225
Октябрь 249
Ноябрь 291
Декабрь 315

1907

Январь 346
Февраль 364
Март 388
Апрель 405
Май 425
Июнь 443
Июль 468
Август 468
Сентябрь 495
Октябрь 524
Ноябрь 551
Декабрь 577

ПРИМЕЧАНИЯ

1906 609
1907 651

Литературное наследство,
том 90

У Толстого
1904 — 1910

«ЯСНОПОЛЯНСКИЕ ЗАПИСКИ» Д. П. МАКОВИЦКОГО
КНИГА ВТОРАЯ
1906—1907

Утверждено к печати
Институтом мировой литературы им. А. М. Горького
Академии наук СССР

Редакторы издательства
Е. В. Белова, В. Ч. Воровская, Г. А. Гудимова
Художественный редактор *С. А. Литвак*
Технический редактор *Л. Н. Золотухина*
Корректоры
И. Р. Бурт-Яшина, О. В. Лаврова, Б. И. Рывин

ИБ № 5498

Сдано в набор 11.04.78
Подписано к печати 05.04.79. А-11267
Формат 70×108¹/₁₆. Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая
Усл. печ. л. 60,4. Уч.-изд. л. 63,4. Тираж 15000 экз.
Тип. зак. 1003
Цена 8 р. 20 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

8р.20 к

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

8 р. 20 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА ·